

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Цыганков Дмитрий Андреевич

**Формирование сообщества профессиональных историков в Московском
университете во второй половине XVIII – начале XX века**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 1

МОСКВА – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ	24
1.1. Характеристика источниковой базы	24
1.2. Обзор историографии	52
1.2.1. Сообщество профессиональных историков в Московском университете в работах по истории исторической науки	52
1.2.2. Сообщество профессиональных историков в работах по истории Московского университета	64
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕНОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ И ИСТОРИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: 1755–1835	70
2.1. Трансфер и адаптация институтов науки в XVIII – начале XIX вв.	70
2.2. Первые профессора-историки Московского университета	80
2.2.1. Ф.Г. Дильтей: первый лектор истории	80
2.2.2. Ученики И.К. Готшеда: Х.Г. Кёльнер и Х.Г. Рейхель	89
2.2.3. Первый русский преподаватель истории: Х.А. Чеботарев	119
2.2.4. И. Виганд: миссионер на исторической кафедре	138
2.3. Влияние устава 1804 г. и нормативной практики первой трети XIX в. на формирование профессионального сообщества историков в Московском университете	146
2.4. Профессора кафедры всемирной истории, географии и статистики в первой четверти XIX в.	154
2.5. М.Т. Каченовский и новые тенденции в формировании сообщества историков в Московском университете в первой трети XIX в.	157

2.5.1. М.Т. Каченовский в исследовательской литературе	157
2.5.2. Карьера М.Т. Каченовского в университете	165
2.5.3. Каченовский как преподаватель	173
ГЛАВА 3. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СООБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ЭПОХУ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА С.Г. СТРОГАНОВА	187
3.1. Роль попечителя в модернизированном университете: С.Г. Строганов	188
3.2. Возникновение новых исторических кафедр	197
3.3. Первый профессор кафедры российской истории: М.П. Погодин	201
3.4. Т.Н. Грановский как новый тип профессора-историка	233
3.4.1. Путь Т.Н. Грановского к профессорству	233
3.4.2. Формирование этики профессорского служения: крыловская история	249
3.4.3. Грановский как лектор	261
3.4.4. История как наука и идея всеобщей истории	265
3.5. П.Н. Кудрявцев как профессор Московского университета	280
3.6. С.М. Соловьев как профессор Московского университета	294
3.6.1. Общие подходы к изучению творчества С.М. Соловьева	294
3.6.2. С.М. Соловьев и Московский университет эпохи его студенчества	299
3.6.3. Заграничная стажировка русского историка	306
3.6.4. Вхождение в научную корпорацию	312
3.6.5. С.М. Соловьев как лектор	321
3.6.6. Педагогическая доктрина С.М. Соловьева	329
3.7. Диспут как элемент университетской культуры в эпоху С.Г. Строганова	343
3.7.1. Диспут как процедура: становление в университетском пространстве	343

3.7.3. Формирование диссертационной культуры в диспутационной практике московских историков	348
--	-----

Том 2

ГЛАВА 4. У ИСТОКОВ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СООБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1850–1884)	2
4.1. Штатные должности и кафедры историко-филологического факультета Московского университета	2
4.2. Практика замещения вакантных штатных должностей на историко- филологическом факультете Московского университета	10
4.3. Проблема разделения историко-филологического факультета	29
4.4. Семинары на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е – начале 1870-х гг	37
4.5. С.В. Ешевский: ученик из круга Т.Н. Грановского – С.М. Соловьева	54
4.6. Н.А. Попов как профессор Московского университета	71
4.7. В.И. Герье как профессор Московского университета	90
4.7.1. В.И. Герье в современной исследовательской литературе	90
4.7.2. На пути к кафедре	97
4.7.3. В.И. Герье как лектор	111
4.7.4. Семинар Герье как школообразующая практика	119
4.7.5. Коммуникации В.И. Герье с учениками	128
ГЛАВА 5. МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ИСТОРИКОВ (1884–1911)	170
5.1. Память о Т.Н. Грановском в сообществе московских историков	170
5.2. Память о С.М. Соловьеве в сообществе московских историков	192
5.3. Учебный план историко-филологического факультета	203
5.4. В.О. Ключевский как профессор Московского университета	223
5.4.1. В.О. Ключевский в исследовательской литературе	223
5.4.2. Путь к профессуре	234
5.4.3. Первые подходы к «Курсу русской истории»	256

5.4.4. Курс русской истории В.О. Ключевского как явление университетской жизни	265
5.4.5. Коммуникации В.О. Ключевского с учениками и коллегами	280
5.5. П.Г. Виноградов как профессор Московского университета	289
5.5.1 Университетская карьера П.Г. Виноградова	289
5.5.2. Коммуникации П.Г. Виноградова с учениками и коллегами	306
5.6. В.И. Герье и П.Г. Виноградов: сотрудничество в работе по подготовке научной смены	338
5.7. Диссертационная культура московских историков во второй половине XIX – начале XX вв	348

Том 3

ГЛАВА 6. ИНСТИТУТ ПРИВАТ-ДОЦЕНТУРЫ И ЕГО РОЛЬ В СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ НА ФАКУЛЬТЕТЕ	2
6.1. Особенности функционирования системы приват-доцентуры на историко-филологическом факультете в конце XIX – начале XX вв	2
6.2. Приват-доцентура на факультете как завершающий этап научной карьеры в московской школе историков	11
6.2.1. С.Ф. Фортунатов как преподаватель	11
6.2.2. В.Е. Якушкин как преподаватель	19
6.2.3. П.Н. Милюков как новый тип преподавателя	26
6.2.4. Н.А. Рожков: из науки в политику	43
6.2.5. С.А. Котляревский: историк, ставший правоведом	47
6.2.6. С.В. Бахрушин как преподаватель	52
ГЛАВА 7. ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СООБЩЕСТВЕ МОСКОВСКИХ ИСТОРИКОВ	59
7.1. М.С. Корелин как профессор Московского университета	59
7.2. Р.Ю. Вишпер как профессор Московского университета	94
7.3. М.К. Любавский как профессор Московского университета	116
7.4. Д.М. Петрушевский как профессор Московского университета	133

7.5. А.Н. Савин как профессор Московского университета	137
7.6. М.М. Богословский как профессор Московского университета	150
7.7. И.И. Иванов как профессор Московского университета	161
7.8. Ю.В. Готье как профессор Московского университета	165
7.9. А.А. Кизеветтер: путь к профессуре в Московском университете	171
7.10. Д.Н. Егоров: путь к профессуре в Московском университете	180
7.11. А.И. Яковлев: путь к профессуре в Московском университете	183
ГЛАВА 8. МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ИСТОРИКОВ В СИТУАЦИИ КРИЗИСА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: 1911–1917	189
8.1. Кризис Московского университета в 1911 г	189
8.2. Память о В.О. Ключевском в сообществе московских историков	200
8.3. Проблема лидерства в сообществе московских историков	206
8.4. Подготовка историков в начале XX вв	213
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	225

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность. Под влиянием социальной истории, социальной истории науки, интеллектуальной истории и истории повседневности кардинальным образом изменились представления об ученых и их повседневной жизни. От истории изобретений, открытий, революционных прорывов и крутых смен научных парадигм исследователи постепенно перешли к изучению тех структур, которые определяют нормальное функционирование науки и этос поведения человека науки¹.

Нормальное функционирование науки обеспечивают прежде всего институты науки: академии, университеты, научные общества и т.п. Изучение институтов науки показало, что они не только не являются чем-то неподвижным, но и сами подвержены как структурным, так и функциональным изменениям, существенным кризисам, как правило, длительным, серьезно их преобразующим². Некоторые изменения в институтах науки являются естественными для нее, отвечают ее внутренним закономерностям. Однако в определенные периоды исторического развития новации в институтах науки могут вызываться внешними для мира ученых влияниями.

Изучение коммуникаций в мире ученых привело к антропологизации исследований, посвященных ученым. Особое внимание стали привлекать «ритуалы науки», «символический капитал науки», нормы и девиации в поведении ученых. Естественно, встал вопрос об интеллектуальном лидерстве ученых внутри

---

¹ *Merton R. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago, 1973; Мурская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11. Этос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 11–28.*

² *Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003; Колчинский Э.И. Наука и кризисы в XX в. Некоторые результаты сравнительного анализа // Реформы науки и техники в РФ и КНР: итоги и перспективы. Материалы международного форума. КНР, Пекин, 17–18 октября 2005 г. СПб., 2009. С. 23–32.*

научных институций, рассматривалась роль ученых в формировании научных школ, национальных элит и управлении обществом и государством³.

Наконец, интерес стали вызывать различные профессиональные группы внутри научного сообщества, обстоятельства их формирования, характерные черты, открытость или закрытость внешнему миру.

Объектом исследования является сообщество профессиональных историков в Московском университете – малая социальная группа интеллектуалов, объединенная образовательным процессом и разнообразными научными коммуникациями на историко-филологическом факультете Московского университета.

Предмет исследования – коммуникации внутри этого сообщества, в результате которых формируются профессиональные навыки и компетенции членов социальной группы.

Цель работы – выявление основных закономерностей формирования и функционирования сообщества профессиональных историков в Московском университете во второй половине XVIII – начале XX века.

Для достижения цели исследования предполагается решение ряда **исследовательских задач**:

- выявить влияние, которое оказал трансфер институтов науки из Европы на формирование профессии историка в России;
- определить роль профессоров исторических кафедр Московского университета в создании профессионального сообщества историков в Московском университете;
- исследовать характер личных связей «учитель – ученик» в Московском университете;
- охарактеризовать основные черты московской школы историков.

Хронологические рамки работы определяются проблематикой исследования. Нижняя граница связана с созданием в 1755 г. Московского

---

³ Шарль К. Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX в. М., 2005; Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. М., 2008; Бурдые П. Homo academicus. М., 2017.

университета и появлением в нем первых историков по должности. Верхняя граница обусловлена ситуацией кризиса Московского университета в 1911 г. и смертью Василия Осиповича Ключевского – профессора, который в восприятии многих универсантов ассоциировался с московской школой историков. Однако придется выходить и за верхнюю границу (до середины 1917 г.), чтобы завершить рассмотрение процессов, связанных с ситуацией 1911 г. Ведь именно в 1917 г. в университет вернулись историки А.А. Кизеветтер, Д.М. Петрушевский, Д.Н. Егоров, С.Ф. Фортунатов, покинувшие его в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А. Кассо.

Территориальные границы исследования обусловлены его проблематикой – это пространство Московского университета, представляющее собой центр коммуникаций историков разных поколений.

Степень изученности проблемы. Начиная с 1970-х гг. (отдельные попытки предпринимались в 1930-е гг.) стал меняться характер исследований по истории исторической науки, с одной стороны, и социальной истории университетов и социальной истории науки – с другой⁴. Появились работы, лежащие на стыке этих подходов, формировавшие новое проблемное поле исследований. В них отчетливо был поставлен вопрос о региональной специфике развития исторической науки в дореволюционной России, прежде всего о московской и петербургской школах историков⁵. Изучалась проблема преемственности в исторических исследованиях

---

⁴ См., например: *Гиндилис Н.Л.* Становление и развитие науковедения в XX веке // *Социология науки и технологий.* 2015. Т. 6. № 1. С. 98–104.

⁵ *Цамутали А.Н.* Особенности развития русской историографии в конце XIX – начале XX в. // *Историческое познание: традиции и новации. Тезисы Международной теоретической конференции.* Ижевск, 26–28 октября 1993 г. Ижевск, 1993. Ч. 1. С. 166–168; *Ананьич Б.А., Панях В.М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // *Отечественная история.* 2000. № 5; *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004.

между досоветским и советским периодами⁶. По-новому осмыслялся кризис исторической науки на рубеже XIX–XX вв.⁷

Создание теоретико-понятийного аппарата для исследований научных сообществ происходило в связи с обсуждением термина «школа» в науке⁸. Особый интерес к этой теме был поднят после публикации работы Т. Куна «Структура научных революций»⁹.

Для понимания научной школы как феномена в истории науки заслуживают внимания работы американского социолога А. Тирикьяна и немецкого науковеда Х. Лайтко. Эти исследователи уделили особое внимание социальным компонентам научных школ – «связи учителей с учениками». Тирикьян предложил 4 критерия для подтверждения факта существования школы: 1. Интеллектуальная, харизматическая личность – основатель школы. 2. Институализированность школы внутри профессионального научного сообщества – например, университет с высокой репутацией. 3. Возможность заявить о своих взглядах через собственный журнал. 4. Профессиональная программа¹⁰.

Лайтко описал разные модели связей лидера школы с входящими в нее учеными. Первая модель – это школа с центрально ориентированной структурой, поддерживающая себя с помощью постоянных контактов. Для такого объединения ученых характерна группировка учеников вокруг учителя. Вторая модель – школа с центрально ориентированной структурой, но без четкой системы коммуникации. Такая школа является объединением сторонников носителем общих идей. Третья модель – школа без центра, но с кооперацией – группа равных ученых. Четвертая

---

⁶ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008.

⁷ Леонтьева О.Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX–XX вв. в понимании современной историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Т. 157. № 3. С. 68–75.

⁸ Школы в науке. М., 1977.

⁹ Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago; London; Toronto; 1962. Русский перевод: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

¹⁰ Tiryakian E.A. *The Significance of Schools in the Development of Sociology // Contemporary Issues in Theory and Research. A Metasociological Perspective* / Ed. by W.E. Snizen, E.R. Fuhrman, M.K. Miller. Westport, Con.; London, 1979. P. 211–233.

модель – школа без центра и без прямой коммуникации, объединяющая индивидуалистов с общим направлением исследований¹¹.

Построенные учеными теоретические модели возникновения, развития и функционирования научных школ дали возможность перенести исследования в практическую плоскость. Особенно важно это было для развития точных и естественных наук, где в это время решался вопрос о необходимых условиях финансирования коллективных исследований. Впрочем, и историки гуманитарных наук стали уделять проблеме научных школ пристальное внимание. Первоначально был поставлен вопрос о применимости и сущностном наполнении термина «научная школа» в исследованиях по истории исторической науки¹². В дальнейшем исследователи попытались отказаться от формального использования термина «школа» и создать работы, в которых под то или иное понятие школы была бы подведена адекватная теоретическая и источниковая база.

Для выделения той или иной школы в исторической науке историки использовали находящиеся в источниках личного происхождения упоминания о том или ином сообществе историков. Изучались не реалии складывания школы, а степень понимания единства этой общности ее представителями. Безусловно, четкое осознание представителями объединения ученых своего положения в более универсальной системе является непременным условием существования сообщества интеллектуалов. Но это осознание всегда возникает спустя некоторое время после формирования школы, что может стать причиной неадекватного описания целевых установок и ценностей того или иного сообщества. Так, традиции сообщества профессиональных историков в Московском университете благодаря воспоминаниям П.Н. Милюкова и речи перед защитой диссертации А.Е. Преснякова стали противопоставляться традициям петербургским. Как следствие, вместо объяснения механизма создания отличных друг от друга региональных

---

¹¹ Лайтко Г. Научная школа – теоретические и практические аспекты // Школы в науке. М., 1977. С. 217–247.

¹² Беленький И.Л. К проблеме наименования школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки: межвузовский тематический сборник. Калинин, 1978. С. 64–65.

школ историков констатировался факт их непохожести. Но обнаруженные различия – это следствие долгого процесса развития сообществ профессионалов, а не культурная данность, как это полагают некоторые исследователи¹³.

Развернувшиеся дискуссии по проблеме идентификации школообразующих практик¹⁴ позволили подчеркнуть тот факт, что формирование школы – сложное явление, определяющееся множеством факторов, к которым относятся: личность главы школы, особенности коммуникации в научном центре представителей разных поколений ученых, внешнее давление на научный центр.

В целом удачной для определения понятия «школа» представляется концепция С.И. Михальченко. Основываясь на изучении киевской школы историков, исследователь указал на следующую «иерархию критериев» для ее выделения: «педагогическое общение как следствие отношений основателя школы и его учеников», общие «методы и принципы обработки источников», «методологическая (теоретическая, философская) общность», «близость в конкретно-исторических построениях и тематике исследований»¹⁵.

Таким образом, можно сказать, что возникший в конце 1970-х гг. интерес к университетским школам в исторической науке позволил сделать более определенным понятие «московская школа историков». При этом не до конца остается исследованным вопрос о вкладе отдельных ученых – Т.Н. Грановского¹⁶,

---

¹³ Цыганков Д.А. Исследовательские традиции московской и петербургской школ историков // История мысли. Русская мыслительная традиция. М., 2005. С. 66–77.

¹⁴ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 45–61; Гутнов Д.А. Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. № 3. С. 40–53; Погодин С.Н. Научные школы в исторических науках // Клио. 1998. № 2. С. 14–26; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Опыт «Русской исторической школы». Казань, 2000. С. 7–108; Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Омск, 2001. С. 77–81; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; Бон Т.М. Русская историческая наука. Павел Николаевич Милюков и московская школа. М., 2005; Бажанова А. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915. Просвещение, наука, политика. Люблин, 2014.

¹⁵ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западнорусского права). Брянск, 1996. С. 12–13.

¹⁶ Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989.

С.М. Соловьева¹⁷, Н.А. Попова¹⁸, В.И. Герье¹⁹, В.О. Ключевского²⁰, П.Г. Виноградова²¹ и других историков Московского университета²² – в создание сообщества профессиональных историков в Московском университете. Только разрабатывается вопрос о роли учеников лидеров сообщества рубежа XIX–XX вв. в поддержании традиций школы²³.

Источниковую базу исследования составил большой массив источников, который может быть сведен к следующим группам. Во-первых, это законодательство и нормативные документы. Во-вторых, это материалы официального делопроизводства. В-третьих, документы личного происхождения. В-четвертых, материалы научно-педагогического характера. В-пятых, материалы периодической печати.

К законодательным источникам относятся университетские уставы, опубликованные в ПСЗ (все собрания), а также нормативные документы, размещенные в ведомственных изданиях – Сборнике постановлений Министерства народного просвещения, Сборнике распоряжений Министерства народного просвещения, официальной части «Журнала Министерства народного просвещения».

---

¹⁷ *Цимбаев Н.И.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1990; *Кучурин В.В., Дубровский А.М.* Сергей Михайлович Соловьев: научно-педагогические взгляды и преподавательская деятельность. Брянск, 2022.

¹⁸ *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

¹⁹ *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969; *Кирсанова Е.С.* Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск, 2003; *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009; *Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в.). Чебоксары, 2010; *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.

²⁰ *Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.

²¹ *Антощенко А.В.* Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010.

²² *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милуков и А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милуков: труды и дни. Рязань, 2001.

²³ *Сафронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976; *Сафронов Б.Г.* Вопросы исторической теории в трудах М.С. Корелина. М., 1984. *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992.

Вторую группу источников составляет делопроизводственная документация. Она представлена прежде всего протоколами и журналами Совета историко-филологического факультета, а также Совета университета. И в университетском, и в министерском архиве сохранились формулярные списки профессоров Московского университета. Для нас важны делопроизводственные материалы канцелярии университетского Совета, Правления, а также канцелярии попечителя. Материалы делопроизводства позволяют детально рассматривать все этапы университетской карьеры профессоров, доцентов, приват-доцентов и оставленных для подготовки к профессорскому званию.

Третью группу источников составляют документы личного происхождения – воспоминания, дневники, письма. Без источников этой подгруппы невозможно рассмотреть вопросы коммуникативной культуры московских историков, поставить вопросы персональной и антропологически ориентированной истории научных сообществ.

Практически все воспоминания московских историков – И. Виганда, М.П. Погодина, С.М. Соловьева, В.И. Герье, М.М. Богословского, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, С.В. Бахрушина, А.И. Яковлева и др. – предназначались для длительного хранения и потенциального прочтения потомками. Дневники, которые затрагивают схожие с воспоминаниями вопросы, но не всегда предназначены для посторонних глаз, также велись историками – М.П. Погодиным, В.О. Ключевским, М.С. Корелиным, А.Н. Савиным, М.М. Богословским, Ю.В. Готье. В ситуации отсутствия дневников их роль могут играть письма, которые выявлены у подавляющего большинства изученных нами историков. Часто воспоминания – это самопрезентация сообщества для внешнего мира или близких людей, в то время как дневники и переписка – саморефлексия по широкому кругу проблем, направленная на понимание университетского пространства.

Четвертая группа источников – это материалы научно-педагогического характера. Они делятся на три подгруппы.

Первую подгруппу составляют научные работы историков. Статьи историков отражают этапы подготовки диссертации, переосмысление тех или иных вопросов, важных для исследователя. Обстоятельства их подготовки, история публикаций в журналах, прохождение через экспертную среду позволяют говорить о традициях и новаторстве в историческом исследовании, востребованности тех или иных идей в профессиональном сообществе, общественном мнении. Также вполне возможно при изучении публикационной истории статьи затронуть вопросы самоцензуры и внешней цензуры историков. Диссертации и монографии историков показывают сложившиеся взгляды ученых.

Вторую подгруппу составляют материалы педагогической деятельности историков: литографированные курсы историков, автографы лекций, учебники, планы лекционных и семинарских занятий. Литографированные курсы, растиражированные с согласия профессора или без его разрешения, как правило, сравниваются с сохранившимися в личных архивных фондах историков материалами для лекций – планами, тезисами, полными текстами лекций. Подобное сравнение позволяет как уточнить некоторые высказывания лекторов, так и показать сложность восприятия тех или иных тем для студенческой аудитории²⁴.

На основе литографий в конце XIX – начале XX в. начинается издание профессорских лекций типографским способом. История создания «Курса русской истории» В.О. Ключевского – отдельная тема, требующего специального исследования. Для создания окончательного текста курса Василий Осипович использовал как собственные записи лекций, так и литографированные издания студентов. Опубликованный курс Ключевского восходит к его реальным лекциям, но не тождественен им. Интересен и опыт публикации учебников московскими историками²⁵.

---

²⁴ *Иванова Т.Н.* Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX в. как исторический источник // Сообщество историков высшей школы России. Научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 25.

²⁵ *Соловьев С.М.* Учебная книга по русской истории. М., 1859; *Ключевский В.О.* Краткое пособие по русской истории. Частное издание только для слушателей автора. М., 1899.

Третья подгруппа – публицистика. В работе особое внимание уделено статьям и речам историков об университете и собственных предшественниках, которые имеют коммеморативный характер. Такие тексты хорошо показывают позиционирование ученого в рамках научного сообщества, его просветительскую позицию.

Пятая группа источников – материалы периодической печати. Газеты и журналы могут дать большой объем информации о происходящем в университете, поскольку в них содержится описание университетских праздников, запотоколирован процесс защиты диссертаций, показаны университетские конфликты. Весьма представительными в связи с этим являются так называемые профессорские газеты и журналы. Прежде всего это газеты «Московские ведомости» и «Русские ведомости», журналы «Вестник Европы» (как первый журнал в годы редакторства М.Т. Каченовского, так и второй журнал – журнал М.М. Стасюлевича), «Москвитянин», «Русская мысль» и некоторые другие.

Методологическая основа исследования. Методологическим новшеством данной работы будет попытка дать определение московской школе историков не с точки зрения истории исторической науки, как это делалось раньше, а с точки зрения социальной истории.

В связи с этим представляется важным отказаться от того сопутствующего представления о школах, которое возникло в результате изучения этой темы в работах по истории исторической науки, где задача исследования «школы» заключалась в том, чтобы соотнести то или иное представление о «школе» с «направлением» или «течением» в науке²⁶. Такая трактовка понятия «школа» связывает это концепт с общеисторическими теориями и понятиями, а не с реальными отношениями (коммуникациями) между учеными, которые рассмотрены в данном исследовании.

Школа под предлагаемым в настоящей работе углом зрения – прежде всего социальный институт в университетском пространстве, внутри которого молодыми учеными, входящими в науку, приобретает особый

---

²⁶ Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1985. С. 9–10.

профессиональный опыт. Школа под таким углом зрения является одним из элементов формирования личности (личностные коммуникации «учитель – ученик», а также коммуникации «ученик – ученик»), создает поколенческие («ученик – ученик») и межпоколенческие научные связи («учитель – ученик») и ощущение единства. Кроме того, школа формирует ценности и целевые установки, которые могут быть следствием как воздействия внешней среды – социальный заказ государства, требования общества, так и внутреннего развития школы – инициатива учеников, педагогический опыт и педагогическая доктрина учителя.

В диссертации понятие «сообщество» используется как более широкое по отношению к понятию «школа». Понятие «московская школа историков» применяется для характеристики системы подготовки историков в Московском университете на рубеже XIX – начала XX в.

При изучении влияния учителей на учеников в Московском университете используется концепция М. Полани о важности «неявного знания» в процессе формирования профессиональных ценностей²⁷. Полани с помощью введенного им в научный оборот конструкта пытался связать регламентированное, безличное знание – правила, исследовательские процедуры, добытые результаты, – существующее в той или иной науке и используемое исследователем, с «личностным» знанием, приобретаемым посредством вхождения в науку через обучение, личный опыт общения с учителями, коллегами. В связи с этим особый интерес уделяется таким историкам Московского университета, как Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, В.И. Герье, П.Г. Виноградов, и другим профессорам-историкам, их влиянию на учеников.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые формирование профессии историка в России в пространстве Московского университета представлено как история развития малой социальной группы, состоящей из учителей и учеников. Особое внимание уделяется личным

---

²⁷ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В.А. Лекторского, В.А. Аршинова; пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М., 1995.

характеристикам лидеров сообщества, их педагогическим доктринам, коммуникациям в научном пространстве, влиянию на учеников.

На основе комплексного изучения источников рассмотрены университетские карьеры историков, показана связь между процедурой получения ученой степени и вхождением в корпорацию университета. Уделено внимание влиянию лидера сообщества (дуайена) на его состав²⁸.

В научный оборот впервые массово вводятся делопроизводственные документы Московского университета – представления профессоров об оставлении для подготовки к магистерским экзаменам, инструкции магистрам, а также некоторые документы личного происхождения – дневник М.С. Корелина, воспоминания В.И. Герье и письма его учеников.

Теоретическая значимость состоит в том, что в работе показано функционирование сообщества профессиональных историков Московского университета на протяжении длительного периода времени внутри «университетского пространства»²⁹. Последнее понятие активно используется в современных работах по истории университетов в России. Под университетским пространством понимается та среда – малые социальные группы, университетские корпорации, университетский город, – в которой происходит выработка научного знания. Программа исследований этой проблематики сформулирована прежде всего в работах Е.А. Вишленковой, И.П. Кулаковой, Е.Ю. Малышевой, А.А. Сальниковой, Е.А. Ростовцева, хотя классические работы А.Е. Иванова³⁰, Ф.А.

²⁸ *Baumgarten M.* Professoren und Universitäten im 19 Jahrhundert. Zur Sozialgeschichte deutscher Geistes- und Naturwissenschaftler. Göttingen, 1997; На русском языке см.: *Маурер Т.* «Барометры» или «Маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.

²⁹ *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. М., 2005; *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М., 2006; *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017.

³⁰ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991; *Он же.* Студенчество России конца XIX – начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999; *Он же.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Он же.* Мир русского студенчества. 80-е годы XIX – начало XX в. Очерки. М., 2010; *Он же.* Ученое достоинство Российской империи. XVII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016; *Он*

Петрова³¹, Г.И. Щетининой³², Р.Г. Эймонтовой³³ по истории университетов в России, безусловно, стали базой для этих подходов.

Важное теоретическое значение для настоящего исследования имеет понятие «университетская модель», которое в отечественной науке обосновал А.Ю. Андреев³⁴. Исследователь описал несколько идеальных моделей университета как социального института в Европе – «доклассический», «классический» и «постклассический» университеты³⁵. Историк использовал также понятие «модернизированный университет», прежде всего для изучения немецких протестантских университетов XVIII в. Обычно в европейской истории переход от доклассической к классической модели относят к периоду около 1800 г. и непосредственно соотносят с другими крупными социальными переменами в Европе конца XVIII – начала XIX в. А.Ю. Андреев показал, что идеи «классического» университета в России с определенными отклонениями вводились практически одновременно с немецкой классической моделью и одним из идеологов этой системы был С.С. Уваров³⁶. В данной работе будут активно использоваться концепции, связанные с «доклассической» и «классической» моделями университета.

Практическое значение проведенного исследования состоит в том, что изучена история формирования профессии историка в пространстве Московского

же. Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века. Избранные статьи. М., 2019; *Он же*. Университеты и власть в Российской империи. Начало XX века. М., 2023.

³¹ *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и устав 1804 года. М., 2002; Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. М., 2002; Т. 3. Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. М., 2003; Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. Ч. 2. Студенчество. М., 2003.

³² *Щетинина Г.И.* Университеты в России и университетский устав 1884 года. М., 1976; *Она же*. Идеальная жизнь русской интеллигенции, конец XIX – начало XX в. М., 1995.

³³ *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

³⁴ *Андреев А.Ю.* Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 48–60.

³⁵ *Он же*. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

³⁶ *Он же*. «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в. // Отечественная история. 2004. № 2. С. 37–55.

университета. Это дает возможность использовать материалы работы в трудах по истории Московского университета и истории исторической науки.

Достоверность результатов исследования обеспечивается обширной источниковой базой, построенной на опубликованных и архивных источниках из 10 архивохранилищ (Москва, Санкт-Петербург), а также соблюдением в работе принципов научности, объективности, историзма.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на кафедре истории России XIX – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные положения диссертации и ее выводы отражены в 32 научных работах диссертанта общим объемом 200,6 п.л., в том числе в 22 работах общим объемом 18,2 п.л. в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Результаты исследовательской работы диссертанта апробировались в выступлениях на международных и российских конференциях, отражены в энциклопедических статьях в БРЭ, Московской энциклопедии, Энциклопедии Московского университета.

Структура исследования. Работа состоит из введения, восьми глав, заключения, списка источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Профессия историка возникла в России в результате длительного процесса, запущенного переносом на русскую почву социальных институтов науки из Европы в XVIII в. К середине XIX в. в Московском университете были выработаны основы для выделения истории как научного знания из других наук (филология, юриспруденция, политическая экономия). С середины XIX в. начался этап профессионализации исторического знания. Этому процессу в Московском университете способствовал тот факт, что учебные планы историков и филологов

были разделены. На конец XIX – начало XX в. приходится углубление специализации внутри профессии.

2. Педагогические доктрины московских историков базировались на идеологии европейского Просвещения, которую характеризовали прежде всего представления о прогрессивном развитии личности, общества, государства. В течение XIX в. к этой идеологии примешивались представления об историческом процессе как сложносоставной системе взаимообусловленных элементов, что объясняется влиянием гегельянства, шеллингианства, позитивизма. В Московском университете эпохи попечительства С.Г. Строганова эти европейские идеи были обрамлены представлениями о преподавании как своеобразном долге учителя перед учениками. Учитель в этой доктрине формировал мировоззренческие основы общественного служения ученого-историка. Воспитание историей мыслилось как своеобразная миссия человека университетской культуры, получившего историческое образование. Последнее было «неявным знанием» московских историков. В целом в профессиональном сообществе историков Московского университета формировалось представление об исторической науке как экспертном знании, необходимом русскому обществу и государственной бюрократии.

3. К последней четверти XIX в. в Московском университете сформировалось сообщество московских историков, которое представляло собой малую социальную группу. Первоначально группа была строго иерархизирована. Старшинство в сообществе принадлежало дуайенам – старшим по возрасту профессорам кафедры всеобщей и кафедры российской истории, которые для молодых преподавателей и готовящихся к сдаче магистерских экзаменов были учителями-наставниками. Права дуайенов на лидерство поддерживались традицией коммеморативных практик в университете, посвященных отцам-основателям историко-филологического факультета (Т.Н. Грановскому, С.М. Соловьеву, позже – В.О. Ключевскому), их административным влиянием на учебный процесс, возможностью помочь молодым коллегам в университетской карьере.

4. Под московской школой историков понимается система профессиональной подготовки для написания исторических диссертаций в Московском университете, созданная во второй половине XIX в. Важными элементами в этой системе были общие лекционные курсы, обязательные и необязательные университетские семинары, необязательные домашние семинары профессоров-дуайенов, коммуникации между научным руководителем и магистрантом в процессе подготовки к сдаче магистерских экзаменов, личное общение «учитель – ученик». Система была сформирована благодаря педагогической деятельности прежде всего профессоров всеобщей истории. Ведущую роль в этом процессе сыграли В.И. Герье в 1860–1890-е гг. и П.Г. Виноградов – в 1880–1890-е гг. Важную роль в формировании московской школы историков играл В.О. Ключевский.

5. Молодые приват-доценты 1890-х гг., особенно П.Н. Милюков, фактически по-новому поставили вопрос о том, каким должен быть лидер сообщества московских историков. Главным в новом облике профессора-учителя постепенно становились не старшинство службы и административное влияние преподавателя на учебный процесс, а оригинальность научной концепции ученого. Утверждение новых профессиональных ценностей происходило за счет конфликтов молодых историков со старшими (конфликты П.Н. Милюкова с В.О. Ключевским и Р.Ю. Виппера – с В.И. Герье и П.Г. Виноградовым). У П.Н. Милюкова и Р.Ю. Виппера были большие группы поддержки среди молодых универсантов. П.Н. Милюков по политическим причинам покинул университет, утратив возможность влиять на подготовку молодых ученых. Р.Ю. Виппер стал одним самых популярных профессоров факультета в начале XX в., однако не сумел сформировать собственную систему подготовки научной смены. В результате П.Н. Милюков и Р.Ю. Виппер не предложили новой системы подготовки ученых в Московском университете. Как наставники юношества они пользовались той инфраструктурой московской школы историков, которая была сформирована предшествующим поколением профессоров-историков Московского университета – В.И. Герье, В.О. Ключевским, П.Г. Виноградовым. Однако при этом выходцы из

поколения приват-доцентов 1890-х гг. чрезвычайно серьезно повлияли на профессиональные навыки и умения нового поколения историков, которое войдет в науку уже в советское время. В 1900–1910-е гг. происходило перераспределение лидерского влияния в сообществе историков в Московском университете. Главенство в подготовке научной смены переходило от профессоров-всеобщников – Р.Ю. Виппера, Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина – к профессорам-русистам – М.К. Любавскому, М.М. Богословскому, Ю.В. Готье.

ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ

1.1. Характеристика источниковой базы

Формирование источниковой базы темы исследования обусловлено несколькими факторами. Во-первых, поскольку московские историки были государственными служащими, то материалы как университетского, так и министерского делопроизводства отразили их университетскую карьеру. Во-вторых, московские историки, как правило, сознательно меморизиировали собственное наследие, что создавало хороший задел для изучения их биографий. В-третьих, с целью сохранения памяти о предшественниках ученики московских историков ставили перед собой задачу накопления и публикации источников, связанных с деятельностью отцов-основателей исторической науки в Московском университете.

Начать характеристику источниковой базы исследования следует с группы законодательных источников. В работе будут анализироваться законодательные и нормативные акты, создающие рамочные условия функционирования сообщества московских историков (университетские уставы³⁷, Положения о производстве в

---

³⁷ Об утверждении Московского университета и двух гимназий // ПСЗ. № 10346. Т. XIV; Устав 1804 года – Об уставах Московского, Харьковского и Казанского Университетов и подведомых оным учебных заведений // ПСЗ. № 21497. Т. XXVIII; Устав 1835 года: Общий Устав Императорских Российских университетов // ПСЗ. Собрание второе. № 8337. Т. X; Устав 1863 года. Общий устав Императорских Российских университетов // ПСЗ. Собрание второе. № 39752. Т. XXVIII; Устав 1884 года – Общий устав Императорских Российских университетов // ПСЗ. Третье собрание. 2404. Т. IV; О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения // ПСЗ. Собрание третье. 26692. Т. XXV. См. также Сравнительные таблицы уставов университетов 1755, 1804, 1835, 1863 и 1884 годов. СПб., 1901.

ученые степени³⁸, Правила студентов³⁹, Правила зачета полугодий, Правила разделения историко-филологического факультета⁴⁰), опубликованные в Полном своде законов Российской империи (1–3 собрание), «Сборнике постановлений» и «Сборнике распоряжений МНП», ЖМНП (официальная часть, раздел «Правительственные распоряжения»), «Отчетах о состоянии и действиях Московского университета». Характеристика этого вида документов будет даваться по мере необходимости в основном тексте работы⁴¹.

Важнейшая для исследования группа источников – делопроизводство. В работах по истории Московского университета обычно отмечается тот факт, что пожар 1812 г. разрушил архив университета, существовавший с его основания. Следовательно, для изучения истории Московского университета второй половины XVIII – начала XIX вв. актуальным является создание и публикация архивных коллекций.

У истоков этого процесса стоит И.М. Снегирев, спасший от пожара 15 томов университетского делопроизводства и передавший это документальное наследие в университетскую библиотеку. В связи с университетским юбилеем 1955 г. Н.А. Пенчко опубликовала эти «Документы и материалы по истории Московского

---

³⁸ Положение 1819 года: О производстве в ученые степени на основании Положения о сем // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. СПб., 1864. Стб. 1134–1145; Положение об испытании на ученые степени 1837 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отделение 1. СПб., 1864. Стб. 984–987; Положение о производстве в ученые степени 1844 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отделение 2. СПб., 1864. Стб. 357–365; Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1867. Стб. 636–642.

³⁹ Правила императорского Московского университета. М., 1867; Правила императорского Московского университета. М., 1870; Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов. СПб., 1885; Правила о зачете полугодий студентам Императорских российских университетов. М., 1885; Экзаменные требования, коим должны удовлетворять испытуемые в комиссии историко-филологической. М., 1885.

⁴⁰ ЖМНП. 1882. Ч. ССХІХ. С. 12–14.

⁴¹ См. интересную подборку законодательных и нормативных документов по истории Московского университета – Уставы Московского университета 1755–2005: [сборник] / [авт.-сост. Е.И. Гена]. М., 2005. 480 с. В этом издании даны тексты уставов, к которым приложены штаты Московского университета; даны Положения о производстве в ученые степени, кроме Положения 1819 г. Попытка создания хрестоматии по дореволюционному законодательству образования – см. Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века. Сборник документов / Редактор-составитель Э.Д. Днепров. Т. 1. М., 2017.

университета второй половины XVIII века»⁴², хранившиеся в ОРК НБ МГУ. При введении этих документов в научный оборот и их комментировании были показаны эвристические возможности на момент публикации ЦГАДА (ныне – РГАДА) и прежде всего так называемых портфелей Г.Ф. Миллера (коллекция объявлений о лекциях в ИМУ; переписка Миллера с профессорами Московского университета и европейскими учеными, связанная с приглашением профессоров в Московский университет) и архива Сената для истории Московского университета.

Вероятнее всего, именно эта публикация документов вдохновила Д.Н. Костышина в начале 21 в. пойти по стопам Пенчко и начать издание архивных документов, прежде всего делопроизводственного характера, Московского университета за 1754–1804 гг. Идея Костышина заключалась в том, чтобы выявить желательны все делопроизводственные документы, связанные с Московским университетом, во всех архивах (так, в первом томе его публикации использованы материалы РГАДА, РГИА, СПбФАН, РГБ, НБ МГУ, БАН), что позволило бы воссоздать утраченный университетский архив. Всего вышло 5 томов издания⁴³. Из-за смерти составителя работа прервалась, хотя в личном архиве Костышина сохранились материалы для следующих томов издания.

Как правило, в основной части тома, посвященного каждому году жизни университета, публиковались делопроизводственные документы, а источники личного происхождения (речи профессоров и студентов на торжественных актах; переписка людей университета) размещались в многочисленных приложениях. Для нас в этом издании особый интерес представляют письма из портфелей Миллера, связанные с приглашением Дильтея, Кёльнера и Рейхеля в Москву, а также письма Миллера к этим ученым в России. Отметим, что часть из этих писем

---

⁴² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1–3. М., 1960–1963.

⁴³ История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века. Т. 1–5. М., 2006–2019. Т. 1. 1754–1755; Т. 2. 1756; Т. 3. 1757; Т. 4. 1758; Т. 5. 1759.

была уже опубликована немецкими исследователями⁴⁴, но некоторые вводились в оборот впервые и снабжались русским переводом.

Большая часть делопроизводственных документов Московского университета изучаемого нами периода находится в Ф. 418 Центрального Исторического Архива г. Москвы. С помощью университетского архива возможно изучить студенческие дела (Оп. 251–331); найти списки лиц, оставленных для подготовки к профессорскому званию, выявить информацию о допуске к экзаменам, присуждении степеней, утверждении в званиях (Оп. 75, 96–108, 170–248, 250.). Черновые протоколы и журналы Совета историко-филологического факультета позволяют изучить ходатайства профессоров об оставлении для подготовки к профессорскому званию, ход магистерских испытаний (Оп. 476–477). Иногда дела о магистерских испытаниях выделены в отдельные единицы хранения (см., например, о магистерских испытаниях М. К. Любавского – Оп. 476, Д. 225 и В. Е. Якушкина – Оп. 476. Д. 288), хотя чаще всего сведения о них содержатся в факультетских протоколах.

Личные дела оставленных при Университете, хранившиеся в канцелярии Совета (Оп. 1–72, 75, 81–95, 249), позволяют проследить начальную стадию академической карьеры универсантов (найжены и обработаны документы историков, предлагавшихся к оставлению при Университете, часть из них обработана впервые⁴⁵). Изучены формулярные списки профессоров-историков Московского университета.

Важны для нас и материалы фонда попечителя Московского университета (Ф. 459), особенно в связи с назначением на должности приват-доцентов. В этом же фонде хранятся дела, связанные с разделением историко-филологического факультета.

Архивная делопроизводственная документация дублировалась университетом в специальных изданиях. Так, в течение длительного периода

---

⁴⁴ *Lehmann U.* Der Gottschedkreis und Russland. Deutsch-russische Literaturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1966.

⁴⁵ Работа проделана моим учеником П.Ю. Наумовым, готовящим кандидатскую диссертацию.

времени после введения в действие устава 1863 г. протоколы Совета университета (за 1865–1872 гг.) издавались в «Московских университетских известиях»⁴⁶, а затем – отдельно (1872–1881)⁴⁷. После возрождения традиций самоуправления (1905 г.) первоначально очень детально, особенно в той части, которая касалась обсуждения вопроса о новом университетском уставе, а затем в общем виде, информация из протоколов публиковалась в «Отчетах о состоянии и действиях Императорского Московского университета»⁴⁸.

«Отчеты...», начало издания которых относится к 1835 г., содержат детальную информацию о личном составе университета, об оставленных в университете для подготовки к профессорскому званию, посланных для обучения за границу. В «Отчетах» находится общая информация о работе Совета историко-филологического факультета, Совета университета, назначениях, перемещениях, увольнениях профессорско-преподавательского состава, читавшихся в университете курсах и проводившихся семинарах.

Важно отметить тот факт, что практически все профессора-историки Московского университета имеют свой архивный фонд, иногда не один⁴⁹. Как правило, это продуманно составленный массив материалов, важный для создания посмертного образа историка. Нацеленность на меморизацию и сохранение в памяти потомков – одна из важнейших коммуникативных стратегий профессорско-историков при хранении документов.

Архивный фонд историка репрезентирует его автора на фоне университета, общественных и государственных институций. Личные фонды позволяют понять творческую лабораторию исследователя (подготовительные материалы диссертаций, статей, монографий, речи на защитах диссертаций и т.д.),

⁴⁶ Московские университетские известия. М., 1866–1872.

⁴⁷ Интересно отметить, что публикация протоколов Совета приходится на годы ректорства Соловьева, который выступал с идеями реформы университетского делопроизводства.

⁴⁸ В 1905–1914 гг.

⁴⁹ См. Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1. XVIII век. М., 2001; Вып. 2. Первая половина XIX века / сост.: Т.В. Медведева, М.П. Мироненко. М., 2007; Вып. 3. Вторая половина XIX – начало XX вв. Ч. 1. А–В. / [сост. Т.В. Медведева, М.П. Мироненко, В.А. Черных. М., 2012. Ч. 2 Г–З. / составители: Т. В. Медведева, М. П. Мироненко. М., 2017. Ч. 3. И–Л / составители: Т.В. Медведева, М.П. Мироненко. М., 2021.

показывают академическое признание ученого (дипломы, награды и т.п.), дают возможность представить роль ученого в университетском пространстве (обсуждение учебных планов, участие в университетских комиссиях и т.п.). О широком общественном признании историков свидетельствуют письма историков, у которых практически всегда очень разнообразный круг корреспондентов.

Отсутствие или маленький по единицам хранения собственный фонд это, как правило, или продуманная позиция историка (Р.Ю. Виппер), либо семейные сложности с сохранением фонда у наследников, что приводит к раздроблению фонда (С.М. Соловьев⁵⁰, В.О. Ключевский⁵¹; частично П.Г. Виноградов⁵²), потери важных документов. Отсутствие прямых наследников также является угрозой для сохранения памяти об историке (Грановский⁵³, Кудрявцев, Ешевский).

В личных архивных фондах нас интересовали прежде всего источники личного происхождения (воспоминания, дневники, письма, научные труды, публицистика). Без источников этого вида невозможно рассмотреть вопросы коммуникативной культуры московских историков, поставить вопросы антропологически ориентированной истории научных сообществ.

Практически все воспоминания московских историков предназначались для длительного хранения и потенциального прочтения потомками. Иной раз такая заданность была изначально конфликтной. Так, обнародование воспоминаний С.М. Соловьева фактически вызвало дискуссию между его сыновьями о мировоззрении отца, а также общественный конфликт, связанный с кругами, близкими к МДА. Большинство исследователей считают, что записки создавались

---

⁵⁰ Шаханов А.Н. Архив С.М. Соловьева // Записки отдела рукописей / Гос. библиотека им. В.И. Ленина. Вып. 45. М., 1986. С. 27–46.

⁵¹ Зимин А.А. Архив В.О. Ключевского // Записки отдела рукописей / Гос. библиотека им. В.И. Ленина. Вып. 12. М., 1951. С. 76–86.

⁵² Богданова Е.С. Личный фонд профессора Московского и Оксфордского университетов академика П.Г. Виноградова // Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина. М., 2009. С. 112–118.

⁵³ Асиновская С.А. Архив Грановского // Записки Отдела рукописей / Гос. библиотека им. В.И. Ленина. М., 1959. Вып. 21.

в несколько этапов (Н.И. Цимбаев, А.В. Антощенко и Ю.В. Киселева)⁵⁴ и требуют предварительного методологического изучения источника для его применения. Использование записок в иллюстративных целях вряд ли оправдано. Записки не сумма фактов, о которых помнил Соловьев, а сознательная презентация себя на фоне враждебного мира.

Воспоминания Соловьева в целом дают возможность представить себе конфликтность в среде московского университета, показывают, где идут линии разлома между противоборствующими сторонами, объясняют желание Соловьева свести к минимуму контакты с внешним миром и заниматься делом своей жизни – написанием многотомной истории. Полностью записки впервые опубликованы в 1907 г. В советское время «Записки...» на новом археографическом уровне опубликованы Н.И. Цимбаевым и А.А. Левандовским⁵⁵. Это публикация текста легло в основу издания текста в академических «Сочинениях» С.М. Соловьева, после чего в 1990-е и 2000-е гг. текст «Записок» Соловьева неоднократно переиздавался.

Важную роль в создании представлений о культурной среде дореволюционного Московского университета, особенно начиная с 1890-х гг., дают воспоминания русских эмигрантов. В связи с юбилейными мероприятиями в 1930 и 1955 г. организационные комитеты обращались с просьбой к выпускникам университета о присылке для публикации мемуаров. Часть из полученных текстов была опубликована (см. например, воспоминания И. Хераскова⁵⁶ и многих других). Классическими воспоминаниями историков Московского университета,

---

⁵⁴ Киселева Ю.А., Антощенко А.В. Эмоциональный мир автобиографии С.М. Соловьева // Отечественная культура и историческая мысль. Вып. 5. / Под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2019. С. 30–53.

⁵⁵ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 229–350.

⁵⁶ Херасков И. Из истории студенческого движения в Московском университете (Воспоминания участника. 1897–1903) // Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 431–449.

написанными в эмиграции, следует признать «Воспоминания» П.Н. Милюкова⁵⁷ и «На рубеже двух столетий»⁵⁸ А.А. Кизеветтера.

Эти мемуары дают возможность представить себе повседневную научную жизнь сообщества историков 1880–1890-х гг. В воспоминаниях очень яркие портреты профессоров и приват-доцентов университета. В постсоветское время они неоднократно переиздавались. Мемуары Милюкова часто фактически не точны, не шадят отдельных профессоров Московского университета, которых автор оценивает как устаревших для рассматриваемой эпохи. Кизеветтер, напротив, пытается сгладить углы, по крайней мере, пытаясь найти аутентичную мотивацию поведения лично ему несимпатичных людей в сообществе московских историков. Кизеветтеру кажется, что линия противостояния проходит не между разными, но друг друга понимающими людьми университетской культуры, а между универсантами и теми, кто ценности университетской культуры не принимает.

В советское время публикации воспоминаний дореволюционных историков и близких к ним универсантов были затруднены. В 1920-е гг. были опубликованы воспоминания Б.Н. Чичерина⁵⁹, давшие весьма ценный материал по истории Московского университета в 1840–1860-е гг. (студенческие волнения, дискуссии о традициях Грановского в Московском университете, коллективная отставка профессоров Московского университета в 1866–1868 гг.). Однако эта публикация стала одной из немногих, вышедших в послереволюционную эпоху.

Так, создававшиеся одновременно с воспоминаниями Милюкова и Кизеветтера воспоминания Н.И. Кареева были опубликованы лишь в 1990 г. (инициатор сыктывкарский историк В.П. Золотарев)⁶⁰. Так же, как и воспоминания В.И. Герье, одним из стимулов для написания которых, вероятно, было изучение архива Чичерина. При этом, если воспоминания Кареева это яркая, законченная

⁵⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1955. В работе используется издание: Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

⁵⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. В работе используется издание: Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. М., 1997.

⁵⁹ Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. М., 1929–1934.

⁶⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

картина битв и противостояний людей университетской культуры и враждебного мира вокруг него, панорама интеллектуалов последней трети XIX – начала XX вв., то степень законченности воспоминаний Герье не высокая⁶¹. Цельность разбросанным кускам текста придавала дочь историка – Е.В. Герье, которая и готовила архив отца для сдачи на хранение в НИОР РГБ. Большая часть мемуарного наследия Герье издана мною⁶², хотя у начала издания мемуаров историка стоял А.Н. Шаханов.

Хрестоматийным примером воспоминаний советского историка, оценивающего дореволюционную науку, можно признать мемуары Н.М. Дружинина, где была дана зарисовка историко-филологического факультета Московского университета начала XX в. На создание образа науки начала века в мемуарах Дружинина, безусловно, повлияла общая негативная оценка буржуазной исторической науки, характерная для этого этапа развития историографии⁶³. Это очень хорошо понимали сверстники Дружинина. Так, Н.И. Радциг в своих «Воспоминаниях»⁶⁴, причиной появления которых стало несогласие с изображением профессоров историко-филологического факультета Московского университета начала XX в. в 2-х томной Истории Московского университета и воспоминаниях Дружинина, дал тонкие характеристики историков начала XX в., которых он считал невозможным судить за отсутствие у них симпатий к марксизму⁶⁵.

Серьезные изменения с вводом в научный оборот мемуарного наследия московских историков произошли к концу 1980-х г. гг. Так, были изданы

---

⁶¹ *Герье В.И.* Детство. Учение до получения кафедры // История и историки. М., 1990. С. 419–437 (Публикация А.Н. Шаханова); Воспоминания В.И. Герье. Гл. III: Возникновение Высших женских курсов // Владимир Иванович Герье и Московские высшие женские курсы: Мемуары и документы. М., 1997. С. 12–31 (Публикация Г.В. Аксенова, В.А. Волкова, П.Ю. Савельева); *Герье В.* О Московской городской думе // Московский архив. Вып. 2. М., 2000. С. 421–438 (Публикация А.Н. Шаханова); *Герье В.И.* Мои воспоминания // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / Под ред. Д. А. Цыганкова. М., 2014. С. 179–272.

⁶² *Герье В.И.* Мои воспоминания // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 177–272.

⁶³ *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. М., 1979.

⁶⁴ НИОР РГБ. Ф. 662. К. 1. Д. 22.

⁶⁵ Там же. Л. 1–4.

воспоминания М.М. Богословского о П.Г. Виноградове и В.О. Ключевском⁶⁶. Фактически перестройка открыла дорогу к публикации документов личного происхождения историков Московского университета. Под руководством С.О. Шмидта был запущен проект создания справочника по личным архивным фондам русских дореволюционных историков, где проблемам выявления сохранившихся мемуаров, дневников и писем историков уделялось пристальное внимание.

Проект Шмидта развивал традиции описания личных архивных фондов историков, которые формировались в специализированных журналах (например, Записки отдела рукописей ГБЛ) и архивных справочниках (см., например, справочник «Личные архивные фонды...»⁶⁷).

Если воспоминания той или иной степени подробности есть практически у всех историков Московского университета, то дневников, написанных представителями сообщества, не так много. Наверное, первым опытом введением в научный оборот дневника историка стала многотомная работа Н.П. Барсукова, в которой обильно цитировался дневник Михаила Петровича Погодина.

Интерес к дневникам историков Московского университета был поднят публикацией дневников Ю.В. Готье⁶⁸. Сохранившиеся в результате отправки рукописи автором в США, дневники Готье показывали переживание представителем дореволюционной интеллектуальной культуры революционной ситуации 1917 г., крушение университетских ценностей. Очень похожими по содержанию оказались и дневники С.Б. Веселовского⁶⁹. В целом проблема восприятия революции дореволюционной интеллигенцией оказалась очень хорошо задокументирована в дневниках. Более широкую панораму погружения

⁶⁶ *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987.

⁶⁷ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР [Текст] / Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Архив академии наук СССР. М., 1962–1980. Т. 1–3.

⁶⁸ *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997.

⁶⁹ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 89–117; № 3. С. 84–111; № 6. С. 93–111; № 8. С. 86–109; № 9. С. 114–133; № 10. С. 113–140; № 11–12. С. 59–77; 2001. № 2. С. 69–83. См. также: *Веселовский С.Б.* Семейная хроника. М., 2010.

России в кризис давали дневники М.М. Богословского⁷⁰, которые автор вел с 1913 г.

Появление этих изданий связано с исследовательскими поисками специалистами источников личного происхождения дореволюционных историков, которые осуществлялись в 1980–2010-е гг. Так, например, в 2014 г. мною был опубликован дневник М.С. Корелина⁷¹, который показал историю вхождения Михаила Сергеевича в сообщество профессиональных историков и обрисовал повседневную жизнь историков Московского университета в 1890-е гг. А.В. Шарова издала дневник А.Н. Савина⁷². Этот источник был еще более детальными в отношении описания дел на историко-филологическом факультете Московского университета для начала XX в. по сравнению с дневником Корелина. В нем содержалась информация об оставленных для подготовки к профессорскому званию кандидатов, описывалась процедура магистерских экзаменов, были даны характеристики многим поколениям историков Московского университета.

Новым явлением в науке для изучения разных сообществ историков рубежа XIX–XX вв. стало привлечение дневников жен историков. Так, в 2020 г. были опубликованы дневники Н.Н. Платоновой⁷³, которые активно использовались исследователями и до полной публикации источника. Для изучения сообщества московских историков привлекались дневники жены Кизеветтера⁷⁴.

Введение в научный оборот писем русских историков связано со становлением специальной периодики во второй половине XIX в. (журналы «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Историческое обозрение» и др.).

⁷⁰ *Богословский М.М.* Дневники (1913–1939): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011.

⁷¹ Дневник М.С. Корелина // Terra Еуропа: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века. М., 2014.

⁷² *Савин А.Н.* Университетские дела: Дневник 1908–1917. М., 2015.

⁷³ *Платонова Н.Н.* Дневник (1889–1921). Рязань, 2020.

⁷⁴ НИОР РГБ. Ф. 566. К. 19. Ед хр. 1. *Кизеветтер Е.Я.* Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) / Подг. текста и коммент. М.Г. Вандалковский и А.Н. Шаханова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Т. V. С. 338–425; *Кизеветтер Е.Я.* Заметки о В.О. Ключевском. 1911 г. (Отрывки из дневника) / подготовка к публ. и коммент. Н.В. Гришиной // Клио. 2011. № 7. С. 46–48.

Традиция публикаций писем историков сформировалась на основе той археографической базы, которая связана с поиском писем классиков (А.С. Пушкин и др.) и отдельных общественных деятелей (например, Ю.Ф. Самарин), признанных общественно важными. При этом стоит отметить, что в собрания сочинений историков письма не включались. Как правило, они публиковались отдельно от сочинений историков.

Одной из первых попыток отдельной публикаций комплекса писем дореволюционного историка можно рассматривать издание А.В. Станкевичем писем Т.Н. Грановского⁷⁵. Фактически издатель дал возможность читателем познакомиться с той источниковой базой, на основе которой он написал монографическое исследование о своем герое⁷⁶. При этом Станкевич стремился издать комплекс писем одного архивохранилища⁷⁷ в полном объеме, на языке оригинала, изъяв некоторые личные моменты в письмах, и по тем же причинам, отказавшись от публикации некоторых источников. Археографически издание было несовершенно: не публиковались авторские обращения в письмах, отсутствовал перевод писем на иностранных языках на русский, не было справочного аппарата публикации.

В 1914 г. Алексеем Ивановичем Станкевичем была издана «Переписка Николая Владимировича Станкевича»⁷⁸, которая была произведена на тех же принципах, что и переписка Грановского, а внутри этого документального сборника вновь находились письма Грановского его респондентам.

В советское время были устранены идеологические цезуры, сделанные А.В. Станкевичем, при публикации писем Грановского, опубликованы впервые найденные письма Грановского. В отличие от писем Грановского состояние дел с публикацией писем других московских историков до начала 1990-х гг. находилось в начальной стадии. Поиском и публикацией писем московских историков-

⁷⁵ Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897.

⁷⁶ *Станкевич А.В.* Тимофей Николаевич Грановский М., 1868.

⁷⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 345.

⁷⁸ Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / ред., предисл. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914. – 787 с.

медиевистов в этот период времени занималась С.А. Асиновская⁷⁹ и К.А. Майковой⁸⁰.

Благодаря работе С.А. Голубцова, М.В. Нечкиной, А.А. Зимина, Р.А. Киреевой были опубликованы письма молодого В.О. Ключевского к родным и близким, друзьям в Пензу, А.М. Бородиной (38 писем), ученым и общественным деятелям преимущественно за 1890–1900-е гг.⁸¹. Эти материалы вместе с весьма кратким дневником историка традиционно используются в работах исследователей, характеризующих миронастроение Ключевского между окончанием университета и получением кафедры в Московском университете (дневник для изучения взглядов Ключевского привлекают и для более поздних эпох). Во второй половине 1980-х гг. публикуется небольшая подборка писем М.М. Богословского⁸².

На 1990-е гг. приходится публикация писем С.М. Соловьева к родным из заграничной поездки⁸³. Интересно отметить, что работавшие с архивом историка в РГИА исследователи – В.В. Кучурин и А.Н. Шаханов – одновременно задались целью сделать эту тематическую подборку писем историка, а их публикации как бы конкурировали друг с другом. В письмах, помимо описания европейских красот, виденных русским историком во время путешествия, содержалось информация о личных взаимоотношениях Соловьева с Погодиным, его мысли о карьерной стратегии.

Настоящий прорыв в публикации писем историков приходится на рубеж 1990–2000-х гг. Во-первых, появились специализированные издания, ставящие своей целью публикацию архивных документов (см. например, журнал

⁷⁹ См. например: Из неизданной переписки русских медиевистов 40–50-х годов XIX в. // Средние века. Вып. 17. М., 1960. С. 410–421.

⁸⁰ Из писем П.Г. Виноградова / публ. и примеч. К.А. Майковой // Средние века. Вып. 22. М., 1962. С. 267–282.

⁸¹ *Ключевский В.О.* Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

⁸² *Мельников А.В.* Архивное наследие академика М.М. Богословского (1867–1929 гг.): Реконструкция и научное использование. Дис. ... канд. истор. наук: 05.25.02. М., 2006.

⁸³ *Соловьев С.М.* Первые научные труды. Письма / подгот. текстов, ст. и коммент. А.Н. Шаханова. М., 1996; *Соловьев С.М.* Письма из Европы / предисл. и публ. В.В. Кучурина // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX вв. Брянск, 1996. С. 160–193.

«Исторический архив»)⁸⁴. Во-вторых, стали подводить итоги своей поисковой работе в архивах исследователи разных поколений: А.В. Антощенко, А.М. Дубровский, А.В. Малинов, В.В. Митрофанов, С.И. Михальченко, П.А. Трибунский, Е.А. Ростовцева и др.

Одной из знаковых публикаций большого массива писем историков стало издание переписки П.Н. Милюкова и С.Ф. Платонова, осуществленное авторским коллективом под руководством В.П. Корзун⁸⁵. Автор-публикатор вскрыла важнейшую для рубежа ХХ–ХХI вв. тему – взаимоотношения московских и петербургских историков, находившуюся в центре перекрестного внимания большого количества исследователей. Как следствие, с одной стороны, материалы публикации активно стали использоваться в исследованиях по так называемой схоларной проблематике. С другой, была поставлена задача переиздать переписку Милюкова и Платонова на качественно ином археографическом уровне. Последнее в итоге было осуществлено П.А. Трибунским и В.А. Макушиным. Издание Трибунского и Макушина стали образцом для публикаторов и комментаторов писем исследователей⁸⁶. На столь же высоком уровне Трибунский опубликовал переписку П.Н. Милюкова с А.С. Лаппо-Данилевским за 1890-е гг.⁸⁷

⁸⁴ До этого времени эпизодические публикации писем историков осуществлялись в таких изданиях как «История и историки», «Французский ежегодник», «Археографический ежегодник».

⁸⁵ Итоговое издание: Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюкова) / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003.–306 с. До этого письма публиковались: «В промоции Вашей я всегда был уверен»: Письма П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову. 1890 г. / подг. к печати В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, А.В. Свешников, вступит. ст. В.П. Корзун // Исторический архив. 2001. № 3. С. 137–148; № 4. С. 23–41; Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову / подг. к печати В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, вступит. ст. В.П. Корзун, М.А. Мамонтова // История и историки: Историографический вестник. 2002 г. / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2002. С. 167–193; История и историки: Историографический вестник. 2003. С. 311–339; «Ваше питерское предложение было для меня гораздо заманчивее»: Письма П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову. 1891 г. / подг. к печати В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, А.В. Свешников, вступит. ст. В.П. Корзун, М.А. Мамонтова // Исторический архив. 2003. № 2. С. 195–217; Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову / подг. к печати М.А. Мамонтова, комм. В.П. Корзун, М.А. Мамонтова // Мир историка. ХХ век: монография / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2002.

⁸⁶ Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. М., 2011.

⁸⁷ Переписка А.С. Лаппо-Данилевского с П.Н. Милюковым // Journal of Russian Modern History and Historiography. 2010. Т. 1 (3). С. 77–160.

Определилась и схема публикации писем русских историков. Как правило, письма сначала публиковались в периодических изданиях или сборниках (например, «История и историки», периодических исторических журналах), а затем готовились к публикации отдельным изданием на новом археографическом уровне. Как правило, публикации имели тематический характер, были связаны с какой-то крупной или специальной проблемой. Так, например, мною подготовлены к изданию письма учеников В.И. Герье, а затем переписка Герье с ближайшим учеником – М.С. Корелиным.

Иной раз, вводились в научный оборот письма, которые не были опубликованы по каким-то упущениям предыдущими публикаторами. Так, Т.Н. Иванова опубликовала 2 письма Р.Ю. Виппера, которые хранились не в фонде Герье в НИОР РГБ, а фонде его родственников в РГАЛИ⁸⁸. Эта же исследовательница нашла одно неопубликованное письмо В.О. Ключевского⁸⁹.

Наконец, ставились задачи осуществить полную подборку писем того или иного историка или к тому или иному историку⁹⁰. Впервые такая археографическая работа была предпринята командой исследователей, публиковавшей переписку С.Б. Веселовского с историками⁹¹. В 2000-е гг. исследовательский коллектив под руководством С.О. Шмидта занялся подготовкой к изданию переписки историков с С.Ф. Платоновым⁹², среди респондентов которого были и московские историки.

Однако впервые задачу опубликовать полный массив писем одного историка решил А.В. Антощенко. Поскольку создания такой коллекции писем важно для

⁸⁸ Иванова Т.Н. Два неизвестных письма // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2011. № 12 (74)/11. С. 282.

⁸⁹ Иванова Т.Н. В.О. Ключевский о В.И. Герье и не только: К публикации одного письма // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв.: сб. ст. Челябинск, 2011. С. 315–322.

⁹⁰ См. например: Пискорский В.К. Вибрани твори та епистолярна спадщина. Київ, 1997; Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998; Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2004; Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. М., 2003; Т. 2. Кн. 1. М., 2011 и др.

⁹¹ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / под ред. С.А. Левиной, Б.В. Левина; сост. Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский. М., 2001.

⁹² Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. I. Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930 / Отв. ред. С.О. Шмидт. Сост. В.Г. Бухерт при участии А.В. Мельникова. М., 2003.

понимания характера коммуникаций московских историков, остановимся на ней более подробно.

Некоторые письма Виноградова, помещенные в Антощенко под одной обложкой, уже публиковались исследователем ранее⁹³. Часть писем публиковались и другими исследователями до Антощенко⁹⁴. Однако нельзя не отметить, что собранные вместе, письма дали новую картину роли профессора в общественной жизни России, на новый уровень выведены были и комментарии в работе.

Исследователю было важно не только обнаружить документы, написанные Виноградовым, но найти и ответные письма историку. Это оказалось тяжелой работой. Сохранность писем, судя по всему, не очень высокая. Наглядно эту ситуацию иллюстрирует переписка Павла Гавриловича с родными. Как засвидетельствовала племянница Виноградова – Е.Н. Круг, занимавшаяся разбором семейного архива историка, у родственников находилось до тысячи писем Павла Гавриловича матери – Елене Павловне Виноградовой, урожденной

⁹³ «Мне Венеция явилась во всех видах со всеми своими прелестями»: Письма П. Г. Виноградова к родным из Италии. 1878 г. / Публ. и коммент. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2011. № 6. С. 144–149 (все письма); «Такова вообще английская жизнь»: Письма П.Г. Виноградова родным из Англии. 1883–1884 гг. / публ. и коммент. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2013. № 1. С. 87–106 (частично); Письма П.Г. Виноградова ученикам / публ. и коммент. А.В. Антощенко // Мир историка. Омск, 2007. Вып. 3. С. 334–375, «Вы по-прежнему относитесь ко мне дружелюбно и благожелательно»: Из писем П.Г. Виноградова И.М. Гревсу и А.С. Лаппо-Данилевскому / публ. и коммент. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2010. № 1. С. 119–127; В.П. Бузескул – П. Г. Виноградов: Письма, воспоминания / Публ. и коммент. А.В. Антощенко // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вип. 10. С. 332–353; «Мы в созвездии политических волнений»: Письма П.Г. Виноградова В.И. Вернадскому: 1899–1904 / Публ. и коммент. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2002. № 2. С. 129–141; «Считаю своим долгом выразить Вам свою искреннюю благодарность за неизменную любезность и энергическую поддержку»: Письма П.Г. Виноградова редактору ЖМНП Л. Н. Майкову / Публ. и коммент. А.В. Антощенко // Мир историка. Омск, 2011. Вып. 7. С. 461–485; «Каждый обязан бороться на своем месте»: Письма П.Г. Виноградова П.Б. Струве. 1902–1904 гг. // Исторический архив. 2000. № 5. С. 186–201. Два письма опубликованы: Письма академика П.Г. Виноградова И.В. Шкловскому (Дионео) / Публ. и коммент. А.В. Антощенко // История и историки. М., 2001. С. 321–323.

⁹⁴ Из писем П.Г. Виноградова / Публ. и примеч. К.А. Майковой // Средние века. М., 1962. Вып. 22. С. 267–282; Письма П.Г. Виноградова к В.И. Герье из Германии (1875–1876 гг.) / Публ. и коммент. А.В. Антощенко // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 119–151; Письма П.Г. Виноградова // Цыганков Д.А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2000. С. 150–173.

Кобелевой⁹⁵. Сама Круг, занимаясь составлением биографии дяди, работала с сотней писем историка, отправленных матери. До настоящего же времени дошли и опубликованы лишь шестнадцать писем Павла Гавриловича матери. Судя по всему, лишь частично сохранились письма Павла Гавриловича братьям и сестрам⁹⁶. Если представить себе переписку Павла с любимой сестрой Елизаветой мы можем (в издании опубликовано 11 писем), то, что представляла собой коммуникация историка с другими родственниками, – непонятно.

Сохранившиеся у Виноградова обратные письма его корреспондентов, носят, по-видимому, случайный характер. Так, Антощенко удается привести в примечаниях публикации письма к Виноградову его издателя Л.Ф. Пантелеева (С. 554–555), министра народного просвещения П.С. Ванновского (С. 489), ректора – А.А. Мануйлова (С. 557–558), но остается лишь сожалеть об отсутствии в архиве историка писем, например, его учителя – В.И. Герье.

Однако эти сложности объективного характера не мешают представить повседневность и профессиональный мир профессора Московского и Оксфордского университетов. В издании приведены 564 письма, которые были направлены 71 респонденту, если к таковым относить семью Виноградова (посчитаны как отдельный корреспондент) и письма неустановленным адресатам (посчитаны как один корреспондент). Из 69 корреспондентов, лишь девять – это женщины: мама – Елена Павловна; сестра Елизавета; дочь профессора Московского университета В.И. Герье – Елена Владимировна Герье; издательница журнала «Северный Вестник» Л.Я. Гуревич; певица и педагог М.Н. Климентова-Муромцева; писательница и общественный деятель Е.П. Леткова-Султанова; крупный деятель археологического движения графиня П.С. Уварова; переводчица и литератор А.Н. Чеботаревская; графиня Н.М. Соллогуб. Из распределения корреспондентов Виноградова по гендерному признаку ясно, что в письмах, а

⁹⁵ Круг Е.Н. Детство и отрочество П.Г. Виноградова: Из семейной хроники / Публ. и коммент. А.В. Антощенко // Мир историка. Омск, 2009. Вып. 5. С. 300.

⁹⁶ Младшие братья – Владимир и Александр. Младшие сестры – Наталья, Александра, Серафима. В первом браке у отца Виноградова также были дети, но поддерживать с ними связь в отличие от родных братьев и сестер Виноградов не стремился.

предмет переписки в основном отражает публичную сферу в жизни историка (особняком, опять-таки стоят письма отцу, матери, родным), Виноградов общается в основном с мужчинами, которые представлены в большинстве своем университетскими учеными, издателями, общественными деятелями, чиновниками (прежде всего Министерства народного просвещения). Письма женщинам, по преимуществу, также носят служебный характер (особняком стоят письма графине Соллогуб), хотя иной раз Виноградов все же позволяет себе изменить тон в посланиях к дамам. Так, в письме Летковой-Султановой он замечает: «Не для ответного комплимента скажу, что обрадовался, увидев на столе Ваше письмецо. А читать его было и горько, и приятно. Приятно, потому что Вы не забыли и хоть дурно, но думали обо мне. Горько, потому что так мало строк и слов в этой записке. Вы придумывали «отвратительные объяснения» моему молчанию! Странно! А не думали Вы, что я не в состоянии писать о корректурах и семинариях или наполнять письмо какими-нибудь более или менее остроумными банальностями, когда запрещено касаться главного и интересного? Положим, я часто не обращал внимания на запрещения...» (С. 303).

Если оставить в стороне письма Виноградова Герье и родным, а также интеллектуально насыщенные послания к В.И. Вернадскому, П.Б. Струве, может быть, И.В. Шкловскому (о них мы скажем чуть ниже), то выделяется несколько особо значимых для Виноградова тем.

Во-первых, это издание собственных трудов и отношения с издателями (письма Е.Ф. Коршу как представителю издательства К.Т. Солдатенкова; Л.Н. Майкову; Э.Л. Радлову как редакторам ЖМНП; Я.Г. Гуревичу; частично М.М. Стасюлевичу; Л.Ф. Пантелееву и некоторые др.). В целом это ровные отношения знающего себе цену историка и чаще всего сознательно выбранных для сотрудничества людьми. Примечательны в этом аспекте отношения Виноградова с издателями: М.Г. Комиссаровым (через Я.Л. Барскова), а также с бывшим народовольцем Л. Ф. Пантелеевым.

Весьма деловыми и успешными для московского ученого были контакты с редакторами «Журнала Министерства народного просвещения». В этой связи на

общем фоне контактов с издателями явно выделяются в худшую сторону потенциально конфликтные отношения Виноградова с Солдатенковым. С этим московским меценатом Павла Гавриловича познакомил его учитель – В.И. Герье, который доставил тогда еще ученику возможность дополнительного заработка за перевод первых двух томов «Истории цивилизации» Ф. Гизо. Гонорар за перевод позволил Виноградову поехать в заграничное путешествие. Однако перемена Солдатенковым переводчика на заключительные тома издания без согласования с Виноградовым (Виноградов медлил с переводом и не выходил на связь с издателем около трех лет), задела Павла Гавриловича так сильно, что в письме к Герье он теоретически даже ставил вопрос о возможном судебном разбирательстве с издателем: «Корш обещал поговорить с Солдатенковым, и на этом мы расстались. Не получая затем никаких известий в течение десяти дней, я решился написать Коршу письмо, в котором совершенно вежливо настаивал на следующих пунктах: условие было; я его не нарушил, потому что сроков никаких определено не было и трехгодовой промежуток мне лично не кажется особенно великим для перевода двух томов; издатель его нарушил без основания и даже не позаботился не только предупредить меня о возможности нарушения вследствие задержки, но и просто известить меня, что перевод передан другому лицу. Через два дня пришел ответ Корша, который наконец повидел Солдатенкова: на мои замечания он не отвечает ничего, просто обходит их, а распространяется, что я слишком долго не доставлял перевод, не напоминал о нем и что издатель не обязан ждать меня тридцать лет. В Москве я Вам покажу сохраненную мною черновую и ответ Корша. После подобного письма мне оставалось или написать ругательное послание Коршу, или отступить, или, наконец, жаловаться в суд. Первое было бы весьма нетрудно и весьма бесполезно; не скрою, что меня весьма подмывает избрать последний путь, хотя бы с риском проиграть дело за недостатком формальных доказательств. Я уже не говорю о потерянном труде, хотя он весьма значителен — стоимость перевода, по 30 рублей за лист, около 1000 рублей. Главное раздражает меня поступок Корша и Солдатенкова, на мой взгляд, совершенно неправый и презрительно грубый, поступок, который мне никак не

хотелось бы пропускать без должного возмездия: дают работу без срока, через какие-нибудь два года соображают, что она слишком долго тянется, и спокойно передают ее другому, игнорируя настолько прежнего работника, что даже не благоволят остановить его, предупредить, что он более не нужен! Мне кажется это беспримерным: дворника и того прогоняют, а не забывают. Весь вопрос в том, может ли письмо Корша и свидетельские показания послужить основанием для иска...» (С. 214–215).

Во-вторых, переписка позволяет рассмотреть отношения Виноградова с учениками. При этом под последними можно понимать не только тех студентов историко-филологического факультета Московского университета, которых профессор оставил на кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию (Моравский, А.Н. Савин, В.М. Хвостов; особняком здесь стоят М.О. Гершензон, которого Виноградова хотел видеть оставленным, но не сумел этого добиться, а также уехавший заканчивать обучение в зарубежных университетах поэт и философ В.И. Иванов), но и русских историков (М.М. Богословский, П.Н. Милюков), представителей других университетов (И.М. Гревс, В.П. Бузескул), которые обращались к Виноградову как к опытному исследователю за советом. С помощью писем ученикам можно в самых общих чертах представить процесс подготовки к изданию «Книги для чтения по истории средних веков», своеобразного коллективного проекта «павликан» – учеников и участников кружка Виноградова в 1890-е гг.

Из писем понятно, что Виноградова пытается заботиться о материальном недостатке учеников: борется за стипендии для них (письма к Барскову), переводы у издателей (письма к Пантелееву). История взаимоотношений с Милюковым, бывшим в начале 1890-х гг. одним из самых близких к Павлу Гавриловичу молодых людей (в более раннее время Виноградов даже снимал дачу у Милюковых в Пушкине для летнего отдыха), показывает, что эти отношения могли серьезно ухудшаться из-за позиции Павла Гавриловича, который сам не стремился поддерживать отношения с человеком, доставлявшим ему какие-то неудобства. С

другой стороны, и отношение учеников к Виноградову могло меняться, как это произошло в случае с А.Н. Савиным (смотри дневник последнего).

Еще одна отличительная черта писем Виноградова заключается в том, что он много внимания уделяет университетскому вопросу в целом и студенческому вопросу – в частности. Из писем историка (например, В.И. Вернадскому) мы видим, как Виноградов представляет себе причины студенческой активности рубежа веков, отстаивает роль профессора в решении студенческого и университетского вопросов, критически относится к уставу 1884 г. и заинтересован в обсуждении университетского вопроса в условиях кризиса университета 1899–1905 гг. Собственно говоря, личная судьба Виноградова: отставка в 1901 г., «долгое возвращение в университет» (в 1900-е гг.), да и уход в 1911 г. наглядно иллюстрируют положения независимого профессора в высшем учебном заведении в России.

Враждебными по отношению к Виноградову с его слов выступают и университетская бюрократия, и профессура в университете, и либеральная интеллигенция за пределами университетского пространства. Удивительным в случае Виноградова является тот факт, что профессор почти всегда мог рассчитывать на активное сочувствие студентов, что было редкостью для профессора в России в начале XX в. В целом Виноградова весьма своеобразно позиционирует себя в корпорации профессоров Московского университета в начале XX в. Его письмо к ректору Московского университета А.А. Мануйлову может рассматриваться как программа независимого ученого этого времени: «1) Я не могу вернуться в страну, где отсутствуют самые элементарные гарантии права, где убивают и ссылают без суда. Надо думать, однако, что в России будет, наконец, осуществлена «действительная неприкосновенность личности», без которой немыслима никакая гражданская деятельность. 2) Уход мой из Московского университета был протестом против бюрократического управления университетом. Будем надеяться, что новый устав, основанный на начале автономии, вскоре вступит в силу. Во всяком случае я решил не возвращаться в обстановку университета, управляемого бюрократически. 3) Обязательства,

принятые мною перед Оксфордским университетом и другими учреждениями, делают, к сожалению, невозможным для меня вернуться в Москву к началу осеннего семестра текущего года. Я мог бы возобновить свою деятельность в Москве никак не ранее марта 1907 года. Ввиду указанных обстоятельств я прошу университет отсрочить окончательное решение вопроса до конца текущего года. Я вполне понимаю, что условия, на которых я принужден настаивать, очень стеснительны для университета, обязанного позаботиться о скорейшей реорганизации преподавания. Я нисколько не удивлюсь, если университет предпочтет приступить к немедленному замещению кафедры другим лицом. Во всяком случае, я сохраню память о приглашении Совета, как об особенно почетной награде за мою службу в университете» (С. 328).

Особняком в подборке стоят письма Виноградова родным и Герье. Особенно содержательны они для 1870–1880-х гг., то есть для времени, когда Павел Гаврилович идет к профессорской позиции в Московском университете. В целом они дают широкую панораму университетской и научной жизни России, Германии, Франции, Италии, Англии. Письма Герье, например, погружают в семинары корифеев немецкой исторической науки (Т. Моммзен и др.). Письма родным дают представления об инфраструктуре для занятий наукой в Италии, Франции и Англии; именно в них мы видим запоминающиеся портреты английских ученых (Фриман, Стеббс и др.). Думается, что и для понимания внутреннего мира Павла Гавриловича эти письма подходят больше всего. Так, интересно отметить, что в письмах к Герье практически нет мира повседневности Западной Европы. В них преобладает научное и образовательное пространство: университет, музеи, книги, публикации в журналах. Письма родным, напротив, дают представление о профанном пространстве Европы: ценах, слухах, досужих разговорах. Только из писем близким понятны представления Виноградова о женской красоте (например, в письмах неоднократно упоминаются некрасивые англичанки – С. 124, 379), в связи с этим почти как вывод звучат слова в одном из писем: «Так что вы, кажется, можете отложить мысль о моем появлении с англичанкой женой под руку» (С. 114).

Для понимания идейного наследия Виноградова в первой четверти XX в. особо нужно выделить письма Вернадскому, Лаппо-Данилевскому, Струве и Шкловскому. Так, в письмах к Вернадскому рассматриваются важные для развития русской интеллигенции начала XX в. вопросы об идеализме, позитивизме и материализме, в которых Виноградов фактически формулирует свое научное кредо: «Именно положительное научное наблюдение показывает в жизни людей и истории обществ гораздо более богатый спектр воззрений, нежели тот, который проецируется через позитивистическую призму. Против узкого догматизма и самоуверенной ограниченности кругозора готов протестовать не менее других. Но то, что предлагают мне наши идеалисты, отношение их к научному исканию, с одной стороны, к философскому и религиозному – с другой, отталкивает меня не менее позитивистики. Я еще не прочел как следует тома, изданного Павлом Ивановичем <Новгородцевым>, и потому воздержусь пока говорить о нем. Но предшественники и пророки, к которым взывает он и его товарищи, Вл[адимир] Соловьев, Чичерин, Достоевский, мне представляются по разным причинам опасными и негодными руководителями. Неясный мистик, взывающий к подогретому христианству, окаменелый гегелианист – воплощение догматизма, и истерический лжепророк, живущий «надрывами», – все это одинаково мало симпатичные провозвестники нового времени, а среди их последователей я не вижу пока людей с оригинальным, новым словом. И я уверен, что новое направление, подобно толстовству, вызовет в нашей слабой интеллигенции прежде всего презрение к научному исканию и знанию, которое так скупое, так ограничено в своем круге. Поймут ли, что никакие чаяния метафизики и никакие приливы личной религиозности не могут освободиться от управляющих и направляющих положений, устанавливаемых наукой, что история мысли показывает, как точное знание делало невозможными общие построения, воздвигнутые в неведении его законов, и подбирало основы для новых построений, которые обязаны были своим временным успехом в значительной степени соответствию известному уровню знаний? В статьях Булгакова и Бердяева мне слышится уже совершенно явственно разухабистое пренебрежение к той научной

работе, которая наивно уподобляется прямой линии, всегда бесконечно ограниченной перед бесконечностью. Что касается до меня, то я не пожертвую этой прямой линией из-за замкнутого круга, который мне сулят взамен. А в настоящее время на всем этом, конечно, люди отводят душу и ищут иных благ, нежели те, какие могут быть достигнуты в государственной и общественной жизни. Это подсказывается законом самосохранения. Но на благо ли это в конце концов?» (С. 62).

Письма Виноградова к Лаппо-Данилевскому, Струве и Шкловскому объединяет борьба Виноградова за репрезентацию другой, не старорежимной России для европейского читателя. Правда, письма к Шкловскому, это уже несколько запоздалый этап этой репрезентации, поскольку спор о судьбах России уже закончился. Старой уже не будет, а той, о которой чаяли дореволюционные интеллектуалы, им уже не дожидаться.

В общем, эпистолярное наследие Виноградова очень удачно сочетают глобальные проблемы, которые пытается решить Виноградов в 1870–1920-е гг., с очень интересными деталями повседневности, что дает возможность рассмотрения героя публикации в трехмерном пространстве, зримо и осязаемо.

В работе рассмотрены научные труды историков. Прежде всего это опубликованные и неопубликованные⁹⁷ тексты магистерских и докторских диссертаций, являющихся ключевым источником для изучения сложившихся исторических концепций исследователей, своего рода подведением итогов длительного творческого процесса. Изучение истории создания текстов диссертаций возможно при сопоставлении данного вида источников с другими «историографическими источниками» (термин введен М.В. Нечкиной). Однако реализация таких задач требуют разработки различных исследовательских процедур, весьма разнообразных для каждого конкретного случая.

---

⁹⁷ Нам известен только один случай – подготовленная, но незащищенная диссертация П.Н. Кудрявцева. См.: *Кудрявцев П.Н.* Папство и империя в IX, X, XI и начале XII столетия // ОРК НБ МГУ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. Даже незащищенные диссертации С.Ф. Фортунатова – опубликованы.

Так, возможно сравнение опубликованного текста монографии диссертации с его журнальной публикацией, если таковая имела. Классический пример такого изучения источника – сопоставительное сравнение текста журнального и книжного варианта докторской диссертации В.О. Ключевского «Боярская Дума Древней Руси», проведенное М.В. Нечкиной⁹⁸. Возможно сравнение переизданий диссертаций (например, докторской диссертации М.С. Корелина), или, сравнение неопубликованных работ (например, магистерская диссертация П.Н. Кудрявцева) с опубликованными работами, что позволяет выяснить корректировку темы исследования в связи с цензурой. Диссертации позволяют говорить о складывании у того или иного историка подхода к конкретно-историческим вопросам, теоретическим взглядам на историю как науку, методах исторического исследования.

При этом стоит заметить, что за редким исключением тексты диссертаций⁹⁹ московских историков переиздаются крайне редко. В случае с Т.Н. Грановским, П.Н. Кудрявцевым и С.В. Ешевским это произошло еще в XIX в.¹⁰⁰. Диссертации Соловьева и Ключевского опубликованы уже в XX–XXI вв.¹⁰¹

⁹⁸ См.: *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. С. 174–248. Современная публикация «социологического» введения к журнальной публикации см.: *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси: Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества. Введение. / Подгот. публ., вступ. ст. И.Л. Беленького // *Россия и современный мир.* 2004. № 3 (44). С. 131–143.

⁹⁹ *Грановский Т.Н.* Аббат Сугерий: Историческое исследование Т. Грановского. М.: Унив. типография, 1849; *Грановский Т.Н.* Иомсбург и Винета: Историческое исследование Т. Грановского. М.: В тип. А. Семена, при Имп. мед.-хирургич. академии. 1845; *Кудрявцев П.Н.* Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим: Обзорение остготто-лангобардского периода итальянской истории / Соч. П. Кудрявцева. М.: В Унив. тип., 1850. – XII, 714 с.; *Ешевский С.В.* К.С. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галии 5 века. Соч. С. Ешевского. М., 1855. – 345, 11 с.

¹⁰⁰ *Грановский Т.Н.* Сочинения Т.Н. Грановского. Т. 1–2. М., 1856; *Грановский Т.Н.* Сочинения Т.Н. Грановского. Изд. 2-е. К. Солдатенкова. Ч. 1–2. М., 1866; *Грановский Т.Н.* Сочинения Т.Н. Грановского. 3-е доп. изд. Ч. 1–2. М., 1892; *Грановский Т.Н.* Сочинений Т.Н. Грановского. 4-е изд. М., 1900; *Грановский Т.Н.* Полное собр. соч. Т.Н. Грановского. Т. 1–2. СПб., 1905; *Кудрявцев П.Н.* Сочинения П.Н. Кудрявцева. М.: Тип. А.А. Карцева. Т. 1–3. М., 1887–1889; *Ешевский С.В.* Сочинения С.В. Ешевского. Ч. 1–3. М.: Солдатенков, 1870.

¹⁰¹ Первое репринтное переиздание магистерской диссертации Ключевского было подготовлено с послесловием А.И. Плигузова и В.Л. Янина, к изданию приложен «Археографический обзор рукописных источников, упоминаемых в книге В.О. Ключевского». См.: *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. – 512 с. Докторская

Интересно отметить, что в собрании сочинений Ключевского, изданных в советское время (два издания: Ключевский В.О. Сочинения: в 8 томах. М., 1956–1959; Ключевский В.О. Сочинения: в 9 томах. М., 1987–1990), не вошла ни одна из диссертаций историка. Только в последнем собрании сочинений Соловьева (Соловьев С.М. Сочинения: в 18 книгах. Кн. 1–23. М., 1993–2000) опубликована докторская диссертация профессора Московского университета. В целом, и это неоднократно отмечалось исследователями, как, впрочем, уже и современниками, диссертации московских историков не получали должной оценки и внимания, поскольку институт научной дискуссии только начинал формироваться, а система рецензирования находилась на начальном этапе развития. Магистры и не защитившие диссертации магистранты «побаивались» вступать в научные дискуссии с «генералами науки», о чем писал, например, Корелин. Очень редко, как это было в случае с П.Н. Милюковым, молодой историк рецензировал любые произведения, за которые он брался, по-гамбургскому счету, что, возможно, стало одной из причин подозрительного к нему отношению со стороны Ключевского (об этом – в той части работы, которая посвящена диспуту и диссертационной культуре). Частично ситуация стала меняться с 1890-х гг., когда историческая периодика (например, журнал «Историческое обозрение» Санкт-Петербургского исторического общества) вывела на новый уровень институт рецензирования, впрочем, также вызывавший критику современников. Рецензии, естественно, помещались в «толстых» журналах. Бум рецензий стал захватывать педагогические журналы рубежа XIX–XX вв., где рецензиям исторических работ уделялось много внимания. Возможно, что именно этот процесс привел к тому, что в эту эпоху происходило переиздание докторской диссертации Н.И. Кареева с дополнениями и изменениями после дискуссий, вызванных обсуждением в кругу историков.

В работе анализируются литографированные курсы историков. Литографированные курсы, как правило, сравниваются с сохранившимися в

диссертация Ключевского переиздавалась многократно по позднему, переработанному Ключевским, изданию. Ни разу не было опубликована журнальная версия диссертации.

личных архивных фондах историков материалами для лекций (планы, тезисы, полные тексты лекций). Подобное сравнение позволяет как уточнить некоторые тезисы авторов, так и показать сложность восприятия тех или иных тем для студенческой аудитории.

Отдельным типом авторского исследовательского текста историков следует признать учебники и хрестоматии. Одним из первых источников подобного рода в Москве была «Книга для чтения» по русской истории С.М. Соловьева (создание учебника по всеобщей истории ставил себе задачей, но не смог осуществить Т.Н. Грановский). Учебник был построен на основе многотомной «Истории России с древнейших времен». «Книга» многократно переиздавалась и использовалась в текущем учебном процессе на историко-филологическом факультете, о чем свидетельствуют ссылки на нее как на учебное пособие при слушании курсов лекций (практически всегда это делал В.О. Ключевский).

Учебник для студентов по русской истории создал и Ключевский, хотя делать этого очень не хотел¹⁰². В 1890-е гг. под руководством П.Г. Виноградова создавалась «Книга для чтения» по всеобщей истории для гимназий. К работе по написанию пособия, которое изначально планировалось для нужд средней школы, было привлечено большое количество оставленных для подготовки к профессорскому званию на историко-филологическом факультете (как всеобщников, так и русских историков). В дальнейшем многие из членов авторского коллектива стали участвовать в разработке учебников и хрестоматий для гимназий.

На 1890–1900-е гг. приходится резкий рост авторских учебников для гимназий, созданных молодыми историками, выходцами из Московского университета. Недекларированная цель этих изданий – вытеснить из гимназического обихода учебники Д.И. Иловайского. Методика создания учебников отрабатывалась сначала в рамках ОРТЗ, а затем в заседаниях

---

¹⁰² Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. Частное издание только для слушателей автора. М., 1899.

Педагогического общества при Московском университете, созданным П.Г. Виноградовым.

В работе изучены речи профессоров на диссертационных диспутах. Одним из первых в научный оборот этот вид источников стал вводить С.Н. Валк, обративший внимание на речь при защите диссертации А.Е. Преснякова¹⁰³, в которой подчеркивалось существенное различие между московской и петербургской школами исследователей.

К концу XX – началу XXI вв. использование этих источников становится распространенным (работы А.В. Антощенко, Н.В. Гришиной, Н.А. Алеврас и др.). В результате эвристической работы найдены публичные выступления историков на диспутах в их личных архивных фондах, в газетных репортажах с защит, сборниках работ, посвященных памяти историков. Обобщающей источниковедческой работы, связанной с изучением этого типа источников, до сих пор не проведено, но уже понятно, что с помощью этих источников можно лучше понять принадлежность того или иного историка к малым сообществам, рассмотреть внутриуниверситетские традиции и ритуалы, фигуры речи, речевую стратегию в моменты публичных выступлений.

В работе используются материалы периодической печати. Прежде всего это газеты «Московские ведомости» и «Русские ведомости», журналы «Вестник Европы» (как первый журнал в годы редакторства М.Т. Каченовского, так и второй журнал – журнал М.М. Стасюлевича), «Москвитянин», «Русская мысль» и некоторые другие. При необходимости рассматриваются материалы научной периодики.

---

¹⁰³ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб., 2000. С. 7–106.

1.2. Обзор историографии

1.2.1. Сообщество профессиональных историков в Московском университете в работах по истории исторической науки

Первоначально изучение темы происходило в рамках истории исторической науки. При этом первыми центрами изучения научного наследия университетских историков стали Московский и Ленинградский университеты, что и понятно, поскольку именно эти научные институты стали хранителями памяти о дореволюционных университетах после восстановления исторических факультетов в СССР в 1934 г.

К 180-летию Московского университета, отмечавшемуся в 1935 г., попытку создания обобщающего труда, посвященного московским историкам («Историческая наука в Московском университете. 1755–1911»¹⁰⁴; работа не опубликована), предпринял А.Н. Сперанский. В работе исследователь изучил вклад историков Московского университета в развитии науки, уделив пристальное внимание их преподавательской деятельности (лекции, семинары, публичные лекции, взаимодействие с учениками). Можно считать, что труд Сперанского стоял у истоков концепции широкого понимания историографии, согласно которой предметом историографии является и история накопления исторических знаний, и общественно-политические условия возникновения трудов историков, и влияние трудов историка на общественное сознание, и история научных учреждений. Вполне возможно, что с неопубликованным трудом Сперанского были знакомы и С.Н. Валк (между учеными велась переписка), и Н.Л. Рубинштейн, которые до открытия труда Сперанского считались редкими представителями широкого подхода к истории исторической науки в довоенной советской историографии¹⁰⁵. Эту традицию создания трудов по истории исторической науки в более позднее

---

¹⁰⁴ См.: Мельников А.В. Неизданная работа А.Н. Сперанского об исторической науке в Московском университете // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1998. С. 352–359.

¹⁰⁵ Чирков С.В. Об источниковедении историографии // Мир источниковедения. М., Пенза, 1994. С. 404.

время отстаивал С.О. Шмидт¹⁰⁶ и его ученики (В.Ю. Афиани, А.В. Мельников и др.).

В Ленинграде основа для изучения развития исторической науки в университете была заложена трудом С.Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет»¹⁰⁷. В работе было показано расхождение двух школ – петербургской («аналитической») и московской («синтетической») – в понимании задач исторической науки. При подходе петербургских историков «автор... изучал отдельные факты и явления до последнего их основания, очищал их, проверял критикой и указывал на истинное их положение», при московском подходе – историк обращался к «массе фактов и явлений, связывал их внешним образом, заботился об одной форме»¹⁰⁸. Представителем первого подхода в исторической науке Валк считал М.С. Куторгу. Идейным выразителем другого направления он называл Т.Н. Грановского. Дальнейшее развитие двух исторических школ Валк связывал с общим положением университетской науки в Петербурге и Москве¹⁰⁹.

Много для изучения формирования сообщества профессиональных историков в Московском университете сделала М.В. Нечкина. Программная статья исследовательницы¹¹⁰, а затем и ее образцовый труд о В.О. Ключевском¹¹¹ стали основой для множества статей и диссертаций, расширивших представления об «историографических источниках». Определенную роль труд Нечкиной сыграл и в повышении интереса к вопросам сообщества московских историков. В монографии о Ключевском исследовательница неоднократно использовала термин «школа Ключевского». Понятие о школе она связывала с так называемой академической легендой о Ключевском. Нечкина склонна была отрицать

¹⁰⁶ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Пути историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 177–205.

¹⁰⁷ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Серия исторических наук. Л., 1948.

¹⁰⁸ Валк С.Н. Указ. соч. С. 14.

¹⁰⁹ Там же. С. 3.

¹¹⁰ Нечкина М.В. История истории: Некоторые методологические вопросы истории исторической науки // История и историки. М., 1965. С. 6–28.

¹¹¹ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974.

существование школы Ключевского, поскольку у Ключевского отсутствовали навыки организатора науки. В этом отношении исследовательница придерживалась понятия школа Ключевского, намеченного Б.И. Сыромятниковым¹¹², М.Н. Покровским¹¹³, Н.Л. Рубинштейном¹¹⁴ и А.А. Зиминим¹¹⁵. Нечкина вслед за этой традицией рассматривала школу Ключевского как единство методологии русских буржуазных историков, отмечала несхожесть методологических установок В.О. Ключевского и С.М. Соловьева. Несколько искусственно традиции исследовательского поиска, сформулированные Соловьевым, отделялись от исследовательской практики Ключевского.

Особое положение в изучении сообщества московских историков принадлежит томскому исследователю Б.Г. Могильницкому, основной темой которого первоначально был Д.М. Петрушевский и русская либеральная медиевистика конца XIX – начала XX в.¹¹⁶ Благодаря исследованию этого специалиста, работа, впервые поднятая в трудах Е.А. Косминского¹¹⁷, О.Л. Вайнштейна¹¹⁸, В.М. Алпатова¹¹⁹ (так называемая отраслевая историография: труды по Древнему миру, Средним векам и Новому времени), приобретала систематический характер. Могильницкий и его ученики стали оказывать влияние

¹¹² *Сыромятников Б.И.* В. О Ключевский и русская историческая наука // Вопросы права. Журнал научной юриспруденции. Т. 8. 1911; *Он же.* В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин // *В.О. Ключевский.* Характеристики и воспоминания. М., 1912.

¹¹³ *Покровский М.Н.* Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Вестник социалистической академии. 1923. № 2. С. 55–91; *Он же.* Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923.

¹¹⁴ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 441–469.

¹¹⁵ *Зимин А.А.* Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского // Исторические записки. Т. 69. М., 1961.

¹¹⁶ *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 900-х гг. Томск, 1969.

¹¹⁷ *Косминский Е.А.* Столетие преподавания истории средних веков в Московском университете // Историк-марксист. 1940. № 7.

¹¹⁸ *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков. М., 1940. См. раздел: Историография средних веков в России. С. 293–329.

¹¹⁹ *Алпатов М.А.* П.Г. Виноградов как историк французской буржуазной революции // Французский ежегодник за 1958 год. М., 1959. С. 560–574; *Он же.* Из истории русской медиевистики // Вопросы истории. 1960. № 9; *Он же.* Лекционные курсы Павла Гавриловича Виноградова по античной истории // Вестник Древней истории. 1955. № 4.

на формирование тематики исследований по истории исторической науки в Томске, Казани, Омске, Челябинске, а затем и в других университетских центрах, чему служило серийное издание трудов, посвященных изучению методологии научного творчества историков в Европе и России.

В 1970–1990-е гг. выходит на новый уровень изучение методологии московских дореволюционных историков в МГУ. Это достижение связано с именем Б.Г. Сафронова, создавшего серию работ, посвященных историкам Московского университета¹²⁰. Исследователь считал, что специфику московской школой историков определяет не общность методологических и методических установок московских исследователей разных поколений, а схожие условия работы московских историков, общие идеалы научного исследования. В связи с этим Сафронов предпочитал говорить не о московской школе историков, а о влиянии московских историков на формирование новой методологической основы исторических исследований в России в целом. Эта неявная установка Сафронова оказала определяющее влияние на дальнейшие работы других исследователей, посвященные схожей проблематике.

В 1983 г. немецкий историк Х. Хеккер объединил ряд русских историков, изучавших Россию в конце XIX – начале XX вв., с русскими всеобщими историками, изучающими Западную Европу, назвав их совокупность «русской всеобще-исторической школой». Ученый отметил ряд типологических сходств в условиях развития русских историков с 1840-х гг. вплоть до становления советской исторической науки. В тематическом плане исследователей объединяло изучение истории государственно-общественных отношений, в методологическом – ориентация на западные образцы исследований, в политико-мировоззренческом – демократически-либеральное и конституционно-реформаторское мировоззрение, в социальном – происхождение из разночинцев¹²¹.

¹²⁰ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976; *Он же*. Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М., 1964; *Он же*. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.

¹²¹ Hecker H. Russische Universalgeschichtsschreibung. «Von den Vieziger Jahren» des 19. Jahrhunderts bis zur sowjetischen «Weltgeschichte» (1955–1965). München; Wien, 1983. S. 148.

В отечественной литературе 1980-х подведением итогов работы по изучению сообщества московских всеобщих историков можно считать труды Г.П. Мягкова, который дополнил выводы Хеккера утверждением о том, что для формирования школы русских всеобщих историков, в основе которых московская школа историков, важным фактором являлись связи специалистов по всеобщей истории с Московским университетом и стимулирующее влияние научных поездок за границу. «Русская историческая школа», – писал Мягкова, – в теоретическом аспекте была создана на базе позитивизма, в методологическом аспекте – на задачах изучения социальной и экономической истории и в практическом аспекте – на исследованиях в области аграрной истории»¹²².

В 1990–2000-е гг. вопросы московской школы историков поднимались в трудах Д.А. Гутнова¹²³, Т. Эммонса¹²⁴, Т.М. Бона¹²⁵, А.Н. Шаханова¹²⁶. Последний попытался сблизить установки Ключевского с общими подходами к историческим исследованиям Соловьева и показать, что в научном императиве этих историков нет принципиальных расхождений, а Ключевский как преподаватель продолжил и популяризировал дело своего учителя. Шаханов пересматривал оценку взаимоотношений между Соловьевым и Ключевским, намеченную в работах Сыромятникова, Рубинштейна, Зимина, Нечкиной. Деидеологизируя процесс развития исторических исследований в России, отказавшись от жесткой привязки взглядов историков к феодальному (Соловьев) и буржуазному (Ключевский) мировоззрению, исследователь пытался показать преемственность Ключевского

Подробнее см.: *Бон Т.М.* Русская историческая наука: Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 98–99. *Bohn T.* Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905. *Pave N. Miljukov und die Moskauer Schule.* Köln. Bohlau Verlag. 1998. XVIII, 473 S.

¹²² *Мягков Г.П.* «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. С. 175–176.

¹²³ *Гутнов Д.А.* Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX – начале XX вв. М., 1991. См. также: *Гутнов Д.А.* Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1993. № 3. С. 40–53.

¹²⁴ *Эммонс Т.* Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 45–61.

¹²⁵ *Бон Т.М.* Русская историческая наука: Павел Николаевич Милюков и московская школа. М., 2005.

¹²⁶ *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в.: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 91.

по отношению к учителю, увидеть передающуюся из рук в руки традицию исследований в Московском университете. Как следствие, Шаханов особое внимание уделял общетеоретическим работам Соловьева, показав, что тот видел основную задачу исторической науки середины века в создании теории исторического процесса, согласно которой должны быть пересмотрены конкретные проблемы русской истории. Шаханов считал Соловьева автором термина «историческая теория» в отечественной науке и полагал, что «именно теоретическая основа составляла наиболее сильную сторону работ исследователя». Благодаря такому взгляду на Соловьева Ключевский в работе Шаханова становился наследником этой методологической линии. Таким образом, создание исследовательской научной традиции московских историков Шаханов возводил к 1840–1850 гг. и связывал ее формирование с влиянием немецкой философской традиции.

Несколько иной взгляд на проблему формирования московской школы историков предложили исследователи, занимавшиеся историей Московского университета¹²⁷. Для этих исследователей приоритетным было выделение не общих методологических установок профессоров-историков Московского университета, а указания на роль и значение того или иного ученого в истории формирования традиций взаимоотношений между преподавателями и студентами, становлении различных форм академического общения внутри университета. Как следствие, центральной фигурой в подобного рода исследованиях становился Т.Н. Грановский и его последователи, а вопрос о традициях Грановского превратился в вопрос о характерных чертах московской школы историков, влиянии кафедры всеобщей истории Московского университета на становлении системы преподавания исторических дисциплин и организацию системы исторического образования в Московском университете.

Эта проблема волновала уже современников и наследников Грановского, а в исследовательской литературе впервые была поднята в работе А.А. Левандовского

---

¹²⁷ Традиция начинается с работ С.П. Шевырева, А.А. Кизеветтера.

«Т.Н. Грановский в русском общественном движении». Послесловие этого труда поставило вопрос об отношении к традиции Грановского в Московском университете: на кафедре всеобщей истории университета, историко-филологическом факультете, академическом сообществе, в широких литературных кругах¹²⁸.

Те же вопросы о традициях Грановского ставит Н.И. Цимбаев в монографии о С.М. Соловьеве. Рассматривая вопрос о лидерстве в среде западников после смерти Грановского, роли Соловьева в пореформенном университете, Цимбаев обращается к рассмотрению проблем взаимоотношений между учителем и учеником в Московском университете в течение длительного промежутка времени, анализирует примеры академических контактов Соловьева со студентами¹²⁹.

Таким образом, до 2000-х гг. изучение московских историков происходило в рамках традиционных для советской исторической науки персональных подходов к творчеству видных деятелей отечественной науки и частично под влиянием так называемых «схоларных» исследований, заимствовавших свои подходы из истории науки под влиянием обсуждения книги Т. Куна «Структура научных революций»¹³⁰.

На 1990-е – 2010-е гг. приходится изменение программы исследований в трудах по истории исторической науки. Во-первых, в связи с отказом от марксизма как господствующей методологии в науке историки начинают осваивать имеющиеся к началу 1990-х гг. в западной гуманитарной науке методы исследования. Этот методологический разворот сам по себе заставлял смотреть не только на Запад, но и обращаться к опыту дореволюционной исторической науки, где многие идеи европейско-американской историографии XX в. уже были

---

¹²⁸ Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 222–232.

¹²⁹ Цимбаев Н.И. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1990. С. 150–205; С. 278–341.

¹³⁰ Интересно отметить, что ученые по каким-то причинам, не желавшие рассматривать вопросы схоларной проблематики сквозь призму идей Куна, кружным путем через вторые руки приходили к сходному проблемному полю. В этом отношении показательные работы С.В. Чиркова.

озвучены (распространенным, например, стало рассмотрение работ русских историков, эмигрировавших из России – М.И. Ростовцева, Л.П. Карсавина, П.М. Бицилли и др.).

Во-вторых, актуальным становится использование междисциплинарных подходов, заимствованных из смежных гуманитарных дисциплин (история науки, социология науки, антропология, психология, филология).

Новые центры изучения русских дореволюционных историков формируются в Омске (В.П. Корзун, А.В. Свешников и др.), Челябинске (Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина и др.), Новосибирске (К.Б. Умбрашко), Казани (Г.П. Мягков, О.В. Сеницын и др.).

Ключевой темой для переосмысления подходов к русской дореволюционной исторической науке является анализ кризиса исторической науки рубежа XIX–XX вв.¹³¹ Несмотря на политизированность¹³², иногда и упрощенность¹³³ в подходе к проблеме в советской историографии удалось выработать определенную оптику подобного рода исследований. В большинстве своем советские историки связывали кризис исторической науки с крахом либерализма¹³⁴, распространением марксизма¹³⁵, революциями начала века, то есть внешним влиянием на развитие

¹³¹ *Леонтьева О.Б.* Кризис в российской исторической науке рубежа XIX–XX вв. в понимании современной историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 3. С. 68–75.

¹³² *Рубинштейн Н.Л.* Классовая борьба на историческом фронте. Иваново-Вознесенск, 1931. С. 13–17, 24–25, 55.

¹³³ В коллективных «Очерках истории исторической наук в СССР» «кризис дворянской и буржуазно-либеральной историографии» был показан как движение вниз по наклонной плоскости, отрицание достижений науки предшествующего этапа, откат на охранительные позиции. См.: Очерки истории исторической наук в СССР. Т. 3. М., 1963. С. 7.

¹³⁴ *Гутнова Е.В.* Историография средних веков. М., 1974. С. 240; *Данилов А.И.* Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского. Некоторые вопросы историографии средних веков // Средние века. М., 1955. Вып. 6. С. 301–307; *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.– начала 900 гг. Томск, 1969. С. 294; *Нечухрин А.Н.* К вопросу о сущности кризиса русской либеральной историографии конца XIX – начала XX вв. // Исследования ученых – на службе пятилетке: Тезисы докладов научной конференции. Гродно, 1980. Ч. 2. С. 117–118.

¹³⁵ *Искендеров А.А.* Основные черты и этапы кризиса буржуазной исторической науки // Новая и новейшая история. 1980. № 5. С. 47–48; *Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX вв.: Итоги и задачи изучения // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 18–35.

науку. Однако при этом указывалось на методологические проблемы, возникшие в самой науке: уход от концептуального осмысления и обобщения в истории, неразвитость средств познания, господство идеалистической методологии в противовес материализму (при этом рассмотрение теоретических проблем исторической науки в неокантианстве считалось прорывом по сравнению с позитивизмом¹³⁶). Часть историков указывали на естественность кризиса как на начало формирования новых основ науки (Могильницкий, Ковальченко, Шикло), считая его полезным. Однако были и такие, кто полагал, что в прошлое безвозвратно уходила определенная традиция мысли¹³⁷. Постепенно под влиянием Могильницкого стала распространяться точка зрения, что кризис – это прежде всего категория, связанная с самоощущением историков рубежа веков, которые чувствовали, что старая парадигма науки уже разрушена, а новая еще не создана. Понятие кризиса соединялось, таким образом, с саморефлексией историков серебряного века.

Именно последний тезис стал предметом дискуссии уже в 1990-е гг. С одной стороны, Н.И. Павленко указал, что «наличие плеяды талантливых исследователей, с чьими именами связан подлинный расцвет исторической науки» не согласуется с понятием кризиса, во многом выведенным искусственно¹³⁸. Эту ситуацию исследователь связывал с характером работ по истории исторической науки в советский период: «Анонимный характер текстов, отсутствие имен историков, олицетворяющих кризис буржуазной историографии, позволял промахи одного историка переносить на всю историческую науку»¹³⁹. В результате

---

¹³⁶ *Хмылев Л.Н.* Становление методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Томск, 1985; *Нечухрин А.Н.* Проблемы кризиса исторической науки конца XIX – начала XX вв. в творчестве русских либеральных историков // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984; *Он же.* Характерные черты кризиса буржуазной историографии // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987.

¹³⁷ *Слонимский А.Г.* Кризисные явления или кризис в буржуазной исторической науке // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984. С. 162.

¹³⁸ Об искусственности понятия см.: *Искендеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI в. // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 11, 30.

¹³⁹ *Павленко Н.И.* Историческая наука в прошлом и настоящем: Некоторые размышления вслух // История СССР. 1991. № 4. С. 87.

Павленко фактически призывал «переоткрыть» русских историков рубежа веков и переоценить их вклад в историческую науку.

Новая ситуация в исторической науке способствовала тому, что стали появляться труды, посвященные малоизученным в XX в. историкам. Одной из первых в этом ряду стала монография М.Г. Вандалковской «П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: история и политика»¹⁴⁰. Первая глава работы, посвященная личностям Милюкова и Кизеветтера, задала своеобразную моду на специальное изучение становления мировоззрения историков как исследовательскую задачу. При этом исследователями иной раз удавалось добиться качественно нового уровня источниковой фундированности исследования. Так, монография А.В. Макушина и П.А. Трибунского, посвященная П.Н. Милюкову, задала высокие требования с точки зрения использования университетского делопроизводства и делопроизводства МНП для воссоздания интеллектуальной биографии человека из университетского мира¹⁴¹.

В реализации актуальных задач исследований сообществ историков свое слово говорили как традиционные, так и новые центры исторической науки. Одним из новых центров исследований человека университетской культуры стал Омск, где на базе университета с 1993 г. стали проводиться конференции, посвященные русской интеллигенции (1993, 1995, 1998, 2000, 2006 гг. и позже), на которых по-новому зазвучали вопросы, связанные с историей исторической науки (В.П. Корзун, Н.Н. Алеврас, А.В. Свешников, К.Б. Умбрашко и др.). Так, один из лидеров этого нового движения В.П. Корзун в докладе 1995 г. прямо поставила вопрос о необходимости дрейфа от «сциентистских» к историко-культурным исследованиям в историографии, превращения этого направления в «отдел истории культуры». Если для сциентистской историографии характерна позиция исследователя как внешнего наблюдателя, использующего преимущественно метод комментированного изложения историографических явлений, дополненных

---

¹⁴⁰ Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.

¹⁴¹ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: Труды и дни. Рязань, 2001. С. 17–149, 306–364.

анализом социально-политических факторов, влияющих на развитие исторической науки, то в рамках исследований культуры необходим подход, направленный на исследование мира ценностных ориентаций историков – изучение их системы коммуникаций и межличностных связей¹⁴². При такой задаче исследования требовалось раскрыть образ жизни историка и его окружения (интересно использование очень понятного для 1990-х гг. термина «аура школы»). Историки стали обращать внимание на исследование микросоциумов в науке («культурные гнезда»), показывать диалог между различными сообществами историков. Интересно отметить, что именно на омских конференциях подробно рассматривалась история диалога московских и петербургских историков, при этом Корзун, ставшая автором докторской диссертации по образам исторической науки рубежа веков¹⁴³, считала петербургскую школу исследователей более изученной. Именно на омских конференциях стали изучаться проблемы повседневности науки, то есть все то, что благодаря работам П. Бурдые и Р. Коллинза считалось предметом рассмотрения антропологии науки.

Влиятельной при новом повороте в историографических исследованиях оставалась петербургская школа исследователей, сосредоточившаяся в 1990-х – 2000-х гг. на проблемах особого положения и крупных культурных гнездах, связанных с городом на Неве (Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.М. Панеях, В.С. Брачев, Б.С. Каганович, С.Н. Погодин, затем и следующее поколение историков – например, Е.А. Ростовцев и др.). Общим для петербуржцев было мнение, что их школа формировалась на протяжении XIX–XX вв. У ее истоков стоял всеобщий историк М.С. Куторга, к рубежу веков в Петербурге было два лидера – С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский. При этом несмотря на различия, объединяло петербуржцев противостояние Москве, то есть у них сформировалось собственное самосознание, отзвуком которого стала речь

¹⁴² *Алеврас Н.Н.* Проблемы историографии на омских научных конференциях «Культура и интеллигенция России» // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. № 2(10). С. 15–20.

¹⁴³ *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: Анализ отечественных историографических концепций Омск, 2000. – 226 с.

А.Е. Преснякова на защите диссертации, где главной чертой школы был назван «научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту – вне зависимости от историографической традиции». По мнению С.В. Чиркова, различие между школами было «в нижнем этаже» – в изучении материалов источников, то есть «в тех корнях исследовательской методики, которую можно обозначить как культуру исследования»¹⁴⁴. Исследователь предложил различать школы «как различные типы научной культуры», в которых нужно изучать типологию научной культуры, где передача традиций – важнейшая функция. При этом, если некоторые петербургские ученые, считали, что обособленное положение петербуржцев всегда отличало их от москвичей (Ананьич), то А.Н. Цамутали, Корзун настаивали на том, что на рубеже XIX – начале XX вв. началось сближение между двумя столицами, зачинателем которого стал П.Н. Милюков. Именно последнему уделялось пристально внимание в работах исследователей рубежа XX и XXI в.

Одним из новых центров изучения исторической науки стал центр по изучению интеллектуальной истории, созданный в Институте всеобщей истории РАН, который постепенно притянул к себе и исследователей, занимающихся сообществами ученых.

В междисциплинарных работах в рамках интеллектуальной истории был проявлен интерес к тому, как производится интеллектуальное знание, как оно распространяется, что происходит в результате конфликтов идей, как путешествуют те или иные идеи в разных социальных группах, какое влияние на идеи оказывают политические, культурные и научные революции. Этот репертуар тем оказался быстро востребован в России, что оказало влияние на изучение сообщество московских историков.

В результате ряда конференций, проведенных центром, проблематика связанная с изучением московской школы историков, стала анализировалась в

---

¹⁴⁴ Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науки конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 27.

работах Л.П. Репиной, А.В. Антощенко, Н.Н. Алеврас, И.Г. Воробьевой, Н.В. Гришиной, А.В. Свешникова и др.

В целом для историографии 2010-х гг. одним из центральных становится вопрос о связи культурных стандартов, формирующихся в университетской среде, с культурным развитием русского общества. Встает вопрос о значении «профессорской культуры», «диссертационной культуры»¹⁴⁵, соотношении понятий культура в широком смысле с понятием «культура интеллектуалов».

1.2.2. Сообщество профессиональных историков в работах по истории Московского университета

До 1970-х гг. изучение истории Московского университета носило юбилейный характер¹⁴⁶. На 1970–90-е гг. приходится новый этап в изучения университетов в России. Вероятнее всего, под влиянием П.А. Зайончковского предпринимается попытка рассмотреть историю Московского университета с точки зрения его правового положения в самодержавном государстве. Начинается изучение университетских уставов, определяется роль университета в системе российского образования, которая соотносится с правительственной политикой в сфере народного просвещения и взглядами представителей российского общества по тем же вопросам¹⁴⁷. Существенно расширяется источниковая база работ по

¹⁴⁵ Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. Опыт и практика подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М., СПб., 2022. – 464 с.

¹⁴⁶ См.: Парсамов В.С. «История императорского Московского университета» С.П. Шевырева: Исторический нарратив в политическом контексте: репринт. М., 2013; *Он же*. «История Императорского Московского университета» С.П. Шевырева: от скандала к юбилею // Российская история. 2015. № 1. С. 89–112; Гутнов Д.А. Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24–26 января 1930 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2004. № 3; Очерки по истории Московского университета // Ученые записки МГУ. Вып. 50. М., 1940; Вишленкова Е.А., Парсамов В.С. Университетские истории в России: Генезис жанров // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 3 (20); Цыганков Д.А. Юбилейные истории // Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Репринтное издание / Под ред. И.И. Тучкова, А.Ю. Шутова; Предисловие В.А. Садовниченко. М., 2017. С. V–XII.

¹⁴⁷ Эймонтова Р.Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки. Т. 70. М., 1961; Щетинина Г.И. Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: от крепостничества к капитализму. М., 1985; Иванов А.Е.

университетской истории. В научный оборот вводятся материалы текущего делопроизводства министерства народного просвещения и университетской канцелярии: формулярные списки профессоров, алфавитные списки студентов. Исследуется информативная ценность материалов периодической печати, освещающих вопросы подготовки университетских преобразований¹⁴⁸.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в историографии предпринимается попытка вывести университетскую историю на новый уровень. Как следствие этого процесса, в Воронеже создается центр по изучению университетской истории¹⁴⁹. Один из его идеологов – В.И. Чесноков исследовал проблему подготовки кадров российских историков в XIX в., складывание лекционно-семинарской системы занятий в университетах, формирование историко-филологических факультетов российских университетов¹⁵⁰.

При этом господствующим направлением в университетской историографии 1990-х гг. оставался институциональный подход. К достижениям историков в этот период времени можно отнести попытки исследовать корпоративные идеалы профессоров и студентов Московского университета¹⁵¹. Так, Г.И. Щетинина,

---

Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы. М., 1993; *Иванов А.Е.* Ученые степени в российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994; *Щетинина Г.И.* Идеальная жизнь русской интеллигенции. Конец XIX – начало XX в. М., 1995; *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и кафедра Российской истории Московского университета. М., 1995; *Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997; *Петров Ф.А.* К.Д. Кавелин в Московском университете. М., 1997; *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX в.: Формирование системы государственного образования. Кн. 1.: Зарождение системы государственного образования в России. М., 1998; Кн. 2.: Становление системы государственного образования в России. Ч. 1–3. М., 1998–1999; Кн. 3.: Университетская профессура и подготовка устава 1835 г. М., 2000.

¹⁴⁸ *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976.

¹⁴⁹ См.: Российские университеты в XIX – нач. XX в. Вып. 1–2. Воронеж, 1993, 1996; Российские университеты в XVIII – нач. XX вв. Вып. 3–4. Воронеж, 1998, 1999.

¹⁵⁰ *Чесноков В.И.* Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX – нач. XX в. Вып. 2. Воронеж, 1996. С. 3–15. О семинарских занятиях в практике российских университетов см. также: *Золотарев В.П.* Семинарские занятия по новой истории в российских университетах 60-х гг. XIX в. // Вузовская историческая наука и историческое образование. Итоги и перспективы развития. Воронеж, 1991.

¹⁵¹ См. *Левандовский А.А.* Умиритель студентов // Железный век. М., 2000. С. 131–141; *Романов Ю.В.* Наука и власть: Наследие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов–99». История. С. 76–80.

изучая ученую карьеру ректора московского университета С.Н. Трубецкого, его стремление сплотить студентов на академической платформе, фактически ставит проблемы университетской корпоративности¹⁵².

К началу 2000-х гг. университетская историография переросла юбилейный характер. Мощные традиции исследования собственных университетских центров имелись у Москвы (М.Т. Белявский, Н.А. Пенчко, С.С. Дмитриев, А.А. Левандовский, Н.И. Цимбаев, Л.П. Лаптева), Санкт-Петербурга (Д.А. Марголис, Г.А. Тишкин, А.Ю. Дворниченко, Е.А. Ростовцев и др.), Казани (Г.Н. Вульфсон, Е.А. Вишленкова и др.), Харькова (С.И. Посохов, Л.А. Посохова и др.).

Институциональный подход к истории университетов, начатый в юбилейных трудах С.В. Рождественского, хорошо отработан в работах исследователей университета. Исследована подготовка всех дореволюционных уставов: 1804 и 1835 гг. (Ф.А. Петров, А.Ю. Андреев), 1863 (Р.Г. Эймонтова), 1884 г. (Г.И. Щетинина). Показана история введения временных правил 1905 г. (А.Е. Иванов).

Определенной вехой в подведении итогов развития университетской историографии стала конференция в Санкт-Петербурге, проведенная в 2007 г. Германским историческим институтом, материалы которой опубликованы в сборнике «Быть русским по духу и Европейцем по образованию». Конференция объединила несколько поколений историков, занимавшихся университетской проблематикой. К старшему поколению историков университета относились Г.А. Тишкин, А.Е. Иванов, Л.П. Лаптева, с которыми очень удачно скооперировалась немецкая исследовательница Т. Маурер. Представители этой генерации ученых стояли у истоков институциональной истории университетов. Следующее за ним поколение исследователей (А.В. Антощенко, С.И. Посохов, А.Ю. Андреев, Е.А. Вишленкова, Т.Н. Жуковская, Е.А. Ростовцев¹⁵³) начала формировать новую программу исследований по истории университетов, внося в

¹⁵² *Щетинина Г.И.* Идеиная жизнь русской интеллигенции. Конец XIX – начало XX в. М., 1995.

¹⁵³ Один из факторов выделения именно этих имен не только поколенческий признак, но и уровень признания к началу XXI в.

них достижения социальной истории науки, истории идей, истории повседневности, культурной антропологии. Наконец, еще одну когорту исследователей представляли либо ученики предыдущих поколений историков, либо на момент конференции только входящие в науку исследователи (К.А. Ильина, Т.В. Костина, Д.А. Цыганков и др.).

Следствием конференции стал коллективный проект, посвященный трансферу и адаптации университетской идеи в России, объединивший исследовательские группы Московского (руководитель А.Ю. Андреев), Казанского (руководитель – Е.А. Вишленкова), Харьковского (руководитель – С.И. Посохов) и Майнцского университета (Я. Кусбер; к проекту на завершающем этапе также присоединилась Т. Маурер)¹⁵⁴.

В рамках проекта изучались вопросы взаимодействия университета и города¹⁵⁵; формальные и неформальные практики управления университетом¹⁵⁶,

¹⁵⁴ *Посохова Л.Ю.* Православные коллегииумы на пересечении культур, традиций, эпох: Конец XVII – начало XIX в. М., 2016. *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX в.: Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018; *Тегга Еигора:* Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. М., 2014 / под общей ред. Д.А. Цыганкова; *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017; *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015; *Вахромеева О.Б.* Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918), со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: К 140-летию Бестужевских курсов / О.Б. Вахромеева. М., 2018; *Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX вв.: Антология: учеб. пособие для вузов / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов.* М., 2011; *Иностранцы профессора российских университетов: Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Биограф. словарь / под общ. ред. А.Ю. Андреева; сост. А.М. Феофанов.* М., 2011.

¹⁵⁵ *Посохов С.И.* Университетский город в Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: К вопросу о роли, степени и каналах немецкого культурного влияния // *Диалог со временем.* 2011. № 36. С. 140–165; *Цыганков Д.А.* Московский университет в городском пространстве начала XX в. // *Университет и город в России (начало XX в.): сб. под ред. Труде Маурер и Александра Дмитриева.* М., 2009. Сам сборник: *Университет и город в России (начало XX века): сб. под ред. Труде Маурер и Александра Дмитриева.* М., 2009.

¹⁵⁶ *Ильина К.А.* Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09. Историография, источниковедение и методы исторического исследования. Казань, 2011. – 211 с. *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012; *Вишленкова Е.А.* Университетский архив и модернизация государственного управления в Российской империи 1820–1830-х гг. // *Новое прошлое.* 2016. № 2. С. 86–106.

конфликты в университете. Но в центре внимания оказались проблема трансфера и адаптации университетской идеи в России. Обсуждалась типология университета как института науки (средневековый-модернизированный-классический-массовый) и ее адаптация на русской почве¹⁵⁷, карьерные стратегии иностранных ученых на русской службе¹⁵⁸, взаимодействие русских и иностранных профессоров во второй половине XVIII – первой половине XIX в., подготовка русских ученых за границей и перенос ими ценностей европейской науки в Россию¹⁵⁹. Постепенно в центре внимания оказался вопрос природы корпоративности в университете.

Проблема профессорской корпоративности, мобильности ученых в русских университетах, норм и традиций в университетском мире стали отличительной чертой работ по социальной истории университета в 2010-гг.

В связи с этим нужно выделить две докторские диссертации, посвященные этой проблематике. В Петербурге Е.А. Ростовцев, рассмотрев широкий круг проблем социальной истории университета, в центре исследования поставил проблему взаимодействия корпорации профессоров столичного университета и властных структур¹⁶⁰.

---

¹⁵⁷ Андреев А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 48–60; *Он же*. «Национальная модель» университетского образования: Возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 156–169; *Он же*. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2013.

¹⁵⁸ Каплуновский А. «У меня в Москве есть повод быть довольным»: Переписка Христиана фон Шлецера с семьей. Жизненные миры университетариев, трансфер знания и культуры в России начала XIX в. / Введ., коммент., общая ред. А. Каплуновского; пер. с нем. К. Левинсона. М., 2018.

¹⁵⁹ Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М., 2005; Цыганков Д.А. Традиции Т.Н. Грановского и формирование «московской школы историков»: Складывание профессиональной среды в Московском университете как проблема трансфера культур // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университет Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в.: сб. ст. / отв. сост. А.Ю. Андреев; отв. ред. серии А.В. Доронин. М., 2009. С. 222–244.

¹⁶⁰ Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России: 1884–1917: дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2016.

Томский исследователь М.В. Грибовский¹⁶¹ (традиция университетских исследований в этом научном центре связана с именами С.Ф. Фоминых и С.А. Некрыловым) рассмотрел внутреннее устройство профессорской корпорации: продвижения по должностям и чинам, социальное обеспечение ученых, конфликты внутри университетской среды.

В новых работах А.Ю. Андреева дана количественная характеристика профессоров русских университетов до 1884 г. и рассмотрен такой аспект их академической карьеры как мобильность внутри русских университетов. Исследователь с помощью просопографического анализа показывает, что Московский и Петербургский университеты выступали по отношению к другим университетам как доноры педагогических кадров, а в качестве пересадочных очень часто выступали Казанский, Одесский и Варшавский университеты¹⁶².

В целом изучение истории университетов с помощью междисциплинарных подходов стало господствующей тенденцией последнего десятилетия, сформировав новое поле исследовательского поиска. Крупнейшими центрами в изучении университетской истории являются Санкт-Петербургский, Томский, Казанский, Московский университеты. Впрочем, и вне этих центров имеются крупные исследователи университетской истории.

---

¹⁶¹ *Грибовский М.В.* Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра истор. наук. Томск, 2018. *Он же.* Трудности университетской карьеры в России в конце XIX – начале XX в. // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 146–159.

¹⁶² *Андреев А.Ю.* Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С.68–93; *Он же.* Статистическое исследование университетской профессуры в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып.1. С.19–41.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕНОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ И ИСТОРИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: 1755–1835

2.1. Трансфер и адаптация институтов науки в XVIII – начале XIX вв.

По мнению современных исследователей, начало «переноса институтов» науки в Россию приходится на первую четверть XVIII в.¹⁶³ В коллективной монографии «Университет в российской империи XVIII – первой половины XIX века», одним из авторов которой был автор данного исследования, показаны трансфер и адаптация различных учебно-научных реалий в российской действительности в XVIII – первой четверти XIX в.¹⁶⁴ Как правило, в настоящее время выделяют несколько проблем, связанных со становлением профессии ученого в России.

Во-первых, это ситуация долго дящегося открытия той или иной научной институции. При основании Петербургской академии наук¹⁶⁵ этот процесс был связан с утверждением Регламента Академии, который так и не был принят в первые двадцать лет ее существования. Сходная ситуация характерна и для основания Московского университета¹⁶⁶. Несмотря на утверждение Проекта об основании университета, публикации указа об его открытии, согласовании университетских штатов, его куратор – И.И. Шувалов – считал основание университета незавершенным. Это, по мнению куратора, давало ему возможность

---

¹⁶³ Кузнецова Н.И. Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 50–51.

¹⁶⁴ Университет в российской империи XVIII – первой половины XIX в. / под общей ред. А.Ю. Андреева и С.И. Посохова. М., 2012.

¹⁶⁵ Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Ленинград, 1977.

¹⁶⁶ См., например, Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М., 1953; Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. Современный взгляд на проблему – Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 249–284.

принимать решения, не основанные на буквальном следовании Проекту об основании.

На примере Московского университета вплоть до введения в действие устава 1863 г. мы будем встречаться с ситуацией «переоткрытия» университета. Это произойдет и в начале XIX в. при попечителе М.Н. Муравьеве¹⁶⁷, и в 1830–1840-е гг. при попечителе С.Г. Строганове¹⁶⁸.

Как следствие этой организационной неопределенности, обнаруживается существенное расхождение между законодательством относительно Московского университета и административной и учебной практикой этих научных институций, что оказывало существенное влияние на подбор ученых и их службу. Очень часто в отсутствии подробной нормативной базы Московского университета администраторы и люди университета действовали, исходя из норм и ценностей, определивших когда-то их становление как членов корпорации ученых.

Так, например, можно выделить тип русского ученого-бюрократа, сформированного в рамках управления Академическим университетом. К нему можно отнести В.Е. Адодурова, ставшего в екатерининскую эпоху куратором Московского университета, и Г.Н. Теплова – одного из создателей Регламента академического университета 1747 г., автора проекта основания университета в Батурине.

Представители этого типа администраторов настаивали на том, что роль посредника между властью и ученой корпорацией должна принадлежать правильно устроенной научно-административной бюрократической единице, напоминающей академическую канцелярию И.Д. Шумахера. Они внимательно следили за тем, чтобы количество штатных должностей в научно-учебном подразделении было строго ограничено, а преподавание велось под контролем

---

¹⁶⁷ Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000. С. 44–71; *Он же*. Российские университеты. С. 350–372. Попыткой создать биографию М.Н. Муравьева можно считать работу: Кунц Е.В. М.Н. Муравьев – реформатор, попечитель, наставник, поэт. М., 2018.

¹⁶⁸ Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 4 (65). С. 70–97.

администрации (отмена свободы преподавания). В представлении этих администраторов-бюрократов продвижение по должностным позициям необходимо было контролировать, а все процедуры перехода с одной должности на другую строго законодательно прописать. Как правило, организационно-технических возможностей для воплощения в жизнь своих принципов у такого рода администраторов еще не хватало. Кроме того, желание бюрократов все контролировать встречалось со сопротивлением со стороны ученой корпорации, которая хоть и была разношерстной по своему составу и ценностям, но в неприятии академической бюрократии была на редкость единодушна.

Среди русских членов сословия ученых, который пытался оказывать влияние на управление просвещением в России, особняком стоит М.В. Ломоносов¹⁶⁹, выступавший за достраивание Академического университета до его средневекового аналога с академическим вольностями и привилегиями, правами самоуправления, прежде всего в деле возведения в «академические градусы». Российской особенностью университета, по мнению Ломоносова, должны было стать право для универсантов получать классные чины Табели о рангах за научную службу в университете. Модификацией идей Ломоносова станет план определения на службу «правильно» окончивших университет студентов («батуринский проект» Г.Н. Теплова)¹⁷⁰ или предложение о невозможности занимать государственную должность без университетского аттестата (впервые в проекте О.П. Козодавлева¹⁷¹, затем нашло выражение в экзамене на чин М.М. Сперанского). Эти идеи, наконец, были реализованы в университетском уставе 1804 г.

¹⁶⁹ Андреев А.Ю. Университетская идея в понимании М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 5. С. 52–68.

¹⁷⁰ ЧОИДР. 1863. Кн. 2. С. 67–84; Андреев А.Ю. Российские университеты... С. 266–268. Андреев оценивает этот проект как вариант «модернизированного» университета. С. 268.

¹⁷¹ Опубликован в биографии Козодавлева: Сухомлинов М.И. О.П. Козодавлев // История российской академии. Т. 6. СПб., 1862. С. 58–123; Андреев А.Ю. Российские университеты... С. 302–331; Петров Ф.А. Зарождение системы университетского образования в России // Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия / Под ред. В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. М., 1997. С. 90–101.

Свою лепту в разрешении вопроса о том, как должны выглядеть научные институты и ученые в России, внесли и немецкие интеллектуалы на русской службе. Во всяком случае, в Московском университете самый подробный университетский проект был представлен его профессурой. История появления профессорского проекта детально разобрана. Со своей стороны отметим, что выработка проекта затянулась на долгих семь лет¹⁷². Окончательный проект, переведенный на русский язык А.А. Барсовым, был готов к 1767 г. ко времени приезда в Москву для открытия заседаний Уложенной комиссии Екатерины II. Участие в разработке университетского законодательства профессорская комиссия воспринимала как дарованную им государством привилегию. В 1762 г. в комиссию входили: И.Г. Фроман, И.Х. Керштенс, И.А. Рост и И.Г. Рейхельв. Окончательный проект Устава подписали профессора Керштенс, Барсов, Рост, Рейхель, Шаден, Лангер, Эразмус¹⁷³.

Профессорский проект, судя по всему, был далек от разумности и российской действительности, что понимали и сами его создатели, например, Рейхель, критиковавший его в письмах Миллеру. Однако определенные идеи, связанные с университетской практикой в России, этот проект привносил. Во-первых, полнота власти по управлению университетом (учебные и научные вопросы, административно-хозяйственные вопросы) отдавалась на откуп университетской Конференции. Профессора стремились к средневековым вольностям, что в условиях критики университетов со стороны просветителей в Европе XVIII в. уже было анахронизмом. Столь же средневековыми выглядели идеи о пожаловании университета деревнями с крепостными для обеспечения финансового благополучия. Во-вторых, в проекте высказывались идеи об увеличении количества штатных должностей профессоров, особенно на философском факультете, где помимо ординарных вводилась должность экстраординарного профессора. Как и в проекте Ломоносова, производство в

---

¹⁷² Первый промежуточный вариант не сохранился, о работе над ним см.: Документы и материалы. Т. 1. 179, 242.

¹⁷³ Документы и материалы. Т. 3. С. 120.

ученые степени в профессорском проекте влекло за собой получение классного чина¹⁷⁴. Профессорский проект был положен под сукно императрицей Екатериной II в основном из-за непомерных финансовых appetитов корпорации профессоров Московского университета¹⁷⁵.

Судя по всему, ближе всего к реальной жизни Московского университета был проект И.И. Шувалова, представленный в Комиссию народных училищ¹⁷⁶. Проект как бы итожил управленческую практику в университете. Высшая власть в университете принадлежала куратору, текущими же университетскими делами ведал директор. Кураторам принадлежало право осуществлять зачисление и увольнение профессоров (не Конференции, как в профессорском проекте). За директором проект сохранял контроль за учебными планами, речами профессоров на торжественных актах, подбор учителей в гимназию.

К 1783 г. Шувалов изменил свое представление об ученых степенях. Если в проекте 1755 г. Шувалов отказался от идей Ломоносова, предлагавшего ему дать университету право возводить в ученые степени, то в новой редакции устава, он требовал дать университету право «производить своих питомцев во все академические достоинства, как то: в Профессоры, философии в Магистры, юриспруденции и медицины в Докторы с дозволением чрез то самое сим последним медической практики»¹⁷⁷. Система ученых степеней очень разумно связывалась Шуваловым с назначением на преподавательские должности. Вводились ученые градусы профессора, магистра и доктора. Профессор имел право вести самостоятельное преподавание. Магистр выступал младшим преподавателем на философском факультете, следовательно, эта степень на этом факультете и присваивалась. Степень доктора давалась только на высших факультетах – юридическом и медицинском, а ее наличие предоставляло возможность иметь практику по своей специальности. «По сути, – отмечает

¹⁷⁴ Ординарный профессор – 7 класс, экстраординарный профессор – 8 класс; учителя гимназии – 8 класс.

¹⁷⁵ *Андреев А.Ю.* Российские университеты. С. 285.

¹⁷⁶ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 642; *Андреев А.Ю.* Российские университеты. С. 308–310.

¹⁷⁷ Цит.: по *Андреев А.Ю.* Российские университеты. С. 308–310.

исследователь проекта Шувалова А.Ю. Андреев, – здесь речь шла не о производстве в степень, а о принятии на должность в университет через экзамен и научный диспут, каковая практика сложилась в Московском университете с конца 1760-х гг.»¹⁷⁸.

Проект Шувалова был раскритикован в Комиссии об учреждении народных училищ. Он не был апробирован для Московского университета, но, с точки зрения Шувалова, его проект закрывал длительное открытие Московского университета.

Вторая серьезная проблема, связанная с институализацией науки в России связана с рекрутированием в образовательную систему учителей и учеников. Поскольку в России не было традиций существования профессиональных ученых и преподавателей, то к профессии ученого русских людей нужно было приохотить. У дворян новый вид службы долгое время вызывал устойчивое неприятие. Как правило, первые русские ученые – это представители духовенства. Весьма симптоматично, что при записи в Московскую академию Ломоносов назвался «поповским сыном».

Студенты Академического университета, которые за свою службу при АН получали жалование и могли продвигаться по лестнице должностей (следующей за должностью студенты была должность переводчика АН, а в конце концов можно было дорасти и до должности академика)¹⁷⁹ казеннокоштные студенты Московского университета, которые обучались и жили за счет средств казны, это и есть попытка государства создать ученое сословие из русских подданных. Как выяснилось в последней четверти века, об этом прямо говорил Шувалов в своем проекте для Комиссии училищ: найти желающих для занятий наукой в России на казенное иждивение из русских подданных гораздо сложнее, чем выписать для университета иностранных преподавателей.

¹⁷⁸ Иванов А.Е. Ученые степени в российской империи. XVIII – 1917 г. М., 1994. С. 29–33; Университеты в российской империи XVIII – первой половины XIX в. М., 2012. С. 343.

¹⁷⁹ Попытки петербургских историков доказать, что среди слушающих лекции в АН были другие категории «студентов», пришедших в науку по призванию, заслуживает внимание, но пока еще вызывают вопросы. См., например, Костина Т.В. К вопросу о численности и статусе первых академических студентов в Петербурге (1725–1732 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1 (68). С. 32–44.

Интересным проектом, в котором разработана система подготовки ученых из русских подданных, стал батуринский проект, создатель которого Теплов перед составлением документа вместе с гетманом К.Г. Разумовским посетил Московский университет и попытался понять все сложности перенесения европейских реалий на русскую почву. По проекту Теплова, казеннокоштные студенты, которых в Батурине должно было быть гораздо больше, чем в Москве, составляли так называемую учительскую семинарию. Ее выпускникам запрещалось выходить из университета до его окончания (процедура окончания университета в виде научного диспута была строго прописана в документе). При этом окончившим университет запрещалось избирать какую-либо иную сферу деятельности, кроме образовательной и научной. С течением времени все профессора в Батурине должны были быть местными воспитанниками. Поскольку проект не был осуществлен, мы не знаем, сколько бы потребовалось времени местным университетским властям для реализации собственных идей. Но опыт Московского университета показывает, что этот процесс был очень долгим.

Поэтому, мечтая о собственных «Платонах и быстрых разумом Невтонах», администраторы науки в империи должны были приглашать иностранных ученых. Этот процесс был начат Л.Л. Бюментростом и И.Д. Шумахером в 1718–1722 гг. и не останавливался вплоть до Отечественной войны 1812 г.

С одной стороны, иностранцам пытались таким образом позиционировать пребывание в России и ученую службу в ней, чтобы у европейских жрецов науки сложилось представление о Северной Пальмире как о рае для ученых¹⁸⁰. Так, 15 августа 1725 г. Екатерина I устроила роскошный прием для первых приехавших ученых в Летнем саду: с показом всех императорских достопримечательностей (фонтаны и скульптура) и личным знакомством ученых с членами императорской семьи¹⁸¹. Помпезностью отличалось и первое публичное собрание АН 27 декабря 1725 г., на котором присутствовал весь двор, Сенат и Синод, петербургская знать

¹⁸⁰ *Копелевич Ю.Х.* Рай для ученых? // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. С. 47–68.

¹⁸¹ *Копелевич Ю.Х.* Основание. С. 83.

(около 400 человек, сама Екатерина, правда, прибыть не смогла). Ученым для проживания выдавались бесплатные квартиры, им обеспечивалась бесперебойная бесплатная переписка с корреспондентами по всей Европе. Очень часто располагала европейских ученых и обходительность сильных фигур в российской элите. Так, Г.З. Байер писал в письме знакомым: «господин президент Блюментрост – человек большой учености, исключительного ума и редкой обходительности. Каждое воскресенье мы собираемся все вместе, ибо ему так нравится. Он всегда при этом присутствует, и время проводится больше в приятной беседе, чем в других развлечениях»¹⁸².

Однако невключенность иностранцев, вошедших в ученое сословие в России, в классное чиновничество, оставляло представителей науки из иностранцев в сложном положении. Они были социальными изгоями в благородном обществе. Так, на одном из придворных мероприятий в эпоху Анны Иоанновны, место для академиков нашлось лишь между шутами и недорослями¹⁸³. Постепенно, как докладывал занимавшийся делами АН И.А. Корф, к академикам на постой начали ставить солдат¹⁸⁴. Да и финансирование оказалось нестабильным. Как вспоминал Миллер, «нехватка денег началась уже в 1727 году. Едва поступали деньги за текущий год, то они выплачивались в счет погашения долгов за прошедший, или распределялись кому как заблагорассудиться. В результате получалось, что сумма, определенная на Академию, не выплачивалась исправно»¹⁸⁵.

В итоге, как правило, прежде всего деньги, очень большие деньги, оговоренные контрактом, могли заставить иностранных ученых предпочесть Россию. Именно за большими гонорарами готов был поехать в Россию Лейбниц, но, получая неисправное жалование из России, находясь еще в Вольфенбюттеле, отправиться в Россию он побоялся. Не поехал в Россию и Христиан Вольф. И в

---

¹⁸² *Копелевич Ю.Х.* Основание. С. 110–111.

¹⁸³ См.: *Фундаминский М.И.* Социальное положение ученых в России XVIII столетия // Наука и культура России XVIII века. Л., 1984. С. 52–70.

¹⁸⁴ Материалы. Т. 2. С. 569–570.

¹⁸⁵ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6. С. 159. Перевод В.И. Турнаева.

этом случае причиной в конечном счете был финансовый вопрос. Некоторые иностранные ученые, испытав Россию, возвращались назад. По оценке современных исследователей, «материально обеспеченными были очень немногие, но, правда, действительно лучшие: Г.Ф. Миллер, Ж.Н. Делиль, Л. Эйлер и (со временем) М.В. Ломоносов»¹⁸⁶. Обсуждение вопросов оплаты труда профессорами Московского университета во время разработки университетского устава показало, что для покрытия необходимых потребностей требовалось жалование около 1000 р., что в два раза превышало оклад штатного профессора Московского университета. При этом дополнительный заработок с помощью частных занятий, объявления о которых регулярно публиковались в «Московских ведомостях», часто представлялся ненадежными. В Москве не было спроса на ученые занятия профессоров у горожан. Как следствие, ученым необходимо было устраивать себе частные уроки у элиты российского дворянства. Кому-то это сделать удавалось с блеском, как, например, Дильтею¹⁸⁷, который от принимающей стороны требовал даже карету для доставки его на занятия. А вот Кёльнеру и Рейхелю это оказалось сделать не под силу¹⁸⁸. В результате лейпцигские ученые вынуждены были констатировать, что в России они не достигли даже своего прежнего, саксонского уровня жизни.

Идеальным профессором-историком Московского университета для его руководства был пастор Иоганн Виганд, который вообще не боролся за достойную оплату своего труда, поскольку от университета ему нужно было иное: свободный от постоя солдат дом, что было привилегией профессоров Московского университета, хотя особенно в начале университетской истории часто нарушаемой. В связи с этим очень характерной выглядит реплика директора И.И. Мелиссино, сказанная именно Виганду: «университет может дать почести, но не деньги»¹⁸⁹.

¹⁸⁶ Дмитриев И.С., Кузнецова Н.И. Академия благих надежд. М., 2019. С. 98.

¹⁸⁷ См., например, Андреев А.Ю. Профессора // Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997. С. 184–189.

¹⁸⁸ Там же. С. 189–191.

¹⁸⁹ Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 // Русская старина. 1892. Т. LXXIV. № 6. С. 561.

Впрочем, нужно заметить, что социальный статус профессоров Московского университета и историков, в частности, стал расти еще до принятия устава 1804 г. Историки рубежа XVIII–XIX вв. – Чеботарев, Черепанов, Виганд – получили классные чины за свою университетскую службу (не получили Кёльнер и Рейхель). Особенно показательна в этой связи фигура Чеботарева, который выслужил в университете потомственное дворянство и чин статского советника (1809). Вдова Чеботарева после смерти мужа получила 2000 р. единовременно и пенсия в 500 р. в год до смерти. До Чеботарева, наверное, только профессор Дильтей мог считаться финансово состоятельным, поскольку купил собственный дом на Козьем болоте, и вел стиль жизни, характерный для русского дворянина. В отличие от Дильтея Кёльнер умер в скромных условиях в доме Дильтея, а Рейхель не смог добиться жалования в 900 рублей, которое он выдвигал в качестве требования для продления контракта.

В целом социальный статус ученых в России был не высок¹⁹⁰. Поскольку Регламент Московского университета не был принят до 1804 г., то вопросы чинопроизводства стали предметом отдельных инициатив куратора и директора, просивших Сенат о награждении служащих университета. При этом, безусловно, все члены университетского сообщества стремились вести дворянский образ жизни и априори воспринимали себя благородным сословием. Так, студентам при вступлении в университет вручалась шпага¹⁹¹, профессора требовали от государства награждения университета населенными крестьянами деревнями.

Первым общегосударственным документом, резко повысившим статус универсантов, стали Предварительные правила МНП, на основе которых был составлен Устав 1804 г., связавший университетскую должность и чин в табели о рангах. Этот устав ввел окладное жалование для университетских служащих,

¹⁹⁰ *Фундаминский М.И.* Социальное положение ученых в России XVIII столетия // Наука и культура России XVIII века. Л., 1984. С. 55–57.

¹⁹¹ После окончания университета его администрация представляла студентов к награждению классным чином, однако окончательное решение оставалась за Сенатом. *Кулакова И.* Мундир российского студента (по материалам XVIII века) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. Международный журнал. 2008. № 9.; *Феофанов А.М.* «Студент» и «учеба в университете»: Проблема дефиниций (XVIII – первая четверть XIX века) // Поволжский вестник науки. 2019. № 2(12). С. 23–27.

заменившие контракт для ученых Московского университета во второй половине XVIII в.

Главным следствием появления институтов науки в России стало появление профессии ученого. Как верно замечает Копелевич, после организации АН в России «впервые возникла широко трактуемая профессия ученого, которому средства к существованию и содержанию семьи обеспечивала исследовательская работа»¹⁹².

2.2. Первые профессора-историки Московского университета

2.2.1. Ф.Г. Дильтей: первый лектор истории

Первым профессором, прочитавшим курс истории в Московском университете, стал Филипп Генрих Дильтей¹⁹³. В целом его служебная деятельность в Московском университете достаточно хорошо изучена¹⁹⁴. Опубликована записка Дильтея императрице Екатерине II о распространении наук и училищ в России¹⁹⁵. При публикации сохранившихся протоколов Конференции

¹⁹² Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской АН. С. 61–62.

¹⁹³ *Catalogus prelectionum academicarum in Alma Elisabethana Universitate* [Перечень академических лекций в Елизаветинском университете]. Январь 1757 г. Л. 3.; Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855. С. 33.

¹⁹⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1. М., Тип., 1855. С. 301–311; Русский биографический словарь. Т. 6. СПб., 1905. С. 381; Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 215; *Meusel J.G. Lexikon der von 1750–1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller*. Bd. 2. Leipzig, 1803. S. 368–370; *Donnert E. Philipp Heinrich Dilthey (1723–1781) und sein Bildungsplan für Rußland vom Jahre 1764 // Österreichische Osthefte: Mitteilungsorgan des Österreichischen Ost und Südosteuropainstituts*. 1989. V. 31. S. 203–237; *Зарецкий Ю.* Как профессор Филипп Дильтей отстаивал свою правду (случай из ранней истории Московского университета). М., 2014; *Зарецкий Ю.* Как профессор Филипп Дильтей отстаивал свою правду (случай из ранней истории Московского университета) // Новое литературное обозрение. 2015. № 1(131). С. 142–166; *Зарецкий Ю.* История в Московском университете. Начало // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 5 (85). С. 179–193.

¹⁹⁵ «План об учреждении разных училищ для распространения наук и исправления нравов» впервые опубликован в сборнике: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII – XIX в. / сост. С.В. Рождественский. СПб., 1910. С. 10–44.

Московского университета¹⁹⁶ из коллекции И.М. Снегирева ее публикатор – Н.А. Пенчко – пристальное внимание уделяла разбирательству в Сенате дела по увольнению Дильтея из университета. Немецкие исследователи ввели в научный оборот переписку Г.Ф. Миллера и А. Бюшинга¹⁹⁷, в которой содержится подробная информация о приглашении Дильтея в Москву. Ученого рассматривали как первого иностранного профессора, прибывшего в Московский университет¹⁹⁸. Предпринята попытка дать и краткую характеристику Дильтею как историку¹⁹⁹. Однако важные детали, связанные с изучением роли Дильтея в преподавании истории в Московском университете, все же остаются не рассмотренными.

После подписания указа об основании Московского университета 12 января 1755 г., Елизавета назначила его кураторами камергера И.И. Шувалова и постоянно проживающего в Москве начальника военного госпиталя Л.Л. Блюментроста²⁰⁰, игравшего в 1718–1724 гг. ключевую роль при основании Академии наук. Записка М.В. Ломоносова, написанная в 1764 г., позволяет предположить, что в Петербурге в январе 1755 г. на совещании кураторов обсуждался вопрос о заполнении вакантных должностей в Московском университете, в котором Ломоносов принимал участие²⁰¹. После конфликта с Блюментростом Ломоносов от консультаций был устранен. Однако и

¹⁹⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. М., 1960. Т. 1. С. 333; Оригинал – «О ссорах профессора Ф.Г. Дильтея с куратором В.Е. Адодуровым» // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42.

¹⁹⁷ *Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Rußland und Deutschland im 18. Jahrhundert. Briefwechsel A.F. Büsching – G.F. Müller. 1751 bis 1783.* (hrsg. von P. Hoffmann). Berlin, 1995. Подвел итог этой работе Д.Н. Костышин в «Истории Московского университета (вторая половина XVIII – начала XIX в.)». Т. 1–5. М., 2006–2019.

¹⁹⁸ *Андреев А.Ю.* Профессора // Университет для России. М., 1997. С. 174–219; *Он же.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 271–276.

¹⁹⁹ *Зарецкий Ю.* История в Московском университете. Начало // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 5 (85). С. 179–193.

²⁰⁰ ПСЗ. Т.14. № 10346.

²⁰¹ Сам Ломоносов вспоминал участие в этом процессе следующим образом: «Будучи участником при учреждении Московского Университета, довольно в нем (Блюментросте) приметил нелюбви к российским ученым, когда Блюментрост назначен куратором и приехал из Москвы в Петербург, ибо он не хотел, чтобы Ломоносов был больше в советах о Университете, которой и первую причину подал к основанию помянутого корпуса» // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.10. М.–Л., 1959. С. 312.

Блюментрост повлиять на кадровый состав профессоров Московского университета не сумел, поскольку умер в марте 1755 г.

Шувалов обратился за помощью к президенту АН К.Г. Разумовскому²⁰². Несколько академиков²⁰³ попыталось помочь куратору Московского университета, однако постепенно лишь один из них стал консультировать Шувалова по вопросу приглашения иностранных ученых – конференц-секретарь АН Г.Ф. Миллер²⁰⁴. Как резонно предполагает Андреев, это было связано прежде всего с тем, что Миллер как академик-секретарь контролировал всю научную переписку АН²⁰⁵. Однако можно также предположить и недовольство Шувалова, вызванное неспособностью АН предложить подходящую кандидатуру для заполнения вакантной должности ректора дворянской и разночинской гимназии Московского университета. Решить этот вопрос обещали И.Д. Шумахер и Г.Н. Теплов²⁰⁶, однако дело довести до конца не смогли. В итоге к концу 1756 г. Миллер переключил консультации Шувалова с немецкими профессорами на себя.

Практически все кандидатуры Миллера, предложенные им куратору Московского университета через посредничество немецких ученых, заинтересовали Шувалова. Сам же Миллер при поиске номинантов основывался

---

²⁰² Андреев А.Ю. Русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: диссертация доктора истор. наук. М., 2006. С. 226–227. Градова Б.А., Костышин Д.Н. Роль Академии наук в организации Московского университета // Петербургская Академия наук в истории академического мира. К 275-летию РАН. Материалы международной конференции. СПб., 1999. С. 118. Документ № 136. 1755 июня 11. Письмо куратора Московского университета И.И. Шувалова президенту Академии наук К.Г. Разумовскому с просьбой о приглашении кандидата на место ректора гимназий, знающего латинский и греческий язык С. 208–209; См. также: Документы № 77 (С. 135–136); № 154 (С. 220–221); № 155 (С. 221–222) // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 1. М., 2006.

²⁰³ Документы № 143 (С. 213–214); № 154 (С. 220–221); № 155 (С. 221–222); № 156 (С. 222–223); № 162 (С. 230–231) и др. // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 1. М., 2006.

²⁰⁴ Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 369.

²⁰⁵ Андреев А.Ю. Русско-немецкие... С. 230–232.

²⁰⁶ Документ № 162. 1755 7 июля. Протоколы заседания конференции Академии наук об уточнении смысла указа гр. К.Г. Разумовского о приглашении кандидата на место ректора гимназий Московского университета и признании достаточным для этой цели писем статского советника А.Н. Гиршова иностранным корреспондентам // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 1. С. 229–231.

на проторенных АН международных контактах (прежде всего университеты в Лейпциге и Тюбингене²⁰⁷) и личных связях.

Указания Шувалова были очень понятны. Сначала нужно было найти ректора университетской гимназии, затем – по одному профессору на каждый факультет. При этом вопрос с историком решился при заключении контракта с профессором юридического факультета, что входило в противоречие с «Проектом об учреждении Московского университета».

При этом юриста в Московский университет рекомендовал ученый, сделавший себе имя прежде всего как крупнейший немецкий географ XVIII в. Корреспондентом Миллера, предложившим Дильтея, был А.И. Бюшинг²⁰⁸. Дильтей был мужем дальней родственницы Бюшинга. В рекомендации Бюшинга Дильтей был представлен как «много путешествовавший и весьма образованный человек католической веры, но ни в коем случае не сектант, а, напротив, порядочный человек. В узком смысле он юрист, но может также преподавать естественное право и историю. Кроме того, он говорит и пишет на хорошей латыни и греческом, владеет письменно и устно французским и итальянским, понимает также английский и немного – славянский, не упоминая уже о немецком языке, который для него родной»²⁰⁹. В деталях Бюшинг был не точен. В дальнейшем при проведении экзаменов Дильтею (после окончания конфликта с Адодуровым и возвращением Дильтея в университет) выяснится его недостаточные знания в греческом языке и ему будет отказано преподавать греческую словесность в Московском университете. Интересно также отметить, что в письмах Дильтей чаще всего пользовался французским языком.

В 1753 г. обучавшийся в университетах Инсбрука, Страсбурга и Вены Дильтей защитил в столице монархии Габсбургов диссертацию «De usurpationibus et usucapionibus» (О завладении имуществом за давностью) на степень доктора обоих

²⁰⁷ Андреев А.Ю. Русско-немецкие... С. 165–166.

²⁰⁸ О нем подробнее см.: Hoffmann P. Anton Friedrich Büsching (1724–1793). Ein Leben im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 2000; на рус. яз.: Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988. С. 189–211.

²⁰⁹ Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Rußland und Deutschland im 18. Jahrhundert. Briefwechsel A.F.Büsching – G.F.Müller. 1751 bis 1783 / hrg. von P.Hoffmann. Berlin, 1995. S. 73, 76.

прав²¹⁰. Позже «из 24 лиц был выбран вместе с тремя другими и представлен к юридической профессуре, хотя в тот раз и не прошел»²¹¹. Став адвокатом консистории в Вене, Дильтей писал научные работы и состоял членом Майнцской Академии.

Переговоры о приглашении Дильтея шли в декабре 1755 – феврале 1756 г.²¹² Весной 1756 г. по приезду в Петербурге он заключил контракт с Шуваловым на три года с жалованием в 500 р. В контракте Дильтей был прописан как «ординарный профессор права и истории».

1 октября 1756 г. газета «Московские ведомости» сообщила, что «в прошедшую субботу, то есть прошедшего месяца 28 числа, прибыли в здешний университет натуральной юриспруденции профессор Дильтей; да магистр Отенталь»²¹³. Для чтения естественного права и истории Дильтею были назначены «послеобеденные часы от второго до четвертого четыре раза в неделю»²¹⁴. 31 октября состоялась «инавгуральная лекция» профессора «О нужде и пользе права», которая по сообщению Миллера, стала первым произведением на латинском языке, напечатанным при Московском университете²¹⁵.

За день до этой лекции было вывешено объявление «для всех жителей сего пространного града», составленное от имени куратора, в котором сообщалось, что «прав и истории профессор сего октября 31 дня, то есть в четверток, в 9 часов по полуночи, речь при собрании говорить будет, а в следующий день как о правах, так и об истории ординарные свои лекции преподавать начнет»²¹⁶. Этот источник позволил Ю. Зарецкому сделать два утверждения: «1) «Дильтей был первым

²¹⁰ Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. С. 14.

²¹¹ Briefwechsel A.F.Büsching – G.F.Müller...S. 81.

²¹² 1756 февраля. Из письма профессора Г.Ф. Миллера профессору А.Ф. Бюшингу о намерении предоставить кандидатуру доктора права Ф.Г. Дильтея куратору И.И. Шувалову для приглашения в Московский университет // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 2. С. 43–44.

²¹³ Московские ведомости. 1756. № 46. 1 октября // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 2. С. 184.

²¹⁴ Документы и материалы. Т. 1. С. 27.

²¹⁵ Briefwechsel A.F.Büsching – G.F.Müller... S. 83. См. также Объявление куратора о лекциях Дильтея // История Московского университета. Сб. документов. Т. 2. С. 185.

²¹⁶ Перевощиков Д. Черты из истории императорского Московского университета // Московский городской листок. 1847. № 14. С. 56.

преподавателем истории в Московском университете, 2) преподавание истории началось в нем 1 ноября 1756 года»²¹⁷. После публикаций соответствующих документов Костышиным – это, действительно, очевидно²¹⁸.

Согласно объявлениям о лекциях, Дильтей продолжил читать историю и в следующем 1757 г., а в 1758 г. читал ее частным порядком у себя на дому, в лекции были включены и события русской истории. По протоколам Конференции, историей Дильтей занимался до 1766 г., хотя публичных лекций уже не читал.

Дильтей стал автором учебника по истории – «Первые основания истории»²¹⁹. Эту работу Зарецкий предлагает считать «не только первым историческим трудом, созданным в Московском университете, но и вообще первой обзорной работой по всеобщей истории, созданной в России»²²⁰. Учебник Дильтея по сути своей дидактическое произведение, предназначенное прежде всего для обучения истории юношества (возможно, были попытки использовать его в гимназии, где Дильтей некоторое время исполнял должность инспектора; правда, утверждать, что он использовался в учебном процессе нет никаких оснований). Об этом свидетельствует введение работы: «Я издал сии сокращения истории для употребления моими учениками, дабы не тратить времени, переписывая оныя, и не прийти в убыток, покупая книги дороже. Другое же мое намерение было такое, чтобы услужить господам учителям, снабдя их такою книгою, которую могли они преподавать своим ученикам, и которая служила б им наставлениям в доказании истории, и была бы им великою пользою в таком случае, когда они не знают российского языка, что случается со всеми приежающими в Россию, призваны ли они будут из иностранных земель, или какой иной случай их сюда приведет. Она

²¹⁷ Зарецкий Ю. История в Московском университете. Начало // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 5 (85). С. 180.

²¹⁸ Прил. № 25, № 26 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сборник документов. Т. 2. М., 2011. С. 184–186.

²¹⁹ Дильтей Ф.Г. Первые основания универсальной истории с сокращенной хронологией в пользу обучающегося российского дворянства. Ч. 1. М., 1762; *Он же*. Первые основания универсальной истории с сокращенной хронологией в пользу обучающегося российского дворянства. Ч. 2. М., 1763; *Он же*. Первые основания универсальной истории с сокращенной хронологией в пользу обучающегося российского дворянства. Ч. 3. М., 1768.

²²⁰ Зарецкий Ю. История в Московском университете. Начало // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 5 (85). С. 182.

им в таком случае весьма полезна будет как для них самих, так и для их учеников, еще не совсем разумеющих силу всех слов. Учитель может показать своему ученику перевод российский, написанный против французского»²²¹. Издание было осуществлено по подписке, то есть деньги на публикацию 1 части собрали 84 человека, которые упомянуты в введении (на последующие части число подписчиков увеличивалось; к подписке кроме гимназистов и студентов присоединялись иностранцы и женщины). Работа была посвящена наследнику престолу Павлу Петровичу. Она опиралась на исторические труды учено-энциклопедиста Петра Массюэ, а также писателя и богослова Ж. Боссюэ²²².

Учебник представлял собой параллельный текст на русском и французском языке. Структура учебника во многом напоминала структуру церковного катехизиса. Весь текст был разбит на разделы, разделы на уроки, уроки на вопросы. Первый вопрос вводного раздела был очевиден: «что есть История?». Ответ: «История есть точное и справедливое описание о происшедших приключениях, разделенных по течению времени, чтоб мы знали все, что приключилось примечания достойного в свете» (Ч.1. С. 3). В учебнике объяснялись основы хронологии, особенности Юлианского календаря, отмечалось, что начало года с 1 января введено в России Петром I (Ч.1. С. 43), показывались сложности, которые могут возникать в связи с несовершенством хронологии.

Изложение всемирной истории начиналось с 17 урока, который называется «Сотворение мира». Об истории славян Дильтей рассказывает в уроке «История генеральная о готах» (Ч. 3), задавая вопрос об этническом происхождении этого народа – германском или славянском. Далее автор разбирает вопрос о россах как народе, упоминаемых в исторических источниках и обсуждаемый в исследованиях ученых XVII в., например, у Самуэля Пуффендорфа. Наконец, дает

---

²²¹ Дильтей Ф.Г. Первые основания универсальной истории с сокращенной хронологией в пользу обучающегося российского дворянства. Ч. 1. С. 2–4. Одна из первых работ, в которой упоминается о Дильтее как авторе учебника: Козлова М.И. Первые преподаватели истории в Московском университете // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 227–242.

²²² Козлова М.И. Указ. соч. С. 232.

Дильтей и обзор русской истории по Синописису. В учебнике есть самые общие сведения об открытии Америки (Ч. 2), Африки и Азии.

На заключительном этапе разбирательства по делу Дильтея куратор Адодуров потребовал от Конференции дать оценку вышедшим в свет томам истории Дильтея. 11 января, лично посетив Конференцию, Адодуров предложил членам Конференции высказаться по следующим вопросам: «считают ли они эту книгу пригодной для изучения в гимназии»?²²³ Конференция дала отрицательное заключение: «а) принятый им метод вопросов и ответов (катехизический) служит причиной излишнего многословия, б) вдобавок, история – неполная, поскольку она продолжается до времен Августа²²⁴, в) она является ничем иным, как компиляцией и переложением сочинения Массуэта с добавлением множества ошибок»²²⁵. Чтобы усилить обвинения Дильтея в плагиате в протоколе было сделано добавление: «Кстати припоминается, что в последней своей речи он совершил плагиат, вставив целую страницу из Гейнекция в свое рассуждение»²²⁶.

Следствием обсуждением учебника Дильтея в Конференции стало решение о переводе на русский язык учебника И. Фрейера, который в дальнейшем осуществит Х.А. Чеботарев на основании подготовленной правки по книге И.Г. Рейхеля и при дополнительном редактировании А.А. Барсова.

Косвенно мы можем составить представление о преподавании истории Дильтеем. В материалах сенатского разбирательства присутствуют студенческие записи лекций Дильтея, которые доказывают редкое чтение публичных лекций профессором. Рейхель ехидно замечает, что Дильтей «в 16 месяцев читал 15 лекций, но ни одного учения не окончил»²²⁷. Однако при этом тот же Рейхель отмечал, что взятые из Московского университета для преподавания истории в Кадетском корпусе студенты обучались истории именно у Дильтея: «Еще 4

²²³ Документы и материалы. Т. 2. С. 207.

²²⁴ После восстановления в должности Дильтей продолжит издание работы.

²²⁵ Документы и материалы. Т. 2. С. 207–208.

²²⁶ Документы и материалы. Т. 2. С. 208.

²²⁷ *Костышин Д.Н., Рычаловский Е.Е.* Лейпцигские ученые в Московском университете и их письма академику Г.Ф. Миллеру // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1999. М., 2000. С. 45.

студента отсюда по ордеру в Кадетский корпус посланы для преподавания начальных оснований географии и истории. В отменных способностях их я никакого участия не принимал, понеже исторический курс оканчивали они у господина профессора Дильтея и притом моим наставлением никогда не пользовались. Сии люди сделаться могут наилучшим оправданием серьезного об истории рассуждения, каковую здесь, к сожалению, доселе невысоко почитали»²²⁸. Правда, возможно, что такое влияние на студентов Дильтей оказывал в том числе и потому, что со студентами он мог репетировать пройденный им материал частным образом. Ведь некоторые частные занятия, за которые критиковали этого ученого, он проводил у себя на дому бесплатно. Неслучайно, что и его учебник по истории явно предназначен для домашних, а не публичных занятий²²⁹.

Дильтей стал очень успешным ученым в России. Его благосостояние базировалось на частных уроках, за которые профессор брал по 12 р. в год с ученика за каждый предмет (половина суммы вперед). Это позволило ему достаточно быстро купить собственный дом на Козьем Болоте²³⁰. Правда, частная практика, приведшая Дильтея в дома знати, стала причиной его небрежения публичными лекциями в университете, в результате чего, по распоряжению куратора Адодурова, он был уволен из университета. Однако университетской карьеры Дильтея это происшествие не остановило. Профессор-юрист подал прошение в Сенат о собственном восстановлении в университете и при поддержке императрицы выиграл дело.

Иногда противникам Дильтея удавалось доказать его научную некомпетентность в предметах, не связанных с юриспруденцией, однако напрямую научную репутацию Дильтея это не задевало.

Как коллега Дильтей оказывал покровительство пришедшим ему на смену историкам – Х.Г. Кёльнеру²³¹ и И.Х. Рейхелю.

---

²²⁸ Там же. С. 50.

²²⁹ *Зарецкий Ю.П.* Как профессор Дильтей отстоял свою правду: Случай из истории Московского университета в первые годы его существования: препринт WP19/2014/01. М., 2014. С. 40.

²³⁰ *Шевырев. С.П.* Указ. соч. С. 63.

²³¹ Кёльнер скончался в доме у Дильтея.

2.2.2. Ученики И.К. Готшеда: Х.Г. Кёльнер и Х.Г. Рейхель

Появление в Московском университете Кёльнера и Рейхеля связано с контактами Г.Ф. Миллера с лидером в мире немецких ученых-классицистов – Иоганном Кристофом Готшедом. Вполне возможно, что Миллер мог познакомиться с этим немецким ученым еще в 1725 г. перед своим отъездом в Россию у И.Б. Менке, бывшего первым ученым-гуманитарием в Германии, с которыми вели переговоры для приглашения ученых в Петербургскую АН Л.Л. Блюментрост и И.Д. Шумахер. Вероятно, именно Менке рекомендовал профессору церковной истории И. Колю, решившемуся поехать в Россию, взять собой в качестве ученика Миллера²³². Готшед и Миллер виделись во время краткосрочной поездки Миллера в Германию в 1731 г.

По оценке Андреева, «основные научные работы Готшеда были посвящены искусству красноречия и стихосложения, которое он рассматривал как научную дисциплину. По мнению Готшеда, главная задача литературы заключалась в том, чтобы представить читателю благородные примеры, воспитывать его, побуждать к совершению добрых дел»²³³. К 1740-м гг. Готшед был одной из крупнейших фигур в мире немецких классицистов. Продолжая дело учителя, он основал «Лейпцигское научное и поэтическое общество». В Лейпциге в доме у Готшеда собирался литературный салон, ставший предметом подражания для других университетов, в работе которого участвовали ученые и литераторы²³⁴. Готшед был создателем ежемесячного журнала «Новости изящных наук» (*Das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit*; издавался в 1751–1763 гг.). Издание журнала вызвало интерес Готшеда к России²³⁵. В 1756 г. он начал переписываться с

²³² *Lehmann U.* Der Gottschedkreis und Russland. Deutsch-russische Literaturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1966. S. 30.

²³³ *Андреев А.Ю.* Русско-немецкие... С. 232.

²³⁴ *Waniek G.* Gottsched und die deutsche Literatur seiner Zeit. Leipzig, 1897.

²³⁵ *Гуковский Г.А.* Русская литература в немецком журнале XVIII в. // XVIII век. Вып. 3. М.-Л., 1958. С. 400–409; *Белковец А.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.И. Бюшинг. Томск, 1988.

выходцем из Лейпцига в России – Я. Штеллиным, который, вероятнее всего, и свел его с Миллером. Готшед поместил в своем журнале рецензию на «Ежемесячные сочинения...» Миллера, затем на основании свидетельств Кёльнера Готшед будет информировать европейских ученых о Московском университете.

10 (21) декабря 1756 г., фактически через год после приглашения Дильтея, Миллер сообщил Готшеду: «Московскому университету требуются двое людей, искусных в словесных науках (*in humanioribus geschickte Subjecta*), которые, хотя в основном должны преподавать немецкий язык и чистописание в университетской гимназии, но в случае необходимости согласились бы также давать уроки начальных основ истории и географии. Насколько я сейчас думаю, никого более подходящего для этого нельзя найти, чем тех, которые занимались науками под Вашим руководством. Лучше всего, если в них соединятся образованность, хорошие нравы и молодость. Молодой человек скорее приспособится к обычаям страны и еще имеет надежду выучить язык, что весьма послужит к его преимуществу». Миллер обещал приглашаемому жалование от 250 до 300 р. в год и деньги на проезд в Россию, от 50 до 100 р., а также «дальнейшее устройство при университете»²³⁶. Важно отметить, что в письме речь шла о приглашении ученых в университетскую гимназию с возможностью академической карьеры в университете.

15 января 1757 г. по новому стилю Готшед отвечал, что нашел людей, которые «имеют способности и желание стать апостолами изящных наук и немецкого языка в Москве». Это были его ученики: И.Г. Рейхель и Х.Г. Кёльнер. Рейхель уже давно обучал юношество в домах богатых жителей Лейпцига, то есть, по мнению наставника, имел педагогический опыт, а также был хорошим словесником²³⁷. Кёльнер, хотя и был моложе, полностью прошел курс обучения в

²³⁶ *Lehmann U.* Op. cit. S. 97–98.

²³⁷ Из письма Готшеда Миллеру. «Первый и старейший зовется Рейхель, ему около 30 лет, достойный кандидат с прекрасным классическим образованием, добился похвалы, занимая должность гофмейстера в разных дворянских и богатых бюргерских домах, занимался обучением юношества. Второй – монсиньор Кёльнер, уроженец Вейсенфельса, его хорошо знает господин доктор Цейгер. Он несколько моложе предыдущего, ему исполнилось 28 лет, не только обучался здесь под моим руководством, но и стал баклавром, и известен преимущественно своими опубликованными переводами с французского. Последние тома проповедей Коста переведены

Лейпциге, имел степень «бакалавра», «показал себя с самой лучшей стороны, благодаря различным переводам с французского, опубликованным в печати». Оба кандидата были членами Лейпцигского общества свободных искусств, авторами таких «произведений, которые делали им честь»²³⁸. По мнению Готшеда, у Кёльнера были преимущества перед Рейхелем, поскольку он уже давно интересовался русской литературой и через ее посредство познакомился с русской историей. Именно Кёльнер перевел на немецкий язык трагедию А.П. Сумарокова «Синав и Трувор» (с французского издания).

Миллер предложил Готшеду познакомить Кёльнера с Гейнзиусом, который давно уже сотрудничал с АН и в том числе выполнял функции рекрутирования немецких ученых для России. Гейнзиус проверил научный уровень кандидата и рассказал тому об особенностях ученой жизни в России²³⁹. Готшед предложил Миллеру первоначально заключить трехлетний контракт с его учениками. Обоим кандидатам Готшед просил выдать одинаковую сумму на проезд и по возможности повысить ее до 100 р.²⁴⁰

В письме от 3 февраля 1757 г.²⁴¹ Миллер рекомендовал немецких кандидатов Шувалову на должности в университете. Куратора предложения Миллера заинтересовали. В письме из Петербурга 18 февраля (1 марта) 1757 г. Миллер

им. Оба – члены нашего общества свободных искусств и достойны доброго внимания Вашего Выскоблагородия, так как в уже вышедших из печати томах наших собраний их имена стоят под произведениями, которые делают им честь. Последний (Кёльнер) перевел трагедию «Синав и Трувор» господина бригадира Сумарокова стихами на немецкий язык и, вероятно, тем самым найдет путь к этому благородному кавалеру. Оба готовы на Пасху выехать отсюда в Любек в том случае, если им к этому сроку поступят деньги на поездку; и я надеюсь, что, избежав всех препятствий и получив денежное довольствие, они отправятся в путь. Если же перед отъездом их обяжут подписать письменный договор, то я прошу направить его мне с тем, чтобы поставить под ним подпись и скрепить печатью. Дело в том, что один из господ находится не здесь, а в Нидерлаузнице под Лукка». Документ № 2 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 3. С. 23.

²³⁸ *Lehmann U.* Op. cit. S. 108.

²³⁹ Документ № 4 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 3. С. 26–27. В одном из первых писем к Гейнзиусу в конце 1756 г. Миллер попросил его «склонять к иммиграции в Россию» всех ученых, пострадавших в научном смысле или потерявших работу в период Семилетней войны, и таким образом, Гейнзиус на этот период как бы становился главным «научным агентом» России на территории Германии.

²⁴⁰ *Lehmann U.* Op. cit. S. 109.

²⁴¹ *Lehmann U.* Op. cit. S. 98–99. Документ № 16 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Сборник документов. Т. 3. С. 40–43.

сообщил Гейнзиусу, что «г. камергер Шувалов, куратор Московского университета, очень доволен предложенными Вами двумя столь сведущими кандидатами как г. Рейхель и Кельнер», выслал им 200 р. на проезд почтовым векселем²⁴². От лейпцигского профессора Миллер требовал, чтобы деньги были переданы кандидатам только после того, как они подпишут контракты на работу в университете²⁴³.

30 марта 1857 г. Гейнзиус сообщал Миллеру, что Рейхель контракт подписал и уехал перед отъездом к родственникам, в то время как Кельнер еще не приехал из Вейсенфельса²⁴⁴. Гейнзиус планировал, что 13 апреля два ученика Готшеда должны соединиться с учеником самого Гейнзиуса – Шмидтом, заключившим контракт с Петербургской АН, и отправиться в Любек, из которого морским путем достичь Кронштадта.

Однако отъезд в Россию молодыми людьми был сорван. 13 апреля в Лейпциге находился лишь Шмидт. Рейхель уведомлял Гейнзиуса, что он прибудет в город 17 апреля. «...А от господина Кельнера, от которого наибольшей проволочки ожидаю, пока никакого известия о том, когда он приедет, не имею», – сообщал Гейнзиус²⁴⁵.

В письме от 22 апреля Готшед информировал Миллера о том, что 23 апреля молодые ученые отправятся в Санкт-Петербург и одновременно заявлял: «Если бы это не было честью для Саксонии, что она может посылать искусных людей в чужие края, то в другом случае я бы весьма сожалел о потере таких одаренных

²⁴² *Lehmann U.* Op. cit. S. 98–99. Документ № 21 // История Московского университета. Сборник документов. Т. 3. С. 47–49.

²⁴³ Формула контракта: «Я, имярек, обязуюсь на 3 года основательно, по мере своей способности обучать в Московском университете тамошних студентов немецкому языку и красноречию, а притом и в прочих наука, в коих я сведущ, оных наставлять. За то долженствует быть мне выплачено годовое жалование в 300 рублей и 100 рублей дорожных денег, и по получении последних обещаю тот час отправиться через Любек в Санкт-Петербург. Ежели по прошествию 3 лет я и далее охоту буду иметь в тамошней службе оставаться, то тогда в новый контракт вступлю. В противном случае и коли обстоятельства от меня потребуются вернуться в отечество мое, то имеет мне быть беспрепятственно дана отставка. Дано в Лейпциге... 1757 года. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 305/7. Л. 32–33 об.

²⁴⁴ Документ № 52 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 3. С. 84–86.

²⁴⁵ Документ № 63 // Там же. С. 94–95.

земляков. Однако, я надеюсь, что они не вовсе умрут для нас или будут потеряны, но иногда будут напоминать о своем существовании благодаря своим сочинениям»²⁴⁶.

Как свидетельствует Гейнзиус, выезд опять задержался. Шмидт с Абендротом, который интересовался возможностью стать личным секретарем президента АН К.Г. Разумовского, вместе выехали в Гамбург 25 апреля, а Рейхель с Кёльнером в брауншвейгской карете²⁴⁷ отправились в сторону Любека лишь 26 апреля. Встретиться молодые ученые должны были через 8–10 дней в Любеке. Однако все планы вновь были нарушены. 21 мая в Петербург смог добраться лишь Кёльнер. К 1 июня в Гамбург все еще не приехал Шмидт, где находился Рейхель, Гензиус обещал узнать у Абендрота²⁴⁸. Причиной происходящего Гейнзиус считал студенческий дух: «Могла ли веселая компания столь легко разлучиться и покинуть немецкую землю без пирушки?»²⁴⁹.

Миллер полагал, что между Кёльнером и Рейхелем произошел размолвка: «Рейхель приехал сюда почти двумя месяцами позже Кёльнера..., – утверждал он. – Уже известно, что они пережили путешествие не совсем в согласии. Я был тому здесь достаточным свидетелем. Если бы так продолжалось в Москве, то конечно это было бы сочтено недостатком обоих. Но, вероятно, мои увещания настолько возымели успех, что больше не слышно ни единой жалобы»²⁵⁰.

В Петербурге Рейхель оказался после 20 июня. Вместе с Кёльнером он был представлен Шувалову. Шувалов после беседы с номинантами в ордере от 23 июня 1757 г. на имя директора Московского университета И.И. Мелиссино предупредил

²⁴⁶ Документ № 67 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сборник документов. С. 99–100. *Lehmann U.* Op. cit. S. 110.

²⁴⁷ Документ № 76 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сборник документов. Т. 3. С. 107.

²⁴⁸ «С великим удовольствием узнал я, что господин Кёльнер заблаговременно и столь благополучно в Петербург прибыл; лишь отставание прочих двух путешественников не очень мне нравится, тем паче, что господин магистр Шмидт не известил меня, как было условлено, о своем приезде в Любек...» Документ № 124 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сборник документов. Т. 3. С. 152–153.

²⁴⁹ Там же. С. 153.

²⁵⁰ *Lehmann U.* Op. cit. S. 100.

последнего о прибытии «двух магистров» из Лейпцига²⁵¹ и говорил о них в контексте университетского, а не гимназического преподавания. До отправки в Москву куратор выдал молодым ученым треть жалования, утвердив началом действия контракта 1 мая. 11 июля магистры выехали из Петербурга и 21 числа оказались в Москве, поселившись в доме А.Г. Грузинской в Охотном ряду²⁵².

24 июля 1757 г. Кёльнер и Рейхель явились в канцелярию Московского университета²⁵³. Перед канцелярией стал вопрос – куда определять на службу новых немецких учителей – в гимназию или университет. Как сообщал Кёльнер Готшеду: «В начале нас хотели устроить в гимназию: но поскольку, согласно нашим распискам и контрактам, мы обязаны служить в университете, а не в гимназии; то мы высказались по этому поводу без обиняков. Наконец нашим требованиям пошли навстречу; но с условием, что, поскольку ни один из студентов не знает слова по-немецки, преподавать немецкую грамматику будет только господин Рейхель, а я тем временем – всеобщую историю»²⁵⁴. По свидетельству Дильтея, «господа Кёльнер и Рейхель начали свои уроки с академической вступительной речи. Один говорил об истории, другой – об изучении немецкого языка. Сочинение было превосходным. Оно заслуживает того, чтобы его прочитали»²⁵⁵.

Статус как преподавателей Кёльнера и Рейхеля в Москве оказался не определен. Миллер в письме к учителю Кёльнера и Рейхеля – Готшеду, объясняя положение его учеников в Московском университете, писал: «Экстраординарных профессоров нет: но есть несколько лекторов, которые также читают публичные

²⁵¹ Документы и материалы. Т. 1. С. 67. «Сумма, учрежденная на Университет, уже не становится довольна, а профессоров еще и половины нет. Теперь два магистра приехали из Лейпцига, которых я Вам скоро отправлю».

²⁵² За комнату с питанием они платили 1 р. в месяц, при этом сетовали, что найти обслугу им сложно, поскольку они хотели бы иметь немецкого слугу. См. *Костышин Д.Н., Рычаловский Е.Е.* Лейпцигские ученые С. 46.

²⁵³ Документы и материалы. Т.1. С. 67, 77.

²⁵⁴ *Костышин Д.Н., Рычаловский Е.Е.* Лейпцигские ученые в Московском университете и их письма академику Г.Ф. Миллеру в 1757–1762 гг. // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, культура, археология. Ежегодник за 1999 г. М., 2000. Письма. С. 40.

²⁵⁵ Прил. № 26 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 3. М., 2014. С. 403.

лекции. К их числу относятся господа Рейхель и Кёльнер, из которых первый преподает немецкое красноречие, а второй, наряду с этим, историю»²⁵⁶. По Миллеру выходило, что ученики Готшеда находились на положении экстраординарных профессоров: они не входили в университетскую конференцию, но имели право на чтение публичных лекций и ведение частных занятий со статусом университетских ученых. Это разъяснение понадобилось во многом потому, что Кельнер в письме к Готшеду, сделал замечание, что в Москве «учителей университета называют профессорами, а тех, кто преподает в обеих гимназиях, магистрами и прецепторами»²⁵⁷.

Напомню, что куратор Московского университета Шувалов в ордере от 21 июня 1757 г. в канцелярию Московского университета назвал немецких ученых магистрами. Ранее тот же Шувалов называл магистрами в своих ордерах Н.Н. Поповского, Ф.Я. Яремского и А.А. Барсова. Их наименование магистрами связано с делопроизводством Академии наук, где они 17 января 1754 г. объявлены магистрами АН. В Московский университет они переводились именно как магистры АН. При этом все магистры АН получили назначение в университетские гимназии, а не университет.

Поповский 9 марта 1755 г. был назначен конректором (исполняющим обязанность) ректора гимназии и учителем высшего латинского класса (с 10 марта 1756 г. ординарный профессор). Ф.Я. Яремский 8 марта был назначен учителем латинского языка, риторики и русской грамматики в университетской гимназии (с 1760 – корректор университетской типографии). А.А. Барсов 8 февраля 1755 г. был определен магистром математики в гимназии (с 1761 – профессор). После назначения в 1756 г. на должность ректора гимназии И.М. Шадена Поповский получил повышение и стал профессором красноречия.

Таким образом, до Кёльнера и Рейхеля магистры, действительно, были прежде всего преподавателями гимназии. При этом магистерство рассматривалась

²⁵⁶ Письмо Г.Ф. Миллеру – Готшеду от 13 февраля 1758 г. Документ № 18 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 4. С. 40.

²⁵⁷ История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 3. С. 407.

как академический градус, полученный в определенном учебном или научном заведении, подтверждающий научную квалификацию номинанта (аналог диплома об окончании). В Объявлениях о публичных лекциях 1758 г., только через год после начала своего преподавания, Кёльнер и Рейхель впервые названы «магистрами Московского университета»²⁵⁸. Таким образом, научную квалификацию немецких ученых как бы подтвердил Московский университет. Это было важно и для Кёльнера и Рейхеля, поскольку их статус был поставлен под сомнение ректором гимназии Шаденом. Как вспоминал Кёльнер: «Едва мы в Москву прибыли, как, по его понятию, я и господин Рейхель лишними сделались; нимало не колебался он мыслями, совершенно откровенно сказал нам однажды в своих покоях, что профессор Миллер и надворный советник Штеллин только худых людей для здешнего Университета выписывали, дабы процветанию оногo умышленно воспрепятствовать»²⁵⁹. При этом лейпцигские ученые не хотели вступать в подчиненные служебные отношения с ректором гимназии, поскольку свой статус в университете считали равным по достоинству с тем, что был у Шадена. Там, в заметке об основании Московского университета, опубликованной в журнале Готшеда, статус Шадена, что явно было продиктовано Кёльнером, был записан как лекторский («экстраординарный профессор»), то есть был такой же, как и у самого Кёльнера и Рейхеля.

Не устраивал «историков» Шаден и с морально-этической точки зрения. «А как нам было человеку повиноваться, – писал Кёльнер в письме к Миллеру, – который в реестре учений гимназических от прошлого года довольно показал, что искусство латинского языка вместе с ним не прейдет²⁶⁰; который держит при себе женщину, чей наряд достаточно являет, что она к большему назначена, нежели от прислужницы, беручи сие слово в благопристойном смысле, требовать можно; который в попойках с портными из Немецкой слободы на карачках братался; который в доме нашем непотребных баб искал и даже предлагал нам деньги за

---

²⁵⁸ Объявления 1758 г.

²⁵⁹ Х.Г. Келлнер – Г.Ф. Миллеру // *Костышин Д.Н., Рычаловкий Е.Е.* Лейпцигские ученые. С. 42.

²⁶⁰ Намеки на слабое знание латыни, проявившиеся в составлении каталога лекций на латинском языке.

хозяйку; который, напоследок, многим питием отягощенный, в бытность мою пришел в комнату господина Рейхеля и таким образом себя повел, что свечою мог обоям и висевшим на оных ландкартам великий ущерб причинить; умалчивая о прочих свинствах, тогда им содеянных, каковые, даже следуя преждереченному *salua venia*, ныне в честном свете назвать нельзя? Какой человек, благопристойность, честь и добродетель, блюдущий, пожелал бы от такого злодея зависеть!»²⁶¹.

Однако, подтвердив свое научное реноме, молодые магистры Московского университета столкнулись с новой проблемой. В условиях недостаточности бюджета для содержания университета и двух гимназий при нем куратор Шувалов своим ордером летом 1758 г. потребовал, чтобы нагрузка преподавателей была не меньше 6 часов в неделю²⁶² (три урока по 2 часа ежедневно). Поскольку студентов на философском факультета явно не доставало, то добирать часы университетские преподаватели должны были в гимназиях. Это вызвало буквально ужас у магистра Кёльнера, который, судя по всему, был очень мягким по природе человеком и физически испытывал страх, видя Шадена. Впрочем, Кёльнеру повезло, за него вступился Дильтей. Дильтей как инспектор студентов поручил Кёльнеру два раза в неделю экзаменовать казеннокоштных студентов университета. В итоге Кёльнер был освобожден от всяких служебных отношений с ректором Шаденом. Судя по всему, сближение с Дильтеем привело к тому, что постепенно Кёльнер стал жить в доме Дильтея, выехав из университетской гостиницы.

Рейхель от служебных отношений с Шаденом устранился не смог: его назначили преподавать немецкий язык в дворянскую гимназию Московского университета. Он сохранил добрые отношения с Кёльнером, вместе с которым приехал в Москву, но стал едким критиком Дильтея, который взял его друга под свое покровительство. С лета 1758 г. Кёльнер и Рейхель стали выстраивать академические карьеры индивидуально.

---

²⁶¹ Костышин Д.Н., Рычаловский Е.Е. Указ. соч. С. 43.

²⁶² Документы и материалы. Т. 1. С. 118.

Кёльнер сразу связал свою академическую службу с преподаванием истории. Со второй половины 1757 г. по конец 1759 г. Кёльнер читал публичные лекции по всеобщей истории четыре дня в неделю по 2 часа (судя по всему, в первый год преподавания Кёльнера в Московском университете читались два курса по истории разными преподавателями – Рейхелем и Дильтеем), при этом Шаден читал древности²⁶³, а Рейхель историю философии и литературы²⁶⁴.

«Нигде я не был так здоров, – писал Кёльнер на родину, – и никогда время не текло так быстро, как в России. Уже прошел почти год, и это протекло быстрее, чем я себе когда-либо представлял. Я постоянно продвигаюсь вперед в моих лекциях по всеобщей истории. За основание для них я положил введение в универсальную историю Фрейера²⁶⁵, причем, поскольку наши студенты еще совсем не знают немецкого, должен это руководство, так же как и саму мою речь, переводить на латынь. Для облегчения работы мне очень способствует здешняя университетская библиотека, в которой уже находится изрядный запас книг по всем частям истории и которая также ежедневно пополняется бесценным и редкими работами, для чего Его превосходительство, г. куратор нашего университета не жалеет никаких расходов. О наших студентах я должен заявить, что среди них нашел способные головы, и поскольку с этим благодеянием природы у них также соединяется неистощимое усердие, то при обладании двумя столь необходимыми ученому свойствами они подают о себе самые лучшие надежды»²⁶⁶.

В сентябре 1758 г., продолжая чтение курса универсальной истории, Кёльнер поставил целью ввести в курс материал по русской истории и начал консультации по этому вопросу с Миллером: «Для нынешних моих лекций об универсальной истории весьма желал бы уточнить от Вашего Благородия, могу ли я про толковании российской части оной с доверием тем воспользоваться, что

²⁶³ Шевырев С.П. Указ. соч. С. 36–37.

²⁶⁴ Шевырев С.П. Указ. соч. С. 37.

²⁶⁵ С.П. Шевырев считал, что Кёльнер читает по Ролленю.

²⁶⁶ Впервые опубликовано на рус. яз.: *Гуковский*. Указ. соч. С. 404–407. См. также: Прил. №2. Документ № 9. Письмо Х.Г. Келлнера – И.К. Готшеду от 18 февраля/5 марта 1758 г. // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 4. С. 243–247.

Рейхард²⁶⁷, яко до сего принадлежащее, в собственной главной статье в переведенном им Состоянии Российском сообщил»²⁶⁸. Вполне возможно, что Кёльнер сослался на этого автора потому, что именно его рекомендовал Миллер Дильтею²⁶⁹ для изучения новейшей истории России. Это был самый большой компендиум по современной русской истории, получивший высокую оценку в европейской периодике.

Немецкий исследователь Леман считает, что Кёльнер сведения по русской истории в свой публичный курс включать не стал²⁷⁰, хотя в частных лекциях пытался осуществить эту инициативу в 1758 г. Как писал позже Кёльнер Миллеру, необходимо «нужнейшее преподавать; каково, по моему мнению, состоит в том, чтобы показать могли (студенты – Д.Ц.), коим образом обладатели государства один за другим следовали, когда тот или иной из них в правление вступил и сколь долго он управлял»²⁷¹. Фактически Кёльнера составлял генеалогические и родословные таблицы, которые презентовал и комментировал на лекциях, взяв за основу историю Фрейера и, возможно, используя учебник Роллена.

Во время службы Кёльнера в Москве был опубликован только один текст этого ученого. В журнале Готшеда «Das Neueste aus der anmutigen Gelehrsamkeit» была опубликована заметка Кёльнера «Einige Nachricht von der zu Moscau gestifteten russisch-kaiserlichen Universität»²⁷². Приведем этот текст полностью: «Из общественных газет известно, что 24 января 1755 г. по опубликованному императорскому указу открыта эта новая высшая школа наук и свободных

²⁶⁷ *Reichard E.K.* Heutige Historie oder der Gegenwärtige Staat von Russland. Altona und Leipzig, 1752. Книга была дополнением части многотомного проекта по истории – *Modern history, or, The Present State of all nations. Describing their respective situation, persons, habits, buildings, manners, law and customs, religion and policy, arts end sciences, trades, manufactures and husbandry, plants, animals and minerals.* London, 1725–1739.

²⁶⁸ Прил. № 2. Документ № 10 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 4. С. 249

²⁶⁹ Прил. № 2. Документ № 23 // Там же. С. 275.

²⁷⁰ *Lehmann U.* Op.cit. S. 125.

²⁷¹ Прил. № 2. Документ 13 // Там же. С. 254.

²⁷² *Koellner C.G.* “Einge Nachricht von der zu Moscau gestifteten russisch-kaizerlichen Universität” 1758. № 4. S. 311–314. Журнал издавался в Лейпциге в 1751–1762 гг. См.: *Гуковский Г.А.* Русская литература в немецком журнале XVIII в. // XVIII век. М.;Л., 1958. С. 404; *Костышин Д.Н. Рычаловский Е.Е.* Лейпцигские ученые. С. 38.

искусств. Но до сего времени ее заседание еще не были торжественно открыты, и о них ничего не было известно. Причину можно легко угадать. В месте, где прежде не хватало таких школ и гимназий, где молодежь должна приобретать знания, чтобы с пользой поступать в университеты, было положено начало высшему образованию, и это действительно произошло. Если число университетов возрастет, то возрастет и число профессоров высшей школы и установится университетский порядок во всей своей зрелости.

До сих пор, первоначально, были приняты на службу в этих школах следующие ученые мужи:

Господин Филипп Генрих Дильтей, уроженец Майнца, доктор права, профессор права и истории, также член Курмайнцской академии полезных наук в Эрфурте.

Господин Иоганн Христиан Керштенс из Штада, доктор медицины и искусства врачевания, профессор химии и металлургии.

Господин Иоганн Генрих Фроманн из Тюрингии, профессор логики, метафизики и морали.

Господин Николай Поповский из Москвы, профессор красноречия.

Кроме этих штатных профессоров имеются еще несколько лекторов²⁷³, из которых нам известны следующие:

Французский аббат, по имени Франкози, демонстрирует и объясняет физические явления.

Господин Иоганн Готфрид Рейхель, член Общества свободных искусств из Лейпцига, обучает немецкому языку и красноречию, и осуществляет контроль над библиотекой.

Господин Христиан Готлоб Кёльнер, бакалавр философии и член Общества свободных искусств, обучает всеобщей истории и осуществляет контроль над изданием книг.

---

²⁷³ В немецком оригинале – «экстраординарных профессоров». Ср. также о проблеме трансфера профессорских должностей в Московский университет: Университет в Российской империи. С. 405.

Подобных лекторов имеется еще несколько: по французскому, итальянскому и английским языкам, а также по другим наукам.

Две гимназии, одна – для дворян, вторая – для мещан (разночинцев), имеют общего лектора, господина Иоганна Маттиаса Шадена, венгра.

Господин пастор Зонненшмидт, второй евангелический проповедник в Москве, автор «Величия ученого мира», вторая часть которого вышла в Голландии, 24-го ноября прошлого года почил в бозе. Он оставил еще неопубликованное продолжение этой работы, которая вряд ли увидит свет. За первую книгу этого творения, выпущенную здесь издательством Брейткопфа, в качестве задатка, в России платили 5 рублей и таким образом за 200 книг, которые он поручил прислать в переплете, автор получи 1000 рублей».

Фактически это была одна из первых заметок о Московском университете в немецкой периодической печати. Одновременно этот был последний литературный успех Кёльнера. Он умер от тяжелой болезни в феврале 1760 г. в доме профессора Ф.Г. Дильтея. Все бумаги, в которых содержались научные заметки, переводы и стихи, Кёльнер завещал передать Лейпцигскому обществу свободных искусств, куда они были отправлены его товарищем Рейхелем²⁷⁴, которому пришлось долго за них бороться. Этому же научному обществу Кёльнер завещал все свое движимое и недвижимое имущество на родине. К моменту смерти Кёльнер был одинок. Самый близкий ему человек – отец, который играл важную роль в его жизни, скончался за год до смерти сына.

Рейхель начинал академическую карьеру как словесник. Его достижения в России оказались более значимыми, чем у Кёльнера, хотя еще в 1760 г. он не хотел перезаключать контракта с Московским университетом и вернуться на родину. 13 марта 1760 г. он писал Миллеру: «на новый (контракт – Д.Ц.) я еще не соглашался и не знаю, что делать, ибо день от дня у нас все хуже становится»²⁷⁵.

---

²⁷⁴ *Lehmann U.* Op. cit. S. S. 59.

²⁷⁵ *Костышин Д.Н.* Рейхель Иоганн Готфрид. Прим. № 14 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Т. 3. М., 2014. С. 454.

Преподавание Рейхель начал со второй половины 1757 г. «чтением лекций по грамматике немецкого языка, правилам немецкого красноречия, а также объявлял private курсы истории философии и литературы для приходящих в библиотеку»²⁷⁶.

В университете он должен был читать лекции по грамматике немецкого языка и правилам немецкого красноречия на основании книги Готтшеда «Die Kleine Sprachkunst», а также толковать «Философическую и литеральную историю», приходящим в библиотеку, куда с октября он был назначен помощником библиотекаря.

7 августа 1758 г. магистру Московского университета (в первый год, как и Кёльнер, в объявлениях он этого звания, удостоенного куратором Московского университета, был лишен) поручили преподавание в немецком классах дворянской гимназии. В этот учебный год Рейхель прошел три части грамматики и начал обучать синтаксису и немецкому стилю. Особый упор Рейхель делал на немецкие глаголы, «от которых происходит природная красота, по новым примечаниям ученых людей»²⁷⁷.

С 26 апреля 1759 г. в университете Рейхель преподавал этимологию и синтаксис немецкого языка, «извлеченный из самой природы», а при наличии книг стал знакомить студентов с немецкой словесностью. В гимназии он обучал «изящному сочинению писем», кратким речам и диалогам, на примере немецких газет «ради исторического стиля» изъяснял примечания «исторические и географические»²⁷⁸.

---

²⁷⁶ Прил. № 38. Объявления, какие лекции и в которые дни и часы читаны быть имеют публично в Императорском Московском университете в последнюю половину сего 1757 года Там же. С. 354.

²⁷⁷ Реестр публичных лекций, которые в Императорском Московском университете Августа с 13 дня 1758 гда продолжаться имеют. М., 1858. Л. 4–6 // ОРК НБ МГУ. Шифр 5 Те 28 (№ 1). Костышин для издания документов нашел реестр в портфелях Миллера. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. П. 809. Л. 4 (на рус. яз.); опубликовано: История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 4. М., 2016. С. 209.

²⁷⁸ Прил. № 4. Каталог учений и упражнений, которые преподаваемы будут в дворянской гимназии Московского императорского университета в 1759 году // Там же. Т. 5. С. 224.

В начале своей карьеры Рейхель стремился к должности профессора элоквенции. Вполне возможно, что именно поэтому Рейхель решился на издание литературного журнала – «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия или смешанную Библиотеку о разных физических, экономических, также до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах» (1762–1763).

Это был научный университетский журнал, напоминающий университетский журнал его учителя Готшеда или российские журналы Миллера²⁷⁹. Именно в этом издании были опубликованы одни из первых стихотворений и переводов Д.И. Фонвизина. Переводы русского поэта Рейхель неоднократно снабжал собственными примечаниями. Так к переводу Фонвизина романа аббата Террасона «Сиф» он предпослал следующее замечание: «и действительно не напрасный труд имел господин Фон-Визин в переводе на Российский язык книги сея своим согражданам. Великой благодарности достойны переводчики, кода употребляют они время на такие книги, кои служат к распространению учения, и которые вообще полезны для свободных наук. При таком великом множестве худых книг, видно похвальное достоинство переводчика, когда избирает он нечто доброе, полезное и особливое. Что господин Фон-Визин с рассуждени сего, сделал, о том общество узнает с удовольствием»²⁸⁰.

На перевод Фонвизина Овидия Рейхель заметил: «О знании его в немецком языке, я весьма уверен; а общество видело уже силу его в российском языке, как из различных опытов, так и из басен барона Голберга. Может быть, переведенные им на Российский язык Овидиевы превращения, будут большим еще доказательством его способности. Но я как чужестранец, примечаю всех тех, кто

²⁷⁹ Непосредственным предшественником журнала Рейхеля в Москве был журнал М.М. Хераскова «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или смешанная библиотека о разных физических, экономических, также до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах».

²⁸⁰ *Рейхель И.Г.* Известие и опыт о Российском переводе Сифа // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия или смешанную Библиотеку о разных физических, экономических, также до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах 1762. Ч. 3. № 6. С. 97–104.

приводят в совершенство хороший вкус народов, науки могут делать более общими, и подают читателям наставление на их природном языке, а особливо, когда распространяют они науки и добродетели»²⁸¹. По признанию самого Фонвизина, его участие в журнале весьма способствовало развитию его литературных способностей и интересов²⁸².

Прекращение издания журнала было связано с непростыми отношениями Рейхеля с издателем Вевером, который финансировал проект. Конфликт между редактором и издателем привел к разбирательству в университетской Конференции. Последняя подготовленная Рейхелем 4-ая часть издания была отпечатана к июлю 1763 г. (в издательстве находилась с февраля), после чего Рейхель от работы над журналом отказался. 24 февраля 1763 г. Рейхель писал Г.Ф. Миллеру: «Не стану оные (опыты – Д.Ц.) продолжать. Ибо, умалчивая о том, что требуют всякие неискусные статьи включать и даже пииты как мухи докучают, господин Вевер в издании своем крайне безрассуден и, дабы уклониться от платежа издержек за печатание, делает проволочки, которые у читателей и, паче чаяния, оных любителей, весьма непохвальное подозрение возбудить могут»²⁸³.

В целом исходом дела с журналом Рейхель был доволен: «окончанием моих ежечетверных сочинений обязан я удаче. За переводчиками дела не стало; хороши ли они – Бог знает; однако сие племя со строптивыми порядками. Они не желают переводить, что им дают, но хотят сами выбирать, и сей выбор падет обыкновенно на совсем особенные предметы. Дай я волю таким людям, из ежечетверных сочинений вышел бы нужник. Слава Богу, что столько мне удалось. Вперед стану остерегаться; особливо не хочу с подобными издателями водиться»²⁸⁴.

Академическая карьера Рейхеля как преподавателя словесности оказалась, действительно, неудачной. Сам немецкий магистр считал, что он всего себя отдает работе: «В лекциях я более преподавал, нежели обязанность моя заключает, на

---

²⁸¹ Там же.

²⁸² Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.–Л., 1952. С. 147–149.

²⁸³ Костышин Д.Н. Иоганн Готфрид Рейхель // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в. Т. 3. М., 2014. С. 459.

²⁸⁴ Костышин Д.Н. Иоганн Готфрид Рейхель // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 3. С. 459.

свой счет книги доставлял, а сие между учащихся здесь не в моде, ибо иной доктор больше игральных карт, чем книг в доме держит»²⁸⁵. При этом ему казалось, что он перегружен публичными занятиями по сравнению с коллегами, недооценен (отчасти он связывал подобное положение дел с прискорбным состоянием изучения немецкого языка в университете и гимназии, куда берут учителями разорившихся швейцарских ремесленников, а грамматику немецкого языка поручили составлять русскому учителю гимназии, в то время как ему – природному немцу – поручено создавать азбуку немецкого языка²⁸⁶), ему навязывается выполнение обязательств, не предусмотренных контрактом²⁸⁷, а сам он не имеет перспектив продвижения по службе, как было оговорено в письмах Готшеду²⁸⁸ при его отправлении самого в Москву.

Вероятнее всего, в 1760 г. Рейхель дал согласие на продолжение службы в университете без контракта, на что куратор университета – Шувалов – распорядился оставить Рейхеля в университете еще на один год.

В течение 17760/61 уч. г. в судьбе Рейхеля произошли серьезные изменения. 21 августа 1760 г. новым куратором университета был назначен дипломат Ф.В. Веселовский. Новый университетский управленец весной 1761 г. поставил вопрос о новой должности для Рейхеля перед канцелярией университета (возможно, он сделал это под влиянием письма Миллера от 5 апреля 1761 г.²⁸⁹). 6 мая 1761 г. по докладу директора И.И. Мелиссино «в философическом факультете» для Рейхеля учредили «место профессора», а Веселовский своим

²⁸⁵ Письмо Г.Ф. Миллеру от 12 марта 1761 г. Цит. по: *Костышин Д.Н.* Иоганн Готфрид Рейхель // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 3. С. 455.

²⁸⁶ Письмо И.Г. Рейхеля Г.Ф. Миллеру от 12 апреля 1761 г. // *Костышин Д.Н., Рычаловский Е.Е.* Лейпцигские ученые в Московском университете и их письма академику Г.Ф. Миллеру // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1999. М., 2000. С. 46.

²⁸⁷ Работа помощником библиотекаря, работа в немецком классе дворянской гимназии.

²⁸⁸ Письмо И.Г. Рейхеля Г.Ф. Миллеру от 7 января 1862 г.: «Ежели мы в годы первого нашего контракта здешнему заведению полезные услуги окажем, то должны и чином при Университете быть повышены с большим жалованьем». См.: *Костышин Д.Н., Рычаловский Е.Е.* Лейпцигские ученые в Московском университете и их письма академику Г.Ф. Миллеру // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1999. М., 2000.

²⁸⁹ *Костышин Д.Н.* Иоганн Готфрид Рейхель // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т.3. С. 455.

ордером утвердил Рейхеля в должности экстраординарного профессора с прибавкой жалования в 100 рублей с 8 мая, «за что он сверх прежней ево должности имеет обучать студентов истории два часа до обеда»²⁹⁰. В каталоге задним числом было внесено распоряжение, что Рейхель возобновит преподавание универсальной истории, прерванной смертью Кёльнера, и «толковать будет практические правила Немецкого языка и Цицероновы книги о должностях»²⁹¹.

Рейхель стал первым в истории Московского университета экстраординарным профессором. Такая должность не подразумевалось проектом об учреждении Московского университета и университетскими штатами. 31 мая 1761 г., вступая в новую должность, Рейхель произнес речь «О великих заслугах от Российской империи, в нынешнем наипаче веке, к Истории своего отечества оказанные» (речь, вероятнее всего, не сохранилась). Осенью нового учебного года на Рейхеля была возложена обязанность по руководству библиотекой. С лета 1762 г. Рейхель значится в университетских каталогах лекций как профессор истории.

В 1764 г. Рейхель получил должность ординарного профессора²⁹², вступление в которую ознаменовал речью о достижениях российского государства в XVIII столетии. Речь Рейхеля была опубликована его учителем Готшедом в лейпцигских ученых «Новостях»²⁹³. По замечанию Готшеда, она стала одним из лучших произведений в области ораторского искусства, в которой ярко выразились патриотические убеждения и любовь Рейхеля к своей новой родине.

Интересно отметить, что Рейхель как профессор будет постоянно находиться в центре вопросов, связанных с обсуждением университетских штатов. Так, в феврале 1762 г., когда куратор Ф.П. Веселовский отдал распоряжение профессорам съезжаться 3 раза в неделю, «чтобы сократить и поправить прежде зделанный штат университетский..., чтоб оной сходнее был с состоянием и

²⁹⁰ Документы и материалы. Т.1. С. 214–215; *Костышин Д.Н.* Иоганн Готфрид Рейхель // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 3. С. 455.

²⁹¹ Там же. С. 455; Документы и материалы. Т.1. С. 214–215.

²⁹² 9 мая 1764 г. он обратился в конференцию с просьбой либо продлить контракт – либо его уволить. См.: Документы и материалы. Т. 1. С. 287. Летом он произнес инаугурационную речь, из чего можно заключить, что новый контракт с ним был подписан.

²⁹³ *Das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit.* 1762. № 10. S.765–779.

обычаями нашего государства», Рейхель вошел в состав комиссии, где вместе с ним также оказались профессора И.Г. Фроман, И.Х. Керштенс и И.А. Рост²⁹⁴. Предложенный профессорской комиссией «Регламент» Рейхель считал явно неудачным, особенно по части штатов.

В декабре 1765 г. именно Рейхель привез письмо статс-секретаря императрицы Екатерины II А.В. Олсуфьева, в котором значилась воля Екатерины II сочинить «точному императорского Московского университета положению и содержанию штат» в течение трех недель, а затем представить императрице²⁹⁵. Рейхель воспринял это распоряжение как привилегию профессуре по созданию штата без участия канцелярии университета, что привело его к конфликту с директором М.М. Херасковым, которого поддержал и куратор В.Е. Адодуров. Херасков был поражен тем, «что от того профессорского сочинения он исключен, ибо то неслыханное дело, чтоб, исключая начальствующего, подчиненным приказать о штате университетском делать определительное постановление, и для того де он думает, что то... повеление (Рейхелю – Д.Ц.) дано не от... монархини...». По решению Сената и Херасков, и Рейхель были признанными неправыми в своих мнениях, однако, в отличие от Хераскова, извинения которого куратор Адодуров должен был выслушать, «призвав к себе, наедине», Рейхель должен был принести извинение публично на заседании Конференции «при собрании всех профессоров»²⁹⁶.

Увлечшись составлением нового университетского устава Рейхель перестал читать публичные лекции (правда, понимая это, он требовал от Конференции официального разрешения заняться разработкой устава с освобождением от преподавания на две недели²⁹⁷, на что получил отказ куратора Адодурова²⁹⁸). С 8 декабря 1765 по 8 апреля 1766 г. Рейхель прочитал «не более одиннадцати лекций», за что 15 июля 1766 г. Конференция, по настоянию Хераскова, сделала

²⁹⁴Документы. Т. 1. С. 242.

²⁹⁵Документы и материалы. Т. 2. С. 200.

²⁹⁶Там же.

²⁹⁷Там же. С. 240.

²⁹⁸Там же. С. 241–242.

ему выговор за пропуск лекций перед собранием профессоров. Одновременно директор вспомнил профессору и ссору с книгопродавцем Вевером, с которым Рейхелю было предписано судиться²⁹⁹.

И штаты 1762 г., и штаты 1767 г. Рейхель считал неудачными. По его мнению, проект предлагал создание «полного» университета, которым «можно было бы снабдить целую Германию» с необычайно раздутым штатом. При этом Рейхель замечал, что «если даже все профессора предусмотренных четырех факультетов вместе с их деканами, синдиками, актуариями и т.д. разом свалились бы с неба, то еще оставался бы главный вопрос – откуда для этого числа ординарных и экстраординарных профессоров, докторов, магистров, лиценциатов и лекторов взять студентов и слушателей»³⁰⁰.

До 1766 г. Рейхель считал неуместным требовать прибавки жалования, считая, возложенные на него занятия дополнительным налогом за возведение его в профессорство, хотя и полагал, что в отличие от других коллег он несет большую публичную нагрузку. Однако 15 апреля 1766 г. Рейхель впервые в своей университетской практике потребовал себе прибавку жалования у директора³⁰¹, поддержав коллективную петицию немецких профессоров Керштенса и Роста, приехавших в Россию одними из первых. За преподавание «истории универсальной и особенной каждого государства и о ученых делах» в обыкновенные дни по два часа, а также и за смотрение над университетской библиотекой» Рейхель просил жалованья в 900 р. Куратор Адодуров запросил Сенат о выделении денег на новый контракт Рейхелю³⁰², однако получил отказ.

26 февраля 1767 г. Сенат распорядился оставить Рейхелю прежний контракт, а 2 апреля 1767 г. куратор донес в Сенат, что Рейхель согласился на прежние

---

²⁹⁹ Там же. С. 264–265.

³⁰⁰ *Lehmann U.* Op. cit. S. 161, 269.

³⁰¹ Документы и материалы. Т. 2. С. 243.

³⁰² Вместе с запросом Рейхеля рассматривались запросы на увеличение контрактов Керштенса и Роста. Адодуров не поддержал увеличение контракта до учреждения новых штатов университета. Доношение Адодурова в Сенат опубликовано в примечаниях к Документам и материалам. Т. 2. С. 312.

условия³⁰³, заключив бесрочный контракт. 17 ноября 1767 г. Конференция поручила Рейхелю временно читать лекции по красноречию³⁰⁴, поскольку профессору Барсову было повелено перевести на русский язык проект университетского устава, предложенный профессорами³⁰⁵. Инспекторские обязанности Барсова временно возлагались на Шадена. Некоторое время в 1770-е гг. Рейхель исполнял должность секретаря Конференции Московского университета.

В преподавании истории в университете Рейхель продолжил линию Кёльнера, положившего в основу преподавание по учебнику Фрейера. Фактически под его руководством учебник был переведен на русский язык.

После 11 января 1766 г., когда Рейхелю поручили курировать перевод на русский язык перевод учебника истории Фрейера, он выправил немецкий текст учебника и написал к нему введение³⁰⁶. Кроме того, он включил в текст учебника Краткий российский летописец М.В. Ломоносова, внес в хронологические таблицы дополнительную информацию по европейской истории, начиная с 1741 г., выбрал литературу для внесения информации о русской истории, начиная с эпохи Анны Иоанновны.

Интересно объяснение Рейхеля о том, почему для преподавания в гимназии был выбран именно учебник Фрейера. Во-первых, он отметил полноту учебника, доведенного до современности, «ибо новейшие и знатнейшие исторические сокращения сочинители едва далее осмого века после Рождества Христова свои сочинения продолжили». Во-вторых, в учебнике в одной хронологической таблице были соединены данные о политической, церковной и ученой истории. В-третьих, «изрядное расположение», то есть отказ от средневековой периодизации истории по четырем монархиям. Вместо этого в учебнике история была разделена на 2 периода: Древнюю (период Библейских правителей) и Новую историю (история

³⁰³ Там же. С. 72. «О оставлении университетских профессоров Роста, Керштенса и Рейхеля на том же жаловании, которые они ныне получают...». Л. 72. Документы и материалы. Т. 2. С. 313.

³⁰⁴ Документы и материалы. Т. 3. С. 120.

³⁰⁵ ЧОИДР. 1875. Кн. 2. Апрель-июнь. «Мнение об учреждении и содержани императорского университета и гимназии в Москве».

³⁰⁶ Документы и материалы. Т. 2. С. 207–208.

Римских императоров; их правопреемниками Фрейер, а за ним и Рейхель считали императоров Священной Римской империи). Отсутствие цитат из исторических произведений в учебнике Рейхель объяснял тем, что ученикам-гимназистам это не нужно³⁰⁷.

Исходя из введения Рейхеля, можно сделать вывод, что он весьма тщательно подбирал историческую литературу для гимназии. Над русской историей и статистикой Рейхель упорно работал. Так, по поручению Миллера, Рейхель, уже знавший русский язык, разобрал библиотеку В.Н. Татищева в доме его сына Евграфа и нашел там множество российских книг и манускриптов, которые «большой частью истлели и пришли в негодность» (письмо к Миллеру от 12 апреля 1761 г.)³⁰⁸. Через Рейхеля Миллер получил некоторые рукописи Татищева, в том числе «Географический лексикон» (Рейхель называет это произведение «Географический Словарь городов и деревень, писанный рукою Татищев»; понятно, что эта рукопись была нужна и самому Рейхелю, например, для чтения лекций по статистике), что впоследствии облегчило Миллеру работу над изданием «Истории» Татищева. Миллер, пользуясь услугами Рейхеля, со своей стороны давал ему рекомендации по чтению лекций по русской истории, за что Рейхель Миллера благодарил в ответных письмах. Рейхель подробно интересовался количеством населения России, догматами православной веры, уровнем образования населения страны.

Так, особого внимания заслуживает речь Рейхеля в торжественном собрании Московского университета 1766 г. «О наилучших способах к умножению подданных», в которой профессор поднял и на фактических данных осветил важные для России вопросы демографии и впервые попытался оценить степень влияния войны на население (по данным о количестве жителей Москвы)³⁰⁹.

---

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Письмо И.Г. Рейхеля – Г.Ф. Миллеру от 12 апреля // Лейпцигские ученые (письмо № 10). С. 46. *Кислягина Л.Г.* Изучение отечественной истории в Московском университете во второй половине XVIII в. // Вестник Московского университета. Сер. История. 1984. № 2. С. 36.

³⁰⁹ Издана в типографии Московского университета в 1762 г. Русский перевод Д.И. Фонвизина.

Подготовленные Рейхелем материалы по истории России внесены им как дополнения в учебник Фрейера. При этом в итоговый курс истории самого Рейхеля, опубликованный после смерти профессора его слушателем и информатором гимназического класса географии и истории университетской гимназии Михаилом Падериным, эти данные не вошли.

С точки зрения Рейхеля, содержание гимназического курса истории должно отличаться от университетского. Гмназисты, по мнению профессора, должны знать «очевидные основы» науки. Как следствие, гимназический учебник представлял собой главным образом генеалогические таблицы, синхронизирующие историю разных народов и государств по периодам. Гмназисты факты из таблиц должны были заучить наизусть.

Университетский профессор погружал студентов в дискуссии по тем или иным вопросам исторического прошлого. Указывая на тот иной сложный вопрос, Рейхель давал ссылки на современных авторов, в том числе на многотомную всемирную историю, издаваемую коллективом авторов в Англии³¹⁰, которую студенты могли освоить самостоятельно.

Студенты, сверх того, должны были понимать условность построения универсальной истории и методы организации исторического материала в учебнике (в ведении университетского курса Рейхеля «История о знатнейших Европейских государствах, с кратким введением в Древнейшую историю, продолжающуюся до нынешних времен»³¹¹ говорится о разных типах построения исторических работ), иметь возможность углублять материал за счет ссылок на образцовые работы, находящиеся в тексте учебника, быть готовым к дискуссиям на заданные темы. При этом с точки зрения периодизации, Рейхель, как и Фрейер, предлагал делить историю на древнюю и новую, не выделяя эпоху средних веков,

---

³¹⁰ An Universal history, from the earliest account of time. Compiled from original authors; and illustrated with maps, cuts, notes, chronological and other Tables. With a general index to the whole. Vol. 1–65. London, 1747–1768. См. *Иггерс Э. Янг*. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С. 29.

³¹¹ Курс прочитан в 1773 г. Книга издана в типографии университета в 1775 г.

но отказываясь от рассмотрения всей истории нового времени как эпохи императоров.

Учебник Рейхеля это уже гораздо более литературно обработанный нарратив отдельных очерков о древности (библейская история до появления основных народов древности; история ассирийцев, вавилонян, мидян; история египтян; история финикийцев; история сирийцев; история греков; история римлян) и отдельных глав о прошлом и настоящем влиятельных современных государств. При этом по-прежнему, изложение ведется не на основе источников, а на основе лучших работ европейских интеллектуалов, которые и называются источниками.

Методические взгляды Рейхеля на преподавание своей науки еще более отчетливо видны в его записке 3 ноября 1767 г., которую он направил в профессорскую Конференцию в связи с предложением куратора о переводе учебника географии, сочиненной библиотекарем Страсбургского университета Иоганном Якобом Шацем³¹². Рейхель считал полный перевод работы Шаца нецелесообразным, так как он сделает «и так растянутую книгу (состояла из трех томов, Рейхель считал, что в русском шрифте объем произведения достигнет 4 томов – Д.Ц.) еще более громоздкой и не только дорогой, но и не пригодной для годовичного курса лекций»³¹³. При этом Рейхель отмечал, что работа содержит много сведений из геральдики, народного права, истории и генеалогии, «которые русскому юношеству нет необходимости знать, да и к географии в узком смысле они не относятся и не подходят к школьному курсу вследствие пространности изложения»³¹⁴. Кроме того, «эти части других наук, будучи разбросаны по всей книге, не дают юношам систематического представления об этих дисциплинах и не опираются на очевидные основы, а могут быть изучены с большой пользой и меньшими трудностями из других учебников более новых писателей»³¹⁵. Во избежание типографских убытков, «которые могут произойти из-за большого объема книги и принимая во внимание срок, предписанный курсу географии,

---

³¹² Документы и материалы. Т. 3. С. 112–113.

³¹³ Там же. С. 112.

³¹⁴ Там же. С. 112–113.

³¹⁵ Там же.

способности детей и их бедность, и наоборот, ради удобства других покупателей, по мнению Рейхеля, - многое следует удалить, выбросить, сократить и т.п.»³¹⁶.

В сложившейся ситуации Рейхель предлагал подумать «о переводе более краткого руководства, которое вышло у того же автора в Германии в 1766 г. и называется «Ядро географии»³¹⁷. Переводчиком Рейхель хотел видеть Чеботарева, поскольку именно Харитон Андреевич «в гимназии преподает географию и эту книгу <...> переводит на русский язык и с большим успехом готовит к печати, со знанием и самого предмета, а не только обоих языков»³¹⁸.

Фактически в научной рецензии на труд Шаца чувствуется рука опытного профессора, понимавшего толк в чтении лекции и их выстраивании. Как писал И.М. Долгоруков, «никто так красноречиво не изъяснял ее (историю); приятно было его слушать: ни одно слово не пропадало, ни одно событие не терялось; дар слова принадлежал ему в превосходстве»³¹⁹. Как написал автор статьи о Рейхеле в биографическом словаре Московского университета, «преподавание истории всеобщей он любил соединять с ученою Историей, а позднее к новой Истории присоединял всегда статистическое обозрение новых европейских государств». «Древнюю историю обыкновенно проходил весьма коротко³²⁰, и торопился всегда к новому времени и к действовавшим современно государствам, чтобы студентам могли быть ясны происшествия новой истории». При изложении новой истории Рейхель давал понятие о государственных учреждениях XVIII в., предлагал «первые начала истории политической, церковной, ученой и философической», знакомил слушателей с вспомогательными историческими науками³²¹.

В 1772/1773 уч. г. Рейхель прочитал первый в России курс по статистике, выросший из его исторических курсов (начал вводить данные по статистике в

---

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Документы и материалы. Т. 3. С. 112–113.

³¹⁹ *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца или словари всех тех лиц, с коими я бывал в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 149.

³²⁰ В опубликованном курсе лекций Рейхеля на Древнюю историю отведена одна глава, все остальные – на очерки по периодизации Рейхеля новой истории.

³²¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Т. 2. М., 1855. С. 342.

исторические курсы с 1764/1765 уч. г.). Этот курс был опубликован как «Краткое Руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств» в издательстве Московского университета в 1775 г. Книга, посвященная Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, был переведена с латыни на русский язык иеромонахом Аполлосом (постригся в мантию в 1774 г.; в миру – Андрей Байбаков), учителем риторики в Московской Академии. Фактически это издание стало первым курсом профессора Московского университета, записанным студентом и опубликованным издательством Московского университета. Редактура перевода на русский проходила при участии самого профессора, «достойно почитаемого учителя и благодетеля» переводчика. В работе автор сравнивал между собой 8 государств: Испанию, Португалию, Францию, Великобританию, Соединенные Нидерланды, Данию, Швецию и Польшу (именно очерки по истории этих государств содержатся и в историческом учебнике Рейхеля). В предуведомлении автор знакомил читателя с трудами по статистике своих предшественников и часто критиковал их за отношение к России. Так, Рейхель разделил государства на 4 степени: «К владениям первой величественности относятся те, которые довольно готового могут выставить войска как сухопутного, так и морского, и довольно имеют денег, так что без помощи, союзов, и без вспомогательных от других денег войну иметь, или наносить, или в нанесенной долго защищаться могут. К сей степени относят Великобританию и Францию: каким же образом из него выключили Российскую Империю не известно: ибо ко второй степени несправедливо относится»³²², – замечал Рейхель. «Ныне две главнейшие части кажутся быть в Европе, одну составляет Австрия с Бурбонским поколением, а другую Великобритания с ее союзниками. В таком же расположении Европейских дел может ли долго стоять равновесие, время покажет будущее. Ежели же в сие дело подробнее вникнем, то удобно приметить, что Россия такое равновесие сохраняет в целости особливо в

---

³²² Рейхель И.Г. Краткое Руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств. С. 9.

северной части Европы и делает то, дабы в Германии дом Австрийский и Бранденбургский не преступил своих границ, или не пришел бы в великое усилие во вред других владений”. Каждое из этих государств рассмотрено сначала в отношении к своему положению географическому или натуральному, потом - относительно состояния религиозного, политического, экономического и учебного»³²³.

Взгляды, выраженные Рейхелем в этом курсе лекций, а также в некоторых его публичных лекциях, можно рассматривать как камералистские³²⁴. Во-первых, он уделяет пристальное внимание демографическим проблемам. Во-вторых, проявляет пристальный интерес к вопросам образования. В-третьих, интресуется распространением экономических знаний³²⁵. Рейхель отмечает, что «внутренняя государева сила не изобилием злата и серебра приобретаетса, но множеством жителей и граждан, которые всеми силами стараются об общей государственной пользе»³²⁶. Рейхель в своих трудах ориентировался на немецкого ученого фон Юсти, имя которого он неоднократно упоминает в своих речах и лекциях.

В похвальном слове Екатерине, произнесенном в 1766 г.³²⁷, Рейхель выделил 5 элементов, ведущих к процветанию России: развитие земледелия, миролюбие, развитие института брака, развитие просвещения и забота о воспитании детей.

В целом стратегия мышления Рейхеля говорит о влиянии на него новых экономических доктрин: он внимателен к проблемам народонаселения, является противником войны, ратует за рационализацию мышления и распространение полезных экономических навыков через образование. Интересно отметить, что в проектировавшемся университетском уставе содержалась идея, характерная для немецких ученых в России о введении на философском факультете должности профессора «для преподавания экономии, камеральных наук и горных дел»³²⁸.

³²³ Там же. С. 12.

³²⁴ Чаплыгина И.Г. Камерализм и экономические дисциплины в Московском университете XVIII века // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 4. С. 80–94.

³²⁵ Напомним, что Рейхель объяснял историю учености на основе работа Геснера «Isagoge in eruditionem universalem».

³²⁶ Рейхель И.Г. О наилучших способах к умножению подданных. М., 1766. С. 8.

³²⁷ Рейхель И.Г. О наилучших способах к умножению подданных. М., 1766.

³²⁸ Профессорский проект в ЧОИДР. С. 117.

Для характеристики просветительского стиля мышления Рейхеля интересно проанализировать мотивы его интереса к изданию «Краткой истории Японии». С одной стороны, интерес к Востоку – характерная черта устремляющихся в Россию немецких ученых (возьмем, например, Байера с его китайским проектом и Г.Ф. Миллера с интересом к истории калмыков и народам Сибири). Япония была еще более загадочной для европейцев страной, чем Китай. С одной стороны, исторические данные о Японии, поступившие в Европу вместе и иезуитами, пришли в противоречие с хронологическими выкладками о Древней истории, базировавшимися на авраамистической традиции, о чем Рейхель неоднократно говорил на своих исторических лекциях. С другой стороны, европейцы, популяризирующие данные о Японии, были склонны к мистификации. В этой связи Рейхель, как просветитель XVIII в., стремящийся к концерту народов, хотел снабдить интересующихся европейцев более или менее точными географическими и историческими данными о стране, где восходит Солнце. Он выступал против изобретения «баснословных периодов» (именно так называется одна из глав его труда)

Судя по всему, поздний Рейхель был весьма консервативным человеком³²⁹, имевшим тесные контакты в окружении московского митрополита Платона (Левшина). Знакомство с последним возможно связано с участием Рейхеля в диспуте магистра Д.С. Аничкова. Молодой русский ученый 25 августа 1769 г. представил диссертацию для получения звания ординарного профессора на тему – «О начале и происхождении натуральной религии»³³⁰.

На Конференции профессоров мнения о диссертации разделились. Представители старшего поколения – Дильтей, Керштенс, Рост, А.А. Барсов, И.Г. Рейхель, И.М. Шаден, К.Г. Лангер заявили, «что они торжественно против этих мнений протестуют, ибо от них может произойти что-либо в предосуждение

³²⁹ Из последних работ см., напр., *Горохов А.А.* Истоки русской политологии: о политических науках в похвальном слове Иоанна (Иоаганна) Готфрида Рейхеля, адресованном Екатерине II Великой // *Русская политология.* 2021. № 1 (18). С. 63–89.

³³⁰ *Гагарин А.П.* Первая философская диссертация, защищавшаяся в Московском университете (Д.С. Аничков, последователь Ломоносова) / Подготовка текста и комментарии Н.А. Пенчко // *Вестник Московского университета.* 1952. Т. 7. С. 151–173.

и позор для университета»³³¹. Напротив, профессора Зыбелин, Вениаминов, Третьяков, Десницкий протокол не подписали, выразив поддержку защищаемуся. Рейхель в речи на латинском языке заявил, что Аничков пользовался не теми источниками и не той литературой, которая необходима для изучения предмета. «Только священное писание, по мнению Рейхеля, содержит сведения о событиях древнейшей истории, происходивших как до потопа, так и после потопа. И потому неправильно поступает тот, кто всю свою аргументацию ищет у новейших писателей или в рассуждении этих писателей и в измышлениях собственного изобретения»³³². К «новейшим писателям он отнес: А. Попа (книга, публиковавшаяся в переводе Барсова в Московском университете, но не прошла духовную цензуру и только в последующих изданиях публиковалась так, как задумывал переводчик), Вольтера, М.В. Ломоносова, Г.В. Рихмана. По мнению Рейхеля, Аничков увлекся Лукрецием, которого Аничков назвал пролетарием среди философов, и его поэмой «О природе вещей». 18 сентября 1769 г. по указу Синода диссертация была запрещена.

В 1770-е гг. Рейхель и ученые монахи будут участвовать в совместной работе по созданию различных произведений. В 1771 г. Рейхель перевел на немецкий и французский язык «Слово, сказанное при погребении преосвященного Амвросия, архиепископа Московского и Калужского». Автором слова при погребении московского митрополита был префект Московской Славяно-греко-латинской академии Амвросий (Подобедов), бывший слушателем лекций Рейхеля.

В 1773 г. типография Московского университета выпустил книгу Феофилакта (Горского) «Догматы христианские православные веры, в богословском учении предложенные и изъясненные Московской академии ректором, священного богословия учителем, архимандритом Феофилактом; а на немецкий язык переведенные Иоганном Готфридом Рейхелем Имп. Московского университета профессором публичным ординарным, онаго ж библиотекарем и конференц-секретарем, и Лейпцигского общества свободных наук членом.

³³¹ Документы и материалы. Т. 3. С. 219–220.

³³² Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М., 1953. С. 161–187.

Иждивением университетского книгопродавца Христиана Лудвига Вевера»³³³. Позже иеромонах Аполлос издал курс лекций Рейхеля по статистике.

Как библиотекарь Московского университета, Рейхель занимался историей книгопечатания в России. Для погружения в проблему Рейхель находился в переписке с известным немецким издательским домом Брейткопфа³³⁴.

Вряд ли прав М.Т. Белявский, оценивающий Рейхеля как злейшего врага «всего прогрессивного», который пропагандировал «идеализм и мистику, что выразилось в том, что он перевел на немецкий язык догматы православной церкви», и при этом «презирал русский народ, его язык и не верил в его творческие силы»³³⁵.

Сдержанная оценка историков XIX в., согласно которой Рейхель оказывал влияние на молодежь³³⁶, выглядит более реалистичной. Впрочем, и линия оценки Рейхеля, идущая от немецких историков XX в., которые видят в нем человека, который, как и многие немецкие ученые его призыва, на волне патриотических чувств к новой родине, решили остаться в России до конца жизни и отдать все силы науке и образованию³³⁷, поддержанная А.Ю. Андреевым, представляется оправданной.

Определенное влияние Рейхель, судя по всему, оказал на Харитона Андреевича Чеботарева, ставшего читать публичные лекции по истории после его смерти. Правда, при этом стоит заметить, что в случае с Чеботаревым мы имеем дело с очень своеобразным опытом становления русского ученого в университете³³⁸.

³³³ Догматы христианские православные веры, в богословском учении предложенные и изъясненные Московской академии ректором, священного богословия учителем, архимандритом Феофилактом; а на немецкий язык переведенные Иоганном Готфридом Рейхелем Имп. Московского университета профессором публичным ординарным, онаго ж библиотекарем и конференц-секретарем, и Лейпцигского общества свободных наук членом. Иждивением университетского книгопродавца Христиана Лудвига Вевера. М., 1773.

³³⁴ *Lehmann U.* Op. cit. S. 57.

³³⁵ *Белявский М.Т.* Указ. соч. С. 256, 260–261.

³³⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Т. 2. М., 1855. С. 342–344; *Шевырев С.П.* История. С. 35.

³³⁷ *Lehmann U.* Op. cit. S. 147–148.

³³⁸ В т. 4. Истории Московского университета прим. № 209 разрастается у Костышина в большую статью, представляющую собой биографию Чеботарева. См. *Костышин Д.Н.* Чеботарев Харитон

2.2.3. Первый русский преподаватель истории: Х.А. Чеботарев

Академическая карьера Чеботарева во многом напоминает путь продвижения в науку выпускников Академического университета более ранней эпохи. Она по преимуществу бюрократическая: это восхождение по должностям внутри подразделений Московского университета. Все высшие университетские должности Чеботарев, впрочем, как и его предшественник Рейхель, получил без написания какой бы то ни было работы, если не считать таковыми его переводы в пользу университета (кстати, именно такие работы служили основанием для перевода на новые должности внутри Академии наук), и участие в произнесении торжественных речей на университетских праздниках.

Вполне возможно, что успешная академическая карьера Чеботарева была подстегнута также поддержкой, которую ему оказывали московские мартинисты во главе с И.Г. Шварцем. При этом Чеботарев, хорошо укорененный в социальных реалиях русского общества явно пользовался патрон-клиентскими отношениями, развитыми в среде дворянства³³⁹.

В результате Чеботарев оказался одним из первых русских ученых Московского университета, получившим классный чин за ученую службу, что произошло еще до введения в действие устава 1804 г.³⁴⁰

Харитон Чеботарев родился в Вологде. Он был сыном сержанта Ширванского пехотного полка. До поступления в гимназию он уже обучался латинскому, греческому, немецкому языкам на своем коште. С 16 ноября 1755 г. он числился учеником разночинской гимназии Московского университета на своем содержании³⁴¹. 27 апреля 1758 г. в третьем нижнем латинском классе

Андреевич // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 4. С. 661–765.

³³⁹ Женой Чеботарева стала С. И. Вилькинс – воспитанница графини А. Р. Чернышевой, жены московского главнокомандующего З. А. Чернышева.

³⁴⁰ Воинов В. Чеботарев Харитон Андреевич // Русский биографический словарь. Т. 22. «Чаадаев – Швитков». СПб., 1905. С. 76–79. Словарь русских писателей XVIII в. Т. 3. СПб., 2010. С. 391.

³⁴¹ Феофанов А.М. Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в. Библиографический словарь. М., 2013. С. 322; Список студентов дворянской и разночинской гимназий Московского университета, обучавшихся в 1757 г. // История

учителя В. Ермолаева он был ближайшим к награждению³⁴². 17 декабря 1758 г. из класса магистра С. Попова, преподававшего риторику, пиитику, мифологию, толкование классических авторов, греческий язык, введение в историю, а также геометрию и тригонометрию он был переведен в высший класс³⁴³. 26 апреля 1759 г. за первенство в высших классах и 26 апреля 1760 г. «за прилежность свою» получал серебряные медали. Из класса учителя В. Ермолаева, обучавшего риторики, просодии и синтаксису латинского языка, Чеботарев был переведен в высший класс ректора гимназии И.М. Шадена. 26 апреля 1761 он был произведен в студенты³⁴⁴, получил шпагу и казенное содержание, однако на университетские занятия не был допущен.

В ректорском классе Шадена Чеботарев находился два года (из второго класса студента Д.С. Аничкова его перевели в геометрический класс). 30 июня 1763 г. Чеботарев, наконец, был переведен в университет на философский факультет³⁴⁵, получив 40 р. жалования и 16 р. «кормовых». 8 мая 1763 г. в числе 30 студентов Чеботарев получил 23 р. «за зделанные им платья кафтанов, камзолов, штанов и епанеч»³⁴⁶. В 1765 г. студент Чеботарев посещал лекции по гражданской архитектуре профессора И. Роста³⁴⁷

В годы студенчества Чеботарев подрабатывал уроками³⁴⁸ и переводами. Поскольку денег на покупку книг у него не было, то он переписывал их от руки. В

Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 3. 1757. М., 2014. С. 436.

³⁴² Московские ведомости. 1758. № 38. 12 мая. Прибавление. Сообщение опубликовано как: Прил. № 9 // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 4. С. 196.

³⁴³ Московские ведомости 1758. № 101. 18 декабря. Прибавление. // История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Сб. документов. Т. 4. Прил. 27. С. 224.

³⁴⁴ Московские ведомости. 1761. № 34.

³⁴⁵ Московские ведомости. 1763. № 52.

³⁴⁶ Документы и материалы. Т. 1. В 1765 выплата была повторена. Т. 2. С. 63–64.

³⁴⁷ Документы и материалы. Т. 2. С. 169.

³⁴⁸ Судя по всему, эту деятельность Чеботарев в домах богатых московских дворян продолжал и дальше. Вот как об этом вспоминает князь И.М. Долгоруков: «Батюшка его узнал еще в молодости его; он был студентом и давал нам уроки. Он меня выучил латынскому языку и доставил мне случай слушать университетские лекции, которые тогда преподавались в оном полатыни. Чеботарев экзаменовал меня при вступлении в университет и удостоил студенческого звания. Я продолжал у него обучаться и там. Он сочинил ту речь, которую я произнес с кафедры в торжественном собрании по случаю рождения нынешнего императора. Всякий год после

1764 г. Чеботарев подумывал о том, чтобы стать монахом. Ему казалось, что в новом положении мирские заботы не будут отвлекать его от занятий наукой. От этой идеи Чеботарев вынужден был отказаться³⁴⁹.

В 1764 г. Чеботарев был назначен переводчиком в профессорскую Конференцию с латинского и немецкого языков, а также делал переводы для газеты «Московские ведомости», оставаясь при этом студентом, слушающим лекции. В 1766 г. Чеботарев начал служить в библиотеке кустосом, сменив на этом посту Калиновского³⁵⁰. Назначение на эту должность произошло, вероятно, под влиянием Рейхеля, активно работавшего с русскими студентами, занимавшимися переводами (напомним, что в 1762 г. Рейхель издавал журнал, в котором такие переводчики и трудились). Рейхель заметил студента во время работы над переводом на русский язык книги Я. А. Коменского «Видимый свет...» (1768; переводчиком указан И.М. Шаден). По решению Конференции Чеботареву поручили перевод учебника Иеронима Фрейера по всеобщей истории³⁵¹.

Работа над текстом заняла у Чеботарева два года. Свой перевод он посвятил куратору В.Е. Адодурову, которому поднес учебник в роскошном переплете и с дарственной надписью: «Тайному советнику сенатору Императорского Университета Куратору и Ордена Святыя Анны Кавалеру Василию Евдокимовичу Адодурову, всемилостивейшему своему меценату за отеческие его превосходительства к своим подчиненным благодеяния и милости в знак

экзаменов я удостоиваем был получать за успехи в классе его какое-нибудь награждение. Он со мной обходился как человек, искренно меня любивший. По его рекомендации я был наименован авскультантом Вольного российского собрания, которого он был членом, словом, я ему обязан как успехами моими в образовании по университету, так и всеми приятными преимуществами, коими я в оном отлично пред другими пользовался. Он остался мне хорошим наставником и после окончания наук, посещал дом наш, принимал меня дружелюбно к себе; по делам владимирской гимназии переписывался со мной, просто, без этикетов, способствовал печатать разные мои произведения и до конца дней своих не переменил приятных со мной поступков. Я часто посещал его в параличном его недуге, и он со мной беседовал непринужденно. Я с сердечным сокрушением узнал о его кончине и проводил гроб его до Ваганьковского кладбища, на котором, когда бываю, всегда вспомню его и с умилением помолюсь о упокоении души его». *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца. М., 1997. С. 246.

³⁴⁹ Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами онаго с краткими их жизнеописаниями. М., 1819. Ч. 1. С. 322.

³⁵⁰ Документы и материалы. Т. II. М., 1962. С. 209.

³⁵¹ Документы и материалы. Т. II. М., 1962. С. 256

чувствительнейшей благодарности сей первый опыт своих трудов, с глубочайшей преданностью подносит переводчик сей книги Харитон Чеботарев»³⁵².

Адодуров в свое время начинал в Академическом университете АН так же, как и Чеботарев, с должности переводчика. Во вступлении к учебнику, написанному Чеботаревым, был отмечен Рейхель («достойно почитаемый мною учитель и благодетель, патриотическим Его Превосходительства намерениям усердно споспешествуя, подлинник сей книги пересмотрел, исправил и в новейших временах, в Российской Истории с 1725, а в Истории прочих государств с 1756 почти до конца 1768 года продолжением своим пополнил»³⁵³) и Барсов («Впрочем, сия История переведена мною под смотрением Красноречия Профессора и Университетских Гимназиц Инспектора Антона Алексеевича Барсова, другого достойного ж почитаемого мною моего учителя и благодетеля, который по своей любви к Словесным Наукам, перевод мой прочесть и в надлежащих местах поправить благосклонно труд на себя принял»³⁵⁴). Переводчик также сообщал, что «Совершенство ж сего издаваемого мною исторического сокращения требовала, чтоб Российскую Историю, сочинителем оной почти совсем опущенную, присовокупить, которая здесь, по причине недостатка лучшего в сем роде сочинения, от слова до слова внесена из краткого Российского Летописца покойного Статского Советника, Михайла Васильевича Ломоносова»³⁵⁵.

27 января 1767 г. решением Конференции при согласии директора М.М. Хераскова Чеботарев был назначен на должность информатора класса истории и географии вместо Д.Н. Синьковского³⁵⁶ и с 12 марта 1767 г. начал

³⁵² «Место, наукам посвященное...»: Из истории Моск. ун-та / Сост. В. В. Ремарчук. М., 1995. С. 107–109. *Костышин Д.Н.* Х.А. Чеботарев. С. 663.

³⁵³ Иеронима Фрейера Краткая всеобщая история, с продолжением оной до самых нынешних времен и привосокуплением к оной российской истории, для употребления учащегося юношества с немецкого на российский язык переведена, исправлена и умножена при Московском университете. М., 1769. Введение под названием «Благосклонный читатель» без нумерации страниц.

³⁵⁴ Иеронима Фрейера Краткая всеобщая история... Введение под названием «Благосклонный читатель» без нумерации страниц.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Документы и материалы. Т. 3. С. 24.

обучение в классах³⁵⁷. При этом Рейхель просил оставить Чеботарева и в библиотеке с тем же жалованием³⁵⁸. Н.А. Пенчко, исследовательница библиотеки Московского университета второй половины XVIII в., считает, что с приходом Чеботарева «библиотека получила впервые за время заведования Рейхелем настоящего рачительного хозяина»³⁵⁹.

6 июня 1767 г. Чеботарев обратился с просьбой в Конференцию – освободить «на будущее время от работы по переводам газет, которой он занимался до сих пор, так как он должен употреблять все время на должность в гимназии, да кроме того исполнять как следует, обязанности хранителя при библиотеке и заниматься переводом на русский язык истории Фрейера»³⁶⁰ (должность исполнял с 1764 г., продолжая оставаться студентом и посещая лекции профессоров).

В ноябре 1767 г. Рейхель предложил возложить на Чеботарева перевод краткого учебника географии, сочиненной библиотекарем Страсбургского университета Иоганном Якобом Шацом³⁶¹, которой до этого занимался информатор Сергей Иванов. Перевод не был издан, но наработанное Чеботарев использовал при подготовки «Географического методического описания Российской империи <...> для наставления обучающегося при имп. Московском университете юношества, из лучших новейших и достоверных писателей собранного» (1776). Этот учебник считается одним «из первых оригинальных отечественных руководств по географии»³⁶². При его составлении Чеботарев пользовался материалами Герольдмейстерской конторы, Атласом Полунина, исправленным Г.Ф. Миллером, который издавался в Московском университете.

В 1775 г. Чеботарев был определен суббиблиотекарем и издателем «Московских ведомостей» (под его руководством издание выходило до 1779 г.). По инициативе нового редактора в газете стали публиковаться научные новости, а также появился раздел «Любопытные известия».

---

³⁵⁷ Там же. С. 39.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Пенчко Н.А. История библиотеки Московского университета с основания до 1812 г. М., 1969.

³⁶⁰ Документы и материалы. Т. 3. С. 47.

³⁶¹ Там же. С. 112–113.

³⁶² Словарь русских писателей XVIII века. Т. 3. СПб., 2010. С. 391.

13 апреля 1776 г. Чеботарев назначен экстраординарным профессором по кафедре российской словесности, оставив за собой в гимназии должность преподавателя философии и всеобщей истории. 30 июня 1776 г. состоялось торжественное собрание, на котором при вступлении на кафедру российской словесности экстраординарный профессор Чеботарев произнес речь: «О изобретении искусства письма, и о том, что не послужило ли оно во вред человеческому уму и благонравию?»

31 октября 1778 г. Чеботарева произвели в ординарные профессора и назначили библиотекарем на место умершего Рейхеля (умер 25 октября). Новоиспеченный профессор ко дню рождения императрицы 22 апреля 1779 г. прочел «Слово о способах и путях, ведущих к просвещению...»³⁶³ Вполне возможно, что в нем отразились педагогические идеи московских масонов, которые переосмысли просветительские произведения с религиозной точки зрения³⁶⁴. К масонству Чеботарев присоединился еще в 1775 г.³⁶⁵

Слово восхваляет императрицу Екатерину II, которую автор считает истинной покровительницей Просвещения. Собственно, начальная часть произведения и посвящена разбору этого понятия. «Под именем учености или просвещения, которое древние греки называли мудростью, а римляне знанием, учением и наукою» скрывается «совокупление всех частей человеческого познания о вещах в сем мире, утверждающееся на подлинных началах и служащего к прославлению премудрого Творца вселенныя, и к истинному нашему

³⁶³ *Чеботарев Х.А.* Слово о способах и путях, ведущих к просвещению; на высокоторжественный день рождения Ея Величества Государыни императрицы и самодержицы всероссийская Екатерины Вторья, премудрой законодательницы и истины матери отечества, в публичном собрании Императорского Московского университета, апреля 22 дня 1779 года, говоренные Харитоном Чеботаревым, истории, умословия и нравоучения профессором публичным и ординарным, университетским библиотекарем и конференц-секретарем, и московского русского собрания членом. М., 1779.

³⁶⁴ *Новиков А.* Педагогические идеи русских писателей-масонов XVIII в. // Высшее образование в России. 2004. № 12. С. 140; *Кучурин В.В.* «Слово о способах и путях, ведущих к просвещению» Х.А. Чеботарева: К характеристике педагогических взглядов и религиозно-просветительской деятельности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. № 3. С. 274.

³⁶⁵ *Вулисанова Г.* Первый ректор Московского университета // Высшее образование в России. 1999. № 2. С. 153–157; *Серков А.И.* Русское масонство. М., 2001. С. 954; *Кучурин В.В.* Указ. соч. С. 272.

блаженству»³⁶⁶. Основными источниками познания Чеботарев считал «так называемые исторические понятия, то есть чувствования наши и опыты», затем – «размышление, простое сперва или врожденное, а потом проводимое правилами разума». В конце концов изучающий приходил к «божественному откровению», который он считал предпочтительным перед другими формами опытного знания³⁶⁷. Фактически Чеботарев высказывался за целостное знание, проникнутое божественной благодатью», поскольку «без Откровения... единство веры и разума не может осуществиться во всей полноте и ясности». Не одухотворенное «мирское разумное знание есть буйная мудрость», ведущая к «невежеству в исторических познаниях», «злоупотреблению размышлением, суеверию и безбожию». Обретение откровенного знания связано прежде всего с самопознанием, формированием критических правил мышления, определенной бесстрашностью³⁶⁸.

В речи Чеботарев рассказывал о методах обретения такого знания. Начинал он с тезиса о том, что тело человека – это его храм, поэтому требовал соединения нравственного совершенствования с физическим. Термин храм часто встречается

---

³⁶⁶ *Чеботарев Х.А.* Слово о способах и путях, ведущих к просвещению; на высокаторжественный день рождения Ея величества Государыни императрицы и самодержицы всероссийския Екатерины Втория, премудрые законодательницы и истинныя матери отечества, в публичном собрании Императорского Московского Университета, апреля 22 дня 1779 года, говоренное Харитоном Чеботаревым, истории, умословия и нравоучения профессором публичным и ординарным, университетским библиотекарем и конференц-секретарем, и московскаго собрания членом. С. 5. В советское время опубликовано: Из речи «Слово о способах и путях, ведущих к просвещению...» // Антология педагогической мысли в России XVIII в. М., 1985, а также: *Чеботарев Х.А.* Слово о способах и путях, ведущих к просвещению // *Ломоносов М.В.* Избранные труды. М., 1996. С. 206–213.

³⁶⁷ *Чеботарев Х.А.* Слово. С. 7–8.

³⁶⁸ «Но все препятствия в пути к просвещению удобно отвращены быть могут, естли мы примем надлежащий труд разобрать, во-первых, самих себя обстоятельнее; есть ли потом ни на свои, ни на других мнения, без предварительнаго надлежащаго размышления, излишно полагаться не будем; есть ли учения других и их доказательства испытывать будем по правилам здраваго разума; есть ли истребим в себе ненависть, зависть и всякое пристрастие; есть ли наконец примечания других сравнивать будем с собственными своими опытами, и с самаго начала упражнения нашего в науках приобучим себя заблаговременно к здоровому и порядочному о всем размышлению». *Чеботарев Х.А.* Слово... С. 10.

в этом произведении, поскольку главная его задача привести к «храму истинного учения, просвещения и мудрости»³⁶⁹.

Важнейшую роль в формировании мировоззрения человека Чеботарев отводил учителю («наставнику») и «благоразумному порядку»³⁷⁰ в чтении книг. Учитель выполняет функцию проводника к храму «учения, просвещения и мудрости». Ведь на этом пути «яко не известном, без всякаго предводителя легко заблуждаться можно»³⁷¹. Прагматический аспект наставничества заключается в том, что самоучка, даже выучившись без помощи педагога, не сможет сам обучать других³⁷². По мнению исследовавшего этот текст В.В. Кучурина, «потребность в наставнике и, более того, в его непосредственном контакте с учеником доказывалась тем, что масонское тайное знание лежит за пределами интеллектуального восприятия..., нужно некоторое иррациональное воздействие извне, «благодать» учителя, эзотерическим образом освобождающего ученика от иллюзий и предубеждений»³⁷³.

Учитель направляет учеников на правильное чтение книг (частично этому помогает и библиографические рекомендации лучших журналов). Воспитание происходит на основании правильно подобранной литературы и порядка чтения. Сначала ученик усваивает сочинения, дающие основные положения той или иной науки, затем – ее историю, и только в самом конце – важнейшие сочинения специалистов.

В речи впервые пропагандируются научные общества, коллективный поиск истины, создание дружеских ученых обществ³⁷⁴. В этой связи Чеботарев предлагает развивать «ученые состязания, или так называемыя диспуты, яко такая

---

³⁶⁹ Чеботарев Х.А. Слово. С. 14. О важной для масонства проблеме «устройства души» см.: Кучурин В.В. Указ. соч. С. 275. Новиков В.С. Указ. соч. С. 140.

³⁷⁰ Чеботарев Х.А. Слово. С. 17.

³⁷¹ Там же. С. 16.

³⁷² Чеботарев считал, что отсутствие учителя «имеет... еще ту неудобность, что достигшия им некоторых познаний редко могут без робости другим предлагать то, что они сами знают; следовательно к обучению других мало или совсем не способны». Чеботарев Х.А. Слово. С. 16.

³⁷³ Кучурин В.В. Указ соч. С. 277.

³⁷⁴ Чеботарев был секретарем Дружеского ученого общества, вполне вероятно уничтожившим его протоколы во время следствия над московскими мартинистами.

способы, посредством которых не только испытываются силы разума, но также объясняется истина во всех делаемых против ее возражениях»³⁷⁵. Обращает внимание Чеботарев и на «ученые путешествия по тем землям, в которых науки процветают»³⁷⁶.

Общая концепция воспитания Чеботарева несла на себе сословные черты. Он считал, что науками должны заниматься прежде всего те, кто выдается среди других «древностью рода», хотя пробовать себя в деле просвещения может всякий.

Как профессор университета, Чеботарев читал публичные лекции по литературной энциклопедии, российской словесности и истории. По воспоминаниям современника, «литературную энциклопедию в Университете» Чеботарев читал по системе профессора Рейхеля, «причем указывал лучших писателей по каждой науке». «Его университетские лекции о Словесности не составляли связного курса, но были чисто практические: он разбирал лучшие места из творений старых писателей, или нововыходящие сочинения литературных знаменитостей, например, Державина, причем объяснял свойства слога и языка, сообщал в отрывках Историю языка и словесности; таким же разборам подвергались сочинения самих слушателей, задававшиеся ежемесячно, и сделанные на месте переводы»³⁷⁷.

По воспоминаниям близкого к Чеботареву И.М. Долгорукова, которого тот еще молодым человеком готовил для поступления в университет и принимал у него вступительный экзамен, Харитон Андреевич впервые в практике преподавания в Московском университете начал читать историю на русском языке, а в курс лекций по всеобщей истории ввел большой компонент русской истории³⁷⁸, которую он начал разрабатывать на источниках.

Одним из первых трудов Чеботарева, расположивших его к занятиям историей, стало знакомство с «Историческим и топографическим описанием

³⁷⁵ Чеботарев Х.А. Слово. С. 20.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Т. 2. М., 1855. Т. 2. С. 544.

³⁷⁸ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. СПб., 2004. Т. 1. С. 41.

городов Московской губернии с их уездами, с Прибавлением исторических сведений о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквах» (1787)³⁷⁹. В появление такого рода труда можно видеть влияние, того типа исторической литературы, которое было распространено в русской книжности рубежа веков, в том числе благодаря работе людей круга Г.Ф. Миллера. Вероятнее всего, это был коллективный проект, в котором Чеботарев исполнял функции редактора.

4 декабря 1783 г. в указе императрице Екатерине II генералу-майору А.А. Безбородко было объявлено «О назначении нескольких членов под начальством и наблюдением Шувалова, для составления записок, наипаче касающийся до России»³⁸⁰. Предполагалось создание коллектива ученых до 10 человек, из которых три или четыре должны заниматься только историческими изысканиями, «имея за таковой труд и некоторое особое жалование». В 1783 г. И.И. Шувалов поручил университетскому профессору А.А. Барсову сделать выписки из русских летописных памятников, начиная с 1224 г., для создания «Записок касательно Российской истории», над которыми трудилась императрица Екатерина II. Барсов привлек к этому начинанию Чеботарева³⁸¹.

Согласно выводам Л.Л. Муравьевой³⁸², занимавшейся изучением рукописей из Эрмитажной коллекции, точно можно говорить о двух частях труда: это выписки с 1224 по 1380 г.; и выписки за период – с 1380 по 1425 г. Вполне вероятно, существовала и первая часть проекта, от которой сохранилось неполное введение, опубликованное в XIX в. как «Отрывок из записок Х.А. Чеботарева»³⁸³.

³⁷⁹ С.С. Илизаров полностью отрицает факт участия Чеботарева в создании этого анонимного памятника, а его атрибуцию Чеботареву связывает с исследованиями московских краеведов XIX в. См. Илизаров С.С. Москва в описаниях XVIII в. // *Илизаров С.С. Московский акцент. Г.Ф. Миллер и Москва XVIII в. М., 2021. С. 235–236.*

³⁸⁰ ПСЗ. Т. 21. № 15890. *Свердлов М.Б. Российская историография второй половины XVIII в. СПб., 2022. С. 36–38.*

³⁸¹ Друг просвещения. Журнал литературы, наук и художеств. СПб., 1805. Ч. 2. № 5. С. 152–156.

³⁸² *Муравьева Л.Л. Рукописи сочинения. С. 124–125.*

³⁸³ *Чеботарев Х.А. Отрывок из записок профессора Чеботарева. Вступление в настоящую историю России // ЧОИДР. 1847. № 9. Смес. С. 1–23.*

С 1783 г. Екатерина II, используя выписки, начала публиковать собственные Записки по истории. Завершить свой труд она не смогла, доведя изложение событий до конца XIV в.³⁸⁴ После смерти Екатерины собирание материалов прекратилось.

На основании выписок для императрицы Екатерины II в 1785 г. Чеботарев пытался прочесть курс русской истории в университете, материалы которого, как полагал О.М. Бодянский, он мог иметь намерение издать в виде учебника русской истории. «Слово писать приводит к мысли, – писал Бодянский, что это сочинение назначалось не для того только, чтоб служить Профессору пособием при чтениях; в противном случае автор вероятно вместо писать употребил бы другое выражение»³⁸⁵.

В целом можно сказать, что Чеботарев идет гораздо дальше своих предшественников, читавших историю в Московском университете. В основу курса он положил русскую историю, однако не забывал об общеевропейском контексте, что было завещано ему учителями. Вероятнее всего, впервые в преподавании в Московском университете, Чеботарев на лекциях цитировал источники и давал интерпретации сложных мест славянской и русской истории разными научными традициями. Количество источников и историков, которых упоминает Чеботарев на лекциях, резко возрастает по сравнению с лекциями Рейхеля. Материал иной раз предлагается в порядке дискуссии. Часто на лекциях звучит ирония, высмеивающая средневековые традиции, все еще остающиеся в современных исторических произведениях. При этом у курса есть динамическая составляющая. Чеботарев хочет прорваться сквозь мутные потоки «баснословных» эпох, чтобы выйти к чистым русским источникам, которыми богата русская история, начиная от Нестора. Русские источники как бы

---

³⁸⁴ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина // Сочинения императрицы Екатерина II. Т. 8: Труды исторические. Записки касательно Российской истории. Ч. 1–2. СПб., 1901.

³⁸⁵ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Т. 2. М., 1855. С. 540.

противопоставляются польским, в которых огромное количество средневековых мифов.

Фактически в основе курса четыре дискуссионных вопроса: 1) Кто именно были Славяне? 2) Кто именно жил в России прежде славян? 3) Кто такие были варяги, от которых Россияне получили первых своих владетелей 4) Кто были Руссы?

Наиболее детально разобран первый вопрос. Выводы Чеботарева о прародине славян таковы: «Праотцы Славян жили на Дунае прежде, нежели, проходя через Польшу и Россию, поселились на Севере... Сие засвидетельствовал Нестор... Славяне существенно отличаются от Готов, Аланов, Гуннов, Козаров, Аваров, Печенегов и Турков.... Они принадлежат к тому великому древу народов, от которого как ветви, произросли древние Германцы Римляне и Греки, что доказать можно неоспоримо сходством коренных слов... Из сравнения языков заключить можно, что славяне принадлежат к тому классу народов, которые жили в старину от Каспийского моря по прямой линии на запад в Малой Азии и простирались в Европу до Дуная, и которые разделялись издавна на три народа: Мидян, Фригян и Фракиян»³⁸⁶.

С опорой на современных авторов, Чеботарев рассматривает вопрос об автохтонном населении Восточной Европы и варяго-норманский вопрос. По мнению Чеботарева, окончательных суждений по этим проблемам выносить не стоит. От сложных и спорных вопросов, базирующихся на эрудиции нескольких поколений исследователей, нужно стремиться собственно к русской истории, для изучения которой существует большое количество источников: «Если испытатель Российской Истории предложенные в предыдущем параграфе четыре вопроса, служащие введением в Российскую историю, рассмотрел с возможным старанием, тогда может он возвратиться к домашним своим летописям, в которых, как бы в вознаграждение прежнего своего труда, найдет непрерывную цепь знатных и

---

³⁸⁶ Чеботарев Х.А. Отрывок. С. 9.

величайшего внимания достойных происшествий, от начала основания самодержавной власти в России до самых нынешних времен»³⁸⁷.

Чеботарев подчеркивает органичность русской истории и естественность ее деления на Древнюю – от основания государства в 862 г. до угасания династии Рюриковичей в Смуту – и Новую. Чеботарев отказывается от использования термина «средневековая история», который он знает и употребляет в тексте лекций, поскольку для русской, органической истории он не подходит.

Более дробная периодизация русской истории Чеботарева не самостоятельна. Он берет ее из трудов Шлецера: Россия рождающаяся (862–1015), Россия раздробленная (1015–1223), Россия поработенная (1223–1462), Россия побеждающая (1462–1725), Россия процветающая (с 1725). При этом основой, объединяющей всю историю России, является единство истории самодержавной власти, неизменной, вечной ценности. Временами периодизация напоминает такую же из учебника Фрейера, где вся Новая история – это история правления императоров в Европе. Вся история России – история монархии, бывшей с самого основания русского государства.

Левекк и Шлецер с похвалой отзывались об исторических трудах Чеботарева³⁸⁸. Филарет Черниговский называют его «размышляющим историком»³⁸⁹. О.М. Бодянский считает «мнение покойного Чеботарева о времени появления славян на их родине, двояком расселения с Дуная..., о первобытных жителях нашего отечества, о Чуди, готах, варягах, равно как о Руси и связи ее с предыдущими..., все это совершенно самостоятельно и многое вполне уже современными нам критиками-историками подтверждено. Честь и слава мужу с такой светлой, проницательной и далеко видевшей головой»³⁹⁰.

³⁸⁷ Чеботарев Х.А. Отрывок. С. 18.

³⁸⁸ Воинов В. Чеботарев Харитон Андреевич // Указ. соч. С. 78–79.

³⁸⁹ Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. Кн. 1, 2. 862–1863. Изд. 3-е. СПб., 1884. С. 419.

³⁹⁰ ЧОИДР. 1847. № 9.

А.Н. Пыпин в «Характеристиках» более сдержан. Он указывает на сентиментальные, чуждые истинного научного критицизма исторические труды Чеботарева»³⁹¹.

С нашей точки зрения, Чеботареву принадлежит первенство в чтении лекций в университете по источникам, умелое рассмотрение в лекциях дискуссионных проблем, попытки выстроить русскую историю как цельный сюжет. Введение в научный оборот термина «баснословный период», а также формирование представлений об органическом развитии русской истории, которые в дальнейшем будут применяться русскими историками при построении своих концепций отечественного исторического процесса, формально можно возвести к Чеботареву.

При этом Чеботарев дает удивительный и редкий пример ответа на вопрос как сочетается русская и всеобщая история. В стилистике университетских риторических речей второй половины XVIII в., он утверждает, что чистая, прозрачная и понятная русская история столь же более поучительна для русского читателя, как исконная русская монархия более предпочтительна русскому человеку перед губительной демократией, а Нестор как образец летописца более истинен, чем его польские собратья, ведущие русского читателя в мифическую древность.

Вместе с тем за Чеботаревым явно стоит богатая интеллектуальная традиция европейского просвещения с ее интересом к истории народов, а не только отдельно взятых государств, серьезное рассмотрение трудов крупнейших европейских интеллектуалов, к которым, правда, нужно относиться без восхищения, с холодной головой.

Не позднее 30 ноября 1786 г., фактически через год после чтения курса истории, который мы рассмотрели, Канцелярия университета ходатайствовал перед Сенатом о награждении Чеботарева классным чином и 18 декабря 1786 г. по резолюции Сената он получил чин надворного советника³⁹². 5 апреля 1797 г. в

³⁹¹ Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. IV. СПб, 1899. С. 83.

³⁹² Костышин Д.Н. Харитон Андреевич Чеботарев. С. 675.

связи с коронацией императора Павла I Чеботарев был пожалован в коллежские советники.

В 1801 г. жалование Чеботарева составляло 1300 р. в год, из которых за лекции по всеобщей истории получал 500 р., за лекции по российской истории – также 500 р.³⁹³

В 1803 г. по выборам Совета профессор Чеботарев стал первым избранным ректором. На его долю выпала честь проводить в 1805 г. торжественное собрание, посвященное 50-ти летнему юбилею Московского университета. После окончания торжественного заседания Чеботарев передал свои полномочия новому ректору университета, избранному Советом – П.И. Страхову. При этом по распоряжению попечителя М.Н. Муравьева Чеботарев был назначен непременным заседателем Правления.

Характер ректорства Чеботарева вызвал недавно дискуссию в научной литературе. Цитируя воспоминания секретаря канцелярии университета М.П. Третьякова, в котором ректор показан виновным в нанесении урона престижу административной власти в университете, Д.Н. Костышин пытается в противовес этой черной легенде нарисовать подлинного Чеботарева-ректора, правую руку Муравьева в годы проведения университетской реформы (1803–1805), сыгравшего особенно важную роль в открытии училищ и гимназий в Московском учебном округе, а также в распространении исторических знаний.

Доказывая последнее, Костышин ссылается на довольно известное письмо Карамзина Муравьеву: «Другого человека я не обременил бы такою просьбою, но вас знаю, и не боюсь показаться смешным. Вы же наш попечитель. Господин Чеботарев, ректор, предложил мне быть почетным членом Московского университета – честь, которой я вам обязан, и за которую изъявляю искреннюю благодарность. Университет оживился. Публичные лекции привлекают многих слушателей и без сомнения распространяют вкус к наукам»³⁹⁴. То есть с ректорством Чеботарева Костышин связывает «возвышение» Московского

---

³⁹³ Костышин Д.Н. Харитон Андреевич Чеботарев. С. 677.

³⁹⁴ Москвитянин. 1845. №1. С. 1–3.

университета. Однако, с нашей точки зрения, даже сам адресат письма Карамзина – Муравьев – показывает, кого именно русский историограф считал истиной причиной возвышения университета – попечителя Муравьева.

В административных начинаниях Муравьев, действительно, первоначально, до появления нового поколения ученых в университете, хотел опираться на старую профессию, несмотря на то, что в ее среде, как писал Михаил Никитич, было много представителей «Мартынова толка»³⁹⁵.

Вероятно, именно поэтому Чеботарев возглавил Общество истории и древностей российских. Ведь он был известен Муравьеву как человек, который обрабатывал источники русской истории для императрицы Екатерины II, а у его сменщика Страхова была самая богатая библиотека, в которой собирались не только книги, но и артефакты русского прошлого.

Во второй половине февраля 1804 г. в письме Чеботареву Муравьев писал: «Славный г-н Шлёцер, отец, из Гёттингена, принося благодарность за пожалование орденом в письме своем к графу Петру Васильевичу <Завадовскому>, показывает желание соучаствовать с учеными российскими в критическом издании наших древних летописей. Г. Министр имел счастье докладывать Государю Императору по предмету сего желания: и Его Величество угодно было собрать сведения, не составится ли из наших ученых сословий какого-либо общества для произведения в действие сего полезного предприятия. Граф Петр Васильевич препоручил мне отнести предпочтительно к Московскому университету, дабы он, уважив все обстоятельства, способы и пространство труда, представил начертание о составлении, под покровительством своим, особенного Общества из ученых в Российской древней Истории сведущих, которое могло бы пригласить в содействие и г. Шлецера, сколько по отсутствию своему может он опытностью своею содействовать»³⁹⁶.

³⁹⁵ Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 39.

³⁹⁶ Костышин Д.Н. Харитон Андреевич Чеботарев...С. 737

7 марта Чеботарев ответил о готовности Московского университета такое общество создать. На Совете университета в состав общества были включены: ординарные профессора П.И. Страхов и П.А. Сохацкий (секретарь), экстраординарные профессора – И.М. Снегирев и Н.Е. Черепанов. Приглашение на заседание 18 марта получили А.И. Мусин-Пушкин, Н.Н. Бантыш-Каменский, Н.М. Карамзин³⁹⁷.

На собрании 18 марта было принято решение о критическом издании Несторовой летописи. Технологически это предполагалось сделать следующим образом. Общество должно было стать инициатором собрания «всех самых древних и подлинных рукописей» по русской истории. Чеботарев должен был ходатайствовать перед императором о получении таких рукописей из архива Иностранных дел, Синодальной библиотеки, «если возможно и из монастырей», а также Кенигсбергского списка из Академии наук. К сотрудничеству с Обществом через публикацию в «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостях» приглашались все любители русской истории. Первой для публикации должен была быть подготовлен «Летописец Нестеров яко отца всех Российских летописей и истории». Вслед за Шлецером ставилась задача найти наиболее «древнюю и верную рукопись» и напечатать ее с разночтениями и примечаниями. «Взяв за основание древнейший из всех манускриптов, как ближайший к подлиннику и менее других испорченный писцами, отпечатывать по листу в Университетской типографии на половине странице редкими строками и посылать поочередно гг. членам вместе со всеми такими летописцами для сравнения и критических примечаний». Через две недели от членов Общества собирать замечания и комментарии. «По рассмотрении всех поправок и примечаний» в общем собрании «утверждается по всех суду самый лучший и вернейший текст, с необходимыми выносками разностей в чтении, некоторых объяснений и прочее». Далее текст печатается начисто. Кроме того, членам общества поручалось отыскание и перевод

---

³⁹⁷ *Попов Н.А.* История Императорского Московского Общества истории и древностей российских. М., 1884. С. 12.

на русский язык всех отрывков от Геродота до самых Византийских писателей до славянских народов (этим очень хотел заняться М.Т. Каченовский)³⁹⁸.

Шлёцер, избранный почетным членом Общества, поблагодарил Чеботарева за оказанную честь, но в письме Завадовскому отметил, что «с сим делом не надобно поступать по приказному, иначе в 25 лет не сделалось бы того, что могло и должно бы сделаться в пять лет»³⁹⁹. На такой же позиции стоял и Карамзин. В письме Муравьеву он заметил: «Я могу умереть, не дописав Истории; но Россия должна всегда иметь Историографа. Десять обществ не сделают того, что делает один человек, совершенно посвятивший себя Историческим предметам»⁴⁰⁰.

Организационно Обществу весьма активно помогал Муравьева: он постоянно рекомендовал Чеботареву все новых и новых членов для включения в сообщество. От министра народного просвещения Муравьев добился положительной резолюции императора на сотрудничество с Московским университетом МИДа, Синода и Академии наук. Сам Муравьев взял на себя обязанности по доставлению в Москву Кенигсбергского (Радзивилловского) списка летописи из АН.

Основную организационную работу по подготовке рукописи к печати взяли на себя профессор Чеботарев и Черепанов. Для публикации список, который в начале XIX в. называли Суздальским, Лаврентьевским, Пушкинским (по фамилии обер-прокурора – А.И. Мусина-Пушкина, к которому список летописи попал). До сентября 1804 г. список находился в руках Карамзина, который 12 сентября 1804 г. писал Муравьеву: «Я нашел две харатейныя Несторовы летописи весьма хорошие: одну 14 века у графа Пушкина, которую уже и списал для себя, а другую в библиотеке Троицкой, столь же древнюю. Ни Татищев, ни Щербатов не имели в руках своих таких драгоценных списков Нестора». Издатели решили точно

³⁹⁸ См. подробнее: *Попов Н.А.* История Императорского Московского Общества истории и древностей российских. М., 1884. С. 14–15.

³⁹⁹ Цит. по *Попов Н.А.* Указ. соч. С. 13. В основе письмо Шлецера к Гейму, в котором он рассказывает, что он написал в письме к Завадовскому. Труды и летописи ОИДР. Ч. IV. Кн. 2. С. 28–33.

⁴⁰⁰ Письма Н.М. Карамзина к М. Н. Муравьеву // Москвитянин. 1845 № 1. С. 8–9. *Костышин Д.Н.* Харитон Андреевич Чеботарев. С. 740.

воспроизвести список. Разночтения давались по Радзивилловской, Троицкой и академическому изданию («Русская летопись по Никоновскому списку». СПб., 1767. Ч. 1. До 1094 г., подготовлена к печати А.Л. Шлецером и С.С. Башиловым). В ноябре 1810 г. вышли 10 листов издания, в котором текст был доведен до 907 г.

Пришедший в 1810 г. на место попечителя Московского университета П.И. Голенищев-Кутузов, посчитал работу общества по подготовки летописи к изданию слишком медленной. Он подозревал Чеботарева в том числе в том, что бывший ректор действует в интересах Карамзина.

Голенищев-Кутузов запросил отчет председателя о деятельности Общества. Тот долго не отвечал, но все же в итоге послал свой отчет Совету университета, который передал его попечителю. 21 ноября Голенищев-Кутузов сделал замечания на отчет и раскритиковал действия Общества. Решением министра А.Г. Разумовского от 8 декабря 1810 г. общество было закрыто, при этом было предписано создать новое собрание его членов.

После отстранения от председательства у престарелого Чеботарева осталась лишь должность неперменного заседателя в Правлении. 1812 г. принес семье Чеботарева несчастья. Его московский дом и библиотека были разорены. После возвращения в Москву, в 1813 г. Чеботарев насчитал убытков на 17 тыс. р., а в письмах к собрату по масонству – Н.И. Новикову писал, что занят разбором оставшихся в библиотеке книг.

В довершении к обрушившимся на него несчастьям Чеботарева разбил паралич, последние два года жизни он не мог уже самостоятельно передвигаться и прощался с друзьями и коллегами.

Семья Чеботарева была прочно связана с университетом. Сын Чеботарева – А.Х. Чеботарев, пройдя обучение в университете и за границей, готовился к занятию кафедры технологии Московского университета, и лишь нерасположение к Чеботареву нового попечителя – Голенищева-Кутузова не позволила состояться карьере сына. Дочь Чеботарева – Софья стала женой профессора медицинского факультета М.Я. Мудрова. Учениками Чеботарева называли себя такие разные люди как Х.А. Шлёцер, Н.И. Новиков, Р.Ф. Тимковский.

2.2.4. И. Виганд: миссионер на исторической кафедре

Очень неожиданным профессором Московского университета, ставшим читать в нем лекции по истории, был Иоганн Виганд⁴⁰¹.

Все предки со стороны отца и матери Виганда были священниками из разных частей Германии, а один из них – доктор Иоганн Виганд – в эпоху Реформации занимал епископскую кафедру в Померании. Родился будущий профессор Московского университета в Венцнове (Померания), где отец был пастором. Вся система воспитания в семье была строго патриархальная. Изю дня в день подъем назначался на 4 утра, далее неизменно следовали молитва и чтение глав из Библии до половины девятого. После завтрака начинался повтор уроков. Время после обеда отводилось на телесные упражнения и новые занятия. По вечерам отец рассказывал детям «со свойственным ему умилением» поучительные эпизоды из Ветхого и Нового Завета. После воскресной службы, когда отец был занят по храму, дети проводили время с матерью, которая читала им «Истинное христианство» И. Арндта и «Подражание Христу» Фомы Кемпийского⁴⁰². Отец несколько раз попытался нанять для подрастающего ребенка учителя со стороны, но учителя не могли долго продержаться у сурового пастора, и их ждала одна участь – увольнение. Молодой Виганд заботами отца был неплохо образован, но абсолютно не социализирован. Об отрочестве он вспоминает как времени, когда он был очень одинок и его мучили грубые животные инстинкты.

Виганд считает, что в университет он мог бы поступить и 16 лет, но поскольку законом это запрещалось, то его отдали в академическую гимназию в Штеттине, которая дала ему знакомство с физикой, архитектурой, новейшими языками. Учеником гимназии Виганд стал давать уроки в городе, чем обеспечил себе финансовую самостоятельность от семьи⁴⁰³.

---

⁴⁰¹ Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. // Русская старина. 1892. Т. LXXIV. С. 545–568.

⁴⁰² По мнению Виганда, эти упражнения с матерью отвратили его от духовного чтения.

⁴⁰³ Пастор Виганд. С. 547.

После гимназии Виганд поступил в университет Галле, благодаря которому он должен был стать сначала учителем, а затем пастором. Поскольку сам Виганд не был уверен, что хочет стать клириком, то, чтобы отсрочить вступление в духовный сан, он поступил на службу к возвращаемому в Россию генералу Николаю Алексеевичу Хомутову. Контракт первоначально был рассчитан на три года, после чего Виганд должен был вернуться домой. Иоганн предполагал, что в течение этого времени он сможет вести свободную жизнь и накопить деньги.

В апреле 1764 г. Виганд отправился к польской границе. С офицерами, возвращавшимися в Россию, он прибыл в Литву, в Новогрудок, где его ожидал Хомутов. К новым реалиям в России Виганд привыкал долго. Его патрон, трех детей которого он должен был обучать, оказался очень вспыльчивым человеком, и немецкий воспитатель постоянно опасался, что после того как его выгонят из дома, он сгинет на бескрайних просторах России. «Упав духом, я старался поддержать себя занятиями и принялся за изучение истории, что для меня было весьма удобно, имея под рукой превосходную библиотеку г. Хомутова»⁴⁰⁴. Поддержку молодому преподавателю оказывали жена патрона и его старшая дочь.

Живя в России в семье Хомутовых, Виганд побывал в Риге, Петербурге, Ярославле. Как отмечал Виганд, в России «с немцами вообще я не сходилась, и, посещая исключительно русские кружки, начал мало-помалу понимать русский язык, что доставило генералу видимое удовольствие»⁴⁰⁵.

В 1767 г. на третий год пребывания в России Виганд вместе с семьей Хомутовых приехал в Москву. Денег для возвращения на родину Виганд не накопил и в Москве искал новых контрактов. Он мог оказаться в Петербурге, куда Хомутовы порекомендовали своего учителя престарелому князю Никите Юрьевичу Трубецкому для его родственников. Однако судьба забросила Виганда в Харьков, куда его пристроил сын Хомутова Александр Николаевич, знакомый с семейством Щербининых. Петр Андреевич Щербинин, женившийся на княжне

---

⁴⁰⁴ Там же. С. 549.

⁴⁰⁵ Там же.

Кропоткиной, за которую дали хорошее приданное, искал гувернера для четырехлетнего сына⁴⁰⁶.

В июне месяце 1767 г. Виганд обосновался в имении Бабай под Харьковым. Благодаря Щербининым, которые познакомили своего учителя с Иоганном Фридрихом Паули, преподававшим в немецких классах при харьковском коллегииуме, началось знакомство Виганда с гернгутерами. Вместе с Паули он посетил Сарепту – центр гернгутеров⁴⁰⁷. В Сарепте Вигнад приобрел собрание сочинений, изданных общиной

В мае 1775 г. вместе с двумя Щербиниными и болезненным ребенком из семьи Хомутовых Виганд отправился в гранд тур по Европе. В Штеттине в начале 1776 г. Виганд после долгой разлуки встретился с отцом, признался ему в контактах с гернгутерами, был понят и прощен.

Весной 1776 г. Виганд обосновался в Берлине, «где намеревался провести несколько лет, пока младшие мои воспитанники подрастут; здесь были самые лучшие условия для их воспитания и образования, а мне представлялся случай ближе сойтись и познакомиться с братьями гернгутерами, со стороны которых я встретил самое дружеское расположение»⁴⁰⁸. Младшие дети в итоге были помещены на воспитание в пансионе, а вместе со страшим воспитанником он посетил Голландию, Англию, Францию, Италию (от Турина до Неаполя). В Париже братья-гернгутеры предложили Виганду хлопотать о месте профессора в Московском униерситете, поскольку это дало бы освобождение от военного поста братскому дому общины в Москве⁴⁰⁹.

Эта перспектива не вызывала восторга Вигнада. «Я всегда чувствовал предубеждение к службе в казенном заведении..., к тому же в последние годы я имел случай убедиться в том, что все служащие при Московском университете были масоны самого худшего разбора, отчасти отъявленные атеисты, с которыми

---

⁴⁰⁶ Там же. С. 550.

⁴⁰⁷ Там же. С. 553.

⁴⁰⁸ Там же. С. 557.

⁴⁰⁹ Там же. С. 558.

я никак не мог сойтись, однако, я изъявил согласие исполнить возлагаемое на меня поручение, надеясь, что Спаситель даст мне силу исполнить его»⁴¹⁰.

Поздней осенью 1780 г. Вигнад с детьми прибыл в Петербург, где он ждал встречи с крупным деятелем просвещения в России О.П. Козодавлевым, дядей его воспитанников, который мог бы помочь ему и в устройстве в Москве⁴¹¹. Получив расчет от Щербинина (трехлетний европейский тур стоил его заказчику около 30 тысяч рублей)⁴¹² в Харькове, Виганд устроил удачную операцию его сыну в Петербурге, за что был хорошо дополнительно вознагражден.

В октябре 1782 г. Виганд прибыл в Москву, предварительно заехав в Сарепту. История с назначением Виганда в Московский университет очень нетипична. Приведем воспоминания Виганда, посвященные назначению, полностью: «В Московском университете у меня не было ни одного знакомого, который похлопотал бы за меня, – замечает Виганд, – поэтому я обратился лично к куратору Мелисино, и заявил ему, что мне известно какую он оказал протекцию моему другу Гельтергофу (преподавал немецкий язык после Рейхеля) и что я сам желаю теперь получить место при университете. Взглянув на меня пристально, он спросил – не состою ли я членом общины (гернгутеров; Гельтергоф членом общины был – прим. Д.Ц.), и, получив утвердительный ответ, сделался приветливее, рассказал мне с видимым удовольствием, что он служил прокурором при Святейшем синоде в то время, когда в нем происходили известные прения по поводу религии братьев-гернгутеров, о которой и он высказывал тогда свое мнение, велел мне явиться к нему на следующий день и спросил не желаю ли я получить занятие помимо университета. Я от этого отказался. Несколько дней спустя, куратор призвал меня к себе и отправился вместе со мною в конференцию университета, перед которой мне предстояло держать экзамен. Известный профессор греческого языка Маттеи (фамилия в воспоминаниях передана как Матаци) предложил мне два-три вопроса, на которые я ответил удачно, и этим

---

⁴¹⁰ Там же. С. 559.

⁴¹¹ В Петербурге умирает один из воспитанников Виганда – болезненный Хомутов.

⁴¹² Пастор Виганд. С. 560.

экзамен окончился; когда же Мелиссино спросил – почему меня не подвергают испытанию, то профессор отвечал, что из нескольких слов видно – с кем имеешь дело. Этим вся формальность ограничилась, и я был определен в университет экстраординарным профессором; жалование было назначено мне с моего согласия, самое незначительное; большего я не просил, опасаясь этим затормозить дело; сам я имел в это время достаточно денег, так что мог свободно прожить, и поэтому довольствовался ничтожным вознаграждением. Мелиссино сказал мне при этом, что «университет может дать почести, но не деньги»⁴¹³.

Дело, которое казалось невозможным, устроилось в 3 дня, – замечает Виганд. Он считает, что ведущую роль в его назначении сыграл профессор И.Г. Шварц, подготовивший позицию профессуры в Конференции. Именно он как-то повлиял на Чеботарева, ведь единственное препятствие к назначению Виганда заключалось «в отсутствии вакансии» историка. Но «профессор Чеботарев, которому было слишком затруднительно читать историю, передал мне свою кафедру»⁴¹⁴.

Мотив Шварца заключался в том, что он хотел присоединить Виганда к московским мартинистам, заочно сочувствуя гернгутерам, представителями которых он воспитывался в детстве⁴¹⁵. К масонам Виганд не присоединился. Как нейтральная личность он пользовался сочувствием противников этой профессорской партии в университете: «Таким образом, я очутился в весьма странном положении между двумя в высшей степени враждебными партиями; сильнейшая из них, – мартинисты, доставившие мне место, – покровительствовали мне по убеждению, как члену братской общины; противники же их, зная, что братья не имеют ничего общего с масонами, терпели меня как личность нейтральную; замечательно, что когда конференции университета приходилось обсуждать какой-нибудь вопрос, против которого могла быть та или другая партия, причем я мог бы случайно оскорбить которую-либо из них, то случалось всякий

---

⁴¹³ Там же. С. 560–561.

⁴¹⁴ Там же. С. 561

⁴¹⁵ Там же.

раз, что я или заболел или по какому-нибудь непредвиденному обстоятельству не мог присутствовать на конференции»⁴¹⁶.

По воспоминаниям Виганда понятно, что общение его со Шварцем было очень откровенным. Правда, согласно утверждениям Виганда, скорее, он сам оказывал влияние на Шварца: «Руководитель общества, проф. Шварц, оказывал мне полное доверие и открыл мне сокровенные цели общества, клонившиеся не к чему иному, как к ниспровержению православного исповедания в России; я советовал ему действовать осторожнее, оставить мистицизм и не смешивать своих целей с целью общины, чтобы они не повредили друг другу. Относительно религиозной реформы Шварц зашел уже далеко и план его был близок к осуществлению, но чрезмерные труды повергли его вскоре на одр болезни; я навещал его ежедневно, и он всегда просил меня беседовать с ним о Спасителе, но мы не могли говорить свободно, так как нас всегда подслушивали масоны, опасавшиеся того, чтобы он, под влиянием столь нового для него настроения духа, не выдал их тайн. Я и сам всячески избегал этого; только однажды он высказался, что «это дьявольский орден и что если Господь пошлет ему исцеление, то он поступит в общину». Когда Шварц скончался, то масоны просили меня произнести надгробное слово на русском языке»⁴¹⁷.

На публичных курсах по истории Виганд читал вспомогательные исторические науки, преподавал древнюю, средневековую историю (куда включал в т.ч. сведения о Византийской и Османской империях) и новую историю (примечательно новейшая периодизация курса истории, которая до Виганда не использовалась в Московском университете). Завершался курс статистическим очерком современных государств, что было характерно и для Рейхеля, читавшего лекции до Виганда. Материалы по русской истории в свой курс профессор не включил⁴¹⁸.

---

⁴¹⁶ Там же. С. 561–562.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ По объявлениям видно, что в 1784/1785 гг. «После введения во всеобщую историю» Виганд предлагал Историю новых европейских государств; читал отдельно древнюю; в 1785/86 он излагал Византийскую историю, потому Турецкую, далее историю государств, происшедших из развалин Западной Римской империи, затем – русскую. В 1787/1788 читал всеобщую историю

Перед лекциями Виганд выдавал студентам краткие конспекты лекций на латыни, хотя лекции читал на русском языке. Как вспоминал сам профессор, «что касается моих занятий в университете, то я старался исполнять мои профессорские обязанности как можно добросовестнее, полюбил студентов и, в свою очередь, был ими любим, что возбуждало в моих сотоварищах зависть, которую они не замедлили дать почувствовать. Читая лекции истории, я имел случай иногда объяснять моим слушателям догматы христианских вероисповеданий; в особенности, проходя историю средних веков, когда мне приходилось говорить о рождении Иисуса Христа, как об эпохе во всемирной истории, я посвящал обыкновенно этому предмету несколько лекций, которые так нравились молодежи, что она стекалась в мою аудиторию с разных факультетов. Тоже самое происходило и тогда, когда я читал о реформации»⁴¹⁹.

Почти в одно время с поступлением в университет Виганд женился на немке Саре Ферберн (1783 г.), в браке с которой у него было 8 детей. Три сына и две дочери преодолели детский возраст. Во время преподавания в университете Виганд читал по приглашению проповеди в лютеранских церквях, совершал богослужения во время болезни московских пасторов, публично говорил проповеди в своем доме, навещал больных в больнице, готовил к конфирмации молодых эстонцев и латышей, то есть братьев, которые не владели немецким языком и которых нужно было обучать на русском языке.

При этом «пребывание в Москве было для меня крайне тягостно и утомительно..., – сообщает он в воспоминаниях, – поэтому, добившись, наконец, для нашего дома освобождения от постоя и зная, что я не обязан более из-за этого нести университетское ярмо, я стал спокойнее и довольнее»⁴²⁰. В 1784 г. Виганд был произведен «в коллежские ассессоры, а два года спустя, когда меня хотели

на основе руководства Шлецера. В 1788/1789 больше внимание обращено на древнюю Историю; в 1789/90 – на Историю нынешних Европейских государств, которая предлагаема была по Мейзелеву руководству с присоединением, где нужно, статистических замечаний. В 1792/1793 году после древней он читал История средних времен, только в том отношении, как произошли нынешние европейские государства».

⁴¹⁹ Пастор Виганд. С. 562.

⁴²⁰ Там же. С. 563.

произвести в надворные советники, причем я должен был принять русское подданство, то я отказался от этого чина, а вместе с тем должен был со временем оставить и место при университете»⁴²¹. Это произошло в 1793 г. В этом году закончилась работа комиссии по разбору бумаг московских мартинистов.

После отставки из университета Виганд переехал в Петербург, где был агентом общины. Однако постепенно, устав и от Петербургской жизни, Виганд обосновался в Сарепте, став священником. Виганд считал, что оказал серьезное влияние на митрополита Серафима (Глаголевского), который стал влиятельным духовным лицом в окружении Павла I.

В университетской карьере Виганда привлекают следующие детали. Во-первых, у него не было никаких связей в немецком ученом мире, хотя и был опыт ученичества в одном из крупных модернизированных университетов Германии, каким являлся университет в Галле. При этом определенной поддержкой Виганд заручился на уровне высшей российской бюрократии, занимавшийся вопросами образования (например, Козодавлев, Мелиссино). Успешному вхождению в университет Виганд обязан партийной борьбе и неформальным практикам принятия решений, которые сложились в Конференции Московского университета к началу 1780-х гг. Удивительно, что не проявлявший особого бюрократического рвения профессор получил классные чины по Табели о рангах и приглашение принять российское подданство для получения следующего классного чина. При это понятно, что Виганд обладал неплохим уровнем образования, обеспеченным хорошим знакомством с Россией, обучением в Галле и практикой длительного Гранд тура в Европе. Как и все энциклопедисты, он имел опыт работы в крупнейших книжных собраниях, пусть это были частные библиотеки. Будучи пастором, он умел удерживать внимание слушателей. По всем критериям Виганд подходил для работы на философском факультете, а отсутствие у него материальных амбиций делало его почти идеальным кандидатом для занятия должности. В случае с Виганом мы впервые встречаемся с ситуацией, когда преподаватель-

---

⁴²¹ Там же. С. 563.

историк Московского университета добровольно покидает свою должность в университете, поскольку у него есть другие цели и ценности в жизни.

2.3. Влияние устава 1804 г. и нормативной практики первой трети XIX в. на формирование профессионального сообщества историков в Московском университете

Общее увеличение числа профессоров университета по уставу 1804 г. стало реализацией идей, выработанных еще в екатерининской Комиссии об училищах (предложения Ф.И. Крейдемана, Й. Зоннефельса и О.П. Козодавлева) и отражало прежде всего пожелания членов университетской корпорации, чувствующих невозможность справиться с многопредметностью во время чтения лекций в Московском университете.

На отделении словесности Московского университета было 7 профессорских должностей. Впервые появилось несколько штатных должностей для преподавания исторических предметов (до 1804 г. – одна штатная единица): штатная должность для профессора всемирной истории, статистики и географии и штатная должность профессора истории, статистики и географии российского государства. Наконец, специально для Московского университета М.Н. Муравьев настоял на создании особой профессорской должности, заложив в штате место для профессора теории изящных искусств и археологии, которая сыграет важную роль в развитии преподавания истории в Московском университете.

Соединение преподавания истории со статистикой и географией – это, вероятно всего, устойчивое влияние немецких модернизированных университетов с их интересом к камеральным (науки о государстве) предметам. Профессора из немецких университетов были корреспондентами М.Н. Муравьева, ставшего одним из создателей устава. Да и в Дерптском университете именно в «камеральном классе» происходило изучение исторических дисциплин до

создания в 1850 г. историко-филологического факультета⁴²². С точки зрения опыта преподавания истории во второй половине XVIII в. в Московском университете – это очень логичная инициатива.

В связи с этим вряд ли прав В.И. Чесноков, утверждавший, что соединение истории с географией требовалось для расширения и подкрепления исторических знаний студентов. Как было показано нами выше, подобное соединении наук в преподавании университетского профессора, скорее, похоже на чтение лекций по современной политологии, чем по физической или экономической географии.

В уставе были расписаны все составные части университетской жизни (студенты, магистры, учителя, адъюнкты, ординарные и экстраординарные профессора, деканы, ректор, Правления, Совет университета, попечитель), однако процесс обучения в университете уставом фактически не регулировался. Порядок обучения на факультетах университета только начинал складываться после введения в действие устава и можно сказать, что, по крайней мере, до Отечественной войны 1812 г. факультетская система преподавания в нем не сложилась, что приводило к тому, что студенты, поступившие в университет, слушали одновременно профессоров разных факультетов. Можно даже утверждать, что в университете некоторое время действовала относительная свобода выбора слушания лекций для студентов.

Сложностью для становления факультетской системы обучения Московского университета во второй половине XVIII в. было небольшое количество студентов, особенно для обучения на «старших» факультетах – юридическом и медицинском, на что неоднократно указывали сами профессора Московского университета (Кёльнер, Дильтей и др.). Однако, если во второй половине XVIII в. Московский университет через гимназии при университете – дворянскую и разночинскую – готовил себе подготовленных студентов для слушания профессорских лекций, то в начале XIX в. университет столкнулся с

---

⁴²² Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): Ист. очерк: Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев, 1902. С. 376.

новой проблемой. В университет, в том числе под влиянием идей попечителя М.Н. Муравьева, стали поступать малоподготовленные именно для университетских занятий студенты-дворяне, не имевшие за плечами систематического гимназического образования. Это немного деформировало университетский мир Московского университета.

Во-первых, как показали подсчеты А.М. Феофанова, доля студентов университета в возрасте менее 15 лет стала составлять 21 % (в 1755–1812 – 6%), в возрасте от 15 до 16 лет – 11 % (ранее – 9%), от 16 до 17 – 14 % (ранее – 11%), от 17 до – 18 – 21 % (ранее – 15%), от 18 до 19 – 2 % (ранее – 15 %), от 19 до 20 – 2 % (ранее – 8 %), старше 20 – 5 % (ранее – 18 %) ⁴²³.

Новое положение дел сразу было замечено студенческим братством. Строки из «Жалобной песни московских студентов», появившейся как раз в начале XIX в., упрекали ректора Х.А. Чеботарева (который возглавлял университет в 1803–1805 гг.) в том, что он «мальчиков в семь лет студентами творит» ⁴²⁴. Судя по всему, студенты намекали на то, что профессора университета, пользуясь счастливым случаем, – наплывом богатых учеников – стали получать «безгрешные доходы». О том же свидетельствуют мемуары бывших студентов университета. Так, Владимир Лыкошин следующим образом вспоминал вступительный экзамен в университет: «В назначенный день съехались к нам к обеду профессора: Гейм, Баузе, Рейнгард, Маттеи и три или четыре других... За десертом и распивая кофе профессора были так любезны, что предложили <губернеру> Моберу сделать нам несколько вопросов; помню, что я довольно удачно отвечал, кто был Александр Македонский и как именуется столица Франции и т.п. Но брат Александр при первом сделанном ему вопросе заплакал. Этим кончился экзамен, по которому приняты мы были студентами, с правом носить шпагу; мне было 13, а брату 11 лет» ⁴²⁵. Профессорская учтивость по отношению к студентам из дворян стала притчей во языцех. Не случайно, попечитель университета М.Н. Муравьев выразил «особую

⁴²³ Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX в. М., 2011. С. 90.

⁴²⁴ Русский архив. 1886. № 3. С. 388.

⁴²⁵ Лыкошин В.И. Из записок // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 33.

признательность профессорам за невыдачу аттестатов двум воспитанникам «по причине незаслуг оных»⁴²⁶.

Университетская система преподавания обладала еще несколькими слабыми местами. Во-первых, не были сформулированы требования к объему знаний, поступающим в университет молодым людям. Во-вторых, профессора совсем не контролировали знания своих студентов, за исключением, наверное, казеннокоштных. В-третьих, университетское законодательство не описывало процедуру «окончания университета».

Любой студент Московского университета после окончания учебного года мог требовать аттестат о прослушанных лекциях в университете, с которым поступать на службу в 14 классном чине. Если же студент требовал проведения ему экзамена на чин кандидата, а это он мог также сделать в любой момент обучения в университете, то из университета на службу он мог выйти с чином 12 класса. Магистерская степень (требования к получению уставом не определены) давала возможность получить чин 9 класса. Докторская степень (требования к получению не определены) наделяла ее обладателя чином 8 класса⁴²⁷. Как вспоминали студенты начала XIX в.: «прослушав год, а много два профессорские лекции, мы «получали без экзамена студентские аттестаты с правом на чин 14-го класса, ибо тогда не было еще издано особенных правил, по которым назначался срок для производства по экзамену в ученые степени»⁴²⁸. Только казеннокоштные студенты подвергались ежегодным экзаменам и учились в университете строго определенное время.

После введения экзамена на чин от 6 августа 1809 г. у студентов, зачисленных в университет, возникли преимущества перед сторонними чиновниками, сдающими экзамены в университете. Студенты могли получать аттестаты для службы без экзамена, правда, в службу они выходили с невысокими

⁴²⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Ед. хр. 2. Л. 30.

⁴²⁷ П. 96–108 Университетского устава 1804 г. См. также: Университет в российской империи XVIII – первой половины XIX в. М., 2012. С. 356–358.

⁴²⁸ *Третьяков М.П.* Императорский Московский университет в 1799–1830 гг. // Русская старина. 1892. LXXV. С. 111–131; *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX в. М., 2011. С. 106.

чинами. А вот желающие получить повышение по службе через университетский экзамен, обязаны были готовиться к реальному экзамену⁴²⁹. Это стали учитывать и некоторые своекоштные студенты, а также вольнослушатели: «Не знаю, – пишет в своих воспоминаниях Дмитриев, – обязаны ли были в наше время казенные студенты принадлежать к какому-нибудь факультету, кроме медицинского, который всегда стоял особняком, но мы, своекоштные, могли выбирать предметы разных наук, по своему усмотрению. По большей части в этом выборе мы руководствовались указом 1809 года, то есть слушали необходимо те лекции, которые требовались для получения коллежского ассесорства, а другие выбирали уже по собственной склонности к той или другой науке. Это представляло большую выгоду в отношении к просвещению вообще. Менее выходило специалистов, но более людей образованных»⁴³⁰. «Таким образом, – писал он, – я составил курс моего учения из предметов, принадлежащих к трем факультетам. – Одни удовлетворяли требованиям указа 1809 года; другие – кругу знаний, необходимых для литературного образования, к которому я всегда чувствовал непреодолимое влечение. – Само собою разумеется, что все эти предметы я слушал не вдруг, а разделил их на все годы полного курса, начав или с самонужнейших, или с легчайших»⁴³¹.

---

⁴²⁹ *Феребов А.Н.* Дела о выдаче аттестатов испытательным комитетом при Московском университете по указу от 6 августа 1809 года: перспективы изучения // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): VII Арсентьевские чтения, Чебоксары, 12–14 октября 2017 г. / Редколлегия: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. Чебоксары, 2017. С. 208–211; *Он же.* Причины увеличения притока студентов в Московский университет в 1803–1809 гг. // Российская история. 2013. № 2. С. 113–126; *Он же.* Развитие норм указа 6 августа 1809 г. в ходе его реализации в первой трети XIX в. // Российская история. 2018. № 6. С. 103–120; *Он же.* Право чиновников на повышение в чины коллежского ассессора и статского советника по указу от 22 августа 1826 г. (по материалам дела В.И. фон Галлера) // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина, Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 г. / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2018. С. 263–265.

⁴³⁰ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 111.

⁴³¹ *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний. С. 112. Дмитриев слушал в университете лекции словесности, церковно-славянского языка, эстетики, теории изящных искусств, археологии и русской истории, метафизики, естественного права, теории законов, римского права и истории римского права, практического законоискусства, теории русских законов, всеобщей истории, статистики, политической экономии, физики, и немецкого языка.

Следовательно, до войны 1812 г. в университете не сформировалось процедура научной аттестации и выпуска из университета студентов. Законодательно было прописано соотношение успехов студента и классного чина. Но, по большому счету, никаких требований к получению университетских степеней Устав не содержал, так же, как и не определял срок нахождения в университете для получения степени.

Существенные изменения в Московском университете произошли на рубеже 1810–1820-х гг. С 1814 г. в Московском университете действовал специальный комитет, который разрабатывал программу вступительного экзамена в университет⁴³². В мае 1817 г. попечитель А.П. Оболенский утвердил «Положение о вступительных экзаменах в университет», согласно которому требовалось «производить в студенты тех токмо, которые знают Арифметику, главные основания Всеобщей и Отечественной Истории, логики и риторики и правила российского и латинского языка, вменяя хотя не в обязанность, но в похвалу и одобрение знание иностранных языков»⁴³³.

Вторым майским постановлением 1817 г. попечитель вводил «приуготовительный класс», состоявший из двух самостоятельных курсов. Первый курс назывался курсом «вспомогательных наук» и дублировал все предметы, которые студенты сдавали на экзаменах. На нем читались «Чистая математика, Логика и Нравственность, Всемирная и Отечественная история, Всеобщая и Российская география, Главные основания Натуральной Истории и Физики»⁴³⁴. Курс должны были проходить все, «кто из вступающих в Университет окажется не очень успевающим в какой-либо части наук, назначенных для экзамена». Тот, «кто из поступающих в Студенты по экзамену окажется очень хорошо успевшим в тех науках, которые требуются для вступающего в

---

⁴³² ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3133. Л. 4. См. *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX в. М., 2011. С. 108.

⁴³³ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3133. Л. 4. Необходимость сдачи вступительных экзаменов в специальном комитете в случае отсутствия гимназического аттестата при поступлении в университет предписывали п. 109 и п. 110 устава университета, однако до 1817 г. у этого вступительного экзамена не было программы.

⁴³⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3133. Л. 5.

университет», тот по решению Совета освобождался от изучения «вспомогательных наук и приступал к освоению следующего курса. На нем студентам нужно было прослушать и сдать экзамен по «Российскому, Латинскому и одному из новейших иностранных языков, Чистой Математике, Физике, Естественной истории и статистике...Богословию, Философии, Российскому красноречию»⁴³⁵. После этого курса можно было приступать к факультетскому обучению. Студентам-медикам разрешалось приступать к факультетским занятиям до сдачи экзаменов вспомогательного курса. Ректор имел право освободить поступившего от слушания вспомогательного курса.

Важной вехой на пути предотвращения досрочного выхода студентов из университета стало появление «Положения об ученых степенях 1819 года»⁴³⁶. Создание этого нормативного документа., введившего звание «действительного студента», было вызвано вскрытием МНП аферы по продаже ученых степеней в Дерптском университете. Поскольку по уставу 1804 г. получение ученой степени в университете давало право на классный чин, за которыми для непривилегированных сословий следовало получение личного дворянства (а докторская степень, за получение которой давался чин коллежского ассесора, позволяла получить ее обладателю даже потомственное дворянство), то увеличилось количество людей, в общем-то посторонних для университетского мира, которые с помощью университетских процедур хотели повысить себе социальный статус или рассчитывали на более быструю служебную карьеру (так, университетским законодательством пользовались купцы и незаконные дети вельмож, стремившиеся к потомственному дворянству).

Положение 1819 г. было направлено против этих тенденций. Для окончивших университет правильным порядком вводилась степень «действительный студент». Для ее получения, согласно, «Правилам для студентов и слушателей Московского университета» (1820 г.), необходимо было обладать

⁴³⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3133. Л. Л. 5–5 об.

⁴³⁶ Сб. пост. по МНП. Т. 1. СПб. 1135–1136. См. также *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX в. М., 2011. С. 106.

аттестатом о трехлетнем обучении, что подразумевало ежегодную сдачу экзамена и строгое посещение лекций своего факультета (собственно говоря, разделение студентов на факультеты введено именно в это время; при этом студентам дозволялось слушать и лекции других факультетов, не нарушая при этом общего расписания; лекции же по богословию обязаны были слушать все студенты).

Курсовая система, начавшая формироваться в Московском университете к началу 1820-х гг., фактически сформировала процедуру начала «обучения» и «окончания» университета. Она вводила дополнительные по отношению к уставу 1804 г. требования, которые, правда, еще долгое время нарушались. Устанавливался минимальный возраст поступления в университет (не моложе 17 лет). Одновременно формировался порядок прохождения студентами курсов обучения, не дававший студенту возможности выбора предметов слушания, как это было в начале века, то есть начала формироваться жесткая программа обучения на том или ином факультете с ежегодным расписанием лекций.

Развивалась, существовавшая и ранее, форма контроля в виде ежегодных публичных экзаменов. В Уставе 1804 г. этот контроль был предусмотрен только по отношению к казеннокоштным студентам. Согласно п. 118 Устава, для них «по окончании курсов ежегодно бывает испытание в общих Собраниях, и отличившиеся добронравием и успехами награждаемы бывают медалями, какие Советом по мере успехов будут назначены». Но на этих экзаменах, предшествовавших публичному акту университета в конце июня – начале июля, в 1810-х гг. уже участвовали и своекоштные студенты, для которых они, впрочем, были совсем необязательными. Д.Н. Свербеев вспоминал, что «в 1815 году по окончании лекций я долго оставался в городе, почитая обязанностью ждать публичного университетского экзамена», однако тот «был совершенно бесполезен; из весьма небольшой кучки студентов спрашивали немногих и не по всем кафедрам»⁴³⁷.

---

⁴³⁷ *Свербеев Д.Н.* Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 79.

В новых условиях студенты, которые претендовали на степень кандидата, были обязаны предоставить письменное «рассуждение» по одному из главных предметов факультета или отделения, по самостоятельно выбранной теме или назначенной по рекомендации профессора (см. в параграфе о Погодине). Это сочинение сдавалось декану, который передавал его на проверку профессору. Профессор мог вызвать студента для беседы по теме сочинения, а затем возвращал декану сочинение с мнением о его уровне. Если сочинение было найдено неудовлетворительным, студент мог представить другое в течение трех месяцев, а при повторной неудаче ему присуждалось звание действительного студента. От представления сочинения освобождались только студенты, получившие медали за решение письменных задач в течение университетского курса (эти задачи предлагались факультетами ежегодно и каждый студент мог подать свою работу на конкурс).

2.4. Профессора кафедры всемирной истории, географии и статистики в первой четверти XIX в.

Первым ординарным профессором кафедры всеобщей истории географии и статистики после введения в действие устава 1804 г. стал Никифор Евтропиевич Черепанов. Фактически он повторил путь в университете Чеботарева, добравшись до профессорской позиции выполнением обязанностей гимназического преподавателя и переводами речей иностранных профессоров и иностранных научных руководств. Судя по всему, Чеботарев оказывал Черепанову покровительство.

Как и многие русские профессора Московского университета, особенно первых поколений, Черепанов происходил из духовного сословия. Родился в Вятке, в Московский университет перешел из Вятской семинарии 21 августа 1782 г. 25 ноября того же года произведен в студенты. В 1783 получил серебряную медаль философского факультета за успехи в учебе. Студентом преподавал в гимназии «катехизис». После выхода из университета назначен учителем

гимназии. В 1799 г. получил должность адъюнкта, в 1804 г. при введении нового университетского устава стал экстраординарным профессором кафедры всеобщей истории, географии и статистики, а в 1810 г. дослужился до должности ординарного профессора. За службу в университете Чеботарев выслужил чин статского советника⁴³⁸.

По воспоминаниям Свербеева, «профессор всеобщей истории Никифор Евтропиевич Черепанов был бичом студенческого рода. Он умерщвлял в нас всякое умственное стремление к исторической любознательности, будучи сам воплощенной скукой и бездарностью. И такого-то профессора в коротко обстриженном рыжем парике, в коричневом полинялом фраке, в пестром жилете, в желтых панталонах с пятнами, невымытого и с небритой бородой, обязаны мы были слушать в послеобеденное время с 2-х часов до 4-х без перерыва. Такую пытку пришлось мне выдерживать целые два года и прослушать бессвязные его сказания об Ассирийской, Вавилонской, Мидийской и Персидской монархиях с самыми сухими подробностями и в непонятном переводе древних историков»⁴³⁹. Убийственна характеристика Черепанова в романе М.Н. Загоскина «Рославлев»: «Помнишь ли, как мы воспитывались с тобою в Московском университетском пансионе. – Как не помнить! Ты почти всегда был последним в классах. – А ты первым в шалостях. Никогда не забуду, как однажды ты вздумал передразнить одного из наших учителей, вскарабкался на кафедру и начал: “Мы говорили до сего о вавилонском столпотворении, государи мои; теперь, с позволения сказать, обратимся к основанию Ассирийской империи“»⁴⁴⁰.

Впрочем, оценивая преподавание Черепанова, акцент нужно сделать не на девиантном поведении профессора и отсутствии у него авторитета в глазах студентов, а на духе его лекций. Вся научная жизнь Черепанова была посвящена переводу на русский язык учебника Шрекка «Древняя и новая Всеобщая

⁴³⁸ Феофанов А.М. Указ. соч. С. 323–324.

⁴³⁹ Свербеев Д. Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 69.

⁴⁴⁰ Загоскин М. Н. Рославлев или Русские в 1812 г. М., 1980. С. 30.

история»⁴⁴¹. В течение всех лет своего преподавания Черепанов зачитывал на лекциях различные части учебника Шпекка⁴⁴², в результате чего московские студенты имели дело с «лекциями» в их исконном средневековом смысле слова.

Не имеющий опыта обучения в европейский университетах, прошедший обучение в духовной школе (выпускник Вятской семинарии) и Московском университете, а затем служивший в университетской гимназии, Черепанов представлял свою науку просто как сумму школьных знаний, которые надо заучить наизусть. На гимназическом уровне в 1770-е, когда Чеботарев только перевел учебник Фрейера, этого было достаточно. Но в начале XIX в., после реорганизации университета Муравьевым, такое преподавание, конено, было анахронизмом.

Вряд ли серьезным продвижением вперед было преподавание в университете всеобщей истории Юлием Петровичем Ульрихсом. Как в случае с Кёльнером и Рейхелем, он был изначально преподавателем немецкого языка. Достигнуть профессорской должности с помощью преподавания новых языков в университете первой четверти XIX в. уже было невозможно (за отсутствием соответствующей кафедры в штате). Поэтому Ульрихс вынужден был читать лекции по всеобщей истории. Его биограф свидетельствует, что его преподавание было самостоятельным – он читал лекции по собственным конспектам. Однако вряд ли Ульрихс был влиятельным преподавателем. О нем практически нет никаких известий в воспоминаниях даже интересовавшихся историей студентов, каким, например, был М.П. Погодин.

Итак, в конце XVIII – начале XIX вв. в Московском университете одновременно существовало несколько подходов к чтению лекций по историческим дисциплинам, а само это различие было обусловлено разными представлениями о моделях науки, вовлеченности в сетевое пространство ученых Европы или изолированностью от него. В результате столкнулись, в общем-то, средневековые представления о науке как сумме знаний, и новое представление о

---

⁴⁴¹ Древняя и новая всеобщая история Шпекка, переведенная с немецкого с дополнениями. М., 1814–1815.

⁴⁴² Чтение лекций начал в 1799 году, с 1804 экстраординарный, с 1810 – ординарный профессор кафедры всеобщей истории, географии и статистики.

науке как творческом поиске еще неизведанного. Впрочем, появление оригинальных русских историков в начале XIX в. дало причудливый синтез той и другой системы.

2.5. М.Т. Каченовский и новые тенденции в формировании сообщества историков в Московском университете в первой трети XIX в.

2.5.1. М.Т. Каченовский в исследовательской литературе

Следует признать, что до сих пор восприятие Каченовского несет на себе черты клишированности. Можно говорить о трех традициях в изучении творческого наследия Каченовского, опирающихся на восприятие Михаила Трофимовича современниками и ближайшими последователями.

Филологи и литературоведы под влиянием изучения дискуссий о русском литературном языке начала XIX в., исследуя противостояние классицистов и романтиков, диагностируют поражение Каченовского в этих баталиях и подчас воспроизводят образ Каченовского, нарисованный его литературными противниками⁴⁴³. При таком подходе Каченовский представляется тяжеловесным литератором, случайно попавшим на литературное поле, любознательным и трудолюбивым человеком с невероятно сложным характером. Очень важную роль в создании этого образа играет постоянное воспроизведение литературных анекдотов, ходивших в окружении противников Каченовского, а также использование эпиграмм А.С. Пушкина и П.А. Вяземского. Так, явно с С.Н. Глинкой связано распространение слухов о том, что Каченовский пристрастился к чтению истории случайно, находясь на гауптвахте, будучи обвиненным в незаконной продаже пороха. Глинка считал, что именно он вместо литературной дряни (что именно читал Каченовский – версии расходятся) дал

---

⁴⁴³ См., например: Кошелев В.А. Парадокс «банного строения»: К литературной репутации М.Т. Каченовского // Литературный факт. 2017. № 4. С. 162–171.

арестованному познакомиться с замечаниями Н.И. Болтина на книгу Леклерка, пробудив у Каченовского интерес к истории.

«Пороховой след» будет долго преследовать Каченовского. Так, 13 августа 1829 г. в письме к С.П. Шевыреву М.П. Погодин заметит: «Каченовский начал печатать исследование о Русской Правде, которой подлинность опровергает. Ему беспрестанно говорят: порох продавать легко, а выдумывать трудно (ведь он был аудитор)»⁴⁴⁴. В.И. Семевский, опиравшийся на рассказы, которые ходили в литературных кругах 1830-х гг., считал, что Каченовский разорвал отношения с Н.Н. Полевым, который прежде был его студентом, из-за фразы Полевого на страницах «Телеграфа», что «журнал издавать – не порохом торговать»⁴⁴⁵.

«Литературной аристократии», составлявшей ближайшее окружение Н.М. Карамзина, Каченовский обязан прозвищем «завистливого зоила». Во многом подобное восприятие Каченовского в окружении Карамзина, с одной стороны, свидетельствует о сословных стереотипах в словесности, подчеркивая мысль, что литературой может заниматься и рассчитывать на лидирующие позиции в ней только аристократ по духу, а не торгош, делец из низов. С другой, окружение Карамзина с помощью негативного образа Каченовского оберегало образ Карамзина как единственного русского историка.

В этом смысле удивительно, что на сторону аристократической литературной партии встал М.П. Погодин, который и начал изучение исторических взглядов Каченовского, став родоначальником второй традиции в изучении своего предшественника. Михаил Петрович отмечал преходящее значение исторических взглядов Каченовского («скептическое поветрие») в современной научной литературе. Погодин считал, что Каченовский – «ученый трудолюбивый, любознательный, умный, от природы склонный к сомнению и недоверчивости, способный сообразить немногие положения», но который не мог «никогда окинуть взглядом целого» и «лишенный всякого творчества». По Погодину, Каченовский четверть века «благоговел перед Шлецером», открыл

⁴⁴⁴ Русский архив. 1882. № 5–6. С. 99.

⁴⁴⁵ М.Т. Каченовский, Н.А. Полевой и Н.Ф. Павлов // Русская старина. 1875. Т. XII. № 3. С. 660.

баснословный период; подобно Нибуру «разоблачал недостоверные факты истории древнего Рима», постепенно начал «смелее проповедовать свои ученые сомнения и отрицания в Университете». «Студенты, имевшие к нему отношение, как Профессору, Декану и наконец Ректору, должны были, *benevolentiae captande causa* (для снискания благоволения), писать классические упражнения в его духе, и подвели рассуждения из общих мест под его отрицания и знаки вопросов»... Журналисты назвали их произведениями скептической школы, направление признали скептическим, и пошли гулять по белу свету скептики, как ветряные мельницы Сервантеса»⁴⁴⁶. Фактически Погодин встал у истоков того направления, которое отрицало значение Каченовского в развитии преподавания истории в Московском университете, назвав «мифом» его работу со студентами. Правда, определенные достижения у Каченовского Погодин увидел, сделав легкий намек на то, что у Каченовского зрел свой подход к работе с источниками. На последнем тезисе и сосредоточились исследователи, занимавшиеся изучением скептической школы, начиная с В.С. Иконникова⁴⁴⁷.

Третий подход в изучении Каченовского связан с творчеством С.М. Соловьева, который вполне возможно в пику Погодину решил написать статью о Каченовском в биографическом словаре профессоров и преподавателей университета, создававшемся к 100-летнему юбилею университета. В этой работе показывалось значение методологических размышлений Каченовского для формирования исторической теории, подчеркивалась важность исторических трудов Михаила Трофимовича по истории славянства, а также указывалось на влияние, который Каченовский оказывал на студентов. Эту линию, идущую от Соловьева, в современной историографии подхватили специалисты по славяноведению.

---

⁴⁴⁶ *Погодин М.П.* Нестор – историко-критическое исследования // *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 1. М., 1846. С. 331.

⁴⁴⁷ *Иконников В.С.* Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871; *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Т. 1–2. Киев, 1891–1908.

Современный уровень изучения научного наследия М.Т. Каченовского достигнут в работах Г.В. Зыковой, Ю.В. Евдошенко⁴⁴⁸ и К.Б. Умбрашко⁴⁴⁹.

Зыкова определила общественно-политическую позицию журанала «Вестник Европы», редактором которого был Каченовский. В советском литературоведении журнал считался национально-охранительным. По всей видимости, это крайняя позиция. Больше прав на адекватность имеет точка зрения А.Н. Пыпина о том, что журнал может рассматриваться как предтеча западнического направления в русской общественной мысли⁴⁵⁰. Не случайно, что именно таким образом он оценивался в демократической прессе 1850–1860-х гг.

Однако и позиция Пыпина вряд ли до конца точна. Зыкова показала, что редакционная политика «Вестника» – своего третий путь между архаистами и карамзинистами. В ходе отстаивания этой позиции «Вестник» все более эволюционировал в сторону научного журнала для широкого читателя, превращаясь в журнал профессоров и студентов Московского университета. Если с 1805 г. по 1817 г. наряду с Каченовским, А.Ф. Мерзляковым некоторые авторы журнала – это литераторы, связанные с кругом Карамзина (в 1807–1810 соредктором был В.А. Жуковский, а в 1813–1814 гг. – В.В. Измайлов), поскольку у этого литературного направления на тот момент не было своего органа печати, то после начала литературной борьбы с «Русской Беседой» к сотрудничеству с журналом приходят универсанты Московского университета (В.Ф. Одоевский, С.П. Шевырев, М.П. Погодин, Ознобишин, Рожалин, Андросов, М. Дмитриев, С.Е. Раич), связанные с ОЛРС рубежа 1810–1820-х гг. Кроме Любомудров, принесших в журнал достижения немецкой классической философии и литературной эстетики, в журнале Каченовского начинали свою карьеру другие крупные журналисты-издатели уже 1830-х гг. (Н.А. Полевой, Н.И. Надеждин и др.), ближе к концу 1820-х гг., основавшие свои собственные издания. Оказавшись

⁴⁴⁸ *Евдошенко Ю.В.* М.Т. Каченовский в общественно-идейной жизни России первой трети XIX в.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2001.

⁴⁴⁹ *Умбрашко К.Б.* «Скепетическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в. Т. I–II. М., 2006.

⁴⁵⁰ *Пыпин А.Н.* Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1906. С. 204 и далее.

без литературных сотрудников к концу 1820-х гг. сам Каченовский начинает называть себя «профессором-историком» (с 1826 г., ранее – просто профессор Московского университета), а на страницах журнала растет количество публикаций студентов «из исторического класса» Каченовского.

При этом журнал всегда ассоциировался с теми литературными масками, которые его противники набросили на Каченовского. Для карамзинистов он был «педант», «завистливый зоил», мелочный критик. Для «шишковистов» – опасный безбожник и вредный скептик.

Обидными кличками, которыми литературные противники награждали Каченовского, его оппоненты фактически реагировали на становление отдела критики в журнале и желание организовывать публичные диспуты животрепещущих вопросов русской словесности на страницах издания. Каченовскому разбор произведений литературы без оглядок на авторитеты казался последним словом европейской журналистики, на которую явно ориентировался журнал. Так, он с большим сочувствием встретил критику И. Гете в современной немецкой публицистике. Однако противникам Каченовского критика литературных авторитетов казалась недостойным поведением неблагородного человека, не умеющего держать себя в высоком литературном обществе. Критику как жанр, также как обращение к политическим новостям, противники Каченовского считали уделом, не умеющих творить литераторов-бездарей, завидующих славе популярных писателей. Поклонники Карамзина называли Каченовского «каплуном словесности»⁴⁵¹. Вместе с тем «педанты» «Вестника Европы» стали требовать хотя бы элементов учености от литератора, занимавшегося «словеностью». Практик литературы должен был, по мнению профессуры Московского университета, представлять себе «метод» и «теорию» литературы, творить исходя из вечных «образцов» и правил». При этом ближе к 1820-м гг. эти образцы и правила все более становились «немецкими», а не «общеευропейскими» и точно не французскими.

---

⁴⁵¹ Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. М., 1867. С. 199.

Журнал выступал за свободу дискуссий, которую нельзя подчинять идеологии. Ярче всего это проявилось в литературных спорах Каченовского о церковнославянском языке и обсуждении трудов литераторов круга А.С. Шишкова. Объясняя свою позицию, Каченовский писал Грамматину 4 мая 1811 г.: «Сказывают у нас, что А.С. Шишков очень сердит на автора критики на его книгу. Я тому очень верю. У нас таков обычай: или думай про себя, или пиши похвалы авторам, присвоившим себе верховную диктатуру в словесности»⁴⁵².

Как утверждал Каченовский, «Писатель, занимающийся словесностью, должен трудиться не для сидельцев мучных лавок, не для бородатых защитников двуперстного сложения, не для охотников рассказывать вздор о Бове Королевиче и Мамаевом побоище, а для читателей образованных, для таких, которые, чтя Бога, храня Веру и любя Отечество, сверх того еще знают, в каких случаях призыванием сих священных имен подкрепляются полезные истины, предлагаемые сочинителями»⁴⁵³. Носителями истины были ученые, носителями эмоций – непросвещенные круги. В таком противопоставлении угадывался схематизм Просвещения XVIII в., дитем которого был Каченовский.

В последний год издания (№ 1 за 1830 г.) Каченовский напечатал жесткую рецензию на книгу Ю. Венелина «Древние и нынешние болгаре в их отношении к россиянам», где назвал его гипотезы «патриотическими выходками». С.М. Соловьев в статье о Каченовском там прокомментировал эту статью: «сильно оскорбляла <...> старика венелинская школа – стремление все ославянить, сделать славян древнейшим и славнейшим народом мира»⁴⁵⁴.

Можно согласиться с мнением Г.В. Зыковой, которая считает, что «интерес к западной культуре и истории, который Каченовский проявляет как ученый и издатель, регулярно навлекает на него обвинения в отсутствии патриотизма»⁴⁵⁵.

⁴⁵² Библиографические записки. 1859. № 8. С. 227.

⁴⁵³ Каченовский М.Т. Нестор. Русские летописи на Древле-славянском языке // Вестник Европы. 1811. Ч. 59. № 18. С. 148–149.

⁴⁵⁴ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 275.

⁴⁵⁵ Зыкова Г.В. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998. С. 76.

Евдошенко, кроме традиционной темы для историков – о полемики Каченовского с Карамизиным⁴⁵⁶, остановился на критических статьях Каченовского в «Вестнике Европы» в целом, объяснив основы подхода к этому явлению профессора Московского университета, уделив внимание формированию методических взглядов Каченовского. Критик, по мнению Каченовского, должен был обладать определенной научной теорией – созданной на основе «опыта многих» «настоящих философов», «правил» и «образцов». При этом, безусловно, критик должен пытаться понять внутреннюю мотивацию автора – систему его правил. Во время создания критического текста необходимо не только отмечать достижения автора рецензируемого произведения, но и его промахи. Цель критики – создание коллективного «опыта многих» – современной науки, что возможно в результате дискуссий.

Умбрашко обратил внимание на эволюцию исторических взглядов Каченовского, показав, что взгляды историка при создании журнала в начале XIX в. и в 1820-е гг. существенно различаются. На заре «Вестника» Каченовский создавал, скорее, реферативные исторические тексты. Во многом статьи Каченовского этого периода («Об источниках для Русской Истории»⁴⁵⁷, «Параллельные места в Русских летописях»⁴⁵⁸) это творческое переосмысление трудов Шлецера о Несторе. Еще 1811 г. Каченовский считает «Русскую Правду» памятником XI в., связывая происхождение этого памятника с западно-германским, а не со скандинавским влиянием, что было обычно в исторической литературе этого времени⁴⁵⁹.

Определенные изменения в позиции Каченовского заметны в 1817 г. В это время Каченовский пытался обобщить свои исторические заметки и издать учебник по русской истории. В целом в это время Каченовский еще стоит на позициях Шлецера, хотя уже испытывает влияние трудов Г.Ф. Эверса.

⁴⁵⁶ Кудрявцев И.А. «Вестник Европы» М.Т. Каченовского об «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина // Труды Моск. Историко-архивного института. М., 1965. Т. 22. С. 211–249.

⁴⁵⁷ Вестник Европы. 1809. № 3.

⁴⁵⁸ Вестник Европы. 1811. № 9.

⁴⁵⁹ Каченовский М.Т. О судебных поединках // Вестник Европы. 1811. № 10. С. 115–125. Труды ОИДР. М., 1811. Ч. 1. С. 29–43.

Серию трудов позднего Каченовского открывают статьи, посвященные разбору трудов К.Ф. Калайдовича, издавшего «Памятники российской словесности XII века»⁴⁶⁰. Каченовский посчитал, что произведения, которые Калайдович приписывает Кириллу Туровскому, не могут быть авторскими произведениями русского церковного деятеля XII в.⁴⁶¹. С конца 1820-х гг. критическое исследование текста «Русской Правды» стало главной темой Каченовского.

Как следствие, Каченовский стал утверждать, что «мы стоим» на пороге «неожиданных перемен в понятиях наших о ходе происшествий на Севере, начиная с IX в. Наступит время, когда удивляться будем тому, что с упорством и так долго оставались во мгле предубеждений, почти невероятных. Утешимся же, если мысль сия может показаться неприятною для самолюбия нашего! Пример перед глазами: таковы ли ныне первые века Рима, какими представлялись они взорам ученых до Нибура?»⁴⁶².

Наконец, в статье о Нибуре новые идеи Каченовского стали еще более очевидны: «Для науки нет ничего приличнее, как скептицизм – не поверхностный и легкомысленный, но – основанный на сравнении текстов, на критике свидетельств». «Исследывайте, сомневайтесь, изъясняйте сами, – призывал автор рецензии на труд Нибура, за которым угадывается М.Т. Каченовский, – если имеете довольно мужества; ибо нет необходимой надобности верить всему даже в истории Ромула»⁴⁶³.

---

⁴⁶⁰ Памятники российской словесности XII в., изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1821.

⁴⁶¹ Памятники российской словесности XII в. // Вестник Европы. 1822. № 1. С. 53. № 2. С. 130–132. Ответ Калайдовича: «В защиту творений Кирилла, Епископа Туровского // Вестник Европы. 1822. № 6. С. 81–100.

⁴⁶² Каченовский М.Т. Два рассуждения о «Русской Правде» // Вестник Европы. 1828. № 13. Июль. С. 47–48. Умбрашко К.Т. Указ. соч. Т. 2. С. 86.

⁴⁶³ О Римской истории Нибура. Отделение первое. Histoire romaine de B.G. Niebuhr, traduite de l'allemand par M. de Golbery; premiere livraison; 2 vol, in 8 // Вестник Европы. 1830. № 17/18. С. 75. Умбрашко К.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 293.

Таким образом, в научной литературе поставлены, но не решены вопросы о значении Каченовского в деле преподавания истории в Московском университете, его работе со студентами, попытке создать сообщество историков.

2.5.2. Карьера М.Т. Каченовского в университете

Для изучения служебной деятельности Каченовского мы располагаем формулярным списком Михаила Трофимовича⁴⁶⁴, который мы соединим с другими источниками, позволяющими нам восоздать университетскую карьеру Михаила Трофимовича.

Каченовский (от греческой фамилии Качони) родился 1(12) ноября 1775 г. в семье торговца вином, приписанного к Харьковскому мещанству. Однако прочных связей с отцом у Каченовского не было. Он умер, когда Михаил был еще ребенком. Серьезное нравственное влияние на Каченовского оказала его мать, смерть которой потрясла Михаила Трофимовича и привела к отказу от военной карьеры. Образование Каченовский получал в харьковском коллегиуме, в целом неплохой школе, соединяющей в себе черты среднего и высшего учебного заведения (отметим, что Виганд преподавать в ней отказался)⁴⁶⁵.

Именно аттестат коллегиума в феврале 1788 г. позволил Каченовскому быть зачисленным в Екатеринославское казачье ополчение в урядники. 19 июня 1793 г. он был переведен в Харьковский губернский магистрат канцеляристом. 22 сентября 1793 г. стал провинциальным регистратором, 24 ноября 1794 г. – губернским регистратором. 15 сентября 1795 г. Каченовский зачислен сержантом в Таврический гренадерский полк. Смерть матери заставила его просить о переводе из Харькова, и 26 марта 1796 г. он оказался в Ярославском мушкетерском полку, квартирующем в Москве. 10 декабря 1798 г. Каченовский получил должность полкового квартирмейстера.

---

⁴⁶⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 486. Д. 215.

⁴⁶⁵ *Посохова Л.Ю.* Харьковский коллегиум – первая страница в истории Харьковского университета // *Российские университеты в XVIII – XX вв.* Вып. 4. Воронеж, 1999. С. 3–17; *Она же.* Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М., 2016.

Вероятнее всего, сразу после переезда в Москву, Каченовский начал искать связи и знакомства в литературном мире. Первые публикации он сделал в московском журнале «Иппокрена или утехи любви». Молодой человек пытался писать и прозу («Отпускная жаворонку»⁴⁶⁶), и стихи («Чувство по прочтении Орла»⁴⁶⁷), однако, судя по всему, быстро понял, что писательского таланта у него нет⁴⁶⁸. Благодаря сотрудничеству с журналом Каченовский познакомился с молодыми литераторами А.Ф. Мерзляковым, В.А Жуковским, А. Ф. Воейковым.

При подготовке полка к дальнему походу на квартирмейстера возлагалась задача по распродаже части его имущества, чем и занимался Каченовский. При этом без ведома полкового начальства он продал часть пороховых запасов, за что и оказался под следствием, был оправдан, но покинул службу, выйдя в отставку октябре 1801⁴⁶⁹.

При этом из Москвы Каченовский уезжать не стал. Его профессией стали частные уроки в дворянских семействах. В Малороссии так называемые репетиции по контракту в частных домах были очень распространенным явлением. Существовали даже странствующие учителя, например, Григорий Сковорода. Благодаря протекции друзей из литературного круга Каченовский был представлен Алексею Кирилловичу Разумовскому, который определил того своим библиотекарем⁴⁷⁰.

Таким образом, как и в случае с Иоганном Вигандом, который углубился в занятия историей благодаря библиотеке своего нанимателя Хомутовского, так и в ситуации с Каченовским основой для специальных занятий была работа в частной библиотеке (отметим, что в библиотеке, но университетской служили Рейхель и Чеботарев).

Во время службы у Разумовского Каченовский мог более детально познакомиться с историческими работами А.Л. Шлецера и что важнее получить

⁴⁶⁶ Иппокрена. 1799. Ч. 2. № 45. С. 278–282.

⁴⁶⁷ Иппокрена. 1799. Ч. 3. № 58. С. 96.

⁴⁶⁸ Бобров Е.А. Мелочи из истории русской литературы: литературный дебют Каченовского // Русский филологический вестник. 1907. № 4. С. 331–337.

⁴⁶⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 486. Д. 161. Л. 71.

⁴⁷⁰ Васильчиков А.А. Семейство Разумовских: в пяти томах. Т. 2. СПб., 1880. С. 50.

какие-то сведения об этом крупном немецком историке лично от своего патрона. Ведь во время своего пребывания в России Шлецер служил в доме Разумовского и был личным учителем именно графа Алексея Григорьевича, к которому на службу и подрядился Каченовский.

С помощью Разумовского Каченовский начал службу по учебному ведомству. По просьбе патрона его без экзамена возвели в степень магистра философии Московского университета, назначили главой канцелярии попечителя ИМУ⁴⁷¹ и преподавателем риторики в гимназии⁴⁷². Также без написания диссертации Каченовский 12 сентября 1806 г. получает степень «доктора философии и изящных наук».

20 ноября 1808 г. Каченовский был назначен на должность адъюнкта⁴⁷³. С этого времени сверх штатных лекций Каченовский преподавал в университете российскую риторику и историю.

Каченовского как дебютанта описывает И.М. Снегирев. «Инспектор ввел к нам в класс молодого человека лет 30, в очках, худощавого, бледного и смуглого, с костылем, на который он опирался по болезни в ногах, которую нечаянно получил в прогулке на Пресненских прудах с бывшим своим приятелем князем Шаликовым⁴⁷⁴. Типическая его физиогномия походила более на греческую, чем на русскую; она носила на себе отпечаток холерического темперамента. Черные волосы у него на голове коротко были острижены; приемы его были угловаты, но смелы и обличали в нем что-то военное. Холодно раскланявшись с нами в классе

⁴⁷¹ «По своей должности при попечителе, Каченовский в университете был влиятельным человеком, писанные им предложения от имени графа Разумовского производили в старых профессорах, привыкших к порядку, не совсем благоприятное впечатление». *Снегирев И.М. Воспоминания // Русский архив. 1866. Вып. 5. С. 752.*

⁴⁷² *Барсуков Н.П. Михаил Трофимович Каченовский // Русская старина. 1889. Т. LXIII–LXIV. С. 199.*

⁴⁷³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 486. Д. 161. Л. 71.

⁴⁷⁴ Судя по всему, Снегирев намекает на историю отношений Каченовского с князем П.И. Шаликовым. Как редактор журнала «Вестник Европы», Каченовский не напечатал письма Шаликова по его требованию. Шаликов вызвал Каченовского на дуэль. Каченовский переправил письмо начальству, показывая незаконность поступков князя. Как сообщал в письме к К.Н. Батюшкову П.А. Вяземский: «Каченовский, как истый Профессор, отнес письмо к Кутузову» // *Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 127.*

он с какою-то уверенностью сказал: “Господа, по возложенной на меня от университетского начальства обязанности, мы займемся с вами риторикой...”⁴⁷⁵ Среди его слушателей Каченовского были не только студенты, но и чиновники, которые готовились в университете к сдаче экзамена на чин после введение в действие соответствующего указа⁴⁷⁶.

После назначения Разумовского министром народного просвещения (1810) Каченовский вместе с министром выехал в Петербург. По его собственным признаниям, столица оказалась ему не по нраву, хотя он сразу почувствовал свой статус при сильном человеке: «Видел двух старых своих знакомых, и ко мне уже некоторые приходили поручать себя в мою милость и искать знакомства. Простенькие! Они думают, что приехал сюда играть важную роль! А того не знают, что я рад бы вырваться как можно скорее». «Читать не дают, писать мешают, нужно ли после этого сказывать тебе, что я мучаюсь, – писал Каченовский жене (с 1809 г. Каченовский состоял в браке с Амалией Христиановной Бауэр, родом из Гамбурга, дочерью бывшего штаб-лекаря в колониях российско-американской компании, проживавшего в Москве – Д.Ц.). – Когда-то увижу тебя, милую мою подругу? Когда вырвусь на свою волю? Когда заживу на свободе? Ах, если бы поскорее! Граф никуда еще не выезжает и судьба наша еще не решилась»⁴⁷⁷.

Вероятно, Каченовский очень хотел оказаться в родном доме, где он совсем недавно почувствовал тепло и ласку после женитьбы. В 1810 г. у Каченовского только родился первенец Григорий, крестным которого стал В.А. Жуковский (всего у четы Каченовских было шесть детей, трое пережили родителей: Григорий, Анна (1821), Василий (1826). Благодарный Разумовскому Каченовский все же стремился сохранять разумную при его отношениях с сильными мира сего свободу.

⁴⁷⁵ Снегирев И.М. Указ. соч. С. 751.

⁴⁷⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 486. Д.161. Л. 71. Л. 72 об.

⁴⁷⁷ Письма к А.Х. Каченовской. Письмо № 1. От 31 марта 1810 г. // Умбрашко К.Б. «Скепетическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в. Т. II. М., 2006. С. 337.

Можно сказать, что у Каченовского было своеобразное разночинское чувство самолюбия и гордости. В одном из писем жене он не рекомендовал ей часто бывать в доме, где хозяева были выше по социальному положению: «Кто уверит меня, что в том доме обойдутся с тобою без унижительного высокомерия, и что не окажут тебе покровительства (подчеркнуто Каченовским – Д.Ц.), которое для меня всего несноснее и в котором мы до сих пор, слава Богу, никакой нужды не имеем»⁴⁷⁸.

При этом всем своим положением в университете Каченовский был обязан именно Разумовскому. Даже свой новый дом в Суцевской части Каченовский приобрел с помощью графа. Владение Каченовского не сгнуло в пожаре Москвы 1812 г., поскольку в нем квартировали французские офицеры. Поэтому обращаясь к читателями журнала «Вестник Европы», редактор предлагал направлять корреспонденцию к нему по адресу: Каченовскому, «близ Новой слободы, в приходе Пимена, что в Новых Воротниках, в собственном доме», чем очень гордился⁴⁷⁹. После войны 1812 г. Каченовский приютил у себя в доме бездомного К.Ф. Калайдовича, а сам дом перестроил, надстроив мезонин, в котором находился его кабинет, в котором он принимал посетителей.

С 9 июня 1810 г. Каченовский экстраординарный, а с 6 декабря ординарный профессор кафедры теории изящных искусств и археологии. Кафедры Каченовский, судя по всему, добился в жестком противостоянии с «питомцами» Муравьева в университете. Вполне возможно, что под давлением Каченовского, опубликовавшего жесткую рецензию на прежнего профессора истории и теории изящных искусств И.Т. Буле в «Вестнике Европы» (1809. № 22)⁴⁸⁰, этот немецкий профессор покинул специально для него созданную кафедру, предпочтя ей место личного библиотекаря великой княгини Екатерины Павловны. Эту синекуру

⁴⁷⁸ Письма к А.Х. Каченовской. Письмо № 5. От 19 апреля 1810 г. // *Умбрашко К.Б.* «Скепетическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в. Т. II. М., 2006. С. 342. Оригинал – РГАЛИ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 3. 8 об. – 9.

⁴⁷⁹ Вестник Европы. 1817. № 6. С. 160; *Евдошенко Ю.В.* Указ. соч. С. 40.

⁴⁸⁰ «Ученый Буле, коего Европейская знаменитость служила украшением Московского университета, был в сем журнале нагло выставлен на посмеяние, конечно, не ему обратившееся в бесславие» // *Вяземский П.А.* Собр. соч., СПб., 1822, Т. 1. С. 84.

доставил Буле Карамзин, пользовавшийся симпатией великой княгини после чтения в ее салоне избранных глав своей истории. Ближайшим русским кандидатом на замещение кафедры был Николай Кошанский, который готовился для нового поприща за границей. Однако назначения в университете Кошанский не получил.

Несправедливое выдвижение Каченовского вызвало ропот в дворянской Москве. Ждали возмездия профессору. Надеялись на то, что министром народного просвещения станет Н.М. Карамзин, который водворит справедливость в университете. Этого не произошло. Вполне возможно, что именно с этого момента у Каченовского стала формироваться негативная репутация в аристократических литературных кругах. Коллеги также относились к нему крайне настороженно. Неслучайно, когда Каченовский в 1815 г. баллотировался на должность ректора он получил лишь один избирательный и 17 неизбирательных шаров⁴⁸¹.

После освобождения Москвы от французов и возвращения университета Каченовский с января 1813 г. состоял членом «Временной Комиссии по всем частям Университета для управления делами учебного округа и приведения в порядок расстроенных нашествием неприятеля Университетских заведений»⁴⁸². В 1813–1814 г. Каченовский был деканом словесного отделения.

2 ноября 1821 г. Каченовский был перемещен на кафедру истории, статистики и географии российского государства «по предписанию попечителя». Как замечает Ф.А. Петров: «именно ему (Каченовскому – Д.Ц.) было суждено заложить основы университетской исторической науки на фоне риторики и описательности, царивших в преподавании Х.А. Чеботарева и Н.Е. Черепанова»⁴⁸³.

В 1810–1820-х гг. Каченовский состоял членом Правления Благородного пансиона. В 1830 г. он «избран и утвержден г. Попечителем Директором

---

⁴⁸¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Ед. хр. 3. Л. 11. *Петров Ф.А.* Формирование... Указ. соч. Т. 4. Кн. 2. С. 587. М., 2002. *Умбрашко К.Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 221.

⁴⁸² *Шевырев С.П.* Указ. соч. С. 451.

⁴⁸³ *Петров Ф.А.* Указ. соч. С. 58.

педагогического института». В 1831 г. Каченовский вновь стал деканом словесного отделения⁴⁸⁴.

В конце жизни Каченовский собирал многочисленные благоволения от власти. В 1833 г. он стал членом-корреспондент АН, цензором и получил Высочайшее благоволение за участие в Ученых записках ИМУ. С 15 мая 1835 г. Каченовский – заслуженный профессор ИМУ, получивший по новому уставу кафедру истории и литературу славянских наречий.

К Каченовскому был расположен С.С. Уваров, о чем свидетельствовал сам профессор: «Он всегда ко мне благосклонен и добр; не один раз заохочивал меня продолжать трактат о «Русской Правде» и осведомлялся, скоро ли кончу. Он у меня давно печатается; остановка же произошла не столько от робости перед крикунами, сколько от недосугов, по причине других занятий, многочисленных и разнообразных. Впрочем, в несколько лет молчания, я имел возможность ближе всмотреться в предмет и собрать многое, принадлежащее к делу»⁴⁸⁵.

Вероятно, именно поддержкой Уварова можно объяснить назначение Каченовского на должность ректора Московского университета в начале 1837 г. Это назначение фактически было окончанием дела о философическом письме П.Я. Чаадаева в журнале «Телескоп». Как доносил императору Уваров: «Из предыдущей всеподданнейшей докладной записки Ваше Императорское Величество изволите усмотреть, что Главное Управление Цензуры, по уважению обстоятельств, изложенных в оной записке, вменяет себе в обязанность ходатайствовать о прекращении с 1-го Генваря наступающего года, журнала Телескоп и об удалении от должности Цензора Болдырева. Незасисимо от сего, считаю я прямым долгом по званию Министра Народного Просвещения представить Вашему Величеству, что Болдырев, пропустивший к напечатанию как Цензор, статью: Философические письма, подлежит еще как Ректор Московского Университета, ответственности не менее положительной и важной; что если и

⁴⁸⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 486. Ед. хр. 215. Л. 1 об.–9. Еще один послужной список Каченовского – РГАЛИ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 1.

⁴⁸⁵ Русский архив. 1911. Вып. 3. С. 372.

допустить, что он вышесказанную статью пропустил просто от недосмотрительности, то сей недостаток прозорливости и соображения должен оказываться весьма ощутительно при наблюдении за юношеством, стекающимся в Московский Университет; почему я со своей стороны нахожу, что Болдырева следует уволить от звания Ректора, на основании высочайше утвержденного Устава Российских университетов, назначить Проректора. Таковое заключение имею счастье повергнуть на благоусмотрение Вашего Императорского Величества. Сергей Уваров»⁴⁸⁶.

Избрание ректора происходило на заседании Совета 13 января 1837 г. Присутствовали: проректор Х.Г. Бунге, деканы М.К. Каченовский, Д. М. Перевоицков, А.А. Альфонский, Н.С. Васильев, ординарные профессора – И.И. Давыдов, М.Г. Павлов, А.Л. Ловецкий, М.В. Рихтер, Г.И. Фишер, Р.Г. Гейман, М.П. Погодин. Совет избрал ректором Каченовского⁴⁸⁷.

Давний противник Каченовского – Вяземский – пытался связать историософские взгляды Каченовского с позицией П.Я. Чаадаева. Возможно, свои опасения князь сумел довести до кого-то из близких императору Николаю I лиц, которые и отсоветовали монарху приглашать Каченовского в качестве преподавателя истории наследнику престола. Правда, эти слухи не помешали Каченовскому стать ректором повторно по выборам Совета в 1840 г.⁴⁸⁸

Один из слушателей Каченовского – Максимович добился избрания профессора почетным членом университета св. Владимира. Михаил Трофимович благодарил: «...Вам наиболее обязан я оказанною мне честью, весьма утешительною для меня особливо в такое время, когда посильны труд мой или умышленно не замечается некоторыми, или считается за бесполезный другими, или наконец выставляется еще иными совершенно в превратном виде, как предприятие вредное и опасное»⁴⁸⁹.

⁴⁸⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед. хр. 40. Л. 11–11 об., 12. Введено в научный оборот К.Б. Умбрашко. Указ. соч. Т. 1. С. 239.

⁴⁸⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 24. Д. 25. Л 1. 5–5 об, 6. См. также *Умбрашко К.Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 220–221.

⁴⁸⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 28. За 1840 г.

⁴⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Л. 1–1 об.

Заслуженный профессор, действительный тайный советник, ректор Московского университета Михаил Трофимович Каченовский скончался 1 мая (19 апреля по старому стилю), на Светлой неделе, на следующий день после Пасхи.

После смерти учителя Калачов в письме Кавелину сообщал: «Теперь о Каченовском. На нас лежит священный долг отдать ему должную честь. В Москве к нему еще слишком холодно, в последнем заседании Общества истории и древностей я заговорил о его биографии – никто не отозвался»⁴⁹⁰.

Я.И. Бередников писал П.М. Строеву 12 мая 1842 г.: «Жаль Каченовского: это последний исчезнувший благородный памятник минувшего времени, представитель ученой и литературной нашей честности, труженик на поприще Русской истории, никем не заменимый, предваривший свое время и по обыкновению, не понятый современниками и забрызганный грязью клеветниками. Да будет мир его праху: sit co terra lenis!»⁴⁹¹

2.5.3. Каченовский как преподаватель

Лекции в университете Каченовский начал читать в 1808 г. Шевырев, основываясь на «Объявлениях», утверждал, что Каченовский преподавал «эстетику и археологию, или Теорию и Историю изящных искусств по Эшенбургу, Сульцеру и Милленю, а также Историю и Древности Российские в 1808–1810; 1814–1815, 1815–1816, 1816–1817 годах»⁴⁹².

В воспоминаниях студентов сохранились сведения о Каченовском как лекторе по теории и археологии искусства. Так, слушавший Каченовского в 1815 г. М.А. Дмитриев свидетельствовал о том, что профессор давал «весь постепенный ход этой науки»⁴⁹³. А.З. Зиновьев вспоминал: «это были истинно профессорские

⁴⁹⁰ Цит. по Валк С.Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40- гг. XIX в. С. 228.

⁴⁹¹ НИО РГБ. Ф. 291. К. 2250. Ед. хр. 5. Л. 9–9об.

⁴⁹² Шевырев С.П. Указ. соч. С. 396. Данные базируются на объявлениях о преподавании в Московском университете. Об оригиналах лекций Каченовского см. Макарова Г.В. М.Т. Каченовский и становление славяноведения в России // Исторические исследования по славяноведению и балканистики. М., 1984. С. 85–86.

⁴⁹³ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 112–113.

лекции. Каченовский объяснял идею красоты и ее историческое развитие, знакомил слушателей с монументальными произведениями, иногда сопоставляя их с некоторыми памятниками древнерусского искусства; знакомил также с различными школами живописи, ваяния и зодчества и при этом вносил элемент философской критики, как, впоследствии, внес критический элемент в древнюю русскую историю»⁴⁹⁴.

Дмитриев дал нам представление о Каченовском как историке: «Русскую историю преподавал он не так, как вообще понимали ее в это время: не как повествование происшествий, по годам и много-много что с разделением на эпохи. Он опередил свое время, и из всех тогдашних профессоров, может быть, один он годился бы на кафедру и в нынешнее время. Он читал русскую историю критически, что в то время было большою новостью. Он начал с обозрения источников русской истории в их хронологическом порядке и с критической их оценки. Он столь подробно разбирал их, что в этом прошло почти полгода. До него мы знали только по именам и Болтина, и Шлецера; он разоблачил нам и их и многих и довольно коротко познакомил с Нестором. Одним словом, наша история, вообще довольно утомительная и скучная, в некрасноречивом преподавании Каченовского представлялась нам живою, самою интересною наукою, требующею не одной памяти, а деятельности сил умственных!»⁴⁹⁵.

Еще один студент этой эпохи – Д.Н. Свербреев – студент юридического факультета в 1814–1817 гг. – вспоминает: «Второй из любимых моих профессоров был Михаил Трофимович Каченовский, желчный, пискливый, подозрительный, завидливый, человеконенавистный скептик, разбиравший по всем косточкам и суставчикам начатки российской истории, которую он преподавал, ничего не принимавший на одну веру, отвергавший всякое предание, – одним словом, сомневающийся во всем. Верил он одному только Нестору, не верил ни «Русской правде» Ярослава Великого, ни духовному завещанию Владимира Мономаха, ни подлинности «Слова о полку Игореве», ни тому, что куньи мордки заменяли

⁴⁹⁴ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1. М., 1888. С. 38.

⁴⁹⁵ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.

монету. В изложении всякого рода исторических сомнений и опровержении достоверности источников проходил целый год курса. Бывало, начнет перечислять славянские и другие племена по Нестору, бьется с ними целый месяц и никак не сладит с корсами, что это был за народ или народец. Дойдет до них дело, и мы, бывало, спрашиваем: «Что же, Михаил Трофимович, корсы?» – «Очень уж ты любопытен! Корсы пусть будут корсы; будет с вас. Мне и варягов определить мудрено». Все знают, как впоследствии он сох и желтел от успеха истории Карамзина и как под нее подкапывался. Многие помнят бранчивое к нему послание кн. Вяземского, начинающееся следующими словами:

Перед судом ума сколь Каченовский жалок,
Талантов низкий враг, завистливый зоил...

Несмотря на то, он был человек умный и достойный глубокого уважения по истинной любви к честному и бескорыстному труду и по своему критическому таланту, который, к сожалению, не всегда отличался беспристрастием»⁴⁹⁶.

В 1821 г. Каченовский сменил И.А. Гейма на кафедре истории географии и статистики российского государства. Как свидетельствовал уже И.И. Давыдов, «Теорию изящных искусств и археологию преподавал он по Зибенкезу, историю всеобщую по Беку, историю русскую по руководству Эверса, снабженному критикой Шлецера, российскую статистику по Гейму, историю и литературу славянских наречий по Шафарику»⁴⁹⁷.

М.Л. Назимов вспоминал о Каченовском в 1820-е гг.: профессор «являлся на лекции без всяких записок, с одною какою-либо книгой, вероятно для справок, и хотя не обладал красноречием, но говорил логично, дельно, занимательно»; «ярый противник мнений о скандинавском происхождении Руси», он в течение первого полугодия занимался критическим разбором летописей, а затем «передавал интересные и совершенно новые для студентов сведения, с своими взглядами на

⁴⁹⁶ *Свербеев Д.Н.* Мои воспоминания. Т. 1. М., 2014. С. 61.

⁴⁹⁷ *Давыдов И.И.* Некрология // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета. 1842 г. М., 1842. С. 99.

государственные события». Лекции «выслушивались с большой пользой и удовольствием»⁴⁹⁸.

Судя по всему, на лекциях в университете Каченовский развивал свои идеи, характерные для последнего этапа существования «Вестника Европы», и говорил о позднем происхождении Повести временных лет и Русской Правды, фальсифицированности договоров руси с греками. Об этом свидетельствуют комментарии Каченовского как публикатора к текстам работ его учеников, помещенных в последние годы функционирования журнала «Вестник Европы». Так, относительно статьи В. Виноградова («О скудости и сомнительности происшествия первого века нашей древней Истории от основания Государства до смерти Игоря, т.е. до 945-го года») в примечаниях Каченовский написал: «Молодой сочинитель, руководствуясь почти везде собственными средствами, раскрыл здесь результат Профессора, слышанный им на лекции пред сим года за два»⁴⁹⁹.

Собственно, рубеж 1820–1830-х гг. – это пик популярности Каченовского среди студентов. Сын Каченовского вспоминал, что отец «занимался частно с некоторыми молодыми людьми, не довольствовавшимися одними его лекциями в университете. Из числа их я помню Валуева, Константина и Ивана Сергеевичевых Аксаковых и Ю.Ф. Самарина... отец мой был всегда в хорошем расположении духа после занятий с Константином и Иваном Серг. Аксаковыми и Ю.Ф. Самариним и, не любя особенно делиться своими впечатлениями, касающимися его кабинетных занятий, он тем не менее любил говорить нам о выдающихся способностях этих его учеников»⁵⁰⁰. Правда, по воспоминаниям Свербеева, час таких занятий стоил 25 р.⁵⁰¹

Как отмечает Зыкова, «молодое поколение с живым сочувствием восприняло и скептицизм Каченовского – литературный и научный – и его уважение к

⁴⁹⁸ Назимов М.Л. В провинции и Москве с 1812 по 1828 г.: Из воспоминаний старожила // Русский вестник. 1876. № 7. С. 143.

⁴⁹⁹ Вестник Европы. 1830. № 17. С. 33.

⁵⁰⁰ Каченовский В.М. Михаил Трофимович Каченовский // Русская старина. 1890. № 6. С. 689.

⁵⁰¹ Свербеев Д.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 75.

теоретической мысли»⁵⁰². Неслучайно, что ближе к закрытию журнала «Вестник Европы» его основными авторами стали выпускники Московского университета. Сначала поклонники шеленгинанской философии, так называемые любомудры, правда, со второй половины 1820-х гг., стремившиеся к созданию собственных органов печати. С другой, почитатели исторического таланта Каченовского, среди которых оказались студенты университета рубежа 1820–1830-х гг.: Т. Вага⁵⁰³; Г. Прандунас⁵⁰⁴; И. Кожин⁵⁰⁵; В. Виноградов⁵⁰⁶; М.С. Гастев⁵⁰⁷.

«В наше время любили и ценили, и боялись притом, чуть ли не больше всех, – Каченовского, – вспоминал К.С. Аксаков. – Молодость охотно верит, но и сомневается охотно, охотно любит новое, самобытное мнение, – и исторический скептицизм Каченовского нашел сильное сочувствие во всех нас. Строев, Бодянский с жаром развивали его мысль. Станкевич, хотя не занимался много русскою историею, но так же думал. Я тоже был увлечен. На третьем курсе начал я писать пародию: «Олег под Константинополем», где утрировал мнение, противоположное Каченовскому. Только впоследствии увидал я всю неосновательность нашего исторического скептицизма. Я помню, как высоко ставил Каченовский Москву, с какою улыбкою удовольствия говорил о ней, утверждая, что с нее начинается русская история. Его отзывы о Москве были новою причиною моего к нему сочувствия. Но самые лекции свои читал он довольно утомительно для слушателей. Каченовский был в то же время очень забавен в своих приемах, и студенты самым дружеским и нежным образом над ним подсмеивались. Он являлся аккуратно в назначенный час (промежутков между

⁵⁰² Зыкова Г.В. Указ. соч. С. 91.

⁵⁰³ Вага Т. Баснословная история Польши // Вестник Европы. 1827. № 5. С. 27–38.

⁵⁰⁴ Прандунас Г. Причины падения России под иго татар и постепенное восстановление единовластия в оной // Вестник Европы. 1827. № 14. Июль. С. 103–121.

⁵⁰⁵ Кожин И. О главной цели похода Владимира под Корсунь // Вестник Европы. 1827. № 13. С. 34–43.

⁵⁰⁶ Виноградов В. О скудости и сомнительности происшествий первого века нашей истории от основания государства до смерти Игоря, т.е. до 945 г. // Вестник Европы. 1830. № 15/16. Август. С. 161–203. № 17/18. Сентябрь. С. 13–33.

⁵⁰⁷ Гастев М.С. О вспомогательных науках для истории. Вступительная лекция, читанная в И[мператорском] Московском Университете] при открытии курса для первогодичных студентов // Вестник Европы. 1830. №19/20. Октябрь. С. 161–202.

лекций у нас не было), и студенты говорили, что он сам звонит. Несмотря на свою строгость, Каченовский, однако же, хорошо обращался со студентами. Я помню, что он сказал на лекции одному студенту, заметив в нем какую-то неисправность: «Милостивый государь, вы виноваты; если б с вами была ваша табель, я бы это отметил». Между тем было приказано иметь табель всегда с собою. Мы оценили его деликатность.

Студенты предшествующего нам курса хотели поднести золотую табакерку Каченовскому, но это, кажется, почему-то не состоялось. Станкевич, перед своим выходом из университета, вздумал как-то писать стихи к профессорам, из которых я помню несколько. Вот четыре стиха, относящиеся к Каченовскому:

За старину он в бой пошел,
Надел заржавленные латы,
Сквозь строй врагов он нас провел
И прямо вывел в кандидаты.

К другому профессору:

Он (Каченовский) – историческая мерка:
Тебе ж что скажем, дураку?
Ему – в три фунта табакерка?
Тебе – три фунта табаку...»⁵⁰⁸

Как сообщали университетские отчеты, «История, статистика и география российского государства преподается орд. проф. Каченовским, на Русском языке, по 3 ч. в неделю. Преподаватель руководствуется собственным конспектом, придерживаясь, впрочем, где нужно, Карамзина и Эверса по истории, и Гейма по статистике. Последнюю дополняет новейшими постановлениями и статьями из периодических изданий. Полный курс оканчивается в два года. Сообразно сему расположению, в прошлом академическом году, преподана была Статистика

---

⁵⁰⁸ Аксаков К.С. Воспоминание студентства 1832–1835 // Русское общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 322–323.

Российского государства, но таким образом, что в ее этнографической и географической части изложены важнейшие факты из Истории и сделаны указания на достопримечательности в Землеописании России. В способе преподавания Российской истории допускаются перемены по мере новых открытий и выводимых результатов из критических соображений о событиях до XIII века. Сии результаты уже и ученой публике известны как из статей преподавателя, напечатанных в Вестнике Европы, так и из диссертаций, слушателями его написанных, под его же руководством, и помещенных у Ученых Записках Московского Университета. Репетиции делаемы были, смотря по встречавшейся надобности, не менее трех раз в продолжение года. Сверх ого заданы были следующие темы: 1. О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Ивана III; 2. О мнениях касательно происхождения Руси; 3. О титуле государей Всероссийских; 4. О жителях Тавриды до присоединения оной к Российской империи; 5. Описание рек Российских по древним Географам; 6. О постепенном распространении России; 7. Об отличительных признаках возраста Русского народа в разные эпохи бытия оногo»⁵⁰⁹. Темы были взяты студентами: Станкевичем – о причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III; Бодянским – о мнениях касательно происхождения Руси; С. Строевым – о постепенном распространении России⁵¹⁰.

В воспоминаниях поздних современников Каченовского имеются утверждения о том, что существовала «школа» М.Т. Каченовского. С опасением о школе Каченовского отзывался Вяземский: «Эта школа имеет своих преподавателей и, к сожалению, довольно много слушателей. Это уже не скептицизм, а чисто нравственно-литературный материализм. Не знаю, ради чего или кого действуют исторические прекращатели; но не мешало бы и этому толку присвоить себе название: нетовщина»⁵¹¹.

⁵⁰⁹ Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1835 год. М., 1836. С. 15.

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ *Вяземский П.А.* Воспоминание о 1812 г. // Русский архив. 1869. Вып. 1. Стб. 181–216; *Он же.* Полное собрание сочинений. Т. VII. СПб., 1881. С. 191–213. Современное переиздание. См.: *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент. Л. В. Дерюгиной. М., 1984.

А.Д. Галахов писал, что «школа эта имела многих сторонников: Бодянского, Надеждина, двух Строевых: старшего (известного историографа) и брата его Сергея, который, под псевдонимом “Скромненько”, особенно сильно подвизался за учение Каченовского. Это учение проникло даже в среду Археографической комиссии и нашло себе последователей между некоторыми ее членами»⁵¹².

Один из первых исследователей «скептического поветрия» Н.П. Барсуков утверждал, что «в период учреждения Археографической Комиссии в нашей литературе еще существовала так называемая скептическая школа, имевшая во главе Каченовского. Школа эта представляет интересное явление в истории нашей историографии. Ее господство и процветание продолжалось с 1830 по 1835 год»⁵¹³.

Современный исследователь К.Б. Умбрашко указывает на то, что школа создавалась благодаря новой манере чтения лекций Каченовского в университете на основе программы изучения русских источников, сформулированной Шлецером, с использованием некоторых идей Нибура. Идейной основой для формирования «школы» служили споры Каченовского с Карамзиным, поздние статьи Каченовского в «Вестнике Европы» и Ученых записках Московского университета, опубликованные там же работы учеников Каченовского по университету. Новый характер работы учеников Каченовского стал возможен благодаря публикации корпуса русских источников⁵¹⁴.

Однако нам кажется, что это представление о существовании «школы Каченовского» – серьезное упрощение учебного процесса и отношений учитель-ученик в Московском университете 1820–1830-х гг. Во-первых, очень часто работы учеников Каченовского были не самостоятельны, на что указывает сам Умбрашко, подробно разбирая критику работ учеников Каченовского Погодиным⁵¹⁵. Так называемые ученики Каченовского в своих трудах развивали тезисы, высказанные Каченовским на лекциях: необходимость критического

⁵¹² Галахов А.Д. О М.П. Погодине // Русский вестник. 1891. № 3. С. 246.

⁵¹³ Барсуков Н.П. Жизнь и труда П.М. Строева. СПб., 1878. С. 285. См.: Умбрашко К.Б. Указ соч. С. 281.

⁵¹⁴ Умбрашко К.Б. Скептическая школа. Т. 1. С. 278–279.

⁵¹⁵ Умбрашко К.Б. «Нелепые толки нашего времени...»: М.П. Погодин против М.Т. Каченовского // Мир историка: Историографический сборник. Омск, 2014. С. 295–334.

изучения источников по истории «киевского периода» перед их использованием; обязательное знакомство с памятниками историографии перед началом изучения той или иной проблемы (ученики Каченовского стали серьезно изучать труда В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, И.Н. Болтина, А.Л. Шлецера, Г. Эверса, А.Х. Лерберга, Н.М. Карамзина); комплексный подход при изучении конкретных вопросов киевского периода (происхождение руси, русско-византийские, русско-немецкие отношения). Показательна в этом отношении поправка Умбрашко, которую он желает ввести в научный оборот. Исследователь настаивает на том, что автором обобщающей статьи «О баснословном времени в Российской истории» является не Каченовский, как считают большинство историков, а И.П. Ключников⁵¹⁶.

Даже если согласиться с мнением Умбрашко, что статья написана Ключниковым, тот факт, что в ее заглавии указано на то, что эта статья взята «из лекций профессора М.Т. Каченовского» также говорит сам за себя. Автор развивал мысли, услышанные на лекции профессора. При этом ученики Каченовского могли не разделять исторические взгляды профессора, а иногда от них сознательно отказывались, как это сделал, например, О.М. Бодянский. Некоторые тексты были школьными упражнениями. Тот факт, что Каченовский настоял на их публикации говорит о его возможностях как редактора, а не о качестве статей. Работы учеников Каченовского давали практику написания исторических сочинений, что было новым явлением в процессе обучения в университете, но не создавали профессиональных навыков работы и профессиональных ученых. Школа Каченовского – эта сумма образовательных навыков, но не приобщение к профессии.

Лучше всего об этом свидетельствует изучение биографий студентов Каченовского, которые писали у него исторические работы. Как правило, это молодые люди, начавшие формироваться в начале 1830–х гг. и входившие в

---

⁵¹⁶ Такая подпись стоит в конце статьи. Ее автором, по всей видимости, является И.П. Ключников. Допустимое написание фамилии – Ключников. Ключниковым, например, подписывался его племянник. Судя по всему, написание фамилии было не устоявшимся.

студенческие кружки. Так, В.А. Шеншин⁵¹⁷, входивший в кружок М.Ю. Лермонтова,⁵¹⁸ так же, как и поэт, отказался от обучения в университете и попытался построить военную карьеру, а его труд был опубликован Н.И. Надеждиным, который сотрудничал с журналом Каченовского еще в 1820-е гг. С кружком А.И. Герцена был связан внебрачный сын князя И.Д. Горчакова – М.Д. Перемышльский⁵¹⁹. Он оказался под следствием по делу о пении пасквильных песен и после окончания следствия был отправлен служить в армию, став одним из исследователей русских азиатских степей (служил до 1858 г). Наконец, некоторые работы, написанные для Каченовского, были созданы студентами кружка Н.В. Станкевича: самим Николаем Владимировичем⁵²⁰ и И.П. Ключниковым (о его работе смотрите выше). Именно благодаря студенческим работам учеников Каченовского представление о том, что в науке метод и теория играют существенную роль в создании исторических трудов, узнают студенты более поздних эпох, а благодаря Станкевичу некоторые из этих идей достигнут Грановского.

Однако все студенты, перечисленные выше, не были учеными в узком смысле слова, не готовили себя к продолжению дальнейших занятий по истории. Только Ключников некоторое время состоял после окончания университета учителем истории в Дворянском институте. Как справедливо указывает Л.И. Насонкина, в начале 1830-х гг. выпускать научные кадры университету было еще очень тяжело, в лучшем случае из университета выходили хорошие педагоги⁵²¹.

Впрочем, это не означает, что Каченовский не делал попыток оставить своих учеников в университете и не думал о своей научной смене. В свое время он

---

⁵¹⁷ Шеншин В. О пользе изучения отечественной истории в связи со всеобщей // Телескоп. 1834. Ч. 20. № 11. С. 125–144; № 12. С. 193–222.

⁵¹⁸ Бродский Н.Л. Лермонтов-студент и его товарищи // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы. Сборник первый. М., 1941. Кн. 1. С. 40–76.

⁵¹⁹ Перемышлевский М. О времени и причинах вероятного переселения славян на берега Волхова: Сообщено от профессора Каченовского // Ученые записки Императорского Московского университета. М., 1834. Ч. 3. Март. № IX. С. 415–465.

⁵²⁰ Станкевич Н.В. О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III: Сообщено от проф. Каченовского // Ученые записки Императорского Московского университета. М., 1834. Ч. 5. Июль. № I. С. 29–55; Август. № II. С. 247–279.

⁵²¹ Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 82–83.

помогал остаться при университете, ученику Гейма – Т.А. Каменецкому⁵²². Наконец, в 1830-е Каченовский попытался оставить в университете М.А. Гастева. Этот студент Каченовского защитил магистерскую диссертацию «О причинах замедления гражданской образованности до Петра Великого» (1832), прочел в университете вступительную лекцию, позже опубликованную в «Вестнике Европы»⁵²³. В университете Гастев читал лекции по истории на подготовительном отделении, то есть готовился профессором в младшие преподаватели истории в том представлении о будущем уставе Московского университета, который был у его профессоров в конце 1820-х гг. Однако подготовительное отделение новым уставом запланировано не было, а должность адъюнкта Гастев не получил. Фактически борьбу у Гастева за кафедру российской истории выиграл М.П. Погодин⁵²⁴, также активно сотрудничавший с Каченовским в его журнале и приглашавший его учеников печататься в своем.

Уже позже в 1830-е гг. Погодин без устали будет биться с еще одним любимцем Каченовского – С.М. Строевым, который публично называл Михаила Трофимовича своим наставником⁵²⁵ в собственной первой статье в «Ученых записках Московского университета»⁵²⁶. Строев ставил вопрос о ранних русских летописных произведениях, их авторах и способах их изучения. Погодину сама постановка проблемы об авторстве «Повести временных лет» казалась кощунственной, и он неоднократно публично заявлял, что не согласен со взглядами противников⁵²⁷. Сами же братья Строевы утверждали, что они не

⁵²² *Корецкий Ф.* «О местничестве» // ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 1058. См. подробнее. *Петров Ф.А.* Формирование системы. Т. 2. С. 27.

⁵²³ *Гастев М.С.* О вспомогательных науках для истории. Вступительная лекция, читанная в И[мператорском] Московском] Университете] при открытии курса для первогодичных студентов // Вестник Европы. 1830. №19/20. Октябрь. С. 161–202.

⁵²⁴ Ср., например, с высказыванием Ф.А. Петрова: «Борьба различных направлений в исследованиях молодых ученых предвляла борьбу за саму кафедру русской истории, которую в 1830-е гг., как известно, Погодин выиграл у Гастева, считавшегося любимым учеником и потенциальным преемником Каченовского» // *Петров Ф.А.* Формирование... Т. 2. С. 28.

⁵²⁵ Там же. С. 86–87.

⁵²⁶ *Строев С.М.* О пользе изучения отечественной истории в связи со всеобщей // Ученые записки Императорского Московского университета. М., 1834. Часть третья. № VII. С. 63–93.

⁵²⁷ *Погодин М.П.* Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 1.

подвергают сомнению существование Нестора, ранних русских летописей, но при этом подчеркивали, что они ищут методы изучения русских летописных сводов, более поздних по своему происхождению, для изучения ранних этапов русского летописания. Это не скептицизм, «нетовщина», по определению Вяземского, а постановка сложных методологических проблем, которые впоследствии приведут к трудам А.А. Шахматова.

В этом смысле скептицизм как боязнь фальсификации источников по ранней славянской истории – это, скорее, общее место ученых первой четверти XIX в., а не скептицизм как особая научная школа. Заявления, сходные с Каченовским, делал, например, митрополит Евгений Болховитинов. Так, в письме В.М. Перевощикову он писал: «Вы пишете о поэме Полку Игореву после многих уже писавших! Но уверены ли Вы, что она XII века, как кричат другие. А я полагаю, что она литовско-русское сочинение позднего уже века. Ибо в ней много польских слов из польского языка требующих изъяснения»⁵²⁸.

«Слово о полку Игореве»⁵²⁹ именно в это время стала предметом оживленных дискуссий, о чем свидетельствует дискуссия Каченовского и Пушкина во время посещения последним Московского университета. По воспоминаниям И.А. Гончарова, «...Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Его щеки горели алым румянцем, и глаза бросали молнии сквозь очки»⁵³⁰. Пушкин был очарован. «На днях был я приглашен Уваровым в Университет, – писал он жене. – Там встретился с Каченовским, с которым, надобно тебе сказать, бранились мы, как торговки на Вшивом рынке. А тут

⁵²⁸ Письмо митрополита Евгения (Болховитинова) к В.М. Перевощикову // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 71 об. Опубликовано: Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 445. Выражаю благодарность за сообщение об этом письме моей ученице М.Ю. Ключковой.

⁵²⁹ См. работу студента Каченовского на эту тему: *Беликов И.* Некоторые исследования слова о полку Игореве // *Ученые записки Императорского Московского университета.* М., 1834. Ч. 5. № II. С. 295–308; № III. С. 449–460.

⁵³⁰ *Гончаров И.А.* Воспоминания. В университете // *Московский университет в воспоминаниях современников.* С. 157.

разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления»⁵³¹.

За этими баталиями очень внимательно следил С.С. Уваров, не спешивший стать на ту или другую сторону, весьма ценивший ученость Каченовского. Однако противники Каченовского пытались политизировать его скептицизм. «Исторический скептицизм... неминуемо довел до появления в печати известного письма Чаадаева»⁵³², – утверждал Вяземский и доносил об этом все том же Уварову.

Судя по всему, на этих же чувствах играл и Погодин, ослабляя внимание к своему конкуренту, пользовавшемуся покровительством в Петербурге, а в начале 1830-х гг. бывшим явно популярным и у студентов. Это вело к ослаблению влияния Каченовского как ученого, писавшего о русской истории, среди интересующихся исторической наукой ближе к началу 1840-х гг. Да и сам Каченовский к концу своей жизни так и не создал значимого текста по русской истории и занимался переделкой более ранних статей о Русской правде и кожаных деньгах, что привело к падению интереса к нему со стороны молодежи. Сказывался и возраст. Над профессором и ректором студенты смеялись, замечая, что он читает лекции, скорее для себя, нежели для них, ведет на кафедре спор с самим собою прежней эпохи.

Каченовский как профессор-историк первым начал выстраивать педагогическую работу с молодежью, приглашал публиковать работы молодых людей в «Вестнике Европы». В Вестнике Каченовского печатался, например, Погодин, который его взгляды не разделял. Открытость и дискуссия для занимающихся историей – своего рода кредо Каченовского как наставника юношества. Как следствие, он и его ученики сумели поставить ряд важных вопросов, правда, не разрешив их, для дальнейшего обсуждения в науке. Выдвижение гипотез и обсуждение их научным сообществом, институализация и

---

⁵³¹ А.С. Пушкин Н.Н. Пушкиной конец сентября 1832 г. // Сочинения Пушкина. Переписка. СПб., 1908. Т. 2. С. 395.

⁵³² Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. II. СПб., 1879. С. 211–226.

демократизация науки была важной составляющей педагогической доктрины Каченовского. Опять-таки идею о переводе трудов Эверса, Погодин, сторонник варяжского происхождения руси, вполне возможно воспринял у Михаила Трофимовича под влиянием дискуссий, проводившихся на страницах «Вестника Европы».

Работы студентов заставляли Каченовского видоизменять собственные взгляды. Так, при обсуждении проблемы южного происхождения Руси Каченовский поставил вопрос о возможности использования арабских сведений по ранней истории отечества.

Время популярности Каченовского к концу 1830-гг. ушло. Но идеи о том, что истории как науке необходим метод работы с источниками, а профессор-историк должен стремиться обзавестись учениками, стали достоянием его наследников по кафедре. По крайней мере, Погодин об этом очень хорошо помнил, а С.М. Соловьев, изучив биографию Каченовского, явно увидел.

ГЛАВА 3. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СООБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ЭПОХУ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА С.Г. СТРОГАНОВА

Характерными чертами европейского классического университета стала его открытость для внешнего мира, преодоление замкнутого характера средневекового цеха-корпорации. Как следствие этого процесса в новом университете сформировался принципиально иной по сравнению со средневековым стереотип поведения университетского человека, прежде всего профессора, а затем и студента. Еще одной чертой нового университета стало иное понимание университетской автономии. Этот старый университетский принцип все более и более дрейфовал от юридических привилегий, характерных для средневековых университетов, в сторону внутренней свободы научной деятельности для профессоров и свободы обучения для студентов⁵³³.

В европейских университетах этот процесс пришелся на XVIII – начало XIX в. Чуть позже сходные тенденции обновления университетов проявились и в России. Однако «модернизация университета»⁵³⁴ в российских условиях была обусловлено целым рядом специфических черт. Во-первых, очень своеобразной была открытость российских университетов. Задуманные по образцу своих европейских собратьев, впитывающие в себя европейскую науку и культуру, они, тем не менее, относительно слабо были связаны с европейским университетским пространством. Это сотрудничество усиливали служившие в российских университетах европейские профессора и в первой четверти XIX в. незначительные контакты русских ученых с заграницей. Во-вторых, еще одной проблемой русских университетов стала их изолированность от нужд и потребностей русского общества и государства.

---

⁵³³ См. вторую главу: «Университетская автономия» как продукт университетской реформы // Университет в российской империи XVIII – первой половины XIX в. М., 2012. С. 173–221.

⁵³⁴ Там же. С. 122–170.

В результате профессорская служба в университете не способствовала быстрому усвоению научных новаций и распространению их в русском обществе. Некоторые представители университетского мира искали в его стенах возможности социальной мобильности. Служба в университете чаще способствовала вхождению в дворянское общество, служила способом повышения социального статуса и улучшения условий жизни для выходцев из духовного звания. Профессиональные аспекты профессорского служения часто отходили на второй план.

Это странное состояние русских университетов остро ощущали все участники русской университетской жизни к концу 1820-х гг. В результате начались работы над созданием нового университетского устава, был запущен механизм реформ, призванных решить накопившиеся проблемы⁵³⁵.

Целью модернизации было прежде всего изменение профессорского состава российских университетов за счет получивших европейский научный опыт молодых ученых. Кроме того, предполагалось по-новому выстроить систему управления университетом, отказавшись от средневековых корпоративных вольностей в его управлении и усилив власть администрации. В Московском университете эти задачи решал новый попечитель граф Сергей Григорьевич Строганов.

3.1. Роль попечителя в модернизированном университете:

С.Г. Строганов⁵³⁶

Новый университетский Устав 1835 г. вывел попечителей из группы первых лиц Министерства народного просвещения и прикрепил их к университетам,

---

⁵³⁵ *Попов О.В.* Из истории подготовки Общего устава российских университетов 1835 г. // Российские университеты в XVIII – XX вв. Вып. 3. Воронеж, 1998. С. 42–57; *Он же.* С.С. Уваров и подготовка общего устава российских университетов 1835 г. // Российские университеты в XVIII – XX вв. Воронеж, 1999. Вып. 4. С. 29–49.

⁵³⁶ При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 4. С. 70–97; *Цыганков Д.А.* Старое и новое в университетских конфликтах 1830–1840-х гг //

придав им функции старшего звена университетской администрации. Об этом свидетельствовало уже само появление среди общих положений Устава особого параграфа о попечителе (п. 8), а также целого раздела «О Попечителе и его Помощнике» в главе V «О лицах начальствующих» (п. 47–60)⁵³⁷. Все это являлось существенным нововведением, поскольку в предшествующем Уставе 1804 г. не было параграфов, специально посвященных должности попечителя. Таким образом, функции и права попечителя были, наконец, зафиксированы в университетском законодательстве, и закончилась прежняя неопределенность.

Устав закреплял сложившуюся в предшествующие десятилетия роль попечителя как государственного администратора, «особенному начальству» которого вверяется университет (п. 8)⁵³⁸. Ушла в прошлое малейшая тень коллегиальности в принятии попечителями решений вместе с их обязанностью регулярно заседать в Главном Правлении училищ (полномочия которого были значительно сокращены С. С. Уваровым в 1834 г.). Местопребыванием попечителя назначался город, где находится университет (п. 49), что также лишь зафиксировало обычай, уже повсеместно распространившийся к 1830-м гг. Устав разрешал попечителю «по своему усмотрению председательствовать в Совете и Правлении» (п. 52), но и эта мера только воспроизводила практику, применявшуюся, например, М. Л. Магницким в Казанском университете в период его «разгрома»⁵³⁹.

Надзорные функции попечителя были четко определены в п. 48, где говорилось о том, что он «строго наблюдает, чтоб принадлежащие к нему места и лица исполняли неупустительно свои обязанности», «обращает внимание на

Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. № 18–2. С. 74–78.

⁵³⁷ ПСЗ. Второе собрание. Т. 10. № 8337; далее в тексте ссылки на параграфы.

⁵³⁸ Ср. еще более сильную формулировку: попечитель – «начальник и *хозяин* университета и его учебного округа». Она прозвучала в предложениях самих попечителей, но в окончательный вариант Устава не вошла. См.: Свод предложений попечителей учебных округов и Советов университетов С. Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского (1834) – РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.

⁵³⁹ Современную оценку этого события см.: Вишленкова Е.В. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 г. // Отечественная история. 2002. № 4. С. 22–35.

способности, прилежание и благонравие Профессоров, Адъюнктов, учителей и чиновников Университета, исправляет нерадивых замечаниями и принимает законные меры к удалению неблагонадежных». Право контроля – вплоть до наложения дисциплинарных взысканий на преподавателей – было новым в российском университетском законодательстве. Тем не менее возможности произвольного вмешательства попечителя во внутренние дела университета в новом Уставе ограничивались определенными рамками. Так, попечитель получил «право разрешать единовременные из экономических сумм Университета издержки до тысячи рублей ассигнациями» (п. 54), что исключало траты более крупные (и поэтому описанная выше ситуация с П. И. Голенищевым-Кутузовым в период действия Устава 1835 г. была бы невозможной).

В целом же нельзя сказать, что с введением в действие нового Устава властные полномочия попечителей существенно расширились. Устав 1835 г. всего лишь очертил круг их обязанностей, сделал их более определенными, перевел ряд неформальных практик, использовавшихся попечителями вне нормативной базы, в разряд формальных.

Это подтверждается и конкретным опытом университетского управления после 1835 г. В период министерства С. С. Уварова (1833–1849) попечители подолгу, как правило больше десяти лет, находились в своей должности, что обеспечивало стабильность управления, достижение устойчивого равновесия в отношениях с университетской корпорацией, выгодного обеим сторонам. Действительно, конфликты с участием попечителей в эти годы почти не встречаются.

Попечители нового поколения проводили во многом схожую между собой политику, согласованную с общим университетским курсом Уварова на укрепление «русской науки» – готовить русских ученых, которые бы, овладев европейскими знаниями и методами, могли бы дальше самостоятельно развивать преподавание в отечественных университетах⁵⁴⁰. Попечитель «уваровской» эпохи

---

⁵⁴⁰ О формировании правительственного курса в области высшего образования в эпоху С.С. Уварова см.: *Петров Ф.А.* Формирование системы... Т. 3. С. 173–351.

уже не мог, как раньше, быть грозным «дядькою» или «строевым командиром» над учеными; теперь от него требовался определенный научный кругозор и уважение к ученому труду, а в идеале – представление о ценности научного поиска как такового, свойственное «гумбольдтовской» идее университета⁵⁴¹.

Этим критериям, как никто другой, удовлетворял московский попечитель граф С. Г. Строганов. Человек в материальном отношении независимый, равнодушный к служебной карьере, европейски просвещенный, он прослыл «идеальным попечителем», а время его управления округом и университетом – «строгановской эпохой»⁵⁴².

Очевидный успех деятельности Московского университета в 1830–1840-х гг., отмеченный многими современниками, основывался в первую очередь на том, что Строганову удалось заполнить профессорские кафедры высококвалифицированными молодыми специалистами, прошедшими, как правило, стажировку в ведущих европейских учебных заведениях и вооруженных передовой научной методикой. Решить эту задачу Строганов смог в тесном сотрудничестве с Уваровым, о чем свидетельствует их объемная переписка по вопросам командирования молодых ученых и их последующего назначения на кафедры. Министр и попечитель действовали согласованно, обсуждая детально каждую позицию, внимательно подбирая молодых профессоров, руководствуясь прежде всего оценкой их научного и педагогического потенциала⁵⁴³. И хотя впоследствии личные отношения Строганова с Уваровым разладились, вызвав ряд трений между ними, тем не менее главный успех попечителя по обновлению преподавания в Московском университете никогда не подвергался сомнению в Петербурге.

Возрождением университетских традиций 1800-х гг., связанных с именем попечителя М. Н. Муравьева, стали публичные защиты диссертаций, а также

---

⁵⁴¹ Подробнее о связи «уваровского» и «гумбольдтовского» университетов см.: *Андреев А.Ю.* «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в. // *Отечественная история.* 2004. № 2. С. 37–55.

⁵⁴² См.: *Петров Ф.А.* Формирование системы... Ч. 1: Профессура. М., 2003. С. 129.

⁵⁴³ См.: Письма С.Г. Строганова к С. С. Уварову // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 81, 90.

торжественные годовые акты, происходившие при стечении всего московского общества. Кроме этого, по инициативе Строганова в университете возобновились публичные лекции, которые читались в 1840-е гг. крупнейшими профессорами (Т. Н. Грановским, С. П. Шевыревым, К. Ф. Рулье, Я. А. Линовским, М. Ф. Спасским, А. М. Филомафитским, Р. Г. Гейманом) в течение нескольких лет⁵⁴⁴. Уважение Строганова к ученым неизменно подчеркивалось современниками, а общий стиль его руководства напоминал кураторов-меценатов прошлых эпох: «С профессорами и студентами он всегда был учтив и вообще всегда и во всем умел держать себя с благородною гордостью хорошо образованного аристократа; он не принуждал нас быть вытянутыми и застегнутыми во время лекций – и это много значило в наше время. Были случаи, что граф помогал бедным студентам, давая займы свои деньги для своевременного взноса в Московский университет за слушание лекций»⁵⁴⁵. Следует добавить, что как меценат С. Г. Строганов прославился в Москве открывшимся на его деньги «Строгановским училищем», где обучали искусствам и ремеслам, и которое закончили многие видные зодчие и художники.

Строгановская система управления университетом – это реализация курса на обновление университета с сохранением отеческой, патриархальной заботы над членами университетской корпорации. За годы Строганова университетская корпорация пополнилась более 30 молодыми учеными. В несколько раз (с 419 в 1835 до 1198 в 1847) увеличилось количество студентов, обучавшихся в университете, около половины которых были дворянами⁵⁴⁶. Оживилась научная работа в университете, что привело к резкому росту защит магистерских и докторских работ.

Студент 1840-х гг., впоследствии попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков отмечал: «Мы уважали графа Сергея Григорьевича и тогда, когда были студентами, и когда сделались учителями. Он знал каждого из нас, учителей,

⁵⁴⁴ См.: *Петров Ф. А.* Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 309–333.

⁵⁴⁵ *Афанасьев А. Н.* Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 243–250.

⁵⁴⁶ *Камоско Л. В.* Изменение сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30 – 80-е гг. XIX в.) // Вопросы истории. 1970. № 10. В 1844 из всего состава студентов 61, 6% было дворянами.

лично. Он часто посещал университет и во время лекций и во время экзаменов – и на лекции приходил обыкновенно или вместе с профессором или до него, присутствовал на диспутах, нередко посещал гимназии как в Москве, так и в губернских городах Московского учебного округа, московские уездные и приходские училища. Несмотря на свое аристократическое происхождение и огромное богатство, граф был прост в обхождении, ласков, гуманен. От него мы никогда не слышали крику и громких, а тем более, резких замечаний. Он всегда держал себя с достоинством, говорил тихо, спокойно, внушительно... Мы не только уважали графа, мы, можно сказать, в него верили. Благодаря его внимательному и беспристрастному отношению ко всем служащим, мы под его попечительством жили спокойно, никого не боясь...»⁵⁴⁷

Налицо ситуация изменения общей атмосферы университетского сообщества, своеобразное выведение университета из бурсацких нравов предыдущей эпохи к традициям европейской университетской жизни, с которыми Строганов мельком был знаком по-своему европейскому опыту. Как вспоминал Н.М. Дмитриев, Строганов «хорошо был знаком с состоянием науки на Западе, верно понимал смысл и дух современного движения и в то же время знал, чего ждет наше общество от русских университетов...»⁵⁴⁸ Таким образом, Строганов добился значительных успехов в модернизации русских университетов. Однако почти одновременно с первыми успехами появились и первые провалы.

Во-первых, неустойчивой оказалась конструкция, в которой попечитель округа, сделав ставку на молодых ученых университета, готов был жертвовать старой профессурой. Это привело Строганова к конфликту с М.П. Погодиным. Кроме интриг Погодина, дестабилизирующим звеном системы управления Строганова, были сами молодые профессора. Приобщенные к европейским идеалам науки они считали своей базовой ценностью вовлеченность в европейское культурное пространство, придавали не очень большое значение своему

⁵⁴⁷ Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х гг. // Русская старина. 1887. Т. LV. № 9. С. 641–652.

⁵⁴⁸ Дмитриев Н.М. Студенческие воспоминания о Московском университете // Отечественные записки. 1858. № 8.

продвижению по служебной лестнице в России, готовы были жертвовать службой ради своих, иногда не вполне понятных окружающим ценностей. Ярче всего эта тенденция проявилась в конфликте с В.С. Печериным⁵⁴⁹.

Печерин стал первым ученым Московского университета, приступившим к преподаванию в нем после европейской стажировки и в момент действия нового устава. 7 августа 1835 Печерин прочел первую пробную лекцию и был назначен на должность исполняющего обязанности экстраординарного профессора. Его общение с аудиторией тут же произвело фурор. На лекции Печерина по греческому языку стали стекаться студенты в огромных количествах⁵⁵⁰. Однако самого молодого преподавателя этот факт не делал более терпимым по отношению к российской действительности, которую он откровенно презирал и мечтал о побеге из России. 19 февраля 1836 Печерин подал в Совет университета прошение об отпуске для летней работы в Берлине⁵⁵¹. Получив требуемое, он уехал в Берлин в июне 1836 г. и из отпуска не вернулся. 24 ноября 1836 г. по указу Сената министр Уваров предложил Совету Московского университета уволить Печерина со службы⁵⁵², что и было сделано. В феврале 1837 г. против Печерина было начато уголовное преследование. Пытаясь спасти молодого ученого, Строганов выхлопотал у министра приостановление уголовного дела против Печерина, наладил с ним корреспонденцию и попытался вернуть на Родину. Думается, письмо Печерина Уварову объяснило попечителю Московского учебного округа всю бессмысленность этой затеи. В ответном письме Печерин писал, что страшится «превратиться в «благонамеренного старого профессора, насыщенного

⁵⁴⁹ См.: *Первухина-Камышиникова Н.М.* В.С. Печерин. Эмигрант на все времена. М., 2006; *Чернов С.Л.* Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим // Печерин В.С. *Apologia pro vita mea*. СПб, 2011. С. 5–40; *Чернов С.Л.* «Голый король» // *Casus* Владимира Печерина. СПб., 2016. С. 7–90.

⁵⁵⁰ О влиянии Печерина на студентов см.: *Гершензон М.О.* Жизнь В.С. Печерина. М., 1910; *Петров Ф.А.* Формирование системы... Т. 4 Ч. 1 М., 2003 С. 149–152. Новейшее издание наследия Печерина – *Apologia pro vita mea*. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим / отв. ред. и сост. С.Л. Чернов. СПб., 2011, а также: *Чернов С.Л.* *Casus* Владимира Печерина. СПб., 2016.

⁵⁵¹ Впервые опубликовано: *Гершензон М.О.* Жизнь В.С. Печерина. М., 1910. С. 124; см. также: *Чернов С.Л.* *Casus* Владимира Печерина. СПб., 2016. С. 255–256.

⁵⁵² *Чернов С.Л.* Указ. соч. С. 273, 451.

деньгами, крестиками и всякою мерзостью», называл старых профессоров «людьми без верований, без Бога, живущими лишь для того, чтобы копить деньги откармливаясь как животные»⁵⁵³.

Безусловно, история Печерина пример сугубо индивидуального поведения очень нестандартного человека. Однако, кажется, что-то типическое в его поступке было. Тот же Грановский, находясь в Берлине, также вынашивал идею о невозвращении в Россию и только теплые семейные отношения удержали его от этого поступка. Да и отношение к старым профессорам у Грановского были сходные. Впрочем, как и отношение к профессорской карьере. Для Грановского кафедра была служением, учительством, а не продвижением по служебной лестнице в Табели о рангах. Интересно отметить, что Грановский за время службы в университете классные чины получал медленнее всех историков. Как следствие подобных установок, только в поколении новых ученых стало возможным отказываться от назначения на должности в том случае, если вакансии мешали научным планам ученых, так же как и от профессорской службы по идейным мотивам. По первому пути пошел в 1848 г. О.М. Бодянский, отказавшийся ехать в Казань, где были бы затруднены его научные занятия славянскими древностями. Второй путь привел к коллективной отставке профессоров Московского университета в 1847 г., о чем пойдет речь чуть ниже. Впрочем, для старших товарищей молодежи это было так знакомо и естественно. Словно играя на чувствах молодежи, Погодин еще до разрыва со своими идейными противниками замечал: «Те профессора, которых Вы теперь сменяете: Ивашковские, Котельницкие и проч., были ведь смолоду также ревностны, так же благоговели к науке, так же горели желанием распространять истину, а что случилось с ними теперь в их несчастной среде? Увидим, что станет с Вами»⁵⁵⁴.

Еще один минус Строгановской системы модернизации Московского университета заключался в конфликтных отношениях попечителя и министра. В условиях кризиса университетской системы два этих непохожих человека

⁵⁵³ Современная публикация письма: *Чернов С.Л.* Указ. соч. С. 279.

⁵⁵⁴ *Погодин М.П.* Школьные воспоминания. С. 614.

действовали сообща: тщательно отбирали кандидатов на профессорские кафедры, совместно решали сложные вопросы. Однако, когда дела в Московском университете пошли более успешно, Строганов все более и более стал выходить из-под влияния Уварова. Несхожими были и их личные симпатии. Люди, с которыми не ладил Строганов, почти всегда находили поддержку Уварова. Так, произошло с И.И. Давыдовым, раскритикованным Строгановым в 1826 г., с М.П. Погодиным, не нашедшим понимание московского попечителя в 1844 г., Н.И. Крыловым в – 1847 г. Кроме того, Строганова тяготили формальные служебные отношения с министром. Весь 1847 г. попечитель и министр, словно, мерились своим влиянием на течение университетских дел в Москве и при дворе. Сначала предметом разбирательства между Уваровым и Строгановым стал секретный циркуляр министра с требованием ограничить изучение славянских наречий и истории в университете в пользу русского языка и литературы. Попечитель самостоятельно рассекретил идеи министра и доложил о них Совету университета, а затем в официальном отношении к министру отказался исполнять циркуляр и фактически был принужден это сделать только под личным давлением императора. Затем Уваров дал распоряжение об уничтожении части очередного тома «Чтений ОИДР» (выпускаемых университетским научным обществом, председателем которого был Строганов), в котором содержалась публикация сочинения английского дипломата и путешественника Дж. Флетчера, в которой содержались некомплементарные отзывы о России XVI в. По большому счету, эти конфликты с Уваровым и подвигли Строганова подать прошение об отставке. В своем прошении об отставке, направленном императору, Строганов замечал, что «понятия мои о службе Вашего Величества не могут сблизиться с понятиями о ней Министра народного просвещения. Опасаясь, что при постоянном состязании с графом Уваровым, я легко могу преступить границы, указанные мне служебными отношениями, не чувствую себя способным оставаться исполнителем его направлений»⁵⁵⁵. Наконец, ситуацией, в которой вскрылась все непрочность

---

⁵⁵⁵ Цит. по: *Петров Ф.А.* Формирование системы... Т. 4. Ч. 2. С. 214.

строгановской системы управления, стала крыловская история, как бы вобравшая в себя все имевшиеся в университете конфликты.

3.2. Возникновение новых исторических кафедр

Нововведения рубежа 1810–1820-х гг. серьезно повлияли на жизнь профессорской корпорации Московского университета и стали предметом анализа в коллективных и личных проектах московских профессоров в процессе подготовки устава 1835 г. Косвенно в этих проектах обсуждался и вопрос об исторических кафедрах университета.

Проекты профессоров Московского университета 1820-х гг. предлагали ввести в структуру преподавания в университете подготовительный курс истории, появившийся в Московском университете после 1813 г., сделав его одногодичным. Для историков в связи с этим встал лишь вопрос о том, кто из университетских преподавателей истории должен читать этот пропедевтический, по сути – гимназический, курс: кто-то из профессоров словесного факультета, или магистр, готовящийся к профессорскому званию. Следовательно, вопрос о чтении истории увязывался с вопросом о расширении количества университетских преподавателей, введении должностей младших преподавателей факультета или кафедры⁵⁵⁶.

Однако против создания подготовительного отделения при разработке нового устава резко возражал министр А.С. Шишков. В Циркуляре от 11 июня 1824 г. он указывал на ненужность «энциклопедического образования», которое, «способствуя поверхностным понятиям о науках, не доставляет государству прямо образованных членов, готовых проходить возлагаемые на них должности со знанием своих обязанностей»⁵⁵⁷. Кроме того, по мнению министра, после введения в действие Устава о гимназиях 1828 г. идея подготовительного курса теряла смысл,

---

⁵⁵⁶ См., например, предложения Ю.П. Ульрихса: ОПИ ГИМ. Ф. 404. Ед. хр. 21; *Петров Ф.А.* Формирование системы.... Т. 3. С. 103–104.

⁵⁵⁷ Сборник распоряжений. Т. 1. Стб. 517.

так как теперь именно на гимназию возлагалась обязанность отвечать за качественную подготовку учеников, а университету давалась возможность выбирать по экзамену лучших из окончивших гимназии⁵⁵⁸, а не тратить время на образование слабых гимназистов.

В профессорском проекте, подписанном А.А. Прокоповичем-Антонским, И.А. Двигубским, М.Я. Мудровым, В.М. Котельницким, В.П. Ризенко, А.Ф. Мерзляковым, М.Т. Каченовским, М.Г. Гавриловым⁵⁵⁹, впервые содержалась мысль об отделении в преподавании истории от географии и статистики и создании двух профессорских должностей для преподавания исторических дисциплин: профессора всеобщей истории и профессора истории российского государства. Предполагалось также и создание кафедры «политической истории и статистики знатнейших держав европейских и особенно Российской» по примеру созданной в Харькове в 1811 г.⁵⁶⁰ В проекте Л.А. Цветаева также речь шла о создании кафедры политической истории для чтения курса по истории политических учений на юридическом факультете⁵⁶¹.

По мнению Ф.А. Петрова, появление отдельной кафедры русской истории – своего рода дань времени. Появление такой кафедры буквально диктовалось ходом развития русского общества после Отечественной войны 1812 г. «Это было связано с ростом национального самосознания после Отечественной войны 1812 г. и повышением интереса русского общества к своему историческому прошлому», – указывает исследователь. – «Именно в эти годы (1816–1824) вышли 12 томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, началась систематическая публикация древнерусских летописей и письменных источников по истории России XIV–XVI вв.» (К.Ф. Калайдович и П.М. Строев)⁵⁶². Кроме того, С.С. Уваров при создании Петербургского университета настоял на создании отдельной кафедры русской истории, которой он придавал особое значение. Наконец, в конце

⁵⁵⁸ См. *Петров Ф.А.* Формирование системы... Т. 3. С. 61–71.

⁵⁵⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 404. Ед. хр. 20. Л. 2–26.

⁵⁶⁰ *Петров Ф.А.* Формирование системы... Т. 3. 16–17.

⁵⁶¹ *Петров Ф.А.* Формирование системы... Т. 3. С. 25.

⁵⁶² *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и основание. С. 18.

1827 г. А.С. Пушкин подал императору Николаю I записку «О народном воспитании», в которой заметил, что история, статистика и законодательство России «требует особенных кафедр»⁵⁶³. Соглашаясь с мнением Петрова, иначе расставляю акценты, поставив опыт Уварова с созданием отдельной кафедры русской истории в Петербургском университете на первое место при проведении в жизнь университетских преобразований с преподаванием истории.

Отметим, что под влиянием филологов Московского университета, прежде всего А.Ф. Мерзлякова, желавшего соединить теорию изящных искусств и словесность в руках одного профессора, в Московском университете была ликвидирована кафедра теории и истории изящных искусств и археологии. Безусловно, до 1830-х гг. годов на этой кафедре так и не выработалось более или менее реального представления о том, что такое «археология», за что ее и критиковал Мерзляков. Однако в течение определенного периода времени профессор этой кафедры был единственным, кто читал лекции по русской истории в Московском университете. Ведь до смерти Гейма, занимавшего кафедру истории, географии и статистики российского государства, систематический курс по русской истории читал профессор именно этой кафедры – М.Т. Каченовский. По инициативе последнего, в уставе 1835 г. появилась должность профессора славянских наречий⁵⁶⁴, которую он и занял после введения в действие устава 1835 г.

Таким образом, по уставу 1835 г. в 1-м отделении философского факультета (в обиходе – словесном) было 9 кафедр; по уставу 1804 г. – 7): философии (возрождена после временного закрытия по просьбе московских профессоров, должна придавать цельность гуманитарному образованию на факультете); греческого и латинского языков; российской словесности и истории литературы (с двумя профессорами); истории и литературы славянских наречий; российской истории; всеобщей истории; политэкономии и статистики; восточных языков (упразднена в 1854 г.).

⁵⁶³ Пушкин А.С. ПСС. Т. VIII. Критика и публицистика. М., 1958. С. 48.

⁵⁶⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 404. Ед. хр. 21. Л. 2, 22. Петров Ф.А. Формирование системы. Т. 3. С. 386.

Рассматривая изменения на словесных отделениях философских факультетов университетов России, В.И. Чесноков заметил, что «на этапе, когда историко-филологическое образование в университетах еще не было подвержено внутренней специализации, студент факультета получал историческую подготовку, обязательно изучая все предметы факультетского курса»⁵⁶⁵.

Внесем коррективы в это представление. Студент во время обучения на факультете действительно получал исторические знания. Но историю как предмет специализации он выбирал только в том случае, если, написав кандидатское сочинение на историческую тему, решал готовиться к магистерской степени по истории. В связи с этим более точно выглядит другая характеристика Чеснокова: «Круг предметов исторического преподавания, реализовавшихся в основных университетах России во второй половине 50-х гг. XIX в. был представлен всеобщей историей, историей России, античными древностями, историей славянских народов и историей церкви. Преподавание истории Востока, несмотря на особое значение востоковедного образования в связи с восточной политикой самодержавия, было предоставлено на усмотрение профессоров кафедры всеобщей истории. Первоначально специальной кафедры истории Востока не было даже в составе факультета восточных языков Петербургского университета»⁵⁶⁶.

При этом стоит заметить, что по уставу 1835 г. сохранялась легкая неопределенность в распределении исторических предметов между филологами и историками. Так, по университетской традиции «классические древности» (памятники архитектуры, быт древних народов) оказались предметом преподавания филологов-классиков, а не были присоединены к всеобщей истории. Потерялась и история славян, которой не нашлось места на кафедре славянских наречий Каченовского, ставшей по-сути филологической. Исторические сведения вносились в преподавание и на внефакультетской кафедре догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законоведения.

---

⁵⁶⁵ Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России (по университетским уставам 1804–1869 гг.) // Российские университеты в XIX – начале XX в. Воронеж, 1993. С. 22.

⁵⁶⁶ Там же. С. 23.

Профессор этой кафедры кроме собственно богословия должны был читать студентами «историю русской церкви» и «историю церкви римско-католической»⁵⁶⁷.

В целом многие студенты 1840-х–1850-х гг., кроме легендарных историков, какими были в это время Погодин, Грановский, Соловьев, Кудрявцев и Ешевский, отмечали влияние на себя филологов-классиков: Д.Л. Крюкова, у которого был опыт чтения и собственно исторических курсов; П.М. Леонтьева.

3.3. Первый профессор кафедры российской истории: М.П. Погодин

3.3.1. Университетская карьера М.П. Погодина

Наследники Погодина в Московском университете сделали многое, чтобы стереть память о Михаиле Петровиче⁵⁶⁸. Наверное, лишь Н.А. Попов, фактически в одиночку подготовивший юбилей Погодина в Московском университете⁵⁶⁹ и писавший о нем как председателе ОИДР, заботился об увековечивании памяти первого профессора кафедры российской истории.

Для понимания Погодина важна многотомная работа «Жизнь и труды М.П. Погодина», написанная Н.П. Барсуковым, в которой в научный оборот введены материалы архива историка, прежде всего его дневники. Эта работа до сих пор служит основанием для исследований по истории общественной мысли России в 1820 – 1860-х гг. (доведена до 1864 г.).

⁵⁶⁷ Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России (по университетским уставам 1804–1869 гг.) // Российские университеты в XIX – начале XX в. Воронеж, 1993. С. 22.

⁵⁶⁸ Бачинин А.Н. М.П. Погодин в отечественной историографии: заметки // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7(50). С. 28–42.

⁵⁶⁹ Протокол Совета университета от 23 октября 1871 г. // МУИ. 1872. № 2. С. 153.

Современное проблемное поле вокруг трудов Погодина сформировано трудами Н.И. Павленко⁵⁷⁰ и К.Б. Умбрашко⁵⁷¹. Как профессор кафедры российской истории Погодин рассмотрен в монографии Ф.А. Петрова⁵⁷².

Михаил Петрович Погодин оказался первым профессором-историком в Московском университете, который для получения возможности служить по ученой части в Московском университете должен был выдержать необходимые процедуры, предписанные уставом 1804 г. и новым положением «О производстве в ученые степени» 1819 г. Путь его к кафедре был трудным, Погодин, несомненно, его анализировал и в дальнейшем это скажется на его позиции в отношении историков строгановского призыва. Именно поэтому университетская карьера Погодина нуждается в пристальном изучении.

Социальное неравноправие, униженность недворян – один из постоянных лейтмотивов в дневнике Погодина. В этой связи, как правило, все исследователи обращали внимание на рождение Погодина в крепостном состоянии, выходу из которого он обязан отцу, сумевшему выкупиться на волю и освободившему семью. До войны 1812 г. Погодины прочно обосновались в первопрестольной. Еще в годы обучения в гимназии Михаил был человеком, увлекающимся печатным словом. Он коллекционировал годовые комплекты журналов (начинал с «Московского вестника», затем переключился на «Русский вестник»). Как заядлый театрал Погодин собирал афишки, на которых давал оценки игре актеров⁵⁷³.

Чувство истории, по признанию самого Михаила Петровича, стало развиваться у него под впечатлением о московских событиях позднего лета – начала осени 1812 г. Вкус к истории Погодина во многом формировался под влиянием чтения художественных произведений Карамзина – «Бедной Лизы», «Натальи – боярской дочери», «Марфы–посадницы». «Они, – вспоминал Погодин,

⁵⁷⁰ Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003.

⁵⁷¹ Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999.

⁵⁷² Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995.

⁵⁷³ Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003. С. 12–14.

имея в виду художественные произведения Карамзина, – были почти выучены наизусть»⁵⁷⁴.

Окончание гимназии Погодиным совпало с выходом в свет «Истории государства Российского» Карамзина. Погодин с трудом достал 55 р. на подписку (при этом будущий историк отмечает, что в это время что денег у семьи не хватало иногда даже на еду). Трагедией для Михаила Петровича стала ситуация, когда 8 томов были отданы отцом в работу переплетчику, а тот их пропил.

Погодин поступил в университет в 1818 г. Обычно отмечается тот факт, что преподавателем, серьезно повлиявшим на становление ученого после поступления в университет, был А.Ф. Мерзляков, который так же, как и Погодин, был выходцем из народных низов, будучи сыном купца из Перми. У Мерзлякова было чувство истории: после Отечественной войны 1812 г. это было не удивительно. Однако Мерзляков воздействовал на студентов прежде всего тем, что знакомил их с современным положением русской словесности. В 1819 г. для профессора Погодин написал «Опыт рассуждениях о науках, способствующих распространению археологических познаний»⁵⁷⁵. С формальной точки зрения этот труд больше относился к ведению профессора Каченовского. Но интересно отметить, что в собственных воспоминаниях об университете Погодин мало говорит об историках-университета по-должности – Н.Е. Черепанове и М.Т. Каченовском, что отметил еще Н.И. Павленко⁵⁷⁶. Вместе с тем одна из общих идей, которая возникает у Погодина в университете во время обучения, – противопоставление цельного взгляда на русскую историю, к которой стремится он сам, мелочной критике Каченовского. Эта идея не характерна для позднего Погодина. Возможно, она возникает у раннего Михаила Петровича под влиянием знакомства с трудами Каченовского 1820-х. В «Исторических афоризмах» он запишет: «всего занимательнее в истории смотреть на связь и ход происшествий». Ранний Погодин выступал против «алгебраических немецких отвлеченностей, кои могут...

⁵⁷⁴ Погодин М.П. Школьные воспоминания // Вестник Европы. 1868. Кн. 8. С. 622, 626; Павленко Н.И. Указ. соч. С. 15.

⁵⁷⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 132. Ед. Хр. 328.

⁵⁷⁶ Павленко Н.И. Михаил Погодин. С. 18.

приносить пользу разве в конце академического образования, но отнюдь не в начале». Историю нужно «почувствовать – не в университете, не в библиотеке», «во глубине души своей»⁵⁷⁷. Вообще увлечение историей и обсуждение Карамзина с друзьями – одна из важнейших тем молодого Погодина на досугах, в неформальной обстановке. «Карамзин и русская история были постоянной темой разговоров и размышлений Погодина и кружка его друзей», – отмечает Барсуков⁵⁷⁸.

Как студент в университете Погодин изучал прежде всего классическую словесность. При этом у Погодина развиваются личные контакты с Мерзляковым, который, правда, советовал студенту не выбирать научную службу как будущее призвание. Под руководством Алексея Федоровича Погодин перевел «Оды» Горация, опубликованные им уже после окончания университета в 1823 г.⁵⁷⁹ Смысл переводческой деятельности Погодин объяснял себе следующим образом: «Переводами мы обогащаем собственный язык, сближаем его с другими, заимствуем от них новые обороты, новые способы выражения мыслей (строго наблюдая, чтобы сии обороты не были ему противны), приобретаем чужие сокровища, ничего не теряя из собственных»⁵⁸⁰.

Вообще, к Погодину всегда сочувственно относились именно словесники (А.Ф. Мерзляков, И.И. Давыдов во время учебы; О.М. Бодянский, Ф.И. Буслаев, Н.С. Тихонравов и др. в более позднее время). Так, несмотря на увлечение Погодина историей, Давыдов очень хотел в случае своего назначения на место профессора философии оставить вместо себя на должности экстраординарного профессора именно Погодина, который должен был бы читать римские древности⁵⁸¹. Впрочем, это не удивительно. Некоторые преподаватели античных древностей до введения устава 1835 г. были увлечены исследованиями русской

⁵⁷⁷ Погодин М.П. Исторические афоризмы. М., 1835. С. 115.

⁵⁷⁸ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. СПб., 1888. С. 77.

⁵⁷⁹ Погодин М.П. Оды Горациевы. Ч. 1. М., С. 283.

⁵⁸⁰ Погодин М.П. Нечто о переводах классических писателей // ОПИ ГИМ. Ф. 280. Ед. Хр. 7. Л. 1–17. См. также: Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание. С. 11.

⁵⁸¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. С. 245–246.

старины и древностями (например, Р.Ф. Тимковский, да и презираемый студентами погодинского поколения И.М. Снегирев).

Эта ситуация вскрывает характерную особенность специализации в Московском университете в 1820-е гг. До окончания обучения в университете, то есть до получения степени действительного студента, специализации студентов словесного факультета не предполагалось. Формирующаяся курсовая система предполагала безальтернативное следование по учебной программе. Филологических предметов в ней было больше, обязательных письменных работ было немного. Единственным основанием для специализации у студентов были личные симпатии к тем или иным профессорам и, может быть, темы для медальных сочинений. Таким образом, специализация начиналась с выбора тем работ для кандидатской или магистерской диссертации. И Погодин здесь свой выбор сделал – «класс профессора по истории и статистике», а год окончания университета Погодина стал последним годом преподавания на этой кафедре И.А. Гейма. Медальное сочинение Погодин называлось – «О пользе источников и нынешнем состоянии статистики». Соперником Погодина в борьбе за золотую медаль оказался студент М.С. Ширай, которому помогали в достижении цели профессора, у которых он в свое время готовился для поступления в университет, и друг Погодина – А.М. Кубарев, который правил классические переводы Ширая. В итоге при определении победителя Гейм и Мерзляков проголосовали за Погодина, а Давыдов и Каченовский – за Ширая. Медаль досталась Погодину, поскольку за него проголосовал ректор Гейм⁵⁸². Быть может, именно из-за ситуации с медальным сочинением Погодин недолго любил Каченовского.

В 1820-е гг. Погодин продолжает оставаться крайне разносторонним гуманитарием, проявляющим серьезное внимание к философским проблемам науки. Во многом на него серьезно воздействует круг собеседников из кружка Любомудров, многие из которых после формального прекращения его заседаний – считается, что поводом стало восстание декабристов – будут участвовать в издании «Московского вестника» Погодина. Правда, еще до создания журнала по

---

⁵⁸² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. С. 103–104.

аналогии с «Полярной звездой» А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева Погодин планировал создать московский аналог петербургского альманаха – «Уранию», в котором должны были публиковаться материалы из архива кружка С.Е. Раича⁵⁸³. Как правило, исследователи связывают с деятельностью Любомудров распространение в России шеллингианских идей и романтической эстетики⁵⁸⁴. В силу недостаточной источниковой базы невозможно оценить влияние круга Любомудров на Погодина, но вполне возможно предположить, что идея особых русских начал, которые развиваются в русской истории и коренным образом отличают ее от истории любых других европейских стран, становится актуальной для Погодина именно в этот период⁵⁸⁵. Как справедливо отмечают специалисты, редактируя альманах и журнал в конце 1820-х гг., Погодин становился все более самостоятельным⁵⁸⁶.

Новым авторитетом в мире Погодина при подготовке к магистерским экзаменам стал Август Шлецер. 27 октября 1823 г. в отделении словесных наук в присутствии профессоров М.Т. Каченовского, М.Г. Гаврилова, И. И. Давыдова, Ю. П. Ульрихса (в 1823 сменил на кафедре всеобщей истории, географии и статистики Н.Е. Черепанова), адъюнктов П.В. Победоносцева, Т.А. Каменецкого и лекаря Пельдта было слушано прошение «своекоштного кандидата Михаила Погодина, который, окончив кандидатом словесное отделение, просил подвергнуть себя испытанию на степень магистра». 27 октября и 19 ноября 1823 г. на основании положения о производстве в ученые степени 1819 г. Погодину было предложено «неопределенное количество вопросов»: из латинской словесности и истории изящных искусств, российского красноречия и поэзии, латинской словесности,

---

⁵⁸³ Батурова Т.К. Страницы русских альманахов. М., 1998. С. 15. Как отмечал рецензент в «Московском телеграфе»: «Издатель старался подражать совершенно наружности «Полярной звезды» 1825 г., но далеко не мог достигнуть образца». См.: Московский телеграф. 1826. Ч. 8. № 8. С. 358.

⁵⁸⁴ Каменский З.А. Московский кружок Любомудров. М., 1980. Погодин в это время переводит «Фауста» И.В. Гете. В круг его чтения входит Шиллер, Шеллинг, Шатобриан, мадам Де Сталь. О роли Раича см.: Рогов К.Ю. К истории «московского романтизма»: Кружок и общество С.Е. Раича // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 523–576.

⁵⁸⁵ Ср. с программной статьей Д.В. Веневитинова: Веневитинов Д.В. О состоянии просвещения в России // Веневитинов Д.В. Избранное. М., 1956. С. 209–213.

⁵⁸⁶ Пуряева Н.Н. М.П. Погодин – литератор: дис. ... канд. филолог. наук. М., 2006. С. 33.

географии, латинской словесности и древней римской истории, древней и новой всеобщей истории, географии, статистики и российской истории и словесности. Ответил Погодин и на 2 письменных вопроса, в том числе – «Как разделяется торговля российская»⁵⁸⁷.

После сдачи экзамена Погодин начал готовиться к защите диссертации. В это время он фактически вошел в круг любителей истории, в центре которого был граф Н.П. Румянцев. По крайней мере, именно этот меценат от истории просил директора Архива коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновского дать доступу университетскому ученому к архивным источникам. Познакомился Погодин и с К.Ф. Калайдовичем и П.М. Строевым, то есть круг его знакомых стал расширяться за счет людей, которые интересовались именно историей.

Несмотря на то, что в воспоминаниях Погодин выставлял себя как непримиримого борца с Каченовским, именно со своим старшим коллегой он стал часто встречаться во время подготовки магистерской диссертации для разговоров на исторические темы. В дневнике он отметил: «Нравится мне жизнь Каченовского. Живет на краю города. Сидит в своем кабинете. Смиренно, покойно работает. Ни до кого ему нет дела. Бранится только на бумаге. И то, только за пустячки. Хорошо»⁵⁸⁸. Да и часть своей диссертации еще в 1823 г. Погодин напечатал в журнале «Вестник Европы» Михаила Трофимовича⁵⁸⁹.

17 января 1825 г. диссертация Погодина была единогласно одобрена словесным факультетом, на заседание которого было принято решение напечатать ее вместе с тезисами. 4 марта 1825 г. «своекоштный кандидат словесного отделения Михайло Погодин, ищущий степени магистра, представил напечатанный экземпляр диссертации «О происхождении Руси». Работа имела подзаголовок – «О начале русского государства». Главная идея работы сравнение двух известных концепций о происхождении Руси – южного и северного. Погодин показал себя как сторонник «норманнской» теории Шлёцера. Собрав доступные

⁵⁸⁷ Русский архив. 1900. Вып. 3. С. 476–477. См. также: *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и создание. С. 114–115.

⁵⁸⁸ *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. С. 154.

⁵⁸⁹ Вестник Европы. 1825. № 5–11.

ему источники о варягах, Погодин пришел к выводу, что последних нужно отнести к норманнскому племени, обитавшему не территории современной Швеции.

11 марта 1825 г. в публичном собрании под председательством ректора А.А. Прокоповича-Антонского, в присутствии декана словесного отделения А.Ф. Мерзлякова, ординарных профессоров – М.Г. Гаврилова и М.Т. Каченовского, экстраординарных профессоров – С.М. Ивашковского и адъюнкта И.М. Снегирева кандидат Погодин диссертацию успешно защитил. Каченовский, хорошо знавший содержание работ Погодина, и в 1820-е гг. инициировавший интерес Михаила Петровича к работам И.Г. Эверса, обратил внимание кандидата на недопустимость резких оценок дерптского профессора (впоследствии Погодин издаст его труды на русском языке). Погодин занес в дневник следующую оценку диспута: Каченовский «не так недобр, как об нем думают»⁵⁹⁰. Официальный отзыв о диссертации гласил, что «литература предмета изучена» диссертантам «вполне»⁵⁹¹.

16 марта университетский Совет утвердил Погодина в звании магистра. Защита обеспечила университетскую карьеру Погодина. Некоторое время он преподавал географию в Благородном пансионе. У Погодина появилась возможность получить профессорскую должность в одесском Лицее, Румянцев советовал Погодину на этот вариант соглашаться, но Михаил Петрович пошел своим путем. В 1825 г. он был назначен преподавателем (по документам он был назначен «магистром Московского университета») для чтения курса лекций по истории России XV–XVIII вв. на нравственно-политическом отделении. Эта должность для Погодина – инициатива и изобретение университетского Совета, поскольку по штату и университетскому уставу 1804 г. были лишь штатные места для магистров, ведших преподавание в Педагогическом институте, которые работали с казённокоштными студентами. При этом назначение Погодина – это коллективное лоббирование Михаила Петровича профессорами круга Давыдова. Погодин мог смело считать себя выдвиженцем корпорации Московского

⁵⁹⁰ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., Т. 1. С. 102, 143.

⁵⁹¹ ЦГА. г. Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Ед. хр. 12. Л. 66 об.

университета, которая именно в это время создавала проекты нового университетского устава, где она настаивала на усилении собственной власти и сумела сместить с должности попечителя, враждовавшего с ней, – А.А. Писарева.

В 1828 г. Погодин как адъюнкт на кафедре всеобщей истории, статистики и географии должен был читать теперь наряду с прежними лекциями также и лекции по истории для словесников. Назначение на должность адъюнкта, а не профессора понятно, исходя из логики устава 1804 г.: молодые ученые из магистров, прикрепленные к Педагогическому институту, в случае продвижения по карьерной лестнице должны назначаться на адъюнктские позиции. Кроме того, у Погодина не было высшей ученой степени, чтобы занять профессорскую должность. В 1833 г. Погодин был назначен сразу ординарным профессором кафедры всеобщей истории, статистики и географии (1833–1835) министром С.С. Уваровым, которому он понравился после личного знакомства. Из номенклатуры университетских должностей первой четверти XIX в. Погодин таким образом не занимал лишь должность экстраординарного профессора.

Наконец, назначение Погодина на должность ординарного профессора кафедры российской истории (1835–1844) связано с реорганизацией Московского университета по уставу 1835 г. и опять-таки является личной инициативой министра Уварова.

Карьера Погодина в университете показывает, что за его продвижение по службе выступала как университетская корпорация, которая готова были изыскивать средства для финансирования службы Погодина (вспомним Давыдова, который был готов уступить Погодину свою должность, а также преподавание Погодины на должности оплачиваемого магистра), так и министерская бюрократия. При этом прыжок Погодина в ординарные профессора из адъюнктов во многом объясняется особой поддержкой, которую стал ему оказывать министр народного просвещения Уваров, познакомившийся с Погодиным во время своей ревизии университета еще в 1832 г. в бытность товарищем министра народного просвещения. Интересно, что для продвижения по службе Погодину не приходилось писать никаких новых научных работ. Между тем после написания

магистерской диссертации он получил должность, которая помогла ему остаться рядом с университетом, но даже не сделала его штатным преподавателем.

И еще одну деталь в академической карьере Погодина нужно подчеркнуть. Он, как и другие выпускники Московского университета – М.А. Максимович и Ф.Л. Морошкин (впоследствии профессора Московского университета), А.М. Кубарев и М.А. Коркунов (будущие адъюнкты университета), а также А.З. Зиновьев (в будущем профессор Демидовского юридического лицея), – отказался ехать на стажировку в Педагогический институт в Дерпте, после обучения в котором номинантов ждали заграничные стажировки. Характерна мотивировка Погодина: он не хотел «подвергать себя посторонним экзаменам (происходили в Петербурге до отправки в Дерпт) наравне со студентами, только что окончившими курс»⁵⁹². От поездки в виду условий сдачи дополнительных экзаменов отказались и другие номинанты с русскими учеными степенями, например, из Петербургского университета. Интересно отметить, что в основном на условия министерства соглашались номинанты не из столичных университетов, либо универсанты без степеней.

При этом поездку за границу для изучения институтов европейской науки Погодин рассматривал как нечто желательное. 25 ноября 1825 г. Совет Московского университета принял решение отправить известного «дарованиями, успехами и трудами» Погодина за границу, «чтобы он мог воспользоваться уроками европейских ученых», но из-за восстания декабристов командировка была запрещена по распоряжению Шишкова⁵⁹³. Погодин будет просить Совет отпустить его в заграничную стажировку и в 1830 г. Но своего он сможет добиться лишь при поддержке министра Уварова в первую половину 1835 г., именно тогда он в первый раз посетит Европу.

Должности в университете Погодин воспринимал как определенные отличия по службе и своеобразное старшинство в них, при этом не хотел иметь никаких

⁵⁹² *Петров Ф.А.* Погодин и создание. С. 18. См. также *Иванов А.Е.* Ученое достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX в. М., 2016. С. 144–147.

⁵⁹³ *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902. С. 241.

внешних экспертов не из университетской среды, которые бы оценивали качество его знаний. Единственное исключение он фактически сделал для министра народного просвещения Уварова. Неслучайно в своей речи 1834 г. «Об ученом сословии и историческом его значении»⁵⁹⁴ он сравнил университеты с «государством без земли, имеющее своих правителей, своих временщиков, своих завоевателей, счастливых и несчастных, своих строителей и разрушителей».

Постепенно у Погодина формировался комплекс взглядов, согласно которому решение всех университетских вопросов, связанных с заполнением университетских вакансий, должно принадлежать университетскому Совету, то есть кругу ученых, отражающих специфику развития наук в конкретном научном центре. Профессора Московского университета в этой концепции должны были взять на себя подготовку научной смены самостоятельно, не передоверяя ее другим научным центрам (т.е. фактически настаивать в этом вопросе на своих корпоративных правах). За государством и министерством сохранялась бы обязанность финансирования штатных мест. Совсем крайней в этом контексте выглядела идея Погодина, предложенная Уварову в начале 1840-х гг.

В 1841 году министр пригласил профессора Погодина на должность директора департамента в Министерстве. Погодин, который думал о развертывании института по подготовке научной смены, в том числе и для Московского университета, предъявил министру собственные условия. Михаил Петрович предложил Уварову оставить за ним должность профессора в Москве, а в Петербурге при Министерстве организовать институт, в котором бы готовились кандидаты на занятие кафедр российской истории в русских университетах. Погодин предлагал как бы командировать его в Петербург как профессора Московского университета. «По нынешней организации университета мне кажется это возможным, ибо профессура не прикована к той или другой кафедре и двухлетние командировки — обыкновенное дело», — писал он министру⁵⁹⁵.

⁵⁹⁴ Об ученом сословии и историческом его значении. Б.м. Б. г.

⁵⁹⁵ Материалы по этому предложению введены Ф.А. Петровым. См. *Петров Ф.А.* Погодин и создание. С. 95. Подлинник письма Погодина Уварову: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. Ед. хр. 80. Л. 398–400.

Преемнику-адьюнкту из Московского университета, который поедет с ним, Погодин обещал отдать «все свои приготовленные и обработанные лекции», руководить его изысканиями. В организованном при МНП институте он предлагал «подготовить в продолжение 2–3 лет несколько молодых людей на кафедры русской истории», «фундаментально по подлинным источникам и памятникам, проникнуть их одним духом, дать им одно направление, согласно с намерениями правительства». «Если правительство посылает молодых учителей учиться в Берлин и Дерпт разным наукам, тем паче оно должно призывать их теперь в Петербург», – считал Московский профессор⁵⁹⁶. Интересна формальная причина отказа Уварова Погодину. Министр сообщил Михаилу Петровичу, что существует звание профессора, связанное с его должностью в конкретном университете, а «звание без кафедры ничего не значит и не дает никакого права»⁵⁹⁷.

Таким образом, на примере Погодина нужно отметить, что в кругу русской профессуры московского университета конца 1820-х гг. росла уверенность, что университет обладает всеми возможностями для подготовки научной смены. Доверять саму подготовку и решение вопросов о кандидатах на вакантные должности посторонним лицам профессорам не хотелось. Поездки за границу для изучения развития наук допускались, но они не должны были давать никаких преимуществ для занятий кафедр. Идеальным вариантом, но здесь сказывалась особенность личности Михаила Петровича, была бы ситуация, когда московский профессор стал бы человеком, близким министру, и от него зависела бы не только подготовка учеников на уровне одного университета, но и на все университетские кафедры.

В целом позиция Погодина, без учета его особого мнения 1841 г., очень близка «Мнению профессоров Московского университета 1826 года» и частным проектам московских профессуры (М.Г. Павлова, М.Т. Каченовского, Д.М. Перевощикова, Л.А. Цветаева и др.), написанных в эпоху подготовки устава 1835 г. В этих проектах московские ученые ратовали за увеличение количества штатных

⁵⁹⁶ Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 94–95.

⁵⁹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. Ед. хр. 80. Л. 398–400.

мест адъюнктов как помощников профессоров в университете, из которых и должна готовиться научная смена после окончания Педагогического института, существовавшего в Москве по уставу 1804 г.⁵⁹⁸ В Педагогическом институте Московского университета предлагалось содержать не только казеннокоштных студентов. Особая роль в новых реалиях признавалась за штатными магистрами, считавшимися промежуточной должностью после защиты диссертации и перед назначением на должность адъюнкта. При этом проект Г.Ф. Паррота о централизованной подготовке университетских преподавателей Министерством, благодаря которому и создавался Педагогический институт в Дерпте, судя по всему, считался в Москве враждебным и альтернативным.

Погодин, хотя и не был членом Совета университета, о позиции московских профессоров знал, что, вероятно, и обусловило его отказ от поездки. Интересно об этой позиции высказался Ф.И. Буслаев: московские профессора и Погодин «оставались при том убеждении, что профессорское призвание не назначается извне по канцелярскому распоряжению хотя бы самого Сперанского и не выделяется искусственными средствами, а зарождается и развивается самостоятельно при более свободных условиях, в благоприятной обстановке учено-литературного поприща»⁵⁹⁹.

Взгляды Погодина на просвещение в России были близки к программе, как ни странно, «Вестника Европы» Каченовского, который, по мнению его исследователей, был голосом разночинцев в вопросах просвещения и литературы⁶⁰⁰. Погодин считал важным развитие образования общего для всего народа, а не для одного сословия, в чем расходился с официальной позицией МНП николаевской эпохи. Еще до соответствующих законодательных инициатив Погодин выступал против присутствия большого количества иностранных учителей в частном образовательном секторе. Главная причина, заставляющая

⁵⁹⁸ Подробнее всего подготовка научной смены для Московского университета в Москве и собственными силами дана в проекте Н.И. Надеждина. Фактически этот проект есть обобщение тех академических траекторий, по которым шли будущие профессора Московского университета.

⁵⁹⁹ Буслаев Ф.И. Погодин как профессор // Буслаев Ф.И. Мои досуги. В 2 т. М., 1886. Т. 2. С. 80.

⁶⁰⁰ См. работу Г.В. Зыковой, цитированную раньше.

Погодина выступать против иностранцев, заключалась в том, что образование в период отрочества должно закладывать в душу молодого человека религиозные истины, на что, как правило, иностранцы были неспособны. Цель просвещения, считал Погодин, – «не в одной науке, не в одной свободе, не в одной силе или искусстве, образовании, промышленности, богатстве». «Есть нечто выше учености и промышленности, и образования и богатства – Просвещение в духе христианской религии, просвещение Словом Господним»⁶⁰¹. Университеты как высшая ступень образования, согласно Погодину, должны были давать «образцы управления и правосудия», формирующие гражданские убеждения «сильнее, действительнее всех гражданских законов»⁶⁰².

Бичом русского просвещения Погодин считал недостаток финансирования. Именно плохое финансирование университетов и необходимость иметь частных учеников было причиной, по которой А.Ф. Мерзляков не советовал Погодину идти на университетскую службу. Однако Погодин финансовую независимость для себя обрел, создав частный пансион для подготовки к поступлению в Московский университет. «У меня теперь одиннадцать пансионеров, с которых не беру меньше восьмисот с каждого, – писал Погодин Шевыреву, – а с других при уроках тысячу пятисот и тысячи двести. Это приносит мне хороший доход, и кроме содержания себя и семейства, остается в скоп»⁶⁰³. Однако и дополнительные хлопоты пансион доставлял. Так, когда министерство попыталось запретить профессорам университета, имевшим пансионы, участвовать в экзаменах, то Михаил Петрович решил выйти в отставку. Согласно дневникам Михаила Петрович, министр буквально уговорил его отказаться от этой идеи: «Я считал Вас всегда лучшим украшением Московского университета... Прошу Вас остаться... Возьмите назад Вашу бумагу»⁶⁰⁴. Пансионеры оставили воспоминания о скупости экономки

⁶⁰¹ Погодин М.П. О Москве // Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М, 1846. Т. 1. С. 156–157.

⁶⁰² Погодин М.П. Сочинения. Т. 3. Речи. С. 8, 16–17, 27.

⁶⁰³ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 91.

⁶⁰⁴ Запись в дневнике за 18 октября 1834 г. Барсуков Н.П. Указ соч. Кн. 4. С. 308; Кн. 5. С. 201. Павленко Н.И. Указ соч. С. 91.

пансиона – матери Погодина, Аграфены Михайловны. Да и Погодин как организатор занятий восторгов не вызывал.

Друзья всегда подчеркивали особую роль издательской деятельности в служении Погодина на ниве просвещения. Очень часто Погодина называли «вторым Новиковым». Так, Шевырев считал, что Погодин – это «новое издание Новикова в нашем столетии: врожденная любовь к просвещению отечественному и деятельность необыкновенная»⁶⁰⁵. Близкая к шевыревской оценка издательских проектов Погодина дана казанским историком второй половины XIX в. Д.А. Корсаковым, родственником К.Д. Кавелина, который делился с Корсаковым своими взглядами на московского профессора: Погодин «является звеном, соединяющим деятелей русского просвещения XVIII столетия с деятелями XIX в.»⁶⁰⁶. Вполне возможно, что высокая оценка Погодина в кругах русской профессуры Московского университета и помощь Михаилу Петровичу в академической карьере во многом связана с тем, что он предоставлял страницы своих журналов для этой самой профессуры, соединял семинаристское племя с литературной аристократией. Ведь именно благодаря Погодину произошло знакомство московской профессуры с Пушкиным (при издании «Московского вестника» в конце 1820-х гг.), который стал главным сотрудником в журнале. Впрочем, через 4 года издание пришлось закрыть. Как писал Белинский: «Московский вестник» имел большие достоинства, много ума, таланта, но лишен современности»⁶⁰⁷.

В целом журнал Погодин использовал для ведения борьбы с историческими взглядами Каченовского, создания интереса читателя к русской истории, популяризации русской словесности. Сотрудничество с Погодиным вдохновило Пушкина на самостоятельную издательскую деятельность, он предлагал ученому совместное издание газеты в начале 1830-х гг. и считал, что Погодину нужно покинуть Московский университет и предпочесть жизнь журналиста в Петербурге.

⁶⁰⁵ *Линиченко И.А.* М.П. Погодин. Общая характеристика. Одесса, 1901. С. 1–2.

⁶⁰⁶ *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С. 15. См. *Петров Ф.А.* Погодин и создание. С. 13.

⁶⁰⁷ Молва. 1834. № 52. *Петров Ф.А.* Погодин и создание. С. 23.

В годы своего профессорства в Москве Погодин издавал журнал – «Москвитянин» (1841–1854), который активно использовал в борьбе за воплощение своих эстетических, идейных и нравственных ценностей в Москве и Петербурге.

3.3.2 М.П. Погодин как преподаватель

Годовой курс Погодина состоял примерно из 40 лекций⁶⁰⁸. Он был построен на хорошей источниковой базе. По свидетельству современников, в аудиторию профессор всегда приносил исторические документы, которые обильно цитировал. Чаще и охотнее всего Погодин обращался к тексту «Повести временных лет», однако для прочтения у него были готовы хронографы, Четгы-минеи, духовные и договорные грамоты. Чтение источников Погодин считал необходимым, поскольку выводы нужно извлекать не из чужих исследований, а из летописей, мемуаров, грамот, договоров, других памятников. Правда, и крупные исследования известных историков в аудиторию Погодин также приносил.

Преподаватель считал, что слушатели, с одной стороны, должны знакомиться с обилием источников по русской истории. С другой, от критики и изучения отдельного текста переходить к созданиям концепций, как это делает в европейской литературе Ф. Гизо. Погодину хотелось прочесть такой курс, который давал бы слушателю представление о единстве русской истории. Он мечтал о курсе истории России как цепочке причинно-следственных связей, был против механического набора фактов для заучивания. В печатном варианте лекций

---

⁶⁰⁸ Для изучения Погодина как лектора мы располагаем 2 студенческими записями его курсов. Это – конспект В.Г. Белинского с записью курса Погодина в 1832–33 уч. г. ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 1059. Л. 1–41; Конспект А.П. Смирнова за 1837/1838 гг. в двух тетрадях. На первой тетради надпись: «Российская история о.п. Михаила Петровича Погодина студента Юридического факультета Александра Смирнова. ОПИ ГИМ. Ф. 292. Ед. хр. 30. Л. 1–68 и 1–92. К этому конспекту близок конспект ОПИ ГИМ. Ф. 221. Ед. хр. 27. Л. 1–183. Сам Погодин в течение всей жизни пытался опубликовать свои университетские лекции, в результате чего появились его 7-ми томные «Исследования, замечания и лекции по русской истории» (1846–1856). Частично раскрывает исторические взгляды Погодина в 1830-е гг. его учебник 1837 г. *Погодин М.П.* Начертание русской истории для гимназий. М., 1837. Все эти курсы проанализированы в работе Ф.А. Петрова: *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и основание.

историк указывал на то, что «мир нравственный (исторический) подчинен таким же строгим законам, как и мир физический»⁶⁰⁹. Таким образом, целью курса он считал поиск «происшествий, какие служили ступеням человеческого рода», хотел «заложить материалы в определенном порядке, систематизировать их и как бы оставить одну цепь». Фактический материал должен был охватывать область политической истории, истории религии, просвещения и культуры.

Погодин знакомил слушателей со своим представлением о различии исторического процесса в России и Европе⁶¹⁰. С точки зрения Погодина, История России должна была читаться исходя из ее внутренних закономерностей. При этом разницу между русским и европейским историческим процессом Погодин все время усиливал, что показывает его статья 1845 г. «Параллель русской истории с историей западно-европейских государств относительно начала»⁶¹¹.

Эта разница исторического процесса России и Европы, по Погодину определена разным характером процесса создания государства в двух частях Европы. Рекомендую всем слушателям прочесть работу О. Тьерри «История завоевания Англии норманнами», Погодин на лекциях разбирал разницу между завоеванием одного племени другим, которое лежало в основе сложения государства на Западе, и призванием славянами варягов, как это было в России. Завоевание на Западе привело к оформлению феодализма. Феодалы стали «утеснять народ, отделять его от государства», возникла ненависть и борьба. Образование государства в России носило характер «полюбовной сделки, и поэтому на Руси не было ни разделения сословий, ни феодализма, ни ненависти, ни рабства, ни гордости, ни борьбы».

Если король на западе отгораживается феодалами, то добровольно призванный князь в русских землях смотрел «на свое владение, как на добычу, добытую с боя без приступа» и ограничивался лишь получением дани. Бояре в России не особое сословие, а «передний край княжеской дружины». У нас нет

---

⁶⁰⁹ Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846. Т. 1. С. 269–280.

⁶¹⁰ См. Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры российской истории. С. 55.

⁶¹¹ Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 57–82.

«сильных поместий, малых государств в государстве, как на Западе... Вследствие всех сил причин не могло образоваться никакой значительной аристократии». Русское дворянство не может сравниться «с английскими лордами, французскими маркизами, немецкими баронами». Разница между сословиями в России, по Погодину, определялась разностью занятий различных социальных групп⁶¹².

С точки зрения Погодина, благодаря особым условиям образования государства в России не возникло более или менее четких представлений о собственности, не сильно было развито правосознание, господствовали общинные структуры. Безусловно, полагал Погодин, община не могла существовать вечно, она разрушалась, в этом он расходился со славянофилами.

Но сводить всю внутреннюю русскую историю к «правосознанию личности», как это делали западники, не правильно, считал Михаил Петрович, поскольку «ни один народ не показывает такого отвращения к форме как русский». Определенность прав – следствие образованности, признак гражданственности», а всего это Древняя Русь не знала. Ведь Русская Правда – это всего лишь набор записанных народных обычаев. Чтобы понять русскую историю, в нее нужно углубиться, а не списывать ее образ с готовых моделей⁶¹³.

Весьма отличной от европейской была, по Погодину, и история русских городов. Если в Европе города представляют собой центр борьбы третьего сословия с феодалами, то в России это просто селения, которые «названы городами только потому, что князья избрали их местом пребывания для себя и для своих мужей и огородили», особых прав у горожан нет⁶¹⁴.

Интересно отметить, что Погодин одним из первых в Московском университете начал уделять внимание проблемам колонизации. На лекциях он сравнивал характер освоения территорий в Европе и России. Если в Европе, как

⁶¹² ОПИ ГИМ. Ф. 292. Ед. хр. 30. Л. 55.

⁶¹³ До конца эту мысль Погодин доведет в своих «Исследованиях...». См.: Т. 7. М., 1856. С. 281–288. Подробнее: *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и создание. С. 57, 134.

⁶¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 292. Ед. хр. 30. Л. 41. Эту идею Погодин высказал в «Разыскании о городах и пределах русских княжеств с 1054 по 1240 года», опубликовано в 7 томе «Исследований...».

правило, заселялся какой-то географически очерченный регион, который впоследствии будет составлять территориально-административную единицу, провинцию, то в России «заселение не сплошное, но разделенное лесами, степями, болотами, речками, без больших дорог, при трудных сообщениях»⁶¹⁵. Процесс освоения пространства для проживания в России захватывает гораздо больше времени.

Погодин редко доходил в своих лекциях до петровской эпохи. Проблематику России нового времени он касался прежде всего в научных работах и публицистике.

Как воспринимались курсы Погодина студентами? Хрестоматийной кажется оценка, данная Соловьевым. Так, наследник Погодина на кафедре российской истории вспоминал: «Но этот пророк не был призван в своем отечестве; в Московском университете ему было не очень ловко. Во-первых, лекции его не могли возбудить в студентах восторга, сделать из них жарких поклонников. Вот как он читал: сначала месяц, другой посвящал славянским древностям, которые читались буквально по Шафартику, потом переходил профессор к подробному рассмотрению вопросов о достоверности русских летописей и о происхождении варягов Руси, т.е. прочитывались обе его диссертации. После этого времени оставалось уже немного; это остальное время Погодин проводил в том, что приносил Карамзина и читал из него разные места, не самые слабые и вместе значительные по предмету, требовавшие пояснений, дополнений; этого Погодин, кроме варяжского периода, сделать был не в состоянии, ибо все, что выходило по русской истории, драгоценные издания Археографической комиссии, для него не существовало; он выбирал из Карамзина места красивые, превращал класс русской истории в класс риторики»⁶¹⁶.

Безусловно, нужно учитывать, что Соловьев принадлежал другой генерации ученых, вступивших на кафедру российской истории в результате конфликта с

⁶¹⁵ Погодин М.П. Историко-критические отрывки. Т. 1. С. 76–78.

⁶¹⁶ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а, если можно, и для других // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 265–266.

Погодиным. Более того, в отрывке явно прослеживается общая линия сравнения старых и новых профессоров в университете, общая для всех эго-текстов западников. Читатель подводится к мысли, что Погодин – это один из когорты патриархальных профессоров, в котором есть только буква науки, а дух отсутствует. Вспомним классическое герценовское замечание о Московском университете: «Профессора составляли два стана, или слоя, мирно ненавидевшие друг друга: один состоял исключительно из немцев, другой – из не-немцев. Немцы, в числе которых были люди добрые и ученые, как Лодер, Фишер, Гильтебрандт и сам Гейм, вообще отличались незнанием и нежеланием знать русского языка, хладнокровием к студентам, духом западного клиентизма, ремесленничества, неумеренным курением сигар и огромным количеством крестов, которых они никогда не снимали. Не-немцы, с своей стороны, не знали ни одного (живого) языка, кроме русского, были отечественно раболепны, семинарски неуклюжи, держались, за исключением Мерзлякова, в черном теле и вместо неумеренного употребления сигар употребляли неумеренно настойку. Немцы были больше из Геттингена, не-немцы – из поповских детей»⁶¹⁷. Эта цитата относится к эпохе 1810–1820-х гг., которые Герцен не застал, написана из будущего, в котором профессора-семинаристы и их последователи – С.П. Шевырев и Погодин проиграют битву на лекциях за студентов Т.Н. Грановскому, якобы ставшему продолжателем традиции немецкой учености в Московском университете. Конечно, такая схема тенденциозна и упрощает ситуацию, хотя, как и все в воспоминаниях Герцена, надолго остается в сознании и довлеет при анализе конкретной ситуации.

Но Погодина-лектора следует и защитить от нападок западников. Ведь в его манере чтений лекций были многие черты, которые роднили его с профессорами новой генерации. В отличие от презираемого западниками профессора-медика В.М. Котельницкого, который на вопрос «по своему ли собственному или другого какого известного автора» учебнику он будет читать лекции, ответил, что «будет читать по Пленку, что умнее-то Пленка не сделаешься, хоть и напишешь свое

---

⁶¹⁷ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1969. С. 112.

собственное»,⁶¹⁸ Погодин явно делал собственные шаги вперед в деле чтения университетских лекций.

Во-первых, Погодин продолжал линию Каченовского на введение в лекционное преподавание элементов чтения и анализа источников. Во-вторых, Погодин в ходе чтения лекций опирался не на учебник, ходульное, восходящее к Синопису или Ломоносову изложение немногих событий русской истории, а на новейшие работы по истории (его собственные работы были обобщением ведущихся в публицистике дискуссий о подлинности «Повести временных лет» и «Русской Правды», в них давался ответ на вопрос о происхождении династии русских князей) и наиболее обсуждаемую обобщающую работу по русской истории своей эпохи (таковой в эпоху Погодина оставалась история Н.М. Карамзина, автора которой Погодин защищал от нападок Каченовского и Н.А. Полевого)⁶¹⁹.

Главное, что не устраивало историков-западников в Погодине – это отсутствие системы, механическое соединение материала. Это касалось работы с источниками, исследуя которые Погодин требовал фундаментальной иллюстративности – полной выкладки материала (т.н. математическая метода). Это вряд ли было удобно именно в ходе университетского преподавания. При этом сам Погодин, на что и указывает Соловьев в приведенном отрывке из воспоминаний, был небрежен в обращении с историческими памятниками, а новых и не знал вовсе.

Погодин не научился связывать события и явления русской истории с определенными процессами, в результате чего целостность его лекций достигалась или за счет хронологически-последовательного изложения событий, возвращая к традициям летописания, либо за счет построения литературного сюжета, как у Карамзина. Это разбивало единство русской истории и не давало возможность понять, что представляет собой история как органический процесс⁶²⁰.

⁶¹⁸ Т.Н. Грановский и его переписка: В 2 т. Т. 1. М., 1897. С. 4.

⁶¹⁹ Подробнее см. *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 76–96.

⁶²⁰ См.: *Герье В.И.* Сергей Михайлович Соловьев // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 74–111.

Наконец, как лектор Погодин был чрезвычайно беден. Он не очень хорошо готовился к занятиям, не умел импровизировать, да и в целом считал, что говорить должен источник, а не историк⁶²¹. Погодин мог подбирать запоминающиеся выдержки из источников, об этом свидетельствуют и многие его ученые труды, но считал достаточным их правильно расставить, не объяснив, ни сделав вывода, ни обобщив.

Сам Погодин считал это своим достоинством. Он полагал, что не навязывает историческому прошлому ничего из современности, ни вносит никакой внешней идеи в органически протекающее прошлое, не подменяет истинные причины событий сконструированными самими историками, что, по мнению Погодина, и делали профессора-западники. В автобиографии он объяснял свою методу: «Всякий год был посвящен Погодиным исключительно какой-нибудь особой части истории, проходимой в подробности, а прочие предлагались в кратких обзорах, например, один год Нестору, другой происхождению Руси, третий норманнскому периоду, Борису Годунову, Петру Первому, древней географии, местничеству, удельному периоду, монголам, Новгороду и проч. Каждый прошедший год служил новым пособием для следующего, подготовив ему отдельную часть и таким образом каждый следующий год становился полнее и ровнее. Кроме того, каждый почти год открывался особой лекцией о каком-нибудь отдельном предмете, взятым по какой бы то ни было причине, например: одна лекция заключала общий взгляд на всю русскую историю, другая – рассуждению о местничестве, третья – системе Посошкова, развитию княжеской власти в первом периоде и проч. К лекциям Погодин всегда готовился, и может быть, не бывало двух в год, к коим пришел бы он без предварительной работы с вечера и поутру, но приготавливался он всегда к содержанию и никогда почти к форме»⁶²².

Впрочем, порой и сам Погодин был недоволен собой как лектором. После получения кафедры русской истории он записал в дневнике: «Нет, лекции не мое дело, как мало я подготовлен к профессорству истории... Но когда мне? Я все

⁶²¹ Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 42–46.

⁶²² Цит. по: Павленко Н.И. Указ. соч. С. 83–84.

печатал... Нет, на лекциях моих есть польза, кто хочет слушать, но скука слушать»⁶²³.

Был ли Погодиным популярным профессором? В воспоминаниях, написанных постфактум, особенно посвященных лично Михаилу Петровичу, профессор становился замечательным педагогом. Так, И.Д. Беляев утверждал, что аудитория Погодина была «также полна, как и на лекциях А.Ф. Мерзлякова и М.Г. Павлова». Сухому исследованию он умел придать занимательность, приходил с кипой книг. Профессор придумывал тезис и «читал те места в этих книгах, которые подтверждали его взгляды»⁶²⁴.

Вторит Беляеву и Самарин: «Из профессоров того времени сильнее всех действовал не только на меня, но и на многих других Погодин. Он не заискивал популярности, как И.И. Давыдов, лекции его не отличались художественной оконченностью и совершенною новизной лекций Печерина; в даре искусного изложения он далеко уступал Крюкову, но он отличался тем, чего не имел никто из них: мы чувствовали в нем самостоятельное направление мысли, согретое глубоким сочувствием к русской жизни... Мы были введены им на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются; в русской жизни есть какие-то особенные, чуждые другим народам, начала; по иным, еще не определенным наукою законам совершается ее развитие. Все это высказывал Погодин довольно нескладно, без доказательств, но высказывал так, что его убеждения переливались в нас. До Погодина господствовало стремление отыскивать в русской истории что-нибудь похожее на историю народов западных. Погодин первый, по крайней мере, для меня и моих товарищей, убедил в необходимости разьяснения явлений русской истории из нее самой»⁶²⁵. Однако в воспоминаниях, посвященных университету, оценивая манеру

⁶²³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 5. С. 277.

⁶²⁴ Пятидесятилетие ученой и гражданской службы М.П. Погодина. М., 1871. С. 58–59.

⁶²⁵ Самарин Ю.Ф. М.П. Погодин как профессор // Русь. 1880. № 1. С. 19.

чтения Погодина, Самарин писал о том, что историк читал как-то без всякого плана⁶²⁶.

Студенты больше ценили Погодина не за лекции, а за возможность работать в его «Древлехранилище» – собрании рукописей, хранившемся дома у историка. Ф.И. Буслаев считал, что таким образом Михаил Петрович вводил молодых ученых к себе в исследовательский кабинет, заставлял знакомиться с мало разработанными источниками, а это двигало вперед исторические исследования.

К числу лучших своих учеников сам Погодин относил К.С. Аксакова, И.Е. Бецкого, Ф.И. Буслаева, А.Ф. Бычкова, Д.А. Валуева, В.В. Григорьева, В.А. Елагина, К.Д. Кавелина, Н.В. Калачова, В.В. Пассека, А.Н. Попова, Н.А. Ригельмана, Ю.Ф. Самарина, С.М. Соловьева, Строева, М.С. Стаховича и князя В.А. Черкасского⁶²⁷.

В ученики к Погодину те или иные персоны были записаны на совершенно разных основаниях. Так, Григорьев был вместе с Грановским выпускником Петербургского университета, которому как профессору Ришельевского лицея Погодин помог защитить в 1842 г. в Москве магистерскую диссертацию «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству», вел с ним переписку и приглашал занять кафедру Московского университета. В 1841 г. Михаил Петрович помог защитить диссертацию студенту-юристу Московского университета Попову («О русской правде»). Валуева, как опытный издатель, Погодин поддержал при издании исторических трудов.

Объединяет всех «учеников» Погодина опыт личного общения с Михаилом Петровичем, работа в древлехранилище, то есть приглашение на дом к Погодину. Пять из перечисленных Погодиным в качестве учеников стали профессорами русских университетов (Григорьев, Кавелин, – Петербургского; Калачов, Беляев,

⁶²⁶ Самарин Ю.Ф. Из воспоминаний об университете (1834–1838) // Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 141.

⁶²⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Т. 2. М., 1855. С. 248–249.

Буслаев, Соловьев – Московского)⁶²⁸. Калачова, Григорьева, Бычкова и Соловьева Погодин рассматривал как своих возможных преемников на кафедре.

Самое деятельное участие в судьбе «учеников» Погодин проявлял в случае с Самариным и Аксаковым. Здесь были и идеологические (Погодин сочувствовал славянофилам) и личные (давний друг семьи Аксаковых) причины. Кроме того, и тот и другой были магистрами Московского университета. А Самарин так и вовсе, по мнению Погодина, оказал услугу исторической науке. «В библиотеке моей, в числе старых рукописей о раскольниках, находилось большое сочинение, написанное вследствие личных споров с ними, – указывал он. – Один молодой наш ученый, Ю.Ф. Самарин, нашел в Казани это самое сочинение с надписью: Иван Тихонович Посошков москвитин, творец книжицы сея в 1708 году»⁶²⁹.

Много помогал Погодин и работавшим вместе с ним в ОИДР Калачову и Бычкову. По тематике работ Погодину наиболее близким, как это ни странно, оказался В.В. Пассек («Описание царства Московского», «О состоянии Петербурга и Москвы в Царствование Петра Великого»), друг юности Герцена, ставший на научную стезю, и Д.А. Валуев, интересовавшийся не только русской историей, но историей славянства.

Как правило, тяжелый характер Погодина и его журналистская деятельность, были причинами для расхождения с ним учеников. Сам Погодин тяжело переживал отсутствия у него действительно близких преемников.

К себе в ученики Погодин, судя по всему, записал всех, кто имел ученые труды по истории, выйдя из университета. При этом в ученики Погодина не попал К.Н. Бестужев-Рюмин, студент-юрист Московского университета, ставший в итоге профессором-историком в Санкт-Петербургском университете. Он часто посещал Погодина на дому, вел с ним беседы на исторические темы, работал в Древлехранилище. Бестужев-Рюмин отмечал роль Погодина в собирании исторических источников, сочувствовал критике Погодина той системы преподавания, которая устанавливалась в Московском университете благодаря

⁶²⁸ Калачов, Буслаев и Григорьев позже стали академиками.

⁶²⁹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина. Кн. 7. С. 300.

усилиям профессоров-западников. При этом Погодина как учителя он оценивал не очень высоко. Слушать Погодина в частном разговоре было интересно, поскольку говорил он афористично и остро. Но учиться у истории у него было затруднительно, – считал Бестужев-Рюмин. Ученики Погодина до всего должны были доходить сами, погружаясь в чтение выданных им рукописей в доме Михаила Петровича под портретом Шлецера.

При этом нельзя не отметить, что Погодин был действительно одним из первых профессоров Московского университета, который думал об оставлении наследника или целенаправленной подготовке смены. В Инструкцию для посвящающих себя Русской истории, которую он написал перед уходом из университета для своего преемника, Михаил Петрович внес следующие предложения: «Посвящающему себя Русской Истории я советовал бы приехать ко мне в Москву, изучить под моим непосредственным надзором и руководством, в продолжении двух лет или полутора года, все главные источники Русской Истории и познакомиться с письменною литературою, а потом ехать на полгода к Магнусену в Копенгаген для знакомства с Норманнами, на полгода к Шафартику в Прагу, чтобы узнать Словенские Древности, и наконец на год в Варшаву к Мациевскому, чтобы выучиться по-польски и узнать источники Польской Истории, поелику она связана с Русскою»⁶³⁰. Интересно отметить, что процесс обучения истории, желательного многолетний, в проспектах Погодина присутствует, а вот о написании текста работ ничего не говорится. Между тем, отсутствие обобщающих трудов и докторской диссертации ставил в вину Погодину даже его доброжелатель – министр Уваров. Согласно выводам исследователей, именно этот факт стал причиной того, что Уваров не стал препятствовать Строганову заместить место преподавателя русской истории своей креатурой – Сергеем Михайловичем Соловьевым.

Преемника Погодин выбирал, исходя из личных, а не научных критериев.

---

⁶³⁰ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 7. С. 291.

3.3.3. Отставка М.П. Погодина

В 1844 г. приближалась заслуженная пенсия. Профессор засобирался в отставку. Поскольку Погодин оказался одним из немногих историков Московского университета, кто покинул свою должность в Московском университете по собственному решению, рассмотрим историю его отставки более подробно.

Погодин официально подал в отставку 16 февраля 1844 г.: «Здоровье мое в продолжении последних пяти лет расстраивалось постепенно; четырехкратное употребление минеральных вод в 1837, 1839, 1842 и 1843 гг., не искоренило моей болезни: кровохаркание, слабость горла и зрение, боль в голове и пояснице, обнаружившиеся в последнее время с большою силою, требуют по совету врачей решительного и долговременного лечения, без всякой помехи со стороны занятий служебных. Вследствие чего прошу покорнейше Совет об исходатайствовании мне увольнения от службы по § 140 устава»⁶³¹.

О шаге маститого профессора Строганов сообщал Уварову письмом от 19 апреля: «Если здоровье его в продолжении одного или двух годов восстановится, то он почтет священною своею обязанностью поступить вновь в преподаватели Университета, если это угодно будет начальству»⁶³². Привыкший тонко лавировать с целью не уронить собственный авторитет, Погодин надеялся на благоприятную для себя ситуацию со временем. «Года через два я думал опять вступить в Университет с более укрепленными силами, и по собственной просьбе начальства, что было бы для меня гораздо крепче, а теперешние неудовольствия могли, представлялось мне, кончиться по какому-нибудь случаю увольнением даже без пенсии, которую мне хотелось, так сказать, застраховать, пока министром был Уваров, мне благожелавший»⁶³³.

Козырной картой для возвращения Погодин считал неурегулированность вопроса с его преемником на кафедре: «я был уверен также, что через два года

---

⁶³¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 7. СПб., 1893. С. 289.

⁶³² Там же. С. 290.

⁶³³ Там же. С. 290–291.

обратятся ко мне с просьбою, потому что нельзя же оставлять Университет без Русской Истории»⁶³⁴.

Своих возможных преемников Погодин указал еще в 1842 г. 9 июня 1842 г., просясь в отпуск для долгосрочного лечения за границей, он указал на А.Ф. Бычкова и Н.В. Калачова, «которые трудятся теперь с честью в Археографической комиссии, и в нынешнем курсе на кандидата Соловьева, который показал особенные успехи в русской истории и обещает действительного ученого»⁶³⁵. Отпуск Погодина не состоялся. В июне он был вызван в Петербург министром и по возвращении в Москву заявил об отказе от отпуска «по случаю исполнения данных ему министром народного просвещения поручений»⁶³⁶. В этом же году Погодин познакомился еще с одним ученым – В.В. Григорьевым, которому он стал оказывать серьезную поддержку, после того как тот в Москве сдал магистерские экзамены и защитил магистерскую диссертацию «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству». Правда, в декабре 1842 г., когда Погодин вновь захворал. По мнению Григорьева, преемником Погодина должен был стать Калачов.⁶³⁷

В 1844 г. к моменту выхода в отставку у Погодина был новый взгляд на учеников. Ни один из москвичей не защитил диссертации, хотя регулярно сообщал Михаилу Петровичу о своих успехах в подготовке к экзамену и написании диссертации. В Калачове Погодин постепенно сам разочаровался, поскольку у того не было дара слова: слушающие не понимали молодого человека. Собственному дневнику Погодин доверял такие мысли о Калачове: «Утро с Калачовым, которого диссертацию одобряет Кавелин. Труженик, а своего нет суждения»⁶³⁸. А.Ф. Бычков

⁶³⁴ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 7. С. 290–291. Примечателен комментарий к этой фразе, сделанный Погодиным: «...и в том, как оказалось, я ошибся жестоко. Вообще этот шаг должен я считать теперь совершенно опрометчивым и имевшим вредное влияние на гражданскую внешнюю мою жизнь».

⁶³⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 11. Д. 131. Л. 1.

⁶³⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 11. Д. 180. Л. 7.

⁶³⁷ НИОР РГБ. Ф. 285. К. 1. Ед. хр 22. Л. 1 об. Ед. хр. 5. Л. 14 об; Шаханов А.Н. Становление. С. 195.

⁶³⁸ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 7. С. 298.

уехал в Петербург, получив там в марте 1844 г. должность библиотекаря Публичной библиотеки, выбыв таким образом из борьбы за погодинское наследие.

Соловьев находился за границей и все еще не имел степени магистра, был молод и не опытен, с точки зрения Погодина. «Попечитель остановился теперь на Соловьеве, кандидат, который должен воротиться из путешествия – малый он хороший, с душою, но, кажется слишком молод»⁶³⁹, – писал Погодин Григорьеву. На первый план выходила фигура Григорьева, преподававшего в Одессе, уже защитившего магистерскую диссертацию. В письме от 27 февраля Погодин предложил Григорьеву стать профессором кафедры российской истории. Условием Погодина для Григорьева было обращение к занятиям русской историей⁶⁴⁰. Григорьев, который после своей поездки в Москву в 1842 г. вел переговоры со Строгановым о назначении на кафедру восточной словесности Московского университета, закрытую после смерти Болдырева, от кафедры русской истории решительно отказался: «Вам лично я бесконечно благодарен за участие, которое Вы во мне принимаете; но о кафедре Вашей хлопотать для себя теперь вовсе не намерен; передавайте ее кому Вам угодно»⁶⁴¹. Интересно, что в одном из писем к Погодину Григорьев прокомментировал кандидатуру Соловьева: «Если в Соловьеве один недостаток – молодость, так беда не велика: по-моему: «молод да умен, два угодья в нем». Беда не в молодости его, а как я слышал, в том, что рано он хитрить начал, и не годится для кафедры Русской истории не по уму и не по сведениям, а по недостатку нравственного достоинства; но этого Строганов не понимает»⁶⁴².

Между тем, известив Уварова, о желании Погодина уйти в отпуск, Строганов запросил у министра перевода Григорьева в Москву. Министр принял решение дать окончательный вердикт после встречи со Строгановым. Одесский попечитель Д.М. Княжевич, узнав о возможном переводе, хотел просить у министра о повышении оклада Григорьева в Одессе до 2000 р., поскольку не хотел отпускать

---

⁶³⁹ Там же.

⁶⁴⁰ Там же. С. 326.

⁶⁴¹ Там же. С. 314.

⁶⁴² Там же. С. 315–316.

историка в Москву, но к несчастью для Григорьева одесский попечитель скоропостижно скончался⁶⁴³. Летом 1844 г. министр Уваров принял решение оставить Григорьева на службе в Одессе. В ответ на желание министра Григорьев 14 декабря 1844 г. перевелся в Министерство внутренних дел, получив место в Санкт-Петербурге.

Если Григорьев не знал о решении министра по его делу в течение лета, то Строганову, по всей видимости, о намерениях министра в отношении Григорьева что-то стало известно раньше. В результате Строганов предложил Соловьеву, который узнал об отставке Погодина лишь 22 августа 1844 г., с января 1845 г. читать историю в университете на правах «доцента». В министерство была отправлена характеристика на Соловьева: «Этот молодой ученый еще в бытность в здешнем университете студентом посвятил себя преимущественно изучению означенного предмета и своими личными способностями и успехами обратил на себя внимание гг. профессоров»⁶⁴⁴. По воспоминаниям самого Соловьева, выехавшего в Россию 1 сентября 1844 г. из Любека: «Строганов встретил меня как нельзя лучше, сказал, что место для меня очищено выходом Погодина, чтоб я приготовился к магистерскому экзамену, успешное выдержание которого даст право на кафедру»⁶⁴⁵.

Вместе с тем Погодин еще в марте 1844 г. предлагал Соловьеву остаться еще на один год за границей и адъюнктуру в университете. Погодин явно затягивал решение вопроса о чтении русской истории в университете, чтобы иметь возможность самому вернуться в университет.

Воспользовавшись собственным назначением в почетные члены Московского университета 2 февраля 1845 г., Погодин отправился на дом к Строганову, чтобы принести тому благодарность и одновременно предложил графу «читать лекции год, два, чтобы ввести Соловьева, которого одного нельзя

---

⁶⁴³ Там же. С. 318.

⁶⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 2 об.–3.

⁶⁴⁵ *Соловьев С.М.* Мои записки. С. 285.

оставить, иначе погубишь»⁶⁴⁶. Предложение Погодина по распоряжению Шевырева было внесено в факультет.

29 июля 1845 г. на Совете факультета на две вакантные кафедры философского факультета были предложены кандидатуры попечителя. На кафедру философии Строганов предлагал назначить М.Н. Каткова; на кафедру русской истории – С.М. Соловьева. Катков был баллотирован единогласно. Во время обсуждения кандидатуры Соловьева Шевырев предложил пригласить для чтения истории Погодина как известного ученого. Декану поручили снестись с Погодиным.

16 августа 1845 г. вопрос о чтении лекций по русской истории обсуждался уже в заседании Совета университета. На Соловьева возложили чтение основного курса, а Погодину предложили читать лекции для желающих без исполнения профессорских обязанностей в факультете и Совете⁶⁴⁷. Погодин был возмущен. В письме Давыдову, в котором он отвечал на предложение факультета и Совета университета, Погодин писал: «Чем более читаю Ваше письмо, тем более удивляюсь: какой злой дух нашептал Вам оное? Я готов исполнить желание Ваших товарищей, рад читать даром, но как Вы хотите, чтоб этот труд не считался даже и службою университетскою? Не стыдно ли Вам предлагать, чтоб я был ниже Вашего приват-доцента? Неужели Вы не знаете, что у профессоров не останется более двух слушателей из двадцати, если они будут читать как почетные члены, и что все эти слушатели перейдут к швейцару Михайле Андрееву, который будет ставить баллы. Что же вы хотите выставить меня на позорище, разыграть со мною комедию?»⁶⁴⁸.

⁶⁴⁶ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. С. 87.

⁶⁴⁷ 29 июля 1845 рекомендован факультетом, 24 августа попечитель утвердил. ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 14. Ед. хр. 144. Л. 1–2; Оп. 249. Ед. хр. 33. Л. 358.

⁶⁴⁸ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. С. 89. В автобиографических записках Погодин писал: Шевырев внес в факультет предложение о приглашении Погодина. Но Строганов этого не желал и «вспооществуемый Давыдовым, или, по крайней мере, действовавший через него, предложил мне такие условия, на которые решится было опасно и невозможно. Ясно было, что он хотел отстранить меня и предоставить Русскую Историю Соловьеву. Я остался в дураках» // Там же. С. 88. Автобиографические записки. Л. 6 об.

К чтению лекций Погодин не приступил, уехав из Москвы. Когда вернувшись в Москву в октябре месяце 1845 г., он попытался еще раз обсудить условия своего преподавания, то договориться о возвращении в университет он не смог.

Однако история отставки Погодина, впрочем, как и вся его профессорская деятельность в университете, весьма примечательна. На примере Михаила Петровича мы впервые сталкиваемся с весьма авторитетной и влиятельной фигурой историка в корпорации Московского университета. Служебная карьера Погодина наглядно показывает, какие существенные изменения произошли в корпоративном самосознании профессоров Московского университета в рассматриваемый период. Погодин считал, что русский ученый уже созрел до того, чтобы брать на себя ответственность за управление университетом в рамках дозволенного уставом. Именно поэтому так активно Погодин думал о возможности подготовки научной смены. Для того, чтобы достигнуть поставленных задач, Погодину необходимо было в рамках неформальной практики властвования иметь контакты как с универсантами, так и с чиновниками МНП, принимавшими все ответственные решения.

Для реализации задуманного Погодин использовал легкие формы манипуляции в отношении собственного начальства – попечителя и министра, неоднократно прося отставки, надеясь, что она не будет принята, а его позиции в университете будут укреплены.

Научный авторитет Погодину придавали многочисленные публикации, собрание источников по русской истории, которое привлекало к нему занимающихся русской историей. Однако при этом создать законченный курс русской истории Погодину было сложно. Прося отставки в 1844 г., он в том числе думал о том, чтобы обработать все те материалы, которые он использовал для преподавания истории. Сам Погодин понимал, что его курс в университете не выстроен, следовательно, как профессор Московского университета он сделал не все, что от него ожидали «Нет, лекции не мое дело, как мало я подготовлен к

профессорству истории... Но когда мне? Я все печатал... Нет, на лекциях моих есть польза, кто хочет слушать, но скука слушать»⁶⁴⁹.

3.4. Т.Н. Грановский как новый тип профессора-историка⁶⁵⁰

3.4.1. Путь Т.Н. Грановского к профессорству

Будучи тонким психологом и много наблюдая Грановского, его коллега и один из первых биографов – профессор кафедры всеобщей истории Московского университета П.Н. Кудрявцев заметил, что в основе биографии ученого почти греческая трагедия – безуспешное противостояние слабого человека безжалостной судьбе: «В жизни Грановского не раз случалось..., – указывал Кудрявцев, – что судьба готовила против него измену в то самое время, как, казалось, начинала улыбаться ему»⁶⁵¹. Сказано это было после неожиданной кончины Грановского, пробудившегося после долгого прозябания, начавшего много писать, ставшего деканом факультета.

Практически все, что мы знаем о становлении ученого, записано первыми биографами Грановского со слов его жены – Елизаветы Богдановны⁶⁵². Во многом это интимная, почти исповедальная информация, которой Грановский в свое время делился с женой.

Впрочем, Грановский очень часто о самом важном в своей жизни рассказывал самому близкому человеку, находившемуся рядом с ним. Это помогало ему психологически переживать утраты и потери жизни, расставаться с

⁶⁴⁹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 5. С. 277.

⁶⁵⁰ При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: Цыганков Д.А. Сообщество московских всеобщих историков во второй половине XIX в. // Тетра Еуропа: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. М., 2014. С. 61–100; Цыганков Д. А., Андреев А. Ю., Наумов П. Ю. Крыловская история: формирование этики профессорского служения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Т. 94. С. 112–130.

⁶⁵¹ Кудрявцев П.Н. Детство и юность Т.Н. Грановского // Кудрявцев П.Н. Сочинения. Т. 2. М., 1887. С. 552.

⁶⁵² Кудрявцев П.Н. Указ. соч. С. 554–562.

мыслями о преследующей его смерти. Теряя близких, не чувствуя их поддержки, Грановский утрачивал уверенность в себе, впадал в меланхолию.

Началось все со смерти деда, с которым юный историк бок о бок прожил первые годы своей жизни. В воспоминаниях Тимофея Николаевича – дед это почти что былинная фигура. Кудрявцев считал, что Грановский унаследовал от деда многие черты характера⁶⁵³.

Дед Грановского обладал даром воздействия на людей, что позволило ему сколотить состояние. Когда в преклонных летах он был отстранен родственниками от управления купленным им имением, то он уединился вместе с внуком во флигеле собственного дома. В эту святая святых дед Грановского не пускал родителей Тимоши. Комната была обклеена обоями, исписанными различными афоризмами. Дед выучил ребенка читать и писать. К пяти годам Тимофей наизусть цитировал отрывки из Священного Писания, изумляя приходивших в гости к деду друзей. Вместе с дедом Грановский путешествовал на Кавказ.

Смерть деда стала потрясением для юного Грановского. Ближайшими Тимофею людьми стали брат Николай (он также впоследствии скончается в юном возрасте), сестра Варвара, один из надежнейших собеседников Грановского в течение всей его жизни, и мать – Анна Васильевна. Мать всегда выделяла первенца. Ради него она подкупала слуг владельцев крупных библиотек в Орле. Те таскали книги в дом к Тимофею связками во время отъезда хозяев из имений. Грановский садился на колени перед книгами и читал, его очень часто видели застывшим именно за этим занятием⁶⁵⁴.

Тимофею даже пытались дать регулярное образование в Москве, где он провел около двух лет в пансионе Ф. Кистера. Замкнутый, немного трусливый (Грановский испугался защитить сестру, когда на нее напала собака), книжно-романтический юноша оказался на хорошем счету в мальчишеской компании. У него было умение примирять рассорившихся друзей, явные литературные таланты, его даже избирали президентом литературного общества пансиона. Грановский

⁶⁵³ Кудрявцев П.Н. Указ. соч. С. 556.

⁶⁵⁴ Станкевич А.В. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1869. С. 10.

очень хотел продолжать обучение у Кистера, но отец забыл его отправить на учебу после вакаций⁶⁵⁵.

Грановский было загрустил, погрузившись в размеренную, но веселую жизнь провинциального города, как представился случай «проездить по России». Мать Грановского, урожденная Чарныш, собралась в дорогу в Полтавскую губернию для раздела имущества. В ходе этой поездки в Нежине Грановский познакомился с француженкой Герито, которая была чуть старше Тимофея и первая узнала о его литературном таланте. Между молодыми людьми – при знакомстве с Герито Грановский продал свои часы, чтобы преподнести даме конфеты – завязалась переписка (в 1830 г. Герито стала гувернанткой в семье Грановского). Она развивалась по литературным канонам. Это была какая-то игра с предписанными ролями, но явным тяготением друг к другу⁶⁵⁶.

В январе 1831 г. по настоянию матери Грановский уехал в Петербург. Ехал он учиться, но первое время тянул чиновничью лямку. Он чувствовал, что его учеба – материнская жертва и одновременно ощущал несоответствие между глубиной поступка любящего человека и своими и ее обманутыми ожиданиями. 23 сентября 1831 г. он писал Герито: «После ее смерти я стал совершенным ленивцем; за всякий труд, за всякое дело, хотя бы самое легкое, я принимаюсь с истинным отвращением. К чему трудиться? Это не порадует ее, мои труды останутся без награды. Я потерял более, чем Вы думаете, милая тетушка⁶⁵⁷. Я не плакал, когда пришло печальное известие: на другой день я говорил с г. Сарженским о разных вещах. Но вы помяните мое слово: я недаром назвал ее моим ангелом хранителем. Вы мне пишите, что она там найдет себе награду за все то, что она выстрадала здесь. Я так надеялся успокоить и утешить ее на старости! Мне казалось, что я мог бы это сделать. По крайней мере я утешаю себя тем, что ее сын будет достоин ее»⁶⁵⁸. мрачные мысли не отпускали Грановского, он думал о самоубийстве и

⁶⁵⁵ См.: Минаева Н.В. Грановский в Москве. М., 1963. С. 5–30. Ср. с оценкой пансиона у Левандовского А.А. Т. Н. Грановский в общественной жизни России. М., 1989. С. 16–18.

⁶⁵⁶ См. об этом см.: Кудрявцев П.Н. Указ. соч. С. 55; Станкевич А.В. Указ. соч. С. 10–54.

⁶⁵⁷ Обращение к Герито.

⁶⁵⁸ Кудрявцев П.Н. Указ соч. С. 578.

требовал от Герито помощи сестрам: «Мысль, что ея нет более делается невыносимее с каждым днем, что станет со мною без нея! Моя мать была моим провидением на земле... Верьте мне, благословение мертвых не напрасно; поверьте мне, все что вы сделали для нее в ея последние минуты, все что вы делаете еще для ея детей, не будет забыто... Не покидайте бедных сестер моих. Я хорошо знаю, чего это должно Вам стоить, все неприятности и пр. и пр., но это будет благодеяние, за которое вы не будете вознаграждены здесь, но за которое воздастся вам лучшей наградой»⁶⁵⁹.

Ответом на душевное беспокойство и свое незавидное положение была работа, молодой человек поступил в университет. Став студентом, Грановский много читал, в том числе историков А. Баранта, Ж. Сисмонди, А. Тьера, А. Вильмена, Ф. Гизо, большим богатством стала для Грановского библиотека художественной литературы, подаренная родственником, в которой было много романтиков (прежде всего, В. Скотт). Увлекался Грановский и поэтами «озерной школы»: С. Кольриджем и Р. Соути. В университете он сблизился с ровесниками (среди них – Бутовский, Злобин, Ершов, Савельев, Кутузов-Голенищев), особенно с В. Григорьевым. Почти все молодые люди по рекомендации ректора П.А. Плетнева пробовали писать стихи (с этим связано знакомство Грановского с Пушкиным на квартире у Плетнева). Делал это и Грановский (известны названия его стихотворений: «Москва», «Вопрос и ответ», отрывок из драматической поэмы «Сцена из жизни Калиостро»), но он очень стеснялся своего поэтического дара: «Он, можно сказать, стыдился, что пишет стихи, занимается таким вздором, тогда как, по собственному убеждению, должен был бы учиться, заниматься чем-нибудь более питательным для духа»,⁶⁶⁰ – вспоминал его университетский друг Григорьев. Недовольство собой приводила к срывам. После серии удач осени 1832 г. – зимы 1833 г., начались сомнения в себе. Поверенной в душевных делах все еще оставалась Герито⁶⁶¹.

⁶⁵⁹ Письмо Герито от 9 октября 1831 г. Цит. по: *Станкевич А.В.* Указ. соч. С. 17.

⁶⁶⁰ *Кудрявцев П.Н.* Указ. соч. С. 593. *Григорьев В.В.* Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве // *Русская беседа.* 1856. Кн. III. Смесь. С. 17–46; Кн. IV. Смесь. С. 1–57.

⁶⁶¹ Письма от 10 марта 1833 г., от 2 июля 1833 г. См. *Станкевич А.В.* Указ. соч. С. 25, С. 23–24.

Однако этот вызов судьбы был преодолен. Университетская жизнь, хлопоты за братьев и сестер, которым опускавшийся отец – Николай Тимофеевич – не уделял внимания, сделали Грановского деятельным, а хлопоты о возможной женитьбе стали отвлекать его от точившей душу грусти. Казалось, возможной выгодной партии в Орле Грановский уделял больше внимания, чем университетской карьере. В 1835 г. ему предложили готовиться к профессорству в Петербурге. Грановский отказался и поехал в Орел⁶⁶². Материальное благополучия, которое он мог получить, решившись на брак, на миг сделала Грановского приземленным.

Но трудности отношений с любимой серьезно усугубляли ситуацию. Все вместе взятое заставило Грановского сомневаться в своем выборе и отложить вопрос о свадьбе до устройства собственной карьеры⁶⁶³.

К осени 1835 г. Грановский успешно устраивает свои литературные дела. С помощью знакомых по редакциям петербургских журналов – Я.М. Неверова, Е.Ф. Корша, а также благодаря их товарищу – В.К. Ржевскому Грановский был представлен попечителю Московского университета графу С.Г. Строганову, который предложил ему стажировку для получения профессорства в Москве. Грановский был счастлив: «Предложение это сделано мне графом Строгановым. Я был у него несколько раз для объяснения по этому делу, и весьма вероятно, что мы согласимся между собою. Единственное условие с его стороны – желание его, чтобы я был после моего возвращения в Москве, где он попечителем Университета. Мне ничего лучшего не надо: этот человек вполне отличный, очень уважаемый Императором и очень добрый к своим подчиненным»⁶⁶⁴.

Свою просьбу командировать Грановского (бывшего студента Петербургского университета! – Д.Ц.) Строганов объяснял Уварову тем, что «не имеет по Московскому университету профессора для замещения кафедры

⁶⁶² См.: Письмо сестре от 25 марта 1835 г. Цит. по: *Станкевич А.В.* Указ. соч. С. 41.

⁶⁶³ Там же. С. 45.

⁶⁶⁴ Там же. С. 49.

всеобщей истории». 4 мая 1836 г. представление Уварова о новой командировке утвердил Николай I. Грановский смог выехать в Берлин⁶⁶⁵.

Заграничная командировка была очень кстати. Она освобождала Грановского от всех обязательств: женитьбы, заботе о брате и сестрах, хлебе насущном, то есть журнальной поденщины.

Что же представлял собой Берлин науки в середине 1830–х гг.?

«Людам, которые приезжают в Берлин, не ища в нем ничего, кроме удовольствия, этот город может очень не понравиться. Но кто хочет работать и вместе наслаждаться жизнью, тот найдет здесь, что ему нужно. По крайней мере, я это нашел»⁶⁶⁶, – писал Грановский сестре, подводя итог своим берлинским исканиям. Это уже уверенный в себе Грановский, окруженный друзьями, нашедший свое призвание и уверенно идущий к профессорству.

Впрочем, Грановский начинал свою стажировку в Германии, что было для него характерно, с замашками плохо организованного русского барина, который приехал промотать деньги и развеяться за границу. Третью своих финансовых средств он оставил в портовом Гамбурге⁶⁶⁷. В Берлине он «нанял себе, за 10 талеров в месяц, две прекрасные комнаты с мебелью», ходил «всякий день в театр», брал «уроки немецкого языка и читал Геродота»⁶⁶⁸.

Первые же дни в городе убедили ученого, что здесь прекрасные условия для занятий. «Здесь, право, нельзя не учиться; средств столько, что стыдно ими не пользоваться. Меня учит по-немецки придворный проповедник, пастор Паули, отличный филолог и вообще очень ученый человек... Книги также очень дешевы. Но главная выгода состоит в особенной готовности здешних профессоров помогать русским студентам. Недоступные для немцев, они сами вызываются служить нам своими советами. Причина такой милости делает им не много чести. Эти господа большие охотники до крестов и подарков: помогая русским

⁶⁶⁵ Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М., 2005. С. 313.

⁶⁶⁶ Письмо к сестре от 4 ноября 1837 г. Цит. по: Станкевич А.В. Указ. соч. С. 74.

⁶⁶⁷ Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 272.

⁶⁶⁸ Там же.

студентам, они надеются обратить на себя внимание нашего правительства и получить от него какую-нибудь награду. Вообще здесь большие спекуляции на Россию. Нам до этого дела нет, каковы бы ни были причины, следствия очень хороши и выгодны для нас»⁶⁶⁹.

Однако обстановка вокруг Грановского была пустоватой. Русские студенты Педагогического института – филологи и юристы, стажировавшиеся в Берлине, в целом его разочаровали, «Юристы очень дельные и порядочные люди; зато филологи! Чудо что за народ! Семинаристы в полном смысле слова»⁶⁷⁰. Это была уничтожающая оценка, которая характеризовала систему обучения в России в целом.

Поскольку Грановский прибыл в столицу Пруссии уже в конце летнего семестра, то не смог услышать чтения интересных ему профессоров: К. Риттера, Ф. Раумера. Суждения о них Грановским в письмах к друзьям передает с чужих слов⁶⁷¹.

Впрочем, он был счастлив: «Я только теперь начал заниматься наукою, как должно, и не могу без грусти подумать о времени, которое так бесплодно тратил в Петербурге. Я должен учиться тому, что знает иной ребенок. Впрочем, я не упал духом от сознания своего невежества, бодро взялся за дело и надеюсь, что при будущем нашем свидании ты найдешь во мне большую перемену».

В газетах и журналах 1836 г. обсуждались работа тюбингенского профессора Штрауса, отрицавшего божественную сущность Христа, велись дискуссии, как потом выяснится, о самой известной исторической подделке XIX в. «Истории Санхониатона» с предисловием Гротефенда⁶⁷².

Однако уже к осени Грановский загрустил и почувствовал одиночество. Причины этого чувства отражает переписка Грановского со Станкевичем. 14 июня 1836 г. Станкевич писал Грановскому: «Ты в Берлине! Ты достиг цели твоего странствия! Я воображаю, как сжалось твое сердце, когда ты увидел этот немецкий

⁶⁶⁹ Тимофей Николаевич Грановский. С. 272–273.

⁶⁷⁰ Там же. С. 272.

⁶⁷¹ Там же. С. 274–275.

⁶⁷² См.: Там же. комментарий 944 и 945. С. 593.

город, на который каждый из нас возложил свою надежду!». Тут же наставник Грановского давал ученику целую программу научных занятий, суть которой заключалась в том, чтобы свести многообразие эмпирических фактов в единую систему: «Я не понимаю натуралиста, который считает ноги у козявок, и историка, который, начав с Ромула, в целую жизнь не дойдет до Нумы Помпилия, не понимаю человека, который знает о существовании и спорах мыслителей и бежит их и отдается в волю своего темного поэтического чувства. Если нельзя ничего знать, стоит работать до кровавого пота, чтоб узнать хоть это! Тогда, в моем отчаянии, в моем ропоте будет больше счастья, больше поэзии, по крайней мере, нежели в этом робком отказе от своего достоинства, от своих потребностей, сил! Тогда, может быть, я лучше пойму смирение веры, тогда я, может быть, без удержания отдамся душе своей, в которой есть же капля любви, и стану жить в одном чувстве, ничем не раздробляемом.... чугунные головы, дурацкое терпение и дурацкое благоразумие, но и встретишь людей, отворотивших глаза от мелочей этой жизни и дышащих воздухом другого мира... Прочь интересы бедных голов – что, за нужда, в котором году ни умер Александр Македонский; довольно, что он жил и переродил вселенную – а если это знать, так знать для того, чтобы понять, что такое вселенная! Интерес всех наук – один». Твой предмет – жизнь человечества, ищи же в этом человечестве образа божия, но прежде приготовься трудными испытаниями – займись философией!»⁶⁷³

Грановский же явно не справлялся с полученным заданием и чувствовал слабость своих ученых сил по приведению груды фактов в единую систему и, как это бывало с ними, исповедовался Станкевичу в надежде получить помощь⁶⁷⁴. Однако, кроме причин метафизических, хандра Грановского объяснялась и реальным, физическим одиночеством. Он звал к себе на помощь Неверова. Тот приехал в июле 1837 г. В октябре к молодым людям присоединился Н.В. Станкевич⁶⁷⁵.

⁶⁷³ Переписка Н.В. Станкевича. М., 1914. С. 542.

⁶⁷⁴ Там же. С. 545.

⁶⁷⁵ Даты и адреса пребывания Станкевича в Берлине установлены Ю.В.Манном в его работе: Николай Станкевич и его друзья в Берлине // Zeitschrift für Slavistik. 1987. Bd. 32. №4. S. 510–519.

Друзья все время проводили вместе: утро и день они проводили в университете на занятиях, вторую половину дня они оставляли для прогулок по берлинским окрестностям и культурным развлечениям.

Впрочем, и наука сама по себе увлекала друзей. Свое упование наукой они объясняли так: «Мы.... давно не были на просторе, давно не беседовали свободно, в вольной сфере; с годами в наших понятиях сделалось много переворотов, которых мы не успели сообщить друг другу, запутанные глупыми житейскими обстоятельствами. Теперь настает для нас пора независимой жизни, жизни смиренной, посвященной науке: отрадный период студентства, может быть, повторится [...] мы будем иметь время открыться друг другу вполне, обновить друг друга, и я начинаю этот период»⁶⁷⁶.

При этом ощущалась какая-то изолированность не только от бытовых проблем, но и от всего того, что мешает жить этой возвышенной, идеальной жизнью. Для друзей не было бытового, будничного Берлина, для них был только Берлин науки. Очень хорошо эта мысль передана в письмах Бакунина, пошедшего по стопам друзей: «Теперь спешу в Берлин, где должна начаться моя новая жизнь. Я уверен, что мне будет хорошо там, потому, что я всею душою предался науке, а наука для меня – не одно только отвлеченное занятие, но и жизнь вместе»⁶⁷⁷.

Еще один факт Берлинской научной жизни Грановского и его друзей – это налаженный быт, соединенный с салонной жизнью в кругу друзей и местных культурных сил. Это было обеспечено салоном Елизаветы Фроловой, который друзья посещали. Елизавета Павловна Фролова, урожденная Галахова, давно уже жила в Германии. Ее резиденцией был Мангейм, где ее удерживала тесная дружба с вдовствующею великою герцогинею Баденской Стефаниею. Именно здесь с ней познакомился молодой и вышедший в отставку гвардейский офицер Николай Фролов, приехавший в Европу с ученой целью. Вскоре он стал мужем Елизаветы. Молодые обвенчались в Штутгарте. Жена была старше мужа и страдала нервной болезнью. В Берлин молодожены приехали для консультаций с врачами. Семья

⁶⁷⁶ Переписка Н.В. Станкевича. М., 1914. С. 546.

⁶⁷⁷ Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. Т. 3. М., 1935. С. 3.

жила скромно, но широкие связи Фроловой приводили в ее салон представителей немецкой культуры: «Тут мы познакомились с знаменитою Беттиною, Варнгагеном, Мендельсоном Бартольди, профессорами: Ганцом, Вердером и другими знаменитостями того времени», – вспоминал товарищ Грановского Неверов⁶⁷⁸. Для Грановского, который не стремился первоначально даже к знакомству с немецкими профессорами, интерес в салоне представляли сама хозяйка. У нее собирались поздно вечером, так как именно в это время она чувствовала себя спокойно.

Неверов сравнил влияние Фроловой на русское общество с влиянием Рахели Варнгаген, одной из самых известных женщин в немецких литературных кругах: «Чтобы дать понятие об этой чудесной женщине, надобно бы было написать целую статью. Если можно сколько-нибудь приблизительно, через сравнение, определить ее характер и значение, я назову ее русской Рахелью (Рахель Варнгаген), потому что она, как и Рахель не оставила никаких следов своего существования в литературе, не была собственно ученою женщиной, ни даже женщиной, игравшею роль (ей противна была всякая выставка, всякое выказыванье себя), но высокий ум, верный и глубокий взгляд на людей и на весь мир соединяла с основательными познаниями, чарующею теплотою сердца и тою дивною женственностью, которая любит для любви, благотворит для благ, исправляет шутя, научает без наставлений и свою внутреннюю гармонию разливает на все окружающее. Сходство с Рахелью Варнгаген она имела также и во внешней судьбе: также была некрасива собою и, в пожилых годах выйдя за молодого человека, умела этот неравный брак сделать для него счастливейшею эпохою его жизни. Она умерла через три года замужества»⁶⁷⁹.

Общение с Фроловой, которая выделяла Грановского среди прочих друзей, укрепляло Грановского в вере в свои силы. Она «передала Грановскому эту внимательность и снисхождение к людям и умерила его склонность к насмешке. Она заставила Грановского вглядываться в современное общество, сочувствовать

⁶⁷⁸ Неверов Я.М. Тимофей Николаевич Грановский // Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 464–492.

⁶⁷⁹ Неверов Я.М. Указ. соч. С. 482.

его интересам и оживила его взгляд как на минувшую жизнь человечества, так и на настоящее его стремление»⁶⁸⁰.

В салоне Фроловых Грановский познакомился с Карлом Вердером⁶⁸¹. Следствием сближения стало более ясное, реальное понимание обоими сторонами друг друга. Так, Вердер первоначально не верил в научные способности русских студентов, считал русских годными лишь на то, чтобы одеваться «в одежды чужого образования». Однако в ходе диалогов со своими новыми друзьями немецкий ученый признал их равными себе и готов был верить в будущее русской науки⁶⁸². Сами русские студенты под влиянием бесед с Вердером стали относиться к науке не как к какому-то профессиональному навыку, сумме усвоенных фактов, а как к особому служению, предъявляющему к профессору, человеку ученого мира, высокие моральные требования. «У этих людей, – писал Грановский о немецких профессорах, – кроме знания, есть еще нечто, чего нельзя объяснить... бескорыстная любовь к науке. Здесь есть ученые, которым выгоднее было бы переводить статьи для журналов, шить сапоги даже, а они умирают с голоду, работают и не думают о перемене своих житейских обстоятельств»⁶⁸³. В результате этих бесед у Грановского рождалось новое представление о профессорском служении.

В зимнем семестре 1837–1838 гг. Станкевич, Неверов и Грановский слушали курсы Вердера и Ранке. Станкевич писал об этих занятиях, как о «таких сокровищах, над которыми нам придется работать до кровавого пота, потому что заниматься не значит только ходить на лекции. Представьте, что нам придется думать над логикою, читать Декарта, Лейбница, Фихте и проч. – А над новой историей, читать источники – безделица? Философия и современный мир – вот два господствующих занятия на нынешний семестр»⁶⁸⁴.

⁶⁸⁰ Неверов Я.М. Указ. соч. С. 482–483.

⁶⁸¹ Цит. по: *Ziegegeist G. Neue Zeugnisse über Turgenew und den "russischen Kreis" in Berlin (1838–1840) // Zetischrift für Slavistik. 1987. Bd.32. №3. S.386.*

⁶⁸² Переписка Н.В. Станкевича. М., 1914. С. 547.

⁶⁸³ Григорьев В.В. Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве: II. Жизнь за границей // Русская беседа. 1856. Кн. IV. С. 18.

⁶⁸⁴ Переписка Н.В.Станкевича. С.160–162.

Весной 1838 г. друзья разделились. Грановский поехал через Дрезден и Саксонию в Прагу, а затем в Вену, Станкевич же с Неверовым отправились в путешествие в другие части Германии: их привлекал Рейн. Друзья планировали встретиться в Мюнхене, но не смогли этого сделать.

Грановский во время путешествия в Вену – это уже новый Грановский. Он предельно самостоятелен и уверен в себе. В Дрездене Грановский встретил русского ученого-востоковеда И.А. Гульянова. Он поражен уровнем знаний этого ученого, особенностями специализации при изучении Востока, однако у Грановского есть уже другое представление о науке⁶⁸⁵. В результате «завязался спор, и Гульянов до того разгорячился, что намекнул, что нынешняя молодежь имеет о себе слишком высокое мнение; я также не остался у него в долгу. Впрочем, дело кончилось миром, и мы опять приятели... Грустно и забавно только то, что он думает работать в пользу христианства, а выходит противное»⁶⁸⁶.

В Дрезденской галерее Грановский поклоняется Рафаэлевой Мадонне, но, кажется, больше соперничает Корреджио и Тициану.⁶⁸⁷ В Праге он снисходителен к русским ученым-славистам, особенно О.М. Бодянскому, бытовые советы которого Грановского сильно смещают. Однако он восторгается пражскими будителями. «Мы удивляемся самоотвержению, с каким немцы отдаются науке, но у Шафарика это еще удивительнее, – пишет он в письме друзьям, – потому что его, кроме бедности, дают тысячи других обстоятельств, которых в Германии нет. И при все том он спокоен и тверд. А знаете ли, чем он живет теперь? Тайными пособиями Михайла Петровича Погодина»⁶⁸⁸. Ученые-чехи гораздо ближе Грановскому, нежели его друзьям – Станкевичу и Неверову, которые уже здесь побывали: «Да, Николай Владимирович, Вы хороший человек, я Вас крепко люблю, Вы многое во мне переменили, чего и сами не знаете, а при всем том иногда бываете ослом Валаамовым, равняетесь глупостию Шарлоте, а остроумием Неверову. Вы прошли мимо Шафарика, как мимо дюжинного человека, и нашли

---

⁶⁸⁵ Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 289, 291.

⁶⁸⁶ Там же. С. 291.

⁶⁸⁷ Там же. С. 290

⁶⁸⁸ Там же. С. 297.

его односторонним; Вы назвали книгу Коллара: *Litter. Wechselseitigkeit* пустою, не прочтя десяти страниц в ней, и убедили в этом меня; наконец Вы, находясь в обществе чешских ученых, сделали пренелепую выходку против местного патриотизма и, как мне рассказывал Челяковский, которому, впрочем, Вы не по заслугам понравились, заставили их молчать при Вас о том, о чем они собирались говорить. Кто вас создал таким? И на какой конец? Вы гоняетесь за конкретным, а сами отвлечение, худое, больное отвлечение. У Вас только и конкретного что нос Ваш»⁶⁸⁹.

В Праге Грановский изучил жизнь и еще одного национального меньшинств австрийской империи – евреев. Он познакомился с еврейским ученым Саксом: «Он живет в *Judenstadt*, самой дурной части города, с узкими, грязными улицами и оборванными жителями. Гадко глядеть на этих несчастных. Правительство не стесняет их; говорят, что их промыслы приносят хорошие доходы, и при всем том я еще нигде не видывал такой отвратительной неопрятности. Сакс молодой, очень умный и образованный человек. Он говорит лучше Вердера и вообще любезнее, – но он не Вердер. Занимается и здесь философию, поклонник Гегеля, но уже *hinaus*. Говорит, что не удовлетворяет его, как прежде. «Чего же по вашему мнению не достает этой философии?» – *An und fur sich* она может быть все имеет, но для меня она недостаточна. – Как это принять: за скромное сознание своей немоци или другое что? Об Австрии говорил отлично умно, но как немец не понимает важности славянского элемента и презирает его. Что будет из южных славян, – Бог весть. Но что в них шевелится новая жизнь, что у них есть новые потребности, в этом нет сомнения. Открытее других высказывают сербы. Здесь был один сербский литератор, личный приятель князя Милоша и с европейским образованием: он сказывал, что между простым народом у них только и речи, что о том, как бы идти на Царьград и расплатиться там с турками за все прежнее. Не забудьте, что это маленький народ и что они за 25 лет еще были рабами турков. Сербы очень привязаны к России, «единственной земле, где славянин дышит свободно». Свободу они понимают по-своему. Какой-то немец сказал тому же сербскому

---

⁶⁸⁹ Там же. С. 298.

литератору, что в России есть рабство, неизвестное прочей Европе. «Славянская натура крепка, стерпит все: мне легче быть рабом славянина, чем подчиненным немца»⁶⁹⁰. Вена Грановскому не понравилась. В ней все было неподвижно и напыщенно. Безжизненность, по Грановскому, совпадала с отжившими формами. Вена была одной из архитектурных столиц Европы, но людей, соответствующих этому архитектурному изяществу, в ней не было. Вена была центром католического мира, храмы и соборы которой были наполнены различными святынями, но веры в ней не было.

Люди в Вене были одеты изящно. В письмах к друзьям Грановский острил, что его бородой одет и выглядит лучше, чем русский дворянин Станкевич; однако собеседников для тонкого разговора в Вене Грановский долго не находил. Впрочем, аристократические знакомства и разговоры в итоге закружили Грановского, хотя ему, вроде бы, хотелось уже действовать: «Я уехал бы в Москву с радостью. Мне хочется работать, но так, чтобы результат моей работы был в ту же минуту полезен другим. Пока я вне России, этого нельзя сделать. Мне кажется, что могу действовать при настоящих моих силах, и действовать именно словом. Что такое дар слова? Красноречие? У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убеждения. Я уверен, что меня будут слушать студенты. У меня еще нет сведений, нужных для историка в настоящем смысле; я еще не знаю истории; но мне кажется, что понимаю и чувствую ее»⁶⁹¹.

К началу нового семестра Грановский был в Берлине, где поселился на квартире у Вердера. Немецкий профессор наставлял русского в том, что такое профессорское служение. Грановский не раз вспоминал об этих беседах с Вердером. 4 октября 1843 г. он писал немецкому профессору: «Никогда не понимал я так хорошо того, что вы мне тогда часто говорили: работать и отречься. В конце концов, не остается делать ничего другого. Я уже отказался от стольких надежд моей юности; мне остается только отказаться и от самой юности, и я скоро принесу и эту жертву, потому что сердце мое, я это чувствую, стареет и

---

⁶⁹⁰ Там же. С. 301.

⁶⁹¹ Там же. С. 308.

устаёт. Печально наше время, и особенно в моем отечестве. До дела не достигаешь, и однако ж желаешь внутреннего мира. Напряженная деятельность истомила бы меня гораздо менее, чем это стремление без имени и цели. Испытали ли Вы тоже самое? Есть люди, которые легко примиряются; для меня примирение едва ли возможно. Друзья называют меня мечтателем, но я думаю, что болезнь моя иная, а не мечтательность. Для последней у меня нет ни времени, ни склонности... Я работаю впрочем, насколько возможно работать в России, и твердо верю в лучшую будущность, не для меня лично, но для тех, которые явятся на свет позднее. Им все дастся дешево и хорошо»⁶⁹².

Таким образом, характерной особенностью становления Грановского в Берлине является не только интерес к специальным знаниям, фактам своей науки, но и к пониманию того в каких условиях она может развиваться, что для этого нужно. Неслучайно поэтому, что наиболее повлиявшим на Грановского в Берлине профессором становится не только историк Ранке, которому Грановский симпатизировал, но с которым у него не было личных контактов, но философ Вердер. А главная ценность для Грановского в Германии – дух науки, служение ей.

В сентябре 1839 г. пришел черед Грановского вступать на кафедру. Он был польщен успехами, последовавшими за первыми лекциями: «Я выступил на свое новое поприще. Покуда дело идет недурно, я уже имею некоторую известность; это значит, что есть много людей, которые делают мне честь, говоря обо мне с похвалою или порицанием. Я не хочу солгать перед Вами, сказавши, что не забочусь ни о том, ни о другом. Мое тщеславие при этом, смотря по обстоятельствам, бывает польщено или задето, но я стараюсь, сколько возможно, быть равнодушным, чтобы не впасть в ошибку. Я уверен, что то, что хвалят во мне в нынешнем году, будут порицать в будущем и что я должен или идти вперед или пятиться назад. Вот почему я работаю, как жалкий бедняк»⁶⁹³. Ради этого успеха Грановский много трудился по ночам для подготовки 6 часов лекций средней

⁶⁹² Станкевич А.В. Указ. соч. С. 106, 131.

⁶⁹³ Там же. С. 105.

истории – филологам и юристам. Впрочем, своей работоспособностью и востребованностью Грановский даже гордился⁶⁹⁴.

Однако уже к концу первого курса весной 1840 г. Грановский начал понимать, что его будут ждать трудности. Он стал мишенью для критики со стороны коллег: «Между нашими старыми профессорами, – писал он кузине, – есть такие, которые делают зло по принципу, которые считают своей обязанностью вредить всякому молодому человеку, начинающему поприще, не домогаясь их покровительства или по крайней мере дружбы. А как я не нуждаюсь ни в том, ни в другом, то должен быть всегда на стороже, иначе я во всякую минуту могу навлечь на себя неприятности. Кроме того, есть много других неудобств в нашем положении. Говорить вам об них было бы слишком длинно. При всем этом я думаю, что все испытываемое мною – к лучшему: во мне есть смесь лени и упрямства, вследствие которой встречающиеся мне препятствия придают мне только более энергии; без них я, может быть, заснул бы»⁶⁹⁵.

Летом 1840 г. умер Станкевич, за границей скончалась Елизавета Павловна Фролова, раскрывшая в Грановском таланта собеседника. 17 января 1841 г. он писал сестре: «Смерть Николая и Фроловой – вот что расстроило меня. Я вижу их постоянно во сне, и всякий раз после этого мне делается хуже»⁶⁹⁶. В сестрах Грановский тоже искал опоры, но не пройдет и года и из мира уйдут и они. Силы Грановского вновь таяли. Историк вновь теряет прошлое, перед ним вновь почти полное одиночество с банальностями, «бродячеством» и «цыганством»⁶⁹⁷.

Это отражалось на профессиональном самоощущении: «Окружающее меня здесь нерадостно. В университете у нас есть движение вперед, жизнь, но в этой жизни есть что-то искусственное. Студенты занимаются хорошо, пока не кончили курса; по выходе из университета лучшие из них, те, которые подавали наиболее надежд, пошлеют и теряют участие к науке и ко всему, что выходит из круга так

⁶⁹⁴ О Грановском в первые годы преподавания в Московском университете см.: *Левандовский А.А.* Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 37–89.

⁶⁹⁵ *Станкевич А.В.* Указ. соч. С. 107–108.

⁶⁹⁶ Там же. С. 122.

⁶⁹⁷ Там же. С. 120.

называемых положительных интересов. Их губит материализм и безнравственное равнодушие нашего общества. Вот почему университетская жизнь мне кажется искусственной, оторванной от остального русского быта».⁶⁹⁸

Но выход нашелся и на этот раз: Грановский женился, встретил новых друзей: А.И. Герцена, Н.П. Огарева, В.П. Боткина, Н.Х. Кечтера и стал читать лекции ради будущего – ради студентов⁶⁹⁹. Это дало возможность активно действовать, преодолевая тяжесть: «Это своего рода рабство, от которого нельзя здесь освободиться, и особенно в моем положении. Всегда есть студенты, которым нужно что-нибудь сказать мне и которым мой слуга не может отвечать: нет дома».⁷⁰⁰

В итоге наступает расцвет Грановского: триумфальная защита обеих диссертаций, публичные курсы, обожание студентов и поддержка друзей.

3.4.2. Формирование этики профессорского служения: крыловская история

С 1835 по 1848 г. в Московском университете появились более трех десятков новых преподавателей, большинство из которых на практике ознакомились с институтами, но прежде всего с профессорами европейских университетов не в условиях российской реальности, а в родной для иностранных профессоров инфраструктуре европейской науки. Отправка русских ученых за границу во многом объясняется тем, что идеологи нового университетского устава пытались с помощью университета решить проблемы устранения последствий западного влияния на русское образованное общество. Одной из вскрытых следственной комиссией по делу декабристов причин распространения революционных идей называлось влияние частных европейских учителей и пансионов на русское

⁶⁹⁸ Тимофей Николаевич Грановский... С. 345.

⁶⁹⁹ См. *Левандовский А.А. В кругу друзей // Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1990. С. 88–124.*

⁷⁰⁰ *Станкевич А.В. Указ. соч. С. 125.*

дворянство. Для устранения этих последствий разрабатывались меры по централизации системы образования, перед которой были поставлены задачи по воспитанию унифицированного российского подданного с заданным набором характеристик, важнейшими из которых должны были быть: лояльность Государству, Церкви и карьерно-сословные идеалы⁷⁰¹. Однако для реализации этой идеи требовались новые учителя, которые могли бы пользоваться нравственным влиянием у представителей благородного сословия. Этим характеристикам не отвечала профессорская корпорация Московского университета 1820-х гг. Чтобы сделать обучение в университете частью карьеры благородного человека нужно было сами университеты вывести из бурсацких, семинаристских нравов предыдущей эпохи. А эти нравы насаждались прежде всего самой старой университетской профессурой, представители которой были выходцами из духовного звания, транслировавшими ценности ученического знания, в идеологии которых не присутствовала наука как исследование. Между тем, учитель в университете должен был отвечать на запросы новых благородных студентов, он должен был вписаться в дворянскую культуру Москвы, а его поведение и этикет должны были позволять ему на равных общаться со студентами из благородного сословия.

Вполне возможно, что новый тип профессора должен был в глазах министра С.С. Уварова и попечителя С.Г. Строганова стать своеобразным русским заменителем иностранцев учителей и владельцев частных пансионатов для дворян. Согласно знаменитой формуле Уварова, русский ученый должен был быть «русским по духу и европейцем по образованию»⁷⁰², что, по всей видимости, с точки зрения Уварова должно было обезопасить русских студентов-дворян от крайних социальных и политических идей, исходящих от Запада. В этой схеме обязанные своей карьерой университетскому и министерскому начальству русские

---

⁷⁰¹ См.: *Шевченко М.М.* Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.

⁷⁰² См. соответствующий сборник, подготовленный по материалам конференции в Санкт-Петербурге, проведенной ГИИМ – «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М., 2009.

профессора должны были воспитывать русских студентов-дворян в традициях «православия, самодержавия и народности», соединяя это воспитание с наукой.

Однако на практике эти служебные задачи, четко поставленные министром, пришли в соприкосновение с ценностями самозабвенного служения и отречения ради науки, о чем осознанно писал Грановский⁷⁰³. В результате столкнулись ценности нового поколения профессоров и задачи, поставленные перед университетом его начальством. При этом и та, и другая сторона апеллировали к традициям Просвещения. Но, если руководство Московского университета находилось в рамках «регламентированного просвещения» австрийского образца, то русские профессора привезли ценности классического университета⁷⁰⁴. Это привело к очень своеобразной эпохе в истории Московского университета, которая оказалась внутренне противоречивой, эпохе Строганова.

Во-первых, неустойчивой оказалась конструкция, в которой попечитель округа, сделав ставку на молодых ученых университета, готов был жертвовать старой профессурой⁷⁰⁵. Резче всего это расхождение проявилось в серии конфликтов молодых профессоров с М.П. Погодиным.

Главная причина расхождения между Погодиным и молодыми профессорами – разное представление о роли профессора в университете. Погодин считал в своих профессорских обязанностях главным именно службу государству. Хорошо ее выполняя, воспитывая студентов, в том числе и наукой (чего хотя бы стоят занятия в его доме с рукописными памятниками), он рассчитывал на ответные любезности со стороны государства. Молодые профессора идею службы государству противопоставляли идею служения науке ради науки. Служба была им неинтересна, они готовы были ей жертвовать. Даже под угрозой уголовного

⁷⁰³ Цыганков Д.А. Традиции Т. Н. Грановского и формирование «московской школы историков»: складывание профессиональной научной среды в Московском университете как проблема трансфера культур // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». С. 244–262.

⁷⁰⁴ О модели университетов Австрийской империи в сравнении с Берлинским университетом см.: Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 285–302, С. 503–524.

⁷⁰⁵ См. об этом: Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990. С. 150–171; Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999. С. 165–170; Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003. С. 76–158.

преследования один из молодых профессоров В.С. Печерин писал попечителю Строганову о невозможности своего возвращения на службу, он хотел оставаться в науке и ради этого принял решение эмигрировать, поскольку считал, что заниматься наукой в России невозможно. В письме к своему непосредственному начальнику он сообщал, что страшится «превратиться в «благонамеренного старого профессора, насыщенного деньгами, крестиками и всякою мерзостью», называл старых профессоров «людьми без верований, без Бога, живущими лишь для того, чтобы копить деньги, откармливаться как животные»⁷⁰⁶. Безусловно, позиция Печерина – позиция очень индивидуального человека. Однако ровно эти же мысли о профессорском служении будут повторены в письме-манифесте от имени всех молодых профессоров Московского университета в 1847 г. Грановским⁷⁰⁷.

Еще один повод к расхождению «молодых» профессоров со «старыми» заключается в их разном отношении к студентам. Для Погодина студенты были источником дополнительных доходов. С их помощью он поправлял семейный бюджет, переводил иностранную литературу. Любил Погодин и студенческое прислуживание (проводы до дома, подношение подарков и т.п.). Молодые профессора, напротив, пытались служить для студентов и создавали не существующую в Москве инфраструктуру научных исследований. Они приглашали студентов на беседы домой, допускали их к пользованию своей собственной библиотекой, заставляли участвовать в салонных спорах в своем собственном семейном кругу. Задача молодой профессуры заключалась не в том, чтобы заработать на студентах, хотя этот вопрос остро стоял перед новым поколением преподавателей, а в том, чтобы приобщить студентов к новым ценностям, воспитать у них научный императив. Профессора не зарабатывали на студентах деньги, но пытались заработать у них авторитет, славу нравственной личности, в услугах которого нуждается просвещенное общество, а, следовательно, сделать науку ценностью в процессе создания личности. При этом

---

⁷⁰⁶ Современная публикация: *Чернов С.Л. Casus* Владимира Печерина. СПб., 2016. С. 279.

⁷⁰⁷ Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 386–387.

московским профессорам, прежде всего Грановскому, казалось, что он поступает точно так же, как его учителя – немецкие профессора. Например, как Нибур, статью о котором Грановский написал⁷⁰⁸. Или как Вердер, с которым его связывали лучшие воспоминания об учебе в Берлине⁷⁰⁹. Собственно вся деятельность Грановского в Москве это попытка перенести идею профессорского служения из Германии в Россию.

Для поддержания высокого нравственного авторитета профессора Московского университета Грановский стал инициатором коллективной отставки своих коллег в 1847 г.

Крыловская история хорошо известна благодаря прежде всего мемуарным свидетельствам⁷¹⁰, реже – письмам⁷¹¹. Предпринимались попытки ее детального рассмотрения⁷¹². Однако комплексного исследования темы, ее объемного изучения, все еще нет. Для начала восстановим хронологию событий.

В августе 1846 г. на даче в Ивановке под Москвой между супругами Крыловыми: мужем – профессором кафедры римской истории и деканом юридического факультета Никитой Ивановичем Крыловым – и его женой – Любовью Федоровной (в девичестве – Корш) – произошла «грязная» история. Муж в нетрезвом состоянии бегал за женой по дому и двору и таскал ее за волосы. При содействии младшего брата – студента Московского университета Валентина Корша – Любовь бежала к своей сестре Антонине, жене адъюнкта Московского университета Константина Дмитриевича Кавелина. Тот рассказал о случившемся своим друзьям – П.Г. Редкину, Т.Н. Грановскому, Е.Ф. Коршу. Тогда же жена

⁷⁰⁸ Грановский Т.Н. Бартольд Георг Нибур // Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 127–161.

⁷⁰⁹ Корева Н.С. Т.Н. Грановский в Берлине (по материалам эпистолярного наследия) // Тимофей Николаевич Грановский: Идея всеобщей истории. С. 118–137.

⁷¹⁰ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983; Афанасьев А.Н. Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 249–280.

⁷¹¹ См., например: Письмо К.Д. Кавелина С.С. Уварову / предисл. и публ. В.М. Боковой // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 2. С. 107–112.

⁷¹² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. Кн.4. С. 8. СПб., 1894. С. 364; Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 175–181; Цыганков Д.А. Упившись винами до бесстыдства... // Родина. 2014. № 9. С. 73–76.

Крылова подтвердила друзьям, ходившие по Москве слухи, что ее муж брал взятки со студентов.

Как вспоминал впоследствии С.М. Соловьев, «Кавелин, Корш, Грановский, Редкин и весь западный кружок вооружились и объявили, что если Крылов останется в университете, то они выйдут из службы, ибо со взяточником, позорящим профессорское звание, они служить не хотят»⁷¹³. С начала учебного года «Редкин, Кавелин и Крылов прекратили лекции; первые потому, что думали оставить университет, а последний – вследствие общего шума, наделанного всей этой историей, что и продолжалось около 3-х месяцев»⁷¹⁴.

Подобное поведение профессоров было возможно, судя по всему, потому, что в Москве отсутствовал попечитель граф Сергей Григорьевич Строганов. Его возвращение в первопрестольную заставило конфликтующие стороны вернуться на кафедры. Особенно тяжело это было сделать Крылову, поскольку он боялся обструкции со стороны студентов. Профессор-юрист явился на лекцию «худой и бледный, точно после болезни», но все прошло тихо, поскольку инспектор студентов Платон Степанович Нахимов вместе с двумя субинспекторами лично сопровождал специалиста по римскому праву в аудиторию и оставался на занятии до его окончания⁷¹⁵. Ход занятий в университете администрация восстановила.

Граф Сергей Григорьевич Строганов был сильно рассержен: «скандал в Московском университете, гадкая история между людьми, которых он уважал, которыми он гордился, хвастался, торжество ненавидимых славянофилов, которые возликовали от скандала между западниками, – все это его очень раздосадовало»⁷¹⁶. Граф посчитал виновным в происшествии Кавелина. Он не верил в оговоры Крылова и возможно получил от близких к Крылову людей сведения, что на Кавелина, как виновника случившегося, указывает сама Любовь Корш, писавшая к мужу – Н.И. Крылову – письма с просьбой все вернуть на круги

⁷¹³ Соловьев С.М. Мои записки... // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки М., 1983. С. 297.

⁷¹⁴ Афанасьев А.Н. Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях современников М., 1989. С. 264.

⁷¹⁵ Там же. С. 264–265.

⁷¹⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 297.

своя, жить тихо и счастливо. Как писал В.П. Боткин Анненкову 19 июля 1847 г.: «Возвращаюсь опять к истории Крылова: она лежит у меня на сердце и возмущает его. Представьте! Жена Крылова недавно писала к нему беспрестанно письма, умоляла взять ее к себе, обвиняет Кавелина в том, что он увез ее от мужа, даже грозит им; об этих письмах Строганов намекал даже Кавелину, прибавивши: «Ваша сестра дурно делает». Всем этим Крылов, разумеется, пользуется; он в свое оправдание показывает письма жены Строганову; Строганов настаивает на своем. И вот из какой женщины вышла вся эта история, которая принудит Грановского, Кавелина и Редкина оставить Университет. У меня сердце надрывается от досады. Но ради Бога, пусть об этом Герцен ни слова не говорит в своих письмах в Москву, то есть, об этих письмах жены Крылова к мужу»⁷¹⁷.

Уже после увольнения из университета в письме-объяснении для министра Уварова Кавелин утверждал, что он не стремился к тому, чтобы семейную склоку превратить в университетский конфликт и возлагал всю вину на случившиеся на Крылова. Тот якобы сам политизировал происходящее, сведя к интриге против себя свои служебные преступления и семейные отношения⁷¹⁸.

Позиция же Строганова, которую в письмах Уварову излагает Голохвастов, заключалась в том, чтобы сам Крылов, понимая всю невозможность своего нахождения в университете, должен был попроситься о переводе. Кроме того, Строганову важно было обставить дело таким образом, чтобы ни у кого не возникло подозрений о том, что он действует под нажимом университетских служащих. Это заставило Сергея Григорьевича выжидать решения профессора римского права, в то время как Грановский и его друзья – в свою очередь – ждали благоприятного для себя разрешения событий со стороны попечителя.

На первые роли вышел Крылов. Как вспоминал Соловьев, Крылов «высказал всю мелочность и грязность своей душонки: сначала был ошеломлен, впал в отчаяние, перестал ходить на лекции, потом начал подличать, доносить на своих товарищей, что они безбожники, развратники и проч., рассказывать то же самое

⁷¹⁷ П.В. Анненков и его друзья. СПб., 1892. Т. 1. С. 544–545.

⁷¹⁸ Письмо К.Д. Кавелина С.С. Уварову. С. 110–111.

про свою жену и братьев; ездил с этими доносами к Филарету, перекинулся к Погодину, притворился православным русским человеком»⁷¹⁹.

Благодаря М.П. Погодину и его связям о скандале было доложено министру народного просвещения Уварову. Изначально этого, вероятнее всего, хотел сам Крылов⁷²⁰, опасавшийся своего увольнения из Москвы. Позже от этой услуги, предлагаемой Погодиным, Крылов начал отказываться, но интрига, в которую его уже втянул Михаил Петрович, имевший зуб на Строганова, который фактически уволил его из Московского университета, предпочтя ему на кафедре российской истории Сергея Михайловича Соловьева, своего достигла: министр народного просвещения встал на сторону Крылова.

Своего пика ситуация достигла в июле–августе 1847 г. В середине лета 1847 г. В.П. Боткин в письме В.Г. Белинскому и П.В. Анненкову писал: «Дело Крылова очень заставляет меня опасаться за наш кружок. Оно нисколько не принимает лучшего вида; напротив, недавно Строганов говорил Кавелину, что все должно оставаться по-прежнему. Если так, то Кавелину, Коршу и Грановскому надобно будет оставить Москву, потому что где же им служить в Москве?»⁷²¹. Чуть позже в письме к Краевскому Василий Петрович заметил: «Дело Крылова должно решиться на днях. И представьте: может статься, решиться выходом Грановского, Кавелина, Редкина и Корша! Но граф Строганов сам попал в тенета, желая все уладить и думал, что Крылов сам перейдет в другой Университет. Послезавтра едут к Строганову с решительным объяснением»⁷²².

В августовском письме Анненкову Боткин сообщал: «Они готовились уже подать свои прошения об отставке, но за два дня Грановский счел за приличное известить Строганова письмом по-французски о их решимости. И только

⁷¹⁹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 298.

⁷²⁰ См. письмо Крылова к Погодину: «Не говорите Грудеву об моих делах. И письмо Ваше к Министру считаю теперь излишним. Во мне вдруг родилось столько доверия к Промыслу о своей невинности, что не нужно прибегать к чужой помощи. Сохраните тайну наших разговоров. Вы всегда отзывались в моей душе прямо и глубоко». Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. С. 376.

⁷²¹ Боткин В.П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 275.

⁷²² Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893. С. 86–88.

поставленный в такую дилемму, принужден был наконец действовать Строганов, которого главной целью было – уладить все по-прежнему.... Смешно было, что Строганов, объявивши им, что Крылов подал прошение об отставке⁷²³, сделал им, как говорится, нотацию за то, что они принудили его «повернуть круто». Вот что! Да они ждали целый год, и если Строганов не принужден бы был наконец выбирать между Крыловым и ими, он бы по ужасной нерешительности своей Бог знает на сколько лет оставил бы все дело *in statu quo*»⁷²⁴.

Судя по всему, в архиве Грановского сохранился черновик письма к Строганову, решивший все дело, который публикаторы неверно датировали началом 1848 г. Приведем его полностью:

«Поскольку профессор Редкин сообщил нам результаты последнего разговора с Вашим Сиятельством, я беру на себя смелость написать Вам, чтобы дать знать, так как Вы этого хотели, что послезавтра мы будем иметь честь представить наше прошение в руки ректора.

Наши мотивы Вам известны, господин граф. Не без внутренней борьбы и огорчения решили мы действовать таким образом, как мы поступаем. Мы ставим под удар не только наше материальное состояние, но, возможно, мы разрушаем и наше душевное состояние, отрекаясь от деятельности, которую мы не имеем надежды обрести где-нибудь еще. Однако я могу сказать за себя, также как и за моих друзей, что эти соображения имеют на нас только то влияние, что мы боимся поставить Вас в неловкое положение. Эта боязнь заставила нас колебаться и ждать до сего момента. Теперь, когда наши рапорты об отставке отправлены, мы можем говорить открыто о нашем уважении и преданности к Вам лично.

Мы бы организовали разбирательство и не прибегая к Вашему вмешательству, но характер профессора Крылова сделал это невозможным. Не пеняйте нам на то, что мы этого хотели. Мы научились ценить счастье служить под началом такого человека как Вы, и каковы бы ни были наши дальнейшие

⁷²³ Интересно отметить, что Голохвастов ничего о прошении Крылова об отставке в письме к Уварову не сообщает.

⁷²⁴ См.: Письмо В.П. Боткина П.В. Анненкову от 24 и 25 августа 1847 г. П.В. Анненков и его друзья. СПб., 1892. Т. 1. С. 544–545.

жизненные пути, мы пронесем глубочайшую благодарность, как потому что каждый из нас лично обязан Вам, так и за все то, что Вы сделали для образования и будущего нашей страны. Мы оградили бы Вас от вмешательства в эту печальную историю. Таковы были наши намерения с самого начала. Однако бесстыдство профессора Крылова сделало это невозможным. Его навязчивое желание сохранить место, которое, по нашему мнению, он обесчестил, наложило на нас обязанность публично протестовать.

Мы очень хорошо осознаем все последствия поступка, который стоит вне обычаев нашего общества. Не личная ненависть вооружила нас против профессора Крылова. Он находил в нас пламенных защитников до тех пор, пока его вина не была доказана. Даже в настоящий момент мы готовы отдать справедливость его талантам, но мы полагаем, что мы можем сказать без выпренности, что он не достоин того, чтобы мы были его коллегами. Можно было бы упомянуть других членов университета, качества которых вызывают сомнения, но это люди другого поколения, люди устарелые по сравнению с нами, и с которыми мы не можем иметь ничего общего. Но случай профессора Крылова другой. Он был одним из тех, кто внес наибольший вклад в возрождение университета. Он был одним из самых замечательных представителей новых научных тенденций; он не может скрыться за своим возрастом и за своей ничтожностью. Тем не менее, этот человек допустил грубое обращение со своей женой и посвятил весь город в секреты своих постыдных сделок со студентами.

Покидая университет, мы уносим с собой сознание, что оказали ему некоторые услуги нашим присутствием и, возможно, еще более тем как удаляемся из него. Мы знаем, что наши места недолго останутся незамещенными. Мы сделали все что могли, чтобы приготовить своих преемников. Более молодые, более богатые в средствах к развитию, которых мы были лишены с самого начала (в начале нашего пути), они не заставят сожалеть о нас с точки зрения науки и талантов, но они отдадут должное примеру, который мы им передаем. Этот пример не пропадет для юных поколений. Они увидят, что отныне профессор не может быть порочен безнаказанно, если даже, по-видимому, внешне наказание и не

настигнет его. Они будут иметь более веры в своих будущих воспитателей, вспоминая о тех, которые принесли в жертву все свое настоящее и будущее чувству своего долга относительно университета»⁷²⁵.

Однако положительного финала для Грановского и его товарищей не последовало. Осенью 1847 г. Боткин писал А.А. Краевскому: «У нас на счет Крылова слухи замолкли было, тем более, что дело казалось решенным: Крылов, по настоянию Строганова, подал просьбу о переводе его в Харьков. А вот теперь Вы пишете, – чего мы все боялись, – что Уваров не согласился на это. Не знаю, что из этого теперь будет. Надобно сказать, что Строганов в этом деле сделал все от себя возможное»⁷²⁶.

В ноябре Строганов ушел в отставку, его место занял Голохвастов, отчего уже торжествовали близкие Погодину лица. И.И. Давыдов писал Михаилу Петровичу: «Рыцари, храбравшиеся выходом из Университета, по-видимому, остановились! Здесь лишь только ожидали представления об их намерении, чтобы уволить желающих, по пословице: место свято пусто не будет. О переводе Крылова нет и речи, потому что нет никакой для этого причины. Какое детство!»⁷²⁷.

Однако, прошение об отставки от оппозиционеров все же последовало. Теперь уже Голохвастову нужно было искать выход из профессорского конфликта. Новый попечитель явно предлагал рассматривать вопрос в рамках служебной субординации. Ему было важно, чтобы не было нарушено плавное течение университетских дел – все лекции были дочитаны до конца, а окончательное решение не выглядело бы уступкой горстке смутьянов, претендующих на нравственную оценку происходящего. В результате Редкин, Кавелин и Корш были уволены после окончания зимнего семестра 1848 г. Грановский оставлен, как не выслуживший положенного срока заграничную командировку. Служебные проступки Крылова не были замечены.

⁷²⁵ Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 386–387. Перевод с фр. яз. А.Ю. Андреева.

⁷²⁶ Цит. по. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. С. 376.

⁷²⁷ Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 378.

Окончательное решение всей истории, после того как профессора-западники официальным порядком подали в совет факультета прошение об отставке в январе, разбиралось в переписке нового попечителя Д. П. Голохвастова и министра Уварова. 25 января 1848 г. Голохвастов докладывал министру о том, что «нет никаких сомнений в виновности профессора Крылова как в отношении частной жизни, так и в исполнении его службы». Новый попечитель готов был уволить Крылова и немедленно, однако для того, чтобы эта отставка не выглядела уступкой трем должностным лицам университета, он предлагал немного затянуть время и вместе с Крыловым наказать и его противников. Конфликт был решен в соответствии с логикой законов о службе, на чем настаивал Голохвастов, смысл протеста профессоров-западников в такой системе ценностей потерялся.

Окончание крыловской истории хорошо показывает, что молодые профессора, и особенно Грановский, который еще в начале своей карьеры, был требователен к начальству, явно переоценили свои силы. В глубине души Грановский и его коллеги, видимо, считали, что попечитель поддерживает распространение в университете новых европейских научных ценностей и тех норм профессорского поведения, которые стоят за этими ценностями. Более того, себя они считали той силой, которая с течением времени распространит свои идеалы среди косной, обуреваемой службистским духом устаревшей профессорской корпорации.

Однако реальность была сложнее. В результате для группы молодых профессоров стало разочарованием, что Строганов поддерживал их как «свою» партию, своеобразную клиентелу, лично ему обязанную, а не их как носителей новых европейских взглядов на профессорское служение.

Следствием этого и стала неразрешимость конфликта вокруг профессора Крылова. Результатом ухода молодых профессоров стало вытеснение ценностей европейских норм поведения профессора, исповедуемых окружением Грановского, из университетской в салонную околоуниверситетскую жизнь, создание насыщенной общественной реальности рядом с университетом. И, конечно, студенческое поклонение профессору, мученику ради науки.

Грановский после конфликта несколько раз посещал Петербург, просился об отставке. Не получив ее, оказавшись в условиях «мрачного семилетия», вызванного европейскими революциями 1848 г., под серьезным внешним давлением, он загрустил, обмяк, опустился.

Каковы же следствия всего этого конфликта для университета в целом?

Во-первых, это первая коллективная профессорская отставка в России, сопровождавшаяся своего рода манифестом о профессорской этике.

Во-вторых, следствием коллективной отставки стало студенческое поклонение «мученикам ради науки». Именно студенты по-особому прочли разыгравшуюся драму и взяли на вооружение методы молодой профессуры. Фактически, несмотря на видимое поражение западников, у студентов сформировался запрос на профессора нового типа, похожего на Грановского.

Крыловская история стоит у истоков профессорского «либерализма» или «академизма» как явления университетской жизни. Представители этого движения мечтали о де бюрократизации университета, стояли у истоков особых взаимоотношений профессоров и студентов. Для профессоров-академистов было важно, чтобы студенты, страдающие от русской действительности, хотя бы на время – время своего студенчества, почувствовали особый статус университетского человека, свободного от банальностей жизни и ее мелочей, оказались бы способны на поступки.

3.4.3. Грановский как лектор

И противники, и сторонники Грановского чувствовали, что Грановский превратил свои курсы в нечто законченное, история в его руках становилась наукой, формирующей мировоззрение. Нацеленность на такую задачу осознавалась всеми западниками. Кавелин писал: «У нас почти нет людей, знающих русскую историю в связи, целости, тогда как много кандидатов и студентов, которые по частным вопросам заткнут за пояс иного профессора. Это

не прекратится до тех пор, пока мы не бросим пагубного предубеждения против систем и теорий»⁷²⁸.

Главным в таком подходе был метод аналогии, выявление практических задач истории для формирования цельного мышления человека. Грановский пытался придать своей науке жизненное, актуальное звучание, собственно, именно по этому на своих лекциях он прежде всего живописал переходные исторические периоды, периоды неустойчивого положения общества и государства, пытаясь показать на личных судьбах исторических героев, что движение в любую сторону – к цивилизации ли или к варварству, прогрессу или застою – зависит от конкретного человека и его убеждений. В годы своего преподавания в Московском университете Грановский оттачивал формы лекции для более выпуклой передачи этих идей немецкой философии истории Гегеля.

Сторонники Грановского ставили ему это в заслугу: «Люди добросовестной учености, – писал о круге Грановского Герцен, – ученики Гегеля, Ганса, Риттера и других, они слушали их именно в то время, когда остов диалектики стал обрастать мясом, когда наука перестала считать себя противоположностью жизни... Диалектическим настроением пробовали тогда решать исторические вопросы в современности; это было невозможно, но привело факты к более светлому сознанию. Наши профессора привезли с собою эти заветные мечты, горящую веру в науку и людей; они сохранили весь пыл юности, и кафедры для них были призваны благовестить истину; они являлись а аудиторию не цеховыми учеными, а миссионерами человеческой религии»⁷²⁹.

Противники видели большое количество проблем при таком построении лекций. Во-первых, они подвергали сомнению возможность при таком подходе дать необходимое для описания исторического процесса количество фактов, отмечали селективность, партийность и субъективность построения синтетической картины истории. В целом они считали преждевременным обобщение большого количества материалов без монографического изучения

⁷²⁸ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 1. С. 102, 105.

⁷²⁹ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 2. М., 1954. С. 246.

отдельных проблем. Более того, например, Погодин полагал, что вне схем во время систематического изложения исторического процесса, как это было у западников, останутся знаковые события для понимания какой-то определенной и еще существующей традиции, которой будет пожертвовано ради диалектического синтеза.

Широко известна оценка лекции Грановского из дневника Погодина: «Был на лекции у Грановского. Такая посредственность, что из рук вон плохо. Это не профессор, а немецкий студент, который начитался французских газет... А я считал его талантливее других»⁷³⁰.

Судя по всему, Погодину не нравилась ни манера («немецкий студент») чтения, ни язык Грановского («начитавшийся французских газет»). Погодин так же, как и Герцен, уловил, что это была «пропаганда историей», призыв воспользоваться историческим опытом для формирования идеологии общественного оптимизма, требование активных действий, формирование у студентов идеальных стремлений и целей, которые не были распространены в русском обществе.

Впрочем, это ощущали все слушатели Грановского. Студенты чувствовали, что лекции Грановского вместе с научной составляющей, а может вопреки ей, содержат какое-то послание, направленное к ним, только его надо было правильно понять. Как писал в 1849 г. поэт А.Н. Плещеев к петрашевцу С.Ф. Дурову: «Я всю неделю ходил к ним на лекции (имелись в виду профессор-западники Грановский и Кудрявцев; к профессорам этого же круга Плещеев отнесет и С.М. Соловьева – примеч. Д. Ц.) и попал очень счастливо, на интересные эпизоды, составляющие нечто цельное; я буду иметь, вероятно, их записки»⁷³¹. И почти сразу же Плещеев объяснял, за счет чего эта цельность достигается: «Грановский человек чрезвычайно живой, энергический, бойкий, вечно держащий оппозицию здешнему

⁷³⁰ Цит. по: Павленко Н.И. Указ. соч. С. 88.

⁷³¹ Из письма поэта А.Н. Плещеева к петрашевцу С.Ф. Дурову // Московский университет в воспоминаниях современников. 1755–1917. М., 1989. С. 281–282.

университетскому начальству, которое до того подло и гнусно, что трудно вообразить себе»⁷³².

Этот послание молодежи уловили и консерваторы. Митрополит Филарет попытался вразумить Грановского и вызвал его на беседу. Как вспоминал об этом событии Грановский в письме к Неверову. Архиерей то ли обвинил, то ли попросил объяснений у профессора: «О Вас говорят, что Вы вредный профессор, что Вы затемняете умы верных сынов государя нашего». «В Вашей деятельности есть что-то скрытное. Мне надо знать Ваши верования». Грановский был резок в ответе: «Я ему ответил, что до моих верований ему нет никакого дела и, возмущенный его наставлениями, – повернулся, чтобы уйти»⁷³³.

Описанная выше ситуация весьма характерна для теряющего свою конфессиональность европейского университета послереформационной эпохи, когда наметилось противостояние между профессорами, как сторонниками свободного поиска, и университетским начальством, которое всячески стремилось подстроить новые веяния под привычную им повседневность средневекового университета. Конфессиональное университетское начальство (а ректорами могли быть и епископы в католических университетах, и главы консисторий в протестантских княжествах) было обеспокоено тем, что отдельные профессора со своими частными богословскими мнениями могут разрушить целостность церковного предания, которое хранится только в полноте Церкви. Это вызывало недоверие к конфессиональному богословию со стороны многих гуманитариев новой формации и привело к требованию отказа от цензуры богословского факультета и равенства факультетов.

Показательно, что в России, где подобных процессов не происходило в силу институциональной слабости университетов и отсутствия религиозных войн, аналогичный конфликт, пусть и на личном уровне, все-таки произошел. За Филаретом стояла традиция московских духовных школ, которые вполне

⁷³² Из письма поэта А.Н. Плещеева к петрашевцу С.Ф. Дурову. С. 282.

⁷³³ Письмо Я.М. Неверову от 28 декабря 1849 г. // Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 391–392.

вписывались в европейскую систему конфессиональных университетов⁷³⁴. За Грановским – принцип свободы преподавания, который он усвоил в Берлинском университете, но истоки которого восходили к эпохе религиозных войн и были выстраданы историей немецких университетов XVII–XVIII вв.

3.4.4. История как наука и идея всеобщей истории

В 1851 г. Грановский прочел 4 публичные лекции. Это было возвращение к опыту прежних лет, когда в 1843–1844 гг. он читал публичные курсы по средним векам, а в 1845–1846 гг. – по сравнительной истории Англии и Франции.

При этом видно, что публичные лекции – это подведение итогов всем курсам, читавшимся Грановским в университете до того: по истории Древнего мира, Средним векам и Нового времени. В публичном курсе Грановский, видимо, применил свойственный для себя подход, он персонализировал различные эпохи в жизни человечества, сделав их маркерами великих личностей – крупнейших представителей эпохи: Тамерлана, Александра Македонского, Людовика IX Святого и Бэкона.

Вопрос о великих личностях возвращал Грановского в те проблемы, которые волновали его в эпоху становления, тот есть к спору вокруг «Философии истории» Гегеля. По Гегелю великие личности были инструментом Провидения – этот урок Грановский хорошо усвоил. Одновременно романтизм как широкое художественное и эстетическое движение ставил вопрос о влиянии народа на исторический процесс, а начавший складываться позитивизм заставлял думать об объективной причинности исторических изменений и пренебрегал человеком в исторической драме. Грановскому надо было определиться, к какой модели исторической науки он более близок. Он делал четкий выбор: «Еще недавно поднимались голоса, отрицавшие необходимость великих людей в истории, утверждавшие, что роль их кончена, что народы сами, без их посредства, могут

---

⁷³⁴ Сухова Н. Ю. Святитель Филарет (Дроздов) и высшая духовная школа XIX в.: Новизна и традиция // Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный. М., 2007. С. 345–379.

исполнять свое историческое назначение. [Это] Все равно сказать бы, что одна из сил, действующих в природе, утратила свое назначение, что один из органов человеческого тела теперь стал не нужен. Такое воззрение на историю возможно только при самом легком и поверхностном на нее взгляде. Но тот, для кого она является не мертвою буквою, кто привык прислушиваться к ее таинственному росту, видит в великих людях избранников Провидения, призванных на землю совершить то, что лежит в потребностях данной эпохи, в верованиях и желаниях данного времени, данного народа. Народ есть нечто собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должна для обнаружения себя претвориться в мысль и волю одного, одаренного особенно чутким нравственным слухом, особенно зорким умственным взглядом лица. Такие лица облачают в живое слово то, что до них таилось в народной думе, и обращают в видимый подвиг неясные стремления и желания своих соотечественников или современников. Но с приведенным мною прежде мнением соединяется другое, столь же неосновательное, по которому великие люди являются чем-то случайным, чем-то таким, без чего можно обойтись. Заметим по этому поводу, что великая роль случая допускается только в эпоху умственного и нравственного ослабления, когда человек перестает верить в законное движение событий, когда он теряет из виду божественную связь, охватывающую всю жизнь человечества»⁷³⁵. Далее следовала фактически программа для создания биографических произведений, предназначенная историкам, и ясный нравственный урок для слушающих лекции: «При изучении каждого великого человека мы должны обратить внимание на личность его, на почву, на которой он вырос, на время, в которое он действовал. Из этого тройного элемента слагается его жизнь и деятельность. Задача трудная, решение которой предоставлено, если можно так выразиться, особенной исторической психологии, имеющей целью устранить временные и местные влияния, видоизменяющие частные свойства лица. При внимательном созерцании великих личностей, они являются нам

---

⁷³⁵ Грановский Т.Н. Исторические характеристики. М., 2013. С. 37–38.

откровениями целого народа и целой эпохи»⁷³⁶. При этом с помощью своих лекций Грановский показывает, что смотреть эти великие люди могут в пустоту (Тамерлан), в слишком далекое будущее (Александр Македонский), в вечность (Людовик Святой) или ближайшее будущее (Бэкон), думать о разрушении, созидании, сохранении, техническом прогрессе; быть жестокими, хитрыми, милосердными, умными, непоколебимыми, негибкими, немощными, плутоватыми... Главное не в этом. Главное, что силой своей мысли и деятельностью великие исторические деятели выражают то, что присуще данному народу, данной эпохе, данной цивилизации. Они исповедывают свои убеждения и постепенно делают их реальностью. Великие личности истории – воспитатели от истории, с их помощью история преподает урок, становится всемирной историей.

В этом отношении Грановский избирает замечательных представителей разных эпох и очень своеобразно хронологически расставляет их в лекциях. Первая лекция посвящена Тамерлану, который хронологически действует в истории после Александра Македонского и Людовика Святого. Это неслучайно. Тамерлан для Грановского символ Востока, неподвижного, застывшего, не участвующего во всемирно-историческом процессе. Восток трудно характеризовать от первого лица, поскольку люди Востока загадочно молчат и делают свое дело. При этом Грановский чувствует в Востоке что-то мистическое. Он тонко подмечает в Тимуре художника и творца (в вопросах создания и управления армией)⁷³⁷, видит его интерес к науке. Он даже указывает на глубокою религиозность этого человека. Только открывается эта религиозность Тимура избранным – тем, кого этот человек считает равным себе. «Велик Господь, – говорит Тимур Баязиду, разгромленному им, но которого он уважает, – даровавший полмира мне, хромцу, и полмира тебе, больному; ты видишь, как мало в глазах Господа земное величие»⁷³⁸. Все же остальные, не получившие господню милость, должны страдать, их города должны быть стерты с лица земли, а дети

---

⁷³⁶ Там же. С. 39–40.

⁷³⁷ Там же. С. 47–48.

⁷³⁸ Там же. С. 48.

уничтожены. Единственное на что способны не имеющие божьего дара — испытывать страх и повиноваться. Это – Восток, смысл и логику существования которого Грановский также объясняет с помощью вольного перевода «Тайной истории монголов», донесшей до нас слова Чингисхана: «Счастливее всех на земле тот, кто гонит разбитых им неприятелей, грабит их добро, скачет на конях их, любуется слезами людей им близких и целует их жен и дочерей»⁷³⁹. При этом Тимур важен для Грановского, видимо, еще и потому, что это последний представитель Востока, предпринявший попытку распространить свою власть, а, следовательно, ценности Востока на весь мир. Более того, с точки зрения современных Грановскому историков, например, Гаммера⁷⁴⁰, Тимур – основатель особой цивилизации. Грановский от этого отрицается, оставляя Востоку, вслед за Гегелем, и, может быть, вопреки взглядам современных ему историков-востоковедов, место начального этапа, начального момента всеобщей истории, у которого нет будущего: «Все, что в состоянии сделать одна сила, было сделано Чингисом и Тимуром. Внешняя сила принадлежит к числу великих деятелей всеобщей истории, но деятельность ее ограничивается исполнением. Там, где она не соединена с плодотворными идеями, ее произведения непрочны и бесполезны»⁷⁴¹.

Идея и сила оказались соединены в деятельности Александра Македонского, который предпринял первую попытку слить Восток и Запад в единую цивилизацию, огромную по территории, что было характерно для Востока, но при этом идейную и спаянную нравственными основаниями, а не внешней силой, что подчеркивало ее западные основы. В принципе Грановский рассматривает Александра как выразителя панэллинской идеи, распространителя основ греческой цивилизации на весь мир. С точки зрения Грановского, это идея, которую воспевали греческие наемники, пришедшие из дальних походов, и

⁷³⁹ Там же. С. 43.

⁷⁴⁰ Гаммер-Пургшталь Йозеф фон (1744–1856), австрийский ученый-востоковед, дипломат, сотрудник австрийской миссии в Османской империи (1799–1807), президент Венской АН, автор *Geschichte des Osmanischen Reichs* в 10-ти томах (1827–1835).

⁷⁴¹ Грановский Т.Н. Исторические характеристики. М., 2013. С. 52.

греческие писатели, постепенно стала достоянием государственных умов. В этом смысле Александр – нелюбимый и подозреваемый сын своего отца – Филиппа Македонского, – действовал в том же направлении: он хотел весь мир, мир варваров, познакомить с греческим миром. Но, если Филипп был подстрекаем собственным честолюбием и распространял свою власть персидскими, восточными приемами, то Александр оказался более тонок. Он пытался соединить, синтезировать греческие и восточные начала. В этом стремлении Александра не понимали греки, стыдились македонцы, вряд ли сочувствовали многочисленные восточные народы, но Александр упорно шел своим путем. Он был первым создателем единой цивилизации, греко-восточной⁷⁴². Эта цивилизация ненадолго пережила своего создателя, но... Но Александр иначе, не по-восточному понимал идею государства: «Если бы могущество государств измерялось числом квадратных миль, которое они занимают, и количеством народонаселения, то конечно борьба с Персией могла бы показаться безумием; но Александр иначе понимал государство: он знал, что кроме внешних сил есть в нем другие – нравственные, которые в великих борьбах народов всегда берут перевес».⁷⁴³ История Македонского – это и есть, по Грановскому, воплощение именно этого процесса, первые шаги к созданию единой цивилизации, появление которой – смысл всемирно-исторического процесса, который изучает наука всеобщей истории. Македонский своей деятельностью повлиял и на Восток – «Оканемелые формы его жизни пришли в движение; лежавшие праздно в глубине народного сознания и неясные самим себе идеи, составлявшие отстой прежнего, остановившегося развития, поднялись наружу от прикосновения европейской мысли и сообщили этой мысли небывалое богатство и полноту. Без Александрии не было бы настоящей образованности»⁷⁴⁴. Восток не забыл Александра, о нем слагали легенды и песни. Но и Запад усвоил уроки Александра. Может быть, не

---

⁷⁴² См.: «Он призвал к себе знатных персов и объявил, что в его царстве не может быть различия между победителями и побежденными, что и те и другие должны слиться в одну народность, под сень одной высшей цивилизации». *Грановский Т.Н.* Исторические характеристики. М., 2013. С. 70.

⁷⁴³ Там же. С. 63.

⁷⁴⁴ Там же. С. 80.

совсем правильно, по-восточному. Запад после Александра желал подчинить себе Восток силой, а не личным подвигом, примером, примирением.

В третьей и четвертой лекции Грановский показывает, какие еще ценности, кроме силы военного подчинения, может предложить Запад Востоку, западная цивилизация – восточной.

В целом третья лекция Грановского – одна из наиболее продуманных, наиболее исторически точных. Впрочем, это и понятно. Именно в ней Грановский выступает как специалист, ведь он был медиевистом по-преимуществу, поскольку именно проблемам средневековой истории были посвящены его магистерская и докторская диссертации. В результате в лекции Грановский показывает, что значило Христианство с большой буквы для издерганной, разъединенной на части и агрессивной Европы и все еще несгибаемого Востока: «Отдельный человек и целое общество равно нуждается в порядке и законе; для них равно невыносимо безначалие в области несвязанных никаким единством явления. Такое единство пытались дать средневековому миру вожди его: император и папа. Поставленные развитием истории и глубоким осознанием нравственных потребностей своего времени во главе общественного мнения Западной Европы, наместники Св. Петра стремились к одной цели с преемниками Карла Великого....Если бы Европу XIII столетия могла привести к единству одна гениальная личность, то задача была бы скоро решена»⁷⁴⁵. Однако хитрый разум истории, Провидение, не дали такой гениальной личности из среды пап и императоров. Зато французский король Людовик IX сумел стать таковым. Его подвиг не был понятен материальному, приземленному, алчному обществу средневековья: «Ты не король, а монах, – сказала однажды Людовику женщина, получившая отказ на какую-то незаконную просьбу»⁷⁴⁶. Но сила личного подвига навсегда оставила образ Людовика и в памяти Церкви, и в памяти Франции, несмотря на то, что своих целей Людовик не добился и, наверное, по-человечески проиграл. Людовика победил Восток, именно там он терял свои войска, столкнулся с различными болезнями и пленом. Но

---

⁷⁴⁵ Там же. С. 89–90.

⁷⁴⁶ Там же. С. 99.

именно поражения делали личный опыт Людовика христианским подвигом. Интересен эпизод, приводимый Грановским, для создания образа монарха: «Вскоре после поражения крестоносцев мамелюки восстали на своего султана, убили его и с дикими воплями бросились к своим пленникам: Один из убийц показал Людовику вырванное у погибшего султана сердце и спросил его: «Что дашь ты мне за сердце врага твоего? Король молча отвернулся»⁷⁴⁷. Свое сердце он давно отдал Христу, а за чужими не гонялся.

Образ Людовика позволил Грановскому в конце лекции сказать поэтические слова, всегда цитируемые исследователями Грановского, как его теоретические размышления о прогрессе в истории, без точного указания, в какой ситуации они были произнесены: «Рассматривая с вершины настоящего погребальное шествие народов к великому кладбищу истории, нельзя не заметить на вождях этого шествия двух особенно резких типов, которые встречаются преимущественно на распутьях народной жизни, в так называемые переходные эпохи. Одним отмечены печатью гордой и самонадеянной силы. Эти люди смело идут вперед, не спотыкаясь на развалины прошедшего. Природа одаряет их особенно чутким слухом и зорким глазом, но нередко отказывает им в любви и поэзии. Сердце их не отзывается на грустные звуки былого. Зато за ними право победы, право исторического успеха. Большое право на личное сочувствие историка имеют другие деятели, в лице которых воплощается вся красота и достоинство отходящего времени. Они его лучшие представители и доблестные защитники. К числу таких принадлежит Людовик IX. Он был завершителем средневековой жизни, осуществлением ее чистейших идеалов. Но ни тем ни другим, ни поборником старых, ни водворителем новых начал не дано совершить их подвига во всей его чистоте и задуманной определенности. Из их совокупной деятельности Провидение слагает нежданный и неведомый им вывод. Счастлив тот, кто носит в себе благое убеждение и может заявить его внешним делом. На великих и на малых, незаметных простому глазу, деятелях истории лежит общее всем людям призвание трудиться в поте лица. Но они несут ответственность только за чистоту

---

⁷⁴⁷ Там же. С. 99.

намерений и усердие исполнения, а не за далекие последствия совершенного ими труда. Он ложится, в историю, как таинственное семя. Восход, богатство и время жатвы принадлежит Богу. Не будем же ставить в вину Лудовику IX его заблуждение. Думая поддержать феодальное государство, он влагал в него несродные ему начала и готовил великую монархию Лудовика XIV. Он не докончил своего личного дела и не видал его завершения, подобного тем средневековым зодчим, которые завещали новому времени недостроенные, полные чудной и таинственной красоты готические соборы»⁷⁴⁸ Последняя лекция Грановского была посвящена Бэкону и влиянию науки на создание новой цивилизации. Избирая тему, Грановский стремился показать, что наука, несмотря на личные качества людей, ее создающих, становится важнейшей силой всеобщей истории. Бэкон, судя по всему, покорила Грановского фразой: «Истинная цель всех наук состоит в наделении жизни человеческой новыми изобретениями и богатствами»⁷⁴⁹. Далее следовал то, ради чего Грановский и прочел лекции: «Наше дело увеличить эти сокровища достойными вкладами русской мысли и русского слова»⁷⁵⁰. Грановский должен был объяснить, что может дать всеобщая история для русского человека и ученого, и что может дать русский ученый всеобщей истории.

На следующий год в Татьянин день Грановский дал ответ на этот вопрос на торжественном акте, прочитав доклад «О современном состоянии и значении всеобщей истории».

Для начала он показал, что у истории как вида знания могут быть разные задачи, да и вообще занятие историей в разные времена приводили к разным результатам, исходя из мотивации изучающих историю. Греки требовали преимущественно поэтической, римляне – риторической истории⁷⁵¹. Не возвышаясь до созерцания общих судеб человечества, древние свели историю на степень эпизодического изложения и оставили в этой сфере великолепные

---

⁷⁴⁸ Там же. С. 106–107.

⁷⁴⁹ Там же. С. 128.

⁷⁵⁰ Там же. С. 130.

⁷⁵¹ Там же. С. 200.

памятники, которых недостижимая красота не должна служить укором новому историку, имеющему пред собою решение других более сложных вопросов⁷⁵².

Грановский же хотел рассмотреть именно традицию всеобщей истории во всем многообразии ее существования и влиянии на формирование современных методов научного знания: «У всех европейских народов заметно однообразное стремление собрать в одно целое все сохранившиеся свидетельства и предания о своей старине. Великие труды французских бенедиктинцев⁷⁵³ и отдельных ученых XVII и XVIII века бледнеют пред однородными предприятиями нашего века»⁷⁵⁴. В результате Грановский заверил своих слушателей о том, что он представитель всеобщей истории: «Можно без преувеличения сказать, что нет науки, которая не входила бы своими результатами в состав всеобщей истории, имеющей передать все видоизменения и влияния, каким подвергалась земная жизнь человечества. Но изнемогая с одной стороны под обременительным богатством материалов, которых одолеть вполне не в силах никакое трудолюбие, историк часто поставлен с другой стороны в необходимость заменять собственными предположениями и догадками совершенное отсутствие письменных свидетельств. Ясно, что при настоящем состоянии истории, она должна отказаться от притязаний на художественную оконченность формы, возможной только при строгой определенности содержания, и стремиться к другой цели, т.е. к приведению разнородных стихий своих под одно единство науки»⁷⁵⁵.

В выступлении московский профессор и рассмотрел наиболее влиятельные тенденции и традиции, ведущей к истории как новому виду знанию. Среди историков Грановский выделял тех, кто формировал традиции критического изучения источников: речь шла о Б.Г. Нибуре и Л. фон Ранке. Они дали возможность получать новое знание из исторических источников. Среди других ученых Грановский обратил внимание на антропологов и этнографов, которые

---

⁷⁵² Там же. С. 202.

⁷⁵³ Бенедиктинцы – члены католического монашеского Ордена святого Бенедикта (*Ordo sancti Benedicti*), основанного около 530 г. в Монтекассино итальянским отшельником Бенедиктом Нурсийским (*Benedetto di Norcia*, ок. 480–547).

⁷⁵⁴ Там же. С. 202–203

⁷⁵⁵ Там же. С. 203–204.

отмечали влияние народностей на ход всемирной истории. Наконец, вспомнив К. Риттера, Грановский говорил о необходимости изучения влияния географической среды на исторический процесс, отмечая при этом, что хотя формально это влияние уже заметно в современных исторических исследованиях, но методика и методология таких исследований еще не разработана: «Вошедший теперь в употребление обычай снабжать исторические сочинения географическими введениями, заключающими в себе характеристику театра событий, показывает только, что значение и успехи сравнительного землеведения обратили на себя внимание историков и заставили их изменить несколько форму своих произведений. Самое содержание немного выиграло от этого нововведения. Географические обзоры, о которых мы упомянули, редко соединены органически с дальнейшим изложением. Предпослав труду своему беглый очерк описываемой страны и ее произведений, историк с спокойною совестью переходит к другим более знакомым ему, предметам и думает что вполне удовлетворил современным требованиям науки. Как будто действие природы на человека не есть постоянное, как будто оно не видоизменяется с каждым великим шагом его на пути образованности»⁷⁵⁶. При этом Грановский не согласен ни с Монтескье, ни с Нибуром, которые хотели всю причинность в истории связать с природой без человека.

К чему же призывает Грановский? Прежде всего, он считает, что история должна занять особое место в содружестве современных наук, а не занимать подчиненное положение, как это было раньше. Для этого, «история, по необходимости, должна выступить из круга наук филолого-юридических, в котором она так долго была заключена, на обширное поприще естественных наук». Это означает, что прежде всего историки должны отказаться от «слова Квителияна «*scribitur ad narrandum non ad probandum*»⁷⁵⁷, служащих эпитафией к известному

---

⁷⁵⁶ Там же. С. 209–210.

⁷⁵⁷ «*Scribitur ad narrandum non ad probandum*» (лат.). «Пишут, чтобы рассказать о чём-нибудь, а не в надежде на похвалу».

сочинению Баранта⁷⁵⁸ о герцогах Бургундских» и искать, по выражению Грановского, «точный метод». Его Грановский объясняет следующим образом: «Новый метод должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии»⁷⁵⁹. В этом Грановский сближает историю как науку с науками точными,⁷⁶⁰ ведь цель исторических занятий лучшее понимание причинности всемирно-исторических изменений, то есть всеобщей истории. Однако Грановский видит и специфику исторических знаний: «Отказываясь от притязаний на то совершенство формы, которое у народов классического мира было следствием исключительных, не существующих более условий, современный нам историк не может, однако отказаться от законной потребности нравственного влияния на своих читателей»⁷⁶¹. И продолжает: «Вопрос о том, какого рода должно быть это влияние, тесно связан с вопросом о пользе Истории вообще. Ответ на последний представляет большие трудности, потому что История не принадлежит к числу теоретических знаний, имеющих задачей привести в ясность лежащие в глубине нашего духа истины, ни к прикладным, которых польза не требует доказательств. Очевидно, что практическое значение Истории у древних, основанное на возможности непосредственного применения ее уроков к жизни, не может иметь места при сложном организме новых обществ. К тому же однообразная игра страстей и заблуждений, искажающих судьбу народов, привела многих к заключению что исторические опыты проходят бесплодно, не оставляя поучительного следа в памяти человеческой. Высказав эту мысль, как безусловную истину, Гегель вызвал против нее много не лишенных справедливости возражений. Конечно, ни народы, ни их вожди не поверяют поступков своих с учебниками всеобщей Истории и не

---

⁷⁵⁸ Барант – Брюжьер (Brugière) Амабль-Гильом-Проспер (1782–1866), французский общественный и политический деятель, дипломат, историк, прозаик, публицист, переводчик, барон де Барант (Barante), член Государственного совета (1815), главный сборщик податей (1818), пэр Франции (1819), член Французской академии (1828), посол в Турине (1830) и Петербурге (1835), автор тринадцатитомного исследования о герцогах Бургундских («Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois», 1824–1826).

⁷⁵⁹ Там же. С. 223.

⁷⁶⁰ Само это указание очень часто интерпретируется как влияние на Грановского позитивизма.

⁷⁶¹ Там же. С. 223.

ищут в ней примеров и указаний для своей деятельности. Тем не менее, нельзя отрицать в самых массах известного исторического смысла, более или менее развитого на основании сохранившихся преданий о прошедшем. В лицах стоящих во главе государственного управления, этот смысл переходит, по необходимости в отчетливое сознание отношений, существующих между прежним и новым порядком вещей. Надобно с другой стороны признаться, что всеобщая История в том виде, в каком она обыкновенно излагается, не в состоянии сильно действовать на общественное мнение и быть для него источником прочного назидания. Следует ли из этого заключать, что недостатки, нами отчасти указанные, останутся ее всегдашнею принадлежностью, что ее успехи будут состоять только во внешнем накоплении фактов и что из всех наук одна она утратила способность живого движения и органического развития?»⁷⁶²

Отвечая на вопросы, поставленные перед современной историей, Грановский представляется оптимистом. Истории как науке, по его мнению, «предстоит совершить для мира нравственных явлений тот же подвиг, какой совершен естествоведением в принадлежащей ему области»⁷⁶³.

Свою задачу, так же как и задачу русских историков, Грановский видит в создании таких трудов, которые, будучи построены на новом методе, давали бы научную перспективу для общественной пользы.

Сам он чуть позднее принялся за написание учебника по всеобщей истории. Он чувствовал большое будущее русской науки, ощущая связь поколений историков: «Превосходные труды, совершенные в течение текущего столетия русскими учеными на поприще отечественной истории, служат надежною порукою за их успехи на более обширном поле всеобщей Истории. Особенные условия, в которых Провидению угодно было поставить нашу родину, должны оказать могущественное содействие к осуществлению высказанной нами надежды. Ясный от природы и неспутанный влиянием сложного, составившегося из борьбы враждебных общественных стихий исторического развития, ум русского человека

---

⁷⁶² Там же. С. 223–225.

⁷⁶³ Там же. С. 225.

приступит без задних мыслей к разбору преданий, с которыми более или менее связано личное дело каждого европейца. Я говорю в этом случае не о том позорном и недостойном историка беспристрастии, в котором видно только отсутствие участия к предмету рассказа, а о свободном от всяких предубеждений воззрении на спорные исторические вопросы Тревоги... отразились в понятиях тамошних народов и трудах историков, утративших веру в идею, заменивших ее нечестивым поклонением факту. Скептицизм, отличительный признак стареющих, усталых обществ, не коснулся нас. Мы сохранили свежесть сердца и теплоту понимания, без которых нет великих подвигов ни в сфере мысли, ни в сфере действительности. Да не пройдут же бесплодно досуги, дарованные нам благим Провидением. Сорок веков смотрят на нас с вершин пирамид⁷⁶⁴, сказал в Египте Наполеон своим солдатам. Мы также юные ратники на ветхой почве истории; с вершин прошедшего на нас также смотрят столетия, но смеем думать, что мы прочтем в их очах не то, что прочли в них воины французской республики»⁷⁶⁵.

Актовая речь Грановского стала бы неплохим праздничным выступлением на праздновании 100-летнего юбилея Московского университета. Не случилось. Юбилей стал праздником не профессорско-студенческого единства, а официозом. Грановский мягко на это намекнул в письме к друзьям: «Юбилей университета отпразднован великолепно, хотя распоряжения университетского начальства были не совсем удовлетворительны. Множество съехавшихся с разных концов России бывших студентов университета не нашли места и праздновали день юбилея по трактирам. Из одного Петербурга было человек 300 и даже более, – 198 депутатий от высших учебных заведений русских»⁷⁶⁶. Впрочем, это усилило паломничество студентов на квартиру самого Грановского, что дало ему сказать: «Вся ученая и учебная Россия принимала участие в празднике и тепло выразила сочувствие к нам. Кавелин провел у меня целую неделю. Он все тот же. Крепко жмет вам руки. Дни

⁷⁶⁴ Слова «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас сегодня с высоты этих пирамид!» были произнесены Наполеоном Бонапартом 20 июля 1798 г. перед началом битвы с мамелюками недалеко от селения Эмбабе в Египте.

⁷⁶⁵ Там же. С. 228–289.

⁷⁶⁶ Тимофей Николаевич Грановский. С. 421.

наши были заняты торжествами, ночью мы беседовали, а всего не переговорили». ⁷⁶⁷ Впереди были надежды на будущее. Грановский стал деканом историко-филологического факультета.

На первой лекции в сентябре 1855 г. он очень ярко прочел лекцию о философии истории Гердера. Студенты, как и всегда, с надеждой ждали следующего выступления на кафедре. Но 4 октября Грановского не стало. Студенты принесли его тело в университетскую церковь. До выноса тела из храма святой Татианы они не прекращали чтения Псалтыри. Затем на руках понесли гроб пешком до Пятницкого кладбища. Процессия шла по Моховой–Сретенке–Мещанской слободе. Прохожие интересовались: кого несут. И, если среди спрашивающих оказывались студенты университета или слушавшие его публичные лекции, то они молча присоединялись к процессии. Провожающих насчитали несколько сотен (численность студентов в университете в 1848 г. была ограничена 300-ми на всех факультетах). Впрочем, организовавших похороны студентов вызвал попечитель и стал попрекать за то, что они повесили лавровый венок на гроб учителя ⁷⁶⁸. Но это уже была традиция почитания Грановского как ученого, учителя, профессора.

Итак, Грановский стоит у истоков нового отношения к лекциям, которые профессор использует для того, чтобы привлечь к себе внимание студентов, заострить их внимание на спорных актуальных проблемах и с помощью аналогии провести мосты между прошлым и современностью. ⁷⁶⁹ Рождается тип профессора-артиста, как зло скажет о Грановском Григорьев. Вместе с Грановским появляются аплодисменты на лекциях, всяческое высказывание своей заинтересованностью ученым.

Кроме того, Грановский формирует тесные контакты профессоров и студентов внутри университетского пространства. Грановский делает частью университетского пространства свою повседневность, открывает для

---

⁷⁶⁷ Там же. С. 421.

⁷⁶⁸ *Герье В.М.* Мои воспоминания // Terra Europa: Интеллектуальное пространство Московских историков второй половины в. М., 2014. С. 185.

⁷⁶⁹ См.: *Левандовский А.А.* Т.Н. Грановский. С. 37–88.

профессионального общения свой дом и предоставляет для пользования свою библиотеку и книги.

При этом в отличие от своих русских предшественников Грановский не создавал пансионы для подготовки к поступлению в университет молодых людей, решая прагматические задачи увеличения собственного заработка, а, наоборот, бесплатно пытался привлечь к себе тех, кто искал новых начал науки, служил студентам, некоторые из которых бесплатно проживали у него на дому. При этом учил Грановский не техническим навыкам и специальной работе историка, а, прежде всего, самоотверженному служению науке, как в свое время учил его Вердер. Грановский боролся за распространение среди студентов своего понимания науки и профессорского служения.

Благодаря установкам и реальной деятельности Грановского была создана особая общность внутри профессорской корпорации университета, созданы комфортные условия для занятий наукой, благодаря распространению новой системы ценностей и особой культуры профессионального общения. Создание подобной профессиональной среды было, по крайней мере, третьей подобной попыткой в Московском университете за всю историю его существования. Первую предпринимали иностранные ученые на русской службе рубежа XVIII–XIX вв., однако их субкультура была закрыта для русского общества и не оказалась адаптирована к русским реалиям. Еще один тип профессиональной среды в Московском университете господствовал в 1810-е гг., когда ведущую роль в университете играли профессора выходцы из духовного звания. Они тепло общались друг с другом, пытались поддерживать друг друга в карьерных начинаниях. Однако их тип общения был не профессиональным, а сословным и не создавал возможности приобщения к этой культуре студентов университета, которые были выходцами из дворянского звания. Наконец, Грановским и его окружением была создана профессиональная общность ученых, которая оказалась востребованной в русской культуре, поскольку она была открыта для желающих присоединиться к ней. Более того, профессора рекрутировали в нее студентов, а

нормы и идеалы этой среды – и это, возможно, самое главное – воспроизводились следующими поколениями русских университетских деятелей.

3.5. П.Н. Кудрявцев как профессор Московского университета

Начало академической карьеры П.Н. Кудрявцева связано с выходом Петра Николаевича из духовного сословия, что стало неожиданным для его семьи. Все родственники Кудрявцева и по отцовской и по материнской линии были священниками. Отец – Николай Семенович, выпускник Московской греко-латинской академии, женившись в 1814 г. на Екатерине Ивановне Поповой, также дочери священника, вероятнее всего, настоятеля Покровского храма на Лыщиковой горе (впоследствии он после принятия в монашестве имени Иосиф будет архимандритом Ново-Голутвинского монастыря в Коломне), стал клириком этого прихода⁷⁷⁰.

Дед и отец гордились Петром, которые делал успехи во время обучения в семинарии (1828–1836). Как правило, Кудрявцев был одним из первых учеников по греческому и новым языкам (часто находился на первом месте в списке, в старших классах преподавал греческий для младших), неплохо занимался историей (четвертый в списке в один из годов обучения). В семинарии благодаря деятельности Ф. Голубинского уделялось пристальное внимание современной российской словесности, неплохо изучалась новейшая немецкая философия. Самостоятельно Петр читал Вальтер Скотта, Монтолье, Генриха Цшокке⁷⁷¹. В записных книжках, которые вел семинарист, он очень подробно следил за известиями в «Московских ведомостях» о польском восстании 1830–1831 гг., подробно перечислял все службы митрополита Филарета в московских храмах⁷⁷². Кудрявцев был весьма патриотичен и укоренен в русском быте⁷⁷³. Единственное,

⁷⁷⁰ *Копосов П.П.* Письма Петра Николаевича Кудрявцева из-за границы (1845–1847 гг.) // Русская мысль. 1898. №1. С. 1–29.

⁷⁷¹ ОРК НБ МГУ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 5. Детский дневник. Тетрадь 2. Благодарю С. Бузуланову, которая в своей бакалаврской работе по этой теме познакомила меня со своими выводами.

⁷⁷² Там же. Л. 50, 52 об.

⁷⁷³ Там же. Л. 7. об.–8.

что выделяло его на фоне сверстников – задумчивость и стремление ни с кем не сближаться. Часто исследователи биографии Кудрявцева связывают этот факт с ранней смертью матери (1824 г.) и тем, что товариществу Кудрявцев предпочел воспитание своих сестер: Елизаветы (1820 г. р.) и Ольги (1822 г.).

Кудрявцев занимался с сестрами чтением книг, настоял на том, чтобы отец купил им фортепиано и пригласил в дом учительницу музыки. Во многом молодой Петр Николаевич при вечно занятом судьбами собственных прихожан отцом, которого друзья называли «монахом» за тот стиль жизни, который он вел, во многом посвящал себе сестрам. При любви к отцу, которую он пронес через всю жизнь, Петр Николаевич мог считать, что отец мало участвует в воспитании и жизни детей. Непонимание отцов и детей станет одной из тем художественных произведений Кудрявцева. Между тем формирование самосознания, развитие нравственного чувства, с точки зрения молодого Кудрявцева, было главной задачей воспитателя. Не очень понятно, следовал ли у Кудрявцева за этим вывод, что при многих положительных чертах духовное сословие утратило значение передового элемента в воспитании русского общества, как будет считать, например, С.М. Соловьев.

Один из первых биографов Кудрявцева – его племянник П.П. Копосов, также выходец из духовного сословия, склонен был делать подобный вывод: «К концу семинарского курса у него складываются убеждения, независимые от влияния той среды, в которой он воспитывался, проявляется твердый характер и склонность к литературному творчеству... Он давно мечтал об университете»⁷⁷⁴. Однако, по большому счету, мотивация Кудрявцева при выходе из духовного сословия остается не проясненной.

Петр Николаевич попросил у отца благословение на поступление в университет в 1836 г. Тот начал консультации с дедом, который первоначально был против такого шага. Однако личное письмо Петра в Ново-Голутвинский монастырь решило дело. В ответном письме архимандрит Иосиф писал: «Любезный внук, Петр Николаевич! Я получил 3 июня письмо твое, в котором

⁷⁷⁴ Копосов П.П. Указ. соч. // Русская мысль. 1898. № 1. С. 8.

объясняешься в наклонности твоей к перемене звания с тем, чтобы поступить в Московский университет и на сие испрашиваешь от меня благословения (благодарю за учтивость, достойную добронравного внука). Уступая порыву твоему к дальнейшему просвещению, я не могу отклонять тебя от твоего намерения; только за нужное почитаю напомнить то, что рождение твое в духовном звании, воспитание и образование в духовной семинарии изготовило тебя, кажется, ближе всего остаться в духовном звании, которое хотя по духу мира не высоко, но по духу церкви почтенно, покойно и спасительно. Называешь университет пристанью себе после окончания семинарских наук; а мне представляется, что ты от пристани пускаешься в океан, где многие претерпели крушение – не собственно от наук, а от злоупотребления оных и худого товарищества. Не нравится тебе товарищество соучеников, имеющих поступить в Московскую академию, неопытность тамошних профессоров: да и в университетах первого избежать не можешь. Узнают, что ты проживаешь в отеческом доме во всем удовольствии, и невольно должен будешь принимать не только добронравных, но и таких, которые под личиной товарищеской дружбы могут вредить доброй твоей нравственности разными ухищрениями. Впрочем, если не из виду любочестия и не из уничижения духовного звания, а прямо из ревности к любознанию и потому, что чувствуешь недостаток сил, потребных к обязанностям духовным, имеешь ты непреодолимое влечение поступить в Московский университет, то я с своей стороны отказать твоему благому намерению почитаю за грех. А потому, с родительского благословения, с Богом! Решайся на многотруднейшие подвиги. Я надеюсь, что ты, окончив семинарский курс наук благоуспешно с доброю нравственностью, не изменишь сладкой надежде нашей увидеть тебя благонравным, благоуспешным, а потому счастливым и в святилище университетских наук. С сим-то вожделенным упованием посылаю тебе, любезный внук, в напутствие намерения твоего, мир и благословение мое. Любящий тебя Ново-Голутвинский архимандрит Иосиф»⁷⁷⁵.

---

⁷⁷⁵ *Копосов П.П.* Указ. соч. // Русская мысль. 1898. № 1. С. 4–5.

1 августа 1836 г. Кудрявцев был зачислен студентом Московского университета⁷⁷⁶. Как правило, исследователи отмечают влияние, оказанное на Кудрявцева во время обучения в университете Д.Л. Крюковым и Т.Н. Грановским. Однако с этим вряд ли можно согласиться. Во-первых, на младших курсах Кудрявцев участвовал в издании «Чтений о словесности» И.И. Давыдова, следовательно, был ориентирован на профессоров-филологов. Следовательно, из историков Кудрявцев до третьего курса слушал только М.П. Погодина, который читал в это время русскую и всеобщую историю. При этом ярких впечатлений о Погодине у Кудрявцева не осталось. Во-вторых, Кудрявцев уже в последний год обучения в семинарии пробовал себя как литератор, направляя свои художественные произведения в «Телескоп», издаваемый Н.И. Надеждиным, хотя для издателя он не раскрыл своего псевдонима и отказался знакомиться с ним, чтобы скрыть свою личность (в год дебюта Кудрявцева в «Телескопе» журнал был закрыт). Наконец, благодаря знакомству с В.Г. Белинским, который первый узнал, кто скрывается за псевдонимом А.Н. (Александр Нестроев), Кудрявцев стал сотрудником новой редакции журнала «Московский наблюдатель»⁷⁷⁷. После отъезда Белинского в Петербург (1839 г.) Петр Николаевич начал обозревать без указания собственного имени литературные новинки, выходящие в Москве, для журнала «Отечественные записки»⁷⁷⁸.

В целом, будучи студентом, Кудрявцев, хорошо сдавая необходимые предметы курса, вращался в основном среди московских литераторов и благодаря Белинскому попал в кружок когда-то созданный Станкевичем. А.Н. Пыпин называл это объединение литераторов конца 1830-х гг. до возвращения Грановского кружком Станкевича «во втором составе» (М. А. Бакунин, В.П. Боткин, Н.Х. Кетчер, М.Н. Катков)⁷⁷⁹. 19 апреля 1839 г. Белинский писал, находящемуся за границей Н.В. Станкевичу: «Из новых меня особенно интересует

⁷⁷⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 5 Д. 112. Список признанных способными к слушанию профессорских лекций в императорском Московском университете в 1836 г.

⁷⁷⁷ Письма В.Г. Белинского к П.Н. Кудрявцеву // *Белинский В.Г. Избранные письма*. Т. 2. М., 1955. С. 73–74, 162–164, 279–280, 362.

⁷⁷⁸ Эту работу Кудрявцев вел с А.Д. Галаховым, ставшим его другом.

⁷⁷⁹ *Пыпин А.Н. Белинский, его жизнь и переписка*. СПб., 1908. С. 98.

Кудрявцев, и я с ним все более и более схожусь. Это автор «Катеньки Пылаевой», который теперь уже автор нескольких превосходных повестей, обличающих в нем глубокую художественную натуру»⁷⁸⁰. Кудрявцева и Белинского в это время связывала совместное чтение литературной классики. Вместе они изучали Гомера, Шекспира и Пушкина. Оба молодых человека ратовали за бессознательность творчества, беспристрастность в изображении жизни, считая, что истина там, где настоящая поэзия (от этой эстетики Белинский постепенно будет дрейфовать в сторону «социальности» творчества)⁷⁸¹. Как следствие, Белинский и Кудрявцев предпочитали Шекспира Шиллеру. Ведь первый «постиг и ад, и землю, и небо... У него нет, как у Шиллера, любимых идей, любимых героев»⁷⁸². Поэтому после появления Грановского Белинский стал ему в оппозицию, сообщая об этом Станкевичу: «Что за суждения об искусстве, что за вкус! Уланд выше Гейне, Шиллер... – но погоди, за Шиллера я задам ему и вытаскую вместе с тобой»⁷⁸³. Свою позицию Белинский провозгласил публично: «Для Шекспира нет ни добра, ни зла, для него существует только жизнь, которую он спокойно созерцает и сознает в своих созданиях, ничем не увлекаясь, ничему не отдавая преимущества»⁷⁸⁴. А Станкевичу он пояснял: «Ведь есть же люди, которые о «Цыганах» отзываются еще с уважением и в мелких стихотворениях Пушкина видят не больше как легонькие стишки. Но потому-то они тяжелы для уразумения, что слишком легки... простота содержания при художественной форме – камень преткновения для многих, и потому-то для Грановского Уланд выше Гейне, а для наших московских Грановских Жуковский выше Пушкина»⁷⁸⁵.

Кудрявцева в кружке ценили за самостоятельность суждений. «Если ему что не нравится, он молчит, не улыбаясь, и, что хочешь делай, спорить не станет»⁷⁸⁶.

⁷⁸⁰ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. М., 1953–1959. Т. 11. Письма. М., 1956. С. 336

⁷⁸¹ Бутовская А. Б. Литературная деятельность П.Н. Кудрявцева: монография // ОРК НБ МГУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 30.

⁷⁸² Белинский В.Г. ПСС. Т. 11. С. 32.

⁷⁸³ Там же. С. 378. Бутовская А.Б. Указ. соч. Л. 69.

⁷⁸⁴ Белинский В.Г. ПСС. Т. 2. С. 256.

⁷⁸⁵ Там же. Т. 11. С. 378.

⁷⁸⁶ Там же. С. 381–382.

Кудрявцев был одним из первых членов кружка, кто подорвал авторитет К.К. Павловой, о которой первоначально очень высоко отзывался и Грановский. «К. Аксаков наврал нам о божественных переводах К.К. Павловой – и вот мы развопились... Славный стих, славные переводы – только перечесть их нет силы. Молодец Кудрявцев! Как на распевал я ему на разные голоса эти дивные переводы, он ничего в них не видел»⁷⁸⁷. В результате и суждения, и рецензии Кудрявцева стали высоко ценить: «Рецензии его прекрасны, я их не начитаюсь, а Краевский не ухвалится ими. Проси его писать, писать, писать»⁷⁸⁸.

Самым цельным литературным произведением Кудрявцева эпохи его студенчества стала повесть «Флейта». В рассказе описано неосознанное, нарождающееся чувство любви подростка. Друзья видели в этом произведении мотивы из И. Гёте. Главным в произведении была атмосфера, настроение: ощущение любви, наслаждение природой и искусством. По мнению исследовательницы литературного творчества Кудрявцева – А.Б. Бутовской – в произведении установился тип героя в прозе Кудрявцева – «сентиментальный мечтатель, эмоциональная и впечатлительная натура с утонченной восприимчивостью к красоте, природе, искусству, с пристальным вниманием к своему внутреннему миру»⁷⁸⁹.

Некоторым литераторам казалось, что за этой маской скрывается сам Петр Николаевич. Его пытались пародировать. Как указывал А. Галахов, «один из повествователей «среднего разряда» изобразил Кудрявцева в рассказе и отправил Белинскому для отзыва. «Вы напрасно, мой милый, воображаете, что личность Кудрявцева может быть легким сюжетом для психического анализа: ее надобно узнать да узнать, а это не скоро дается», – отвечал Белинский автору»⁷⁹⁰.

Сложным остается вопрос о том, когда Кудрявцев заинтересовался историей, хотя в целом понятно, что именно задача изучения человека заставила Кудрявцева

---

⁷⁸⁷ Там же. С. 508.

⁷⁸⁸ Там же. С. 507.

⁷⁸⁹ *Бутовская А.Б.* Указ соч. Л. 58.

⁷⁹⁰ Галахов А. «Сороковые годы». Воспоминания // Исторический вестник. 1892. Т. 47. Ч. 1. С. 148.

прийти к исторической проблематике. После 1842 г. Кудрявцев так объяснял свои занятия этой наукой. История – это синтетическое знание, не отвлеченная, а жизненная философия, наука наук: «История излагает жизнь человечества не с одной только лицевой стороны, но во всех возможных отношениях, не того человечества, как оно иногда кажется или каким бы мы хотели его видеть, но каким оно действительно было. Тут нет ни воздушных замков, ни высокопарных мечтаний, ни мнимого знания того, чего нельзя знать, ни косых взглядов, ни лжи, ни самообольщения: тут есть только, что есть, тут есть истина – то, чего с таким усилием ищем мы целую жизнь... Никогда не будете вы знать человека, когда не будете иметь понятия о человечестве, а человечество знает только история: она только знает, что человечество в силах сделать и что превышает его силы... Кто не научился еще разбирать, хотя по складам, те великие и священные иероглифы, которые пишет история, тот никогда не может сказать о себе, чтобы он был свободен от предрассудков... Но мы знаем единственно себя, смотрим единственно с своих высот, мы владеем только частью истины. Но часть истины есть у всякого народа. Где же взять общую меру? Ее может дать только история, потому что она только скажет нам все, что есть, т.е. всю истину... Таков этот коран, из которого учусь я искусству – отличаю предрассудок от истины и, если можно, побеждать его в себе. Надобно только приобрести сначала доверие к истории, а потом веру в историю»⁷⁹¹.

Понятно, что с этими идеями Кудрявцев ознакомился в круге Станкевича. Весь вопрос в том, кто именно привел Кудрявцева к истории, как именно складывались взаимоотношения Кудрявцева и Грановского, которых современники всегда ставили рядом друг с другом. Правда, ответ на этот вопрос в силу отсутствия источников дать затруднительно. К моменту окончания университета Кудрявцев дал обещание Грановскому, что он будет писать кандидатское сочинение по истории и готовиться к магистерским экзаменам. В

---

⁷⁹¹ *Галахов А.Д.* Петр Николаевич Кудрявцев в 1842–1845 гг. // Русская старина. 1885. Т. XLV. № 1. С. 57–58.

свою очередь Грановский, обещал хлопотать об отправке Кудрявцева в заграничную стажировку перед С.Г. Строгановым.

Несмотря на занятость, с 1840 г. Кудрявцев преподавал в институте для обер-офицерских детей Воспитательного дома, куда ему помог устроиться А.Д. Галахов, а также продолжал сотрудничать с петербургскими журналами. В 1841 г. он сдал магистерские экзамены и готовил диссертацию.

Первая крупная историческая работа Кудрявцева была готова к лету 1844 г. Тему – «Папство и империя в IX, X, XI и начале XII столетия»⁷⁹² подобрал факультет, точнее – Грановский. Хронологически исследование охватывало период до Вормского конкордата (середина XIII столетия), когда идея папства «достигла своего предела» и «истощила все свое внутреннее содержание».

Кудрявцев выделял четыре «главных момента, для которых трудно назначить точные пределы времени, но которые легко отличить один от другого по характеру и направлению». *Первый момент* – «восстановление империи», когда папство вступает в тесный союз с новой империей на Западе и отделяется с нею от Востока». *Второй момент* – «псевдодекреталии», которые подчиняют папскому престолу все внутреннее управление Западной Церковью». *Третий момент* – «идеи Григория VII, который ... стремится освободить Церковь от всякого светского влияния ... и подчинить ей или папскому престолу власть императорскую». *Четвертый момент* – деятельность Иннокентия III, «при котором в возможной полноте осуществляется высочайший идеал папской власти». В работе раскрыты только первые три момента, поскольку, по мнению Кудрявцева, четвертый требует отдельного исследования.

Рецензентами диссертации выступили О. Бодянский, Т. Грановский, С. Шевырев, А. Чивилев, К. Гофман. Самые резкие замечания на тексте диссертации принадлежат Шевыреву, который считал спорными некоторые общие представления о Церкви Кудрявцева. Также профессор критиковал характеристику Петром Николаевичем константинопольского патриархата,

⁷⁹² Кудрявцев П.Н. Папство и империя в IX, X, XI и начале XII столетия // ОРК НБ МГУ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. Хр. 1.

оценки некоторых императоров и пап (например, Григория VII). В целом рецензента не устраивал «дух» диссертации. Борьбе пап и императоров Кудрявцев придавал всемирно-историческое значение, в то время как с точки зрения православного богословия отпадение Западной Церкви от Восточной было общецерковным бедствием, а идея непогрешимости папы, антисоборная в своей сущности, ересью.

Строганов в разговоре с Кудрявцевым сообщил, что его диссертация вызывает нарекания и просил взять диссертацию назад, не решенным оказался и вопрос о его заграничной стажировке. Правда, при этом от графа последовало неожиданное для Кудрявцева предложение – взять на себя преподавание русской истории после отставки Погодина⁷⁹³. Кудрявцев от всех предложений отказался. «Знаю я пути, которыми можно бы пройти скорее и безопаснее, но в душе слишком много гордости, чтобы склониться этот раз до низкого искательства. Пусть будет, что будет, я же останусь тем, чем был», – написал он в письме к близким людям⁷⁹⁴.

В 1845 г. Кудрявцев получил заграничную стажировку, в которой пребывал до середины 1847 г. В ходе поездки он ознакомился с преподаванием истории, философии и права в немецких университетах и совершил поездку по Италии, от которой получил неизгладимые впечатления.

Первый курс лекций в университете Кудрявцев прочел по древней истории в 1847 г. Как лектор Кудрявцев стремился не повторяться. Если даже тема курса была прежней, то он делал попытку взглянуть на тему с другой стороны. «Историческое прошедшее понимал он прежде всего сердцем. Каждая эпоха имела для него значение сама в себе, не только как логическая посылка, из которой необходимое заключение выводится нашею современностью»⁷⁹⁵.

В курсах Кудрявцева были разлиты общие идеи. Он много внимания уделял рождению наций, их борьбе за свободу. Судя по всему, ощущение весны Европы, накануне которой Кудрявцев посетил Старый Свет, давало себя знать. Кудрявцев,

⁷⁹³ Русская старина. 1885. Т. XLV. № 1. С. 57.

⁷⁹⁴ Русская старина. Т. XLV. № 1. С. 57.

⁷⁹⁵ *Ешевский С.В.* Петр Николаевич Кудрявцев, как преподаватель. Вступительная лекция // Русский вестник. 1858. Т. 13. С. 109.

влюбленный в Италию, чаял ее объединения, пристально следил за деятельностью Кавура.

Получение нацией свободы, по Кудрявцеву, длительный процесс, в ходе которого реализуются идея правды и прогресса. Изначально освобождение нации, приобретение самостоятельности подготавливается религиозным единением. Затем у нации появляются свои приоритеты, цели, что становится основой для ее политического и государственного единства. Без политического национального объединения невозможно, полагал Кудрявцев.

Часто властители забывают общенациональные интересы. Это может привести либо к гибели народа, или к его трагедии. Если нация здорова, в ней развито чувство патриотизма, любви к свободе, беспокойство за судьбы родины, ненависть к врагам, благородство, желание бороться за самостоятельность, то путь освобождения будет продолжен. Гибелью для нации будет ситуация, когда она не сможет выдвинуть настоящего лидера, поскольку узкословные, а не общечеловеческие идеалы не могут быть мотивацией деятельности национальных лидеров (эту проблематику Кудрявцев рассматривает на примере лидеров крестьянской войны в Германии).

Однако не общие идеи, а портреты исторических личностей были визитной карточкой Кудрявцева. Фактически он читал специальные курсы, в центре которых была личность, в жизни которой отражалась эпоха. «Любуясь произведением искусства мы восхищаемся прежде всего духом его автора», – замечал Кудрявцев. Любуясь исторической эпохой, Кудрявцев предлагал увидеть за ее духом живые судьбы. Наука для Кудрявцева не была гробокопательством, как выразился Ешевский. Он не был ботаником, создающим гербарий. В истории, как и в жизни, он любил живые цветы. С точки зрения Кудрявцева, история отдельного лица есть сжатая история народа. При этом живой человек, историческое лицо, становится само собой, лишь осознавая себя. Личность рождается из интеллекта, чувства долга и жизненных переживаний⁷⁹⁶.

---

⁷⁹⁶ См. *Бутовская А.Б.* Указ. соч. Л. 92.

Практически в основе всех курсов Кудрявцева была судьба той или иной исторической личности. Первый курс Кудрявцева в университете был посвящен падению языческого мира и первым начаткам «христианско-европейского общества». В центре курса оказались две личности – Юлиан Отступник с его бесплодной деятельностью и Блаженный Августин, долгий путь которого к христианству вызывал сочувствие Кудрявцева.

Одним из самых запоминающихся курсов Кудрявцева стал курс 1848 г. по истории Возрождения и Реформации. В центре курса оказалась история душевных страданий Лютера. Как вспоминал очевидец курса – Ешевский – это была «история мучительного перехода от полной веры к отрицанию того, перед чем еще так недавно падал он ниц с восторженным благоговением, когда раскрывал то невыносимое состояние духа, когда глубокое религиозное чувство, несколько не утратившее своей энергии, настойчиво требует себе удовлетворения, когда без возврата исчезли прежние верования, оставив по себе только едкую горечь утрат, и когда однако же для него нет еще успокоения в новых началах»⁷⁹⁷.

Курс посетил студент-медик Московского университета И.М. Сеченов. По воспоминаниям в будущем известного физиолога, под влиянием этого курса он решил заняться вопросам психологии личности⁷⁹⁸. Позже Кудрявцев в центр курсов ставил историю XIV–XV вв., историю новой Европы, историю художественных памятников древностей, ценителем которых он был⁷⁹⁹. Кудрявцев стал читать лекции по истории Востока в Московском университете (первый курс в 1855 г.). «Владея увлекательным даром изложения, огромною

⁷⁹⁷ *Ешевский С.В.* Петр Николаевич Кудрявцев как преподаватель. С. 107.

⁷⁹⁸ *Сеченов И.М.* Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М., 1907. С. 57.

⁷⁹⁹ «Кельнский собор – это застывшая музыка», – говорил Кудрявцев. «Он знал и живо помнил лучшие статуи в галереях Рима, музеи Неаполя и дворцах Флоренции, и любил передавать те впечатления, которые они произвели на него. Однажды, говоря о Диане, находящийся в Ватикане, он выразил сожаление, что у ней отбиты обе руки, но прибавил: «Она и без рук заставляет понять то, что чувствует. Стоит только обратить внимание на откинувшийся назад стан ее, на трепет всего его существа, так что кажется будто горячая кровь кипит в ее жилах, что художник изобразил ее в ту минуту, когда она увидела Эндимиона, когда, пораженная его красотой, она затрепетала от изумления и любви. Греки понимали любовь мгновенную, слепую, страстную вторгающуюся в сердце при одном взгляде. Вот ее-то и выразил художник, изваявший Диану». См. *Копосов П.П.* Указ. соч. С. 16.

памятью, он только в последнее время начал читать без записок. Прежние лекции он писал почти сполна, считая это необходимостью»⁸⁰⁰.

Защитив в 1851 г. магистерскую диссертацию, Кудрявцев был назначен экстраординарным профессором.

Кудрявцев был открыт для студентов. Ежеженедельно они могли приходить к нему для общения на любые исторические темы, пользоваться книгами его библиотеки. Профессор стремился помогать нуждающимся. Особо близки преподавателю были студенты С.В. Ешевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, Е.М. Феоктистов.

Е. Тур о вечерах Кудрявцева вспоминала так: «Трудно объяснить, в чем именно состояла прелесть вечеров у П.Н. Кудрявцева. Говорили обо всем: и о новой пьесе, и о политике, и об университетских делах, и о новой книге, и о книгах старых, но вечно новых, о Данте, Шекспире, Гете, об искусстве, в особенности о живописи и ваянии. У Кудрявцева все это имело особую прелесть и особенный характер. Было много задушевности, чего-то привлекательного и в высшей степени свободного»⁸⁰¹.

Долгое время Кудрявцев жил на одной квартире с П.М. Леонтьевым и разбитым параличом преподавателем греческого языка П.Д. Шестаковым, за которым ухаживала жена Кудрявцева. Одну из комнат, в той части дома, которая была за Леонтьевым, во время студенчества занимал Владимир Герье.

Сам Кудрявцев объяснял принципы, на которых объединял друзей: «Мой дом – дом небогатый. Обедов и вечеров я не даю. У меня нет ни состояния, ни громкого имени, ни положения, ни власти. У меня есть одно: мой дом честный! И я стою за мое право принимать в нем только честных людей»⁸⁰².

Одним из самых необычных посетителей вечеров Кудрявцева был старый семинарист Максимыч, которого описала Е. Тур. Максимыч был свидетелем пожара Москвы в 1812 г. Из всего допожарного имущества он сохранил только

⁸⁰⁰ Ешевский считал, что в результате исследователи найдут и опубликуют все курсы Кудрявцева. В настоящее время опубликован его большой курс по Реформации.

⁸⁰¹ Тур Е. Профессор П.Н. Кудрявцев. М., 1891. С. 14.

⁸⁰² Тур Е. Указ. соч. С. 39.

латинский лексикон, о котором очень любил рассказывать. Латинский лексикон – это единственное, что помнил об этом историческом событии старый семинарист, что вызывало улыбки у посетителей Кудрявцева. Максимыч частично потерял рассудок во время холеры в Москве 1830–1831 гг. На него набросилась толпа москвичей, когда он в одном из фонтанов промывал медицинские склянки – его посчитали отравителем. У Максимыча не было собственного дома, он был одним из московских юродивых. У Кудрявцевых он всегда появлялся с вопросом о том, где его чистая рубашка, которая всегда для него была припасена в доме Петра Николаевича. После Кудрявцевых многие из гостей зазывали Максимыча к себе. Он посещал людей только в том случае, если приглашавшие вежливо с ним общались во время чаепития у Кудрявцева. Соглашался ночевать Максимыч только у Кудрявцевых. После смерти Кудрявцева Максимыч поселился в доме его сестры. Когда через несколько недель после смерти Петра Николаевича Максимыч застал домочадцев за чаем, то был возмущен: «Чай пьете, а он-то умер». После этого его никто не видел⁸⁰³.

Соловьев считал, что Кудрявцев «был наставник в высоком искусстве забывать себя для других, погружаясь в интересы другого, уничтожать свою личность; другой подле него чувствовал, что живет двойною жизнью от этой близости, от этой теплоты участия; вспомним беседы Кудрявцева, в большом ли обществе, один ли на один: все внимание и слово отдано интересам другого или интересам общественным, ничего не оставлено для себя»⁸⁰⁴.

По взглядам Кудрявцев был гораздо более последовательным западником, чем Грановский. Русскую жизнь он считал медленно двигавшейся по пути правды и прогресса, нравственность и чувство достоинства русского человека он считал не развитым. Некоторым ученикам он заявлял, что изучение русской истории сбивает исследователя с истинного пути. Когда после 1848 г. поползли слухи, что университеты превратят в кадетские корпуса, а преподавателей оденут в прусские мундиры и выдадут им сабли – все это говорилось в шутовском тоне – Кудрявцев

⁸⁰³ Тур Е. Указ. соч. С. 40–47.

⁸⁰⁴ Русский вестник. 1858. Т. 13. С. 112.

серьезно заметил, что в таком случае он уйдет из университета: «Не из-за мундира, а из чувства собственного достоинства. В каске и сабле я буду шутом. Все равно, как если бы мне сказали, что я должен надеть колпак с погремушками и проехаться по Москве, – я бы не поехал. Поэтому я не надену и каски с саблей. Я ученый, профессор, и а не солдат»⁸⁰⁵.

Мечтой Кудрявцева была показать жене Варваре Нелидовой обожаемую им Италию. Но известное изречение Гёте об Италии «*Vedi Napoli e poi tuori*» в судьбе Кудрявцева преломилось буквально. Их совместная поездка, задуманная как часть образовательного путешествия для нескольких дружественных Кудрявцеву семей, стала трагедией для ученого, от которой он не оправился. Во Флоренции в марте 1857 г. скоропостижно скончалась его жена. Кудрявцев сумел доехать до России, начать курс лекций. Однако, по свидетельству современников, отпечаток смерти уже лежал на его челе. С братом поселилась его сестра, которая ухаживала за ним до его смерти. Смерть Кудрявцев принял как освобождение. По просьбе сестры накануне смерти он исповедался и причастился. Одни из последних его слов сестре: «Не горюй. Жизнь мне была в тягость. И, помолчав, прибавил: Еще из Италии меня ото всюду провожала смерть»⁸⁰⁶. Кудрявцев умер 18 января. 20 января состоялся перенос тела в университетскую церковь, на пути от дома Кудрявцева в Скатертном переулке в трескучий мороз были разбросаны живые цветы. Студенты в парадной форме, не останавливаясь, читали Псалтырь по усопшему. На руках, как ранее Грановского, от университетской церкви Кудрявцева отнесли на Даниловское кладбище. Похоронен он был 21 января. 22 января этого же года его ученик Степан Васильевич Ешевский прочел первую лекцию в университете как новый профессор. По инициативе Кудрявцева его выбрал Совет Московского университета сразу после смерти Грановского 4 октября 1855 г. Но министерство долго не утверждало Ешевского. Назначение последовало в самом конце 1857 г.

---

⁸⁰⁵ Тур Е. Указ. соч. С. 29.

⁸⁰⁶ Тур Е. Указ. соч. С. 70.

3.6. С.М. Соловьев как профессор Московского университета⁸⁰⁷

3.6.1. Общие подходы к изучению творчества С.М. Соловьева

В обширной историографии, посвященной Соловьеву, наверное, можно выделить две магистральные линии в изучения историка. Для представителей первой, которая начала формироваться благодаря детям и родственникам Соловьева, важнейшим текстом для понимания историка являются его воспоминания. Правильно истолковать их – получить ключ к личности Соловьева.

Первым выдержки из воспоминаний Соловьева опубликовал его сын Всеволод, сделав это в консервативном журнале «Русский вестник»⁸⁰⁸. Всеволод Сергеевич не стал излагать некоторые эпизоды «Записок»⁸⁰⁹, в которых рассказывалось о детстве и отрочестве будущего историка, а также давались весьма нелицеприятные характеристики системе духовного образования в целом и московского митрополита Филарета – в частности. Всеволод Сергеевич считал, что желавший в конце жизни отредактировать «Записки» отец обязательно внес бы правку именно в эту часть собственных воспоминаний⁸¹⁰.

⁸⁰⁷ При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Цыганков Д.А.* Мировоззренческие основы профессорского служения С.М. Соловьева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2021. № 99. С. 36–49; *Цыганков Д.А.* С.М. Соловьев в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 5. С. 24–47; *Цыганков Д.А.* В.И. Герье и формирование памяти о С.М. Соловьеве в Московском университете // С.М. Соловьев и его эпоха. К 200-летию со дня рождения историка. М., 2020. С. 212–222.

⁸⁰⁸ Из неизданных бумаг С.М. Соловьева / Вступительная статья Вс. С. Соловьева // Русский вестник. 1896. Т. 242. № 2. С. 1–284; Т. 243. № 3. С. 53–71; № 4. С. 1–26; № 5. С. 113–149. Отклик родственников см.: *Соловьев Вл.С., Соловьев М. С.* Письмо к редактору: По поводу «извлечений» из «Записок» историка С.М. Соловьева и ответ редакции // Вестник Европы. 1896. Кн. 4. С. 889; Нотариальное заявление г. Всеволода Соловьева по поводу издания «Записок» историка С.М. Соловьева и ответ редакции // Вестник Европы. 1896. Кн. 5. С. 440–443; *Соловьев Вл.С.* Сергей Михайлович Соловьев: Несколько данных для его характеристики // Вестник Европы. 1896. Кн. 6. С. 689–708. Объяснение Всеволода Соловьева: Соловьев Вс. Необходимое объяснение // Русский вестник. 1896. Т. 244. № 5. С. 334–338.

⁸⁰⁹ Принятое название при публикациях: «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других».

⁸¹⁰ Соловьев Вс. Указ. соч. // Русский вестник. 1896. № 5. С. 334–338.

В ответ на публикацию в «Русском вестнике» другой сын историка – философ Владимир Сергеевич – в либеральном «Вестнике Европы» опубликовал свою версию выдержек из «Записок», целью которой было показать все составные части воспоминаний отца⁸¹¹. В публикации Владимира Соловьева впервые появился словесный портрет Филарета, данный Сергеем Михайловичем⁸¹². При этом Владимир настаивал на том, что именно его публикация воспоминаний дает ключ к пониманию религиозного облика отца. В предисловии к публикации Владимир Сергеевич также рассказывал о реакции отца на юношеские сомнения самого Владимира Сергеевича в вере, глубокие переживания историка по этому поводу. Владимир Соловьев не сумел, хотя и хотел, издать полный текст «Записок» Сергея Михайловича. Судя по всему, добро на полное издание «Записок» Сергея Михайловича не давал еще один сын историка – Михаил⁸¹³. Полная публикация текста была осуществлена в 1907 г.⁸¹⁴, когда никого из участвовавших в полемике о религиозных взглядах отца детей уже не было в живых⁸¹⁵. В советское время это издание текста повторено в современном собрании сочинений Соловьева на основе публикации, осуществленной Н.И. Цимбаевым и А.А. Левандовским.

На публикацию полного текста «Записок» отреагировал бывший профессор МДА – П.Н. Лебедев⁸¹⁶. В его статье был поднят вопрос об источниках сведений Соловьева о Филарете и профессуре МДА. Лебедев пытался доказать, что Соловьев излишне резок в оценках московских преосвященных и профессоров

⁸¹¹ Соловьев В. Сергей Михайлович Соловьев. Несколько данных для его характеристики // Вестник Европы. 1896. № 6. Чуть ранее: Соловьёвы Вл.С. и М.С. Письмо редактору по поводу извлечений из «Записок историка С.М. Соловьёва» // Вестник Европы. 1896. № 4.

⁸¹² Ссылки в дальнейшем будут даваться на первую полную публикацию «Записок», сделанную после революции 1917 г.: Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки / Издание подготовили А.А. Левандовский, Н.И. Цимбаев. М., 1983. С. 229–350.

⁸¹³ Формозов А.А. Судьба «Записок» историка С.М. Соловьева // Формозов А.А. Рассказы об ученых. Курск, 2004. С. 42–51.

⁸¹⁴ «Записки» С.М. Соловьева // Вестник Европы. 1907. № 6; Соловьев С.М. Записки. Пг., 1915. Подробные библиографические справки см.: Сергей Михайлович Соловьев. Персональный указатель литературы. М., 1984.

⁸¹⁵ О семье Соловьева см.: Шаханов А.Н. С.М. Соловьев и его семья // Мир историка: Историографический сборник. Томск, 2005. Вып. 1. С. 198–239.

⁸¹⁶ Лебедев А.П. В защиту Филарета, митрополита Московского, от историка С.М. Соловьева. М., 1907.

МДА (например, А.В. Горского и др.), знает о ситуации в системе духовного образования из вторых рук. При этом происхождение некоторых фактов, представленных Соловьевым в «Записках», Лебедев связывал с клерикальной средой, из которой вышел Сергей Михайлович и в которой действительно ходили подобные разговоры. По мнению Лебедева, большинство фактов, приведенных Соловьевым, свидетельствуют о нравах далекого от Филарета московского духовенства, любившего перемывать косточки священноначалию. Анекдоты, рассказанные Соловьевым в воспоминаниях, – считает Лебедев, – не дают реальной возможности судить о личности Филарета и других архиереев. В заметке Лебедева прямой оценки религиозных взглядов Соловьева не содержится, хотя тон статьи и намеки именно на исторические ошибки Сергея Михайловича должны были подвести читателя к мысли, что историк был человек легковверный. Вслед за сыном Сергея Михайловича – Всеволодом – Лебедев высказывал уверенность в том, что при подготовке воспоминаний к публикации поздний Соловьев многие резкие высказывания должен был непременно отредактировать, но он просто не успел это сделать.

Безусловно, первые статьи, сопровождавшие публикации «Записок» С.М. Соловьева, которые таким образом становились важнейшим источником для изучения религиозных взглядов историка, не прояснили отношение историка к вере. Однако эти произведения поставили вопрос о внутреннем мире историка, значении веры в его научной и педагогической деятельности, поместив в центр исследования именно «Записки». К сожалению, все эти вопросы после революции 1917 г. ушли из исследовательской повестки, практически до середины 1990-х гг. Материалы «Записок» использовались не критически. Вырванные из контекста, цитируемые без понимания истории происхождения текста, различные характеристики государственных и церковных деятелей в «Записках» Соловьева показывали Сергея Михайловича как скептика, гипертрофированного критика, надменного человека⁸¹⁷.

---

⁸¹⁷ См. например, *Иллерицкий В.М.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 51.

Под влиянием представлений о духовном облике Соловьева, полученном на основе не критического восприятия «Записок» историка (традиция шла от П.В. Безобразова⁸¹⁸), формировались упрощенные взгляды о научной и педагогической деятельности профессора Московского университета. Эти взгляды оценивались в целом как либеральные⁸¹⁹.

Даже в современных работах, посвященных творчеству историка, иной раз указывается на отсутствие в его сочинениях христианского понимания истории⁸²⁰. Вместе с тем, в работах, например, В.В. Кучурина предлагается по-новому взглянуть на значение веры в духовном облике Соловьева, рассмотреть в динамике взаимодействие религиозных и сциентистских основ мировоззрения Соловьева⁸²¹. Во многом этому способствуют внешние по отношению к «Запискам» источники, которые дают возможность затронуть эти проблемы (письма родным, публицистика, «История России», материалы лекционных курсов).

При этом ключевым источником по-прежнему остаются «Записки», которые нуждаются в более детальном изучении. В недавней статье, посвященной этим воспоминаниям, интересное понимание отношения Соловьева к вере дают А.В. Антощенко и Ю.В. Киселева⁸²². Исследователи считают, что в «Записках» дана «генеалогия религиозных переживаний» Соловьева. Автор воспоминаний как бы противопоставляет собственные веру, как он ее осознает к моменту написания «Записок», и религиозный опыт, который представлен в виде эмоций, которые вызывали у историка определенные моменты его жизни. Первое – это выводное знание о вере рассказчика, его цельность к моменту написания воспоминаний, его

⁸¹⁸ *Безобразов П.В.* С.М. Соловьев: его жизнь и научно-литературная деятельность. Биограф. очерк. СПб., 1894.

⁸¹⁹ *Ширинкина Т.Г.* Критика провиденциализма С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским: дис. ... канд. филос. наук. Л., 1984.

⁸²⁰ *Ивонина И.О.* Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – сер. XX вв. Новосибирск, 2000.

⁸²¹ Обобщение в работе: *Кучурин В.В.* С.М. Соловьев: христианин и ученый. СПб., 2001. См. также: *Кучурин В.В.* Религиозный мир С. М. Соловьева // Мир историка. Вып. 3. Омск, 2007. С. 107–136.

⁸²² *Киселева Ю.А., Антощенко А.В.* Эмоциональный мир автобиографии С.М. Соловьева // Отечественная культура и историческая мысль. Вып. 5. / Под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2019. С. 30–53.

жизненный опыт. Второе – яркие эмоции, которые он испытывал в вопросах веры в течение жизни. Способность отличать первое от второго, как бы позволяет Соловьеву «судить» о происходящем в церковной жизни, современником которой он был⁸²³.

Второй подход к изучению Соловьева идет от В.О. Ключевского. Провозгласив, что в жизни ученого главные факты его жизни – книги, Ключевский предлагала всесторонне изучить научное наследие историка. Именно благодаря этой установке стали исследоваться взгляды Соловьева в контексте историко-юридической школы, его место в развитии науки русской истории. Однако такой подход в целом несколько односторонне давал возможность взглянуть на историка.

Удачным синтезом той и другой линии и одной из наиболее ценных работ о Соловьеве, подводящей итоги изучения историка во второй половине XX века, можно признать работу Н.И. Цимбаева, вышедшую в 1990 г. Монография сочетала рассмотрение деятельности Сергея Михайловича как университетского профессора в контексте общественных дискуссий о России и Европе, а также давала возможность уяснить исторические взгляды историка. В книге уделялось внимание и рассмотрению вопроса о Соловьеве как педагоге.

Формирование современных вопросов для изучения творческого наследия Соловьева приходится на 1980–е гг., когда появляются две кандидатские работы об историке И.В. Волковой⁸²⁴ и А.Н. Шаханова⁸²⁵. Вкладом в изучение научного наследия Соловьева стали работы А.М. Дубровского и В.В. Кучурина в 1990-е – 2000-е гг.⁸²⁶

---

⁸²³ Там же.

⁸²⁴ *Волкова И.В.* «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьева (из истории общественной мысли середины XIX в.): дис. ... канд. истор. наук. М., 1984.

⁸²⁵ *Шаханов А.Н.* Вклад С.М. Соловьева в развитие русской буржуазно-либеральной историографии: дисс. ... канд. истор. наук. М., 1989.

⁸²⁶ См. итоговую работу ученых: *Кучурин В.В., Дубровский А.М.* Сергей Михайлович Соловьев: Научно-педагогические взгляды и преподавательская деятельность. Брянск, 2022. Мы намеренно не ссылаемся на некоторые кандидатские диссертации, посвященные Соловьеву, и защищенные в 1990–2000-е гг.

3.6.2. С.М. Соловьев и Московский университет эпохи его студенчества

Соловьев учился уже в частично модернизированном С.Г. Строгановым университете. Далеко не все «новые» профессора строгановского призывы начали службу в университете к моменту начала учебы будущего историка в Московском университете (1838 г.), однако дух преобразований уже ощущался. Так, на 1 курсе внимание студента привлек профессор, предметом преподавания которого была латинская словесность и древности, но который в отсутствие профессора всеобщей истории читал студентам историю Древнего мира. Это был Дмитрий Львович Крюков⁸²⁷.

Крюков был назначен преподавателем в Московский университет 31 августа 1835 г., через 4 месяца утвержден экстраординарным, в 1837 г. – ординарным профессором⁸²⁸. В отличие от Погодина студент Казанского университета Крюков отправился учиться в Дерптский университет. Благодаря профессорам этого университета Моргенштерну, Франку и Нейе Крюков в 25 лет защитил докторскую диссертацию «Обозрение Агриколы» (1832 г.) и с 1833 по 1835 гг. занимался в Берлине, наблюдая за преподаванием классика Бёка и других профессоров университета.

В Москве он фактически занял то место, на которое охотился однокурсник и друг по университету Погодина – магистр латинской словесности А.М. Кубарев, который, будучи адъюнктом профессора латинской словесности И.М. Снегирева, обвинял своего патрона в незнании латинского языка и ошибках перевода на страницах журнала «Московский вестник» (у Погодина) и в «Телескопе» (у Н.И. Надеждина)⁸²⁹.

⁸²⁷ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1838–1839 учебный и 1839 гражданский год. М., 1839. С. 9–10.

⁸²⁸ *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 1. М., 2003. С. 146 и далее.

⁸²⁹ Московский вестник. 1830. Кн. 6. С. 146–164; Телескоп. 1831. № 23. С. 385–411; № 34. С. 542–554. Снегирев жаловался на адъюнкта в письмах к В.Г. Анастасевичу // Древняя и новая Россия. 1880. С. 571–574.

«Крюков читал блистательно, – вспоминал о нем Я.П. Полонский, поступивший в университет в один год с Соловьевым, учившийся на юридическом факультете, и, следовательно, также слушавший курс всеобщей истории Крюкова, – это был один из талантливейших ученых. Он нас увлекал; недаром и Фет почтил его стихотворением под заглавием «Память Д.Л. Крюкова» («... И чудилось нам невольно, что над нами Горация витает тень...») ⁸³⁰. Наследник Крюкова на кафедре античных древностей П.М. Леонтьев в биографическом словаре, изданном к юбилею университета, отмечал, что неизгладимое впечатление на слушателей производили именно «лекции Крюкова по древней истории», «казалось, новая наука, доселе неизвестная, открывала перед ними всю полноту и все богатство своей жизни. Блистательный и вместе с тем строго-достойный взгляд, характер его чтений, его редкое умение заинтересовать слушателя величию предмета, изящество изложения, никогда не спускавшего с известной высоты, наконец, искусство пользоваться богатством языка, избегая многоречия и изысканных фраз, – все это соединялось, чтобы обаять слушателей и представить им преподавателя в свете, казавшемся недостижимым» ⁸³¹.

Сходное впечатление Крюков вызвал и у Соловьева: он «бросился на нас гимназистов, с огромною массою новых идей, с совершенно новою для нас наукою, изложил ее блестящим образом» ⁸³². Как талантливый студент, Соловьев тут же заинтересовал профессора, когда подал ему свою работу по «египетской истории». Возможно, это была одна из первых работ, написанных Соловьевым в университете. Крюков запомнил молодого человека, спрашивал его не хочет ли он заниматься древней историей, при студентах заявил, что носит сочинение Соловьева в кармане, «не может с ним расстаться» ⁸³³.

Когда Соловьев ничего не отвечал профессору на вопрос – желает ли он у него специализироваться по древней истории, то Крюков стал действовать через

⁸³⁰ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 238.

⁸³¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Т. 1. М., 1855. С. 442–443.

⁸³² Соловьев С.М. Мои записки. С. 260.

⁸³³ Там же. С. 269.

отца Сергея Михайловича, прося того повлиять на сына. Позднее Соловьев считал, что он поступил с Крюковым не очень учтиво, избегая подробных разговоров с ним о своем будущем.

Против занятий иностранными древностями у Соловьева было два возражения. Во-первых, он считал Крюкова недостаточно самостоятельным исследователем, слишком зависимым от философии Гегеля. Не очень понятно, когда такой взгляд на Крюкова у Соловьева сформировался, если учесть, что ближе к выпуску сам Сергей был Гегелем покорен. Скорее всего, это общий взгляд Соловьева на молодых профессоров, сформировавшийся у него, возможно, под влиянием студенческой среды, например, кружка Аполлона Григорьева, который он посещал и в котором формировалась литературная эстетика почвенничества. Недаром на вопрос Погодина, чем он хочет заниматься, Соловьев ответил: «всем русским, русскою историею, русским языком, историею русской литературы»⁸³⁴. Не исключено, что это влияние на Соловьева Погодина, который относительно Крюкова, даже спустя время, не мог отделаться от мысли, что этот «молодой человек, отлично знавший латинскую словесность, но исполненный немецких предрассудков и не успевший несколько ознакомиться с состоянием русской жизни»⁸³⁵. Вторая причина, заставлявшая Соловьева не испытывать радости от предложения Крюкова – нежелание заниматься латинской грамматикой. В этой связи отказ от предложения Крюкова – это отказ Соловьева от филологической направленности занятий, упор – на историческую составляющую подготовки.

Кстати, необходимо отметить, что никого из словесников, читавших лекции на первом курсе, Соловьев добрым словом не упомянул. Так, он не нашел похвалы для Каченовского, читавшего славянские древности. Желание Сергея Михайловича позже написать статью о нем для биографического словаря Московского университета было желанием показать, что метод Каченовского дал для формирования теоретических представлений современных историков гораздо больше, чем труды Погодина. Интересно отметить, что Соловьев особо

---

⁸³⁴ Там же. С. 269

⁸³⁵ *Погодин М.П.* Школьные воспоминания. С. 620.

подчеркнул, что в Каченовском научный скептицизм совершенно соседствовал с традиционной верой и политическим консерватизмом. Низкая оценка дана Соловьевым и лекциям декана И.И. Давыдова, читавшего теорию литературы, и сменившему его на этом посту после возвращения из-за границы – С.П. Шевыреву.

Соловьев застал дебют в Московском университете Т.Н. Грановского. Вероятнее всего, он слышал первую лекцию Тимофея Николаевича, который читал студентам среднюю и новую историю – Соловьев был в это время студентом второго курса – однако особых эмоций Грановский у Соловьева не вызвал. Самым замечательным профессором факультета после Грановского и Крюкова Соловьев считал Чивилева.

Если мы подытожим симпатии Соловьева, то четко можно видеть, что он интересуется государственными науками, меньше интересуется словесностью. Позднее Соловьев будет много контактировать с юристами, например, с П.Г. Редкиным во время заграничной командировки. При разработке планов историко-филологического факультета он будет стоять за частичное соединение планов историков и юристов. Заметим, что и «ученики» Погодина, перед уходом Михаила Петровича из университета, которые сумели защитить у него диссертации с историческим содержанием, были юристами. Историки, нащупывавшие предметную область для своих занятий, от филологических тем приходили к проблемам государствоведения.

Наконец, направленность всех письменных работ, которые создал Соловьев в университете сугубо историческая, философско-историческая. На старших курсах Соловьев пишет работы для Шевырева и Погодина, однако не потому, что выделяет этих профессоров как ученых, симпатизирует им, а опять-таки потому, что он интересуется всем русским. В начале 1840-х гг. возникла парадоксальная ситуация, когда имеющие историко-философскую проблематику «русские работы» – студенческое сочинение Соловьева и две магистерские диссертации – Ю.Ф. Самарина (по богословским спорам петровской эпохи) и К.С. Аксакова (по эстетике Ломоносова), имеющие отчетливо историческую проблематику, – были

написаны для словесника Шевырева, что отражает уровень дифференциации наук в университете.

В работе «Феософический взгляд на русскую историю», созданную явно под влиянием ведущихся и в университетской и салонной жизни рядом с университетом спорах о России и Европе, основанных на обсуждении прежде всего философских работ Гегеля, Соловьев дерзает создать новую философскую теорию, желая соединить Православие и Науку⁸³⁶.

Смысл и назначение русской истории историк видел в том, что русские станут «крестоносцами без меча», носителями «христианского принципа» в истории. Следовательно, главную роль русские сыграют на поле «новой истории», которая кардинально отличается от древней тем, что освящена христианскими принципами: «Понятие христианства так тесно соединено с понятием новой истории, что нехристианские народы не принимают в ней вовсе или самое слабое участие, являются каким-то анахронизмом, аномалиею». Особенность России заключается в том, что если у всех других народов, кроме русского, христианство приходится на младенческий период их жизни, а затем его влияние ослабевает, то у русских оно будет вечным: «В одном только Русском народе религиозное влияние будет продолжаться вечно..., ибо мы веруем несомненно, знаем без гордости и исповедуем без тщеславия, что любимый Богом народ наш призван Им быть вечным восприемником народов при Святой купели Крещения во Христе, знаем, что на нашем народе, как на восприемнике, лежит священная обязанность воспитывать дикие народы Азии для Христианско-Европейской гражданственности. Отсюда необходимо следует, что народ Русский... всегда будет видеть в судьбах своих судьбы Божии, и вот почему философия русской Истории ... должна носить на себе название Феософии». Итак, «Россия есть ...

---

⁸³⁶ Соловьев С.М. Феософический взгляд на историю России // Соловьев С.М. Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 7–64. Оценку работы см.: Дубровский А.М., Кучурин В.В. «Феософия» С.М. Соловьева // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры: Сб. науч. тр. Отв. ред. Г.А. Невелев. Брянск, 1992. С. 98–107; Иволина И.О. Время свободы: Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – сер. XX вв. Новосибирск, 2000.

первое христианское общество, христианское государство по-преимуществу»⁸³⁷. Историческая миссия России – сохранение христианства и распространение его на Восток, – так считает Соловьев на студенческой скамье. Россия станет образцом христианского общества.

По мнению Н.И. Цимбаева, в «Теософии...» Соловьев «более или менее удачно пересказал, дополнил и украсил официальную политическую доктрину»⁸³⁸. В.В. Кучурин и А.М. Дубровский находят в работе идеи, свойственные Соловьеву-историку, которые он пронесет через всю жизнь⁸³⁹; следовательно, со студенческой работой они связывают формирование определенного мировоззренческого идеала будущего историка. При этом Кучурин считает, что «подобно большинству историков первой половины XIX в., которые, придерживаясь «высших взглядов на идею человечества», искали внутренний смысл мировой и отечественной истории, руководствовались принципом исторической закономерности, понимая ее в духе теистического фатализма и христианского провиденциализма, Соловьев превращал историческое познание в мистическое тайнодействие, имевшее сакральный и магический смысл»⁸⁴⁰.

Интересно отметить, что самого себя эпохи создания «теософии», Соловьев, чуть позже, просто назовет «протестантом»⁸⁴¹, указывая на особое влияние во время создания сочинения тех текстов, которые так или иначе были вызваны прочтением и обсуждением философии истории Гегеля. Только, если Гегель увидел все лучшие достижения прогресса в прусской монархии второй четверти 19 века, то Соловьев превознес русское государство нового времени.

---

⁸³⁷ Соловьев С.М. Феофический взгляд на историю России // Соловьев. С.М. Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 7–64.

⁸³⁸ Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990. С. 68.

⁸³⁹ Дубровский А.М., Кучурин В.В. «Феософия» С.М. Соловьева // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. Сб. науч. тр. Отв. ред. Г.А. Невелев. Брянск, 1992. С. 98–107.

⁸⁴⁰ Кучурин В.В. Религиозный мир С.М. Соловьева. С. 117.

⁸⁴¹ Соловьев С.М. Мои записки. С. 268. «Из Гегелевых сочинений я прочел только «Философию истории»; она произвела на меня сильное впечатление; на несколько месяцев я сделался протестантом, но дальше дело не пошло, религиозное чувство коренилось слишком глубоко в моей душе».

Очень трудно охарактеризовать взаимоотношения в университете Соловьева и Погодина. С одной стороны, Сергей посещает Древлехранилище историка на Девичьем поле, заявляет Михаилу Петровичу о своей мечте – заниматься всем русским. Однако Погодин Соловьевым не интересуется. Сначала профессор теряет письменную работу студента и оставляет того без оценки его навыков и умений по самому интересующему его вопросу – русской истории. Затем в списке своих преемников 1842 г., Погодин отмечает, что Соловьев, конечно, его лучший ученик, но только на нынешнем, последнем выпускном курсе, курсе 1842 г. У Михаила Петровича, с его точки зрения, следовательно, были другие «лучшие» ученики, кроме Соловьева.

Соловьев, как человек одинокий, сосредоточенный на себе, незаинтересованность Погодина почувствовал. Он старательно попробовал ее преодолеть, но «таскать дрова к учителю», полностью отдаться в его волю не хотел. Причин было несколько. Во-первых, многочитающий Соловьев, уже нашел себе авторитетов в ученом мире историков. Судя по всему, это были французы – Ф. Гизо, Тьерри. Во-вторых, у Соловьева был более сильный, чем Погодин, покровитель – попечитель Московского университета, граф Сергей Григорьевич Строганов, который был готов отправить Соловьева за границу с целью подготовить его там к занятию кафедры. Это была личная инициатива графа. В распоряжении историков практически нет свидетельств о том – почему Сергей Григорьевич это сделал. По всей видимости, это была личная симпатия, вера в талант подающего надежды молодого человека. Интересное свидетельство о первой встрече всемогущего попечителя и еще гимназиста Соловьева оставил сын Сергея Михайловича – Всеволод. Когда после смерти отца тот решил подарить Сергею Григорьевичу, сыгравшему определяющую роль в жизни отца, портрет историка, то Строганов, произнося благодарности, заметил: «Ведь я его помню еще гимназистом. Однажды я приехал в Первую Гимназию, и мне попался навстречу мальчик такой белый, розовый с большими голубыми глазами,

настоящий розанчик, а затем мне его представили как первого ученика. С того времени я не терял его из виду»⁸⁴².

3.6.3. Заграничная стажировка русского историка

За границу Соловьев выехал морем 4 июля любекским парходом «Наместник» из Кронштадта⁸⁴³. 8 июля судно причалило в Травемюнде, любекской Гавани. 9 июня почтовой каретой русский историк направился в сторону Берлина. На пути в столицу Пруссии Соловьев проехал множество мелких городов – Шверин, Лудвингслуст, Шпандау и др. 11 июня по русскому стилю он въехал в Берлин. 24 июня, впервые поездом, Соловьев доехал до Дрездена, «остановившись на два часа в Лейпциге»⁸⁴⁴. «В Лейпциге простился с северо-восточною равниною Европы, Русскою низменностью и ровною природою, ибо от этого города земля уже начинается возвышаться»⁸⁴⁵. «Через прекрасную гористую страну (выехал 30 июля), называющуюся Саксонскую Швейцарию»⁸⁴⁶, приехал в Богемию – «страну славянскую». Местом его назначения был Теплиц, где его ждал граф А.Г. Строганов, где он и его семья принимали ванны и пили воды. Пользуясь близостью к Праге, «прожив неделю в Теплице» Соловьев съездил «в Прагу, столицу Богемии, для свидания с славянскими учеными»⁸⁴⁷, где он «провел три дня». Из Праги он доехал до «замка Карлштейн, знаменитый своим местоположением в горах и историею»: здесь кровать св. Людмилы, «бабы чешского короля», как пишется она в наших Святцах», – писал от родным. Летом 1842 г. Соловьев прожил полторы недели в Дрездене для изучения картинной галереи⁸⁴⁸. Из Дрездена через Лейпциг и Тюрингские горы, «славящиеся своими

⁸⁴² Сочинения Всеволода С. Соловьева. СПб., 1887. V. Старые были. С. 7–8.

⁸⁴³ География путешествий Соловьева реконструирована на основе его писем из-за границы родным и знакомым.

⁸⁴⁴ *Соловьев С.М.* Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 69.

⁸⁴⁵ Там же.

⁸⁴⁶ Там же.

⁸⁴⁷ Там же. С. 70.

⁸⁴⁸ Там же. С. 71.

прелестными видами» (особенно в окрестностях Наумбурга)⁸⁴⁹, добрался до Веймара, «где вместо двух дней» пробыл целую неделю (в Веймаре умер младший сын графа Строганова). В Веймаре Соловьев познакомился с протоиереем Стефаном Сабининым, духовником великой княгини Марии Павловны. Из Веймара через Эрфурт и Готу («прекрасный город, потонувший в садах»⁸⁵⁰), Эйзенах, «от которого начинается восхитительная горная дорога», добрался до Фульды, «которая при лунном свете с своим замком и церквями очаровательна»⁸⁵¹. Соловьев приближался к берегам Рейна. «Не доезжая до Ганау, я видел новое для меня зрелище: вместо леса, покрывающего горы, явились виноградники»⁸⁵². Во Франкфурте-на-Майне, получив свободу передвижения (в карету графа посадили гувернантку, место Соловьеву не было, он должен был путешествовать один), до Парижа он поехал по маршруту, который он разработал сам. Из Франкфурта он переехал в Майнц, «прелестный город, где красные воды Майна сливаются с зелеными водами Рейна». В городе Соловьев осмотрел две выставки германских произведений (фабричную и художественную), а «также великолепный собор» и «памятник Гутенбергу»⁸⁵³. На пароходе от Майнца он спустился до Кельна, «берега Рейна от Майнца до Кельна называются раем Германии»⁸⁵⁴, «если приснятся во сне такие места, то можно после того быть веселым все неделю»⁸⁵⁵. В Кельне, по мнению Соловьева, «каждая церковь заслуживает внимания своим великолепием, а между ними собор – самая великолепная из готических церквей в Европе»⁸⁵⁶. Осмотрев в Кельне еще выставку художественных произведений, Соловьев поехал на Ахен, «где показывают множество вещей, оставшихся после Карла Великого, коего Ахен был столицею. Здесь же любовался восхитительным видом с горы Люстберг на город и его окрестности»⁸⁵⁷. Этот вид, по мнению

---

⁸⁴⁹ Там же.

⁸⁵⁰ Там же.

⁸⁵¹ Там же.

⁸⁵² Там же.

⁸⁵³ Там же.

⁸⁵⁴ Там же. С. 72.

⁸⁵⁵ Там же.

⁸⁵⁶ Там же.

⁸⁵⁷ Там же.

историка, может «занимать третье место после вида на Москву с Воробьевых гор и на Прагу с Лавренсберга»⁸⁵⁸. Из Ахена Соловьев отправился в Бельгию, «огромный сад, усеянный опрятными сельскими домиками»⁸⁵⁹. Кроме больших городов, малые Соловьев не считал, историк посетил Брюссель и Антверпен (по Бельгии он передвигался по железной дороге). После Бельгии Сергей Михайлович переехал во Францию, надолго осев в Париже, где миллион жителей, «и из этого миллиона – сто тысяч иностранцев, которые нарочно приезжают в Париж, чтобы пожить, поесть и одеться»⁸⁶⁰. Изредка он совершал поездки в окрестности Парижа: так, он выезжал в Севр, посмотреть на известную фарфоровую мануфактуру. В Париже Соловьев посещал Лувр, знаменитые храмы, заходил в дом Инвалидов посмотреть на гробницу Наполеона. Каждое воскресенье он проводил в православном храме при русском посольстве.

На лето 1843 г. намечалась новая летняя поездка в Теплице. Соловьев готовил маршрут еще зимою: через Страсбург вверх по Рейну, потом в Швейцарию до Цюриха, отсюда – в Мюнхен и Карлсбад⁸⁶¹. Швейцарию историк не посетил. 3 июня через Нанси Соловьев приехал в Страсбург, «где пробыл только девять часов для осмотра города: собора с самою высокою колокольней в Европе, разных монументов и знаменитых часов, где в полдень петух поет три раза и двенадцать апостолов три раза обходят с поклонами около Христа»⁸⁶². Из Страсбурга Соловьев отправился в Карлсруэ, столицу Баденского великого герцогства, «для осмотра которой нужно было употребить только два часа»⁸⁶³, а из столицы – в Штутгарт, который очень хорошо расположен, но в котором также не было ничего примечательного.

Путь воспитателя Строгановых лежал через Штутгарт и Аугсбург в Мюнхен, который состоял «из великолепных дворцов, построенных среди пустырей»⁸⁶⁴

---

⁸⁵⁸ Там же.

⁸⁵⁹ Там же.

⁸⁶⁰ Там же.С. 73.

⁸⁶¹ Там же.С. 80.

⁸⁶² Там же.С. 86.

⁸⁶³ Там же.

⁸⁶⁴ Там же.

(«король тратил огромные суммы на заведение картинных галерей, библиотек, построение церквей и содержание художников. Путешественники съезжаются со всех концов Европы любоваться на эти редкости, а народ плачется на налоги»). Из Мюнхена Соловьев отправился в Регенсбург, а уже оттуда – в Карлсбад. Затем вновь была Прага и возвращение на воды. В Карлсбаде Соловьев на год продлил контракт со Строгановым и вместе с графиней возвращался в Париж через Аахен.

Родные спрашивали, не желает ли Сергей посетить Италию, но сделать это было невозможно, не разорвав контракт со Строгановым. На краткое время Соловьев хотел съездить в Лондон, летом 1844 г., но сделать этого не сумел. В итоге возвращаться в Россию он решил с заездом через еще не посещенную Швейцарию (через среднюю и Южную Францию до Швейцарии, а потом через Базель вниз по Рейну до Мангейма с заездом в Гейдельберг, Нюрнберг и Карлсбад; планы 5 мая 1844 г.⁸⁶⁵), однако планы вновь пришлось нарушить.

30 мая Соловьев выехал из Парижа на Мец через Шампань. Из Меца на пароходе Соловьев впервые поплыл по Мозелю через Трир, «знаменитый своим зданиями, от времен римлян оставшимися, амфитеатром, банями и т.п.» в Кобленц. В Кобленце он пересел на рейнский пароход и поднялся до Мангейма (второй раз, проплыв по рейнскому Раю: Рейн от Кобленца до Майнца, точнее – от Кобленца до Бингена). Из Мангейма Соловьев поехал в Гейдельберг, где гулял по живописным окрестностям⁸⁶⁶. Из Гейдельберга путь лежал в Нюрнберг, а затем – Карлсбад, на соединение со Строгановым. В Карлсбаде Соловьев принял решение возвращаться на Родину, совершив маршрут: Теплиц-Дрезден-Штеттин-Кронштадт.

Таким образом, Соловьев, до 1840-х гг. был единственным историком Московского университета, в центре внимания которого была русская история, сумевшим побывать в Европе еще до получения преподавательской должности в университете (Погодину это удалось после занятия кафедры, при переходе с кафедры всеобщей истории на кафедру русской истории). В этом смысле его опыт

---

⁸⁶⁵ Там же.С. 99.

⁸⁶⁶ Там же.С. 100.

заграничного пребывания вполне можно сравнить со стажировками всеобщих историков (Грановский, Кудрявцев, затем – Герье) и частично Погодина по славянским странам.

Общим местом со стажировками всеобщих историков у Соловьева было долгое пребывание в университетских центрах. Правда, в отличие от всеобщников Соловьев в силу выполнения своих обязанностей перед семьей А.Г. Строганова, учителем в которой он был, надолго вынужден был оставаться в Париже и, следовательно, посещал он Парижский университет, в то время как всеобщие историки надолго останавливались в Берлине и посещали лекции в местном университете. Соловьев бывал в немецких университетских городах, любовался их местоположением, но мы не знаем его оценок немецких университетов как центров науки. Берлин как место погружения в науку связывал Грановского с другими молодыми профессорами и разделял с Соловьевым. В письме к родителям из заграницы это отличие Соловьев очень хорошо артикулировал: «молодые (теперь уже старые) профессора, т.е. немецкая партия, не может быть расположена ко мне..., не могут уважать моих достоинств, ибо я оканчиваю курс не в Берлине – по их мнению, средоточии всей премудрости»⁸⁶⁷.

При этом с путешествием Грановского Соловьева связывает посещение Праги (так же как, впрочем, и с Погодиным). Грановский очень хотел посетить этот центр славянского возрождения и поговорить с местными авторитетными учеными. Возможно, с посещением Праги связана идея магистерской диссертации Грановского и интерес к западным славянам в целом. Соловьев, два года подряд посещавший Прагу, по совету Шафарика начал писать «Краткую историю славянства», которую, впрочем, до конца не довел.

Роднит путешествие Соловьева с путешествием Грановского погружение в местные культурные достопримечательности и предпочтение узкой группы друзей большому количеству стажирующихся русских за границей ученых. Вокруг Грановского были Н.В. Станкевич и Я.М. Неверов, вокруг Соловьева дольше всего Попов (в разных центрах Европы), в Париже – П.Г. Редкин. От более широких

---

⁸⁶⁷ Там же.С. 96.

компаний (юристы и филологи в Берлине у Грановского; медики в Париже – у Соловьева), молодые историки сознательно отказывались.

Важную роль в заграничной стажировке Грановского и Соловьева играли салоны, организованные русскими женщинами. У Грановского таким местом был салон Фроловой; у Соловьева – Карлгоф.

И Грановский и Соловьев были поражены инфраструктурными возможностями для занятий наукой в европейских городах. При этом, если Грановский постепенно инкорпорировался в местную научную и культурную среду: немецкому языку его учил и знакомил с берлинскими достопримечательностями придворный проповедник пастор Паули, жил он на квартире у берлинского преподавателя К. Вердера, то Соловьев, напротив, чурался проявлений европеизма в великосветских семьях и в силу долгой разлуки с собственной семьей буквально стремился к контактам с семьями русских священников за границей, в которых сохранялись именно русские традиции. Не случайно неоднократные контакты Соловьева с протоиереем Стефаном Сабининым, духовником Марии Павловны в Веймаре, привели к тому, что Соловьев стал желанным гостем в его семье, а сын Сабинина, готовящийся в Москве для поступления в университет в пансионе Погодина, по рекомендации Сергея Михайловича, стал своим человеком у родителей Соловьева.

Однако на этом сходства заканчиваются. Главное различие заключалось в назначении заграничного путешествия. Грановский готовился к профессорской должности в Москве. Соловьев как человек с самыми высокими баллами на курсе после окончания университета объявил о своем желании «готовиться к высшей ученой степени»⁸⁶⁸. Однако профессура никакого решения о его будущем не приняла. Погодин готов был рассматривать Соловьева как преемника, но западники не были в восторге от его кандидатуры. Так, Грановский, по свидетельству И.Е. Забелина, не высоко ставил по таланту Соловьева и говорил,

---

⁸⁶⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 1. Д. 112. Л. 1, 2, 7.

что «он умный, но узкий человек»⁸⁶⁹. Именно поэтому попечитель Московского университета – граф Сергей Григорьевича Строганов предложил Соловьеву заключить контракт с братом – Александром Григорьевичем Строгановым, по которому Соловьев давал уроки его детям (по подсчетам Соловьева это занимало не более трех часов в день) и использовал возможность изучить инфраструктуру для занятий наукой за границей.

3.6.4. Вхождение в научную корпорацию

Находясь за границей, Соловьев стремился поддерживать контакты с учеными Московского университета, чтобы иметь информацию о том, что в нем происходит. Соловьев надеялся на то, что ситуация с его приглашением в университет развернется в благоприятную для него сторону. Однако сообщения, приходившие из Москвы, его, скорее, пугали. Ему стало казаться, что университет мало заботится о своих питомцах. В письме от 20 февраля 1843 г. к родным он писал: «Московский университет славно поступает с своими профессорами: Варвинского выгнал в его отсутствие, а Редкину не присылает денег и не дает никакого ответа на пять писем! Море великое и пространное, в нем же гадов несть числа. Не мудрено, что при таком множестве гадов забывают о маленьких гадинах, иже в Париже»⁸⁷⁰. В итоге «Варвинский с горя уехал в Италию, а Редкин поехал бы и с радостью, да нельзя: не присылают ни отпуску, ни денег. Ходит, бедняга, от нечего делать по здешним судам – видно, хочет по приезде в Россию выкинуть заморскую штуку: выучить наших подъячих, как взятки не брать»⁸⁷¹.

Не прояснились и отношения с Погодиным. Неожиданно Соловьев и «воспитатель» столкнулись в 1843 г. в Париже, куда Михаил Петрович приехал в ходе своего заграничного путешествия. Учитель рекомендовал Соловьеву не спешить возвращаться в Россию и пользоваться преимуществами научной

⁸⁶⁹ *Формозов А.А.* Воспоминания И.Е. Забелина о Т.Н. Грановском // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 101.

⁸⁷⁰ *Соловьев С.М.* Первые научные труды. Письма. С. 82.

⁸⁷¹ Там же. С. 83.

инфраструктуры Европы. Вернувшись в Москву, Погодин не стал навещать родителей Сергея Михайловича и сообщать им о своих наблюдениях о жизни их сына в Париже, что Соловьев интерпретировал как отсутствие заинтересованности в нем.

Соловьев напомнил о себе письмом со статьей в «Москвитянин». Внимательно наблюдавший за жизнью католической церкви в Европе, Соловьев стал свидетелем наступления иезуитов на Парижский университет и сопротивлением университетской корпорации попытке клерикализации высшего образования. «Иезуиты и ультракатолики, воспользовавшись возрождением религиозного чувства в народе, – писал он в письме к родным, – вздумали присвоить себе прежнюю власть над умами и забрать в свои руки воспитание юношества. С этой целью они поднялись на университет и начали возводить небылицы на профессоров, проповедующих будто бы безнравственность и проч. Университет долго молчал, но, наконец, выведенный из нетерпения нелепыми выходками (которыми особенно отличался епископ шартрский) и побуждаемый всеми благонамеренными людьми, поручил двоим из самых знаменитых профессоров, Мишли и Кинэ, читать против иезуитов»⁸⁷².

В Москве статья была воспринята профессорами-западниками как написанная в погодинском духе. В результате, как казалось Соловьеву, для его возвращения в Московский университет в качестве преподавателя не осталось никаких оснований. Поздней осенью 1843 г. П.М. Леонтьев сообщил Соловьеву, что по слухам Погодин желает видеть профессором кафедры российской истории востоковеда В.В. Григорьева из Одессы. В марте 1844 г. Погодин известил Соловьева письмом о том, что он собирается в отставку и предложил ему место адъюнкта. «Письмо моего воспитателя удивило меня как своим тоном, так и известиями: сам хочет оставить университет, а мне предлагает место адъюнкта! При ком же я буду адъюнктом? – спрашивал Соловьев у родных в письме от 27 января 1844 г.. – При воспитателе, то еще можно быть адъюнктом при каком-нибудь г-не Григорьеве из Одессы (не моем приятеле), как пишет ко мне г-жа

---

⁸⁷² Там же. С. 84–85.

Карлгоф, слуга покорный! Я хоть не Цезарь, а все-таки лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме»⁸⁷³.

Крюков, который давно уже поддерживал связи с семьей Соловьева, советовал молодому ученому попросить место в Киевском университете. Соловьева это насторожило: «Еще более удивил меня непонятный совет Крюкова. Каким образом, живя в Париже, могу объявить заочно желание служить в Киевском университете; чем спрашивается, ибо ему известно, что я не могу быть при университете ни чем иным, как только профессором русской истории, и то только в Москве или Петербурге, а не в провинции. Разве мне предложено было от Министерства что-нибудь подобное?»⁸⁷⁴. Совет Крюкова Соловьев объяснял впечатлением, произведенным публикацией его статьи «Парижский университет» в «Москвитянине»: «Я понимаю, отчего Крюкову хотелось спровадить меня в Киев: этим господам не нравится мое направление, но где бы я ни был, ведь я его не покину и не перестану кричать русским голосом на весь крещеный мир»⁸⁷⁵.

Расклад сил в университете в начале весны 1844 г. виделся Соловьеву следующим образом: «молодые (теперь уже старые) профессора, т.е. немецкая партия, не может быть расположена ко мне, ибо я оставил их знамена и передался Руси. Не могут ласково смотреть на меня потому, что считают меня клиентом Погодина, которого терпеть не могут, наконец, не могут уважать моих достоинств, ибо я оканчиваю курс не в Берлине – по их мнению, средоточии всей премудрости. Что же касается до старых, то они никак не могут вместить в свою многоученую голову, как можно быть профессором в 25 лет, что, впрочем, если каким-нибудь способом я попаду на место Погодина, будет явлением до сих пор беспримерным»⁸⁷⁶. «Не знаю, кто же еще из них (профессоров – Д.Ц.) мог быть ко мне расположен, кроме Погодина, который один имеет право обнаруживать касательно меня свои мнения, ибо смешно подумать, что математики и медики толкуют о достоинствах кандидата на кафедру русской истории. Погодин

---

⁸⁷³ Там же. С. 94.

⁸⁷⁴ Там же. С. 94.

⁸⁷⁵ Там же. С. 94.

⁸⁷⁶ Там же. С. 96.

принимает важный тон потому, что уверен в постоянном согласии министра с его мнением»⁸⁷⁷.

Чтобы обратить на себя внимание, Соловьев решился придерживаться следующего плана: «Прежде еще магистерского экзамена, тотчас по приезде в Петербург я должен приступить к печатанию моей книжки, которую оканчиваю теперь здесь. Это сочинение будет служить мне рекомендательным письмом у всех русских ученых, которые будут судить обо мне по нему, а не по метрическим книгам. Потом уже, смотря по приему книги, легко будет решить выбор всего будущего поприща. Магистерский же экзамен ничего не значит при благонамеренных экзаменаторах. Вот почему я хочу держать его также в Петербурге, что может задержать меня в этом городе довольно долго и замедлить свидание с Вами, которого не перестая испрашивать у Бога»⁸⁷⁸.

По мнению Соловьева, только крупный научный труд, репутация ученого в научном мире дает основание для получения должности в университете. Чтобы не зависеть от отдельных лиц при получении должности, нужно стремиться к тому, чтобы с твоими произведениями было знакомо как можно большее количество лиц. Соловьев уже практически не надеется на Москву. Он понимает, что там его может поддержать лишь Погодин, но и он не проявляет интереса к Сергею Михайловичу как ученому, а решает какие-то свои административные вопросы. Со всей очевидностью это становится понятным Соловьеву летом 1844 г. Все вокруг советуют ему остаться в Европе: Погодин по своим причинам, А.Г. Строганов также просит Сергея Михайловича задержаться в семье еще на год, поскольку он не намерен возвращаться в Россию. Да и С.Г. Строганов, рассчитывавший на Соловьева, правда, не очень понятно, на каком временном отрезке, предлагал Сергею Михайловичу подзадержаться за границей и осесть в славянских землях. Соловьев с предложением попечителя был не согласен. Он считал, что лучше заниматься историей славян по источникам, нежели слушать патриотические речи Шафарика и Ганки.

---

⁸⁷⁷ Там же. С. 96–97.

⁸⁷⁸ Там же. С. 97.

Соловьев решает идти своим путем и едет на родину, тем более, что к концу лета об этом его попросил и попечитель. В России «Сергей Строганов встретил меня как нельзя лучше, сказал, что место для меня очищено выходом Погодина, чтоб я приготавлился к магистерскому экзамену, успешное выдержание которого дает мне место на кафедре»⁸⁷⁹. Таким образом, в логике Строганова путь на кафедру открывался успешной сдачей экзамена.

Как и предполагал Соловьев, он встретил недружелюбный прием со стороны западников. Сергей Михайлович не опасался экзамена по географии, которую должен был принимать у него Ефремов. С Ефремовым Соловьев близко познакомился в немецких землях и был в хороших отношениях. Опасения вызывал политическая экономия. Сергей Михайлович подошел заранее поговорить с Чивилевым, надеясь на то, что тот даст вопросы, которые он будет спрашивать на экзаменах. Чивилев встретил молодого человека очень сухо и на вопрос о том, что нужно приготовить для экзамена, заявил, что достаточно будет прочесть «все книги по политической экономии и статистике, которые он рекомендовал нам на лекциях»⁸⁸⁰. Общение с Чивилевым к облегчению в подготовки к экзаменам не привело. Соловьев решил с западниками больше об экзаменах не разговаривать и большую часть времени вместо подготовки к экзаменам уделял на написание диссертации.

Это вызвало новую проблему. Перед экзаменам по всеобщей истории Соловьева упрекнул Грановский ровно за то, что Сергей Михайлович не получил от Чивилева: почему он не подошел заранее, чтобы получить вопросы для экзамена. Все-таки западники были отдельными людьми, с очень разными представлениями об учебном процессе, а не партией со строгим сводом правил, как это казалось Соловьеву. Впрочем, и в общении с Грановским не обошлось без сложностей. На предложение Тимофея Николаевича самостоятельно выбрать вопрос для экзамена по всеобщей истории Соловьев попросил дать ему тему по Реформации. Грановский воспротивился этому, поскольку вопрос был

---

⁸⁷⁹ Соловьев С.М. Мои записки. С. 285.

⁸⁸⁰ Там же. С. 287

щекотливым и толковать о нем в присутствии Строганова было неудобно. В ответ Соловьев попросил Грановского самому выбрать ему вопросы. Один из вопросов, предложенных Грановским, – сравнение западной и русских летописей, оказался с подвохом: «славянофилы, органом которых в это время был Шевырев, провозглашали, что русская летопись выше западной, ибо в последней выходит наружу личность летописца, тогда как в русской этого вовсе нет; поэтому западным очень хотелось знать, как я решу этот вопрос»⁸⁸¹. Соловьев без подготовки справился с темами, «Грановский не мог не признать этого, и в отметке написал, что я обнаружил большую начитанность, но прибавил, что я затрудняюсь в изложении – намек, что у меня нет способности к занятию профессорской кафедры»⁸⁸².

На экзамен по русской истории декан Давыдов вызвал находящегося пенсии, только что назначенного почетным членом университета Погодина. Тот дал вопрос по истории отношений России к Польше с древнейших времен до последних событий.

Экзамен складывался не гладко. Погодин признал ответ «удовлетворительным». 3 февраля 1845 г. в Дневник Погодин записал: «Экзамен Соловьева. Спросил его об отношении Русской Истории к Польше и критическом обзоре изданий Археографической комиссии. Отвечал очень хорошо, но не отлично. Таково было мнение и всех прочих профессоров»⁸⁸³. В письме Григорьеву оценка была повышена: «Соловьев держал экзамен. Это малой, кажется, прочный, присел за дело плотно»⁸⁸⁴. Западники, как оценивал их поведение Соловьев: «провозгласили, – разумеется, не в заседании, – что вопрос и ответ были гимназические, а не магистерские, и из ответа моего вовсе нельзя заключить о моей способности к занятию профессорской кафедры: заключение совершенно

---

⁸⁸¹ Там же.

⁸⁸² Там же. С. 288.

⁸⁸³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. С. 344.

⁸⁸⁴ Там же.

справедливое!»⁸⁸⁵. Экзамен по статистике, по оценке самого Соловьева, он сдал совсем неудачно.

Больше всего экзаменами Соловьева остался недоволен Строганов. Именно он превратил экзамен в главное испытание перед назначением на должность лектора русской истории. Соловьев этот экзамен по неформальным оценкам профессоров провалил, хотя на бумаге по отчетам все было благопристойно: «Кандидат Сергей Соловьев в 1845 г. испытываем был на степень Магистра по главному предмету Русской Истории. Из Русской Истории Почетный Член Университета М.П. Погодин предложил следующие вопросы: 1. Исследовать отношения России к Польше во все продолжение Русской Истории; 2. Показать значение изданий Археографической комиссии. Испытуемый отвечал совершенно удовлетворительно и показал отличные знания главного своего предмета; 3. О Киевской летописи и 4) о Стрельцах. Из древней Географии спрашивал Э.О. Пр. Гофман: 1. Распространение Географических сведений у древних и понятие их о Скифии; 2. Из новой Доцент Ефремов: показать значение саги о царе – священнике Иоанне касательно географических открытий. Из вспомогательных предметов, именно: 1. Из всеобщей истории испытывал Э.Пр. Грановский, предложивший для объяснения: 1. Состояние Франции в XII веке и 2. О характере Западно-Европейской летописи сравнительно с Русскою. Из Политической Экономии и Статистики, Орд. Пр. Чивилев: 1. О торговле и ее значении в народном хозяйстве; 2. О состоянии торговли внутренней и внешней в важнейших Европейских Государствах и преимущественно в России. Из народного Права, Орд. Пр. Лешков спрашивал о правах народов в военное время. Ответы на все сии вопросы найдены удовлетворительными»⁸⁸⁶.

По результатам экзаменов состоялся откровенный разговор между Соловьевым и попечителем. «Он встретил меня жалобами на мой неудачный экзамен, – вспоминал Соловьев. – Я рассказал прямо причины моей неудачи,

⁸⁸⁵ Соловьев С.М. Мои записки. С. 288.

⁸⁸⁶ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1844–1845 учебный и 1845 гражданский год. М., 1846. С. 43.

прямо объявил, что, имея в виду кафедру русской истории, я счел нелепым, вместо того, чтобы спешить главным, диссертацией, которая должна показать мои права на кафедру перед всею ученою Россиею, заниматься статистическими подробностями; что же касается до нелепого вопроса в русской истории, то, конечно, я в нем не виноват»⁸⁸⁷.

Строганов был успокоен. Судя по всему, ему важно было понять, что Соловьев не играет партию вместе с Погодиным, который 4 февраля на встрече с графом заявил, что он хочет вернуться в университет для того, чтобы помочь Соловьеву, которого иначе западники затрут.

Все надежды Соловьева были на диссертацию. В начале Великого Поста он передал диссертацию декану Давыдову. Гуляя по Арбату в четверг на Страстной неделе, Соловьев встретился с Грановским и Кавелиным. Грановский, только что защитил магистерскую диссертацию «Волин, Иомсбург и Винета». «С намешливой улыбкой» тот спросил Соловьева: «Что же Ваша диссертация?» – «Давно подана», – отвечал Соловьев. «Как подана? – возразил Грановский, не изменяя насмешливой улыбки. – Никто из факультета об ней не знает». Соловьев отвечал, что Давыдов обещал отправить ее Погодину. «А! Это дело другое», – заметил Грановский⁸⁸⁸.

Вновь положение Соловьева становилось неопределенным. Он жаждал публичности, обсуждения своей работы, а ее все еще никак не мог прочесть «воспитатель». Соловьев попросил Погодина переправить диссертацию в факультет. «Я долго думал, как объявить Вам мое мнение о Вашей диссертации, – отвечал Соловьеву учитель, – ибо я чувствую, как тяжело должно быть для Вас на первый раз при первом опыте выслушать отзыв нелестный: диссертация ваша, как магистерская, очень хороша, но как профессорская – вполне неудовлетворительна; приступ блестящий, правда, есть новое, чем я и сам воспользуюсь, но в изложении нет перспективы, точно так, как в сочинениях Беляева; повторяю: труд прекрасный, как магистерская диссертация; но как

⁸⁸⁷ Соловьев С.М. Мои записки. С. 289.

⁸⁸⁸ Соловьев С.М. Мои записки. С. 290.

профессорская – не годится». Погодин разводил научное и педагогическое значение труда Соловьева и намекал на то, что Соловьеву не нужно стремиться к самостоятельному преподаванию в университете. Молодому историку удалось заставить «воспитателя» кроме единственного слова от Погодина – «читал», надписать на диссертации еще «и одобряю»⁸⁸⁹.

После получения от Погодина отзыва Соловьев отнес диссертацию декану Давыдову, тот передал Кавелину. Взгляды Соловьева оказались созвучны взглядам молодого юриста, которые он излагал на лекциях в университете. Восторженный Кавелин сообщил об этом Грановскому. Грановский поинтересовался у Соловьева позицией Погодина. Соловьев рассказал всю историю взаимоотношений с «воспитателем». «Подлец!» – констатировал Грановский⁸⁹⁰. Симпатии западной партии оказались на стороне Соловьева.

29 июля на Совете факультета на две вакантные кафедры были предложены кандидатуры попечителя. На кафедру философии – М.Н. Каткова; на кафедру русской истории – С.М. Соловьева. Катков был баллотирован единогласно, вопрос о Соловьеве был отложен. Во время обсуждения кандидатуры Соловьева Шевырев предложил пригласить для чтения истории Погодина как известного ученого. Декану поручили снестись с Погодиным. 16 августа 1845 г. вопрос о чтении лекций по русской истории Соловьевым обсуждался в заседании Совета университета и решение было принято в пользу Соловьева⁸⁹¹. Именно он стал преподавателем русской истории в Московском университете.

История с назначением Соловьева на должность преподавателя в Московском университете показывает неформальную роль Строганова в подборе кадров историков в Московском университете. Устав 1835 г. не разрешал назначать на должность профессора ученого, не имеющего докторской степени, но Строганов продолжал действовать в вопросах замещения кафедр по своему усмотрению.

---

⁸⁸⁹ Там же. С. 290.

⁸⁹⁰ Там же. С. 291.

⁸⁹¹ 29 июля 1845 г. Соловьев рекомендован факультетом, 24 августа это решение утвердил попечитель. См. : ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 14. Ед. хр. 144. Л. 1–2; Оп. 249. Ед. хр. 33. Л. 358.

3.6.5. С.М. Соловьев как лектор

В сентябре 1845 г. Соловьев прочел две пробные лекции, высоко оцененные Грановским. «Грановский, пользовавшийся большим авторитетом, сказал: «Мы все вступили на кафедры учениками, а Соловьев вступил уже мастером своей науки», – вспоминал Соловьев⁸⁹².

Тогда же Сергей Михайлович начал читать курс русской истории «по собственным запискам, не придерживаясь никакого автора»⁸⁹³. Первый курс в университете Соловьев довел до конца XVI в., подробно рассмотрев в нем царствование Ивана Грозного. На следующий год он сумел затронуть в курсе уже Романовых после Смутного времени⁸⁹⁴.

Первые курсы в университете Соловьев читал одновременно с написанием докторской диссертации «История отношений князей Рюрикова дома», которую «на вакации 1846 года приготовил к печати»⁸⁹⁵. В диссертации рассматривалась окончательная победа государственного начала над родовым. Именно эта идея и стала первой теоретической мыслью, которую Соловьев пытался донести до студентов: «следить за постепенным и неослабным установлением государственного порядка, или наряда, в русской земле»⁸⁹⁶. Кроме того, на лекциях Соловьев обращал «особенное внимание на отношение между Русью московской и Русью литовской и на *историю сословий*»⁸⁹⁷. Фактически Соловьев изначально был близок к манере чтения лекций К.Д. Кавелина, который как юрист излагал историю становления государственных институтов в исторической перспективе.

---

⁸⁹² Там же. С. 292.

⁸⁹³ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1845/46 уч. г. М., 1946. С. 10. См. также: Шаханов А.Н. Соловьев как преподаватель. С. 100.

⁸⁹⁴ В январе 1848 г. А.И. Чивилев писал Сергею Михайловичу: «Носится слух, что Вы по окончании периода междуцарствия приступите к Дому Романовых. Если это правда, то от души Вас поздравляю и желаю самых лучших результатов». См.: НИОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л. 37; введено в научный оборот Шахановым. Шаханов А.Н. Соловьев как преподаватель. С. 100.

⁸⁹⁵ Соловьев С.М. Мои записки. С. 293; Любавский М.К. Соловьев и Ключевский // В.О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. М., 1912, С. 48. Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 32.

⁸⁹⁶ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1845/46 уч. г. С. 10.

⁸⁹⁷ Там же. С. 10.

Лекции Соловьева были менее схематичными, в них было больше фактического материала, ярче давались портреты тех или иных правителей.

Замысел лектора, судя по всему, был понятен слушателям. «Лекции его, – вспоминал А.Н. Афанасьев, студент второго курса юридического факультета в 1845/46 уч. г., заставший, таким образом дебют Соловьева как преподавателя, – отличались и свежестью взгляда, и фактической полнотою; он дал смысл всей этой безурядице княжеских распрей и, хотя уже не впервые, но с особенною наглядностью объяснил родственные (родовые) и вместе политические отношения княжеской фамилии»⁸⁹⁸.

В первых лекциях Соловьева уже соединялась история общественных отношений (что было характерно для его магистерской и докторской диссертаций) и событийная история⁸⁹⁹. Соловьев как бы отталкивался от событийной истории Карамзина, пытаясь переосмыслить ее в духе теории органического развития. Да и хронологически Соловьев достаточно быстро пошел дальше историка первой четверти XIX в.

Исследователь творчества Соловьева Шаханов считает, что общей тенденцией при чтении Соловьевым курса было сокращение его фактического содержания за счет усиления теоретической части. В целом это действительно было так. Но, как показывают исследования В.В. Кучурина, эту особенность чтения лекционных курсов нельзя распространить на 1850-е гг. В этот период Соловьев продолжает усиливать фактическое содержание лекций по XVI–XVII вв. Изучение конспекта программы 1849–1850 уч. г., убеждает в том, что более подробно, чем Карамзин, Соловьев рассматривает историю Смутного времени⁹⁰⁰. Как показывает запись лекций Соловьева, сделанная Герье, Соловьев в этот период гораздо больше времени отводит XVI в., увеличивая с 3 до 10 количество лекций,

⁸⁹⁸ *Афанасьев А.Н.* Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 267.

⁸⁹⁹ *Дубровский А.М., Кучурин В.В.* Лекционные курсы по истории России в научно-педагогической деятельности С.М. Соловьева второй половины 1840-х – 1850-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3 (37). С. 47–56.

⁹⁰⁰ Опубликована Дубровским и Кучуриным. См.: *Кучурин В.В., Дубровский А.М.* Сергей Михайлович Соловьев: Научно-педагогические взгляды и преподавательская деятельность. Брянск, 2002. С. 245–252.

отводимых на этот исторический период, проявляет пристальное внимание проблемам международного положения России. С 1851 г. на университетских лекциях Соловьев начинает излагать историю XVIII в. Позднее, у нас есть данные курсов историка за 1860-е гг., он доходит в своем изложении до второй четверти XIX в.

Значительное изменение в манере чтения курсов Соловьева приходится на 1860-е гг. Изначально Соловьев полагал, что материалы университетского курса будут положены в основу его обобщающих научных трудов: «Сначала мне казалось, – вспоминал Соловьев, – что “История России” и будет обработанный университетский курс»⁹⁰¹. Вполне возможно, что в конце 1840-х гг. Соловьев даже готовил университетский курс для печати. Однако эту идею он не осуществил. Судя по всему, опираясь на приведенную выше фразу Соловьева из его воспоминаний, Ключевский в мемориальном очерке об учителе, написанном в конце 1879 г., заметил, что «История России с древнейших времен» создавалась, можно сказать, в аудиториях Московского университета».

В отличие от Ключевского П.Н. Милюков считал, что университетские курсы – это «выжимка» из «Истории государства российского» Соловьева, где разбросанные по томам и страницам многотомного исследования теоретические обобщения сведены воедино в четкую систему и «очищены» от затрудняющего их восприятия фактического материала⁹⁰²

Как показал современные исследователи⁹⁰³, ситуация взаимозависимости университетских курсов, «Истории России» и научных трудов С.М. Соловьева была более сложной, чем это полагает Милюков.

Так, теоретические идеи «Истории», действительно, впервые отрабатывались Соловьевым на лекциях. Уже в первых курсах лекций в университете у Соловьева появляется мысль о влиянии природы страны на ее историю, позже весьма подробно изложенная историком в 1-м томе его “Истории” и еще раз

⁹⁰¹ Соловьев С.М. Мои записки. С. 326.

⁹⁰² Милюков П.Н. Воспоминания. С. 105.

⁹⁰³ См. работы Шаханова, Дубровского, Кучурина.

отрефлексирующая в 13 томе. Так, в карточке с планом для чтения лекций есть такая запись: «Природа страны, её влияние на историю. Огромность Российского государства; главные условия этой огромности. Разделение на северную и южную»⁹⁰⁴.

Появление в ранних курсах историографического введения⁹⁰⁵ объясняло разницу подхода к интерпретации событий русской истории у старых (особенно у Н.М. Карамзина) и новых историков и задавало тон организации исторического материала Соловьевым, и на лекциях, и в «Истории...». Интересно отметить, что особый интерес к теоретическим вопросам Соловьев проявлял тогда, когда чтение курса по философии в Московском университете было приостановлено (1848–1855), а в свет еще не вышли первые тома «Истории России» с объяснением органического взгляда профессора на исторический процесс. В более поздних курсах Соловьева историографическое введение становилось введением методологическим, в котором рассматривалось понимание исторического процесса и способов его восприятия современниками и исследователями.

Фактография университетских курсов, ведь они были шире «Истории...», приблизительно на 60 лет (только в курсах, дана полная оценка царствования Екатерины II, народным движениям второй половины XVIII века, эпохе Павла I и Александра I) была задействована Соловьевым и в других работах, отличных от «Истории с древнейших времен».

Изначально, судя по всему, лекции были более фактографичны. Огромный фактический материал о предшественниках Петра, использованный Соловьевым в лекциях начала 1850-х гг., в дальнейшем стал основой сначала отдельных исследовательских статей ученого, а затем вошел в тело многотомной «Истории...».

---

⁹⁰⁴ Соловьев С.М. Конспект курса лекций по русской истории // НИОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Д. 2. Л. 5. Карточка № 5.

⁹⁰⁵ «Обозреваются труды по русской истории в XVIII-м и в первой половине XIX-го века с разделением обзора на три отдела: от начала XVIII века до вступления на престол императрицы Екатерины II-й, от вступления на престол Екатерины II-й до появления "Истории Государства Российского" Карамзина, и от Карамзина до 1850 года». См.: Соловьев С.М. Конспект курса лекций по русской истории. // НИОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Д. 2. Л. 1.

Судя по всему, выход в свет первых томов «Истории...» Соловьева, заставил профессора отказаться от чрезмерной фактографии в курсах и вводить в лекционное изложение теоретические обобщения. В свою очередь это обобщающая работа всегда находила выражение в каких-то новых исследовательских работах С.М. Соловьева, служила основой для каких-то новых курсов.

Ключевский отметил тот факт, что в поздних курсах лекций Соловьева отходит на второй план идея борьбы государственных начал с родовыми как ведущий фактор русской истории. Впрочем, на замену этой важной для раннего Соловьева теоретической идее, именно в лекциях приходили новые «общие вопросы»: «значение движения в истории» (прогресс), «значении массы и личности в истории», «вопросы колонизации», то есть те проблемы, для ответа на которые Соловьев пишет научно-публицистические статьи в 1850–1860-е гг.

При этом фактографическое сокращение идет за счет материалов по Древней истории России. В конспекте лекций 1856/57 уч. г. по древней русской истории, составленным В.И. Герье, первая точная дата встречается лишь при изложении событий Смутного времени⁹⁰⁶. В курсе лекций 1867–1868 гг. древняя история освещалась в 9 лекций из 32, в курсе 1873–1874 г. – в 15 из 44. При этом, лекции по древней истории, как это и заметил Милюков, действительно могли быть выжимкой соответствующих томов «Истории России». Вся фактография курсов затем была вынесена Соловьевым в «Учебную книгу Русской истории». С 1860 г. курс «Древней истории» читался преимущественно в университете Н.А. Поповым. Соловьев сосредоточился на курсе «Новой истории».

Многие студенты 1860-х – 1870-х гг. вспоминают, что в лекциях Соловьева этого периода был усилен историко-сравнительный элемент и полемический аспект. «...Сравнивая древнюю русскую историю с историей других стран, – утверждал на лекции Соловьев, – сравнивая, что было сделано нашим народом при неблагоприятных обстоятельствах с тем, что было сделано другими при благоприятных, мы невольно наполняем уважением к этому народу уже помимо

⁹⁰⁶ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 29. Ед. хр. 17. Л. 27.

всяких патриотических побуждений⁹⁰⁷. Это явный ответ слушателям со стороны профессора для обсуждения темы Россия и Европа, которая после публикации работы Н.Я. Данилевского была на слуху. Впрочем, и в начале карьеры, в 1850-е гг. Соловьев не упускал эту проблему из вида и особенно подробно сравнивал положение славян в разных регионах Европы. Так, еще в курсе 1850 г. он планировал «краткий обзор состояния соседних государств, преимущественно славянских, в эпоху образования русского государства»⁹⁰⁸, намечал сравнение «Внутреннего состояния общества в обеих половинах Руси от половины XIII века до половины XV-го»⁹⁰⁹. Вполне возможно, что из этих исторических экскурсов в свое время рождался интерес к истории славянства Нила Попова, а затем курсы по истории славян М.К. Любавского, явно испытавшего серьезное влияние педагогической доктрины Попова.

В курсе 1873–74 гг. по новому поставлен вопрос о географическом факторе русской истории: «Одни географические условия не имеют полновластия в жизни народов, не имеют исключительного влияния, и множество ошибок в исторических исследованиях происходят от этой односторонности... Они имеют важное значение, с них должно начинать, но не должно давать им этого всевластия, этого всемогущества в народной жизни»⁹¹⁰. Соловьев как бы предлагал своим слушателям отказаться от географической детерминированности в иных исследованиях, выступающих движущей силой истории. Вполне возможно, что это была реакция на сочинения Т. Бокля, весьма популярного в среде молодежи с 1860-х гг.

Наконец, вносит на лекции Соловьев и полемику с оппонентами. «Дело историка состоит не только в том, чтобы добыть истину представления события – это его обязанность, от которой уклоняться он не должен, – но, с другой стороны, его обязанность объяснить и то, что не истинно или не совсем истинно, объяснить

⁹⁰⁷ Соловьев С.М. Лекции по русской истории 1873–74 г. Лекция V // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XXI Дополнительная. Работы разных лет. М., 1998.

⁹⁰⁸ Соловьев С.М. Конспект курса лекций по русской истории // НИОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Д. 2. Л. 1.

⁹⁰⁹ Там же. Л. 2.

⁹¹⁰ Соловьев С.М. Лекции по русской истории XVIII в. Лекция 3. С. 133.

откуда это явление неистинного объяснения, откуда эта ложь, это преувеличение»⁹¹¹, – утверждает историк, намекая на концептуальное изложение событий русской истории, присущее Н.И. Костомарову.

«Полемики в лекциях Сергея Михайловича так много, – вспоминал студент одного из последних его выпусков, – что в этом нас может убедить простое арифметическое вычисление: около половины данного им учебного материала характеризуется борьбой на поле исторической науки и защитой своих мнений»⁹¹².

Воспитательный пафос – это явно тенденция последних лет преподавания Сергея Михайловича. Соловьев позиционировал себя студентам на лекциях как многоопытного наставника, с которым невозможны дискуссии⁹¹³. В последний период своей деятельности он привлекал внимание к вопросам нравственности и добродетели. Воспитательные, эмоциональные стороны педагогического процесса ставил выше научных. Это вызывало разное эмоциональное восприятие студентов.

Студенты ценили Соловьева прежде всего как лектора и мыслителя на кафедре. Правда, оценки его в этом амплуа были различными. Часть слушателей не улавливали на лекциях ничего кроме схемы. «...Когда старый профессор в сотый раз говорил о “жидком элементе” в русской истории, магическое когда-то слово превращалось в мертвую фразу, мы начинали жаловаться на жидкий элемент в лекциях самого “патриарха” русской истории», – вспоминал П.Н. Милюков⁹¹⁴.

Совсем другая оценка лекции Соловьева у Ключевского, имевшего дар тонко понимать людей: «Слушая Соловьева, мы смутно чувствовали, что с нами беседует человек, много и очень много знающий и подумавший обо всем, о чем следует знать и подумать человеку, и все свои передуманные знания сложивший в стройный порядок, в цельное мирозерцание, чувствовали, что до нас

⁹¹¹ НИОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед хр. 10. Л. 35.

⁹¹² *Танков А.Л.* С.М. Соловьев как профессор // Колосья. 1885. № 8. С. 271. Сокращенный вариант: Вестник Европы. 1910. № 10. С. 348–353. Опубликовано Кучуриным и Дубровским. С. 278–284.

⁹¹³ «При воспитании молодого поколения прежде всего должна подразумеваться нравственная дисциплина, авторитет начальствующего лица, уважение к нему» // НИОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Ед. хр. 10. Л 78 об. –79.

⁹¹⁴ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. С. 105.

доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы, какая когда-то была исполнена над самим собой этим человеком и которую должно рано или поздно исполнить над собой каждому из нас, если он хочет стать настоящим человеком. Этим особенно и усиливалось впечатление лекций Соловьева: его слова представлялись нам яркими строками на освещенном изнутри фонаре»⁹¹⁵.

Ключевскому вторил Любавский: «Таковую постановку преподавания нельзя не признать в высшей степени удачной. Из такого преподавания студент выносил и цельный, и стройный взгляд на ход русской истории, и специальное знакомство с эпохой из первых рук, и знакомство с методами научного исследования, и, что особенно важно, уважение к кропотливому научному труду и к званию профессора, которое, в свою очередь, обуславливало собственную охоту к научным занятиям»⁹¹⁶.

Эволюция подхода Соловьева к лекционным занятиям лучше всего отражена Ключевским: «Начав специальное изложение с эпохи, на которой прервалась «История государства Российского» Карамзина, Соловьев с каждым годом понемногу подвигался все дальше вперед, но студент специально знакомился с доставшейся ему эпохой, уже подготовленный к тому общим курсом русской истории с древнейших времен. Содержанием этого курса была именно смена политических форм с объяснением исторических обстоятельств, при которых одна из них зарождалась, падала и переходила в другую, и с указанием перемен, какие при господстве той или другой из них происходили в составе общества и во взаимных отношениях его частей. С течением времени фактические подробности в этом курсе сглаживались все более, так что он превратился, наконец, в непрерывную цепь обобщений, в историко-философскую формулу политического и социального развития России»⁹¹⁷

⁹¹⁵ Ключевский В.О. С.М. Соловьев как преподаватель // Ключевский В.О. Сочинения. В девяти томах. Т. VII. М., 1989. С. 324.

⁹¹⁶ Любавский М.К. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский // Академик М.К. Любавский и Московский университет. М., 2005. С. 108.

⁹¹⁷ Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев // Ключевский В.О. Собрание сочинений в девяти томах. Т. VII. М., 1989. С. 310.

Какова была эта формула? Во многом, наверное, это было кредо русского консервативного либерализма. Возникшая при неблагоприятных условиях русская монархия, сумела стать серьезной силой на территории Восточной Европы. Русские князья и цари в ходе исторического процесса усмирили внешних и внутренних врагов, закрепостив при этом все сословия внутри страны. В эпоху новой истории всеильное русское государство должно раскрепостить сословия, избежав при этом революции. Программа для решения этого вопроса дана России Петром⁹¹⁸.

Именно эту концепцию в ранней советской историографии называли буржуазной теорией бесклассового государства, генетически возводили ее к историко-юридической школе, изучали место Соловьева в этой схеме. Безусловно, Соловьев застал все те мировоззренческие споры, которые привели к появлению этой концепции. Однако нам кажется, что и его исследовательский пафос и его педагогические идеи шире теории бесклассового государства. Соловьев создавал национальный метанарратив, «тотальную историю», где Россия была частью всемирно-исторического процесса. Как утверждал Герье, Соловьев был национальным историком в России, единственным национальным историком в Европе.

3.6.6. Педагогическая доктрина С.М. Соловьева

Соловьеву, как, наверное, чуть ранее Тимофею Николаевичу Грановскому, не хватало настоящих учителей, встретившихся на его жизненном пути. Во всяком случае, воспоминания Сергея Михайловича, пестрят большим количеством учителей-неудачников, в то время как образцов для подражания в них как не так много. Так, по мнению Сергея Михайловича, в эпоху его отрочества большинство

---

⁹¹⁸ См. подробнее *Волкова И.В.* Сергей Михайлович Соловьев. Очерки жизни и творчества // *Соловьев С.М.* Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992. С. 24–186.

учителей средней школы было «допотопным», отличалось «ирокезскими поступками» (битье и вырывание волос учеников) и «иезуитством»⁹¹⁹.

Общий уровень учительства в системе духовного образования Соловьев связывал с тем глубоким антропологическим кризисом, который проявился в духовном сословии в первой половине XIX в. Духовенство – некогда сословие учителей и миссионеров, в свое время находившееся на передовой просвещения в России, постепенно деградировало, превратившись в чиновников духовного ведомства, напрочь лишенное высоких духовных качеств, творчества, инициативы. Такое положение дел, правда, уже позднее, Соловьев объяснял во многом отрицательной селекцией, существовавшей в церкви. Отношение к учительству со стороны князей Церкви (епископов) рождало невыносимое положение для церковных педагогов. Епархиальные архиереи убивали духовную школу. «Филарет являлся для преподавателей хищным животным, которое прислушивается к малейшему шороху, обнаруживающему жизнь, движение, живое существо, и бросается, чтобы задавить это существо. Появится живая мысль у профессора в преподавании, в сочинении – Филарет вырывает ее, чтоб отнять в преподавателе охоту к выражению таких мыслей, публично позорит его на экзамене: Это что за нелепость! Дурак!»⁹²⁰, – свидетельствовал Соловьев. Плюсом духовных школ было сохранение нравственных норм юношества, в них обучающегося, о чем не заботились, к примеру, гимназические учителя⁹²¹.

Безусловно, университетские профессора по уровню знаний, общей эрудиции были людьми другого мира, однако и в них Соловьев также не видел идеальных преподавателей. Во-первых, многие из них не были на высоте знаний современной науки, сильно от нее отстали. Во-вторых, для многих профессоров преподавание было не служением, а безгрешным заработком. Вместо того, чтобы

⁹¹⁹ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 232. Исключение составляли некоторые гимназические учителя, немногие из которых были университетскими воспитанниками, а единицы – профессорами.

⁹²⁰ Соловьев С.М. Мои записки. С. 237.

⁹²¹ Соловьев С.М. Мои записки. В «Записках...» приведены примеры однокашников Соловьева по гимназии, которые были развращены еще в отрочестве, что сказалось на их физическом здоровье.

добиваться научного авторитета с помощью ученых трудов и ученых занятий, многие профессора стремились только к успешной карьере, выслуживаясь перед начальством, создавая маленькие группки по интересам, целью которых было провести на нужное место своих (именно так Соловьев характеризует черную уваровскую партию) и мешать чужим. Подобные профессора, например, Погодин и на студентов смотрели как на услужливую клиентелу, одобряя со стороны молодежи всяческое чиновничество и ухаживания.

Видя это, студенты превозносили профессоров, не похожих на карьеристов, того же Т.Н. Грановского, который за это платил сближением со студентами, теплыми личными контактами с молодежью. Последнее Соловьеву тоже не нравилось. Он не считал, что профессор должен формировать какие-то внеуниверситетские практики общения со студентами. Позже это отразилось на отношениях самого Соловьева со студентами. Как вспоминали ученики Соловьева, «он не допускал сближения со студентами, а держал их в известном от себя расстоянии. Профессор, говаривал он, обязан приносить пользу своими лекциями, а не беседами на дому – последние отнимают только время, нужное ему для лучшего приготовления первых и для необходимого отдыха в семействе»⁹²².

Если присмотреться к стратегии поведения в отношении учителей молодого Соловьева в бытность студентом университета, то выход он находил в саморазвитии и личных контактах с наиболее интересующими его профессорами, «ухаживании» за ними, правда, отказываясь, как того просил Погодин, от «таскания дров» для учителей. В одном из писем родителям Соловьев так сформулировал этот подход: «Для нас, которые должны пробиваться сами, путь жертвования есть путь единственный; к нам слова Христа прикладываются обратно: во время молодости мы должны позволить другим себя подпоясывать и

⁹²² *Галахов А.Д.* Сороковые годы // Исторический вестник. 1892. № 2. С. 402. *Худяков И.А.* Записки каракозовца. М.; Л., 1930. С. 42. «Со студентами Соловьев был малообходим, мало вообще им доступен». См.: *Георгиевский А.И.* Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. Т. CLXIII. № 9. С. 423. Соловьева отличало «недостаточное общение с слушателями». См.: *Голицын М.В.* Московский университет в 60-е гг: Воспоминания бывшего студента // Голос минувшего. 1917. № 11–12. С. 237. «Он не любим студентами и считается гордецом». См.: Дело петрашевцев. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 294.

вести куда не хотим, чтобы, по крайней мере, в старости пояса́ться самим и ходить свободно, куда ни пожелаем»⁹²³.

Образ идеального профессора стал складываться у Соловьева во время заграничной поездки. Во многом – это был собирательный, идеальный образ, построенный столь же на реальности, сколь на мечтах, питающихся юношеским максимализмом. Идеальный профессор представлялся Соловьеву своеобразным апостолом современности, в чьих руках живое предание, связь с Истиной, обеспеченное самостоятельным исследованием. Фактически роль профессора по Соловьеву, это священническое служение мирянина в святоотеческом понимании, общественная литургия, подлинное па́стырство Христово. Тут, безусловно, нужно вспомнить желание Соловьева на поздних курсах университета, соединить православие с наукой. Оно очень важно в условиях падения уровня образования в клерикальных кругах. Профессор – создатель современного гражданина. Для формирования современного гражданина нужно усиление жертвенности и па́стырского начала у профессора, превращение его в личность, способную через сердце донести до студента и новые мысли, и новые чувства, сформировать цельную личность, христианскую в своей основе.

Профессор «должен быть человеком мысли и человеком чувства, ученым и оратором вместе, высказывать истину и заставлять любить ее, показывать что хорошо, и вместе сообщать своим слушателям способность ко всему хорошему, одним словом, профессор должен владеть двумя орудиями в равной степени: доказательством и убеждением»⁹²⁴.

Романтическое представление Соловьева о профессорском служении заставило ученого примкнуть к западникам. Внешней причиной, безусловно, стал конфликт с Погодиным, для журнала которого «Москвитянин» была написана статья, где Соловьев рассуждал об идеальном профессоре. Однако у этого

---

⁹²³ Цит. по: *Шаханов А.Н.* Становление ученого // *Соловьев С.М.* Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 195.

⁹²⁴ *Соловьев С.М.* Парижский университет // *Соловьев С.М.* Сочинения. Книга XXIII. М., 2000. С. 13–14.

процесса есть скрытые внутренние причины, которые можно обнаружить в воспоминаниях историка.

Образ Погодина в воспоминаниях показывает, почему Соловьев отходил от своего бывшего учителя. Погодин, по мнению Сергея Михайловича, не обладал ни даром сердца («он славился своею грубостью, цинизмом, самолюбием и особенно корыстолюбием»⁹²⁵), ни даром мысли («лекции его не могли меня удовлетворять, ибо они не удовлетворяли и товарищей моих, хуже меня приготовленных»⁹²⁶). Вокруг себя он держал столь же нравственно порочных людей. Так, И.И. Давыдов «посвятил всего себя для удовлетворения одной страсти честолюбия и честолюбия мелкого»⁹²⁷, «пресмыкаясь перед сильными, он требовал пресмыкания перед собою всех, которые были ниже слабее его, горе человеку, в котором он заподозрил недостаток раболепства»⁹²⁸. Такая же характеристика в воспоминаниях Соловьева у С.П. Шевырева: «отличался страшною мелочностью, завистливостью, непомерным самолюбием и честолюбием и вместе способностью к лакейству»⁹²⁹. Низкие личные качества вели «ненастоящих профессоров» к педагогическим провалам. Так, Шевырев «богатое содержание лекции мог превратить в ничто, изложение богатых материалов умел создать нестерпимым для слушателей фразерством и бесталанным проповедником известных воззрений»⁹³⁰.

Совсем иное отношение к науке нашел Соловьев у западников, которые, казалось бы, совсем далеки от христианских идеалов Соловьева. «У так называемых западников сходились люди с весьма разнообразными убеждениями: искренно православные и отвергавшие всякую религию, приверженцы метафизики и последователи опыта, социал-демократы и умеренные либералы, поклонники государства и защитники чистого индивидуализма»⁹³¹. Объединяло западников «уважение к науке и просвещению», то есть идея служения науке, близкая

⁹²⁵ Соловьев С.М. Мои записки. С. 263.

⁹²⁶ Там же. С. 269.

⁹²⁷ Там же. С. 257

⁹²⁸ Там же. С. 258.

⁹²⁹ Там же. С. 259–260.

⁹³⁰ Соловьев С.М. Мои записки. С. 259.

⁹³¹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. М., 2010. С. 306.

Соловьеву. Проверку временем подобное представление о западниках не прошло. Именно вопросы веры, обсуждавшиеся во время «соколовских споров»⁹³², а затем наложившиеся на крыловскую историю⁹³³, привели к трещине в этом объединении ученых⁹³⁴.

К началу своего профессорского служения в России Соловьев обнаружил, что враждебными силами по отношению к вере, стремящимися выбить ее из процесса формирования новых культурных ценностей, являются не только католики-иезуиты, транслирующие истины школьного богословия, как это было в Парижском университете, но и такие, казалось бы, «прогрессивные личности», какими являются русские профессора и близкий к ним круг интеллектуалов-литераторов.

При этом в собственных воспоминаниях Соловьев сблизил иезуитов-католиков, русских интеллектуалов-атеистов и некоторых представителей русского духовенства. Объединяющей чертой тех и других стало отсутствие «сердечности», которую историк связал с отсутствием богатой внутренней жизни. Людями без сердца он представил и митрополита Филарета⁹³⁵, и С.С. Уварова, и А.И. Герцена, и Н.И. Крылова. Образ последнего как бы суммировал образ человека, не способного к воздействию на учеников и последователей. Соловьев считал симптоматичным, что Крылов был из духовного сословия, с «семинарским духом». По мнению Соловьева, он «был человек с большими способностями, с головой необыкновенно светлую, с блистательным даром изложения...»⁹³⁶. Однако, не обладая внутренней жизнью, Крылов буквально свидетельствовал о том, «как мало значат, как бесплодны умственные способности без основы нравственной». Он был «чистый от всяких убеждений, нравственных и научных»,

⁹³² Соколово – деревня под Москвой, где снимали дачи Грановский и его друзья. В центре споров в том числе оказался и вопрос о вере. См. *Левандовский А.А.* Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 155–163.

⁹³³ *Цыганков Д. А., Андреев А. Ю., Наумов П. Ю.* Крыловская история: Формирование этики профессорского служения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Т. 94. С. 112–130.

⁹³⁴ *Соловьев С.М.* Мои записки. С. 298–299.

⁹³⁵ Там же. С. 235–236

⁹³⁶ Там же. С. 295.

«ибо способность иметь последние показывает также нравственные требования в человеке, вступившем в ученое сословие»⁹³⁷. «Странно было слушать этого человека... мысли... излагаются в блестящей форме, но жизни, духа, внутренней, теплой связи нет ...», «впечатление, производимое разговаривающим Крыловым, было совершенно тождественно с впечатлением, производимым музыкальной машиною, разыгрывающею произведения великих мастеров: хорошо, но жизни нет; неодушевленные существа играют»⁹³⁸.

В результате кризиса кружка западников Соловьев перешел к защите веры в общественном поле. Вера, по Соловьеву, должна участвовать в формировании внутреннего мира человека, его сердечности, что будет залогом новых общественных отношений. То, что этого не происходит, связано не с особенностями веры, а с господством научного мировоззрения, отрицающего необходимость веры, а с особенностями ее миссионеров: «Православие отражает теперь на себе всю черную сторону настоящего состояния русского общества; оно страдает вместе с нами; при перемене к лучшему ... будет радоваться...; это наш верный спутник, не будем же отнимать от него руки нашей»⁹³⁹. Изменяться миссионеры веры и вопросы веры станут достоянием общественных дискуссий.

Интересно отметить, что как ректор Соловьев искал возможность приглашения в Московский университет тех людей, которые будут совмещать в своем преподавании веру и науку⁹⁴⁰. Не случайно, будучи ректором, он настоял на назначении на университетскую кафедру церковной истории протоиерея Александра Михайловича Иванцова-Платонова⁹⁴¹, во второй половине 19 века занимавшегося популяризацией славянофильского богословия в обществе.

---

⁹³⁷ Там же. С. 295–296.

⁹³⁸ Там же.

⁹³⁹ Там же. С. 240–241.

⁹⁴⁰ В осмыслении нуждается факт активного участия Соловьева в деятельности Миссионерского общества, что подчеркнул В.В. Кучурин. См.: *Кучурин В.В.* Религиозный мир С. М. Соловьева // *Мир историка*. Вып. 3. Омск, 2007. С. 131.

⁹⁴¹ *Цыганков Д. А.* Протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов и историки Московского университета // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 1. С. 137–149.

Конечно, при этом Соловьев, безусловно, ощущал, что университетская жизнь все более и более обмирщается, а изгнание веры ведется под знаменем идеи прогресса. Сам он с этим не соглашался. В этом смысле можно сказать завещанием Соловьева стало сравнение прогресса в материальной сфере с вечностью вероучительных истин в духовной жизни.

Этот комплекс новых идей, наверное, стал заметно ощущаться в преподавании позднего Соловьева. Любимой мыслью отца, по мнению сына Сергея Михайловича – философа Владимира Соловьева, было убеждение, что «человечество в своих настоящих условиях на обитаемой им планете должно одрехлеть и умереть»⁹⁴². «Прогресс нисколько не противоречит христианству, – утверждал Соловьев, – ибо он есть произведение слабости человеческих средств и высоты религиозных требований, поставленных христианством; христианство поднимает человечество на высоту, и это-то стремление человечества к идеалу, выставленному христианству, есть прогресс в мире нравственном и общественном»⁹⁴³. Вполне возможно, что под влиянием этих идей Соловьев был готов вносить коррективы в собственные представления об истории. Он, например, готов был усилить нравственную критику Ивана IV и Петра I.

По мнению Н.И. Цимбаева, анализировавшего цикл статей Соловьева «Прогресс и религия», под влиянием общественных настроений эпохи «Соловьев утратил исторический и социальный оптимизм молодых лет, он, окруженный друзьями и коллегами, ощущал общественное одиночество и с беспокойством вглядывался в будущее России и человечества»⁹⁴⁴.

Однако вопреки мнению исследователя современники считали, что в конце жизни Соловьев был мыслителем, смотревшим на мир с христианских позиций. Профессор богословия Н. Сергиевский отметил, говоря о Соловьеве: «На высоте знания глубже погружается в веру; на страде и успехе подвига больше вооружается

⁹⁴² Соловьев С.М. Прогресс и религия // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVI. М., 1995. С. 680.

⁹⁴³ Соловьев С.М. Прогресс и религия // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVI. М., 1995. С. 682. Первый раз мысль постулирована в знаменитом введении к 13 тому: «Абсолютного прогресса нет, нет золотого века впереди, а есть известное движение, которое мы называем развитием».

⁹⁴⁴ Цимбаев Н. И. Комментарии // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVII. М., 1996. С. 736.

в силу смирения веры; при вызывающих криках лжезнания не стыдится исповедания веры; на всем поприще жизни являет, что живет верой; во исходе с этого поприща ищет запечатления жизни знаменами веры, святыми таинствами христианскими»⁹⁴⁵. Об этом писал и ближайший ученик Соловьева – В.О. Ключевский: «Соловьев был историк-моралист: он видел в явлениях людской жизни руку исторической Немезиды или, приближаясь к языку древнерусского летописца, значение правды Божией. Я не вижу в этом научного греха, эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная к сознанию своею нравственною стороною, та же научная связь причин и следствий, только приложенная к явлениям добра и зла, помышления и воздействия. Соловьев был историк-моралист в том простом смысле, что не исключал из сферы своих наблюдений мотивов и явлений нравственной жизни. Кто из слушателей Соловьева не запомнил на всю жизнь этих нравственных комментариев, что "общество" может существовать только при условии жертвы, когда члены его сознают обязанность жертвовать частным интересом интересу общему, что уже первоначальное, естественное общество человеческое, семейство, основано на жертве, ибо отец и мать перестают жить для самих себя, что общество тем крепче, чем яснее между его членами сознание, что основа общества есть "жертва", что "европейское качество всегда торжествовало над азиатским количеством" и что это качество состоит в "перевесе сил нравственных над материальными", что величие древней Руси заключалось в сознании своих несовершенств, в сбереженной ею способности не мириться со злом, в искреннем и горячем искании выхода в положение лучшее посредством просвещения. Все это, повторяю, довольно элементарно, но все это должно быть продумано на студенческой скамье и только на ней может быть продумано, как следует»⁹⁴⁶.

Некоторые установки Сергея Михайловича свидетельствуют о том, что в университетской жизни он был более требователен к профессорам, чем к

⁹⁴⁵ *Сергиевский Н.* Памяти Сергея Михайловича Соловьева // *Православное обозрение*. 1879. Т. 3. № 10. С. 362.

⁹⁴⁶ *Ключевский В.О.* Соловьев как преподаватель // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. 7. М., 1989. С. 327

студентам. Не случайно, что он считал, что экзамен – это проверка профессиональной годности читающего курс: «На экзамене профессор испытывает не одного студента, он испытывает самого себя, ибо нигде преподавание так не регулируется, как на экзамене, ибо нигде недостатки курса выпукло не представляются для самого автора курса»⁹⁴⁷. Именно поэтому он часто посещал экзамены своих коллег, прося их в свою очередь перенимать педагогический опыт друг у друга⁹⁴⁸.

Методические взгляды Соловьева на роль учителя особенно хорошо видны на примере его представления о преподавании истории в гимназии. Во-первых, Соловьев требовал, чтобы при интересе к теоретической стороне истории, в основе преподавания лежали только точные факты. Во-вторых, за грамотность и подбор фактов ответственность возлагалась на преподавателя, который правильно выбирает учебник и объясняет темные места истории. Плюсами преподавания Соловьев считал хорошую группировку фактов и сжатый рассказ, не допускающий фразерства (за этот он хвалил учебник Г. Вебера)⁹⁴⁹. К минусам преподавания он относил безличность изображения исторического процесса, засоренность изложения второстепенными деталями по политической и военной истории, неуместный «карамзинский слог». Целью обучения было воспитание гражданина. Изучающий историю должен «понять себя как европейца и вместе как русского»⁹⁵⁰. Реализуя эту задачу, одинаково нельзя как избегать непривлекательных сторон русской жизни, так и нашивать «яркие заплаты... на простую одежду наших предков»⁹⁵¹. Различие преподавания в гимназии и

⁹⁴⁷ Цит по: *Шаханов А.Н.* Соловьев как преподаватель. С. 116.

⁹⁴⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 33. Д. 254. Л. 5, Оп. 25. Д. 73. Л. 5.

⁹⁴⁹ *Соловьев С.М.* Докладная записка в совет Московского университета о преподавании истории в гимназиях // Преподавание истории в школе. 1988. № 4. С. 37–38

⁹⁵⁰ Там же. С. 36–40.

⁹⁵¹ *Соловьев С.М.* О преподавании истории // Москва. 1868. № 71–72; *Соловьев С.М.* Докладная записка в совет Московского университета о преподавании истории в гимназиях // Преподавание истории в школе. 1988. № 4. С. 36–40.

университете заключается в том, что «учитель истории рассказывает ученикам что было; профессор рассуждает со студентами, что былое значило»⁹⁵²

При подобных методических установках Соловьев был не очень строг к своим слушателям. Б.Н. Чичерин вспоминал: «Мне памятен и экзамен Соловьева. Я предмет знал отлично и приготовился блеснуть своим ответом. Вопрос мне попался из эпохи междоусобицы: битва, в которой был ранен князь Пожарский. Подошедши к столу, я начал так: "В пятницу на страстной неделе..." Тут Соловьев меня прервал, сказав: "Довольно!" и поставил пять. Я тогда еще вовсе не был с ним знаком, но впоследствии рассказал ему, как он меня удивил своим экзаменом. "Я знал вас за хорошего студента, – отвечал он, – вижу, что вы знаете такую подробность, чего же более?"»⁹⁵³.

В целом личные коммуникации со студентами в университетском пространстве у Соловьева односторонни. Профессор в преподавании был монологичен. В результате Соловьеву совершенно не удавались семинары. Семинары у занимающихся русской историей были введены для студентов 4 курса с 1870–1871 уч. г. До 1873 г. под семинары использовался один час в неделю, с 1873 – два. По воспоминаниям Кареева, на семинары, поскольку они не были обязательными, записывалось небольшое количество студентов (5–7 человек), иногда на занятия приходили 1–2 студента, «но Соловьев и тут не пропускал часов, назначенных для практических занятий»⁹⁵⁴. На занятиях Соловьев не допускал отступления от академического разбора вопросов и не дискутировал со студентами общественных вопросов. «От студентов Соловьев держал себя очень далеко, настоящим «генералом»... Среди студентов поэтому Сергей Михайлович только пользовался почтительным уважением. Он устроил для нас четырех на последнем курсе семинарии, куда являлся с зятем своим... Поповым... Соловьев и с ним держал себя важно и строго. Один раз он спросил кого-то из нас, как он понимает

⁹⁵² *Ключевский В.О.* С.М. Соловьев как преподаватель // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. 7. М., 1989. С. 328.

⁹⁵³ *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Москва сороковых годов. Путешествие за границу. М., 2010. С. 176–177.

⁹⁵⁴ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 121–122.

различие между вотчинами и поместьями, но пока тот собирался ответить, отличавшийся живостью характера Попов дал быстрый ответ. «Вас не спрашивают, – обрезал его Соловьев, а Нил Александрович поднял снизу свою большую, длинную бороду, чтобы скрыть ею свой смех»⁹⁵⁵, – вспоминал Кареев.

В семинаре Соловьева от студентов требовалось написание двух докладов с последующим их обсуждением. Как правило, на занятиях разбирали 13 том «Истории России» профессора (глава «Россия перед эпохой преобразования»), его критику, новейшие сочинения по истории России (1873–1874 уч. г.), а также источники по русской истории (галицко-волынское летописание, редакции Русской Правды)⁹⁵⁶. Как и позже Ключевский, Соловьев иногда превращал семинар в специальный курс. Так, в 1873–1874 гг. он разбирал на семинаре крупнейшие памятники средневекового законодательства – Русскую Правду, Литовский Статут, законодательные памятники XVII–XVIII вв. Уложение 1648 г. была охарактеризовано Соловьевым как «летопись юридической жизни русского народа»⁹⁵⁷.

Можно сказать, что под влиянием разнообразных причин Соловьев сформировал три максимы собственной жизни, влиявших на его профессорское служение: личное исповедание веры, высокое представление о профессорском служении и мечту о России как христианском обществе.

В тех вопросах, где все зависело лично от него, Соловьев добился реализации поставленных задач. Не случайно многие современники рассматривали его научную и педагогическую практику как аскетический подвиг. Именно так свое будущее призвание рисовал в письмах к родным сам Сергей Михайлович в начале своего пути: «...Я отказался от монашества и, посвятив себя ученым занятиям,

⁹⁵⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 121–122.

⁹⁵⁶ А.Н. Шаханов связывает с проблематикой работ семинаров Соловьева темы сочинений для получения золотой медали, объявляемые С.М. Соловьевым: «История Пскова» (1858), «Русское летописное дело в XII–XV вв.», «Сказание иностранцев о Московском государстве». Однако вряд ли это замечание верно, поскольку все вышеозвученные темы объявлены до появления семинара как явления в Московском университете. См.: Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель. С. 118.

⁹⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Ед. хр. 8, К. 8. Ед. хр. 1–9.

сделал то же самое – отрекся от мира и самого себя»⁹⁵⁸. И именно об этом в надгробной речи сказал о Соловьеве профессор университета и протоиерей Н. Сергиевский: «Скажите, разве возможен такой подвиг без аскетизма христианского? Ибо возможно ли без глубокой веры и строгой жизни быть бытописателем такой земли, история которой от начала до конца есть непрерывный страдальный подвиг великого народа, притом совместно с историей христианства в жизни народной, – и в жизни этой собственно вера православная есть бьющееся сердце, чрез которое проходят и живятся все жизненные токи?»⁹⁵⁹.

Как профессор-гражданин, Соловьев поставил вопрос об общественной жизни как жертвенном служении, что и стало уроком для его учеников. Во многом, современниками это воспринималось как следования традициям Грановского. Они, особенно старшие его ученики, этот урок запомнили. Идея, что наследуются культурные достижения человечества, в то время как в материальной эволюции могут быть остановки и движение назад, обсуждалась в сообществе московских историков на рубеже XIX – XX вв.

Под влиянием западников от христианской идеи профессорства как жертвенного служения у позднего Соловьева остается идея профессорства как нравственного долга и дисциплины. Кстати, последнее очень тяжело понималось западниками. Ежемесячные отчеты на имя попечителя о пропущенных преподавателями занятиях пестрят фамилиями Грановского и Кавелина, а вот фамилии Соловьева там нет⁹⁶⁰. Как вспоминал, один из представителей духовного сословия, Сергей Михайлович признался ему, что за всю свою карьеру пропустил лишь несколько занятий. Собеседник так прокомментировал эти слова: «Нас поразило это сообщение... Значит, он был прежде всего человек долга»⁹⁶¹.

⁹⁵⁸ Соловьев С.М. Письма из Европы // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX в. С. 183–184.

⁹⁵⁹ Сергиевский Н. Памяти Сергея Михайловича Соловьева // Православное обозрение. 1879. Т. 3. № 10. С. 362.

⁹⁶⁰ Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки: историографический ежегодник. 2002 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2002. С. 98.

⁹⁶¹ Зноров М. (архиеп. Николай). Мои воспоминания. Варшава, 1914. С. 21.

Поздний, консервативный Соловьев считал, что необходимо религиозное миссионерство на кафедре. К проблеме соотношения науки и веры он, как мы помним, пришел в результате увлечения гегельянской философией. Зримо он столкнулся с этой проблемой во время заграничного путешествия в Европе: он обратил внимание на обсуждение богословских вопросов в обществе, изучал публикации католических журналов⁹⁶², слушал лекции историков Церкви (например, А. Неандера⁹⁶³). В результате рациональное постижение веры, попытка сделать богословие частью научной системы Соловьева разочаровало. Однако вместе с тем Соловьев считал желательным бесконфликтное существование двух систем, их взаимное обогащение, совместное влияние вероучительных и научных элементов на формирование мировоззрения современного ему человека. В Париже Соловьев впервые отвел важную роль профессору высшей школы в деле сглаживания противоречий между верой и наукой⁹⁶⁴.

Будучи профессором Московского университета он выступал против секуляризации общественной жизни. Соловьев считал, что для формирования современного гражданина необходимо усиление жертвенности и пастырского начала у профессора, превращение его в личность, способную донести до студента и новые мысли (современная наука), и ценности веры. Профессор должен формировать цельную личность студента, христианскую в своей основе. Для достижения этой цели не духовенство должно идти в университет, а профессор в своем преподавании должен подниматься до миссионерского служения.

---

⁹⁶² Соловьев С.М. Письма на родину. 1842–1844 гг. С. 81.

⁹⁶³ Соловьев С. М. Мои записки. С. 272–273.

⁹⁶⁴ О значении этой статьи см.: Кучурин В.В. Начало формирования научно-педагогических взглядов С.М. Соловьева // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3. С. 96–101. Западники восприняли эту статью Соловьева как написанную со славянофильских позиций.

3.7. Диспут как элемент университетской культуры в эпоху С.Г. Строганова

3.7.1. Диспут как процедура: становление в университетском пространстве

Диспут – один из основополагающих элементов университетского пространства наряду с лекцией, семинаром, профессорской и студенческими корпорациями. Диспут существовал на всех этапах развития университета как социального института: от средневекового цеха-корпорации до современности.

Изначально диспут (*disputatio*) был одним из методов обучения в средневековом университете наряду с другими формами занятий, например, лекцией (*lectio*) и вопросами (*questiones*). Появление диспутов, связано с усвоением античных методов преподавания⁹⁶⁵. Долгое время лидером в организации диспутов был Парижский университет. Диспут мог представлять собой соперничество между магистром и его студентами, между несколькими магистрами, между магистрами и бакалаврами. Он использовался как форма уяснения содержания лекции, когда необходимо было прийти к правильной точки зрения, на которой настаивал профессор. В этом смысле диспут был техникой достижения поставленной цели. Иногда диспут, напротив, был формой свободной дискуссии. Тогда особую роль в этом процессе играл преподаватель (*magister*), который назначал докладчика (*respondens*) и оппонентов (*opponentes*), а сам взвешивал их доводы и подводил итоги дискуссии.

Одной из форм средневекового диспута был диспут без заданной темы (*quodlibet*), когда магистр отвечал на любые вопросы, собравшихся для участия в научном заседании. Такие диспуты проходили в торжественной обстановке перед

---

⁹⁶⁵ Weijers O. *La disputatio à la Faculté des arts de Paris (1200–1350 environ)*. Amsterdam, 1995.

Рождеством или Пасхой и были чрезвычайно популярны особенно в XIV веке. В Париже, Праге и Эрфурте такие диспуты стали традиционными⁹⁶⁶.

В послереформационную эпоху стала намечаться тенденция к единообразию форм диспута⁹⁶⁷. Гуманисты, ставшие влиятельными в университетах, с одной стороны, отделяли новые диспуты от устаревших форм занятий, во-вторых, предлагали пособия по правильному устройству диспутов⁹⁶⁸. В это время стандартизируются роль организатора диспута (председатель), докладчика (защита тезиса) и оппонента (проверка силлогизма докладчика). При этом докладчик не обязательно защищал собственный тезис, ему могли назначить к защите любую точку зрения, которую он должен был презентовать риторически красиво и логически правильно. Оппонент должен был увидеть изъяны логики докладчика и разрушить систему построения доказательств выступавшего. Председатель имел право поправлять и исправлять докладчика, но одновременно мог давать идеи для работы оппонента. Пособия XVII в. давали примеры тем диспутов, стратегий их представления и возражения к ним.

С XVII в. появляется традиция печатания выступления докладчика (диссертация). Устная часть диспута – защита – теперь увязывалась с диссертацией⁹⁶⁹. Немецкий исследователь Марти считает, что 1680 г. – это примерная дата, с которой диссертация считается более важной, чем устный диспут при ее защите. Дело в том, что в средневековом университете диспуты как элемент университетской культуры использовался для присуждения ученых степеней и был связан с *ius venia legendi* (право на чтение лекций) и *ius docendi* (право на преподавание). При таких условиях получение степени в торжественном

⁹⁶⁶ *Weijers O.* Disputations at the medieval universities // *Disputatio 1200–1800: Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur* / ed. by Marion Gindhart and Ursula Kundert. Berlin, New York: pp. 21–23.

⁹⁶⁷ *Тоштендаль P.* Профессионализм историка и историческое знание. М., 2014. С. 105.

⁹⁶⁸ *Felipe D.* Ways of disputing and principia in 17 th century. German disputationis handbooks // *Disputatio 1200–1800: Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur*. P. 34–61.

⁹⁶⁹ *Marti H.* Disputation und Dissertation. Kontinuität und Wandel im 18. Jahrhundert // *Disputatio 1200–1800: Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur* / ed. by Marion Gindhart and Ursula Kundert. Berlin, New York: pp. 64–66, 68. *Тоштендаль A.* Указ. соч. С. 105–106.

собрании в присутствии всех представителей факультета очень быстро превратилось в форму репрезентации университетом своей власти, стало аналогом рукоположения в диаконство и священство в церкви, возведения в рыцарское достоинство монархом. При таком прочтении диспута он превращался в средневековую церемонию присоединения к корпорации, где у каждого были четко прописанные роли. В этих условиях председатель мог быть тем человеком, который писал сценарий всего происходящего: речь докладчика, вопросы оппонентов. До церемонии все его участники знали свои роли. Поскольку присоединение к корпорации щедро оплачивалось номинантом (кроме оплаты процедуры возведения в ученую степень, он должен был устроить торжественный обед для всей корпорации), то все заинтересованные лица действовали согласно сценарию.

Однако подобная практика вызывала недовольство формирующейся ученой республики, выступавшей против схоластической науки, под которой в том числе понималась и средневековая практика возведения в ученые степени⁹⁷⁰. В результате к эпохе классического университета на диспуте получающий степень должен был показать ее научную новизну и доказать это в споре со специалистами.

Новые требования, правда, в свою очередь привели к новым проблемам. В течение 18 века крупные ученые продавали свои работы богатым ученикам и помогали им в публичной защите диссертаций. Это привело к тому, что в некоторых университетах для номинанта, желающего читать лекции именно в этом университете, проводили специальную процедуру проверки (*habilität*) в виде экзамена на факультете. В отличие от публичного диспута он был закрытым. Как следствие развития университетской системы в Европе, докторская степень стала свидетельством об успешном окончании всех ступеней образования в университете. Защита диссертации в таком случае происходила публично. Для того, чтобы получить право на преподавание в университете необходимо было написать дополнительную работу, которая рассматривалась на факультете.

---

⁹⁷⁰ Marti. Ibid. P. 83–85.

В Московском университете диспуты как форма преподавания и привлечения общественного внимания к университету появились сразу же с его основанием. Как правило, ежегодно профессору Московского университета к одному из актов дней поручалось устроить торжественный диспут, праздничную дискуссию на научную тему, которая бы показывала обучаемость студента и заинтересовывала публику научными баталиями. Организацией такого рода мероприятий занимался, например, профессор Дильтей в 1757 г. Диспут стал инструментом привлечения внимания публики к «успехам наук», средством репрезентации ученого постижения мира, главным в котором была занимательность и элемент поучения для публики. Однако в этом отношении конкуренцию диспуту достаточно быстро составили речи как профессоров, так и студентов, подготовить которые оказалось гораздо проще, чем организовать диспут.

В дальнейшем становление диспута оказалось связанным с учеными степенями. Проектируемые еще Ломоносовым, ученые степени появились в России в начале XIX в. (за скобками оставляем вопрос о получении ученых степеней на медицинском факультете). Сначала высочайшим указом от 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» университетам было дано «право давать ученые степени и достоинства»⁹⁷¹. Затем в уставе Дерптского университета и IX главе университетского устава 1804 г.⁹⁷² уже были созданы процедуры получения степеней.

Приживались ученые степени в России очень сложно⁹⁷³. После очередного скандала, связанного с производством в степени в 1819 г., правила получения

⁹⁷¹ Сборник постановление по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. Стб. 17.

⁹⁷² ПСЗ. № 21497. Об уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов и подведомых оным учебных завдений // Уставы Московского университета. 1755–2005. М., 2005. С. 118–120; *Кричевский Г.Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2; *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917. М., 1994; *Чесноков В.И.* Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России: Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 113–137.

⁹⁷³ См. об этом раздел: «Ученые степени в российских университетах» коллективной монографии «Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX в.». М., 2012. С. 326–388;

ученых степеней были ужесточены⁹⁷⁴. Как справедливо замечает Чесноков, «тогда же был установлен и сам порядок приобретения ученых степеней: обязательное представление диссертации и испытания, устные и письменные, для ищущих ученую степень магистра и доктора, причем соискатели экзаменовались по всем предметам» своего факультета⁹⁷⁵.

В 1837 г. появилось новое положение об ученых степенях, оно было рассчитано на 3 года, но в 1840-х гг. его действие было продлено⁹⁷⁶. Единые до того магистерские и докторские степени по философским наукам были разделены на 5 разрядов, появился разряд исторических наук. Положение 1844 г. облегчило условия получения степеней, магистерская степень по истории подразделялись на два самостоятельных разряда – по русской и всеобщей истории, а докторская оставлась единой. Наконец, положение 1864 г.⁹⁷⁷ отменило дополнительные испытания на степень доктора (до этого докторский диспут сопровождался устными экзаменами), появился новый магистерский разряд – по теории и истории искусств.

Фактически законодательством об ученых степенях создавалась регламентирующая процедура замещения университетских должностей. Вхождение в профессию историка становилось не только проявлением монаршей воли (как в случае с историографами), следствием заключения контракта с надлежащим начальством (академики и профессора XVIII в., а также те же историографы), сколько определенного научного ценза: установленного срока обучения, проведенного в университете, и выполнения квалификационных работ, публично защищенных в университете.

Андреев А.Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 1(62). С.62–89.

⁹⁷⁴ Сборник постановление по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. Стб. 1134.

⁹⁷⁵ Чесноков В.И. Указ. соч. С. 133–134.

⁹⁷⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отделение 1-е. СПб., 1864. Стб. 984–988.

⁹⁷⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1867. Стб. 636–643.

3.7.3. Формирование диссертационной культуры в диспутационной практике московских историков

В рамках новых законодательных актов об ученых степенях (Положения 1837, 1844 гг.) проходили защиты знаковых диссертаций историков в Московском университете в 1840-е гг., на которых мы остановимся более подробно, чтобы показать соединение законодательных идей с действительностью. Рассмотрим магистерские и докторские диссертации Т.Н. Грановского и С.М. Соловьева, тем более, что они взаимосвязаны.

Преподавая в Московском университете с 1839 г., будучи единственным преподавателем кафедры всеобщей истории, Грановский не имел ученой степени, но в ситуации противостояния в университете двух профессорских группировок («молодые» и «старые» профессора) имел статус неформального лидера молодых ученых сил университета.

Грановский в конце 1844 г. предложил для обсуждения диссертацию «Волин, Иомсбург и Винета»⁹⁷⁸, в которой он показывал, что данные письменных источников не подтверждают славянских преданий о существовании Винеты и пытался разобраться, что стало основой для таких представлений.

На стадии вынесения Грановским диссертации на обсуждение возникли сложности. О.М. Бодянский и С.П. Шевырев, которые должны были быть «официальными возражателями» (термин для рецензентов по положению 1837 г.), требовали от Грановского самому отказаться от защиты, забрав диссертацию из факультета. Такой прецедент уже был. Летом 1844 г. П.Н. Кудрявцев предоставил на рассмотрение факультету магистерскую диссертацию «Папство и империя в IX, X, XI и начале XII века». Судя по автографам на втором листе рукописи, ее просматривали О. М. Бодянский, Т.Н. Грановский, С. П. Шевырев, А. И. Чивилев

---

⁹⁷⁸ *Галямичев А.Н.* Средневековая история славян в научно-педагогической деятельности Т.Н. Грановского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 3. С. 43–49.

и К. К. Гофман⁹⁷⁹. На полях находятся пометки Шевырева, и, по свидетельству П.П. Копосова⁹⁸⁰, Шевырев настоял на необходимости переделать работу. Конфликт разрешили Строганов и Грановский. Диссертация с обсуждения была снята, но Кудрявцев получил возможность поехать за границу и получил уверения, что ему будут помогать с назначением на должность в Московском университете.

В ситуации с собственной диссертацией Грановский отказался следовать неформальным рекомендациям «возражателей» и потребовал от них письменного отзыва, запрещающего ему публично защищать диссертацию. Грановский рассчитывал на то, что, если отзыв будет отрицательным, то это вызовет недовольство попечителя графа С.Г. Строганова, без мнения которого ничего в университете не делалось. Возражатели письменно дезавуировать диссертацию не захотели. Для проведения диспута необходимо было положительное решение факультета, занесенное в протокол, которое Грановский получил.

Историю выхода на защиту Грановский описал в письме к Н.Х. Кетчеру 1 ноября 1844 г.: «Диссертацию я не защищал до сих пор, потому что друзья мои, Давыдов и Шевырев, при пособии Бодянского хотели возвратить ее мне назад с позором. Я просто не взял и потребовал от них письменного изложения причины. Разумеется, они уступили...»⁹⁸¹.

Герцен в дневнике еще более сгущал краски: «Такова дикая нетерпимость славянофилов, что они хотят возвратить диссертацию, что, вероятно, примеру не имеет, и готовы преследовать Грановского как лицо. Преследовать за Винету – это делает маленькое указание: если б эти люди получили власть в руки, чтобы они сделали со всеми не покоряющимися их варварским мнениям, – они показали бы, что такое цензура вселенского народа и что такое кроткая сила слова православной церкви. Теперь они ликуют и не нарадуются вести, что «Отечественные записки» запрещены, а через кого, как не через Погодина и Шевырева? И Грановского

⁹⁷⁹Кудрявцев П.Н. Папство и империя в IX, X, XI и начале XII столетия // ОРК НБ МГУ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 1 Л. 2.

⁹⁸⁰ Русская мысль. 1898. № 1. С. 14.

⁹⁸¹ Письмо от 1 января 1845 г. А.И. Герцена – Н. Х. Кетчеру с припиской рукой Т.Н. Грановского // Герцен А.И. ПСС в 30-ти томах. М., 1961. Т. 22. С. 214.

журнал отчего не позволяют, – я уверен, что по их гадким доносам и проискам»⁹⁸².

За день до защиты диссертации Грановским Погодин, который уже вышел в отставку со своей профессорской должности, занес в дневник следующую фразу: «читал диссертацию Грановского и приготовился спорить»⁹⁸³.

Публичный диспут состоялся 21 февраля 1845 г. Вечером после защиты Погодин отметил в дневнике: «Диспут. По вызову Давыдова я начал говорить, а потом неожиданно и Бодянский. Длинная речь в неприличной форме. Почти шиканье после некоторых реплик. Редкин отвечал глупость Шевыреву, и ему захлопали, а Шевыреву знаки неодобрения. Каковы! Я должен был вступиться против Редкина и показать, что разделяю мысли Шевырева. Строганов молчал. Рукоплескания в заключении. *Novus nascitur ordo!* О многом желал бы поговорить. Много званых, но мало избранных»⁹⁸⁴.

Обратим внимание, что Погодин ждет какой-то позиции от попечителя Строганова, который, согласно нормативным документам, к диспуту не имеет никакого формального отношения. Возможно, здесь скрытое ожидание того, что Строганов публично станет на сторону Погодина и признает свою вину в поддержке молодежи.

Интересное добавление к свидетельству Погодина мы можем найти в письме А.С. Хомякова: «Вы уже вероятно слышали о диспуте Грановского. Неловкостей была бездна: Бодянский и Шевырев попались впросак. Грановский защищался слабо. Редкин осрамился в пух. Лавры все пожал И.И. Давыдов, передернул весь факультет как колоду, всех надул и всех утопил волнами академического красноречия. Впрочем, симпатии народные и студенческие выразились ярко и несомненно. Вечером Герцен потирал руки и говорил у Васильчиковых: «*Les Slaves sont battus*»⁹⁸⁵.

⁹⁸² Герцен А.И. Дневник // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 2. С. 388–389.

⁹⁸³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. С. 44.

⁹⁸⁴ Там же. С. 45.

⁹⁸⁵ Там же. С. 4.

Это письмо нам показывает двух официальных «возражателей от факультета», которые согласно Положению 1844 г., должны были оппонировать защищаемому (Бодянский и Шевырев) и участие в дискуссии не только представителей факультета, но и профессоров университета (Редкин). Председательствует на диспуте декан, который при слабом выступлении докладчика, провальных – официальных и неофициального оппонентов приводит диспут к положительному финалу – утверждению номинанта в степени. Наконец, отмечена Хомяковым и публика (студенты и московское общество), которая выражает отношение к происходящему. Студенты шикают противнику Грановского (Бодянский) и выражают сочувствие Грановскому.

На первой же после диспута лекции Грановского студенты встречают своего кумира аплодисментами. Администрация этого ожидала. Инспектор студентов П.С. Нахимов попросил молодежь вести себя сдержанней, поскольку в ином случае Граф Строганов может быть недоволен. Грановский ответил студентам речью: «Мм. Гг.! Благодарю Вас за тот прием, которым Вы почтили меня 21 февраля. Он меня еще более привязал к Университету и к Вам, Мм. Гг. В этот день я получил самую благородную и самую драгоценную награду, какую только мог ожидать преподаватель. Теперь отношения наши уяснились; поэтому я думаю, Мм. Гг., что вперед внешние излишния Ваших чувств будут излишни, точно так, как между двумя старинными, испытанными друзьями излишни новые уверения в дружбе. Теперь эти рукоплескания могут только обратить на нас внимание. Я прошу Вас, Мм. Гг., не перетолковывайте этих слов в дурную сторону. Я говорю их не из страха за себя, даже не из страха за Вас, Мм. Гг., – я знаю, что страхом Вас нельзя остановить. Меня заставляют говорить причины более разумные, более достойные меня и Вас. Мы, равно и вы и я, принадлежим к молодому поколению – тому поколению, в руках которого жизнь и будущность. И Вам, и мне предстоит благородное и, надеюсь, долгое служение нашей великой России, России – преобразованной Петром, России – идущей вперед и с равным презрением внимающей и клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, без всякого собственного содержания, – и

старческим жалобам людей, которые любят не живую Русь, а всякий призрак, вызванный им из могилы, и нечистиво преклонятся пред кумиром, созданным их праздным воображением. Побережем мы себя на великое служение. В заключении скажу Вам, Мм. Гг., что где бы то ни было, если кто-нибудь из вас, придет ко мне во имя 21 февраля, тот найдет во мне признательного и благородного брата»⁹⁸⁶.

Довольный диспутом Герцен оставляет в дневнике следующую запись: «Третьего дни (запись под 23 февраля – Д.Ц.) Грановский защищал свою диссертацию о Иомсбурге и Винете. Это было публичным и торжественным поражением славянофилов и публичной овацией Грановского. Нападки были деланы с невероятной дерзостью, с цинизмом грубым до отвратительности; Грановский отвечал тихо, спокойно, кротко, вежливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены им. Но толстая шкура их не поняла бы этого. Другой голос посильнее осудил их. Грановский был встречен громом рукоплесканий, каждое слово Бодянского награждалось всеобщим шиканием. Изъявления эти были так сильны и энергически, что никто и не подумал останавливать их. Сверх дерзости в выражениях, гнусные проделки Шевырева, Бодянского и других были известны всей публике, на них смотрели с омерзением. Когда кончился диспут и граф Строганов поздравил Грановского, раздались «Vivat! Vivat!», продолжавшиеся с четверть часа. На лестнице потом увидели как-то опять Грановского – и новые рукоплескания; даже перед университетом собралась толпа студентов, ожидавшая его выхода, но ее уговорили разойтись. Этот день торжества Грановского да вместе с тем торжества всего университета. Университет доказал, что он имеет и мнение и голос. Нам доказал он, что его симпатии далеки от славянофильства. Хвала студентам! Вчера за обедом я предложил первый тост за здоровье студентов Московского университета. Славяне огорчились и как-то не находятся, – *au reste* благородные из них были против всех проделок, а подлые выдумают в свое оправдание несбыточные мерзости, что это интрига etc., и по

---

⁹⁸⁶ Станкевич А.В. Биографический очерк // Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 1. М., 1897. С. 138.

своим котериям будут нас вдвое ругать. Сегодня видел Петра Васильевича – чудный человек!

Славянофилы постоянно набрасывают на нас смешной и жалкий упрек, что мы ненавидим Россию; да из которой же стороны наших слов, дел, мнений это видно? Неужели из того, что мы страдали, а они нет? Что мы становились в оппозицию, которая только могла нас вести в ссылку, а они нет? Дело, кажется, просто, и одна узкая нетерпимость их могла взвести на нас пошлое обвинение. Мы разное поняли вопрос о современности, мы разного ждем, желаем, – разве это мешает нам быть столько же патриотическими? Да, в наш патриотизм входит общечеловеческое, и не токмо входит, но занимает первое место – а у них разве христианство, какое-нибудь суздальское явление. Из этого никак не следует, чтоб мы протянули друг другу руки, – нет, но не следует и того, чтоб вся монополия любви к отечеству принадлежала им и они имели бы право нас упрекать в ненависти к России. У больного два врача: один думает его лечить от гемороя, другой от чахотки; быть может, что они оба неправы, – однако где же достаточная причина считать того или другого отравителем? Они могут ни в чем не соглашаться, но цель их остается та же – желание излечить больного. Им нужно былое, предание, прошедшее – нам хочется оторвать от него Россию; словом, мы не хотим той Руси, которой и нет, т. е. допетровской, а той новой Руси они совершенно не знают, они отрицают ее – так, как мы отрицаем древнюю»⁹⁸⁷.

Интересны городские слухи о диспуте, распространяемые в женской среде. А.О. Смирнова записала: «Поутру была у меня А.В. Сенявина. Ей писали из Москвы, что Шевырева зашикали на одной лекции. Грановский защищал диссертацию на магистерскую степень. Редкин его защищал против Шевырева, публика заступилась за любимца-красавца и зашикала, когда Шевырев немного кольнул Грановского»⁹⁸⁸.

⁹⁸⁷ Герцен А.И. Дневник // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 2. Статьи и фельетоны 1841–1846. Дневник. С. 406–407.

⁹⁸⁸ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. С. 48.

В письмах и дневниках, отразивших диспут Грановского, практически не отражается сущность его труда, никто не говорит о тезисах, вынесенных на защиту, оценка диспута идет с точки зрения мировоззренческих споров, поколенческих расхождений, личных симпатий и антипатий. Даже в университетских отчетах нет данных о тезисах диссертации.

В этом же году происходит защита С.М. Соловьева. Из воспоминаний самого диспутанта мы получаем известие, что диспуту предшествуют экзамены, которые Сергей Михайлович сдает не очень хорошо (об этом см. выше в параграфе о вступлении Соловьева в корпорацию Московского университета).

Защита магистерской работы Соловьева «Об отношении Новгорода к великим князьям» проходила 3 октября 1845 г.

Согласно Отчетам, Соловьев предложил для обсуждения следующие тезисы: «1. Князь был необходим в Новгороде не столько в значении полководца, сколько в значении верховного Судьи блюстителя внутреннего наряда; 2. Новгород по формам своего быта принадлежал к Старым русским городам; 3. Новый порядок вещей, явившийся в северо-восточной Руси, в княжестве Владимирском и упроченный в государстве Московском, основывался на господстве новых городов в Ростовской области, которых отношения ко власти княжеской были совершенно другие, чем отношения городов старых». «Возражатели были: декан 1 Отделения, заслуженный профессор И.И. Давыдов, ординарный профессор С.П. Шевырев, экстраординарный профессор О.М. Бодянский, экстраординарный профессор Т.Н. Грановский, адъюнкт К.Д. Кавелин и почетный член университета М.П. Погодин»⁹⁸⁹. Сама диссертация в Отчетах была охарактеризована как «отлично написанная», свидетельствующая о «самобытном взгляде на... предмет».

К моменту защиты диссертации расклад сил на словесном отделении был сложным, но большинство членов факультета стояли на стороне Соловьева. Молодого историка поддерживал декан Давыдов, на которого напирал Строганов, О.М. Бодянский, профессора-западники с Грановским во главе. Шевырев только и сумел заметить на диспуте, что Соловьев мало упомянул о Карамзине. Погодин

⁹⁸⁹ Отчеты о состоянии и действиях за 1845–46. С. 63.

еще раз во время диспута попытался заронить сомнения в самостоятельности молодого ученого, чтобы показать, что кафедра русской истории Московского университета переживает не лучшие времена. Задав вопросы, Погодин заявил, что диспутант может на них не отвечать. Но декан Давыдов настоял на том, чтобы все формальности были соблюдены. «Все возражения Кандидатом Соловьевым разрешены были с примерною основательностью»⁹⁹⁰, – сообщалось в официальных отчетах.

Погодин, как и в случае с Грановским, готовился к диспуту и читал работу Соловьева. После защиты он занес в дневник следующие впечатления: «Читал Соловьева. Ужасный вздор, а на диспуте Бодянский, Давыдов и прочие чинят поклонение новой мысли. Говорят мои мысли, а хоть бы кто вспомнил обо мне. Перед диспутом Чивилев сказал мне, что распущен слух о намерении моем восстать на Соловьева, могут студенты быть подговоренными. Ах подлецы какие!

Я сказал несколько слов в похвалу... Строганов, осмелился выговаривать мне, зачем я мало возражал и не сказал ему мнения ни об диссертации, ни об лекции, которого он у меня не спрашивал. Как будто радуются и торжествуют мое поражение. Несчастные! Что я вам сделал кроме пользы! Очень неприятное расположение духа»⁹⁹¹. От происходящего Погодин отошел не сразу. На обеде у Шевырева он сверил свои впечатления с позицией коллеги: «Говорили о диспуте. Наглость Соловьева заметил и он»⁹⁹².

Как и в случае с диссертацией Грановского, мы видим, что формально соблюдены все процедуры: два оппонента от факультета (Давыдов и Бодянский) и даже один выступавший из публики (Погодин). При этом общественный оппонент не показал своего истинного отношения к работе, за что получил упрек от Строганова, желавшего научной дискуссии между крупными специалистами, которыми он считал и Погодина, и Соловьева.

⁹⁹⁰ Отчеты о состоянии и действиях за 1845–46. С. 63.

⁹⁹¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. VIII. С. 93–94.

⁹⁹² Там же. С. 94.

Новым последствием диспутов становятся публикация рецензий на диссертацию в научных журналах. Так, Погодин в «Москвитянине» критикует теорию Соловьева о новых городах на севере Руси, начинаются дискуссии.

Но оппоненты по-прежнему возражают только устно и не создают никаких письменных текстов, а защищающиеся готовят тезисы диссертации, которые пока не обсуждаются. Правда, интерес к диссертации благодаря диспуту подогревается. Так, престарелый А.И. Тургенев пишет Сербиновичу: «читал ли диссертацию Соловьева, вступившего здесь на кафедру Погодина, об отношениях Москвы к Новгороду? Примечательное явление в нашей безотрадной литературе, хотя автора и упрекают в излишнем молчании о Карамзине»⁹⁹³.

Уже в 1847 г. Соловьев защищает докторскую диссертацию. Вся процедура: предварительное обсуждение диссертации на факультете, сдача докторских экзаменов, публичная защита диссертации, – заняла у Соловьева около трех месяцев. Университетские отчеты подробно осветили это значимое университетское событие⁹⁹⁴. «Магистр Сергей Соловьев в 1847 г. в присутствии Его Сиятельства бывшего попечителя Московского Учебного округа⁹⁹⁵, графа Сергея Григорьевича Строганова, Его Превосходительства Г. Помощника попечителя Дмитрия Павловича Голохвастова и в полном собрании всех членов факультета, защищал рассуждение, написанное им на степень доктора Исторических наук, политической экономии и статистики. Предмет рассуждения «История отношения между князьями Рюрикова дома». Возражения были деланы преимущественно и.д. экстраординарного проф. Грановским, потом возражали: орд. проф. Чивилев, адъюнкт Меншиков, декан отделения орд. проф. Шевырев и исправляющий должность орд. проф. Кудрявцев. Его Превосходительство Г. помощник попечителя Дмитрий Павлович Голохвастов принимал также

⁹⁹³ Цит по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. С. 94.

⁹⁹⁴ Данные печатных отчетов ИМУ совпадают с данными об испытаниях на ученые степени в ИМУ, поданными Московским университетом в Министерство. См. РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1145. Л. 165–170 об. Частично эти университетские отчеты цитируются в статье *Алеврас Н.Н.* С.М. Соловьев в контексте истории становления российской диссертационной культуры: вторая половина 1840-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. № 3(68). 2020. С. 115–123.

⁹⁹⁵ Отчеты составлялись после выхода Строганова в отставку, что произошло осенью 1847 г.

деятельное участие в диспуте. На все возражения Г. Соловьев отвечал совершенно удовлетворительно и показал как самостоятельность труда своего, так и глубокое, всестороннее знание своего предмета. Вследствие чего диссертация единогласно одобрена, а Г. Соловьева назначено допустить к словесному испытанию. На словесном испытании Магистру Соловьеву предлагали вопросы: 1. Исправляющий должность Экстраординарного профессора Грановский, по всеобщей истории: Об исторической литературе Франции; Обзор исторической Римской литературы до Нибура; из Русской истории: мнения испытуемого о разных системах русской истории; История утверждения Немецкого Ордена в Прибалтийских областях; 2. Исправляющий должность ординарного профессора Гофман, из Древней Географии: а) о географических познаниях и понятиях Геродота; б) Об отношении между географическим положением Греции и ее образованием; с) О географическом характере Даконии в отношении к ее развитию...; 3) Доцент Ефремов, из Новой Географии: об историческом элементе в географии; сравнение Азии и Америки в климатическом отношении; 4. Ординарный профессор Чивилев, из Политической Экономии и Статистики: о народонаселении – историческое изложение разных систем и о движении народонаселения. Ответы на все вопросы найдены удовлетворительными.

После завершения экзаменов было назначено публичное защищение диссертации «История отношений между князьями Рюрикова дома». Возражателями были: исправляющий должность экстраординарного профессора Грановский, исправляющий должность Ординарного Профессора Бодянский. Кроме того в диспуте участвовали ординарный профессор Баршев, адъюнкт Кавелин, и посторонние лица»⁹⁹⁶.

Диспут состоялся 6 июня. Газета «Московский листок» поместила отчет о событии: «диспут был блестящий» проходил в большой аудитории, которая вся была полна, несмотря на летнее время». Перед диспутом Соловьев «с чувством объяснил», что «ныне более, чем когда-либо надо открыть в нашей истории внутреннюю связь между настоящим и прошлым, разумное оправдание одного с

⁹⁹⁶ Отчеты о состоянии и действиях. С. 64.

другим». Возражал Грановский: «начало родовое проведено с такою исключительностью, которая не допускает влияния семейного начала, и что этот средний термин как бы опускается Соловьевым в излагаемом им борьбе начала родового с началом государственным». Не согласился Грановский и с тем, что влияние монголов Соловьев «ставит на второй план».

Бодянский при возражениях заявил: «начну с конца... и прочитал последнее предложение тезисов: «период времени от Иоанна III до пресечения Рюриковой династии характеризуется последнею ожесточенною борьбою между родовыми и государственными отношениями». Оппонент заявил, что борьбу не следует считать только борьбой родовых отношений. Против государственных начал сознательно выступали бояре, которые отстаивали «затеи феодального запада, принесенные к нам выходцами из Белоруссии». Междукняжеские отношения Бодянский рассматривал прежде всего как борьбу за право владеть своей отчиной, в основе которой была борьба за собственность. Сторону Бодянского принял Кавелин, утверждала газета.

«По окончании ученого обряда диспута громкие рукоплескания свидетельствовали об уважении посетителей и посетительниц к трудам молодого ученого». «Погодина на диспуте не было», – заметил репортер⁹⁹⁷.

Впервые в переписке интеллектуалов, связанных с диспутом, мы читаем комментарии к научным спорам. М.Н. Катков в письме к А.Н. Попову замечал: «Вчера был диспут Соловьева. Возражал Грановский (*ex officio*), Бодянский, Кавелин и еще кто-то. Вы, я думаю, заметили, читая диссертацию Соловьева, несколько резкий систематизм в первой главе, где речь идет о родовых отношениях. Эта резкость отчасти полезна и нужна... но тем не менее этим изложением производится неверный вид, что древний быт управлялся как бы заранее обдуманною и постановленною системою. Эта система еще только сама вырабатывалась жизнью и потому везде вылита не в строгих очерках, а в смешении с другими ингредиентами, вследствие которых факт слагался часто иначе, нежели

---

⁹⁹⁷ Московский городской листок. 1847. № 130. См. также: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 9. С. 120.

как можно было ожидать. На это бы и следовало обратить внимание; но Кавелин завязал спор, не оставляя своей любимой мысли о присутствии и развитии под сенью родовых отношений другого начала, именно семейного, которым разлагалось и расстраивалась система первых, откуда будто бы исключительно выходит вотчинный характер Северных княжений. Оба противника вспыхнули, но спор кончился не совсем удовлетворительно или, лучше сказать, был оставлен без конца»⁹⁹⁸.

В.П. Боткин о диспуте написал Анненкову: «Был диспут Соловьева на доктора, на котором самым сильным и резким противником Соловьева оказался Кавелин. Но вопросы были поставлены так резко и радикально, что Шевырев вмешался в спор и прекратил его, оставя каждого при его мнении; отчетливость мысли и выводов были вполне на стороне Кавелина»⁹⁹⁹.

Диспут сопровождали и рецензии на диссертацию в прессе. К.Н. Бестужев-Рюмин написал для «Современника»: «Основная мысль этой книги ее главная заслуга заключается в стремлении найти связь между периодами, и связь не внешнюю, а внутреннюю, проследить рост Русского общества и наметить смену его общественных состояний. В предисловии автор восстает против названия периодов: удельный, Татарский; доказывает, что в первое время не было уделов и что не Татарам, а внутренними причинами надо приписать изменение в общественном строе Русской земли. Он признает два начала, сменой которых характеризуется время до конца Рюриковой династии: родовое и государственное; род, полагает он, разложился под влиянием начал государственных, появление которых, по его мнению, объясняется гипотезой о старых и новых городах...»¹⁰⁰⁰.

Успех Соловьева не понравился в Петербурге. И.И. Давыдов писал Погодину: «Новое поколение превозносит до небес Соловьева; но посмотрим и подождем конца. Право, я не вижу, что нового сказал он? Разве в перифразах

⁹⁹⁸ Русский архив. 1888. № 8. С. 488. См. также: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 9. С. 121.

⁹⁹⁹ П.В. Анненков и его друзья. С. 544; *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 9. С. 121.

¹⁰⁰⁰ Современник. 1847. IV. Отд. III. С. 27–58, VI. Отдел III. С. 161–222.

содержится новая мысль? Он знает уловки своего поколения – вывернуть наизнанку старое. Во всем этом я вижу детство и удивляюсь, как С.П. Шевырев смотрит на это равнодушно. Юное поколение умеет его обнять, а потом и располагает им по своей воле. Будущему преемнику попечителя много будет строить трудов привести хаос в космос»¹⁰⁰¹.

Погодин решил заказать несколько рецензий на труд Соловьева, началась полемика о роли родовых отношений, хорошо исследованная в современной литературе.

Наконец, 19 декабря 1849 г. состоялся докторский диспут Грановского. Перед его проведением Тимофею Николаевичу пришлось сдать экзамен по русской истории Соловьеву. Ученик принимал экзамен у учителя, выполняя процедуру Положения 1844 г. В 1864 г. после выхода нового положения об ученых степенях устные докторские экзамены отменяют.

К диспуту Грановский не только представил тезисы защиты, но и сделал несколько замечаний относительно задач историка и научных монографий в России: «Историю не без оснований обвиняют в несправедливости. Она часто дает успех неправому делу, возлагает венец победы на недостойное чело. Иногда слава подвига достается не самому совершителю, а другому, заслонившему его случайно и умышленно. История довольствуется осуществлением законов, которым подчинено движение... История может быть равнодушна к орудиям, которыми она действует, но человек не имеет права на такое беспристрастие. С его стороны оно было бы грехом... Да будет же воздано каждому по заслугам: признательность разнородным труженикам, в поте лица работавшим на человечество... Строгое осуждение людям, обманувшим современников счастливою отвагою гениальным эгоизмом. В возможности такого суда есть нечто глубоко утешительное для человека. Мысль о нем дает усталой душе новые силы для спора с жизнью»¹⁰⁰². Таким замечанием Грановский объяснял, что его диссертация будет посвящена

¹⁰⁰¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 9. С. 122.

¹⁰⁰² Грановский Т.Н. Сочинения. М., 1866. С. 240–241.

особой личности в истории Франции – аббату Сугерию, которой фактически создал идею единой Франции.

Еще одну мысль Грановский как будто специально вынес на обсуждение: «При бедности нашей исторической литературы, при недостатке книг, удовлетворяющих существенным потребностям Русских читателей, каждое новое известие историческое сочинение должно оправдать свое появление важностью своего содержания. Нуждаясь в необходимости, мы не имеем права на ученую роскошь. Германия справедливо гордится отделом своей литературы, доступной одним специальным ученым, бесчисленными монографиями, в которых разобраны мельчайшие подробности каждой науки. Но нам еще далеко до такого богатства. Ученая производительность идет у нас не в уровень с требованиями читающей публики. У нас нет не только хороших оригинальных, но даже переводных книг об истории главных народов древнего мира. Нет значительных произведений, к которым могли бы примкнуть частные исследования»¹⁰⁰³.

Находившийся в Москве М.А. Максимович, писал Погодину, характеризуя происходящее: «Бесконечный панегирик от возражателей, так что сделалось со стороны приторно. Да и иначе быть не могло. Представьте, что Шевырев хотел было что-то заметить из недостатков диссертации, как вдруг раздалась в зале пальба хлопучками. Что же возражатель? Переменил паруса, разумеется». «Другие» «хвалили этот диспут, но, безусловно, вообще же все согласны в том, что он был заранее подготовлен и состоял во взаимном восхвалении. Этого и надобно было ожидать, потому что обязанными возражателями были два его ученика – С.М. Соловьев и П.Н. Кудрявцев. Кроме того, все находили предмет диссертации Аббат Сугерий слишком частным, мелочным. Впрочем, говорят, что это заглавие избрано было поневоле, и что диссертация носила название об общинах во Франции, но по распоряжению ректора Перевощикова изменено как имя, так и многое другое в ней, отчего она и сузилась, обмелела»¹⁰⁰⁴.

¹⁰⁰³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 10. С. 565.

¹⁰⁰⁴ Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1850 // Русская старина. 1888. LX. № 12. С. 400.

Университетский человек, каким был Максимович, ставит очень интересные вопросы о связях учитель-ученик и об их влиянии на защиты диссертаций, а также о свободе научных дискуссий во время диспутов. Оппонент от общества (официальными, это особо подчеркивает Максимович, были ученики Грановского), не может свободно выразить свою позицию из-за активности публики, да и сам докладчик почему-то подвергается университетской цензуре даже не со стороны факультета, а со стороны ректора (диспут происходит в условиях мрачного семилетия), который изменяет название диссертации, предмет исследования и вносит правку в текст.

Наконец, впервые для недоброжелателей Грановского, мы имеем оценку происходящего со стороны Строганова, который уже перестал быть попечителем университета, но все еще пристально наблюдает за дорогим для него Московским университетом. Правда, нужно сделать поправку на то, что слова Строганова записаны Бодянским и интерпретированы им для передачи Погдину. По свидетельству Бодянского, Строганов отметил, «что один лишь из этих тезисов, собственно достоин имени тезиса, кажется», «тот самый, в котором говорится об отношении общин во Франции к монархии». Строганов «признался», что теперь он лишь видит, что Грановский – «профессор-декламатор, но не писатель; что чужое он очень умеет передать в приличном виде, в формах привлекательных и т.п., но сам создавать, выражать созданное не в состоянии и вообще показывает неуменье, неловкость обращаться с пером». «Я внутренне сочувствовал графу Строганову, зная это давным-давно», – записывает Бодянский¹⁰⁰⁵. Что стало привычным, диспут вызвал научную дискуссию о том, какие книги по всеобщей истории нужны русскому обществу.

Заинтересовала защита Грановского и императора Николая I. 28 декабря 1849 г. глава третьего отделения А.Ф. Орлов сообщил управляющему МНП П.А. Ширинскому-Шихматову: «До сведения Государя Императора дошло, что 19-го декабря во время публичного чтения в зале Московского университета

---

¹⁰⁰⁵ Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1850 // Русская старина. 1888. LX. С. 398–399.

профессором Грановским диссертации посетители дозволили себе неприличие, обратившее на себя общее собрание. Его Императорское Величество Высочайше соизволил покорнейше просить ваше сиятельство, не изволите ли сообщить мне для доклада Государю Императору, какие правила установлены для публичных заседаний при защите диссертаций на ученые степени, и кто именно из посторонних лиц допускается к присутствию в сих заседаниях»¹⁰⁰⁶. Ширинский отвечал: «по существующему ныне порядку к присутствованию на диспутах из посторонних лиц допускаются все любители просвещения». 5 января 1850 г. Орлов передал Ширинскому мнение графа Закревского государю императору о том, что «допускать к слушанию ученых диспутов» следуют «не иначе, как по билетам». Орлов запросил у Ширинского позицию МНП: «Я не нахожу препятствия к принятию меры, предлагаемой графом Закревским..., – отвечал управляющий министерством. – Но как существовавшее доселе правило на счет объявления через посредство газет, во всеобщее сведение о предстоящем диспуте, с допущением к присутствию на нем всех образованных людей имело целью показать беспристрастие, с которым Университет возводит в ученые степени людей, истинно того заслуживающих..., то я признавал бы необходимым, оставив последнее условие на будущее время в действии... Принимая на основании предположение графа Закревского, я бы полагал: 1) Предоставить ректору приглашать... известных ему лиц по билетам в неопределенном числе. 2) Независимо от сего передавать всякий раз декану факультета – пять, всем прочим профессорам – по три, адъюнктам по два пригласительных билета... 3) Билеты при входе в Университет отбирать и представлять ректору... Я находил бы удобнейшим... предписать эти правила к исполнению попечителя Московского учебного округа в виде местной административной меры». Император утвердил предложения Ширинского. Тот информировал о принятых решениях попечителя учебного округа В.И. Назимов, написав, что принятая мера – следствие диспута Грановского, о беспорядках на котором в министерство доложил помощник

---

¹⁰⁰⁶ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 10. С. 562.

попечителя – князь Г.А. Щербатов. Назимов уверил Ширинского, что инцидент был незначительным¹⁰⁰⁷. В университете посчитали, что донес Шевырев.

Итак, к началу 1850-х гг. сложилась процедура диспута. По допущении к защите на заседании факультета по рекомендации специалистов диссертант представлял тезисы, факультет назначал двух официальных «возражателей» (именно этот термин использовался в законодательстве) из штатных служащих. Диспут проходил с участием публики, активность которой привела к тому, чтобы ограничить ее доступ введением билетов на усмотрение ректора с предоставлением небольшого количества входных билетов для декана и профессоров. С точки зрения самих универсантов, наверняка, архаичной выглядела практика экзаменов перед защитой докторской диссертации. Опыт проведения публичных диспутов оказывал влияние на создание процедуры допуска претендента для получения ученой степени к диспуту; создал благоприятные условия для появления «общественного оппонента»; резко повысило значение диспута для распространения тех или иных научных взглядов защищающегося в обществе через публикацию отчетов о диспуте и рецензий на диссертацию в прессе.

Таким образом, весь практический опыт публичных диспутов был явно обобщен в Положение об ученых степенях 1864 г. Согласно этому документу, в законодательном акте «возражатели» впервые названы оппонентами, отмечено, что диспут происходит в присутствии всего факультета, на него приглашаются кандидаты и доктора университета (то есть рекомендовано, чтобы публика приходила не праздная, а ученая), которым интересна представляемая диссертация. Цензура диссертации, как было в случае с Грановским, прописана не была, окончательное утверждение научной степени по уставу 1863 г. оказалось у Совета университета, а не у МНП, как это было раньше.

---

¹⁰⁰⁷ Там же. С. 563–564.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Цыганков Дмитрий Андреевич

**Формирование сообщества профессиональных историков в Московском
университете во второй половине XVIII – начале XX века**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 2

МОСКВА – 2023

ГЛАВА 4. У ИСТОКОВ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СООБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1850–1884)

4.1. Штатные должности и кафедры историко-филологического факультета Московского университета

Серьезные изменения произошли в жизни 1-го отделения философского факультета в 1850 г. В этом году отделение было преобразовано в историко-филологический и физико-математический факультеты¹.

Подготовка университетского устава 1863 г. происходила в условиях гласности эпохи Великих реформ. Кроме общих вопросов, связанных с устройством университетов, при подготовке устава обсуждались и вопросы преподавания истории в университетах. В проекте университетского устава, который был предложен к обсуждению после 1861 г. на историко-филологическом факультете предполагалось существование 11 кафедр, на которых бы читалось 23 учебных предмета. Из 11 кафедр 3 были историческими: кафедра всеобщей истории, кафедра русской истории (по уставу 1835 – российской истории), планировалась к открытию и кафедра истории античной археологии и истории искусств².

В целом надо сказать, что собственно московские историки принимали не очень активное участие в обсуждении положения исторических кафедр в университетском преподавании во время подготовки нового университетского устава. Принципиальных предложений при обсуждении этого вопроса от них не последовало. Судя по всему, преобладание филологических кафедр на факультете и их многопредметность (за кафедрой были закреплено несколько предметов преподавания, главный читал ординарный профессор кафедры) в отличие от

---

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1876. Т. 2. Отд. II. Стб. 1133–1134.

² Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. Ч. 1–2. СПб., 1862.

исторических кафедр, которые были однопредметными³ (особенно странно это выглядит на примере кафедры всеобщей истории, представители которой не предлагали считать историю древнего мира, историю средних веков и историю нового времени отдельными предметами преподавания), историков не смущало. Впрочем, может быть, для московских историков это была принципиальная позиция, поскольку делимость или неделимость кафедр на предметы воспринималась многими историками как явный анахронизм, связанный с предыдущей эпохой. Москвичей больше заботила внутренняя структура науки и возможность получить под развитие своей научной отрасли штатные места в университетском бюджете.

В этом смысле странной выглядит ситуация, когда в обсуждении проекта нового устава 1863 г. активное участие принимал инспектор Московского учебного округа (обсуждение было устроено таким образом, что свои замечания на проект устава могли направить любые служащие министерства) П.Д. Шестаков, который предлагал разделить историко-филологический факультет на 2 самостоятельных отделения в целях усиления специализации по каждому отделению, а профессора-историки, в частности С.В. Ешевский, ограничились предложением о введении второго профессора на кафедре всеобщей истории⁴.

К позиции Ешевского были близки историки Киевского и Санкт-Петербургского университетов, Ришельевского лицея. Представители этих центров предлагали выделить на кафедре всеобщей истории два предмета преподавания: древнюю и новую историю⁵.

---

³ «Деление кафедры на два – три предмета означало, что ей должно быть предоставлено иметь в своем штатном составе по меньшей мере двух профессоров и одного доцента». См. *Чесноков В.И.* Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России (по университетским уставам 1804–1869 гг.) // *Российские университеты в XIX – начале XX в.* Воронеж, 1993. С. 26.

⁴ *Ешевский С.В.* Мнение профессора Ешевского к § 108 «Проекта» [Ощего устава Российских университетов]. М., 1862. С. 5. Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. Ч. 1–2. Ч. 1. С. 244, 79; Ч. 2. С. 32.

⁵ Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. Ч. 1. С. 69, 153, 244, 445. Ч. 2. С. 54.

Активно обсуждался вопрос о преподавании в университете истории славян. Профессора Киевского университета предлагали перенести преподавание истории славян на кафедру русской истории, назвав ее кафедрой «русской истории и истории славянских народов»⁶. Н.И. Греч предлагал создать отдельную кафедру истории славян⁷.

Много внимания привлекала проблема преподавания археологии и создание для этих целей отдельной кафедры. Обсуждение ее судьбы во многом повторило рассмотрение этого вопроса профессорами Московского университета в 1820-е гг. Отмечалось размытость термина археология, который действительно не устоялся и воспринимался, с одной стороны, как любые древности, и лишь при дальнейшем углублении – как особый способ добывания исторических артефактов путем раскопок. Как правило, обсуждавшие предлагали часть проблематики курса археологии передать на другие кафедры (это касалось прежде всего палеографии и нумизматики), а вместо теории археологии читать курсы истории искусства⁸.

В ходе рассмотрения проекта университетского устава остро встал вопрос о чтении курса по церковной истории, который, как правило, отстаивали клирики и профессура духовных академий⁹. В материалы обсуждения специально была включена статья неизвестного автора (им, как впоследствии выяснилось, оказался, А.М. Иванцов-Платонов), который утверждал, что «при современном развитии богословских и церковно-исторических наук один человек не может должным образом следить и за богословием, и за церковной историей – общей и русской»¹⁰. Позиция Иванцова-Платонова привела к разделению внефакультетской кафедры богословия собственно на кафедру богословия, которая – по-прежнему находилась вне факультетов, и кафедры церковной истории на историко-филологическом и церковного права – на юридическом факультете.

---

⁶ Университетские известия. Киев, 1862. № 3. С. 17. См. также: *Чесноков В.И.* Указ. соч. С. 26–27.

⁷ Замечания. Ч. 2. С. 129.

⁸ Там же. Ч. 1. С. 445; Ч. 2. С. 54.

⁹ Там же. Ч. 1. С. 460, 463. Ч. 2. С. 66, 515.

¹⁰ Там же. Ч. 2. С. 77.

В результате обсуждения проекта устава 1863 г. кафедры археологии, теории и истории искусств в окончательной редакции университетского устава не оказалось, а история славянских народов как отдельный предмет преподавания в уставе больше не фигурировал. Из 23 предлагавшихся проектом предметов преподавания на историко-филологическом факультета было оставлено 19¹¹.

На историко-филологическом факультете Московского университета по уставу 1863 г. согласно штатному расписанию работали 12 ординарных профессоров на 11 кафедрах: 1) философии (предметы преподавания: логика, психология, история философии); 2) греческой словесности (греческий язык и толкование авторов, история греческой литературы, греческие древности); 3) римской словесности (латинский язык и толкование авторов, история римской литературы, римские древности); 4) сравнительная грамматика индоевропейских языков; 5) истории русского языка и русской литературы; 6) истории всеобщей литературы; 7) славянской филологии (славянские наречия, история славянской литературы, славянские древности); 8) всеобщей истории; 9) русской истории; 10) церковной истории; 11) теории и истории искусств. 7 доцентов были закреплены не за кафедрами, а за факультетом. Кафедры могли занимать как ординарные, так и экстраординарные профессора; временно – на три года кафедру мог занимать штатный доцент. При этом штатных должностей ординарных профессоров на историко-филологическом факультете было больше, чем кафедр. Количество экстраординарных профессоров за факультетом не было закреплено. На весь университет полагалось 18 экстраординарных профессоров¹².

Специальная комиссия Московского университета произвела анализ изменений, произведенных действием устава 1863 г. для занятий штатных вакансий¹³. Согласно мнению членов комиссии (Соловьев, Полунин, Любимов, Чичерин, Никольский), профессор кафедры не обязан был читать главный предмет кафедры, он мог распределять чтение предметов кафедры по усмотрению,

---

¹¹ См. *Чесноков В.И.* Указ. соч. С. 31.

¹² Штаты Императорских российских университетов (Извлечения по Московскому университету) // Уставы Московского университета. 1755–2005. М., 2005. С. 225.

¹³ Создана на заседании Совета университета 2 октября 1865 г.

назначая на те или иные предметы ординарных, экстраординарных профессоров, доцентов и приват-доцентов. Это распределение должно исходить из интересов науки, а не из предметов испытания на экзамене, получившего степень штатного преподавателя. Комиссия предложила закрепить за факультетами определенное количество штатных должностей. За кафедрами историко-филологического факультета было предложено оставить три штатные должности экстраординарных профессоров помимо 12 штатных должностей ординарных профессоров и 7 доцентских позиций¹⁴.

Некоторые вопросы замещения штатных должностей были рассмотрены профессорскими комиссиями Московского университета по запросу Министерства народного просвещения. В начале 1869 г. Совет Московского университета рассмотрел вопрос, обсуждавшийся в Санкт-Петербургском университете: о праве магистров получать штатную должность экстраординарного профессора. Вопрос поставил профессор Санкт-Петербургского университета Н.М. Благовещенский, к которому присоединились другие ученые столичного университета. Комиссия Санкт-Петербургского университета под руководством профессора Горлова связала решение этого вопроса с «изысканием самых надежных мер для привлечения молодых ученых к занятию профессорских вакансий в Университетах». Комиссия считала возможным предоставлять звание экстраординарного профессора магистрам, «или по крайней мере тем из них, которые приобрели себе особенную известность своими диссертациями на ученую степень». Петербургские ученые стремились «восстановить существовавший до нового устава обычай назначать магистров исправляющими должность экстраординарного профессора»¹⁵. Решение, у истоков которого стояли филологи Санкт-Петербургского университета, воспринималось в Москве как удар по уставу 1863 г., что в ситуации противостояния с филологами Московского университета во главе с П.М. Леонтьевым, искавшими причины для пересмотра устава 1863 г.,

---

¹⁴ Доклад комиссии о кафедрах и доцентах по новому уставу // Московские университетские известия. 1865. № 4. С. 280–286.

¹⁵ Протокол заседания Совета университета от 5 октября // Московские университетские известия. 1869. № 2. С. 77–81.

воспринималось очень болезненно. Поэтому комиссия Московского университета высказалась против этого предложения, которое противоречило 68 параграфу устава (связал занятие профессорской должности со степенью доктора), «тогда как действие этого устава, хотя и кратковременное, вместе с действием положения о приобретении ученых степеней не дает никакого повода к тому, чтобы желать этой отмены»¹⁶. Московские ученые считали, что нужно посмотреть на то, как будет работать подготовка научной смены при новом уставе, а затем принимать решение по этому вопросу¹⁷.

При этом московские профессора, считая, что штатная должность доцента плохо материально обеспечивает молодого ученого, нашли, «что для удержания от перехода на другую службу доцентов, заслуживающих особенного внимания и снискавших себе уважение своими трудами в аудитории или научной литературе, полезно было бы предоставить Факультетам право ходатайствовать о возвышении оклада таких доцентов до оклада Экстра-Ординарного Профессора из специальных средств Университета, с производством на каждый отдельный случай особой баллотировки по существующим правилам»¹⁸.

Чуть позже в Московском университете была создана специальная комиссия по разработке инструкций относительно должности экстраординарного профессора (Полунин, Юркевич, Давидов)¹⁹. Отметив, что единственный путь к замещению штатных должностей в университете – защита диссертаций²⁰, комиссия признала существование исключительных случаев, «в которых достойный ученый, с очевидною пользою преподающий несколько лет в Университете, по субъективным и моральным причинам не представляет диссертации». В таких исключительных случаях, по мнению комиссии, следует утверждать кандидатов исправляющими должность доцента, экстраординарного и ординарного профессора после баллотировки в Совете. Перевод из должности

---

¹⁶ Московские университетские известия. 1869. № 2. С. 78.

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. 1868. № 3. С. 172–174.

²⁰ «Представление диссертации в огромном большинстве случаев не должно затруднить Магистра преподавателя». Там же. С. 173.

исполняющего обязанность экстраординарного профессора в должность экстраординарного профессора, а также исполняющего обязанность ординарного – в ординарного, предлагалось производить не ранее пяти лет с зачисления на службу исполняющим обязанность. Комиссия высказалась за возможность возведения доцентов, «имеющих степень доктора, служащих довольно долгое время в Университете, обращающих на себя особое внимание Университетского Совета, но не могущих получить звание Профессора за недостатком вакансий» в звание профессора «с производством добавочного содержания из специальных средств Университета», поскольку в 21 параграфе университетского устава указана на то, что «число Профессоров и Доцентов в штате определенное может быть увеличиваемо по мере надобности и средств Университета»²¹.

Наконец, еще более детализированный порядок замещения штатных должностей был прописан в докладе комиссии Московского университета, который рассматривал Правила о замещении вакантных кафедр, разработанный Киевским университетом²². Фактически в докладе москвских профессоров предлагалось отказаться от конкурсной процедуры замещения кафедр, и производить назначения только по рекомендации Факультета. «По мнению комиссии Московского университета, – говорилось в докладе, – замещение вакантных кафедр по конкурсу представляет много неудобств даже в таких государствах, в которых на вакантную кафедру постоянно есть значительное число достойных кандидатов. Конкурс оказывается ненужным, потому что способные и сведущие Кандидаты ученому миру известны: способность этих Кандидатов и их сведения в той или другой науке могут быть достаточно оценены по тем трудам, которые они обнародовали. Даже и во Франции несколько лет тому назад конкурс для замещения профессорских кафедр отменен, от того, что наиболее достойные кандидаты, оказавшие существенные услуги науке, нередко не решались конкурировать. Тем менее можно ждать желанных результатов от конкурса у нас, где все ученые на перечет. Потому-то в университетском уставе только назван

---

²¹ Там же. 1869. № 6. С. 173–174.

²² Там же. С. 319–322.

конкурс, как одно из средств для замещения вакантных кафедр, но не определено время, по истечении которого, для замещения вакантной кафедры, Совет должен объявить конкурс. При относительно малом числе ученых в России, каждый Университет, имея в виду замещение вакантных кафедр, не чуждаясь достойных кандидатов, воспитанных в иных Университетах и других высших учебных заведениях, преимущественно сам должен заботиться о приготвлении их. Для такого приготвления он имеет все средства: между учащимися в Университете всегда есть люди даровитые, с любовью занимающиеся наукою и готовые посвятить себя ей; достойнейшие из таких молодых людей, по окончании курса, оставляются некоторое время при Университете для специальных занятий тою или другою наукою и затем посылаются за границу. Преимущественно таким путем до сих пор готовились кандидаты для замещения вакантных кафедр в России. Чтобы, не стесняясь, и впредь университеты с пользою руководствовались этим путем при замещении вакантных кафедр, не следует определять срок для объявления конкурса по открытии преподавательской вакансии. Если факультет того университета, в котором объявлен конкурс на замещение вакантной кафедры, представил в Совет отзыв о конкурсных работах, то, по мнению Комиссии Московского университета, Совет должен довольствоваться этим отзывом, и только тогда, когда сам факультет признает себя не компетентным судьей конкурсных работ, по недостатку в нем членов, Совет может просить о рассмотрении этих работ факультет другого университета, или одного из известных русских ученых». По мнению Комиссии Университета Св. Владимира, ели в одно заседание Совета баллотируется несколько кандидатов для замещения вакантной кафедры, то баллотировка должна быть не последовательною, а одновременною. По мнению Комиссии Московского университета, «факультет должен определить относительное достоинство кандидатов, и в Совете их следует баллотировать последовательно, начав баллотирование с менее достойного и окончив оное наиболее достойным, по определению Факультета»²³. Таким образом, на уровне правоприменительной практики профессора Московского

---

²³ Там же. С. 319–322.

университета к началу 1870-х гг. отстаивали идеи замещения вакантных штатных должностей по рекомендации факультета.

Активное обсуждение в Совете вопросов замещения вакантных штатных должностей связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, вводился в действие новый университетский устав с новым штатным расписанием. Во-вторых, начиная со времен министерства А.В. Головнина МНП стало активно консультироваться с университетскими советами относительно выработки нормативных документов, связанных с функционированием университетов. Д.А. Толстой, ставший министром, эту практику обсуждения инициатив профессорских советов разных университетов корпорациями ученых продолжил. Наконец, вопрос о замещении свободных кафедр в Московском университете оказался в центре полемики между филологами и историками соответствующего факультета.

4.2. Практика замещения вакантных штатных должностей на историко-филологическом факультете Московского университета

В эпоху Строганова явно проявился интерес к историческим наукам. Попечитель сделал все возможное, чтобы на кафедре всеобщей истории трудились два профессора (устав 1835 г. позволял находиться на одной кафедре двум профессорам), произвел смену поколений преподавателей на кафедре российской истории (приход Соловьева после отставки Погодина). Собственно говоря, профессора-историки при Строганове стали самыми популярными учеными университета, читавшими в *alma mater* публичные курсы, которые собирали большое число просвещенной публики.

При этом Строганов явно нарушал базовые принципы университетского устава 1835 г., согласно которым кафедре университета мог замещать лишь доктор той науки, к которой относилось предмет преподавания кафедры. В ситуации, когда подготовка научной смены и написание работ на ученые степени в России еще не сложилась, а следовательно, в стране не доставало ученых, имеющих научные степени, Строганов за счет министерских одобрений и назначений

формировал кадры историков, фактически придумав позицию исправляющего должность профессора (экстраординарного или ординарного) для читающего курс лекций, которая не была прописана в уставе. На эту должность назначались защитившие магистерскую диссертацию номинанты²⁴. Стоит отметить, что до защиты магистерской диссертации в 1845 г. Грановский, исполняя профессорские по сути обязанности, был лишь просто преподавателем университета с ученой степенью кандидата, поскольку для получения должности адъюнкта у него не было даже магистерской степени. Авторитет Грановского всегда был выше его формального служебного положения в университете. Похожая ситуация была и у Кудрявцева. Он защитил лишь одну диссертацию в 1850 г., чтобы стать профессором университета.

Таким образом, все назначения на должности историков Московского университета до отставки Строганова, были произведены не по выборам факультета и не по конкурсу, что было возможно по букве устава 1835 г., к чему стремились некоторые профессора, например, Погодин.

Смерть Грановского в 1855 г. открыла вакансии историков Московского университета и поставил вопрос о том, какова связь между степенью ученого и его должностью в университете, где брать номинантов для вакантных кафедр и какой процедурой пользоваться.

Круг претендентов на замещения кафедр в Московском университете был небольшим. Всего в 1850-е – начале 1860-х гг. в Московском университете состоялось 10 защит исторических диссертаций: 7 магистерских и 3 докторских.

Таблица №1

Исторические диссертации, защищенные в Московском университете в 1850-е – 1860-е гг.

ФИО диссертанта	Тема диссертации	Дата защиты	Полученная степень
-----------------	------------------	-------------	--------------------

²⁴ Случай Грановского и Кудрявцева.

Медовиков Петр Ефимович	Латинские императоры в Константинополе и их отношение к независимым владетелям Греческим и туземному народонаселению вообще	17 января 1850 г.	магистр
Павлов Платон Васильевич	Об историческом значении царствования Бориса Годунова	31 марта 1850 г.	доктор
Кудрявцев Петр Николаевич	Судьбы Италии от падения Западной римской империи до восстановления ее Карлом Великим: Обзорение Остгот-Лангобардского периода итальянской истории	21 декабря 1850 г.	магистр
Бабст Иван Кондратьевич	Государственные мужи древней Греции в эпоху ее распада: Исторические рассуждения	27 марта 1850 г.	магистр
Бабст Иван Кондратьевич	Джон Ло или финансовый кризис во Франции в первые годы регентства	11 ноября 1852 г.	доктор
Медовиков Петр Ефимович	Историческое значение царствования Алексея Михайловича	5 февраля 1854 г.	доктор
Ешевский Степан Васильевич	К.С. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической жизни Галлии V в.	12 апреля 1855 г.	магистр
Вызинский Генрих Викентьевич	Папство и Священная Римская империя в XIV и XV столетиях (до Базельского собора)	8 июня 1857 г.	магистр
Иловайский Дмитрий Иванович	История Рязанского княжества	19 октября 1859 г.	магистр
Георгиевский Александр Иванович	Галлы в эпоху Юлия Цезаря	1865 г.	магистр

Защиты Кудрявцева, Бабста, Ешевского, вероятнее всего, и Медовикова показывает круг ученых, формировавшихся рядом с Грановским и говорит нам о тех исследователях, в судьбе которых самый популярный профессора принимал участие. Правда, к началу 1850-х гг. это, безусловно, уже был круг Грановского – Кудрявцева. Вызинский, Иловайский, Попов (все – однокурсники; к ним был близок К.Н. Бестужев-Рюмин), Герье – это новое поколение студентов

Московского университета, заставших преподавание Грановского, помнившего о нем, но в своей карьере в Московском университете (сложилась только у Попова и Герье), обязанные уже Соловьеву и его влиянию.

Рассмотрим более подробно все назначения на штатные должности историков в Московском университете 1850–1860-е гг. В 1858 г. на должность адъюнкта для преподавания всеобщей истории был назначен Генрих Викентьевич Вызинский. Он был студентом Московского университета на излете преподавания Грановского-Кудрявцева (окончил Московский университет в 1854 г. со степенью кандидата)²⁵ и был оставлен при университете для сдачи магистерских экзаменов²⁶. Магистерские экзамены он сдавал в течение апреля–мая 1856 г.²⁷ 7 апреля Кудрявцев принял у Вызинского устные экзамены по новой (важнейшие изменения в государственных и в политических учреждениях Германии, Англии, Франции в первой половине XVII в.), средневековой (Высшая степень Германской Империи и начало ее падения) и древней истории (Грачки и попытки реформ). 25 апреля Кудрявцев экзаменовал Вызинского по древней географии (географический обзор материала Древней Греции), а И.В. Вернадский – по политической экономии (о формах организации труда) и статистке (о значении статистических приемов). 27 апреля Кудрявцев задавал Вызинскому вопросы из новой географии (Обозрение Северной Америки в отношении физическом и политическом), а Соловьев – по русской истории (Низложение Бориса Годунова). 30 апреля В.И. Лешков спрашивал Вызинского по народному праву (О правах, принадлежавших государству, по народному праву; источник народного права; о трактатах вообще; о консулах в Европе и Азии; о нейтралитете), а Кудрявцев – по международному праву («Шмалькаденская война»). Наконец, 30 мая Вызинский сдавал письменные магистерские испытания (для Менщикова из древней географии – «О Германии и

²⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 19. Ед. хр. 304.

²⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 19. Ед. хр. 326.

²⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 25. Ед. хр. 92. Экзамены сдавал в апреле – мае 1856 г. Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1855–1856 академический и 1856 гражданский годы. М., 1857. С. 76–77.

племенах ее около времени Тацита»; для Кудрявцева – «Географический очерк Капленда»). Все ответы были найдены удовлетворительными²⁸.

Совет университета принял решение о том, что «так как г. Вызинский испытание на степень магистра всеобщей истории окончил удовлетворительно, то на основании §35 Положения о производстве в ученые степени, по рассмотрении и одобрении Факультетом диссертации, допустить ее к публичному защищению оной». В качестве темы для диссертации Вызинский попросил утвердить тему «О Морице Саксонском»²⁹.

Однако на следующий год в факультет он представил диссертацию «Папство и Священная римская империя в 14 и 15 столетии», публичная защита которой состоялась 8 июня 1857 г. Официальными оппонентами выступили Соловьев и Бодянский. По итогам защиты факультет принял решение донести Совету итоги экзаменов и защиты. В результате кандидат Вызинский был утвержден г. Министром народного просвещения в степени магистра всеобщей истории³⁰. В сентябре 1858 г. Вызинский был утвержден исполняющим должность адъюнкта Московского университета³¹, а в мае 1859 г. – исполняющим должность экстраординарного профессора по выбору университетского Совета³².

Вызинский «читал по собственным запискам, студентам 3 и 4 курсов историко-филологического и 2 курса юридического факультетов Новую историю по 3 часа в неделю»³³, но в 1862 г. перешел в Высшую школу в Варшаве³⁴.

---

²⁸ Там же. С. 75.

²⁹ Там же. С. 76–77.

³⁰ Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1856–1857 академический и 1857 гражданский годы. С. 79; ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 26. Ед хр. 675.

³¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 28. Ед хр. 104. С 1857 года – исправляющий должность адъюнкта. Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1857–1858 учебный год. С. 5.

³² Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1858–1859 учебный год. С. 5.

³³ Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1858–1859 академический и 1859 гражданский годы. Отчет о состоянии и действиях за 1859. М., 1860. С. 8.

³⁴ «Исправляющий должность экстраординарного профессора магистр Вызинский перемещен на службу в главную Варшавскую школу» // Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1862–1863 уч. г. С. 15.

Единственным всеобщим историком в университете после ухода Вызинского оказался Ешевский, получивший должность в конце 1857 г. и остававшийся на ней до смерти (подробнее – в отдельном очерке). Ешевский, всю жизнь стремившийся вернуться для преподавания в Москву, после окончания университета некоторое время служил в Одессе. После защита магистерской диссертации, которая состоялась в Москве, он стал экстраординарным профессором русской истории в Казани. В 1857 г. Ешевский уволился из Казанского университета по собственному желанию и начал преподавание в Сиротском институте, куда Степан Васильевич устроился после переезда из Казани. Кафедру в университете он занял хлопотами Кудрявцева и Соловьева.

Служебная карьера Ешевского оказалась тесно связана с судьбой Нила Александровича Попова. Для освобождения Ешевского от чтения русской истории в Казани Соловьев добился назначения Попова в этот университет. В Казани адъюнкт Казанского университета Попов написал магистерскую диссертацию. Таким образом у Ешевского и Попова написание диссертации и получение степени совпали с годами службы в пересадочном университете, успешная деятельность в котором должна была вернуть ученых на штатные должности историков в Москве.

В сентябре 1859 г., будучи исполняющим должность адъюнкта по кафедре русской истории Казанского университета, Попов сдал магистерские экзамены в Москве³⁵. Затем Соловьев перед Советом университета поставил вопрос о необходимости обязательной должности адъюнкта по кафедре российской истории, на которую, несмотря на сопротивление попечителя Казанского учебного округа, Попов был переведен решением министра народного просвещения³⁶. После введение в действие устава 1863 г. Попов получил должность доцента³⁷, а после защиты докторской диссертации стал экстраординарным профессором по кафедре русской истории (о деятельности Попова как профессора ниже в отдельном параграф).

---

³⁵ Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1858–1859. С. 55.

³⁶ Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1859–60. С. 5.

³⁷ Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1863–64. С. 12.

Третьим магистром, назначенным на штатную должность адъюнкта, то есть до введения в действие устава 1863 г., стал в 1860 г. Дмитрий Иванович Иловайский³⁸. Он окончил университет в один год с Поповым и Вызинским (1854). В 1858 г. Иловайский сдал магистерские экзамены: 17 января Соловьеву по русской истории, 22 – И.К. Бабсту – по политической экономии, 21 – А.И. Меншикову по Общеправоведению. 19 октября 1859 г. Иловайский публично защитил магистерскую диссертацию «История рязанского княжества» (оппоненты – С.М. Соловьев и С.В. Ешевский)³⁹. Назначение Иловайского также связано с нуждами преподавания: он должен был читать курс всеобщей истории юристам. Как адъюнкт всеобщей истории Иловайский получил право на заграничную командировку. Вернувшись в Москву, Иловайский подал прошение об отставке⁴⁰, несмотря на то, что Министерство назначало его на должность экстраординарного профессора русской истории в Киев.

Уход Вызинского и Иловайского вновь обострил ситуацию с чтением всеобщей истории в университете. Для этих целей в Москве оставался один штатный преподаватель (Ешевский), но он часто болел и не читал лекции, а к моменту отставки Вызинского собирался ехать в заграничную командировку. Для подготовки к занятию должности Московский университет отправил в заграничную поездку, организованную МНП, В.И. Герье. Тот, опять-таки будучи единственным наличным ученым, защитившим магистерскую диссертацию (1862 г.), способным читать лекции по всеобщей истории, был заочно рекомендован Советом Московского университета для занятия должности доцента (1864)⁴¹, но сразу приступить к преподаванию не смог, так как находился за границей, а лекции по всеобщей истории во время болезни и после смерти Ешевского читал Н.А. Попов.

---

³⁸ Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1859–60. С. 5.

³⁹ Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1857–1858 академический и 1857 гражданский годы. М., 1858. С. 70.

⁴⁰ Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1861–1862 академический. С. 4.

⁴¹ Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1863–1864. С. 16–17.

Интересно отметить, что после возвращения из-за границы Герье оказался в очень щекотливом положении. Весной 1866 г. на должность доцента для чтения всеобщей истории назначили А.И. Георгиевского⁴², ставленника П.М. Леонтьева. Окончив Московский университет в 1850 г., Георгиевский сдал магистерские экзамены в 1856 г.⁴³ и защитил диссертацию в 1865 г. Правда, нужно отметить, что Георгиевский конкурентом Герье не стал. Не приступив к преподаванию, он перевелся на должность редактора ЖМНП уже осенью 1866 г.⁴⁴

Это, правда не помогло Герье чувствовать себя более уверенно на кафедре всеобщей истории в ситуации противостояния с П.М. Леонтьевым, изначально бывшем научным патроном Герье, но после решения Герье посвятить себя истории, а не филологии, недоброжелательно относившегося к молодому ученому⁴⁵. Так, в 1868 г. защитивший докторскую диссертацию В.И. Герье, не был избран Советом университета на должность профессора кафедры всеобщей истории⁴⁶.

Герье сторонники Каткова и Леонтьева противопоставили петербургского профессора М.С. Куторгу. В письме к ректору Московского университета С.И. Баршеву с просьбой назначить его ординарным профессором кафедры всеобщей истории Куторга писал: «Милостивый государь, Сергей Иванович. В течение своей долговременной профессорской деятельности, я постоянно видел в своих обязанностях три стороны: чтение лекций, приготовление молодых людей к ученым занятиям и собственное разрабатывание предмета. Не мне приличен суд об этой троякой своей деятельности, скажу только, что я старался всегда исполнять все требования добросовестно и дошел до того времени, что, представив несколько достойных учеников и издав до двадцати ученых монографий, я мог приступить к

---

⁴² Назначен циркуляром попечителя Московского учебного округа от 5 апреля с 12 марта 1866 года // Московские университетские известия. 1866–1867. № 1. Отчет состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1865–1866. С. 27.

⁴³ Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1855–1856 академический и 1856 гражданский годы. М., 1857. С. 77–78.

⁴⁴ Протокол Совета от 3 сентября 1866 г. // Московские университетские известия. 1866–1867. № 3. С. 50.

⁴⁵ *Герье В.И.* Мои воспоминания // Terra Eуропа: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. М., 2014. С. 187.

⁴⁶ При баллотировке он получил 15 избирательных и 21 неизбирательный голос в Совете университета // Московские университетские известия. 1868. № 6. С. 372.

окончанию двух, давно задуманных и выработанных мною, больших сочинений: 1) Исторического развития понятий истории от древнейшей эпохи на Востоке до нашего времени; и 2) Истории древней Греции. Оставляя ныне С.-Петербургский университет, не потому, чтобы я не был в силах продолжать своих профессорских обязанностей, еще менее потому, чтобы моя деятельность оказалось бесплодною; но по причинам, не имеющим ничего общего ни с наукою, ни с преподаванием, я считал бы за особенную честь, если бы удостоился выбора Совета Московского университета в звание Профессора Истории, хотя бы не более как на два академических года. Я думаю, что этого времени будет достаточно для издания в свет означенных трудов моих. Покорнейше прошу Ваше превосходительство быть моим посредником в этом деле и даю Вам обещание, что если бы мое желание могло осуществиться, я исполнил бы свои обязанности с полным усердием и в их полном объеме»⁴⁷.

Ректор переправил обращение Куторги в факультет 21 января. В заседании факультета 30 января письмо Куторги было зачитано, а 13 февраля на факультете прошла баллотировка предложения о рекомендации Куторги на должность ординарного профессора на 2 года. Быший петербургский профессор получил 4 избирательных и пять неизбирательных шаров. На большом Совете баллотировка Куторги была отложена, поскольку Совет получил известие историко-филологического факультета о том, что на должность ординарного профессора готов подать кандидатуру В.А. Бильбасов⁴⁸. Кандидатуру Бильбасова также выпускника столичного университета и ученика Куторги попытались противопоставить Куторге историки из окружения Соловьева. За переписку с Бильбасовым явно отвечал Герье, в архиве которого сохранились письма историка, озвученные на заседании Совета университета⁴⁹. Бильбасов первоначально изъявил желание баллотироваться на должность профессора в Московском университете,

---

⁴⁷ Там же. 1869. № 5. С. 252–253.

⁴⁸ Там же. С. 290–291.

⁴⁹ Там же.

но, узнав, что ему нужно будет конкурировать на выборах с учителем – Куторгой, фактически самоустранился от избирательного процесса.

В результате Куторга был баллотирован в Совете университета, но не получил необходимых 2/3 голосов для получения должности для находящегося в службе более 25 лет профессора. Возникшая ситуация заставила П.М. Леонтьева написать письмо в Совет университета с рекомендацией Куторги и требованием проведения повторной баллотировки⁵⁰ простым большинством. В итоге Куторга был назначен на новую должность, а Соловьев, после произошедшего конфликта, отказался от должности декана факультета⁵¹

Выборы Куторги обнажили серьезный конфликт между профессорами круга Леонтьева, и профессорами круга Соловьева, впервые проявивший себя в чичеринской истории 1866–1888 гг.⁵², когда молодые ученые университета забаллотировали «стариков» – Лешкова и Менщикова (после 25 лет службы для оставления в университете номинант должен был получить 2/3 голосов Совета), вызвав знаменитые слова Леонтьева: «Вы лизнули моей крови, но я отомщу»⁵³.

Близкая к Соловьеву пресса следующим образом сообщала о происходившем. «Московский университет все более и более запутывается в паутине, которую обвивает его какая-то закулисная интрига. На днях все истинные друзья университета были поржаены известием, что С.М. Соловьев, декан историко-филологического факультета, нашелся вынужденным отказаться от деканства до окончания срока. Он занимал эту должность в течение 14 лет с самой смерти Грановского, в это продолжительное время, своею гуманностью и беспристрастием в отправлении своей должности, снискал даже уважение тех людей, которые не были к нему расположены. Имя С.М. Соловьева бесспорное

⁵⁰ Копия ходатайства была сохранена В.И. Герье. См.: НИОР РГБ. Ф. 70. К. 35. Ед. хр. 51.

⁵¹ Московские университетские известия. 1870 № 2. С. 92.

⁵² *Чичерин Б.Н.* Выход из университета // *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. С. 126–195. М., 2010. *Антощенко А.В.* «Это был неслыханный в летописях университета скандал»: О «восстании» профессоров Московского университета в 1866 г. // Историк и его эпоха: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. В.А. Данилова, (24–25 апр. 2007 г., Тюмень) / отв. ред. С.В. Кондратьев. Тюмень, 2007. С. 21–22.

⁵³ *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. С. 193.

самое громкое и почетное в Московском университете, и если он считает невозможным для себя стоять во главе факультета, которому он служит украшением, то это очень дурной признак для состояния Московского университета». «В последнее время Советом университета постоянно нарушаются не только права отдельных лиц, но и целого факультета, как скоро это нужно для чьих либо интересов. В нашей газете⁵⁴ было в свое время заявлено, что Совет забаллотировал профессора всеобщей истории г. Герье, предложенного факультетом в экстраординарные профессора. Читатели нашей газеты помнят также случившуюся недавно историю с г. Куторгой. Этот профессор петербургского университета пожелал перейти в Москву, чтобы занять кафедру всеобщей истории, для приготовления к которой г. Герье был отправлен за границу, и которую он по возвращении оттуда занимал в течение 4-х лет. Историко-филологический факультет, желая сохранить своего прежнего преподавателя, забаллотировал г. Куторгу. В совете профессор Куторга также был забаллотирован, ибо не получил необходимых двух третей голосов; но, несмотря на это, Совет, по предложению г. Леонтьева, ходатайствовал об утверждении его на основании будущего закона о баллотировании профессором простым большинством. Еще до получения ответа от министерства, совет устроил вторичные выборы для г. Куторги, и носятся слухи, что профессор Куторга на днях будет баллотирован в третий раз. Последнее дело, послужившее поводом к отставке С.М. Соловьева, еще страннее. На днях профессор Леонтьев, один из издателей «Московских ведомостей» и содержателей классического лицея, предложил в совет кандидата Иванова, состоящего доцентом латинского языка в университете и преподавателем в лицее, в исправляющие должность экстраординарного профессора. Это предложение было вдвойне незаконно. Во-первых, новый устав не допускает повышение профессоров без надлежащей степени. Г. Иванов не написал ни одной диссертации, а экстраординарный профессору по уставу должен быть доктором; исправляющим же должность новый устав не признает. Во-вторых, предложение г. Леонтьева было сделано без ведома и согласия факультета. Несмотря на это, Совет

---

⁵⁴ «Вестник Европы» перепечатывал оценки других газет.

принял предложение и поставил на очередь баллотировку г. Иванова». «Чрезвычайно забавно объяснение, которым г. Леонтьев оправдал свое противузаконное предложение. Он заявил, что г. Иванов не написал до-сих пор ни одной диссертации по крайней добросовестности»⁵⁵. Автор заметки, которым предположительно был М.М. Стасюлевич, также отметил, что и сам Леонтьев получил профессорство не за защиту докторской, а за свою патриотическую деятельность.

Выход из конфликта оказался компромиссным. Герье был назначен министром Д.А. Толстым на должность экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории сверхштатно за счет средств, которыми ранее оплачивалась ординатура Куторги в Петербургском университете как выслужившего 25 лет в университете (так продолжалось до полного выхода Куторги в отставку в 1874 г.) и постепенно занимал все более выгодные позиции в университете, поскольку Куторга часто болел и не дочитывал свои курсы до конца.

Однако противостояние между филологами и историками в связи с процедурой замещения вакантных кафедр продолжалось. В 1872 г. в журнале «Отечественные записки» вышла статья «Даровое докторство»⁵⁶, направленная против тенденций назначения на должности в Московском университете с помощью возведения в докторство без защиты диссертаций.

Технически новая процедура получения степени, а вместе с ним и профессорской должности в Московском университете стала возможной на основании примечания к § 113 университетского устава, позволявшего Совету университета возводить в ученую степень доктора «знаменитых ученых, приобретших всеобщую известность своими учеными трудами», «прямо и без испытаний»⁵⁷.

Процедура возведения в почетные доктора была взята из Устава духовных академий 1814 г., в которых за 40 лет действия этого положения с помощью этой

---

⁵⁵ Московские «компрачкосы» // Вестник Европы. 1869. Т. 3. С. 914–916.

⁵⁶ Даровое докторство (Письмо из Москвы) // Отечественные записки. 1872. № 10. С. 202–216.

⁵⁷ Там же. С. 204.

процедуры в доктора были возведены 14 человек⁵⁸. В Московском университете за 7 лет действия Устава, по подсчетам автора статьи, в почетные доктора были возведены 7 человек, большинство из которых стали докторами либо за издание научных периодических изданий, либо за педагогическую деятельность, что, по мнению репортера, не соответствовала букве и духу устава. Автор статьи считал, что призываться крупными учеными университетские преподаватели без научных трудов не могут.

Поскольку в центре критики автора статьи оказались П.М. Леонтьев, Г.А. Иванов, Н.С. Тихонравов (интересно отметить, что в 1871 г. даровое докторство получил и М.П. Погодин⁵⁹, о чем автор статьи не упомянул – Д.Ц.), то статья явно вскрывала противоречие между историками и филологами факультета по вопросу о назначении на штатные должности. Филологи исходили из идеи, что долгие годы педагогической службы дают основания для корпорации факультета продвигать на профессорские должности хорошо известных ей номинатов. Идеологом такой линии назначений был П.М. Леонтьев. Интересно отметить, что Леонтьев сам таким образом получил высшую ученую степень, создав юридический казус в университете. За предоставление почетного докторства Леонтьеву выступил юрист ректор С.И. Баршев. Предложение было утверждено, но после этого казуса право подавать представление для возведения в доктора без защиты диссертаций было дано только тому факультету, по которому получал степень номинант.

Историки в отличие от филологов считали, что только защита диссертаций и признание номинанта в широком кругу ученых через процедуру публичной защиты является единственной дверью для входа в университетскую корпорацию. Эта была позиция С.М. Соловьева.

Таким образом, наметилось явное расхождение по вопросу о подготовке кандидатов для замещения вакантных штатных должностей в Московском университете между филологами и историками. Историки считали, что надо

⁵⁸ Отечественные записки. 1872. № 10. С. 205–206. Среди докторов *honoris causa* по богословию такие крупные фигуры как митр. Филарет (Дроздов), митр. Макарий (Булгаков) и др.

⁵⁹ Московские университетские известия. 1871. № 9. С. 153.

организовать правильную подготовку научной смены и соблюдать четкие процедуры возведения в ученое достоинство. Филологи исходили из того, что нужды преподавания в университете и позиция корпорации более важны, чем защиты диссертаций на ученые степени. В целом историки допускали и позицию филологов, но как исключение, а не как правило.

Эту позицию в 1870-е гг. отстаивали на факультете Соловьев как ректор университета и Попов как декан историко-филологического факультета. В ситуации подготовки нового университетского это было не просто. Так, Н.А. Попов высказался против появившейся у министерства в середине 1870-х гг. идеи вместо отправки магистранта на стажировку за границу назначать молодого ученого на младшие ассистентские преподавательские должности, как на медицинском факультете. На сформулированный в министерстве вопрос: «На физико-математическом и медицинском факультете при подготовке к профессорскому званию кандидаты нередко работают в должности лаборанта, ассистента или прозектора, а возможно ли это и в какой форме на историко-филологическом и юридическом?» – Попов отвечал: «В строгом смысле ассистентов нет на факультетах: физико-математическом и медицинском... Все они заняты черными работами и большею частью приготовлением препаратов и всякого рода предметов для профессорских лекций, а ординаторы только следят в больницах за ходом лечения, предписанного профессором или главным врачом. Опыт достаточно показал, что такие должности не только не содействовали ученым занятиям, занимавших оных, но даже мешали им»⁶⁰. Попов указывал на то, что прозекторы на медицинском факультете полноценные преподаватели, стоящие выше доцентов по жалованию. Учреждение подобных ассистентов при профессорах историко-филологического факультета не будут средством к приготовлению молодых ученых и заставит профессоров, чтобы дать таким ассистентам какую-нибудь работу, поручить им практические занятия со студентами, пересмотр их годовых сочинений и письменных упражнений, ведение семинаров, «между тем как

---

⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 70. Оп. 69. Д. 1. Л. 43.

подобные занятия только тогда и могут быть успешными, когда они ведутся под руководством уже опытного ученого».

По мнению Попова, историко-филологический факультет имеет много других средств, более верных и изведанных опытом, для приготовления будущих профессоров. «Эти средства суть следующие: а) оставление лучших кандидатов при университете для приготовления к магистерской степени по отдельным разрядам наук; б) учреждение сторонних преподавателей, которые могли бы читать лекции по выдержанию экзамена на степень магистра; в) посылка таких магистрантов за границу». Попов также отмечал, «что в период действия устава 1863 г., ни система конкурсов, ни приват-доцентов не дали историко-филологическому факультету Московского университета профессоров. Это объясняется отсутствием в России молодых ученых, свободных от служебных занятий, ибо у нас теперь гораздо выгоднее быть учителем гимназии, чем приват-доцентом. Очевидно, приготовление молодых людей к профессорскому званию требует несравненно больших забот и издержек от правительства, чем это было до сих пор»⁶¹.

Борясь с министерской статистикой, которая свидетельствовала о том, что «весьма значительное число прикомандированных к университету не были в состоянии подготовиться к профессорскому поприщу», Попов заявлял, что эти данные не применимы к историко-филологическому факультету Московского университета. Многие из оставленных на факультете стипендиатов «сделались потом доцентами и профессорами в нашем университете или в других университетах в России». «Сведения о том доставлены были факультетом в Министерство через Совет в 1873 г.»⁶² Попов соглашался с тем, что не все из оставленных стипендиатов достигли профессорского звания. Но этот факт профессор объяснял тем, что «с тех пор, как учреждены были стипендии для

⁶¹ НИОР РГБ. Ф. 70. Оп. 69. Д. 1. Л. 44.

⁶² За десятилетие с 1863 по 1873 г. факультет рекомендовал Совету на оставление при Университете двадцать кандидатов (филологи и историки совместно). Из них ученые степени приобрели трое: магистра – Ф.Е. Корш и В.С. Соловьев, доктора – Андрей Попов. Выдержали испытание на степень магистра пятеро: Возницин, Н.Г. Высотский, Ф.Ф. Фортунатов, Миллер, С.Ф. Фортунатов. ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 1. Л. 21.

приготовления к магистерской степени, приобретения ее стали требовать в тот краткий срок, на который обыкновенно давались такие стипендии, назначаемые обыкновенно на два года. Между тем профессора того поколения, к которым принадлежу я, и поколение предшествующих готовились к профессорскому званию долее. Стоит припомнить из наших предшественников примеры: Грановского, Кудрявцева, Леонтьева, Ешевского, из живых – Ф.И. Буслаева и многих других. Нынешние требования, приготовляющие к магистерской степени в краткий, большею частью двухлетний срок, заслуживают только порицания. А потому следует принять за правило: считать срок, на который дается вышеозначенная стипендия, только сроком на приготовление к магистерскому экзамену и притом срок этот должен быть продолжен, если признает то нужным факультет. При таких условиях кандидата на профессорское звание могут удовлетворительно приготовить к экзамену на степень магистра. Затем они должны готовиться к диссертации и преподаванию. На это есть два средства: посылка за границу и стороннее преподавание. Оба эти средства до устава 1863 г. существовали в гораздо больших размерах и при лучшей обстановке: за границу посылали не на один или два года, а иногда на четыре и больше. Сторонними преподавателями бывали по несколько лет такие лица, которые впоследствии сделались известными учеными. Так, Грановский пробыл за границей около четырех лет, сторонним преподавателем был шесть лет, а степень магистра приобрел только через десять лет после окончания курса. Кудрявцев был за границей четыре года, сторонним преподавателем следующие четыре года, магистерскую степень приобрел одиннадцать лет спустя по окончании курса в университете. Леонтьев был за границей 4 ½ года, степень магистра приобрел через девять лет по окончании курса. Бодянский был за границей пять лет, Ф.И. Буслаев был шесть лет сторонним преподавателем. Всех этих примеров достаточно, чтобы отнести не одобрительно к установившемуся в последнее время обычаю требовать от молодых кандидатов торопливого приготовления к магистерскому экзамену и скорейшей защите диссертации на степень магистра. А потому историко-филологический факультет Московского университета в

последние годы мало-помалу восстанавливает звание сторонних преподавателей; так в этом звании пробыл несколько лет нынешний доцент по кафедре римской словесности Ф.Е. Корш, преподаватель во всех отношениях замечательный. С другой стороны, наш факультет посылал молодых ученых за границу на продолжительные сроки пока Московский университет был богат специальными средствами, которые теперь к сожалению, уменьшились. Вот почему кроме оставленных при университете кандидатов для приготовления к магистерскому званию на два или на три года, следует восстановить во всей силе звание сторонних преподавателей, уничтоженное уставом 1863 г. В сторонние преподаватели могут быть приглашаемы магистры с особым вознаграждением за читаемые ими лекции, как это делал в последние годы наш факультет. Но так как звание стороннего преподавателя не значится в уставе 1863 г., то, с одной стороны, надо было испрашивать перед началом каждого академического года особое разрешение на приглашение одного и того же стороннего преподавателя, а, с другой стороны, вознаграждение стороннего преподавателя можно было назначить только из остатков от штатной суммы, ассигнуемой на личный состав профессоров. А так как этот остаток каждый год подвергается колебанию, то никогда нельзя было рассчитывать на то, чтобы факультет имел у себя определенное число сторонних преподавателей. Вот почему я полагал бы целесообразным: а) назначение особой постоянной суммы для вознаграждения преподавателей: б) назначение такой же суммы для заграничных командировок и притом на более продолжительные сроки, как это было прежде»⁶³.

Вывод Попова был ясен: «Воспользовавшись всеми средствами, какие дают три названные мною меры: стипендии для приготовления к магистерскому экзамену, сторонние преподаватели, заграничные командировки, молодой ученый, приобретая степень магистра, может быть возведен в звание экстраординарного профессора по открытии вакансии. Сохранить участие такого доцента в делах факультета будет справедливым воздаянием за его серьезную и продолжительную подготовку к ученой деятельности. Это участие стоит рассматривать не как его

---

⁶³ НИОР РГБ. Ф. 70. Оп. 69. Д. 1.

право, сколько как необходимость и обязанность для факультета иметь в своей среде достаточное число представителей по всем кафедрам при обсуждении учебных вопросов. Права же избирательного голоса за доцентом можно оставить с тем ограничением, какое упоминается в № 10 устава. Необходимость доцентского звания доказывается вековым опытом русских университетов и еще тем обстоятельством, что даже и древние Университеты признали наконец полезность этого звания»⁶⁴.

История с выборами 1869 г. заставила штатных преподавателей историков исходить из практики, что вопрос рекомендации замещения вакансии историка в университете должен находиться в руках профильного профессора, готовящего преемника. Реализация этого устремления в 1880–1890-е гг. стала результатом совместных усилий всех историков Московского университета и своего рода следствием академической борьбы историков и филологов внутри Совета историко-филологического факультета. Важную роль в этом процессе сыграл С.М. Соловьев. Ведь именно он вместе с Кудрявцевым добивался перевода из Казани С.В. Ешевского после смерти Т.Н. Грановского, отправив вместо Степана Васильевича преподавать в этот, как писали в середине XIX в. «полувосточный город», Попова, которого с трудом сам же вернул в Москву как своего помощника в 1860-е гг. Именно Соловьев явно курировал Герье на рубеже 1850-х – начале 1860-х гг., желая видеть того в университете вместо Вызинского. Сергей Михайлович предпочитал административно помогать уже заявившим о себе учеными трудами исследователям, очень часто выражая нетерпение по поводу их медленного продвижения к цели – защите диссертации. Это коренным образом отличало Соловьева, например, от Леонтьева, который проводил на должности в Московском университете своих ставленников административным путем, не требуя от них защиты диссертаций. В целом историки отстаивали процедуру назначения на должность в результате рекомендации факультета, при этом стремились к тому, что в решении вопроса о замещении штатных должностей историков не должны

---

⁶⁴ НИОР РГБ. Ф. 70. Оп. 69. Д. 1.

участвовать филологи, но при этом все рекомендации на вакантные должности факультета должны обсуждаться на Совете факультета.

К концу XIX в. университетской традицией стало выдвижение кандидата на кафедру профильным профессором-дуайеном, которыми в указанное время были В.И. Герье на кафедре всеобщей истории и В.О. Ключевский на кафедре русской истории.

Фактически на историко-филологическом факультете постепенно опытным путем формировался механизм, где решающую роль во вхождении молодого ученого в корпорацию, а следовательно, и право на то, чтобы быть членом профессионального цеха историков, решался старшим по возрасту профессором, хотя формально процедура выглядела многоступенчатой и подчиненной законодательным процедурам: оставление «профессорским кандидатом», защита диссертации, представление факультета номинанта совету университету, баллотирование кандидата на Совете университета, утверждение кандидатом министром.

Герье, воспринимая себя как наследника Грановского и Соловьева, пытался выстроить систему ведения талантливых учеников от момента поступления на историко-филологический факультет и до получения ученых степеней, которые могли молодым ученым при поддержке Герье открыть путь к занятию штатных должностей в Московском университете. От Соловьева Герье научился административной поддержке своих учеников.

С момента усиления позиции Герье в Совете историко-филологического факультета Московского университета рекомендация специалиста для выдвижения номинанта для преподавания университетского курса стала цениться выше ученой степени номинанта. Неслучайно факультет и Совет университета после смерти Соловьева сделали все, чтобы реальным преемником Сергея Михайловича стал Ключевский (решающую роль в этом процессе играли Попов и Герье), который формально не мог занимать должность профессора университета в силу отсутствия докторской диссертации. Совет историко-филологического факультета и Совет

университета ждали защиты Василием Осиповичем докторской диссертации и не приглашали на должность профессора, имевших докторские степени претендентов.

4.3. Проблема разделения историко-филологического факультета

Впервые с идеей разделения историко-филологического факультета на два отделения до начала обучения на первом курсе выступила корпорация Киевского университета. Учебный план по историческому разряду был представлен в министерство в 1856 г.

В 1857–1858 уч. г. Киевскому университету было разрешено в виде опыта разделить факультет на 1 курсе на 2 разряда – исторический и филологический, а факультетские предметы – на главные и неглавные⁶⁵. К «главным» предметам для историков относились: всеобщая и русская история, политическая экономия, статистика, история всеобщей и русской литературы, педагогика. «Неглавные» предметы составили: логика, славянские древности, древние и новые языки. Посещение «неглавных» предметов было необязательным, экзамены по ним облегчались.

Совет Московского университета рассмотрел инициативу Киевского университета в 1858 году. Большинством голосов – 24 против 4 Совет поддержал идею разделения, за которую высказались представители историко-филологического факультета. При этом, воспользовавшись обсуждением вопроса, историки Московского университета предложили собственный проект разделения факультета на отделения: 1. Древнеклассической филологии и истории; 2. славяно-русской филологии и истории; 3. историко-политических наук. Обратим внимание, что во всех отделениях факультета резко был усилен исторический компонент.

Для реализации этого плана предполагалось два курса отдавать на общее приготовление к специализации в виду плохой подготовленности студентов в гимназиях (этот вопрос постоянно обсуждался в университетском Совете, вызывая

---

⁶⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 21. Л. 3–4. В Главном педагогическом институте факультет наук исторических и словесных на старших курсах был разделен в 1816–1818, 1828–1856. *Чесноков В.И.* Указ. соч. С. 87.

инициативу депутатских назначений профессоров на экзамены в московские гимназии в 1860-е гг. и оставление за университетом права дополнительных проверок поступающих в университет). К общим курсам относились: 1. Богословие догматическое и нравственное, церковная история; 2. Психология и логика; 3. Общий курс всеобщей истории; 4. Общий курс русской истории; 5. Греческий язык; 6. Латинский язык; 7. главные славянские языки и славянское народонаселение; 8. новые языки; 9. педагогика для учителей; 10. Русская словесность. Специальными курсами на классическом отделении становились: 1. энциклопедия классической филологии; 2. греческая словесность и древности; 3. римская словесность и древности; 4. специальный курс древнего искусства; 5. история греческая и римская; 6. греческие и римские государственные древности; 7. археология искусства и мифология; 8. метрика; 9. сравнительная грамматика; 10. история славянской и русской литературы. В славяно-русском отделении предполагалось слушать: 1. Славянские наречия и их историю; 2. славянские древности и историю славянских народностей; 3. историю русской словесности; 4. историю русскую; 5. историю всеобщую; 6. славянскую грамматику; 7. специальный курс русского искусства; 8. греческий язык и по-преимуществу византийского периода; 9. историю русского искусства. Наконец, специализация по истории включала в себя: 1. Специальные курсы древней, средней и новой истории; 2. специальный курс русской и славянской истории; 3. историю всеобщей литературы и искусства; 4. политическую экономию; 5. статистику; 6. древнюю географию; 7. новую географию; 8. историю иностранного законодательства; 9. общенародное право; 10. историю русского законодательства; 11. историю славянского законодательства; 12. Историю русской словесности; 13. историю славянской словесности⁶⁶.

В создании этого документа заметную роль играли С.М. Соловьев (на предложении в МНП подпись С.М. Соловьева) и С.В. Ешевский, которые явно

---

⁶⁶ Дело Совета Императорского Московского университета о разделении историко-филологического факультета на три отделения по представлению Харьковского и Киевского университетов // НИОР РГБ. Ф. 70. К. 69. Ед. 1.

учли опыт собственной сдачи магистерских и докторских экзаменов (особенно устных и письменных вопросов по ним), да и в целом практику получения ученых степеней в Московском университете. Как следствие, в плане и появились курсы по древней и новой географии, политической экономии и статистике, то есть ровно те предметы, которые сдавали на магистерских экзаменах Грановский, Соловьев, Кудрявцев, Бабст, Ешевский. Напомним, что один из любимых студентов Т.Н. Грановского – И.К. Бабст после написания исторической магистерской диссертации в конце концов стал специалистом по политической экономии. Перенесение в план предметов юридического факультета – также отвечало интересам историков. План историками создавался, исходя из интересов дальнейшей научной специализации и из интересов защиты диссертаций историками.

Москвичи, высказавшись за разделение, не стремились как можно быстрее организовать разделение на практике. Этому препятствовала в том числе и позиция филологов факультета. О.М. Бодянский, участвовавший в обсуждении вопроса, вообще заявил, что «неблагоразумно отделять то, что так естественно соединенно между собою», «нет исторических знаний и науки без филологических»⁶⁷.

Вопрос разделения историко-филологического факультета обсуждался при обсуждении проекта университетского устава 1863 г. Так, Н.И. Пирогов, предлагал ввести для университетской специализации по истории курсы по археологии, этнографии, географии, нумизматике и славянским древностям, исключив из преподавания русскую словесность, логику, психологию, «новые языки», а также и педагогию для студентов, которые не готовили себя к педагогической деятельности⁶⁸.

Бюрократически ориентированные участники дискуссии ратовали за создание типового проекта разделения, что с их точки зрения оставляло возможность перехода студентов из одного университета в другой⁶⁹. Поэтому

⁶⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 21. Л. 40–47 об.

⁶⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 21. Л. 28 об.

⁶⁹ Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. Ч. 1. С. 57–58. Ч. 2. С. 467

попечитель Харьковского учебного округа Д.С. Левшин просил оставить за министерством контролирующие и координирующие функции в этом вопросе, а П.И. Гаевский, начальник Главного правления училищ, утверждение разделения предлагал оставить только на решение высочайшей власти⁷⁰. Интересно отметить, что тот же Гаевский, обсуждая киевский проект, предложил «получать звание действительного студента и степень кандидата» по истории или филологии по отдельности⁷¹.

Причиной разработки новых предложений, связанных с разделением факультета, возможно, стало падение общего количества студентов историко-филологических факультетов в 1850-е гг. Так, в 1853–1862 гг. санкт-петербургский университет окончили – 116 человек, Московский – 114; Казанский – 25; Харьковский – 44; Киевский – 112; Дерптский – 82⁷². Такие же тенденции наблюдались и в Европе, где в университетах на словесных факультетах в один год находилось от 16 до 88 студентов⁷³.

Новый устав дал возможность факультетам, исходя из местных условий, предлагать варианты специализации, которые через попечителя могли предлагаться для утверждения в министерстве. Харьковские профессора предложили разделить факультет на 3 разряда наук (исторических наук, древне-классических языков и литературы, русско-славянских языков и литературы⁷⁴). Таким образом, все предметы факультетского преподавания, определенные уставом 1863 г., предполагалось разделить по отношению к избранной специализации. Для отделения исторических наук главными предметами были:

⁷⁰ Замечания. Ч. 2 С. 66, 374–376.

⁷¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 21 Л. 62.

⁷² О лицах окончивших курс в наших учебных заведениях // ЖМНП. 1864. СХVIII. С. 175.

⁷³ ЖМНП. 1864. СVIII. С. 175. *Чесноков В.И.* Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50-70-х гг. XIX в. // *Российские университеты в XIX – начале XX в.: сб. научн. статей.* Воронеж, 1993. С. 72.

⁷⁴ Для отделения Древнеклассических языков и литературы главные: греческий, греческая литература и древности, латинский, римская литература и римские древности, греческая и римская история. Для русско-славянских языков и литературы главные предметы – история русской литературы и русского языка, славянские наречия и славянская литература с славянскими древностями (Л. 4–5).

всеобщая и русская история, история главных славянских народов и церковная история. Вспомогательными – все остальные факультетские науки. Для успешного окончания обучения и получения кандидатского диплома по главным наукам требовалось набрать не менее 4 ½, по вспомогательным – не менее 3 ½. Для действительного студента баллы были более низкими - по главным не менее 3 ½, по вспомогательным не менее 3.

В 1863–1864 гг. в Московском университете обсуждали проект разделения Харьковского университета. 29 октября 1863 г. Совет Московского университета рассмотрел доклад профессоров историко-филологического факультета по вопросу разделения. Позиция факультета оказалась более жесткой по сравнению с концом 1850-х гг.

«Мысль о необходимости разделения историко-филологического факультета на отделения возникла не теперь только. Еще в 1858 г. историко-филологический факультет и Совет Московского университета подвергал рассмотрению предложения Киевского университета о необходимости разделения и Совет огромным большинством в 24 голосов против 4 признал не только необходимость разделения, но и самый проект этого разделения, представленный историко-филологическим факультетом...», – сообщалось в сопроводительной записке⁷⁵. «В настоящее время историко-филологический факультет Московского университета, рассмотрев предложения Харьковского университета, уже не большинством голосов, а единогласно предлагает его отвергнуть и надеется, что Совет согласится с его мнением».

«Очевидно такой, по-видимому, крутой поворот во мнении факультета по этому вопросу может показаться странным и по необходимости требует объяснения, тем более, что историко-филологический факультет Московского университета имеет честь заявить Совету», что его убеждения как большинства так и меньшинства остались в главной сущности вполне верными тем убеждениям,

---

⁷⁵ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 69. Ед. хр. 1. Л. 12.

которые высказаны были ими в 1858 г. и которые вызвали решение огромного большинства Совета в пользу разделения факультета»⁷⁶.

Главной причиной отказа от харьковского проекта профессора историко-филологического факультета, особенно О.М. Бодянский, считали недостаточность гимназической подготовки студентов, невозможности сделать ими выбор между историей и филологией при поступлении в университет. «В 1858 году вступительный экзамен был еще в университете, и университет имел, по крайней мере, право строгого выбора между желающими поступить на историко-филологический факультет». Теперь экзамены проводятся в гимназии, это создает ситуацию, когда остается «довольствоваться тою подготовкою», которая существует в нижестоящих учебных заведениях. При такой ситуации историко-филологический факультет совершенно отвергает требования Харьковского университета, предлагает остаться при своем решении 1858 г. и ждать появления в университетском уставе новых кафедр, занятых хотя бы доцентами, а также усиление филологической подготовки в гимназии⁷⁷.

На основании позиции профессоров историко-филологического факультета было сформулировано предложение ректора университета министру, направленное на то, чтобы отклонить проект Харьковского университета.

Важно отметить, что в процессе обсуждения вопроса о разделении историко-филологического факультета в Москве резко усилилась позиция филологов-классиков в университете. Разделение воспринималось ими как угроза уменьшения студентов, специализирующихся на классической древности.

В целом при разработке проектов разделения университета после принятия устава 1863 г. университеты не очень спешили предлагать новые планы, ожидая финансирования новых кафедр с 1867 г. и возможного увеличения числа студентов.

В 1867 г. в Киевском университете отказались от прежней идеи деления всех факультетских предметов на три отделения с первого курса и перешли на схему

---

⁷⁶ Там же. Л. 12 об.

⁷⁷ Там же. Л. 14.

два плюс два. Сначала изучались общефакультетские предметы (логика, психология, греческие и латинский языки, богословие, церковно-славянский язык, русская и славянская словесность, сравнительная грамматика индоевропейских языков, русская и всеобщая история, теория и история искусств, церковная история). После сдачи полукурсового экзамена по этим дисциплинам студент получал право выбора специализации. Главные специальные курсы читались по русской истории, «важнейшим отделам» всеобщей истории, церковной истории, истории средневекового и нового искусства и статистики. К вспомогательным дисциплинам относились греческие, римские и славянские древности, история всеобщей литературы, история философии, политическая экономия и педагогика. Новые языки независимо от специализации студент учил все четыре года⁷⁸.

В Московском университете первые правила о разделении были утверждены лишь в 1872 г., хотя новая система подготовки в качестве эксперимента вводилась в 1870 г. Специализация начиналась после окончания третьего курса. Последний курс сильно перегружался, в день студенты имели до 5 часов занятий специальными предметами, в то время как обычная нагрузка составляли 3–4 часа. В связи с разделением у историков появились необязательные для посещения семинарские занятия, находившиеся в учебном плане.

В 1881 г. специализация начиналась после второго курса. «На младших курсах преподавались логика, психология, история философии, греческий и латинский языки, сравнительное языкознание, русский язык и история русской литературы, церковнославянский язык, история всеобщей литературы, всеобщая и русская история, богословие, французский и немецкий языки. Специализация на старших курсах предусматривала систему специальных курсов по всеобщей и русской истории, истории восточной и западной церкви, истории всеобщей литературы, теории и истории искусств, греческим и римским древностям,

---

⁷⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 950. Л. 90 и об.

политической экономии, а «по возможности» и преподавание географии, статистики и государственного права»⁷⁹.

При подготовке нового университетского устава, вдохновленного «Московскими ведомостями» и «Русским вестником» (прежде всего, Н.А. Любимовым) началась борьба против разделения истории и филологии на факультете. В комиссии по историко-филологическому факультету МНП при подготовке нового устава А.И. Георгиевский предложил упразднить разделение на отделения на историко-филологическом факультете. Однако С.М. Соловьев, Н.М. Благовещенский, К.А. Коссович, представляющие в комиссии университетскую профессию, сумели на время остановить это предложение⁸⁰. Получив отпор, Георгиевский попытался утвердить единые учебные планы для всех отделений. Однако и на это предложение по инициативе Соловьева было отвечено отказом. Сергей Михайлович сослался на все еще действующий устав 1863 г. и заметил, что «теперь нельзя вносить в устав ничего определенного относительно разделения факультетов, и должно предоставить его пока факультетам, по соображению местных средств», «с утверждения министра народного просвещения»⁸¹.

Противодействие не остановило Георгиевского. Он предложил рассматривать классическое отделение как основное на факультете и формировать его в отличие от исторического и славяно-русского отделений с первого курса.

Административно при введении в действие устава 1884 г. Георгиевский победил, однако предложенная им система не удержалась в 1890-е гг.

---

⁷⁹ ЖМНП. 1882. ССХІХ. Правила разделения историко-филологического факультета по разрядам. С. 12–13.

⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 950. См. также *Чесноков В.И.* Указ. соч. С. 85.

⁸¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 950. Л. 60–60 об. См. *Чесноков В.И.* Указ. соч. С. 85.

4.4. Семинары на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е – начале 1870-х гг.⁸²

4.4.1. Семинар: к истории понятия

Семинар (от латинского – *seminarium* – рассадник, теплица) – одна из самых сложных для исследования университетских институций. Слишком разные реалии стоят за этим термином в течение длительной университетской истории.

Во-первых, в русском языке XIX в. под однокоренным термином – семинария – понимается церковное учебное заведение, ученики которого проживают преимущественно в одном здании и находятся на полном иждивении епархиального архиерея. В этом смысле семинария – это фактически синоним средневекового понятия «коллегия», тесно связанного со средневековым университетом, и под таким именем появляется после Тридентского собора⁸³. Смысл существования подобных коллегий в эпоху Реформации заключался в совместном проживании студентов в специально отведенных помещениях, а не на частных квартирах в городе, жестком контроле за их частной жизнью, воспитанием и образованием для нужд учредившей коллегии религиозной общины, корпорации или частного лица. Именно по этому пути после введения «Духовного регламента» 1721 г.⁸⁴, предписывающего епархиальному архиерею открытие в своем церковном округе церковного училища⁸⁵, пошли духовные школы в России. После эпохи терминологической неопределенности в XVIII в., когда духовные школы в России могли называться коллегиями, семинариями или

⁸² При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Цыганков Д.А.* Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е – начале 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. № 1. С. 47–62; *Цыганков Д.А.* Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4. С. 117–132.

⁸³ *Jedin H.* Geschichte des Konzils von Trient. Bd. 1–2. Freiburg/Breisgau, 1957.

⁸⁴ Подробнее см.: *Кедров Н.И.* «Духовный регламент» в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1866; *Чистович И.А.* Феодан Прокопович и его время. СПб., 1868.

⁸⁵ ПСЗ. Т. 6. № 3718, 4022.

академиями, в XIX в. вторая ступень в сословном духовном образовании стала называться «семинария», сохранив многие черты средневековой коллегии⁸⁶.

Семинарией могло также называться объединение ученых, учащихся и учащихся, ставящее перед собой различные просветительские и исследовательские задачи. Скажем, в конце XVIII в. Дружеское ученое общество при Московском университете следующим образом сформулировало цели своего существования и дало определение, состоящей при обществе «филологической семинарии»: «Учреждение Филологической семинарии. Сии семинаристы три года наставляемы будут в предписанных им науках со всяким рачением, дабы по прошествии того времени, возвратясь к своим местам, могли они сами вступить в учительское звание»⁸⁷. Филологическая семинария Дружеского ученого общества таким образом объединяла понятие «семинар» как коллективное научное творчество или работу на общее благо и коллегию как объединение иждивенцев, проживающих в одном месте на специально учрежденный капитал.

Определенным развитием идеи филологической семинарии стал педагогический институт Московского университета после введения в действие устава Московского университета в 1804 г.⁸⁸ и Профессорский институт в Дерпте⁸⁹, созданный в 1829 г. Если заказчиком на обучение иждивенцев в филологической семинарии Дружеского ученого общества на первом этапе ее существования были архиереи Русской Православной Церкви и частные лица, а для ее финансирования наряду с государственными привлекались и частные капиталы, то в XIX в. финансовое обеспечение педагогических институтов находилось исключительно в руках государства, а цель заключалась в подготовке природных россиян для преподавания в гимназиях (Педагогический институт в Петербурге начала XIX в.) и университетах (Педагогический институт

⁸⁶ Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. М., 2012. С. 113–122.

⁸⁷ Цит. по: *Степанский А.Д.* Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 208.

⁸⁸ *Змеев В.А.* Педагогический институт Императорского Московского университета // Вестник Московского государственного университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2009. № 1. С. 138–144.

⁸⁹ См. *Иванов А.Е.* Профессорский институт (1827–1838 гг.) // Ученое достоинство в Российской империи XVIII – начало XX в. М., 2016. С. 147–191.

Московского университета после 1804 г. и Профессорский институт в Дерпте). И в том и другом случае духовное и светское руководство создавали семинарии и институты для того, чтобы подготовить качественно новый тип «ставленников», признавая, что существующая образовательная система не справляется с задачей подготовки преемников для замещения церковных и университетских кафедр, мест гимназических учителей⁹⁰.

К середине XIX в. в русском языке употреблялось понятие «семинария» – среднее сословное учебное заведение для детей духовенства и понятие «семинарий», обозначающее подразделение внутри учебной институции, у которого были свои, прежде всего карьерно-образовательные цели. Важно подчеркнуть, что до 1860-х гг. употребление термина семинарий не означало особого типа занятий в университете, который должен был означать углубление специализации и представлял собой дополнительные формы занятий к лекциям.

4.4.2. Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е – начале 1870-х гг.⁹¹

Одним из вопросов, обсуждаемых во время подготовки университетского устава 1863 г., стала проблема нового вида занятий для студентов, который позволял бы им более активно участвовать в учебном процессе⁹². Подбирая обозначение для новаторских форм занятий, авторы использовали разные термины.

⁹⁰ Интересно отметить, что семинарии с таким же характером деятельности распространяются по Германии XIX в., а особенно быстро после ее объединения.

⁹¹ При подготовке данного параграфа использована следующая работа автора: *Цыганков Д.А.* Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е – начале 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. № 1. С. 47–62; *Цыганков Д.А.* Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4. С. 117–132.

⁹² См. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической. М., 1985; *Она же.* Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX в. М., 1993; *Она же.* Идеи просвещения в обновляющейся России: (50–60-е гг. XIX в.). М., 1998.

Так, Н.И. Пирогов в «Письмах из Гейдельберга» говорил о лекциях-беседах⁹³, а К.Д. Кавелин делил университетские лекции на общие и монографические⁹⁴.

Использование термина «семинарий» для обозначения новаторской формы занятий в университете стало обиходным благодаря русским ученым, посланными с научными целями за границу по распоряжению министра народного просвещения А.В. Головнина⁹⁵. В своих отчетах молодые русские ученые стали использовать термины «семинарий», «семинария», «семинар».

О «Семинариях», похожих на педагогические институты более ранней эпохи или научные общества, писали в основном филологи. В.И. Модестов указывал, что в Берлине филолог Р. Гаупт читает Горация и Тацита в «Seminarium paedagogicum»⁹⁶. В Бонне же Модестов имел «в виду записаться в филологическую и археологическую семинарии, равно как в эпитафическое общество Ф. Ричля и филологическое Шмидта»⁹⁷. Л.Н. Модзалевский обобщал «отзывы о посещенных... семинариях гг. Стерна и Боден-Миллера, а равно и собранные мною сведения о учительских собраниях и обществах в Германии»⁹⁸.

В это же время похожие педагогические институты стали создаваться и для подготовки историков. Как свидетельствовал А.Г. Брикнер, «государственные семинарии» для подготовки историков появились в Мюнхене, Бреславле, Бонне, Кенигсберге⁹⁹. Важную роль в создании семинарии в Мюнхене играл сначала

⁹³ Пирогов Н.И. Письма из Гейдельберга // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1985. С. 397–398.

⁹⁴ Кавелин К.Д. Свобода преподавания и учения в Германии // Университетская идея в российской империи XVIII – начала XX в. Антология. М., 2011. С. 243.

⁹⁵ Трохимовский А.Ю. Политика Министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей. 1856–1881 гг. // Вестник Московского государственного университета. Серия 8. История. 2007. № 1. С. 67–76; Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX в. // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е гг.). М., 2012. С. 849–887.

⁹⁶ Извлечения из отчетов лиц, отправленных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. СПб., 1863. Ч. 1. С. 18.

⁹⁷ Извлечения. Ч. 1. С. 19.

⁹⁸ Извлечения. Ч. 1. С. 79.

⁹⁹ Брикнер А. О так называемых исторических семинариях при университетах Германии // ЖМНП. 1870. Ч. СХLII. С. 151.

профессор Г. Зибель, а затем профессор В. Гизебрехт, ставший ее главой. Директор мюнхенской исторической семинарии назначался королем и руководил работой двух отделений семинарии (ученое и педагогическое), занятия которых проходили один раз в неделю. В ученом отделении семинарии состояло небольшое количество слушателей (не более 10 человек); в педагогическое отделение допускалось неограниченное количество участников. В ученом отделении писалось одно сочинение в полугодие, в педагогическом – заслушивались письменные или устные ответы по истории, географии и литературе участников собраний. За лучшее сочинение, написанное в семинарии, выдавалась премия в размере двухсот гульденов. Задачами семинарии ее учредители считали разработку методики преподавания истории (ученое отделение) и приготовление гимназических учителей истории.

Сходное устройство было у исторической семинарии в Бреславле, которой руководили два директора (Р. Репелль и Юнгман). В Бонне руководство семинарией делили три профессора: Г. Зибель, А. Шефер и В. Кампшulte. В Бреславле и Мюнхене студенты (представители педагогического отделения) для отчета читали лекцию перед аудиторией с кафедры. Задачей было показать не научные знания, а педагогическую опытность: правильно сгруппировать факты, хорошо выстроить рассказ. Излагать материал было необходимо по памяти. При такой организации работы профессор Юнгман отказывался помогать студентами в научном поиске темы, часто просил экспромтом прочесть лекцию в отсутствие запланированного докладчика¹⁰⁰.

Заседания педагогических «семинариев», как правило, происходили в одной из университетских аудиторий, в то время как научных – иногда на квартире у профессоров. Впрочем, были похожие «семинарии» профессоров и в университете. Обычная продолжительность университетских педагогических «семинариев» составляла 2 часа.

Кроме «семинариев» как особых институций для подготовки гимназических учителей, историки описали в своих отчетах и новую форму практических занятий

---

¹⁰⁰Брикнер А. Указ. соч. С. 153.

со студентами. Так, В.Г. Васильевский, например, сообщал о них следующее: «Кроме лекций, Дройзен, Яффе, Кёпке занимаются с своими слушателями исторической критикой, называя это скромнее и вернее упражнениями (übungen). Моммсен на этот раз также обещал взять на себя труд руководить «упражнениями» в римской истории. И для меня собственно критические упражнения только и могут быть вполне полезны в области римской истории. По моему мнению, нужно быть предварительно знакомым с первыми источниками, свободно двигаться в них, чтобы неспроста и совершенно полезно, по указаниям профессора, приискивать и сличать различные места, чтобы самому «упражняться». Теперь я только принимаю участие в этого рода занятиях Яффе¹⁰¹. В прошедший семестр он читал о латинской палеографии и дипломатике. Его теперешние Übungen – приложение читанного курса. С этой целью Яффе издал сорок грамот из времен IX–XII веков, и теперь занимается дипломатическим и палеографическим разбором их»¹⁰². Этот же вид занятий Иван Хорошевский называл «историческая семинария»: «Там некоторые профессора, кроме общих курсов для всех слушателей, имеют еще для желающих посвятить себя специально истории особенные практические курсы, состоящие в разработке какого либо исторического события, по источникам, профессором вместе с его учениками (историческая семинария)»¹⁰³.

Практические занятия немецких профессоров стали постепенно вноситься в официальное расписание занятий. Брикнер свидетельствовал: о «семинариях» «прежде лишь весьма редко объявлялось в расписании лекций, тогда как теперь профессора и доценты большею частью в начале семестра объявляют о своем намерении заниматься специально с желающими из студентов»¹⁰⁴. В результате, если раньше в некоторые немецкие университеты приезжали, чтобы слушать

---

¹⁰¹ Чуть ранее Васильевский дает характеристики Яффе: «Яффе принадлежит к тому числу неблестящих, но в высшей степени полезных профессоров университета, которые читают или чаще диктуют свои лекции человеку 5–15. Он всегда избирает такие специальные курсы: о палеографии латинской, хронологии и читает (диктуя) их весьма основательно» // Извлечения. Ч. 2. СПб., 1863. С. 136.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. Ч. 1. С. 60.

¹⁰⁴ Брикнер А. Указ. соч. С. 149.

лекции того или иного профессора, то начиная с 1860-х гг. – для участия в семинаре профессора. Так, лекции Вайца не интересны, отмечает Брикнер, но его *übungen* пользуются популярностью. Как следствие, специально на эти семинары на несколько семестров в Бонн приезжают желающие «и затем с гордостью называют себя учениками Вайца или представителями школы Ранке (Вайц – ученик Ранке)»¹⁰⁵. Брикнер отмечает, что для обозначения новых практических занятий в расписаниях университетов Германии используются разные термины: *Practica*, *Historische Gesellschaften*, *Übungen*, *Conversatorien*, *Disputatorien*.

Брикнер пытался типологизировать эти дополнительные занятия. По его мнению, от Ранке шла традиция критического изучения немецких летописей. На занятиях читали легкодоступные издания (Эйнхард, Оттон Фрейзингенский). Участники практического занятия переводили тексты с латыни, профессор комментировал перевод и объяснял студентам трудные вопросы. Занятия по такой схеме проводили многие немецкие профессора: Г. Вайц – в Геттингене, Э. Винкельманн – в Берне, Р. Репелль – в Бреславле, Г. Перц – в Грайфсвальде, Э. Дюммлер – в Галле, В. Мауренбрехер – в Кенигсберге, В. Гизебрехт – в Мюнхене, Т. Линднер – в Бреславле¹⁰⁶. К безусловным плюсам такого вида занятий Брикнер относил доступность источников, отсутствие необходимости в больших библиотеках. Именно на таких практических занятиях, по мнению самих немецких профессоров, проявлялась высокая квалификация научного руководителя. В центр изучения большинства немецких исторических «семинариев» была поставлена средневековая история Германии. Так, профессор Д. Брандес считал «необходимым ограничиваться изучением в семинарии лишь средневековой истории, ибо таким образом может сохраниться чисто научный характер таковых занятий и что критический разбор таких вопросов, в которых идет речь о новых государственных и общественных организмах, может быть предоставлен исключительно только вполне зрелому мужескому обществу»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁵Там же.

¹⁰⁶Там же. С. 161.

¹⁰⁷Там же. С. 163.

По мнению немецких профессоров, для занятий новой историей сложно было найти необходимую новейшую литературу, а архивы для исследования современных процессов закрыты. Однако в немецких университетах все же появлялись семинары по французской революции (Ад. Шмит в Йене), отдельным событиям новой истории (Варфоломеевская ночь), войнам XIX в. (все – профессор лейпцигского университета Г. Вутке), тридцатилетней войне. По мнению Брикнера, из 100 профессоров и доцентов в университетах Германии и Швейцарии 60 % не довольствовались чтением лекций и вели семинарские занятия¹⁰⁸.

Таким образом, молодые историки, посетившие немецкие земли в 1860-е гг. имели опыт наблюдения и участия в новых типах университетских занятий. Полученные знания они попытались перенести на русскую почву. Уже в 1860-е гг. в Московском университете существовали «семинарии», как они назывались в делопроизводстве. Так, в «Отчете о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1866/67 учебный год» мы видим упоминание «семинарии» профессора П. М. Леонтьева: «Для занятий, имеющих главной целью упражнения в самостоятельном разрешении разных филологических задач и учрежден при историко-филологическом факультете греко-латинский семинарий, порученный ординарному профессору Леонтьеву. В число членов семинария принимаются на основании конкурса или испытания достойные того студенты 2-го, 3-го и 4-го курсов. Членам семинарии производятся стипендии по 120 рублей в год»¹⁰⁹. В том же году были опубликованы правила вступления в семинарий¹¹⁰.

Понятно, что в данном случае речь шла о студентах факультета, уже показавших определенные успехи в чтении и комментировании источников (напомним, что по традиции на младших курсах писалась работа по русской словесности и осуществлялись переводы древних авторов). За свои исследования они поощрялись стипендией и имели возможность готовиться к написанию

---

¹⁰⁸ Там же. С. 167–168.

¹⁰⁹ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1866–1867 академически и 1867 гражданский год. М., 1867. С. 14.

¹¹⁰ Московские университетские известия. 1866–1867. № 2. С. 387–388.

филологических работ (вполне возможно, что речь идет о написании медальных сочинений). При этом семинарий Леонтьева – это особая форма занятий, стимулирующая в университете появление филологов-классиков, которые затем направлялись учителями в гимназии. Такой тип занятий, наверное, нельзя считать переносом критических упражнений в духе Ранке, Яффе, Кёпке.

Другой характер носили дополнительные занятия профессора Герье. Объясняя появление новых по форме занятий в Московском университете, Герье в воспоминаниях особо выделяет «семинарий» Кепке, который запомнился ему в Германии «более всего»¹¹¹. Этот «семинарий», и это стоит особо подчеркнуть, проходил дома у профессора, где он сам и его ученики упражнялись в чтении и комментировании одного источника – Лиутпранда, сидя за общим столом.

Семинар Герье, начавший работу, вероятнее всего, уже в 1866 г., занимает особое место в ряду дополнительных практических занятий профессоров Московского университета середины XIX в. История его становления была длительной¹¹². Первоначально семинарий Герье составлял конкуренцию семинарию-университетскому подразделению для подготовки гимназических учителей Леонтьева. Правда, в отличие от филологов студентам-историкам за участие в семинарии стипендию не платили, а потому они вели себя в нем вызывающе, не желая терпеть лишнюю нагрузку. Так, студент И. Лебедев, привыкший пассивно слушать лекции, на предложение доцента Герье во время семинарского занятия, для которого Герье подготовил хрестоматию¹¹³, почитать и

¹¹¹ *Герье В.И.* Мои воспоминания // Тегга Еугора: Сообщество московских всеобщих историков второй половины XIX в. М., 2014. С. 191. Антощенко считает, что кроме семинара Кепке Герье хорошо был знаком и с системой Ранке. *Антощенко А.В.* Das Seminar: немецкие корни и русская корона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М., 2009. С. 269. Но, может быть, Герье хотел именно подчеркнуть разницу между двумя виденными семинариями: учебным – в официальном университетском пространстве, и исследовательским – на дому у профессора.

¹¹² *Цыганков Д.А.* Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4. С. 117–132.

¹¹³ Материалы хрестоматии печатались более года на страницах Московских университетских известий.

перевести источник, ответил: «А я не желаю». «А Вы пожелайте», – нашелся Герье¹¹⁴.

В отчете университета за 1869/70 уч. г. о семинариях исторического факультета сообщалось следующее: «На историко-филологическом факультете по самому существу филологических занятий студенты работали под личным руководством преподавателей; на первых двух курсах студенты обязаны были написать по одному годовому сочинению по предмету русской словесности; такого же рода письменные работы продолжались на всех курсах по предметам классической филологии; к этим работам присоединялись еще занятия студентов в филологической и исторической семинарии и писание сочинения по конкурсу на получение установленных премий и медалей. Кроме того, по всем предметам факультетского преподавания существуют семинарии, в которых студенты частью представляли на обсуждение преподавателей и товарищей результаты своих домашних изучений какого-нибудь вопроса, частью упражнялись в объяснении отдельных исторических памятников и в обсуждении различных научных и педагогических вопросов»¹¹⁵.

В 1872 г., когда был принят учебный план для подготовки историков со специализацией после 3-го курса¹¹⁶, Герье создал семинарий для пишущих работы по истории. В 1870-е гг. Герье делил свои семинарии, исходя из опыта посещения студентами такого вида занятий: студенты, первый год участвующие в работе семинара; студенты, второй год участвующие в работе семинара; студенты, третий год участвующие в работе семинара. Все эти семинары были необязательными. По ним не было форм отчетности в течение семестра или года. Де юре в учебный план семинары вошли лишь после введения в действие устава 1884 г., когда для получения зачета шестого семестра, студенты должны были написать письменные работы в семинаре (специализация по истории начиналась с 1882 г. с третьего

---

¹¹⁴ Герье В.И. Мои воспоминания // Terra Eуропа: Сообщество московских всеобщих историков второй половины XIX в. М., 2014. С. 203.

¹¹⁵ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1870–1871. М., 1871. С. 18.

¹¹⁶ Об истории разделения см.: ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 3951.

курса, следовательно, для перехода на последний курс специализации нужно было получить зачет за письменную работу).

До введения в действие учебных планов по уставу 1884 г., если студенты отказывались посещать семинарий по своей специализации, то они подвергались дополнительным письменным испытаниям во время экзамена по тому предмету, практические занятия которого они не посещали¹¹⁷.

Таким образом, идея семинаров тесно стоит в связи с вопросом о письменных работах для студентов историко-филологического факультета (частично регулировались Правилами студентов). Прежде всего, для историков, у которых до введения в действие устава 1863 г. не предусматривалось обязательных письменных работ во время обучения. Скажем, сам Герье еще на младших курсах получил медали за филологические работы, написанные у П.М. Леонтьева, а потому был освобожден от написания кандидатского сочинения. Фактически его первой крупной исторической работой стала магистерская диссертация. В воспоминаниях Герье не упоминает о своих работах в годы студенчества, написанных по заданию профессоров-историков.

Пользуясь преимуществом близкого знакомства со студентами во время написания письменных работ, филологи предлагали студентам специализацию по своим дисциплинам и критически относились к историческим исследованиям. Так, Леонтьев пригласил студента Герье, который был сиротой, жить на его квартире и участвовать в его научном проекте. Выбор Герье специализации по истории Леонтьева разочаровал. Если же студенты-историки не имели медалей во время обучения (темой медальных сочинений могли быть и вопросы по филологии, и вопросы по истории), то они должны были писать кандидатскую диссертацию, на создание которой отводилось шесть месяцев после окончания университета¹¹⁸.

Итак, долгое время в университете одной из немногих форм научной работы студентов было участие в написании медальных сочинений, что было оговорено в

---

¹¹⁷ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета в 1874/75 академическом и 1875 гражданском году. М., 1876. С. 17.

¹¹⁸ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб., 1864. Стб. 636–642.

университетских уставах, а также создание кандидатской диссертации для получения соответствующей степени. Написание работ по заданию преподавателей было скорее данью местной традиции, формой репетиций лекций, которые, как правило, устраивались во время действия устава 1835 г. (этой проблеме уделяли пристальное внимание Отчеты Московского университета за 1830–1840-е гг.). Так, в Московском университете С.П. Шевырев (1840–1850-е гг.)¹¹⁹ и М.П. Погодин (1840-е гг.) на собственных лекциях устраивали чтение студенческих сочинений с их разбором. Однако репетиции на лекциях иной раз вызывали неудовольствие университетской бюрократии, поскольку сокращали время на прохождение курса, делали его неполным.

Конечно, студенты сами стремились восполнить этот недостаток письменных работ, если чувствовали в этом необходимость¹²⁰. Так, имелась возможность участия в университетских научных обществах, в которых студентах делали доклады. Студенты могли публиковать доклады в ученых записках университета и близких к университетской среде журналах. Долгое время таким обществом в Московском университете было Общество любителей российской словесности. Еще в конце 1820-х гг. М.Т. Каченовский открыл студентам для публикации сначала свой журнал «Вестник Европы», а затем – «Ученые записки Московского университета», что вызвало всплеск интереса к историческим наукам. Однако планомерной такая работа студентов-историков не стала до середины XIX в.

Устав 1835 г. предлагал поощрять лучшие письменные работы студентов, однако не определял причины, по каким они должны быть написаны. При подготовке университетского устава 1863 г. вопрос о письменных работах студентов был поставлен в контексте обсуждения проблемы монологичности

---

¹¹⁹О роли С.П. Шевырева в формировании практики взаимоотношений профессоров и студентов см.: *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. С. 17–19.

¹²⁰*Посохов С.И.* Организация научной работы студентов в университетах российской империи: Проблемы историографии // *Российские университеты в XVIII – начале XX в.: сб. науч. ст. Вып. 6.* Воронеж, 2002. С. 189–198.

лекций и пассивности студентов во время обучения в университете, однако никаких практических шагов для решения проблемы предпринято не было¹²¹.

Однако уже во второй половине 1860-х гг. министерство потребовало от университетов «усиления работы» со студентами. Традиционно в рамках изучения правительственной политики в области образования эта инициатива оценивается не очень высоко. Якобы министерская бюрократия, увеличивая количество университетских занятий, стремилась «отвлечь» студентов от занятий политикой, а затем – не допустить их выход на улицы с политическими требованиями. Однако следует признать, что с точки зрения учебного процесса при введении семинарских занятий произошли серьезные изменения. Введение семинарских занятий увеличило количество письменных работ, которые должны были создавать студенты. Прежде всего студенты историки историко-филологического факультета¹²².

В 1869 г. министерство инициировало дискуссию о семинарах и письменных работах студентов на страницах «Журнала министерства народного просвещения». Немецкому профессору И.Г. Дройзену была заказана статья, в которой он связал появление практических занятий в университете с национальной моделью университетов в Германии. Дройзен указывал на то, что со времен Реформации гимназии в Германии приглашали учителей, окончивших богословский факультет университетов. В эпоху Просвещения «явилось сознание, что юные богословы, для того чтобы стать в уровень с возвысившимися требованиями от преподавателей в ученых школах, нуждаются в более значительной научной подготовке, чем та, которую могли дать им их богословские занятия»¹²³. Именно поэтому в некоторых университетах стали заводить для образования хороших учителей семинарии – «учреждения, которые имели целью не только подготовить молодых людей к

---

¹²¹Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. Ч. 1–2. СПб., 1862.

¹²²Жарова Е.Ю. Контроль над занятиями студентов в университетах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 92–105.

¹²³Дройзен И.Г. О научно-практических занятиях студентов в Германских университетах, преимущественно по истории // ЖМНП. Ч. CXLV. 1869. С. 80.

преподаванию путем методических и педагогических упражнений, но и глубже ввести их в область науки, как то оказывалось необходимым вследствие более высоких требований от учительской должности». В этих семинариях главным были не лекции профессоров, а практические упражнения обучающихся. Из них самым лучшим признавалось самостоятельное исследование. Семинарии при университетах были основаны прежде всего для классической филологии, но постепенно ученые всех наук обратили внимание на этот вид занятий. В университетах начались математические и исторические упражнения, «и здесь еще более выступило на первый план чисто научное их направление»¹²⁴.

Семинарскую форму обучения Дройзен считал достижением именно немецких университетов. Английские университеты не приняли эту идею и обучение в них происходило без семинаров. Французы доводили внешнюю форму лекции до изящества, но не давали навыков исследовательской работы студентам. Как следствие, французские студенты не ценили достижений науки. Семинары немецких университетов, по Дройзену, имели воспитательное значение. Ведь только настоящая самостоятельная работа позволяет студенту понять, как он «далеко стоит от тех целей, которых должен достигнуть», а «подлежа сам в своих трудах приговору других, он становится скромнее в собственных своих суждениях о чужих трудах и строже в своих требованиях к самому себе»¹²⁵. Кроме того, занятия в семинарах заставляют студента по-иному участвовать в научной работе. На семинарах он не пассивно слушает профессора, а вместе с ним ищет ответы на те вопросы, с которыми он встретился в собственной исследовательской практике. С другой стороны, Дройзен полагал, что и профессор под влиянием бесед со студентами на семинарах меняет содержание лекций, совершенствуется.

Впрочем, главная задача семинара не воспитательная, утверждал Дройзен, а научная. Студенты должны «научиться научно работать». В статье Дройзен предлагает собственный план соединения лекций и семинаров по историческим дисциплинам. Преподавание Дройзен предлагает начинать с университетских

---

¹²⁴Там же. С. 81.

¹²⁵Там же. С. 83.

исторических курсов по политической истории (он отвергает чтение философских и пропедевтических курсов по истории в начале обучения, поскольку считает, что энциклопедия истории – это курс, который должен читаться выпускникам). В семинарах в это время нужно заниматься «упражнениями в критике писателей-источников»: как относится Ливий к Полибию, Диодор к Эфору, из каких древнейших источников заимствовали сведения Иорнанд о готах и т.п. При таких упражнениях необходимо внимательное чтение источников. При чтении, в котором важную роль играет экзегеза текстов на латыни и греческом, профессор будет задавать студентам небольшие задачи для самостоятельной обработки (например, признаки подражания Эйнхарда Светонию).

Следующая ступень семинаров – изучение исторических актов. При исследовании этих проблем нужно уходить от вопросов древней истории, поскольку изучение древних надписей больше имеет характер «филолого-археологический», а исследования Ассирии, Вавилонии и Египта требует навыков и умений, каких еще нет у студентов. Поэтому сложные вопросы древней истории нужно проходить на лекциях, «при том так, чтобы слушатели получили ясное представление о медленно подвигающейся вперед научной работе и в высшей степени отрывочных результатах, к которым она приводит»¹²⁶. Одновременно с семинарами второго уровня должны идти лекции по палеографии, дипломатике и хронологии. Главная задача в дипломатических семинарах научить студента извлекать из сухого источника нужную ему историческую информацию.

Наконец, последняя ступень практических упражнений должна показать значение истории в кругу других наук и подчеркнуть воспитательные функции истории для практической жизни. Поэтому в последние семестры читаются курсы по методологии и энциклопедии истории. На практических занятиях избираются источники последних столетий: «Здесь полнота имеющихся под рукою материалов, разнообразие воззрений, непосредственное влияние которых повсюду ясно и раскрывается в бесчисленных прениях, все это тотчас же расширяет круг зрения и

---

¹²⁶Там же.

обращает внимание изучающего на предметную сторону дела»¹²⁷. На этой стадии разрешение сущностных вопросов должно преобладать над чисто технической критикой (Дройзен именно этим отличает историка от филолога), студенты должны думать над историей Петра I, Людовика XIV, Екатерины II, Наполеона I. Задачи, которые студент будет разрешать в своих письменных вопросах, приведут молодое поколение ко всем современным политическим проблемам. «Путем этих упражнений молодой исследователь придет к сознанию, как многообразны отношения, заключающиеся в каждом отдельном историческом моменте, и как необходимо освоиться со многими и многими науками в виду того, что все другие науки при случае становятся вспомогательными науками для историка»¹²⁸.

Рассматривает Дройзен и вопрос о том, как государство может помочь развитию нового типа занятий в университетах. Его советы, иной раз, оригинальны. По мнению Дройзена, государство должно искать прежде всего сильных профессоров, которые смогут организовать занятия нового типа. Конечно, утверждает немецкий ученый, можно попытаться стимулировать работу студентов стипендиями, что будет, конечно, им помогать находить мотивацию для занятий. Но такой подход не создаст у студентов научного императива. Дройзен призывает развивать инфраструктуру семинара. Учреждать при нем библиотеку, покупать необходимые палеографические аппараты. На эти цели он считает возможным даже учреждать членские взносы с посторонних лиц, желающих участвовать в работе семинара.

Публикация статьи Дройзена вызвала отклики русских ученых. Интересно отметить, что немецкому историку печатно отвечали прежде всего филологи. Так с возражениями поспешил И.И. Срезневский. В его статье чувствуется негодование. Во-первых, Срезневский пытался доказать, что традиция письменных работ в русских университетах существует не менее сорока лет, то есть приблизительно столько же, сколько и немецкие семинары. Во-вторых, что органически сложившаяся программа историко-филологических факультетов в

---

¹²⁷Там же. С. 88.

¹²⁸Там же. С. 90.

России больше соответствует развитию личности, чем опыт немецких университетов, поскольку не включает в себя никаких политических целей, что он чувствовал в плане Дройзена. В-третьих, Срезневский упрекал Дройзена в том, что он, противопоставляя историю как предмет преподавания филологии, дает мало идей относительно развития русской истории.

В центре дискуссии таким образом оказался вопрос о том, что лежит в основе обучения на историко-филологическом факультете. Срезневский отстаивал идею, что в основе образования на факультете лежит энциклопедическая полнота суммы филологических и исторических знаний, которая обеспечивается общими курсами. Дройзен высказывался против общих курсов факультета, предлагая увязать специальные курсы историков с семинарами, вводимыми для усиления исследовательской работы студентов. Фактически немецкий профессор высказывался за разделение подготовки историков и филологов, а местом обучения науке должны были стать семинарии.

Позиция Срезневского очень характерна для филологов русских университетов, которые видели в идее введения семинара первый шаг к разделению историко-филологического факультета. Напомним, что по уставу 1863 года именно филологические кафедры преобладали над историческими на факультете, а профессора-филологи выступали против разделения учебных планов факультета на отдельные для филологов и историков. Безуспешно ставившие еще в 1860-е гг.¹²⁹ этот вопрос историки Московского университета, добились разделения факультета на отделения лишь к 1872 г.

Итак, в обсуждении проблемы «семинариев» на историко-филологическом факультете, поставленной в 1860–1870-е гг., участвовали несколько субъектов университетской жизни. Министерская бюрократия и профессора-филологи выступали за создание внутри университетов особых подразделений для подготовки гимназических учителей (прежде всего древних языков). Эти

---

¹²⁹ См., например, обсуждение вопроса на заседании Совета Московского университета от 6 июня 1868 с предложением разделить факультет на 3 потока после 2 курса // Московские университетские известия. 1868. № 8. С. 455–456. Филологи настояли на том, что разделение возможно только по утверждению министра и отложили решение вопроса.

подразделения назывались «семинариями». В.И. Герье и профессора-историки пошли по пути тех немецких профессоров, например, Дройзена, которые считали, что специальные письменные работы формируют профессиональные навыки именно историков, выделяют историю из круга филологических и юридических дисциплин. Это был один из первых шагов, который фактически привел к разделению учебных планов историков и филологов в рамках историко-филологического факультета¹³⁰. Историки формировали семинары (термины «семинарий» и «семинар» использовались как равнозначные) как новый вид занятий в университете. Семинары в этом проекте историков были местом исследования¹³¹.

4.5. С.В. Ешевский: ученик из круга Т.Н. Грановского – С.М. Соловьева

Диссертация Н.В. Шульгиной, посвященная изучению исторических взглядов С.Е. Ешевского¹³², подвела итог изучению этого профессора Московского университета¹³³, начатый еще трудами К.Н. Бестужева-Рюмина¹³⁴ и продолженного к концу XIX – начале XX вв. выпускниками Московского

---

¹³⁰Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50–70-х гг. XIX в. // Российские университеты в XIX – начале XX в.: сб. науч. ст. Воронеж, 1993. С. 70–88.

¹³¹Цыганков Д.А. Семинар как место исследования // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4. С. 117–132.

¹³²Шульгина Н.В. Историческая концепция С. В. Ешевского: дис. ... канд. истор. наук. 07.00.09. М., 1997.

¹³³Многое для создания научной биографии Ешевского сделали К.Н. Бестужев-Рюмин и А.С. Трачевский. *Трачевский А.С.* Воспоминания о Степане Васильевиче Ешевском // Московские университетские известия. 1865. № 5. С. 393–406.

¹³⁴*Бестужев-Рюмин К.Н.* С.В. Ешевский: биограф. очерк // Ешевский С.В. Сочинения. Т. 1. М., 1870. С. XXI. Отдельный оттиск: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский: биограф. очерк. М., 1870. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский // Биографии и характеристики: Летописцы России. М., 1997. С. 230–299.

университета (С.И. Архангельский¹³⁵) и нижегородскими краеведами¹³⁶. В последнее время А.А. Кузнецов ввел в научный оборот документы личного характера из личного фонда Ешевского, хранящегося в ЦАНО¹³⁷, о которых еще в 1980-е гг. писал В.Г. Ткаченко¹³⁸. Однако академической карьере Ешевского в Московском университете уделено не много внимания.

В июне 1846 г., кончив курс гимназии, Ешевский по воле отца поехал поступать в Казань, хотя сам хотел учиться в Московском университете. Для обучения он выбрал 1 отделение философского факультета. На 1-м курсе одним из наиболее ярких профессоров оказался Н.А. Иванов, ученый энциклопедического склада (в университете он читал русскую вместе с русскими древностями, всеобщую историю, а также философию). Ешевский слушал у Иванова курс пропедевтики истории и блестяще на 5+ сдал профессору репетицию после Рождества (лекции представляли собой соединения библиографии с историографией)¹³⁹. На первом курсе в Казани Ешевский увлекался трудами Ю.И. Венелина, которые вывели его на вопрос о варягах. На летних каникулах он хотел «собрать все известия восточных, византийских и западных писателей о варягах, а потом представить все мнения о них, расположив эти мнения по сектам»¹⁴⁰. В Казани Ешевский увлекся нумизматикой, собрав несколько французских старинных книг об этом предмете и небольшую коллекцию монет.

¹³⁵ *Архангельский С.И.* Исторические взгляды Ешевского (1829–1865) // ЖМНП. Новая серия. Ч. LXIII. 1916. С.113–126.

¹³⁶ *Кабанов А.К.* С.В. Ешевский (1865–1915): По поводу 50 лет со дня смерти // Нижегородский ежегодник. Нижний Новгород, 1915. О Кабанове см.: *Кузнецов А.А., Маельников А.В., Пудалов Б.М.* Новые данные о судьбе нижегородского историка Кабанова // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. Нижний Новгород, 2006. С. 160–164.

¹³⁷ *Кузнецов А.А.* Очерк биографии и творчества С.В. Ешевского в связи с публикацией «Заметки о провансальской поэзии» // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. / под ред. А. Н. Маслова и А. А. Кузнецова. Нижний Новгород, 2011. Вып. 2.

¹³⁸ *Ткаченко В.Г.* Архивное наследие С.В. Ешевского // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 263–269.

¹³⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед. хр. 6. Л. 1.

¹⁴⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С. 241.

Летом 1847 г. Ешевский решил перейти в Москву¹⁴¹. Иванов предлагал молодому человеку остаться в Казани, обещая ему место адъюнкта после окончания обучения, но убедить Ешевского переменить решения не сумел.

Интерес к Москве у Ешевского возник под влиянием чтений диссертаций московский историков¹⁴² и журнальной полемики прежде всего Соловьева и Погодина. Сильное впечатление на студента произвела статья «О юридическом быте древней России» К.Д. Кавелина, которым открывался «Современник» в начале 1847 г. и о которой говорили в студенческой среде. Серьезное влияние на гимназиста имели и теоретические труды Шевырева. Уже став студентом, Ешевский присутствовал на открытии педагогической семинарии со вступительной речью Шевырева.

Во время студенчества Ешевского четыре профессора читали предметы с историческим содержанием: Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, С.М. Соловьев и К.Д. Кавелин. Из предметов, близко связанных с историей, Ешевский выслушал два курса П.М. Леонтьева о греческой мифологии в связи с искусством (впоследствии Леонтьев читал другой курс, сравнительной мифологии) и о римских древностях, курс О.М. Бодянского по славянским языкам, курс истории философии М.Н. Каткова и два курса С.П. Шевырева по истории всеобщей и русской литературы.

В первый год пребывания в Москве Ешевский больше занимался русской историей. В 1847 г. он написал для Шевырева курсовое сочинение об изучении Ломоносовым русской истории. Для получения рекомендаций о том, как заниматься историей, студент познакомился с М.П. Погодиным, который к этому времени уже не был профессором Московского университета. Тот рекомендовал студенту читать А.Л. Шлецера. Под влиянием этого совета во время чтений летописей Ешевский пытался определить, где начинаются расхождения в списках летописей после 1111 г. Как вспоминал Бестужев-Рюмин, напарник Ешевского в

---

¹⁴¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 16. Д. 374.

¹⁴² Оценки московских историков в письмах к Бестужеву-Рюмину см.: ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед. хр. 6. Л. 10.

этой работе: «Поработали много, но работа оказалась неудовлетворительной, потому, разумеется, что самые приемы для нас были неясны».¹⁴³

Некоторое время Ешевский занимался словесностью. Он много читал Вергилия и Плавта, для профессора Гофмана написал работу на латинском языке о сослагательном и желательном наклонении в «Одиссее» (в этом ему помогли работы самого Гофмана), но так и не сумел сносно выучить греческий язык и лишь былые заслуги перед Гофманом спасали его от плохих оценок на старших курсах.

Всеобщая история преподавалась Грановским и Кудрявцевым. Ешевский считал себя в большей степени учеником Кудрявцева, который обратил на него внимание на переходном экзамене после 2 курса, «убедившись по ответам, что имеет дело с человеком, не только заучивающим лекции, но и думающим о их содержании»¹⁴⁴. Под влиянием Кудрявцева, Ешевский стал заниматься историей средних веков и начал ее с эпохи Меровингов. Так, он вышел на тему о Григории Турском, которому он и посвятил кандидатское сочинение. При изучении Григория, по указанию, найденному у Гизо, Ешевский рассматривал три главных элемента в переходную эпоху от древнего мира к средним векам – отживающие римские институты, варварство и христианство. Основную литературу составляли Тацит, Аммиан Марцелин, *Scriptores Historia Augusta* и Гиббон¹⁴⁵.

Ешевский застал изменение общей обстановки в Московском университете после европейских революций 1848 г. «Теперь гонение против всего, что было хорошего в университете, Шевыреву и Баршеву дали Анну на шею, Соловьева теснят, Бодянского вытеснили... На общество наложена цензура и С.П. дошел до такой низости, что поздравил членов с тем, что министр отнял у общества право собственной цензуры и избавил их от многих лишних занятий... Теперь единственная оппозиция Шевыреву лопнула. Он полновластный господин в факультете. Грановский очень в хороших отношениях с ним и недавно получил

¹⁴³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* С.В. Ешевский: биографический очерк // *Ешевский С.В.* Сочинения. Т. 1. М., 1870. С. XXI.

¹⁴⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. С. 248.

¹⁴⁵ Там же.

монаршее благоволение, впрочем за лекцию, читанную в Поречье, куда он тоже ездил на поклонение. С.П. торжествует, гордо поправляя свой орден, достойную награду достойных трудов, он неопровержимо доказывает торжество философии Гегеля с философией китайца Лаоцзы. Что-то будет дальше, а теперь очень хорошо в Моск. университете. Вот тебе и исторический факультет»¹⁴⁶.

Выходом стало частое посещение Кудрявцева, присоединение к салону Е. Тур. Как вспоминал, Бестужев-Рюмин: в этом кружке «бывали все, кроме славянофилов». В салоне, конечно были некоторые крайности западнического направления, «но зато в этом кружке строго осуждали легкость, пустозвонство, выражалось уважение к науке и серьезной литературе... в нем жил дух Московского университета»¹⁴⁷. Дружеские связи установились у Ешевского с А.В. Лохвицким, И.К. Бабстом, Е.М. Феокистовым, Н.Н. Буличем.

Усиленные занятия расстроили здоровье Ешевского. В 1849 г. он прервал занятия и поехал в башкирскую степь принимать кумыс. В 1850 г. Ешевский окончил университет. «Ни занятий, ни знакомств, ни места – ничего нет, – писал он в письме к Бестужеву-Рюмину. – Я махнул рукой. Будь что будет. Я в некоторых случаях фаталист. Лежу, купаюсь, гуляю – вот все, что я делаю. Правда, я читаю и довольно порядочно, но все это нельзя назвать занятием, как я его понимаю... Правда мелькает у меня план одной работы о положении низшего класса, то есть вилланов и муниципов в С. и Ю. Галлии, да нет пока книг и притом материалов к работе... Места нет. Я не знаю, но мне кажется Грановский или Кудрявцев хотят мне достать частное... Спасибо им. Мне все еще кажется продолжают надеяться на меня: и мне так право совестно иногда становится за себя и за свои занятия»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед хр. 6. Л. 14–15.

¹⁴⁷ *Бестужев-Рюмин. К.Н. С.В. Ешевский. Биографический очерк // Ешевский С.В. Сочинения. Т. 1. С. XXVIII.*

¹⁴⁸ Цит. по: *Кузнецов А.А. Очерк биографии и творчества С.В. Ешевского в связи с публикацией «Заметки о провансальской поэзии» // Альманах по истории средних веков и раннего нового времени. 2011. Вып. 2. С. 96–104. С. 97–98. Оригинал: ГАНУ. Ф. 1827. Оп. 1. Д. 8. Л. 4, 4об., 5.*

В этой ситуации Ешевский даже рассматривал службу секретарем Северо-Американской компании. Однако Кудрявцев сумел устроить его на преподавательскую должность в Николаевский сиротский институт.

Годы подготовки к магистерским экзаменам были одновременно и сладостными и тревожными для Ешевского. Во-первых, он был перегружен: «проклятые уроки отнимают пропасть времени. Иной раз они просто нестерпимы, несмотря на то, что я нахожусь в весьма выгодном положении, давая уроки только из истории и истории всеобщей литературы, и имею дело с людьми, которых люблю, как, например, Евреиновы»¹⁴⁹. Не хотел Ешевский и плохо выглядеть перед лицом учителей: «Я читаю много и может быть решусь держать экзамен в январе или феврале. Меня останавливает только опасение, что я еще не совсем готов. Грановский и Кудрявцев несмотря на их снисходительность такие люди, что невольно робеешь перед ними»¹⁵⁰. Ешевский опасаался, что должен будет уехать из Москвы: «Мне все кажется, что судьба отправит меня куда-нибудь в глушь и все что я получаю употребляется на то, чтобы обеспечить себя хотя бы книгами на будущее»¹⁵¹.

В начале 1853 г. от сильного перевозбуждения, вызванного усиленными занятиями и подготовкой к магистерским экзаменам, Ешевский заболел и в болезненных припадках, находясь в полусознательном состоянии, пересказывал книгу Гуртера «История Иннокентия III». Лето историк вынужден был провести в Нижнем Новгороде.

Осенью 1853 г. Ешевский был назначен адъюнктом в Ришельевский лицей в Одессе на место Н.Н. Мурзакевича. Вместе с Ешевский из Москвы служить в Одессу поехали А.В. Лохвицкий и А.М. Богдановский. Переподаватели из Москвы создали кружок, позволявший поддерживать хороший уровень научных коммуникаций в условиях отсутствия библиотеки и книг по истории в городе, а также неразвитости контактов преподавателей между собой (Ешевский отмечал

---

¹⁴⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед. хр. 6. Л. 22.

¹⁵⁰ Там же. Л. 21–22.

¹⁵¹ Там же. Л. 22.

высокий средний возраст преподавателей Лицея, что мешало общению и сближению преподавателей). Ешевскому хотелось вызвать для преподавания в Одессу своего лучшего друга – Бестужева-Рюмина, но он понимал, что назначение приятеля в Одессу вряд ли поможет тому сделать хорошую научную карьеру. Ешевский в письме другу: «Здесьняя библиотека хуже гимназической: да и то, что есть, испорчено. Здесь город промышленный, и потому в самом лицее образовалась своего рода промышленность. Все лучшие статьи в журналах вырваны и украдены. От этой беды не ушел даже горный журнал, несмотря на то, что он сдан в библиотеку неразрезанным. Стыдно сказать, что в этом главную роль играют не студенты. И теперь еще остался один главный промышленник такого рода. Частью по моему требованию, журналы, лежащие в профессорской, закованы в станки. Если не поможет, придется приковывать их, как средневековые библии, на цепь. Таким образом Сергей Михайлович (Соловьев) обеспечил меня главными источниками»¹⁵². Соловьев присылал Ешевскому для занятий издания Археографической комиссии.

Читать одновременно Ешевский должен был два предмета – русскую историю и статистику: «Вот уже два с половиною месяца, как я читаю лекции и до сих пор не могу привыкнуть к своему положению. Право бессовестно наложить на молодого преподавателя шесть часов и два совершенно разные предмета. Все время уходит только на то, чтобы сколько-нибудь приготовиться к лекции, чтобы прочесть ее, не краснея перед слушателями. Писать лекции нет никакой возможности. Я составляю только самый подробный конспект из статистики. Из русской же истории не успеваю и того делать. Страшно неловкое положение. Из статистики я учусь в одно время с студентами. Недавно был один у меня студент третьего курса, оставленный на второй год Мурзакевичем, и в разговоре высказал мне общее удивление курса, отчего я целые 16 лекций читал о народонаселении. Я объяснил причину: перед начатием лекций я знал об этом предмете столько же, сколько и они. Я решился читать статистику подробно, собирая и сводя все, что

---

¹⁵² Цит. по Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 99.

могу найти в официальных источниках, и, мне кажется, только этим путем мне удастся совладать с предметом»¹⁵³.

Русскую историю Ешевский читал под явным влиянием Соловьева¹⁵⁴. В лекции по истории он вводил данные по этнографии и мифологии, пытаясь подвести под систему Шеллинга результаты работ Кавелина, Афанасьева, Буслаева, Срезневского. Интересно отметить, что о системе Шеллинга Ешевский знал только из записей лекций у Кудрявцева, самих книг Шеллинга у него не было. В Одессе Ешевский начал готовить материалы для диссертации. Первоначально он колебался между двумя предметами исследования – Аполинарием Сидонием и Брунегильдою. Под влиянием Кудрявцева он останавливается на Аполинарии и с собранными материалами приезжает в Москву для сдачи магистерского экзамена¹⁵⁵.

31 мая 1854 г. состоялось словесное испытание по всеобщей истории. Ешевский отвечал на 3 вопроса: 1. Борьба патрициев и плебеев. 2. Период меровингов. 2. История Лиги во Франции. 1 июля он сдавал русскую историю: 1. О состоянии духовенства до разделения митрополии. 2. О причинах особенности Новгородского быта в древней русской истории. 2. О состоянии Западной Руси при Ягеллонах. Ответы были найдены удовлетворительными. Лето 1854 г. Ешевский провел в Нижнем, где написал первую главу своей работы.

7 сентября он продолжил магистерские экзамены сдачей вопросов по политической экономии: 1. Общественный и частный кредит и значение банков. 2. Из статистики – главные фазы развития теории движения народонаселения и с предоставлением данных по Европе. 3. Из новой географии – географические черты Франции. 4. Из древней географии – географический взгляд на древнюю Италию с показанием важнейших исторических событий. 5. Из общенародного правоведения – территориальная власть. Его ответы вновь были найдены удовлетворительными.

---

¹⁵³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. С. 257.

¹⁵⁴ Курс по русской истории довел до Петра, много останавливался на литературе и быте славян.

¹⁵⁵ 10 (22) апреля Одесса подверглась артиллерийскому обстрелу англо-французской эскадры.

Наконец, 30 сентября состоялся письменный экзамен (Людовик XI, географический взгляд на древнюю Италию, географический очерк европейской Турции). Все ответы были найдены удовлетворительными¹⁵⁶.

Осенью Ешевский сумел завершить свой труд, началось его печатание, которое окончилось в марте 1855 г. (деньги на печатание достал Грановский). Диссертация была одобрена факультетом, хотя декан факультета Шевырев, занятый делами подготовки юбилея, долго просматривал отдельные места сочинения и советовался по богословской интерпретации некоторых частей сочинения Ешевского с профессором богословия П.М. Терновским. Последний Ешевского поддержал. При подготовке работы Ешевский решил не возвращаться в Одессу на службу и вышел в отставку.

Диспут состоялся 12 апреля. Магистерская диссертация Ешевского – это самое законченное его произведение. Темой Ешевский занимался со студенческих лет, когда на литературном вечере у Шевырева сделал доклад о Сидонии¹⁵⁷. В диссертации была показана Галлия эпохи распада Римской империи. Автор поставил себе 2 цели: «представить на основании биографии и сочинений клермонского епископа Ап. Сидония и других первоисточников картину состояния Галии в V веке в момент падения Западной Римской империи и образования на ее территории варварских королевств» и «проследить всю историю нравственного и умственного падения античного общества»¹⁵⁸. Главный герой был показан в отношениях с императорами, варварскими королями, аристократами, епископами. Работа рассказывала и о глубоком социальном перевороте, настигшим римских аристократов под ударами варваров¹⁵⁹. На диспуте Грановский и Кудрявцев встретили работу большими похвалами¹⁶⁰.

¹⁵⁶ Отчеты о состоянии и действиях за 1853–1854 учебный и 1854 гражданский годы. М., 1855. С. 4

¹⁵⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С. 263.

¹⁵⁸ *Ешевский С.В.* Соч. Т. III. М., 1870. С. 15.

¹⁵⁹ С.И. Архангельский настаивал даже на том, что видение этой проблемы Ешевским глубже, чем у историков второй половины XIX – начала XX вв. *Архангельский С.И.* Указ. соч. С. 320–330.

¹⁶⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 23. Д. 406. Об утверждении в степени магистра.

Осенью 1855 г. Ешевский был назначен в Казанский университет на кафедру русской истории, где он заменил своего бывшего учителя Иванова. «Относительно лекций, – писал он в письме к московской знакомой, – нельзя сказать, чтобы меня обидели числом их. Я должен читать соединенным трем факультетам по 6 раз в неделю историю XVIII столетия в России, начиная от Елизаветы Петровны, т.е. чрезвычайно подробно... Целые полгода каждый день читать историю двух царствований. Сверх того, я должен читать русские древности курсам 3 и 4-му исторического факультета. На 3-м курсе нет ни одного студента, а на 4-м только один (Лукошанский). Потому я отказался работать для такой многочисленной аудитории и просил объявить г. Лукошанскому, что если он хочет специально заниматься этим предметом, пусть приходит ко мне завтракать или пить чай, и мы будем толковать о древностях»¹⁶¹.

Готовился Ешевский к чтению лекций очень тщательно. В письме Бестужеву-Рюмину он писал: «Для XVIII столетия, благодаря Сахарову, городской библиотеке и книжной лавке Мясникова, у меня материалов довольно. Я понимаю старые журналы, в которых, особенно в Отечественных Записках и Русском Вестнике, пропасть разбросанных материалов. Недостаёт некоторых записок иностранных источников, так что кроме Шлоссера у меня нет ничего под рукой, но русские источники я надеюсь иметь все под руками. Первый и, дай Бог, последний курс истории в Казанском университете, мне хотелось бы прочитать как можно лучше, чтобы, если, как пишет Павел Ник., меня и разведут с русской историей, расстанусь с ней по дружески»¹⁶². Для создания источниковой базы Ешевский посещал Духовную академию, где хотел познакомиться с рукописями Соловецкого монастыря¹⁶³. «Ключ от шкафов, – писал Кудрявцев у ректора, а его я два раза не мог поймать. Удалось, впрочем, посмотреть два хронографа, из которых один доходит до Михаила Федоровича, и думаю сделать из него выписки.

¹⁶¹ ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед хр. 6. Цит по.: *Архангельский С.И.* Исторические взгляды С.В. Ешевского // *Средние века*. Вып. 6. М., 1955. С. 324–344.

¹⁶² *Архангельский С.И.* Указ. соч. С. 322.

¹⁶³ Затем с этим памятником будет работать В.О. Ключевский. В собрании насчитывалось 1500 рукописей, они не были описаны.

Этот народ ужасно боится, чтобы другие не воспользовались ничем, что они считают своей исключительной собственностью. Впрочем, они сильно работают над систематической описью и многое сделали, но только к этому почти нет приступа»¹⁶⁴.

Курс Ешевского «Очерк царствования Елизаветы Петровны» (впервые опубликован в 1868 г.)¹⁶⁵ затрагивал проблемы быта русского общества. Ешевский считал колонизацию российских пространств формой бегства крестьян из центральной России, то есть связывал экономическую и социальную историю.

В 1857–1858 уч. г. Ешевский читал историографический курс, в котором рассказывал студентам о специальной литературе от хроники Сафоновича до истории Соловьева¹⁶⁶. Излагая воззрения автора, он пользовался преимущественно словами самих авторов. Во многом курс был данью уважения учителю – Иванову, ведь в свое время именно такой курс много дал студенту Ешевскому.

Работая в Казани, Ешевский очень хотел вернуться в Москву: «Куда бы меня ни послали, я пока не перейду в Москву, я не уживусь нигде»¹⁶⁷. «Как подумаешь, что мог бы занять кафедру возле него (Кудрявцева) и Соловьева в Московском университете, просто плакать хочется»¹⁶⁸. В письме к Д.Н. Свербееву эти мысли были изложены более подробно: «Видно я неисправимый москвич и мои странствования по матушке России вместо того, чтобы сделать меня если не космополитом, так руссополитом, только все больше притягивают меня к Москве... Если я на многое мог жаловаться в Одессе, в Казани этих причин к жалобам нет. И деятельность по сердцу, хотя и с оговоркой, несколько отличных товарищей и прием радушный даже со стороны Архимандритов и средства к занятиям, а все тянет на Арбат... кажется пока я не попаду туда, я нигде не буду доволен положением»¹⁶⁹.

¹⁶⁴ Письмо Бестужеву-Рюмину от 29 декабря 1855 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед. хр. 6. Л. 44–48.

¹⁶⁵ *Ешевский С.В.* Сочинения. Т. 2. С. 362–613.

¹⁶⁶ Рассмотрен С.И. Архангельским. См.: Указ соч. С. 333–338.

¹⁶⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед. хр. 6. Л. 149.

¹⁶⁸ Там же. Л. 138. См. также *Шульгина Н.В.* Исторические взгляды С.В. Ешевского. С. 40.

¹⁶⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед. хр. 6. Л. 186.

Это не означает, что в Казани Ешевский опустил руки. Он был чрезвычайно требователен к себе: «Я приехал в Казань добрый и спокойный духом, с твердой решимостью, чтобы ни ждало меня в будущем, Москва или Казань, делать свое дело так, как бы делал в случае, если бы мне приходилось не всегда быть в Казани профессором... по крайней мере, оставлю здесь добрую память»¹⁷⁰. Как следствие, был выработано очень профессиональное отношение к делу, которое Ешевский выразил в письме к знакомой: «Думая как бы вырваться отсюда, я в то же время должен устраивать мои здешние отношения как можно лучше, на случай более чем вероятной неудачи. Оттого я должен был принимать постоянно участие во всех наших собраниях и даже... читать вечерние лекции для так называемой прекрасной половины нашего общества. К счастью, мне пришлось прочесть только одну, за что и вышивается теперь для меня подушка. Все это больно не весело, хотя, правду сказать, здесь все-таки в тысячу раз лучше, нежели в Одессе. Здесь я нашел отличных товарищей и при других обстоятельствах, может быть, не только примирился бы с моим положением, но и был бы по возможности счастлив, а теперь только и думаешь о том, чтобы выйти в отставку, если дадут премию»¹⁷¹.

После неожиданной смерти Грановского 4 октября 1855 г., Ешевский был избран на кафедру всеобщей истории Советом Московского университета. Об этом Степану Васильевичу сообщил учитель – Кудрявцев, который очень хотел «развести» Ешевского с русской историей¹⁷². Однако министр не спешил разрешать перевод, поскольку не было подходящей фигуры для Казани. Ешевский, с одной стороны, сообщал, что «в Московском университете я готов был бы читать как приват-доцент»¹⁷³. С другой, подумывал о том, чтобы взять тему для докторской диссертации по русской истории. Так, он писал И.К. Бабсту: «Теперь я понемногу работаю для докторской диссертации по Русской истории. Очень хотелось бы по поводу биографии Курбского представить сколько возможную характеристику современного общества. Московский быт среди Польского и

¹⁷⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед. хр. 6. Л. 147.

¹⁷¹ ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед хр. 6. Л. 136–137.

¹⁷² *Бестужев-Рюмин. К.Н.* Степан Васильевич Ешевский. С. XXX.

¹⁷³ *Архангельский. С.И.* Указ. соч. С. 338.

Литовского материалов»¹⁷⁴. Ешевский очень боялся, что его мечта о переезде в Москву и работе в Московском университете не сбудется: «Напрасно только Вы и некоторые другие утешаетесь еще возможностью перевода, – писал он в письме к Н.С. Перфильевой. – Этой надежде, по всему видно, быть не может и придется сдать ее в архив вместе с другими столько же мало возможными»¹⁷⁵. Перфильева отвечала: «Вы сидите и хандрите, я уверена, что друзья Ваши здесь Вас не забывают. Делают то, что могут, а что зависит не от них, в том не виноваты»¹⁷⁶.

В апреле 1857 г. Степан Васильевич женился на Ю.П. Вагнер, дочери известного казанского геолога. «Теперь мне так хорошо, что только на днях я вспомнил, что у меня есть книги и занятия»¹⁷⁷, – писал он сразу после свадьбы. Не получая перевода в Москву, Ешевский осенью 1857 г. оставил университетскую службу в Казани и переехал в Москву, где получил уроки в Александринском кадетском корпусе (читал, например, курс по Французской революции).

Согласно данным Отчетов 1857 г., «учитель 3-го рода Александринского Сиротского Кадетского корпуса Ешевский» был переведен исполняющим должность экстраординарного профессора в Московский университет, с оставлением при той же должности¹⁷⁸ в конце 1857 г. Назначение практически совпало со смертью учителя – Кудрявцева. Первая лекция Ешевского в университете стала лекцией в память о скончавшемся наставнике.

Заняв кафедру всеобщей истории, Ешевский приступил к исполнению своей старой мысли: вести преподавание истории специальными последовательными курсами¹⁷⁹. По его плану, в продолжение 15 лет он должен был создать единый курс, начинавшийся временем от падения Римской империи до современности; тогда он думал снова возвратиться к началу и таким образом переработанные два

¹⁷⁴ Цит. по *Кузнецову А.А.* С. 100. Автор статьи не смог идентифицировать корреспондента Ешевского. ЦАНО. Ф. 1827 Оп. 824. Д. 23. Л. 137.

¹⁷⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед. хр. 6. Л. 155.

¹⁷⁶ Там же. Л. 155.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Отчеты о состоянии и действиях Московского университета за 1856–1857.... М., 1858. С. 5.

¹⁷⁹ См. *Шульгина Н.В.* С.В. Ешевский: взаимовлияние культур как фактор исторического развития // Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1997. С. 104–126.

раза курсы намерен был печатать. Университетский курс таким образом становился делом всей профессорской службы Ешевского.

Каждый год Ешевский читал новый тематический курс. Это всегда было авторское произведение. Преподаватель читал его по собственным запискам. Его первый курс был посвящен провинциям римской империи. В Сочинениях Ешевского этот курс был обработан и издан под названием «Центр римского мира и его провинции». Курс представлял собой обзор всех провинций Римской империи и был написан до выхода в свет V тома «Римской истории» Моммзена, где этому вопросу уделялось пристальное внимание¹⁸⁰. К.Н. Бестужев-Рюмин считал, что Ешевский хотел «рассмотреть в последовательном порядке все народы Запада и Востока, подчинившиеся Риму, с тем, чтобы определить, что каждый из них дал Риму и что получил от него». Общая позиция Ешевского заключалась в том, что несмотря на то, что основой политики имперского центра стала стремление к унификации народов, она оказалась неуспешной. Этнографические особенности народов, входивших в Римскую империю, их своеобразие – стало отправной точкой средневековой истории.

Второй курс Ешевского при публикации был назван «Очерки язычества и христианства»¹⁸¹. Ешевский рассмотрел религиозные взгляды людей, характерные особенности философии, литературы и правовых понятий эпохи от Августа до падения Римской империи. Этот курс, как бы в противовес предыдущему, показывал те идеи, которые служили объединяющими основаниями для различных народов переходной эпохи от древности к средним векам. Появление новой веры – христианства – Ешевский считал естественным следствием очень долгого процесса, связанного с падением язычества. В распространении христианства он видел прогресс всеобщей истории, которую он рассматривал как единый процесс развития цивилизации. Христианство «признало законные права женщины; изменило отношение детей к родителям; освободило раба, считавшегося в

---

¹⁸⁰ *Архангельский С.И.* Указ. соч. С. 338.

¹⁸¹ *Ешевский С.В.* Сочинения. Т. 1. С. 280–576.

древности существом низшей породы; возвысило труд; возвратило бедному его достоинство; уничтожило горделивую надменность книжников»¹⁸².

Из-за болезни в 1859 г. Ешевский вынужден был уехать за границу, где пробыл до 1861 г.¹⁸³. У него был широкий план научных занятий, которым очень мешали болезни. Вернувшись на родину, Ешевский прочел свой третий курс в университете (1862–1863 уч. г.). При публикации он был назван «Эпоха переселения народов и Каролинги»¹⁸⁴. Последний курс Ешевского, который он прочитал в университете, был назван при публикации «О значении рас в истории»¹⁸⁵. В этом курсе Ешевский хотел прежде всего подчеркнуть связь истории с этнографией, археологией, языкознанием, историей права и антропологией.

Слушателем последнего курса Ешевского оказался Ключевский. «Направление его лекций не совсем обыкновенное. Пока еще он все продолжает вводить нас в науку, – сообщал он другому товарищу – П.П. Гвоздеву. – Главный вопрос для него в преддверии истории – вопрос о расах. Как образовались современные типы кавказский, монгольский, американский и пр., чем объяснить их физические и духовные особенности, как смотрят на это различные ученые – вот главное содержание того, что он до сих прочитал нам. Он распространяется о том, как влияют на племена внешние условия природы, как различные смешения племен изменяют физиономию их и пр. Надо сказать, что он здесь «довольно занимателен». Вот еще вопрос, затронутый им. Отчего это явление, что дикие племена так быстро вымирают, знакомясь с европейцами? В Америке и Австралии – везде, где является европеец с своей цивилизацией, дикари быстро уменьшаются. Много ли осталось первобытных жителей в Америке? Неужели их свежая натура не выдерживает этой слишком изысканной пищи, которую предлагает европейское просвещение? Как ты думаешь объяснил Ешевский этот вопрос? По его [мнению], не цивилизация, а сам европеец виноват в этом. Разве цивилизацию и евангелие

---

¹⁸² Там же. С. 468.

¹⁸³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 27. Д. 753 (о заграничной командировке).

¹⁸⁴ *Ешевский С.В.* Сочинения. Т. 2. С. 3–362.

¹⁸⁵ Там же. С. 13–122.

приносит он в дикое общество прежде всего? Нет, он вносит в это общество свою жадность к деньгам, свою водку да ненасытимое сладострастие. Он знакомит дикарей прежде всего со своей саблей и ружьем, разумеется, пробуя их на диких же, а потом с европейским галантерейным волокитством, да болезнями Венеры. Сколько негров погибло от американских плантаторов? А сколько негритянок испорчено было их ненасытным сладострастием, несмотря па их черноту? Целое племя образовалось от этих грешков. Раствление вносит европеец прежде всего в общество дикарей, если не истребляет их окончательно. Вот где причина вымирания дикарей, а не в том, будто им не по нутру наука и христианство Европы. Понимают ли европейскую науку те рыла, которые так бесцеремонно хозяйничают в землях дикарей? О, когда-нибудь жестоко поплатится Европа за этих вырожденков своих, которые под знаменем христианства и цивилизации приходят к бедным дикарям, чтобы внести туда свою водку и зверское корыстолюбие, а за этот товар взять с них чистое золото да свеженьких дикарок! Конечно, они ведь не чета каким-нибудь дряблым камелиям! Прочти хоть историю завоевания Америки, чтобы видеть все это»¹⁸⁶.

Вообще впечатления о Ешевском Ключевского очень интересны: «Вот, наконец, входит Ешевский, профессор всеобщей истории, – писал студент в Пензу. – Странное, неприятное впечатление производит его лицо в первый раз. Оно неправильно, нос как-то похож на чекушку или сморчок, цвет лица какой-то синеватый; он, по-видимому, очень слаб, худ, глаза бесцветны, вообще невзрачный! Ему лет с 30 с небольшим. Но читает он прекрасно, т. е. содержание его чтений прекрасно, а выговор его не очень хорош. Он говорит тихо, слабым голосом, некоторые слова произносит с трудом. Но заслушаешься этого человека.

Редко когда был я так поражен мыслью, словом другого, как после первой его лекции, где говорил он о значении древнего мира для нас, людей XIX века по р[ождеству] Х[ристову], об интересе, с которым обращаются к изучению этого давно минувшего, величавого классического мира самые практические люди нашего века, как Наполеон III, или торговые североамериканцы. Какой, в самом

---

¹⁸⁶ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 36–37.

деле, интерес могут, по-видимому, находить в этом отжившем мире современные практики, по уши погруженные в интересы кармана? А между тем это так. Английский банкир, – с именем банкира мы привыкли соединять мысль о сибарите и страшном эгоисте, который ничего не хочет знать, кроме кармана. Английский банкир Грот нашел же интерес в древней Греции, когда отдал на изучение ее истории целых 30 лет своей жизни и написал 12 толстенных томов об ней, не из одного ли только гробокопательства делал он это, а, верно, находил живой современный интерес. Трудно передать тебе все содержание прочитанного Ешевским даже в общих чертах: содержание их очень богато. Он прочитал 8 лекций и еще не вышел из введения»¹⁸⁷.

По воспоминаниям студентов, среди которых был А.С. Трачевский, написавший первую биографию Ешевского, Степан Васильевич был «льготным профессором» – он ставил завышенные оценки студентам. Как и его учителя, Грановский и Кудрявцев, Ешевский был открыт студентам, приглашал к себе на дом, выдавал книги для чтения. Однако Трачевский ставил Ешевскому на вид, что частенько он помогал бездарным молодым людям.

В 1862 г. после ухода Вызинского, оставшись единственным профессором кафедры всеобщей истории, Ешевский был назначен исправляющим должность ординарного профессора¹⁸⁸.

Перегрузки, которые были противопоказаны профессору, разрушали его организм. На следующий год после возвращения в университет он вновь по медицинским показаниям должен был выехать за границу. Однако справиться с последствиями паралича Ешевский не смог¹⁸⁹.

История прихода на кафедру всеобщей истории Московского университета Степана Васильевича Ешевского – яркий пример продвижения на штатную позицию в Московском университете ученика из круга Грановского – Кудрявцева

---

¹⁸⁷ Там же. С. 34.

¹⁸⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 32. Ед. хр. 45. О назначении исполняющим должность ординарного профессора.

¹⁸⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 34. Д. 144. О смерти Ешевского и пенсии его вдове и детям. Формулярный список 1865 г. ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 2943 (о смерти Ешевского).

–Соловьева. Путь к заветной кафедре для Ешевского был тернист – он прошел через две пересадки – сначала в Ришельевском лицее в Одессе, затем – в Казанском университете. Нигде корпорация преподавателей не казалось Степану Васильевичу подходящей для плодотворной научной работы. Он стремился в Москву. Благодаря поддержке своих старших товарищей сделать это ему удалось. Однако небольшой срок преподавательской деятельности не позволил Ешевскому оставить после себя в Московском университете глубокое влияние.

4.6. Н.А. Попов как профессор Московского университета

После фундаментальной монографии тверской исследовательницы И.Г. Воробьевой¹⁹⁰ можно считать, что научное наследие Попова в целом хорошо изучено. Интерес к Попову славистов, у истоков которого находилась Л.П. Лаптева¹⁹¹, не случаен. Попов был тем исследователем, который стремился к тому, чтобы сделать курс истории славян обязательным для изучения историком-профессионалом, занимающимся русской историей.

Нил Александрович Попов происходил из семьи, тесно связанной с духовным сословием. Отец историка служил по ведомству министерства народного просвещения, выслужив на новом поприще для своего многочисленного потомства дворянское достоинство. Однако большинство родственников Попова были клириками, разбросанными по разным уездам Тверской земли¹⁹². Семья была небогатой. Во время обучения Нил часто находился на казенном обеспечении. Так, в 1850 г. он с отличием закончил Тверскую

---

¹⁹⁰ Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999; Воробьева И.Г. Славянство в научно-педагогической и общественной деятельности Н.А. Попова: дис. ...д-ра истор. наук. Тверь, 1999.

¹⁹¹ Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988; Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете. М., 1997. С. 192 Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

¹⁹² Воробьева И.Г. Нил Попов – уроженец и исследователь Бежецкого края // Гумилев и Бежецкий край. Бежецк, 1996. С. 92–97; Воробьева И.Г. Страницы биографии Нила Попова // Бежецкий верх. Тверь, 1996. С. 79–90.

гимназию и был принят казеннокоштным студентом на 1-е отделение философского факультета без особенного испытания.

Годы учебы Попова пришлось фактически на то время, которое часто характеризуют как эпоху мрачного семилетия. С одной стороны, «еще была свежа память об управлении Московским учебным округом графа С.Г. Строганова». Московский университет «блистал плеядою талантов в разных родах и разных направлениях: Соловьев и Шевырев, Катков и Редкин, Грановский и Крылов, Кавелин и Морошкин, Кудрявцев и Чивилев – что может быть противоположнее по таланту и направлению, по складу ума и характера»¹⁹³. Однако, с другой, была закрыта кафедра философии. Преподававший этот предмет в университете М.Н. Катков, желавший занять кафедру педагогики, университет должен был покинуть, а декан факультета – С.П. Шевырев забрал эту кафедру – важную с точки зрения формирования мировоззрения студентов – себе.

Эпоха мрачного семилетия стала эпохой солирования Степана Петровича в университете¹⁹⁴. Не случайно почти все письменные работы в университете Попов писал именно для Шевырева. На 1-м курсе он написал для профессора-филолога сочинение «О басне вообще и русской в особенности»; на 2-м – «Эсхил и его трагедия Агамемнон»; на 3-м – «Персий и его время». Как казеннокоштный студент, Попов под руководством Шевырева готовил уроки для учеников уездных училищ, избрав для них исторические темы («Обзор событий в первом периоде русской истории», «О внешней деятельности Александра Невского и Даниила Галицкого», «Об отношениях между Россией и Турцией с 1453 г. до последнего времени»)¹⁹⁵.

В 1850-е гг. Шевырев ввел для студентов Московского университета «классические беседы», на которых заслушивались письменные рефераты. Попов принимал в этих беседах активное участие. Тематика работ Попова свидетельствовала, что студент желает заниматься историческими

---

¹⁹³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. С. 244.

¹⁹⁴ См. подробнее – Отчеты о состоянии и действиях Московского университета за 1851–1852 академический год. С. 7 и далее.

¹⁹⁵ *Шимко И.И., Голомбиовский А.А.* Памяти Н.А. Попова // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 7–8.

исследованиями. Он подготовил реферат «О жизни Ксении Годуновой», «биографию Байера и очерк его ученой деятельности», разобрал книгу Иоганна Тельфи «Исследования древней и новой истории греков» (впоследствии рецензия на эту книгу будет напечатана в «Московских ведомостях»¹⁹⁶).

Письменные работы, будучи студентом, Попов писал и для О.М. Бодянского, профессора-филолога, занимавшегося славянскими наречиями. На 2-м курсе он перевел Краледворскую рукопись (издание 1847 г.), а на 4-м курсе предложил отрывки перевода 1-й части «Истории чешского народа» Ф. Палацкого.

Получить кандидатскую степень после окончания курса обучения Попову помогло написание медального сочинения. Его работа «История вопроса о русской начальной летописи» была признана лучшей, Попов получил за нее золотую медаль. Медаль освобождала его от написания кандидатского сочинения после окончания университета и позволяла остаться для подготовки к магистерской диссертации. Интересно отметить, что вместе с Поповым в 1854 г. со званием кандидата университет окончили все его однокурсники, среди которых особенно выделялись Митрофан Павлович Щепкин (1832–1908), будущий деятель городского самоуправления, а одновременно и профессор политической экономии Петровской академии; Генрих Викентьевич Вызинский, ставший преподавателем кафедры всеобщей истории Московского университета, Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920), впоследствии известный историк, некоторое время подвизавшийся в Московском университете, которого Попов характеризовал как «старого товарища», «однокашника», «единственного человека, с которым у меня сохранились отношения на ты»¹⁹⁷.

Студенческие годы Попова свидетельствуют, что налаживание дисциплины в университете, как правило, приводило к усилению занятий по отечественной литературе и классическим языкам. Большинство письменных работ на факультете создавалось по требованию филологов. Однако студенты, предпочитавшие

¹⁹⁶ Разбор книги Тельфи стал одной из первых работ, в которой Попов занялся изучением мира древних славян, переселившихся на Балканы. Древние и новые греки // Московские ведомости. 1854. № 39, 46, 54.

¹⁹⁷ НИОР РНБ. Ф. 120. Д. 1139. Л. 21 об.

историю как предмет изучения, могли писать исторические по тематике работы, которые оценивались филологами. В таком случае историки могли выступать консультантами работ студентов, и таким консультантом у Попова был Соловьев.

После окончания университета некоторое время как казеннокоштный студент Попов по назначению служил надзирателем во 2-й московской гимназии, а затем был направлен на службу учителем русского языка в 4-ю гимназию. Заработок в казенных заведениях был весьма скуден, поэтому Попов давал частные уроки, например, в доме князя С.М. Голицына. Вероятнее всего, именно в это время крепнет связь Попова с С.М. Соловьевым. Во всяком случае, когда в «Русском Вестнике» Попов публикует статью, посвященную королеве Варваре¹⁹⁸, жене польского короля Сигизмунда Августа, то он посвящает ее профессору истории Московского университета. Именно Соловьев рекомендует Попова в Казань на должность адъюнкта русской истории, стремясь помочь П.Н. Кудрявцеву освободить от этой должности С.В. Ешевского¹⁹⁹. Правда, стоит отметить, что Соловьев был крайне недоволен нерасторопностью Попова в написании диссертации. В письме Ешевскому в феврале 1856 г. Соловьев отмечал: «что касается до Нила Попова, то с ним дойдет дело у меня до ручной расправы: нет сил какой лентяй»²⁰⁰.

В Казани Попов дебютировал как университетский преподаватель, оставив после себя добрую память. По воспоминаниям студентов, его курсы по русской истории «отличались тщательностью фактического изложения и воспитывали в студентах любовь к русской истории и самостоятельные занятия ею»²⁰¹. Косвенно о значении Попова для Казанского университета может служить тот факт, что когда Московский университет попытался вернуть молодого ученого домой, то

¹⁹⁸ Русский вестник. 1857. № 1. С. 81–128.

¹⁹⁹ *Коришнова О.Н.* Страницы сотрудничества Московского и Казанского университетов в XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 2. С. 98–106.

²⁰⁰ НИОР РГБ. Ф. 285. К. 6. Д. 10. Л. 34. Интересно отметить, что это письмо копировал сам Н.А. Попов во время написания работы, посвященной С.М. Соловьеву. *Воробьева И.Г.* Славянство в научно-педагогической и общественной деятельности Н.А. Попова. С. 57.

²⁰¹ Биограф. словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: За сто лет (1804–1904). В 2 ч. / под ред. заслуж. орд. проф. Н.П. Загоскина. Ч. 1. Казань, 1904. С. 105.

профессура и администрация Казанского университета этому всячески противились²⁰².

Пребывание в Казани и знакомство с крупным славистом В.И. Григоровичем усилили интерес молодого ученого к судьбам славянства²⁰³. Наконец, именно в Казани Попов писал магистерскую диссертацию, посвященную В.Н. Татищеву, получая необходимые для этого источники из Петербурга. Неоценимую помощь в этом вопросе оказывал Попову академик А.А. Куник.

В сентябре 1859 г. Попов приступил к сдаче магистерских экзаменов в Московском университете. 22 сентября 1859 г. он устно отвечал по политической экономии. Спрашивал И.К. Бабст (1. О значении кредита в народном хозяйстве. 2. О народонаселении. 2. Речная область Рейна). 28 сентября экзамен по всеобщей истории проводил для Попова его однокурсник – Вызинский (О правлении Людовика XV во Франции). В этот же день М.Н. Капустин задал вопрос из международного права (Отделение Бельгии от Голландии и ее положение в международной сфере). Все устные ответы были найдены удовлетворительными, и адъюнкт Казанского университета приступил к письменным испытаниям. Все в тот же день, 29 сентября, для Соловьева он написал письменный ответ по теме «Обзор отношений России к Польше от Люблинской унии до Московского мира» (признан удовлетворительным), а 30 сентября Попов предоставил письменные ответы на вопросы, предложенные А. И. Меншиковым (географический обзор древней Греции) и Бабстом (Алжирия), за что удостоился удовлетворительных оценок²⁰⁴.

Хорошо сданные экзамены стали поводом для корпорации Московского университета хлопотать о возвращении Попова в университет. Для реализации задуманного Совет университет даже ввел постоянную должность адъюнкта по

²⁰² Сведения о переводе Попова в Московский университет: РГИА. Ф. 733. Оп. 38. Д. 218.

²⁰³ *Воробьева И.Г.* Переписка В.И. Григоровича и Нила Попова // Профессор Виктор Иванович Григорович: Тезисы докладов областных научных чтений, посвященных 175-летию со дня рождения ученого-слависта. Одесса, 1991. С. 38–40.

²⁰⁴ Отчеты о состоянии и действиях Московского университета за 1859–1960 академический и 1860 гражданский год. М., 1860. С. 55.

русской истории. Однако в благоприятном для Московского университета духе дело решилось лишь к началу учебного 1860–1861 уч. г.²⁰⁵.

13 октября 1860 г. Попов прочел первую лекцию в Московском университете – «По поводу современных вопросов в русской исторической литературе»²⁰⁶. В этом вступлении в курс русской истории последней четверти XVII – начала XVIII вв. Попов рассмотрел две крупные проблемы: характер развития исторического знания в целом и оценку петровских преобразований в современной научной литературе. Тема лекции стояла в тесной связи с магистерской работой ученого²⁰⁷.

Начиная с 1861 г. (в октябре этого года Попов защитил магистерскую диссертацию: В.Н. Татищев и его время²⁰⁸), Попов начал читать лекции по русской истории для юристов. В 1860-е гг. ему также приходилось читать соединенные лекции по всеобщей и русской истории (в виду вакансий по кафедре всеобщей истории). Так, Н.Г. Высотский вспоминал: «Профессора по всеобщей истории в 1864/1865 уч. г. вовсе не было и поэтому факультетом возложено было на профессора русской истории Нила Александровича Попова поручение читать для студентов 2 и 3 курсов историю средней Европы XVI, XVII, XVIII столетий. У Попова была огромная библиотека, которая тщательно им пополнялась; библиографические его сведения были поразительны, и памятью он обладал выдающеюся. И вот все это вместе взятое отразилось на его лекциях. Содержание лекций бралось из различных книг, бывших в распоряжении профессора, но все это скраивалось и сшивалось довольно ловко»²⁰⁹. В дальнейшем Попов, как правило, читал лекции для историков на 4-м курсе.

²⁰⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 38. Д. 218.

²⁰⁶ Лекция опубликована: *Попов Н.* По поводу современных вопросов в русской исторической литературе // Московские ведомости. 1860. № 225.

²⁰⁷ По большому счету магистерская диссертация Попова, которую историк защитил 15 сентября 1861 г., показывала успехи русской исторической науки после Петра, поскольку она была посвящена жизни и взглядам человека из ученой дружины Петра – Василия Никитича Татищева. Характеристику и оценку см. у Воробьевой. *Воробьева И.Г.* Указ соч. С. 73 и далее.

²⁰⁸ Характеристику диспута см.: Отечественные записки. 1861. № 10. С. 69–71.

²⁰⁹ *Высотский Н.Г.* Из далекого прошлого (воспоминания о студенческих годах в Московском университете) // Вестник воспитания. 1910. № 7. С. 157.

Став вторым профессором кафедры русской истории (с 1864 – доцент, с 1869 – экстраординарный, с 1871 – ординарный профессор), Попов стремился ввести в преподавание русской истории историю славян. Это было связано как с особенностями становления Попова как исследователя (он совершил путешествие по славянским странам²¹⁰, в ходе которого собрал материалы для диссертации по сербской истории²¹¹, организовал славянский отдел на этнографической выставке в Москве), так и с формированием нового учебного плана на историко-филологическом факультете университета в связи с обсуждением вопросов о разделении факультета. В 1865/66 уч. г., читая лекции по истории средневековой Европы, профессор пристальное внимание уделял истории Австрии и славянам, проживавшим на территории этого государства. В письме крупному ученому Адольфу Патере Попов писал: «В будущем академическом году я хочу читать курс русских древностей сравнительно со славянскими, а в 1867 г. попробую себя на курсе славянского права»²¹².

В связи с работой комиссии по пересмотру университетского устава Попов в середине 1870-х гг. (а он трижды был деканом факультета) обосновывал необходимость чтения курса по истории славян именно историками, желательно – специалистами по истории России²¹³. В ответах на вопросы комиссии историко-филологическому факультету Попов писал: «Ныне существующий устав отнес к кафедре славянской филологии следующие предметы: славянские наречия, история славянских литератур и славянские древности, но не упомянул об истории славянских племен или правильнее славянских государств и народов. Такое умолчание не значит, чтобы устав признавал ненужным преподавание в наших университетах этого предмета, он только отнес его к историческим кафедрам, куда он и должен принадлежать по самому существу своему и по методу его изучения.

²¹⁰ Дело о командировке см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 38. Д. 218.

²¹¹ Докторская диссертация: *Попов Н.А.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 г. по 1856 г. Ч. 1–2. М., 1869.

²¹² *Лантева Л.П.* Сведения по истории славистики и русско-чешских научных связей в переписке Н.А. Попова с А. Патерой // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 293.

²¹³ См. *Воробьева И. Г.* Указ. соч. С. 79.

Устав 1835 г. впервые ввел у нас кафедру славянских наречий, и некоторые из профессоров, занимавших в прежние годы эту кафедру, читали иногда и историю славянских племен. В то же время эта кафедра была рассадником славяноведения в русских университетах, и неудивительно, если все, что только носило название славянского, признавалось принадлежащим к кафедре славянских наречий. Но уже и в это время наиболее серьезные профессора славянской филологии посвящали свои заботы исключительно славянским языкам, литературе и древностям. Присоединявшие к этому предмету краткие исторические курсы делали это лишь потому, что люди с историческим образованием в то время или весьма мало, или вовсе не занимались славянской историей. Ныне обстоятельства изменились. Ученая литература по отделам славянского языковедения так разрослась, что профессорам славянских наречий предстоит громадный труд при преподавании тех предметов, которые входят непосредственно в состав их кафедр, как по церковнославянскому языку, польскому, чешскому, сербо-хорватскому, болгарскому языку и их наречиям, истории славянских литератур и наконец, славянских древностей. При многосложности своих занятий профессора славянской филологии принуждены будут, если им же поручить преподавание истории славянских государств и народов, вступить на тот же путь, каким шли их предшественники, не вводить в курс политической истории чисто археологических и литературных сведений, указывать главным образом на историю взаимности между славянскими народами, останавливаясь преимущественно на падении средневековых славянских государств и на недавнем возрождении славянских племен. Все это было необходимо и полезно в сороковых годах, когда у нас только что начинали знакомиться со славяноведением. Возвращаться к тому же теперь было бы ошибкой. История славянских государств и народов с тех пор сделали замечательные успехи и этими успехами она обязана всего больше историкам и юристам: польскую историю обрабатывали Рёппель, Кара, Цейсберг, Шайнах, Шмидт, Шуйский; чешскую – Паллацкий, Гиндели, Томек, братья Иречеки; южнославянскую – Кукулевич, Рачки, Маткович, Месич, Срезкович, Кристич..., Ранке и др. Это все люди с специальным историческим и

отчасти юридическим, отчасти с филологическим образованием – и неудивительно: история славянских государств и народов требует сравнительного изучения политической, церковной и юридической жизни, восточных и западных стран Европы, подробного знания истории Византийской и Священной Римской империи и международных отношений, как существовавших при господстве прежней системы политического равновесия, так и установившихся в современной европейской политике. Все это составляет предмет ближайших занятий для кафедры истории, и должно будет отвлекать филолога от его собственных целей и работ. Относить же историю славянских государств и народов к кафедре славянской филологии только потому, что некоторая часть источников и пособий для сего предмета написана на славянских языках, значило бы признать, что знакомство с оным составляет у нас или редкость или непреодолимую трудность считается исключительно уделом профессора славянской филологии. При таком взгляде и историю славянских законодательств следовало бы поручить славянской филологии, а не относить на юридический факультет. Но дело в том, что большинство источников по истории славянских государств и народов написано на языках латинском, немецком, итальянском и других, которые должны быть известны историкам настолько же, насколько и филологам. Очевидно дело не в языке источников, а в научных приемах и методах исследования. Никто, конечно, не станет спорить, что история славянских государств и народов по методу и приемам относится к кругу наук исторических, а не филологических, точно также как история славянских законодательств относится к юридическим наукам. Стало быть, весь вопрос состоит в том: какой из двух исторических кафедр, русской или всеобщей следует поручить преподавать историю славянских государств и народов. В общем смысле этот вопрос может решен наличным составом преподавателей русской истории и всеобщей истории в каждом университете. И действительно в последнее время отдельные вопросы из истории западных славян неоднократно служили предметом магистерских и докторских диссертаций как на степени всеобщей, так и по русской (Герье, Трачевский, Успенский, нижеподписавшийся). Но вместе с тем, не надо забывать, что история большинства

славянских народов (поляков, сербов, болгар) тесно связана с русской историей, что она уже введена в обширные исторические сочинения о России, каковы «История государства Российского» Карамзина и «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева, что почти во всех русских университетах имеется теперь по два профессора русской истории (в Москве, Петербурге, Киеве, Казани, Варшаве) и что преподавание русской истории в связи с историей славянских народов есть в настоящее время насущная потребность. А потому я предложил бы преподавание славянских государств и народов отнести к кафедре русской истории. В этих видах историко-филологический факультет Московского университета в последнее время включал в инструкции к лицам, готовящимся к профессорскому званию по кафедре русской истории и командированным за границу по его рекомендации обязанность изучать истории славянских народов. Я полагаю, что со временем подобным же образом и преподавание славянских законодательств на юридическом факультете будет поручено кафедре истории русского права. Наконец отделять преподавание истории славянских государств и народов от кафедр исторических значило бы окончательно закрепить то разделение, которое практически установилось в русских университетах между кафедрами русской и всеобщей истории, хотя по смыслу устава, они и принадлежат к одному разряду наук. История прежних славянских государств и народов связывает истории древней Руси средневековой Европы и наоборот история новой России вводит в круг всеобщей истории судьбы остальных славянских народов»²¹⁴.

В курсе лекций по русской истории Попова 1878–1879 г. 5 лекций из 30 посвящены славянской истории. Данные славянской истории использовались Поповым как сравнительный материал к русской истории²¹⁵. Историк считал, что «История России начинается со славян»²¹⁶.

---

²¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 70. Оп. 69. Д. 1. Материалы Московского университета. Л. 43–52.

²¹⁵ Воробьева И.Г. Н.А. Попов как профессор и организатор науки // Российские университеты в XVIII – XX в. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 115–134.

²¹⁶ Попов Н.А. Лекции по древней русской истории 1878/9 г. Б.м. Б.г. С. 45.

С 1880 г. Попов читает историю славянских народов для исторического и славяно-русского отделений. В 1882/1883 уч. г. он делает обзор современной исторической литературы о славянах; историко-географический очерк славянских стран в средние века, дает политическую и внутреннюю историю славянских стран до конца XIV в. В 1883/1884 уч. г. курс политической истории славян был доведен до новейших времен. После введения в действие устава 1884 г. Попов читал отдельный курс по истории южных славян²¹⁷, а также курс по славянской историографии. Сохранился литографированный курс Попова по Истории южных славян за 1886 г.²¹⁸. Этот курс читался студентам 3 и 4 курса, русского и славяно-русского отделения. Он охватывал период от переселения славян на Балканы до Берлинского конгресса. Курс состоял из 23 лекций. По мнению Воробьевой, «впервые в Московском университете курс истории зарубежных славян был прочитан профессиональным историком. Он отличался от курсов филологов-славистов О.М. Бодянского, А.А. Майкова и А.Л. Дювернуа четко сформулированной исторической концепцией. История зарубежных славян излагалась не как фон их литератур, а как раздел всемирной истории. К истории зарубежных славян применялось теоретическое осмысление русского исторического процесса историками государственной школы. При соотношении общества и государства на первый план выдвигалось государственное начало. Попов, хорошо знавший славянскую этнографию, включил в курс сведения о народном быте южных славян, специфику которого он объяснял во многом особенностями географической среды Балкан... Впервые студентам системно излагались источниковедческие и историографические проблемы истории зарубежных славян»²¹⁹.

---

²¹⁷ В других русских университетах такой курс будет читаться лишь с 1890-х гг.

²¹⁸ Попов Н.А. История южных славян. Лекции, читанные в 1886 г. Б.м., б.г. Курс проанализирован: Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. С. 32–41; Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 304–306.

²¹⁹ Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь, 1999.

Такие историки как М.К. Любавский (курс западных славян), а также П.А. Лавров, В.Н. Щепкин, М.И. Соколов, Ю.В. Готье²²⁰ при построении курсов по славянской истории явно ориентировались на университетские курсы Попова.

Как специалист по русской истории до начала 1880-х гг. Попов читал курс, посвященный обзору древней и иногда – новой русской истории, а со студентами исторического отделения вел семинарий²²¹.

В.Н. Сторожев считал, что «профессорская деятельность Нила Александровича в Московском университете началась под непосредственным руководством С.М. Соловьева; в основу курсов по общей истории России прямо полагалась «История России с древнейших времен», сопровождаемая научным аппаратом многих других пособий исторической литературы, хорошо знакомой Нилу Александровичу»²²².

Студентов 1880-х гг. такое чтение уже не вдохновляло. Кизеветтер указывал на то, что «курсы, которые он читал нам, были довольно скучны, тут опять не было ничего, кроме пересказа фактов, которые можно было бы узнать из любого руководства, а манера чтения лекций отличалась монотонностью. Читал он лекции по листочкам, пожелтевшим от долгого употребления, и временами при чтении их с кафедры мысли лектора, кажется, улетали куда-то совсем в другую сторону от излагаемого предмета»²²³.

Жесток по отношению к Нилу Александровичу был и Милюков: «заместителем кафедры Соловьева явился, по старинной привычке, его зять, Нил. Ал. Попов. Преподавание в университете было его синекурой, чего он, в сущности, не скрывал. Помню, читал он нам о крестьянском освобождении. Посещали его лекции студенты по очереди, по наряду. Но надо было все-таки иметь материал

²²⁰ Лавров П.А. История южных славян. Лекции, читанные в Московском университете в 1896/96 г. М., 1896. Щепкин В.Н. История южных славян. Курс читанный в Московском университете в 1909–1910 акад. году. Готье Ю.В. История южных славян. М., 1916.

²²¹ Шимко И.И., Голомбиовский А.А. Памяти Н.А. Попова // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 43.

²²² Сторожев В. Памяти Нила Александровича Попова // Памяти отца наместника Леонида, А.А. Гатцука, Н.А. Попова и А.А. Котляревского. М., 1893. С. 375.

²²³ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 192.

для экзамена. Я пришел, в свою очередь, на лекцию с книгой Иванюкова, и, к своему удивлению, заметил, что лекция целиком списана с этой книги»²²⁴.

В парадном изображении профессора, создателями которого были сотрудники Попова по архиву, учившиеся в Московском университете, его лекции «отличались теми же свойствами, которые находим в сочинениях Попова, именно необыкновенной ясностью и простотой изложения, а затем строгою научностью суждений и выводов. Но что замечательно характеризует эти курсы – это твердость основных начал исторической жизни русского народа, которые Нил Александрович проповедовал и исповедовал, нисколько не увлекаясь тогдашним духом времени. Он не подлаживался к модным веяниям, которые тогда обуревали многих и заставляли отрещиваться от принципов национального самосознания. Совершенно русский человек по внешнему виду, характеру и убеждениям, Попов открыто высказывал перед слушателями свои симпатии всему тому, что воспитывает национально-патриотические убеждения, и антипатии к попыткам развенчать великих деятелей русской истории, пренебрежителям к православно-народным традициям, бережно передаваемым из поколения в поколение истинно русскими людьми»..., «разрушал ложные теории... и предлагал положительные исторические знания, которые, по словам Нила Александровича, должны были не только обогащать ум, но и воспитывать серьезное патриотическое чувство»²²⁵.

Подобно В.И. Герье, введшим семинары по всеобщей истории, Попов вместе с Соловьевым стояли у истоков семинарских занятий по русской истории для студентов факультета. С 1870 г. на семинары выделялся один час на четвертом курсе, с 1873 г. – 2 часа²²⁶.

Изначально в семинарах, поскольку они не были обязательными, участвовало очень мало студентов²²⁷. Н. И. Кареев вспоминает, что его реферат о судебниках Ивана III и Ивана IV слушали только ректор (С.М. Соловьев), декан

²²⁴ Миллюков П.Н. Воспоминания. С. 70.

²²⁵ NN. Памяти Н.А. Попова // Московские ведомости. 11 января 1892 г.

²²⁶ Отчеты о состоянии и действиях за 1871–1872 академический год. С. 17.

²²⁷ В отчете за 1878 г. указано, что в первом полугодии в семинаре участвовало 2 человека, во втором – 6. С. Отчеты о состоянии и действиях за 1878 г. С. 21.

(Н.А. Попов) и попечитель округа (П.А. Ширинский-Шихматов). Кареев считал, что семинары как тип занятий давались Попову трудно: «по живости своего характера больше сам говорил, чем давал говорить мне»²²⁸. Впрочем, студенты семинаров Попова конца 1870-х гг., которые профессор проводил без участия своего тестя – С.М. Соловьева – считают, что эти занятия многое давали его слушателям: «Предметом упражнения по русской истории избирался перевод и комментирование летописи по Ипатьевскому списку, главнейшие памятники древнерусского права по хрестоматии М.Ф. Владимирского-Буданова, чтение некоторых мемуаров и записок XVIII в. Студент, избравший для себя тот или иной памятник, составлял к нему объяснительное введение и приготавливался к переводу. Был и другой род упражнений. Между несколькими участниками распределялись вопросы, которым посвящена 1 глава XIII тома «Истории» С.М. Соловьева: «Россия перед эпохою преобразований». Задача состояла или в простом ознакомлении с каким-либо отделом и представлении о том письменного отчета, или в более детальной разработке вопроса по собраниям актов и на основании данных литературы»²²⁹. Видно, что Попов комбинировал занятия по истории Древней России (Русская Правда, Ипатьевская летопись, Новгородская летопись, Актовой материал) с занятиями по новой истории, на которых изучались нарративные источники XVII–XVIII вв.

Судя по всему сообщение студентов на семинаре Попова зачитывались полностью. Так студент Харахоркин в январе–феврале 1878 г. читал реферат «О Люблинской унии 1569 года». Текст состоял из 3 частей: критического обзора источников и литературных пособий для истории Люблинской унии, обзора событий, составляющих историческую подготовку люблинской унии; рассмотрение событий во времена Люблинского сейма». После Харахоркина своей реферат «Характеристика государственного управления в России XVII века» в марте–апреле полностью зачитал студент Боголепов. Источникам его рефераты были: уложения, указы и грамоты, изданные в царствование Алексея

²²⁸ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 122, 139.

²²⁹ Шимко И., Голомбиевский А. Указ. соч. С. 44.

Михайловича, «Русское госдурство в царствование Алексея Михайловича» Крижанича, «о русском государстве» Котошихина, «Путешествие в Московию» Олеария. В работе он проверил Олеария русскими источниками, а на основании актов разобрал – какие дела решались в России боярской думой, а какие – приказами. «Главные положения обоих рефераторов, – отмечал Попов, – служили предметом диспута для участников в семинарии»²³⁰. На основании докладов студенты написали кандидатское сочинение. Судя по всему, Харахоркин и Боголепов уже второй год участвовали в семинаре профессора и писали самостоятельные произведения. Участники-первогодки (Якушкин, Соллогуб, Алехин, Мизинов, Дудушкин, Смирнов) – познакомились со старшими товарищами и с источниками по истории XVII в., написав рефераты на следующий год.

В семинаре Попова М.С. Корелин сделал доклад «Обзор исторических доказательств того, что во второй половине XVII в. на Руси сознавались потребности преобразований»²³¹, В.Е. Якушкин – прочел сообщения о Радищеве («О деле Радищева») ²³², написанный на основе архивных источников, а Р.Ю. Виппер – «О русских ересьях XIX, XV и XVI веков»²³³. Известны и другие темы рефератов в семинарии, которые Попов давал студентам: «О князе А.М. Курбском», «О казнях в Древней Руси», «Об Иоакимовской летописи», «О новгородском вече» (Н. Алехин), «Об участии общин в областном управлении удельного периода» (доклад Ф. Самарина), «О быте русского дворянства по мемуарам XVIII века» (Алексей Соллогуб), «Историко-библиографический очерк Сильвестра Медведева» (Сергей Дудышкин), «О деле Лопухиных в царствование Елизаветы Петровны», (М. Каверзнев) «О положени лиц женского пола в княжеских семьях удельной Руси» (А. Танков).

Профессор был доступен для студентов, открыл для них собственный дом, давал для чтения необходимую историческую литературу. В этом смысле Попов

---

²³⁰ Отчет за 1878. С. 23.

²³¹ Отчеты о состоянии и действиях за 1880. С. 20.

²³² Отчеты за 1878. С. 15.

²³³ Отчет за 1879. С. 25.

был наследником профессуры круга Грановского, портрет которого висел в рабочем кабинете Нила Александровича. Студент профессора отмечал: «С появлением Попова в жизни нашей аудитории стала замечаться новая черта: это неслыханное раньше живое, откровенное, почти товарищеское общение между профессорами и его слушателями, но исключительно в области интересов знания, чуждое всякого заискивания, фальшивой популярности, далекое приторной фамильярности, какого-либо неприличия. Его скромная квартира... воскресными утрами превращалась в университетскую живую аудиторию: дебатировались вопросы, просматривались свежие книги, особенно из-за границы, делались справки. Его разнообразная библиотека, особенно по славянской части, была моим неоценимым другом: славянские грамматики, словари, славянские журналы таскались мною домой, и радушный владелец не стеснялся пользования, но сам руководил выбором, помогал советом, указанием. Преподаватель всячески подчеркивал небюрократический характер своей службы. Он одним из немногих приходил на занятия не в вицмундире, в а партикулярном платье, сереньком пиджаке»²³⁴.

Принципом преподавательской деятельности Попова Милюков считал тезис – «живи и жить давай другим», который Павел Николаевич, характеризуя Попова, по ошибке приписал Жуковскому, хотя это строчка из Г.Р. Державина²³⁵. Кареев считал, что в Попове отсутствовала всякая строгость. Николай Иванович называл Попова «смешливым профессором»²³⁶.

²³⁴ *Кочубинский А.А.* Из моих воспоминаний. На память о Ниле Александровиче Попове (1833–1891) // Новороссийский телеграф. 1892. 3 января. В этих же воспоминаниях Кочубинский (студент в 1863–1867 гг.) дал внешнее описание Попова: «Я был на третьем курсе, когда в нашей словесной аудитории появился молодой профессор истории. Уже один его внешний вид останавливал внимание наше, студентов: доброе лицо, приветливая улыбка и огромное бородище, как у Онуфрия Пермского. Но особенно поражал нас необыкновенно либеральный костюм нового нашего профессора: среди синих вицмундиров его серенький пиджак резко бросался в глаза: ясно, что перед нами свежий выходец из-за рубежа, в известном смысле с душою чисто геттингенской». Воспоминания Кочубинского впервые введены в научный оборот И.Г. Воробьевой. См., например, ее докторскую диссертацию. С. 69.

²³⁵ *Милюков П.Н.* Воспоминания. С. 71. О фактических ошибках в воспоминаниях Милюкова см.: *Макушин А.В.* Из истории университетской деятельности П.Н. Милюкова // Российские университеты в XIX – начале XX в. Воронеж, 1993. С. 123–139.

²³⁶ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 122.

Попов как администратор факультета играл важную роль в создании факультетских учебных планов. Именно Поповым подготовлен план разделения историко-филологического факультета, согласно которому специализация должна была начинаться с четвертого курса (1872), а затем – с третьего (план 1882 г.).

Попов много думал о том, как развивать институт профессорских стипендиатов. Нил Александрович рекомендовал к оставлению на кафедре пятерых студентов. Из них одного совместно с Герье (А.А. Кудрявцев), одного совместно с В.О. Ключевским (П.Н. Милюков), троих – самостоятельно (В.Е. Якушкина, М.К. Любавского, В.В. Шереметевского). Милюкова стоит признать учеником Ключевского, поскольку все годовые отчеты о занятиях Милюкова для факультета и Совета характеризовал Ключевский. Кудрявцев скоропостижно скончался. Шереметевский стал крупным архивистом, не войдя в сообщество профессиональных историков Московского университета. В.Е. Якушкин защитил в университете магистерскую диссертацию и долгое время работал приват-доцентом. Таким образом, из учеников Попова только Любавский стал крупным университетским историком.

По воспоминаниям учеников Попова, перед своими последователями Попов ставил три задачи: 1. Знать мнения предшественников; 2. Работать в архивах; 3. Изучать не только нарративные памятники и актовый материал, но этнографические и географические материалы. Как писал один из учеников профессора, Попов «считал всегда важным делом для русской историографии изучение и разработку провинциальных архивов, издание более или менее замечательных памятников местной старины, и работу на этом поприще из года в год завещал своим ученикам, которые должны были в качестве преподавателя средних учебных заведений жить и действовать в разных местах нашего обширного отечества. Будучи сам неутомимым тружеником (о чем свидетельствуют его многочисленные труды), Н.А. Попов советовал не ограничиваться только исполнением своих служебных обязательств, но заниматься исследованием местного прошлого. На эту тему он любил часто и горячо говорить... Каждый курс я твержу одно и то же, и не перестану, передавал он мне однажды, когда мы беседовали о задачах русской

историографии, – мне чрезвычайно приятно встречать в печати труды моих бывших слушателей, основанные на документах провинциальных архивов. Разработка этих архивов – прежде всего. При известной любви к делу, она и не трудна; но зато сколько удовольствия и интереса она может доставить для исследователя»²³⁷.

Как правило, исследователи отмечают, что П.А. Кулаковский признавался, что именно по настоянию Попова он занялся сербской историей. То же можно сказать об А.А. Кочубинском, написавшем диссертацию «Сношения России при Петре I с южными славянами и румынами» под влиянием Попова. Кандидатское сочинение М.К. Любавского «Дворяне и дети боярские в Московском государстве», за которое молодой историк получил премию Н.В. Исакова, создано под руководством Попова. Неслучайно именно Нилу Александровичу Любавский посвятил свою монографию «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства».

В семинарах Попова трудились В.Е. Якушкин, которого, часто называют учеником Ключевского²³⁸, хотя именно Попов, оставил молодого исследователя на кафедре, а также Н.А. Янчук (1859–1921), этнограф, секретарь ОЛЕАЭ (с 1889 – редактора журнала «Этнографическое обозрение», сотрудник этнографического отдела в нескольких музеях), который на основе лекций Попова составил труд «Австрийские славяне». По мнению поздних учеников Попова, написавших некролог об ученом, Нил Александрович был «как бы создан был для того, чтобы направлять по стезе науки и поддерживать молодые, часто еще слабые и колеблющиеся силы»²³⁹.

Уйдя из университета по собственному желанию²⁴⁰, последние годы жизни Попов прослужил в Московском архиве министерства юстиции (директор с конца

²³⁷ NN. Памяти Н.А. Попова // Московские ведомости. 1892. 11 января.

²³⁸ См., например, *Гришина Н.В.* Диссертации представителей «школы В.О. Ключевского»: к вопросу об исследовательской программе школы // Мир историка и пространство истории: сб. ст. к юбилею Н.Н. Алеврас. Челябинск, 2018. С. 193–217.

²³⁹ *Шимко И.И., Голомбиовский А.А.* Памяти Н.А. Попова ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Попов в качестве оппонента выступал на диссертациях М.С. Дринова, Д.И. Багалея, Н.И. Кареева, П.А. Лаврова, В.О. Ключевского, В.И. Семевского.

²⁴⁰ Отчет о состоянии и действиях за 1885 г. С. 12.

1885 г.). После того, как Нил Александрович получил должность директора, этот архив фактически стал базой для написания научных работ московскими историками. Во многом этому способствовали особые условия работы для молодежи. П.Н. Полевой писал, что «в отличие от “архивных генералов”, стоявших во главе других московских и петербургских архивов, где ученые встречали много препятствий и препон, демократичный, добродушный и приветливый Н.А. Попов умел создать благожелательную атмосферу для исследователей, приходивших в архив. Можно смело сказать, что русский ученый не чувствовал себя так спокойно и уютно, как в залах архива Министерства юстиции под управлением Н. А. Попова»²⁴¹.

А.А. Кизеветтер вспоминал: «Архивом Попов управлял как добрый и ласковый папаша. Большой его заслугой было то, что он освежил состав архивных служащих, пригласив туда на службу целую группу молодых историков, только что окончивших университетский курс. Это обстоятельство сразу внесло в деятельность архива струю серьезной науки. И некоторые из приглашенных Поповым в архив молодых людей выполнили затем очень ценные работы по описанию архивных документальных фондов, составив эти описания согласно с научными требованиями... Все его там любили»²⁴².

На практическом уровне Попов стал осуществлять идею о превращении архива в научную институцию, которую задумывал его предшественник – Н.В. Калачов, но не смог осуществить. Попов создал при архиве археографическое отделение из 8 человек, которое занималось созданием описей и путеводителей²⁴³ по архиву, а также массово публиковала актовый материал²⁴⁴, содержащийся в архивных фондах. Сотрудник МАМЮ Н.Н. Оглобин упоминал, что Попов относился ко всему составу архива «с полной справедливостью, с чисто русским добродушием и высокой гуманностью, смотря на своих подчиненных не как

²⁴¹ Полевой П.Н. Нил Александрович Попов (некролог) // Исторический вестник. 1892. № 2. С. 527.

²⁴² Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 192, 194.

²⁴³ Памятная книжка МАМЮ. М., 1880.

²⁴⁴ Н.А. Попов стал редактором двух первых томов Актов Московского государства.

бюрократ-начальник, а как старый добрый товарищ, как соратник на совместном поприще высокого служения русской науке»²⁴⁵.

Положение архивных служащих в исторической науке – тема, требующая отдельного изучения²⁴⁶. Часто архивисты не рассматривались современниками как равные университетским ученым. Именно Попов одним из первых хотел сломать эту традицию. Вероятно, эта линия позже приведет к институционализации архивистов в рамках исторической науки уже в советское время. Опять-таки, может быть, не случайно, что другой ученик Попова – Любавский, сыграет важную роль в советском архивном строительстве. Коллеги по архиву неизменно отмечали тот факт, что Попов неизменно опекал Любавского «и в университете, и в архиве министерства юстиции», где Матвей Кузьмич неизменно «находил у профессора радушный привет, теплое участие к научным начинаниям и трудам всегдашнюю помощь советами и книгами из богатой библиотеки».

4.7. В.И. Герье как профессор Московского университета²⁴⁷

4.7.1. В.И. Герье в современной исследовательской литературе

180-летний юбилей со дня рождения Владимира Ивановича Герье, отмечавшийся в 2017 г. в МПГУ, подвел определенную черту в изучении биографии этого крупного ученого, профессора Московского университета и основателя Московских высших женских курсов.

До 2007 г., когда в рамках МПГУ состоялась первая конференция памяти ученого, объединившего всех заинтересованных специалистов, занимавшихся

²⁴⁵ *Оглобин Н.Н.* Памяти А. А. Востокова // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 11.

²⁴⁶ См. работы Л.И. Шохина и Т.И. Хорхординой.

²⁴⁷ При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Цыганков Д.А.* Обретая В.И. Герье: достижения исследовательской литературы последних лет // Владимир Иванович Герье: у истоков высшего женского образования: материалы межвузовской научно-практической конференции, Москва, 17 мая 2017 г. М., 2019. С. 4–12; *Цыганков Д.А.* В. И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2008. *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010; *Цыганков Д.А.* Сообщество московских всеобщих историков во второй половине XIX в. // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. М., 2014. С. 117–173.

вопросами, связанными с интеллектуальной биографией Герье, его имя не часто встречалось в исследованиях ученых²⁴⁸. Так, выступавший в 2005 г. на Вторых Санкт-Петербургских чтениях по теории, методологии и философии истории С.Н. Погодин даже заявил, что «изучение творчества Герье переживает только начальный этап»²⁴⁹.

Во многом такая ситуация была связана с инерцией, вызванной влиянием общих трудов по историографии в СССР. Так, в «Очерках истории исторической науки» научные взгляды Герье оценивались как отсталые, особенно в сравнении с историческими взглядами Т. Н. Грановского. «По своим методологическим взглядам Герье был крайний идеалист; он решительно возражал даже против стремления позитивистов использовать в интересах идеализма выводы естественных наук, считая это «позитивистским оскуднением русской науки»; «несмотря на весь культ, которым Герье окружил память своих учителей всеобщих историков, не следует переоценивать реальное влияние на него Грановского и Кудрявцева, сохранивших до конца своих дней, особенно в лице первого из них, «просветительские черты раннего этапа своей деятельности», – считали авторы «Очерков»²⁵⁰. Подобный взгляд нашел свое логичное завершение в статье Б.Г. Вебера «Образование русской либеральной традиции в историографии Великой французской революции». Автор был склонен рассматривать исторические взгляды Герье как «антидемократические», «антиреволюционные», «открыто реакционные», хотя и признавал его первенство в деле изучения Французской революции в России²⁵¹.

---

²⁴⁸ Мягков Г.П., Иванова Т.Н. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 165–185.

²⁴⁹ Погодин С.Н. В.И. Герье в исторической литературе // Фигуры истории или «общие места» историографии. СПб., 2005. С. 249.

²⁵⁰ Очерки истории исторической науки. Т. 2. М., 1960. С. 310–313, 345, 415–424, 445–460.

²⁵¹ Вебер Б.Г. Образование русской либеральной традиции в историографии Великой французской революции // Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974.

В позднесоветскую эпоху появились две диссертации – Е.С. Кирсановой в Томске²⁵² и Т.Н. Ивановой – в Ленинграде²⁵³, в которых высоко оценивались конкретно-исторические достижения Герье в области изучения западного средневековья и Великой французской революции, однако общего настороженного взгляда по отношению к историку они не преодолели.

Весьма показательной выглядела дискуссия на первой конференции, посвященной В.И. Герье 16–17 мая 2007 г. в МПГУ, организованной этим учебным заведением совместно с Обществом интеллектуальной истории (Л.П. Репина), между профессором Московского университета Л.П. Лаптевой и тогда еще доцентом Чувашского государственного университета Т.Н. Ивановой по поводу доклада последней о личности Герье. В этом докладе²⁵⁴ Герье оказался совсем непохожим на того профессора из студенческих анекдотов, капризного и язвительного, каким он запечатлен в воспоминаниях П.Н. Милюкова²⁵⁵ и А.А. Кизеветтера²⁵⁶. Окруженный любящими людьми – учениками и семьей, испытывающий трагические разочарования, он перестал быть «лезвием ножа», немцем, не понимающим нецивилизованную «русскую душу», как утверждал Ю.В. Готье²⁵⁷. После доклада Ивановой Герье обретал черты «глубоко нравственного человека, требовательного к себе и окружающим», «ранимого и рационального», скрывавшего за внешней холодностью, душевную теплоту, которую он дарил близким людям²⁵⁸.

Такой образ, конечно, был несовместим со всем тем, что имелось в исследовательской литературе предшествующих эпох, дававшей под час ложные

²⁵² Кирсанова Е.С. Историко-теоретические взгляды В.И. Герье: дис. ... канд. истор. наук. Томск, 1982.

²⁵³ Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России: дис. ... канд. истор. наук. Л., 1984.

²⁵⁴ Иванова Т.Н. В.И. Герье в кругу семьи и учеников // Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837–1919). Материалы научной конференции. Москва 18–19 мая. М.: ИВИ РАН, 2007.

²⁵⁵ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. С. 69–70.

²⁵⁶ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 54–59.

²⁵⁷ Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 554–574.

²⁵⁸ Иванова Т.Н. В.И. Герье в кругу семьи и учеников // Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837–1919). Материалы научной конференции. Москва 18–19 мая. М., 2007.

ориентиры для понимания Герье. Это и отметила Людмила Павловна Лаптева, бывшая очень внимательной к выходящим работам о русских историках, заявив, что новый образ Герье, построенной Ивановой на материалах личного характера, оторван от традиции изображения Герье, имеющейся в научной литературе. По мнению Лаптевой, образ Герье в докладе Ивановой получился слишком идеальным. Между тем, указывала Лаптева, Герье был очень сложным и неприятным человеком, которого за непримиримость наказала жизнь. Людмила Павловна напомнила, что Владимир Иванович начал свою университетскую карьеру с обструкции собственным преподавателям в 1850-е гг., а закончил университетское преподавание в 1904 г. после «адреса наоборот», поданного студентами университета, в котором молодое поколение призывало профессора покинуть университет. Из замечаний Лаптевой выходило, что университет – конфликтная территория, где нет место только положительным и отрицательным героям. Не до конца было понятно, относит ли Лаптева Герье к крупным ученым своего времени сравнимым, например, с В.О. Ключевским, или отдает ему место среди усердных, но не первостепенных деятелей науки.

Несмотря на критику со стороны Лаптевой, тенденцией в современной историографии, постепенно вводившей в обиход новые материалы личного происхождения о Герье, стала попытка нового прочтения интеллектуальной биографии профессора Московского университета и организатора Московских высших женских курсов. Из этого посыла в своих работах исходили А.В. Антощенко, И.Г. Воробьева, Е.С. Кирсанова, Г.П. Мягков, Л.П. Репина, Д.А. Цыганков и др. исследователи жизни и творчества Герье.

В 2011 г. Ивановой в Казани была защищена докторская диссертация «Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России»²⁵⁹,

---

²⁵⁹ *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России. (30-е гг. XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра истор. наук. Казань, 2011.

представлению которой предшествовали публикации двух монографий Татьяны Николаевны²⁶⁰.

В целом эти работы исследовательницы подытожили тот круг новых идей, относительно значения личности Герье в истории российского университетского образования, которые имелись в литературе последнего десятилетия (работы Кирсановой, Мягкова, Антощенко, Цыганкова). Вводя в научный оборот новые источники, используя материалы писем учеников Герье, в том числе опубликованные и мною²⁶¹, Иванова выделила три этапа в жизни Герье: этап формирования мировоззрения (1837–1869), этап плодотворной деятельности (1870–1891), кризисный этап (1892–1919), совпавший с переосмыслением жизненных ценностей ученым. В заключение первой книги исследовательница отметила, что «Герье был ни либеральным героем, ни реакционным злодеем, он был тружеником, всю жизнь неустанно радевшим о просвещении России и благе своей Родины»²⁶², назвав при этом Владимира Ивановича «выдающимся историком». В книге Ивановой появились главы, посвященные профессорской деятельности Герье в Московском университете, его научной школе, работе на пользу города в Московской думе. Во второй монографии был подробно проанализирован вклад Герье в развитии теоретических идей и практических задач истории как науки в 1830-е гг. XIX в. – начале XX в. Наконец, в тексте докторской диссертации были показаны коммуникации Герье с учениками. Таким образом, Герье был помещен в центр сообщества московских всеобщих историков, формировавших повестку дня развития науки в обеих столицах и университетских городах, в результате чего масштаб его фигуры среди историков первой величины Московского университета (Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов) стал видеться по-другому.

---

²⁶⁰ *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009; *Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в.). Чебоксары, 2010.

²⁶¹ *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.

²⁶² *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье: Портрет. С. 349.

Как следствие, на конференции в МПГУ 2012 г. ставился вопрос о публикации научного наследия Герье Академией наук (Герье был членом-корреспондентом этой институции), а также отмечалась положительная динамика в публикации источников личного происхождения, связанного с историками круга Герье – сообществом московских историков (в основном публикации А.В. Антощенко, Т.Н. Ивановой, Д.А. Цыганкова,).

Работы А.В. Антощенко о П.Г. Виноградове²⁶³, В.П. Золотарева и В.А. Филимонова о Карееве²⁶⁴, Т.Н. Ивановой и ее учеников о П.Н. Ардашеве, Щепкине, Котляревском²⁶⁵, Фортунатове; Цыганкова о Корелине²⁶⁶ фактически выдвинули на первый план рассмотрение вопроса о школе Герье, который впервые был поставлен в моей кандидатской диссертации²⁶⁷, а теоретически обобщен в совместной статье Ивановой и Мягкова²⁶⁸.

В последнем исследовании фактически выделены основные этапы работы Герье с учениками: этап селекции, когда из разношерстной массы студентов необходимо было выбрать учеников, с которыми должен был работать профессор. Этап протекции, когда выбранным ученикам Герье оказывал различную помощь. Наконец, этап интенсивных личных отношений учителя и учеников. В статье были показаны основные узловые моменты формирования школы Герье, но одновременно и поставлен вопрос о соотношении понятий «школа Герье» и «сообщество московских историков». По мнению Ивановой и Мягкова, «школа Герье была дискретным образованием, расцвет которого пришелся на 70–80-е гг. XIX в.; события 1917 г. трагическим образом отразились на судьбе школы, ее

²⁶³ Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010.

²⁶⁴ Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: К истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей. Владимир Иванович Герье. М., 2008; Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // Там же.

²⁶⁵ Иванова Т.Н. Научные коммуникации в российском историческом контексте // Идеи и люди. Интеллектуальная культура Европы в Новое время. М.: Аквилон, 2014.

²⁶⁶ Цыганков Д.А. Трагедия учителя. В.И. Герье и М.С. Корелин: К истории интеллектуального диалога // Вестник ПСТГУ. Серия 2. История, История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 4 (53). С. 53–67.

²⁶⁷ Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи. М., 2008.

²⁶⁸ Мягков Г.П., Иванова Т.Н. Школа В.И. Герье: Основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 165–185.

представителей. Уже в 1880-е гг. рядом с ней стали возникать «дочерние школы» – научные школы учеников Герье: в их деятельности выразилась ярко тенденция к продолжению традиций научной школы учителя. Поэтому можно заключить, что период расцвета школы сменился не упадком, а перерастанием этой школы в некое научное сообщество, функционировавшее как «незримый колледж», представители которого были и лидерами собственных учительских школ и одновременно входили в более сложные научные сообщества»²⁶⁹.

В целом к началу 2020-х гг. современные исследователи пришли фактически с новым портретом Герье. Попробуем набросать его основные черты.

Герье – один из ярких представителей русской университетской культуры – человек, чья биография раскрывает повседневность университетского пространства. Он связал старый университет эпохи Грановского (университет 1840-х), университет ярких личностей, претендовавших на роль учителей общества, и новый университет сообществ ученых и научных школ начала XX в., проповедовавших идею экспертного знания большой науки. Жизнь Герье прошла рядом с университетом.

Герье – ретранслятор ценностей университетской культуры в большое пространство Москвы. Будучи гласным Московской городской думы (с 1876 г.), он привнес в этот орган общественного управления новый этос поведения думца, характерный для «интеллигентных гласных», резко выделявших их из «текинцев» (депутатов от мещан), с одной стороны, и знаменитых купеческих фамилий, контролировавших думу, с другой.

Герье выстроил коммуникации между московским купечеством и московской профессурой, усилив социальную составляющую проектов московского городского управления. Благодаря деятельности Герье в университет направились дети московских купцов и благотворительные пожертвования на нужды университета.

---

²⁶⁹ *Мягков Г.П., Иванова Т.Н.* Школа В.И. Герье: Основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 177.

Проекты Герье в Московской городской думе – прежде всего создание участковых попечительство о бедных (доклад Герье в МГД в 1893 г.) – стали элементами новой социальной политики, которая обсуждалась в общественных и государственных учреждениях в 1890-е – начале 1900-х гг. (например, комиссия К.К. Грота). Участие в обсуждении этих проектов привело Герье в сановный Петербург.

Герье – зачинатель женского образования в России. Первоначально он хотел создать просветительское учреждение для женщин, в котором они смогли бы выработать сознательное отношение к жизни, что, по мнению Герье, помогло бы им не стать игрушкой в чужих руках. Однако постепенно Герье направлял основанные им курсы в сторону все большей научной специализации. Зародившись как копеечное дело, курсы стали успешным финансовым проектом, что позволило Герье после их закрытия в 1888 г. хлопотать об их восстановлении. На вновь открытых ВЖК 1900 г. Герье так и не смог вернуться к прежней модели управления, где вся полнота административных полномочий была сосредоточена в его руках, и постепенно терял нити управления, созданным им учебным заведением, деля власть с Советом курсов. В годы первой революции Герье перестал быть директором курсов в результате интриги молодых преподавателей этого учебного заведения, близких к кадетам.

4.7.2. На пути к кафедре

Род Герье уходил своими корнями в Лотарингию. Семья была протестантского вероисповедания. Первый предок, о котором в начале XIX в. еще сохранились предания – Антуан Герье, занимал «какую-то должность» при дворе короля Станислава Лещинского в Люневиле после его вторичной попытки занять польский престол (1733 г.). Один из его потомков в начале XIX века был настоятелем римско-католической церкви Святого Людовика в Москве. Другой жил в Гамбурге, куда он переселился из охваченной революцией Франции, занимался там литературой и напечатал два томика назидательных рассказов для

юношества «Contes moraux». Сын того Герье, что сочинял в Гамбурге назидательные рассказы, вместе с инженером Пуадбаром приехал в Москву для постройки мельницы. К нему-то и перебрался отец Герье – Иоганн.

В России Иоганн Герье женился на Екатерине Павловне Бруггер, дочери выходца из Шварцвальда, устроившего в России весьма прибыльное производство музыкальных машин²⁷⁰. Отец Герье занимался сельским хозяйством: был управляющим в Дашково, имении помещика А.А. Гвоздева. 17 мая 1837 г. в местечке Ховрино у него родился мальчик, названный Владимиром.

Детские впечатления Герье, который провел в Дашково (близ Орла) первые восемь лет жизни, были не столь уж разнообразны. В основном мальчик жил на природе, любуясь сельскими пейзажами. «Помню хорошо сельские работы во время уборки, покойный отец часто брал с собой», – писал он в автобиографии²⁷¹. Поэтому приезд в Москву в 1842 г. казался мальчику целым событием. Он долго хранил в памяти переход через Оку по непрочному льду и первые впечатления от московского Китай-города, в который он въехал через Ильинские ворота²⁷².

На восьмом году жизни маленький Владимир потерял отца. Мать перевезла ребенка в Москву, где он был должен продолжить образование. Уже в это время он неплохо знал всеобщую историю по К.Ф. Беккеру и библейские сюжеты. Мальчика отдали в четырехклассную школу при лютеранской церкви Петра и Павла. Он быстро стал одним из лучших учеников.

Учителя, видя таланты ребенка, устроили ему перевод в пансион Эннеса, где одним из педагогов Герье был знаменитый собиратель русских сказок А.Н. Афанасьев. Во время учебы в пансионе у Герье скончалась мать. Герье нашел приют в доме бабушки на Ильинке. «Здесь в зимние вечера, – вспоминал он уже в начале XX века, – я ходил в мастерскую, где столяр читал почти по складам описание войны 12 года по книге с оторванным заглавным листом. Полагаю, что

²⁷⁰ Герье В.И. Автобиография // НИОР РГБ. Ф. 70. К.32. Д.15. Л.1.

²⁷¹ Там же. Л. 5 об.

²⁷² Там же. Л. 5.

это был сочинение Загоскина – «Рославлев»²⁷³. После окончания учебы в пансионе Герье решает поступать в Московский университет.

Осенью 1854 г. Герье выдержал испытательные экзамены в университет и перед Рождеством был зачислен в студенты²⁷⁴. Эпоха мрачного семилетия была на излете. На словесном факультете блистали Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, С.М. Соловьев, лучшие представители исторической науки того времени. Весьма высок был и уровень студентов. Товарищами Герье по университетской скамье стали: А.Н. Веселовский, впоследствии академик, П.Н. Рыбников – известный собиратель фольклора, граф Д.А. Капнист, впоследствии дипломат, два брата профессора Чичерина – Сергей и Петр, Г.И. Кананов – впоследствии инспектор, а затем и директор Лазаревского института, сын историка Погодина – Дмитрий. Герье был близко знаком со студентами этико-политического отделения: А.Н. Куломзиным, будущим председателем Государственного совета, А.А. Поповым и В.И. Сергеевичем, ставшими сенаторами, Л.И. Лаврентьевым, будущим попечителем Томского университета. Для юристов и словесников общими были лекции по русской и всемирной истории, а также политической экономии.

Начало лекций произвело на юного Герье «неизгладимое впечатление». «До сих пор оно мне представляется подобию утра прекрасного летнего дня. Это впечатление обуславливается, помимо таланта и симпатичности некоторых из профессоров, заменю школьного знания наукою», – вспоминал Герье²⁷⁵. По значимости для формирования собственного мировоззрения на первом курсе Герье поставил двух профессоров факультета – П.Н. Кудрявцева и П.М. Леонтьева.

Петр Николаевич Кудрявцев читал четыре часа в неделю курс Древнего Востока. Он привлек Герье как формой подачи материала (студент вспоминает об изящной речи профессора), так и постановкой новых для него вопросов: «В

²⁷³ НИОР РГБ. Ф.70. К. 32. Д. 15. Л. 1.

²⁷⁴ Герье В.И. Автобиография. Л. 5.

²⁷⁵ Герье В.И. Мои воспоминания // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. М, 2014. С. 182.

сведения, дошедшие до нас через греческого писателя Геродота и др., впервые влилась свежая струя знания, добытая раскопками в Египте и Месопотамии»²⁷⁶.

Интересным оказался часовой еженедельный курс по мифологии профессора римской словесности Павла Михайловича Леонтьева. Недавно вернувшийся из Германии Леонтьев был явно под впечатлением, произведенным на него стареющим Шеллингом, излагавшим свой взгляд на мифологию и философию откровения. Умевшим вникнуть в рассказ Леонтьева студентам, открывались глубины немецкой классической философии. Вникать было трудно, потому что, как лектор, Леонтьев значительно уступал так называемым «молодым профессорам». Он, по мнению Герье, производил впечатление человека сухого, говорил медленно с большой расстановкой. В отличие от открытой каждому студенту натуры Кудрявцева или Грановского, Леонтьев был немного неискренен, хитроват, а под свою скрытность подвел целую теорию, объясненную однажды Герье в профессорской: «Когда лодочник должен переплыть широкую реку, он не направляет свою лодку прямо к тому месту, куда нужно подплыть, а несколько выше, принимая в соображение, что течение, отнеся его лодку, прибьет как раз туда, куда ему следует»²⁷⁷.

Еще одним профессором, оставившим впечатление на Герье на первом курсе, был Степан Петрович Шевырев. Его лекции, безусловно, отличались от курсов и Леонтьева, и Кудрявцева. Если молодые профессора вводили студентов в область научного знания и мышления, то Шевырев имел в виду прежде всего общеобразовательную цель. Он читал четыре часа в неделю всемирную литературу. Герье этот курс показался чересчур тенденциозным: профессор все время спорил с петербургскими журналами и западным направлением своих коллег-профессоров. Кроме того, старомодным выглядел и сам метод преподнесения материала. Шевырев говорил напыщенным и изысканным языком, что, по мнению Герье, только мешало содержанию. Но курс запомнился.

---

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же. С. 183.

Остальные преподаватели факультета не блистали. Нехватка кадров, этот бич русского просвещения, унаследованный от предшествующего десятилетия, когда на вопрос о количестве профессоров в университете, остроумные студенты отвечали «без Малова девять», была острейшей проблемой. Особенно это чувствовалось в преподавании языков. Нельзя сказать, что преподаватели были некомпетентны. Тот же учитель греческого языка А.И. Меншиков был в своей области авторитетен, даже писал оды на преподаваемом им языке. Однако педагогический талант у него отсутствовал, и он терялся, говоря фразы, потрясавшие студентов: «Мне не достаёт соображения»²⁷⁸.

Однако эти мелочи не смущали Герье. Он очень много работал самостоятельно: читал «Памятники из Египта и Эфиопии» Карла Лепсиуса, «Историю древностей» Макса Дункера – самые новые сочинения по всеобщей истории на тот период. Благодаря Леонтьеву на вечере у Кудрявцева Герье был представлен Грановскому. Тот «с доброй и счастливой улыбкой» предостерег студента от усиленных занятий, вредных, по его мнению, для здоровья²⁷⁹. Несмотря на всю несерьезность подобного разговора, встреча с Грановским стала чуть ли не переломной во всей дальнейшей университетской карьере Герье. Студент был очарован ставшей к тому времени легендарной личностью московского профессора. «Теплое и разумное слово его ласкало человека, к которому обращалось, что было всегда желанным, дорогим подарком», – передавал Герье свое впечатление о Грановском²⁸⁰.

Попав под обаяние личности Грановского, на втором курсе университета Герье ждал встречи с Грановским-ученым. Его надежды оправдывались сполна. Атмосфера на лекциях была необычайно теплой. Студенты (некоторые из них были лично знакомы профессору – Д.Ц.) слушали своего кумира с сопереживанием. Грановский начал свой курс введением в философию истории. Особенно впечатление производила лекция о философии истории Гердера.

---

²⁷⁸ Там же. С. 184.

²⁷⁹ Там же. С. 185.

²⁸⁰ Там же. С. 185.

Грановский блистал своим талантом: «Поэзия, вложенная Гердером в его научный труд, дала возможность и Грановскому обнаружить поэтическое дарование, которым он сам обладал, и поднять с собою своих слушателей на высоту научного идеализма»²⁸¹. Студенты ждали следующей лекции профессора...

Но 4 октября 1855 г. Грановского не стало. День смерти Грановского стал одновременно и «последним днем» существования прежнего университета. Стало абсолютно ясно, что прежнее течение жизни невозможно. Ретроспективно Герье связал поворот к университетским реформам 1863 г. со смертью Грановского, посчитав, что именно в этом событии впервые университет почувствовал себя корпорацией: «Участие студенчества в общей скорби по Грановскому, проявившееся на его похоронах, было первым проявлением корпоративной жизни в Московском университете после долгого унылого прозябания и потому встревожило начальство, назначенное при старом порядке»²⁸².

Гроб Грановского, к которому был прикреплен лавровый венок, студенты на руках несли до Пятницкого кладбища. Несколько дней спустя депутация студентов, в состав которой входил Герье, была вызвана к попечителю Московского университета генералу В.И. Назимову. В пространной речи генерал стал доказывать неуместность студенческого поступка. Студенты ничего ему не ответили. Генерал был бессилен против традиции почитания Грановского у студентов, для которой московский профессор сделался корпоративным идеалом.

На втором курсе студенты слушали также лекции по славянским языкам и истории О.М. Бодянского. Этот профессор стажировался в Берлине, однако на своего знаменитого коллегу он совсем не был похож. А в университете теперь все познавалось в сравнении с Грановским. После курса Бодянского, представлявшего собой смесь из трех лекций по литературе славянских народов (по очереди – сербской, чешской и польской), двух часов по истории каждого народа и одного часа по грамматикам языков, по воспоминаниям Герье, не оставалось ничего. Во

---

²⁸¹ Там же. С. 423.

²⁸² Там же. С. 185.

всяком случае, из всего курса Герье помнил только тост из предложенного ему Бодянским чешского исторического романа: «За здравие вшехо, цо в сердце носим»²⁸³.

Гораздо более содержательным был курс Кудрявцева по истории Греции. Однако наибольшее впечатление на втором курсе Герье вынес из лекций Ф.И. Буслаева. Увлечшись народной поэзией, Герье принялся за написание работы по произведениям собирателя фольклора Кирши Данилова, которая была отмечена золотой медалью.

Второй курс Герье проходил явно под влиянием филологических наук. Этому способствовал профессор Леонтьев. Он предложил Герье одну из комнат своей квартиры, где еще одну комнату занимал другой представитель университета – преподаватель латинской словесности Сергей Дмитриевич Шестаков, разбитый параличом и заканчивающий к этому времени перевод «Римской истории» Т. Моммзена. Герье, по замыслу Леонтьева, должен был проверить перевод Шестакова²⁸⁴. Кроме того, Герье подбирал санскритские корни к латинским словам для задуманного самим Леонтьевым латинского лексикона. Герье очень близко сошелся со своими профессорами, особенно с Кудрявцевым, которые проживали в одной квартире и вместе обедали. Центром этого общества была жена Кудрявцева – Варвара Нелидова.

На третьем курсе Герье должен был определиться со специальностью. Получив две золотые медали за курсовые работы чисто филологического характера: разбор произведений Кирши Данилова и написание темы, заданной Леонтьевым – «О роли волка и собаки в мифологии», – он мог рассчитывать на звание кандидата после окончания университета.

Однако Герье колебался, не зная, что предпочесть: пойти по уже готовому пути и развить наработанное в курсовой работе у Леонтьева, тем более, что симпатизировавший молодому студенту профессор готов был представить Герье

---

²⁸³ Там же. С. 186.

²⁸⁴ Герье В.И. Автобиография. Л. 7.

на оставление при университете для приготовления по кафедре древних языков и словесности, или последовать заветам Грановского, выбрав в качестве предмета для магистерского экзамена всеобщую историю.

Герье остановился на истории: «Интерес, который мне внушали лекции Кудрявцева, и привлекательная личность Грановского, взял верх над заманчивым предложением П.М.Леонтьева, и я стал готовиться к магистерскому экзамену по всеобщей истории»²⁸⁵. Леонтьев не одобрил его выбора. «Это было первое обстоятельство, нарушившее добрые отношения ко мне Леонтьева, – писал Герье в воспоминаниях. – Хотя он (Леонтьев) высоко и искренно почитал Грановского, это не мешало ему относиться несколько пренебрежительно, не скрывая того, к истории как предмету научного изучения»²⁸⁶.

Что же заставило Герье принять такое решение и выбрать в качестве специализации историю? Как уже отмечалось ранее, направление Грановского и личности профессоров историков. На третьем курсе Герье был очарован лекциями С.М. Соловьева. В отличие от представителей круга Грановского, Соловьев вовсе не выглядел светским человеком. Он сторонился студентов, которые побоялись пригласить профессора на торжественный обед по случаю отъезда Кудрявцева за границу. Однако его популярность была велика.

Соловьев читал на старших курсах четыре часа в неделю курс русской истории. Как и у Грановского с его идеей всеобщей истории, развиваемой в духе Гердера и Гегеля, у Соловьева была своя уже сложившаяся историческая концепция. Он смотрел на русскую историю сквозь призму своего так называемого генетического метода, как непрерывное восхождение к цивилизации²⁸⁷. Связь русской истории с ходом всемирно исторического прогресса ни у кого не была разработана так полно, как у Соловьева. После Соловьева уже было невозможно, говоря о всемирной истории, не говорить и о вкладе России в этот процесс.

---

²⁸⁵ Герье В.И. Мои воспоминания. С. 187.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же. С. 188.

После окончания университета Герье был оставлен при университете для приготовления к магистерскому экзамену. Его научным руководителем стал Генрих Викентьевич Вызинский, защитивший в 1857 г. магистерскую диссертацию «Папство и Священная Римская империя в XIV и XV столетии». Для Герье это было неожиданным. Он хотел работать под руководством Кудрявцева. Но тот скончался, не перенеся смерти жены, 5 января 1858 г. Кафедра всеобщей истории осиротела, ни одного человека из круга Грановского на не осталось. Правда, уже в следующем году на кафедру был приглашен из Казани профессор Степан Васильевич Ешевский, бывший когда-то студентом Грановского. Однако в тот момент, когда Герье делал выбор научного руководителя, альтернативы Вызинскому не было.

Руководство Вызинского Герье считал номинальным. «С одной стороны, это мне облегчало мою задачу, располагая его к снисходительности в требованиях, но и повредило мне неопределенностью требований, – вспоминал Герье. – Мне пришлось по его указанию прочесть без системы бесконечное число исторических сочинений, что нисколько не гарантировало успешного экзамена. Так, например, один из моих товарищей принужден был отказаться от продолжения экзамена вследствие того, что на магистерском экзамене не мог назвать королей, занимавших в XVIII в. престол в Швеции. И я сам, сделавшись после него экзаменатором, был принужден отложить экзамен одному магистранту из Казани, не имевшему понятия о числе курфюрстов в средневековой Германской империи. Ввиду такой неопределенности я ввел более определенный и систематический порядок экзамена, установив по соглашению с магистрантом известное число вопросов (по 6 крупных для каждого из 3 отделов всеобщей истории), которые магистрант должен был изучить и основательно подготовить»²⁸⁸.

Как бы там ни было, кандидат Герье успешно выдержал магистерский экзамен и затем обратился к директору архива иностранных дел князю М.А.

---

²⁸⁸ Там же. С. 190.

Оболенскому, чтобы испросить у него разрешение для занятий²⁸⁹. В архиве молодой историк напал «на округлую незатяжную тему» – избрание польского короля на престол в 1733 г. Магистерская диссертация Герье – «Борьба за польский престол в 1733 году» была опубликована в 1862 г. К тому времени как в российской, так и в западноевропейской историографии, специальных работ, посвященных междуцарствию 1733 г., не было, а историки, излагавшие общую историю XVIII века, только мимоходом касались этого события, насколько это было им необходимо для объяснения европейских дел.

Известия о происходивших в Польше событиях историки черпали из «Амстердамской газеты», которая была лучшим периодическим изданием XVIII в. Так, например, в вышедшей на французском языке четырехтомной «Истории польских королей» Массюэ конец третьего тома и весь четвертый относился к междуцарствию. Но, по мнению Герье, поскольку исследователь «не имел никаких данных, по которым он мог соразмерять истину, представляемых им известий, то он часто помещал рядом противоречащие друг другу отзывы. Поэтому из книги его нельзя вынести определенного впечатления и читается она с большим трудом»²⁹⁰.

Герье подходил к решению проблемы с новой источниковой базой. В архиве иностранных дел он разыскал реляции русского уполномоченного в Варшаве графа Карла Густава Левенвольде, заключавшие в себе неизданный и весьма интересный материал по теме. Кроме того, магистрант использовал некоторые польские рукописи – памфлеты претендентов на польский престол, найденные в Публичной библиотеке Петербурга. Несмотря на то, что источниковая база первой работы Герье была довольно скромной, – магистрант сожалел о невозможности использования архивов Парижа, Дрездена и Вены, – работа оказалась полезной для развития исторических взглядов Герье.

---

²⁸⁹ Одновременно с подготовкой диссертации Герье с 1859 по 1862 г. преподавал в 1-м Московском кадетском корпусе.

²⁹⁰ Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1862. С. I.

В диссертации Герье не ограничился изучением только польских реалий. Ведь эпоха междуцарствия в Польше представляла собой острый международный конфликт, который возник в связи с вмешательством России и других заинтересованных держав, главным образом Франции и Австрии, в ход выборов польского короля после смерти Августа II.

События в польском государстве рассматривались сквозь призму общеевропейских дел, исследовались противоречия в международных отношениях всех крупнейших европейских государств: Франции, Австрии, Швеции, Турции и России, которая, по мнению Герье, «со времен Петра Великого» «вступила в число великих держав и начинает играть более видную роль в судьбе человечества».

Кроме некоторых концептуальных положений, которых, надо заметить, в диссертации было немного, работа Герье привлекала и использованным в ней фактическим материалом. Книга содержала немало черт, характеризующих дипломатические нравы и быт рассматриваемого времени (особенно в отношении австрийского двора и польского шляхетства).

В заключении своей работы Герье делал вывод о характере польской государственности и способности страны играть значительную роль в мировой истории. Историк считал, что Польша «не была в состоянии поддержать свою самостоятельность и попала под опеку европейских дипломатов». Упадок и раздел Польши в конце XVIII в. был для Герье закономерным событием. «Буря была страшна только для дряхлого и обветшалого; все здоровое, все, что носило в себе задатки жизни, было пощажено и призвано к новому развитию», «ибо формы бытия изменчивы и преходящи, но нерушима и вечна самая жизнь»²⁹¹.

Диссертация была положительно воспринята на диспуте оппонентами²⁹². Повлияла ли избранная Герье тема на дальнейшие исторические изыскания

---

²⁹¹ Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1862. С.470–471.

²⁹² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 31. Ед. хр. 56. Л. 72 об. Рецензия С.М. Соловьева впервые опубликована: История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 261.

будущего профессора? Однозначно на это вопрос ответить сложно. С одной стороны, постановка проблемы в магистерской диссертации не было характерна для научных поисков Герье. Будучи зрелым ученым, он предпочитал изучение истории идей, в то время как в магистерской диссертации выступает как историк-международник и рассматривает историю государственных институтов – таких, как польский сейм. В этом смысле первая работа Герье не является показательной для его дальнейшего творчества. Но, с другой стороны, избранный Герье для изучения XVIII век, станет главным предметом его творчества в дальнейшем. Именно после написания своей диссертации Герье впервые заявил о себе как об историке нового времени.

После защиты работы молодой ученый в 1862 г. был отправлен на стажировку за границу на два года. Однако Герье пробыл там чуть более намеченного срока, вернувшись в университет лишь к началу осенней сессии 1865 г. В это время заочным решением Совета университета молодой магистр был избран доцентом университета, что было как нельзя кстати. Четыреста рублей стипендиатских и доцентское жалование позволяли сводить концы с концами во время путешествия, тем более, что Герье остро чувствовал недостаток денег и не раз обращался по этому поводу к попечителю университета²⁹³.

Кроме занятий науками, Герье выполнял и функции «эмиссара» Московского университета, доставляя необходимые для университетской библиотеки книги. Что касается занятий Герье за границей, то следует отметить разносторонность его интересов.

Первый семестр 1862 г. Герье провел в Берлине. Здесь были собраны звезды европейской исторической науки. Герье слушал знатока римской истории Т. Моммзена, который вопреки ожиданию читал не самый курс римской истории, а специальный курс о Плинии. Немного разочаровал молодого историка семинар одного из самых влиятельных немецких историков Леопольда фон Ранке. Посещал

---

²⁹³ ЦГА г. Москвы Ф. 418. Оп. 195. Д. 21. Об утверждении магистра Герье доцентом по кафедре всеобщей истории и о командировании его за границу. Л. 1–13.

Герье и лекции по XVIII в. И. Дройзена. Но более всего он вынес из семинаров Рудольфа Анастасия Кепке, на которых разбирались документы X века. «Большую новостью был для меня исторический семинарий у профессора Кепке с изучением средневековых источников, и моим первым делом в Москве было организация подобного семинария, который отлично прижился у нас», – вспоминал он впоследствии²⁹⁴.

Берлин оставил у Герье двойственное впечатление. С одной стороны, город был цитаделью немецкой образованности. Ведь именно из Берлина во все немецкие университеты расходились профессора истории, которые в значительной степени были учениками Ранке. С другой стороны, Герье не устроил общий подход к истории, принятый в немецких университетах. Свою методику немецкие историки шлифовали на изучении средневековых летописей, и в плане критического анализа источников достигли значительных успехов. Однако, увлекшись критикой, они оказались поглощены техникой, и совершенно не касались в своих исследованиях концептуальной стороны предмета. Они делали хорошие комментарии к хроникам, но не писали историю. Герье был поражен тем обстоятельством, что ни в одном из университетов Германии не читается курс философии истории. Воспитанный на традициях немецкой философии истории в передаче Грановского, Кудрявцева и Соловьева, Герье был буквально поражен тем фактом, что «даже сын самого Гегеля теперь довольствуется тем, что в одном провинциальном университете собирает материалы для скучной истории немецких городов XIV и XV столетия»²⁹⁵. В Германии у Герье явно проявилось желание видеть в истории науку концептуальную.

Весенний семестр Герье провел в Гейдельберге. В городе была значительная русская колония из ученых, подготавливающих к профессорскому званию. Здесь же молодых русских застало известие о восстании в Польше. В русской читальне начались нескончаемые споры. Часть русских студентов, сочувствующих

²⁹⁴ Герье В.И. Автобиография. Л. 9.

²⁹⁵ Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1866. С. 85.

А.И. Герцену, организовала сбор средств в пользу раненых поляков. Другая группа во главе с В.И. Герье, в которую входили В.И. Сергеевич, Л.И. Лаврентьев, И.П. Закревский, встала на позицию издателя «Московских ведомостей» М.Н. Каткова и провела подписку в пользу семей русских солдат, погибших при подавлении польского восстания. Настроения и взаимное озлобление двух партий было нешуточное. Так, граф Д.А. Капнист, с которым Герье вместе учился в университете, вызвал на дуэль Е.В. де Роберти, принадлежавшего к противоположной партии. Дуэль не состоялась. Конфликт удалось замять.

В научном отношении Гейдельберг понравился Герье значительно больше Берлина. Память о великой немецкой классической философии здесь была значительно сильнее. Неплохо читал в университете курс истории Древнего Рима профессор Л. Гейссер, излагавший на лекции результаты своих трудов доступно и красноречиво, словно парламентский оратор. В Германии Герье посетил также университеты в Галле и Фрайбурге.

После студенческих каникул путь Герье лежал в Италию. На юг Герье ехал не понимать, а чувствовать историю. Лишь изредка Герье проводил время в итальянских библиотеках. Пробыв некоторое время во Флоренции, Герье направился в Рим. Его особое внимание в «вечном городе» привлекло прусское археологическое общество на Капитолии и папский библиотекарь аббат Августин Тейнер, с которым у Герье завязалась дружба. После Рима Герье отправился на юг, в Неаполь, Помпеи, осмотрел знаменитые пестумские храмы. На обратном пути из Неаполя он остановился в Венеции и Милане, чтобы изучить художественные сокровища этих мест. Проведя некоторое время в Париже, Герье вернулся в Германию. В Бонне он начал готовиться к лекциям в Московском университете.

4.7.3. В.И. Герье как лектор

За годы преподавания Герье прочел в Московском университете курсы по истории исторической науке (один раз), истории Рима, средним векам, новой истории (2 части: История Реформации и История французской революции).

Лекции Герье по истории Рима превращались в курс по источниковедению и методологии истории. В этом курсе Герье рассказывал о разнообразных исследовательских приемах работы с источником, а задавая студентам практические работы по вопросам курса, которые выносились затем на экзамен, определял способность студента к самостоятельной работе.

Курс по средневековой истории Герье читал редко. Е.С. Кирсановой найдены авторские записи курса, где в центре рассмотрения оказался западно-европейский феодализм²⁹⁶. Интересно отметить, что именно в это время лекции профессора слушал П.Г. Виноградов, ставший крупнейшим специалистом в России по этому вопросу, которому затем Герье и передаст чтение курса средневековой истории.

Первая часть курса новой истории, посвященная истокам и причинам реформационного движения, превращалась у Герье в своего рода персональную историю и историю Западной Церкви. Историк говорил о методе и значении биографии как жанре исторического исследования, намечал основные подходы к рассмотрению исторических деятелей эпохи Возрождения и Реформации.

Вторая часть курса новой истории, посвященная Французской революции, была своего рода монографическим исследованием XVIII века в Европе. Герье рассказывал своим студентам о тех источниках, с которыми предстоит работать специалисту в архивах и библиотеках Европы: о политических брошюрах и памфлетах, периодике, депутатских наказах, дневниках и воспоминаниях очевидцев. Герье указывал также на имеющиеся в современной историографии

---

²⁹⁶ Кирсанова Е. С. Проблема генезиса феодализма в лекционном курсе В.И. Герье. (1870/71 г.) // Средние века. Вып. 45. М., 1982. С. 196–210.

концепции французской революции Зибея, А. де Токвиля, И. Тэна. Впервые в отечественной историографии он принялся за разработку теоретического вопроса о сущности просветительского (термин Герье) или просвещенного абсолютизма.

Главной особенностью курсов Герье можно смело назвать концептуальность. В них он пытался «проводить» через подробности «общие начала» или «принципы». В этом отношении курсы Герье были подчинены схеме. Однако Герье стремился и к обобщениям иного рода. В своих историографических курсах профессор объяснял, почему у историков существуют пристрастия к определенным историческим периодам, вел разговоры о том, что представляет собой историческая концепция.

Ученики Герье, имеющие возможность сравнивать его лекции с подобными же формами академических занятий в ведущих европейских университетах, ставили его авторские курсы на очень высокий уровень. После лекций Герье лекции в Сорбонне удивляли Кареева. «Это, – писал он, – собственно говоря, пожалуй, и не лекции в большинстве случаев, а популярные беседы, то, что называется здесь *conferences*, если только не читается какой-нибудь специальный курс»²⁹⁷. Еще более низкая оценка научного содержания лекций в западных университетах сквозит в письме Корелина: «Университет, – писал он, имея в виду Берлинский университет, – не удовлетворяет элементарностью курсов»²⁹⁸. В связи с этим вполне логичной выглядит мысль Кареева о том, что «Герье был полезен для студентов более других профессоров»²⁹⁹. Высокий научный уровень курсов Герье привлекал к нему внимание студентов.

«Его излюбленными темами были различные этюды по истории политических и историософских идей, – писал впоследствии о лекциях Герье А.А. Кизеветтер. – Его университетские курсы, несмотря на их некоторую старомодность, были очень полезны для слушателей. Они были составлены весьма педагогично. Курс римской истории открывался, например, обширным

²⁹⁷ НИОР РГБ. Ф.70. К.46. Д.5. Л. 7 об.

²⁹⁸ Там же. К.45. Д.16. Л. 12.

²⁹⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.134.

историографическим введением. Для первокурсников это введение было целым откровением. Перед нами открывалась яркая страница из истории исторической науки. Профессор вводил нас в избранное и поучительное общество корифеев исторической мысли. Вико, Нибур, Рубино, Шwegлер, Моммзен и многие другие выступали перед нами в живых очертаниях, и вместе с тем на конкретных примерах выяснялись методологические приемы исторического исследования и последовательные смены главнейших историографических школ.

В курсе по истории Европы XVIII столетия наиболее сильную сторону составляли очерки политических доктрин, причем особенно подробные экскурсы были посвящены теориям Монтескье, Руссо, Мабли»³⁰⁰.

«Старейший из всеобщих историков – Владимир Иванович Герье читал на 1-м курсе XVIII век и Французскую революцию и Римскую историю, на втором – эпоху Возрождения и германскую революцию, а на 3-м вел семинар по новой истории. Когда я впервые увидел Владимира Ивановича, ему было около 55. Я знал его по широкой и заслуженной репутации, но был в первый момент удивлен, что он не так стар, как я думал, – вспоминал о профессоре Ю.В. Готье. – Высокий, худой, с длинным лицом, самой выдающейся чертой которого был длинный и тонкий нос, очень тщательно, немного старомодно причесанный на косой пробор, со столь же тщательно расчесанной на две стороны окладистой, но не слишком большой бородой, почти без седых волос, одетый всегда в простой сюртук, в отличие от других профессоров, носивших в то время еще форменные фраки, он всей своей фигурой напоминал протестантского пастора. Таким он, в сущности, оставался до конца своей долгой жизни (он умер в 1919 г.). «Лезвие ножа», как о нем говорил мой отец. Он читал ровным и негромким голосом, очень литературно и просто. Все его курсы, над которыми он не переставал работать в то время и которые издавались в литографированном виде, были составлены прекрасно,

---

³⁰⁰ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 55.

читались и усваивались легко, и можно только сожалеть, что они не были изданы в форме учебных руководств»³⁰¹.

Интересно отметить, что сам Герье интересовался оценкой студентами своих лекций. В результате опросов студентов он узнавал об их исторических пристрастиях, и вводил в свои курсы проблемы, интересующие учащуюся молодежь. «Я в прошлый понедельник, – писал Герье в письме к Корелину, – предложил студентам написать... что нового они узнали из моего курса или вообще, что усвоили себе из первых двух отделов курса. Третий еще не был закончен чтением и отлитографирован... Из 98 студентов I семестра исторического отделения присутствовало в этот день 59, среди которых 57 представили письменный отчет, который меня ужасно заинтересовал. В числе этих отчетов были десятки таких, которые мне доставили большое удовольствие. В них отразилась, при большей или меньшей различности писавших та восприимчивость и впечатлительность, знания и идеалы, которые составляют счастливый и завидный удел всех хороших первокурсников. Большинство ответов представляли довольно полный и отчетливый конспект о первом и иногда о втором отделении; некоторые же наводят меня на сомнение, потому что слишком похожи на выписки из конспектов... Всем писавшим я сделал условный зачет, предложил им на праздник повторить третий отдел курса и кое-что почитать»³⁰².

В архиве профессора сохранились пожелания и вопросы студентов к курсам Герье, отражающие весьма серьезную заинтересованность студентов лекциями профессора. В одной из записок студент Николай Урвачев писал: «Религиозные представления всякого рода находятся в тесной связи, во-первых, с гражданскими и политическими идеями и с умственной зрелостью – во-вторых. Первая связь видна, например, в представлениях древних евреев о едином Боге – строгом правителе и мздавоздателе. Политическое же устройство их было деспотия, гражданское право руководствовалось правилом: око за око и зуб за зуб. Видна эта

---

³⁰¹ Готье Ю.В. Университет. С. 559.

³⁰² ЦГА г. Москвы. Ф. 2202. Оп. 2. Д. 5. Л. 11–14.

связь и в греческих представлениях о богах: это многочисленное семейство на Олимпе, управляемое общим отцом – Зевсом. Власть Зевса основана на том, что он отец Богов, она не простиралась в такой же мере на братьев... имевших свои собственные царства. Это устройство на Олимпе вполне аналогично гражданскому устройству во всей Элладе: это родовой строй, основанный на *patria potestas* и постоянном наделе. Кроме олимпийской семьи богов греки не признавали других равными по достоинству с ними до тех пор, пока родовой строй не начал рушиться и в число граждан не начали проникать чужие элементы. Но как только это случилось, появились и чужеземные боги, на равных правах с Олимпийцами (культ Диониса). Итак, с развитием демократических идей, необходимости допускать в гражданство чужеземцев появились и новые представления о мире богов. Что же касается влияния просвещения на религию, то оно мне кажется ясным и несомненным. Если действительно можно установить эмпирический закон, что религиозные представления находятся в связи с политическими и гражданскими идеями, то я просил бы Вас выяснить подробное влияние в римской истории, указать перемены в религиозных представлениях в связи с политическими переворотами и, наконец, выяснить влияние политических понятий в период империи на религиозные представления христиан. Кроме того, желательно было бы выяснить причинную связь подобных явлений»³⁰³.

Тем не менее, несмотря на большое количество студентов, сочувствующих лекциям Герье, он был далеко не самым популярным лектором у учащейся молодежи. Прежде всего, сказывалось недовольство исторической методологией профессора, которую воспитанные на других метафизических концепциях студенты, считали отсталой и несовременной. Об этом писал А.А. Кизеветтер, А.Н. Савин. Очень зло и бестактно мысль о старомодности Герье выразил П.Н. Милюков, вспоминая, что Герье «боялся, чтобы кто-нибудь не узнал того, чего он не рекомендовал – и не знает. В последнем многие из нас убедились, когда, уже

---

³⁰³Записка студента-филолога 3-го семестра Николая Урвачева // НИОР РГБ. Ф.70. К. 62. Д.15. Л. 13–14 об.

будучи оставлены при университете, готовились к магистерскому экзамену»³⁰⁴. Подобная позиция отражает точку зрения хорошо подготовленной части студентов, которая не придавала особого значения общим университетским курсам. Но подобный взгляд на проблему был нехарактерным для основной массы студентов.

Массовой причиной неприятия университетских курсов Герье были чисто психологические, иррациональные мотивы, которые косвенно отражают общий культурный уровень студенческой массы. Впрочем, подобное отношение большей части студентов вовсе не мешало Герье успешно создавать собственную школу исследователей.

Установка на чтение законченных, целостных, оригинальных курсов, была обязательной для учеников Герье. Фактически они считали чтение лекций в такой манере обязательным для себя. Вот, что писал о своих мучениях с подготовкой общих курсов Корелин, которого Герье пригласил для чтения лекций на Высшие женские курсы: «В нынешнем году я еще менее удовлетворен ими, чем в прошлом; знакомое чувство собственной слабости не оставляло меня и прошлую зиму; недостаток знаний постоянно чувствовался, а между тем общий курс по средним векам гораздо труднее, чем по Греции. В результате курс, по-моему, и не глубок, и не полон. Задумал я его недурно, но для настоящего выполнения плана не хватило ни сил, ни времени. В начале я имел в виду изложить составные элементы средневековой цивилизации: варварский быт, результаты античной цивилизации и христианства, и взаимное отношение этих факторов, приведшее к установлению папства (католицизма) и империи (феодализма). Затем должно было идти изложение средневековой истории по такому плану: сначала история образования общественных классов параллельно по всем материкам, затем история политических учреждений по странам и, наконец, средневековое просвещение. А вот – что вышло. (Позвольте познакомить Вас поближе с программой; может быть, Вы найдете возможным сообщить мне несколько замечаний). Первая лекция –

---

³⁰⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 70.

коронование Карла и его историческое значение. На этом факте проследил все составные элементы средневековой цивилизации. Три следующих лекции посвящены на изложение быта галлов и германцев до столкновения с Римом. 5 и 6 лекции – влияние языческого Рима на галлов и германцев. Затем – изменение античного мира под влиянием христианства (4! лекции) (чувствую, что Вы меня порицаете: увлекся Лекки и эпохой). Здесь рассмотрел состояние религии и морали – в эпоху империи, проследил отношение христианства к языческой образованности, изменение нравственных идеалов и установление аскетизма. Следующие 4 лекции – установление папства и его история до IX века, при чем рассмотрел внутреннее положение церкви за этот период, ее отношение к Византии, влияние на папство нападения варваров на Италию и распространение христианства на западе. От 15–17 установление империи и Карл Великий. В 18 лекции – образование национальных государств, 19 – характеристика феодализма, 20 и 21 – теория папской и императорской власти (Предчувствую возражения и маленький нагоняй). Изложивши первую половину курса, я убедился в невыполнимости моей программы и пришел в отчаяние. Как в сказках, мне предстояло три пути – социальная, политическая и культурная история; я чувствовал бессилие уместить все это при моих знаниях в 20 лекций и придумал следующий исход. В 11 лекциях изложил борьбу папства и империи, при чем, излагая причины успехов и поражений, отмечал важнейшие факты и культурной, и социальной истории; а для истории Франции выбрал наиболее характерные явления – развитие королевской власти и рассказал об этом в 10 лекций, закончил Людовиком XI.

Нынешний год заканчивает первый цикл моей преподавательской деятельности на курсах. В общем, это было очень тяжелое для меня время; недостаток времени для подготовки к лекциям отражался на их содержании; недовольство собой было постоянное, а иногда являлось мучительное сомнение в своих силах и способностях; казалось по временам, что нужно бросить выбранный путь и пойти по другой дороге. Бывали, как всегда, недовольные в аудитории, и их голоса раздавались и доводились до моего сведения разными «приятелями»;

противоположные мнения я пропускал мимо ушей: до сих пор меня слишком много хвалили и слишком мало порицали, так что я перестал ценить одобрения, а весьма часто и вторить им, а упреки, наоборот, преувеличивались мнительным воображением. В результате тяжелое настроение духа, и иногда, каюсь, жалоба на Вас за непосильный труд. Семья оказалась мне спасением и огромной поддержкой в этом случае. Теперь, когда это время минуло, когда я обдумал и взвесил все следствия лекций на курсах, я должен сказать, что эта деятельность имела на меня чрезвычайно благоприятное действие, принесла большую пользу, а потому вместо жалоб приношу Вам искреннюю благодарность. Нет сомнения, что непосредственный переход со студенческой скамьи на профессорскую кафедру создал для меня общую репутацию, ниже способностей; но за то чтение 3 курсов дало мне понимание и систематическое знакомство с тремя крупными эпохами всемирной истории. Без лекций трудно, а для меня и не мыслимо, так усвоить предмет, так продумать исторические процессы, так систематизировать отрывочные знания. Они ввели меня в самостоятельное занятие эпохой, что не сделает никакой магистерский экзамен. Быть может, без лекций я сдал бы экзамен год или полтора назад, но эта отсрочка не потеря, а выигрыш времени, потому что у меня есть три выработанных курса, которые пригодятся мне в будущем. Кроме образовательной пользы, чтение лекций доставило мне и другую – нравственную. С первого же года меня начали упрекать в элементарности (т.е. отсутствии широких обобщений) и сухости (т.е. отсутствии лирических отступлений и пикантных намеков) моего курса. Я тогда же, несмотря на юность, уразумел, что стал на верную дорогу, что лавры Гольцевых легко приобрести, но не стоят они гроша ломанного и, решившись учить, а не забавлять, изгнал из курса все, кроме науки. Для успокоения совести, для проверки своих мыслей я и попросил Вас в прошлом году просмотреть курс, который был моим по преимуществу, и Ваш отзыв показал, что я был прав, и придал мне много бодрости на нынешний год»³⁰⁵.

---

³⁰⁵ Письма М.С. Корелина // Цыганков Д.А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 241–244.

4.7.4. Семинар Герье как школообразующая практика

Семинар Герье, начавший работу, вероятнее всего, уже в 1866 г., занимает особое место в ряду дополнительных практических занятий профессоров Московского университета середины XIX в. История его становления была длительной³⁰⁶. Первоначально семинарий Герье составлял конкуренцию семинарию как университетскому подразделению для подготовки гимназических учителей профессора классической филологии П.М. Леонтьева. Правда, в отличие от филологов студентам-историкам за участие в семинарии стипендию не платили, а потому они вели себя в нем вызывающе, не желая терпеть лишнюю нагрузку. Так, студент И.А. Лебедев, привыкший пассивно слушать лекции, на предложение доцента Герье во время семинарского занятия, для которого Герье подготовил хрестоматию³⁰⁷, почитать и перевести источник, ответил: «А я не желаю». «А Вы пожелайте», – нашелся Герье³⁰⁸.

В отчете университета за 1869/70 уч. г. о семинариях исторического факультета сообщалось следующее: «На историко-филологическом факультете по самому существу филологических занятий студенты работали под личным руководством преподавателей; на первых двух курсах студенты обязаны были написать по одному годовому сочинению по предмету русской словесности; такого же рода письменные работы продолжались на всех курсах по предметам классической филологии; к этим работам присоединялись еще занятия студентов в филологической и исторической семинарии и писание сочинения по конкурсу на получение установленных премий и медалей. Кроме того, по всем предметам факультетского преподавания существуют семинарии, в которых студенты частью представляли на обсуждение преподавателей и товарищей результаты своих домашних изучений какого-нибудь вопроса, частью упражнялись в объяснении

³⁰⁶Цыганков Д.А. Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4. С. 117–132.

³⁰⁷ Материалы хрестоматии печатались более года на страницах Московских университетских известий.

³⁰⁸Герье В.И. Мои воспоминания // Terra Europa: Сообщество московских всеобщих историков второй половины XIX в. М., 2014. С. 203.

отдельных исторических памятников и в обсуждении различных научных и педагогических вопросов»³⁰⁹.

Вероятнее всего, именно в 1869–1870 уч. г.³¹⁰, когда начался эксперимент с разделением факультета по отделениям со специализацией после 3-го курса³¹¹, Герье создал семинарий для специализирующихся по истории.

Предметом занятий студентов 4-го курса 1876 г. стала «разработка темы «Политическая деятельность и личная характеристика императора Тиберия и разбор источников для его царствования». В результате студентами были прочитаны, разобраны и сличены между собою шесть книг «Аннал» Тацита, биография Тиберия, написанная Светонием... и две книги Диона Кассия. На основании этого материала представлены рефераты о характере Тиберия, его отношении к Сенату и т.п., а затем критическая оценка упомянутых историков. После этого были подвергнуты критическому разбору книги Штара и Беле о Тибериусе»³¹².

В 1870-е гг. Герье делил свои семинарии, исходя из опыта посещения студентами такого вида занятий: студенты, первый год участвующие в работе семинара; студенты, второй год участвующие в работе семинара; студенты, третий год участвующие в работе семинара. «Семинарии по всеобщей истории, руководимые орд. пр. Герье, состояли в 1877 г. из трех отделений: первое, или старшее отделение состояло кроме студентов исторического отделения IV курса из студентов, участвовавших не менее двух лет в историческом семинарии. Предметом занятий на первом отделении были письменные рефераты студентов о различных литературных памятниках, относящихся к истории XVIII в., и разборе этих рефератов. Ко второму отделению принадлежали студенты, принимавшие не менее одного года участия в семинарии. Предметом их занятий был устный и

---

³⁰⁹ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1870–1871 уч. г. М., 1871. С. 18.

³¹⁰ Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1872 г. апрель – май. М., 1873. С. 75.

³¹¹ Об истории разделения см.: ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 3951.

³¹² Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1876–1877 уч. г. М., 1877. С. 19–20.

письменный разбор различных мест сочинения Азаревича “Патриции и плебеи”. Третье отделение состояло из студентов, еще не принимавших прежде участия в семинарии. Предметом занятий на этом отделении был разбор первых двух книг “Истории” Ливия и изучение в связи с этим политических учреждений в древнем Риме, что служило основанием для письменных работ студентов»³¹³. В 1878 г. «семинарий по всеобщей истории состоял из 2 отделений. Предметом занятий по младшему отделению в первое полугодие был разбор сочинения Азаревича “Патриции и плебеи”, а на старшем отделении – источники для истории Франции в XVIII веке. Во втором полугодии предметом занятий на младшем отделении был разбор “Аннал” Тацита и других источников для истории царствования Тиберия, а на старшем отделении источники для истории Франции XVIII века. Кроме того, для студентов 4 курса, принимавших также участие в старшем отделении общего семинария, был устроен особый семинарий по истории средних веков. Занятие на этом семинарии за ключались: 1. В переводе с латинского и объяснении хрестоматии средневековых исторических и юридических памятников, напечатанных проф. Герье для участников семинария. 2. В разборе исследований студентов по вопросу о землевладении у древних германцев»³¹⁴.

Подобная система просуществовала до тех пор, пока Герье оставался единственным профессором кафедры всеобщей истории. Когда же на кафедру стали приходиться ученики Герье, система семинаров на историко-филологическом факультете претерпела изменения. Вместо семинара для студентов старших курсов возник так называемый специальный семинар³¹⁵, посвященный проблемам Новой истории и историографии, который время от времени Герье проводил у себя на дому.

Между тем семинары, затрагивающие различные исторические периоды всеобщей истории, стали обязательным элементом обучения на историческом

³¹³ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1877–1878 учебный и 1878 гражданский год. М., 1878. С. 18–19.

³¹⁴ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1879. М., 1879. С. 20.

³¹⁵ *Соболевский А.И.* Некролог В.И. Герье // Известия Российской Академии наук. 1919. № 13. С. 570.

отделении историко-филологического факультета, были внесены в учебные планы и поделены между преподавателями историками, став просеминарными на младших курсах, обязательными и необязательными семинарами для специализирующихся по истории – на старших курсах.

Общеуниверситетский и домашний семинары Герье методологически ничем не отличались. И в том и другом приобретались специальные навыки работы историка-исследователя, что отличало эти формы занятий от установочных, общепросветительских общих и специализированных обязательных и необязательных лекций. Не случайно составлявший устав Высших женских курсов Герье был первоначально против введения семинаров в этом заведении, полагая, что курсы не готовят специалистов-историков. Целью семинара, следовательно, становилась подготовка историка-профессионала, обучение его определенным исследовательским навыкам работы с источником

Выбор темы семинарских занятий студенты Герье приветствовали. Даже находящийся в сложных отношениях с Герье Милюков писал: «Выбор семинарских занятий по *Contract Sociale* Руссо, по книге Токвиля, по Тэну, по книге Бенле об Августе оказали несомненное влияние на нас, научили объективизму в трактовании истории и застраховали от радикального догматизма»³¹⁶. Кроме того, система и методы проведения семинаров были усвоены учениками Герье. Позже семинары со сходными темами исследования устраивал Н.И. Кареев в Петербургском университете, Р.Ю. Виппер – в Новороссийском, П.Н. Ардашев – в Киевском. Герье на семинарах ставил проблему, которую его ученики должны были решить, привлекая собственную источниковую базу. Впервые в отечественной историографии в семинарах Герье было уделено внимание и наказам сословий депутатам, ключевому источнику по общественным настроениям французского общества периода предшествующего революции.

Об отношениях учитель – ученик в семинаре Герье известно из мемуарных свидетельств. Посторонние для семинара студенты считали, что на занятиях царило патриархальное самовластие учителя. Так, А.А. Кизеветтер

---

³¹⁶ Милюков П.Н. Воспоминания (1856–1917). С. 70.

свидетельствовал: «Характер Герье был строптивый, капризный и язвительный. Тяжелый был он человек. Когда к нему собирались его ученики, среди которых были люди самых разнообразных возрастов, его домашние ревностно наблюдали за тем, чтобы в разговорах не поднималось таких тем, которые могли бы рассердить Владимира Ивановича. И уже заранее было условлено, что как только кто-нибудь из домашних прикоснется рукою к лампе, это значило, что надо было немедленно менять тему разговора, и бывали вечера, когда огонь в лампе приходилось поправлять очень часто. Противоречить Герье было рискованно. Я знаю случай, когда Герье, встретив в посетившем его госте несогласие с собой, вскочил, ринулся в переднюю, надел шубу и ушел из своего дома, оставив гостя в одиночестве в кабинете»³¹⁷.

Другой студент, посещавший этот семинар, вспоминает, что работы, показавшиеся Герье почему-то недостаточными, вызывали с его стороны такую язвительную критику, что несчастный критикуемый «был выводим из себя». Некоторые не выдерживали этого. Так, студент Ершов, не сумевший защитить работу в семинарии Герье на 3-м курсе, бросил все исторические занятия и со следующего года перешел на 1-й курс медицинского факультета³¹⁸.

Герье очень строго подходил к студенческим рефератам, требовал концептуальности изложения, не терпел верхоглядства и желания, с его точки зрения, политизирования истории. Интересный в этой связи эпизод произошел у него со студентом В.А. Маклаковым, будущим известным политическим деятелем партии кадетов. При исследовании характера немецкой государственности Маклакова потянуло на глобальные обобщения, и он мимоходом заметил: «Император Германии в то время был менее всего тем, чем монарх должен быть, то есть представителем только исполнительной власти». Герье «саркастически ослабился», попросил повторить эту фразу, как будто ее не расслышал. Маклаков «с апломбом ее повторил». Герье «недовольно пожевал губами, но промолчал». Маклаков стал доказывать, что «сопротивление папы церковным реформам было

---

³¹⁷ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. С. 66.

³¹⁸ Готье Ю.В. Университет. С. 560.

полезно, так как иначе все ограничивалось бы церковными реформами, а не было бы реформацией». «Полезно для проведения в жизнь великих идей и действия французского правительства», – продолжал Маклаков. Герье не выдержал и остановил студента: «Вы напоминаете мне молодого петушка, которому хочется кого-нибудь задеть шпорой, чтобы показать, что он тоже петух, почему вы говорите, что назначение монарха быть только исполнительной властью? Это можно утверждать только с точки зрения определенной политической доктрины, да и то плохо понятой, то есть с точки зрения Монтескье. Но его определение роли монарха годится не для всяких монархий, оно не безусловно, но всем доставляет удовольствие без всякой надобности, хотя бы мимоходом царапнуть монархию. Но это куда ни шло. А вот ваше сравнение Реформации с Революцией. Здесь есть верная мысль. Без злоупотреблений церкви Реформации могло и не быть. Идеи веротерпимости, свободы совести явились в результате этих злоупотреблений феодализма и абсолютизма, совершенно законно. Но вам этого мало. Вам оказалось нужным пристегнуть сюда и революцию, оправдать и даже прославлять ее эксцессы и кровь». Маклаков стал заступаться за Революцию. Герье волновался и злился. «Если бы вы были постарше, я бы дал вам, – сказал он, обращаясь к студенту, – тему для серьезной работы: показать зло, которое Французская революция принесла идеям, которым служила. Но в ваши годы этого не понимают. Он сказал это очень серьезно и грустно»³¹⁹. Создавая вокруг себя атмосферу научного поиска, приглашая к дискуссии, сталкивая во мнениях представителей различных поколений историков: студентов, остепенившихся учеников, корифеев университетской науки, которые участвовали в его семинарах, – Герье оставлял за собой право решающего голоса.

Подобные исследовательские семинары Герье, а потом Виноградова, безусловно, были школообразующими практиками, делавшими черты московской школы историков явно отличными от петербургской.

---

³¹⁹ Маклаков В.А. Отрывки из воспоминаний // Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 298–299.

В чем же состояло это отличие? Система передачи исследовательского опыта в Петербургском университете развивалась под влиянием опытов учеников М.С. Куторги – В.Г. Васильевского и Ф.Ф. Соколова³²⁰. По мнению специалистов, «Васильевский, начавший проводить регулярные семинарские занятия с начала 1880-х гг., использовал «комбинированную» форму семинария, сочетая «чтение и интерпретацию какого-либо памятника по византийской и западной истории» с обсуждением студенческих рефератов³²¹. Другие преподаватели факультета переняли манеру Васильевского, приспособив ее к собственным научным и педагогическим интересам. Так, Соколов остановил свое внимание на эпиграфике, важнейшем материале для изучения античности, в результате чего сделал этот вид источника основой для дальнейшей исследовательской и учебной работы среди учеников³²². По тому же узкому источниковедческому пути в конце XIX – начале XX в. пошли и русские историки Санкт-Петербургского университета, ученики А.С. Лаппо-Данилевского, стоявшие у истоков зарождения дипломатики как особого направления вспомогательных научных дисциплин. Это предопределило крайнюю специализацию работ семинария Лаппо-Данилевского и придало некий ореол избранности его участникам. Петербургские исследователи явно тяготели к закрытым ученым сообществам. «Тот семинарий по дипломатике, участником которого мне пришлось быть в течение нескольких лет, – вспоминал С. Н. Валк, – был окутан в университетской среде дымкой таинственной неизвестности. Что было предметом наших занятий, неясно представляли себе не только наши сотоварищи, но подчас так же себя чувствовали почтенные сотоварищи покойного Александра Сергеевича. В разговоре с одним из участников семинария профессор-юрист удивленно спрашивал его (тоже юриста по университетскому образованию), каким же образом он дошел до занятий дипломатией, занятий

³²⁰ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Ленинград, 1948. С. 15.

³²¹ Антощенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинар как место знания // Историческая культура императорской России: Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 144. См. также: Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. Набросок воспоминаний и материалы для характеристики. СПб., 1999. С. 25.

³²² Валк С.Н. Указ. соч. С. 23. Среди учеников Соколова – В.В. Латышев, В.К. Ернштедт, А.В. Никитский, А.Н. Щукарев, С.А. Жебелев, Н.И. Новосадский.

внешней политикой. Студенческая молодежь боялась идти на семинарий, судя о работе в нем по общему малодоступному для нее лекционному чтению А. С. Другие наши сверстники, войдя было в семинарий, но почему-либо отошедшие несколько от напряженного в нем труда, потом быстро оказывались в положении отставших и тоже лишь заинтересованных нашей работой чужаков... Наш семинарий даже в первые годы своего существования стал пользоваться славой чего-то малодоступного, хотя доступ туда был всем открыт, это было не случайно, как не случайно было и то, что уже попавший туда новичок попадал здесь в искус и первый год пребывал в нашей среде одним прислушивающимся к суровому делу молчальником. Не случайно было это потому, что наша семинарская работа неизбежно должна была явиться творческой, созидательной. Дипломатика частных актов – область знания, почти не известная русской научно-исторической литературе, мало разработанная и в передовой западноевропейской. Беглые общие замечания, вроде тех, что у Гири или Мейстера, едва могли удовлетворить даже только приступавших к делу»³²³.

Как следствие различных методических установок в области источниковедения и историографии, практикуемых на семинарах, наметился разный подход к написанию исторических сочинений в Москве и Петербурге. Сочинения московских историков имели в виду читающую публику вообще, образованное русское общество. Петербургские исследователи стремились к написанию научных монографий для специального пользования.

Историческое сочинение в школе Герье не должно было выпячивать проблемы критики источников. Так, один из учеников Герье – Виноградов писал об источниковой базе своей работы: «Очевидно, что развитие... приготовительной части труда, весьма специальной и кропотливой, не может иметь значения для русского общества – между тем она должна служить основанием всему. Какой Вы дадите совет относительно эксплуатации этого сырого материала? Признаюсь, мне бы очень не хотелось связывать себя посторонними соображениями, но я понимаю,

---

³²³ Валк С.Н. Воспоминание ученика // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1982. С. 118–119.

что будет странно преподносить русской публике пространные критические этюды относительно тяжбы епископов Сиены и Ареццо. Уместно ли будет предложить к диссертации если не *Codex diplomaticus*, то *Analecta diplomatica*?»³²⁴

Герье исходил из мысли, что историческое сочинение является вкладом в осмысление всемирно-исторического процесса и потому должно быть вписано в общий контекст историографии, оно должно давать ответ на определенную крупную историческую проблему и являться шагом к улучшению коммуникации между историками.

Историческое сочинение, написанное под руководством Герье, не могло быть только специальным. Таким образом, Герье продолжал традицию Грановского и расходился в понимании задач исторической науки с петербургской школой историков, предполагавших написание специальных, источниковедческих по преимуществу работ, «частных монографий», в результате чего петербургская школа смещалась в сторону развития методологических проблем изучения разных типов и видов источников, хотя бывали и исключения. Ученики Герье, как и ученики Ключевского, писали свои диссертации с позиций общего курса и имели в виду интересы читающей публики вообще, а не только специалистов. Московских историков интересовала динамика исторического процесса, факторы, усиливающие или ослабляющие его ход. Историческая теория москвичей была связана с онтологией исторического процесса, петербуржцы занимались прежде всего вопросами гносеологии.

Во многом этим может объясняться тот факт, что немецкие аналоги семинаров, также источниковедческие по преимуществу, не стали единственной моделью, которую использовал Герье в практике собственных занятий со студентами. Отличительными чертами его семинаров можно назвать систему докладов, дискуссию, разрешение не только источниковедческих, но и историографических проблем. Важным для понимания семинара Герье, а затем и вообще для семинара московской школы может служить свидетельство Вишпера. Став преподавателем в Новороссийском университете, он писал Герье 13 ноября

---

³²⁴ Из писем П.Г. Виноградова // Средние века. Вып. XXII. М., 1962. С. 273–274.

1894 г.: «Практические занятия я повел на московский манер, здесь они состояли раньше в чтении рефератов или комментировании лектором источников. Беседа, дебаты, как нечто необычное, привлекают много посторонних»³²⁵.

Домашний семинар Герье, претерпев сложную эволюцию в начале 1890-х гг., преобразился в Историческое общество при Московском университете. Впрочем, историческое общество Московского университета, созданное Герье, характеризует завершающий этап существования исследовательского семинара Герье. Из него не вышло новых учеников профессора. Председательствование Герье в обществе не привело к усилению популярности профессора у студентов, а скорее, вызвало нападки на старого профессора со стороны «павликан», учеников П.Г. Виноградова, стремившихся при основании общества завоевать в нем лидирующие позиции и, таким образом, институализировать свое неформальное объединение. Виноградов очень остро переживал искусственность и незavidность своего положения в обществе (товарищ председателя, имевший наибольший авторитет у членов общества) и просился у Герье в отставку. Герье держался на правах старейшины, но терял научный авторитет. Наступала эпоха углубления исторической специализации, а Герье был ученым-энциклопедистом, всеобщим историком по-преимуществу.

4.7.5. Коммуникации В.И. Герье с учениками

Герье принадлежал к тому типу преподавателей в русских университетах, которые под влиянием собственных педагогических концепций и стажировки в Европе стремились развить систему взаимоотношений профессоров со студентами.

Со стороны Герье эта была продуманная позиция. Историк считал, что владение информацией о предмете, к которому студенты приобщались на лекциях, и определенный исследовательский навык, получаемые посредством семинарских занятий, не являются достаточными для формирования ученого, а в ближайшем будущем профессора университета. Важную роль в системе Герье играли

---

³²⁵ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 38. Д. 118. Л. 7 об.

традиции, которые он возводил к опыту отношений профессоров и студентов в эпоху Грановского.

Герье искал личного контакта со своими студентами, а затем магистрами, воспроизводя тот характер коммуникаций, который был у него с представителями круга Грановского. Напомним, что Герье, будучи сиротой, в 1854 году, был приглашен к участию в научном проекте Леонтьева, и получил возможность проживать с ним в одной квартире, оказавшись в центре профессорского кружка, в который входили П.М. Леонтьев и П.Н. Кудрявцев. Герье на квартире этих профессоров неформально общался с Грановским, вошел в академическое сообщество ученых Московского университета, в это время формировались этические максимы Герье как человека. Герье тонко чувствовал, что правильная постановка проблемы (что возможно было осуществить только в ходе личного общения), обмен исследовательским опытом – это залог будущего успеха работы ученого.

Общение с профессорами на научные темы у них на квартирах вдохновляли Герье. Эти беседы с профессорами надолго определили заданность исторических штудий Герье. Конечно, подобное положение дел во времена студенчества Герье во многом восполняло отсутствие серьезной исторической инфраструктуры – периодики, новых книг по истории. В результате подобного положения дел личные контакты профессор-студент, когда последние посещали квартиры первых, где имели возможность пользоваться их домашней библиотекой, вести разговоры на исторические темы становились определяющими в формировании студента. В годы профессорства Герье его студенты вряд ли страдали от отсутствия или скудости исторической информации. Однако это вряд ли могло уже повлиять на стиль научного руководства Герье, вышедшего из университета эпохи пятидесятых. В результате Герье делал все, чтобы не повторилась ситуация его пути к нелегкому профессорству. Ведь у него не было научного руководителя в университете, когда он был студентом, что было следствием стечения трагических обстоятельств. Не помог Герье и его руководитель при подготовке к магистратуре – доцент Г. В. Вызинский, который давал самые общие и формальные советы.

Как же происходило общение Герье с учениками? Как он выстраивал процесс сопровождения учеников в науку.

Во-первых, Герье очень продуманно подходил к чтению лекций. В своих курсах профессор пытался, как можно полнее представить свое понимание истории, цель, предмет и значение истории как науки. Это, по мнению Герье, должно было заинтересовать студентов. На экзамен после первого курса он пытался понять, как восприняты его идеи студентами. Его экзамен по римской истории на 1-м курсе был мерилем определяющим», – писал Ю. В. Готье. Вместе с вопросами для экзамена Герье задавал реферат по крупной историографической работе, чтобы понять, как студент справляется с заданием.

Для сильного студента уровень требований высоким не казался: «...Требования Герье были строги, – писал Кизеветтер, – но они были точно определены. А те, кто хоть немного возвышались над обычными требованиями, наверняка, могли рассчитывать на самую лестную оценку. Перед экзаменами Герье предлагал желающим принести на экзамен краткие письменные отчеты о прочитанных книгах из числа им рекомендованных. Я принес отчет о трехтомном сочинении Ланге... Он прямо и начал с того, что заставил меня прочитать этот отчет. Пока я читал, Герье сидел неподвижно, с самым кислым выражением лица и не спускал глаз с кончика своего сапога. Я кончил чтение, и он, не вымолвив ни слова, поставил мне в экзаменационном листе пять с плюсом. Тем все и кончилось. Вот это «кислое лицо» и навело трепет на студентов. И, в сущности, совершенно напрасно»³²⁶.

Разочарование, язвительность и строгость Герье во-многом объясняется тем, что, будучи жестким и где-то даже авторитарным педагогом, он не давал студенту второго шанса и составлял негативное представление о том или ином студенте мгновенно, не надеясь на него в будущем.

Причину такого восприятия Герье студентов, очень точно уловил все тот же Готье: «Герье, крупный университетский и общественный деятель, служивший всю

---

³²⁶ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 56.

свою долгую жизнь русской науке и просвещению, никогда, однако, не был популярен среди студентов. Одной из причин этого явления была его большая строгость... Этот проникнутый чувством долга человек, считавший всегда себя русским, несмотря на свое иностранное происхождение, был и по своему бытовому укладу глубоко русским человеком. Его понимание жизни, как я его себе представляю, было пониманием прав и обязанностей, а последнее наши студенты понимали меньше всего. Герье коробила недобросовестность большей части студентов, их претензии, их внешняя неопрятность и внутренняя раздерганность. Будучи по природе холодным и сдержанным и, может быть, в глубине застенчивым человеком, Герье, сталкиваясь с неприятными и неприемлемыми для него сторонами студенчества, иногда позволял недостаток умения понять чужую ему «нецивилизованную» душу русского студента. В этих случаях он бывал резок, язвителен и, говоря прямо, бестактен. Такие резкие выходки бывали у него на экзаменах и могли показаться несправедливостью»³²⁷.

В целом студенты не понимали значение экзамена по римской истории в педагогической концепции Герье на 1-м курсе, а Герье вряд ли это артикулировал. В действительности, это же был первый этап выбора Герье ученика для дальнейших занятий, этап селекции.

А вот прошедшие сито отбора могли надеяться на покровительство профессора. Самый наглядный случай – история взаимоотношений с Виноградовым. В центре внимания Виноградова уже в студенческие годы (тема студенческого сочинения – «Землевладение меровингов») был процесс развития феодализма в Западной Европе. Зная это, Герье специально предложил похожую тему для университетского конкурса для получения золотой медали и, судя по всему, знал девиз Виноградова («Open»), под которым тот скрывался, поскольку

---

³²⁷ Готье Ю. В. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 559–560.

сочинения были анонимны³²⁸. Неудивительно, что Виноградов получил золотую медаль за конкурсную работу.

Следующим шагом Герье в создании ученого было приглашение студента для участия в домашнем семинаре. В рамках работы семинара Герье хотел понять, как выбранный им ученик ведет себя во время научной дискуссии в большом собрании. Фактически это была проверка публичностью. Так, Кареев вспоминал: «Герье устроил у себя на дому собрания, на которых появились курсистки, большей частью аристократические, приезжавшие с ливрейными лакеями, а мы, молодежь, выступали перед ними с рефератами и прениями. Я, например, читал о социальной динамике Конта, которую уже тогда критиковали (за что меня не одобрил присутствовавший здесь Гольцев). После реферата В.Н. Пирогова, державшего в Москве магистерский экзамен, – а реферат был о жирондистах, – были прения, в которых приняли участие Фортунатов, Шахов и еще кто-то, но я молчал, бывши еще недостаточно знакомым с предметом и боясь провраться, но у меня все-таки было одно замечание, которое я вздумал сообщить Герье, когда уже все разошлись. И вот тут от своего учителя я выслушал такой реприманд: «Мне совсем не интересно Ваше мнение: Вы должны были говорить при всех, чтобы показать себя как занимающегося молодого человека»³²⁹.

В воспоминаниях Кареева звучит обида. Но, кажется, именно в этом разговоре Герье проявил свое отношение к семинарским занятиям. В ходе семинара нужно было говорить. Если молодой человек «завирался», то это оценивалось выше, чем молчание. Во всяком случае, тонко чувствующий методу Герье, Корелин писал: «Позвольте, Владимир Иванович, злоупотребить еще Вашим временем и глазами и обстоятельно изложить, может быть, легкомысленное мечтание: на

---

³²⁸ Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1874 г. сентябрь – декабрь. М., 1875. С. 152. Подробнее см.: Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010. С. 26.

³²⁹ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 132–133.

семинариях Вы выслушивали от меня и более легкомысленные вещи»³³⁰. Таким образом, активное участие в публичных дискуссиях в глазах Герье также было подтверждением научных притязаний номинанта.

Будучи человеком, который активно пользовался благотворительной помощью в юности, Герье стремился обеспечить «своих» студентов стипендиями, государственными и частными. Ученик Герье не должен был отвлекаться на бытовые проблемы, его жизнь должна была быть посвящена науке. Кстати, интересно в этом контексте отметить, что Герье резко возражал против ранних браков своих студентов. Все это делалось ради того, чтобы успешный студент был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию после окончания обучения и служил науке. Думается, вовсе не случайно студенты Герье подчеркивали преданность Герье науке религиозной лексикой, называя его «пастором» (Готье), «падре» (Корелин), а в случае негативного отношения «Торквемадой» (Виппер).

Тот тип отношений, в котором Герье выступал как профессор университета, а его ученики как студенты университета, а формой общения были экзамены, университетские и домашние семинары, вовсе не был единственным в преподавательской практике Герье.

Существовало личное общение между ним и учениками. Оно, как правило, интенсифицировалось после того, как Герье оставлял своего ученика для подготовки к профессорскому званию на кафедре. В этот момент между Герье и учеником устанавливались новые отношения, представлявшие собой своеобразный диалог более опытного историка с более молодым. Как следствие, основным в этих отношениях были не только формальные связи профессор – студент, связи служебные, но и связи неформальные, личные, где точкой сближения между учителем и учеником становилась передача различного исследовательского опыта, обмен информацией. Такое отношение учитель – ученик коренным образом

---

³³⁰ Письмо М.С. Корелина В.И. Герье от 1 января 1883 г. // Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. М., 2014. С. 484–489.

отличалось от отношений служебных профессор – студент, ибо оно не строилось по принципу строгой вертикали, хотя, конечно стоит признать, что граница между этими понятиями весьма условна.

Во-первых, потому, что Герье оставался для своих учеников представителем университета, который подбирал им вопросы для экзамена на степень магистра, а затем мог выступить и оппонентом на магистерском диспуте. И с этой точки зрения общение с Герье было для его учеников столь же обязательным, как посещение лекций и сдача экзаменов в студенческие годы. Во-вторых, потому, что близких личных отношений между оставленным на кафедре студентом и профессором в итоге могло и не сложиться, как это произошло с двумя магистрантами Герье – Н.Г. Высотским и С.Ф. Фортунатовым.

Тогда между Герье и учениками продолжал действовать те же служебные, формальные отношения профессор – студент, а не отношения учитель – ученик. И все же Герье стремился к тому, чтобы быть для учеников не только университетским куратором.

В определенный день, как правило это было воскресенье, ученики приходили в дом учителя в Гагаринском переулке, чтобы отчитаться о проделанной работе или проконсультироваться с профессором по тому или иному вопросу. Так, в одной из записок П.Н. Ардашева 1892 г. ученик Герье просил «уделить ему полчаса, для того чтобы... прийти к Вам поговорить относительно моих университетских дел. Этой просьбе я вынужден Вам утруждать вследствие того, что не мог воспользоваться Вашими обычными приемными часами в воскресенье, так как сейчас лишь приехал в Москву, которую должен оставить в конце пасхальной недели»³³¹.

Строгая отчетность вряд ли было формальной и лежала тяжелой обузой на учениках. Когда впоследствии многие ученики Герье уезжали за границу для работы в архивах, они неизменно писали письма учителю. Герье неформально относился к письмам своих учеников. Он также неизменно отвечал магистрантам, которые с нетерпением ждали его писем. Так, П.Г. Винорадов в письме к Герье

---

³³¹ НИОР РГБ. Ф.70. К. 36. Д.46. Л. 7–7об.

отмечал, что «в последнее время ежедневно обыскивает свой стол по возвращении из университета или библиотек, – не скрывается ли где-нибудь узенький конверт с известной надписью» – письмом Герье³³². Да и разницу между общением с Герье и менее склонными к личным контактам европейскими профессорами студенты Герье чувствовали очень хорошо. Так, Р.Ю. Виппер, находившийся на стажировке в Берлине, писал о профессоре Курциусе: «Он не вник хорошенько в сущность дела, какого рода моя подготовка, сколько времени в моем распоряжении и ограничился только тем, что отослал меня к источникам. Я и сам прекрасно понимаю, что без знакомства с источниками не может обойтись работа (особенно по такому вопросу, как политические учения в Греции), но разве возможно мне теперь построить свою подготовку на самостоятельном изучении источников. Когда же я кончу ее, да и как я с ней слажу без помощи исследований и пособий. Двукратная беседа с Курциусом привела меня к тому, что я решил следовать собственному плану»³³³.

Какие вопросы были предметом личного общения между Герье и его учениками? Ответить на этот вопрос можно на основании сохранившейся переписки учителя и учеников во время стажировки последних за границей. В основном предметом переписки становились проблемы утверждения темы исследования, вопросы магистерского экзамена. Характерными в этой связи являются взаимоотношения Герье с Виппером, который, по мнению его товарищей, был очень неуверенным в себе человеком и неизменно просил учителя помочь ему определиться. «Я должен только прямо сказать Вам, что темы еще не выбрал, – писал Виппер, – даже не наметил и что нахожусь в этом отношении в величайшем затруднении. Вот первое и главное, в чем я просил бы помочь мне. Хотелось бы выбрать тему, которая дала бы простор самостоятельной работе, но которая не погубила бы вместе с тем своими размерами. А вот последнее и невозможно разгадать неопытному человеку. Позвольте узнать Ваше мнение о некоторых

---

³³² Письма П.Г. Виноградова // *Цыганков Д.А.* Профессор В. И. Герье и его ученики. С. 156.

³³³ Письма Р. Ю. Виппера к Герье от 4/16 сентября 1885 г. Цит по: *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. С. 319.

темах, которые меня занимают, может быть, из них вы найдете подходящие, может быть, укажете мне сами другие в той же или иной области. Во-первых, я думал об эпохе и личности Юлиана (здесь можно было бы взять уже писателей эллинистов последней эпохи язычества). Затем я останавливаюсь на брошюрах эпохи Французской революции, я припоминаю, что Вы еще на диспуте Кареева указывали на неразработанность этого вопроса. Потом мне приходила мысль обратиться к новейшей истории и выбрать тему из истории объединения Италии. Наконец, я думал о вопросе по историографии – и тут исходным пунктом служила для меня тема, которую Вы мне предлагали для кандидатского сочинения и которую, как очень сожалею теперь, не взял – скептицизм в истории Бейля, эту тему можно было бы расширить, взять скептическое направление в XVIII веке... Вообще я с особенным интересом взял бы вопрос по историографии»³³⁴. Как известно, Герье предложил своему ученику тему, близко связанную с темой общего курса по истории Реформации – вопрос о личности Кальвина и реформации в Женеве.

Выбрав тему для магистерской диссертации, ученики Герье, как правило, вводили Владимира Ивановича в курс своих замыслов и построения работ. Так, Н. И. Кареев, занимавшийся подготовкой диссертации в Национальной библиотеке и библиотеке Св. Женевьевы в Париже и ознакомившийся с памятниками французского феодального права – кутюмами и глоссариями, изучив указы сословий депутатам Национального собрания, писал: «На основании все этого материала я и думаю написать диссертацию по истории французского крестьянства за последнюю четверть (1774–1799 гг.) XVIII века; название же этой диссертации может быть откорректировано, когда будет готова сама работа»³³⁵. Когда материал был «собран, приведен в порядок, план работы выработан, кое-что сделано», Кареев предложил «написать 7–8 глав, каждая из которых будет трактовать какой-нибудь спорный вопрос, либо отдельный хронологический период». Кареев выделил следующие вопросы: «отношение крестьян к сеньорам, отношение города

³³⁴ Письма Р.Ю. Виппера // Там же. С. 322–323.

³³⁵ Письмо Н.И. Кареева // Там же. С. 111.

и деревни, состояние земледелия и быт крестьянства, понятие о сельской буржуазии и крестьянской собственности, понятия крестьян о государственной власти, литература физиократов и реформы Людовика XVI, брошюры и указы по крестьянскому вопросу времен революции, крестьянское законодательство революции»³³⁶.

Весьма существенно советы Герье сказались на плане магистерской диссертации П.Г. Виноградова. При написании работы Виноградов планировал «идти от позднейших эпох, богатых материалом, к более ранним, где только обрывки материала, от сложившихся фактов к их зарождению и от последствий к причинам... Но в исполнении этот план оказался искусственным, – писал Виноградов, – и, как Вы заметили весной, когда я с Вами об этом говорил, чтобы привести его в исполнение, надо сначала проработать факты все-таки в естественном временном порядке и затем уже перестроить все в порядке обратном – на это нет времени»³³⁷.

Важное место, в переписке Герье с учениками занимал обмен мнениями о современной исторической литературе, выходившей в Европе. «Прочитал последние тома Тэна, относящиеся к Наполеону: насколько можно отделаться от его почти карикатурного политического идеала, опять попал под чары старого волшебника: его картины результатов революции к 1799 г. в смысле образования известных политических нравов написаны так убедительно, что на первых порах против ее уничтожающего впечатления невозможно найти противовеса. Читая последние вещи Тэна, особенно хорошо чувствуешь тот заколдованный круг, в котором мечется современная Франция, хорошо понимаешь и глубокий пессимизм людей старой школы, как Тэн, которые органически неспособны были отыскать новое вино, но могли быть оправданы тем, что его не умеет отыскать и поколение, выступившее им на смену»³³⁸.

³³⁶ НИОР РГБ. Ф.70. К.46. Д. 5. Л. 13–14.

³³⁷ Письма П.Г. Виноградова. С. 184.

³³⁸ Письмо М.С. Корелина к В. И. Герье от 25 июня 1892 г. // НИОР РГБ Ф. 70. К.38. Д. 111. Л.8.

«Новых курсов не предстоит, срочная работа не висит над головою Дамокловым мечом, нервы в полном спокойствии, потому что будущее представляется ясным и безоблачным», – писал М. С. Корелин. – Читаю разное, в том числе «Борьбу за польский престол». Думал что это нечто сухое. Почему мы, сравнительно молодые историки, почти совершенно неспособны к исторической живописи». «Молодые историки, по-моему, преувеличивают значение критики, забывая, что это не цель исторической науки, а только ее средство. Отсюда происходит и чересчур абстрактное изображение исторического процесса. Историю теперь сводят к экономическим, юридическим и политическим формам и отношениям. Живой человек исчез из новых исторических сочинений, а между тем он могучий фактор исторической жизни. Изучение одних форм и отношений не исчерпывает истории, а воссоздать живого человека прошлого нельзя без участия художественного творчества»³³⁹. Тот же Корелин сообщал Герье: «Читал вашу Катерину, очень интересно. Только я думаю, что вы поступили с ней слишком по-рыцарски, она все-таки анахронизм. Но ее образ нарисован у Вас в очень симпатичном колорите и с большой сердечностью, что подействовало даже и на меня, по натуре неспособного симпатизировать таким героиням, как Ваша».³⁴⁰

Чрезвычайно много в письмах учеников Герье личных интересных замечаний, касающихся современной культуры стран Западной Европы, своего рода путевых заметок, которых Герье неизменно требовал от своих учеников. «Вот уже несколько времени, как я, вооружившись Куглером, посещаю галерею Королевского музея, – писал Виноградов из Берлина. – Я не избалован в этом отношении, и картины, которые здесь находятся, доставляют мне истинное наслаждение, особенно картины нидерландских школ; сравнительно с италийскими они гораздо лучше представлены. Может быть, впрочем, в данном случае имеет большое значение то обстоятельство, что в идеалистическую живопись италийцев гораздо труднее вдуматься как следует, нежели в совершенно житейские мотивы, господствующие у Рембрандта и Ван Дейка. Я очень хорошо

³³⁹ Письма М.С. Корелина. С. 301.

³⁴⁰ Там же. С. 305.

знаю, что Вы не одобрите моего вкуса, Авдотья Ивановна будет им, вероятно, положительно возмущена, но примите во внимание, что я в данном случае только начинаю курс своего художественного образования; впоследствии я надеюсь представить Вам более удовлетворительный отчет»³⁴¹.

В письмах присутствуют и политические наблюдения. Так, С.А. Котляревский сообщал учителю из Мюнхена в 1899 г., что «очень интересная метаморфоза, по-видимому, совершается в социализме. Марксизм положительно не имеет над ними (немецкими социалистами – Д. Ц.) прежнего влияния, и целая часть партии, примыкающая к Бернштейну, совсем с ним порвала и предлагает бросить революционные затеи и стать реформаторами»³⁴².

Ученики Герье, как правило, с симпатией говорят о ставшей объединенной Германии, почтительны к Англии. А вот другие страны, например, Австрию и Францию особенными симпатиями не жалуют. «Удивительное государство эта Австрия, – пишет М.С. Корелин, – я прежде думал, что в России менее патриотов (кроме искусственных и официальных), чем где-либо. Вся наша литература, изящная и неизящная, занимается отчасти нашими слабостями и недостатками; в образованном обществе тоже направление. И вдруг в Австрии встречаю то же направление в несравненно более сильной степени. Переезд из ультрапатриотичной Германии еще более усиливает это впечатление...австрийский патриот такая же редкость, как и швейцарский адмирал»³⁴³.

В связи с впечатлениями от заграничной жизни иной раз возникали и мировоззренческие споры на исторические темы, которыми очень богата переписка Герье с Корелиным. Когда в 1885 г. Корелин отправился в заграничную командировку, первой страной на пути его следования была Германия. Герье с симпатией относился к объединенной Германии как к государству, с уважением к

³⁴¹ Письма П.Г. Виноградова. С. 159.

³⁴² НИОР РГБ. Ф.70. К. 45. Д. 62. Л. 7.

³⁴³ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 525–526. Оригинал: НИОР РГБ. Ф.70. К. 45. Д.16. Л. 46.

трудам немецких историков. Корелин подвергал критике некоторые стороны научной жизни Германии.

«Берлинские профессора, – писал Корелин, – могут быть сведены к трем типам: 1. старики – «настоящие ученые, идеалисты, относящиеся к своему делу с любовью, почти с религиозным благоговением, которые хотят воспитать в своих слушателях беспредельное почтение к науке и любовь к истине», 2. ученые–публицисты, «созданные последними победами, которые стараются возбуждать в слушателях шовинистический патриотизм невысокого качества и проповедают взамен прежнего немецкого романтического идеализма самый противный политический материализм, 3. позитивисты на немецкой почве – «его сущность мне не совсем ясна»³⁴⁴.

Герье, которого подобная классификация несомненно заинтересовала, отвечал: «Ваши берлинскими впечатлениями я не совсем доволен. Я очень рад, что вам понравился Целлер – рад потому что это воспоминания юности... Ваш взгляд на Трейчке, Козера и Дельбрюка я не разделяю. Я, конечно, не могу судить об их лекциях. Но я знаю их отношение к науке и их направление нельзя назвать шовинизмом и политическим материализмом. Их направление не создано подвигами 1866–71 гг. и скорее можно сказать, что это направление было не без влияния на эти подвиги и политические результаты. Это направление коренится гораздо глубже, чем воспоминания о франко-прусской войне, и восходит в самое основание Берлинского университета и политическое возрождение Германии. Как великое одушевление идей, так и этот процесс был понятен и эксплуатируем материалистами, но я не думаю, чтобы подобный упрек был справедлив именно по отношению к названным лицам. Я понимаю, что Вам трудно войти в эту сферу идей и интересов, но это, тем не менее желательно. Для историка, как и для путешественника, безусловно, необходима способность вживаться в условия и интересы изучаемых народов, чтобы правильно понять свой предмет. И немцы потому и разрабатывают так успешно всеобщую историю, что они сравнительно

---

³⁴⁴ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 525–526. НИОР РГБ. Ф.70. К. 45. Д. 16. Л. 9 об.

легко вживаются в чуждый им мир. Я неоднократно замечал, что наш обыкновенный путешественник и часто путешествующие с научной целью дают себе слишком мало труда, чтобы войти в быт или явление, которое должно быть им антисимпатично и вследствие этого не извлекают всей пользы из своего путешествия».³⁴⁵ Корелин отвечал Герье: «...мне не совсем ясно, что значит «вжиться в условия и интересы изучаемых народов». Значит ли это понять психологическую основу их интересов и их историческое происхождение и причины их необходимости в данное время? Или это значит войти в жизнь народа, проникнуться его интересами, радоваться его радостям и страдать от горя – словом, из зрителя сделаться актером...Я лично думаю, что вжиться значит только понять и что другое вживание в событие, в эпоху не принесет особенной пользы историку. И Мишле, и Блан, и Тэн вживались в события, но мои симпатии на стороне Токвиля, который наблюдал и понимал, я стараюсь это делать...Немецкая жизнь достойна внушить уважение главным образом двумя своими сторонами: 1. Глубоким уважением к науке, пониманием ее общественной важности, которое здесь чувствуются на каждом шагу, которое вошло в общественное сознание...2. Безустанной и неуклонной культурной работой, которая тоже чувствуется повсюду. Здесь настоящий культ культуры, если можно так выразиться»³⁴⁶.

Определенный материал для сравнительной характеристики лекционных и семинарских занятий в России и Германии содержится в письмах из Берлина Виноградова. Первоначально русский студент был несколько разочарован: «Я должен сознаться, что от лекций немецких профессоров я ожидал большего по отношению к содержанию, не говоря уже о форме»³⁴⁷. Из всех берлинских профессоров: Трейчке, читавшего о новых открытиях и изобретениях и подробно описывающего путешествие Колумба; Бруннера, говорившего о раннем средневековье, но исходя из предположения, что «слушатели ровным счетом ничего не знают»; Курциуса (история Греции), не умеющего, по мнению

³⁴⁵ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 527–528. ЦГА г. Москвы. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 28. Л. 11–14.

³⁴⁶ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 530–533. НИОР РГБ. Ф.70. К.45. Д. 16. Л. 10–11 об.

³⁴⁷ Письма П.Г. Виноградова. С. 151.

Виноградова, выделить важность сообщаемых им специальных сведений, – Виноградов выделял Моммзена. «Уже читая сочинения Моммзена, проникаешься уважением и удивлением к этому человеку, который в такой высокой степени обладает всеми главными качествами историка: невероятной эрудицией, редкой силой обобщения и исторической конструкции, наконец, художественным талантом описания и характеристики. Но это уважение и удивление возросли во мне почти до степени суеверного чувства, когда вместо мертвых книг я встретился лицом к лицу с самим Моммзеном, когда я на первом семинарии увидел самый процесс его ученой работы. Какая у Моммзена характеристичная наружность. Как контрастируют острые черты лица с тихой, спокойной речью, с простотой и непритязательностью манеры. Видно, что долгие годы служения истине наложили свою печать равновесия и спокойствия даже на эту смелую, режущую натуру», – сообщал Виноградов³⁴⁸.

Впрочем, модель семинара Моммзена Виноградова удивила: «Он взял небольшую неизданную надпись, заключающую в себе «Cursus honorum» некоего М. Валерия Мессалы, почти совершенно неизвестного, и эта надпись в его руках превратилась в целый родник исторических сведений. Вот тут я увидел, что для таких людей, как Моммзен, не существует слишком специальных и мелких вопросов. Всякий осколок прошедшего есть, если можно так выразиться, исторический микрокосм, в котором отражаются и соединяются великие всемирно-исторические силы. Все дело в том, что слишком немногим известно чудотворное: «Сезам, отворись»³⁴⁹.

Виноградов долгое время находится под чарами Моммзена. И все же, когда приходит его очередь делать доклад на семинаре, он, судя по всему, вносит в творческий процесс те методы взаимоотношений между профессором и студентом, которые были ему известны по семинарам Герье – дискуссию.

---

³⁴⁸ Там же. С. 152.

³⁴⁹ Там же. С. 153–154.

Виноградов сделал в семинарии Моммзена доклад о биографии одного из римских поэтов – Мессалы Корвина. Моммзен похвалил доклад Виноградова, отметив хорошее знакомство русского студента с римскими поэтами «вообще». Однако сами тонкости решения некоторых источниковедческих проблем Виноградовым, детали его реконструкции биографии Мессаллы Корвина, вызвали у Моммзена возражения. Дело было в том, что в распоряжении историков было четыре свидетельства, по-разному интерпретирующих даты рождения и смерти поэта. Моммзен, не согласившись с мнением Виноградова, предложил свою версию. Однако «его решение, – пишет Виноградов о Моммзене, – еще менее возможно, нежели мое собственное, и поэтому я, к великому удивлению немецких студентов и к великому удовольствию самого Моммзена, вступил с ним в спор в надежде, что, занимаясь целый месяц специальным вопросом, которым он занимался, может быть, два часа, я собрал достаточно сведений, чтобы помериться с ним в пределах моей ограниченной области... Моммзена, видимо, забавляло мое энергичное сопротивление, и он вел себя так любезно в течение всего спора, продолжавшегося около трех часов, что у меня совершенно развязался язык: потом студенты говорили мне комплименты, а за глаза негодовали на то, что я недостаточно уважаю Моммзена и слишком самонадеянно против него возражал... Я думаю, что и Вы порадуетесь, что Ваш ученик не ударил лицом в грязь»³⁵⁰.

Имеются отзывы учеников Герье о французской исторической науке. М.С. Корелин сообщал учителю, что ему не нравится «общий характер здешней науки (говорю только о нашей отрасли): очень уж она карикатурна, чтобы не сказать фельетонна... Во Франции посредственность только болтает, да и крупные таланты вроде Тэна и даже Куланжа сильно страдают недостатком всесторонней объективности, что, по-моему, в значительной степени зависит от отсутствия строгой научной системы»³⁵¹.

---

³⁵⁰ Там же. С. 157.

³⁵¹ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 571. НИОР РГБ Ф. 70. К. 45. Д. 16. Л. 51.

Кроме теоретических и мировоззренческих вопросов, оценки уровня западноевропейской науки, в частных письмах между учителем и учениками решались и более приземленные вещи. Количество глав и листаж предполагаемой работы, возможность ее напечатания за казенный счет в университетской типографии или в журнале Министерства народного просвещения. Эти прагматические вопросы были чрезвычайно важны, поскольку сразу после приезда домой учеников Герье, ждала защита диссертации.

Как правило, после защиты магистрант читал специальные курсы на кафедре. После этого, если оказывалось свободное штатное место, то оставался на кафедре в Московском университете (Виноградов, Корелин, Котляревский), либо уезжали преподавать в другие российские университеты (Кареев, Виппер, Ардашев, Щепкин).

Проблема получения учениками Герье кафедры в университетах, просьбы о положительной рекомендации, составляли существенную часть профессионально-бытового общения. И надо сказать, что Герье чрезвычайно много помогал ученикам, пытался оставить их при кафедре в университете, с помощью личных связей провести свои кандидатуры в тех университетах, где его ученики спорили за вакансии с представителями других школ. Хлопотал о назначении своим ученикам премий за их работы.

В итоге Герье очень часто выступал не только в роли наставника, учителя, но и как глава профессиональной корпорации, поддерживал социальные связи между разбросанными по университетским городам учениками, решал спорные проблемы во взаимоотношениях между ними.

В целом можно согласиться с мнением Т.Н. Ивановой и Г.П. Мягкова, что «особое значение в формировании школы (имеется в виду школа В. И. Герье – Д.Ц.) играли культивируемые её лидером индивидуальные методы наставничества. Герье создал определенный *алгоритм* подготовки ученых, «структура» которого включала: *фазу селекции* (отбора), *фазу протекции*, обеспеченную всесторонней (моральной и материальной) опекой избранных, *фазу установления тесного*

личного контакта вплоть до «введения» ученика в семью профессора. Важнейшей фазой являлось собственно научное руководство на всех этапах «роста» ученика от определения им научного интереса, осуществления первых исследований (медального, кандидатского), подготовки к магистерскому экзамену и выбора темы диссертации – до магистерского диспута. С особым тактом Герье осуществлял действенный контроль за ходом заграничной командировки, сбором материала, за написанием текста диссертации. Необычным было то, что и после защиты диссертации он продолжал опекать ученика, подыскивая ему место в одном из российских университетов, давая советы по подготовке первых лекций и семинаров, оказывая помощь и поддержку в подготовке докторской диссертации»³⁵².

Герье – организатор системы подготовки историков в Московском университете и крупный университетский педагог. Он один из создателей не вполне устойчивой профессиональной группы – сообщества московских историков (в литературе это объединение часто называется школой Герье). Школа Герье, это не только школа семинаров, где шлифовалась работа с источниками, но и сам характер преподавания, характерной чертой которого является постоянное общение учителя и ученика, придание проблемности и общественной значимости специальной работе историка, что накладывало определенный отпечаток в выборе тем и постановки проблем исследования у учеников Герье.

Герье к началу 1880-х гг. сформировал систему подготовки научной смены в Московском университете. Она включал в себя несколько этапов: оставление на кафедре, сдачу магистерских экзаменов, заграничную стажировку, подготовку диссертаций и их защиту, вхождение в корпорацию Московского или других университетов. После сдачи магистерских экзаменов ученики Герье становились приват-доцентами университета, магистерская степень давала надежду на профессорскую вакансию не в столичном университете.

---

³⁵² *Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* Школа В.И. Герье: Основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 176–177.

Герье оставил для подготовки к профессорскому званию четырех студентов в период с 1865 до 1884 и 13 – после 1884 (Герье написал 8 прошений об оставлении лично, 2 – вместе с М.С. Корелиным, 1 – вместе с М.С. Корелиным и П.Г. Виноградовым; 1 – вместе с Н.А. Поповым, в некоторых случаях прошение об оставлении нами не найдено). Как правило, всегда причиной оставления на кафедре для Герье было активное участие студента в семинарской работе. Профессор благодаря участию студентов в семинарах во время обучения лично знал всех оставляемых студентов и, как правило, хотел видеть их в качестве своих учеников. Все магистранты Герье, оставленные в период с 1863 по 1884 гг., сдали магистерские экзамены, двое из них (Кареев и Виноградов) защитили сначала магистерские, а потом докторские диссертации. Виноградов стал профессором Московского университета, Кареев – сначала Варшавского, а затем – Санкт-Петербургского университетов.

Из представленных Герье к оставлению после 1884 года один магистрант фактически отказался проходить обучение в университете, получив назначение в системе МИД (князь Петр Волконский). Один магистрант – А.А. Кудрявцев (оставленный совместно с Поповым), подававший большие надежды и бывший талантливым публицистом, преждевременно скончался. Не приступили к сдаче экзаменов – В.Ф. Татаринов (оставлен в 1887 г. лично Герье) и И.И. Шитц (оставлен в 1898 г. совместно с Виноградовым и Корелиным). Все остальные магистранты, оставленные Герье, барьер магистерских экзаменов минули: М.С. Корелин (оставлен в 1881 г.), И.И. Иванов (оставлен в 1887 г.), П.Н. Ардашев (оставлен в 1889 г.), С.А. Котляревский (оставлен в 1898 г.), В.С. Протопопов (1904), Н.И. Радциг (1902), В.Ф. Эрн (1904). Больше всего времени для сдачи экзаменов понадобилось К.Н. Успенскому (более 10 лет; оставлен совместно с М.С. Корелиным). Все остальные магистранты сдавали экзамены в течение 3–4 лет после окончания университета. Эрн от занятий историей обратился к философским исследованиям.

Все ученики Герье, прошедшие магистерские испытания, читали пробные лекции для получения должностей приват-доцентов. Только Радциг не сумел

преодолеть этот барьер, а потому не получил звание приват-доцента. Протопопов, получив разрешение на преподавание, в связи с событиями 1911 г. от чтения лекций в Московском университете уклонился (погиб на Первой мировой войне). Ардашев в начале своей карьеры стал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Все остальные ученики Герье служили приват-доцентами Московского университета. Иванов, Ардашев, Котляревский защитили сначала магистерские, а потом докторские диссертации. Корелин получил докторскую степень, минуя магистерскую. Корелин и Иванов стали профессорами кафедры всеобщей истории Московского университета. Котляревский, кроме двух исторических диссертаций, защитил еще две диссертации по юриспруденции, после чего получил должность профессора кафедры международного права юридического факультета Московского университета. Ардашев стал профессором Киевского университета.

Еще два ученика Герье, которых он не оставлял для подготовки в университете, – Е.Н. Щепкин и Р.Ю. Виппер – самостоятельно подготовились к магистерским экзаменам (это заняло у них более 10 лет), также стали приват-доцентами университета и защитили в университете только одну диссертацию. Р.Ю. Виппер сразу стал доктором, минуя магистра, что привело его в итоге на профессорскую должность в Московском университете после непродолжительного срока работы в Новороссийском университете. Щепкин, защитив только магистерскую диссертацию, стал профессором Новороссийского университета.

Большое количество учеников Герье в профессиональной науке заставляет нас более пристально посмотреть на характер его взаимодействия с учениками. Ученики Герье, ставшие приват-доцентами и профессорами-историками в Московском университете, будут рассматриваться в соответствующих главах нашей работы. Ниже мы остановимся на тех учениках Герье, которые приват-доцентами и профессорами в Москве не стали.

***

Николай Григорьевич Высотский³⁵³ окончил историко-филологический факультет Московского университета с золотой медалью в 1867 г. Это означает, что вместе с И.А. Лебедевым³⁵⁴ это были те студенты, которые увидели Герье в университете как преподавателя-дебютанта в 1865 г. Следовательно, когда молодой доцент пытался оставить их в университете, то его система подготовки магистрантов не сложилась. Впрочем, случай с Высотским показывает, что с самого начала преподавательской карьеры Герье интересовали сильные студенты. Высотский привлек его тем, что сумел написать медальное сочинение, отмеченное комиссией. В 1872 г. Николай Григорьевич за казенный счет с выплатой 1500 р. годовых был отправлен за границу, где находился до 1874 г.³⁵⁵ Вернувшись домой, он сдал магистерский экзамен, о котором в кругу учеников Герье еще долго вспоминали как о чем-то провальном. «До меня у Герье держали экзамен оставленные им при университете Высоккий и Фортунатов. Об экзамене первого Герье говорил довольно пренебрежительно, что меня несколько тревожило (как бы самому не сплеховать)», – вспоминал Кареев³⁵⁶.

Диссертации Высотский так и не защитил. Устроившись на бюрократическую должность в Московском учебном округе, он неоднократно помогал ученикам Герье по разным вопросам. В письме от 27 июля 1881 г. Корелин писал Герье: «Сведения об оставленных при университете сообщил мне Высотский, с которым я познакомился здесь на даче и очень изумился, как быстро сумел он освободиться от научных интересов до такой степени, что по его разговорам не только нельзя заключить, что он держал магистерский экзамен, но даже и не сразу догадаешься, что имеешь дело с кандидатом»³⁵⁷.

³⁵³ Очень часто фамилия передается как Высоккий. Для генеалогов вопрос о происхождении фамилии и ее правильном написании сложен.

³⁵⁴ Будущий многолетний глава московских городских училищ, член московской городской думы, поддержавший Герье в 1904 г. и выступивший против присоединения к требованиям съезда земцев-конституционалистов, гласный МГД.

³⁵⁵ Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1872 г. апрель – май. М., 1873. С. 21.

³⁵⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 138–139.

³⁵⁷ Письма М.С. Корелина. С. 219.

В июне 1892 г. тот же Корелин записал в дневнике: «Скандал в Округе: Высоцкого выгнали, говорят, за взятки, и назначили директором в Ярославль».

Карьера Николая Григорьевича в системе среднего образования сложилась. Он стал действительным тайным советником, директором гимназии в Ярославле, а затем – в Туле (с 1906 г.), участвовал в обсуждении реформ гимназии на рубеже веков. От брака с Александрой Александровной Атрыганьевой, которая была выпускницей Женевской консерватории, он имел двоих детей: сына Николая (гимназический учитель, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета) и дочь – Ольгу³⁵⁸.

Первым учеником Герье, защитившим магистерскую диссертацию, стал Н.И. Кареев. Динамика взаимоотношений между Герье и Кареевым показывает характер подхода Герье к тем из своих учеников, с которыми у него существовало полное мировоззренческое непонимание³⁵⁹.

Кареев был выпускником первой московской классической гимназии, где учился вместе с сыном профессора университета и будущим философом Владимиром Соловьевым. Уже годы, проведенные в гимназии, стали для Кареева определенными умственными университетами: он много читал современную литературную и философскую публицистику, имел собственное отношение ко многим проблемам литературной и общественной жизни.

В университете Кареев (студент в 1869–1873 гг.) поначалу не интересовался историей, а на третьем курсе склонялся к славяно-русскому отделению и Ф.И. Буслаеву как научному руководителю. Однако под влиянием лекций и семинаров Герье, на четвертом курсе Кареев выбрал историческое отделение. «Я поступил на факультет с интересами лингвиста и филолога, фольклориста, – вспоминал Кареев. – Под действием лекций Герье, его рекомендации, я втянулся в занятия историей.

³⁵⁸ Высотская Ольга Николаевна (1885–1966), литературный и театральный деятель, актриса театра В. Мейерхольда. Мать Ореста Высотского, отцом которого был поэт Н. Гумилев. Генеалогические подробности см. <http://wysocki.nsknet.ru/razdely-sajta/vysotskie>. Дата запроса 14.02.2014.

³⁵⁹ Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: К истории их взаимоотношений // Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837–1919). Материалы научной конференции. Москва, 18–19 мая 2007. г. М., 2007. С. 32–43.

Да, окончательным выбором специальности, я обязан В. И. Герье, и это произошло не под влиянием его, как человека, как личности, а как ученого и учителя»³⁶⁰. Кареев отмечал «очень систематичный и содержательный курс западноевропейской истории от конца Римской империи до Французской революции» и лучшую постановку семинарских занятий на факультете³⁶¹.

Герье предложил Карееву писать магистерскую диссертацию, посвященную Эразму Роттердамскому. Кареев отказался – его привлекали вопросы социальной истории, особенно французского крестьянства. Во многом интерес к подобной тематике Кареев вынес из семинара Герье, где читался «Старый порядок и революция» Токвиля и «знаменитое «Путешествие по Франции» Артура Юнга»³⁶².

В семинаре у Герье Кареев занимался изучением крестьянского вопроса накануне Французской революции. Кандидатская работа Кареева о крестьянах во Франции в переделанном виде вышла в виде «Очерка истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 года»³⁶³. В ней Кареев не ограничился лишь изучением юридических терминов, применяемых к крестьянам, а исследовал реальное положение дел в крестьянской экономике, придя к выводу, что внутри самого крестьянства существовало значительное расслоение.

Герье, по-видимому, понравилась работа студента, и он рекомендовал Карееву остаться у него для подготовки к профессорскому званию. «Что вы намерены делать по окончании курса»? – спросил Герье Кареева после последнего экзамена. «Готовиться к магистерскому экзамену по всеобщей истории или философии», – отвечал тот³⁶⁴. Герье предложил Карееву историю. Для студента это было неожиданным, поскольку, как объяснял он сам, «у меня с Герье до того времени (да и после) были не совсем гладкие отношения. Он знал некоторые мои

³⁶⁰ Кареев Н.И. Памяти двух историков // *Анналы*. 1922. № 1. С. 156.

³⁶¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С.120.

³⁶² Кареев Н.И. Памяти двух историков. С. 160.

³⁶³ Кареев Н.И. Очерк истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 г. Варшава, 1881.

³⁶⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 121.

философские мысли, которым он вообще не симпатизировал: тем более я почувствовал уважение к его научной терпимости»³⁶⁵.

Стремясь получить в ученики талантливую студента, о способностях которого было хорошо известно, Герье закрывал глаза на сложность характера и мировоззренческие расхождения, делая первые шаги навстречу. Это хорошо понимал сам Кареев, но уже в более зрелые годы: «Я с ним познакомился осенью 1870 года, явившись на его приглашение студентам приходить к нему в какой-то день. Как-то все у меня выходило с ним невпопад. Он только что прожил долго в Германии, был настроен в духе тогдашних национал-либералов и очень сочувствовал объединению Германии, а потому стоял на ее стороне во время войны 1870 г., а я стал говорить ему о своем сочувствии французам, вызвав целую лекцию по истории борьбы на берегах Рейна. Я еще не знал, что Герье очень отрицательно отнесся в печати к Боклю и, как нарочно, заявил о своем восторге перед ним, и был как бы облит холодной водой, когда и тут попал впросак. Политическое мирозерцание его и мое было весьма вообще различным, его – консервативным, а во мне был юношеский радикализм, хотя его в разговорах с Герье и проявлял во всей полноте. То же было и в отношении к философии, в которой он был последователем немецкого идеализма, а я был за англо-французский позитивизм. К тому же характер у Владимира Ивановича был трудный, а я, признаюсь, не всегда был тактичен в сношениях с ним и знал стороной, что он бывал этим недоволен. Не всегда в его семинарии я решался вступать в прения, нередко не чувствуя себя достаточно сильным в том или другом вопросе, а ему это казалось равнодушием с моей стороны к занятиям...»³⁶⁶

После того как Кареев сдал магистерские экзамены, он отправился на стажировку в Европу. В отличие от большинства других учеников Герье, которые прежде всего будут интересоваться немецкими университетами, Кареев местом пребывания избрал Париж. В мае 1878 г., когда его занятия в Париже подходили к

³⁶⁵ Кареев Н.И. Памяти двух историков. С. 156.

³⁶⁶ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. С. 132.

концу, Кареев получил от Герье письмо с предложением прочесть курс в Московском университете и известием о назначении «сторонним преподавателем». Кареев был счастлив: «Известие об избрании моем в преподаватели истории в Московском университете я прочитал в письме Вашем с живейшею радостью, Вам, конечно, совершенно понятною. Для меня это было неожиданностью. Правда, накануне я получил от одного московского приятеля письмо, в котором он сообщал мне в виде слуха о сделанном Вами на факультете представлении меня в сторонние преподаватели, но и самый слух этот, по своей для меня неожиданности, был оставлен мною без особенного внимания. Само собою, разумеется, у меня не возникало даже вопроса, принять или не принять это предложение, потому что я лучшего ничего не мог и представить, а диссертация моя, сильно подвинувшаяся вперед, как я писал Вам несколько дней тому назад, позволит мне подготовиться к курсу: я только в том случае должен был бы отказаться от предложенной мне чести, если бы не считал возможным подготовиться к делу, на которое меня зовут, а теперь, повторяю, я рассчитываю окончить здесь вчерне свою диссертацию, так что по возвращении в Москву мне останется только приступить к отделке набело и одновременно с этим к печатанию. Значит, время будет, да и, во всяком случае, плата, предложенная университетом, позволит мне иметь более досуга, нежели я имел бы его с частными уроками. В затруднение я был поставлен только выбором курса из двух предложенных Вами. По некоторому, так сказать, суеверию я привык слушаться голоса первого, непосредственного впечатления, а в данном случае мне ближе с первого раза понравился план чтения истории XIX века, и он, нужно сказать, даже завладел моим воображением более, нежели XVIII в. в Германии и Англии. Мне кажется, что я займусь этим предметом с большею охотою, а потому и с большим успехом. Я думал было стать на другую точку зрения, рассмотреть вопрос со стороны большей обработки истории прошлого века, которая позволит, быть может, употребить менее времени на составление курса и даст возможность стройнее его обработать, но в пользу истории XIX века явилось то соображение, что со стороны стройности курса он предоставляет более удобств, так как здесь связь событий

дана самими событиями, тогда как Англию и Германию прошлого века пришлось бы связывать более искусственным образом; с другой стороны, т.е. со стороны большей обработки истории XVIII века я смотрю на дело так, что возможно остановиться на одном только отделе XIX века, что в случае надобности облегчило бы дело. Я даже, как-то с первой мысли о такой комбинации и отдел облюбовал: это период с конца периода полного могущества первой империи до 30-го года, т.е. второе и третье десятилетие нынешнего века. Я очень был бы рад, если бы Вы одобрили мой выбор. По крайней мере, таков он на другой день после получения письма Вашего, и я не предвижу лично для себя никаких побуждений остановиться на другом предмете. Так как Вы сами подали мысль о XIX веке, то я рассчитываю на Ваше согласие, а так как курс должен быть специальный, то мне кажется, Вы ободрите намерение мое ограничиться одним только отделом века, потому что в случае надобности всегда можно дать студентам Лоренца, по которому они познакомятся с историей двадцатипятилетия, последовавшего за 30 годом. Жду от Вас ответа по этому делу, и на всякий случай предупреждаю Вас, что если бы Вы теперь все же пожелали знать, какую программу по курсу XVIII века я мог бы представить, вместо истории 1810–30 гг., то я не знаю, когда бы я был в состоянии ответить на подобный вопрос с Вашей стороны: при двух лекциях в неделю я буду иметь в своем распоряжении около 50 лекций, и я положительно затрудняюсь расположением такого обширного материала, как эпоха Георгов, возвышение Пруссии, семилетняя война и Американская революция, Фридрих II и Иосиф II и т.д.; опять пришлось бы останавливаться либо на каком-нибудь отделе, либо на какой-нибудь сфере. Во всяком случае, я рассчитываю на Ваш ответ в скором времени, хотя, к сожалению, до 7 мая старого стиля я не успею прислать Вам новое письмо в ответ на Ваше. Хорошо было бы, если бы Вы 7 мая заявили на факультете, что предложенный Вами мне курс будет о XIX веке»³⁶⁷.

Однако скоро между учителем и учеником отношения испортились. Причиной стала защита диссертации. Об этом Кареев писал П.Л. Лаврову: «Главный мой оппонент – проф. Герье. Он не особенно доволен моей диссертацией

---

³⁶⁷ Письма Н.И. Кареева. С. 117–119.

«со стороны предвзятых мыслей, которые де повлияли на метод», но тем не менее он «пропускает диссертацию». Только у него есть интерес тянуть дело: едва ли ему хочется видеть меня штатным доцентом в Москве, и можно удобно затянуть дело до весны, когда поздно будет решать вопрос о кафедре, а осенью будет предоставлена диссертация другим магистрантом по всеобщей истории, которому Герье покровительствует, и можно будет посредством него оттеснить меня, если только факультет не поставит иметь две доцентуры по всеобщей истории. Вторым оппонентом назначили Чупрова, потом Герье передумал на С.М. Соловьева, но тот уехал в Петербург читать лекции двум великим князьям и тогда решили П. Г. Виноградова»³⁶⁸.

Защита состоялась 21 марта 1879 г. в 2 часа дня в актовом зале Университета³⁶⁹. Герье во время публичной защиты указал Карееву на недостаточную обработку источников, что делало работу с модным и красивым фасадом, недостаточно укорененной в фундаменте³⁷⁰. По мнению Кареева, Герье говорил слишком придирчиво и мелко. Так же выступил Виноградов. От публики магистранта похвалил М.М. Ковалевский, лично хорошо знакомый Карееву. Факультет единогласно проголосовал за утверждение Кареева в степени. Но Кареев был уязвлен позицией Герье. Между нами «пробежала самая большая черная кошка», – вспоминал он впоследствии. «Мы даже перестали видеться»³⁷¹.

Однако, спустя некоторое время, Кареев был уверен, что даже в той ситуации Герье продолжал рекомендовать его в Варшаву, где он получил экстраординарное профессорство. Разрыв в отношениях продолжался до 1883 г., когда Кареев принял решение защищать докторскую диссертацию в Московском университете и обратился с этой просьбой к Герье: «Желая подвергнуть свой труд суду ученой критики...и лично Вас, как человека, занимавшегося историко-философскими

³⁶⁸ Это письмо Кареева к Лаврову введены в научный оборот в статьях В.А. Филимонова и В.П. Золотарева см.: *Филимонов В.А.* Н.И. Кареев и В.И. Герье: Опыт реконструкции межличностных коммуникаций // *История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье.* М., 2008. С. 176; *Золотарев В.П.* В.И. Герье и Н.И. Кареев: К истории взаимоотношений // Там же. С. 159.

³⁶⁹ См.: *Золотарев В.П.* Указ. соч. С. 159.

³⁷⁰ *Золотарев В. П.* Указ. соч. С. 159.

³⁷¹ *Кареев Н.И.* Памяти двух историков... С 163.

вопросами и вообще философией... предпочитаю защищать диссертацию в Москве»³⁷².

При личной встрече в Москве Герье дал положительный ответ. Как писал Кареев Корелину: «долго Герье пришлось ждать, но дождался. В свидании нашем не было особой сердечности, но, к счастью, не было и натянутости; о диссертации разговору почти не было, а из его мнения только два кончика показались: он нашел, что у меня масса материала и много новых книжек рассмотрено, да еще он спросил меня, неужели я постоянно следил за научными статьями в журналах»³⁷³.

В результате между историками завязалась личная переписка. Кареев выслал Герье под бандеролью свои работы последних лет и просил учителя прислать статью о Мабли, а также достать ему магистерскую работу Герье о борьбе за польский престол, поскольку в это время Кареев специально занимался вопросами польской истории³⁷⁴. В итоге Кареев защитил докторскую диссертацию в Москве 24 марта 1884 г., и между профессорами двух столичных университетов – петербургского и московского завязалось многолетнее сотрудничество.

Кареев после получения докторства переехал из Варшавы в Петербург, где сначала был профессором Александровского Лицея, а с начала учебного 1885–1886 г. стал преподавать в университете.

Как профессор университета, Кареев привнес в новую для себя среду традиции Грановского. В брошюрке «Выбор факультета»³⁷⁵, обращенной к гимназистам, определяющим будущее, историк подчеркивал такую важную деталь университетского образования: «учеными в университете делаются немногие, но образованными должны будут сделаться все»³⁷⁶. Историческое знание, по мнению Кареева, способствовало общей образованности личности («понимание исторического развития»), ее моральному и политическому воспитанию.

³⁷² НИОР РГБ. Ф.70. К. 46. Д. 6. Л 1–1 об.

³⁷³ ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 2. Л. 117. Введено в научный оборот В.П. Золотаревым.

³⁷⁴ НИОР РГБ. Ф. 70. К.46. Д.6. Л. 7–8.

³⁷⁵ Кареев Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса. СПб., 1905.

³⁷⁶ Там же. С. 6.

Выработку всемирно-исторической точки зрения Кареев считал нравственной обязанностью гражданина.

Кареев в целом очень внимательно относился к нуждам студентов и студенческому движению. Как вспоминал сам Николай Иванович, «в университетские годовщины» он «был в числе немногих, регулярно приглашавшихся на студенческие чаепития»³⁷⁷.

Во время студенческих волнений рубежа веков Кареев стремился смягчить удары по молодежи со стороны администрации. По предложению Н.И. Кареева, Совет Петербургского университета принял предложение «о смягчении или снятии наказания, наложенных на студентов в связи с волнениями» от 17 февраля 1899 г.³⁷⁸.

Вместе с другими профессорами столичного университета Кареев подписался под прошением Н.Н. Бекетова от 18 февраля 1899 г. на имя министра народного просвещения о том, чтобы «вместо полицейского воздействия на студентов предоставить советам профессоров обсудить меры к успокоению молодежи»³⁷⁹. Подпись Кареева была в числе 99 общественных деятелей, обратившихся к министру внутренних дел с требованием отмены «Временных правил» и суда над виновными в избиении студенческой демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 г.³⁸⁰ Занятая Кареевым позиция привела к тому, что в 1899 году его уволили из Петербургского университета³⁸¹. Вне университета Кареева находился 7 лет³⁸². В 1906 году он вернулся к преподаванию.

С первых лет преподавания в университете Кареев стал приобретать учеников, в будущем крупных историков: А.М. Ону, П.П. Митрофанова и В.А. Бутенко. Однако более плодотворными в деле воспитания будущих исследователей стало для Кареева время его второго профессорства в

³⁷⁷ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 194.

³⁷⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1040.

³⁷⁹ Там же. Ф. 733. Оп. 151. Д. 45. Л. 84–85.

³⁸⁰ Там же. Ф. 733. Д. 243. Л. 20–23, Л. 148–150.

³⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8732. Л. 1.

³⁸² РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 92. – Л. 26.

Петербургском университете (с 1906 г.). В эти годы он организовал практические занятия по теме экономических требований во французских наказах 1789 г. По словам Кареева, его семинарий проходил успешно. Среди успешных учеников Кареев отмечал Е.Н. Петрова, И.Л. Попова, В.В. Бирюкевича, С.В. Казанского и др.

Став профессором в Петербурге, Кареев не порывал связи с учителем – Герье. Герье и Кареев совместно отстаивали часы, отводимые на Новую историю по новой учебной программе, принятой после введения устава 1884 г.³⁸³

Вполне возможно, что идея создания исторического общества при Московском университете возникла у Герье после того, как он ознакомился с опытом создания такого же общества при Петербургском университете, которое было основано Кареевым и куда ученик пригласил учителя.

Кареев сотрудничал с Герье как редактор отдела всеобщей истории в словарь Брокгауза и Ефрона³⁸⁴. Очень сложный, но не исследованный вопрос – взаимоотношения учителя и ученика в период революционных потрясений, когда они оказались в разных партиях: Кареев – у кадетов, Герье – у октябристов. Сказалось ли это на личных отношениях – непонятно, но переписка возобновилась лишь 1912 г.

Считал ли Кареев себя учеником Герье, и в чем заключалось влияние Герье на становление Кареева как историка? Сам Кареев следующим образом отвечал на этот вопрос: «Не знаю, считал ли он меня своим учеником, но я всегда признавал его своим учителем. Если я сделался историком, то под влиянием его преподавания».³⁸⁵ Признавал Кареев и свою зависимость от Герье в плане избрания предмета исследования. Так, в докладе в одном из парижских научных центров Кареев говорил о том, что постановка проблемы изучения истории Французской революции в России принадлежит Герье: «Честь инициатора в изучении у нас Французской революции принадлежит В. Герье, профессору Московского

³⁸³ НИОР РГБ. Ф.70. К. 46. Д. 6 Л. 11–12.

³⁸⁴ Филимонов насчитал в словаре 12 статей Герье. *Филимонов В.А.* Указ. соч. С. 182.

³⁸⁵ *Кареев Н.И.* Памяти двух историков. С.156.

университета, труды которого о Французской революции способствовали тому, что некоторые молодые русские ученые стали изучать французские архивы»³⁸⁶. Свой интерес к проблемам философии истории Кареев также объясняет воздействием учителя: «Я ... поторопился приобрести и прочесть его небольшую книжку «Очерк развития исторической науки», впервые, введшую меня в область историко-философских интересов, и вообще впоследствии большею частью читал все, что выходило из-под пера Герье».³⁸⁷

При изучении творчества Кареева и сопоставлении его трудов с работами Герье можно указать на три перекликающиеся темы у этих историков: Французская революция, проблемы философии истории, русско-польские отношения.

Надо сказать, что Кареев по сравнению с временами молодости очень трепетно относился к Герье лично. Когда Николай Иванович узнал, что его сын – Константин подписал в конце 1904 г. так называемый адрес наоборот, в котором студенты Московского университета просили Герье покинуть стены Московского университета, то отец попросил сына извиниться. Константин Кареев написал письмо Герье: «Многоуважаемый Владимир Иванович! В декабре прошлого 1904 года мои товарищи, студенты историко-филологического факультета, составили обращение к Вам, в котором выражали пожелание не видеть Вас далее в стенах Московского университета. Среди подписей была и моя подпись. Причиной, побудившей нас составить и подписать это обращение, был Ваш отказ от присоединения к мнению большинства Московской Думы. Я считаю себя еще слишком молодым, взгляды мои еще не определились окончательно, но мое настроение в то время соответствовало настроению моих товарищей, которые сочувствовали постановлению того большинства, к которому Вы, многоуважаемый Владимир Иванович, имели мужество не присоединиться. Я сочувствую и теперь заявлению Московской Думы, я с радостью узнаю о других

---

³⁸⁶ Сафронов Б.Г. Н. И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995. С.43.

³⁸⁷ Кареев Н. И. Памяти двух историков. С. 156.

подобных заявлениях, однако, осознание того, что Вы поступили по совести, были правы, во мне крепнет и крепнет. Я раскаиваюсь в своем поступке и прошу Вас, Владимир Иванович, простите меня, я глубоко не прав перед Вами.

Летом я совершенно случайно узнал от отца, сколько теплого чувства хранит он к Вам – своему учителю. Он не говорил о своем отношении к Вам, но я почувствовал из разговора, что в Вас он видит не только лицо, имеющее с ним те или иные деловые отношения, а человека, радости и горести которого он может принимать к сердцу. Уже тогда явилось во мне желание извиниться, оправдаться перед Вами, пойти к Вам тотчас же по приезде в Москву. Сделать это невозможно, и решаюсь обратиться к Вам письменно. Простите, Владимир Иванович, я сознаю свою вину перед Вами»³⁸⁸.

Герье сыграл важную роль в академической карьере Е.Н. Щепкина. Евгений Николаевич Щепкин родился 13 мая 1860 г. в Москве и был внуком известного артиста императорских театров – М. С. Щепкина (отец – Николай Михайлович). Мать – Александра Владимировна – была из рода Станкевичей и приходилась сестрой Николаю и Александру Станкевичам. На племяннице Александра Владимировича Станкевича, первого биографа Т.Н. Грановского и своего друга, был женат В.И. Герье.

Среднее образование Щепкин получил в лютеранской школе Петра и Павла, в которой учился в свое время и Герье. Сдав экстерном экзамены за гимназический курс в 5-й Московской гимназии, Щепкин получил аттестат зрелости и право поступить в Московский университет, что он и сделал в 1879 г.

К сожалению, об его отношениях с Герье в годы студенчества Щепкина (1879–1883) сведений не много. В семинаре Виноградова по всеобщей истории Щепкин писал реферат по эпохе столетней войны, а его кандидатская диссертация была посвящена критике источников по французской истории XVI в.³⁸⁹

---

³⁸⁸ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 46. Д. 4.

³⁸⁹ Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 470.

Вполне возможно, что в университете Щепкин был студентом-политиком. Он «примыкал к конституционному течению среди профессуры, возглавлявшемуся проректором С.А. Муромцевым, проф. М.М. Ковалевским, ректором Н.С. Тихонравовым и др. В декабре 1880 г. был арестован со всей сходкой, собранной студентом П.Н. Милюковым»³⁹⁰. Вряд ли это способствовало улучшению коммуникаций с Герье. Не очень понятно, как развивались отношения профессора и студента после окончания Щепкиным обучения на факультете. Герье для подготовки в университете Щепкина не оставил.

До начала 1890-х гг. Щепкин преподавал в средних женских учебных заведениях Москвы и в консерватории. С апреля по декабрь 1891 года он сдал магистерские экзамены по русской и всеобщей истории, политической экономии. Прочитав две пробные лекции – «Афинские партии в эпоху Македонского завоевания» (по выбору факультета), и «Иерусалимские ассизы» (по собственному выбору) 2 июня Щепкин был зачислен приват-доцентом Московского университета.

С 29 мая по август 1893 г. Щепкин находился в заграничной командировке. Повторно он выезжает за границу на 2 года с 10 марта 1894 г. с получением 1500 р. в год от Министерства народного просвещения. За границей он остается еще на один год за собственный счет. Для сбора источников Щепкин трудился в Копенгагене и Вене. По приезду в Россию исследователь одинаково интересуется проблемами биографии Лжедмитрия I и Семилетней войной. Лишь к 1900 г. он окончательно останавливается на последней теме и возобновляет переписку с Герье.

К этому времени он уже побывал на должности профессора Нежинского института и стал экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории в Одессе, куда по протекции Щепкина был устроен и Ардашев.

---

³⁹⁰ См.: *Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* В центре «реабилитационного внимания»: Е.Н. Щепкин и В.И. Герье // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. Вып. 3. С. 26–33.

К Герье Щепкин решился обратиться, оказавшись в сложной ситуации: «Я полагаю, что не утратил права обращаться к Вам с просьбами. Конечно, во время жизни в Москве мне, вероятно, случалось идти против Ваших желаний или взглядов, но это бывало, в таком случае, всегда чисто принципиальным разногласием или проявлением индивидуальности. Я могу вполне искренне сказать, что о Вашем научном авторитете в области истории я никогда не отзывался иначе, как с полным уважением»³⁹¹.

Просьба была связана с защитой диссертации³⁹² (будет рассмотрена в параграфе, посвященном диссертационной культуре). К началу 1902 г. Щепкин заканчивает печатание диссертации и начинает рассылать ее историкам Московского университета – Герье, Виноградову, Випперу, Ключевскому, подбирая оппонентов для диспута. В конце концов Щепкин защитил магистерскую диссертацию 20 января 1903 г. в Москве.

Сотрудничество между Герье и Щепкиным продолжалось и дальше. В 1903 г. Щепкин обращается к Герье с просьбой найти историка для преподавания в Одессу. Рассматриваются кандидатуры А.Н. Савина, С.А. Котляревского, но едет в провинцию И.И. Иванов.

Щепкин стал одним из самых плодовитых на учеников последователей Герье. Интересно отметить, что такие ученики Щепкина как Н.Л. Рубинштейн и В.О. Вайнштейн станут крупнейшими представителями историографического направления советской исторической науки. Да и еще один ученик Щепкина – П.М. Бицилли, оказавшийся впоследствии в эмиграции, в плане выбора тем – культурная история средневековья, скорее примыкает к культурно-историческому направлению исторического исследования московских историков, формировавшегося около Герье, нежели к аграрникам-медиевистам, ведущим свою родословную от Виноградова.

³⁹¹ Письмо от 22 января 1902 г. см.: *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 409.

³⁹² *Щепкин Е.Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758 гг. Исследования по данным венского и копенгагенского архивов: дис. СПб., 1902.

Одним из учеников Герье в 1880–1890-е г. был П.Н. Ардашев. Будущий студент родился в селе Биляр Елабужского уезда Вятской губернии в 1865 г. в семье священника. По примеру брата Николая, отказавшегося продолжать образование в семинарии и поступившего в университет, Павел в 1883 г. также ушел из учебного заведения для детей духовенства, год готовился к поступлению в университет и затем стал его студентом. В отличие от других учеников Герье, которые еще до поступления в университет были личностями со сформировавшимся мировоззрением и достаточно критично или с оговорками принимали исторические идеи Герье, Ардашев фактически полностью попал под влияние учителя на студенческой скамье.

Важным событием в своей интеллектуальной биографии Ардашев считал вечерние семинары Герье, благодаря атмосфере которых он почувствовал интерес к исследовательской работе. Как писал студент родителям: «я хорошо сделался известен благодаря моим постоянным занятиям по истории под его (Герье) влиятельнейшем руководством во время университетской учебы»³⁹³. На домашний семинар Ардашев попал после того, как заинтересовал Герье своим рефератом на тему: «Переписка Цицерона как источник для истории Юлия Цезаря от начала столкновения последнего с сенатом до его смерти». Реферат был написан в 1887 г. на 2-м курсе, за него Ардашев получил золотую медаль.

В 1889 г. Ардашев окончил обучение в университете. Ходатайство об его оставлении для подготовки к профессорскому званию было отправлено в Петербург. Одновременно по ходатайству Герье Ардашеву была назначена стипендия для печатания его медального сочинения. В 1890 г. сочинение Ардашева «Переписка Цицерона как источник для истории Юлии Цезаря» было напечатано в Ученых записках Московского университета и вышло отдельной

---

³⁹³ РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 517 об. Введено в научный оборот: *Иванова Т.Н., Зарубин А.Н.* В.И. Герье как «надежный путеводитель» в научной карьере П.Н. Ардашева: К вопросу о складывании функции научного руководителя на рубеже XIX–XX вв. // Мир историка: Историографический сборник. Выпуск 6. Омск, 2010. С. 24.

книгой. Как медалист Ардашев имел возможность остаться для приготовления к профессорскому званию, в декабре Герье ходатайствовал об этом.

В 1890–1894 гг. Павел Николаевич готовился к магистерским экзаменам. Подготовку к вопросам он сочетал с написанием статей по темам вопросов для толстых журналов³⁹⁴. В своих работах он сосредоточился на изучении процесса самореформирования старой системы во Франции. Ардашев как ученый, таким образом, был полностью сформирован в семинарии Герье по Французской революции.

В 1896 г. Ардашев отправился в заграничную командировку, которая продлилась 2,5 года³⁹⁵. Во Франции он на конкретно-историческом материале принялся за разработку темы «старого порядка», занявшись изучением королевской провинциальной администрации накануне революции. Для этого он исследовал делопроизводство интендантов в Национальном архиве, рукописном отделении Национальной библиотеки, архиве министерства иностранных дел. О ходе своей работы он подробно сообщал Герье³⁹⁶.

В результате изучения источников Ардашев решает избрать темой диссертации «администрацию интендантов за последние два десятка лет старого порядка», которую французские ученые находили чрезвычайно обширной. Однако Ардашеву «сужать ее...не хотелось»³⁹⁷.

Изучение провинциальной администрации не ограничилось для Ардашева лишь интендантами. Он принялся «за изучение провинциальных штатов и собраний, преимущественно в их отношениях с интендантами, хотя понимал, что с расширением темы...придется иметь дело с этими учреждениями уже как с самостоятельным предметом изучения»³⁹⁸. Ардашев считал, что это задел на

³⁹⁴ См.: *Иванова Т.Н., Зарубин А.Н.* Указ. соч. С. 27–28.

³⁹⁵ С февраля 1896 по июль 1898.

³⁹⁶ См.: *Письма Е.Н. Щепкина // Цыганков Д. А.* Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 350–384; *Иванова Т.Н., Зарубин А.Н.* Указ. соч. С. 29–30.

³⁹⁷ Там же. Л. 16 об.

³⁹⁸ Там же. Л. 18.

будущее, материалы для докторской диссертации. С этой целью во второй год командировки он изучал архивы департаментов.

После возвращения на родину Ардашев получает от Герье помощь при устройстве на работу. От Е. Н. Щепкина Герье узнает о свободной вакансии в Нежинском институте, место профессора освободил сам Щепкин. Герье связывает двух своих учеников перепиской и контролирует ход дела. Поскольку конкурентом за должность в Нежине у Ардашева был В.К. Пискорский, который формально имел более высокие шансы на это, то Герье одновременно написал Ардашеву рекомендательное письмо и в Новороссийский университет в Одессе. Во время ожидания назначения Ардашев прочел в 20-х числах ноября 1898 г. две пробные лекции в Санкт-Петербургском университете и получил право в следующем году на правах приват-доцента прочесть курс «О французской администрации в последнюю пору старого порядка». Однако сделать это Ардашеву не удалось, поскольку он был назначен в Одессу.

Из Одессы Ардашев начинает печатать диссертацию (в журнале Министерства народного просвещения с октября 1898 до 1900 гг.)³⁹⁹. Этот процесс оказалось очень трудно совмещать с преподаванием. Как писал Ардашев, «искусство много работать, не надсажая себя – дается нелегко и в особенности требует много власти над собой»⁴⁰⁰. Летом 1900 г. Ардашев совершает еще одно путешествие в Париж для работы с источниками.

Первый том своего исследования, как магистерскую диссертацию, Ардашев предлагает Герье защищать в Москве. Одновременно книга подается на премию С.М. Соловьева (1450 р.), которую Ардашев по отзыву Герье и получает в октябре. В декабре работа была допущена к публичной защите. Однако из-за болезни Ардашева диспут дважды переносился и состоялся лишь 19 февраля 1901 г.

---

³⁹⁹ Ардашев П.Н. Провинциальная администрация в последнюю пору старого порядка. 1774-1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным. Т. 1–2. СПб., 1900–1906.

⁴⁰⁰ РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 138. Введено в научный оборот Ивановой и Зарубиным. Указ. соч. С. 37.

Официальными оппонентами выступали В. И. Герье и П. Г. Виноградов⁴⁰¹. Диспут прошел успешно. 24 марта Совет утвердил Ардашева в степени магистра.

После защиты диссертации Ардашев стал экстраординарным профессором кафедры всеобщей истории Юрьевского университета, в 1903 г. перешел на ту же должность в Киеве.

3 ноября 1905 г. Ардашев просил Герье стать его оппонентом во время защиты второго тома – докторской диссертации, объясняя это в письме к учителю тем фактом, что «идея моего исследования, в которое мною вложено столько труда – труда многих лет, зародилась у меня под влиянием занятий в Вашем семинаре»⁴⁰².

Однако к моменту получения письма Герье собирался выходить в долгосрочный отпуск и отказался быть оппонентом на диспуте. Свою докторскую диссертацию Ардашеву пришлось защищать в Петербурге.

Это не изменило отношений учителя и ученика, тем более, что Ардашев в годы революции был самым «правым» из быстро «левевших» учеников Герье.

Организовав собственный семинарий, Ардашев фактически не выходил за рамки темы «старый порядок» во Франции накануне революции. Как писал Кареев, Ардашев признавался, что давал своим ученикам темы, разработанные и разбиравшиеся еще в семинарии Герье. Результатом этой работы явилась совместная работа его слушателей – студентов Н.И. Никифорова, Н.П. Руткевича и В. Н. Евстафьева – «Наказы третьего сословия Арраского бальяжа в 1789 году» (Киев, 1911). В первой части книжки было дано «содержание наказов в систематическом изложении», а во втором публиковался весь сводный наказ с указанием первоначальных источников. Студент Н.И. Никифоров впоследствии также опубликовал работу «Сеньориальные повинности по наказам третьего сословия Этампского бальяжа в 1789 году» (Киев, 1912). Из киевского семинара Ардашева впоследствии вышла работа Д.К. Петрова «Ликвидация сеньориальных

---

⁴⁰¹ Диспут П.Н. Ардашева // Исторический вестник. 1901. Т. XXXIV. № 4. С. 400–401.

⁴⁰² Там же. Л. 21–21 об.

отношений во Франции» и П.К. Григорьевой (ученица по Высшим женским курсам) – «Суд во Франции при Старом порядке по наказам Сансского бальяжа» (Киев, 1914).

На примере взаимоотношений Герье и Ардашева хорошо видно, как, работая в рамках единой концепции Французской революции, вводя в научный оборот архивные источники, сосредотачиваясь на одном из типов источников – наказах сословий депутатам, формировалось определенное направление в русской исторической науке.

Герье имел большее для своего времени количество учеников, стоял у истоков определенного направления в изучении Французской революции. Однако говорят ли эти факты в пользу существования школы Герье?

Этот вопрос ставили сами ученики Герье. «Была ли у Герье школа? – спрашивал Кареев. – Если школу понимать в смысле некоторого единого направления или какой-либо объединяющей всех учеников идейной особенности, какой-то обособленности, школы Герье не было. Но была школа в другом смысле. Герье был широко образованным ученым, видевшим науку не в одной эрудиции, но и в идейности. Можно не соглашаться с его философскими, общественными, политическими взглядами, но нельзя отрицать, что научные вопросы он ставил широко, идейно, с философским уклоном, что он привлекал к себе желавших заниматься историей. Я бы даже сказал, что у него была особая методологическая строгость, «школившая» лиц, у него занимавшихся. Он не впадал в какую-либо односторонность идеологического ли, или материального направления, но всегда настаивал на необходимости точности, основательности, доказательности»⁴⁰³.

Интересное свидетельство о школе Герье в педагогическом плане дает Ардашев. «Вы знаете, насколько важен первый шаг на всяком новом пути. В духовной жизни каждого человека он составляет ту эру, от которой он ведет летоисчисление своего самосознания, своей истории. Этот шаг связан для меня – я имею право тем гордиться – с Московским Университетом, в котором я нашел ту

---

⁴⁰³ Кареев Н.И. Памяти двух историков... С.160.

духовную Родину, которую с давних пор смутно искала моя ...Это та самая атмосфера, влиянию которой я обязан был тем, что то, что до той поры я смутно ощущал, как безотчетное влечение, как инстинктивную склонность, как неопределенную симпатию, превратилось для меня в сознательное стремление, в руководящий принцип, в известную цель жизни. Я не боюсь преувеличения, если скажу, что наука была для меня откровением, которым я обязан Университету и в частности – историко-филологическому факультету, который открыл мне историческую науку. С удовольствием и благодарностью могу признаться, что в этом отношении я был обязан столько же общей научной атмосфере, сколько и личному влиянию моих учителей – профессоров. Прежде же всего и более всего я обязан, конечно, Вам, – Вашему влиянию и Вашему руководству. Это Вы, под чьим непосредственным влиянием и ближайшим руководством сделан был мною первый сознательный шаг по тому пути, который открылся и осветил мне Университет, это – Вы, кем дан был первый толчок, подвигнувший меня на этот шаг по неведомому мне дотолле пути, – который пробудил меня к сознательной и самостоятельной работе, первым незрелым плодом которой было между прочим мое студенческое сочинение, которое впервые дало мне вкусить всю сладость интеллектуального труда, независимо от его результатов.., которое доставило мне единственное в своем роде счастье – получить публичное одобрение и одобрение от факультета, – и которое Вам обязано было и своим возникновением и... своим появлением в свет в виде книги. Вы были его внушителем, Вы были руководителем его автора. Вы, наконец, были виновником появления его в печати. Вам принадлежит и его конец, Вам обязано оно своей идеей и Вам же оно обязано настоящею своею материальной оболочкой. Материальный знак нравственной связи с моей духовной родиной, это книга вместе с тем остается для меня навсегда как живое напоминание о лежащем на мне нравственном долге по отношению к Университету, вскормившему меня духовно и оказавшему мне нравственную поддержку в тот момент, который оказывает обыкновенно решающее влияние на всю дальнейшую жизнь и деятельность человека. Вот почему отныне моя жизнь и посильная деятельность принадлежит всецело дорогому мне Университету, и все

мои силы отныне будут направлены к тому, чтобы оправдать то доверие, с которым он подготовил меня как своего сына. И в настоящую минуту, находясь вдали от него, мне отраднo носить в себе ободряющее сознание моей нравственной связи с ним и с его представителями – моими бывшими наставниками, память о которых займет место среди лучших воспоминаний моей духовной жизни, и чувство признательности к которым останется навсегда моею нравственной потребностью».⁴⁰⁴

Из этого свидетельства вытекает тот факт, что Ардашев связывает понятие школы с попыткой ориентировать своих учеников на определенные историографические темы и с созданием определенной атмосферы работы.

Таким образом, в результате коммуникаций Герье с учениками возникала особая, не совсем устойчивая, профессиональная общность, функцией которой было распространение специальной информации и пополнение рядов ее членов. Вся система была замкнута на личности главы школы, который на первоначальном этапе удерживал общность при помощи различных личных связей.

Подобная система организации отражалась на общем характере работ представителей московской исторической школы. Герье не только стоял у истоков узкой специализации, положив начало источниковедческому изучению Французской революции, остановившись на изучении такого вида источников как указы сословий депутатам, что нашло отражение в работах его учеников – Кареева и Ардашева, отработав ту систему, которая со времен Куторги существовала в Петербургском университете, но и заложил историографическую и методологическую базу для изучения других стран и периодов всеобщей истории в стенах Московского университета. Герье заставлял своих учеников поднимать новые виды источников и разрабатывать новые вопросы, как это произошло с Вишпером, Корелиным и Котляревским, будучи уверен, что уровень профессиональной подготовки учеников позволяет им решать подобные задачи. С

---

⁴⁰⁴ НИОР РГБ. Ф.70. К. 36. Д. 46. Л. 1–5 об.

точки зрения Герье творческая часть работы историка – умение сформулировать проблему и самостоятельно на источниках ее разработать.

ГЛАВА 5. МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ИСТОРИКОВ (1884–1911)

5.1. Память о Т.Н. Грановском в сообществе московских историков

«Живая память» о Грановском сохранялось в русском образованном обществе второй половины XIX – начала XX в. Одним из первых этот феномен исследовал А.А. Левандовский, показав, что еще до введения в действие устава 1884 г., в 1850–1880-е гг. шла дискуссия о наследии Грановского, в которой были вовлечены почвенники и их последователи, представители кружка западников, пережившие Великие реформы, академические ученые, молодое поколение универсантов⁴⁰⁵. При этом общий взгляд на наследие Грановского изначально не сформировался, в результате чего были представлены «белая» и «черная» легенда о профессоре Московского университета. В «черной легенде» Грановский был ответственен за радикализм нигилистов 1860-х гг. В «белой» он стал одним из создателей профессорской субкультуры в России и создателем школы московских историков. Омский исследователь А.В. Свешников пришел к выводу, что на примере Грановского в либеральных кругах второй половины XIX в. стал формироваться образ «идеального» «прогрессивного» мыслителя⁴⁰⁶. Под влиянием *memory studies*, центром которых с начала 2000-х гг. стало российское общество интеллектуальной истории, возник интерес к коммеморативным практикам различных социальных групп⁴⁰⁷. В результате исследователи стали

⁴⁰⁵ Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 222–232; *Он же*. Либерализм как свойство личности (образ Т.Н. Грановского в пореформенной публицистике) // *Он же*. Железный век. М., 2000. С. 67–73; *Он же*. Т.Н. Грановский: «...Мы стали на пороге Европы наблюдателями» // *Он же*. Побег с вертикали. Псков, 2005. С. 359–374; *Он же*. Зачем нужна история, или Феномен Грановского // *Он же*. Личный интерес. Исторические очерки. Эссе. Воспоминания. М., 2021. С. 127–143; *Он же*. Герцен слушает Грановского // *Он же*. Личный интерес. Исторические очерки. Эссе. Воспоминания. М., 2021. С. 144–151.

⁴⁰⁶ Свешников А.В. Миф о Грановском. Попытка дискурсивного анализа // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / под ред. Л.П. Репиной. М. 2006. С. 69–81.

⁴⁰⁷ Корзун В.П., Колеватов Д.М. Мемориальные и юбилейные события в жизни научного сообщества как культурные практики самоидентификации // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан. Материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной

уделять пристальное внимание механизму сохранения знаний о прошлом как инструменту определенной идентичности.

В рамках последнего подхода мы и рассмотрим память о Грановском в сообществе московских историков второй половины XIX – начала XX вв. К ядру сообщества мы относим всех штатных преподавателей историко-филологического факультета университета со времени смерти Грановского и до революции 1917 г. Его периферией являются оставленные для подготовки к профессорскому званию ученики этих штатных преподавателей. В силу особенностей сохранения памяти о Грановском при рассмотрении этого вопроса мы немного выйдем за хронологические рамки главы, поскольку формироваться память о Грановском начала сразу после его смерти, однако активно использоваться для формирования чувства профессионального единства московских историков стала на рубеже веков.

Мемориальная традиция начиналась, как правило, с официального некролога, посвященного члену научной корпорации, который очень часто писался учеником почившего ученого для годового акта в университете⁴⁰⁸. Одним из первых примеров такого рода может служить речь С.М. Соловьева на торжественном акте в Татьянин день 1856 г, первом общеуниверситетском празднике, который ученики Грановского встречали без своего учителя. Речь была относительно самостоятельной по отношению к опытам первых некрологов в прессе, посвященных покойному⁴⁰⁹. Если в предшествующей речи некрологах «душевно прекрасный» Грановский, цельная личность, назывался прежде всего просветителем, поскольку ученых в европейском духе университету якобы не

35-летию основания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, 20–22 октября 2009 г.). Омск, 2009. С. 197–200.

⁴⁰⁸ Речь С.М. Соловьева на торжественном акте Московского университета 12 января 1856 г. // ЖМНП. 1856. LXXXIX. Отд. VII. С. 58; *Ключевский В.О.* Некролог. «С. М. Соловьев (умер 4 октября 1879 г.)» // *Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета 12 января 1880 г.* М., 1880. С. 51–73.

⁴⁰⁹ [*Павлов Н.М.*] Два слова ученика о наставнике, студента *** // *Московские ведомости.* 1855. № 122. 11 октября. Перепечатана: Т.Н. Грановский // *Павлов Н.М.* Наше переходное время. М., 1888. С. 465–467; *Тургенев И.С.* Два слова о Грановском // *Современник.* 1855. № 11; см. также: *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т. 5. М., 1980; *Кудрявцев П.Н.* Воспоминания о Т.Н. Грановском // *Отечественные записки.* 1855. № 11.

требовалось⁴¹⁰, то Соловьев представлял профессора кафедры всеобщей истории прежде всего как крупного деятеля науки. Правда, при этом Соловьев не отрицал внешнего влияния Грановского на слушателей. Ведь «шепелявый профессор» одним своим видом, «наружностью, которую ищут художники», «мужской красотой, соединенной с выражением глубокомыслия и благодушия», не давал возможности себя забыть. Однако, кроме того, Соловьев указывал на то, что Грановский сформулировал *credo* научного и педагогического служения профессора в университете.

По мнению Сергея Михайловича, Грановский застал историческую науку в тот самый момент, когда она искала законы, которым подчиняются судьбы человечества. Господствующей тенденцией в науке эпохи Грановского стало распространение идей гегельянства в исторических исследованиях. Однако находящиеся под влиянием философских схем историки очень часто превращали личности, народы и целые поколения в орудия для достижения целей исторического прогресса, отличались жестокостью взгляда: «целью оправдывались средства, не могущие быть оправданы на суде нравственном»⁴¹¹. Грановский для русского студента смягчил эти крайности. Историческая личность, благородная, с внутренними убеждениями благодаря Грановскому заняло достойное место в исторических исследованиях.

Как ученый, по мнению Соловьева, Грановский благоволил прежде всего Средним векам. Его интересовало преимущественное детство Европы, с ее необузданными порывами, наивной верою и горячими желаниями. Соловьев явно

---

⁴¹⁰ Во многом эта традиция базировалась на знаменитом споре Грановского и М.М. Стасюлевича, на основании которого С.Н. Валк развел традиции московской и петербургской школы исследователей во второй половине XIX в. *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // *Валк С.Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб., 2000. С. 7–106. Критику Валка см.: *Бороздин И.Н.* К вопросу об ученых разногласиях русских медиевистов 40–50-х гг. XIX в. // *Средние века.* Вып. 6. М., 1954. С. 345–356.

⁴¹¹ Речь С.М. Соловьева на торжественном акте Московского университета 12 января 1856 г. // ЖМНП. 1856. LXXXIX. Отд. VII. С. 58. «Идеи не суть Индийские божества, – цитировал Соловьев Грановского, – которых возят в торжественных процессиях и которые дают поклонников своих, суеверно бросающихся под их колесницы».

находился под влиянием публичных выступлений Грановского 1853 г., где лекция о Людовике Святом стала самой поэтически-возвышенной⁴¹².

Влияние Грановского на современный университет, по мнению Соловьева, ощущается не только благодаря его трудам, поскольку он писал мало, а благодаря его лекциям и особым отношением со студентами, которые в любой момент своего обучения могли рассчитывать на беседу и помощь со стороны своего Учителя. Отношение к студентам, – отмечал Соловьев, – напоминало у Грановского отношения учителей древнего мира к ученикам (явный намек на лавровый венок и символы признательности, которые оказали студенты своему профессору во время траурного шествия с его гробом⁴¹³), что те, безусловно, оценили. В речи Соловьева Грановский становился нравственным ориентиром для профессоров и студентов Московского университета, которые, совершая университетское служение, неизменно думали о том: «Что скажет Грановский?»⁴¹⁴.

Первую монографию о Грановском должен был написать продолжатель его дела на кафедре всеобщей истории Петр Николаевич Кудрявцев. Однако к моменту издания первого собрания сочинений Грановского, которое было осуществлено при посредничестве московского купца и мецената К.Т. Солдатенкова⁴¹⁵ в 1856 г., он сделать этого не сумел, а позже смог создать лишь главу, посвященную формированию мировоззрения Грановского в детские и юношеские годы⁴¹⁶. Работа Кудрявцева давала ключ к психологической интерпретации московского профессора, указывала, где искать источники для изучения его биографии, однако целостного портрета историка Кудрявцеву создать не удалось. Вполне возможно, что он хотел создать биографию

⁴¹² Грановский Т.Н. Исторические характеристики. М., 2013. С. 84–107.

⁴¹³ См. например. Герье В.И. Мои воспоминания // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. М, 2014. С. 185.

⁴¹⁴ Вполне возможно, что в завуалированной форме Соловьев намекал на так называемую Крыловскую историю. О крыловской истории подробнее см.: Цыганков Д.А. Упившись винами до бесстыдства // Родина. 2014. С. 73–76.

⁴¹⁵ Солдатенкова Грановский с помощью частных лекций у себя на дому приобщил к занятиям всеобщей историей. См.: Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1897. С. 302.

⁴¹⁶ Кудрявцев П.Н. Детство и юность Т.Н. Грановского // Русский вестник. 1858. Т. 18. С. 5–50; Сочинения П.Н. Кудрявцева. Т. II. М., 1887. С. 551–623. См. также: Кудрявцев П.Н. Воспоминания о Т.Н. Грановском // Сочинения П.Н. Кудрявцева. Т. II. С. 540–550.

Грановского в духе своей элегической речи во время похорон Грановского: «Он (Грановский) унес туда, откуда никто не приходит, богатые надежды, которые в последнее время сам высказывал, обещая больше трудиться. Его нет. Вместо него, вместо его трудов у нас останется его нравственный образ, который мы постараемся сохранить»⁴¹⁷. Для Кудрявцева важно было показать высокую нравственную силу Грановского–личности. Кудрявцев таким образом рассуждал о Грановском не столько как о профессоре, сколько как о человеке, хотя так же, как и Соловьев, настаивал на научных, а не просветительских заслугах предшественника перед русским обществом: «Собранный им, посредством чтения и занятий многих лет, литературный запас вовсе не походил у него на ученую арматуру, обременительную для памяти и нередко обременительную для науки. Он не любил наряжаться в него, щеголять им внешним образом, а между тем знал ему цену и умел употреблять его в дело <...> Кто стоял от него дальше, тот мог, пожалуй, и не считать его ученым; кто же входил с ним в ближайшие сношения по предмету науки, тот не мог довольно надивиться неистощимости его знаний»⁴¹⁸.

Отсутствие законченного образа Грановского как профессора университета создавало ощущение отсутствия преемственности со следующими поколениями универсантов, а деконструкция образа историка, у истоков которой стоял известный синолог В. В. Григорьев, знакомый с Грановским со студенческих лет по Петербургскому университету, снижала значение Грановского для Московского университета: «Для меня Грановский не был ни мыслителем, ни гражданином, перед которым стоило бы кланяться; профессор-артист – вот, по моему, вернейшее определение его характера и заслуг; успел же он потому, во-первых, что артист на кафедре у нас дело небывалое; во-вторых, потому, что был человек своего времени: с кем следует кутил и в картишки бился»⁴¹⁹.

⁴¹⁷ *Прыжов И.Г.* Очерки. Статьи. Письма. М.–Л., 1934. С. 281.

⁴¹⁸ Сочинения П.Н. Кудрявцева. Т. II. М., 1887. С. 541.

⁴¹⁹ *Григорьев В.В.* Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. 1856. Т. 3. С. 17–46; Т. 4. С. 1–57. См. также: *Левандовский А.А.* Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 224.

Память о Грановском в университете вообще могла исчезнуть как результат дискуссии 1869 г. в связи с выходом книги о нем, написанной младшим братом Н.В. Станкевича – А.В. Станкевичем⁴²⁰. С одной стороны, был недоволен Герцен: «Это ужасная книга... идеалистическая, с каким-то казенным слогом мемуаров, унижающая память Грановского»..., «этот Станкевич всегда был прост, форменный биограф ex officio противен, умеренность и аккуратность пошлы»⁴²¹. Однако между тем Герцен после выхода книги должен был отбивать нападки на Грановского и со стороны М.А. Бакунина, который требовал «похоронить» наследие Грановского, и со стороны «глухих материалистов», которые вообще не видели своей связи с Грановским. «Нас уверяют, что бывшие слушатели Грановского до сих пор не могут позабыть того впечатления, какое производил на них профессор и постоянно носят в своем сердце его симпатичный образ, нам высказывают множество других подобного рода общих мест, но все эти неопределенные фразы не дают человеку, не знавшему Грановского лично, никакого о нем понятия, – писали нигилисты. – Что это за гуманность, существующая сама по себе, как что-то самостоятельное, вне сферы человеческих отношений, потому что иначе человек непременно имел бы определенное научное направление, если он ученый, или не менее определенное политическое, если он вообще общественный деятель»⁴²².

Все изображения, предложенные ближайшими друзьями Грановского, изображения не вполне рациональные, без определенного смыслового ядра, выдержанные скорее в духе элегии, оказались совершенно непонятны поколению, не видевшему Грановского. Те, кто хотел пользоваться именем московского профессора, вынуждены были четко артикулировать свои взгляды на Грановского, ответив на вопрос, что же конкретно оставил после себя Грановский. В случае неудачи апеллировать к традициям Грановского было затруднительно.

⁴²⁰ Станкевич А.В. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1869.

⁴²¹ Письмо А.И. Герцена – Н.П. Огареву от 18 (6) ноября 1869 г. // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 30. М., 1964. С. 254.

⁴²² Дело. 1869. № 6. С. 23, 25–26. Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 228.

В результате, скажем, Герцен идет навстречу молодым радикалам, и в его письме к Огареву сквозит некоторый отказ от наследия Грановского: «Как резко шли первые годы нашей юности и его. Общественные вопросы, потребность политической борьбы у него едва обозначаются в Берлине»⁴²³. Грановский не рассматривается как актуальная фигура для общественного движения уже с конца 1860-х гг.

Герцен ревизовал свои взгляды. Кудрявцев не сумел сформулировать значение Грановского для формирования традиций московских историков, а книга Станкевича была рассказом о жизни человека из прошлого, человека 1840-х гг. Ее эффект был во многом неожиданным. К.Н. Бестужев-Рюмин вспоминал: «Сочинение это, имеющее всю прелесть современных записок, живо переносит читателя в ту эпоху, в кабинет Грановского, в круг людей, связанных с ним тесной дружбой. Но для понимания Грановского в университете, для оценки его влияния на студентов книга г. Станкевича дает гораздо менее, чем для оценки его личности»⁴²⁴. Из книги Станкевича значение Грановского для университета было непонятно новому поколению студентов.

Это значение попытался объяснить наследник Грановского на кафедре всеобщей истории Московского университета В.И. Герье. Герье ощущал реальную связь со всеми почившими его предшественниками, с которыми у него были контакты: Грановским, П.Н. Кудрявцевым, С.В. Ешевским. Герье был также близко знаком со А.В. Станкевичем. Их дружба началась еще в пятидесятые, когда Станкевич помогал П.М. Леонтьеву устроить дела с напечатанием латинского лексикона, в составлении которого принимал участие Герье. Затем Герье женился на родственнице Станкевича – Авдотье Ивановне Токаревой. В своем кругу они, вероятно, не раз вспоминали Грановского. Однако Герье не во всем был согласен с мнением друга.

---

⁴²³ Письмо А.И. Герцена – Н.П. Огареву от 18 (6) ноября 1869 г. // *Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах.* Т. 30. М., 1964. С. 254.

⁴²⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н. Степан Васильевич Ешевский // Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики.* М., 1997. С. 246.

По представлениям Герье, идеи Грановского были живы. Владимир Иванович не был согласен с тем, что Грановский – человек прошлого, чье влияние ограничивалось лишь кругом близких ему друзей, а идеи оказались невысказанными в силу ряда причин. Герье настаивал на том, что круг людей, взволнованных личностью Грановского, необычайно широк. Это весь университет, несколько поколений студентов, к которым преподаватель относил и себя. Главная актуализированная Грановским идея – это идея науки всеобщей истории в ее русском варианте. С пропагандой своих идей Герье впервые выступил в рецензии на книгу Станкевича в «Вестнике Европы» в мае 1869 г.

Герье считал, что преподавание Грановского способствовало формированию нравственных принципов у его студентов и приучало смотреть молодых людей на историю как на процесс развития цивилизации: «Всеобщая история имеет пока для русского совершенно иное значение, чем для западного человека. Немец, француз или англичанин не в состоянии отделить всеобщей истории от своей национальной, ибо из взаимодействий наций слагалась всеобщая история. На западе всякий принадлежит к какой-нибудь из старинных партий, корни которых кроются в далеком прошлом и взаимная борьба которых составляет содержание истории. Для русского всеобщая история есть история человеческой цивилизации, на которую он смотрит как на свершившийся процесс. Спокойно и беспристрастно может он вглядываться в этот процесс, волнуясь и скорбя там, где гибла цивилизация и останавливалось дело прогресса, радуясь там, где она торжествовала. Он не связан преданием и инстинктивным, наследственным влечением к тому или другому началу, к той или другой из исторических партий, он спрашивает только, какая из этих партий держала выше знамя прогресса, какая была более чистой представительницей прогресса, и к ней он привязывает свои симпатии»⁴²⁵.

---

⁴²⁵ Сл. [Герье В.И.] Т.Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 424–440.

В рецензии на труд Станкевича Герье выдвигал две общеуниверситетские идеи. Символом единства Университета должен быть авторитетный профессор, как это было во времена Грановского. Традиции Грановского по преподаванию всеобщей истории должны быть продолжены на кафедре всеобщей истории Московского университета.

В связи с этим не случаен тот факт, что, вспоминая лекции Герье, его студенты всегда указывали на то, что профессор рассматривался им как связующее звено с традицией Московского университета сороковых–пятидесятых годов, с традициями Грановского. «Когда я познакомился с Герье, он был уже вполне сформировавшимся ученым, но мы, его слушатели, мало что-либо о нем знали. Ему было тогда более тридцати лет, – родился он в 1837 г., – он был уже доктором своей науки, автором научных работ, с которыми я познакомился много-много позднее. Мы знали только, что он был, так сказать, «призван продолжать славную традицию Грановского, Кудрявцева, Ешевского», к которым у него действительно был большой пиетет», – вспоминал Н. И. Кареев⁴²⁶.

Во время празднования 30-летия ученой деятельности Герье, которое отмечалось в 1892 г., схожие мысли были озвучены в приветственных адресах юбиляру. В приходивших в этот день на имя Герье телеграммах все время проводилась мысль о Герье как наследнике определенных традиций: «...От всей души присоединяюсь к приветствию товарищей, да здравствует на многие лета наш общий учитель, строгий идеалист в науке и деятельности, хранитель лучших университетских преданий»⁴²⁷. В телеграмме из Петербурга (автор Кареев): «Чествую в Вас ученого, высоко ценящего просветительное значение науки в общественной жизни, профессора, научившего своих слушателей понимать идейную сторону истории, академического деятеля, верного добрым традициям Московского Университета и почитаю в Вас человека, доблестно подающего пример стойкости в раз принятом направлении»⁴²⁸. Эти прозрачные намеки на

⁴²⁶ Кареев Н.И. Памяти двух историков // *Анналы*. 1922. № 1. С. 156.

⁴²⁷ *Историческое обозрение*. Т. 4. СПб., 1892. С. 301.

⁴²⁸ Там же.

некие общие университетские традиции были подробно развиты в адресе профессоров Московского университета, автором которого был П.Г. Виноградов: «На ответственном посту – на кафедре Грановского – вы были не только достойным представителем науки, подчинявшим внимание содержательностью, многосторонностью, продуманностью изложения, – преподавание Ваше проводило идеи всемирно-исторического прогресса и потому было гуманитарным и просветительным в лучшем смысле этого слова»⁴²⁹. Грановский становился для учеников Герье культовой фигурой. После Герье профессора кафедры всеобщей истории не раз обращались к образу первого крупного профессора кафедры всеобщей истории в университетских речах.

Правда, культурные коды, возводящие к Грановскому традиции профессорской культуры Московского университета, идущие от Герье, были в 1890-е гг. переосмыслены в профессиональные коды. Историки нового поколения попытались с помощью Грановского дать ответ, в чем специфика формирования профессионального знания историков в России.

Основы такого подхода к творчеству Грановского заложил П.Г. Виноградов⁴³⁰. В какой-то степени Павел Гаврилович пытался дать ответ на вопрос о том, что представляла собой новая историческая наука в эпоху Грановского. Эта проблема была сформулирована еще в речи о Грановском в университете у Соловьева. Однако, если у Соловьева формирование новой исторической науки происходило под влиянием гегельянства, то у Виноградова этот процесс был представлен более сложно⁴³¹.

Грановский у Виноградова стал ученым, пытавшимся обрести собственный голос, вглядываясь в труды и лица современных ему европейских ученых. Виноградов одним из первых проанализировал критические статьи своего предшественника, посвященные немецким историкам. Эти исследователи (Нибур

---

⁴²⁹ Там же.

⁴³⁰ Публичная лекция, читанная 11 февраля в пользу комитета грамотности. Впервые опубликована: *Виноградов П.Г.* Т.Н. Грановский // *Русская мысль*. Кн. IV. Отд. 2. С. 44–66. Цит. по: *Виноградов П.Г.* Т.Н. Грановский // *Виноградов П.Г.* Россия на распутье. М., 2008. С. 69–94.

⁴³¹ *Виноградов П.Г.* Т.Н. Грановский. С. 71.

и Ранке), научившие современников критиковать источники, стоявшие у истоков историзма как как определенной методологии (представление об органическом развитии исторического процесса), утверждали, что различия между народами возникли в результате медленного, но неуклонного влияния среды (Савиньи и Эйхгорн). Виноградова указал на то, что Грановский считал немецких ученых консерваторами, поскольку те утверждали, что с каждым новым поколением влияние среды на человеческое общество растет и все более стесняет творчество человека. Немцы проводили параллели с влиянием языковых практик на деятельность человека. Язык, его тропы, с их точки зрения ограничивали человеческое творчество. Грановский с таким подходом согласиться не мог. С его точки зрения в ходе исторического процесса идет постоянная и сознательная работа каждого поколения над материальными условиями существования, происходит высвобождение личности от влияния среды, в которых она находится. С этой точки зрения влияние сознательной личности в ходе исторического процесса должно нарастать. Отсюда и приговор Грановского немецкой консервативной школе: она хорошо понимало прошедшее, но не понимала настоящего и будущего.

Другую перспективу на будущее давали французские либералы. Они (Мишле, Гизо, Тьерри) проявляли неподдельный интерес к современности, пытались объяснить современность как результат издавна подготовленных движений, филиацию либеральных идей. История нужна была французским либералам для того, чтобы победить в настоящем и иметь возможность влиять на будущее. Такой подход давал впечатляющие результаты. Публичные лекции Тьерри 1845 г. вызывали восторг Грановского: «Там находится несколько писем об освобождении городов – это лучшее место у Тьерри и, может быть, лучшее во всей исторической науке», – писал он друзьям⁴³². Французы, изучая город в древней и средневековой истории, фактически творили программу создания гражданского общества. Однако они слишком били в лоб, подчиняли историю политике. Грановский такой подход стремился скорректировать. В результате он

---

⁴³² Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский. С. 75.

был менее схематичен, уделял в отличие от французов больше внимание духовной жизни. Построения Грановского хоть и не были так ясны и стройны, как у французов, но явно были целостнее, разнообразнее. В отличие от французов Грановский также не любил «резать по живому» и избегал застывших рубрик и резкого дробления исторического процесса на периоды.

Согласился Грановский и с идеями Гегеля, который утверждал, что в истории не было беспорядка и случайности. В историческом процессе проглядывала необходимая последовательность идей, носителями которой являлись народы и поколения. Гегель воспитал у Грановского стремление к объединению исторических знаний. В результате, по мнению Виноградова, Грановский «остался верен взгляду, что каждый народ и эпоха являются носителями известных идей, что политическое соперничество народов и смена деятелей на исторической сцене должны быть рассматриваемы не как результаты случайных обстоятельств, а в их отношении к идейному процессу культуры»⁴³³.

Под влиянием Риттера, представлявшего Землю как храмину, Грановский стал уделять пристальное внимание естественно-историческому фактору в историческом процессе. По мнению Виноградова, естественно-историческое начало, характерное для трудов Грановского, как бы сдерживало гегельянство Грановского. При этом Тимофей Николаевич никогда во власть естественников не отдавался: «В общении с Герценом он признавал великие результаты естествознания, но протестовал против материализма, как философского, так и научного, настаивая на том, что явления мира духовного и нравственного, при всей своей зависимости от физических условий, не разлагаются без остатка на последствия этих условий, а вносят, кроме того, в мировую жизнь своеобразные элементы, которые требуют и своеобразного изучения»⁴³⁴.

В лекциях Грановский проводил идеи прогрессивности исторического процесса, отказавшись от греческого прагматизма (восходя от следствий к причинам, политики, изучающую историю, научатся влиять на причины

---

⁴³³ Там же. С. 77–78.

⁴³⁴ Там же. С. 80.

исторических событий) и христианского провиденциализма. «Идея прогресса оказалась благотворным, спасительным заветом, способным воодушевить людей, дать им силу в борьбе со злоключениями жизни или бедствиями времени»⁴³⁵.

Грановский утверждал, что прогресс – первая идея нового исторического мирозерцания. «Под ее влиянием история распадается на всемирную и на всеобщую. Всемирная обнимает все народы, захватывает весь этнографический материал. Всеобщая выделяет то, что вошло вкладом в человеческую культуру, описывает и объясняет прогрессивное движение человечества»⁴³⁶. При этом вперед идет не один народ, а сменяющие друг друга путники.

В чем же назначение истории, всеобщей истории, по Грановскому? «Она не научит разрешить сегодняшнюю задачу и предотвратить завтрашнего несчастья. Но она покажет, что в длинной веренице есть смысл, единый и благодетельный, и что потому стоит жить, стоит биться над задачами, претерпевать несчастья»⁴³⁷.

Таким образом, творческая лаборатория Грановского была представлена Виноградовым как самостоятельная выработка русским ученым теоретического знания в диалоге с влиятельными философскими, общенаучными и историческими концепциями европейских мыслителей. При этом Грановский был показан как самостоятельный ученый, создававший традиции русской исторической науки, проявлявший пристальное внимание к методологии науки и ее теоретическим аспектам. Именно эта русская академическая традиция, местом создания которой стал Московский университет, и привлекла к ученому внимание студентов вообще и учеников в частности, делал вывод Виноградов.

Фактически продолжателем подхода Виноградова к Грановскому оказался Ключевский. Со своим предшественником самый знаменитый профессор Московского университета рубежа веков связывал формирование особого университетского предания – традиции: «Все мы более или менее – ученики

---

⁴³⁵ Там же. С. 82.

⁴³⁶ Там же. С. 83. Интересно отметить, что опубликовал найденные его студентом М.О. Гершензоном курс Грановского, где он высказывал такой взгляд на историю. См.: Задачи всеобщей истории. Отрывки из университетского курса Грановского // Сборник в пользу недостающих студентов университета св. Владимира. СПб., 1895. С. 308–322.

⁴³⁷ Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский. С. 83.

Грановского и преклоняемся перед его чистою памятью, ибо Грановский, не другой кто, создал для последующих поколений русской науки идеальный первообраз профессора. Едва он успел закрыть глаза, а Соловьев, Дмитриев, Бабст, Кавелин, Чичерин уже благоговейно приникают к памяти человека, с которым расходились в иных научных взглядах, в складе ума и характера. Их соединяла с Грановским идея, которая в свое время и привлекала студентов в его аудиторию»⁴³⁸. Ключевский прямо указывает на то, что профессорская традиция, наследованная от Грановского, это традиция общественного служения русских ученых: «Грановский преподавал науку о прошедшем, а слушатели выносили из его лекций веру в свое будущее, ту веру, которая светила им путеводной звездой среди самых беспросветных ночей нашей жизни. Лекции Грановского о Греции и Риме, о феодальном средневековье воспитывали деятельную любовь к русскому отечеству, ту энтузиастическую жажду работы на его благо, ту крепость общественного духа, которая помогла лучшим русским людям минувшего полувека пронести на своих плечах сквозь вековые препятствия все тяготы преобразовательной эпохи. История, сохраняя в чтениях Грановского свой строгий характер науки, становилась учительницей жизни. Это Грановский научил свою аудиторию ценить научное знание как общественную силу. С его времени, с его публичных лекций Московский университет стал средоточием лучших чаяний и помыслов для образованного русского общества. Грановский завязал ту внутреннюю духовную связь между Московским университетом и обществом, которая крепка доселе и для обеих стала старозаветной традицией. Наш университет, наш Грановский – эти слова стали привычными выражениями в Москве с того времени. Эта связь в многотысячном лице московского студенчества тонкими нитями расходилась далеко-далеко от Москвы во все стороны. В эпоху общего нравственного колебания и общественного уныния Грановский, вещая правду и свободу, стоял на своем месте твердо и прямо. Имя его стало лозунгом,

---

⁴³⁸ Ключевский В.О. Памяти Т.Н. Грановского (умер 4 октября 1855 г.). Первая публикация: Русские ведомости. 1905. № 263. 8 октября. Цит. по: Ключевский В.О. Памяти Т.Н. Грановского (умер 4 октября 1855 г.) // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VII. Специальные курсы. С. 298.

символом общественного возрождения, совершаемого переработкой слова науки в дело жизни. Таково предание, сложившееся о Грановском в продолжение пятидесяти лет со дня его смерти»⁴³⁹.

В отличие от Виноградова, увидевшего в Грановском создателя академической традиции истории в России, Ключевский указывал на особую роль Грановского как профессора Московского университета, создавшего особый тип взаимоотношений учителя и учеников в Московском университете: «Он рано почувствовал, что только упорной борьбой можно пронести сквозь толщу тогдашней жизни общественные начала, которым он решил служить. Он искал вокруг себя и прежде всего в своей аудитории свежих сил, которые можно было бы подготовить к делу. В 1845 г., предупреждая задуманную студентами овацию, Грановский, тогда 32-летний преподаватель, сказал в аудитории своим слушателям, что он и они принадлежат к молодому поколению, в руках которого и будущее отечества, что им предстоит долгое служение "нашей великой России", преобразованной Петром, идущей вперед и с одинаковым презрением относящейся и к клевете иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей Западу, и к старческим жалобам людей, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак, вызванный ими из могилы, и нечестиво преклоняются перед кумиром, созданным их праздным воображением". "Побережем себя на великое служение". В этих словах выразился его взгляд на свое профессорское дело, а в этом взгляде сказалось глубокое понимание окружающих условий, в которых жило русское общество»⁴⁴⁰.

Ключевский отвергает предположение, что преподавание Грановского было пропагандой истории в духе Герцена, пропагандой новых политических воззрений. Грановский «лояльно – прямо, возвышенно и художественно... воспитывал в слушателях на своих исторических построениях, на уроках, даваемых ходом истории, идею долга и ответственности перед обществом»⁴⁴¹. Его «ославили чуть

---

⁴³⁹ Ключевский В.О. Памяти Т.Н. Грановского. С. 298–299.

⁴⁴⁰ Там же. С. 299–300.

⁴⁴¹ Там же. С. 301.

не тайным революционером, а после его, всколыхнувших московское общество, публичных курсов позаботились, чтобы в Москве забыли, что такое публичные университетские лекции. Но самую идею профессорской деятельности Грановского все более цепенеющие казенные руки уловить и задушить были бессильны»⁴⁴². Необыкновенное влияние Грановского Ключевский объяснял притягательностью личности московского профессора⁴⁴³.

Ключевский одним из первых среди наследников Грановского на факультете поставил его значение как профессора Московского университета выше, чем значение той науки, к которой он сам принадлежал. Эти идеи ранее уже высказывались в воспоминаниях студентов Грановского, и частично в докладе Виноградова. Однако, думается, до конца они были доведены Виппером.

Виппер рассматривал Грановского в контексте европейского интеллектуализма первой половины XIX в. Он считал, что поколение двадцатилетних-тридцатилетних в Европе, к которому принадлежал Грановский в середине 1830-х гг., испытало на себе философию социальной реакции, «философию страха и покорности», «философию бессилия личности и всемогущества слепой внечеловеческой тайны»⁴⁴⁴. Однако 1840-е г. много изменили. «Вместе с левым гегелианством в Германии, вместе с боевым и научным материализмом, вместе с демократическими историками во Франции и Англии наше западничество освободилось от досадного круга мрачных, обидных для человеческого достоинства мыслей о слепом социальном фатализме»⁴⁴⁵. Вместе с новым языком и новыми товарищами Грановский привез в Россию новую социальную философию. По мнению Виппера, основной вопрос для русского общества 1840-х гг. – это вопрос о том – искать ли истину в Предании или отдаться во власть анализирующей личности. Символом последней был Гегель. «Я буду всеми силами противодействовать гегелизму и немецкой философии; она

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Там же. С. 301.

⁴⁴⁴ По мнению Виппера, эти идеи проникли в ранний социализм, демократический католицизм, позитивизм

⁴⁴⁵ *Vipper P.Ю.* Общественно-исторические взгляды Грановского (К пятидесятилетию смерти) // Мир Божий. 1905. Ноябрь. С. 179–192. С. 181.

противоречит нашему богословию», – замечал попечитель московского университета Строганов⁴⁴⁶, которого Виппер противопоставлял западникам. Такие взгляды московского попечителя стали ответом на пропаганду историей Грановского. По мнению Виппера, Грановский принадлежал к левым гегельянцам, суть которого он выразил цитатой из Герцена: «когда я привык к языку Гегеля и овладел его методой, я стал разглядывать, что Гегель гораздо ближе к нашему воззрению, чем к воззрению своих последователей. Философия Гегеля – алгебра революции, она необыкновенно освобождает человека и не оставляет камня на камне от мира христианского, от мира преданий, переживших себя»⁴⁴⁷.

Левые гегельянцы поставили на личность. В споре со славянофилами Грановский подводил к тому, что культурная работа может совершаться лишь личностью. В «разложении масс мыслью заключается процесс истории», – утверждал Грановский. Историк боролся с элементами вековой неподвижности, косностью и призывал к творческой сознательности. При этом личность должна была не своевольничать, не капризничать, а разрубать узлы, когда это было необходимо. Реконструируя философию истории Грановского, Виппер утверждал, что Грановский был радикален, но вынужден был остановиться в вопросе веры. Друзья требовали от него отречения от старой мысли о Боге, но он сделать это отказался.

По мнению Виппера, Грановский хотел бы быть историком современности, но его фактически насильно заставляли опускаться в глубь веков. Так, по мнению Виппера, рецензируя книгу Нитча о реформе Гракхов, Грановский размышлял о новых Гракхах – тех, кто сможет решить аграрный вопрос в современном мире с сохранением независимого, экономического самостоятельного крестьянства. Решение этого вопроса в США Грановский считал более возможным, чем в Старой Европе.

Виппер стал одним из первых, кто увидел в Грановском после 1848 г. позитивиста, попытавшегося в своей речи 1852 г. показать, что культурная

---

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ *Виппер Р.Ю.* Указ. соч. С. 183. *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30 томах. Т. IX. С. 23.

история человечества есть лишь продолжение его борьбы с природой. Требования Грановского пойти на обучение к естествоиспытателям, для того чтобы создать метод исторической науки, еще более убеждали Виппера в том, что поздний Грановский похож чем-то на Бокля, и что в русской общественной мысли был человек, который органически соединил поколение 1840-х и поколение 1860-х гг. Виппер показывал, что нигилисты 1860-х вполне могут рассматриваться как ученики Грановского. По мнению Виппера, историческая наука – это ни какая-то отвлеченная наука, а живая наука, необходимая русскому думающему человеку.

Работа Виппера до некоторой степени была близка тем книгам о Грановском, которые выходили из-под пера людей, не знавших Грановского лично. Виппер фактически более широко ставил вопрос об учениках Грановского. Он считал, что таковыми могут считаться не только те, кто связан с Грановским лично, но и те, кто, как и Грановский, следит за тектоническими изменениями европейской интеллектуальной мысли и формирует мыслящее меньшинство. Грановский у Виппера своего рода родоначальник русской интеллигенции, а не отец академической науки в лице профессоров-историков Московского университета.

Против такого взгляда резко выступили младшие современники Грановского – Б.Н. Чичерин⁴⁴⁸ и В.И. Герье⁴⁴⁹. Поводом для написания критической статьи Чичерина стала монография о Грановском Ветринского, а затем Д.М. Левшина⁴⁵⁰.

Для того, чтобы избежать пустых умствований о Грановском, оба ученых считали необходимым разделить социокультурный контекст эпохи Грановского и интеллектуальные веяния рубежа 1890-х – 1900-х гг., когда интерес к Грановскому вновь обострился. В работе Ветринского, например, считает Чичерин, недостаточно оценено значение увлечения философией, характерное для эпохи

---

⁴⁴⁸ *Чичерин Б.Н.* Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36. С. 6. Чичерин был тем человеком, для которого творчество Грановского было значимым. Во многом уход Чичерина из университета в 1866 г. напоминал попытку ухода из университета Грановского в 1848 г. А книгу 1869 г. «Наука и религия» Чичерин посвятил А.В. Станкевичу, автору первой монографии о Грановском «во имя дорогих нам воспоминаний».

⁴⁴⁹ *Герье В.И.* Т.Н. Грановский: В память 100-летнего юбилея его рождения. М., 1914.

⁴⁵⁰ *Ветринский Ч.* Т.Н. Грановский и его время. СПб., 1897; *Лёвшин Д.М.* Т.Н. Грановский (опыт исторического синтеза). СПб., 1901.

1840–1850-х гг. А ведь в эту эпоху все поверялось философией и все подвергалось философскому сомнению. Философия, по мнению и Чичерина, и Герье спасала Грановского от полного подчинения одной какой-либо философской доктрине, делало его взгляды самостоятельными и критическими. Однако именно страсть к философии приводила Грановского к формулировке оригинального взгляда на теорию исторической науки. Грановский считал, что философия истории 18 века, независимая от исторической науки, основанная на методе логических умозаключений, не учитывающая реальных исторических событий, достоинство прошлого. У Грановского она «утрачивает... отвлеченный метафизический характер» и «вступает в область этики, становится могущественным и влиятельным ее органом»⁴⁵¹. Грановский отказывается также от того взгляда на историю, которого он держался раньше под влиянием Гегеля, что история никогда никого никому не учит: «Я сам говорил то же... А между тем всякий день современной истории доказывает могущество и влияние уроков истории. В этом теперь мое твердое убеждение». По Герье, эта мысль «становится... осью, около которого вращаются все мысли нашего историка, – директивой, которую он дает своим слушателям»⁴⁵². Грановский делается Герье миссионером гуманности, с которой знакомит своих слушателей.

И Чичерин, и Герье считали, что проповедничество Грановского имеет религиозные корни. По мнению Чичерина, Грановскому свойственны «те глубочайшие стремления, которые связывают его с верховным источником всякой жизни и всякого блага»⁴⁵³. Та глубина и возвышенность Грановского, его цельность о которой говорили многие его современники, буквально базировалась на его вере. Это была его внутренняя потребность, от которой он не мог отказаться⁴⁵⁴. «Человек, который так глубоко верил в разумность мироздания и в силу духа, не мог отрицать его там, где вера в него всего важнее для человека, в

⁴⁵¹ Герье В.И. Т.Н. Грановский: В память 100-летнего юбилея его рождения. М., 1914. С. 66.

⁴⁵² Герье В.И. Т.Н. Грановский. С. 66.

⁴⁵³ Чичерин Б.Н. Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36. С. 6.

⁴⁵⁴ Виппер, бывший атеистом, не мог понять этот выбор Грановского, а молодые исследователи – Левшин и Ветринский видели в этом проявлении пассивности Грановского.

индивидуальном бытии»⁴⁵⁵. Комментируя соколовские споры Грановского с Герценом (размышления о религии в кругу западников в середине 1840-х гг.), в которых Грановский обосновал необходимость для него бессмертия души, Герье считал, что это не просто окончание одной дружбы, а «новый раскол в русском обществе, раскол более глубокий, чем распря между «славянофилами» и «западниками». Мы присутствуем при возникновении новых течений русской жизни в сторону идеализма, который олицетворял собой Грановский, и материализма, которому отдался Герцен»⁴⁵⁶. Религиозность Грановского было обусловлена примером тех людей, которые ему были близки, – считал Герье.

И Чичерин, и Герье также требовали не преувеличивать влияние на Грановского идей позитивизма, он никогда не был сторонником единства методов естественных и гуманитарных наук. И Чичерин, и Герье предлагали рассматривать Грановского прежде всего как представителя историзма, делающего важные шаги в создании исторической теории. При этом старые профессора отказывались от широкого толкования учительства Грановского в духе Ветринского, Левшина, Виппера, показывая, что университет объединяет людей на основе академических традиций, а не реализма и позитивизма. И Чичерин и Герье, как справедливо замечает Е. С. Кирсанова, отстаивали взгляд на Грановского, где его идеализм и «интерес к жизни духа в истории народов рассматривались не как нечто, что с необходимостью должно быть преодолено и преодолевалось в ходе прогрессивной эволюции взглядов историка к материалистическому мировоззрению, но как самостоятельная позиция, сложившаяся в процессе освоения им философии и истории, позицию, которую он отстаивал в том числе и в полемике с друзьями, не разделявшими его взглядов»⁴⁵⁷.

Впрочем, подходы Чичерина-Герье к Грановскому не разделялись новым поколением публицистов. Когда во время празднования 100-летия со дня рождения Грановского на торжественном заседании, устроенном по этому случаю

⁴⁵⁵ Герье В.И. Т.Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича. С. 437.

⁴⁵⁶ Герье В.И. Т.Н. Грановский. С. 50.

⁴⁵⁷ Кирсанова Е.С. Образ Т.Н. Грановского в российской историографии второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 121.

в университете, ректор М.К. Любавский прочел текст из книги Герье о Грановском⁴⁵⁸, корреспондент «Русских ведомостей» Н.В. Сперанский тут же вступил с Герье в полемику. В результате на свет появилась претенциозная по названию статья под заголовком: «Не ваш!»⁴⁵⁹

Возражение бойкого корреспондента вызвал следующий пассаж из книги Герье о Грановском: «Его (Грановского – Д.Ц.) значение в том, что он своею личностью, согласно великому завету не словом, а примером оправдывал свое учение. Он доказывал своим примером, что с усвоением русским европейской образованности вполне совместимы верность и преданность заветам русской старины. Испытав на себе, как общественный деятель, тяжесть старого порядка, он не утратил чутье русской действительности: увлекаясь в юности примером испанских кортесов, он не усомнился в значении для русского государства монархии, разбитый преждевременной болезнью он скорбел о том, что не мог поступить в ряды ополченцев, шедших на защиту Севастополя»⁴⁶⁰. По мнению Сперанского, Герье грешил против истины. Критик считал, что уже в эпоху Крымской войны Грановский мечтал о свержении старого порядка. Герье подобным взглядам значения не придавал, отмечая, как характерную черту русской интеллигенции, нежелание учиться собственной истории.

Таким образом, образ Грановского оказался в центре внимания в сообществе московских историков⁴⁶¹. Практически все поколения исследователей, соглашаясь с существованием традиций Грановского на кафедре, факультете, университете, пытались их рационально сформулировать.

С середины 1890-х гг. у историков Московского университета складывается устойчивая традиция коммемораций о Грановском. Это объяснялось переизданием его собрания сочинений в 1890-е гг.⁴⁶², а также проведением памятных мероприятий, посвященных мемориальным датам биографии историка (1895 – 40

⁴⁵⁸ Герье В.И. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1914.

⁴⁵⁹ Русские ведомости. 1914. 19 января. С. 2.

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ Значительно уступал ему С.М. Соловьев, затем следовал П.Н. Кудрявцев.

⁴⁶² Сочинения Т.Н. Грановского. 3-е дополненное издание. М., 1892. Т. 1–2. Второе издание осуществлено Солдатенковым в 1866 г.

лет со дня смерти ученого; 1905 – 50 лет со дня смерти ученого; 1913 – столетие со дня рождения). Во многом коммеморативная практика нового поколения историков (ученики Герье и ученики Ключевского) восходило к практике поминовения Грановского, которая сложилась у профессоров его круга на момент смерти ученого. Традиционно друзья Тимофея Николаевича в день смерти учителя отправлялись на его могилу на панихиду⁴⁶³, а затем в городе происходил поминальный обед. Очень многое для сохранения памяти о Грановском сделал Герье, который о своей генетической связи с Грановским неизменно говорил с кафедры. Это вызывало у слушающих устойчивые ассоциации о преемстве традиций в Московском университете, что вело к тому, что при праздновании ученых и преподавательских юбилеев Герье обязательно звучали речи о традициях кафедры всеобщей истории. Но интересно отметить, что к этой линии присоединились и русские историки. Более того, синтетической речью о традициях Грановского в Московском университете стало выступление Ключевского. Общим местом стало представление о том, что Грановский был одним из создателей науки истории, путь которой прокладывали в Европе Ранке, Гизо и др. европейские авторитеты. Грановский в этом контексте рассматривался как влиятельный собеседник крупнейших европейских ученых-историков. Грановский смотрел на историю с всеобще-исторической точки зрения и хотел, чтобы работы в России писались именно в этом ключе. При этом Грановский высоко ценил воспитательное значение всеобщей истории для становления независимой личности в России. Много он сделал и для создания традиции тесных отношений профессоров и студентов в Московском университете. Историки Московского университета подчеркивали, что учениками Грановского в профессиональном отношении являются его последователи на кафедре, а формирование нигилистических взглядов 1860-х и философии позитивизма с ним связывать не следует.

---

⁴⁶³ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 59.

5.2. Память о С.М. Соловьеве в сообществе московских историков

Создателями традиций коммемораций о Соловьеве стали В.И. Герье и В.О. Ключевский. В первый раз Ключевский попытался проанализировать значения Соловьева для университета и изучения русской истории в совместной юбилейной статье с Герье 1877 г., появление которой связано с празднованием выхода в свет 25 тома трудов Соловьева. В этом труде Ключевский изобразил Сергея Михайловича как главу сообщества университетских историков, распространившего свои представления о науке среди широкого круга лиц, интересующихся историей: «С первых своих исследований С. М. Соловьев стал указателем известного направления в литературе русской истории, которое посредством книги или лекции подготавливало значительный круг людей не только к пониманию, но и к ученой обработке отечественной истории»⁴⁶⁴. При этом «История» Соловьева была вызовом нарративам по русской истории, созданным Н.М. Карамзиным и Н.А. Полевым. Первый руководствовался эстетическими и моралистическими задачами, второй был схематизатором, стремившимся в русских явлениях видеть полный аналог явлениям европейским⁴⁶⁵.

По мнению Ключевского, в отличие от предшественников – литератора и философа – Соловьев был трезвым реалистом: «Прежде чем подвергнуть отдельное явление анализу и обобщению, он бережно переносил его из летописи или акта на страницы своего рассказа, как археолог переносит выкопанный обломок в свою витрину. Отсюда его привычка рассказывать словами источника, его нелюбовь к заученной исторической терминологии и искусственному делению периодов, чем иногда прикрывалось недостаточное понимание смысла и связи событий: он первый восстал против этих *норманнских, удельных и*

⁴⁶⁴ Двадцатипятилетие Истории России С.М. Соловьева // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 1. № 1. С. 107–113. Цит. по: *Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах: Т. VII. Специальные курсы. М., 1989. С. 478.*

⁴⁶⁵ *Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах: Т. VII. Специальные курсы. М., 1989. С. 479.*

монгольских периодов, потому что эти термины описывают время только с внешней стороны, но не захватывают главного русла русской жизни в те века»⁴⁶⁶.

Методы работы Соловьева-реалиста (техника исследования) «не остались без влияния на нашу историческую литературу: писатели, которые по книге С. М. Соловьева учились так обращаться с фактами, не забудут, кто научил их этому, даже если разойдутся с ним в понимании основных фактов нашей истории»⁴⁶⁷.

В целом из первой публикации Ключевского становилось понятно, что споры, сопровождавшие выходы первых томов «Истории» Соловьева в прошлом. Труд Соловьева – и есть образцовое по отношению к работе с источником произведение современного историка. Вместе с Соловьевым в историческую науку в методологическом плане вносились идеи органического развития, прогресса. Как следствие, русская история рассматривалась как единый процесс в контексте всемирно-исторического движения к прогрессу, в котором нужно изучать причины и следствия (прагматическая история в терминологии Ключевского).

Создание образа Соловьева как общественно-значимой фигуры и одного из столпов Московского университета Ключевский продолжил в речи о Соловьеве, подготовленной для «Отчета о состоянии и действиях Московского университета»⁴⁶⁸ сразу после смерти Сергея Михайловича.

Это самый академически фундированный текст Ключевского об учителе. Готовясь к написанию речи, Василий Осипович максимально расширил источниковую базу своей работы. Он использовал отдельные рецензии 1850–1860-х гг. на магистерскую и докторскую диссертации Соловьева, а также – на первые тома его «Истории». Впервые в литературе о Соловьеве процитирована статья Сергея Михайловича «Парижский университет» из «Москвитянина»⁴⁶⁹, в которой

---

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Впервые опубликовано: *Ключевский В.О.* С.М. Соловьев. Некролог (умер 4 октября 1879 г.) // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета 12 января 1880. М., 1880. С. 51–73. Цит. по: *Ключевский В.О.* Сергей Михайлович Соловьев (умер 4 октября 1879 г.) // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах: Т. VII. Специальные курсы. М., 1989. С. 303–319.

⁴⁶⁹ *Соловьев С.М.* Парижский университет: Письмо из Праги от 23 июня 1843 г. // *Москвитянин*. 1843. Ч. 4. № 8. С. 478–494.

отчетливо высказан взгляд Соловьева на миссию профессора в университете. Для воссоздания исторической концепции историка, Ключевский обратился к концептуальным статьям Соловьева второй половины 1850-х гг., опубликованным в университетском журнале «Русский вестник» («Древняя Россия»⁴⁷⁰; «Исторические письма»⁴⁷¹). Историком были привлечены воспоминания первых слушателей Соловьева. Вполне возможно, что Ключевский является одним из первых биографов Соловьева, кто получил доступ к воспоминаниям Сергея Михайловича («Мои записки для детей моих...»⁴⁷²). Так, в его работе сообщается, что профессор Д. Л. Крюков хотел видеть Сергей Михайловича готовящимся к профессуре по Древней истории. При этом Ключевский подчеркивает, что об этом он узнал со слов самого Соловьева, не уточняя, правда, данные ли это частного разговора с историком, или факты, полученные при чтении воспоминаний Соловьева⁴⁷³. При описании конфликта Соловьева с М. П. Погодиным (в литературе о Соловьеве эта тема была обозначена впервые) называются конкуренты Соловьева на кафедру, о которых также можно было узнать из рукописных воспоминаний историка. Вполне возможно, что с воспоминаниями Соловьева Ключевского мог ознакомить разбиравший архив профессор его тесть Нил Александрович Попов⁴⁷⁴, женатый на дочери Соловьева – Вере. После 1881 г. архив Соловьева был разделен между наследниками (что стало причиной его частичной утраты). Интересно отметить, что Ключевский больше никогда не ссылался на эти воспоминания⁴⁷⁵. Между тем, другой зять Соловьева – П.В.

⁴⁷⁰ Соловьев С.М. Древняя Россия // Русский вестник. 1856. Т. 1. № 1. Кн. 1. С. 11–31. Ключевский называет это произведение «одной статьей 1857 года», что не верно с фактической точки зрения.

⁴⁷¹ Соловьев С.М. Исторические письма // Русский вестник. 1858. Т. 14. № 3. Кн. 1. С. 5–28; Т. 15. № 5. Кн. 2. С. 215–235; 1859. Т. 20. № 3. Кн. 1. С. 5–22.

⁴⁷² Первое отдельное книжное издание: Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг., 1915. Далее цит. по изданию: Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983.

⁴⁷³ Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев (умер 4 октября 1879 г.) // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 7. Специальные курсы. С. 303–310. М., 1989. С. 303.

⁴⁷⁴ См. Попов Н.А. Отрывки их творческой биографии С.М. Соловьева, составленный по его бумагам // НИОР РГБ. Ф. 285. Оп. VI. Д. 9.

⁴⁷⁵ О «Записках» как историческом источнике в оценках современных историков см.: Антощенко А.В. Эмоциональный мир автобиографии С.М. Соловьева // Отечественная культура

Безобразов – именно на этом источнике написал биографию Сергея Михайловича для проекта Ф. Павленкова⁴⁷⁶.

В статье появляются и новые темы, связанные с проникновением Ключевского в творческую лабораторию Соловьева. Так, Василий Осипович попытался ответить на вопрос о том, как связано содержание курсов по истории России Соловьева в университете с его «Историей России» (интересно отметить, что и сам Соловьев в своих «Записках» задается этим вопросом), полностью восстановил концепцию русской истории Соловьева⁴⁷⁷.

Общий подход Ключевского к Соловьеву чем-то напоминают цитату из Грановского, которая находится в «Записках» Сергея Михайловича: «Мы все вступили на кафедры учениками, а Соловьев вступил уже мастером своей науки, то есть науки русской истории»⁴⁷⁸. По Ключевскому выходило, что окрепший философски Соловьев, выбравший единственно правильный путь – путь создания научной истории, стал транслировать с кафедры уже продуманные, выстраданные представления об органическом развитии русской истории. Соловьев вступил на кафедру русской истории человеком со сложившимся мировоззрением. Он многое прочувствовал и продумал.

Соловьев у Ключевского, таким образом, занял определенную нишу в развитии научной истории в России. Главным его наследием становились книги и мысли, потому что «в жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли». А в «истории нашей науки и литературы было немного жизней, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь Соловьева»⁴⁷⁹.

историческая мысль XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов. Вып. 5 / под. ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2019. С. 30–53.

⁴⁷⁶ Безобразов П.В. С.М. Соловьев: Его жизнь и научно-литературная деятельность. Биографический очерк с портретом. СПб., 1894.

⁴⁷⁷ Концепция не разбирается в данной статье, поскольку это не обязательно для темы нашего исследования.

⁴⁷⁸ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 292.

⁴⁷⁹ Ключевский В.О. С.М. Соловьев. С. 319.

Следующее обращение Ключевского к образу Соловьева приходится на 1890-е гг. В это время в рамках исторического общества при Московском университете, созданном В. И. Герье, но ядро которого составляли так называемые «павликаны» – студенты и ученики П. Г. Виноградова, проводятся заседания, посвященные памяти отцов-основателей исторического образования в Московском университете. И если традиция памяти о профессоре кафедры всеобщей истории в Московском университете – Т. Н. Грановском – была достаточно развитой⁴⁸⁰, чему свидетельством были студенческие воспоминания⁴⁸¹, популярные, научно-популярные и академические книги о Грановском⁴⁸², то относительно кафедры российской истории подобного предания и его толкования не было. В результате именно Ключевский попытался создать образ Соловьева-учителя, который он хотел актуализировать для современных студентов и частично противопоставить его традициям кафедры всеобщей истории.

Как следствие, Ключевский выбрал новые краски для изображения Соловьева. Вместо мыслителя, погруженного в работу над историей в закрытом от посторонних кабинете, он нарисовал портрет профессора-проповедника и воспитателя: «Преподавание принадлежит к разряду деятельностей, силу которых чувствуют только те, на кого обращены они, кто непосредственно испытывает на себе их действие; стороннему трудно растолковать и дать почувствовать впечатление от урока учителя или лекции профессора. В преподавательстве много индивидуального, личного, что трудно передать и еще труднее воспроизвести.

---

⁴⁸⁰ Цыганков Д.А. Т. Н. Грановский в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Т. 93. С. 57–76.

⁴⁸¹ Еленев Ф.П. Магистерский диспут Грановского. Из студенческих воспоминаний Ф.П. Еленева // Русский архив. 1889. Т. 69. Вып. 8. С. 564–568; Обнинский П.Н. Из воспоминаний юриста // Русский архив. 1892. Вып. 1. С. 100–118 и др.

⁴⁸² Станкевич А.В. Тимофей Николаевич Грановский (Биографический очерк). М., 1869; Плотников М.А. Тимофей Николаевич Грановский. По поводу сорокалетия со дня его смерти // Образование. 1895. № 10; Милюков П.Н. Университетский курс Грановского // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам: литературно-научный сборник. М., 1898. Ветринский Ч. (В. Е. Чешихин) Т.Н. Грановский и его время: Исторический очерк. М., 1897; Лёвшин Д.М. Т. Н. Грановский (Опыт исторического синтеза). СПб., 1902.

Писатель весь переходит в свою книгу, композитор – в свои ноты, и в них оба остаются вечно живыми. Раскройте книгу, разверните ноты, и, кто умеет читать то и другое, перед тем воскреснут их творцы. Учитель – что проповедник: можно слово в слово записать проповедь, даже урок; читатель прочтет записанное, но проповеди и урока не услышит»⁴⁸³.

В новом прочтении Соловьев у Ключевского – кабинетный ученый, многое передумавший у себя в келии и решивший поделиться сокровенным с молодежью. Начиная лекцию, Соловьев Ключевского явно воодушевляется, ему хочется импровизировать, именно говорить, а не читать лекцию. Перед слушателями стоит поэт-пророк «с закрытыми глазами, немного раскачиваясь на кафедре»⁴⁸⁴. Духовный подъем Соловьева на лекциях приводит к необычайному эффекту. Как педагог, Соловьев с двух сторон начинает освещать «излагаемые им исторические факты: одну из них можно назвать прагматической (об этом Ключевский подробно рассказывал в предыдущих статьях – Д.Ц.), другую – моралистической.... Соловьев был историк-моралист: он видел в явлениях людской жизни руку исторической Немезиды или, приближаясь к языку древнерусского летописца, значение правды Божией. Я не вижу в этом научного греха, эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная к сознанию своею нравственною стороною, та же научная связь причин и следствий, только приложенная к явлениям добра и зла, помышления и воздействия. Соловьев был историк-моралист в том простом смысле, что не исключал из сферы своих наблюдений мотивов и явлений нравственной жизни. Кто из слушателей Соловьева не запомнил на всю жизнь этих нравственных комментариев, что «общество» может существовать только при условии жертвы, когда члены его

---

⁴⁸³ *Ключевский В.О.* Соловьев как преподаватель // Издания исторического общества при Московском университете. М., 1896. С. 184–194. Цит. по: *Ключевский В.О.* Соловьев как преподаватель // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. 7. Специальные курсы. М., 1989. С. 320.

⁴⁸⁴ *Ключевский В.О.* Соловьев как преподаватель. С. 322. Ключевский реконструирует те произведения Соловьева, к которым восходили его лекции – введение к 13 тому «Истории России», статьи («Начала русской земли», «Древняя Россия», «Исторические письма»; удивительно, что Ключевский не упоминает «Публичных чтений о Петре Великом»).

сознают обязанность жертвовать частным интересом интересу общему, что уже первоначальное, естественное общество человеческое, семейство, основано на жертве, ибо отец и мать перестают жить для самих себя, что общество тем крепче, чем яснее между его членами сознание, что основа общества есть «жертва», что «европейское качество всегда торжествовало над азиатским количеством» и что это качество состоит в «перевесе сил нравственных над материальными», что величие древней Руси заключалось в сознании своих несовершенств, в сбереженной ею способности не мириться со злом, в искреннем и горячем искании выхода в положение лучшее посредством просвещения. Все это, повторяю, довольно элементарно, но все это должно быть продумано на студенческой скамье и только на ней может быть продумано, как следует»⁴⁸⁵.

Фактически Ключевский при создании нового образа Соловьева делал профессора русской истории воспитателем русского юношества подобным Грановскому. Абсолютно о том же вспоминал заставший раннего Соловьева К. Н. Бестужев-Рюмин: «Для него, как и для Грановского, история была наука, по преимуществу, воспитывающая гражданина. Для того и для другого поучительный характер истории заключался не в тех прямых уроках, которыми любила щеголять историография XVIII в. и которыми богаты страницы Карамзина, где выставляются герои добродетели, как на Монтионовских состязаниях, в пример для подражания, чудовища порока, как спартанские пьяные илоты, в образец того, что следует избегать; нет, ни тот, ни другой из этих незабвенных профессоров не считал историю «зеркалом добродетели», но каждый из них имел другую цель: они старались воспитать в своих слушателях сознание вечных законов исторического развития, уважение к прошлому, стремление к улучшению и развитию в будущем; они старались пробудить сознание того, что успехи гражданственности добываются трудным и медленным процессом, что великие люди суть дети своего общества и представители его, что им нужна почва для действия; не с насмешкою сожаления относились они к прошлому, но со стремлением понять его в нем самом

---

⁴⁸⁵ Ключевский В.О. Соловьев как преподаватель. С. 327.

и в его отношениях к настоящему: «Спроси человека, с кем он знаком, и мы узнаем человека; спроси народ об его истории, и мы узнаем народ»⁴⁸⁶.

Однако новый образ, предложенный Ключевским, пришел в противоречии с воспоминаниями о Соловьеве студентов, заставших Сергея Михайловича на излете его преподавательской карьеры в 1870-е. Так, Н. И. Кареев отмечал, что в отличие от искавших общения со студентами профессоров кафедры всеобщей истории, Соловьев к подобным коммуникациям не стремился и держал себя по отношению к молодежи настоящим генералом⁴⁸⁷. Весьма распространенным был взгляд, что поздний Соловьев плохо готовился к лекциям и превращал их в публицистические споры со своими критиками. Зло и бестактно эту мысль подчеркнул П. Н. Миллюков: «Я раз пошел на его лекцию. Профессор импровизировал, очень обобщая факты. Он говорил утомленным голосом о "жидком элементе" в русской истории. В который раз приходилось ему выжимать смысл из 28 томов его "Истории"! Но "жидкие элементы" проходили отвлеченными призраками и внимания слушателей не задерживали. В следующем году Соловьев умер»⁴⁸⁸.

В результате попытка Ключевского показать Соловьева как педагога, оказавшего сильное влияние на студенческую массу, оказалась неудачной. Более того, в 1890-е гг. частыми стали разговоры, что в профессиональном отношении для нового поколения историков гораздо более важным является влияние, оказанное профессорами кафедры всеобщей истории, а у историков России нет строгой методы подготовки учеников⁴⁸⁹. Вероятнее всего, именно под влиянием этих разговоров Ключевский создает новый портрет учителя, который может рассматриваться как программный текст «школы Ключевского»⁴⁹⁰.

⁴⁸⁶ Первая публикация: *Бестужев-Рюмин К.Н.* С.М. Соловьев // ЖМНП. 1880. ССVII Ч. 207. № 2. С. 273–287. Цит. по: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997. С. 215–216.

⁴⁸⁷ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 121–122.

⁴⁸⁸ *Миллюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 70.

⁴⁸⁹ См. например, *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 155–169.

⁴⁹⁰ *Ключевский В.О.* Памяти С.М. Соловьева (умер 4 октября 1879 г.) // Научное слово. 1904. Кн. 8. С. 117–132. Цит. по: *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. 7. Специальные курсы. С. 329–344.

Соловьев под пером Ключевского превращается в историка новой России, одного из немногих специалистов по истории XVIII в. (интересно отметить, что и в предыдущих работах о Соловьеве Ключевский не уделял много внимания Сергею Михайловичу как специалисту по средневековой России, утверждал, что тот при критике родовой теории часто соглашался с оппонентами⁴⁹¹), архивная разработка проблем которого становится визитной карточкой именно московских историков, резко выделяющих москвичей среди других сообществ историков в России.

Такой образ Соловьева был сконструирован Ключевским очень своеобразно. По мнению Ключевского, Сергей Михайлович вполне мог планировать создание 35-ти томной истории России, в которой 12 томов были предисловием, а остальные, из которых он успел написать лишь 17 из 23, посвящались 18 веку⁴⁹². Под этим углом зрения главный вопрос, на который отвечал Соловьев в своем труде – это вопрос о древней и новой России, живая связь между которыми – государственные преобразования 18–19 вв. Фактически Ключевский подводил к тому, что проблематика диссертаций его учеников, а также созданный им курс истории – и есть выполнения завета учителя, которому Ключевский обязан всем тем, что у него есть.

Именно Соловьев, буквально живший в архивах, обратил внимание историков на актовые (разрядные книги, писцовые книги) и делопроизводственные материалы, на которых и стали строить свои работы ученики Ключевского. Правда, Соловьев, по мнению Ключевского, был слишком оптимистичным по отношению будущих взаимоотношений между обществом и государством. Ключевский и его ученики при изучении реформ в России неожиданно вскрыли тот факт, что не только Россия менялась благодаря

---

⁴⁹¹ «Его нравственный характер очень поучителен. Готовый поступиться многим в своей теории родовых княжеских отношений на Руси ввиду достаточных оснований, Соловьев не допускал сделок в нравственных отношениях; осторожный в решении научных вопросов, он был решителен в вопросах нравственных, потому что основные правила, которыми он руководился при решении этих последних вопросов, имели в его сознании значение не теории, а простой математической аксиомы». Цит. по: *Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 7. С. 334.*

⁴⁹² *Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 7. С. 336–337.*

преобразованиям, на чем настаивал Соловьев, но Россия меняла реформы, что стало достижением работ учеников Ключевского.

Соловьев в последней статье Ключевского, посвященной учителю, превращался в родоначальника школы русских историков Московского университета, лидером которой на рубеже веков был Ключевский. В магистерских же диссертациях учеников Ключевского, некоторые из которых уже были защищены к моменту написания статьи Ключевского о Соловьеве, сообщество получало конкретные результаты рассмотрения реформ 18 века. Интересно отметить, что именно вопрос о Ключевском как преемнике Соловьева охотно поддерживали и сами ученики Василия Осиповича.

Так, очень близок в понимании Соловьева к Ключевскому оказался М. М. Богословский, которого Ключевский попросил сделать доклад о своем учителе к заседанию, посвященному 25-летней дате со дня смерти Сергея Михайловича, проводившемуся в торжественном собрании Общества истории и древности российских.

Богословский, как и его учитель, резко разделил эпоху Карамзина, чьи тома к середине 19 века задвигались читателями все дальше на полках, и эпоху Соловьева, эпоху научной истории. По мнению Богословского, Соловьев объединил две линии в изучении истории, проявлявшие себя в России во второй четверти XIX в. Линию от М. Т. Каченовского, где происходило изучение источников без их обобщения (к ней же Богословский относит и М.П. Погодина, фактически не упоминаемого в работах профессоров Московского университета). И линию философов, где обобщения не базировались на хорошей источниковой базе. В «Истории России» Соловьева «мыслитель соединился с исследователем».

Особенностью Соловьева было чтение курса и написание «Истории...» с всемирно-исторической точки зрения: «жизнь человечества представляется ему как единый цельный исторический процесс, в котором действует закон развития. Этот процесс он рассматривает как одно из явлений природы, подлежащее такому же изучению, как и другие явления природы, например, космические или биологические. Он имеет всеобъемлющий характер, включая в себя все

человечество, существующее на земле. Племя за племенем втягиваются в водоворот всемирной истории, принося каждое как общий вклад свои физиологические расовые особенности и бытовые черты, выработанные в эпоху особногo существования. Так классический мир втянул в себя германцев, так за ними вступили в процесс славяне, далее наступила очередь монгольского востока»⁴⁹³.

Заслугой Соловьева Богословский посчитал то, что Ключевский считал достижением своих учеников: история не только творится героями, но вынуждена и учитывать обратное воздействие на планы великих личностей со стороны массы, что и показывала история противостояния родовых и государственных начал, сопротивление реформам Петра.

Богословский в отличие от Ключевского указал и на то, что история XVIII в. Соловьеву не во всем удалась. Гармония между мыслителем и повествователем, характерная для первых томов «Истории России» Соловьева, исчезает в томах «Истории», освещающих эпоху после петровских преобразований. Соловьев, по мнению Богословского, не сумел до конца переосмыслить тот архивный материал, который был у него под руками.

Интересны выводы Богословского. Они критичны: «Едва ли кто в наши дни серьезно станет ставить себе задачей написать историю России в таком же фактическом изложении, как это пытался сделать Соловьев... Теперь работа расчленилась: фактическое изучение процесса возможно только в монографиях, посвященных только одной его стороне... заслуга Соловьева заключается в том, что он выдвинул само понятие об историческом процессе как едином целом, естественном явлении»⁴⁹⁴. В оценке Соловьева Богословский возвращался к раннему Ключевскому, показывая, что наследие Соловьева, скорее в трудах историка, нежели в его преподавательской деятельности. И что историк больше понятен профессионалам, чем широкому кругу читателей, которые давно уже

---

⁴⁹³ *Богословский М.М.* Научное значение работ С.М. Соловьева // *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 16.

⁴⁹⁴ *Богословский М.М.* Научное значение работ С.М. Соловьева. С. 22.

захвачены «Курсом русской истории» Ключевского. Человеком, сделавшим понятным наследие Соловьева для общества, Богословский называет Ключевского.

Коммеморации о Соловьеве в сообществе московских историков постепенно становились частью рассуждения о школе Ключевского. Сам Василий Осипович в связи с обсуждением своего предшественника становился ключевой фигурой в сообществе московских историков.

5.3. Учебный план историко-филологического факультета

Устав 1884 г.⁴⁹⁵ оставил на историко-филологическом факультете то же число кафедр, что и было по уставу 1863 г. К историческим относились 3 кафедры⁴⁹⁶: кафедра всеобщей истории, кафедра российской истории и кафедра церковной истории, которая по уставу 1863 г. называлась кафедрой истории церкви⁴⁹⁷.

Фактически обсуждения проблем развития исторического образования при подготовке устава 1884 г. не происходило⁴⁹⁸. Пожелание профессоров историков о введении в штатное расписание трех профессорских должностей на кафедре российской истории и также трех на кафедре всеобщей истории учтено не было. По штатному расписанию за историческими кафедрами было сохранено по одному ординарному профессору, а количество экстраординарных профессоров регулировалось общими штатами университета.

---

⁴⁹⁵ История подготовки см. *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976. При итоговом утверждении устава в Государственном совете 14 его членов высказались решительно против его введения (С. 52). В числе противников устава находились бывшие министра народного просвещения – Е.П. Ковалевский, А.В. Головнин, А.П. Николаи и обер-прокурор К.П. Победоносцев. Император Александр III утвердил устав «по мнению меньшинства», что вызвало недоумение у председателя великого князя Михаила Николаевича (С. 143).

⁴⁹⁶ Отчет о состояниях Императорского Московского Университета за 1888 г. М., 1889. С. 45.

⁴⁹⁷ *Чесноков В.И.* К вопросу о влиянии устава 1884 г. на университетское историческое образование в России // *Российские университеты в XVIII – XX вв.* Вып. 4. Воронеж, 1999. С. 50, 53.

⁴⁹⁸ *Чесноков В.И.* К вопросу о влиянии устава 1884 г. С. 55.

Для составления каталога лекций и семинаров в каждый предшествующий чтению курса семестр (затем стали создавать каталоги на каждый учебный год) профессора и приват-доценты подавали свои заявки на факультет о чтении обязательных и необязательных курсов по отделениям, деканы сводили их в итоговый список и передавали ректору, который в печатном плане обзора указывал время и место чтения того или иного курса. Заявки профессоров должны были обеспечить учебный план. Сверх обязательных часов профессор имел право читать любые курсы по профилю своей кафедры. Устав 1884 г., развивавший институт приват-доцентов, то есть внештатных преподавателей, позволял любому ученому читать лекции по своему научному направлению (за приват-доцентами указывалось направление: русская история или всеобщая история), после прочтения одобренных профессорами факультета лекций и утверждении попечителя учебного округа. Министр имел право требовать «для ознакомления» любой университетский курс. За благонадежность приват-доцентов отвечал попечитель.

Факультет теоретически мог составлять любое количество планов для различных факультетских отделений. Однако очень быстро министерство взяло на себя обязанность составления «примерного» учебного плана, поручив его Учебному комитету, в котором ведущую роль играл выпускник и магистр Московского университета А.И. Георгиевский, бывший одним из идеологов классификации историко-филологических факультетов.

Сославшись на необходимость привести учебный процесс с «действительными потребностями государства», блок классических филологических дисциплин в этом учебном плане был превращен в основу подготовки студентов на историко-филологическом факультете. Фактически «примерным планом» специализация по истории была упразднена. Предметы исторического профиля были включены в учебную группу «Б» как вспомогательные.

Как указывает специально занимавшийся этой темой В.И. Чесноков: «Упражнения в греческом и латинском, перевод на них с русского и наоборот,

чтение и толкование античных авторов и изучение в связи с этим грамматики языков должны были занять львиную долю в учебном времени студента. Блок классических языков усиливался историей греческой и римской литератур, античными древностями и греческой философией. Выработанный в Ученом комитете документ, упразднил сложившуюся в университетах специализацию студентов по трем отделениям – классической филологии, славяно-русской филологии и историческому. Предметы словесной и исторической подготовки за пределами классической филологии превращались в дополнительные к последней, факультеты лишались возможности не только вводить в преподавание новые предметы, но и выдерживать прежний объем чтения дисциплин фундаментальной исторической и словесной подготовки: предел недельной аудиторной нагрузки на студента был определен министерством в 18 часов»⁴⁹⁹. На время на историко-филологическом факультета Московского университета были отменены все обязательные исторические семинарии, вместо них вводились практические занятия по древним языкам.

Устав 1884 года дал министру народного просвещения возможность контролировать учебный процесс с помощью государственных экзаменов. Только после сдачи государственного экзамена студенты получал либо диплом 1-й степени, либо диплом 2-й степени. Поскольку в государственных экзаменационных комиссиях экзамены должны были принимать приглашенные из других университетов ученые или представители министерства, то разработчики устава надеялись на то, что они разорвут связи между студентами и очень популярными в среде молодежи профессорами, которые, согласно взглядам министерской бюрократии, негативно влияли на молодежь. Теоретически, согласно задумкам идеологов нового университетского устава, профессора, проводя зачеты полугодий по своим предметам, не должны были препятствовать плавному переходу студентов от семестра к семестру и от курса к курсу. О неспособных студентах после зачетов и экзаменов профессора должны были уведомлять Совет факультета, а не самих студентов, которых до итогового

---

⁴⁹⁹ *Чесноков В.И.* К вопросу о влиянии устава 1884 г. С. 56.

государственного экзамена ничего не могло остановить в движении к получению диплома⁵⁰⁰.

Для получения диплома студенты должны были написать прошение о допущении к государственному экзамену на имя ректора и внести плату в университет за государственные экзамены. Для проведения государственных экзаменов в университет назначалась комиссия. Комиссию по решению министерства возглавлял председатель (им мог быть чиновник министерства народного просвещения), в нее входили по 2 профессора от отделений факультета. На экзамене студенты должны были получить не менее 9 оценок. За все письменные вопросы студенты должны были получить оценку «весьма удовлетворительно», причем таких работ должно было быть не менее четырех. Предметы делились на «общеобразовательные» и предметы группы «Б». На практике это означало, что большинство вопросов на государственном экзамене были из области филологии. Первая программа испытаний была создана в 1888 году⁵⁰¹. 27 октября 1890 г. была утверждена форма диплома. В диплом вносились все оценки, не указывалась специализация⁵⁰².

Окончившие университет с отличием (это выяснялось только после получения оценок на государственных экзаменах, но для получения диплома нужно было написать сочинение до экзамена) получали диплом 1-й степени (давал право на потомственное почетное гражданство), после получения которого можно было заниматься наукой и готовиться к научной карьере, или диплом 2-й степени (давал право на личное почетное гражданство). Государственный экзамен можно было пересдать 2 раза, пересдача в 3-й раз не допускалась.

В 1889–1890 гг. экзамен сдали 244 выпускника историко-филологических факультетов: 83 из них получили диплом первой степени, 93 – второй, 68 –

⁵⁰⁰Правила о зачете полугодий и о полукурсовых испытаниях на историко-филологическом факультете // Протоколы заседаний Императорского Санкт-Петербургского университета за осеннее полугодие 1889 г. № 41. СПб., 1890. С. 31–34.

⁵⁰¹ Программа испытаний в комиссии историко-филологической ЖМНП. 1888. ССCLIX. Октябрь. С. 1–18.

⁵⁰² Диплом для факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и восточных языков // ЖМНП. 1891. ССCLXXIII. Январь. С. 7–9.

провалились. Не аттестованных в Санкт-Петербурге оказалось – 14 человек, в Москве – 35⁵⁰³. Из-за небольшого количества студентов на государственных экзаменах примерный план, разработанный Георгиевским, был отменен⁵⁰⁴.

Это привело к изменению системы организации занятий на историко-филологическом факультете. Согласно «Требованиям к экзаменуемым в испытательных комиссиях по отделу историческому», принятым 10 декабря 1890 г., отменялись зачеты полугодий (определенное количество курсов, меньше которых студент не мог слушать в течение семестра), введены полукурсовые экзамены на 2-м курсе, которые не включались в итоговый государственный экзамен⁵⁰⁵.

Университетский устав 1884 г. в отличие от устава 1863 г. сделал обязательными практические занятия по специальности⁵⁰⁶. Согласно статье 96 устава: «При историко-филологическом, физико-математическом и юридическом факультетах устраиваются практические упражнения студентов под руководством профессоров (семинарии), с необходимыми при том учебными пособиями»⁵⁰⁷.

Согласно «Правилам о зачете полугодий», студенты обязаны были посетить определенное в зависимости от отделения количество лекций и практических занятий в неделю из предметов, входящих в состав испытаний в государственной комиссии, из которых не менее половины должны были быть связаны с общеобразовательными предметами. К общеобразовательным предметам относились: домашнее изучение греческих и римских авторов; написание письменных работ; домашние работы по русской истории. Студент, имеющий

⁵⁰³ Чесноков В.И. К вопросу о влиянии устава 1884 г. С. 61.

⁵⁰⁴ Несколько сведений об окончательных университетских испытаниях в комиссиях в 1889 и 1890 гг. // ЖМНП. 1891. ССLXXIII. Июль. С. 39–40. Вся статья – С. 23–45.

⁵⁰⁵ Правила, требования и программы испытаний в комиссиях историко-филологической. ЖМНП. 1891. ССLXXIII. Июль. С. 3–41.

⁵⁰⁶ Отметим, что до принятия устава 1884 г. только в Харьковском университете практические занятия были мерой оценки знаний студентов и перевода их на следующий курс. Университетский вопрос // ЖМНП. 1876. CLXXXVII. С. 163.

⁵⁰⁷ ПСЗ. 3-е собрание. Т. IV (1884). № 2404.

«зачет полугодий», прошедший «полукурсовые испытания» и выполнивший учебный план получал выпускное свидетельство⁵⁰⁸.

Оставленные в университете историки для подготовки к профессорскому званию делились на 4 разряда: всеобщая история, русская история, история церкви, теория и истории искусств. Оставленные для подготовки к профессорскому званию по всеобщей истории и история искусств должны были направляться в обязательном порядке в заграничную командировку с ученой целью, оставленные по русской истории и истории церкви в командировку могли отправиться по необходимости

В Московском университете в учебных планах древняя история оставалась общим предметом для студентов всех отделений, а средневековая и новая история становились предметами специализации для исторического отделения, которые не слушали филологи, следовательно, они переносились на 3 и 4 курсы.

Московские историки начали борьбу за возвращение прежнего значения исторических дисциплин в университете, то есть превращение этих дисциплин в обязательные для всех студентов историко-филологического факультета. Благодаря инициативе П.Г. Виноградова и В.И. Герье, а также выполнявшего функцию координатора всеобщих историков русских университетов – Кареева⁵⁰⁹, было подготовлено письмо министру И.Д. Делянову: «Ваше Сиятельство граф Иван Давидович! Во время VIII Археологического съезда в Москве собрались профессора всеобщей истории из пяти русских университетов⁵¹⁰. Такое сближение людей, связанных общим научным интересом, не могло не привести их к обмену мыслей по поводу положения отведенного всеобщей истории в последнем учебном плане для историко-филологических факультетов. В этом отношении нижеподписавшиеся единогласно сочли долгом своим высказаться за

⁵⁰⁸ Правила о зачете полугодий и о полукурсовых испытаниях на историко-филологическом факультете // Протоколы заседаний Императорского Санкт-Петербургского университета за осенне полугодие 1889 г. № 41. СПб., 1890. С. 31–34.

⁵⁰⁹ Подробнее см.: Письма Н.И. Кареева (№ 22, 23, 24, 25, 26) // Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 129–132.

⁵¹⁰ Подписи в итоге дали профессора 4 университетов.

необходимость сохранения общих курсов по Европейской истории для студентов всего факультета, до разделения их на предполагаемые три или четыре отделения.

Сохранение общих курсов в минимальном размере (по одному семестральному 4[-]х часовому курсу для средневековой со включением Римской империи и для Новой истории) одинаково необходимо как в интересах исторического отделения, так и в интересах всего факультета.

В первом отношении указанная необходимость вызывается следующими соображениями: общие курсы должны предшествовать тем специальным курсам и изучению источников, которые составляют главный предмет занятий на старших курсах.

Общие только курсы могут дать студентам то связное представление о их предмете, то понимание исторической жизни и законов истории, без которых не может быть истинно плодотворной разработки частных, – между тем на старших курсах студенты, увлекаясь специальностями и дробя свое внимание, редко бывают в состоянии правильно и с надлежащим напряжением следить за общими курсами. Впечатлительность и потребность связных представлений у молодых людей при поступлении их в университет побуждают их интересоваться общими курсами, и не давать этой пищи их уму, значит, пропускать самое благоприятное время для их развития.

Но не менее необходимы общие курсы по Европейской истории для студентов всего факультета. Европейская история представляет тот ствол, из которого выросли все дисциплины, составляющие предмет научных занятий на разных отделениях – история литературы романской и германской, самые памятники языка, изучаемые лингвистами, история философии, искусство и наука вообще, и, в известном смысле, история церкви и славянства. Древняя история составляет лишь подготовительную ступень к общей истории европейского человечества и может быть правильно освещена лишь при знакомстве с более полным и продолжительным историческим процессом. Таким образом, европейская история, простирая свое влияние на всю сферу знания в области историко-филологического факультета становится на нем одним из главных

общеобразовательных предметов. Желание дать преподаванию на первых четырех семестрах национальный оттенок <зачеркнуто слово: отпечаток>, насколько этому не противоречит. Чем шире и основательнее почва, на которой развивается национальное образование, тем высшего оно достоинства, тем более оно имеет право на внимание со стороны других наций. Историко-филологический факультет есть рассадник русских учителей, писателей и ученых. Эти лица, по роду своей деятельности и по своему влиянию, преимущественно должны стоять на высотах современного европейского образования, и может ли быть достигнута эта цель исключением из их преподавания именно того предмета, который представляет прямую связь с этим образованием и первое в нем звено?

Относительно самого осуществления высказанного здесь желания, т. е. внесения общих курсов европейской истории в программу чтений первых 4 семестров, нижеподписавшиеся не считали необходимым входить в подробности, так как всего целесообразнее было бы предоставить исполнение этой меры отдельным факультетам, соответственно местным условиям и потребностям.

Проф. Моск. Унив. Павел Виноградов.

Проф. Моск. Унив. Владимир Герье.

Проф. Новорос. Унив. Ф. Успенский.

Проф. Универс. св. Владимира Ф. Фортинский

Проф. Унив. св. Владимира Иван Лучицкий

Проф. С. Петерб. Университета Н. Кареев»⁵¹¹.

В документе не было подписи члена Ученого комитета МНП и влиятельного всеобщего историка В.Г. Васильевского. Но как свидетельствовал Кареев, Васильевский, с которым он говорил «о нашем деле», в принципе «ему сочувствует», «хотя и не придает ему такого значения, как мы». «Так как, однако, — замечал Николай Иванович, — он уже высказал в факультете свое согласие с теперешним планом и так как при том не знает, как можно было бы практически

⁵¹¹ НИОР РГБ. Ф. 119. К. 9. Д. 78. Л. 1–2 об. Опубликовано: Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924 гг.) / [изд. подгот. А.В. Антощенко]. СПб., 2020. С. 530–531.

осуществить проектирование общего курса, то своей подписи под нашим документом он не дает. Вместе с этим он обещал мне не противодействовать делу в ученом комитете, если оно туда поступит и будет стоять на той точки зрения, чтобы не делать общих курсов для студентов младших семестров обязательными для всех факультетов, а представить каждому решать вопрос по-своему. Само собою, разумеется, что разговор наш имел конфиденциальный характер»⁵¹².

Профессор Казанского университета Н. Осокин был извещен о проекте и ждал проекта письма, которое обещал ему выслать Герье. Однако, получив подписи историков из Киева, предварительно направив туда оригинал письма, организаторы документа решили не пересылать его в Казань, поскольку это заняло бы много времени. Осокину во избежания промедления предложили подписать письмо заочно по телеграфу. Без знакомства с документом казанский профессор это делать отказался и предложил доставить письмо министру без его подписи⁵¹³.

Лично в министерство письмо отвез Кареев 8 февраля 1890 г., о чем сообщал в письме Герье. «Сущность ее (просьбы – Д.Ц.) содержания я передал ему на словах, объяснив отсутствие подписи Осокина, – писал Н.И. Кареев. – Первый ответ Делянова был тот, что времени на факультете разными предметами и без того занято много времени. Когда я стал ему говорить об особой важности европейской истории для всех студентов факультета, он сослался на то, что учат же этой истории в гимназиях, и что главное все знают. Понятно, что мне оставалось только рассказать, как учат (недостаток времени, отсутствие экзамена по средней и новой истории в VIII классе и т.п.) и что знают (ответы вроде того, что Карл В. был в XIII в. и что Наполеон I был Бурбон и т.п.), но министр обвинил во всем учителей, которые слишком много философствуют, вместо того, чтобы требовать знания фактов, и указал на то, что учебники слишком обширны для основательного их усвоения.

Оказывается, что в гимназиях историю предлагается сократить до размеров «среднего Иловайского». «В таком случае, спросил я, неужели можно считать

⁵¹² Письма Н.И. Кареева // *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 129.

⁵¹³ Там же. С. 130.

достаточным, чтобы лицо, кончившее курс не на историческом отделении историко-филологического факультета, знало по средней и новой истории только это?». Кажется, аргумент этот подействовал, и министр обещал внимательно рассмотреть нашу записку. С своей стороны я прибавил, что внесу в свой факультет записку о том, как следовало бы, по моему мнению, организовать у нас историческое преподавание. Вот и все, что я могу написать Вам по этому делу. Прошу Вас сообщить это письмо и П.Г. Виноградову»⁵¹⁴.

20 февраля Кареев сообщал, что «вероятно, наш мемориал остался без последствий. Министром признаны общеобязательными предметами для первых четырех семестров древняя история, древние языки, древняя философия, церковно-славянская грамматика и русская история: вот Вам ответ на «нашу петицию»⁵¹⁵. Кареев возбудил вопрос о будущем исторических дисциплин на историко-филологическом факультете Петербургского университета, но добился лишь того, что «особые курсы по средней и новой истории будут рекомендоваться студентам первых четырех семестров наравне с курсами «по общему славяноведению и археологической пропедевтикой». «Я знаю, – продолжал Кареев, – что к всеобщей истории в научном и европейском смысле отношение теперь не особенно авантажное, и мне, например, наши классики доказывали, что магистру древней истории (занимающемуся притом хронологией афинских архонтов III в. до Р.Х.) можно обойтись без всякого знания средней и новой истории, а такое мнение есть мнение, так сказать, отраженное из иных сфер, где, конечно, предпочитают историка-хронолога или археолога»⁵¹⁶.

Учебный план студента, пришедшего на историко-филологический факультет Московского университета в 1889 г., выглядел следующим образом (за основу взят учебный план М.О. Гершензона, составленный на основании его писем к родным).

Таблица № 2

⁵¹⁴ Там же. С. 130–131.

⁵¹⁵ Там же. С. 131.

⁵¹⁶ Письма Н.И. Кареева. С. 130. Повреждения в письме.

**Учебный план студента историко-филологического факультета
Московского университета М.О. Гершензона в 1899 г.**

Предмет	Семестр	Часы	Преподаватель
1889 г., осень			
Латинские писатели (Овидий)	1	3	Ф.Е. Корш
Греческие писатели (Андокид)	1	3	Д. И. К. Томазини
Практические упражнения в лат. яз.	1	2	
Практические упражнения в греч. яз.	1	2	
История Греции	1	4	П.Г. Виноградов
Новая история (история Европы с конца XVII до начала XIX в.)	1	3	В.И. Герье
Политические теории XVIII в.	1	1	В.И. Герье
Древняя история Востока	1	1	М.С. Корелин
Семинарий по истории Греции	1	2	П.Г. Виноградов
Семинарий по новой истории	1	2	В.И. Герье
1890 г., весна			
Латинские писатели (Овидий)	2	3	Ф.Е. Корш
Греческие писатели (Андокид)	2	3	И.К. Томазини
Практические упражнения в лат. яз.	2	2	
Практические упражнения в греч. яз.	2	2	
История средних веков	2	4	П.Г. Виноградов
Римская история	2	4	В.И. Герье
Древняя история Востока	2	1	М.С. Корелин
Исторический семинарий: исследование источников для римской истории в эпоху борьбы плебеев с патрициями	2	2	В.И. Герье
Психология	2	2	
1890 г., осень			
Объяснение Элегий Тибулла	3	3	Стрельцов
Эврипид. Объяснение трагедии Еврипида «Медея» –толкование текста и сопоставление с одноименными трагедиями Сенеки и Корнелия	3	3	И.К. Томазини
История русской литературы	3	2	М.И. Соколов

Практические упражнения в лат. Языке	3	1	
Практические упражнения в греч. языке	3	1	С.И. Соболевский
Русская история (История России до пресечения Рюриковой династии Московских государей)	3	4	В.О. Ключевский
Новая история (период Реформации)	3	2	В.И. Герье
История западной литературы	3	2	А.Н. Веселовский
Логика	3	2	М.М. Троицкий
Психология	3	2	Н.Я. Грот
1891 г., весна			
Тибулл Объяснение Элегий Тибулла	4	3	Стрельцов
Эврипид	4	3	И.К. Томазини
Практические упражнения в лат. языке	4	1	
Практические упражнения в греч. Языке	4	1	С.И. Соболевский
История русской литературы	4	2	Соколов
История римской империи	4	2	П.Г. Виноградов
История западной литературы	4	2	А.Н. Веселовский
Русская история	4	4	В.О. Ключевский
Психология	4	2	Н.Я. Грот
Логика	4	2	М.М. Троицкий
1891 г., осень			
Тацит	5	2	Стрельцов
История Востока	5	2	М.С. Корелин
История Церкви	5	2	А.М.Иванцов-Платонов
Ист. Нов. философ.	5	2	Л.М. Лопатин
Новая философия	5	2	Л.М. Лопатин
Греческие древности	5	3	А.Н. Шварц
Геродот	5	2	Луньяк
Семинарий по русской истории	5	2	В.О. Ключевский
История западных славян	5	2	И.А. Линниченко
Исторический семинарий	5	2	В.И. Герье
История Франции	5	2	В.И. Герье
История Франции	5	1	
Кальвин и влияние кальвинизма в Европе	5	1	

История Буддизма	5	1	
1892 г., весна			
Тацит	6	2	Стрельцов
	6	2	М.С. Корелин
История Церкви	6	2	А.М.Иванцов-Платонов
Ист. Нов. философ.	6	2	Л.М. Лопатин
Новая философия	6	2	Л.М. Лопатин
Греческие древности	6	3	А.Н. Шварц
Геродот	6	2	Луньяк
Семинарий по русской истории	6	2	В.О. Ключевский
История западных славян	6	2	И.А. Линниченко
Исторический семинарий	6	2	В.И. Герье
1892 г., осень			
Тацит	7	2	Стрельцов
Римские древности	7	3	Г.А. Иванов
Древняя география	7	2	В.М. Михайловский
Плутарх	7	2	А.Н. Шварц
История Византии и южных славян	7	2	Безобразов
История Церкви: История древнего христианства до разделения церквей	7	4	А.М. Иванцов-Платонов
Политическая экономия	7	4	А.И. Чупров
Семинарий по русской истории	7	2	В.О. Ключевский
Исторический семинарий по истории средних веков	7	2	П.Г. Виноградов
1892 г., зима			
Тацит	8	2	Стрельцов
Римские древности	8	3	Г.А. Иванов
Древняя география	8	2	В.М. Михайловский
Плутарх	8	2	А.Н. Шварц
История Византии и южных славян	8	2	Безобразов
История Церкви: история западного христианства после разделения церквей	8	4	А.М. Иванцов-Платонов
Политическая экономия	8	4	А.И. Чупров
Семинарий по русской истории	8	2	В.О. Ключевский
Исторический семинарий по истории средних веков	8	2	П.Г. Виноградов

В целом в течение 1890-х гг. историкам удалось вернуть учебный план к системе общих предметов на 1-и 2 курсе и предметов специализации на старших в том виде, в каком он приблизительно существовал к моменту введения в действие устава 1884 г.⁵¹⁷, что частично отражает уже и учебный план Гершензона.

Во многом это связано с тем, что само министерство, не сумев пролоббировать интересы филологов-классиков в «примерном» (на самом деле, министерство пыталось сделать его «обязательным» учебным планом) фактически отказывалось от вариативности учебного процесса и предметной системы обучения, которая потенциально содержалась в идеологии свободы составления учебных планов факультетами, содержащейся в уставе 1884 г. Вариативности мешала унификация (с помощью программы государственного экзамена от МНП), к которой явно стремился Делянов и добился на этом поприще значительных успехов. Фактически к началу 1890-х гг. в обиход на историко-филологическом факультете Московского университета вернулась старая «курсовая система» с новыми особенностями.

Отчетность по курсам стала более дробной и велась по семестрам, то есть студент должен был отчитаться о посещении определенного числа занятий в семестре. Это был так называемый зачет полугодий: учету подлежала не успеваемость, а участие студента в занятиях. Студент за счет такой отчетности должен был набрать не менее определенного количество лекций и семинаров в неделю (по Правилам о зачете полугодий – не меньше 16 часов в неделю; план Гершензона показывает, что посещал большее число занятий). Посещаемость учитывалась для перехода от одного семестра к другому.

При этом возвращались курсовые экзамены. Достигалось это за счет введения обязательных «полукурсовых» испытаний после 2-го и 4-го семестра. Сданные предметы по полукурсовым экзаменам не входили в состав государственного экзамена, а оценки, полученные по ним, влияли на получение

---

⁵¹⁷ Архивные поиски Антощенко показали, что в октябре 1894 г. Герье и Виноградов вновь предприняли попытку вернуть историю во всем объеме на младшие курсы. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1109. Л. 104–105.

итогового диплома. Как показывают письма Гершензона родным, после окончания первого учебного года он сдавал курсовые экзамены за первый курс для перевода на второй (то есть должен был набрать не менее 3-х баллов за сдаваемые предметы). Интересно отметить, что, если часть курса новой истории Гершензон слушал в первом семестре учебного года, что было ему необходимо для перехода во 2-й семестр, то экзамен по этому предмету он сдавал в мае, что требовалось ему для перевода на 2-й курс.

По окончании 2-го курса также устраивались экзамены: экзамены предметам факультета, которые затем не сдавались на государственных экзаменах. До 1890 года студенты все предметы факультета сдавали только один раз за время обучения в университете – на государственном экзамене.

Формой отчетности за участие в специальных обязательных семинарах для историков был так называемый зачет 6-го семестра. Для его получения надо было сдать промежуточные зачеты за обязательные исторические семинары в течение 5-го семестра (Гершензон упоминает о двух рефератах для получения зачета у Герье; и одном реферате у Ключевского), а также написать итоговое сочинение для зачета 6-го семестра. Интересно о зачете 6 семестра рассказывается в письме Гершензона брату от 4 декабря 1892 г.: «Ты знаешь, что в этом семестре я должен был представить Герье сочинение для зачета шести полугодий – об английской революции, для чего он еще в марте дал мне недавно-вышедшую книгу Brosch'a. Я писал тебе также, что после моего реферата, об Ἀθηναίων πολιτεία, Виноградов, без моего ведома, предложил Герье «отпустить» мне то сочинение и зачесть мне 6 семестр по этому реферату, на что Герье и изъявил свое согласие. Доводами Виноградов выставил 1) мое материальное положение – в виду уменьшения стипендии и 2) достоинство моего реферата. Виноградов об этом говорил уже и декану, и дело получило законный ход. После этого мне оставалось только возвратить Герье Броша, но я считал долгом порядочности – не скрываться от его глаз, а поговорить с ним и сказать, по крайней мере, что я не думал бежать от работы, а дело сложилось без моего ведома. Я говорил об этом Виноградову, и он одобрил мое решение. Но дело было, во всяком случае, довольно щекотливое, и я

откладывал визит с одного воскресенья на другое (Герье принимает по воскресеньям). Прошел месяц. Вчера, наконец, я решился, облачился в мундир, и в час дня позвонил у дверей Герье. С первой минуты я увидел, что он будет сух, как лучина, и односложен как междометие. Я подаю ему Броша, а он говорит: Где же сочинение? Такого вопроса я ожидал менее всего. Я напоминаю ему о его разговоре с Виноградовым, и о том, что он сам дал согласие и т. д. – В первый раз слышу, говорит он. Потом говорит, что считает это неправильным, и что реферат не может зачесть 6-ти семестров, но в виду моего стеснительного материального положения, он не потребует от меня сочинения. На это я отвечаю, что в таком случае, я считаю своим долгом представить ему сочинение. – Нет, зачем же, – говорит он, – ведь формально вам семестры зачтены. Я хотел ему ответить, что взор иногда «красноречивей слов иных», но удержался, пожал его худую, как щепка, руку и удалился»⁵¹⁸.

Наконец, на 4-м курсе нужно было продолжать посещать обязательные семинары. Зачет всех полугодий на 4-м курсе давал студенту возможность получить выпускное свидетельство, наличие которого обеспечивало ему доступ к государственному экзамену.

Гершензон на 4-м курсе решил написать еще и медальное сочинение. Оно писалось на объявленную факультетом конкурсную тему, в которой мог участвовать любой желающий. Победитель и отмеченный наградой за участие в конкурсе студент мог не писать выпускное сочинение. В случае отсутствия награды за конкурсное сочинение (Гершензон эту награду получил) нужно было писать новое выпускное сочинение или подавать медальное, но в таком случае оно могло быть оценено не высшей оценкой.

Кардинальное отличие устава 1884 г. от устава 1863 г. заключалось в том, что все студенты-выпускники должны были писать выпускное сочинение. По уставу 1863 г. его писали студенты-отличники, которые после выпускных экзаменов получали средний балл выше 4 ½. Для написания этого сочинения

---

⁵¹⁸ НИОР РГБ Ф. 746. К. 18. Ед. хр. 1. Л. 37-39.

студенту давалось 6 месяцев. За успешное написание диссертации студент получал звание кандидата.

Во время действия устава 1884 г. студент должен написать выпускное сочинение заранее, поскольку до окончания государственного экзамена он не знал своего среднего балла, это становилось понятным только после окончания экзаменов. Между тем условием получения диплома 1-й степени было наличие выпускного сочинения с отличной оценкой. В случае получения диплома 2-й степени высокая оценка сочинения была не важна. Напротив, при высоко оцененной письменной работе, но низких баллах по предметам факультета на государственных экзаменах теоретически можно было отказаться от экзамена и попытаться сдать экзамен 2-й раз для получения диплома 1-й степени.

В общем, у каждого студента была своя стратегия поведения на 4-м курсе. Так, Гершензон, решил не готовиться по предметам факультета к государственным экзаменам, а предпочел писать медальное сочинение. Получив все необходимые зачеты, он получил выпускное свидетельство в один год, а государственный экзамен сдавал на следующий год (существовала возможность сдачи государственного экзамена несколько раз в году – весной или осенью), когда уже знал, что его сочинение, получившее медаль, будет приравнено к пятибальному при подведении итогов государственного экзамена и обеспечит ему диплом 1-й степени и право претендовать на оставление при университете.

Таким образом, существенно не изменившись по сравнению с 1870-ми гг., когда в практику преподавания стали входить семинары как новый вид занятий для специализации, учебные планы 1880–1890-х гг., резко увеличивали количество специальных работ студентов-историков, которые они писали во время обучения, и делали обязательным написание выпускного сочинения.

Уже в 1890-е гг. за счет работы на факультете младших преподавателей – приват-доцентов наметилась тенденция к усиленной специализации. Студенты слушали у приват-доцентов «необязательные курсы». Эти курсы давали необходимые часы для зачета полугодий (в них могла быть внутренняя аттестация, вводимая преподавателем дополнительно, кроме самого факта посещения лекции

и семинара студентам), но не являлись необходимым для государственного экзамена, не входили в группу «общеобразовательных предметов».

Общая система семинарских занятий у историков, которая стала складываться с начала 1870-х гг., после краткого периода до 1890 г., когда исторические семинары были отменены, продолжала совершенствоваться. Герье занимался со студентами пятого и шестого семестра римской и новой историей. Виноградов вел занятия со старшекурсниками (студенты седьмого и восьмого семестра) по средневековой истории. Взял на себя Павел Гаврилович необязательные занятия со студентами младших курсов. Он сосредоточился на политической истории древней Греции. В середине 1890-х гг. необязательные занятия по новой истории объявил Корелин. В случае отсутствия в Москве Виноградова Корелину доставались семинары старшего коллеги на выпускных курсах⁵¹⁹.

Интересно отметить, что и Герье, и Виноградов кроме семинарских занятий в университете у себя дома организовали домашние семинары (беседы). Расцвет домашнего семинара Герье приходится на 1880-е гг. Известно, что к себе домой он приглашал студентов университета, курсисток, старших учеников, коллег по университету (Виноградов, Ключевский).

Домашние беседы с рубежа 1880–1890-х гг. проводил Виноградов. Именно эти занятия, где наряду с научными обсуждались общественно-политические темы, привели к формированию коллективных проектов молодых московских историков (создание книги для чтения по истории средних веков и др.).

Оставшись в одиночестве на кафедре российской истории, Ключевский продолжал рассматривать на семинарских занятиях памятники древнерусского законодательства, литературу истории и отдельные источники. Однако, по воспоминаниям учеников, Василий Осипович предпочитал семинарам специальные курсы, в результате чего практически до конца 1890-х гг. семинарские занятия русских историков развиты не были. Из приват-доцентов

---

⁵¹⁹ В расписании занятий (объявлениях о преподавании) до начала XX в. необязательные занятия обозначались как практические занятия, обязательные – как семинары.

только В.Е. Якушкин попробовал в 1880-е гг. вести семинар по изучению летописей, однако продолжать эту инициативу после годичного опыта отказался. Лишь в конце 1890-х гг. семинар по экономической истории объявил Н.А. Рожков, а М.М. Богословский – по истории Петра. Впрочем, формально являвшиеся лекциями занятия П.М. Милюкова содержали в себе элементы семинарских занятий.

На рубеже веков сначала Виноградов, а затем Вишпер попытались организовать семинар по философии и методологии истории, который дополнял общие курсы, однако этот вид занятий по теоретическим проблемам науки не закрепился.

С начала XX в. всеобщие историки стали привлекать для ведения необязательных семинаров на младших курсах (с начала XX в. они стали называться просеминарами, такое название закрепилось после введения в действие предметной системы в 1906 г.) оставленных для сдачи магистерских экзаменов. В 1901 г. первым таким сторонним преподавателем стал И.И. Шитц, которому протезировал Герье. Затем после введения предметной системы просеминары вели до получения приват-доцентского звания Протопов, Кончаловский, Пригоровский.

В начале XX в. стали складываться тематические семинары нового поколения русских историков. Богословский взял на себя семинары по эпохе Петра и Екатерины, затем стал организовывать семинары и по XIX в. (Александр I), хотя первым преподавателем, который провел семинар по первой четверти XIX в. на факультета стал приват-доцент М.В. Довнар-Запольский. Любавский первоначально вел семинары по русско-литовскому государству, однако, понимая, что такой семинар будет привлекать небольшое число студентов, позже взял на себя семинар по XV–XVI вв., иногда вел просеминары (например, по Русской Правде).

На занятиях по изучению XVI–XVII вв. сосредоточились Ю.В. Готье и А.И. Яковлев, занятия по XVIII–XIX вв. стали специализацией М.М. Богословского и А.А. Кизеветтера. Также велись семинары по источникам древнерусского права

(Богословский), по региональной истории России (Новгород, Русский Север, Сибирь – Богословский, С.В. Бахрушин).

После введения предметной системы⁵²⁰ просеминары и семинары стали координироваться. Как правило, разрешение на посещение семинария можно было получить после сдачи зачета по просеминарию. Просеминарий был в руках приват-доцентов (Яковлев, Бахрушин, Готье), семинары – у профессоров (Любавский, Богословский). Новыми темами стали изучение на семинарах истории крестьянства и отмены крепостного права (Кизеветтер). Прежние семинары Ключевского взяли Богословский (древнерусские законодательные памятники) и Яковлев (историография). Бахрушин открыл семинар по изучению древнерусских летописных памятников.

Особенностью всеобщников стало нежелание старшего профессора (Виппера) брать на себя большое количество семинаров, поэтому по древней истории семинары передавались готовящимся к профессорскому званию: по средним векам – Петрушевскому (до 1911 г., затем – Савин и Ясинский). Савин до 1911 г. вел общий семинар по французской революции 1789 г., а затем стал сосредотачиваться на рассмотрении социально-экономических проблем в эпоху перехода от средневековья к новому времени (например, крестьянская война в Германии). В 1910-е гг. открывались специализированные семинары по истории Египта (Баллод), Византии (Попов).

В итоге можно сделать вывод, что система специализации, которая начала складываться у историков к середине 1870-х гг. продолжала углубляться. Инструментом специализации стало большое количество спецкурсов и семинаров историков.

---

⁵²⁰ Формально вводилась в 1906 г. В 1911 г. внесены изменения, фактически возвращавшие систему к прежней курсовой.

5.4. В.О. Ключевский как профессор Московского университета

5.4.1. В.О. Ключевский в исследовательской литературе

В исследовательской литературе 1920-х гг. можно найти несколько линий в восприятии Ключевского. Первая, ее можно назвать научно-академической, связана с А.Е. Пресняковым. Этот ученый серьезно критиковал методологические основы «московской юридической школы», к которой он относил и Ключевского. Представители московской школы, по мнению Преснякова, были ответственны за схематизирование русского исторического процесса и пренебрежение фактом в угоду философии истории. В результате ключевые вопросы русского исторического процесса, по крайней мере, русского средневековья, например, рассмотрение процесса возвышения Москвы, по мнению Преснякова, должны быть пересмотрены с точки зрения «научного реализма». Соловьев и Ключевский, считал Преснякова, важные фигуры прежде всего для истории исторической науки, а не для современных исторических исследований. Соловьев, с точки зрения Преснякова, был создателем философии истории московской школы, а Ключевский оказался очень своеобразным продолжателем этого подхода⁵²¹. Пресняков считал, что изучение Ключевского требует подробной биографии его души, для которой пока еще не достает материала.

Одними из первых крупных трудов о Ключевском, вышедшим из-под пера историка марксиста (вторая линия в восприятии Ключевского), стали доклад, а затем и большая статья М.В. Нечкиной⁵²². Ключевский определен Нечкиной как «академический интеллигент». Русский «академический интеллигент» Ключевский был подвержен страху, не любил новшеств, соединял различные не подходящие друг другу теории от идеализма до экономического материализма. Как следствие, по мнению Нечкиной, Ключевский в целом находился в рамках

⁵²¹ Пресняков А.Е. В.О. Ключевский (1911–1921) // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 203–224. Цит. по: В.О. Ключевский: Pro et Contra. Антология. СПб., 2013. С. 682.

⁵²² Тихонов В.В. «Ключевскиада» М.В. Нечкиной // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 238–248.

идеализма, но отдельные явления и процессы рассматривал очень реалистично, применяя методы социологического анализа и экономического материализма. Как верно подметил В.В. Тихонов, на общие представления Нечкиной о Ключевском явно оказывал влияние Покровский, в историографическом семинаре которого работала несколько лет Милица Васильевна. Покровский, как известно, утверждал, что понимание исторического процесса Ключевским – «это был Чичерин, помноженный на Соловьева, или Соловьев, привитый к Чичерину»⁵²³. В главе о политических взглядах Ключевского Нечкина указала на то, что историк избегал политики⁵²⁴, серьезно интересуясь ею.

Работа Нечкиной опубликована в двухтомнике «Русская историческая наука в классовом освещении»⁵²⁵. При публикации текст состоял из 4 глав, где на первое место были поставлены «политические взгляды Ключевского». Так же рассматривались «руководящий комплекс идей в историческом синтезе», «общий ход истории в представлении» историка, указывалось и на «внутренние противоречия исторической концепции Ключевского»⁵²⁶.

Третья линия, в восприятии Ключевского 1920-х гг. характерна для русских эмигрантов. Ее выражают Л.П. Карсавин⁵²⁷ и Г.П. Федотов⁵²⁸. По мнению этих мыслителей, популярность Ключевского в русском обществе объясняется духовной близостью историка к русским радикалам⁵²⁹. По мнению Федотова,

⁵²³ Тихонов В.В. «Ключевскиада». С. 242. Покровский М. Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1 С. 40–54; 1923. С. 1–17; 1923. № 4. С. 13–27; Покровский М.Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М.-Л., 1933. С. 167–205.

⁵²⁴ Тихонов В.В. Указ. соч. С. 244.

⁵²⁵ Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая наука в классовом освещении. Т. 2. М., 1930. С. 217–351.

⁵²⁶ См. оценку. Тихонов В.В. Указ. соч. С. 246. Исследователь в этих оценках в целом соглашается с работой: Черная Е.Ю. Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки: дис. ... канд. истор. наук. Новосибирск, 2014.

⁵²⁷ Карсавин Л.П. Без догмата // Карсавин. Л.П. Сочинения. М., 1993. С. 453–454.

⁵²⁸ Федотов Г.П. Россия Ключевского // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х т. СПб., София, 1991. См. также: В.О. Ключевский: Pro et Contra. Антология. СПб., 2013. С. 737–758.

⁵²⁹ См. Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010. С. 40–42.

«схема Ключевского царствует почти неограниченно... Это единственная Русская история, на которой воспитаны два поколения русских людей... Для всех нас Россия в ее истории дана такой, какой она привиделась Ключевскому». Однако при этом Федотов утверждает, что «политическим и радикальным выражением той тенденции интеллигентской мысли, которая в границах научного историзма удовлетворялась школой Ключевского», был марксизм. Закономерно поэтому, считает Федотов, что среди учеников Ключевского историки-социологии Н.А. Рожков и М.Н. Покровский⁵³⁰.

Еще более резок по отношению к Ключевскому Карсавин. Успех московского историка, по его мнению, обеспечивает «обличительное направление». Ключевский смешивал «науку с публицистикой», часто в «прошлом критиковал настоящее». «Обидно и стыдно сказать, но – лицо крупнейшего русского историка искажается ехидною улыбочкою поповича-нигилиста»⁵³¹.

Правда, при этом нужно отметить, что трудно определить жанр эмигрантских статей о Ключевском: это и ни воспоминания, и ни исследования – в них нет анализа работ Ключевского. Это эссе о духовно-нравственном состоянии русского общества, где размышления о «Курсе» Ключевского, причинах его популярности – становятся поводом для сурового диагноза русскому обществу накануне революции, а русская интеллигенция, академическая в том числе, становятся ответственной за нее. Получается продолжение веховской линии восприятия интеллигенции⁵³².

Возрождение исторических факультетов в СССР, поиск критериев для обоснования профессионализма историков вновь возродил интерес к Ключевскому. В результате был переиздан «Курс» Василия Осиповича. На этой волне интереса к Ключевскому интересно обращение к нему со стороны молодого

⁵³⁰ Федотов Г.П. Указ. соч. С. 329. См. оценку Гришиной: Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. С. 40–42.

⁵³¹ Карсавин Л.П. Без догмата // Карсавин Л.П. Сочинения. М., 1993. С. 453–454.

⁵³² Диденко Д.В. Субъекты полемики вокруг сборника «Вехи» (1909–1912 гг.): Отдельные результаты компьютерного анализа // Новый исторический вестник. 2001. № 3(5). С. 60–66.

историка А.А. Зимина, которому было поручено описывать архив Ключевского, переданный в АН СССР в 1946 г. Зимин начинал работу в ситуации относительной свободы, вызванной, с одной стороны, изменениями в исторической науке конца 1930-х гг., что привело к публикации учебника по историографии Н.Л. Рубинштейна («Русская историография» М., 1941), а также последней коммеморативной статье о Ключевском – А.И. Яковлева⁵³³. Однако к концу 1940-х гг. начались идеологические кампании, затронувшие общественные науки, которые резко сокращали границы дозволенного в общественной и интеллектуальной жизни и вновь требовали возвращения к чистому без примеси «марксизму», особенно в сфере гуманитарных наук. В ходе общероссийской дискуссии был заклеимлен Н.Л. Рубинштейн, а В.Т. Пашуто обрушился на Яковлева и его превозношение буржуазного историка Ключевского⁵³⁴. Это наложило отпечаток на реализацию замыслов Зимина относительно работы, посвященной Ключевскому.

Зимин крайне негативно относился к той системе исторического образования, которая существовала в СССР. Возможно, подобное положение дел он во многом связывал с тем наследством, которые советские историки получили от дореволюционной России. В конце жизни, много занимаясь, историей исторической науки, Зимин считал единственным центром по-европейски развитой исторической науки в России до 1917 г. Санкт-Петербург, где прижилась европейская научная мысль и сформировалась «строгая источниковедческая школа» с явными лидерами – С.Ф. Платоновым и А.С. Лаппо-Данилевским. Научная Москва, по А.А. Зимину, до 1917 г. была «глухой провинцией», характерной чертой которой была «всеядность», «безалаберность и бытописание». Москва славилась только сверхоригинальным Ключевским, отражавшим «почвеническую Москву». Со своим общественным мировоззрением

⁵³³ Яковлев А.И. В.О. Ключевский (1841–1911) // Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 6. История и археология. Саранск, 1946. С. 94–131. Последнее издание: В.О. Ключевский. Воспоминания и исследования. СПб., 2017. С. 84–127.

⁵³⁴ Пашуто В.Т. Рец. на: В.О. Ключевский (1841–1911) // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 136–140.

Ключевский был одинокой вершиной⁵³⁵ на фоне других местных историков. Зимин отрицал существование школы Ключевского. По его мнению, «школа Ключевского» – «миф», придуманный эпигонами, «желавшими причаститься нектара гениальности» исследователя. Вслед за Н.И. Павленко, Зимин готов был назвать москвичей лаптеведами⁵³⁶. По его мнению, методологической зрелости москвичей в советское время поспособствовали активные контакты с ленинградскими историками.

Таким образом, обращение к Ключевскому – это попытка Зимина ответить на вопрос, а что именно Москва дала исторической науке и историческому образованию до 1917 г. Осуществление этого замысла был тем более возможно, что Зимин первым понял богатство архивных фондов Ключевского. Исследователь фактически начал для себя реконструировать личный архивный фонд историка, разбросанный к концу 1940-х гг. по нескольким архивохранилищам.

В 1947 г. Зимин подал заявку на написание докторской диссертации «В.О. Ключевский (1841–1917)» в МГИАИ. После обсуждения на кафедре он переработал план работы. Исследование должно было состоять из 9 глав. По оценке Р.А. Киреевой, «Зимин предполагал не ограничиваться общей характеристикой наиболее известных трудов историка (что обычно и делалось)», а поставил «перед собой задачу проанализировать буквально все работы Ключевского – все монографии, все общие, специальные и частные курсы, публичные чтения, все статьи, речи, отзывы (в том числе необуликованные) в строгой хронологической последовательности их написания, а также его дневники, переписку и другие материалы»⁵³⁷.

⁵³⁵ *Зимин А.А.* Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. М., 2015. С. 31.

⁵³⁶ Вряд ли права Гришина, приписывая эту оценку Зимину. *Гришина Н.В.* Указ. соч. С. 36. В воспоминаниях сам Зимин пишет: «“Школы” у него не было (миф о «школе Ключевского» создан его эпигонами). Для всех москвичей характерно было бытописание в стиле И.Е. Забелина и И.Д. Беляева, бывших истинными “отцами” московской науки. Именно от них происходят Любавские, Богословские, Веселовские, Яковлевы и другие. Затем – Устюговы, Новосельские и их ученики, прозванные Н.И. Павленко “лаптеведами”». *Зимин А.А.* Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX в. М., 2015. С. 60.

⁵³⁷ *Киреева Р.А.* Из истории советской исторической науки конца 1940-х гг.: первое вето в научной жизни А.А. Зимина // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 224.

«По мысли автора, – писал Зимин в объяснительной записке, – исследование должно вскрыть корни и развитие историко-философской концепции Ключевского, социально-политические взгляды последнего и выяснить то место, которое занимал этот выдающийся историк в русской историографии»⁵³⁸. План был составлен 19 сентября 1947 г., к нему прилагался график работы над рукописью, которая должна была быть полностью готова к 1 сентября 1951 г.. Заявка Зимина была внесена в план работы кафедры.

Вместе с работой над диссертацией Зимин предложил опубликовать 10 томов архива Ключевского. К началу 1948 г. историк подготовил незапланированный ранее том, состоявший из 29 статей и рецензий по истории исторической науки, который открывался его вступительной статьей («Новый материал о Ключевском»). С.К. Богоявленский, С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин, А.И. Андреев дали положительные отзывы на предложение Зимина⁵³⁹. Поскольку публикация проходила через АН, то заместитель директора – В.И. Шунков, отдал рукопись на дополнительное рецензирование. Автором новой рецензии стал А.Л. Сидоров. Свои выводы он сформулировал следующим образом: «1. Печатать в таком виде статьи Ключевского нельзя. Их надо поделить среди специалистов», которые должны дать «наше», «современное отношение к ним». «2. Составить редакцию Сборника, не откажусь в нее войти и я». «3. Написать вводную статью к данным работам Ключевского». 4. «Дать статью Зимина о наследстве – в целом – фактического, справочного порядка»⁵⁴⁰. Рецензент считал, что «нельзя давать» работы Ключевского «о племенном составе восточных славян»; о полемике с Иловайским по норманнскому вопросу; очерки по русской историографии; статью о 19 февраля 1861 г., так как «это настоящая либеральная концепция на реформу и русскую историю», «выдавать эту статью Ключевского за настоящую науку – после статей Ленина – смешно»⁵⁴¹; снять предлагалось и статью о Т.Н. Грановском.

⁵³⁸ Киреева Р.А. Указ. соч. С. 224.

⁵³⁹ Базанов М.А., Богомазова О.В. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А. Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографиями о В.О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 47. № 23 (238). 2011 С. 28.

⁵⁴⁰ Киреева Р.А. Указ. соч. С. 226.

⁵⁴¹ Киреева Р.А. Указ. соч. С. 225–226.

Именно после этой рецензии, как считают исследователи его творчества, Зимин отказался от работы над докторской диссертацией о Ключевском.

Но идея публикации рукописного наследия Ключевского для Зими́на осталась актуальной. По плану Зими́на в первом томе предполагалось опубликовать специальные курсы Ключевского. Во 2-м – часть переписки Ключевского (остальную часть предполагалось опубликовать в 9-м томе). Третий том должен был содержать подготовительные материалы к кандидатской диссертации Ключевского («Сказания иностранцев о Московском государстве»), магистерской («Древнерусские жития святых как исторический источник») и докторской («Боярская дума Древней Руси») диссертациям. В четвертом-шестом томах к публикации готовился «Курс» Ключевского. В седьмом томе – дневники, сборники афоризмов и историко-философские заметки. В восьмом томе находились материалы общественно-политической и образовательной деятельности. Последний том представлял собой летопись жизни В.О. Ключевского⁵⁴².

Реализовать этот замысел полностью не удалось. Однако Зимин внес существенный вклад в публикацию рукописного наследия историка. Так, при издании восьмитомного собрания сочинений Ключевского (1956–1959 гг.) под редакцией М.Н. Тихомирова Александр Александрович восстановил основные этапы работы Ключевского над «Курсом», показав, какие куски текста Ключевский вставлял в литографии 1880-х гг. при работе над ним в 1900-е гг. В примечаниях Зимин отметил, что 5-я часть курса готовилась Ключевским самостоятельно без учета ранних курсов, как это считалось при публикации этого курса ранее⁵⁴³. Под редакцией Киреевой и Зими́на вышли письма, дневники, афоризмы и мысли об истории Ключевского (1968)⁵⁴⁴ и неопубликованные произведения⁵⁴⁵ историка. В дальнейшем Киреева сумела издать в 1997 г. курс

⁵⁴² Киреева Р.А. Указ. соч. С. 224–225.

⁵⁴³ Киреева Р.А. Указ. соч. С. 227.

⁵⁴⁴ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

⁵⁴⁵ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.

лекций Ключевского по русской истории для ВЖК⁵⁴⁶, а в 2012 г. курсы лекций Ключевского по всеобщей истории, прочитанный в Александровском военном училище⁵⁴⁷.

В целом исполнением плана Зимина по изучению Ключевского можно считать кандидатские диссертации Р.А. Киреевой (Ключевский как историк русской исторической науки) и Э.Г. Чумаченко (Ключевский как источниковед). И для той и для другой работы характерно обращение к широкому пласту архивных документов и рассмотрение эволюции взглядов Ключевского в течение длительного периода времени.

Наконец, сам Зимин опубликовал статью о формировании исторических взглядов Ключевского⁵⁴⁸, в которой обращал внимание на то, что влияние Буслаева и народнические симпатии у раннего Ключевского гораздо сильнее воздействия исторических идей Соловьева. Этот факт, по мнению Зимина, должен заставить исследователей по-иному взглянуть на эволюцию исторических взглядов Василия Осиповича. Например, искать в его ранних курсах, следы его самостоятельных исторических взглядов уже в 1860–1870-е гг. По мнению Киреевой, взгляды Зимина серьезно повлияли на крупных ученых – Л.В. Черепнина, М.В. Нечкину, А.В. Гулыгу⁵⁴⁹.

В 1974 г. вышла итоговая монография о Ключевском М.В. Нечкиной. Исследовательница утверждала в введении, что ее труд о Ключевском, опубликованной в 1970-е гг., в целом совпадает, и по проблематике, и по выводам с работой 1920-х гг. Однако очевидно, как это показал В.В. Тихонов, что Милица Васильевна меняет, и схему изложения материала, и некоторые основополагающие тезисы по сравнению с предыдущими исследованиями. В

⁵⁴⁶ *Ключевский В.О.* Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве, 1872–1875. М., 1997. – 815 с.

⁵⁴⁷ *Ключевский В.О.* Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М., 2012. – 504 с.

⁵⁴⁸ *Зимин А.А.* Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 178–196. Последнее переиздание: В.О. Ключевский: Pro et Contra. С. 793–820.

⁵⁴⁹ См. *Киреева Р.А.* О неосуществленном замысле А.А. Зимина. // Труды Института российской истории РАН. 2015. № 13. С. 189. С. 184–193.

работу вводятся новые архивные материалы, впервые обнаруженные Зиминим и работавшими с ним авторами. Нечкина стремится представить Ключевского как образец тонкого мыслителя, предвосхищающего тенденции современного развития исторической науки. При этом для поздней Нечкиной Ключевский не выразитель идеологии «промышленного капитала», а историк «кризиса дореволюционной буржуазной науки». Василий Осипович показан Нечкиной как человек интуитивно сочувствующий революционно-демократической мысли. По мнению Милицы Васильевны, «Ключевский «левет» в годы всех трех революционных ситуаций, пережить которые выпало на его долю»⁵⁵⁰. К концу жизни Ключевский неблагонадежный для режима человек, выступающий против «царской», «казенной России». В связи с этим образ Ключевского из академического канона, образ, выстраиваемый его учениками, Нечкина отвергает, говоря об «академической легенде», созданной учениками. При этом разбору этой проблемы Нечкина посвящает первую главу монографии о Ключевском.

В 1990-е гг. интерес к Ключевскому начинает нарастать вместе с кризисом марксистской методологии. Один из ключевых выводов Нечкиной, – тезис об отсутствии школы Ключевского становится одним из центральных предметов для дискуссии. Также широко обсуждается вопрос, поднятый Зиминим, о том, какое наследие оставили советской исторической науке крупнейшие дореволюционные научные центры – Москва и Санкт-Петербург.

Монография Т. Бона (переведена на русский и опубликована в 2005 г.⁵⁵¹), надолго определила интерес к схолярной проблематике и вопросу об учениках и школе Ключевского. В этом исследовании Бон указал на харизматическое лидерство В.О. Ключевского в Москве, подчеркнув, что институционально московскую школу формировали профессора кафедры всеобщей истории. В ответ на этот тезис С.В. Чирков, словно принципиально отказываясь от опыта и достижений западно-европейской науки, с опорой на отечественных науковедов и

⁵⁵⁰ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 407.

⁵⁵¹ Бон Т.М. Русская историческая наука. Павел Николаевич Миллюков и московская школа. М., 2005.

историков, пытался показать школу Ключевского как историю формирования особой культуры работы с источниками и в связи с этим очень подробно изучал археографические традиции Ключевского и его наследников. А.С. Попов показал Ключевского и его учеников прежде всего как крупную школу социологической мысли⁵⁵².

Н.В. Гришина подвела итоги изучения Ключевского в отечественной историографической традиции⁵⁵³. Во второй и третьей главе Гришина подробно рассматривает формирование педагогической доктрины Ключевского и характер его работы с учениками. Автор выделяет 3 круга учеников Ключевского. К первому кругу учеников она относит учеников Ключевского в 1880–1900-е гг. (к ядру школы принадлежат П.Н. Милюков, М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, Н.А. Рожков до 1900-х гг., которые, с точки зрения исследовательницы полностью разделяют взгляды учителя, а также второе поколение учеников – С.В. Бахрушин, В.И. Пичета, С.К. Богоявленский, которые лишь частично следуют за учителем). Ко второму кругу учеников Гришина относит историков Петербургского и Киевского университетов, которые пристально следили за изменениями в исторической науке и для которых Ключевский многое дал прежде всего для понимания социальной истории. Наконец, к третьему кругу учеников Ключевского Гришина относит публику, читающую его «Курс русской истории». Таким образом, лидерство Ключевского в русской исторической науке было признано снизу – от читающей публики вообще до элитных академических ученых. Ключевский стал феноменом не только исторической науки, но и русской интеллектуальной культуры. «Он приобретает черты знаковой фигуры на научном небосклоне, пробует свои силы на стезе научного лидерства»⁵⁵⁴, – утверждает Гришина.

⁵⁵² Попов А.С. Школа Ключевского, синтез истории и социологии в российской историографии: дис. ... д-ра истор. наук. Пенза, 2002.

⁵⁵³ Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» С. 23–66.

⁵⁵⁴ Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010. С. 94.

При этом работа Ключевского с учениками была весьма специфичной. С академической точки «в недрах школы наметилось несколько исследовательских линий: 1) изучение истории государственных учреждений и нормативно-правовых актов различных эпох на фоне социального контекста; 2) рассмотрение реформаторской активности российского государства и ее влияние на развитие общественных классов, анализ социально-экономических причин и последствий реформ»⁵⁵⁵. Однако именно как научный руководитель Ключевский обладал целым рядом недостатков, связанных с особенностями характера. Он был человеком причудливым, неровным, нелюдимым и нервным, что вместе с его максимой, обращенной к ученику – «сам до всего доходи», создавало ему неоднозначную репутацию среди учеников.

По оценкам Гришиной, Ключевский чрезвычайно широко расширил рамки университетской аудитории, заставив все русское общество следить за успехами исторической науки. Внимание к преобразовательной деятельности государства, исследование традиций децентрализации, проведения реформ, участия общества в реформаторской деятельности, возникновение гражданственности, все это актуализировало научные исследования в глазах современников, замечает автор. «Его идеи проникали в общественное сознание, историка начали воспринимать как учителя и воспитателя либерально настроенных слоев общества»⁵⁵⁶. С другой стороны, сами университетские ученики Ключевского стремились «обозначить ценности цивилизации, чтобы продвинуть процесс модернизации, а также обеспечить социальную солидарность, основанную на сотрудничестве между интеллигенцией и обществом против самодержавия»⁵⁵⁷. В результате ученики Ключевского при написании работ ориентировались на общественные потребности страны.

В итоге материал диссертации Гришиной дает возможность ставить вопросы о влиянии академического исследования на интеллектуальную культуру России в

---

⁵⁵⁵ Там же. С. 103–104.

⁵⁵⁶ Там же. С. 235.

⁵⁵⁷ *Гришина Н.В.* Указ. соч. С. 114.

целом. Сам автор так вопрос не ставит, но попытки связать две культуры – высокую университетскую и профанную за его пределами, на эти проблемы выводит. В.В. Тихонов в кандидатской диссертации подробно остановился на взаимоотношениях Ключевского с младшими учениками и охарактеризовал то влияние, которое Ключевский через поколение, пережившее революцию 1917 г., могло оказывать на советскую историческую науку⁵⁵⁸.

5.4.2. Путь к профессуре

В программе нереализованной докторской диссертации, а затем в единственной опубликованной статье⁵⁵⁹, исходящей из этого плана, А.А. Зимин много внимания уделил народническим ценностям в мировоззрении Ключевского. Во многом развивая эти идеи, М.В. Нечкина стремилась приблизить Василия Осиповича к радикальным направлениям шестидесятников: она отметила факт преподавания Ключевским латинского языка брату Д.В. Каракозова в Пензе, возможные контакты Ключевского в Москве с пензенским землячеством, представителями библиотеки казанских студентов, Н.А. Ишутиным⁵⁶⁰.

Источником возможного радикализма Ключевского, и Зимин, и Нечкина считали ту семинарскую среду, в которой происходило формирование жизненных ценностей Василия Осиповича. Историками изучались контакты Ключевского с однокашниками и тем кружком, который явно существовал в семинарии перед уходом из нее Ключевского. В этом неформальном объединении семинаристов обсуждались современная публицистика, литература, искусство, вера. Именно благодаря личным связям между членами этого кружка, в который могли входить и некоторые преподаватели семинарии, – например, Т. Горизонтов, вместе с которым Ключевский выехал из Пензы в Москву для поступления в университет,

⁵⁵⁸ Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX в. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012.

⁵⁵⁹ Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 176–196.

⁵⁶⁰ Нечкина М.В. Указ. соч. С. 126–128.

– Василий Осипович был подробно информирован о жгучих вопросах современности, обсуждавшихся в публицистике, и пользовался сетевыми связями семинаристской среды. Так, когда в Казани Ключевский будет работать над материалами архива Соловецкого монастыря, перевезенными в этот университетский город, помощь ему будут оказывать пензенские семинаристы разных выпусков, среди которых окажется и Ф.М. Керенский, с которыми он познакомится через своих пензенских друзей. Но вряд ли собеседники Ключевского были радикалами, как это хотели показать историки XX в. В связи с этим интерпретировать конфликты в семинарии, которые явно сопровождали последние годы учебы в ней Ключевского⁵⁶¹, – а о некоторых из них сообщалось даже в столичной прессе, как свидетельство радикальности семинарского кружка и входившего в него Ключевского, – вряд ли верно⁵⁶².

Кроме того, важно подчеркнуть, что Ключевский никогда не был одним из многих, находившимся под влиянием своего окружения. Скорее, наоборот, именно он формировал актуальную повестку в дружеском кругу. А какова она была очень хорошо видно в письмах студента Московского университета Василия Ключевского прежде всего своему другу П. Гвоздеву. Эти письма опубликованы в 1924 году С.А. Голубцовым, думается, неслучайно⁵⁶³. Автор публикации сам происходил из духовно-академической среды, где и познакомился с Василием Осиповичем, который часто приходил домой к Голубцовым во время пребывания в Сергиевом Посаде. Публикацией писем Ключевского Голубцов хотел показать влияние атмосферы духовной школы на Ключевского. Важным было указать на те ценности, которые были у семинаристов эпохи Великих реформ.

На первом месте в системе ценностей семинаристов была дружба. Очень часто поздний Ключевский рисуется как человек замкнутый, не желающий впустить в свой мир незнакомца. Иногда вспоминают даже заикание историка,

⁵⁶¹ Нечкина М.В. Указ. соч. С. 76–78.

⁵⁶² О корпоративном сознании семинаристов см. подробнее: Манчестер Л. Поповичи в миру: Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Пер. с англ. А.Ю. Полунов. М., 2015.

⁵⁶³ Письма В.О. Ключевского к П.П. Гвоздеву (1861–1870) / вступит. статья и прим. С.А. Голубцова. М., 1924.

которое, якобы, могло быть причиной нелюбимости профессора. Однако в годы юности Ключевский был окружен веселой компанией сверстников. Она была необходима ему для досуга, которого было немного: время съедали обязательные занятия и подготовка к ним, а также репетиторство, с помощью которого Ключевский помогал семье. Кроме уже упоминавшегося Гвоздева, вместе с которым, по требованию пензенского архиерея Варлаама, Ключевский проводил в семинарии показательные учебные диспуты на богословские темы, в ближайший круг Василия Осиповича входили: С.А. Парадизов («вечный жид»), В.В. Холмовский, А.И. Любимов, Е.В. Разумов, В.Я. Богоявленский, Д.А. Добросердов, С.В. Аравийский, В.В. Прилуцкий, А.Н. Сатурнов, братья В.Я. и С.Я. Покровские, Н.И. Мизеровский. Собирались в основном для того, чтобы ощутить глоток свободы, вырваться из атмосферы казенщины, которую, как казалось семинаристам, насаживали ректор Евпсихий и инспектор Я.П. Бурлуцкий, самые ненавистные для молодых людей лица⁵⁶⁴.

Семинарское начальство представлялось молодыми людям карьеристами, которых продвигали по ступеням служебной лестницы «темные силы», очень часто находящиеся где-то далеко, например, в синодальном Петербурге. Так, позже среди друзей будет бытовать история, что Евпсихия его почитатели предложили на место викарного епископа в Казань, однако ректор пензенской семинарии испугался нового назначения и, сославшись на болезнь, отказался от нового места службы.

Не любили молодые люди и «ухаживающих» за карьеристами, то есть учителей и учеников, которые вместо того, чтобы верой и правдой служить своим ближним, смотрели только на сильных мира сего в семинарии. К таким в круге Ключевского относили «кошачьего психолога» – преподавателя патристики – отца Авраама (А.П. Смирнов), с которым, по мнению Нечкиной, у Ключевского было много столкновений.

В этих воззрениях семинаристов нет ничего политического, это типичное проявление корпоративного сознания русского попovichа. Есть «мы» – честные,

---

⁵⁶⁴ Нечкина М.В. Указ. соч. С. 78.

бедные, стремящиеся понять, что такое настоящее евангельское служение по совести, и есть – «они», ради земных благ и наград, позабывшие христианские истины.

На это, по сути своей, возрастное-поколенческое сознание семинариста накладывались новые идеи, характерные для эпохи рубежа 1850–1860-х гг. Прежде всего – это новое представление о науке. Ключевский очень хорошо понимал, например, глубину тех вопросов, которые поднимал на занятиях по богословию епископ Варлаам. Однако он считал, что преподавание догматики, пастырского и нравоучительного богословия в том ученическом духе, в котором оно существует в семинарии, морально устарело. Как напишет Ключевский во вступительном сочинении в университет: «семинария не учила, а поучала»⁵⁶⁵. Будущий пастырь, по мнению Ключевского, встретится на приходе со всеми сомнениями относительно веры, которые все больше укореняются в современном обществе, а в семинарии продолжали преподавать богословие так, как будто русская церковь живет в безвоздушном пространстве⁵⁶⁶.

Следовательно, необходимо другое образование. Где его искать? Судя по всему, семинарист Ключевский нередко обсуждал с товарищами историческую периодику и исследования популярных профессоров русских университетов (Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Ф.И. Буслаев, Б.Н. Чичерин, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев). По крайней мере, именно интерес к истории как элементу научного мировоззрения приведет Ключевского в университет.

Менялось у семинаристов и представление о служении в целом. Духовная карьера не рассматривалась больше как самая привлекательная стезя в жизни молодого человека из семинарии. Некоторые друзья Ключевского по семинарии изберут светскую карьеру. Среди однокашников Василия Осиповича не только будущие священники (Прилуцкий), но и юристы (Разумов), деятели образования (Гвоздев, Сатурнов, Мизеровский). Разговоры о выборе карьеры и миссионерстве

⁵⁶⁵ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 22–30.

⁵⁶⁶ См. более подробно: Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884). СПб., 2010; Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 2020.

в миру явно сотрясали семинарское сообщество. Как следствие, вставал вопрос – как устроить свою будущую судьбу.

Ключевский очень подробно объяснил в письме к Гвоздеву, какие шаги он намерен предпринять, исходя из своих жизненных приоритетов. Важнейшие ценности молодого Ключевского – христианство, история, либерализм⁵⁶⁷.

Вхождение в университет мыслилось Ключевскому как поход за наукой, умом, знанием, с помощью которого возможно обновленное понимание христианства. Интересно отметить, что эта задача очень созвучна с теми юношескими мыслями, которые терзали сына священника московского коммерческого училища Сергея Михайловича Соловьева ближе к моменту окончания университета.

В связи с этим чуть позже мы еще раз вернемся к тезису самого Ключевского о том, что всем, что у него есть, он обязан Соловьеву. Дело в том, что Зимин отрицает влияние Соловьева на Ключевского, по крайней мере, в первые годы пребывания последнего в университете, утверждая, что на Василия Осиповича, поступившего в Московский университет после сдачи гимназических экзаменов летом 1861 г. (вступительные экзамены сданы в августе), на первых порах наиболее серьезное влияние оказывал Ф. И. Буслаев. Действительно, контакты Ключевского с Буслаевым оказались очень плодотворными. Во-первых, у Буслаева были сходные с Ключевским представления о народе. Народ представлялся Буслаеву не однообразной массой, а живой творческой силой, реализующей себя в бытовом искусстве (народные песни, поговорки, обычаи)⁵⁶⁸.

Во-вторых, Буслаев, как выяснил Ключевский из личного с ним общения, происходил родом из Пензы⁵⁶⁹, учился в пензенской семинарии и очень

⁵⁶⁷ «Без истории теперь, – пишет Василий Осипович в письме к другу, – как и во всякое переходное время, нет спасения». *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 65.

⁵⁶⁸ Там же. С. 54–58.

⁵⁶⁹ «Я писал к тебе, что хожу к Буслаеву читать Гримма, этого знаменитого исследователя немецкой литературы (я читаю Якова Гримма, так как есть еще другой — брат его, специалист по тому же предмету). Как-то при расставании мы разговорились с Буслаевым по поводу одного предмета филологического, а потом перешли и к постороннему. «Вы откуда?» — спросил он. «Из Пензы, из тамошней семинарии». — «А! Так мы с Вами земляки: я также оттуда». Вот тебе

недоверчиво относился к казенному православию, что очень радовало Ключевского: «Вот тебе самая свежая, не успевшая даже и попортиться, новость по университету, случившаяся сегодня, – писал Ключевский другому однокашнику по семинарии Холмовскому. – Буслаев читал сегодня об Илье Муромце как самом ярком лице нашей мифологии, рассказал его интрижку с одной княжной и перешел к разбору мнений славянофилов об самом муромском герое, которые в увлечении всем русским и вместе и византийско-христианским, хоть это в сущности вовсе несовместимо, говорят, что в Илье Муромце олицетворилось много христианских воззрений народа, что, словом, что тот же святой русский (как угодник божий – чуть не так). Посмеявшись, как и следовало, над такой наивностью, Бусл[аев] перешел к разбору этих святош-ханжей, которые смотрят на все архиерейскими очками столпников и т[ому] п[одобных] чудаков, и, наконец, заключил лекцию подобной фразой: что-де наивное, искреннее верование язычника гораздо выше и лучше христианских верований ханжи и балаганного святоши. Ясно было, в кого он пускает стрелу. Раздался взрыв рукоплесканий, а это, знаешь, нам строго запрещено. Профессор встал на кафедру и вежливо раскланивался, пока гремели рукоплескания, а потом ушел, так как лекция была уже прочитана. Но вслед за ним явился инспектор, взошел на кафедру и почтительно, с оговорками держал речь о том, что он должен напомнить и просить как частное лицо, а не в качестве инспектора, вспомнить, что аплодировать и т.п. профессору в аудитории нельзя. Тем, разумеется, все и кончилось. Но заметь, это важно: если аплодировали, значит, не вытерпели. Вообще, Буслаев – одним словом!»⁵⁷⁰.

Наконец, в-третьих, именно под руководством Буслаева начались первые самостоятельные занятия Ключевского в Московском университете. В письме друзьям Ключевский рассказывал, как он посещает Буслаева на дому для занятий по изучению германской мифологии: «принимает он радушно и запросто, и как

подтверждение слуха, который был у нас о его происхождении». См.: *Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории.* М., 1968. С. 60.

⁵⁷⁰ *Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории.* М., 1968. С. 60.

уютно сидеть у него между длинными шкафами с множеством книг на всевозможных языках. Как у исследователя русской старины у него целая куча всевозможных русских церковных книг, в которые и заглянуть-то страшно – так стары они и такой странной печати, вероятно, еще первых времен по заведению на Руси типографии. Теперь я занимаюсь под его руководством древнегерманской мифологией по великолепному литературному памятнику, именно по песням древней Эдды. Это произведение древнесеверной скандинавской поэзии поспорит с Гомером. В нем изображены мифологические воззрения германских народов и весь их эпос. Великолепна эта поэзия! Какое широкое, глубокое мировоззрение». При этом, взявшись за тему по мифологии, формально занимаясь сравнительным языкознанием, Ключевский считает, что он столкнулся с интересным примером изучения церковной истории на немецком материале: «Я упомянул выше об одной книге, взятой мной у Буслаева, именно о церковной истории германских народов. Там по Эдде представлена вся мифология немецких племен с ее глубоким гуманным смыслом. Автор, изображая ее, находит в ней уже зачатки предрасположения к христианству. Вот как там, у немцев, разрабатывают свою церковную историю!»⁵⁷¹

Однако, если Буслаев удовлетворял Ключевского относительно проблематики исследования, то с точки зрения личных качеств профессор Василия Осиповича постепенно разочаровывал. В 1861 г., когда во время студенческих волнений, стал вопрос о закрытии Московского университета, для Ключевского потеря Буслаева, Ешевского, Соловьева (именно в такой последовательности – Д.Ц.) была главной угрозой. В 1867 г., когда университет намеревалось покинуть группа профессоров, которую Буслаев не поддерживал, Ключевский заметил в письме к другу: «Бусл[аев] оказывается вертихвостом и наивным, каким был всегда»⁵⁷².

Интересно отметить, что среди тех, кого осуждает Ключевский, кроме Буслаева, который выведен как профессор, находящийся между двух огней, на

---

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 132–133.

враждебной стороне Ключевский размещает еще двух профессоров, которых он высоко оценивал в годы обучения в университете. Это Памфил Данилович Юркевич, которого в 1861 г. Ключевский считал звездой Киевской духовной академии, специально выписанной в Московский университет. И, конечно, П.М. Леонтьев, у которого Ключевский писал письменную работу по средневековью. О своей работе у Леонтьева Ключевский так сообщал дяде в Пензу: «В последнее время я стал усердно ходить в церковь, и я сейчас объясню Вам причину. Мне надо было писать сочинение⁵⁷³ по истории средневековой литературы, и я выбрал для этого сочинение одного епископа французского Дюрана «Rational des divins offices», что в простом переводе значит – толкование божественных служб XIII века. Книга эта состоит из пяти томов и излагает толкование всего богослужбного католического обихода средних веков. Несмотря на то, что XIII век был временем полного развития могущества пап и сам автор близко стоял к папскому престолу, прежде чем стать епископом, в книге его еще не чувствуется того печального раскола, который уже был в полной силе между восточной и западной церквами. Может, это происходило оттого, что Дюран спокойно без прений хотел истолковать свой предмет и не заводил намеренно речи о несогласиях в христианском мире. Вот для изучения этой книги мне и понадобилось бывать в нашей церкви, чтобы присмотреться к нашему богослужению и сравнить его с толкованиями средневекового епископа. Хотя сочинение уже окончено, но изучение книги продолжаю я и теперь, потому что она сообщает чрезвычайно важные исторические факты»⁵⁷⁴.

Интересно отметить тему работы, придуманную Леонтьевым под Ключевского. Профессор римской словесности явно знал, что студент интересуется историей церкви и дал для письменной работы по латинской словесности тему, близкую увлечениям Василия Осиповича. Известно, что Леонтьев предлагал Ключевскому остаться после окончания университета для

⁵⁷³ Работа сохранилась в архиве Ключевского: Архив института истории РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 121.

⁵⁷⁴ *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 103.

подготовки к профессорскому званию под его руководством, но Ключевский на это предложение не согласился.

В целом видно, что Ключевский в течение обучения в университете много думал о том, как именно и под чьим руководством он хочет заниматься наукой и поэтому делал не всегда очевидный выбор. Но из вышеприведенных свидетельств мы ясно видим, что направление Ешевского-Соловьева явно было для него ценнее направления Буслаев-Леонтьев-Юркевич. Ключевский хотел учиться у «бойцов науки», которых можно пересчитать по пальцам и о которых знает вся Россия⁵⁷⁵.

В Ешевском, которого Ключевский впервые услышал на первом курсе, Василия Осиповича привлекала всемирно-историческая точка зрения⁵⁷⁶. Безусловно, Ключевский в студенческие годы не знал, что он вскрывает ту традицию, которая характерно для кафедры всеобщей истории еще со времен Грановского. Однако занимаясь историей университетского преподавания истории позже, создавая статью о Грановском, Ключевский выйдет на эту проблему.

С Соловьевым Ключевский также познакомился на 1-м курсе. «Я не написал тебе об одном профессоре, бывало не выходившем у меня из головы, – это Соловьев. Он не читает у нас на 1-м курсе, так как у нас нет в программе первого года русской истории; она начинается со второго. Соловьев читает на 3-м и 4-м курсах. Я слушал его раз и заслушался. Он читает чрезвычайно медленно, так что можно записывать до слова. Лекции его как-то особенно выработаны, хотя он читает экспромтом. За живое задевает его здоровая, критическая мысль, подчас не чуждая самой трезвой поэзии. Я слушал его чтение о заселении славянами Северо-Восточной равнины и влиянии ее на быт славян сравнительно с германскими народами. Я переписал эту лекцию на почтовой бумаге и как-нибудь перешлю ее тебе, потому что лень переписывать. Сам он довольно толстый, красный, уже

---

⁵⁷⁵ Там же. С. 35.

⁵⁷⁶ Там же. С. 36–37.

пожилой человек, с золотыми очками на носу. Больше пока не знаю, что написать об нем»⁵⁷⁷.

Соловьев рассматривал вопрос о связи истории с географией, предлагал задуматься о сравнительно-историческом аспекте в истории, останавливался на народном быте славян, влияние христианства на русское общество. Неудивительно, что Ключевский будет не только усердно посещать, но и пропагандировать Соловьева среди родственников: «Сообщаю Вам новость из нашего университетского мира, – будет писать в декабре 1863 г. Ключевский в Пензу дяде. – Соловьев начал читать публичные лекции по Европе после Наполеоновской империи. Доселе прочитал он до того времени, как Наполеон стал первым консулом. Его характеристика Наполеона не лишена некоторых оригинальных черт. Он смотрит на него как на богатыря, вызванного бурями революции. Он, говорит Соловьев, преемник Франции, так как родился в Корсике. Сам Наполеон смотрел на себя как на героя вроде Македонского. Соловьев сообщил интересный разговор Наполеона с одним министром, когда уже был он императором. «Да, я поздно пришел», – сказал Наполеон. Министр изумился. «Я поздно пришел. Александр Македонский мог назвать себя сыном бога, и вся Азия ему поверила: только мать его Олимпиада, да Аристотель, его учитель, да несколько афинских умников (философов) знали, что это ложь. А я – назови я себя сыном бога, – последняя пуассарка меня освищет. Да, я поздно пришел. Народы Европы слишком просвещены и с ними не сделаешь ничего великого!» Такой человек – богатырь сознавал бессилие своей энергии против цивилизации Европы; он смешной санкюлот (по-нашему голоштаный). А племянник лезет на переделку мира! Нас, филологов двух последних курсов, Соловьев пускает даром! Как ясно и просто излагает он, можно видеть из того, что на прошлую лекцию я проводил одну знакомую, не знавшую истории прошлого столетия, знавшую только самые общеизвестные факты о Наполеоне, и по окончании она сказала мне, что все понятно ей и она все запомнила из читанного».⁵⁷⁸

---

⁵⁷⁷ Там же. С. 50–58.

⁵⁷⁸ Там же. С. 103.

Выбор темы для кандидатского сочинения Ключевским исследователями практически не объяснен. Э.Г. Чумаченко считает, что тема выбрана Ключевским потому, что Буслаев приучил студента к литературным источникам, что отвечало художественному мышлению студента⁵⁷⁹.

За работу Ключевский получил кандидатскую степень, дававшую ему право быть оставленным в университете. Если магистерские экзамены Василий Осипович сдал быстро, то работа над исследованием «Жития древнерусских святых как исторический источник» затянулась. Одной из причин стала сама тема исследования. В исторической литературе причины обращения Ключевского к подобной проблематике объясняются по-разному.

Классической является точка зрения, восходящая к Любавскому, что тему работы определил Соловьев. Однако после очень важной статьи Зимина⁵⁸⁰ эта позиция была поколеблена. Зимин считал, что, Соловьев мог способствовать интересу Ключевского к колонизации в северо-восточной Руси, однако при этом исследователь пытался показать, что об этой теме Ключевский мог узнать прямо или опосредованно через Ешевского, которого выделял среди русских профессоров. Дело в том, что в 1857 г. Ешевский прочел в Казани три лекции о колонизации северо-восточной Руси, которые слушал Щапов, имевший общих знакомых с Ключевским. Думается, что тезис Зимина – это очень сложная конструкция. В научный оборот ни введен ни один источник, в котором Ключевский сообщал о собственном интересе к проблемам колонизации под влиянием Ешевского. Между тем, свидетельства о том, что такая проблематика свойственна лекциям Соловьева, находятся не только в мемуарных опытах Ключевского, но и в одном из его писем. Более того, интерес к проблемам колонизации Ешевского мог быть напрямую связан с влиянием на последнего Соловьева. Напомним (см. в соответствующей разделе о Ешевском), что из Казани Ешевский переписывался с Соловьевым.

⁵⁷⁹ Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский – источниковед. М., 1970. С. 15.

⁵⁸⁰ Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 176–196.

Отмечу также, что сам Ключевский, судя по всему, хотел заниматься историей Церкви. В июне-июле 1865 г. Василий Осипович написал лекции-беседы «О церковных земельных имуществах»⁵⁸¹. Таким образом, думается, что тему о монастырском землевладении в эпоху колонизации Ключевский выбрал себе сам. Это тема находилась в центре внимания магистранта еще со времени поступления его в университет. Профессора университета могли посоветовать источник для написания работы – жития святых⁵⁸².

С чем это могло быть связано? Жития в русской научной и публицистической литературе стали привлекать определенное внимание на рубеже 1850–1860-х гг. В 1855–1858 гг. вышла описательная работа Муравьева «Жития святых российской церкви». В 1861 г. Филарет Черниговский издал труд под названием «Русские святые», на который Ключевский откликнулся краткой рецензией в журнале «Православное обозрение»: «Это краткие биографии, предназначенные для читателя, который не претендует на звание специалиста по русской истории»⁵⁸³, – писал Василий Осипович. Буслаев дал очерк некоторых «житийных сказаний» в «Исторических очерках русской народной словесности и искусств»⁵⁸⁴. Как гораздо позже будет писать С.И. Смирнов, ученые середины 19 века надеялись в житиях найти то, чего нет в летописях⁵⁸⁵. Судя по всему, именно под тему из интересов Ключевского нашли источник, который должен был быть понятен выходцу из духовного сословия. Против источников работы, был университетский друг Ключевского – А.А. Шахов⁵⁸⁶. По утверждению М.М. Ковалевского, Шахова называли Сен-Жюст, «а многие прибавляли к этому, что

⁵⁸¹ Научный архив института истории РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 111. *Чумаченко Э.Г.* Указ. соч. С. 61.

⁵⁸² См. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. С. 124–173.

⁵⁸³ *Ключевский В.О.* Новые исследования по истории древнерусских монастырей // *Православное обозрение.* 1865. Ч. II. С. 440.

⁵⁸⁴ *Буслаев Ф.И.* Исторический очерк русской народной словесности и искусств. Т. I–II. СПб., 1861.

⁵⁸⁵ *Смирнов С.И.* Исследование В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник». М., 1913. С. 5.

⁵⁸⁶ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С. 53.

при нем Ключевский играет роль Робеспьера. Этой репутации Василий Осипович своей дальнейшей карьерой не оправдал»⁵⁸⁷.

Ключевский начал работу со свойственной для него основательностью. Он решил обследовать все значимые архивохранилища, в которых могли содержаться необходимые ему источники. В 1866 г. он поехал в Казань, где в это время находился архив Соловецкого монастыря⁵⁸⁸. В Казани, попав в окружение бывших семинаристов, пользуясь их радушием, помощью и советами, Ключевский изучал рукописный сборник Соловецких грамот, житие Зосимы и Савватия, Соловецкий летописец. На основе обработанного материала Ключевский написал статью «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае»⁵⁸⁹. Как правило, исследователи указывали на близость по идеям этой работы Ключевского статье А.П. Щапова «О влиянии гор и моря на характер поселений»⁵⁹⁰. По мнению Чумаченко, этот факт «доказывает решающее влияние Щапова на Ключевского»⁵⁹¹. По нашему мнению, это действительно говорит о том, что Ключевский познакомился с творчеством этого ученого благодаря его поклонникам в Казани. Но это не доказывает влияние Щапова на выбор Ключевским темы и источников для исследования. Кстати, вполне возможно предположить, что интерес к Щапову со стороны Ключевского был подстегнут именно казанским путешествием.

Кроме Казани Ключевский трудился в Санкт-Петербурге, Троице-Сергиевой лавре, где начались его многолетние контакты с учеными Академии. Поработал Василий Осипович и в частных собраниях Буслаева, Барсова, Тихонравова, Уварова.

Характер работы ученого во многом напоминал тот, что он разработал для себя во время работы со сказаниями иностранцев. Ключевский конспектировал

⁵⁸⁷ Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х гг. // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 494.

⁵⁸⁸ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. С. 131–135.

⁵⁸⁹ Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. М., 1867.

⁵⁹⁰ Щапов А.П. О влиянии гор и моря на характер поселений // Русское слово. 1864. № 3. Отд. 1. С. 105–116.

⁵⁹¹ Чумаченко Э.Г. Указ. соч. С. 62.

жития, а на полях ставил вопросы к исследованию: кто автор текста, когда написано, для каких целей. В архиве ученого находится 500 листов конспектов житий⁵⁹². Для составления этих архивных портфелей Ключевский обработал около 5000 списков житий, которые содержали 160 житий в 250 редакциях.

Обрабатывая материал, Ключевский был разочарован: источник мало давал именно историку. Уже в опубликованной работе Василий Осипович несколько раз возвращался к этой мысли: «Как бы ни было житие богато живыми подробностями, оно не удовлетворит историка»⁵⁹³. По мнению Ключевского, автор жития «...освещал описываемую жизнь только с некоторых и во всех житиях все с одних и тех же сторон, оставляя в тени другие, для исследователя самые важные»⁵⁹⁴. Торжественные дни в жизни святого раскрыты подробно, но будни ускользнули⁵⁹⁵. Таким образом, констатировал ученый, агиографа интересовала не точность, а нравственно-созидательный образ.

Гораздо более интересными с исторической точки зрения оказались не сами жития, а следующие за ними чудеса, поскольку в них «биограф покидал свою обычную невнимательность к обстановке, мелким подробностям события и передавал обстоятельно рассказ источника или свои собственные воспоминания». При этом «чудеса» были «большою частью единственные записки о каком-нибудь темном уголке России, в которых местное население является со своими нравственными и физическими недугами, иногда со своими этнографическими и культурными особенностями»⁵⁹⁶.

В результате вместо первоначального плана работы Ключевский перешел к источниковедческому исследованию житий как исторического источника⁵⁹⁷.

Новая задача исследования была поставлена следующим образом: поскольку «большая часть материала лежит неописанной и ненапечатанной в рукописных библиотеках», то надо дать «первоначальную очистку источника настолько, чтобы

⁵⁹² Научный архив института истории РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 96–114.

⁵⁹³ Ключевский В.О. Жития святых. С. 430; Чумаченко Э.Г. Указ. соч. С. 92.

⁵⁹⁴ Ключевский В.О. Жития святых. С. 430; Чумаченко Э.Г. Указ. соч. С. 92.

⁵⁹⁵ Ключевский В.О. Жития святых. С. 433; Чумаченко Э.Г. Указ. соч. С. 92.

⁵⁹⁶ Ключевский В.О. Жития святых. С. 430; Чумаченко Э.Г. Указ. соч. С. 93.

⁵⁹⁷ Чумаченко Э.Г. Указ соч. С. 94–103.

прагматик, обращаясь к нему, имел под руками предварительные сведения, которые помогли бы ему правильно воспользоваться житием»⁵⁹⁸. Интересны замечания Ключевского об источниках житий. Так, он особо выделял устные источники – «самовидцы и памятухи», «достоверных сказителей». Эти источники внутри житий Ключевский противопоставлял записям «учеников». Ведь «от учеников, заставших последние годы жизни старца, биограф не мог получить таких полных сведений, какие хранились где-нибудь между людьми, не знавшими святого, но слышавшими о нем от более ранних сотрудников, давно расставшихся с ним или умерших до написания жития»⁵⁹⁹. Ключевский считал более достоверным те воспоминания, которые ближе всего по времени к святому, хотя именно это труднее всего определить исследователю, так как устные сообщения «...очень слабо защищены от порчи»⁶⁰⁰. Наконец, последнюю группу источников, которую выделил Ключевский, составляли «записки для памяти», прологи, монастырские летописи.

Долгий поиск плана работы, отказ от исследования, посвященного роли русских монастырей при колонизации северо-восточной Руси, поскольку работы с подобной проблематикой, написанные, например, Иконниковым вышли из печати до защиты Ключевского, заставляли Ключевского серьезно нервничать⁶⁰¹. В письму другу он писал: «Ты служишь и служишь давно; я уже почти три года как вышел из университета с кандидатской степенью и нигде не служу, не потому, чтобы не находил места, – мест много представлялось и представляется, а потому, что мне нравится не служить, я успел почувствовать прелесть нигденеслуженья, если можно так выразиться, и стараюсь продлить по возможности дольше это состояние, тем более, что необходимости давящей еще не чувствуется, занятия, дающие деньги, есть, и их можно усиливать сколько угодно, было бы здоровье. Товарищи, кончившие со мною вместе университетский курс и ниже меня, давно уселись по местам, почти все переженились, при встречах со мною качают

⁵⁹⁸ Ключевский В.О. Жития святых. С. II; Чумаченко Э.Г. Указ. соч. С. 65.

⁵⁹⁹ Ключевский В.О. Жития святых. С. 430; Чумаченко Э.Г. Указ. соч. С. 83.

⁶⁰⁰ Чумаченко Э.Г. Указ. соч. С. 83.

⁶⁰¹ См.: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. С. 124–173.

поучительно головой, прибавляя: «Пора, пора служить!» Я, с своей стороны, одобряю их совет и думаю про себя воспользоваться им как можно позже. Вот и ты определился, уселся, завелся спутницей (и по секрету, тебе одному на ухо скажу: «очень и очень милой»). А я по-прежнему остаюсь в разряде людей, о которых сказано: «Не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем»....

...Теперь я занимаюсь историей древнерусских монастырей, читаю жития русских святых в рукописях, которых так много в здешних библиотеках. Занятие это доставляет мне большое наслаждение: оно укрепляет веру в русский народ, о котором так сильно сомневаются, выйдет ли из него что-нибудь путное. Мои напечатанные трудишки меня не удовлетворяют; тебе я послал бы их, да нахожу лучшим подождать, пока выйдет из моей головы что-нибудь более дельное. К этому направлены пока все мои планы о будущем; о карьере пока думаю мало: что бы ни было со мной впоследствии, как бы ни устроилась моя жизнь, я иногда молю бога только о том, чтобы душевный мир, так часто возмущавшийся, не оставлял меня: дальше этого не простираются мои желания»⁶⁰².

Правда, уже в 1869 г. у профессора Котляревского возникла идея назначить на вновь учреждаемую кафедру русской истории Юрьевского университета неостепененного Ключевского. Сделать это быстро не удалось, что заставило Ключевского остаться в Москве. Ключевский начал печатать магистерскую диссертацию, которую и защитил в 1872 г.

За защитой пришли новые назначения – доцентом в МДА и преподавателем на Высшие женские курсы. Пришла пора чтения первых курсов Ключевского.

С осени 1867 г. Ключевский начал преподавание в Александровском военном училище. У этого учебного заведения благодаря главному начальнику военно-учебных заведений генерал-адъютанту Н.В. Исакову, бывшему на рубеже 1850–1860-х гг. попечителем Московского университета, были устойчивые связи с первым московским высшим учебным заведением. «Около 20-ти преподавателей училища состояли профессорами или доцентами университета, – вспоминал одни

---

⁶⁰² Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 136–137. Письмо от 25 февраля 1868 г.

из его выпускников. – Между ними встречались такие имена: С.М. Соловьев, Алексеев, Капустин, Вейнберг, Ключевский, Лясковский, Герье, Бабст, Чупров, Янжул, Стороженко, Юркевич... Особенно было характерно в постановке учебного дела репетиторство: лекции читали профессора, а репетиторами были молодые силы, которые потом тоже заняли кафедры в университете и приняли лекции в училище от своих предместников; репетиторы посещали лекции профессоров в училище и составляли конспекты. Так, у профессора Бабста репетиторами были Чупров и Янжул, у Капустина – Боголепов, у Соловьева – Ключевский и Герье»⁶⁰³. В этом учебном заведении с позиции репетитора Ключевский дорос до позиции лектора, став одним из самых популярных непрофильных преподавателей. С уверенностью можно говорить, что репетитором в училище Ключевский стал по протекции Соловьева.

Во время работы над архивными материалами в Троице-Сергиевой лавре и благодаря публикациям в «Православном обозрении» Ключевский близко сошелся с представителями Московской духовной академии, богословами и церковными историками.

Как следствие 28 ноября 1871 г. с идеей пригласить «кандидата Московского университета, выдержавшего успешное испытание на степень магистра» Василия Ключевского» на вакантную должность преподавателя гражданской истории выступил экстраординарный профессор канонического права А.Ф. Лавров⁶⁰⁴. Совет поручил Лаврову связаться с кандидатом на должность.

«Сейчас в заседании Совета я предлагал Вас кандидатом на имеющуюся, с настоящего учебного года (т.е. с 15 августа) открыться, в Академии, кафедру доцента Русской Истории. Совет поручил мне узнать от Вас – будете ли Вы согласны занять эту кафедру, – писал Лавров Ключевскому. – С особенным удовольствием исполняю поручение Совета, я покорнейше прошу Вас,

⁶⁰³ Воспоминания офицеров о занятиях В.О. Ключевского в Александровском военном училище // *Ключевский В.О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России*. М., 2012. С. 426.

⁶⁰⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 229. К. 3. Ед. хр. 15. Л. 59.

Досточтимейший Василий Осипович, почтить меня Вашим ответом, если возможно в непродолжительном времени»⁶⁰⁵.

Ключевский приступить к преподаванию соглашался, однако отсутствие у него магистерской степени, усложняло процедуру вхождения в ученую корпорацию Московской духовной академии. Согласно уставу 1864 г. для получения должности приват-доцента соискателю необходимо было защитить диссертацию *pro venia legendi* и прочитать пробную лекцию.

8 июня 1871 г. в качестве диссертации Ключевский представил Совету свое кандидатское сочинение «Записки иностранцев о России» и прочел лекцию – «О житиях русских святых, как источнике сведений к русской гражданской истории». На лекции Ключевский развернул широкую программу церковно-исторических исследований. Присутствовавший на чтении Ключевского ректор Академии протоиерей А.В. Горский со свойственной ему иронией, прощаясь с Ключевским, заметил: «Ну, дай Бог, выполнить намеченное, и в его пожелании прозвучала насмешка»⁶⁰⁶.

«Как защита Ключевским его кандидатского сочинения, так и пробная лекция найдены комиссией удовлетворительными», – сообщал Журнал заседаний МДА. 29 ноября 1871 г. Совет 10 голосами против 1 предложил утвердить Ключевского в должности приват-доцента, что и было сделано епархиальным начальством⁶⁰⁷.

Серьезным для Ключевского был вопрос о распределении нагрузки в Академии, о чем он писал в письме к Лаврову в сентябре 1872 г.: «Сущность дела состоит вот в чем. Совет решил, что для четырех лекций, составляющих по уставу *minimum* занятий преподавателя в академии, необходимы три дня. Когда я узнал об этом, я долго думал, какие научные соображения могли руководить при этом решении. Соображений, имеющих неопровержимую силу, я отыскать не мог, и по своему обычаю решил, что здесь действовали какие-нибудь посторонние

⁶⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 32. Ед. 38. Л. 3–3 об. от 28 мая 1871 г.

⁶⁰⁶ Глаголев С.С. О В.О. Ключевском // Богословский вестник. 1916. Т. 3. № 10, 11, 12. С. 495.

⁶⁰⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 229. Оп. 3. Ед. хр. 15. Л. 59.

побуждения. Всегда и во всем плохой логик, я прежде всего подумал или, лучше сказать, вообразил, что это постановление направлено именно против меня одного, что в нем, следовательно, выражается неудовольствие или недоверие совета ко мне. В таком случае, думал я, ясно, как и что я должен делать: когда кредитной бумажке не верят, она подлежит изъятию из обращения. За такую бумажку я принял себя, полагая в своем содержании, как преподавателя, очень мало чистого металла. Я, однако ж, хотел предварительно проверить основательность своей гипотезы. Не застав Вас, я лишился лучшего средства для этой проверки, т. е. самого надежного для меня источника, откуда мог я получить прямой совет. Потому-то, может быть, Вы найдете мало такта в том, как я поступил. Я поговорил об этом с о[тцом] ректором и П.И. Горским. Из этих бесед я узнал совершенно новую, неожиданную для меня сторону дела. Я убедился и, по-видимому, основательно, что в постановлении совета нет ни капли недоброжелательства или недоверия лично ко мне, что это постановление вышло, так сказать, из дисциплинарного соображения. Именно, найдутся-де преподаватели, которые пожелают сосредоточить все свои лекции в один день, чтобы остальные 6 дней недели провести с большим удовольствием и с меньшим преподавательским трудом в Москве, что, следовательно, грозит эмиграции многих преподавателей из Посада. Далее, я подвергаюсь-де этому постановлению главным образом потому, что если будет для меня сделано исключение, то я буду служить примером, соблазном для желающих эмигрировать, которым совет не будет иметь основания отказать в просьбе о сосредоточении часов. Узнав об этом обстоятельстве, я вполне признал его силу и понял резонность советского постановления, хотя я и не эмигрирую из Посада, а следов[ательно] не могу, собственно говоря, ни для кого служить соблазнительным примером. Но я не мог не видеть, что я становлюсь козлом отпущения. А мне ли служить образцом служебной морали! Впрочем, из всего этого дела для меня не вышло бы никакого вопроса: я без труда согласился бы отдать, кроме понедельника и вторника, еще и среду на занятия в академии, т. е. собственно на чтения в ней, если бы речь шла только о капризе, об удовольствии приобрести лишний день для веселой жизни в столице. К сожалению, у меня здесь

замешались интересы более существенные. На следующий академический год я удержал за собою в Москве очень небольшие вечерние занятия в одном учебном заведении, чтобы иметь свободными все дни, кроме двух, проводимых в посаде. Моя вторая диссертация несколько страшит меня в одном отношении: если, думается мне, первая потребовала от меня шести лет более свободных, то при такой неповоротливости сколько протянется стряпанье второй? Неуменье мое работать скоро и споро для меня теперь доказанный исторический факт. Я хотел поспешить и вооружиться по возможности досугом для занятий в архивах у Оболенского и Калачова, где, к сожалению, отведено очень мало времени для занятий и притом суббота принадлежит к праздничным дням. Потеря одного из трех дней при моем малодушии для меня очень чувствительна, особенно если единственной ее причиной служит сдержанье эмиграции, ибо я по крайнему своему разумению убежден, что сосредоточение назначенных мне четырех часов в два дня не отзовется никакими лишними недостатками в объеме и характере моего курса, как распространение этих пасов на три дня не прибавит к нему ни одной лишней доблести. Но, с другой стороны, я очень хорошо знаю, что ни моя диссертация, ни другие мои личные и временные обязательства не имеют никакого права действовать на решение совета или привлекать к себе его внимание: вне своих служебных обязанностей я для совета не существую. Заключение силлогизма для меня, как по всей вероятности и для Вас, ясно, хотя для меня оно и печально: когда личные обстоятельства приходят в столкновение с интересами или требованиями более общего или авторитетного свойства, тогда лицо должно посторониться, чтобы дать проход праву. Извините меня за эту самодельную и неуклюжую формулу давно Вам известной юридической леммы, если не аксиомы. Оканчивая свое объяснение с П. И. Горским, я просил его сделать такое заявление совету, когда он будет представлять расписание лекций на его утверждение: «Доцент такой-то просит покорнейше поместить назначенные ему 4 часа в понедельник и вторник и сделать это, во внимание к некоторым его особенным личным и временным обстоятельствам, в виде личного, ни до кого не касающегося

исключения»⁶⁰⁸. Ключевский получил разрешение читать все лекции в Академии в течение двух дней. По такой же схеме трудился в Академии наследник Ключевского в этом учебном заведении – М.М. Богословский.

Дальнейшее продвижение Ключевского по службе в МДА оказалось в зависимости от получения следующей ученой степени. После защиты Ключевским магистерской диссертации 29 января 1872 г. в Московском университете профессор П.С. Казанский предложил совету МДА дать Ключевскому должность доцента. 16 марта 1872 г. Совет МДА, а 10 апреля 1872 г. – митр. Иннокентий утвердил Ключевского в должности доцента⁶⁰⁹. После защиты докторской диссертации Ключевский стал ординарным профессором МДА.

С 1872 г. Ключевский по приглашению Герье начал преподавать на Высших женских курсах Герье. Вероятнее всего, знакомство между двумя историками произошло во время работы в Александровском военном училище. Герье пристально следил за молодым коллегой и даже оказывал ему протекцию. Возможно, сказывалось восторженное отношение курсисток и жены Герье – Авдотьи Ивановны, ставшей автором текста записей лекций Ключевского на курсах.

В 1875 г. после выхода в свет 25 тома «Истории России с древнейших времен» Герье попросил Ключевского активно участвовать в проведении юбилейных мероприятий и фактически заказал Ключевскому текст статьи о Соловьеве. Согласно традициям университета, автор поздравительного и мемориального текста очень часто рассматривалась факультетом как преемник старшего профессора. Интересно отметить, что честь написать юбилейную статью о Соловьеве Ключевскому уступил и Попов, также явно оказывавший Ключевскому в это время протекцию.

Судя по всему, к середине 1870-х гг. Ключевский рассматривался профессорами-историками ИМУ как потенциальный кандидат для вхождения в

⁶⁰⁸ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 148–150.

⁶⁰⁹ Ключевский В.О. Преподавательская деятельность в МДА. Материалы для его биографии... С. 389.

корпорацию Московского университета. Неслучайно сразу после начала болезни Соловьева Ключевский был избран на должность доцента Московского университета (осень 1879 года) и именно ему, а не второму профессору кафедры – Попову было поручено чтение общих курсов истории на замену Соловьеву⁶¹⁰. Попов написал представление с рекомендацией Ключевского доцентом. 5 декабря 1879 г. Ключевский в Большой словесной аудитории ИМУ прочел первую лекцию, представлявшую собой вступление в русскую историю после смерти Петра Великого. Перед Ключевским была поставлена задача скорейшей защиты докторской диссертации, а факультет терпеливо ждал этого момента, не приглашая в университет второго профессора кафедры российской истории.

Сразу после защиты диссертации Ключевский был выдвинут на должность экстраординарного профессора и в течение непродолжительного времени стал ординарным профессором факультета.

Отметим тот факт, что до выслуги 25 лет службы на кафедре Ключевский самостоятельно не ставил вопрос о назначении второго профессора кафедры, хотя явочным порядком это было сделано практически во всех русских университетах, кроме Московского. Учеников и потенциальных профессоров университета Ключевский держал на должностях приват-доцентов, соглашаясь на передачу чтения им обязательных курсов (это давало приват-доценту 300–400 р. за годовой час занятий) и ратовал за дополнительное финансирование приват-доцентов, а также введение должностей приват-доцентов, читающих обязательные курсы.

При этом, Ключевский был скептичен по отношению к приват-доцентам не москвичам. Продвижение М.К. Любавского стало возможно лишь потому, что после фактически выхода Ключевского за штат с сохранением ему содержания и предоставлением права на преподавание в университете на 5 лет в 1901 г., открылась вакансия на факультете.

С научной точки зрения Любавский был выучеником Попова, хотя заявление об оставлении Любавского подписано Поповым и Ключевским совместно. Между

---

⁶¹⁰ Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1879 г. 2-я половина. М., 1880. С. 15, 22–26, 35, 61.

двумя историками были хорошие уважительные личные отношения, что заставило Милюкова предположить, что «поповская» близость, а не научные заслуги Любавского заставили Ключевского сделать выбор со вторым профессором кафедры. С формальной точки зрения это не так. У Ключевского не было близких доверительных отношений со своими учениками, поэтому он не хотел ждать докторской защиты «любимого» ученика. На вакантную кафедру был рекомендован единственный москвич, который к искомой дате уже имел докторскую степень. Назначение на профессорскую должность магистров было не приемлемо ни для факультета, ни для Совета ИМУ.

Вторая и последняя рекомендация Ключевского для занятия должности профессора была дана Кизеветтеру. Правда, впервые в практике московской профессуры рекомендация ведущего профессора, факультета и Совета университета не была услышана министром, Кизеветтер не был утвержден в должности в министерстве.

5.4.3. Первые подходы к «Курсу русской истории»

Первые опыты чтений лекций Ключевским заставляют предположить, что Василий Осипович был готов кардинальным образом менять характер преподавания поручаемого ему курса по сравнению с предшественником. Ярче всего эта тенденция заметна на примере преподавания Ключевским всеобщей истории в Александровском военном училище, где он сменил в чтении общих курсов Соловьева.

Характерными особенностями лекций Соловьева были сравнительно-исторический аспект и сосредоточенность на проблемах международных отношений, в которых Россия, по мнению Соловьева, со времен Петра играет все большую роль. В центре курса предшественника Ключевского была политическая история французской монархии. В лекциях он рассматривал создание государственного механизма Франции при Ришелье, отладку государственной машины при Кольбере, нравственное падение монархии на рубеже XVII–XVIII вв.

По мнению Соловьева, после кризиса XVII–XVIII вв. Франция по-прежнему активно участвовала в европейских международных делах, но утратила роль арбитра. В этом контексте революция 1789 г. была показана Соловьевым как следствие упадка престижа Франции на международной арене.

Ослабление Франции, ее неудачные действия на международной арене привели к перегруппировке европейских монархий в XVIII в. и выходу на европейскую арену двух новых мировых держав – России и Пруссии. В курсе Соловьев сравнивал войны Петра и Фридриха II. Симпатии Сергей Михайловича были на стороне русского императора: «Войны Петра отличались от войн Фридриха тем, что были необходимы для преобразования, были средством для открытия путей для внутреннего развития России; для выхода к морю. У Петра не было мысли о завоеваниях, ибо пространства [России] и так были велики, нужно было внутреннее усиление чрез промышленность и торговлю. Поэтому после Северной войны Петр объявил, что России нечего больше делать на Западе, что завоевания там кончились. Только польский вопрос заставил Россию взяться за оружие. Пред вступлением Елизаветы [на престол] наступательное движение Швеции вызвало в России войну; а участие в Семилетней войне было вызвано необходимостью. Завоевательность России уничтожалась именно громадностью пространств. «Потому страх Западной Европы пред завоевательностью России не имеет смысла», – считал Соловьев⁶¹¹.

Обелял историк Россию в решении польского и турецкого вопроса эпохи Екатерины II, считая, что покровительство христианам нельзя рассматривать как стремление к завоеваниям, а причина распада Польши заключалась в том, что «поднятие жизненных вопросов (проблемы государственного реформирования – Д.Ц.) благотворно для молодых и сильных только государств»⁶¹².

Сосредотачиваясь на проблемах международных отношений, Соловьев делал и весьма интересные наблюдения из внутренней жизни европейских

---

⁶¹¹ Ключевский В.О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М., 2012. С. 45. Лекции Соловьева – это записи для студентов, сделанные Ключевским.

⁶¹² Ключевский В.О. Лекции по истории Западной Европы. М., 2012. С. 51.

народов. Сергей Михайлович метко характеризовал основные силы французского государства и общества. Так он считал, что социальный кризис конца 18 века был обусловлен тем, что уходили со сцены главные политические силы предыдущей эпохи. Так, эпоху Людовика XIV он считал «последним блестящим веком во Франции», «стране блестящих царствований и монархической власти. После него монархическое начало слабеет, уступая место другим. Отсутствие зиждительной силы заменялось многими мелкими свойствами, завистью, властолюбием, нелюбовью к людям самостоятельным»⁶¹³. Ничего не могла предложить и аристократия: «Аристократия, окружавшая трон, перестала быть представительницей воинственного народа, за что прежде народ любил ее... Теперь аристократия тяжело лежала на народе, ничего не давая ему»⁶¹⁴. На первые роли входят литераторы: «при недостатке политической деятельности идет усиленная умственная, выразившаяся в отрицательной литературе», разрушающая прежние порядки⁶¹⁵. Однако не литераторы, по мнению Соловьева, являются причиной революции. Вина лежала в источнике прежней системы – личности монарха: «Людовик приготовил революцию не материальным истощением, которое Франция всегда легко залечивала», «а тем, что не оставил средств духовных, истощив бывшие; не оставил людей»⁶¹⁶.

Став самостоятельным лектором, Ключевский фактически отказался от курса международных отношений в Европе, который читал Соловьев, сосредоточившись на внутренних причинах Французской революции. Очень подробно Ключевский рассматривал личности трех Людовиков, Филиппа Прованского, усиление административной централизации Франции, противостояние иезуитов и янсенистов, католиков и гугенотов, ход французской революции от реформ Тюрго до революционных войн. Можно даже предположить, что Ключевский обращался за консультациям к Герье, который

---

⁶¹³ Там же. С. 42.

⁶¹⁴ Там же. С. 43.

⁶¹⁵ Там же.

⁶¹⁶ Там же. С. 45.

сходным образом читал курс о Французской революции в Московском университете⁶¹⁷.

Объяснение динамики политических процессов Ключевский ищет в социальной сфере⁶¹⁸. Французская революция, по его мнению, привела к управлению государством новую силу – буржуазию. На лекциях Ключевский в отличие от Соловьева очень подробно рассматривал шаги буржуазии на пути к власти.

Тот факт, что Ключевский читает социальную историю, хорошо осознавали его слушатели. «Помнится, что он особенно указывал на значение роста современной буржуазии, как на фактор, которому суждено сыграть крупную роль в наше время», – писал один из слушателей. – В беседах он также говорил «об общественных группах, сословиях и их взаимоотношениях в историческом ходе событий». Во время обсуждения содержания лекций один из слушателей Ключевского заинтересовал преподавателя тем, что сделал «предположение о возможной аналогии этих взаимоотношений с взаимодействиями различных частиц, атомов и групп атомов (радикалов или остатков), которые изучает химия, – указав, таким образом, сравнительно, на метод химического изучения превращения веществ. В.О. очень заинтересовался моим сообщением и просил меня несколько подробнее ознакомить его с методом изучения химических взаимодействий, а затем просил указать ему на краткое руководство, по которому бы он мог ознакомиться с химией, которая его заинтересовала»⁶¹⁹.

Еще одна характерная черта курса Ключевского – аналогии между старым порядком во Франции и России, которую чувствовали слушатели: «Многим памятна характеристика областного управления Франции так называемыми интендантами, в руках которых находилась действительная власть в провинциях: «Интендант обыкновенно человек незнатный из среднего мещанского сословия, очень редко из мелкого дворянства. Это ловкий служака, усердный исполнитель

---

⁶¹⁷ Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2008. С. 134–152.

⁶¹⁸ Ключевский В.О. Лекции по истории Западной Европы. С. 143–145.

⁶¹⁹ Там же. С. 424–425.

министерских предписаний. Интенданты управляли всем в провинциях, распределяли и собирали подати, производили рекрутские наборы, заведовали полицией и судопроизводством. Эти управители провинций вмешивались во все, стесняя всякую самодеятельность местных обществ. Понадобилось выстроить мост, поправить церковный дом в сельском приходе или восстановить развалившуюся колокольню – община не могла это сделать без спроса у интенданта, который, в свою очередь, спрашивал в королевском совете, откуда ответ приходил года через два или три». Слушая тогда такие характеристики, мы, юные слушатели, совсем не знавшие жизни, думали, что Салтыков-Щедрин списывал своих помпадур именно с этих интендантов, и не подозревали того, как все это было близко и к нашей действительности»⁶²⁰.

Судя по всему, идея читать историю России как историю взаимодействия общественных классов приходит к Ключевскому именно во время проведения занятий по новейшей истории в Александровском военном училище. Вполне возможно, что такое решение пришло под влиянием расшифровки лекций Соловьева, в которых в основном рассматривались события политической истории Франции, а также благодаря вопросам слушателей.

Чтение курса по русской истории на основе идей социальной истории Ключевский впервые осуществил на Высших женских курсах. В первый год преподавания Василий Осипович рассматривал проблемы от возникновения государственности у славян в IX в. до усиления Москвы. Во второй – процесс возвышения Москвы и создание Московского царства до последствий Смутного времени. В третий – Россию в эпоху преобразований. Всего историк выделил пять этапов русского исторического процесса: до середины XI в., до середины XIII в., до середины XV в., до середины XVII в.

При этом особое внимание лектор уделял главным силам развития, основным культурным элементам исторического процесса – личности, власти, обществу, церкви, природе (сравните с курсом методологии, который будет читаться в университете позже). По мнению Ключевского, именно своеобразное

---

⁶²⁰ Там же. С. 427–428.

сочетание данных элементов в конкретную эпоху и в определенном месте приводит к созданию своеобразного национального организма и делает актуальным изучение именно местной истории, а не истории человечества в целом.

В целом в лекциях Ключевского на ВЖК обсуждаются три блока проблем, взятых их курса Соловьева: распад родовых отношений в домонгольской Руси, формирование Московского государства XV–XVI вв., формирование новой России в петровскую эпоху. Собственные штудии Ключевского (магистерская диссертация) позволяют историку выпукло представить период от монгольского нашествия до Ивана III.

Фактически ранние лекционные курсы, прочитанные на ВЖК стали основой для лекционных курсов Ключевского в Московском университете. Василий Осипович брал цельные смысловые куски из своих старых лекций и усиливал старые идеи в новых университетских лекциях.

Начиная с 1880 г. Ключевский читал двухгодичной общий курс истории в Московском университете. В первый год он доводил изложение событий до петровской эпохи, во второй год – читал новую Русскую историю нового времени.

В 1904 г., взяв за основу литографированные студентам лекции, Ключевский начал издание собственного Курса. Курс был замыслен в 5 частях. Три вышли при жизни Ключевского. Слушавшие курс Ключевского, с одной стороны, узнавали даже некоторые интонации живого курса Ключевского, однако, с другой стороны, подчеркивали, что печатный Курс имел сложносоставной характер. Так, например, в него были включены переработанные части курса методологии, источниковедения, терминологии в Московском университете, лекции по русской истории из МДА (например, история Раскола). При этом общие особенности преподавательской методы Ключевского курс отражал.

В осеннем семестре 1884–1885 уч. г. Ключевский впервые прочел спецкурс по методологии истории⁶²¹. В письме декану от 18 апреля 1884 г. он указывал: «На следующий год для исторического отделения я предполагаю курс о методе,

---

⁶²¹ Ключевский В.О. Методология истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 5–93.

терминологии и основных источниках русской истории. Не знаю, можно ли это назвать «Древностями», так как под это понятие подходит только вторая часть предполагаемого курса и разве частью третья»⁶²².

Курс по методологии состоял из 19 лекций. Начинался он завораживающе. Изучение нашей истории имеет один недостаток, – замечал лектор: «Недостаток этот – отсутствие метода»⁶²³. Во многом это связано с тем, полагал Ключевский, что ответственность русских историков чрезвычайно мала. За литературой русской истории нет пристального внимания специалистов. Между тем науку от набора знаний отличает именно метод, который разделяют профессионалы. Следовательно, именно методом должна обзавестись историческая наука. Во 2-й лекции, посвященной происхождению, развитию и свойству общественных («людских») союзов, как и в общем курсе лекций, читанных на ВЖК, Ключевский показывает, что классы общества могут возникать как под влиянием экономических процессов и материальных причин (политическая элита), так и идей (например, жречество)⁶²⁴. В 3-й лекции⁶²⁵ рассмотрены «элементы общежития», которые Ключевский подразделяет на «простые и сложные», «первичные и производные». В четвертой–шестой лекциях⁶²⁶ показаны исторические силы, к которым профессор относит природу страны, естественную природу человека, личность, общество⁶²⁷. Еще 4 лекции⁶²⁸ посвящены стадиям исторического процесса – «формациям», где профессор характеризует различные социальные общности и рассматривает теории их происхождения.

Описывая исторический процесс, Ключевский показывает, как элементы общежития вступают в соединение или столкновение друг с другом, создают разрушающие сочетания, обнаруживают «преемственную смену различных

---

⁶²² Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 160; Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. С. 259.

⁶²³ Ключевский В.О. Методология истории. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 5. Оценку курса Нечкиной см.: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. С. 259–268.

⁶²⁴ Ключевский В.О. Методология истории. С. 9–14.

⁶²⁵ Там же. С. 14–18.

⁶²⁶ Там же. С. 18–32.

⁶²⁷ Там же. С. 23.

⁶²⁸ Там же. С. 32–58.

общественных формаций». В результате происходит «историческое движение» или «исторический прогресс»⁶²⁹.

Впрочем, завершает курс лекций Ключевский вопросом об исторической критике. Он выделяет низшую прагматическую и собственно высшую – историческую критику. В последней лекции Ключевский рассматривает разницу между популярным и научным изучением истории. Популярное изучение истории, по его мнению, способствует развитию «национального самосознания, оно базируется на субъективном методе». Объективный метод, характерный для научного подхода, близок к философии истории и должен вписывать местную историю во всеобщую.

В целом окончание курса Ключевского неожиданно. С одной стороны, большая часть курса посвящена историческому процессу и его динамике. Однако заканчивает Ключевский замечанием, что метод формируется при изучении исторических источников. Во многом это двойственность может быть объяснена тем, что сам Ключевский в основном читал синтетические лекции для студентов, в которых представлял свое видение исторического процесса, а курс методологии должен был дать студентам понимание того, как профессор пришел к своему видению истории. Умение работать с источниками Ключевский, безусловно, считал главными навыками историка-профессионала, но парадокс состоял в том, что в курсе методологии инструментарий работы историка он не показал.

В весеннем семестре 1885 г. Ключевский прочел курс по терминологии⁶³⁰. Опять-таки это было углубление и новое прочтение материала, уже читавшегося Ключевским раньше на ВЖК. Курс состоял из 11 лекций. 2 лекции были посвящены территории и административному делению, 3 – социальному составу Древней Руси, остальные – терминам русских, по преимуществу юридических, источников. По источникам Ключевский давал подробное объяснение таким терминам как «старцы градские», «закупы», «холопы» и т.д., без которых

---

⁶²⁹ Там же. С. 58–84.

⁶³⁰ Сам курс см. *Ключевский В.О. Терминология русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 94–224.*

невозможно понимание социальной стратификации древнерусского общества. Ключевский рассматривал также органы управления, правительственные и судебные учреждения Руси эпохи уделов.

В 1886 г. Ключевский прочел курс по истории сословий⁶³¹. Напомним, что часть лекций 1875 г. на ВЖК, в которых рассматривалась история преобразований 18 века, включала в себя необходимый материал для этой темы. Курс сохранился благодаря записям А. Юшкова, А.А. Кизеветтера и В.Н. Сторожева⁶³². Он был построен по проблемно-историографическому принципу. Сословия рассматривались, исходя из крупнейших монографий по теме, которые Ключевский комментировал на лекциях. Холопы и крестьяне изучались Ключевским по трудам Чичерина, крестьянство – по И.Д. Беляеву, русский город – по И.И. Дитятину, дворянство – по Романовичу-Славятинскому, духовенство – по П.В. Знаменскому. Рассматривалась история сословий допетровской эпохи.

С 1889 г. Ключевский стал читать еще один общий курс – по историографии. Не сохранилось ни одной полной записи курса. Однако Р.А. Киреева восстановила проблематику историографических лекций, показав, что Ключевский доводил курс до 19 века и характеризовал прежде всего личности историков⁶³³.

Неоднократно Ключевский в качестве спецкурса читал лекции по источниковедению⁶³⁴, которые студенты очень просили Василия Осиповича издать, чему он последовательно сопротивлялся. Изначально отдельные источники русской истории профессор рассматривал на семинарских занятиях.

⁶³¹ Ключевский В.О. История сословий в России // Там же. С. 225–391.

⁶³² На основе записей был составлен единый текст лекций, который был отдан студентами Ключевскому. Редактирование текста зняло у Ключевского больше времени, чем собственно чтение курса. В результате 20 и 22 лекции заново были продиктованы Ключевским Юшкову, для чего он пригласил студента к себе домой.

⁶³³ Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966. Материалы для этих курсов позднее сведены в собрании сочинений Ключевского: *Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Специальные курсы. Т. VII. М., 1989. С. 190–227.*

⁶³⁴ Ключевский В.О. Источники русской истории // Там же. С. 1–83.

Практические занятия Ключевский начал вести с 1880 г. На них студенты изучали Русскую Правду⁶³⁵ и Псковскую судную грамоту (1880–1881)⁶³⁶, Судебник 1550 г., сочинение Г. К. Котошихина (1881–1882), первые 4 тома «Истории...» Соловьёва (1883–1884), договоры Олега и Игоря с греками (1887–1888)⁶³⁷. Опыт семинара, когда говорил только Ключевский, а студенты молчали, привел к тому, что семинарам Ключевский стал предпочитать специальные курсы по источниковедению.

С 1888–1889 академического года Ключевский читал сокращенный курс русской истории студентам-филологам 2-го курса, а специалистам историкам 3-го и 4-го курсов совместно поочередно историографию и источниковедение (с 1904 г. читал только общий курс, фактически прекратил преподавание с 1908 г.).

5.4.4. Курс русской истории В.О. Ключевского как явление университетской жизни

С первых дней преподавания Ключевского в Московском университете ему как преподавателю сопутствовала слава лектора. На лекциях в университете Ключевский порвал с традицией систематически последовательного изложения исторических событий в рамках чтения курса и сосредоточился на теоретических обобщениях. Профессор считал, что «история народа, научно воспроизведенная, становится приходно-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого», а «историческое сознание дает обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутье минуты, которое предохраняет его как от косности, так и от торопливости»⁶³⁸.

В короткое время Ключевский захватил внимание юношества лекциями, используя своеобразную методику чтения. Объясняя ее, Ключевский указывал, что

⁶³⁵ Ключевский В.О. Русская Правда // Там же. С. 84–100.

⁶³⁶ Ключевский В.О. Псковская Правда // Там же. С. 100–121.

⁶³⁷ См. Отчеты о состоянии и действиях Московского университета, а также «Обозрения преподавания».

⁶³⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. С. 60–61.

«развивая мысль в речи, надо сперва схему ее вложить в ум слушателя, потом в наглядном сравнении предъявить ее воображению и, наконец, на мягкой лирической подкладке осторожно положить ее на слушающее сердце, и тогда слушатель – Ваш военнопленный и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послушным Вашим клиентом»⁶³⁹. «Ключевский быстро покорила аудиторию», – писал один из первых его слушателей и создатель второй редакции литографированных лекций профессора⁶⁴⁰, затем немало потрудившийся над изданием заключительной печатной части Курса Ключевского – Я.Л. Барсков⁶⁴¹.

Одной из причин популярности лекций Ключевского было мастерство речи профессора. Яркие образы, незабываемые метафоры, тонкий юмор – это то, что царило на лекциях Ключевского и, по мнению историка, улетучивалось из записанных текстов. Ключевский неизменно подчеркивал работавшим с ним над литографированием лекций студентам, что одно дело записанное слово, другое – произнесенное: «Нельзя говорить, как пишешь, нельзя и писать, как говоришь»⁶⁴².

При этом у студентов Ключевского во время слушания лекций создавалось впечатление душевной беседы с историком, который поднимает важнейшие вопросы современной жизни и дает на них ответы: «Мы живем в эпоху усиленной разработки проектов наилучшего устройства общежития. Эти проекты создаются или нами самими, или заимствуются из чужих рук, и как иногда трудно бывает различить, какие из них удадутся, какие нет. Изучение того наличного запаса сил и средств, какой накопил народ, поможет нам решить, какие предполагаемые формы общежития *ниже* этого запаса и какие *выше*, не под силу народу»... Помню, как мы прислушивались к этим словам, принимая их за намек на выбор между конституционной монархией и республикой – одни, между защитниками и

⁶³⁹ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 356.

⁶⁴⁰ Автором первого конспекта литографированных лекций был Н.А. Котляревский.

⁶⁴¹ Барсков Я.Л. «Ключевский быстро покорила аудиторию». Доклад профессора Я.Л. Барскова. 1921 г. // Исторический архив. 2004. № 1. С. 57.

⁶⁴² Барсков Я.Л. Указ. соч. С. 63.

противниками общины – другие; но всех нас равно волновал именно этот вопрос о грядущих формах общежития», – свидетельствовал Барсков⁶⁴³.

Напряженное внимание и вслушивание во все интонации голоса Ключевского (интересно отметить, что для усиления эффекта или в силу личных особенностей, Ключевский говорил тихо, борясь с заиканием, заставляя к себе прислушиваться) – постоянное впечатление студентов от лекций историка: «Чуть не сорок лет назад эти строки выслушивались с напряженным вниманием и давали повод к размышлению»⁶⁴⁴.

Ажиотаж вокруг Ключевского напоминал поклонение великому артисту. «К Василию Осиповичу, очарованные его талантом, мы относились с уважением, которое граничило с институтским обожанием. Все его окружающее, обстановка, в которой он жил, каждое его слово служили предметом бесконечных рассказов и пересказов, когда мы сходились в студенческой компании и днем между лекциями, и по вечерам друг у друга»⁶⁴⁵.

Обожание студентов предшествовало обретению Ключевским статуса доктора своей науки. Как и в случае с Грановским, студенты устроили Ключевскому рукоплескание после защиты им диссертации: «А 29 сентября [1872 года] состоялся диспут, – пишет Барсков, – и Василий Осипович получил степень доктора русской истории. Ему устроили шумную овацию. Аплодисменты не смолкали добрых 10 или 15 минут. Под конец вынесли его из университета на руках, а потом и сами его слушатели [оказались] в чужих руках, чтобы выбраться на улицу оттуда, где одни до поздней ночи, а другие до утра, справляли праздник любимой науки и столь же горячо любимого профессора»⁶⁴⁶.

Слава о Ключевском распространялась за стены Московского университета. Барсков цитирует впечатления дамы от лекций Ключевского: «Сейчас возвратилась с лекции Ключевского. Какой это талантливый человек! Он читает теперь о древнем Новгороде и прямо производит впечатление, будто это

⁶⁴³ Барсков Я.Л. Указ. соч. С. 63.

⁶⁴⁴ Там же.

⁶⁴⁵ Богословский М.М. [Ключевский – педагог]. С. 42.

⁶⁴⁶ Барсков Я.Л. Указ. соч. С. 57.

путешественник, который очень недавно побывал в XIII–XIV веке, приехал и под свежим впечатлением рассказывает все, что там делалось у него на глазах и как там живут люди, и чем интересуются, и чего добиваются, и какие они там»⁶⁴⁷.

О Ключевском стали говорить гимназисты старших классов, куда доставлялись литографированные курсы профессора, а образ истории из этих студенческих литографий противопоставлялся образу истории из гимназических учебников. Платонов, студент Петербургского университета, заказывал литографии Ключевского у москвичей для собственного прочтения⁶⁴⁸.

Барсков рисует Ключевского-лектора как основателя «новой» школы историков. Сходные взгляды постфактум на роль Ключевского были и Милюкова. В воспоминаниях о Ключевском Павел Николаевич заявил, что Ключевский ясно показывал, «что можно мыслить над русской историей, что здесь есть, что помнить, – это было для нас самих... приятной неожиданностью»⁶⁴⁹. Это импонировало «нашему поколению»: «Мы не хотели строить русской истории ни на идее заимствования, ни на идее самобытности... Мы соглашались изучать русскую историю, как изучали всякую, с точки зрения общей научной проблемы – внутренней органической эволюции человеческого общежития. Мы еще не называли тогда эту проблему социологической проблемой. Мы хотели только констатирования явлений, «закономерности». Мы искали «законы» в истории»⁶⁵⁰.

Кроме привнесения в общий курс социологических идей в духе позитивизма, были у Ключевского в курсе и новые мировоззренческие установки как у историка-философа. Ответственными за бедствие русского исторического процесса, по мнению Ключевского, являлись не плохие и хорошие монархи, как думали в эпоху Карамзина, а рознь сословий, отсутствие гармонии и консенсуса в русском

⁶⁴⁷ Там же. С. 61–62.

⁶⁴⁸ О том же см. *Яковлев А.И.* «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева к 170-летию В.О. Ключевского // *Вестник архивиста*. 2011. № 2. С. 140–141.

⁶⁴⁹ *Милюков П.Н.* В.О. Ключевский // *Ключевский В.О.* Воспоминания и характеристики. М., 1912. С. 195. Мои университетские годы. С. 67–68; *Милюков П.Н.* Воспоминания. С. 77–78.

⁶⁵⁰ *Милюков П.Н.* В.О. Ключевский. С. 189.

обществе. При этом задача ученого заключалась, по мысли Ключевского в том, чтобы показать те силы, которые могут эту ошибку исправить.

Как лектор Ключевский пессимистичен: он считал, что в русской истории нет сил, способных объединять русское общество и государство. Ключевский не рассматривал монархию как объединяющую и преобразующую силу русской истории. Однако и русская аристократия не представлялась Василию Осиповичу силой созидающей.

Вопрос о том, почему первенствующее в России сословие своекорыстно⁶⁵¹ и не может взять на себя ответственность за судьбы страны, Ключевский попытался решить в докторской диссертации, а затем ответ перенес в лекции⁶⁵². Смысловым ядром диссертации стало описание борьбы боярства и русских монархов в XV–XVI вв. Ключевский многократно, по сравнению с лекциями 1870-х гг., увеличил количество источников, привлеченных для написания диссертации по сравнению с ранними лекционными курсами по тому же периоду. Для диссертации характерна низкая оценка политических идей и нравственных сил боярства накануне Смутного времени, что и становится одной из главных причин кризиса в эпоху Смуты. К началу XVII в. России не было силы, способной выйти на новое понимание идеи государства и обеспечить сотрудничество основных социальных сил, его составляющих. Политический кризис был обусловлен социальной рознью.

В семнадцатом столетии Ключевский показывает постепенное изживание совсем крайних вотчинных форм управления государством, что и приводит к отмене местничества, падению авторитета боярства, для которого это столетие было последней эпохой существования как социальной силы русской истории. Не сдерживаемые высшим классом, монархи, начиная с Петра, начинают

---

⁶⁵¹ В журнальном варианте диссертации Ключевский одним из первых в научной литературе говорил о классовых интересах. *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси // *Русская мысль*. 1880. Кн. 1. С. 47, 53–54. Современное переиздание журнального введения см.: *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества // *Россия и современный мир*. 2004. № 3 (44). С. 133–143 / вступит. ст. И.Л. Беленький.

⁶⁵² Анализ докторской диссертации Ключевского см.: *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. С. 199.

реформировать русское государство, создавая новую систему управления и фактически по-новому выстраивая общественные отношения.

Идеи диссертации Ключевский использовал в общем курсе. Гнет государства и невозможность без него обойтись – одна из констант русского прошлого, вскрытая Ключевским в курсе. «Государство пухло, народ хирел»⁶⁵³ – в этом афоризме одна из особенностей русского исторического процесса по Ключевскому. Судя по всему, для себя Ключевский сделал очень печальный вывод: Россия старого порядка очень живучий феномен, который будет сдерживать формирование гражданского общества в России.

В дневнике 24 апреля 1906 г. Ключевский записал: «В продолжение всего XIX в[ека] с 1801 г., со вступления на престол Александра I, русское правительство вело чисто провокаторскую деятельность: оно давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нем первые ее проявления, и потом накрывало и карало неосторожных простаков. Так было при Александре I: Сперанский со своими конституционными проектами стал таким невольным провокатором, чтобы вывести на свежую воду декабристов и потом в составе следственной комиссии иметь несчастье плакать при допросе своих попавшихся политических воспитанников. При имп[ераторе] Николае I правительственная провокация изменила тактику. Если нахальная аракчеевщина, сменившая стыдливую, совестливую сперанщину, стремилась заговор вытолкнуть на вооруженное восстание, то Николай I своей предательской бенкендорфщиной старался вогнать общественное недовольство в заговор. Удачный исход опыта такой стратагемы, испробованный над поляками, надолго парализовал русские конспиративные силы, разбил их на бессильные кружки, и дело петрашевцев ярко обличило их бессилие. Были негодующие люди, как Герцен, Грановский, Белинский, но не было угрожающих, и постыдное царствование имп[ератора] Николая I благополучно кончилось севастопольским поражением и Парижским миром. Настоящим питомником русской конспирации было правительство

---

⁶⁵³ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1988. Т. III. С. 12.

имп[ератора] Александра II. Все его великие реформы, непростительно запоздалые, были великодушно задуманы, спешно разработаны и недобросовестно исполнены, кроме разве реформы судебной и воинской. Монарх мудро соизволял, призванные работники, как братья Милютины, Самарин, самоотверженно проектировали, а ввязавшиеся в дело министры камарильи вроде Ланского, Толстого, Валуева, Тимашева разделяли циркулярами высочайше утвержденные проекты в насмешки над народными ожиданиями. Царю-реформатору грозила роль самодержавного провокатора: Александр II вступал на путь первого Александра. Одной рукой он дарил реформы, возбуждавшие в обществе самые отважные ожидания, а другой выдвигал и поддерживал слуг, которые их разрушали. Полиция, не довольствуясь преследованием нелегальных поступков и чуя глухой ропот, хотела читать в умах и сердцах посредством доносов и обысков, отставками, арестами и ссылками карала предполагаемые помыслы и намерения и незаметно превратилась из стражи общественного порядка в организованный правительственный заговор против общества. Гр[аф] Толстой с Катковым создали целую систему школьно-полицейского классицизма с целью наделать из учащейся молодежи манекенов казенно-мундирной мысли, нравственно и умственно оскопленных слуг царя и оте[че]ства. Этими глубоко продуманными мерами преподаны были обществу, особенно подраставшему поколению, прекрасные уроки противоправительственной конспирации, плодотворно и быстро разросшейся на возделанной правительством почве общественного озлобления. Покушения участились и завершились делом 1 марта. Наступило царствование Александра III. Этот тяжелый на подъем царь не желал зла своей империи и не хотел играть с ней просто потому, что не понимал ее положения, да и вообще не любил сложных умственных комбинаций, каких требует игра политическая не менее, чем карточная. Сметливые лакеи самодерж[авного] двора без труда заметили это и еще с меньшим трудом успели убедить благодушного барина, что все зло происходит от преждевременного либерализма реформ благородного, но слишком доверчивого родителя, что Россия еще не созрела до свободы и ее рано пускать в воду, потому что она еще не

выучилась плавать. Все это показалось очень убедительно, и было решено раздавить подпольную крамолу, заменив сельских мировых судей отцами-благодетелями земскими начальниками, а выборных профессоров назначаемыми прямо из передней министра народного просвещения. Логика петербургских канцелярий вскрылась догола, как в бане. Общественное недовольство поддерживалось неполнотой реформ или недобросовестным, притворным их исполнением. Решено было окорнать реформы и добросовестно, открыто признаться в этом. Правительство прямо издевалось над обществом, говорило ему: вы требовали новых реформ – у вас отнимут и старые; вы негодовали на недобросовестное искажение высочайше даруемых реформ – вот вам добросовестное исполнение высочайше искаженных реформ... Так правительственная провокация получила новый облик. Прежде она подстерегала общество, чтобы заставить его обнаружиться; теперь она дразнила общество, чтобы заставить его потерять терпение. Результаты соответствовали изменению провокаторской тактики: прежде так или этак вылавливали подпольных крамольников, теперь и так и этак загоняли открытую оппозицию в подпольную крамолу»⁶⁵⁴.

Как в свое время Грановский, Ключевский захватил аудиторию аналогиями между историей и современностью. Правда, слушатели отмечали, что историк был очень осторожен. Так, Барсков сравнил высказывания Ключевского на лекциях и материал тех же лекций в изданном курсе. Оказалось, что профессор смягчает сказанное в изданных текстах. На лекциях Ключевский говорил: «Какая же может быть практическая цель изучения нашей истории? Чему могут научить нас сочетания общественных стихий, которые мы изучаем? Они научат нас: 1) какие элементы имели у нас преобладающее значение и какие действовали слабее, – следовательно, какие мы должны выдвинуть вперед, чтобы достигнуть возможной полноты общественного развития. Если мы, например, заметим, что право у нас всегда было только слугой капитала, то нашей задачей должно стать усиленное развитие права, как оплота общественной правды и личной свободы и не как только

⁶⁵⁴ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 298–299.

выражение перевеса материальных сил. В печатном издании это место изменено так, что нет и намека на перевес материальных сил или на зависимость права от капитала. Мы читаем...: «Если мы заметим, например, что в нашем прошлом одни общественные элементы не в меру развились за счет и в ущерб другим, столь же законным, мы поймем, какие именно предстоит нам усиленно развивать, чтобы достигнуть возможной стройности и справедливости общественного состава. Каждому народу история задает двустороннюю культурную работу – над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своей собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями»⁶⁵⁵.

Единство курсу придавали некоторые общие идеи. В основе курса лежала идея движения, олицетворением которой стал колонизационный процесс, собственно история русского народа. «Русская народность, завязавшаяся в первый период, в продолжение второго разорвалась надвое». Однако через столетия «главная масса русского народа», отступив к северу, наберется сил, вооружится, сплотится в единое государство, придет на днепровский юго-запад, «чтобы спасти оставшуюся там слабейшую часть русского народа от чужеземного ига и влияния»⁶⁵⁶.

Ключевский указывал на зависимость русского исторического процесса от природы, которая, согласно мнению профессора, определила характер русского народа. Природа сказывалась даже на политической истории. Из-за природы у нас «простейшие политические и общественные формации создавались посредством очень сложных процессов, короткие расстояния проходились длинными извилистыми путями»⁶⁵⁷.

Ключевский одним из первых выдвинул значение экономического фактора в русской истории, стал внимательным свидетелем общественного расслоения. Однако он не считал, что экономика – определяющая причина развития человеческого общежития. В «Курсе» очень много страниц посвящено истории

⁶⁵⁵ Барсков Я.Л. Указ. соч. С. 59–60.

⁶⁵⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.1. Курс русской истории. М., 1987. С. 294.

⁶⁵⁷ Ключевский В.О. Боярская дума. С. 397–536; Нечкина М.В. Указ. соч. С. 238.

идей и истории личностей (от ломающих эпоху до глубинно связанных с предшествующей эпохой), которые помнили все его ученики.

С другой стороны, «отводя идее и личности известное место в своем «Курсе», Василий Осипович никогда не переставал подчеркивать, что сфера их действия в достаточной мере ограниченная, так как в основном исторический процесс протекает стихийно, чаще – вопреки человеческим планам, порою полный бессмыслицы или непонятной логики»⁶⁵⁸. Ключевский различными парадоксальными примерами подчеркивал, что история может играть с людьми злую шутку, в результате чего крупные фигуры (например, Андрей Боголюбский) разменивали свою жизнь по мелочам, а не крупные деятели (московские князья) создавали могущественное государство. «Совершенно так же из Смуты Московского государства выходило без героев: его выводили добрые, но посредственные люди»⁶⁵⁹.

История России, по Ключевскому, это история страны с огромной территорией, малым населением, которое, как правило, из-за внешнего давления, постоянно находится в движении, колонизует территорию огромной страны. Ненормальное соотношение между территорией и населением создает особенности русской истории, которые повлияли на человеческое общежитие в России и ее эволюцию.

Таким образом, на эволюцию человеческого общежития в России, по мнению Ключевского, влияют географический, экономический, социальный, политико-юридический и культурно-исторический факторы. В разные периоды главенствующим мог быть любой из них. По мнению Ключевского, историк должен сосредотачиваться не на факторах исторического развития, а на бесконечном их сочетании, комбинации факторов. Этим он будет вскрывать

---

⁶⁵⁸ Голубцов С.А. Теоретические взгляды. Цит. по: В.О. Ключевский: Pro et Contra. Антология. СПб., 2013. С. 708.

⁶⁵⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1988. Т. III. С. 58. Голубцов С.А. Теоретические взгляды. Цит. по: В.О. Ключевский: Pro et Contra. Антология. СПб., 2013. С. 682. С. 708–709.

скрытые пружины исторического процесса, что всегда интересно слушателям и читателям.

Общий курс Ключевского, и в этом была его уникальность, имел важное влияние и на историков-профессионалов, и на профанов. Фактически первыми читателями курса стали младшие современники Ключевского, историки Московского университета и их оппоненты из Петербурга.

В основе курса русской истории Ключевского, как считал Кизеветтер, лежала совершенно самостоятельно разработанная концепция истории России, в которой все лучшее из того, что дала «юридическая школа», было органически объединено с результатами социально-экономического анализа основных процессов русской народной жизни. Признавая основным фактом всей русской истории колонизацию («История России есть история страны, которая колонизируется»), Ключевский делил историю России на периоды по главным этапам этого колонизационного процесса и затем для каждого периода выдерживал один и тот же план изложения. «Сначала давалась очень яркая картина политического строя данного периода. Доведя характеристику этого строя до такой степени ясности, что слушателю начинало казаться, что он уже проник в самую суть тогдашней исторической действительности, Ключевский затем раздвигал рамки изложения, и перед слушателем сразу открывалась обширная дальнейшая область изучения: перед ним вставала не менее яркая картина отношений социальных, как основы изученного ранее политического строя. И когда слушатель начинал думать, что теперь-то он уже держит в руках ключ от всех замков исторического процесса, лектор еще раз раздвигал рамки изложения на новую область фактов, переходя к изображению народного хозяйства соответствующего периода и показывая, как складом народно-хозяйственных отношений обуславливались особенности и политического, и социального строя. Получалось впечатление вроде того, какое приходится испытывать, когда едешь по горному перевалу: кажется, что дорога вот-вот упрется в скалистую стену и дальше ехать будет некуда, как вдруг неожиданный поворот открывает перед путником новую обширную котловину. При таком порядке изложения

чрезвычайно выпукло обрисовывалась взаимозависимость исторических явлений, и перед слушателем вырастала схема русской истории, законченная, стройная, пленяющая умственный взор выдержанностью всех своих линий. И в то же время от этой схемы не веяло мертвенной отвлеченностью, потому что, как я уже указал выше, Ключевский не усекал факты на прокрустовом ложе предвзятой доктрины, но умещал в рамках своей схемы всю многообразную и порой противоречивую пестроту подлинных картин исторической жизни»⁶⁶⁰.

«И все это излагалось изумительным по точности и красоте языком, который так и сверкал своеобразнейшими и неожиданнейшими оборотами и мысли и слова. Из остроумных и поражающих своей меткостью афоризмов, определений, эпитетов, образов, которыми насыщен курс Ключевского, можно было бы составить целую книгу. Включенные в этот курс знаменитые характеристики исторических деятелей: Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Петра Великого, Елизаветы, Петра III, Екатерины II – представляют собою истинные шедевры русской художественной прозы. И когда Ключевский произносил их с кафедры, слушатели чувствовали себя необыкновенно близко от предмета лекции, как будто тут, в самой аудитории, проносилось над ними веяние исторического прошлого и как будто сам Ключевский вот только вчера лично беседовал с царем Алексеем Михайловичем или Петром Великим»⁶⁶¹.

Споры у историков взывал вопрос о том, как соотносятся идеи курса и источниковый материал русской истории.

Любавский полагал, что при чтении курса Ключевский все более и более увеличивал количество источников, интерпретацию которых он предлагал в курсе. Вся система образов и аналогий была построена у Ключевского на источниках. Матвей Кузьмич связал мастерство Ключевского-лектора с высоким уровнем его научно-исследовательской работы. Любавский не скрывал, что молодой Ключевский испытал внутренний кризис во время работы над магистерской диссертацией, посвященной древнерусским жителям: «Чем более входил он в

⁶⁶⁰ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 51.

⁶⁶¹ Там же. С. 52.

изучаемый материал, тем яснее становились для него два вывода: во-первых, этот источник далеко не так свеж и обилен, как о нем думают; во-вторых, его небогатым историческим содержанием нельзя воспользоваться без особого предварительного изучения его в полном объеме»⁶⁶². В этой фразе Любавского скрыто оценивается роль С.М. Соловьева в становлении Ключевского, остро обсуждаемая в коммеморативных работах учеников Ключевского этого периода. Соловьев, по Любавскому, дал Ключевскому не метод, не определенные исследовательские навыки и умения, даже не готовую концепцию русской истории, а «исследовательский дух»: «Изучение житий святых было для него тою суровою школою, в которой закалился его исследовательский дух. Из этой школы Василий Осипович вынес привычку необыкновенно тщательно, до самых тончайших мелочей, изучать и разбирать источники, исчерпывать до конца все, что они дают. Эта привычка приобретена была именно в работе над источниками, которые не много, а мало давали. Работа над древнерусскими житиями сделала художника творца тонким критиком-аналитиком, гармонически сочетала в нем несовместимые, обыкновенно, свойства кропотливого, аккуратного и осторожного исследователя и широкого творческого размаха писателя»⁶⁶³. Именно тонкий исследователь, критик-аналитик, не любивший читать лекции «в кредит», то есть по литературе («...с кафедры он излагал не литературу предмета, а плоды своей неустанной работы над источниками при помощи этой литературы»⁶⁶⁴), а не художник-артист, как иногда называли его недоброжелатели, стал самым популярным лектором-историком Московского университета. По мнению Любавского: «Это постоянное общение с источниками обуславливало оригинальность и конкретность его изложения, свободу его от установившихся шаблонов, давало ему возможность облекать это изложение в живые образы времен. Слушатели Василия Осиповича как бы перечитывали вместе с ним в аудитории летописи и хартии. Василий Осипович удивительно гармонически

---

⁶⁶² Любавский М.К. Василий Осипович Ключевский. С. 9.

⁶⁶³ Там же. С. 10.

⁶⁶⁴ Там же. С. 13.

сочетал свою преподавательскую и научную деятельность. Он изучал для того, чтобы не преподавать, как говорил он, в кредит; и те лекции, которые ему приходилось по необходимости читать в кредит, были для него, по его признанию, своего рода мучением. Подчиняя так преподавание самостоятельному изучению предмета, Василий Осипович, и наоборот, – научное изучение до известной степени подчинял задачам преподавания». Курсы лекций Ключевского в университете – самостоятельные исследования, необходимые для развития самого Ключевского, сделавшие его профессиональным ученым: «Совершенствуясь неустанно, как преподаватель, он совершенствовался в то же время как ученый. Его курс вырос из самостоятельных исследований, а эти последние выросли, в свою очередь, из курса. Так создалась постепенно и как бы незаметно и докторская диссертация Василия Осиповича «Боярская дума древней Руси», которую он написал, не уединяясь от текущей работы по преподаванию»⁶⁶⁵. «Эта диссертация, напечатанная сначала в «Русской Мысли» (1880 и 1881 гг.), а затем отдельной книгой, выдержала еще четыре издания (М., 1882, 1883, 1902, 1909). Причина этому та, что книга была не только специальной монографией, но и общим изложением хода древне-русской истории, и даже больше последним, чем первой»⁶⁶⁶.

«Магия» курса Ключевского, по Любавскому, заключалась в том, что профессионал, ставя сложные вопросы для изучения исторического процесса в России и исследовательски безупречно решая их, давал жизненно необходимые ответы русскому обществу о власти, об общественности, связи экономического с социальным, экономического с политическим.

Фактически противоположная оценка курса дана А.Е. Пресняковым, который, правда, не слушал, а читал курс. «По-видимому, – писал петербургский исследователь, – само согласие Ключевского под конец его жизни напечатать этот «Курс» вызвано было в значительной мере широким распространением произвольных литографированных изданий, к которым он относился с такой

⁶⁶⁵ Любавский М.К. Василий Осипович Ключевский († 12. 1911 г.). М., 1913. С. 13.

⁶⁶⁶ Там же. С. 13–14.

нервной терпимостью»⁶⁶⁷. Пресняков, ссылаясь на воспоминания учеников Ключевского, показывал, что Ключевский «с значительной долей страдания» читал курс в университете, поскольку этот курс есть «делка между... ученой совестью и сознанием обязанностей педагога»⁶⁶⁸. По мнению Преснякова, материал русской истории не был достаточно разработан для построения курса. В результате образовался серьезный зазор между Ключевским, разрабатывающим жития святых, актовый материал, вообще, работающим над «первоисточниками», и Ключевским, стремящимся к обобщениям. Общефилософские идеи Ключевского, по мнению Преснякова, это отзвуки идеализма 1840-х гг., соединенные с соловьевским «морализмом»⁶⁶⁹. При этом Пресняков готов был считать Ключевского историком общественных классов в России, прежде всего, крестьянства: «недаром Московский университет отметил пятидесятилетие освобождения крестьян избранием своего «крестьянского историка» В.О. Ключевского в почетные члены»⁶⁷⁰.

В отличие от Преснякова Голубцов⁶⁷¹ считал, что «Курс» Ключевского – преодоление того монизма в философии, который отражали западники⁶⁷², с одной, и славянофилы, с другой стороны. Как следствие, в «Курсе» Ключевского есть интерес как к истории государства и динамике исторического процесса (традиция идет от западников), так и к глубинной народной жизни – его статике (традиция идет от славянофилов).

---

⁶⁶⁷ Пресняков А.Е. В.О. Ключевский (1911–1921) // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. Цит. по: В.О. Ключевский: Pro et Contra. Антология. СПб., 2013. С. 682.

⁶⁶⁸ Пресняков А.Е. В.О. Ключевский (1911–1921). С. 682.

⁶⁶⁹ Там же. С. 688.

⁶⁷⁰ Там же. С. 690.

⁶⁷¹ Голубцов С.А. Теоретические взгляды В.О. Ключевского (1911– 12 мая 1921). С. 697–722.

⁶⁷² Вероятнее всего, впервые эта мысль выражена в курсе историографии П.Н. Милюкова.

5.4.5. Коммуникации В.О. Ключевского с учениками и коллегами

Вопросом о школе Ключевского специально занимался в докторской диссертации А.С. Попов⁶⁷³. Исследователь рассмотрел труды В.И. Пичеты, Н.Л. Рубинштейна, М.В. Нечкиной, Т. Эммонса, Г.П. Федотова и других исследователей, в которых подробно анализировался персональный состав «школы» Ключевского. Исследователь был вынужден отметить, что критерии для включения «учеников» в школу Ключевского размыты. Тут и использование идей Ключевского в работах последователей (Пичета⁶⁷⁴, Рубинштейн⁶⁷⁵, Нечкина⁶⁷⁶), и факт работы над диссертационным исследованием в годы профессорства Ключевского в Московском университете (Эммонс⁶⁷⁷), и просто чтение трудов Ключевского, которые были единственной философией истории рубежа XIX–XX вв. (Г.П. Федотов). В последнее время Н.В. Гришина и Н.Н. Алеврас пытаются сблизить понятие «ученики Ключевского» и диссертационная культура московских историков⁶⁷⁸.

В результате к ученикам Ключевского в разных работах относят: П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, М.М. Богословского, В.Е. Якушкина, В.Н. Сторожева, Ю.В. Готье, А.И. Яковлева, С.В. Бахуршина, В.П. Алексеева, В.Н. Бочкарева, В.А. Богомолова, С.П. Мельгунова, А.Ф. Изюмова, Н.К. Никольского, М.Н. Покровского, В.И. Пичету, Н.В. Богоявленского, В.А. Рязановского, М.М. Карповича, Г.В. Вернадского, С.Б. Веселовского, Б.Д. Грекова, А.И. Заозерского, Н.П. Павлово-Сильванского, М.В. Довнар-Запольского, С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, Р.Ю. Виппера.

⁶⁷³ Попов А.С. Школа Ключевского, синтез истории и социологии в российской историографии: дис. ... д-ра истор. наук. Пенза, 2002. С. 86–104.

⁶⁷⁴ Пичета В.И. Введение в русскую историю. М., 1922. С. 151.

⁶⁷⁵ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 580–581.

⁶⁷⁶ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 220.

⁶⁷⁷ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 45–61.

⁶⁷⁸ Гришина Н.В. Диссертации представителей «школы В.О. Ключевского»: К вопросу об исследовательской программе школы // Мир историка и пространство истории: сб. статей к юбилею Н.Н. Алеврас. Челябинск, 2018. С. 193–217.

Сам Попов рассматривает школу не как реальную социальную группу, которую Ключевский как профессор Московского университета должен был контролировать, а как воображаемое сообщество, где критерием единства является манифестация сходных научных взглядов. Однако, как нам думается, интерес должны представлять реальные контакты Ключевского с учениками и восприятие этих контактов самими учениками.

Подпись Ключевского стоит под рекомендациями с оставлениями: Павла Николаевича Милюкова (1882); Якова Лазаревича Барскова (1887), Василия Николаевича Сторожева (1888), Александра Александровича Кизеветтера (1888); Николая Михайловича Гутьяра (1889), Михаила Михайловича Богословского (1890); Михаила Николаевича Покровского (1891); Петра Кожевникова (1897), Николая Владимировича Голицына (1898); Алексея Ивановича Яковлева (1901; совместно с М.К. Любавским).

Барсков⁶⁷⁹, Сторожев, Гутьяр, Кожевников и Голицын к магистерским экзаменам не приступали. Барсков, Сторожев, Голицын уже в годы оставления на кафедре много работали в архивах, написали интересные работы на архивном материале, но в силу каких-то личных причин не захотели входить в ученую корпорацию университета, став, как и В.В. Шереметевский ранее, крупнейшими русскими архивистами (это проблематика за пределами нашего исследования)⁶⁸⁰.

Милюков, Кизеветтер, Богословский, Покровский, Яковлев (а также готовившиеся самостоятельно к сдаче экзаменов Н.А. Рожков – выпуск 1889 года, и Ю.В. Готье – выпуск 1895 года; эти ученые не были оставлены Ключевским в университете после его окончания) успешно прошли через процедуру магистерских экзаменов.

Из сдававших экзамены только Покровский не стал приват-доцентом университета. Все остальные магистры Ключевского, прошедшие через

⁶⁷⁹ *Цыганков Д. А.* Барсков Яков Лазаревич // Большая Российская Энциклопедия. Т. 3. М.; 2005. С. 70; *Киреева Р.А.* «Ключевский быстро покорил аудиторию». Доклад профессора Я.Л.Барскова. 1921 г // Исторический архив. 2004. № 1. С. 56–68.

⁶⁸⁰ *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX в. М, 1999; *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М., 2003.

экзаменационное сито, получили «младшую» преподавательскую должность на факультете. Милюков и Рожков защитили магистерские диссертации, но из числа приват-доцентов Московского университета выбыли. Причинами их ухода стали неакадемические причины. Милюков был обвинен в неблагоденности. Рожков в годы революции был связан с социал-демократическим движением, участники которого тяжело приживались в академических кругах. Николай Александрович использовал площадку Педагогического общества в университете как место собраний для сторонников социал-демократического движения, в том числе из рабочих. Кизеветтер должен был стать штатным профессором по выбору Ключевского, но не был утвержден МНП, Богословский стал профессором университета после смерти Ключевского.

Проанализируем коммуникации Ключевского с учениками более подробно.

Поступление в Московский университет могло быть связано у универсанта с желанием личной встречи с Ключевским⁶⁸¹. Однако такое желание в университетском пространстве исполнялось тяжело. Так, Богословский, мечтавший познакомиться с Ключевским еще в гимназии, впервые на лекцию Ключевского попал только на втором курсе, на семинар – на третьем, а личного общения один на один с профессором Богословский сумел добиться только на выпускном 4-м курсе, хотя всем студентам Московского университета было известно, что Ключевского можно посещать на дому в его приемные часы – вечером в субботу или утром – в воскресенье.

Судя по всему, этой возможностью студенты пользовались не часто. Даже в университете для разговора с Ключевским в профессорской студенты никогда не приходили по одному, а всегда брали с собой «для мебели» друзей. Это факт можно объяснить тем, что до сближения между преподавателями и студентами, которое произошло благодаря Милюкову в середине 1890-х гг., между первыми и вторыми была дистанция, исключавшая тесные отношения, которых Ключевский избегал. Описание семинара Ключевского, проходившего в доме Ключевского, сделанное Богословским, когда студенты отказывались даже от чая, предложенного Василием

---

⁶⁸¹ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 46.

Осиповичем, чем-то напоминает описание Готье домашнего семинара Герье и свидетельствует о напряженности в коммуникациях Ключевского со студентами. Ключевский типологически выстраивал отношения со студентами, скорее всего, основываясь на опыте старшего поколения профессоров (Соловьев, Герье).

Как правило, первый личный разговор с Ключевским разочаровывал. Студенты во время беседы хотели показать себя с лучшей стороны, а Ключевский был достаточно жесток с незнакомцами, занимая позицию педагога с опытом. Барсков вспоминал: «Весной 1883 года я впервые пришел к Василию Осиповичу на дом. Я тщательно готовился к этой первой беседе с учителем, и мне думалось, что я постою за себя, когда зайдет речь о моей начитанности. Еще в гимназии я увлекался сочинениями Карамзина, Костомарова, Забелина, Пыпина. К великому моему смущению Василий Осипович обратил мало внимания на мое знакомство с этими историками; ему хотелось знать, каковы мои сведения по вопросам юридическим и экономическим и тут же рекомендовал Кавелина, Андреевского, Дмитриева, Чичерина. Вы представляете себе, как трудно еще было примирить отвлеченные логические схемы юридической школы с живым конкретным содержанием и «Курса» и «Думы»⁶⁸².

Проницательным собеседникам становилось понятно, что Ключевский настаивает на том, что все решения во взаимоотношениях с младшими всегда должны оставаться за ним. Так, Богословский вспоминает, что когда студенты его курса в 20-х числах декабря 1888 г. хотели попросить Ключевского перенести репетиции (зачет полугодий) на январь, чтобы лучше подготовиться, то Ключевский сухо отказал, сославшись на пункт студенческих правил, что это невозможно, а вдогонку добавил: «Я давно уже хотел поговорить об этом предмете с Вами. Вы, господа, своими аплодисментами после лекций ставите меня в неловкое положение перед инспекцией. Аплодисменты – это дело сцены, а не кафедры. Когда кто-то пробормотал, что мы хотим ему выразить сочувствие, он сказал: «Я отвечу словами человека, с которым я далек от мысли себя сравнивать, Гизо», – и сослался на какие-то слова Гизо, также обращенные к слушателям,

---

⁶⁸² Барсков Я.Л. Указ. соч. С. 60.

которых Гизо также просил не аплодировать, а сочувствие свое выражать ему лучшим усвоением его предмета»⁶⁸³.

Иногда Ключевский избегал студентов. Так, он делал все возможное, чтобы не читать специальные курсы по четвергам. В результате «помощник инспектора под разными предлогами не принимал на них записей, а конфиденциально сообщал некоторым из нас, что и сам Василий Осипович не желает, чтобы на эти курсы кто-либо записывался, именно имея в виду, чтобы они признавались несостоявшимися. Дело в том, что по тогдашним учебным планам эти специальные курсы не были обязательными, на них записывались желающие, и раз таких желающих слушать не оказывалось, курс признавался несостоявшимся, а профессор, обязанный читать 6 часов в неделю, получал от двух часов свободу»⁶⁸⁴. Богословский приводит эпизод из собственной студенческой жизни, когда студент М.Н. Покровский в течение большей части полугодия уговаривал Ключевского провести занятия по юридическим памятникам, а тот «со свойственным ему дипломатическим искусством» «оттягивал и откладывал дело», «но М.Н. Покровский был решителен и настойчив»⁶⁸⁵. На семинарах Ключевский не использовал практику обсуждения докладов и постоянно солировал сам, был до предела монологичен.

Монологичность и иерархичность коммуникаций Ключевского неоднократно подчеркивали современники. Так, как председатель ОИДР, Ключевский сразу после окончания прений, в которых он неизменно подводил итоги, ни с кем не прощаясь с помощью швейцара очень быстро покидал залу заседания. При этом в ходе заседания профессор тихо называл Любавскому имена тех участников мероприятия, которые после окончания прений приглашались С.А. Белокуровым (секретарь ОИДР) на дом к профессору. Участвовавшие в заседании таким образом лишь постфактум понимали, как их оценил мэтр исторической

---

⁶⁸³ Богословский М.М. [Ключевский – педагог]. С. 36–37, 38.

⁶⁸⁴ Там же. С. 40.

⁶⁸⁵ Там же. С. 41.

науки. Интересно отметить, что у себя дома за столом профессор продолжал солировать, редко давая возможность кому-либо выговориться⁶⁸⁶.

Вообще, Ключевский создавал у магистрантов впечатление очень занятого человека, подверженного большим нагрузкам. Ключевского жалели и пытались оградить от скучных и ненужных разговоров с посторонними людьми⁶⁸⁷.

Общее мнение заключалось в том, что Ключевский был сложным для коммуникаций человеком. «Интересна беседа о Ключевском, – записал Савин. – Любавский подтверждает мои предположения о том, что с Ключевским было нелегко даже его собственным ученикам, и что присутствие Бориса делало положение еще более трудным. За тридцать лет профессуры Ключевский оставил при университете только Милюкова с Любавским (да и то вместе с Нилом Поповым), Кизеветтера, Богословского, М.Н. Покровского, Яковлева. Из них всех ближе к Ключевскому стоял самый молодой и всего менее определившийся Яковлев. К Богословскому Ключевский относился довольно холодно, хотя и признавал его дарования. Милюков в 80-х гг. был очень близок к Ключевскому, часто бывал в доме и даже учил Бориса ездить на велосипеде. Но из-за Бориса же будто и произошла резкая размолвка в начале 90-х гг. Любавский подтвердил мою догадку о том, что отказ дать Милюкову доктора за диссертацию объясняется в значительной мере и личной неприязнью. Политические разногласия с 1894 г. еще более удалили их друг от друга. Но политика же, кадетство обоих, привела к новому сближению в последние годы, хотя никакой интимности не получилось. В Кизеветтере Ключевский первоначально разочаровался и обвинял его в легкомысленном разбрасывании талантов, но в последние годы Ключевский полюбил Кизеветтера, хотя иногда и говорил, что «Катка» сильно ему вредит. Про себя Любавский говорит, что он был все время хорош с Ключевским, хотя в последнее время отношения стали холоднее из-за политики. М.Н. Покровский

---

⁶⁸⁶ Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 308–314.

⁶⁸⁷ Готье Ю.В. В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 177–182.

высказал едкость характера даже на магистерском экзамене, где уличал Ключевского в каких-то ошибках и, кажется, был прав»⁶⁸⁸.

Очевидно, что полноценные контакты с учениками на стадии написания магистерской диссертации у Ключевского отсутствовали и его последователи должны были объяснять для «внешних» это явление. Готье, одним из первых рассмотревший этот вопрос в мемуарах о Ключевском, считал, что Ключевский учил своих последователей самостоятельности и намеренно отказывался от личных контактов с учениками, что и являлось характерной чертой Ключевского-педагога. Однако такая стратегия объяснения, скорее, описывала личный опыт контактов Готье и Ключевского. Готье даже не был оставленным при университете, а к магистерским экзаменам он готовился самостоятельно и к руководству Ключевского в принципе прибегал редко⁶⁸⁹.

Очень интересное объяснение коммуникационных особенностей Ключевского дано Богословским: «Объятый своим вдохновением, погруженный в работу над предносившимися ему научными задачами, кроя тайну своих вдохновений, он не делился ими с другими. Он никого не посвящал в свои научные думы, он вынашивал свои идеи наглухо замкнутый и одинокий. Он ни с кем о ходе своих работ, разумеется, о внутренней их стороне, о содержании их не говорил, и также он не интересовался работами других в стадии их исполнения. По крайней мере, меня ни разу за все многолетнее наше знакомство, за многие годы, пока я писал две диссертации, он о них не спросил ни слова и совершенно не знал, о чем я пишу. Думаю, что и книги моих товарищей, когда они ему с подобающими надписями подносились, бывали для него такими же сюрпризами»⁶⁹⁰

Ключевский явно не поддерживал то сближение со студентами, которое проводилось Виноградовым, Милюковым, Трубецким в середине 1890-х гг., в результате чего к началу XX в. возникло историко-филологическое общество

⁶⁸⁸ Савин А.Н. Университетские дела. С. 179–180.

⁶⁸⁹ Готье Ю.В. В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 177–182.

⁶⁹⁰ Богословский М.М. [Ключевский – педагог] // Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 52.

Московского университета. «Василий Осипович держался в стороне от этого дела, – вспоминал Богословский, – и, вероятно, под предлогом отпуска от университетской службы, взятого им на 1902 г., уклонился от прямого и ближайшего участия в Обществе. Искушенный многолетним опытом, пережив враждебную ему студенческую демонстрацию 1894 г. по поводу лекции, посвященной характеристике скончавшегося тогда императора Александра III, Василий Осипович не разделял, конечно, оптимизма князя Сергея Николаевича»⁶⁹¹.

Думается, что сказался и опыт общения Ключевского с Милюковым. Профессор впервые в его академической практике доверился талантливому ученому, однако тот стал выстраивать отношения под себя, а когда не достиг желаемого – не получил штатную должность в университете, отплатил Ключевскому мстью. Ведь Ключевский знал о слухах, что обструкция студентов 1894 года спровоцирована Милюковым. Как следствие, и так несклонный к контактам Ключевский, замкнулся. После казуса с Милюковым Ключевский стал допускать учеников до интимных разговоров только после защиты ими диссертаций. Так, на банкете по случаю защиты магистерской диссертации Богословским, он заметил, что по диссертациям Рожкова и Богословского он исправляет собственные курсы⁶⁹².

В целом Ключевский предпочитал ироничное, шутивное общение с коллегами в неформальном кругу⁶⁹³ учебно-служебным отношениям. Именно в таких обстоятельствах он преображался и становился чрезвычайно милым. Он явно испытывал интерес к закрытым собраниям – будь то интимное дружеское общение, или закрытые заседания ОИДР⁶⁹⁴.

Более интенсивные отношения с учениками, когда сам Ключевский стал принимать их приглашения на журфиксы, приходится на последние годы жизни профессора, когда он перестал читать общие лекции в университете и занимался подготовкой к изданию Курса. Богословский следующим образом вспоминал об

---

⁶⁹¹ Там же. С. 54.

⁶⁹² Там же. С. 56

⁶⁹³ Там же. С. 56.

⁶⁹⁴ Там же. С. 58.

изменении характера коммуникаций Ключевского в последние годы его жизни: «здесь (на журфиксах у учеников – Д.Ц.) я имел случай наблюдать Василия Осиповича в дамском обществе: он был внимательным и занимательным кавалером; в его отношении к дамам было что-то особенно изящное и благородно-рыцарское. У меня на вечере он восхищался красотой Е.С. Петрушевской, которую еще юной девушкой он встречал в семье Маклаковых. На вечере у Ю.В. Готье Василий Осипович открыл нам несколько тайну своего творчества. Зашла речь о готовившихся празднествах по случаю открытия памятника Гоголю. Василия Осиповича, как нам было известно, распорядительный комитет просил произнести речь на торжественном заседании, подобно тому как он неоднократно выступал на пушкинских торжествах. Моя жена стала особенно горячо настаивать на том, чтобы Василий Осипович не отказывался от речи, говоря, что тот, кто написал о Евгении Онегине и его предках, сумеет и о Гоголе прочесть не хуже. «Эх, Елизавета Петровна, – отвечал Василий Осипович, – а Вы найдете мне пару таких же синих глаз, ради которых та речь была прочитана? С тех пор я другой такой пары, сколько не искал, найти не мог. Нет, нет того вдохновения, да и силы уже не те. Федот, да не тот, – с грустью вздохнув, прибавил Василий Осипович»⁶⁹⁵.

Сам Ключевский приглашал близких ему людей на заседания шаховского кружка, собрания которого он проводил в декабре, вспоминая друга. В эти собрания входили лично знавшие безвременно ушедшего Шахова его однокашники и коллеги (Е.В. Барсов, С.Ф. Фортунатов, Р.Ю. Виппер), а также специально приглашаемые на место уже почивших друзей Шахова ученики Ключевского – А.А. Кизеветтер, И.М. Громогласов, Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, М.М. Богословский⁶⁹⁶.

Коммуникации Ключевского показывают парадоксальную ситуацию. Для приобретения в глазах учеников статуса учителя профессору необязательно нужно было стремиться к контактам со студентами и коллегами. Тяготению к Ключевскому обеспечивало харизматическое чтение профессором лекций. Однако

---

⁶⁹⁵ Там же. С. 60.

⁶⁹⁶ Там же. С. 59–60.

само по себе слушание лекций у Ключевского вряд ли создавало школу этого профессора. Ключевский увлекал в науку, обращал внимание на актуальные вопросы исторических исследований, но не мог объяснить того, что такое метод исторического исследования.

5.5. П.Г. Виноградов как профессор Московского университета

5.5.1 Университетская карьера П.Г. Виноградова

До 2000-х гг. Виноградов исследовался в основном в рамках отраслевой историографии⁶⁹⁷. Изучалась прежде всего его концепция развития феодализма в Западной Европе⁶⁹⁸. В последнее время Виноградова стал рассматриваться как одна из ключевых фигур в истории создания профессионального сообщества историков Московского университета рубеже 1890–1900-х гг., крупный деятель образования⁶⁹⁹.

Для изучения научно-педагогической концепции П.Г. Виноградова много сделано А.В. Антощенко. Историк работал с документами Виноградова в Архиве МГУ, ЦГА г. Москвы, ГАРФ, Архиве АН, в Гарвардской школе права, Гуверовском архиве в Стэнфорде, Бахметевском архиве Колумбийского университета, архиве Висконсинского университета, что позволило ему обнаружить и издать очень интересные письма Виноградова⁷⁰⁰ и на их основании выпустить две монографии, посвященные Павлу Гавриловичу⁷⁰¹. В этих работах были проанализированы научные, педагогические и политические взгляды историка. Автор внес много существенных дополнений в клишированный в

⁶⁹⁷ Подробнее см.: *Антощенко А.В.* Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010. С. 8–16.

⁶⁹⁸ *Моисеев Л.С.* Патриарх российской медиевистики: жизнь и научное творчество П.Г. Виноградова. Симферополь, 2000.

⁶⁹⁹ *Антощенко А.В.* Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010.

⁷⁰⁰ Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924 гг.) / изд. подготовлено А.В. Антощенко. СПб., 2020.

⁷⁰¹ Вторая монография была размещена в сети Интернет, но затем удалена автором: *Антощенко А.В.* Профессор Московского университета Павел Гаврилович Виноградов. Б.м., б.г.

советское время (из-за высказываний В.И. Ленина об «Исторических письмах» историка) образ Виноградова, показав эволюцию его политических взглядов в начале XX в. Новаторством в монографиях являются очерки о герое, написанные с позиций научной антропологии и интеллектуальной истории. Так, Антощенко на микроуровне рассматривает отставку Виноградова из университета в 1901 г., а потом так же подробно анализирует историю возвращения профессора в университет после первой русской революции⁷⁰². И в том, и в другом случае работы Антощенко превращаются в исследование норм и девиаций университетской жизни на примере разных типов университетских конфликтов.

Ставит Антощенко и новые проблемы. Он очень подробно изучает коммуникации своего героя: в Московском университете (семинары, их цель, вовлеченность в работу студентов), научном сообществе России, научном сообществе Англии, США, Европы. Судя по всему единственной темой, связанной с Виноградовым, которую не затронул исследователь, стала история его взаимоотношений с учениками, которая была разработана автором данного исследования.

Сын известного деятеля образования – Гавриила Киприановича⁷⁰³ и его второй жены Е.П. Кобелевой⁷⁰⁴ – Виноградов еще с детства мечтал поступить на историко-филологический факультет Московского университета, где собирался заняться историей поздней римской империи.

Оказавшись в университете в 1871 г., он с первого курса начал посещать лекции и семинарий Герье по всеобщей истории. В речи на обеде по случаю 40-летней ученой деятельности учителя Виноградов сказал о лекциях наставника: «Мои студенческие воспоминания о Вас относятся уже к времени «четверть века назад». Я слушал Вас в «Словесной внизу», когда в эту небольшую аудиторию

⁷⁰² Антощенко А.В. Возвращение в родной университет переписка и документы в связи с избранием П.Г. Виноградова сверхштатным профессором Московского университета в 1908 г. // Средние века. 2020. Т. 81. № 1. С. 127–137.

⁷⁰³ Круг Е.Н. Детство и отрочество П.Г. Виноградова (из семейной хроники) / публ. А.В. Антощенко // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2009. С. 295.

⁷⁰⁴ Круг Е.Н. Указ. соч. С. 297.

собирался весь филологический факультет. Вы излагали предмет просто, дельно, безыскусственно, не стремясь привлечь внешними прекрасами и блесками. Но в Вашем изложении было столько правды и смысла, богатое содержание так тесно облегало руководящие идеи курсов, что аудитория у Вас не таяла, как это слишком часто бывает, а с возрастающим интересом следила за развитием исторической драмы»⁷⁰⁵. Лекции Герье в это время затрагивали в том числе проблемы феодализма⁷⁰⁶, которые будут впоследствии привлекать и Павла Гавриловича. Интересно отметить, что и на семинарах начала 1870-х гг. Герье мог рассматривать проблемы землевладения у варваров, поскольку в «Московских университетских известиях» профессор напечатал для семинара «*Leges barbarorum*» и «Хрестоматию средневековых исторических и юридических памятников». «Как руководитель этих занятий (семинариев), – отмечал Виноградов впоследствии, – Вы сумели достигнуть двух трудно соединимых вещей: постановкой тем, ведением прений Вы придавали серьезное научное направление всему делу и в то же время предоставляли широкий простор собственной инициативе участников и свободе мнений»⁷⁰⁷.

На втором курсе определенное влияние на Виноградова оказал Н.И. Стороженко, который попытался объединить старшее поколение ученых и студенческую молодежь: «В то время общение между профессорами и студентами было развито довольно слабо. У В.И. Герье происходили интересные собрания на дому, и он приглашал на них как студентов, так и курсисток, но эти собрания имели скорее характер учебных «практических занятий». У Ф.И. Буслаева собирались по воскресеньям профессора, начинающие ученые и кое-кто из студентов: здесь дело сводилось главным образом к непринужденной беседе, в которой естественно преобладали сам Федор Иванович и старшие из гостей. Николай Ильич принял живое участие в попытке основать нечто кружка самообразования с равноправным

⁷⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 68. Ед. хр. 9. Л. 1–2.

⁷⁰⁶ См.: НИОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Д. 1. Л. 46–53. Подробнее об этом курсе см.: *Курсанова Е.С.* Проблема генезиса феодализма в лекционном курсе В. И. Герье. (1870/71 г.) // *Средние века*. Вып. 45. М., 1982. С.196–210.

⁷⁰⁷ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Д. 1. Л. 2.

участием профессоров и их учеников. Устраивались эти собрания для чтения и обсуждения рефератов на самые разнообразные темы из круга общественных наук, литературы, философии»⁷⁰⁸.

В центре внимания Виноградова уже в студенческие годы (тема медального сочинения на четвертом курсе – «Землевладение в эпоху Меровингов», специально была предложена Герье под Виноградова, отмечена золотой медалью⁷⁰⁹) оказался процесс зарождения нового социального строя средневековой Европы в результате взаимодействия позднеримских институтов и племенных отношений у варваров. Университет Виноградов окончил кандидатом⁷¹⁰ и по ходатайству факультета от 26 мая решением университетского Совета от 6 сентября 1875 г. он был оставлен «при университете для усовершенствования по предмету всеобщей истории»⁷¹¹. После освобождения стипендии, которую раньше занимал Н.И. Кареев, Виноградов стал получать 600 р. «из сумм университета». С 8 ноября он был командирован на один год за границу. Пребывание в Европе было продлено еще на год 28 февраля 1876 г.⁷¹². Кроме стипендии для заграничного путешествия Виноградов обладал суммой в 400 рублей за перевод «Истории цивилизации во Франции» Ф. Гизо в издательстве К. Солдатенкова, которым обеспечил его Герье.

Во время заграничной стажировки Виноградов познакомился с методикой работы в немецких семинарах, получил информацию о манере чтения лекций немецкими профессорами, подготовил ответы на вопросы магистерской программы⁷¹³. Вопросы магистерского экзамена по древней истории были составлены Герье таким образом, чтобы конспектируя их, Виноградов как бы начал составлять лекции по истории Греции, которые Герье планировал ему

⁷⁰⁸ Виноградов П.Г. Воспоминания о Н.И. Стороженко // Памяти Н.И. Стороженко. М., 1909. С. 79–80.

⁷⁰⁹ См. Антощенко А.В. Русский либерал-англофил. С. 25.

⁷¹⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 40. Д. 278. Л. 10.

⁷¹¹ Протоколы за первую половину 1875 г. М., 1876. С. 65; Протоколы за вторую половину 1875 г. М., 1876. С. 13.

⁷¹² Антощенко А.В. Русский либерал-англофил. С. 26. Протоколы за первую половину 1875 г. М., 1876. С. 13, 28. Протоколы за первую половину 1876 г. М., 1877. С. 22.

⁷¹³ Письма П.Г. Виноградова // Цыганков Д.А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 176–177.

передать. Но ученик занимался подготовкой к экзамену без составления специальных конспектов.

В письме учителю он писал: «Как видно, многоуважаемый Владимир Иванович, я не «отвык» писать Вам: сегодня я должен обратиться к Вашему расположению и снисходительности, чтобы поведать некоторые свои скорби. Главная состоит в том, что мне невозможно выполнить Вашего желания относительно конспектов. Если бы я имел его в виду с самого начала приготовления к экзаменам и, главное, правильно понял бы его тогда, я составлял бы конспект параллельно приготовлению по вопросам. Дополнять занятия вопросом составлением конспекта не трудно, но составить конспект (подробно) отдельно и задним числом, так сказать, нельзя: надобно столько перечитывать и пересматривать, что, в сущности, придется вторично переделывать все сделанное раньше. Я испытал это при работе над происхождением феодализма; не хвастаясь, могу сказать, что я знаю и знал этот предмет лучше всех остальных частей своей программы; тем не менее, чтобы составить удовлетворительный конспект (кажется, он удовлетворительный), мне пришлось употребить более недели на перечитывание совершенно известных мне вещей. Вопросы мои по средней истории почти все подходят к этому опыту, и при составлении конспектов они взяли бы у меня около двух месяцев. Вот по новой истории у меня есть в программе вопросы почти незнакомые. Я начал заниматься Англией XVIII века и с ужасом стал замечать, что этот предмет возьмет у меня один около трех недель: одного лорда Магона пришлось прочесть девять книжек, да Ноорден, да Галлам, да Мей. При этих условиях мне не было никакой возможности возвращаться к вопросам уже приготовленным только для того, чтобы конспектировать их. К всему этому присоединяется множество второстепенных затруднений: занятия с целью составить конспект требуют постоянного перескакивания от одной книги к другой. Так как работаешь, следуя естественным подразделениям предмета, а не материальному разделению на сочинения, дело идет сколько-нибудь на лад – вдруг стоп: нет какой-нибудь книги, едешь в Москву, сидишь в университетской библиотеке и не находишь, наконец, главное – по большинству вопросов,

оставшихся у меня, конспекты положительно безнадежны, потому что вопросы всё фактические, при которых различных взглядов нет, а есть только различные способы изложения. О варварских Правдах или Происхождении феодализма можно удобно составить конспект, но стоит ли гнаться за отрывками описания похода Конрадина, отношениями Генриха V к Римской курии, войны за Австрийское наследство? Даже по парламентской истории Англии в средние века, по истории немецкой реформации, английской революции я имею главным образом дело с рассказом, не с рассуждением, и должен бы был составить скорее регесты, чем конспекты. Все эти обстоятельства заставили меня остановиться в написании конспектов (сделано у меня только три: происхожд[ение] феод[ализма], Англия XVIII века, Ришельё) и употребить все свое время на приготовление по новой истории, которая представляла еще значительные пробелы. Средней историей я занимался главным образом, имея в виду курс. Вы не можете себе представить до какой степени мне тяжело было при теперешних обстоятельствах отказаться от исполнения формально выраженного Вами желания, ставить Вас этим в необходимость или задержать мой экзамен, или сделать мне своего рода послабление. До последней минуты я рассчитывал как-нибудь извернуться со временем – вижу, что это невозможно. По русской истории и политической экономии я еще ничего не успел сделать, а надо держать экзамен в сентябре. С нетерпением буду ждать, что Вы мне скажете по этому поводу»⁷¹⁴.

После возвращения Виноградова на родину в августе 1876 г., Герье устроил ученику преподавание на ВЖК, начал борьбу за его оставление сторонним преподавателем в университете. Для положительного решения вопроса Герье пришлось бороться с Н.С. Тихонравовым, ставшим в конце 1876 г. деканом историко-филологического факультета, предлагавшим вместо Виноградова назначить для чтения курса средневековой истории А.С. Трачевского. Сложность ситуации усугублялась тем, что Трачевский в отличие от Виноградова уже

---

⁷¹⁴ Письма П.Г. Виноградова. С. 176–177.

защитил магистерскую диссертацию⁷¹⁵, а кроме того, приехал в Москву со службы у Великого князя наместника Кавказского. Однако историки на факультетском заседании помогли Виноградову⁷¹⁶. За один час соединенных лекций 2 и 3-му курсу Виноградов получил вознаграждение от факультета в 600 р.⁷¹⁷. До 1881 г., когда после защиты магистерской диссертации Виноградов станет штатным доцентом⁷¹⁸, молодой ученый должен был баллотироваться на должность ежегодно⁷¹⁹.

Прошение о допущении к магистерским экзаменам Виноградов подал ректору 13 апреля 1877 г.⁷²⁰. Экзамены он сдал успешно и быстро. В декабре 1878 г. Виноградов еще раз – на 6 месяцев – уехал в заграничную командировку в Италию и Германию для написания диссертации⁷²¹. 13 марта 1881 г. молодой историк защитил магистерскую диссертацию «О происхождении феодализма в Италии»⁷²², а 21 марта был рекомендован историко-филологическим факультетом на должность доцента⁷²³. Во время баллотировки в Совете Виноградов получил 35 избирательных и 5 неизбирательных шаров⁷²⁴.

В декабре 1882 г. Павел Гаврилович обратился к университету с просьбой о 15-ти месячной стажировке в Европе для написания докторской диссертации. Во время работы в Англии Виноградов открыл новые архивные источники по истории

⁷¹⁵ *Трачевский А.С.* Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов. М., 1869. См.: *Якубский В.А.* «Польское бескоролье» А. С. Трачевского и его историографический контекст // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего Нового времени. СПб., 2001. №3. С. 148.

⁷¹⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 46. Д. 1. Л. 11.

⁷¹⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 46. Д. 276. Л. 5–7 об., 15–16, 22–24, 37–39.

⁷¹⁸ 26 марта 1881 г. по предложению Герье историко-филологический факультет единогласно высказался за рекомендацию Виноградова. В Совете он получил 35 избирательных и 5 неизбирательных шаров. ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 50. Д. 144.

⁷¹⁹ Подробно см.: *Антощенко А.В.* Павел Гаврилович Виноградов: Становление преподавателем // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007. С. 204–211.

⁷²⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 46. Д. 181. Л. 11 об.–12, 20–22.

⁷²¹ Подробно см. *Антощенко А.В.* Диссертации П.Г. Виноградова // Мир историка. Вып. 6. Омск, 2010. С. 85–120.

⁷²² Советом утвержден 28 марта. *Антощенко А.В.* Диссертации Виноградова. С. 104.

⁷²³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 198. Л. 2.

⁷²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 50. Д. 144. Л. 5–6 об., 8, 9.

английского феодализма⁷²⁵ и вошел в научную сеть английских ученых⁷²⁶. Это помогло ему в 1901 г., когда уже ординарный профессор кафедры всеобщей истории Московского университета Виноградов из-за расхождений с администрацией университета и МНП покинул Россию и стал профессором в Англии.

После введения в действие устава 1884 г. Виноградов получил должность сначала экстраординарного (часть штатных доцентов, в число которых попал Виноградов, получила должность экстраординарных профессоров) профессора. После защиты докторской диссертации в 1887 г.⁷²⁷, для завершения которой Виноградов совершил еще одну поездку в Англию на летних каникулах 1886 г.⁷²⁸, Виноградов стал ординарным⁷²⁹ профессором Московского университета (с 1889 г.).

Виноградов чаще всего читал в ИМУ курс истории Греции и истории средних веков, однако, как и его учитель Герье, он оставался энциклопедически образованным «всеобщим историком» и при необходимости читал лекции

⁷²⁵ Виноградов опубликовал в английской печати заметку «о сотенных свитках» графства Варвик и Записную книгу Г. Брактонна. *Антощенко А.В.* Диссертации П.Г. Виноградова. С. 114–115.

⁷²⁶ Первоначально важную роль во вхождении Виноградова в среду английских ученых сыграл французский историк О.Ж. Деларк, с которым Виноградов был знаком по работе в Италии, а затем посетил в Париже по пути в Англию. В Оксфорде Деларк познакомил Павла Гавриловича с Р.Л. Неттльшипом, который представил русского ученого Ф. Стеббсу – «автору классической истории английских учреждений в средние века». В Кембридже Виноградов познакомился с университетским библиотекарем – Г. Бредшоу и его помощником Я.Х. Гессельсом. В Корпусе Кристи Виноградов установил связи с библиотекарем С. Люисом. Бредшоу познакомил Виноградова с Сёрлем. Гессельс – с Ф. Сибомом, банкиром, специалистом по феодализму, которого Виноградов навестил в его поместье Гитчин. На «университетских обедах» и в «клубе воскресных прогулок» Виноградов познакомился с правоведами – В. Ансоном, А. Дайси, К. Дигби, Т. Голланд, Г. Мэн, Ф. Мэтландом. Сам Виноградов был интересен в английских университетах специалистам по Востоку и славянству – У. Морфилу и А. Эвансу. Эванс познакомил Виноградова с Э. Фриманом. О своих связях в Англии Виноградов подробно информировал родных. См.: Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова. С. 66–146. Подробно см. *Антощенко А.В.* Диссертации П.Г. Виноградова // Мир историка. Вып. 6. Омск, 2010. С. 85–120.

⁷²⁷ 29 апреля факультет поручил Герье составить отзыв (второй оппонент – М.М. Ковалевский). 11 мая факультет заслушал отзыв Герье, диспут был назначен на 16 мая. ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 13. Л. 5 об.; *Антощенко А.В.* Диссертации П.Г. Виноградова. С. 116.

⁷²⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 13. Л. 5 об. *Антощенко А.В.* Диссертации П.Г. Виноградова. С. 115–116.

⁷²⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 169. Л. 1.

практически по всем разделам всеобщей истории (после ухода Н.И. Кареева читал курс по истории XVIII и XIX вв.; а также прочел курс по истории поздней римской империи), не говоря уже о чтении специальных курсов, иногда не только на историко-филологическом факультете. Так, в 1888 г., подменяя уволенного из университета М.М. Ковалевского, Виноградов читал для юристов «Государственное право Англии в историческом развитии»⁷³⁰. В 1891 г., работая над переводом книги английского правоведа Дэйси, Виноградов читал желающим юристам курс «Основы государственного права в Англии». «В общем, русским профессорам, – заявлял Виноградов, – не приходится стыдиться своих курсов ни перед кем, они вкладывали в них даже больше, чем для специальных исследований или печатных изданий»⁷³¹.

Семинары на факультете Виноградов вел с 1882 г., когда он совместно с В.О. Ключевским предложил студентам параллельно изучать «Салическую правду» и «Русскую правду». «Я очень дорожу практическими занятиями со студентами, – писал он Герье, – и в последующие годы буду очень рад взять на себя часть семинария так, как Вы предлагаете»⁷³². Слава отличного руководителя семинарских занятий, профессора, склонного идти на сближение со студентами, делала Виноградова одной из самых популярных фигур в студенческой среде. Уже с середины 1890-х гг. Виноградов отстаивал необходимость создания самостоятельных просветительских организаций студентов и возвращение к нормам устава 1863 г.. Отставка Виноградова из университета связана с обсуждением студенческого вопроса и первыми заходами на новый университетский устав в ситуации политического кризиса начала 20 века⁷³³.

В начале 1903 г. с просьбой о возвращении П.Г. Виноградова в университет обратился С.Н. Трубецкой. Виноградов отвечал бывшему коллеге: «Раз же свершивши, по необходимости, такой шаг, как оставление университета –

⁷³⁰ См.: Обозрение преподавания за соответствующий год.

⁷³¹ Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. № 10. С. 570.

⁷³² Цыганков Д.А. Профессор В. И. Герье и его ученики. С. 200.

⁷³³ Антощенко А. В. История одной профессорской отставки // Казус. 2002. С. 234–272. Ср.: Антощенко А.В. Гл. 4. Отставка. // Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010. С. 116–152.

приходится зрело обдумать прежде, чем в него вернуться. «Уйти второй раз» будет нелегким делом, будет еще труднее, чем было уйти в первый раз. Если я вернусь, то не с затаенной мыслью о возможности ухода, а чтобы если только возможно остаться прочно. И за, и против говорит многое. Против – отвращение к византийщине и татарщине, опасение, что не удастся найти почвы, чтобы оставаться самим собою, свободным человеком, прямым и последовательным исповедником либеральной идеи. За – тоска по своим, память многого хорошего, светлого, нежелание цепляться за дурные воспоминания, надежда кое-что сделать для общей пользы. Стыда мне не будет и в том случае, если я останусь вне университета, потому что мне есть дело и место в европейской науке, будет и дело и место и в русской жизни, если она не сойдется клином. Но я помню и люблю учеников и товарищей, и нигде не буду чувствовать себя так на своем месте, как в Москве. Притом уезжая, я поставил и условие своего возвращения, быть может, неосторожно, но поставил. Я говорил, что вернусь, если вы меня позовете, когда университет выйдет из своего жалкого подчинения министерской канцелярии и попечителя. Этого я и буду держаться в конце концов. Когда пройдет новый устав и если этот устав будет возможный, на что мы все надеемся, я вернусь в Московский университет по приглашению его профессоров, но не иначе»⁷³⁴.

27 августа 1905 г. были введены Временные правила, которые профессура университета воспринимала как возрождение автономии⁷³⁵. В новой ситуации вопрос о Виноградове вновь был поднят при обсуждении вопроса о замещении вакантной позиции ординарного профессора всеобщей истории.

Фактически после отъезда из Москвы в 1904 г. заслуженного ординарного профессора В.И. Герье, вся тяжесть преподавания всеобщей истории легла на Виппера. В этой ситуации Роберт Юрьевич предложил на должность профессора кафедры всеобщей истории Д.М. Петрушевского. Виппер мотивировал свое

⁷³⁴ Письмо впервые введено в научный оборот А.В. Антощенко. См.: *Антощенко А.В.* Профессор-англофил. С. 273. Опубликовано полностью: *Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова*. С. 433–434.

⁷³⁵ См. *Антощенко А.В.* Возвращение в родной университет. Переписка и документы в связи с избранием П.Г. Виноградова сверхштатным профессором Московского университета в 1908 г. // *Средние века*. Т. 81. 2021. С. 130.

предложение несколькими аргументами. Во-первых, он был перегружен чтением курсов по всем разделам истории. Это мешало «углубленно заниматься исследованиями и публиковать работы» по интересующим его проблемам. Нагрузка на кафедру всеобщей истории была высока – 12 недельных часов обязательных лекционных и семинарских занятий. Виппер считал, что такая нагрузка должна распределяться среди 3 штатных преподавателей, как это было раньше на историко-филологическом факультете Московского университета. Петрушевский удовлетворял Виппера и как специалист, который при введении предметной системы может специализировать студентов по средневековой истории: «Принадлежа к той же специальности, как и П.Г. Виноградов, под руководством которого Дмитрий Моисеевич начинал свои занятия, предлагаемый мною кандидат являлся бы особенно желательным продолжателем и заместителем Павла Гавриловича»⁷³⁶.

Однако обсуждение кандидатуры Петрушевского вызвало трудности в Совете университета. Заслуженный ординарный профессор граф Л.А. Камаровский предложил отложить выборы Петрушевского и настаивал на том, чтобы Совет университета выступил с инициативой приглашения на вакантную кафедру П.Г. Виноградова, и только в случае его несогласия обращался к другим кандидатам⁷³⁷. Предложения Камаровского вызвали прения. Представители историко-филологического факультет – декан М.И. Соколов, Р.Ю. Виппер, М.М. Покровский требовали начать процедуру выборов Петрушевского. Камаровский, Н.А. Умов, И.А. Каблуков, Б.К. Младзеевский, А.П. Павлов, К.А. Андреев говорили о чувстве долга Совета перед Виноградовым: «... П.Г. Виноградов ушел из Московского университета при тяжелых условиях и, прощаясь, высказал надежду возвратиться при наступлении лучших времен и введении в университете выборного начала... П.Г. Виноградов должен иметь преимущество перед другими

⁷³⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 97. Л. 45–46. См. также: Антощенко А.В. Профессор-англофил П.Г. Виноградов. С. 283–285.

⁷³⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 97. Л. 56 об.

при приглашении на вакантную профессию»⁷³⁸. П.И. Новгородцев внес предложение о предоставлении кафедры обоим. Однако оно было отклонено, поскольку и Виноградов, и Петрушевский были специалистами по средневековой истории.

Председательствующий в Совете А.А. Мануйлов поставил на голосование вопрос об отсрочке баллотировки кандидатуры Петрушевского. Предложение было принято. Совет университета просил историко-филологический факультет пригласить на кафедру Виноградова. Совет факультета такое ходатайство подготовил (на Совете факультета это ходатайство не поддержал Виппер). Представление слушалось в заседании Совета университета 14 февраля 1906 г., профессорская коллегия почти единогласно присоединилась к нему. Виноградову было сделано предложение вернуться в университет⁷³⁹. На обращение ректора Виноградов отвечал письмом от 1-го марта⁷⁴⁰, в котором сообщал, что не может вернуться в страну, «где отсутствуют самые элементарные гарантии права, где убивают и ссылают без суда», и обставил свое возвращение несколькими условиями, в том числе временной отсрочкой начала преподавания. Совет принял к сведению позицию заслуженного ученого, хотя оно вызвало негативную реакцию профессоров на заседании 22 марта, и назначил выборы Петрушевского на вакантную кафедру.

Герье, знавший о негативной реакции московских профессоров, решил запросить Виноградова о его намерениях на ближайшее будущее. Павел Гаврилович отвечал: «Меня очень обрадовало Ваше письмо: так давно уже не имел я от Вас известий и рад получить хорошие <новости> о Вашем здоровье и работе; рад также видеть, Вы относитесь ко мне с прежним расположением. Не знаю, что выйдет от плана возвращения в Москву. Я не получил от Мануйлова ответа на свое письмо и не знаю, означает ли избрание Петрушевского, что в Москве решили

⁷³⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 97. Л. 56 об. Антощенко А.В. Профессор-англофил П.Г. Виноградов. С. 284.

⁷³⁹ Документ № 1. А.А. Мануйлов – П.Г. Виноградову. Переписка и документы в связи с избранием П.Г. Виноградова сверхштатным профессором Московского университета в 1908 г. // Средние века. Т. 81. 2020. С. 138.

⁷⁴⁰ Документ № 2. П.Г. Виноградов – А.А. Мануйлову // Там же. С. 138–139.

более меня не дожидаться или только, что считают невозможным оставлять кафедру незамещенной, предполагая, в случае надобности, ходатайствовать о сверхштатной ординатуре для меня. Между тем, я не думаю, чтобы разгулявшиеся волны политического брожения улеглись скоро в России: положение будет долго еще тяжелым и опасным. Но хотя бы добиться какой-нибудь почвы под ногами – тогда можно будет действовать, бороться за положительные цели, а не за одно разрушение. Как оправдывает себя наша наука – история, и как плохо понимают ее не только профаны, но и наши ученики!»⁷⁴¹

Узнав о недовольстве профессоров его письмом с условиями возвращения Виноградов вторично написал учителю: «Ваше замечание, что случилось нечто «not fair» вполне подтвердилось для меня письмом Д.Н. Егорова, который, кстати сказать, бедный схватил повторное воспаление легких. Он пишет ясно: «большинство Совета было глубоко обижено моим ответом и выражало свою обиду в весьма энергичных выражениях, хотя содержание ответа обидевшиеся передавали на разные лады». Как Вам это нравится? Одно из двух – или я совершенно перестал понимать русский язык и самые обычные правила благовоспитанности, или у этих господ голова вверх дном. Но при этих условиях я очень рад, что не согласился безусловно, а настаивал на отсрочке. В такой кампании работать было бы трудно. Они, впрочем, показали свою порядочность не одному мне, но в свое время и Вам»⁷⁴².

Впрочем, в декабре 1907 года вопрос о Виноградове вновь был поставлен в Совете университета. Виппер сделал представление о выборах на должность экстраординарного профессора А.Н. Савина. Представление было составлено Виппером и Петрушевским, поддержано В.О. Ключевским, М.М. Покровским и В.К. Поржезинским⁷⁴³. Камаровский вновь предложил отсрочить решение вопроса о баллотировке факультетского кандидата и направить приглашение «старому

⁷⁴¹ Письма П.Г. Виноградова. С. 208–209.

⁷⁴² Письма П.Г. Виноградова. С. 209.

⁷⁴³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 98. Л. 189–189 об. Ф. 418. Оп. 84. Д. 599. Л. 8.

известному нам профессору», а «ученик может подождать профессуры, пока даст ответ учитель»⁷⁴⁴, – утверждал заслуженный профессор.

Совет высказался за баллотировку Савина (он был избран: 48 избирательных и 10 неизбирательных шаров), однако ректор предложил не упускать из виду вопрос Виноградова и подумать об учреждении «сверхштатной профессуры с содержанием из специальных средств». Противники Виноградова напомнили, что Павел Гаврилович был согласен на возвращение в университет на определенных условиях. «Нужно забыть их, – предложил Хвостов, – и выразить от имени совета пожелание, чтобы факультет изыскал меры к возвращению Виноградова»⁷⁴⁵. Правление университета давала надежду историко-филологическому факультету, что финансово его поддержит.

11 декабря на заседании историко-филологического факультета было принято решение запросить Павла Гавриловича «не согласится ли он на поступление в состав преподавателей Московского университета с званием сверхштатного ординарного профессора по кафедре всеобщей истории». Решение вопроса убыстрялось в связи с тем, что Виноградов находился в Москве⁷⁴⁶. Бывший профессор Московского университета дал согласие на возвращение в университет. Факультет сделал соответствующее представление «Шесть лет назад оставил свою службу в Московском университете ординарный профессор по кафедре всеобщей истории Павел Гаврилович Виноградов. В лице его Московский университет лишился глубокого и разностороннего знатока всеобщей истории, европейски знаменитого ученого, блестящего преподавателя и руководителя самостоятельными научными занятиями студентов и кончивших университетских курс. Не довольствуясь ведением семинариев в университете, П.Г. Виноградов руководил деятельностью кружка, собиравшегося у него на дому и заключавшего в себе не только историков в тесном смысле, но и юристов, экономистов и

⁷⁴⁴ Антощенко А.В. Возвращение в университет. С. 133; ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 599. Л. 192.

⁷⁴⁵ Антощенко А.В. Возвращение в университет. С. 133; ЦГА г. Москвы. г. Ф. 418. Оп. 249. Д. 599. Л. 193 об.

⁷⁴⁶ Антощенко А.В. Возвращение в университет. С. 134.

филологов. Многие из тех лиц, которые участвовали в научных занятиях виноградовского кружка, состоят в настоящее время преподавателями высших учебных заведений в Москве и провинциях. Поэтому отсутствие такого опытного и талантливого руководителя учеными занятиями, как П.Г. Виноградов, не может не чувствоваться в Московском университете, особенно в настоящее время, когда в России ощущается острая нужда в подготовке учащихся специалистов и преподавателей всеобщей истории в особенности»⁷⁴⁷.

19 февраля 1908 г. в профессорском совете прошло обсуждение факультетского представления, во время которого Камаровский высказал сожаление, что Виноградов согласился преподавать только в течение одного полугодия, и пожелание, чтобы в ближайшем будущем было увеличено число «штатных кафедр по всемирной истории» «в видах как усиления преподавания, так и осуществления возможности для профессора Виноградова занять штатную кафедру»⁷⁴⁸.

Голосование принесло Виноградову 44 «белых» и 9 «черных» шаров. Оглашение результатов голосования было встречено аплодисментами. Комментируя относительно большое число «неизбирательных» голосов, ученик Павла Гавриловича Савин заметил в своем дневнике: «черняки умножились, по-видимому, под прямым воздействием заступничества графа Камаровского, взбудоражившего историю сношений П.Г. Виноградова с советом после его ухода в 1901 и в присутствии троих профессоров всеобщей истории заявившего о том, как важно для университета то, что П.Г. Виноградов будет преподавать историю “из первых рук”!»⁷⁴⁹

Первая лекция профессора после возвращения в университет состоялась 12 сентября в 6 часов вечера в самой большой университетской аудитории. Слушавший ее Савин писал: «Огромная богословская аудитория переполнена. Юридический факультет не то отменил, не то отсрочил свое заседание, и юристов

⁷⁴⁷ Переписка и документы в связи с избранием П.Г. Виноградова сверхштатным профессором Московского университета в 1908 г. // Средние века. Т. 81. 2020. С. 141–143.

⁷⁴⁸ Антощенко А.В. Возвращение в университет. С. 135.

⁷⁴⁹ Савин А.Н. Университетские дела. С. 26.

явилось очень много. Филологов, конечно, тоже очень много, так что и платформа была переполнена почти так же, как аудитория. Встретили очень тепло, длинной овацией. П.Г. Виноградов сказал несколько прочувственных слов в благодарность. Вступительная лекция (о праве и истории, о правоведении и философии, о рецепциях, о праве и обществе, о диалектическом развитии права, о главных моментах в истории правоведения) была малооригинальная по мысли, на мой вкус, и не изящна по внешности. Слишком ясны дробления и деления. Кое-где *lapsus linguae*. Остов изложения ничем почти не прикрыт. Но сведущему человеку, конечно, за каждым утверждением чувствовалась сила, сила редкой эрудиции и большой конструкторской способности (так сказать, в деловых вопросах, вопросах среднего калибра). Сказана с большой выразительностью, голос совсем свежий. Может быть, слишком много подчеркиваний. Закончил политическим намеком: уважать историческую традицию – не значит цепляться за гнилые стропила. Публике, кажется, понравилось. Хлопали много. Но философия вовсе не сильное место П. Г. Виноградова. Вторая лекция об общих условиях развития греческого правоведения была, разумеется, в виду своей большой конкретности, гораздо интереснее для преподавателей, хотя для студентов она, вероятно, была трудна. Как бы то ни было, был, несомненно, большой успех, и П. Г. Виноградов остался вполне удовлетворен приемом»⁷⁵⁰.

После возвращения на факультета Виноградов читал только необязательные лекции. В осеннем семестре 1908–1909 академического года лекции П.Г. Виноградова были посвящены истории правоведения, а в весеннем семестре следующего академического года (т.е. весной 1910 г.) – социальной истории средневековой Англии.

На факультетских заседаниях Виноградов почти не появлялся. В 1908 г. он лишь дважды участвовал в них – 16 сентября и 11 ноября. Также два раза он посетил заседания факультета в 1910 году – 9 и 30 марта. Правда, голос его был по-прежнему весóm, о чем свидетельствуют дневниковые записи его ученика А. Н. Савина. «16 сентября. ... 6 часов вечера заседание факультета, деловое. Впервые

---

⁷⁵⁰ Савин А.Н. Университетские дела. С. 38.

присутствует П. Г. Виноградов и проявляет живой интерес к факультетским делам, говорит несколько раз. Декан высказывает ему большое почтение. Любопытно предложение министерства облегчить доступ на наш факультет, пускать туда и не знающих греческого языка»⁷⁵¹.

По предложению Виноградова 9 марта 1910 г. решено организовать для студентов, не знающих греческий язык, «элементарный курс греческого языка на факультете». На заседании 30 марта 1910 г. Виноградов предлагал отнести к вспомогательным предметам этнологию. Однако после замечания Петрушевского, что это курс Р. Ю. Виппера, который «захватывает собой историю первобытной культуры», Виноградов согласился, что при таком подходе нельзя возражать против отнесения его к обязательным курсам.

Вернув себе должность профессора, Виноградов, в отличие от склонного к эскапизму Випперу, стал единственным из преподавателей кафедры всеобщей истории, кто продолжал вести борьбу с противниками автономного устройства университетов⁷⁵². Начинание министерства профессор подверг резкой критике. «Сегодня в «Русских Ведомостях» энергичная статья П. Г. Виноградова по университетскому вопросу, написанная сильно и остро, с резкой критикой шварцевской гнусности»⁷⁵³, – записал в дневнике А.Н. Савин.

Виноградов считал готовящийся министерством устав возвращением в прошлое, недоверием к представителям науки и отрицанием права на автономию за университетскими корпорациями. В предложениях министра он видел опасную тенденцию к концентрации власти в руках ректора, новую форму бюрократизации. Также Виноградов протестовал против передачи дисциплинарного суда ректору и деканам. Как и ранее, Виноградов считал, что устранение нравственного влияния профессоров на студентов загонит студентов в подполье. Виноградов считал, что в университетском вопросе наступает реакция.

⁷⁵¹ Савин А.Н. Указ. соч. С. 39.

⁷⁵² Виноградов П.Г. Проект нового университетского устава // Русские ведомости. 1908. 17 октября.

⁷⁵³ Савин А.Н. Университетские дела. С. 55.

Перед поездкой в Россию в январе 1911 г. Виноградов писал дочери своего учителя Е.В. Герье: «Как-то только сложится предстоящий семестр? Судя по всему, не обойдется без беспорядков, а может быть, и мероприятий сверху. Такой заколдованный круг русской жизни, из которого она, по-видимому, на нашем веку не выбьется»⁷⁵⁴. Опасения Виноградова оправдались. В результате университетского кризиса 1911 г. он покинул университет. В этот раз он ушел навсегда.

5.5.2. Коммуникации П.Г. Виноградова с учениками и коллегами

П.Г. Виноградов подписал 14 прошений об оставлении студентов Московского университета для подготовки к профессорскому званию. Среди оставленных студентов – Сергей Павлович Моравский (1890); Василий Иванович Розанов (1892), Федор Александрович Смирнов (1892); Михаил Михайлович Хвостов, Николай Борисович Гольденвейзер, Александр Николаевич Савин (все – 1895); Михаил Николаевич Коваленский, Владимир Петрович Потемкин, Александр Иванович Угримов; Николай Васильевич Теплов (все – 1898; последний совместно с В.И. Герье); Николай Васильевич Никольский, Дмитрий Николаевич Егоров (все – 1900); Алексей Петрович Рудаков (1909), Алексей Алексеевич Захаров (1910). Известно также, что Виноградов хотел оставить при университете М.О. Гершензона (1895) и А.К. Дживилегова, кандидатуры которых не были согласованы на уровне попечителя. Из 14 случаев в трех Виноградов подписывал представление вместе с М.С. Корелиным, один раз – с Герье, один раз – с Герье и Корелиным вместе (И.И. Шитц, к магистерским экзаменам не приступил).

Коваленский и Угримов, которых к оставлению Виноградов рекомендовал вместе с Корелиным, к экзаменам не приступили. Угримов стал известным русским агрономом. Также не дошли до стадии магистерских экзаменов еще 6

---

⁷⁵⁴ Эпистолярное наследие П.Г. Виноградова. С. 249.

оставленных Виноградовым студентов: Моравский, Розанов, Смирнов⁷⁵⁵, Никольский, Потемкин, Коваленский. Четверо из недошедших (Моравский, Никольский, Потемкин, Коваленский) стали заметными фигурами в исторической публицистике начала XX вв., деятелями образования. Никольский же, идя по стопам отца, занимался изучением Востока самостоятельно и стал одним из крупнейших специалистов по Древнему миру уже в советское время. Хвостов, Савин, Егоров, Рудаков и Захаров магистерский искус прошли.

Хвостов, Савин и Егоров в краткий и положенный срок. Рудаков и Захаров в ситуации конфликта их научного руководителя с Виппером, сдали магистерские экзамены в Санкт-Петербургском университете. Все сдавшие магистерский экзамен ученики Виноградова прочитали пробные лекции для получения приват-доцентского звания в *alma mater* и преподавали в Московском университете, кроме Хвостова, который уехал в Казань. Хвостов, Савин и Егоров защитили сначала магистерские, а затем докторские диссертации. Хвостов стал профессором в Казани. Савин и Егоров – в Москве.

5.4.2.1. Особенности коммуникации Виноградова со студентами: кружок «павликан»

Как и Ключевский, Виноградов стал одним из самых популярных профессоров конца 1880 – начала 1900-х гг. в студенческой среде. Вместе с тем авторские лекции Виноградова далеко не сразу завоевали внимание студентов. М.М. Богословский вспоминал: «Первые его лекции затрудняли нас благодаря отвлеченности и трудности языка. К ним надо было привыкнуть, он не умел еще тогда говорить с кафедры просто, говорил длинными и, главное, слишком отвлеченными, малоконкретными периодами, постоянная прибегая к условным общим выражениям, например: «этот факт – капитальный в развитии греческой

---

⁷⁵⁵ Стал крупным чиновником в министерстве финансов, поддерживающим связь с университетом.

историографии» или «это факт, с которым приходится считаться». Все это очень затрудняло понимание его чтения. Павел Гаврилович однако, должно быть, и сам осознавал этот свой недостаток и с годами совершенствовался. Позже он говорил с кафедры гораздо проще и доступнее»⁷⁵⁶.

Интересно отметить, что в том случае, если студентам что-то было непонятно в курсе Виноградова, то преподаватель шел им навстречу. Так, когда студент Гильченко, литографировавший курс Виноградова по средневековой истории, заявил, что он не понимает произношения Виноградовым некоторых фамилий английских историков, Павел Гаврилович на время стал давать студенту собственные конспекты, пошутив, что Гильченко не понимают его речи из-за слишком хорошего английского произношения.

Популярности у студентов Виноградов был обязан своими семинарами, на которых он запоминался с первого же занятия: «В первом собрании семинария Павел Гаврилович знакомился с его личным составом и установил план занятий. Каждый участник по очереди называл свою фамилию, Павел Гаврилович пристально всматривался в лицо называвшего и с тех пор навсегда его запоминал, никогда потом не переспрашивая фамилии; он обладал какой-то поразительной памятью в этом отношении»⁷⁵⁷.

Очень подробные сведения о семинаре Виноградова в конце 1880-х гг. даны Богословским. Все занятия в семинаре Виноградова были расписаны на полугодие вперед, ко всему курсу представлялась литература. По 2–3 человека должна были записаться на одну из тем семинара и подготовить доклад, который необходимо было представить за день до семинария. Накануне вечером Виноградов прочитывал доклад и отмечал карандашом, вызывавшие его интерес места. Чтения рефератов на самом семинаре не производилось. Виноградов сам формулировал вопросы, которые трактовали студенты в рефератах и резюмировал представления авторов. Затем он сам ставил проблемы, представлявшие существо

---

⁷⁵⁶ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов] // *Историография, мемуаристика, эпистолярная.* М., 1989. С. 70

⁷⁵⁷ Там же. С. 72.

темы, и решал их с опорой на источник. Богословский свидетельствовал: «Конечно, нам очень интересны были отзывы Павла Гавриловича о наших работах, но все мы понимали, что суть занятий заключалась в том мастерском анализе текста, который он делал. Встречаясь и в поданных рефератах и во время обсуждения в семинарии с мнениями, расходившимися с его толкованием, он вступал в спор, излагал аргументы в пользу своего толкования, развертывал всю широту и весь блеск своей необычной эрудиции»⁷⁵⁸.

Занятия могли проходить на дому у Виноградова или в университетских аудиториях. «В весеннем полугодии 1887 г. был объявлен семинарий по «Германии» Тацита»⁷⁵⁹, – вспоминал Богословский. «Семинарий проходил по субботам в утренние часы от 9 до 11 в так называемом Гербариуме, небольшой аудитории в первом этаже сейчас же направо от средних входных дверей в новом здании университета»⁷⁶⁰. Записывалось на него 20 человек, но постоянно приходили гораздо меньше человек. «Бравший тему должен был, ознакомившись с указанными ему главами Тацита и с литературой, составить очерк по тому вопросу, которого касалась тема, и представить свою работу Павлу Гавриловичу не позже чем накануне семинария. Павел Гаврилович самым тщательным образом прочитывал представленные ему работы накануне вечером, подчеркивая карандашом заинтересовавшие его места, по поводу которых он делал замечания на семинарии. Встречаясь и с поданными рефератами и во время обсуждения в семинарии с мнениями, расходившимися с его толкованием, он вступал в спор, излагал аргументы в пользу своего толкования, развертывал всю широту и весь блеск своей необычайной эрудиции», – вспоминал Богословский⁷⁶¹.

В семинариях Виноградова «иногда спор принимал очень оживленный горячий характер. Павел Гаврилович как-то умел поднять на такой спор юношу-студента. Само собой разумеется, что он всегда выходил победителем, но дебатировать с ним было глубоко интересно. Сколько сведений он сообщал во

---

⁷⁵⁸ Там же. С. 72.

⁷⁵⁹ Там же. С.76.

⁷⁶⁰ Там же.

⁷⁶¹ Там же. С.78.

время этого спора, какие неожиданные сравнения привлекал, какие показывал критические приемы. Этот образцовый, неподражаемый семинарий был превосходною школой, научавшей обращению с текстами памятников и умению пользоваться ими»⁷⁶², «ни одно темное и трудное место памятника, относившееся к предмету спора, не оставалось необъясненным»⁷⁶³.

Осенью 1887 г. Богословский записался в семинарий Виноградова по Салической Правде. «В руководстве этим семинарием, – отмечал Богословский, – Павел Гаврилович проявил, может, еще более блеска, чем в предыдущем. Приемы были те же. Поставлено было несколько тем, распределенных на все полугодие, и студенты должны были выбирать ту или другую тему. Указаны были каждой теме к ней статьи Правды и соответствующая литература.

Мы должны были, ознакомившись с текстом и с литературой, представлять предварительно толкование статей или очерк сюжета в связанном виде. Так же, как и при разборе «Германии», Павел Гаврилович резюмировал представленные и тщательно им прочтенные рефераты, намечал затронутые вопросы и затем, при живом участии референтов и слушателей, которое он умел вызывать, подвергал толкованию труднейшие тексты Правды»⁷⁶⁴.

«Как будто эти памятники создавались нарочно с целью служить в будущем упражнением для семинариев! – свидетельствова Богословский. – Заседания семинария происходили в том же Гербариуме в вечерние часы с 6 до 8 часов. Мы опять все за тем же длинным столом, на который ставились четыре стеариновые свечи: две перед профессором, две на остальную длину стола. Перед Павлом Гавриловичем сводное издание Салической Правды, перед каждым из нас тексты, записки, тетради. Свечи отбрасывают чуть заметные отблески на своды Гербариума, оставляя все остальное его пространство погруженным во мрак, но лица участников достаточно освещены, а главное озарены тем оживлением, с которым происходил этот семинарий, возбуждаемый, мало сказать живою, прямо

---

⁷⁶² Там же.

⁷⁶³ Там же.

⁷⁶⁴ Там же. С. 78.

сверкающей мыслью его руководителя. Прерванный семинарий по Салической Правде был все же закончен в начале весеннего полугодия 1888 г., и в последнем заседании Павел Гаврилович, по обыкновению, формулировал итоги сделанной работы»⁷⁶⁵.

В весеннем полугодии 1888 г. Богословский посещал семинар Виноградов по разбору текста Геродота, а весной 1890 года – по разбору работы французского историка Фюстель де Куланжа: «книга была разбита на ряд вопросов по истории землевладения и хозяйства в последние века Римской империи и в начале средневековья в Галлии, и эти вопросы были темами для рефератов. Я был на семинарии единственным студентом четвертого курса. Указав на это и сказав несколько слов о уже приобретенном мною опыте, Павел Гаврилович предложил мне взять первую, стоявшую на очереди тему, от которой младшие студенты отклонялись, боясь недостатка времени. Я должен был принять предложение и представил реферат. Помню вид этой тетрадки с строками, подчеркнутыми карандашом Павлом Гавриловичем. Он заставлял меня прочесть некоторые места из реферата; с одними моими положениями он соглашался, другие встречали у него возражения. Эта была моя последняя работа в его семинарии»⁷⁶⁶.

Семинары Виноградова нравились студентам больше, чем семинары Герье. Дело было в том, что эта по-преимуществу антиавторитарная форма занятий больше подходила именно Виноградову, чем немного фанатичному «пастору» с протестантским и европейским представлениями о работе как тяжелом труде, какие были у Герье. Как вспоминал Милюков: «Он импонировал нам своей серьезной работой над интересовавшими нас сторонами истории... А кроме того, он сразу привлек нас к себе тем, что в противоположность Герье не отгораживался от нас и не снисходил к нам, не приходил в затруднение от наших вопросов, а, наоборот, вызывал их, трактовал нас, как таких же работников над историческим материалом, как и он сам»⁷⁶⁷.

---

⁷⁶⁵ Там же. С.80.

⁷⁶⁶ Там же. С. 82.

⁷⁶⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 76.

Фактически Виноградов создал методически продуманную систему семинарских занятий, где конкуренция учеников разных способностей создавало творческое напряжение для работы. Виноградов ждал особенной работы на семинаре сильных студентов, полагая, что они будут подтягивать до своего уровня более слабых товарищей.

Семинары открывали для студентов двери в научное исследование. Более того, для лучших учеников в семинариях профессор добился особой привилегии – печатании их работы университетом. Так, были опубликованы работы одного из первых учеников профессора – М.О. Гершензона («Аристотель и Эфор») и В.А. Маклакова («Избрание жребием в Афинском государстве»). Эти труды были отрецензированы русской профессурой, а между Гершензоном и профессором Харьковского университета В.П. Бузескулом даже завязалась дискуссия, отраженная в монографических публикациях⁷⁶⁸. Да и на труд Маклакова откликнулся профессор Ф. Г. Мищенко.

С начала 1890-х гг. Виноградов перенес занятие семинара на дом. Как вспоминал Кизеветтер, Виноградову был присущ дар группировать около себя преданных учеников, формировать школу, сплоченную общими научными интересами. Это общение удерживалось и по окончании университетского курса. Виноградовские семинаристы («павликиане», как их называли по имени Павла Гавриловича) были приглашаемы затем на дом к профессору, где они встречались с более старшими историками, и где велись научные собрания более высокого типа; там разбирались новинки научно-исторической литературы, там работавшие над подготовкой диссертаций делали предварительные сообщения о своих изысканиях, и только что получившие студенческую статью неопиты исторической науки сходились с историками предшествующих выпусков»⁷⁶⁹.

⁷⁶⁸ Бузескул В.П. Афинская Политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895; Гершензон М.О. Афинская Политика Аристотеля и жизнеописание Плутарха. М., 1895. С. 98–99.

⁷⁶⁹ Кизеветтер А.А. Из воспоминаний восьмидесятника // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3. С. 138.

Таким образом, написание, а затем обсуждение на семинарах Виноградова работ делало исследовательский труд для студентов систематичным и интенсивным. В течение одного года хороший студент мог написать ни одну работу. А тема, выбранная для курсового сочинения, очень часто становилось для учеников Виноградова заходом для итогового сочинения.

В семинаре Виноградова устанавливались как вертикальные (учитель – ученик), так и горизонтальные (между учащимися) связи. Наряду с формальными в группе складывались и неформальные отношения. А.В. Антощенко так характеризует коммуникационные практики внутри виноградовского семинара: «Специфика деятельности – обучение – предполагала неравенство как между руководителем семинария и студентами, так и (в силу различного уровня подготовленности и личных способностей) между учащимися, т. е. иерархию, выражающую власть. Но это была символическая власть науки (научного авторитета). Формальный характер коммуникаций был направлен на укрепление авторитета и иерархии, неформальный – на устранение, т. е. на превращение их в сотрудничество между коллегами. Наиболее отчетливо это проявлялось в «одомашнивании» занятий, когда консультации и даже сами занятия проводились на дому у профессора. Включение в число участвующих в домашних семинариях являлось своеобразной символической инициацией, признанием младшего коллеги без формального подтверждения этого квалификационным испытанием»⁷⁷⁰.

Симпатизировавшие Виноградову студенты видели в семинарах высшее достижение профессорской педагогической мысли. Как правило, это были студенты-отличники. Однако у более слабых участников семинаров оценки были более критичными: «Метод его критики был убийственный, – вспоминал С.П. Мельгунов, – он почти высмеивал референта, оципывал его. Может быть, это

---

⁷⁷⁰ Антощенко А.В. Профессор Императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов. С. 151–152.

приучало к научной работе, может быть, такой метод годился для немногих, избранных, но на большинство он действовал охлаждающе»⁷⁷¹.

Интересно отметить, что Виноградов как новатор семинаров столь же критически оценивался слабыми студентами, как чуть ранее Герье на экзамене после первого курса по истории Рима. Напомним, что на этом учебном мероприятии Герье отбирал сильных студентов для будущей работы, точно так же, как и Виноградов – способных исследователей на семинарах. И защита профессора Виноградова сильными студентами, которые видят больше, чем их «ограниченные товарищи», чем-то схожа с защитой Герье его учениками. Так, Богословский указывал, что высокомерие Павла Гавриловича было напускным⁷⁷².

Ученики Виноградова ждали от учителя на семинарах прежде всего оценки в виде поощрения или осуждения. Эти неформальные санкции формировали у обучающегося понятие дозволенного и недозволенного и программировали особый этос поведения ученого. Нормы, хотя и задавались Виноградовым, но утверждались учениками, которые либо воспроизводили их в своей практике, или отказывались от них⁷⁷³. Студенты из семинара Виноградова были очень требовательны к себе. Так, будущий лидер октябристов А.И. Гучков недовольный своей работой, написанной для семинара, сжег свой реферат, объяснился с Виноградовым и отменил занятие по своему докладу⁷⁷⁴.

С помощью письменных работ на семинарах студенты боролись за внимание учителя. Богословский надолго запомнил обращение Павла Гавриловича к студенту Моравскому: «Ваш реферат так интересен, что позвольте мне еще поддержать его у себя»⁷⁷⁵. Да и сам Михаил Михайлович был доволен тем, что за работу на семинаре Виноградов поощрил Богословского отличной оценкой на государственном экзамене. Во время экзамена он публично заявил, что он поставит

⁷⁷¹ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 112.

⁷⁷² Богословский М.М. [П.Г. Виноградов] С. 80, 82.

⁷⁷³ Антощенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинар как место знания // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 151.

⁷⁷⁴ Там же. С. 154.

⁷⁷⁵ Богословский М.М. [П.Г. Виноградов]. С. 74.

Богословскому высший балл за экзамене, поскольку он помнит работу студента в семинаре.

До предела дисциплинированный, не пропускавший ни одного семинара, всегда являвшийся вовремя на занятия, Виноградов и от студентов требовал железной дисциплиной. Так, он сделал выговор опоздавшему на свой доклад студенту Я.Л. Барскову, заметив, «что сам он относится к семинару в высшей степени аккуратно, не позволяет себе опаздывать и от участвующих в семинарии требует того же»⁷⁷⁶. Случайно узнав, что Богословский поздно встает и не работает по утрам (Виноградов не знал, что Богословский ухаживал по ночам за смертельно больным отцом), Виноградов попытался изменить распорядок дня студента, но, разобравшись в ситуации, стал еще ближе к ученику.

Виноградов был активен в контактах со студентами. Богословскому он сообщил о том, что решением Ключевского тот получил золотую медаль за конкурсное сочинение. Моравскому и Гершензону Виноградов предложил выбрать его как научного руководителя и получить рекомендацию для оставления в магистратуре. К себе на секретарскую работу профессор взял Гершензона (личный секретарь) и Богословского (неформальный секретарь в кружке «павликан»), во время работой над «Книгой для чтения» Виноградов сошелся с М.Н. Покровским. Во время студенческих волнений 1887 г. Виноградов напомнил студентам о том, что они должны беречь университет. Естественно, как и его предшественники преподаватели-историки, Виноградов охотно снабжал студентами книгами, в том числе редкими, из собственной библиотеки.

Открытость и желание выстроить диалог со студентами сделали профессора популярным у студентов в 1890-е гг. В это время молодые преподаватели и студенты искали возможности для сближения, Виноградов фактически стал лидером этого движения. В результате из приват-доцентов университета, магистрантов и студентов Виноградов создал фактически частное историческое общество в Московском университете.

---

⁷⁷⁶ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов] С. 74.

Кружок возник на рубеже 1880-х-начале 1890-х годов из участников необязательных семинаров П.Г. Виноградова. За ним закрепилось название – кружок «павликан» – по имени Павла Гавриловича. Богословский вспоминал: «Вскоре после окончания государственных экзаменов, может быть в конце 1890, а вернее, в начале 1891, когда я был оставлен в Университете, я получил от Павла Гавриловича приглашение вступить в группировавшийся около него кружок молодых историков, юристов, экономистов. Кружок собирался раз в месяц под председательством П.Г. Виноградова. На этих собраниях читались и обсуждались рефераты по истории, историческому праву, экономике. Это было как бы небольшое частное общество. Собрания проходили под председательством Павла Гавриловича»⁷⁷⁷.

В кружок входили: М.К. Любавский, П.Н. Милюков (приват-доцент), А.А. Кизеветтер, В.Н. Сторожев (формально связаны с В.О. Ключевским как научным руководителем), С.Ф. Фортунатов (приват-доцент, ученик В.И. Герье), А.А. Кудрявцев (представление об оставлении при университете подписано Поповым и Герье, умер, не защитив диссертации), М.И. Брун (адвокат), С.П. Моравский, Ф.А. Смирнов (ученики П.Г. Виноградова), П.И. Беляев, В.Ф. Дерюжинский, А.Н. Филиппов (юристы), А.А. Мануйлов (экономист), А.И. Гучков и др.

Собрания кружка проходили на дому у Павла Гавриловича. В отличие от семинаров на этих собраниях рефераты читались докладчикам и обсуждались присутствующими. Кизеветтер вспоминал: «гостеприимная квартира П.Г. Виноградова в небольшом домике священника Словцова в Мертвом переулке была тогда центром оживленного общения московских историков. На этих собраниях мы слышали доклады Милюкова, Фортунатова, Виппера, А. Гучкова, Корелина, Иванова, Шамонина, Беляева, Кудрявцева, Петрушевскаго, Гусакова, Бруна, Мануйлова и многих других. По каждому докладу сам хозяин всегда имел наготове ряд интереснейших соображений, и вечер протекал в увлекательной научной беседе. Независимо от этих научных собраний, в другие дни в тот же домик сходились уже не одни историки, но более разнообразное общество. Здесь мы

---

⁷⁷⁷ Богословский М.М. [П.Г. Виноградов] С. 85.

видели Ключевского в непринужденной приятельской обстановке и наслаждались блестящими его юмором, здесь Милюков, с головой ушедший тогда в архивы, излагал свои открытия по истории петровских реформ, Степан Федорович Фортунатов со звонко-раскатистым смехом рассказывал разные эпизоды из прений в английском парламенте, известные ему с такими подробностями, как будто он только вчера приехал из Лондона; Николай Яковлевич Грот, блестя красивыми глазами, заводил философские прения; иногда появлялись иногородние гости – Кареев из Петербурга, Лучицкий из Киева и т. д. И молодые «павликаны», только что вылупившиеся из яйца, вбирали жадно все эти впечатления, как бы продолжая тем самым свое университетское образование»⁷⁷⁸. Удивительно живая зарисовка происходящего на собраниях кружка дана Богословским: «После прочтения референтом доклада Павел Гаврилович объявлял перерыв, во время которого все вставали, составлялись группы разговаривающих, а он очень умело и по-светски обходил эти группы, обращался то к тому, то к другому и никого не оставлял без внимания. Тем временем горничная вносила большой поднос с стаканами чая и с нарезанными ломтиками сдобным хлебом. Затем все усаживались, и Павел Гаврилович предлагал желающим высказаться по поводу прослушанного реферата. Происходили более или менее оживленные разговоры, но интереснее всего было каждый раз его собственное выступление, всегда затрагивающее вопрос по существу и всегда показывавшее, какими громадными знаниями он обладал. Из прочитанных рефератов я помню реферат А.А. Кудрявцева о только что появившейся тогда книге Эйкена «О средневековом мировоззрении», П.Н. Милюкова о только что вышедшей книге Лаппо-Данилеского «Организация прямого обложения», П.И. Беляева о грамотах, А.И. Гучкова»⁷⁷⁹.

Отношения в кружке были товарищескими. Когда на святки 1892 г. Виноградов собирался уехать в зарубежную командировку, то ему был устроен ужин, на котором С.А. Муромцев выступил с речью, в которой предлагал

⁷⁷⁸ Кизеветтер А.А. Из воспоминания восьмидесятника. С. 138.

⁷⁷⁹ Богословский М.М. [П.Г. Виноградов] С. 85–86.

объединить достижения исторической и юридической науки в рамках факультета Общественных наук⁷⁸⁰.

Богословский считает, что виноградовский кружок просуществовал до 1898 г. Однако историк при этом отмечает тот факт, что из-за вопроса о Милюкове в кружке начались разногласия. Между тем милюковский вопрос затронул кружок в начале 1894 г. Кризис был вызван учреждением Исторического общества при Московском университете. Еще в 1889 г. Корелин сообщал Карееву, занятому организацией Петербургского исторического общества, что «у нас этим очень заинтересован Виноградов и просил меня достать у Вас подробные сведения: он думает последовать Вашему примеру, но боится, что не разрешат. Я боюсь другого – ничего не выйдет, если и разрешат, потому что сил мало, а если есть, то до крайности истощенные»⁷⁸¹.

Однако самостоятельно молодежь под руководством Виноградова и его правой руки Милюкова сделать это не сумела. Понадобилась организационная помощь Герье, который после празднования 30-летия своей научной деятельности в 1892 г., решил посвятить себя воспитанию молодежи. Именно Герье стал инициатором создания исторического общества при Московском университете. Прошение об открытии общества было направлено в МНП, где устав был утвержден И.Д. Деляновым.

9 марта 1894 г. состоялось учредительное собрание общества. Герье «почти» единогласно избрали председателем. Кроме него в Комитет общества вошло 6 членов – В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, П.Н. Милюков, В.М. Михайловский, Р.Ю. Виппер. 4 места, по предложению Герье, зарезервировали для членов из числа учителей Москвы.

18 марта 1893 г. комитет общества собрался на квартире у Герье. Виноградов и Милюков хотели провести в состав общества «павликан» списком (35 человек). Герье, напротив, хотел ввести в состав общества около 80 лиц, подписавших ему

⁷⁸⁰ Богословский М.М. [П.Г. Виноградов] С. 85–86.

⁷⁸¹ Цит. по: Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков С. 181–82; письмо от 3 мая.

юбилейный адрес «без различия их ученого ценза». Герье опасался, что в результате приема одновременно большого количества новых членов неуправляемыми станут выборы оставшихся членов комитета общества и секретаря. Между тем, Милюков, а, возможно, и Виноградов были связаны обязательствами, что в число членов общества одновременно на первом заседании должны быть проведены все кружковцы. В ходе дискуссии Милюков и Виноградов обещали Герье, что в случае он согласится с их условиями, они обязуются провести в комитет и секретари любых необходимых Герье лиц. Герье предложили компромиссный вариант: сначала в общество выбираются часть членов из списка Герье (35 из 72) и весь список Виноградова-Милюкова (35). Вновь выбранные члена довыбирают руководящие органы, после этого выбираются новые члена общества из списка Герье.

Герье оскорбился и «стал говорить, что ему с самого начала делают неприятности и т.д.». В случае поддержки варианта Виноградова-Милюкова, считал Герье, «выбор на вакантные места в комитет может оказаться «случайным и несолидным». Возражение оппонентов, что в «таком случае не следует выбирать случайных и несолидных членов общества» взорвало Герье. «После всего этого, – сообщает Милюков Платонову, – обращаясь ко мне, говорившему ему все резче других, – но, как признали присутствующие, в вполне приличных случаю выражениях, Герье вдруг раздраженным тоном заговорил: – это невероятная наивность, – это невероятная наивность! Я отвечал ему: к чему личные характеристики: пусть я наивен, оставим это и перейдем к делу. Герье тогда произнес: «Вы забываете, с кем Вы говорите и к кому обращаетесь. Тут уже я инстинктивно вскочил со стула, сказал, что, кажется, я действительно забыл, с кем имею дело, – и ушел из квартиры Герье, заявив, что выхожу из комитета и общества»⁷⁸².

Кружок встал на сторону Милюкова и ждал извинений Герье. Герье об этом, судя по всему, ничего не знал, поскольку смотрел на ситуацию совершенно иначе.

⁷⁸² Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. С. 138.; *Корелин М.С.* Дневник. С. 380; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков. С. 83–84.

Кружок молодых историков принял решение вернуться в общество, если туда вернется Милюков. О решении кружка Герье должен был сообщить Виноградов, но он этого делать не стал, начав агитировать кружковцев вступать в общество, в результате чего среди кружковцев произошел раскол⁷⁸³. Часть из них на участие в общество согласилось, часть от этой работы отказалось. Павел Гаврилович «решительно объявил, что надо войти в общество, отказался наотрез продолжать далее работу кружка, о чем некоторые члены его просили. Некоторых отказавшихся было войти в общество членов кружка он призывал к себе и довольно внушительно уговаривал их войти в общество, в чем и имел успех. Так исторический кружок прекратил свою деятельность»⁷⁸⁴.

Таким образом, после 1894 г. изменился характер заседаний кружка на дому Павла Гавриловича. Альтернативой академической работе в кружке, которая должна была продолжаться в Историческом обществе (к концу 1890-х Виноградов все более и более чувствовал свое неестественное положение в Историческом обществе и просился у Герье в отставку) стало участие Виноградова и членов его кружка в различных просветительских проектах.

Так, Милюков стал организатором Комиссия по организации домашнего чтения, руководство которой после высылки Милюкова из Москвы постепенно перешло к Виноградову. Комиссия состояла из президиума и предметных отделений. Членами комиссии в основном были ученые Московского университета, а также преподаватели московских учебных заведений. Общее руководство долгое время принадлежало историкам. Председателями были: Милюков (1894–1895), П.Г. Виноградов (1897–1905), А.А. Кизеветтер (1905–1908), то есть выходцы из кружка Виноградова и сам Павел Гаврилович. Фактически работа комиссии ставила вопрос о заочном образовании для желающих. Такие организации появились в 1870-е гг. в Англии, в 1880-е – в США. Летом 1893 г. Милюков специально посетил летние семинары *university extension* в Кембридже. В Европе, по мнению Милюкова, основа такого образования, была

⁷⁸³ Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921). Рязань, 2020. С. 583–584.

⁷⁸⁴ Богословский М.М. [П.Г. Виноградов]. С. 87.

построена на организации университетских лекций в провинции. В американской модели акцент был поставлен на летних семинарах и контроле за занятиями самоучек. В России Милюкова попытался соединить оба подхода. Программы комиссии были составлены по 8 разделам (математика, физика и химия, биология, философия, общественные и правовые науки, история, литература). Книги по разделам и рекомендуемые программы к ним делились на главные и второстепенные, предполагались вопросы для самопроверки.

Одновременно с работой в этой комиссии Виноградов участвовал в работе Учебного отдела Общества распространения технических знаний⁷⁸⁵, где также составлялись программы по истории и выпускалась разная литература. По оценке Богословского, «Павел Гаврилович принимал во всех этих организациях большое участие и умел, как никто, возбуждать энергию к работе и в окружающей его молодежи. Эта деятельность по распространению знаний была в сущности педагогическая, и к такого рода деятельности Павел Гаврилович обнаруживал всегда очень большой интерес. В его историческом кружке, о котором я рассказывал выше, заходили разговоры – но не в заседаниях, а в частных беседах – по педагогическим вопросам. Не помню уже, по какому именно поводу, а кажется по поводу какой-то полемики, возникли разговоры о Д.И. Иловайском, об устарелости и непригодности его учебников. Разговоры эти принимали весьма оживленный характер потому, что значительная часть членов кружка были преподаватели истории»⁷⁸⁶.

Сам Виноградов заинтересовался вопросами преподавания, когда решил написать учебник по всеобщей истории для гимназии⁷⁸⁷, первую часть которого (древний мир), как он сам свидетельствовал, он написал за лето 1892 г.⁷⁸⁸ Создание учебника для гимназии было экспериментом Виноградова. Он издал книгу с большими полями и ждал корректировок со стороны коллег. Учебник оказался

⁷⁸⁵ Весной 1892 г. возглавил работу исторического отдела. См. *Антощенко А.В.* Русский либерал-англофил. С. 74.

⁷⁸⁶ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 88.

⁷⁸⁷ Учебник древней истории / сост. П. Виноградов, проф. Моск. Ун-та. Вып. 1. М., 1892.

⁷⁸⁸ Письмо от 9 октября 1892 г. Е.П. Летковой-Султановой // Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова. С. 302–303.

тяжелым для гимназий: «Павел Гаврилович не обладал даром общедоступного популярного стиля, его язык с длинными оборотами и с отвлечёнными выражениями оказывался слишком труден и малодоступен в средней школе и не только в младших классах, но и в старших классах. Мне пришлось убедиться в этом на опыте при преподавании в женской гимназии. Нередко мой урок заключался в том, что я должен был растолковать и перевести на общедоступный язык те страницы учебника, которые предстояло проходить. Всё же учебник Павла Гавриловича сыграл видную роль в том отношении, что дал толчок к развитию учебной литературы по истории. Вслед за ним стали появляться новые опыты в том же направлении, имевшие целью создать ту научную высоту, на которую поставил учебную книгу Виноградов, побеждать недостатки, которых не лишён был его учебник»⁷⁸⁹.

В связи с выпуском учебника⁷⁹⁰ и критикой на него у Виноградова возникла идея создания книги для чтения, которая могла бы быть пригодной для самостоятельной работы учеников дома или чтения в классе, а для учителя – при подготовке к урокам. Создание книги для чтения стало коллективным проектом, в котором участвовали магистранты Москвы и других университетских городов. В результате были изданы многотомная «Книги для чтения». Собственно, из этого проекта, по всей видимости, и возникла идея создания Педагогического общества при Московском университете, первым председателем которого стал Виноградов.

Что же типичного в участниках кружка Виноградова? Во-первых, явно восходящий к кружку дух просветительства. Для студентов Московского университета, испытавших влияние этого кружка, был характерен приоритет идеи общественного служения или, если сказать мягче, подчинения задач науки решению социальных проблем. А.А. Кизеветтер, бывший членом кружка, говорил

⁷⁸⁹ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 89.

⁷⁹⁰ В 1893–1896 гг. вышли три части учебника: древний мир, средние века, новое время. На учебники появились рецензии участников кружка. См. *Антощенко А.В.* Русский либерал-англофил. С. 73–74.

об органичном сочетании «служения научной истине с служением общественному благу»⁷⁹¹.

Во-вторых, стоит помнить, что многие студенты Виноградова были критически настроены по отношению к самодержавию из-за их индивидуальных и часто национальных особенностей, сталкивающих их с всемогущим государством. Если Моравский всю жизнь помнил отношение матери к малороссийскому вопросу, то М.О. Гершензон (студент в 1891–1895 гг.) и Н.Б. Гольденвейзер (студент в 1889–1893 гг.) были евреями, которые остро чувствовали несправедливость процентной нормы в университетах, а первый так и вовсе не сумел стать академическим ученым из-за негласного запрета оставить его для приготовления к профессорскому званию опять-таки из-за происхождения (об этом ниже). Продолжению академической карьеры В.П. Потемкина (студент в 1893–1898 гг.) помешала его активная политическая позиция. Сначала он был уволен из университета за участие в студенческих волнениях во время обучения и возвращен обратно при содействии Виноградова. А затем на публичном заседании Педагогического общества и учебного отдела Общества распространения технических знаний в память одного из пионеров внешкольного образования для рабочих, произнес речь, которая вызвала недовольство помощника попечителя Московского учебного округа В. Д. Исаенкова, что привело к запрещению его преподавательской деятельности. Другим обстоятельством, осложнившим взаимоотношения Потемкина с руководством учебного округа, было издание сборника «Помощь» (СПб., 1901; вышел под редакцией Потемкина и с его предисловием). Сборник стал демонстрацией протеста против антисемитизма со стороны крупнейших русских и иностранных писателей и ученых, среди которых были М. Горький, В. Г. Короленко, Б. Н. Чичерин, А. И. Чупров, Э. Золя, Г. Брандес и многих других.

---

⁷⁹¹ Кизеветтер А.А. Московский университет и его традиции // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915. С. 322; см. также: Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в. М., 2003. С. 177–184.

В просветительской работе социально ориентированные ученики Виноградова стремились уделять внимание прежде всего обездоленным, формируя у них тягу к просвещению. Так, тот же Потемкин долго работал в Музее содействия труду, редактировал еженедельник профессиональной жизни – «Семь дней». В качестве лектора он преподавал на Бутырских и Пречистинских рабочих курсах, в кружках марксистской молодежи. По приглашению партийных организаций Нижнего Новгорода, Саратова, Вологды, Костромы он выезжал с лекциями по политическим вопросам.

Некоторые из учеников Виноградова в начале XX в. после манифеста 17 октября 1905 г. отдались во власть политики. М.Н. Коваленский (студент в 1894–1898 гг.) придерживался левых взглядов. По словам Мельгунова, он называл себя «социал-демократом»⁷⁹². В 1905 г. сблизился с большевиками еще один ученик Виноградова – Н.М. Никольский (студент в 1896–1900 гг.), оказавшийся под влиянием И.И. Степанов-Скворцова и М.Н. Покровского. В результате он участвовал в работе лекторской группы Московского комитета РСДРП, активно сотрудничал в большевистской печати – газетах «Борьба» и «Светоч» (главным образом по литературной части под псевдонимом З. Антонов), предоставил свою квартиру для заседаний МК РСДРП.

Практически все ученики Виноградова активно сотрудничали с научными обществами просветительского характера⁷⁹³, близко стоявшим к университету (Историческим и Педагогическим, создано в 1898 г.; Виноградов был председателем общества до своей отставки⁷⁹⁴). Так, под руководством Виноградова в работе Общества по распространению технических знаний и Комитете грамотности участвовал М.О. Гершензон. В Историческую секцию Учебного отдела Общества распространения технических знаний, которую возглавлял

---

⁷⁹² Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. С. 97.

⁷⁹³ Богословский М.М. [П.Г. Виноградов]. С. 89–90.

⁷⁹⁴ См., например: Зубков И.В. Научные педагогические общества. Педагогическое общество при Московском университете // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011. С. 651–661.

Виноградов, входил Коваленский⁷⁹⁵, который затем также участвовал в деятельности Педагогического общества, активно занимался просветительской деятельностью, например, на Пречистенских рабочих курсах. В 1905–1906 гг. Коваленский был одним из руководителей левого по идеологии Всероссийского союза учителей и деятелей средней школы. На II-м съезде учителей (проходил в Санкт-Петербурге в июне 1906 г.) он выступил с докладом «Об ассоциациях для устройства свободной средней школы». Как и все ученики Виноградова 1890-х гг., Коваленский разрабатывал проблемы методики преподавания истории в школах различного уровня. Наиболее известен учебник Коваленского по русской истории⁷⁹⁶ и связанная с ним хрестоматия⁷⁹⁷.

Чуть более подробно остановимся на тех учениках профессора, которые вышли из его кружка в 1890-е гг. или были оставлены в это время при университете.

Первым учеником, оставленным Виноградовым для подготовки к профессорскому званию на кафедре всеобщей истории, был Сергей Павлович Моравский⁷⁹⁸. Он был сыном хирурга университетской клиники Киевского университета (Павел Григорьевич Моравский; 1832–1868). Отец умер, когда мальчику было два года и его образованием занималась мать (в девичестве – А. Картамышева). Моравский учился во 2-й киевской гимназии, Евангелической школе города Йера⁷⁹⁹, коллеги Павла Галагана, где его одноклассниками были будущий профессор кафедры всеобщей истории Московского университета Дмитрий Моисеевич Петрушевский и студент-юрист Владимир Эммануилович Грабарь. В 1885 г. Моравский поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где занимается в семинаре профессора П.Г.

⁷⁹⁵ *Ситник В.С.* М.Н. Коваленский – историк и педагог. Воронеж, 1976.

⁷⁹⁶ *Коваленский М.Н.* Учебник русской истории. М., 1912–13. Ч. 1–3.

⁷⁹⁷ Хрестоматия по русской истории. М., 1914–15. Ч. 1–3.

⁷⁹⁸ А.А. Кизеветтер упоминает об Александре Алексеевиче Кудрявцеве (1862–1893), окончившем университет в 1884 г. и считает его учеником Виноградова. Однако формально Кудрявцев оставлен Герье. ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 12. Л. 4 об., Л. 21. об. См.: *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. С. 186–187.

⁷⁹⁹ *Моравская А. С.* Сергей Павлович Моравский // Московский журнал. 2000. № 2. URL: <http://http://mosjour.ru/2017061670/> (дата обращения: 19. 06. 2019).

Виноградова. Впоследствии он отметит, что семинары Виноградова давали ученикам возможность пройти «прекрасную методологическую школу»⁸⁰⁰.

Изначально Моравский собирался заниматься русской историей и именно Виноградов сыграл решающую роль в том, что студент изменил свой выбор. В письме будущей жене О.П. Шеленковой в 1887 г. Моравский описывает это следующим образом: «Накануне был у Виноградова и имел с ним очень любопытный разговор; он говорил о моих занятиях, о том, что намерен делать в будущем, и, между прочим, сообщил, что оставит меня с большим удовольствием при университете, если только я захочу посвятить себя всеобщей истории. Такое открытое заявление было для меня довольно неожиданно и, правду сказать, поставило меня в тупик: когда я поступал в университет, у меня был план, от которого я и до сих пор не хотел отказываться. Я хотел за 4 года пребывания в Университете основательно заняться всеобщей историей, познакомиться с жизнью и развитием западно-европейских народов, с различными историческими явлениями и процессами вообще, пройти возможно лучшую школу, чтобы овладеть вполне научным методом, и затем уже, вооружившись таким общим образованием, приступить к специальному изучению русской истории. В этом я видел свой долг, долг развитого русского интеллигента, не обделенного природой и избравшего для своей деятельности науку, историю»⁸⁰¹. Занятия русской историей более подходили для служения стране и выполнения долга интеллигента: «Я твердо верил (и теперь верю), что русское общество более всего нуждается не только в отчетливом знании и понимании своего прошлого, в самосознании в самом широком и лучше смысле этого замечательно хорошего слова, но и в общем политическом и общественном развитии, в том особом просвещении, которого могут быть сплошь и рядом чужды люди умственно очень развитые, и которое

---

⁸⁰⁰ АРАН. Ф. 1830. Оп. 1. Д. 10. Л. 1. Черновой вариант статьи Моравского о Виноградове для энциклопедического словаря. Крайняя дата – октябрь 1900. В списке печатных работ, составленных самим Моравским (Ф. 1830. Оп. 1. Д. 53.), эта статья не указана.

⁸⁰¹ АРАН. Ф. 1830. Оп. 1. Д. 100. Л. 71–71 об.

делает невозможными целый ряд безобразных и возмутительных явлений, повторяющихся у нас на каждом шагу»⁸⁰².

Занятия всеобщей историей представлялись Моравскому «очень неприятной альтернативой»⁸⁰³, но личностный фактор сыграл решающую роль: Виноградов был гораздо ближе по духу студенту, чем профессор кафедры русской историей В.О. Ключевский: «чуть ли не самое главное, это мои отношения к Ключевскому, с которым я, впрочем, пока еще почти не знаком лично: я очень уважаю его, как крупного и талантливого ученого, как выдающегося профессора, могущего создать свою школу, но я не могу разделять многие его взгляды и тенденции: особенно противны мне некоторые его отношения, которые делают его моим принципиальным врагом, именно его враждебное отношение не только к современному общественному движению в Малороссии, но и вообще к ее прошлому, ее истории и даже историографии, т. е. к деятелям южнорусской историч[еской] науки. А быть учеником человека, основных взглядов которого не можешь разделять, – очень тяжело»⁸⁰⁴.

Особое отношение Моравского к Малороссии можно понять из письма-завещания матери: «Знайте, что мать Ваша любила свою дорогую Малороссию выше всего на свете, и простите, дорогие, я любила ее одинаково, как Вас, а может быть, и больше; и кто из Вас уважает меня, пусть любит ее, дорогую, по-моему. Даю Вам честное слово, что это была единственная любовь, ради которой любовь к Вам отходила назад или, лучше сказать, ослабевала. Понимаете, если б сказали: „Отдай всех четырех сыновей для блага родины, но знай, что они все погибнут“, наверное, отдала бы. Вот единственный секрет в моей жизни, все прочие слабости мои вы знаете, я их никогда не скрывала»⁸⁰⁵.

В 1889 г. Сергей Павлович окончил университет с дипломом 1-й степени и серебряной медалью и был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

⁸⁰² АРАН. Ф. 1830. Оп. 1. Д. 100. Л. 69.

⁸⁰³ АРАН. Ф. 1830. Оп. 1. Д. 100. Л. 70 об.

⁸⁰⁴ АРАН. Ф. 1830. Оп. 1. Д. 100 Л. 68, 70.

⁸⁰⁵ Моравская А.С. Сергей Павлович Моравский // Московский журнал. 2000. № 2. URL: <http://mosjour.ru/2017061670/> (дата обращения: 19.06.2019).

Виноградов подготовил мотивированный отзыв об оставлении к заседанию Совета факультета 18 апреля 1890 г. и просил оставить Моравского с министерской стипендией⁸⁰⁶: «Окончивший курс в 1889 году и выдержавший в настоящее время экзамен в Испытательной комиссии Сергей Моравский, – писал в рекомендации Виноградов, – в течение Университетского курса ревностно занимался историческими предметами и в особенности всеобщей историей. Занятия его на семинариях выразились отчасти в прилагаемых письменных работах о политических союзах у галлов, о сословном разделении германцев в эпоху Тацита, о Карле V и о наказах 1789 года. Как в этих работах, так и в устных сообщениях Моравский обнаружил не только редкое трудолюбие, начитанность, основательность разработки, но и способность к самостоятельному и тонкому анализу исторических явлений, в виду этого я прошу факультет ходатайствовать об оставлении Моравского при Московском университете на два года для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории»⁸⁰⁷. О разрешении министерства стало известно на заседании 5 сентября. Правда, Моравского оставили без стипендии⁸⁰⁸.

Из-за материальных проблем (рано женился, содержал все более разрастающуюся семью) молодой историк вынужден был одновременно преподавать в нескольких средних учебных заведениях Москвы⁸⁰⁹ и все более удалялся от академического мира, несмотря на попытки Виноградова ему административно помочь (продлен срок оставления на кафедре, решался, правда, неудачно вопрос о стипендии). Как следствие, центром коммуникации Моравского с учителем оставались научные организации рядом с университетом, в которые входил и Виноградов, и молодой магистрант.

В 1900 г. Моравский был избран председателем Исторического отделения Педагогического общества при Московском университете. С этого же года Сергей

---

⁸⁰⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 17. Л. 14.

⁸⁰⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 59. Д. 162. Л. 3.

⁸⁰⁸ ЦГА г. Москвы. 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 17. Л. 24.

⁸⁰⁹ Моравская А.С. Сергей Павлович Моравский // Московский журнал. 2000. № 2. URL: mosjour.ru/2017061670/ (дата обращения: 19.06.2019).

Павлович занимал также пост председателя Учебного отдела Общества распространения технических знаний (ОРТЗ)⁸¹⁰. Особенную популярность приобрело организованное и редактируемое Моравским издание «Русская история в картинах» (4 издания с 1904 по 1914).

Таким образом, к началу XX в. Моравский имел, по словам С.П. Мельгунова, славу одного «из лучших и известнейших московских преподавателей»⁸¹¹, сохранив связь со своим учителем на поприще совместной работы над различными вопросами преподавания истории в средней школе⁸¹².

В 1904 г. жизненные обстоятельства вынудили Моравского отказаться от руководства делами общественных организаций: у семилетнего сына был обнаружен туберкулез в тяжелой форме, умер отец жены, тяжело заболела ее мать, нужно было помогать братьям⁸¹³.

В 1907 го. Моравского приглашают в Ростов Великий директором строящейся там мужской гимназии (деньги были выделены ростовским купцом Алексеем Леонтьевичем Кекиным в память его скончавшегося сына Максимилиана). На руководящем посту в школе (до 1917 – директором, до 1923 – заведующим) Моравский оставался до 1923 г.

После 1923 г. Сергей Павлович вернулся в Москву, где вновь занялся академической деятельностью. Так, он активно сотрудничал с Институтом истории РАН ИИОН в составлении пособий для вузов («История в источниках. Социальная история средневековья»; М., 1927. Под ред. А.Д. Удальцова) и в переводе II-го и III-го томов «Всеобщей истории хозяйства» Г. Кунова.

С 1935 г. Моравский переводчик исторической редакции издательства «Соцэкиз». Одновременно он участвовал в подготовке к публикации

⁸¹⁰ О связи последнего с кружком Виноградова см.: *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 87–88.

⁸¹¹ *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники С. 209.

⁸¹² Письма П.Г. Виноградова ученикам // Мир историка. Вып. 3. Омск, 2007. С. 334–376. О педагогической и общественной деятельности С.П. Моравского см.: *Забугина Е.И.* Педагогическая и общественная деятельность историка С.П. Моравского // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 23 № 1. 2017. С. 21–25.

⁸¹³ *Моравская А.С.* Сергей Павлович Моравский // Московский журнал. 2000. № 2. URL: mosjour.ru/2017061670/ (дата обращения: 19.06.2019).

исторических документов в сборнике «Древние германцы» (серия «Документы к материалам по Всеобщей истории») и в «Хрестоматии по истории средних веков» (1937 и 1939). Переводы Моравского из Цезаря и Тацита о древних германцах стали классическими⁸¹⁴.

В 1939–1941 гг. Сергей Павлович член коллектива издающейся Институтом Истории АН СССР «Всемирной истории» (период средневековья). Скончался Сергей Павлович Моравский 22 февраля 1942 г.

В 1892 г. Виноградов предложил к оставлению на кафедре Василия Ивановича Розанова и Федора Александровича Смирнова⁸¹⁵. В представлении факультету Виноградов отметил занятия Розанова на его собственных семинарах и занятиях В.И. Герье, а также выпускное сочинение о Карле V, которое свидетельствует о «большом прилежании автора, а также о его твердом намерении и способности продолжить начатое в университете историческое образование»⁸¹⁶. В аналогичном прошении о Смирнове Виноградов отметил, что он с особым успехом изучал византийские источники и по отзыву протоиерея Александра Михайловича Иванцова-Платонова сочинение Смирнова «Церковь и общество в эпоху Каролингов» было удостоено золотой медали⁸¹⁷. Виноградов сначала в самом представлении, а затем несколько месяц спустя отдельным прошением совместно Герье, ходатайствовали о назначении Смирнову стипендии С.М. Соловьева⁸¹⁸. По истечении срока получения стипендии в продолжение двух лет, согласно прошению Виноградова, стипендия назначалась Розанову⁸¹⁹. Виноградов продлевал срок оставления Смирнову и Розанову на третий год⁸²⁰, однако оба так и не приступили к магистерским экзаменам. Об их дальнейшей академической карьере сведений нет.

⁸¹⁴ Там же.

⁸¹⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 19. Л. 30

⁸¹⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 59. Д. 162. Л. 82.

⁸¹⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 59. Д. 162. Л. 119.

⁸¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 4 об.

⁸¹⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 22. Л. 4–4 об.

⁸²⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 22. Л. 9.

В 1893 г. Виноградов оставил на кафедре Николая Борисовича Гольденвейзера (1871–1924.). Молодой магистр происходил из семьи известного еврейского адвоката, выпускника юридического факультета Московского университета, по долгу службы долго проживавшего в Кишиневской губернии, где и родился Николай. На рубеже 1880–1890-х гг. отец Николая переехал в Москву, где сотрудничал в качестве журналиста с «Русскими ведомостями». Его брат Александр Борисович стал известным музыкантом, профессором Московской консерватории, одним из ближайших сподвижников Л.Н. Толстого в последние годы жизни писателя, свидетелем составления Толстым завещания. У Николая была родная сестра Татьяна, а также двоюродная сестра Наталья, ставшая женой Михаила Осиповича Гершензона, друга Николая⁸²¹.

В представлении Гольденвейзера для оставления к подготовке к профессорскому званию Виноградова писал: «Окончивший курс в текущем 1893 г. с дипломом первой степени Гольденвейзер заявил себя в течение университетского курса способным и трудолюбивым работником. Предметом своих специальных занятий он избрал всеобщую историю и на семинариях по этой науке выделился законченностью, добросовестностью и осторожностью своих сообщений. В 1892 г. ему присуждена была факультетом золотая медаль за сочинение «Об императоре Тиберии»⁸²². Позволяю себе ходатайствовать перед факультетом об оставлении Гольденвейзера при Университете на 2 года для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории»⁸²³.

Изначально в ходатайстве об оставлении Гольденвейзера было указано, что его предлагают оставить без содержания из сумм министерства народного просвещения, но благодаря Виноградову ему была присуждена премия А. А. Сазиковой⁸²⁴.

⁸²¹ В студенческие годы оба была награждены книгами из премии Внуковского. ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 5.

⁸²² Отзыв о сочинении на тему «Характеристика императора Тиберия», поданное под девизом из Ливия «Facturusne operae pretium sim и т. д.» рецензировал В.И. Герье. По вскрытии конверта автором оказался студент VII семестра Николай Гольденвейзер. ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 19. Л. 34.

⁸²³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 62. Д. 365. Л. 2, 13.

⁸²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 43.

После окончания университета Гольденвейзер стал преподавателем Московского Императорского лицея в память цесаревича Николая, перевел книгу «Заговор Катилины» (М., 1916)⁸²⁵.

В 1894 Виноградов не сумел, хотя и хотел оставить на кафедре Михаила Осиповича Гершензона. Михаил Осипович происходил из семьи мелкого коммерсанта, жившего в губернском Кишиневе. Он не должен был стать историком и по настоянию отца после окончания 1-й Кишневской гимназии (1877; золотая медаль) отправился учиться в Королевскую высшую техническую школу в Берлине. Пользуясь нахождением в центре мировой гуманитарной науки, он посещал лекции по истории и философии. Одновременно Михаил добивался разрешения МНП поступить на историко-филологический факультет Московского университета, что ему удалось сделать в 1889 г. В университет Гершензон слушал курсы Виноградова (история Греции и средних веков); Герье (история Европы XVII–XIX вв.; римская история; история политических теорий XVIII в.); М.С. Корелина (история Древнего Востока); Ключевского (история России и источниковедение); П.Н. Милюкова (Петр I) и других профессоров⁸²⁶. Под впечатлением курса Герье и работ Л. Ранке и Ф. Гизо, Гершензон увлекся историей Англии XVII века. Впоследствии определяющим для становления молодого человека стало влияние Виноградова, работать с которым молодой человек начал на семинарах последнего. В специальном семинаре Виноградова Гершензон изучал «Афинскую Политию» Аристотеля и в 1893 г. подготовил работу «Об отношении между изложением Аристотеля в его Политии и Историей Эфора», в которой восстановил философию истории своего источника и доказал, что она была заимствована у Эфора – автора IV в. до н. э. Работа была удостоена Исаковской премии⁸²⁷. По представлению Виноградова⁸²⁸. работа была напечатана в Ученых записках Московского Университета. За сочинение «Отношение цитат из

⁸²⁵ Он умер в 1924 г. и похоронен на Ваганьковском кладбище. *Богинский А.В.* История семьи Гольденвейзер: XIX–XX вв. // Научные труды по иудаике. Материалы XIX Международной конференции по иудаике. Т. III. Вып. 42. М., 2012. С. 218–234.

⁸²⁶ См. *Гершензон М.О.* Письма к брату. М., 1927.

⁸²⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 15 об.

⁸²⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 16 об.

Аристотелевой Ἀθηναίων πολιτεία в биографиях Плутарха к изданному Британским музеем под этим же названием трактата» Гершензон был удостоен Большой золотой медали (1893) и премии Сазиковой (1894)⁸²⁹.

Медальные сочинения давали Гершензону право быть оставленным в университете, однако ему было отказано даже в просьбе подать документы для продолжения учебы. Чтобы поддержать юношу, Виноградов предложил ученику работу личным секретарем, а затем снабжал многочисленными переводами, за счет которых тот содержал фактически три семьи: родителей, брата и себя самого⁸³⁰.

В 1895 г. декан Казанского университета Д.Ф. Беляев обратился к Виноградову с просьбой указать кандидатуру на кафедру древней истории в Казани⁸³¹. Виноградов указал на Гершензона, и Беляев собирался в Петербурге добиться его назначения, однако это ему также не удалось⁸³².

Сблизившись с С.Т. Солдатенковым и братьями Сабашниковыми, Гершензон в их издательствах занимался переводами и рецензиями. Осознав, что в античной и средневековой истории не хватает источников для понимания внутреннего мира личности в ее неповторимости, Михаил Осипович увлекся жизнью русского общества XIX в., став очень своеобразным историком русского общества, стоявшим у истоков создания нашумевшего сборника «Вехи» (1909).

Неудачу потерпела попытка Виноградова оставить на кафедре и Василия Алексеевича Маклакова. Работа Маклакова «Избрание жребием должностных лиц в Афинском государстве», подготовленная в семинаре, посвященной разбору «Афинской политики» Аристотеля, наряду с сочинением Гершензона, была представлена Виноградовым к напечатанию в Ученых записках Московского Университета. В воспоминаниях Маклаков отзывался о Виноградове очень тепло: «Всем, что мне дал исторический факультет, я обязан был П. Г. Виноградову. Он

⁸²⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 15 об., Л. 42; Ф. 418, Оп. 476., Д. 21. Л. 35.

⁸³⁰ Дневниковые записи М.О. Гершензона (1894–1895, 1906/1907). Публ. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 9.

⁸³¹ Письмо М.О. Гершензона родным от 1 мая 1895 г. // *Гершензон М.О., Гершензон М.Б. Переписка, 1895–1924 / публ., вступ. ст. А.Л. Соболева. М., 2018. С. 97.*

⁸³² Там же. С. 98.

меня чуть не сделал историком. В моей памяти он и сейчас сохранился как идеал университетского преподавателя»⁸³³.

Согласно воспоминаниям, против оставления Маклакова решительно выступил попечитель университета Н.П. Боголепов, с которым у него в студенческие годы произошел конфликт⁸³⁴. По словам Маклакова, Виноградов уговаривал его «не смущаться отказом и готовиться к магистерскому экзамену»⁸³⁵, однако он осознал, что не является «кабинетным ученым»⁸³⁶ и не пытался продолжить академическую карьеру.

Первым учеником Виноградова, защитившим магистерскую диссертацию, стал Александр Николаевич Савин (о нем подробно в параграфе о Савине как о профессоре Московского университета).

Другим учеником Виноградова, еще до революции 1917 г. ставшим профессором, правда, в Казани, был Михаил Михайлович Хвостов. Он родился 14 октября 1872 г. в городе Керчи в семье юриста. Его отец Михаил Никифорович, окончивший в 1862 г. юридический факультет Московского университета, служил сначала в течение двух лет учителем истории и географии в Мариинском училище в Казани, а затем товарищем прокурора Симферопольского окружного суда. В 1874 г., когда его отец умер, будущему историку было всего два года. Воспитание троих детей легло на плечи матери – Марии Кирилловны⁸³⁷.

С 1883 по 1891 г. Хвостов учился в Керченской Александровской гимназии, окончив которую с золотой медалью стал студентом историко-филологического факультета Московского университета.

В университете Хвостов попал под влияние Виноградова. Тематика лекционных курсов Виноградова в 1890-е гг. (профессор читал о социально-экономических процессах в позднем Риме и исследовал проблему возникновения

⁸³³ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 174–175.

⁸³⁴ Маклаков. Из воспоминаний. С. 191. Маклаков передает его слова следующим образом: «Пока я попечителем, Маклакову кафедры не видать».

⁸³⁵ Там же. С. 193.

⁸³⁶ Там же. С. 196.

⁸³⁷ Грацианский Н. Памяти М.М. Хвостова // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1921. Вып. 2–3. С. 17–22.

колоната) определила научные интересы Хвостова. После завершения университетской учебы Хвостов был оставлен на кафедре всеобщей истории Московского университета для приготовления к профессорскому званию. В его представлении, написанном Виноградовым, говорилось: «Честь имею обратить внимание факультета на выдающиеся трудолюбие и способности окончившего курс с дипломом I-ой степени Михаила Хвостова. В течение четырех лет его пребывания в университете я имел случай следить за его занятиями, и позволяю себе дать самый лестный отзыв о нем. Более всего и успешнее всего г. Хвостов занимался историей Греции, которой посвящено, между прочим, и его комиссионное сочинение под заглавием «Внутренний кризис в Спарте III века». Уже в прошлом академическом году факультет удостоил г. Хвостова стипендии Милютина, которая дается отличному студенту IV курса, предназначенному на оставление при Университете. Позволяю себе ходатайствовать пред факультетом о таком оставлении г. Хвостова для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории: и об утверждении за ним стипендии Милютина еще на один год, согласно положению об этой стипендии»⁸³⁸.

В 1895 г. Хвостов начал преподавание в Константиновском межевом институте, вел уроки в женской гимназии С.А. Арсеньевой и А.Ф. Гросман. В 1897 г. он публикует первую работу по античной тематике «Сисахтия Солона и разложение эвпатридского землевладения». С этого момента внимание историка к социально-экономическим вопросам остается определяющим на протяжении всей его жизни.

Хвостов, как и Савин, был оставлен без министерской стипендии, и Виноградов только спустя два года смог исходатайствовать о назначении для него факультетской стипендии имени Володи Павлова⁸³⁹.

Хвостов одновременно с Савиным (февраль 1899 г.⁸⁴⁰) приступил к сдаче магистерского экзамена, однако сдал его позже: срок испытаний занял год. Сначала

⁸³⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 64. Д. 359. Л. 11.

⁸³⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 24. Л. 18.

⁸⁴⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 26. Л. 3.

Хвостов сдал Герье древнюю и новую историю, по средневековой истории вопросом о Генрихе Плантагенете его экзаменовал Виноградов. По русской истории Ключевский и А.П. Лебедев предложили Савину ответить о «Русской Правде». Завершилось испытание ответом Мануйлову об учении о ценностях⁸⁴¹. За все испытания Хвостов получил оценку «весьма удовлетворительно».

В отличие от Савина, Хвостов в год сдачи экзамена приступил к чтению пробных лекций. 29 и 30 сентября им были прочитаны две пробные лекции на темы: «Политические идеи маркиза д'Аржансона в связи состоянием Франции в середине XVIII века» (по собственному желанию) и «Хозяйственный был Спарты» (по назначению факультета)⁸⁴². Обе лекции получили наивысшую оценку, что помогло Хвостову стать приват-доцентом Московского университета.

Молодой ученый, также как и Савин, был привлечен Герье к участию в Историческом обществе⁸⁴³. По инициативе Ф.Г. Мищенко Хвостов был приглашен в Казанский университет, где и стал профессором, защитив для этого магистерскую и докторскую диссертации.

В 1901 г. выходит первая крупная работа ученого – «Хозяйственный переворот в древней Спарте»⁸⁴⁴. После публикации этого исследования Хвостов подробно начинает изучать проблематику экономической истории эллинистического и римского Египта, используя в качестве источников введенные в научный оборот папирусы.

В 1904 г. в «Ученых записках Казанского университета» Хвостов помещает статью «О постановке студенческих занятий в Оксфордском университете»⁸⁴⁵, фактически популяризуя метод семинарских занятий своего учителя – Виноградова, бывшего тогда оксфордским профессором.

⁸⁴¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 26. Л. 15, Л. 24, Л. 42; Д. 27. Л. 6, Л. 15 об.

⁸⁴² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 27. Л. 45–46.

⁸⁴³ НИОР РГБ. Ф. 70. Оп. 55. Ед. хр. 8. Л. 1.

⁸⁴⁴ *Хвостов М.М.* Хозяйственный переворот в древней Спарте. Казань, 1901.

⁸⁴⁵ *Хвостов М.М.* Постановка студенческих занятий в Оксфордском университете: из отчета о загранич. командировке с апр. 1902 г. по 1 сент. 1903 г. // Ученые записки Императорского Казанского Университета. Казань, 1904. Кн. 5/6. С. 163–172.

9 мая 1907 г. ученый защищает в Петербургском университете магистерскую диссертацию «История восточной торговли греко-римского Египта»⁸⁴⁶. Официальными оппонентами на защите диссертации выступили М. И. Ростовцев и Б. А. Тураев⁸⁴⁷.

Большой успех книги Хвостова стал причиной командирования его на Международный исторический конгресс в Берлине, который состоялся в ноябре 1908 г. Участие в работе конгресса позволило историку посмотреть на историческую науку «изнутри»⁸⁴⁸.

Итогом поездки стал доклад «О международной съезде историков в Берлине» в Обществе археологии, истории и этнографии Казанского университета⁸⁴⁹. Именно с этого момента можно проследить особый интерес Михаила Михайловича к методологии истории. Этой проблеме историк уделяет пристальное внимание, и в университетских лекциях, и на казанских ВЖК.

21 сентября 1914 г. в Санкт-Петербурге Хвостов защитил докторскую диссертацию «Очерк развития текстильной промышленности в греко-римском Египте»⁸⁵⁰, оппонентами которой вновь выступили Ростовцев и Тураев. В годы гражданской войны Хвостов оказался в Томском университете, где 11 февраля 1920 г. скончался от сыпного тифа.

Итак, в начале XX в. у Виноградова появились ученики, которые сдали магистерские экзамены в университете и защитили диссертации. Оставленные на кафедре в 1895 г. стали его самыми академически успешными учениками. Однако отдавая дань методической строгости учителя, получив от него темы исследования

⁸⁴⁶ *Хвостов М.М.* История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.

⁸⁴⁷ *Матвеева И.Н.* М.М. Хвостов как историк античности: дис... канд. истор. наук. Казань, 1970. С. 38.

⁸⁴⁸ *Старкова Н. Ю.* Проблемы истории Древней Спарты в трудах казанских антиковедов рубежа XIX–XX вв. // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: сб. науч. ст. и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинцев. Казань, 2005. С. 266–273.

⁸⁴⁹ *Хвостов М.М.* Международный Исторический конгресс в Берлине 6–12 августа (24–30 июля) 1908 г. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXV. Вып. 5. Казань, 1909.

⁸⁵⁰ *Хвостов М.М.* История восточной торговли греко-римского Египта. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. Казань, 1914.

(Савин продолжал английскую тему Виноградова, а Хвостов занимался греческой и эллинистической историей, что было специализацией Виноградова на кафедре всеобщей истории Московского университета), ученики не очень ценили организаторские способности учителя, а Савин так и вовсе переориентировался в ситуации между двумя революциями на Виппера. По воспоминаниям Богословского, после женитьбы на иностранке Виноградов все более и более стал отдаляться от студентов⁸⁵¹.

5.6. В.И. Герье и П.Г. Виноградов: сотрудничество в работе по подготовке научной смены

Успешный опыт коллективного оставления магистрантов в 1895 г. привел профессоров кафедры всеобщей истории к идее, что контроль за оставленными для приготовления к профессорству они будут осуществлять совместно. Ярче всего это проявилось на заседании Совета факультета 9 сентября 1898 г., когда Виноградов совместно с Корелиным представил сразу четырех кандидатов к оставлению: Николая Теплова, Владимира Потемкина, Михаила Коваленского и Александра Угримова⁸⁵². На заседании отсутствовал Герье⁸⁵³, поэтому Корелина, с которым Виноградов был в непростых отношениях, можно рассматривать как «человека Герье», которому Владимир Иванович делегировал свои полномочия поддержать кандидатуры Виноградова.

В декабре пришло разрешение из министерства на оставление Коваленского и Угримова⁸⁵⁴, а в феврале следующего года факультет получил аналогичное решение относительно Теплова и Потемкина⁸⁵⁵.

Все четыре прошения об оставлении впервые в практике кафедры были составлены по одному образцу, лапидарному и формальному, и напечатаны на

⁸⁵¹ *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 90–91.

⁸⁵² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 25. Л. 16.

⁸⁵³ Там же. Л. 1.

⁸⁵⁴ Там же. Л. 31.

⁸⁵⁵ Там же. Д. 26. Л. 3 об., Л. 4.

машинке, тогда как ранее все тексты писались от руки. Во многом это связано с бюрократизацией процедуры оставления, которая стала формироваться в 1890-е гг. Именно тогда Совет факультета принял решение о том, что отчеты оставленных на кафедре и ходатайства об оставлении надо рассматривать на первых факультетских заседаниях в учебном году, к которому следовало собрать все необходимые документы кандидатов.

Михаил Николаевич Коваленский еще студентом входил в число учеников Виноградова, которые активно помогали учителю в деле школьного просвещения. Однако при этом студент обладал и хорошим научным потенциалом. Так, одновременно с известием об оставлении при Университете Коваленский узнал, что представленное им на конкурс сочинение («О влиянии экономических условий на Реформацию в Германии») по рецензии Герье было удостоено золотой медали⁸⁵⁶. В том же заседании 16 декабря 1898 г. Герье и Виноградов успешно ходатайствовали о назначении Коваленскому стипендии имени Т.Н. Грановского⁸⁵⁷. Виноградов в конце 1900 г. ходатайствовал о продлении срока оставления Коваленскому еще на один год⁸⁵⁸, однако магистрант так и не преступил к сдаче экзамена.

В годы «аспирантуры» появились первые печатные работы Коваленского: они вышли в издании Исторического общества при Московском Университете под редакцией Герье⁸⁵⁹. Работы пользовались успехом, и Коваленский обсуждал с Герье их переиздание в другом издательстве, а также приглашал маститого историка к участию в своих проектах⁸⁶⁰.

---

⁸⁵⁶ Там же. Д. 25. Л. 31.

⁸⁵⁷ Там же. Л. 31 об.

⁸⁵⁸ Там же. Д. 27. Л. 55.

⁸⁵⁹ *Коваленский М. Н.* В первый раз кругом света: для чтения / сост. М. Н. Коваленский; под ред. В. И. Герье. Историч. о-во при Имп. Моск. ун-те. М., 1900; *Коваленский М. Н.* Последний царь ацтеков: Три чтения / сост. М. Коваленский; под ред. В. И. Герье. Историч. о-во при Моск. ун-те. М., 1901.

⁸⁶⁰ НИОР РГБ Ф. 70. К. 46. Ед. хр. 76. Л. 1–10. Переписка Коваленского и Герье.

Коваленский стал известным педагогом в дореволюционную эпоху⁸⁶¹, однако настоящий карьерный прорыв случился у него после революции 1917 г. В новую эпоху ученик Виноградова работал в центральных органах народного образования РСФСР: в Главполитпросвете и ГУС Наркомпроса РСФСР; преподавал в ГИГУ, Центральном гуманитарно-педагогическом институте, Горном институте. В духе идей М.Н. Покровского Коваленский разрабатывал программы преподавания истории и обществоведения в советской школе 2-й ступени, а также написал выдержавшее 17 изданий пособие для школ 1-й ступени «Вчера и завтра. Как и откуда взялась новая красная Россия» (М., 1923). Это был своего рода «большевистский Иловайский». Коваленский подготовил также книгу «Русская революция в судебных процессах и мемуарах» (М., 1923–25, кн. 1–4). При этом лучшим исследовательским трудом Коваленского специалисты считают работу «Москва в истории и литературе». (М., 1916).

Еще одним оставленным в 1898 г. был Владимир Петрович Потемкин. Он родился 7 октября 1874 г.⁸⁶², в семье врача, заметного общественного деятеля города Твери, погибшего в 1905 г.

По окончании Тверской классической гимназии Владимир Потемкин в 1893 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где специализировался на гебраистике. Участь в университете, он принимал активное участие в студенческих марксистских кружках, был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму за связь со студенческим движением, что, однако, не помешало успешному оставлению Потемкина на кафедре, которое было утверждено в 1899 г.⁸⁶³. Одновременно, благодаря рекомендации учителей, ученый был приглашен преподавателем в Московскую 7-ю гимназию.

---

⁸⁶¹ При этом новаторские учебники Коваленского не были допущены к распространению в средней школе. См.: *Волобуев О.В.* Школьные учебники начала XX в. по русской истории: Функциональность и типология // *Российская история.* 2014. № 1. С. 107–108.

⁸⁶² Из-за отсутствия метрики, подтверждающих дату рождения, В.П. Потемкин указывал в автобиографических записях и официальных документах дату своего рождения по памяти и считал таковой 1877 г. (АРАН. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1. Автобиография В.П. Потемкина. Л. 1). Новая дата установлена по метрическим книгам. См. *Соколов В.В.* В.П. Потемкин (1874–1946): дипломат и ученый // *Новая и новейшая история.* 2007. № 5. С. 89.

⁸⁶³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 26. Л. 3 об., Л. 4; Оп. 67. Д. 350.

На второй год магистратуры благодаря ходатайству Виноградова Потемкину была присуждена премия имени Володи Павлова⁸⁶⁴. Виноградов продлил срок оставления Потемкину на третий год, указав, что стипендиат активно занимается согласно инструкции, изучив 6 вопросов⁸⁶⁵, однако к магистерскому экзамену Потемкин так и не приступил.

Мельгунов отметил, что Потемкин и его супруга были активными членам кружка, занимавшегося составлением популярных брошюр по истории для народа⁸⁶⁶. Редактировать брошюры члены кружка просили Герье и самые удачные из них публиковались от имени Исторического общества. Помимо этого Герье помогал Потемкину в издании сборника «Помощь» в пользу голодающих евреев⁸⁶⁷. Впрочем, академическая карьера Потемкина до революции не сложилась, и его карьерный рост приходится на постреволюционную эпоху.

После Октября 1917 г. Потемкин стал представителем советской номенклатуры. Признанием его заслуг стали назначения первым заместителем наркома иностранных дел СССР (1937) и министром просвещения РСФСР (1940), избрание в академики (1943) и избрание президентом Академии педагогических наук РСФСР (в том же 1943).

Оставленные в 1898 г. Угримов и Теплов, хотя и находились под влиянием Виноградова в студенческие годы, однако в годы магистерства все более сближались с Герье.

Александр Иванович Угримов был выпускником 3-й московской гимназии⁸⁶⁸. Будучи студентом VI семестра он в качестве зачетного сочинения с одобрения Виноградова выбрал тему «Цеховой строй немецких городов XIII–XV веков»⁸⁶⁹. Среди документов, представленных к оставлению при Университете, значились три его работы: «Экономическая борьба цехов XIV и XV века», «Очерк

---

⁸⁶⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 27. Л. 17 об.

⁸⁶⁵ Там же. Оп. 67. Д. 350. Л. 17.

⁸⁶⁶ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. С. 96–97. См. письмо Потемкина к Герье: НИОР РГБ. Ф. 70. К. 50. Ед. хр. 99. Л. 3–Л. 4 об.

⁸⁶⁷ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 50. Ед. хр. 99. Л. 1–2.

⁸⁶⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 67. Д. 362. Л. 12.

⁸⁶⁹ Там же. Оп. 476. Д. 24. Л. 6.

истории возникновения и организации союзов подмастерий в немецких городах XIV–XV века», «Афины и их союзники»⁸⁷⁰. На последнем курсе вместе с Коваленским он был награжден книжной премией Внуковского⁸⁷¹.

Факультет не представлял Угримова к заграничной поездке, однако он самостоятельно выехал в Лейпциг, где, видимо, собирался совмещать подготовку к магистерскому экзамену и получение агрономического образования⁸⁷², однако полностью сосредоточился на последнем и к экзамену уже не приступил. В результате Виноградов не представлял Угримова к оставлению на третий год. В Лейпциге он стал доктором биологии⁸⁷³. Однако связь с факультетом он не терял, выполняя научные поручения Герье⁸⁷⁴.

В 1898 г. Герье из Лейпцига пришло письмо от Угримова и ученика Герье Ивана Иванович Шитца⁸⁷⁵, в котором они тепло поздравляют профессора с сорокалетием ученой и педагогической деятельности⁸⁷⁶. Угримов писал Герье: «Имея впереди и готовясь к общественной деятельности в деревне, я хочу назвать себя счастливым за те взгляды и за то мировоззрение, которым научился у своего любимого учителя; я знаю к чему надо стремиться при деятельности в обществе, знаю, во что нужно верить, имея перед собой пример человека, неуклонно следовавшему в продолжении стольких лет трудовой и поистине просвещенной деятельности – принципам гуманности и самостоятельной свободы. И вот теперь – в день Вашего торжества – я хочу поблагодарить Вас – мой уважаемый учитель – за то, что Вы сообщили мне и воспитывали во мне идеалы, стремление к которым теперь – в дни моего расцветшего счастья – доставляет мне еще большую радость и удовлетворение, а в дни горя, которое неизбежно на земле – будет приносить

⁸⁷⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 67. Д. 362. Л. 9.

⁸⁷¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 25. Л. 1.

⁸⁷² Угримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту / сост., предисл. и коммент. Т.А. Угримовой. М., 2004. С. 375.

⁸⁷³ Угримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. С. 376.

⁸⁷⁴ Письма Угримова к Герье. НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед хр. 40.

⁸⁷⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 67. Д. 351. Л. 8. Ходатайство об оставлении подписано Герье, Виноградовым и Корелиным. В дневнике Савина за 1908 г. сообщается, что «Шитц давно уже отстал». См.: Савин. Университетские дела. Дневник. С. 29.

⁸⁷⁶ НИОР РГБ. Ф. 70. К 56. Ед. хр. 42. Л. 9–Л. 12 об.

утешение»⁸⁷⁷. Угримов после возвращения из-за границы станет завсегдаем в семье Герье: его сына крестят в доме профессора в Гагаринском переулке, крестным отцом станет один его учеников Сергей Андреевич Котляревский⁸⁷⁸.

В Москве Угримов прошел путь от секретаря до президента Московского общества сельского хозяйства (1906–1922), а осенью 1922 г. был выслан из СССР. В Германии ученый работал консультантом по сельскому хозяйству и читал лекции по истории сельского хозяйства и географии растениеводства в Берлинском университете (1927–1936). В 1948 г. он вернулся в СССР и работал агрономом⁸⁷⁹.

Трагически сложилась судьба Николая Васильевича Теплова. Большинство стипендиатов представляли в документах об оставлении выпускное и зачетные сочинения последних курсов, посвященные различным проблемам всеобщей истории. Теплов был один из немногих, кто представил работы не только по всеобщей («Социально-экономические деления и парии в Аттике в первой половине VI века»), но и по русской истории («Критический разбор взглядов С. Соловьева, К. Кавелина и профессора В. Сергеевича на политический строй древней Руси до конца XII века»)⁸⁸⁰. Виноградов и Герье ходатайствовали о назначении одной из факультетских стипендий Теплому⁸⁸¹.

Наряду с другими учениками Виноградова Теплов участвовал в заседаниях Исторического общества под руководством Герье⁸⁸². В годы оставления при университете появились первые печатные работы, которые родились из докладов, сделанных в обществе⁸⁸³. Находясь под влиянием различных социологических идей, Теплов хотел представить культуру как самостоятельный предмет изучения.

⁸⁷⁷ НИОР РГБ. Ф. 70. К 56. Ед. хр. 42. Л. 10–Л. 10 об.

⁸⁷⁸ Угримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. С. 387.

⁸⁷⁹ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923 / вступ. ст., сост. В. Макарова, В. Христофорова; коммент. В. Макарова. М., 2005. С. 495–496.

⁸⁸⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 67. Д. 351. Л. 5.

⁸⁸¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 25. Л. 31 об.

⁸⁸² См. письма Теплова к Герье. НИОР РГБ. Ф. 70. К. 53. Ед. хр. 63.

⁸⁸³ Теплов Н.В. Схоластика как культурно-психологическое явление // Вопросы философии и психологии. М., 1901. Кн. 58; Теплов Н. В. Что такое культура и что такое гениальность с точки зрения развития культуры (Докл., чит. в заседании Ист. о-ва 24 марта 1902 г.). Историч. о-во при Моск. ун-те. М., 1902; Теплов Н.В. Классификация социальных наук в связи с типичными формами социальной организации. М., 1903.

Он определял «совокупность приспособлений к жизни, усваиваемых человеком через трансляцию—общение с другим человеком». Теплов выделил четыре вида культуры: «материальная культура – приспособление внешних объектов к удовлетворению человеческих потребностей; социальная культура – установление определенных отношений с себе подобными; духовная культура – формирование представлений и установление связей между ними; коммуникативная культура – совокупность средств общения между индивидами, включая язык»⁸⁸⁴. Теплов сформулировал общий закон культурного развития: культурные приобретения передаются независимо от биологической наследственности через коммуникацию, поэтому культурное развитие человека не совпадает с биологическим. Методом исследования исторической культуры Теплов считал сравнительный анализ текстов⁸⁸⁵.

Герье доверил Теплову ведение практических занятий на факультете, однако уже тогда, по воспоминаниям Мельгунова, были заметны следы душевной болезни, которая приведет молодого ученого к ужасной смерти⁸⁸⁶. В 1905 г. он сначала убьет своего пятилетнего сына, чтобы впоследствии он не страдал неврастенией, как его отец, а затем себя. В предсмертном письме Теплов написал, что в том положении, в котором сейчас находится, не может служить науке⁸⁸⁷.

Два сильных ученика были оставлены Виноградовым в 1900 г., незадолго до эмиграции.

Одним из них был Николай Васильевич Никольский. Он родился 13 ноября 1877 г. в Москве. Его отцом был Михаил Васильевич Никольский (1848–1917),

⁸⁸⁴ *Теплов Н.В.* Классификация социальных наук в связи с типичными формами социальной организации. М., 1903. См. также: *Трошин А.Т.* Теплов Николай Васильевич (1870–1905) // *Культурология. XX в. Энциклопедия.* Т.1. СПб., 1998. С. 253–254.

⁸⁸⁵ *Теплов Н.В.* Схоластика как культурно-психологическое явление // *Вопросы философии и психологии.* М., 1901. Кн. 58; *Теплов Н.В.* Что такое культура и что такое гениальность с точки зрения развития культуры. М., 1902; *Теплов Н.В.* Классификация социальных наук в связи с типичными формами социальной организации. М., 1903.

⁸⁸⁶ *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. С. 112. См. письмо К.Н. Успенского к Герье: «Какой ужасный конец постиг Теплова. Просто не верится». НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 51. Л. 1.

⁸⁸⁷ У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 1: 1904–1905 // *Литературное наследство / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького.* М., Т. 90. С. 167–168.

библеист, востоковед, родоначальник русской ассириологии. В 1887 г., будучи секретарем созданной по его инициативе Восточной комиссии при Императорском московском археологическом обществе, Михаил Васильевич начал изучать урартскую письменность, возглавил экспедицию в русскую часть Армении для изучения древних надписей. М.В. Никольский преподавал в Московском Университете еврейский язык и ассириологию.

В 1896 г. его сын – Николай Никольский окончил 6-ю московскую гимназию с золотой медалью и в том же году поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Московского Университета. Уже в студенческие годы Николай начал специализироваться в области Древней истории, особенно по истории Востока.

Окончив в 1900 г. учебный курс, Никольский был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию по прошению Виноградова: «Покорнейше прошу Факультет ходатайствовать об оставлении при Университете по кафедре всеобщей истории для приготовления к профессорскому званию окончившего курс с дипломом I-ой степени Николая Никольского. Г. Никольский с выдающимся прилежанием и успехами занимался в Университете. Преимущественно интересуется он историей Востока, но на семинариях по всеобщей истории он обнаружил также интерес к историческим вопросам других эпох и сделал все возможное, чтобы приобрести хорошее общеисторическое образование. Насколько я могу судить, выпускное сочинение его о Маккавеях выполнено прекрасно, с редкой для студенческого сочинения полнотой и самостоятельностью. Факультет уже наметил Никольского к оставлению при Университете, назначив ему в прошлом году стипендию Милютина, которая предназначена для студентов старшего курса, имеющих быть оставленными, и закрепляется за получавшим ее на второй год, если он будет оставлен при Университете. Ходатайствуя об оставлении Никольского, я в тоже время прошу

Факультет представить в Правление о сохранении за ним этой стипендии на второй год⁸⁸⁸».

После окончания университета и еще до утверждения документов об оставлении, Никольский обратился со словами благодарности к Герье: «Считаю долгом и потребностью сердца хоть письменно поблагодарить Вас за все то доброе и хорошее, чему научился я от Вас во время пребывания в Университете. Правда, занимался я главным образом у Павла Гавриловича; но никто более Вас не имел на меня и на моих товарищей доброго воспитательного влияния. Вы воспитывали в нас людей, заражая нас на своих лекциях и беседах Вашим светлым идеализмом, хранить который, по Вашему завету, я постараюсь всю свою жизнь. Выходя из Университета, я не лишен надежды продолжить под руководством Павла Гавриловича и Вашим свою работу по изучению истории; надеюсь, что Вы не лишите меня возможности обращаться к Вам за советами и указаниями»⁸⁸⁹. Никольский прибегал к помощи Герье и далее⁸⁹⁰.

До магистерского экзамена Никольский не дошел. В 1900–1918 гг. он служил преподавателем истории в частной женской гимназии О.Ф. Протопоповой, а также давал уроки в других учебных заведениях Москвы. В это время Никольский плотно занимался вопросами методики преподавания в школе, переиздал учебную книгу П.П. Мельгунова «Первые уроки истории».

С научными докладами, отражающим ход его исследовательской работы, Никольский обычно выступал в Обществе имени Чупрова⁸⁹¹ и в Археологическом обществе.

Как ученый Никольский знакомил читающую публику с достижениями критического толкования Библии. Находясь под влиянием школы Ю. Вельхаузена, он перевел его «Введение в историю Израиля» (СПб., 1909), которую снабдил свои заключениями и выводами, полученными в работах «Иудея

⁸⁸⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 69. Д. 434. Л. 10.

⁸⁸⁹ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 49. Ед. хр. 67. Л. 1–Л. 1 об.

⁸⁹⁰ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 49. Ед. хр. 67. Л. 2.

⁸⁹¹ О неудачной попытке доклада см. *Савин А.Н.* Университетские дела. С. 267–268.

при Маккавеях и Асмонеях» (1901), «Царь Давид и псалмы» (1908). Чуть позже вышла еще одна обобщающая работа исследователя – «Древний Израиль» (1911).

Изучение истории Нового завета отражено Никольским в работах «Раннее христианство» (1908), «Иисус и первые христианские общины» (1918), «Мировой и социальный переворот, по воззрениям раннего христианства» (1922) и др.

После Октябрьской революции Никольский был приглашен работать в Социалистическую академию общественных наук в Москве, а затем в 1918 г. во вновь организованный Смоленский Государственный Университет профессором по кафедре истории религии. Чуть позже он стал ректором этого учебного заведения⁸⁹².

В июле 1922 г. Никольский переехал в Минск, где стал профессором Древней истории в Белорусском Государственном Университете (БГУ). В 1933 г. Никольский написал первый учебник по древней истории для школы⁸⁹³. 4 декабря 1946 г. Н.М. Никольский был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению истории и философии со специализацией по древней истории и истории Древнего Востока.

---

⁸⁹² *Малюгин О.И.* Смоленский период в жизни и деятельности Н.М. Никольского (по архивным материалам и воспоминаниям современников) // Россия и Беларусь. История и культура в прошлом и настоящем. Смоленск, 2016. С. 112–123.

⁸⁹³ *Малюгин О.И.* Н.М. Никольский и создание первого советского учебника по древней истории для школ // Сб. науч. ст. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященный 85-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / под общ. ред. проф. Я. Г.Солодкина, Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2015. С. 218–219.

5.7. Диссертационная культура московских историков во второй половине XIX – начале XX вв.

5.6.1. Тематика диссертационных исследований и формирование общих подходов к диссертациям как научным исследованиям

В диссертационных работах выпускников университета, начавших обучение еще до принятия Устава 1863 г. и защитившихся в период между 1861 и 1884 гг., ощущается влияние идей С.М. Соловьева⁸⁹⁴, занимавшего в это время исключительное положение в Московском университете. В центре исследований историков круга Соловьева вопрос о роли Москвы в объединении русских земель, воссоединение Украины с Россией, а также проблемы колонизации. Более того, в исследовательской литературе имеется утверждение, что В.И. Герье, писавший магистерскую работу по всеобщей истории, ориентировался на указания С.М. Соловьева, связав тему своей работы с историей России. Л.П. Лаптева утверждала, что тема магистерской диссертации Герье – «Борьба за польский престол в 1733 году» – «была рекомендована его учителем С.М. Соловьевым, считавшим, что всеобщие историки должны брать темы для исследований, так или иначе соприкасающиеся с русской историей»⁸⁹⁵. Среди последователей Соловьева, написавших исторические диссертации, два исследователя, закончивших юридический факультет – Г.Ф. Карпов и Г.И. Перетяткович, но затем ставших историками.

Таблица № 3

Диссертации, защищенные выпускниками Московского университета, в 1861–1884 гг.

Год защиты	Полученная степень	Специализация	ФИО диссертанта	Тема диссертации

⁸⁹⁴ М.Н. Петров был ученым Харьковского университета, защищавшемся в Москве.

⁸⁹⁵ Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837–1919). Материалы научной конференции. Москва 18–19 мая 2007 г. М., 2007. С. 65.

1861	магистр	русская история	Попов Нил Александрович	В.Н.Татищев: Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия
1862	магистр	всеобщая история	Герье Владимир Иванович	Борьба за польский престол в 1733 г.
1865	Доктор	всеобщая история	Петров Михаил Назарович	Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции: сравнительное историко-библиографическое обозрение
1865	магистр	всеобщая история	Георгиевский Александр Иванович	Галлы в эпоху Юлия Цезаря
1867	магистр	русская история	Карпов Геннадий Федорович	История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. Ч. 1–2.
1868	доктор	всеобщая история	Герье Владимир Иванович	Лейбниц и его век
1869	магистр	всеобщая история	Трачевский Александр Семенович	Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов
1869	Доктор	русская история	Попов Нил Александрович	Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г.

1870	Доктор	русская история	Карпов Геннадий Федорович	Критический обзор разработки главных русских источников до истории Малороссии относящихся, за время: 8 января 1654 – 30 мая 1872.
1870	Доктор	русская история	Иловайский Дмитрий Иванович	Гродненский сейм 1793 г.: Последний сейм Речи Посполитой
1872	магистр	русская история	Ключевский Василий Осипович	Древнерусские жития святых как исторический источник
1877	магистр	русская история	Перетяткович Георгий Ивановвич	Поволжье в XV и XVI вв.: Очерки из истории края и ее колонизации.
1878	магистр	всеобщая история	Пирогов Владимир Николаевич	Исследование по римской истории преимущественно в области третьей декады Ливия
1879	магистр	всеобщая история	Кареев Николай Иванович	Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.: Историческое исследование
1881	магистр	всеобщая история	Виноградов Павел Гаврилович	Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии
1882	доктор	русская история	Перетяткович Георгий Ивановвич	Поволжье в XVII и начале XVIII в.: Очерки из истории колонизации края

1882	доктор	русская история	Ключевский Василий Осипович	Боярская дума Древней Руси
1884	доктор	всеобщая история	Кареев Николай Иванович	Основные вопросы философии истории

Работы Карпова касались вопроса о присоединения Украины к России⁸⁹⁶ и стали актуальными в связи с политическими событиями в 1863–1864 гг. До конца жизни (оставил службу в Харьковском университете, где был доцентом до 1871 г.) историк публиковал источники по истории Малороссии⁸⁹⁷, был связан с ОИДР. Родственники Карпова после смерти исследователя передали капиталы для учреждения именной научной стипендии памяти историка. Магистерская и докторская диссертации Г.И. Перетятковича также объединены одной темой – колонизацией Поволжья.

Магистерская диссертация Попова осталась единственной в дореволюционной практике историков Московского университета, где в центре исследования была историографическая тема (В.Н. Татищев) и проблемы развития исторического знания в России. Докторская диссертация Попова формально относилась к русской истории, но по большому счету касалась проблем сербской истории.

Кардинальным образом тематика работ русских историков меняется после двух защит Ключевского. Сами по себе диссертации Ключевского давали примеры филигранного исследования источников, были интересны постановкой проблемы исследования, однако не сформировали образцовых примеров научных монографических исследований, вызывая критику университетских историков и юристов за пределами Москвы, которым казалось, что докторская диссертация

⁸⁹⁶ Лазарев Я.А., Ившин В.С. Интеграция Малой России и ее статус в трудах Г.Ф. Карпова (1839–1890 // Славяноведение. 2021. № 2. С. 115–130; Агейчева Т.В. В.О. Ключевский и Г.Ф. Карпов: дружба длиною в жизнь // Ключевские чтения – 2022. Россия выбирает путь: Материалы Международной научной конференции молодых ученых. Сб. науч. тр., Москва, 18–19 марта 2022 г. / отв. ред. В.Е. Воронин. М., 2022. С. 16–20.

⁸⁹⁷ ЧОИДР. 1892. I (742). С. 43.

Ключевского выросла из его лекционного курса, что было близко к действительности. После Ключевского, если исключить внешние для Москвы работы Д.И. Багалея и В.И. Семевского, Н.Н. Фирсова, можно свидетельствовать об определенном тематическом единстве диссертационных исследований, защищенных в Москве.

Таблица № 4

**Диссертации по истории, защищенные в Московском университете в
1887–1918 гг.**

Год защиты	Полученная степень	Специализация	ФИО диссертанта	Тема диссертации
1887	доктор	русская история	Багалея Дмитрий Иванович	Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 1. История и колонизация
1888	доктор	русская история	Семевский Василий Иванович	Крестьянский вопрос в России XVIII и первой половине XIX века
1890	магистр	русская история	Якушкин Вячеслав Евгеньевич	Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX веках
1892	магистр	русская история	Милюков Павел Николаевич	Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого

1894	магистр	русская история	Любавский Матвей Кузьмич	Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени первого Литовского статута
1896	магистр	русская история	Фирсов Николай Николаевич	Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия: Очерки по истории торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений
1900	магистр	русская история	Рожков Николай Александрович	Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке
1900	доктор	русская история	Любавский Матвей Кузьмич	Литовско-Русский сейм
1902	магистр	русская история	Богословский Михаил Михайлович	Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727
1903	магистр	русская история	Кизеветтер Александр Александрович	Посадская община в России XVIII ст.
1906	магистр	русская история	Готье Юрий Владимирович	Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси

1909	доктор	русская история	Кизеветтер Александр Александрович	Городовое положение Екатерины II. 1785 г.
1909	доктор	русская история	Богословский Михаил Михайлович	Земское самоуправление на русском Севере XVII в.
1911	доктор	русская история	Лаппо Иван Иванович	Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: Литовско-русский повет и его сеймик
1913	доктор	русская история	Готье Юрий Владимирович	История областного управления в России от Петра I до Екатерины II
1916	магистр	русская история	Флоровский Антон Васильевич	Состав законодательной комиссии 1767-1774 гг.
1917	магистр	русская история	Яковлев Алексей Иванович	Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очер из истории обороны южной окраины Московского государства
1917	доктор	русская история	Яковлев Алексей Иванович	Приказ сбора ратных людей
1918	магистр	русская история	Пичета Владимир Иванович	Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-русском государстве

В 1894 г. магистерскую диссертацию «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута» защитил М.К. Любавский. Его докторская – «К истории литовско-русского сейма» – стала продолжением предыдущего исследования. Работы Любавского сделали Московский университет центром исследований по литовско-русскому государству, которые в дальнейшем были продолжены в работах И.И. Лаппо и В.И. Пичеты, что дало начало активному изучению Литовской метрики как исторического источника в сообществе московских историков⁸⁹⁸.

Первой работой в Москве, написанной с привлечением писцовых книг как особого вида источника, стала диссертация Н.А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.»⁸⁹⁹. Позже работа по изучению этого источника продолжилась в трудах Готье и исследованиях С.Б. Веселовского. Интересно отметить, что и М.М. Богословский свое медальное сочинение также писал по писцовым книгам.

Важной с точки зрения формирования проблемного поля исследований русских историков Московского университета рубежа веков стала магистерская диссертация Милюкова. Как считал сам Павел Николаевич, на постановку проблемы работы оказали влияние «новые взгляды на задачи исторической науки», усвоенные под влиянием П.Г. Виноградова» и его желание ворваться «в самую гущу споров между западниками и славянофилами», объяснив значение Петровской реформы⁹⁰⁰.

---

⁸⁹⁸ Мегем М.Е., Вакар М. Дореволюционная и советская историография средневековой Литвы в трудах современных российских историков // Балтийский регион. 2014. № 4(22). С. 126–136; Мегем М.Е. История Литвы в дореволюционной отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 68–76.

⁸⁹⁹ В историографии обращение к писцовым книгам рассматривается как демонстрация верности научной программе «школы Ключевского». Гришина Н.В. «Школа В. О. Ключевского»... С. 108.

⁹⁰⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 105. Виноградовский семинар «направлял исследователя в область архивного материала по истории учреждений и быта», который почти не был затронут учеными на русском материале.

В основу работу Милюков положил тезис о европеизации России как продукте внутренней эволюции, задержанной условиями внутренней среды: «Мне посчастливилось провести эту идею, не только не ломая материала, но и найдя в нем обильные и неопровержимые доказательства правоты моей постановки. Истина выходила как-то сама собой из ряда сопоставлений вновь найденного материала, – сопоставлений, совершенно неожиданных для меня самого – и тем более объективных»⁹⁰¹.

После работ Якушкина и Милюкова изучение XVIII в. (Кизеветтер, Богословский, Готье; специально для защиты работы по екатерининской эпохе приехал в Москву одесский магистрант – А.В. Флоровский⁹⁰²) стало визитной карточкой ученых Московского университета. Активное изучение этой эпохи на архивном материале отличало московских историков от петербургских, как правило, не любивших обращаться к вопросам новой русской истории XVIII–XIX вв.

Можно утверждать, что в центре программы исследований московских историков, занимавшихся XVIII в., стала проблема реформирования в России в эпоху нового времени, изучавшаяся как имеющая социальные основания (эти идеи в методологическом плане связывали с влиянием Ключевского и Виноградова).

Ключевский, который собственными диссертациями для формирования этой программы сделал не так много, подчеркивал мысль, что идеи таких исследований завещаны московским историкам Соловьевым и пытался обосновать эту программу в мемориальных статьях о Сергее Михайловиче. Ученики Ключевского и выпускники московской школы историков считали, что проблемное поле исследований московских историков создано общими курсами Ключевского, где проблема взаимодействия старой и новой России – одна из центральных. В рамках

---

⁹⁰¹ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 106.

⁹⁰² Афиани В.Ю., Лаптева Т.Н. Мастера российской историографии: Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) // Исторический архив. 2013. № 3. С. 149–163; Лаптева Т.Н. Научное наследие А.В. Флоровского (1884–1968) в Архиве РАН // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 270–287.

этой программы изучалось взаимодействие идей реформаторов XVIII в. и русского общества.

Одной из методических проблем, постоянно дискутируемой защитившимися после Ключевского, был вопрос о характере соединений сырого архивного материала и концептуальных обобщений в диссертационном исследовании. Так, Кизеветтер в обеих диссертациях стремился к написанию «картины известного исторического процесса на основании мозаического подбора мельчайших фактов, рисующих повседневное течение былой действительности»⁹⁰³. Исходя из этих же идей Александр Александрович, оценивая диссертацию Богословского, писал, что «исследовательский талант Богословского проявился во всей силе в том, что он сумел изваять из этой громадной глыбы архивных документов стройное скульптурное изображение мирского быта северного русского Поморья и осветил при этом многие стороны этого быта, ранее представлявшиеся ученым в довольно туманных очертаниях»⁹⁰⁴.

Однако филигранная работа с источниками (а ученики Ключевского активно стали использовать материалы делопроизводства для изучения общественных явлений), то есть подготовительная часть труда, в трудах московских историков не должна была затемнять общий взгляд на ход русской истории. Следовательно, от исследования требовались концептуальные обобщения. Так, Богословский критически писал, что «вообще, в постановке диссертаций по русской истории у нас много ненормального. Темы для них выбираются довольно случайно, без всякой взаимной связи. Молодой ученый блуждает некоторое время по разным дебрям, пока на что-нибудь не набредет, пока его случайно не осенит какая-нибудь мысль, за которую он ухватится, пока не оказывается, что она практически по недостатку материала или, наоборот, по его чрезмерному количеству, или иной какой-либо причине не осуществима и он принужден ее бросить, истратив понапрасну время и энергию»⁹⁰⁵.

---

⁹⁰³ Кизеветтер А. А. На рубеже столетий. С. 190.

⁹⁰⁴ Там же. С. 199.

⁹⁰⁵ Богословский М.М. [Ключевский-педагог]. С. 49–50.

Вероятно, именно последним соображением можно объяснить тот факт, что в работах историков Московского университета круга Ключевского особое внимание уделялось объяснению выбора источников, использованных в работе⁹⁰⁶. Как справедливо отмечает Н.В. Гришина, именно московские историки рубежа веков (Миллюков, Богословский, Готье, Веселовский) подняли на новый уровень в диссертационных исследованиях вопрос о презентации источников для исследований. Москвичи, как правило, использовали в своих работах больший круг источников⁹⁰⁷, чем петербуржцы. При этом москвичи пытались объяснить – почему для создания синтетической картины исследования необходимо множество источников разного происхождения. Так, например, Богословский объясняет привлечение архивного материала центральных и областных учреждений для диссертации «Областная реформа Петра Великого» тем, что сочетание этих документов позволяет более точно реконструировать реальный ход дел изучаемого процесса⁹⁰⁸

Такой же синтетический подход при написании диссертационных исследований был у московских всеобщих историков, которые за исключением А.И. Георгиевского и А.С. Трачевского, формировались под воздействием исследовательских программ Герье и Виноградова.

Таблица № 5

Диссертации по всеобщей истории, защищенные в Московском университете в 1887–1918 гг.

Дата защиты	Полученная степень	ФИО диссертанта	Тема диссертации
-------------	--------------------	-----------------	------------------

⁹⁰⁶ Диссертационная культура роиссийского историко-научного сообщества. Опыт практики подготовки и защит диссертаций. XIX – начало XX в. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М., СПб., 2022. С. 378–382

⁹⁰⁷ Н.В. Гришина отмечает, что если у Миллюкова, Любавского, Рожкова упоминаются от 11 до 15 источников, на которых построено исследование, то у М.М. Богословского и А.А. Кизеветтера – до 40–50. Диссертационная культура. С. 378

⁹⁰⁸ *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. С. V–VII. Диссертационная культура. С. 379.

16 мая 1887 г.	доктор	Виноградов Павел Гаврилович	Исследование по социальной истории Англии в средние века
10 мая 1892 г.	доктор	Корелин Михаил Сергеевич	Ранний итальянский гуманизм и его время. Критическое исследование
14 мая 1894 г.	доктор	Виппер Роберт Юрьевич	Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма: Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI в.
15 марта 1895 г.	магистр	Иванов Иван Иванович	Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII в.
19 февраля 1901 г.	магистр	Ардашев Павел Николаевич	Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774–1789 гг.: Провинциальные интенданты. Историческое исследование по архивным данным. СПб., 1900.
14 октября 1901 г.	доктор	Иванов Иван Иванович	Сен-Симон и сенсимонизм
4 ноября 1901 г.	доктор	Петрушевский Дмитрий Моисеевич	Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии
26 апреля 1901 г.	магистр	Котляревский Сергей Андреевич	Францисканцы и Римская курия
20 января 1903 г.	магистр	Щепкин Евгений Николаевич	Русское-австрийский союз во время Семилетней войны 1746–1758 гг.: Исследование по данным Венского и Копенгагенского архива
18 февраля 1904 г.	магистр	Савин Александр Николаевич	Английская деревня в эпоху Тюдоров
29 октября 1904 г.	доктор	Котляревский Сергей Андреевич	Ламменэ и новейший католицизм

2 апреля 1907 г.	магистр	Савин Александр Николаевич	Английская секуляризация
14 мая 1915 г.	магистр	Егоров Дмитрий Николаевич	Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1. Материал и метод.
28 февраля 1916 г.	доктор	Егоров Дмитрий Николаевич	Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 2. Процесс колонизации

У Герье были ученики, работающие в рамках общей темы с учителем – «старый порядок и революция» (Кареев, Ардашев), но в целом наблюдался очень широкий разброс проблем всеобщей истории: от моделей феодализма (Виноградов) и нищенствующих средневековых орденов (Котляревский) в эпоху средневековья (сюда можно отнести и Виппера с его диссертацией о Кальвине) до идей социализма в католической церкви (Котляревский). В работах учеников Виноградова стала проглядывать специализация по английской истории с интересом к социальным и экономическим проблемам.

В течение изучаемого периода не было установлено формальных требований к объему и структурным элементам диссертации. Если корелинская работа превышала 1000 страниц, то диссертация Рожкова была небольшой⁹⁰⁹. Если ни в одной из диссертаций Ключевского не было историографического раздела, то историографическое введение к диссертации Корелина фактически было отдельной монографией, что подчеркнул в отзыве Герье, предложив видеть в работе Корелина несколько произведений сразу.

Общей тенденцией учеников Герье и Ключевского было писать работы на архивном материале. Однако Якушкин в кругу русских историков Московского университета и Иванов – историк-всеобщник у Герье – от этого требования в своих работах отклонились, что вызвало неодобрение у представителей сообщества

⁹⁰⁹ Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. Опыт практики подготовки и защит диссертаций. XIX – начало XX в. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М., СПб., 2022. С. 110–113.

московских историков. Интересно отметить, что эмигрировавшие из России русисты, неизменно будут подчеркивать, что генерал советской исторической науки – М.Н. Покровский – мало работал в архивах во время подготовки к магистерским экзаменам.

В целом явно не накопилась критическая масса диссертаций, чтобы разработать методические рекомендации к ним. Опыта одного-двух поколений научных руководителей было недостаточно, чтобы построить строгую и ясную систему подготовки диссертаций к защите. Так, еще не сложилось определенных требований к оформлению работы. При этом наметилась тенденция четко определять задачи исследования в постановочной части, увеличивать количество используемых источников⁹¹⁰.

Нормальной считалось ситуация с защитой двух диссертаций. Магистерская должна была быть простой и написанной на небольшом источниковом материале; докторская – крупной работой, в которой заинтересованы специалисты.

По количеству диссертаций, защищенных до 1917 г., Московский университет находился на втором месте после Санкт-Петербургского⁹¹¹. Однако разница в количественном показателе не очень велика и в основном достигается за счет работ не петербургских историков, защищенных в столице.

В целом москвичи не очень любили принимать к защите диссертации, написанные в других университетах, объясняя это высокими научными требованиями московской школы⁹¹². При этом сами москвичи, даже работая в других университетах, стремились защищаться в Москве. Так поступили Кареев и Щепкин. Объясняя свое намерение Щепкин заявил, что «все мы знаем, что получить степень в Москве магистранта или доктора совершенно не то, что те же имена в других университетах. Особенно по истории»⁹¹³.

---

⁹¹⁰ Там же.

⁹¹¹ Там же. С. 109.

⁹¹² Там же. С. 106.

⁹¹³ Письмо Щепкина Ардашеву. Цит. по: *Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* В центре «реабилитационного внимания». С. 29.

Коллектив авторов, создавших базу данных по диссертациям в дореволюционной России (не опубликована), заявляет о наличии 6 случаев, когда историк, обучавшийся в Московском университете, защищал диссертацию не в Москве. Однако по фамилиям эти историки не указаны. Мы можем указать на пример К.Н. Бестужева-Рюмина, А.А. Кочубинского, В.М. Хвостова, П.Н. Ардашева, защитивших свои диссертации не в Москве.

5.6.2. Процедура защиты

Во второй половине XIX в. окончательно сложилась процедура защиты, элементы которой отразились в источниках личного происхождения и университетском делопроизводстве⁹¹⁴.

Для получения разрешения на диспут претендент обращался с прошением в факультет и подавал диссертацию. Формально по Положению 1864 г., диссертация за счет защищающегося должна была быть напечатана не позднее месяца до защиты (§27)⁹¹⁵. На практике диссертации до подачи на факультет печатались по главам в течение длительного срока. Наверное, у истоков такой традиции стоит Ключевский, долго печатавший свою диссертацию в «Русской мысли». По его стопам пошли Милюков (заметим однако, что название журнальной версии диссертации немного отличалось от названия окончательного варианта) и Корелин. Милюков публиковал диссертацию по главам в ЖМНП, Корелин – в «Русской мысли». Интересно отметить, что если Милюков четко придерживался намеченного вначале плана работы, то Корелин не знал, чем закончится его работа в процессе печатания, фактически меняя изначальный план работы по ходу выпуска исследования.

---

⁹¹⁴ Обобщение местных традиций см.: *Жебелев С.А.* Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // *Очерки истории отечественной археологии.* Вып. 3. М., 2002. С. 146–194.

⁹¹⁵ По требованиям Положения 1844 г., диссертация в рукописном и печатном виде подавалась за неделю до защиты. См.: *Диссертационная культура.* С. 49–68. Ст. 45.

Вопрос о допуске диссертации на диспут решался после предоставления факультетского отзыва, который мог быть написан одним или двумя членами Совета. Рецензенты относились к своей задаче предельно ответственно⁹¹⁶, поэтому срок рецензирования магистерских и докторских работ мог быть долгим, а загруженные работой профессора часто указывали на то, что они боятся не успеть к сроку написать отзыв, а потому просили максимально долгое время на их написание. Как предположил П.Ю. Наумов, некоторые рецензенты проверяли каждую ссылку, поэтому их большее количество в работе подвергалось осуждению. Так, С.И. Соболевский на диспуте филолога Кагарова заявил, что в работе, насчитывавшей около 300 страниц, в среднем по 10 ссылок на страницу (всего более 3 000), поэтому если подойти к проверке добросовестно, то понадобится 50 дней при 10-часовой работе в день.

Дневник Богословского показывает, что его работа над отзывом о диссертации Флоровского заняла время с августа 1915 г. по январь 1916 г.⁹¹⁷ Видимо, из-за случаев многочисленных задержек факультетских отзывов появились циркуляры МНП, ограничившие предоставления отзыва шестимесячным сроком⁹¹⁸.

Отзыв зачитывался на факультетском заседании, которое теоретически могло проходить без участия защищающегося (случай Милюкова), поскольку у ищущих степени не было статуса члена факультета для участия в собрании (интересно отметить, что наличие приват-доцентского звания облегчал такой доступ). Однако при желании номинанты на факультетское заседание приходили, получив соответствующее приглашение.

По сути, заседание, на котором профессор зачитывал отзыв о сочинении, было более важным, чем сама защита, потому что отношение корпорации к работе выявлялось именно в этом собрании. Рецензия давала ответ на вопрос – соответствует ли уровень диссертации искомой степени. Поскольку устав 1884 г.

---

⁹¹⁶ *Богословский М.М.* Дневники. С. 56.

⁹¹⁷ Там же. С. 67, 135.

⁹¹⁸ Там же. С. 98.

давал возможность получения сразу докторской степени, минуя магистерскую (Устав 1884 года статья 30 § 1, пункт 3, статья 88), этот вопрос стал острым в факультетских заседаниях в 1890-е гг.

Споры вокруг предоставления докторских степеней минуя магистерскую Милюкову и Корелину происходили именно на заседаниях Совета факультета⁹¹⁹. В предшествующем публичному диспуту заседании факультета был решен вопрос и о докторстве Виппера⁹²⁰.

Во время подготовки отзыва на диссертацию Е.Н. Щепкина в Москве произошел сложный процедурный казус. Щепкин, чья преподавательская карьера в высшей школе протекала в провинциальных университетах (Нежин, потом – Одесса), имея профессорскую должность, не имел ученой степени⁹²¹. Чтобы разрешить эту проблему, он решил защищаться у учителя – В.И. Герье в Москве – и направил свою работу на факультет. К разочарованию Щепкина факультетский отзыв должен был писать Виппер, поскольку он был штатным профессором кафедры в отличие от Герье, ставшим заслуженным ординарным профессором. В неофициальном письме Щепкину Виппер выразил сомнение, что написанный претендентом труд – диссертация по всеобщей истории и предложил защитить ее по другой специальности, а с факультета работу забрать. Напомним, что такие прецеденты в истории факультета уже были. Так, диссертации после неофициального, устного отзыва специалиста сделанного частным порядком, забирали П.Н. Кудрявцев в 1844 году, С.Ф. Фортунатов в 1860-е гг., а Грановский сделать это отказался, несмотря на позицию коллег.

Получив неблагоприятный ответ от Виппера, Щепкин попросил Герье дать независимую оценку его работы и посодействовать защите диссертации именно в Москве. По поводу позиции Виппера Щепкин писал в письме Герье: «Лично меня он не доведет до отчаяния... так как считаю его неисправным субъективистом. Я

⁹¹⁹ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: Труды и дни. С. 68.

⁹²⁰ Среди аналогичных случаев у других представителей факультета – филологи А.А. Шахматов и П.Н. Сакулин. Савин А. Н. Университетские дела. С. 297.

⁹²¹ Мягков Г.П., Иванова Т.Н. В центре «реабилитационного внимания»: Е.Н. Щепкин и В.И. Герье // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2011. Выпуск 3. С. 26–34.

не думаю, чтобы принципиальное разногласие в понимании истории, то есть в сущности принадлежность к различным школам науки, могло служить основанием для отвержения диссертации. Если даже профессор Виппер не согласен со всеми теми положениями моей книги, которые я считаю оригинальными, или заподозривает значение новых моих материалов, много добытых, то это не дает еще права на отказ в степени магистра, так как от магистерской диссертации по закону не требуется ни того, ни другого, это ее отличие от докторской. Но дело теперь не в личном мнении профессора Виппера. Если его субъективный отзыв имел бы хоть малейший шанс пройти в факультете, то это имело бы одну тяжелую, прямо-таки несправедливую сторону для меня, но по отношению к конфиденциальному отзыву в факультете я лишен права возражений и являюсь лицом бесправным. В виду этого обращаюсь к Вам за советом, как поступить тут. В факультете есть еще четыре лица, читающие или читавшие историю. Вы, Владимир Иванович, М.К. Любавский, В.О. Ключевский, М.И. Соколов и профессор Никитский. Да в сущности о постановке исторического исследования, как оно указано мною в введении могут иметь самостоятельное суждение и специалисты по философским наукам. Итак, обращаюсь к Вам за советом и притом не столько в личных интересах: лично я могу представить диссертацию и в Санкт-Петербург. Но вопрос идет теперь вообще о праве на объективное исследование для магистрантов Московского университета. Если моя диссертация даже по ее завершении и на большинство членов факультета произвела впечатление работы не по всеобщей истории, то, конечно, мне остается только взять ее назад. Но желаю, глубокоуважаемый Владимир Иванович, откровенно услышать Ваше мнение, действительно ли диссертация эта не имеет шансов пройти через факультет. Тогда, повторяю, я возьму мое прошение назад, так как не имею возможности оправдываться в глазах факультета от субъективных нареканий конфиденциальной бумаги. Для того, чтобы иметь возможность еще в конце мая

завязать отношение с другими университетами, просил бы Вас дать мне ответ в ближайшем будущем»⁹²²

Герье, по всей видимости, после письма Щепкина провел переговоры с Виппером, в ходе которых выяснилось, что возражения Роберта Юрьевича относятся, прежде всего к плану работы, а саму диссертацию профессор не читал, о чем Герье и сообщил Щепкину. Под влиянием позиции Виппера на Щепкина «нашло сомнение, не сделал ли я в плане работы такой коренной ошибки, что она сразу бросается в глаза специалисту». Однако магистрант «отвечал Роберту Юрьевичу, что по чувству долга перед другими магистрантами, перед Московским университетом и исторической наукой я не возьму своей книги назад, пока не получу официального отзыва факультета»⁹²³.

29 мая 1902 г. состоялось заседание факультета по поводу магистерской диссертации Щепкина. В ходе заседания Виппер заявил, что сочинение магистранта Евгения Щепкина «Русско-австрийский союз во время Семилетней войны», представленное для приобретения степени магистра всеобщей истории, «писано не по предмету, т.к. рассматривает не исторические вопросы, а юридические (по международному праву), при том страдает отсутствием определенного исторического центра и представляет больше экспозицию материала, чем исследование, вследствие чего не заслуживает допущения к публичной защите»⁹²⁴. Выступивший В.И. Герье указал на то, что разграничение наук не может быть проведено с достаточной точностью и что до сих пор не было случаев отклонения факультетом диссертаций на таком основании». М.К. Любавский признал рассматриваемое сочинение добросовестным и вовсе не бесполезным трудом, в коем русская сторона дела изложена хорошо, а также отметил «обширную главу, посвященную капитальному вопросу о происхождении семилетней войны и представляющую подробное изложение и оценку характера

---

⁹²² Письма Е.Н. Щепкина В.И. Герье // *Цыганков Д. А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., С. 410.

⁹²³ Там же. С. 411.

⁹²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 29. Л. 29.

Фридриха Великого и прусской политики»⁹²⁵. В.О. Ключевский, признавая, «что бывают сочинения исторические только по заглавию, не считал возможным утверждать это о диссертации магистранта Щепкина»⁹²⁶. Р.Ф. Брандт заметил, «что требования, предъявляемые рецензентом к диссертации ему кажутся слишком идеальными, а указываемые им недостатки – не столь крупными, чтобы из-за них следовало диссертацию отклонить»⁹²⁷. Факультет после голосования не согласился с позицией Виппера о недопущении диссертации к защите. Правда, при этом декан Кирпичников и профессор Ключевский заявили, что не могут высказаться по этому вопросу, не выслушав нового письменного отзыва о сочинении Щепкина. Большинство голосов определили, что нового отзыва не требуется. 9-ти голосами против 1-го (при воздержании от подачи голосов Кирпичникова, Лебедева, Ключевского и Никитского) постановили диссертацию к защите допустить. Сложности возникли при определении оппонентов. (сокращенная версия этого абзаца была раньше)

Виппер отказался от этого поручения и заявил, что несогласный с допущением диссертации к защите, никак не может быть представителем факультетского мнения на диспуте. Герье настаивал на том, что как внештатный профессор он не может быть оппонентом, и что эта обязанность лежит на профессоре, занимающем кафедру. В виду отказа профессоров всеобщей истории и в виду неудобства предоставить право быть первым оппонентом кому-нибудь из приват-доцентов⁹²⁸ возникли сомнения в осуществимости диспута. Однако Р.Ф. Брандт и Л.М. Лопатин заявили, что, раз диссертация принята, диспут непременно должен состояться. Вопрос о назначении срока защиты был отложен.

После заседания Совета декан Кирпичников написал Щепкину частное письмо, в котором, указав на тот факт, что научная репутация магистранта не задета, предложил ему защищаться в другом университете.

---

⁹²⁵ Там же. Л. 29 об.

⁹²⁶ Там же.

⁹²⁷ Там же.

⁹²⁸ Там же. Л. 30.

«Декан, как видите, советует мне взять теперь диссертацию и представить в другой университет, – писал Щепкин Герье, – Если вы дадите мне тот же Совет, то я в августе заеду поговорить с профессором Форстеном и деканом Платоновым. Но тогда желательно, чтобы Московский университет сообщил Санкт-Петербургскому протокол с заседания 29-го августа (так в тексте. – Д.Ц.). Но по соображениям, высказанным и факультетом, и мною в ответ профессору Кирпичникову, конечно, мне всего желательнее, чтобы Вы все-таки оказали мне честь и одолжение и согласились осенью взять на себя оппонентство, хотя бы это затянулось до января 1903 года. Я поэтому решился еще раз убедительно просить Вас об этом, так как только такой исход гарантирует магистрантов на будущее время от некорректного отношения профессора Р.Ю. Виппера. Во всяком случае, без Вашего совета я не возьму диссертации назад и пока, по Вашему указанию, переданному мне братом, выслал А.И. Кирпичникову прошение в факультет о допущении меня до диспута в силу постановки 29 мая и назначении мне дня для него»⁹²⁹. В конце июня 1902 г. Герье дал согласие Щепкину стать оппонентом на его защите, известив об этом ученика телеграммой. Позже был написан положительный факультетский отзыв.

После принятия решения о допуске диссертации до диспута на основании факультетского отзыва, на следующем заседании принимались тезисы диссертанта на защиту, которые раздавались защищающимся во время диссертации.

Объявление о диспуте печатались в прессе, чаще всего в «Московских ведомостях» в трех номерах в преддверии защиты⁹³⁰. Для диспута выделялись большие университетские аудитории. Диспутант приходил в фраке и белом галстуке⁹³¹. Защищающийся стоял на кафедре, профессора занимал место на эстраде, а публика порой занимала все пространство аудитории, заполняя хоры, лестницы и проемы.

⁹²⁹ Письма Е.Н. Щепкина. С. 411–412.

⁹³⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 48. Д. 146. Л. 3; Ф. 418. Оп. 63. Д. 250. Л. 3 об.

⁹³¹ Богословский М.М. [Ключевский-педагог]. С. 55.

Во время диспута председательствовал декан факультета, должны были присутствовать все профессора (это было требование законодательства, но оно не соблюдалось). Перед защитой секретарь зачитывал curriculum vitae защищающегося и давал ему слово.

Сначала следовало выступление виновника торжества, которое, длилось 15–20 минут⁹³². Выступление оппонентов была самой долгой частью диспута, они не были ограничены во времени⁹³³. Чаще всего рецензенты выступали для публики⁹³⁴. Как правило, особенно в 1890-е гг., когда сложилась единая группа увлекающихся студентов, молодых приват-доцентов, готовящихся к магистерским экзаменам и магистрантов (сдавших экзамены и работающих над диссертациями), публичные диспуты обязательно посещались ученой молодежью. При этом представители молодого поколения обращали внимание не только на то, как защищается магистрант, но и на то, что говорит профессор–рецензент.

Хорошо известно, что интересующиеся историей специально ходили на диспуты, чтобы послушать Виноградова⁹³⁵ и Ключевского⁹³⁶. Манера ведения диспута Ключевским, по мнению Кизеветтера, была различной: с некоторыми она принимала вид «игры кошки с мышкой, соединенной с легким экзаменом диспутанту»⁹³⁷. В отношении сильных работ Ключевский вел диспут в другом, серьезном тоне⁹³⁸. Выступления Ключевского были всегда продолжительными: больше часа он говорил на диспуте Милюкова про живущую четверть, в речи на

⁹³² Выступление Д.Н. Егорова в ¾ часа М. М. Богословский называет слишком длинным. *Богословский М. М. Дневники...* С. 151.

⁹³³ *Савин А.Н.* Университетские дела. С. 291, 411.

⁹³⁴ *Савин А.Н.* Университетские дела. Там же. С. 291. Выступление на диспуте Д.Н. Егорова А.Н. Савин начал с цитирования стихов «Подвижник сильный не боится брани». *Богословский М.М. Дневники.* С. 152. Однако эти попытки неизбежно сопровождались и возможными конфликтными ситуациями, когда, например, рецензент мог употребить слишком резкие слова, неудачные действия и выражения. М.К. Любавский, оценивая работу Ю.В. Готье, пожаловался на «изобилие пустопорожних общих мест». *Савин А.Н.* Университетские дела. С. 291.

⁹³⁵ *Антощенко А.В.* Участие П.Г. Виноградова в диспутах при защите диссертаций // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки.* 2017. № 3(15). С. 337–342.

⁹³⁶ *Отчет о состоянии... за 1910–11. М., 1912.*

⁹³⁷ *Кизеветтер А.А.* На рубеже столетий. С. 197.

⁹³⁸ Там же.

диспуте Любавского он более полутора часов рассуждал о теории исторического исследования⁹³⁹.

Герье всегда помогал своим ученикам административно, особенно в вопросах продвижения по службе в университете. Но во время защиты при обсуждении научных вопросов также мог быть очень резок. Так, Кареев, вспоминая собственный диспут, пишет: «Оппонентами моими были Герье и Виноградов, бывший уже сторонним преподавателем, как и я. Публики собралось великое множество, встретили и проводили меня рукоплесканиями, но мой учитель, в роли главного оппонента был очень немилостивен, что и мои реплики делались запальчивыми, конечно, отнюдь не смягчающими оппонента. Раза два-три мне аплодировали. Не отличавшийся вообще находчивостью Владимир Иванович как-то по их поводу осклабился и громко сказал: «Александр Македонский – великий человек, но к чему же стулья ломать?». Со стороны выступил Максим Максимович Ковалевский, тогда молодой доцент. Он точно в пикку Герье стал неумеренно расхваливать диссертацию и тем вызывал новые рукоплескания в публике....Помню еще вопрос мне В.О. Ключевского после прочтения им книги: «А Вы не боитесь, что вас обвинят в социализме?»⁹⁴⁰.

В 1894 г., после применения особого положения устава о возведении в докторскую степень минуя степень магистра по отношению к Р.Ю. Випперу, Герье очень резко выступал на публичной защите ученика⁹⁴¹.

Выступление научного руководителя в качестве оппонента во время публичной защиты объясняется требованием законодательства, согласно которому официальными оппонентами должны были быть специалисты из числа членов факультета. При небольшом количестве штатных профессоров другого выхода как быть оппонентом учителю практически не оставалось.

После дискуссии председательствующий подводил итоги. Диспуты продолжались довольно долго, обычно от трех до пяти часов. Самым

⁹³⁹ *Линниченко И.А.* Из воспоминаний // *Голос минувшего.* М., 1916. №10. С. 7–35.

⁹⁴⁰ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитов. С. 139–140.

⁹⁴¹ *Дневник М.С. Корелина.* С. 385.

продолжительным у историков выдался докторский диспут Егорова, продолжавшийся 8 часов⁹⁴².

Итак, процедурно процесс защиты диссертации в Москве был отработан, характер экспертизы представленных работ помогал разрешать конфликтные ситуации, особенно связанные с личным неприятием ученых друг друга.

5.6.3. После диспута

После окончания диспута Милюков говорит о традиции поочередного подхода для обмена поцелуями профессоров к новому коллеге по цеху, который продолжал стоять у кафедры⁹⁴³.

В свете обсуждавшийся в конце XIX – начале XX в. проблемы публичности диспутов, целесообразность которой для высших учебных заведений была поставлена под сомнение в статье казанского профессора Г.Ф. Шершеневича⁹⁴⁴, а в духовных учебных заведениях Уставом 1884 г. так и вообще упразднена⁹⁴⁵, можно с уверенностью отметить поддержку московскими историками идеи публичности диспутов, значимости его как ритуала, ведущего происхождение с момента зарождения первых университетов.

В воспоминаниях некоторых ученых указывается, что диспут был «лучшею наградой, которую я (И. И. Лаппо, речь о докторском диспуте 1911 г.) когда-либо получал за свой труд почти двадцать лет работающего научного работника»⁹⁴⁶. В дневнике Богословский особо отмечает 22 ноября – «день навсегда для меня

⁹⁴² Богословский М.М. Дневники. С. 410–411; Савин А.Н. Университетские дела. С. 410–411. Диспут Милюкова продолжался 5,5 часов. Как правило, репортеры «Русских ведомостей» всегда отмечали время начала и окончания диспута.

⁹⁴³ В.О. Ключевский на защите П.Н. Милюкова вместо поцелуя «неловко и поспешно пожал мне руку». Милюков П.Н. Воспоминания. С. 108.

⁹⁴⁴ Шершеневич Г.Ф. О порядке приобретения ученых степеней. Казань, 1897.

⁹⁴⁵ Сухова Н.Ю. Диссертационные диспуты как форма научной работы в Православных Духовных Академиях России в 1869–1884 гг. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. II:3 (36). С. 21–35.

⁹⁴⁶ Цит. по: Дубьева Л. «Отдаюсь науке совсем...» И.И. Лаппо – профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг. // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. IX. Vilnius, 2005. С. 374–391.

URL: http://www.russianresources.lt/archive/Lappo/Lappo_1.html (дата обращения: 07. 06. 2016).

памятный» – в который с перерывом в 7 лет прошел его магистерский и докторский диспуты⁹⁴⁷.

Неотъемлемой частью ученого праздника был обед, который давал диспутант вечером после защиты или в один из ближайших дней. Среди мест, где мог происходить банкет, наиболее часто упоминается ресторан «Прага». Обед по случаю защиты также мог проходить на квартире у новоиспеченного магистра или доктора. Обед мог происходить в тот же день, что и защита, но мог состояться спустя какое-то время. Так, Егоров из-за болезни детей обед после своего диспута отсрочил.

Количество приглашенных могло быть разным⁹⁴⁸, но неписанной традицией, было обязательное приглашение декана, учителя, рецензентов. Поэтому когда Милюков не позвал на обед Ключевского, это сразу символом разрыва отношений⁹⁴⁹.

В сопоставлении с поведением на диспуте Милюкова по отношению к учителю Ключевскому очень интересно также наблюдение Кареева относительно обеда после диспута: «Я очень любил бывать на диспутах, а впоследствии бывал и на обычных в Москве обедах после диспутов, но сам обеда не устраивал, потому что это было очень дорого, денег же у меня не было, а занимать – я и так был в долгу, заняв несколько сот рублей для напечатания книги, так как от университета на это получил мизерно мало. Я даже был рад, что не было обеда после того, что вышло у меня с Герье на диспуте, хотя, быть может, и преувеличивал значение происходящего. Услужливые люди передавали мне, что и Герье был раздражен. Я чувствовал, что в Московском университете мне после этого не остаться. В сторонние преподаватели приглашен был только на год. Я и думать не мог, чтобы Герье пригласил меня на доцентуру. Впрочем, кто знает, что было бы, если бы я сам резким образом не прервал своих отношений с Герье»⁹⁵⁰.

⁹⁴⁷ Богословский М. М. Дневники. С. 272.

⁹⁴⁸ Встречаются следующие цифры – 25 человек на обеде в честь защиты Ю.В. Готье, 70 приглашенных на обед у Д.Н. Егорова, который затем не состоялся. Савин А.Н. Университетские дела... С. 414.

⁹⁴⁹ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 108.

⁹⁵⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 140.

Среди участников обедов чаще всего упоминаются коллеги по кафедре, профессора различных факультетов, родственники и друзья защитившегося. Знаковым событием был приезд на диспут ученых их других университетов (например, Платонова к П.Н. Милюкову и А.И. Яковлеву).

Банкет всегда проходили под оживленный разговор участников, связующей нитью которого были выстроенные в определенной последовательности речи. Когда обед был многочисленный, человек, который хотел произнести речь, звонил, чтобы привлечь внимание⁹⁵¹. В источниках часто можно встретить упоминания о том, что нередко все присутствующие говорили слово юбиляру, в некоторые выступали и по несколько раз, поэтому собрания нередко продолжались далеко за полночь. Первым выступал декан⁹⁵², который мог выполнять роль куратора мероприятия. Если на диспуте работа вписывалась в историографический контекст, то не будет преувеличением сказать, что сама «церемония» обеда несла идею ее обсуждения и включения в «схоларную проблематику». Например, оставленный Ключевским Яковлев после долгожданной (спустя 17 лет с года оставления!) защиты магистерской диссертации, среди своих учителей первым делом назвал петербуржца Платонова, а потом Любавского и С.Б. Веселовского⁹⁵³. Вполне возможно, что это было сознательным ходом, поскольку и Богословский и Готье упрекали Яковлева в нецелостности работы и воплощении в тексте идей, характерных для Веселовского, которого историки отказывались проводить в почетные доктора университета, что хотели сделать историки права.

Предметами разговора на обедах чаще всего становились проблемы общественной жизни, Университета (после 1911 г. никогда не утихал интерес к теме «ушедших» и «оставшихся»)⁹⁵⁴. На фоне привычных выступлений историков и ученых друзей, особый фурор на слушателей произвела речь супруги

⁹⁵¹ М.А. Голубцова со слов отца (А.П. Голубцова, коллеги В.О. Ключевского по МДА) описывает один из профессорских обедов в «Праге»: «Подшло время тостов, от Ключевского ждали речи и все его толкали. Наконец, он позвонил. «Ключевский говорит...» стало тихо, и все головы повернулись в его сторону. В.О., не вставая, наклонился к виновнику торжества и шепотом сказал ему: «Когда вы прославитесь, я напишу ваше житие». С. 279.

⁹⁵² Савин А.Н. Университетские дела... С. 292.

⁹⁵³ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // Вестник Истории. 2000. № 3. С. 85.

⁹⁵⁴ Савин А.Н. Университетские дела. С. 292, 414.

Кизеветтера на банкете после защиты его магистерской: «Вчера книга моего мужа заслужила лестное одобрение, причем говорилось и о кропотливом 10-ти летнем труде, на нее положенном...Я в этой области профан, но ясно понимаю, что написать такую книгу подвиг не малый... но мой муж, м[илостивые] г[осударь], совершил за эти 9 л[ет] еще бóльший подвиг: он без сучка и задоринки, душа в душу прожил эти 9 л[ет] с такой женой, как я, а это что-ниб[удь] да значит»⁹⁵⁵.

Вошел в историю и обед после магистерской защиты Богословского, где основная масса гостей разошлась после двух часов ночи, а 8 «последних могикиан» до звона колоколов остались рядом с неутомимым Ключевским, который, помимо шуток и острот, много вспоминал о старых профессорах Московского университета, «и перед нами, как живые, возникали портреты Н.И. Крылова, М.П. Погодина, С. М. Соловьева, Г.А. Иванова и других»⁹⁵⁶.

В силу различных обстоятельств обеда могли происходить на квартире защитившегося в камерной обстановке и при небольшом количестве участников, как это было после докторского диспута А.А. Кизеветтера, когда собрание проходило без церемониальной атмосферы: «Было очень просто, но хорошо. Речей не было вовсе. Вспоминали университетскую старину»⁹⁵⁷. Егоров перенес обед после собственной защиты на несколько месяцев из-за больного скарлатиной ребенка.

---

⁹⁵⁵ Речь, произнесенная Екатериной Яковлевной Кизеветтер, в честь защиты А.А. Кизеветтером магистерской диссертации // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 6. Омск, 2010. С. 392–393.

⁹⁵⁶ Богословский М.М. [Ключевский – педагог]. С. 56–57.

⁹⁵⁷ Савин А.Н. Университетские дела. С. 92.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Цыганков Дмитрий Андреевич

**Формирование сообщества профессиональных историков в Московском
университете во второй половине XVIII – начале XX века**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Том 3

МОСКВА – 2023

ГЛАВА 6. ИНСТИТУТ ПРИВАТ-ДОЦЕНТУРЫ И ЕГО РОЛЬ В СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ НА ФАКУЛЬТЕТЕ

6.1. Особенности функционирования системы приват-доцентуры на историко-филологическом факультете в конце XIX – начале XX вв.

К моменту введения в действие нового университетского устава 1884 г. было очевидно, что развитие исторической науки и образования требовало дальнейшей специализации и создания научных коллективов. При этом университетские штаты не менялись и единственный способ держать в резерве для замещения штатных мест в университете перспективных молодых ученых была приват-доцентура, предполагавшая почасовую оплату труда преподавателя, которая была не очень большой¹. При такой оплате труда для молодых ученых было естественным для решения материальных проблем либо устраиваться на службу в средние учебные заведения одновременно со службой в университете, либо принимать предложения о работе в провинциальных университетах, где система подготовки кадров работала не так хорошо, как в Москве, и для получения профессорских должностей не требовалась высшая степень доктора. В современных работах показано, что два столичных вуза – Московский и Санкт-Петербургский – стали рассадниками кадров для других университетов². С финансово-бытовой точки зрения проблема для молодых ученых заключалась в том, что после защиты диссертации они не имели постоянных источников доходов.

---

¹ По подсчетам М.М. Троицкого, Ф.Ф. Фортунатова, П.Г. Виноградова и А.Н. Шварца в 1886 г. за годовой час историк приват-доцент Московского университета получал 193 р., в 1893 – 87 р. На содержание приват-доцентов использовались специальные суммы университетов, источники для которых были постоянны, а количество приват-доцентов увеличивалось. Материалы заседания Совета университета 12 февраля 1894 г. Протоколы университета. Б.м. Б.г. НБ МГУ. Между тем преподавание в консерватории в начале 1890-х гг. приносило стороннему преподавателю 100 р., в театральном училище – 150 р.

² Андреев А.Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 97. С. 68–93; Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Младший партнёр? Юрьевский университет второй половины XIX – начала XX вв. в судьбах столичных универсантов // Клио. 2020. № 11(167). С. 94–109.

Это очень хорошо понимали профессора Московского университета, учителя молодежи. В период расцвета системы-приват доцентуры в 1894 году при обсуждении вопроса о положении приват-доцентов профессорская комиссия предложила ввести постоянный оклад для особых приват-доцентов, на которых укажет факультет³. При сохранении термина приват-доцент речь фактически шла о возвращении к системе штатной доцентуры, упраздненной в связи с введением в действие устава 1884 г.

Поскольку предложение университета в целом не получило поддержки министерства, то единственной возможностью для факультетов поощрять необходимых для образовательного процесса приват-доцентов оставалась система передачи им для чтения обязательных курсов, что могло происходить только при одобрении штатного профессора, поскольку именно он распределял обязательные часы учебного плана. Штатный профессор мог все часы оставить за собой, как хотел поступить Ключевский в 1895 г. после конфликта с Милюковым (см. об этом ниже в подпараграфе о Милюкове), или какие-то обязательные часы отдавать приват-доцентам, как он делал до конфликта с Милюковым.

Интересно отметить, что для кафедры всеобщей истории, где в 1890-е гг. были три штатных профессора (два ординарных, один экстраординарный) вопрос об обязательных часах для приват-доцентов актуальным не был. Приват-доценты, читающие курсы по всеобщей истории, практически ничего не стоили в финансовом отношении университету. Более того, экстраординарный профессор Корелин в течение длительного срока не мог получить обязательные занятия со студентами в том объеме, как он сам мечтал (еще во время действия университетского устава 1863 г. для штатного преподавателя была выработана норма нагрузки в 6 часов в неделю). Именно поэтому осенью 1892 г. Корелин, ставший доктором своей специальности, но еще не получивший профессорского

---

³ Отношением от 30 октября 1893 г. за № 3033 Совет университета поручил обсудить вопрос о недостаточности сумм, отпускаемых на содержание приват-доцентов. При среднем окладе приват-доцента историка в 600 р. и неравномерном распределении специальных сумм между факультетами университета профессора историко-филологического факультета предлагали увеличить оклад приват-доцента до 1200 р. Протоколы Совета. Черновой протокол заседания Совета университета за 12 февраля 1894 г. Коллекция микрофильмов НБ МГУ.

назначения, и Милюков, бывший магистром и приват-доцентом, оказались соперниками в борьбе за получение университетских сумм за преподавание обязательных часов. В письме к Герье от 16 сентября 1892 г. Корелин писал: «Единственные 2000⁴ могут легко исчезнуть, если дадут вознаграждение какому-нибудь приват-доценту, напр., Милюкову (*toujours lui, lui partout*⁵), а ходатайствовать об этом будут»⁶. Противостояние с Милюковым продолжилось и в следующем году, когда Корелин профессором стал. В ноябре 1893 г. Корелин он отмечал в дневнике: «...говорил о регулировании положения приват-доцентов. По моему настоянию, в комиссию вошел Шварц, и мы держимся с ним одинакового мнения: свести дело к старой приват-доцентуре и преподавательству... На факультете поднялся вопрос о вознаграждении Милюкова, и по моему настоянию отложен до возвращения Ключевского. Но нужно быть осторожной, чтобы сохранить занятое положение»⁷.

В данном случае уже экстраординарный профессор Корелин, участвующий в заседании профессоров факультета, не идет навстречу приват-доценту Милюкову⁸, который на заседании не присутствует, но в его интересах действуют другие члены факультета. Интересы Милюкова лоббировал Виноградов: «9-го (февраля 1894 г. – Д. Ц.) факультетское заседание с плохим докладом о приват-доцентах. Не был выяснен принцип вознаграждения: кажется, шутки Виноградова, который не хотел связывать себе рук для Милюкова»⁹. В марте 1894 г. история с вознаграждением Милюкова развивалась: «Виноградов, чтобы сохранить два обязательных часа для Милюкова, вместе с Шварцем сделал предложение о сокращении на историческом отделении чтения древних авторов на 3 и 4 курсах по часу, что и принято факультетом»¹⁰. Корелин хотел забрать эти часы для собственного семинара, однако часы ему, судя по всему, не достались, Милюков продолжил чтение курса.

⁴ Распределялись из специальных средств среди читающих обязательные курсы.

⁵ Всегда он, он – везде (франц.)

⁶ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. // *Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в.* М., 2014. С. 606.

⁷ *Корелин М.С. Дневник.* С. 367.

⁸ По настоянию Ключевского Милюкову будет выплачена сумма около 800 р.

⁹ *Корелин М.С. Дневник.* С. 375–376.

¹⁰ Там же. С. 379.

Отношения Корелина и Милюкова на этом фоне портились: «Сторожев, а, может быть, и Милюков, распускают слухи, что я интригами перебил у Стороженко статью для «Русской мысли»¹¹, «очень охладились отношения с Стороженко, и я думаю, что здесь действует Милюков и, может быть, Иванов»¹².

Приват-доцентами¹³ могли становиться лица, сдавшие магистерский экзамен, или известные своими научными трудами. Для получения статуса претенденты обращались с прошением в факультет о допущении к чтению пробных лекций. Как правило, лекции (одна по назначению факультета, другая – по выбору претендента) читались на заседаниях факультета (часто экстраординарных; иногда лекции читались публично) и оценивались преподавателями теми же оценками, что и магистерский экзамен. Уникальны случаи, когда факультетские собрания отказывали номинанту даже в праве чтения пробных лекций, не находя у претендента необходимых для этого оснований. Так, 14 октября 1901 г. по докладу заслуженного профессора Ключевского о трудах ищущего звания приват-доцента по кафедре Русской истории подполковника Д.М. Левшина, факультет принял решение «известить подполковника Левшина, что факультет затрудняется, пока, на основании уже представленных им работ, применить к нему 109 параграф Устава» и не допускает его до чтения пробных лекций¹⁴.

Получение положительной оценки за пробные лекции позволяло факультету ходатайствовать перед попечителем учебного округа о включении претендента в число приват-доцентов. Штатным служащим университета, вышедшим из приват-доцентов, годы службы в этом звании заносились в выслугу лет.

---

¹¹ Там же. С. 374.

¹² Там же. С. 377.

¹³ *Пискунов И.В.* Правовое положение приват-доцентов российских университетов (1803–1884) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4(59). С. 98–116; *Пискунов И.В.* Как стать российским приват-доцентом? // Диалог со временем. 2015. № 51. С. 243–260; *Пискунов И.В.* Проблемы развития российской приват-доцентуры в дискуссии по университетскому вопросу 60-х гг. XIX в // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2015. № 1. С. 29–41; *Бушужева Л.А.* Из приват-доцентов в «университетские старцы»: Возраст профессоров императорского Казанского университета (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 170–175.

¹⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 28. Л. 39.

Приват-доценты могли объявить любой курс (даже параллельный основному) и не контролировались штатными профессорами факультета. За проведение занятий приват-доценты получали гонорар и могли рассчитывать на часть ассигнованной университетской суммы для содержания приват-доцентов. Приват-доцент не участвовал в факультетских заседаниях, но мог оппонировать на защитах диссертаций по предложению факультета.

Большинство приват-доцентов Московского университета в рассматриваемый период были выпускниками Московского университета (С.Ф. Фортунатов, М.С. Корелин, Р.Ю. Виппер, И.И. Иванов, А.Н. Савин, Д.Н. Егоров – всеобщники; В.Е. Якушкин; П.Н. Милюков, М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, Н.А. Рожков, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин), сдавшими в нем магистерский экзамен, готовящимися к защите диссертации или уже защитившими ее. Любавский, Кизеветтер, Рожков до защиты диссертации не разменивались на чтение лекций в университете в качестве приват-доцентов, используя время магистратуры для написания диссертации. Корелин стал приват-доцентом тогда, когда в письмах к учителю он сообщал, что уже заканчивает диссертацию и воспринимал обращение к нему факультета с предложением читать лекции как знак отличия. Фортунатов, Якушкин, Милюков, Виппер находились на приват-доцентской позиции еще до защиты диссертаций.

Корелин, Любавский, Богословский, Готье, Егоров из приват-доцентов университета после защиты диссертации и при поддержке профессоров-дуайенов были повышены до штатных профессорских должностей в Московском университете. Иванов, пройдя через пересадочные университеты (с должности приват-доцентов перешел на профессорскую должность в другой университет, с этой должности в Москву), стал после 1911 г. профессором в Москве. Виппер с приват-доцентской должности в Москве перешел в Одесский университет, но затем вернулся в число приват-доцентов Московского университета, а после смерти Корелина был повышен до экстраординарного профессора.

Вечным приват-доцентом историко-филологического факультета до конца жизни оставался Степан Федорович Фортунатов. Фортунатов не смог защитить

магистерскую диссертацию, хотя дважды предпринимал эту попытку. Якушкин, Милюков, Рожков по разным причинам свою карьеру в университете завершили, находясь на приват-доцентских позициях.

Для повышения приват-доцента в Москве до должности экстраординарного профессора наличие докторской степени были необходимым. В провинциальных университетах это правилом не являлось, хотя назначение на профессорскую должность не обладавшего степенью доктора было прямым нарушением университетского устава 1884 г.

В качестве приват-доцентов, читавших исторические курсы, на факультете выступали и «чужие» для московской школы специалисты (И.А. Линиченко, П.В. Безоразов, Д.М. Петрушевский, М.В. Довнар-Запольский, Д.И. Эварницкий, В.Г. Ляскоронский, А.Н. Ясинский и др.) . Их нахождение в университете в Москве могло объясняться, например, работой в московских архивах (Довнар-Запольский), консультациями с московскими профессорами (Петрушевский), желанием получить преподавательское место в Москве.

Ярким представителем института приват-доцентуры, стремившимся остаться в Москве, стал И.А. Линиченко¹⁵. Звание приват-доцента Московского университета Линиченко получил 12 марта 1888 г. Лекции Линиченко начал в осеннем семестре 1888/89 уч. г. Сначала он читал курс о Галицкой Руси, затем – курс истории западных славянах¹⁶. 30 апреля 1894 г. Линиченко защитил в Киеве докторскую диссертацию «Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV–XV в. (М., 1894).

25 мая 1894 г. Линиченко по собственной инициативе подал в МНП ходатайство об утверждении его штатным профессором по кафедре русской истории. Министерство запросило от попечителя Московского учебного округа П.А. Капниста позицию Московского университета по этому вопросу.

---

¹⁵ Впервые источники для изучения этого казуса указаны в примечаниях к публикации переписки С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова. См.: Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. М., 2011. Сост. коммент. А.В. Макушин, П.В. Трибунский. С. 284–285.

¹⁶ Обзорение преподавания за соответствующие годы.

30 июня попечитель¹⁷, взяв за основу письмо ректора П.А. Некрасова¹⁸ сообщил¹⁹, что назначение Линниченко штатным профессором нежелательно по нескольким причинам. Все штатные профессорские должности по факультету были заняты. При этом два экстраординарных профессора по факультету – В.А. Шеффер и С.И. Соболевский – уже два года находились на сверхштатном содержании, получая содержание за чтение обязательных лекций, равное тому, какое имели как приват-доценты (1200 р. в год). Кроме того, штатный ординарный профессор Ключевский «не заявлял факультету о своем желании иметь помощника в должности штатного профессора». 19 августа МНП направило соискателю отказ на просьбу о возможном получении должности в Москве²⁰.

7 сентября 1894 г. Линниченко написал еще два письма: в министерство и лично И.И. Делянову. Он вновь просил профессию в Москве. Мотивировал свою просьбу Линниченко тем, что во время командировки Ключевского в Аббас-Туман ни одного штатного профессора русской истории в Москве не оставалось, а во всех университетах на кафедрах русской истории по факту находятся не менее двух профессоров. Линниченко выражал надежду, что Московский университет «не откажет... в поддержке из своих специальных средств». Прошение вновь было переслано на отзыв в Москву. 20 октября декан Троицкий, ректор и попечитель составили ответ, который делал назначение Линниченко практически невозможным. По мнению москвичей, в случае назначения в Москву кафедра Линниченко должна была быть сверхштатной. Переводу в сверхштатные профессора Линниченко должно предшествовать назначение штатными профессорами В.А. Шеффера и С.И. Соболевского. Линниченко было отказано в чтении обязательных часов по русской истории (он должен был быть сверхштатным профессором именно этой кафедры). За факультетом должно было быть сохранено право распределять часы по преподаванию предметов без участия

---

¹⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4585. Л. 1–3.

¹⁸ Там же. Ф. 418 Оп. 56 Д. 486. Л. 46.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1036. Л. 143; Д. 1037. Л. 80, 96

²⁰ Там же. Д. 1036. Л. 143; Д. 1037. Л. 80, 96. См. также комментарий Макушина и Трибунского. Указ. соч. С. 284–285.

Линиченко. Этим должен был заниматься В.О. Ключевский. Во время его командировки право временно преподавать основные курсы русской истории передавались Милюкову или Любавскому. Таким образом, по решению факультета, создавалась ситуация, когда приват-доценты Московского университета решали вопрос о нагрузке, имея служебные преимущества перед сверхштатным профессором. Линиченко должен был читать в университете только лекции по истории славян.

Осенью 1894 г. Линиченко лично выехал в Петербург для прояснения своего вопроса. Как писал к Платонову Милюков: «Линиченко, скоро, кажется, приедет к Вам в Питер хлопотать об одном из двух: или о кафедре в Киеве или о сверхштатной экстраординатуре с окладом в Москве»²¹. Милюкова этот вопрос очень интересовал. «Не знаете ли, какая судьба постигла ходатайство Линиченка в министерство о назначении его экстраординарным? – спрашивал он Платонова. – До меня стороной доходили известия, что министерство обращалось с запросом по поводу его прошения сперва к ректору, потом к декану. Троицкий, судя по его намекам мне, ответил что-то не особенно одобрительное (в начале похвалил, а потом заявил, что другого русского историка не нужно)», – спрашивал Милюков Платонова²². 7 декабря ходатайство Линиченко было отклонено Министерством.

22 марта 1895 г. Линиченко обратился в историко-филологический факультет с заявлением о невозможности чтения лекций о южных славянах на прежних условиях. Он требовал адекватного его научному статусу жалования. На факультете была создана комиссия, которая рассматривала вопрос о преподавании истории славян и Византии на историко-филологическом факультете (в этом году из числа приват-доцентов выбыл П.В. Безобразов, уволенный по решению попечителя из-за его лекции в историческом музее) Московского университета. Решение было принято не в пользу Линиченко. Чтение приват-доцентских курсов

²¹ Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. II. Кн. 1. С. 139.

²² Там же. С. 141.

по истории Византии и славян в 1895/96 гг. передавалось П.А. Лаврову с назначением ему содержания за эти курсы в 500 р. в год²³.

Впрочем, история с Линиченко не закончилась. В мае он вновь обратился в министерство с просьбой назначить его профессором кафедры русской истории, поскольку в начале года из университета был уволен приват-доцент Милюков. Летом Министерство запросило московского попечителя о его позиции, указав на желательность назначения профессора русской истории в Московском университете. 6 сентября на факультете была создана комиссия под председательством Ключевского для решения вопроса. 20 сентября факультет принял решение о том, что назначение Линиченко «потребностями кафедры не вызывается». В официальном ответе были перечислены доводы Ключевского против назначения Линиченко: а) Ключевский справляется с лекциями по русской истории самостоятельно, не имея надобности в помощнике; б) Линиченко всегда читал лишь спецкурсы по русской истории и никогда обязательные лекции; в) на факультете есть молодые талантливые историки²⁴. Поскольку в марте Линиченко отказался от лекций по истории славян, то в сложившихся обстоятельствах ему придется, находясь на штатной позиции, читать необязательные часы или просить долю из 6 часов Ключевского, на что Ключевский не согласится.

В ноябре 1895 г. Линиченко ходатайствовал о занятии кафедры всеобщей истории Новороссийского университета, где и получил должность экстраординарного профессора. Интересно, что после 1911 г. Линиченко вновь попытался оказаться в Москве, мотивируя свое желание тем, что он является учеником Ключевского. Однако и в этот момент это сделать ему не удалось.

Кроме молодых представителей приват-доцентуры, стремившихся к занятию профессорских должностей, своеобразным типом приват-доцентов были люди более старшего возраста, имевшие научные труды («известные своими учеными трудами»). К таким относился В.М. Лавровский, директор 2-й московской

---

²³ Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. II. Кн. 1. С. 291–292. Дневник Н.Н. Платоновой. С. 600.

²⁴ Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. II. Кн. 1. С. 289.

мужской гимназии, изначально после введение в действие университетского устава, взявший на себя преподавание географии на историческом факультете (по уставу относилась к историко-филологическому факультету). После перевода географии как предмета преподавания на физико-математический факультет благодаря хорошим отношениям с Герье Лавровский остался на факультете и читал необязательные курсы прежде всего по этнографии.

В целом система приват-доцентуры стала к рубежу веков этапом научной карьеры для выпускника Московского университета, стремящегося к штатной должности в университете. В случае расположения университетских дуайенов начинающий ученый мог надеяться на получение штатной должности или финансирования из университетских сумм своего преподавания. Контролирующие назначение на университетские должности в Москве старые профессора негативно относились к замещению штатных должностей «варягами». Случай с Д.М. Петрушевским, бывшем в Москве приват-доцентом и через пересадку в Варшаве вернувшийся в первопрестольную на профессорскую позицию, был явно необычным.

6.2. Приват-доцентура на факультете как завершающий этап научной карьеры в московской школе историков

6.2.1. С.Ф. Фортунатов как преподаватель

О Степане Федоровиче Фортунатове оставлено много воспоминаний, в которых он предстает как чудоковатый московский оригинал – «Степечка-растрепочка». Очень маленького роста, неопрятно одетый, неухоженный, неприспособленный к быту, едва научившийся к концу жизни пользоваться спичками, он на первый взгляд производил отталкивающее впечатление. «Но все это забывалось и прощалось, когда начинала звучать его оживленная речь»²⁵, –

²⁵ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 71–72.

указывал Кизеветтер. «В преподавании Степан Федорович был неподражаем. Жестикулируя, потирая руки и разливаясь смехом, он увлекательно излагал свои любимые отделы истории, – преимущественно истории революций, а также историю Соединенных Штатов Америки; он славился тем, что мог перечислить подряд всех президентов, с годами их управления», – вспоминал Милюков²⁶.

В благодарной аудитории Фортунатов раскрывался. В среде сообщества московских историков он считался подходящей фигурой для женских учебных заведений. Он «пользовался большой популярностью благодаря своим историческим знаниям, превосходному характеру и большим чудачествам... Из него вышел замечательный преподаватель именно исключительно в женских учебных заведениях, между прочем, и на курсах Герье, где он преподавал с самого их начала»²⁷.

Барышни приглядывали за Степаном Федоровичем, проявляли о нем заботу, а он артистически блистал перед ними²⁸. Так, С. Гиацинтова, выпускница гимназии С.А. Арсеньевой, в которой преподавал Фортунатов, позже – народная артистка СССР – вспоминала: «Историю знаю хорошо до сих пор. Ее преподавал профессор Степан Федорович Фортунатов, похожий на карлика, с большой седой бородой. Он отличался странной неопрятностью – его грязный, весь в пепле сюртук был постоянным предметом обсуждения. Но когда он рассказывал и показывал, сидя боком на стуле, как въезжала в Лондон на коне королева Елизавета, этот сюртук, царственно подобраный его рукой, казался нам роскошной амазонкой»²⁹. Забавно описывает мемуаристка и манеру опроса Фортунатовым учениц: «при неверных ответах (он) шипел, страдальчески закрывал глаза, откидывал голову и делал ручками отталкивающий жест. На отметки был щедр, не любил ставить двойки. Но у него и учились отлично»³⁰.

---

²⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 97.

²⁷ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 129.

²⁸ Всю жизнь Степан Федорович оставался одиноким-холостяком.

²⁹ Гиацинтова С.И. С памятью наедине. М., 1989. 2-е издание. С. 406–407.

³⁰ Там же. С. 406–407.

На кафедре всеобщей истории у учеников Герье отношение к Фортунатову было сложным. Правда, здесь примешивался мотив соперничества. Сначала П.Г. Виноградов считал более старшего его по возрасту Степана Федоровича, который в 1875–1876 г. как сторонний преподаватель читал лекции по истории средних веков с оплатой в 800 р.³¹, своим прямым конкурентом в оставлении на кафедре и в письмах из-за границы наводил у родителей справки о Фортунатове. Затем Корелин побаивался, что Герье вновь после возвращения Фортунатова к преподаванию в качестве приват-доцента (конец 1885 г.), сможет оттереть Михаила Сергеевича от учителя.

Степан Федорович³² родился в Вологде в семье директора Олонецкой гимназии, давшей миру крупных ученых гуманистов во второй половине XIX в. В 1863 г. 5 братьев вместе с отцом переехали в Москву. Старший из них – Евгений Федорович после обучения на историко-филологическом факультете был оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре славянских языков³³. Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914)³⁴, также окончивший Московский университет и оставленный для подготовки к профессорскому званию, стал академиком АН и крупнейшим специалистом по языкознанию, одним из учителей А.А. Шахматова. В 1871 г. историко-филологический факультет окончил Степан Федорович. Как справедливо замечают, Т.Н. Иванова и Г.П. Мягков, вероятнее всего, «научные успехи старших братьев побудили В.И. Герье внимательно присмотреться к Степану»³⁵.

Герье оставил талантливого студента для подготовки к профессорскому званию, добился присуждения ему стипендии Грановского³⁶. Однако, как и в

³¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 2. Л. 16.

³² См.: *Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* С.Ф. Фортунатов и московское научное сообщество // *Историки между очевидным и воображаемым: Проблемы визуализации в исторической мысли. XVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского.* Н. Новгород, 2011. С. 24–27.

³³ В 1866 г. он скоропостижно скончался.

³⁴ См. о нем: [*Цыганков Д. А.*] Фортунатов Филипп Федорович Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 783–784.

³⁵ *Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* С.Ф. Фортунатов и московское научное сообщество. С. 24.

³⁶ Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1874 г. сентябрь – декабрь. М., 1875. С. 50.

случае, с первым учеником – Н.Г. Высотским, принятое решение поставило Герье в трудное положение. Степан Федорович был человек крайне неорганизованный, чего не выносил Герье. В 1875 г. Фортунатов должен был защищать диссертацию «Представитель индепендентов Генри Вэн». По свидетельству В.О. Ключевского, «робкий Вольдемар» (Герье – Д.Ц.) «побоялся решительно отстаивать диссертацию С.Ф. Фортунатова на Совете»³⁷.

После неудачи Герье добился решения об отправке Фортунатова за границу. У Фортунатова были четкие инструкции: «Провести два семестра в Берлине и прослушать в это время курс государственного права, финансов и истории философии и заниматься на семинариях у Момзена и Дройзена, не развлекаться слушанием других курсов, а посвятить свободное время на тщательное изучение предметов, которых будут касаться посещаемые курсы»³⁸. Герье требовал, чтобы в промежутке между двумя семестрами Фортунатова ехал в Париж для знакомства с преподаванием в Ecole des Chartes, Сорбонне и Французской Коллегии. По окончании второго семестра инструкция предписывала молодому ученому отправиться на два или три месяца в Италию, чтобы ознакомиться с главнейшими из ее музеев и исторических памятников. Заканчивалась инструкция предписанием «второй год посвятить собиранию материалов для диссертации и поэтому избрать для жительства ту страну, к истории которой будет относиться предмет диссертации. Темой для диссертации взять какой-либо отдельный необширный вопрос, для того чтобы можно было обработать его вполне научным образом»³⁹.

13 апреля 1876 г. Фортунатов получил свидетельство «о командировании за границу с ученой целью на два года»⁴⁰. В воспоминаниях Н.И. Кареева есть упоминание, что Фортунатов «не выдержал в Париже даже трех месяцев и прикатил в Москву»⁴¹. Точных сведений о заграничной стажировке Фортунатова у

---

³⁷ *Иванова Т.Н.* В.И. Герье. С. 24.

³⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. Л. 85, 85 об.

³⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. Л. 85, 85 об.

⁴⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. Л. 84.

⁴¹ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 144.

историков, занимавшихся этим вопросом, нет⁴². Согласно официальным документам, 24 марта 1878 года Фортунатов исключен из числа командированных за границу, поскольку «до сего времени заграничною командировкой не воспользовался⁴³. Сам Фортунатов в автобиографии, написанной в 1885 г. для получения приват-доцентского звания, не упоминает о факте заграничной стажировки⁴⁴. Исходя из косвенных данных можно предположить, что Фортунатов в заграничную стажировку отправился, но действовал там по собственному почину вопреки инструкции Герье и быстро из-за границы вернулся.

В 1879 г. Фортунатов подготовил работу «История политических учений в Соединенных штатах. Ч. 1. Федералист и трактаты Кальгуна» (М., 1879), которую хотел защитить в Киевском университете. 2 мая 1879 г. Московский университет получил подтверждение из Киева, что там имеются выписки из протоколов историко-филологического факультета «об испытаниях кандидата Фортунатова на степень магистра всеобщей истории» для передачи на историко-филологический факультет Киевского университета «на предмет допущения Фортунатова к защите диссертации⁴⁵. По свидетельству Виноградова, «вторая диссертация Фортунатова натолкнулась в Киеве на не совсем лестный прием со стороны большинства факультета с Котляревским во главе»⁴⁶. В итоге защита не состоялась.

О неудачном опыте вхождения Фортунатова в науку Герье напомнили на Совете историко-филологического факультета. Ф.И. Буслаев, ссылаясь на опыт с Фортунатовым как на негативный пример приглашения для преподавания учеников Герье, заметил: «приглашение молодого человека, не приобретшего

---

⁴² В кандидатской диссертации Н.Н. Агеева утверждает, что Фортунатов точно посетил немецкие университеты и вернулся в Россию. *Агеева Н.Н.* Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 2016. С. 73–76. См. также *Антощенко А.В.* Диссертации П.Г. Виноградова. С. 91.

⁴³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. Л. 26, 26 об. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1879 г. М., 1880. С. 124.

⁴⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4077. Л. 197.

⁴⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 42. Д. 221. Л. 3.

⁴⁶ Письма П.Г. Виноградова // *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 183.

известности в ученой литературе, не представляет достаточных гарантий ни для преподавания, ни для самого преподавателя»⁴⁷.

Ученики Герье утешали учителя, пытаясь доказать, что в случае с провалами Степана Федоровича вины Владимира Ивановича нет. Правда, в письме Корелина есть злость и чувство соперничества: «Но меня очень удивило, – писал Герье Корелин, – что Вас до сих пор печалит вонючая фигура С. Фортунатова: ведь Вам известно, конечно, что он искал повсюду того, что не получил от Вас, и с одинаковым успехом»⁴⁸. Правда, Корелина можно понять. Письмо написано после того, как Степан Федорович стал приват-доцентом университета. 22 ноября 1885 г. попечитель издал распоряжение о принятии Фортунатова в приват-доценты⁴⁹.

Как приват-доцент, Степан Федорович специализировался на англо-саксонском мире: читал лекции по истории США, истории Англии, истории политических учений. Самым завершенным был его курс по истории США⁵⁰.

Курс состоял из двух частей: первая освещала историю создания США, вторая была посвящена истории страны в XIX в. Как отмечает специально исследовавшая этот вопрос Н.Н. Агеева, Фортунатовым в курсе «достаточно много внимания уделялось и характеристике личностей президентов и их правлению», «затрагивались в курсе и экономические вопросы, в частности, земельная проблема (с характеристикой закона об общественных землях 1862 г.), развитию промышленности, прослеживалась экономическая эволюция страны на рубеже XIX–XX вв.»⁵¹.

Поскольку основной упор делался Фортунатовым в лекциях на событийную историю, построение сюжета, то в советской историографии его труды

⁴⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 5. Л. 16 об.

⁴⁸ Письмо от 19 января 1886 г. Письма М.С. Корелина // *Цыганков Д. А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 280.

⁴⁹ Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4077. Л. 195–195 об.; Прошение о принятии // Там же. Ф. 418. Оп. 476. Д. 208. Л. 1. Прошение в приват-доценты от 22 ноября.

⁵⁰ *Агеева Н.Н.* Преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в Московском университете // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения): сб. ст. Чебоксары, 15–16 октября 2015 г. Чебоксары, 2015. С. 17–21.

⁵¹ *Агеева Н.Н.* Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова. С. 121–143.

оценивались не очень высоко. Ю.А. Михайлов отмечал: «Открытой апологией истории США характеризуются сочинения кадетских историков Мижуева и Фортунатова. Компилятивные, целиком построенные на исследованиях зарубежных авторов, оторванные от конкретно-исторического изучения Американской революции, их работы не являются позитивным вкладом в изучение Американской буржуазной революции. <...> Стремление видеть в России конституционно-демократическое государственное устройство приводило их к огульной идеализации американской демократии, потерявшей к началу XX в. с вступлением капитализма в империалистическую стадию свою привлекательность и видимость массовой социальной базы»⁵².

Л.А. Бурганова и Г.П. Мягков более детально объясняли, что вызвало критику советских историков после революции 1917 г.: «Основу воззрений на американскую историю даже наиболее видных представителей академической науки России (П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский) составляли идеи об американской «исключительности», разрабатывая которые их авторы стремились фактически объединить «исключительность» и «образцовость» развития США». Исследователи подчеркивали, что российские историки восприняли многие положения западноевропейских авторитетов А. Токвиля, Д. Брайса, Э. Лабулэ. Новыми были лишь акценты, которые приспособляли теорию американской «исключительности» для потребностей политической борьбы в России. К таким «апологетам» истории США и американских политических институтов причислялся и С.Ф. Фортунатов»⁵³.

В современной историографии Н.Н. Агеева, поместив труды Фортунатова в контекст появившихся во второй половине XIX в. в России работ по американистике⁵⁴, показала, что вопросы, поставленные в его курсах лекций,

⁵² Михайлов Ю.А. Американская буржуазная революция XVIII в. в историографической традиции дореволюционной России // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Казань, 1974. Вып. 3. С. 149.

⁵³ Бурганова Л.А., Мягков Г.П. К вопросу о становлении теории американской «исключительности» в национальных буржуазных историографиях // Методология исторического познания и буржуазная наука. Казань, 1977. С. 84–85.

⁵⁴ Лабуле Э. История Соединенных Штатов. СПб., 1870; Брайс Д. Американская республика: в 3 ч. М., 1890; Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897; Чаннинг Э. История Соединенных

вполне созвучны современным ему исследованиям, а курс лекций Фортунатова может рассматриваться как первый курс по истории США в Московском университете.

Фортунатов был популярным преподавателем у студентов. Подкупали и тема лекций – история США, история революций в Англии, и либерализм преподавателя (сотрудник «Русской мысли», пишущий рецензии на исторические исследования), и его благодушие по отношению к студентам. Характерно свидетельство о лекциях Фортунатова в университете очевидца: «Он начинал лекцию размеренно-спокойным, звучно-теноровым голосом, с необыкновенно отчетливой ясностью произнося каждое слово, а выражение глаз на его лице уже предвещало то оживление, которое скоро захватит всю аудиторию по мере того, как в изложении лектора станут разворачиваться картины парламентской борьбы в тот или иной момент политической истории Англии или драматические эпизоды из истории возникновения отдельных штатов будущей великой североамериканской федерации. И точно через несколько минут после начала лекции слушатели уже сидели намагнетизированные речью, раздававшейся с кафедры, и аудиторию то напряженно затихала, ловя каждое слово лектора, то оглашалась бурным смехом, которому вторил с кафедры и профессор, сам в такой же степени увлеченный предметом своей лекции»⁵⁵.

Выделяли Фортунатова и некоторые коллеги. Виппер считал преподавательскую манеру Фортунатова образцовой и хотел ему подражать. Неизменно тепло отзывались о Степане Петровиче Милюков, Кизеветтер, Богословский. Характерно и постоянно титулование в воспоминаниях

Штатов Северной Америки. М., 1897; *Янжул И.И.* Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1895; *Веснин А.Н.* Североамериканские тресты. СПб., 1906; *Хольцов Л.С.* Современная Америка Историко-географический, политический и экономическо-статистический очерк Северо-Американских Соединенных Штатов. Нью-Йорк, 1907; *Рутченко А.И.* Сельское хозяйство и землеустройство в Северо-Американских Соединенных Штатах. М., 1908; *Скорняков Е.Е.* Орошение и колонизация пустынных государственных земель Соединенных штатов Северной Америки: в 2 ч. СПб., 1911.

⁵⁵ Цит. по: *Агеева Н.Н.* Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова. С. 118.

Фортунатова «профессором». Если Гиацинтова могла не разбираться в тонкостях различий между старшими и младшими преподавателями университета, то уж всю жизнь прошедшие в борьбе за профессию московские историки, разницу не могли не знать. Правда, в 1918 г. все преподаватели Московского университета на волне революции стали профессорами, поэтому появление этого титула у Фортунатова в воспоминаниях – объяснимо.

Фортунатов активно сотрудничал с кругом Виноградова и участвовал в создании учебников для гимназий нового типа. Т.Н. Иванова фактически реконструировала педагогическую позицию Фортунатова для средней школы: историк хотел преподносить свой предмет через биографии ярких личностей, требовал учета возрастных особенностей учеников⁵⁶.

В 1911 г. Фортунатов покинул университет в знак протеста против решения Кассо. После февральской революции 1917 г. он вернулся в университет.

29 декабря 1918 г. Готье записал в дневнике: «Вечером зашел за Б.В. Ключевским, который угостил меня горячей белой булкой, и мы вместе пошли на панихиду по С.Ф. Фортунатову. Я первый раз в жизни был в покойницкой часовне больницы; там бедный Степочка лежал без гроба в обществе еще 6 покойников, и панихида прошла в самой тяжелой и убогой обстановке. Такое же похоронное воспоминание оставило во мне совещание профессоров и преподавателей историко-филологического факультета по вопросу о пресловутом всероссийском конкурсе (все профессора, занимавшие кафедры более 10 лет должны были проходить всероссийский конкурс – Д.Ц.); что-то мы старались сделать, а между тем Университет уже все равно разгромлен...».⁵⁷

6.2.2. В.Е. Якушкин как преподаватель

«Университетская кафедра, газета, парламент, – таковы были этапы, через которые прошла общественная деятельность Вячеслава Евгеньевича Якушкина»,

⁵⁶ *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье. С. 121–122.

⁵⁷ *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 205.

– написал о нем в некрологе А.А. Кизеветтер⁵⁸. Историк был внуком декабриста И.Д. Якушкина, сын которого – Евгений Иванович, профессор Демидовского лицея в Ярославле – был известен как специалист по русскому обычному праву. После окончания Ярославской гимназии Вячеслав поступил в Московский университет. На историко-филологическом факультете он выбрал историческое отделение во многом из-за тесной связи истории с общественной жизнью. В декабре 1878 г. студент Якушкин получил премию Н.В. Исакова за написанное им у Попова сочинение⁵⁹. Рекомендация для оставления Якушкина на факультете была составлена Н.А. Поповым: «Окончивший курс в мае сего года кандидат Вячеслав Якушкин не только обнаружил, во время своего студенчества, недюжинные способности, хорошее знакомство с новыми языками и домашнюю подготовку к историческим занятиям вообще, но и представил на IV курсе несколько письменных работ, свидетельствовавших о его специальных занятиях русской историей. Два реферата, о коих упомянуто было в прошлогоднем Университетском отчете в статье о русском историческом семинарии и кандидатское сочинение, поданное в мае сего года, служили доказательством тому. В недавнее время, отбыв воинскую повинность, он представил мне программу занятий предложенную им для приготовления к испытанию на степень магистра русской истории. Средоточием для... занятий будет служить многотомная «История России с древнейших времен», а в связи с ее изучением будет стоять изучение обнаруженных источников и важнейших литературных пособий. Находя такую программу достаточную на первый раз для вышеупомянутой цели и считая кандидата Якушкина способным удовлетворять вполне ее требованиям, честь имею ходатайствовать перед Факультетом об оставлении его при Университет для приготовления к профессорскому званию»⁶⁰. Министерство утвердило оставление Якушкина на 2 года из средств МНП⁶¹. В архиве

⁵⁸ *Кизеветтер А.А.* В.Е. Якушкин и его научные труды // Вячеслав Евгеньевич Якушкин. М., 1912. С. 10.

⁵⁹ Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1878 г. 2-я половина. М., 1879. С. 101.

⁶⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 48. Д. 452. Л. 5–5 об. В документе оторвано место подписи.

⁶¹ Там же. Оп. 476. Д. 8.

университета отложились утверждение его годовых отчетов на Совете факультета⁶², а также подробности сдачи магистерских экзаменов по русской истории 10 февраля 1882 г.⁶³ Ответы были признаны удовлетворительными.

В 1882 г. в «Русской Старине» вышла статья Якушкина, посвященная суду над Радищевым⁶⁴. В 1880-е гг. внимание магистранта Московского университета приковывают работы со значимой общественной темой (история крестьянства), изучение творчества Пушкина (основано на исследовании пушкинских рукописей в Румянцевском музее, результаты которого опубликованы в тт. 41–44 «Русской старины» за 1884 г.⁶⁵) и этюды по личностям декабристов (К.Ф. Рылеев, М.И. Муравьев-Апостол⁶⁶). Общественное кредо Якушкина, видимо, сформулировано в статье «Радищев и Пушкин»⁶⁷, в которой автор доказывает, что Пушкин последних лет своей жизни исповедовал идеалы 1820-х гг., то есть был близок к декабристам.

В 1885 г. Якушкин был избран приват-доцентом. Несмотря на быструю сдачу экзаменов, приступить к защите диссертации столь же оперативно Якушкину не удалось. Его друзья во многом объясняли это тем, что Вячеслав Евгеньевич делил интерес к истории как таковой со страстью к истории русской литературы.

И все же к защите Якушкин шел. В октябре 1889 г. он просит факультет выделить ему средства для печатания диссертации: «Оканчивая в настоящее время свое исследование по истории русского поземельного законодательства в XVIII веке и предполагая затем представить эту работу в факультет как диссертацию, имею честь просить о дозволении мне печатать ее в Университетских Записках по

⁶² Там же. Ф. 418. Оп. 48. Д. 221. Л. 19.

⁶³ Вопросы: 1) Междукняжеские отношения в Древней Руси; 2) Земские соборы Московского государства; 3) Крестьянский вопрос при Екатерине II.

⁶⁴ Якушкин В.Е. Суд над русским писателем в XVIII в. К биографии А.Н. Радищева // Русская старина. 1882. Т. XXV. № 10. С. 477–533.

⁶⁵ Якушкин В.Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее // Русская старина. 1884. Т. XLI. № 2. С. 413–436; № 3. Т. XLII. С. 647–662; № 4. С. 87–110; № 5. С. 325–354; № 6. С. 533–572; Т. XLIII. № 7. С. 1–54; № № 8. С. 313–330; № 9. С. 641–653; Т. XLIV. № 10. С. 75–92; № 11. С. 335–374; № 12. С. 515–586.

⁶⁶ Якушкин В.Е. Матвей Иванович Муравьев-Апостол // Русская старина. Т. XLIX. 1886. № 4. С. 151–170.

⁶⁷ Якушкин В.Е. Радищев и Пушкин. М., 1886. – 58 с.

Историко-Филологическому факультету с января месяца 1890-го г., объемом она будет приблизительно листов печатных 15–18»⁶⁸. Затем следует и его прошение о назначения диспута: «Представляя при сем три экземпляра напечатанной мной книги «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Выпуск I. XVIII в.», честь имею просить факультет рассмотреть представленную работу и затем, если это окажется возможным, допустить меня к публичной защите ее для получения степени магистра русской истории»⁶⁹.

15 марта 1890 г. в письме к С.Ф. Платонову Милюков писал: «У нас, кажется, тоже будет диспут; Якушкин напечатал «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII в.»; может быть, защита будет еще весною»⁷⁰. В следующем письме уже с негодованием коллега Якушкина по факультету замечал, что ему предстоит быть оппонентом на диспуте: «На диспуте Якушкина, верно, мне не миновать официального оппонентства и связанной с ним возни; потому теперь спешу допечатывать свою разрядную, привожу в порядок материалы для диссертации, пишу ее, словом, дел по горло»⁷¹.

11 апреля 1890 г. Платонов делится с Милюковым слухами относительно Якушкина, который побывал в Петербурге в конце 1889 – начале 1890 г.: «Здесь говорят, что Якушкин очень спешил магистриваться раньше Вас. Чего ради? Книжка его на первый взгляд производит впечатление действительно упражнения наспех, хотя и очень любопытного»⁷²

13 апреля следует разбор книги Якушкина Милюковым: «Про Якушкина и здесь говорят то же, что у Вас; я только что дочитал книжку и ему, признаться, не завидую: диссертация вышла довольно позорная; во всей книге страниц 75 относятся к теме, да и тема-то, вдобавок, не понята, т[о] е[сть] взята с несущественной стороны: разве в размере надела *суть* нашей аграрной политики XVIII [века]? В первую половину века, вопреки всем его натяжкам, никакой

⁶⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 228.

⁶⁹ Там же. Л. 2.

⁷⁰ Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. М., 2011. С. 22.

⁷¹ Там же. С. 23.

⁷² Там же. С. 25.

аграрной политики не было, а во второй была – относительно *государственных* крестьян, только совсем не в хлопотах о размере надела состояла, а в проведении вотчинной власти государства над государственными] крестьянами: самые яркие признаки усиления вотчинной власти: *оброчная* подать с г[осуда]рств[енных] крестьян, введенная Петром, и введение общинного хозяйства по межевой инструкции; факты, действительно, крупные, последний даже — огромный, а он их и не заметил; не будь их, не было бы и сословия государственных крестьян, а были бы прежние черносошные, ясачники да однодворцы. А заметили Вы рабскую зависимость от Неволлина в первой половине? А какова натяжка в этой схеме, что в XVII в[еке] правительство заботилось о поместном, а в XVIII в[еке] о крестьянском наделе! Он винит тех исследователей, которые вопрос о наделе разбирают по отношению к помещичьим крестьянам; но, конечно, только относительно помещичьих крестьян этот вопрос имеет юридический смысл и исторический интерес; сам же он, расширив произвольно понятие надела, оставил за ним специфические черты, к[ото]рыми отличается он *только* по отношению к помещичьим крестьянам»⁷³.

После письма Милюкова Платонов заметил, что книга Якушкина и ему показалась очень жидкой, а ее оценка Милюковым охладило желание петербургского историка ее читать, а потому он будет ждать диспута. 22 апреля Милюков сообщил Платонову, что диспут состоится 7 мая, а он будет 2-м оппонентом⁷⁴. Милюков был назначен вторым оппонентом на заседании совета историко-филологического факультета Московского университета 18 апреля 1890 г.⁷⁵.

Защита проходила в библиотечном зале Московского университета. Во вступительном слове магистрант заявил, что «его труд главнейшим образом посвящен вопросу о поземельном крестьянском наделе и если диссертация носит иное заглавие, то потому, что исследования по сказанному вопросу совершенно

---

⁷³ Там же. С. 27–28.

⁷⁴ Там же. С. 31.

⁷⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д 17. Л. 15 об.

неотделимы от изучения общей аграрной политики»⁷⁶. «При создании поземельного надела крестьян правительство применило те же самые начала, которые были выработаны раньше для поземельного обеспечения служилых людей. Правительство, преследуя государственные интересы, отводило поместья служилым людям, но взамен этого требовало с них обязательной службы. Земля служила ему фондом, которым обеспечивались существенные потребности государства. У Московского государства не могло быть достаточно финансовых источников, и оно необходимо пришло к утверждению поместной системы. Но последняя имела существенные недостатки, заставившие правительство прибегнуть к денежному вознаграждению. Система денежного вознаграждения сначала является, как дополнение к раздаче земель за обязательную службу, а потом приобретает большую силу и большее значение, пока, наконец, не делается господствующей, пока поместная система не падет окончательно. Но земля оставалась по-прежнему фондом, из которого покрывались все государственные расходы. В начале XVIII в. Петр Великий так сформулировал основы русской аграрной политики: «с земель служилые люди служат службы, а крестьяне пахут пашни и платят оброки, а даром землями никто не владеет». Таким образом, заботы нашего правительства о поземельно наделе крестьян вызывались фискальными интересами. Фискальные интересы определили как общее направление нашей поземельной политики в вопросе о крестьянском наделе, так и самый размер последнего. Они приводили наше правительство к заботе о наделе не только казенных, но и помещичьих крестьян, хотя относительно последних не могла, понятно, развиваться такая система, как по отношению к казенным»⁷⁷. Ключевский не согласился с термином «поземельная политика», посчитал недостаточно раскрытым картину землевладения XVII в., высказал несколько замечаний о толковании диспутантом указа о единонаследии и заявил, что невозможно изучить сложное явление только на основании ПСЗ⁷⁸. Милюков заявил, что поземельная

---

⁷⁶ Историческое обозрение. 1890. Т. 1. С. 300.

⁷⁷ Историческое обозрение. 1890. Т. 1. С. 300–301.

⁷⁸ Факультетский отзыв В.О. Ключевского на работу В.Е. Якушкина см.: НИОР РГБ. Ф. 131. К. 14. Д. 18. Л. 1–1 об. Впервые указано П.А. Трибунским.

политика государства была вовсе иной, чем ее обрисовал диспутант. По мнению Павла Николаевича, Якушкин «не обратил внимания на то, что поземельная политика в прошлом веке была направлена к ограничению свободной земельной собственности черносошных крестьян»⁷⁹.

По мнению Милюкова, главной ошибкой Якушкина стала попытка сблизить служилый надел с крестьянским у частных владельцев. Милюков же напротив, считал, что в XVIII в., опираясь на опыт частных владельцев, государство пыталось распространить аграрную практику в частновладельческом секторе на государственных крестьян, сократив традиции самоуправления и возможности совершения различных сделок с землей⁸⁰. В рецензии на книгу Милюков заметил, что не только для читателей, но и для автора сохранилась «неясность в самой постановке вопроса». «Рассматривает ли он, говоря о наделе помещичьих крестьян, вопрос юридический или экономический?».

Как оппонент от публики выступил А.С. Посников. Указав на правильность постановки вопроса и наличие работ на сходные темы в иностранной литературе, оппонент заметил, что в работах такого рода очень важно верное рассмотрение юридических понятий, чего не всегда придерживается магистрант. После окончания прений, в 7 часу вечера диспутант получил искомую степень, а публика, присутствовавшая на заседании, ему аплодировала⁸¹.

Якушкин намерен был продолжить свое исследование и вторую часть работы посвятить рассмотрению проблемам поземельной политики в XIX в., но фактически начал их решать на практике, став депутатом Думы, в которой высказывался за национализацию помещичьих владений.

С 1885 по 1895 г. Якушкин читал лекции в университете как приват-доцент: История крестьянского вопроса в России XVIII в. (весенний семестр 1886 г.), Внешняя история России в первой половине XIX века (осеннее полугодие 1886 г.),

---

⁷⁹ Историческое обозрение. 1890. Т. 1. С. 300–301.

⁸⁰ Эти идеи Милюков развил в печатной рецензии на работу Якушкина. *Милюков П.Н.* Русская аграрная политика прошлого столетия // Русская мысль. 1890. № 5. С. 200—203 отд. паг. Рец. на: *Якушкин В.Е.* Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. М., 1890. Вып. 1: XVIII в.

⁸¹ Русские ведомости. 1890. № 124.

Чтение и объяснение древнейших русских летописей в связи с обзором летописного дела в России и литературы предмета (весна 1887 г.), Очерк истории русского поземельного законодательства в XVIII и XIX вв. (осень 1887 г.), История русских университетов с 1755-го года по 1884 г. (весна 1888 г.), История русской журналистики (осень 1888 г.; 1893–1894), История русской внешней политики в XVIII и XIX в. (весна 1889 г.), Народное просвещение в России в XIX в. (весна 1890 г.), История царствования императора Александра I (осень 1890; 1891–1892, 1892–1893 гг.).

Фактически каждый семестр до защиты диссертаций Якушкин предлагал новые специальные курсы главным образом по истории России XVIII–XIX вв., имея важные публикации по темам спецкурса (статья Якушкина об университетских уставах является одной из самых цитируемых среди дореволюционных работ по этой проблематике)⁸².

Судя по всему, понимая, что его академическая карьера не поддерживается историками Московского университета, Якушкин принимает решение сосредоточиться на журналистике. Для этого у него был хороший задел. С 1887 он сотрудничал с газетой «Русские Ведомости», где впоследствии стал членом редакции, отвечающим за публикации материалов по земскому движению и крестьянскому вопросу. В 1899 г. за чтение доклада «Об общественных идеалах Пушкина» в ОЛРС Якушкина высылают под гласный надзор полиции в Ярославль.

Со времени ссылки начинается карьера Якушкина как политика в кадетской партии.

6.2.3. П.Н. Милюков как новый тип преподавателя

Становление П.Н. Милюкова как ученого и преподавателя подробно рассмотрено в исследовании М.Г. Вандалковской⁸³ и в двух монографиях начала

⁸² Якушкин В.Е. Из истории русских университетов в XIX в. // Вестник воспитания. 1901. № 7. С. 34–58.

⁸³ Вандалковская М.Г. П. Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.

2000-х гг.⁸⁴ Однако деятельность Павла Николаевича в контексте профессионализации занятий историков Московского университета еще не изучалась.

Милюков был своеобразным типом универсанта. Даже начать учебный год в срок после поступления в университет в 1877 г. он не смог. Причина была уважительной. Вместе с другом он добровольцем трудился в санитарном отряде на Кавказе, организованном московским дворянством во время русско-турецкой войны в 1877 г. В Москву Милюков прибыл лишь в 20-х числах сентября. Подписку о подчинении студенческим правилам студент дал только 27 сентября⁸⁵.

История не была в приоритете у Милюкова к моменту поступления в университет. Он больше интересовался философией. В гимназии он увлекался Вольтером. На Кавказе, работая в санитарном отряде, Павел Николаевич успел прочесть «Россию и Европу» Н.Я. Данилевского. В философию Данилевского Милюков погрузился глубоко, но впоследствии признался, что не понял того факта, что Данилевский стоит на консервативных позициях. Возможно, именно в силу философских симпатий на первом курсе Милюков особо выделял лекции профессора философии М.М. Троицкого, который враждебно относился к религиозно-метафизическим явлениям, требовал отказа от любых априорных положений для выработки подлинно научного метода. На вакациях летом 1878 г. Милюков прочел труды Г. Спенсера, получив их из библиотеки М.М. Ковалевского.

В воспоминаниях Милюкова историки университета оценивались с точки зрения «нашего поколения». «Наше поколение отбрасывало a limine представление об истории как повествование о фактах, – отмечал студент. – Гимназическое преподавание нас достаточно отучило считать генеалогии государей, даты их царствований, побед и поражений в войнах и так далее за настоящую историю. Отвергая всякое научное значение истории повествовательной, как бы красиво она

⁸⁴ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: Труды и дни. Рязань, 2001; Бон Т. Русская историческая наука. Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2002.

⁸⁵ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: Труды и дни. С. 24.

ни была изложена, мы ждали от истории чего-то другого, что приближало бы ее к экспериментальной науке»⁸⁶.

Когда же практически ровесник Милюкова – Н.И. Кареев – прочел курс по истории XIX в. в Европе, в котором для Герье пахло не только социологией как методом, но и социализмом, Милюкова этот курс тоже не удовлетворил. Впрочем, здесь дело бы не в научном методе. Милюков и Кареев увлеклись одной дамой, которую Павел Николаевич скрыл в воспоминаниях под криптонимом «И». Эта особа отвергла ухаживания Кареева, а у Милюкова поинтересовалась, может ли он «рассчитывать приобрести такую же «славу», как приобрел Кареев»⁸⁷. Для Милюкова этот призыв стал причиной для ниспровержения авторитета Кареева в будущем⁸⁸.

Впрочем, к концу обучения на факультете Милюков уже склонялся к изучению исторических наук. По уверениям самого Милюкова, летом 1880 г. он написал «целую тетрадь» собственной метафизики исторического процесса. Однако в утверждениях Милюкова можно усомниться. За время обучения он не был отмечен никакими академическими наградами, хотя текущие экзамены сдавал очень хорошо⁸⁹.

При высоких оценках, которые были у студента, для получения звания действительного студента ему было необходимо написать кандидатское сочинение. Павел Николаевич сделал это быстро. 15 декабря 1882 г. на факультетском заседании был заслушан отзыв Ключевского о сочинении Милюкова на тему – «О различных родах землевладения в Московском государстве на основании писцовых книг»⁹⁰. Работа была охарактеризована Ключевским как «нетривиальная» и получила оценку «весьма

⁸⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 75.

⁸⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 82.

⁸⁸ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: Труды и дни. С. 27.

⁸⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 52. Д. 144. Л. 4. См. Бон Т. Указ. соч. С. 203.

⁹⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 9. Л. 45.

удовлетворительно»⁹¹. Совет университета 18 декабря 1882 г. удостоил Милюкова степени кандидата⁹².

На факультете встал вопрос об оставлении Павла Николаевича для подготовки как стипендиата. На положительном решении особенно настаивал Виноградов. Милюков на 4-м курсе, по собственным признаниям, пропускал много занятий по русской истории, предпочитая им виноградовский семинар и неплохо себя на них зарекомендовал, написав доклад «Коллегии при императорах»⁹³.

Работал Милюков и у Герье. В воспоминаниях Павла Николаевича при явно неадекватной оценке Герье содержится похвала этому профессору за выбор тем для сочинений на практических занятиях по «Общественному договору» Руссо, чтение трудов о французской революции. В архиве Милюкова даже сохранились подготовительные тексты для выполнения работ в семинаре Герье. Следовательно, можно предположить, что и Герье о студенте знал и, судя по всему, даже был не прочь взять его к себе. Впрочем, это не устраивало уже самого Милюкова, считавшего, что заниматься всеобщей историей – это практически таскать воду в полный колодезь⁹⁴.

А вот Ключевский, вероятнее всего, о Милюкове никакой информации не имел, поэтому и отказывался дать ему рекомендацию. То, что Ключевский не хотел оставлять Милюкова в университете известно из воспоминаний и самого Милюкова, и Богословского⁹⁵. Да и собственно факультетская рекомендация, написанная 8 февраля 1883 г., подписанная совместно Поповым и Ключевским, это

⁹¹ Там же. Д. 49. Л. 45 об. Заседание совета от 15 декабря 1882. Рецензия прилагается к ходатайству в Совет от 9 февраля 1884 г. Оп. 52. Д. 144. Л. 3–3об.

⁹² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. оп. 291. Д. 239. Л. 19. 123–124.

⁹³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3526. Д. 3555. Л. 1–16, 19.

⁹⁴ Сам Милюков отмечал в воспоминаниях, что русской историей почти не занимался, посвящая все время истории всеобщей: «Изучение всеобщей историей представлялось мне необходимой пропедевтикой для лучшего понимания исторических процессов: я видел, как далеко ушло вперед изучение всеобщей истории сравнительно с русской, да и, помимо, применения лучших методов, находил общими и самые исторические процессы, подлежащие изучению». Милюков П.Н. Воспоминания. С. 117, 141. *Милюков П.Н. Мои университетские годы. «Не хотел заниматься всеобщей историей, поскольку это таскать воду в колодезь»*. С. 265.

⁹⁵ *Богословский М.М.* [Ключевский – педагог]. // *Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 46.*

всячески подчеркивает. В ней сказано, что Милюков «особенно много занимался всеобщей историей» и лишь «в последнее время своего университетского курса» «обратился к изучению истории России»⁹⁶.

Совет Московского университета единогласно проголосовал за оставление Милюкова. Попечитель запросил у министерства оставление на 2 года «с назначением ему на это время содержания по 600 р. в год из сумм министерства»⁹⁷. Свободных сумм у МНП не было, так как финансовый год уже начался, поэтому министерство обещало финансирование при появлении свободных денег, что произошло к концу года. Милюков получил министерскую стипендию на 2 года с 1 декабря 1883 г.⁹⁸

В 1885 г. Милюков приступил к сдаче магистерских экзаменов. 10 апреля Милюков сдавал экзамен по русской истории («О русской Правде», «об Уложении 1649 г.») и получил оценку – весьма удовлетворительно. На втором экзамене 17 апреля он говорил о противостоянии Александра I и Наполеона, получив ту же отличную оценку. На обоих заседаниях Милюкова слушал Ключевский⁹⁹.

20 ноября 1886 г. Милюков сдал экзамен по всеобщей истории Герье, ответив на вопрос «Английское государственное устройство в средние века» (удовлетворительно). Последним на очереди у Милюкова был экзамен по политической экономии 4 декабря. Магистрант отвечал на вопрос «О поземельной ренте» Чупрову. Профессор признал ответ «весьма удовлетворительным».

1 марта 1886 г. Милюков подал прошение о принятии его в число приват-доцентов¹⁰⁰. Для пробного чтения ему были назначены лекции «Древнейшие разрядные книги» (по выбору Милюкова) и «Юридическая школа в русской историографии» (по выбору факультета). Обе лекции Милюков прочел 13 марта 1886 г. и вновь получил за них оценку «весьма удовлетворительно». 19 июля

⁹⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 52. Д. 144. Л. 2.

⁹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 680. Л. 23 об.

⁹⁸ Там же. Л. 144.

⁹⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Ед. хр. 226. Л. 1–4.

¹⁰⁰ Там же. Ед хр. 201. Л.1

решением попечителя он был зачислен в приват-доценты¹⁰¹ Московского университета.

Павел Николаевич решил готовить диссертацию и преподавать одновременно. Преподавание Милюкова ценили студенты. Кизеветтер вспоминал: «Лекции Милюкова производили на тех студентов, которые уже готовились посвятить себя изучению русской истории, сильное впечатление именно тем, что перед нами был лектор, введивший нас в текущую работу своей лаборатории, и кипучесть этой исследовательской работы заражала и одушевляла внимательных слушателей. Лектор был молод и еще далеко не был искушен в публичных выступлениях всякого рода. Даже небольшая аудитория специального состава волновала его, и не раз во время лекции его лицо вспыхивало густым румянцем. А нам это было симпатично»¹⁰².

Если обратиться к изданным бесцензурно лекциям Милюкова для женских коллективных уроков под названием «Введение в историю России», а курс с таким названием он читал и в Московском университете в самом конце своей преподавательской карьеры (из него вышли «Очерки русской культуры»¹⁰³), то видно, что в аудитории Милюков был остроумен, резок. Милюков явно хотел подорвать у слушателей покорное отношение к русскому государству, «всемогущему и вездесущему», относящемуся к подданным как к несовершеннолетним. Ведь такое государство всегда имеет потребность «всюду иметь глаза, везде иметь руки»¹⁰⁴.

Однако, судя по всему, студенты (а его аудитория по численности ни шла ни в какое сравнение с аудиторией Ключевского) ценили Милюкова не за построение фразы на лекциях и его общественный пафос, «левый» по интенциям, а за практические занятия.

---

¹⁰¹ Там же. Ед хр. 201. Л. 2.

¹⁰² *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С. 187.

¹⁰³ *Маловичко С.И.* Междисциплинарный подход в «Очерках по истории русской культуры» П.Н. Милюкова // Копытинские чтения – I, II: сб. ст. Международной научно-практической конференции, Могилев, 17–18 мая 2018 г. / под общей ред. М.И. Матюшевской. Могилев, 2018. С. 11–13.

¹⁰⁴ *Милюков П.Н.* Введение в курс русской истории. С. 81–82.

Интересно отметить, что, обдумывая темы курса, который он намеревался объявлять, Милюков сам очень часто употреблял для своих занятий термин «семинарий», хотя в университетских объявлениях они были обозначены как «лекции». Так, в письме к Платонову в сентябре 1890 г. он сообщал, что «во вторник начну в университете курс или семинарий, сам еще не знаю»¹⁰⁵. А 17 января 1891 г., когда, согласно учебному плану, он вел курс «Русские источники XV–XVI вв.», Милюков в письме к Платонову заметил: «В этом полугодии университетской возни будет больше, так как поспели рефераты на данные в начале годы темы и придется позаняться правильной постановкой семинария»¹⁰⁶. Следовательно, как правильно замечают специалисты, изучавшие педагогически приемы Милюкова, он использовал смешанный тип занятий, а семинары ему, действительно удавались больше, чем лекции. Так, во время командировки Ключевского в Аббас-Туман, в ноябре 1893 – апреле 1894 г. Милюков вел обязательный семинар для 3 и 4 курса. «Вначале я думал, что дело сведется, как сводится и у Ключевского, к курсу лекций об источниках, но студенты принялись серьезно работать на предложенные мною темы, – и мне приходится усиленно работать самому»¹⁰⁷. На следующий год, сообщает он Платонову, «пришли мои прошлогодние семинаристы и упросили меня вести с ними нечто вроде практических занятий, которых Ключевский не дает им»¹⁰⁸.

Так, тот же Кизеветтер утверждает, что благодаря лекциям «молодой лектор сумел сблизиться с нами, и скоро мы стали посещать его на дому. Эти посещения были не только приятны по непринужденности завязывавшихся приятельских отношений, но и весьма поучительны. Тут же воочию разворачивалась перед нами картина кипучей работы ученого, с головой ушедшего в свою науку. Его скромная квартира походила на лавочку букиниста. Там нельзя было сделать ни одного движения, не задев за какую-нибудь книгу. Письменный стол был завален всевозможными специальными изданиями и документами. В этой обстановке мы

---

¹⁰⁵ Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. С. 48.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. 134.

¹⁰⁸ Там же. С. 49.

просиживали вечера за приятными и интересными беседами. А мне думалось порой: с каким удовольствием любезный хозяин после нашего ухода останется один и вернется к работе, от которой мы его оторвали. Мы не сомневались, что имеем дело с человеком, который наполнит нашу ученую литературу многочисленными фундаментальными историческими трудами. И точно, он сделал немало в этой области. Но сделанное им составляет лишь небольшую долю того, что он непременно совершил бы, если бы не потянуло его на иные пути, на иную арену»¹⁰⁹.

Занятия Милюкова особо выделяют, очень часто ставя на первое место в своих впечатлениях от обучения в университете, А.А. Кизеветтер (1884–1888), В.Н. Сторожев, М.М. Богословский (1886–1890), Н.А. Рожков (1885–1889); М.Н. Покровский (1887–1891), Ю.В. Готье (1891–1895), С.К. Богоявленский (1891–1895).

В кружке Виноградова, собиравшемся с начала 1890-х гг., молодежь воспринимала Милюкова как правую руку Павла Гавриловича. Именно Милюков вел заседания в отсутствие мэтра¹¹⁰. Как вспоминал Готье: «участники серьезных семинариев последнего года объединились в научный кружок под руководством С.Н. Трубецкого и П.Н. Милюкова, тогда приват-доцентов, и П.Г. Виноградова, ставшего председателем кружка»¹¹¹. Готье считал, что «милюковский семинарий имел решающее значение для всей моей жизни... Работа в милюковском семинарии, и, может быть, еще больше работа над зачетным сочинением под непосредственным руководством П.Н. углубила и определила мои научные интересы. Я решил окончательно стать русским историком. И за это руководство я всю свою жизнь сохраняю благодарность П.Н. Милюкову, которого в той же мере, как В.О. Ключевского, считаю своим учителем»¹¹².

¹⁰⁹ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С. 70.

¹¹⁰ *Богословский М.М.* Из воспоминания о В.О. Ключевском // *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 86–87.

¹¹¹ *Готье Ю.В.* Профессор А.Н. Савин // *Голос минувшего.* 1923. № 2. С. 185.

¹¹² *Готье Ю.В.* Университет // *Московский университет в воспоминаниях современников.* М., 1989. С. 567–568. Фраза, которую опустили издатели: «Я всегда думал и жалел – какого великолепного профессора и руководителя начинающих ученых потерял в нем Московский Университет» // АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 67. Л. 17–18.

Как лектор Милюков первым в Московском университете прочел отдельный курс лекций по историографии¹¹³, привлекая внимание К.Н. Бестужева-Рюмина. Ключевский стал читать такой курс после Милюкова.

Милюков считал, что его преподавание в университете вызывало «ревность» Ключевского. Тем более, что доброжелатели доносили до учителя Милюкова «ненужные» слухи. Так, «нашлись ревнители (и особенно ревнительницы), которые разгласили, что я в своих лекциях опровергаю Ключевского. Я с огорчением заметил после этого некоторое охлаждение ко мне моего учителя, к которому относился с любовью и безусловным почтением. Такая реакция слишком отзывала старыми университетскими нравами. Пожертвовать свободой собственной исследовательской мысли я, конечно, не мог»¹¹⁴.

Об этом своем открытии Милюков написал петербургскому коллеге – С.Ф. Платонову: «мы с Ключевским теперь в самых отвратительных отношениях; он проявлял уже не раз враждебность ко мне, в случаях настолько мелких, что надо было быть или очень мелочным, или уж очень раздраженным, чтоб не воздержаться от таких проявлений»¹¹⁵.

В этой связи Платонов стал предлагать Милюкову перейти на службу в Александровский лицей в Санкт-Петербург (800 р. за лекции, 1250 р. за 10 уроков; при получении докторской степени оклад за лекции должен был возрасти до 1250 р.; также Платонов предлагал лекции на ВЖК), где о Милюкове заочно знали, хотя рассматривали и кандидатуру другого приват-доцента Московского университета В.Е. Якушкина. После получения предложения от Платонова Павел Николаевич стал активно советоваться с близкими ему людьми. Виноградов настоятельно рекомендовал Милюкову переехать в Петербург, поскольку «наследство

¹¹³ *Макушин А.В.* Из истории университетской деятельности П.Н. Милюкова // *Российские университеты в XIX – начале XX в.: Вып. 2.* Воронеж, 1996. С. 123–138.

¹¹⁴ *Милюков П.Н.* Воспоминания. С. 156.

¹¹⁵ Письмо П.Н. Милюкова – С.Ф. Платонову от 22 апреля 1890 г. // *Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками.* Т. 2. Кн. 1. М., 2011. С. 30–31.

Ключевского» надо ждать целое десятилетие, а для введения второй профессуры в Москве не хватает инициативы»¹¹⁶.

Отношения Милюкова с Ключевским испортились окончательно во время защиты Милюковым диссертации. Тему исследования Милюков нашел не сразу. Первоначально он продолжал заниматься низшими слоями провинциальных служилых людей, чему было посвящено его кандидатское сочинение. Однако под влиянием обнаруженных новых источников (Госархив МИД, Морской архив в Санкт-Петербурге, в которых Милюков работал на летних каникулах в 1888 и 1889 г.) он решил заняться государственным хозяйством эпохи Петра, о чем, судя по всему, и сообщил Ключевскому. Ключевскому предложение Милюкова не понравилось: «Вы бы лучше взяли и разработали грамоты какого-нибудь из северных монастырей. Это было бы гораздо короче – и послужило бы для магистерской диссертации, а эту свою работу вы бы лучше отложили для докторской диссертации»¹¹⁷. Однако от своего плана Милюков отказываться не стал.

В январе 1892 года приват-доцент Милюков обратился на историко-филологический факультет с просьбой о защите диссертации. 22 января факультет официально рассмотрел вопрос о принятии книги «Государственной хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» в качестве магистерской диссертации»¹¹⁸. Ее рассмотрение было поручено Ключевскому. 5 февраля обсуждалась кандидатура второго оппонента, которым факультет хотел видеть И.И. Янжула. На заседании 11 марта слушалось письмо Янжула, в котором он соглашался быть оппонентом, если защита пройдет между 1 и 22 мая. Факультет это пожелание учел¹¹⁹. После получения известий о приблизительном времени диспута приват-доцент Милюков уехал в Крым, чтобы успокоить нервы¹²⁰. Он

¹¹⁶ Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924 гг.). М., 2020. С. 332–333. См. *Бон Т.* Указ. соч. С. 61.

¹¹⁷ *Милюков П.Н.* Воспоминания. С. 156, *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Указ. соч. С. 60.

¹¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 19. Л. 16 об.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков. С. 67.

вернулся в Москву фактически за неделю до защиты, которая была назначена на 17 мая.

В это время в Москве разворачивалась борьба за «нашего Павла Николаевича». 22 апреля факультет заслушал положительный отзыв Ключевского на магистерскую диссертацию Милюкова, диспут был назначен на 17 мая. Обратим внимание, что вопрос о том, какую степень присуждать соискателю обсуждали без его присутствия, его участие на предварительном этапе было необязательным. На заседании 29 апреля были одобрены тезисы Милюкова к защите, заранее им подготовленные. Но это же заседание и стало причиной разговоров о Милюкове в молодежной среде.

29 апреля обсуждался отзыв на магистерскую диссертацию М.С. Корелина, подготовленный В.И. Герье. Профессор всеобщей истории на основании статьи 88 устава 1884 г. предложил присвоить Корелину в виде исключения докторскую степень.

Это вызвало реплику Виноградова о том, что не менее диссертации Корелина заслуживает присуждения докторской степени диссертация Милюкова, вопрос о присуждении докторской степени которому в факультете не рассматривался. Выступление Виноградова дало возможность Р.Ф. Брандту поставить под сомнение необходимость присвоения докторской степени Корелину и заявить о том, что этот пункт устава лучше применять как можно реже. Герье настоял на голосовании по своему предложению, к его оценке диссертации присоединился второй оппонент – Н.И. Стороженко. Во время голосования 10 членов факультета поддержали предложение, 2 – высказались против¹²¹.

Вопрос о докторстве Милюкова 29 апреля не баллотировали, поскольку иного предложения, кроме официального отзыва Ключевского, в котором работа признавалась заслуживающей магистерской степени, зачитанного на предыдущем заседании, не выдвигалось. Не было и мнения второго оппонента – Янжула, он оказался болен и просил освободить его от оппонирования. Милюкову назначили

---

¹²¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 19. Л. 14, 17, 18–18 об. *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Указ. соч. С. 69.

нового оппонента – В.Е. Якушкина, на магистерскую диссертацию которого Милюков написал резкую рецензию не так давно. Расклад сил в факультете для Милюкова сложился не очень благоприятным.

«Общество» было расположено к Павлу Николаевичу более благосклонно. После произошедшего заседания в Совете историко-филологического факультета в кружке историков П.Г. Виноградова, возможно, с подачи самого Павла Гавриловича, стали распространяться слухи том, что Милюков был достоин докторской степени, а Ключевский этому воспротивился.

Большинство исследователей видят личные мотивы конфликта. Озвучена в поздних источниках бытовая версия конфликта, произошедшего во время обучения Милюковым сына Ключевского Бориса катанию на велосипеде и проявленном Павлом Николаевичем амикошонстве¹²². Некоторые историки видят у конфликта академические причины. Так, на лекциях в Московском университете Милюков критиковал представления Ключевского о раннем периоде русской истории – теории торговых городов древней Руси.

Согласно Милюкову, конфликт произошёл по вине Ключевского. Савин со ссылкой на Любавского свидетельствовал, что причина разногласий крылась в Милюкове. Две эти линии сближал Богоявленский: «Между ними было много недоразумений. И Ключевский, и Милюков были люди резкие и каждый из них имел свое твердое самостоятельное мнение»¹²³.

С нашей точки зрения, причина конфликта в явно неадекватном представлении Милюкова о собственном статусе. Самого Милюкова в том, что он достоин докторства и является «наследником Ключевского» убеждали, как ни странно, петербургские исследователи, прежде всего – С.Ф. Платонов. 24 января 1891 г. в письме к Милюкову он писал: «Сообщу Вам по секрету: А.И. Маркевич сообщал мне, что он не усомнился бы сделать попытку, принять Вашу работу

¹²² Савин А.Н. Университетские дела. С. 179–180. Впервые об этом см.: Филин М.Д. Дневниковые записи А.Н. Савина о В.О. Ключевском // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1979. С. 239.

¹²³ Шмидт С.О. Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 311.

докторской, если бы она была подана в Одессе». Миллюков отвечал: «Очень мне было лестно прочитать в Вашем письме, что... Маркевич готов сделать меня доктором»¹²⁴. Однако именно в это время Ключевский пообещал выхлопотать для Миллюкова что-то наподобие доцентской ставки, а потому он ожидал поддержки от Ключевского: «Ключевский выразил готовность начать немедленно справки, нельзя ли мне дать доцентский оклад. Положим, в результате этих справок оказалось, что наш ректор боится отказа со стороны министерства и советует отложить этот вопрос до получения мною степени; но собственно, мне и нужно было не столько немедленное увеличение моих доходов, сколько уверенность в том, что в более или менее ближайшем будущем я получу более определенное направление в университете, чем теперь»¹²⁵.

Факт же оценки его труда ниже диссертации Карелина Миллюкова сильно задел: «Вы, наверное, знаете про наши факультетские события, – писал он Платонову, – в результате которых докторство Карелина¹²⁶ прошло как по маслу, а мое натолкнулось на пассивное сопротивление Ключевского. Признаться, хоть мне и говорили со всех сторон о докторстве, я плохо в него верил, но такого обидного сопоставления все же не ожидал. Диспут, должно быть, будет жаркий, так как Ключевскому надо будет оправдать свой образ действий, о котором так говорят в Москве»¹²⁷.

«Говорили» именно «павликане», члены кружка Виноградова. Молодежь намеревалась посетить публичную защиту, чтобы удостовериться – были ли у Ключевского основания для столь суровых суждений о диссертации Миллюкова. С целью посмотреть, что такое Москва как школа историков, в древнюю столицу выехал С.Ф. Платонов.

Впечатления о диспуте со слов мужа занесла в дневник Н.Н. Платонова: «В Москве он (С.Ф. Платонов – Д.Ц.) сделал много знакомств – с Герье, Виноградовым, Гольцевым и т.д. Самый диспут Миллюкова произвел на С.Ф.

¹²⁴ Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. С. 66.

¹²⁵ Цит. по. *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Указ. соч. С. 67.

¹²⁶ Так – неверно – Миллюков пишет фамилию коллеги.

¹²⁷ Цит. по. *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Указ. соч. С. 68.

тяжелое впечатление. Сам диспутант, по словам С.Ф., держался прекрасно и публика во время диспута относилась к нему с большой симпатией. Но оппоненты – Ключевский и Якушкин (Янжул отказался) – не удовлетворили С.Ф.: второй был слаб, а первый бесконечно равнодушен, холоден к диспутанту, как будто это не ученик его, а человек для него совершенно посторонний. Книгу Милюкова он называл «прекрасной», но заметил, что в ней автор гораздо больше намечает, ставит вопросы, чем решает их, что, выражаясь образно, ее можно назвать счетом, предъявленным к уплате русской науке, но не уплаченным. Книга не отвечает своему заглавию, не соответствует своей теме, она дает одностороннюю картину государственного хозяйства России, потому что автор в ней совсем не касается косвенного обложения. «Но, принимая во внимание, что иногда гораздо труднее поставить вопрос, чем решить его, что, с другой стороны, гораздо легче заметить прореху, чем зашить ее» (это С.Ф. принял за намек на критическую деятельность Милюкова), Ключевский все-таки считает книгу Милюкова «прекрасной». Посторонних оппонентов не было, но диспут все-таки кончился в четверть шестого. С.Ф. говорит, что трудно передать его впечатление словами, но ему было бесконечно жаль Милюкова и его жену, которая присутствовала на диспуте и, по словам С.Ф., очевидно страдала. После диспута С.Ф. сказал Милюкову, что у него была мысль со своей докторской диссертацией приехать в Москву, но что теперь, после его, Милюкова, диспута, он на за что в Москву не обратится. Милюков на это только смеялся. Одеваясь в передней, С.Ф. встретился с Колей (Шамониным, членом кружка Виноградова и родственником жены Платонова – Д.Ц.), который ему сказал: «Вот так отделали нашего Павла Николаевича, под орех!» С.Ф. так и не понял, в каком смысле говорил Коля. На обеде у Милюкова на дому не присутствовал ни один из оппонентов, но были Герье, Виноградов, Чупров, Всеволод Миллер, Гольцев, Мачтет и др.»¹²⁸

В этом суждении характерно два мотива, свойственных письмам Платонова к Милюкову (мы исходим из того, что дневниковая запись Платоновой отражает взгляд на ситуацию ее мужа, является пересказом аргументов Сергея Федоровича)

¹²⁸ Н.Н. Платонова. Дневник (1899–1921). Рязань, 2020. С. 84–85.

начала 1890-х гг. Во-первых, это взгляд на Милюкова как на законного наследника Ключевского. Произошедшее на диспуте воспринимается Платоновым как публичный отказ Ключевского от ученика, свидетельствует о странных отношениях внутри школы. Во-вторых, публику Платонов призывает в свидетели несправедливости. Публика, по мнению Платонова, лучше, чем Ключевский понимает значение трудов Милюкова. При этом заявление от «публики», о том, что «нашего» Павла Николаевича «отделали под орех», Платонов «не понимает».

Между тем некоторые члены кружка Виноградова, правда, в поздних по отношению к защите текстам, вынуждены были признать силу выступления Ключевского. В.А. Маклаков вспоминал: «Я помню диспуты Семевского и особенно Милюкова. Ключевский имел против себя в этом последнем случае скорее враждебную аудиторию. Диссертации двух молодых ученых Корелина и Милюкова были одновременно представлены на степень магистра по всеобщей и по русской истории. Герье дал Корелину сразу две степени; того же ждали и от Ключевского по отношению к Милюкову за его труд о Петре Великом. Но Ключевский этого не сделал и поспешная на выводы студенческая молодежь в этом заподозрила пристрастие и несправедливость. Она пришла на диспут настроенная против Ключевского, и он это знал... Впечатление (Ключевским – Д.Ц.) на публику было произведено; и мы, студенты, поневоле перестали негодовать, что Ключевский не дал Милюкову сразу докторской степени. Все это происходило настолько давно, а эти вопросы были для меня так мало знакомы, что я не могу ручаться за полную точность моего понимания; передаю только впечатление слушателя»¹²⁹.

Исход дискуссии самому Милюкову виделся по-другому: «Я не припомню, чтобы хоть одно из его возражений было основательно, хотя часть публики, уверенная в авторитете профессора и не подчинившаяся его менторскому тону, наверное, думала иначе». Все-таки сомнения, что он был менее убедителен, чем Ключевский, у Милюкова были.

---

¹²⁹ Маклаков В.А. Отрывки из воспоминаний // Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 302–303.

В защиту Милюкова можно привести, правда, очень позднее свидетельство, боготворившего его как преподавателя С.К. Богоявленского: «Речь Милюкова была встречена аплодисментами. Студентов собралось большое количество. Ключевский обычно блистал на диспутах, но на этот раз он чувствовал некоторую как бы пришибленность, ему было не по себе. А Милюков на каждое возражение давал свой ответ, подчас в очень резкой форме. Ключевский говорит: такого документа нет. Милюков отвечает: есть, я сам видел его. Вот в таком роде шел спор. И когда Ключевский кончил говорить, раздались несколько свистков, а обычных аплодисментов не было»¹³⁰.

Обратим внимание, что третьего оппонента, оппонента из публики не было. Милюков не принял позиции Ключевского. При этом на прямой разговор до защиты Милюков не решился, хотя получил от Ключевского письмо, в котором профессор указывал положения работы, которые он будет критиковать во время публичного диспута.

Милюков стал заложником двух обстоятельств. Он прибыл из Крыма в Москву, когда решение о том, на какую степень защищается его работа, уже была принято факультетом и изменить это решение уже не представлялось возможным. Кроме того, Милюков явно подозревал Ключевского в недоброжелательстве. Между тем, из предыдущих договоренностей с Ключевским мы знаем, что Василий Осипович обещал материально поддержать приват-доцентские труды Ключевского, но не делал никаких заявлений относительно производства Милюкова сразу в докторы.

Ответом Милюкова на сложившуюся ситуацию стало демонстративное неприглашение Ключевского на обед после защиты диссертации. Между тем Ключевский продолжал держать перед Милюковым все ранее данные обязательства. 22 апреля 1892 г. Василий Осипович посоветовал Милюкову подать свой труд на конкурс для получения премии им. С.М. Соловьева, тема которого

---

¹³⁰ Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском // Археографический ежегодник за 1980. М., 1981. С. 70.

была сформулирована специально под магистерскую диссертацию Милюкова¹³¹. 19 октября 1892 г. Ключевский личным письмом сообщил Милюкову, что комиссия присудила ему премию в размере 5000 р.¹³²

В ноябре 1893 – апреле 1894 г. именно Милюков заменял Ключевского, уехавшего для чтения лекций великому князю Георгию в Аббас-Туман, на обязательном семинаре по русской истории для 3 и 4 курса. За исполнение этих обязанностей Ключевский добился вознаграждения для Милюкова: профессор просил у университета 800 р., университет выдал 750 р. в два приема.

Несмотря на позицию Ключевского, Милюков явно продолжал подливать масла в огонь. В октябре 1892 – январе 1893 г. конфликт накрыл Общество и истории древностей российских. В результате его разрешения председателем общества был избран Ключевский. По ходившим слухам, Милюков якобы оспаривал законность избрания Ключевского. После этих событий Милюков перестал посещать заседания общества.

Практически во всех конфликтах с участием Милюкова проглядывается коллективная позиция младших преподавателей, магистров и связанных с ними студентов. Когда в 1894 г. Ключевский на заседании Общества прочел доклад памяти почившего в Бозе императора Александра III, студенты радикальных организации попытались устроить Ключевскому обструкцию на его лекции. В результате в университете начались массовые студенческие волнения.

Как записала в дневнике Платонова со слов А.Ф. Селиванова, «вся Москва толкует о том, что этот скандал Ключевскому был устроен Милюковым и что лица, наиболее близко стоящие к Ключевскому, верят этим слухам; верит ли сам Ключевский, Селиванов не знает, так как на Святках, когда Селиванов был в Москве, Ключевский уезжал в Аббас-Туман. Селиванов передает со слов других, будто Ключевский так раздражен всей этой историей, что решил ни за что не давать Милюкову оклада в университете, хотя бы ему, Ключевскому, пришлось из-за этого читать 5 обязательных лекций в неделю. Селиванов говорит, что

---

¹³¹ Отчет о присуждении премии С.М. Соловьева за 1889. М., 1892 С. 24.

¹³² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4614. Л. 5.

отношения между Ключевским и Милюковым начали портиться давно: Милюков слишком заносчиво держался, а Ключевский был недоволен его рецензиями в «Русской мысли», в которых он слишком резко разносил стариков – Соловьева, Замысловского. Затем, когда Ключевский был избран председателем Общества истории и древностей российских, то в следующем заседании Милюков заявил, что избрание совершенно неправильно, так как повестки не были разосланы (Об этом избрании, как оно происходило, мы раньше здесь ничего не слышали). По мнению Селиванов, вся теперешняя история должна сильно повредить Милюкову»¹³³.

Своей угрозы не дать Милюкову обязательные часы Ключевский не выполнил, поскольку Милюков в феврале 1895 г. был удален из университета в связи с его политической неблагонадежностью.

Отношения между Ключевским и Милюковым улучшились после того, как Ключевский попросил освободить Милюкова из тюремного заключения, последовавшего после Выборгского звания. Как следствие, Милюков принял участие в юбилейных мероприятиях, посвященных Ключевскому в 1909 г. и явно стал зыбашать значение Ключевского в собственном становлении как исследователя.

6.2.4. Н.А. Рожков: из науки в политику

Н.А. Рожков стал первым защитившимся выпускником-историком Ключевского, который не был оставлен при Университете (выпуск 1889 г.). Этот факт обычно не подчеркивается в работах, посвященных Николаю Александровичу (аналогичная ситуация характерна и для работ о Ю.В. Готье и В.И. Пичете). При этом в данном случае речь должна идти не о преполах со стороны университетской бюрократии (случай Гершензона, частично Маклакова как учеников Виноградова), а о легком отношении Ключевского к работе с талантливыми студентами. Как утверждал Богословский, чтобы быть оставленным

---

¹³³ Платонова Н.Н. Дневники. С. 131.

Ключевским, необходимо было напомнить о себе профессору после окончания университета, иначе он мог забыть о молодом исследователе.

О Рожкове Ключевский забыл. После окончания Московского университета Рожков уехал к родным в Пермь и стал учительствовать. Кизеветтер восхищался фундаментальностью библиотеки Пермской гимназии, которая позволила Николаю Александровичу подготовиться к магистерским экзаменам в Перми. Однако С.В. Бахрушин утверждал, что «тяжелая обстановка первых его шагов на избранном им поприще отразилась на внешней форме всех его научных произведений, крайне бледных и даже скучных»¹³⁴.

Фактически становление Рожкова как ученого началось после его возвращения в Москву. 11 сентября 1896 г. он просил о допущении его к магистерским экзаменам. Ключевский согласился и высказал обещание помочь молодому человеку¹³⁵.

Экзамены Рожков сдал в конце 1896 – начале 1897 гг. 25 сентября Ключевский выслушал ответы магистранта по древней истории («Областное управление в Московском государстве в XV, XVI и XVII веках», «Русская Правда, ее состав, происхождение и содержание»; ответы признаны удовлетворительными), 9 октября – по новой русской истории («Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. и их историческая подготовка законодательством XVII и XVIII в.», «Польский вопрос при Екатерине II», ответы признаны удовлетворительными¹³⁶). 23 октября последовал экзамен по всеобщей истории, который принимал П.Г. Виноградов («Старый порядок во Франции в XVIII веке») и политической экономии («Первые представители Исторической школы в Политической экономии – Рошер, Бруно, Гильдербрандт и Книс», вопросы задавал А.И. Чупров, ответ признан удовлетворительным.)¹³⁷.

Серьезное влияние на становление Рожкова после возвращения в Москву оказали контакты с молодыми магистрами-историками. Он стал ближайшим

¹³⁴ Бахрушин С.В. Из воспоминаний. С. 160.

¹³⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 23. Л. 19.

¹³⁶ Там же. Л. 24 об.

¹³⁷ Там же. Л. 26, Д. 24.

собеседником Богословского и Кизеветтера. Как вспоминал Кизеветтер: «Мы трое – я (Кизеветтер – Д.Ц.), Богословский и Рожков, – просидев подряд несколько часов над архивными документами, рады были поразмять члены и шли из архива пешком, предаваясь оживленной приятельской беседе. Если бы кто-нибудь следил тогда за ежедневной совместной прогулкой трех молодых доцентов, вряд ли ему пришло бы на мысль, что это идут три будущих политических противника: будущий кадет, будущий октябрист и будущий большевик»¹³⁸.

Кизеветтер считает, что Рожков в 1890-е гг. высказывал «самые определенные народнические воззрения, и, скажи мне в то время кто-нибудь, что он скоро превратится в твердокаменного марксиста, я бы никак этому не поверил»¹³⁹. Можно даже предположить, что диссертации – «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» связана с желанием Рожкова изучить народ в его историческом развитии¹⁴⁰.

На завершающей стадии подготовки магистерской диссертации Рожков подал прошение о вступление в число приват-доцентов. Пробные лекции он читал на тему «Хозяйственные последствия поместной системы» (по собственному выбору, 11 февраля) и «Русские летописи и летописные своды XII–XIII веков» (по выбору факультета, 27 февраля), после чего стал читать курсы в университете¹⁴¹.

Пичета, который был слушателем приват-доцентских курсов Рожкова и участником его семинаров отметил, что его лекции были для студентов откровением, «поскольку они были проникнуты единым материалистично-механическим мировоззрением»¹⁴². Однако обратную сторону ясности и стройности изложения Рожкова отметил Кизеветтер. Николай Александрович «никогда не признавал, что в каком-нибудь вопросе, – научном, политическом,

¹³⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже столетий. С. 199–200.

¹³⁹ Там же. С. 200.

¹⁴⁰ В историографии тема Рожкова рассматривается как демонстрация верности научной программе «школе Ключевского», в которой пристальное внимание уделялось использованию писцовых книг, изучению природно-климатического фактора и изучению крепостничества как результата аграрного кризиса Московского государства». Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского». С. 108.

¹⁴¹ ЦГА г. Москвы. Оп. 476. Ф. 418. Оп. 476. Д. 25. Л. 4, 34, 35.

¹⁴² Пичета В.И. Воспоминания. С. 56.

общественном, – могут существовать какие-нибудь темноты, какая-нибудь неопределенность. Для него все всегда было ясно и несомненно, он в любую минуту мог взяться выложить вам сразу истину как на блюдечке. И ответы на вопросы, связанные с темой его диссертации, у него были готовы заранее, прежде чем он развернул писцовые книги. Материал оставалось лишь пригнать к готовой схеме»¹⁴³.

Скорее всего, тему исследования Рожков выбрал самостоятельно и осознанно без участия Ключевского, положив в ее основание писцовые книги. Позднее в автобиографии Рожков напишет, что диссертация «заставила изучить экономическую историю вообще и углубиться в изучение политической экономии», дала «ключ к пониманию социальной и политической истории с позиций марксизма»¹⁴⁴.

Логичным продолжением подобного переворота становится переход Рожкова от научной деятельности к политике, несмотря на его популярность как лектора, производившего впечатление на слушателей. При этом Рожков практически не пользовался личными контактами с Ключевским. На защите диссертации Ключевский был по отношению к форме работы весьма резок, но диссертацию пропустил. В отзыве он отметил: «При чтении такого крупного и научно-интересного по новизне предмета труда, как исследование г. Рожкова, надежда найти в нем сравнительно-критическую оценку возможных способов проверки писцовых книг является не требованием “строгого судьи”, о котором говорит автор в предисловии, а скромным желанием читателя, которому хотелось бы освоиться с любопытным, но довольно запутанным материалом, положенным в основу работы»¹⁴⁵. Благодаря теме диссертации Рожкова широко обсуждаемой в сообществе московских историков стала проблема значения изучения Писцовых книг для русской истории XVI–XVII вв.

---

¹⁴³ Кизеветтер А.А. На рубеже столетий... С. 200.

¹⁴⁴ Рожков Н.А. Автобиография // Памяти Николая Александровича Рожкова. М., 1927. С. 8.

¹⁴⁵ Ключевской В.О. Отзыв о исследовании Н.А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» // Ключевский В.О. Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 368–398, особенно С. 386–387.

После 1903 г. Рожков перестал читать лекции как приват-доцент, но до закрытия Педагогического общества, председателем которого он был во время революции 1905 г. и использовал как площадку для политических митингов в Московском университете, Рожков был связан с университетом. После февральской революции 1917 г. он вновь вернулся в число преподавателей факультета.

6.2.5. С.А. Котляревский: историк, ставший правоведом

Сергей Андреевич Котляревский¹⁴⁶ учился в университете в 1891–1896 гг.¹⁴⁷ Студентом он заинтересовался проблемой католического мирозерцания, что возможно обуславливается влиянием не него Герье. Так, в 1892 г. в «Вестнике Европы» Герье печатал статьи о теократии и аскетизме в средние века, а в семинарии за 1893 г. темой письменных рефератов служили «сочинения и письма Августина, Бернарда Клервосского и папы Иннокентия III»¹⁴⁸. В семинаре Герье на 3-м курсе студент написал несколько работ. Кроме того, во время студенческих волнений 1894–1895 гг. именно к Герье Котляревский обратился за посредничеством. Темы магистерской¹⁴⁹ и докторской работ Котляревского¹⁵⁰ явно связаны со студенческим рефератом Котляревского («Ересь альбигойцев»), написанным для Герье.

Впрочем, в годы студенчества у Котляревского были широкие интересы. Он писал письменные работы у Виноградова («Психологические воззрения

¹⁴⁶ Диссертационное исследование, посвященное С.А. Котляревскому, написано, ученицей Т.Н. Ивановой. См.: *Захарченко О.В.* Научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность С.А. Котляревского (1873–1939): дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 2018.

¹⁴⁷ *Захарченко О.В.* Студенческие годы С.А. Котляревского и формирование его исторического мировоззрения // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5(116). С. 66–70; *Захарченко О.В., Иванова Т.Н.* Влияние В.И. Герье на формирование исторического мировоззрения С.А. Котляревского // История идей и история общества: материалы IX Всероссийской научной конференции, Нижневатовск, 14–15 мая 2011 г. / отв. ред. В.Н. Ерохин. Нижневатовск, 2011. С. 300–302.

¹⁴⁸ Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1893 г. М., 1894. С. 24.

¹⁴⁹ *Котляревский С.А.* Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV вв. М., 1901.

¹⁵⁰ *Котляревский С.А.* Ламеннэ и новейший католицизм. М., 1904.

гомеровских греков», «Понимание истории у Геродота»), Корелина («Критика источников для биографии Тиберия», «Данте как политический мыслитель»), переводил с древнегреческого «Категории» Аристотеля и с английского «Логику» В. Минто, стал автором небольшого философского сочинения «Ранний английский эмпиризм»¹⁵¹, активно участвовал в философских диспутах у Н.Я. Грота и С.Н. Трубецкого.

Государственные экзамены Котляревский сдал в апреле 1896 года¹⁵². Прошение об оставлении Котляревского на кафедре было написано Герье и Корелиным 3 мая 1896 г.¹⁵³ С 1 января 1897 г. Котляревский был оставлен для подготовки к профессорскому званию со стипендией в 600 р. за счет средств МНП. Как обычно для магистрантов историков, в его инструкции было 18 вопросов по всем разделам всеобщей истории¹⁵⁴.

В течение 1898 г. Котляревский сдал все положенные магистерские экзамены. 11 марта 1898 г. он отвечал на вопросы по древней и средневековой истории («Греческая религия от Гомера до Платона», «Данте, Оккам и Марсилиус Падуанский»)¹⁵⁵. Последний экзамен Котляревский сдал в декабре – по политической экономии¹⁵⁶. В комиссию по истории входили Герье, Ключевский, Виноградов. Политическую экономию принимал А.И. Чупров.

¹⁵¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 65. Ед. хр. 362. Л. 8.

¹⁵² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 71. Д. 248. Л. 6. *Захарченко О.В.* Научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность С.А. Котляревского. С. 36.

¹⁵³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 65. Ед. хр. 362. Л. 1.

¹⁵⁴ Древняя история: 1) реформа Клисфена; 2) источники для эпохи Перикла; 3) развитие политических учений в Древней Греции; 4) этруски; 5) учреждения в Риме с Гракхов до Августа; 6) римская религия в эпоху империи. Средневековая история: 1) общественный строй Лангобардов; 2) культурная деятельность Карла Великого; 3) развитие королевской власти во Франции от Гуго Капета до Филиппа IV; 4) история английского парламента до Тюдоров; 5) литературная борьба между папством и империей после Гюгенштауфенов; 6) средневековые еретики и мистики. Новая история: по новой истории: 1) отношение немецкого гуманизма к Реформации; 2) религиозный вопрос во Франции XVI в.; 3) политические теории в Англии XVII в.; 4) история Пруссии в XVIII в.; 5) история Национального собрания; 6) история объединения Италии. См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 65. Д. 362. Л. 9. *Захарченко О.В.* Научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность С.А. Котляревского. С. 40–41.

¹⁵⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 25. Л. 8.

¹⁵⁶ Там же. Л. 28.

После чтения пробных лекций («Данные новой литературы по вопросу об исторической роли физико-географических условий», 1 марта 1899 г., по собственному выбору; «Условия возникновения и падения светской власти пап», 3 марта – по собственному выбору¹⁵⁷) Котляревский был зачислен в приват-доценты Московского университета¹⁵⁸. Не преступив к чтению лекций, молодой ученый отправился в командировку за границу с 1 апреля 1899 г. за свой счет на один год. В конце 1899 г. по ходатайству Котляревского, поддержанной Герье, командировка была продлена еще на один год¹⁵⁹.

Судя по всему, с темой исследования Котляревский определился задолго до того, как после оставления на кафедре был отправлен в заграничную командировку, хотя в инструкции для командировки, подписанной совместно Герье и Виноградовым, Котляревскому предлагалось, кроме ознакомления с условиями преподавания истории в одном из немецких университетов, также изучить деятельность Лоренцо Гиберти – архитектора эпохи Возрождения¹⁶⁰.

В письме из Бонна, который был первым университетским центром на пути следования Котляревского во время его заграничной стажировки, он уже писал Герье, что займется разработкой вопроса о взаимоотношении ордена францисканцев на ранней стадии его развития с римской курией. Более того, в этом же письме был приведен и приблизительный план исследования: 1. «Франциск Ассизский и папство. Здесь надо будет показать, каким общественным запросам отвечала первоначальная конгрегация Франциска и почему папство ввело ее в церковную систему, 2. что папство дало ордену, введя его в церковную систему – историю привилегий, защиту в борьбе с миром, защиту от светских властей, 3. Что орден дал папству – история *legitiones*, миссионерство. Инквизиторство и дипломатическая роль ордена, 4. история оппозиции в ордене, не исчезнувшая с

¹⁵⁷ Там же. Л. 30 об.; Ф. 418. Оп. 68. Д. 60. Л. 4.

¹⁵⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 68. Ед хр. 181.

¹⁵⁹ Там же. Оп. 65. Ед. хр. 362. Л. 44.

¹⁶⁰ Там же. Л. 37.

введением его в теократическую систему и с отречением от первоначальных его идеалов»¹⁶¹.

Именно этого плана после согласия с ним Герье Котляревский пытался придерживаться в дальнейшем во Франкфурте, Мюнхене, Париже, Вене и других университетских центрах, где он собирал источники по теме. Так, в Мюнхене он работал с папскими регестами, касающимися отношений Рима с различного рода орденами¹⁶². В Париже занимался главным образом критикой источников для биографии Франциска и критической разработкой французских хроник, набросал введение и часть первой главы магистерской диссертации, начал собирать материалы по состоянию современного католицизма, то есть размышлять над докторской диссертацией.¹⁶³

В ходе заграничной поездки Котляревский оказался одним из первых учеников Герье, который ознакомился с работой парижской школы хартий, системой образования в которой он остался очень доволен.

Вернувшись в Москву, Котляревский защитил магистерскую¹⁶⁴, а затем и докторскую¹⁶⁵ диссертации. В его трудах налицо общие подходы к написанию исторических произведений, свойственных для учеников Герье. Крупная проблема исследуется на примере типичного представителя того или иного идейного течения, как это было в докторской диссертации Герье о Лейбнице, или работе Виппера о Кальвине (у Котляревского – Франциск и Ламеннэ). Так, Ламеннэ¹⁶⁶

¹⁶¹ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 45. Д. 62. Л. 2–2 об.

¹⁶² Там же. Л. 4.

¹⁶³ Там же. Л. 16–19.

¹⁶⁴ 21 апреля прошла защита диссертации в Большой словесной аудитории. 7 ноября 1901 г. факультет поручил Герье отрецензировать книгу Котляревского. Францисканский орден и Римская курия в XIII–XIV вв. (М., 1901). ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 28. Л. 43.

¹⁶⁵ Для сбора материала Котляревский повторно с 1 мая 1902 г. по 1 сентября 1903 г. находился в заграничной командировке. ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 68. Д. 181. Л. 22–24. Защита состоялась в Актовом зале университета 29 октября 1904 г.

¹⁶⁶ *Котляревский С.А.* Ламенне и новейший католицизм. М., 1904. Современную оценку см.: *Захарченко О.В.* С.А. Котляревский об идеях католицизма первой половины XIX в. // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): сб. тр. Всероссийской научной конференции с международным участием, Чебоксары, 14–15 мая 2018 г. Чебоксары, 2018. С. 275–277.

Котляревский рассматривает как «страницу из истории великой религиозно-общественной организации – католической церкви». Ламенне интересен для него тем, что «пережитый им индивидуальный процесс во всех его стадиях отражает эволюцию новейшего католицизма и отчасти даже сил, враждебных этому католицизму». В своей работе Котляревский «освещает загадочные на первый взгляд противоречия – торжество в церкви теократии и борьбы ее за свободу, консервативный облик и движение в сторону социалистических программ и идеалов».

После защиты диссертаций Котляревский около 10 лет служил приват-доцентом по кафедре всеобщей истории¹⁶⁷ и, уже будучи доктором этой науки, переходит на другую специальность – государственное право, где впоследствии также получает докторскую ученую степень.

На историко-филологическом факультете Котляревский читал лекции о переходном периоде от древней к средневековой истории. В конце 1901 г. Герье предложил факультету (еще до защиты Котляревским диссертации) поручить приват-доценту руководство практическим упражнениям студентов младших курсов по Римской истории¹⁶⁸, к чему тот приступил в весеннем семестре 1902 г. Как писал Котляревский в письме к жене: «Теперь у меня начались практические занятия с целой массой студентов 1 и 2 курса – это тоже довольно интересно, так как невольно знакомишься с ними. Между прочим, как это ни грустно, приходится констатировать, что среди студенчества антисемитические чувства сильнее и проявляются в более откровенной постоянной форме, чем можно было думать вообще»¹⁶⁹. В 1906 г. он продолжал вести этот семинар¹⁷⁰.

2 сентября 1908 г. на заседании Совета историко-филологического факультета А.Н. Савин, однокурсник Котляревского, предложил передать Сергею Андреевичу, который в начале XX в. возглавлял отделение истории религии

---

¹⁶⁷ Руководитель секции истории религии историко-филологического общества.

¹⁶⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 28. Л. 43.

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 232. Д. 1992. Л. 12.

¹⁷⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 33. Л. 87.

историко-филологического общества, чтение курса по истории Церкви. Савин был поддержан Ключевским. Однако в силу позиции большинства профессуры временно курс был отдан для преподавания П.В. Гидулянову, а Котляревский отказался выставлять свою кандидатуру одновременно с А.И. Покровским, которому благоволил Виппер.¹⁷¹

Против прихода Котляревского на историко-филологический факультет было несколько обстоятельств. Во-первых, он присутствовал при подписании выборгского возвания после роспуска 1-й Думы, а выборжцев не очень хотели видеть штатными преподавателями университета. Кроме того, несмотря даже на желание Ключевского сделать Котляревского преподавателем церковной истории на факультете, против него совместно выступали Виппер и Петрушевский¹⁷², а Герье утратил былые возможности проводить на факультете свои кандидатуры.

В результате Котляревский стал штатным преподавателем юридического факультета, защитив 2 диссертации по международному праву¹⁷³. Однако его любовью был историко-филологический факультет. Так весной 1911 г. он помогал Савину принимать экзамены по средневековой истории после отставки Петрушевского.

6.2.6. С.В. Бахрушин как преподаватель

Выходец из семьи крупных московских предпринимателей¹⁷⁴ Бахрушин поступил в Московский университет после окончания катковского лицея в 1900 г. По воспоминаниям ученого, на его интерес к истории повлияли детские поездки в Крым, а также театральные постановки на исторические сюжеты в МХТ¹⁷⁵. В

¹⁷¹ Там же. Д. 35. Л. 40–41, 62–64.

¹⁷² *Савин А.Н.* Университетские дела. С. 58, 112.

¹⁷³ См. *Томсинов В.А.* Сергей Андреевич Котляревский // *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX вв.: Очерки жизни и творчества. М., 2015. С. 143–192.

¹⁷⁴ См. *Филаткина Н.А.* Династия Бахрушиных: Эволюция московских предпринимателей XIX – начала XX в. М., 2006.

¹⁷⁵ Воспоминания С.В. Бахрушина о Московском художественном театре / публ. А.М. Дубровского // *Археографический ежегодник за 1997 г. М., 1999. С. 558. Тихонов В.В.*

университете под влиянием Виноградова¹⁷⁶ он решил заняться всеобщей историей, но отставка Павла Гавриловича от должности заставила его изменить решение. Повлияли и лекции Ключевского: «Для многих, и для говорящего в том числе, его лекции явились поворотным моментом в жизни, направив их интересы по новому руслу и предопределив ход всей последующей их работы... Это был Сократ русской исторической науки... Для всех последующих русских историков... лекции В.О. Ключевского были тем светильником, который озарял первые их шаги по пути познания нашего прошлого»¹⁷⁷. Бахрушин выбрал занятия по русской истории.

Кандидатское сочинение Бахрушин писалось под руководством М.К. Любавского. Она называлась «Социально-политические стремления московского боярства в XVI веке»¹⁷⁸. По мнению А.М. Дубровского, сочинение было ученическим. Студент, по задумке Любавского, должен был проработать обширную литературу и познакомиться с опубликованными источниками, что он с успехом и сделал¹⁷⁹. Впрочем, до конца системой подготовки в университете Бахрушин удовлетворен не был: «По окончании курса я был далеко не вооружен теми необходимыми каждому историку... практическими навыками, с которыми позже... каждый студент знакомился на любом семинаре. Достаточно сказать, что с Собранием государственных грамот и договоров и с другими классическими собраниями актов я... столкнулся лишь на последнем курсе в связи с работой над кандидатским сочинением»¹⁸⁰.

Московские историки. С. 79–80. Впрочем, по мнению Дубровского, оканчивал среднее учебное заведение Бахрушин с интересами филолога классика. *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 17.

¹⁷⁶ «Никогда после ни у кого из самых талантливых преподавателей я не встречал такой ясности мысли, строгости плана, систематичности и последовательности изложения... Виноградов брал источник, подвергал его тонкому критическому анализу и, разрушив усвоенную нами на гимназической скамье традицию, подводил итоги произведенной критической работе». *Бахрушин С.В.* Из воспоминаний // Проблемы социальной истории Европы: От античности до нового времени: сб. науч. ст. Брянск, 1995. С. 162.

¹⁷⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Ед. хр. 70. Л. 2 об.

¹⁷⁸ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 350.

¹⁷⁹ *Дубровский А.М.* Указ. соч. С. 22.

¹⁸⁰ Цит. по: *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. С. 28.

Бахрушин считал, что «Московский университет дал мне хорошую школу критики источников. Это была не шахматовская критика, углубленная и тонкая, запутывающаяся, как кружево, в изящном сплетении перекрестного допроса рукописных редакций... Критический метод, вынесенный мною из аудиторий Московского университета, был более рационалистичен, менее мелочен, строился на более широких общих основаниях; он был менее глубок, зато и менее мелочен...»¹⁸¹.

Как одно из самых ярких событий студенческих лет Бахрушин вспоминал участие в историко-филологическом обществе кн. С.Н. Трубецкого и поездку, организованную этим обществом в Грецию.

Бахрушин был оставлен для подготовки к профессорскому званию по представлению М.К. Любавского: «Честь имею представить к оставлению при Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории окончившего курс с дипломом первой степени Сергея Владимировича Бахрушина. Уже в бытность студентом исторического отделения г. Бахрушин зарекомендовал себя превосходными работами по русской истории на обязательные темы. Его реферат о начальной летописи и о происхождении славянофильства ... выделялись эрудицией, солидностью аргументации и талантливостью изложения. Те же качества проявились и в его зачетном сочинении, написанном на тему: «Социально-политические отношения московского боярства в XVI веке». Это – огромный труд, по размерам своим ближе подходящий к диссертации на ученую степень. Ближе подходящий он к ней и по своим внутренним качествам: г. Бахрушин обнаружил в этом труде то же знание исторической литературы и источников и то же умение пользоваться ими, как может считать честь магистрант русской истории. Представленный им обстоятельный конспект занятий по русской истории обнаружил такую подготовку по этому предмету, которая очень близка к магистерской, а окончательное испытание по русской истории в государственной комиссии вполне подтвердило это впечатление. Русская история, как это открылось из автобиографии г.

---

¹⁸¹ Бахрушин С.В. Из воспоминаний. С. 164.

Бахрушина была предметом его давнишних занятий, которые он с увлечением отдавался еще на гимназической скамье; интерес его к этому предмету, можно сказать, органический. Принимая все это во внимание, а также имея в виду общую прекрасную подготовку г. Бахрушина к ученым занятиям, его знание древних и новых языков, имею честь просить Факультет ходатайствовать об оставлении г. Бахрушина при Университете для приготовления к магистерскому испытанию без содержания на два года»¹⁸². Для подготовки к экзаменам Любавский рекомендовал «из источников русской истории... обратить особенное внимание на начальную летопись, на летописи новгородские, на духовные и договорные грамоты князей, на уставные земские и губные грамоты, на акты земских соборов, на «Учреждение о губерниях» 1775 г., на жалованные грамоты дворянству и городам 1775 г. По истории внешних отношений России в интересах уяснения культурного влияния Запада на русскую жизнь рекомендую изучить сношения Галицкой и Киевской Руси с Западной и Северо-Западной Европой и Люблинскую унию. Во внутренней истории России главными предметами его изучения должны быть: 1) политический строй Русской земли в XI-XII вв. 2) социально-политический строй Новгорода в период его самостоятельности; 3) социально-политический строй Удельной Руси XIII-XV вв. 4) развитие церковного землевладения в Московской Руси и борьба государства и общества с этим явлением 5) Происхождение крепостного права в Московской Руси 6) Земский собор 7) Местные учреждения Московского государства 7) Западное влияние в России до реформ Петра Великого 8) социальные и административные реформы Петра 9) высшее управление в России в XVIII в. Екатерининские комиссии 1767-1774 г. и ее результат 10) история русской школы при Екатерине II и Александре I 11) Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века. Кроме того, г. Бахрушину рекомендую уяснить происхождение и значение юридической школы в русской историографии»¹⁸³.

¹⁸² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 82. Д. 379. Л. 3.

¹⁸³ Там же. Л. 4.

Сам Сергей Владимирович позже вспоминал, что общение с Любавским в годы подготовки к магистерским экзаменам не было интенсивным: оно ограничивалось визитами к профессору по праздникам и подачей ежегодных отчетов. Гораздо больше для его формирования как историка дала работа с источниками и литературой в читальном зале Румянцевского музея, где он проводил все дневные часы от 10 утра до 6 вечера без перерыва на обед. «Все, с чем я пришел в качестве преподавателя в аудиторию Московского университета, я почерпнул из сокровищницы библиотеки Румянцевского музея, в те долгие мирные часа, которые я проводил в каком-то блаженном отдыхе и спокойствии, в стенах старого читального зала»¹⁸⁴.

Переполненность читального зала заставила Бахрушина обратиться с просьбой к Готье, который работал в Румянцевском музее, подыскать ему удобное место для занятий в библиотеке. Здесь же Бахрушин познакомился и с А.И. Яковлевым, который, по мнению Дубровского, помогал Бахрушину готовиться к магистерским экзаменам и лекциям для получения должности приват-доцента¹⁸⁵. Именно Яковлев познакомил Бахрушина с С.Б. Веселовским, который собирал у себя дома московских историков разных поколений, помогая им находить друг друга.

В *curriculum vitae* для получения звания приват-доцента, Бахрушин заметил, что «к экзаменам магистерским я приступил в марте 1908 г. и последний экзамен сдал в феврале 1909 г. По окончании магистерских экзаменов я был допущен к чтению пробных лекций в апреле того же года (на тему: «Княжеское хозяйство в XV и первой половине XVI в.» и «Комиссии об учреждении училищ 1882 г.»). Ученых трудов не имею, если не считать участие в редактировании учебного издания «памятники русской истории»¹⁸⁶.

В «памятниках русской истории» – пособиях для семинарских занятий, – созданных приват-доцентами и профессорами Московского университета,

¹⁸⁴ Цит. по: *Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время.* С. 29.

¹⁸⁵ Там же. С. 30.

¹⁸⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 82. Д. 379. Л. 34.

Бахрушин отвечал за подготовку духовных и договорных грамот («Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных». М., 1909). Эти источники в своем первом крупном научном труде Бахрушин решил использовать для воссоздания хозяйства русских князей, что и он осуществил в статье («Княжеское хозяйство XV – первой половины XVI в.»), подготовленной к 30-летнему юбилею педагогической деятельности Ключевского, хотя в предисловии к изданию пособия для семинарских занятий традиционно предлагал изучать эти источники для характеристики государственного быта.

В 1909 г. Бахрушин был утвержден приват-доцентом Московского университета. Магистерскую диссертацию он не подготовил. В университете молодой приват-доцент отвечал за просеминарии по удельному периоду (1910–1911, 1912–1913, 1916–1917), вел занятия по Начальной летописи (1909–1910), Истории Смутного времени (1913–1914), Истории Новгорода (1915–1916), Истории Сибири (1915–1916)¹⁸⁷. Можно отметить, что темы семинаров Сергея Владимировича приблизительно соотносятся с проблематикой его инструкции для подготовки к магистерским экзаменам и с его первыми научными публикациями.

Как следствие, в своей педагогической деятельности в дореволюционном Московском университете Бахрушин познакомил московских студентов с двумя именами петербургских историков – Н.П. Павловым-Сильванским и его концепцией феодализма в русской истории и с построениями по начальному русскому летописанию А.А. Шахматова. Как вспоминал Бахрушин, «о Шахматове мне случайно сказал М.К. Любавский после обсуждения моего доклада по «Нач[альной] летописи в его семинарии с глазу на глаз во время перерыва в темном коридоре, ведущим в помещение, временно занятое под профессорскую, он успел мне шепнуть: «А вот, батенька, в Петербурге акад[емик] Шахматов высказывает мнение, что Новгор[одская] летопись древнее Несторовой». Я тотчас же купил Новгор[одские] летописи и самостоятельно произвел для себя сравнение обеих летописных редакций – работа, положившая начало моему методу критики

---

¹⁸⁷ На основании Обзрений преподаваний на историко-филологическом факультете за 1908–1917 гг.

источников... Могу сказать утвердительно, что Шахматова первые ввел в круг преподавания на историческом отделении ист[орико]-филолог[ического] факультета в 1909 г., когда по прочтении вступит[ельных] лекций я объявил семинарий по «Начальной русск[ой] летописи»¹⁸⁸.

В 1913 г. Бахрушин взял семинарий по Смутному времени. В письме Яковлеву от 5 августа Бахрушин рассказывал о поиске новых тем для семинарских занятий: «Хотелось бы посоветоваться с Вами о практических занятиях. Пока у меня намечаются только некоторые темы: 1. Следственное дело об убийстве царевича Димитрия. 2) Управление в Моск[овском] государстве при Владиславе...3) Боярские правительства 1611–1812 гг....4) Царские записи. Хотелось бы один вопрос поставить во «Временнику» Тимофеева, но специальных тем по критике литературы повестей я, может быть, не поставлю, так как сам не чувствую себя вполне разобравшимся в этом деле, а исключительно вести по Платонову я не хочу и вообще не люблю с чужих слов говорить. Как видите, пока у меня план занятий еще очень смутный; рассчитываю в течение августа подготовиться. Из тем по историографии я намечаю один вопрос, который, по моему, полезен и интересен; изучение истории Смутного времени в начале XVIII в., т.е. разбор Штралленберга, Фоккеродта, Татищева в связи с событиями начала XVIII века»¹⁸⁹.

Наконец, к занятиям по Сибири Бахрушин пришел под влиянием Веселовского¹⁹⁰. Профессором университета Бахрушин стал после революционных преобразований и реформ в университете в ноябре 1918 г. Началось его трудное вхождение в советскую историческую науку.

¹⁸⁸ Цит. по: *Дубровский А.М. С.В. Бахрушин – преподаватель Московского университета // Археографический ежегодник за 2005 г. М., 2007. С. 316. Оригинал: АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 70. Л. 40–41.*

¹⁸⁹ АРАН. Ф. 655. Оп. 3. Д. 29. Л. 6–6 об. Письмо введено в научный оборот А.М. Дубровским. *Дубровский А.М. С.В. Бахрушин – преподаватель Московского университета // Археографический ежегодник за 2005 г. М., 2007. С. 317.*

¹⁹⁰ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 113–114.

ГЛАВА 7. ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СООБЩЕСТВЕ МОСКОВСКИХ ИСТОРИКОВ

7.1. М.С. Корелин как профессор Московского университета¹⁹¹

7.1.1. На пути к кафедре

Творческое наследие и биография профессора Московского университета Михаила Сергеевича Корелина изучены недостаточно. И если забвение историка идей и европейской культуры, резко критиковавшего марксизм, в советскую эпоху, понятно, то отсутствие интереса к ключевому представителю школы московских всеобщих историков – школы Владимира Ивановича Герье – при хорошей изученности других его учеников (П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, Р.Ю. Виппера, П.Н. Ардашева, С.А. Котляревского)¹⁹², объяснить сложно. Впрочем, постепенно ситуация начинает выправляться¹⁹³. В историографии вопрос об оценке педагогической деятельности Корелина затрагивался в воспоминаниях-

---

¹⁹¹ При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Цыганков Д.А.* Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. № 3. С. 120–134; *Цыганков Д.А.* М.С. Корелин как преподаватель высшей школы // Клио. 2017. Т. 130. № 10. С. 167–174.

¹⁹² *Иванова Т.Н.* Научные коммуникации в российском историческом контексте // Идеи и люди: Интеллектуальная культура Европы в новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2014. С. 534–710.

¹⁹³ *Скворцова Т.Н.* М.С. Корелин: Путь к ренессансу // Биография как вид исторического исследования. Тверь, 1993. С. 166–172; *Скворцова Т.Н.* В.И. Герье и М.С. Корелин. Средневековый город: межвузовский сб. науч. труд. Вып. 17. Саратов, 2006. С. 202–209; *Тихомирова О.В.* Михаил Сергеевич Корелин (1855–1899) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века / отв. ред. Г.Н. Севастьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М., 2004. С. 513–520; *Иванова Т.Н.* Лаборатория историка: Ненаписанные диссертации М.С. Корелина // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / отв. ред. Л.П. Репина, Л.А. Фадеева. М., 2007. С. 110–112; *Ильяшенко Н.А.* Студенческий вопрос в Московском университете в конце XIX в. на страницах дневника М.С. Корелина // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 1 (56). С. 107–112; *Филимонов В.А.* Н. И. Кареев и М.С. Корелин. Коммуникация в рамках греко-римского дискурса // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. М., 2014. С. 138–62; *Девятайкина Н.И.* М.С. Корелин: подходы и методы изучения Ренессанса и его историография (на примере Петрарки) // *Cursor mundi: человек античности, средневековья и Возрождения.* 2017. № 9. С. 133–151.

размышлениях коллег¹⁹⁴, друзей ученого¹⁹⁵, а также его учителя – Герье¹⁹⁶. Однако появление новой источниковой базы для данной темы – публикация писем Корелина¹⁹⁷, его дневника¹⁹⁸, введение в научный оборот литографированных курсов историка¹⁹⁹, позволяет более детально рассмотреть педагогическую деятельность историка.

История взаимоотношений учителя – В.И. Герье – и ученика – М.С. Корелина – редкий пример близких и неизменно теплых отношений двух представителей академического мира, принадлежащих к разным поколениям исследователей. Это тем более удивительно, что история Императорского Московского университета знает несколько запоминающихся примеров очень сложных и даже болезненных конфликтов историков разных поколений. Так, М.П. Погодин, видевший в С.М. Соловьеве явного конкурента своему делу на кафедре российской истории, всячески пытался затянуть защиту диссертации последнего, что привело будущего национального российского историка в объятия российских западников²⁰⁰. В свою очередь до конца преданный науке и только науке С.М. Соловьев так и не смог выстроить рабочих отношений со своими преемниками, среди которых был и В.О. Ключевский²⁰¹. Не отличался теплотой взаимоотношений с учениками и сам Ключевский, а история его научного диалога с П.Н. Милюковым, который в итоге так и не стал профессором Московского университета, свидетельствует о том, что у научного конфликта иной раз бывали

¹⁹⁴ *Иванцов М.* М.С. Корелин как профессор и руководитель студенческих занятий // Русская мысль. 1899. № 10. С. 137–148; *Ключевский В.О.* М.С. Корелин // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 1 (46). С. VIII–XVIII; *Кареев Н.И.* М.С. Корелин как историк гуманизма // Русская мысль. 1900. № 5. С. 100–112.

¹⁹⁵ *Кареев Н.И.* М.С. Корелин как историк гуманизма // Русская мысль. 1900. № 5. С. 100–112.

¹⁹⁶ *Герье В.И.* Михаил Сергеевич Корелин: некролог. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1900 г. М., 1900. С. 1–42.

¹⁹⁷ Письма М.С. Корелина // *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 214–319.

¹⁹⁸ *Корелин М.С.* Дневник // Terra Eupora: Интеллектуальное пространство московских всеобщих историков / под общей ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 273–448.

¹⁹⁹ *Сафронов Б.Г.* Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М., 1984.

²⁰⁰ *Павленко Н.И.* Михаил Погодин. М., 2003. С. 89–96.

²⁰¹ *Цимбаев Н.И.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1990. С. 278–341.

и служебные последствия²⁰². Да и у самого Герье сложности во взаимоотношениях с учениками бывали довольно часто. Вспомнить хотя бы защиту магистерской диссертации Н.И. Кареева²⁰³, на который учитель резко оппонировал ученику. Почему же взаимоотношения с Корелиным так резко выделяются из этого конфликтного ряда?

Казалось бы, возможных причин для расхождений было множество. Выходец из деревни Корелин рано начал самостоятельную жизнь в Москве, давал частные уроки, сформировал круг общения, в котором большинство составляла критически мыслящая молодежь. Как и Кареев²⁰⁴, который был одним из первых учеников Герье, Корелин пришел в университет с радикальными взглядами, почерпнутыми из русской журналистики 1860–1870-х гг. Его кумиром был Д.И. Писарев, он упражнялся в чтении П.Л. Лаврова.

Однако в отличие от того же Кареева, который в свое научное мировоззрение внес ценности мира левых интеллектуалов, – здесь и явно почерпнутый у народников интерес к крестьянству, и взятый у французских леволиберальных кругов интерес к социальным вопросам, – Корелин от радикализма отрекся, и в университете начал новую страницу своей интеллектуальной биографии. В 1878 г. у Кареева и Корелина, который перешел к этому времени на 3-й курс, состоялся примечательный разговор. «Когда он был на втором курсе, я целый год провел за границей, откуда вернулся ... с диссертацией о французских крестьянах в эпоху революции, – вспоминал Кареев. – И вот я тоже хорошо помню, как я рассказывал Михаилу Сергеевичу о том, что я сделал в своей работе, и какую вообще роль играют в истории классовые отношения, разбирающиеся в моей работе. Как теперь вижу Михаила Сергеевича, слушающего с большим вниманием и участием, всегда его отличавшими в сношениях с людьми, но очень заметно было, что и ему не

²⁰² Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Мильков: Труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 45–76.

²⁰³ Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.И. Герье: Опыт реконструкции межличностных коммуникаций // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 178–179.

²⁰⁴ См.: Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 110–147; С. 420–422; Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: К истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 152–173.

терпелось что-то сообщить мне важное и радостное. «А я, – сказал он, едва я кончил, – а я, Николай Иванович, мечтаю о том, чтобы работать над историей развития личности. Но если бы вы знали, какая это громадная работа!»²⁰⁵ Причиной этого поворота Корелина, по мнению Герье, было присущее Михаилу Сергеевичу желание работать над собой, «зреть», что привело его к занятиям «духовным миром поэтических образов и моральных идей».²⁰⁶ Это был первый шаг навстречу учителю, который высоко это оценил, добился оставления Корелина в 1880 году в университете для подготовки к профессорскому званию и помог ученику устроиться материально, так как у того в достаточно юном возрасте появилась семья.

Учитель пригласил ученика преподавать на Высшие женские курсы и привлек его к выполнению административных обязанностей. Корелин занимался приемом документов от барышень, желающих учиться на курсах во время отъезда Герье, занимался курсовыми отчетами, решал вопросы правильного устройства библиотеки и поиска денег на создание общежития, вел переговоры о привлечении к сотрудничеству преподавателей московских вузов. Впрочем, это были только рабочие отношения коллег, позволившие Герье чуть лучше узнать деловые качества ученика. Но, что более важно, в отношениях Герье и Корелина было и другое общение – научное, оно было более глубоким.

Прежде всего, после окончания университетского курса во время учебы в магистратуре Корелин оказался перед новым шагом в науке – ему предстоял выбор темы научного исследования. В отличие от одного из наиболее ярких и старших учеников Герье – П.Г. Виноградова, который пришел к учителю со своей темой и всегда был предельно самостоятелен, Корелин, подобно Р.Ю. Випперу²⁰⁷, близким ему по возрасту, или П.Н. Ардашеву²⁰⁸, своему младшему коллеге, в выборе темы

²⁰⁵ Кареев Н.И. М.С. Корелин как историк гуманизма. С. 102.

²⁰⁶ Герье В.И. М.С. Корелин: некролог. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1900 г. М., 1900. С. 4–6.

²⁰⁷ Цыганков Д.А. Профессор В. И. Герье и его ученики. С. 319–350, С. 450–452.

²⁰⁸ Там же. С. 350–384. С.460–461.

оказался робок и неуверен. На окончательный поиск темы исследования жизни у Корелина ушло более 5 лет²⁰⁹.

Долгий поиск темы – нехарактерная ситуация для учеников Герье. Учитель даже мог первое время опасаться, что в отношениях с Корелиным может повториться история неудачного примера научного сотрудничества с Н.Г. Высотским и С.Ф. Фортунатовым, которые, работая над магистерской диссертацией, фактически отошли от Герье и стали ему чужды. Но в случае с Корелиным ситуация была другой. Корелин шел не от Герье, а, наоборот, делал все новые и новые шаги навстречу учителю. Пытаясь найти тему, он писал учителю: «Обдумывая тему для диссертации, я пришел к тому заключению, что работа, чтобы выйти даже в моих глазах порядочно, должна удовлетворять следующим условиям. Во-первых, она должна стоять в непосредственной связи с основной задачей нашей науки, служить, хотя маленьким шагом вперед в деле открытия законов, управляющих прогрессом. Мне кажется, что теперь пишут очень много исследований, по совершенно случайным побуждениям, причем сами авторы не дают себе отчет в том, какое отношение имеет их работа к основным задачам науки. Результаты получаются или совсем неудовлетворительные, или менее верные, чем они были бы при правильной точки зрения на работу. Своей диссертацией я желал бы оказать посильную помощь при сооружении того здания, над которым работают историки всех стран и народов; я могу это сделать тем, что доставлю несколько новых кирпичей и сложу их в правильном порядке, чтобы обеспечить работу настоящего зодчего. Я боюсь, как бы вместо строительного материала не натащить всякого хлама или как бы не наложить кирпичи в таком порядке, что для надлежащего ими пользования понадобится другая работа. Во-вторых, я желал бы написать *erschöpfende arbeit*²¹⁰, как говорят немцы. Пусть вопрос будет узкий, но он должен быть исчерпан всесторонне и с совершенною

---

²⁰⁹Иванова Т.Н. Лаборатория историка: Ненаписанные диссертации М.С. Корелина // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / отв. ред. Л.П. Репина, Л.А. Фадеева. М., 2007 С. 110–112.

²¹⁰ Исчерпывающую работу (нем.).

полнотою.²¹¹ В-третьих, мне хотелось бы взять тему по истории духовной культуры. Я не отрицаю важности политических учреждений и экономических явлений, но меня тянет к идее, в конце концов, выражается век, многообразные явления исторической жизни. В-четвертых, наконец, меня не привлекают работы чисто описательные; я предпочел бы изучить какое-нибудь явление в историческом развитии. Вы можете себе представить, как трудно мне было остановиться на какой-нибудь теме при этих условиях. Занимаясь эти 2 с половиною года всеобщей историей, я имел дело или с вопросами обширными (магистерский экзамен) или с целыми эпохами (курсовые лекции); остановиться на чем-нибудь, изучить досконально не было времени. Передо мною промелькнула целая масса тем, но остановиться на них без авторитетного указания я не рискую по недостатку знаний. Я мечтал избрать развитие рационализма или индивидуализма в Греции, но ведь это значило написать историю эллинской мысли, и, так или иначе, решить вопрос о влиянии идеи в истории. Даже мороз по коже от такой задачи; думал изучить отношение христианства к античной культуре, да и здесь убоился премудрости и церковной цензуры; меня интересовало развитие аскетизма и его виды, судьбы греко-римской образованности в Византии, отношение гуманизма к реформации в Германии и реформации к революции в Англии. Я решил проследить национальное движение в XIX веке, хотел изучить его отношение к революциям и т.д. Наконец, останавливался даже на учреждениях: являлась мысль о сравнительном изучении веча у европейцев. Даже совестно становится рассказывать об этом научном донжуанстве. После всех этих скитаний я решил обратиться к Вам с покорнейшею просьбою наставить меня на путь истинный. Вы знаете мои интересы, а также силы и способности, Вы едва ли затруднитесь в указании вопроса, п.[отому]ч.[то] сами не мало писали, а еще больше читали и думали, надеюсь, воспользоваться вашей

---

²¹¹ Это требование, видимо, было связано с неудачной студенческой работой Корелина под руководством Н.И. Стороженко над темой о Фаусте. См.: *Корелин М.С. Западная легенда о докторе Фаусте. Опыт исторического исследования // Вестник Европы. 1882. № 11–12.* Автор приносит благодарность Н.А. Ильяшенко, который впервые обратил свое внимание на эту проблему в своей магистерской диссертации: *М.С. Корелин как профессор Московского университета. М., 2012. С. 16–17. Рукопись.*

опытностью, чтобы спасти себя от бесполезной траты времени и сил на попытки, которые для меня могут стоить очень дорого»²¹².

Герье быстро понял, что такая постановка проблемы при выборе темы свидетельствует не о научной несостоятельности ученика, а в сверхвысоких требованиях молодого историка, предъявляемых к работе. «Вы теперь, подобно голубю, вылетевшему из ковчега, витаете над безбрежным морем истории и ищете твердого места, чтобы свить там свое гнездо. Этот период блуждания мысли и колебаний мне очень знаком, и я был бы рад, если бы мог сократить его для Вас. Я также носился с невозможными темами; во время приготовления к экзамену и еще после я мечтал о том, чтобы написать о влиянии Английской конституции на политические теории и убеждения Европейского материка: я хорошо помню, как я однажды излагал свой план покойному Леонтьеву, и он по своему обыкновению, когда бывал недоволен, слушая меня, мычал и кряхтел. Едва ли вопрос о Вашей диссертации порешиться одним письмом, и я с удовольствием возвращусь к нему, по получении ответа от Вас»²¹³.

В результате общения при выборе темы исследования отношения между учителем и учеником из формальных превратились в доверительные и представляли собой общение двух заинтересованных исследователей. Определенные трения в отношениях наметились лишь тогда, когда рассчитывающий на Корелина Герье, не смог заставить своего ученика форсировано выйти на защиту первой диссертации.

В первый раз это случилось во время обсуждений дальнейших научных планов Корелина, когда он находился за границей, то есть в 1885–1887 гг. В ходе поездки Корелин, казалось, уже остановился на теме «Лоренцо Валла и основные течения итальянского гуманизма до середины XV века» как на предполагаемой теме диссертации. Однако занятия с источниками и знакомство со специалистами по этому вопросу, в которых Корелин был разочарован с научной точки зрения, заставляли его все более и более поднимать планку исследования и заниматься

---

²¹² НИОР РГБ. Ф.70. Оп. 45. Д. 15. Л. 21–22.

²¹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 11. Л. 33.

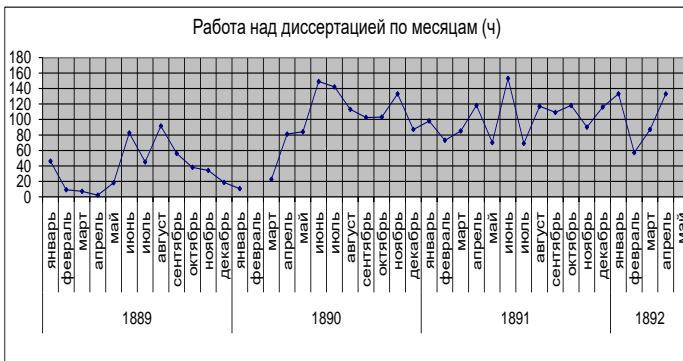
историей гуманизма в целом. Фактически из исследования о Валле Корелина выходило отдельное исследование о гуманизме как явлении до Валлы. Столь широкое понимание темы затягивало работу. Вернувшись в Россию, Корелин задумался о выстраивании собственной карьерной стратегии.

С сентября 1888 г. он на правах приват-доцента начал читать в Московском университете курс по истории культуры²¹⁴. Главной проблемой, терзающей ученого на рубеже 1880–1890-х гг., был вопрос о защите первой диссертации. Потратив на выбор темы около пяти лет (1880–1885), найдя период исследования – итальянское Возрождение во время заграничной командировки (1885–1887), Корелин все никак не мог приступить к печатанию диссертации, хотя после возвращения из-за границы прошло уже два года, а в письмах к учителю этого периода он утверждал, что не только имеет план исследования, но даже и текст диссертации у него отчасти готов. Накануне 1890 г. историк завел в дневнике таблицу, которую заполнял до конца 1892 г.²¹⁵ В таблице Корелин фиксировал данные о том, на какие виды занятий (подготовка и чтение лекций, написание статей, написание диссертации и т.д. и т.п.) он тратит столь драгоценные часы. В целом на страницах дневника до мая 1892 г. лейтмотивом записей является скорбь о потерянном времени, выделенном для решения других вопросов, и утраченном для диссертации («диссертация ползет», «диссертация сильно позаброшена, отчасти мешало папство, а в конце месяца рецензии», «диссертация в забросе», «в эти три месяца диссертация шла не бойко», «диссертация плетется», «опять боюсь, что из-за поспешности сильно пострадает диссертация»).

---

²¹⁴ До начала преподавательской работы в университете Корелин имел за плечами опыт педагогической работы на Московских высших женских курсах (1880–1888), Лазаревском институте восточных языков и женских гимназиях города Москвы.

²¹⁵ *Корелин М.С.* Дневник. С. 289.

Судя по всему, во многом эта ситуация связана с различными проблемами, вызванными выработкой плана исследования. Неопределенное название диссертации²¹⁶ лишь подчеркивает трудности, с которыми столкнулся автор. Первоначально в центре его исследования должен был стать Лоренцо Валла, который был для Корелина квинтэссенцией развития раннего гуманистического движения. Однако, как указывал Корелин в письме учителю еще 1 января 1883 г., «центральное положение моего героя заставляет обстоятельно изучить и предшествующую и последующую эпохи, а это подведет к тому, что работа растянется»²¹⁷. Именно широким изучением эпохи по рукописным источникам в архивохранилищах Европы, а затем их обработкой и сравнением полученных результатов с достижениями европейских историков, занимался Корелин на рубеже 1880-х и 1890-х гг. В результате законченного текста рукописи у Корелина не было даже в начале печатания исследования, текст работы дописывался в ходе печатания диссертации. Первоначально Корелин планировал начать печатать диссертацию осенью 1889 г., однако практически это ему удалось лишь с октября

²¹⁶ *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Вып. 1. М., 1892; *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Вып. 2. М., 1892.

²¹⁷ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 485.

1890 г. Более того, в мае 1891 г., то есть после полугода печатания диссертации, Корелин решается на важные изменения в работе: «Самое крупное в прошлом месяце решение (в апреле 1891 г. – Д. Ц.) сократить диссертацию наполовину, т.е. ограничиться XIV в. и обработать второй том в связи с Валлой» [Корелин 2014, с. 299]. Однако даже и этого не будет сделано. Несмотря на то, что материалы о Валле были собраны²¹⁸, раздел о нем для диссертации историком так и не был дописан. Второй том вышел вовсе не таким, каким мог представлять его автор до начала печатания текста. Фактически вторая часть работы превратилась в коллективную биографию последователей Ф. Петрарки и Дж. Боккаччо в различных частях Италии и предвосхищала деятельность Валлы, но полностью оставляла его в стороне.

Чувствуя, что печатание диссертации идет не по плану ученика, Герье предложил Корелину в письме от 4 августа 1891 г. представить в факультет первую часть работы, посвященную Петрарке, как магистерскую, а вторую часть, посвященную Боккаччо и его окружению, защитить как докторскую²¹⁹. Корелин возразил в письме от 8 августа: «Ваш лаконичский и настоятельный совет произвести с книгой столь серьезную операцию, как *amputation captis*²²⁰, очень меня смутил и даже испугал. Я недоумеваю, что побуждает Вас так советовать мне форсированный марш: имеется ли в виду близкий и опасный неприятель, в которого нужно в сентябре стрелкнуть тем, что есть, не дожидаясь резервов, или глава о Петрарке показывает недоброкачество моих боевых средств. К Вашему приезду Боккаччо, вероятно, будет окончен, и тогда мы переговорим о дальнейшем, теперь же мне показалось крайне нежелательно еще сокращать книгу и вот по каким причинам: 1) На две последние главы я возлагаю особые надежды; если в двух первых мне не удалось передразнить Wattenbach'a²²¹, то третья сообщит хоть новый материал, а четвертая даст кое-какие выводы. 2) Этих выводов

²¹⁸ Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М., 1984. С. 30.

²¹⁹ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 592.

²²⁰ Сокращение главы (лат.).

²²¹ Ваттенбах (Wattenbach) Вильгельм (1817–1894), немецкий историк, профессор в Гейдельберге и Берлине, член Берлинской Академии.

я решительно не сумею сделать из двух первых глав, и диссертация будет иметь незаконченный вид, причем огромное введение произведет комическое впечатление. 3) Если содержание книги, а не старинная благосклонность к ее автору заставляет Вас признать ее годной для магистерства даже без Боккаччо, то следует, мне кажется, принять во внимание, что совершенно иные требования предъявляются диссертации, смотря по тому, представляется ли она 5 или 10 лет спустя после окончания курса. И для меня самого возможно сравнительное душевное спокойствие только тогда, если я сам поставлю себе за книгу, по крайней мере, 3+, а в том виде, в каком Вы ее проектируете, она и в моих глазах не заслуживает такой оценки. В-четвертых, наконец, что выигрываю я от этих купюр? Два-три месяца времени; но что значит несколько месяцев для человека, опоздавшего на годы? Я не отрицаю возможности, что у Вас есть какие-нибудь соображения, которые в состоянии подорвать всю мою аргументацию; но исполнить это Ваше желание, против обыкновения, мне крайне тяжело, теперь, по крайней мере»²²².

В итоге Корелин провел свой план работы. Защита диссертации позволила историку свободнее вздохнуть, из дневника исчезли подсчеты времени на научную работу по дням. В июне 1892 г. он записал в дневнике: «Никогда не работал так интенсивно, как в этом году, и никогда еще не имел такого успеха. 15 апреля кончил диссертацию; 22-го представил ее в факультет, 29 – дали доктора и 10 мая – диспут. Возражения Герье, Стороженко и Веселовского носили отеческий характер, и произвели, по-видимому, благоприятное впечатление. Хорошие отзывы в газетах; много писем и телеграмм»²²³.

Главная практическая задача, которая встала перед Корелиным после защиты диссертации – получение профессорской должности в университете. Отсутствие даже магистерской степени не позволяла Михаилу Сергеевичу

²²² Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 593.

²²³ Корелин М.С. Дневник. С. 306.

претендовать на штатное место в Москве, хотя о такой перспективе ему вроде бы говорил В.О. Ключевский в мае 1889 г.²²⁴

Провинциальным университетам это не мешало предлагать Корелину позиции у себя. Весной 1890 г. Корелин был приглашен в Одессу на должность экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории Ф.И. Успенским²²⁵. Это событие повышало авторитет Корелина как ученого, удовлетворяло его самолюбие, но не вписывалось в его научные планы относительно преподавания в Москве. Защита диссертации позволила ученому претендовать на профессорскую должность в Московском университете. Однако вплоть до ноября 1892 г. дело не двигалось с места. В августе Корелин отметил в дневнике: «В тот же день узнал, что вопрос о представлении меня к экстраординатуре в Округе и не поднимался, так как думали, что нет денег; но деньги имеются, и Высоцкий (ученик Герье и знакомый Корелина, работавший в канцелярии округа – Д. Ц.) обещал поговорить с Капнистом (попечитель Московского учебного округа – Д. Ц.)»²²⁶. Возвращение Герье из-за границы явно ускорило решение вопроса: «Ряд перипетий в вопросе о кафедре, где особенную энергию проявил Герье. 1-го (ноября – Д. Ц.) Капнист сказал, что все основания за предоставление и деньги есть; затем Капнист и Высоцкий уехали в Петербург и дело затянулось, 14-го Высоцкий обещал, что на будущей неделе будет сделано представление; 19-го Капнист отказался представить за неимением денег; 23-го новый визит Герье к Капнисту и 25 письмо от него, что представление будет сделано безотлагательно по образцу Лопатина, т. е., с доплатою 1000 рублей из штатной суммы»²²⁷. В январе 1893 г. Корелин мог торжествовать: «12-го января назначен экстраординарным профессором, о чем частным образом известил 17-го Лаврентьев, а 25-го официально Капнист»²²⁸.

Получить должность ординарного профессора в Москве Корелину не удалось до конца жизни. Главная причина заключалась в том, что министерство

---

²²⁴ Там же. С. 250

²²⁵ Там же. С. 291.

²²⁶ Там же. С. 309

²²⁷ Там же. С. 318.

²²⁸ Там же. С. 328.

народного просвещения отказывало в финансировании третьей должности ординарного профессора по кафедре всеобщей истории в университете.

Правда, в 1894 г. у Михаила Сергеевича появилась шанс на ординатуру по другой кафедре – кафедре церковной истории. 4 сентября 1894 г. профессор этой кафедры протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов письмом известил Корелина о желании видеть того у себя, а 5 сентября при встрече предложил молодому университетскому коллеге взять на себя обязанности преподавания церковной истории в университете. 21 сентября Иванцов-Платонов сделал официальное заявление в Совете о том, что он прекращает преподавание и хотел бы видеть своим преемником в качестве преподавателя истории Церкви Корелина²²⁹.

В этом выборе нельзя не учитывать личную мотивацию Иванцова-Платонова²³⁰. Он хорошо понимал, что главным претендентом на кафедру церковной истории в Московском университете, если на ней не окажется близкий к университетской корпорации человек, станет представитель профессорской корпорации Московской духовной академии. Именно этого-то и не хотел допустить Иванцов-Платонов, а профессора-историки ему в этом сочувствовали.

Предложение Иванцова-Платонова для профессуры кафедры всеобщей истории Московского университета было очень заманчивым. Во-первых, у историков появилась бы новая кафедра, профессор которой читал бы специализирующие курсы для студентов исторического отделения, чего требовала программа развития исторического отделения историко-филологического факультета²³¹, то есть появилась бы новая штатная университетская кафедра,

²²⁹ Корелин М.С. Дневник С. 392, 386, 397, 398, 404–406.

²³⁰ Протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов и историки Московского университета // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 1. С. 137–149.

²³¹ Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России: Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 132–137. Интересно отметить, что профессора кафедры всеобщей истории часто давали вопросы по истории Церкви для магистерского экзамена в отличие от профессоров кафедры российской истории.

занятая историком. Во-вторых, поскольку на кафедре истории Церкви оказался бы Корелин, то речь могла идти о концентрации вопросов по истории Церкви, ранее включенных в различные курсы, преподаваемые на кафедре всеобщей истории, в рамках специального церковно-исторического курса. В-третьих, это подняло бы престиж Корелина в университете, принеся ему ординарную профессию.

Впрочем, у этого смелого эксперимента был большой элемент риска. Кафедра для Корелина, безусловно, продолжала бы оставаться «пересадочной» – он ждал вакансии на кафедру всеобщей истории, поскольку на кафедре истории Церкви невозможно было готовить кандидатов для замещения профессорских должностей и, следовательно, иметь учеников, что было очень важно для последователей круга Герье. Кроме того, не очень понятно, насколько внутренний мир Корелина подходил для подобного профессорского служения. Как у представителя демократической интеллигенции 1870-х гг., у него было очень критическое отношение к церковной повседневности, прежде всего к духовному сословию как определенной социальной группе русского общества, унаследовавшей многие дореформенные черты²³². При серьезных контактах с представителями ученого мира из среды духовенства у Корелина вызывали резкое неприятие как архиереи Российской Православной Церкви, так и церковный народ, веру которого он считал чем-то культурно устаревшим. Отдавая должное Церкви как культурной силе эпохи Средневековья, сформировавшей новую нравственность, создававшей систему образования в Европе, Корелин в целом смотрел на нее как на социальный институт старого порядка. Допуская наличие в Церкви «прогрессивных» деятелей в современную эпоху, он полагал, что она сдерживает формирование индивидуальности человека, то есть противостоит одной из господствующих тенденций нового времени.

---

²³² Впрочем, это была устойчивая традиция историков Московского университета. Даже выходцы из духовного сословия – П.Н. Кудрявцев и С.М. Соловьев – подвергли жесточайшей критике среду, из которой они происходили. Иванцов-Платонов также ратовал за всесословность русского духовенства.

Подобные взгляды Корелина не были тайной для знакомых с его трудами. Поэтому решение Иванцова-Платонова видеть его своим преемником мгновенно вызвало сопротивление. В церковной печати появились слухи об атеизме Корелина, что сыграло существенную роль при решении вопроса о его возможном назначении в Министерстве народного просвещения в начале 1895 г. В итоге на место Иванцова-Платонова был назначен профессор Московской духовной академии А. П. Лебедев.

Одной из проблем, с которой столкнулся Корелин в университете после назначения на должность экстраординарного профессора, стало вхождение в профессорскую корпорацию университета в новом качестве. Если проанализировать круг общения Корелина по дневнику, то выйдет, что это прежде всего коллеги по историко-филологическому факультету, с большинством из которых он познакомился еще на Высших женских курсах или хорошо знал по университету. Прежде всего это всеобщие историки – Герье, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, затем – русские историки В.О. Ключевский, М.К. Любавский; философы – Л.М. Лопатин, Н.Я. Грот, филологи Ф.Е. Корш, Н.И. Стороженко, А.Н. Шварц, юристы Н.П. Боголепов и С.А. Муромцев. Через жену – Надежду, выпускницу Лубянских курсов по естественно-математическому отделению, Корелин поддерживал дружеские связи с естествоиспытателями – А.Г. Столетовым, А.П. Павловым, В.В. Марковниковым, но близко сошелся только с В.К. Цераским. Общение происходило на официальных мероприятиях (Совет факультета и Совет университете), на журфиксах (пятницы у самого Корелина и вечера у других профессоров Московского университета), в московских ресторанах (Прага, Славянский базар)²³³.

В целом, как это видно из дневника, взаимоотношения между представителями либеральной профессуры университета в 1890-е гг. были натянутыми. Несколько серьезных конфликтов взорвали взаимоотношения между ранее неплохо ладившими коллегами.

---

²³³ Установлено в магистерской диссертации моего ученика – Н.А. Ильяшенко.

Ключевыми стали 1892–1894 г. Получение докторской степени минуя магистерскую привело Корелина к конфликту с Милюковым. Он отметил в дневнике: «Связь с Милюковым немного огорчила, но, кажется, в конце концов послужила *ad majorem gloriam*»²³⁴.

На конфликтные отношения между историками повлияла и ситуация вокруг формирования Комитета исторического общества при Московском университете в начале 1894 г.²³⁵ Занимаемая Корелиным позиция привела его к сближению с поколением его учителей и отбросила от сверстников²³⁶. Для взаимоотношений с последними показательна история контактов Корелина с Виппером. Два историка были однокурсниками. «Я с ним сблизился еще в университете, очень его люблю, но должен признать, что в нем очень заметна принадлежность к семье, которая имеет много общего с Бедламом»²³⁷, – писал Корелин о друге учителю.

Михаил Сергеевич много сделал для того, чтобы помочь Випперу на профессиональном поприще и фактически насильно вывез того для научных занятий за границу. Молодые люди поехали в заграничную командировку вместе и занимались сначала в Берлине, а затем в Вене, Мюнхене и Париже. Корелин воспринимал себя как опекуна Виппера, по крайней мере, именно в таком тоне он писал об этом Герье: «Виппер остается еще на год (до апреля). Работает он очень хорошо. Погладьте меня по головке»²³⁸; «я выдумал поездку за границу и возился здесь с ним, как с писаной торбой. Вы себе представить не можете, сколько он мне крови за границей испортил: дважды чуть не за фалды я удержал его в Берлине, удержал в Вене, в Мюнхене, уговорил провести зиму в Париже»²³⁹.

В 1894 г. Виппер защитил диссертацию, за которую, по инициативе Герье, как и Корелин, получил сразу докторскую степень. Корелин был не очень доволен:

²³⁴ Корелин М.С. Дневник. С. 206.

²³⁵ Бухерт В.Г. Основание исторического общества при Московском университете // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 195–206; Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: Труды и дни (1859–1904) / вступит. ст. С.М. Ляндрес, Д. Вульф. Пред. Т. Эммонс. Рязань, 2001. С. 67–69.

²³⁶ Корелин М.С. Дневник. С. 388.

²³⁷ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 568.

²³⁸ Там же. С. 552.

²³⁹ Там же. С. 568.

«17. (апреля – Д. Ц.) Герье решил и 27 факульт[ет] присудил доктора Випперу. В глубине души я был [против] этого, но может быть по зависти, но действовал за ... из солидарности и приличия»²⁴⁰. На диспуте Герье выступил с очень резкой критикой диссертации: «Герье подорвал значение книги. Он доказал, что с точки зрения Виппера пропущена характеристика французского третьего сословия, представителем которого был Кальвин, и французский элемент женеvского населения. Кроме того, Г. доказал, что автор не понимает духа Кальвинизма, не понимает, что такое олигархия, теократия и т.д.»²⁴¹. Виппер на замечания учителя обиделся и демонстративно не пригласил Герье на банкет по случаю защиты. Корелин присутствовал, но стало ясно, что и с ним Виппер не желает поддерживать дружеских отношений: «Отношения с Виппером, кажется, порваны. На обеде после своего диспута он предложил демонстративный тост за друзей, сидевших налево и прямо (мы с Бремером сидели направо от него)»²⁴². Столь же демонстративно Виппера поддержал Виноградов. Однако его позиция при защите диссертации Виппером смущала уже Корелина: «Его отзыв, написанный без достаточного знакомства с книгой, сопровождался тайным, ловко скрытым скандалом. Виноградов приписал Випперу открытие: изменение взглядов Кальвина по разным изданиям Institutionis, но это открытие уже сделано Kosllin'ом. Пришлось тайком добывать отзыв "для сокращения" и его переделывать»²⁴³. Кроме того, Корелин приписывал Виноградову желание возвысить научное значение диссертации Виппера ради сведения счетов с самим Корелиным: «Герье раскаивается в докторстве Виппера; скорое согласие со стороны Виноградова – в значительной степени желание нанести удар мне»²⁴⁴.

При этом именно Корелину Виппер был обязан получением профессорского места в Одессе. Но чего здесь больше – желания Корелина обезопасить себя от конкурента в Москве или помочь другу – не совсем ясно. Виппер платил тем же:

²⁴⁰ Корелин М.С. Дневник. С. 382.

²⁴¹ Там же. С. 385.

²⁴² Там же. С. 387.

²⁴³ Там же. С. 385.

²⁴⁴ Там же. С. 387.

«27 июля Виппер назначен в Одессу и 30 августа его прощальный визит с супругой, холодный, но лицемерно дружеский. Грустная история: из человека самого близкого он превратился сначала в совсем чужого, а потом во врага в душе»²⁴⁵.

Студенты 1890-х гг. больше симпатизировали оппонентам Корелина. В среде «павликан» (членов кружка Виноградова) ходили разнообразные слухи, которые студенты коллекционировали. Так, один из них – будущий университетский профессор Ю.В. Готье вспоминал: «Популярность, которой пользовался у нас П.Г. Виноградов, мешала нам объективно относиться к другим профессорам всеобщей истории. Так, мы из-за этого гораздо меньше ценили В.И. Герье и подчеркнуто отрицательно относились к М.С. Корелину только потому, что откуда-то слышали, что между ним и П.Г. происходят какие-то трения»²⁴⁶. Не благоволили Корелину и поклонники Виппера: «Герасимов страстно и враждебно напал на меня за уроки у Перепелкиной. Это нападение показало мне, что отношение Випперовского кружка не менее ко мне враждебно, как и Виноградовского»²⁴⁷.

Впрочем, «сервилизм молодежи», проявлявшийся, по мнению Корелина, в излишней угодливости студентов по отношению к Виноградову и близким ему историкам вроде Милюкова, Михаилу Сергеевичу в целом преодолевать удавалось. Более того, Корелин, будучи сторонником истории идей, интеллектуальной истории, начал наступление на проповедников экономического материализма, истоки интереса к которому в университете он связывал с деятельностью А.И. Чупрова, Виноградова, Милюкова и отчасти Ключевского: «Это направление наплодили у нас, с одной стороны, Чупров и земские статистики, с другой Виноградов, Милюков и отчасти Ключевский»²⁴⁸. Воевать было тяжело, поскольку сторонники истории идей иногда подвергались обструкции за свои

²⁴⁵ Там же. С. 392.

²⁴⁶ Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 563.

²⁴⁷ Корелин М.С. Дневник. С. 388.

²⁴⁸ Там же. С. 428.

взгляды, как это произошло с другом Михаила Сергеевича – Николаем Ивановичем Кареевым, выступившем против экономического материализма на заседании Исторического общества в Москве в феврале 1896 г.: «23-го Кареев был освистан многочисленной толпой, собравшейся в Историческом обществе на его реферат против экономического материализма»²⁴⁹. И все же Корелин добился того, чтобы студенты приходили к нему на дом для частных разговоров по проблемам экономического материализма, в ходе которых профессор пытался познакомить студентов с вопросами «культурной истории», что, впрочем, далеко не всегда приносило плоды. Несмотря на старомодность в методологии исследования, в целом Корелин не рассматривался студентами как ренегат и «черный» профессор. Ему присылали документы различные студенческие организации, информировавшие его о студенческих мероприятиях и объяснявшие их подоплеку. Корелин приглашался для участия в студенческой благотворительности, он даже вошел в узкий круг лиц, которые подготовили собрание для формирования программы сближения между профессорами и студентами²⁵⁰ и где очень влиятельной силой был Милюков.

Одним из вопросов, который пришлось решать Корелину в 1890-е гг., был вопрос материального обеспечения семьи. Смело можно сказать, что этот временной отрезок стал для Корелина чрезвычайно удачным с финансовой точки зрения. Доходы Корелина стабильно росли, позволяя ему даже копить небольшой капитал, который в последний год его жизни составлял чуть более 7000 р.²⁵¹.

Доход около 3000 р. позволял профессору делать финансовые запасы на будущее. При этом понятно, что собственно профессорского жалования для обеспечения семьи ему не хватало, и он был вынужден подрабатывать. Корелин мог согласиться с оценкой положения московского профессора специальной комиссией в 1910-е гг. «В настоящее время профессоры, если они скромные деятели и не занимают других штатных должностей, обыкновенно проживают у

---

²⁴⁹ Там же. С. 428.

²⁵⁰ Там же. С. 362–363. См.: *Ильяшенко Н.А.* С. 107–112.

²⁵¹ *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX в. М., 2008. С. 176–177.

нас свои состояния, если они их имели, и бедствуют, если они их не имели. Мизерное их в материальном отношении положение – одна из главных причин оскудения наших университетов научными силами. Молодые не идут в преподаватели, а достигнувшие профессорства по необходимости ищут себе посторонних занятий и этим с грустью для себя отвлекаются от прямого и столь дорогого им дела – служения науке и молодежи»²⁵². Однако в целом Михаил Сергеевич уверенно решал проблему финансового обеспечения семьи, и не надеялся на решение этого вопроса государством. Более того, слухи об увеличении жалования ординарного профессора до 5000 тыс. р. в обмен на лояльность к МНП его скорее раздражали²⁵³.

Проблемы подстерегали профессора не в материальной сфере. Ухудшились семейные отношения. Во-первых, Корелин ближе к середине 1890-х отказался от проведения каникулярного времени в Листвянах (небольшая деревня рядом с Пушкино по Ярославской железной дороге), бывших центром совместного отдыха родственников жены Корелина – Надежды Петровны, в девичестве – Александровой. Вместо Листвян Корелин вывозит семью сначала на Балтийское побережье в Силламяги, где, правда, некоторые из давних знакомых, например, Цераские, их навещают (1894); затем едет в Финляндию (1895), а потом – под Калугу (1895–1896), в окрестностях которой он сближается с новыми людьми²⁵⁴. Во-вторых, вполне возможно претерпевают кризис и личные отношения Корелина с женой, о чем можно догадываться из некоторых записей в дневнике. Так, в 1892–1896 гг. Корелин несколько раз упоминает на страницах дневника Ольгу Гирш, дочь крупного московского предпринимателя, которой он давал частные уроки и знакомил с московскими достопримечательностями и выставками. При этом весьма показательна запись Корелина, сделанная в январе 1896 г.: «Крупное изменение в отношениях с Ол. Гирш от ее увлечения делами и Аренсом»²⁵⁵.

²⁵² К вопросу о профессорских штатах Императорских российских университетов. М., 1914. С. 3.

²⁵³ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 471.

²⁵⁴ Судя по всему, в дальнейшем Корелин должен был проводить лето в Германии на лечебных курортах в связи с ухудшением здоровья.

²⁵⁵ *Корелин М.С. Дневник. С. 353.*

Весьма печально складывались отношения историка с престарелым отцом и собственной родней. С одной стороны, историк по несколько раз в году бывал у отца в Комлево. Он любил там отдохнуть, задумывался над тем, чтобы перевезти отца в Москву на свою квартиру, хотя это было ему крайне неудобно, о чем он откровенно писал в письмах к Герье. Однако поездки в Комлево после 1893 г. Корелин начинает воспринимать очень настороженно. При этом, судя по всему, историку кажется, что родственники-неудачники проживают нажитый капитал отца: «отец постепенно опускается, а около него кормится сестринская семья»²⁵⁶. Даже тот факт, что отец желает пожертвовать часть оставшегося у него капитала на комлевский храм, вызывает у историка ламентации о нерациональном использовании денег: «У отца отнялись ноги, но до развязки, по-видимому, очень далеко. Поездка в Комлево очень тяжелая, но поучительная. Отец прожился, и большая часть наследства пошла на церковь и на зятя»²⁵⁷.

Дневник Корелина показывает, что постепенно историка начинает охватывать уныние. Он начинает коллекционировать неудачные для занятий дни (для этого в рубрике «настроение» – появляется в январе 1893 г. – он подсчитывает плохие, скверные и серые дни) и болезни. В октябре 1894 г. он заносит в дневник следующую характерную для этой рубрики запись: «Один из наиболее плохих месяцев. Хороший день один, отвратительных – 3, скверных – 9, остальные – серые. 8-го бессонная ночь и жаба с лихорадкой. 27 – боль в боку. Но главная причина – отсутствие горячей любви к чему бы то ни было, ослабление всех интересов, неудовлетворенность всем существующем. Недостатки характера мстят мучительно»²⁵⁸.

Под давлением этих чувств Корелин считает, что в научном отношении движение вперед прекратилось. Так, практически остановилась работа историка над книгой о Валле, которую он хотел написать после завершения диссертации. В июне 1894 г. Корелин констатирует: «Начал работать над Валлой. Вся собранная

²⁵⁶ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 411.

²⁵⁷ Корелин М.С. Дневник. С. 424.

²⁵⁸ Там же. С. 396.

мною переписка уже напечатана; биография потребует много работы, но большого значения иметь не может»²⁵⁹. Впрочем, в это время Корелин увлекается археологией (участвует в работе археологических съездов, налаживает контакты с П.С. Уваровой), занимается вопросами повышения грамотности различных категорий населения Москвы в Комитете грамотности²⁶⁰. Пользуясь инфраструктурой Московского университета, Корелин принимает участие в деятельности различных обществ при университете. Он посещает заседания ОЛРС, Психологического общества, исторического общества. Однако и эта работа не во всем удовлетворяет историка. В декабре 1895 г., накануне нового 1896 г. Корелин записывает в дневнике: «Очень тяжело на душе. Всю жизнь проникает разлад, в университете ненормально, общественная деятельность тоже: не только между двух стульев, но и не в своей тарелке. Иногда это затушевывается, а иногда выступает при пустом поводе с ужасающей ясностью. Сегодня очень характерный в этом отношении день. Утром за нудным и ненужным рефератом для Комитета грамотности, потом визит Ольги (Гирш – примечание Д. Ц.) – одно огорчение, потом экспертная комиссия по чужому делу; дома сцена с женой по пустякам, вечером доклад по народным картинкам. И это день ученого, университетского профессора! В результате утомление и негде голову преклонить. А кроме того, в квартире холод, отовсюду дует, опух подбородок. Тяжело, тяжело. Потом целая полоса мелких, но непрерывных неудач – тоже портила настроение. Новый год встречал у Александровых и очень уныло»²⁶¹.

Расстриавала Корелина и тяга современных исследователей к социально-экономической проблематике. Размышляя над тягой современных историков к вопросам материализма, Корелин писал Герье: «историческая анатомия и физиология оказываются не в пример легче психологии, но за то и менее интересны. Вероятно, их сравнительно легкостью и объясняется обилие крупных исторических работ в этой области; сравнительный метод, толкование источников,

---

²⁵⁹ Там же. С. 389.

²⁶⁰ Там же. С. 411, 423.

²⁶¹ Там же. С. 425.

издание новых материалов все направлено в эту область. Мне кажется, что и на историографии, как и на других проявлениях умственной и художественной жизни, отражаются общее реальное, если не материалистическое направление. Пример Кареева характерен в этом отношении: прежде его занимали вопросы внутренней культуры, его статьи в «Знании» и «Филологических записках» касались духовной истории человечества, а диссертация представляет, по моему мнению, результат бессознательного увлечения духом времени. В разговорах даже с серьезными историками мне случалось замечать, что под научными работами они понимают только сочинения по исторической анатомии и физиологии; эта односторонность и попытки людей более смелых и легкомысленных свести все явления исторической жизни к Magentrage²⁶² вполне аналогичны с реализмом и натурализмом в искусстве и беллетристике. Какой-нибудь Любович, выводящий реформацию из городского движения исключительно, или Иванюков²⁶³, утверждающий, что христианство не имело исторического влияния, родные братья с Зола и К^о».

Герье отвечал: «политическая анатомия», как Вы выражаетесь, привлекает к себе больше внимания и вызывает в свет больше научных трудов, чем «историческая психология» – само собой разумеется и не зависит от печального преобладания Magentrage – исключительно интересующих многих даже поклонников истории. Политическое развитие составляет в XIX в. такой существенный вопрос в жизни Германии, что понятно, почему история и археология политических форм занимают так много умов и рук. К тому же это область гораздо доступнее и требует меньше начитанности, меньше общего образования и меньше способностей к общему развитию, чем напр[имер] эпоха гуманизма или реформации»²⁶⁴, – и радовался своему ученику, понимая, что он идет более долгим, но более благотворным путем.

---

²⁶² Нужды желудка (немец.).

²⁶³ Иванюков Иван Иванович (1844–1912), ученый, профессор Варшавского политехнического института.

²⁶⁴ ЦГА. г. Москвы. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 11. Л. 3–5.

Ученик не свернул с него до конца жизни. Неизлечимо больной он писал в письме своему учителю о том, что их направление еще живо и что даже ученики самого Герье, не склонные к его отстаиванию, иной раз оказывают ему почтение: «Статью Виноградова²⁶⁵ я прослушал, и ее конец (конечно, не заключение) произвел на меня благоприятное впечатление. Правда, автор пришел уже к тому заключению, что его слава позволяет ему безнаказанно знакомить публику три вечера подряд с тем, что всем известно и что можно было изложить и в один вечер. Кроме того, он даже не счел нужным глубже продумать и получше изложить чужия мнения, а его собственный взгляд на сущность исторического процесса страдает недостаточной ясностью и определенностью. Впрочем, мне показалось, что он согласен внести в строго эволюционную теорию (*évolution spontanée*) разумную поправку, допустив сознательное стремление личности, как специфический фактор исторического процесса в отличие от биологического. С этой точки зрения можно говорить и о целях истории, которые поставлены не каким-либо абсолютным началом, богословским или философским, а действующей в истории личностью. При таком понимании исторического процесса, его эволюция является прогрессом, т. е. постоянным улучшением природы человека и внешних условий его существования. Может быть, я приписываю Виноградову то, чего у него нет; но несомненно, что в его статье есть две мысли, хотя и очень старые, но по нынешним временам весьма ценные, а именно признание психических влияний в истории и всемирно-исторического процесса. Самое пошрое и противное для меня – это мода в таком великом деле, как наука, и Виноградов при всей его страсти к популярности сумел удержаться на научной высоте в публичных лекциях, а это большая заслуга. К сожалению, заключительная тирада статьи произвела отвратительное впечатление и вообще так же подходит к Виноградову, как к корове седло, а здесь, кроме того, и пафос-то вымученный...».²⁶⁶

²⁶⁵ Виноградов П. Г. О прогрессе // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 42. С. 254–313. Три лекции, прочитанные в Москве, в аудитории Исторического музея, 4,5,6 февраля 1898 г.

²⁶⁶ НИОР РГБ. Ф. 70. Оп. 45. Д. 17. Л. 58–59.

Состояние разочарования будет преследовать Корелина до конца жизни. Ученый будет вспоминать о лучших годах жизни – времени сбора материала для диссертации за границей, прежде всего в Италии, и надеяться на личное возрождение, которое никогда не наступит. Очень показательным в этом отношении одно из последних писем историка к учителю – Герье, написанное незадолго до смерти: «Мои лихие болезни несколько стихли и возвращаются только вечером да по ночам; сердце работает гораздо лучше прежнего, и в этом только я усматриваю благоприятный результат Наугеймских ванн. Если я не ошибаюсь, мои силы настолько реставрировались, что зимой я буду в состоянии работать, а, следовательно, вести довольно сносное существование... А работать очень хочется. По дороге из Базеля в Люцерн кондуктор стал перечислять станции и назвал Милан, как конечный пункт, и это Mailand произвело на меня особое действие: непременно захотелось опять в Амброзиану, где жилось, хотя холодно и голодно, но бодро, с мечтами и надеждами, которые тогда казались такими разумными, такими привлекательными. Это настроение напомнило мне один грустный эпизод из моего детства. У отца была старая гусарская лошадь Полкан, которая, отгулявши военную службу, мирно и лениво возила дрова и сено. Но однажды, таща воз с сеном и со мной около военного лагеря в Климентьеве, Полкан слышал знакомые сигналы, пустился вскачь и после нескольких прыжков отдал Богу душу, если таковая у него имелась. Я был благоразумнее старого Полкана и остался сидеть на месте и потому моя душа пока при мне обретается».²⁶⁷

В целом, исходя из дневника Корелина, можно говорить о двух разноплановых тенденциях, дающих возможность оценить качество жизни ученого в 1890-е гг. С одной стороны, это установка на рациональное расходование времени, правильное соподчинение многообразных задач, решаемых им в профессиональной деятельности (научные результаты, педагогическое мастерство, публицистическая деятельность). При решении этих вопросов

---

²⁶⁷ Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина. С. 633.

Корелину удалось достигнуть определенных успехов: он защитил диссертацию, за которую получил степень доктора (минуя магистра), оказался очень востребованным на рынке услуг интеллектуалом (получал выгодные предложения по работе от московских гимназий, газет, журналов и книжных издательств). Это позволило экстраординарному профессору Московского университета резко повысить уровень материального достатка семьи, сбалансировать доходы и расходы в сторону увеличения первых. Однако достижение успеха далось профессору ценой физического и умственного перенапряжения, вызванного большим объемом работы и постоянным пребыванием в конфликтной атмосфере. Найти выход из этого положения в летних рекреациях и дружеском общении с близкими людьми ему оказалось невозможным.

Рациональный, последовательный и мудрый Герье сделал все от него зависящее, чтобы у Корелина были различные преимущества в университете. Но случилось страшное, особенно для тяжело переживавшего 1890-е годы Герье. Корелин под влиянием болезней начал быстро и буквально на глазах резко сдавать. Попытки лечить его на известных немецких курортах у хороших врачей ситуацию не улучшили. В 1899 г. Корелина не стало.

Учитель пережил ученика. Герье выпал удел прочесть речь, посвященную памяти ученика в специальном заседании Исторического общества и подготовить траурный доклад к торжественному университетскому акту.²⁶⁸ Вместе с самым близким учеником у Герье уходила возможность оставить в университете настоящего наследника. Происходившие в университете на кафедре всеобщей истории в начале 1900-х годов события его пугали. На кафедре Грановского оказались совершенно посторонние люди; Герье их недолюбливал. «Чужаки» платили старику той же монетой. Формально, «на тонкой галантерейности», поддерживая отношения со старейшиной факультета, они забирали управление кафедрой в свои руки.

---

²⁶⁸Герье В. И. М. С. Корелин: некролог. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1900 г. М., 1900.

7.1.2. Корелин как преподаватель

В 1880 г. после окончания университета Корелин получил предложение от Герье начать преподавание на Московских высших женских курсах. Вплоть до отъезда в научную командировку за границу в октябре 1885 г. он ежегодно читал на ВЖК по 2 лекции в неделю.

В 1880–1881 уч. г. Корелин дебютировал на кафедре с курсом Новой истории XVI–XVII вв., который повторил в 1883–1884 г. Во многом в этом курсе Корелин следовал плану учителя – Герье. Он утверждал, что Реформация, вызвавшая протестантизм, находится во внутренней связи с другими течениями в умственной, социальной и политической жизни, направленными против господствовавшего в Средние века мировоззрения, основанного на теократическом начале (господство Церкви и папства) и аскетизме. В целом в этом курсе, дававшим представления о людях европейской культуры и их мировоззрении, Корелин придерживался той традиции интеллектуальной истории, которая впервые была предложена в университетском курсе Т.Н. Грановского и развита его учениками – П.Н. Кудрявцевым и Герье²⁶⁹.

Курс 1881–1882 г. был посвящен Истории Востока и Греции (повторен в 1884–1885). Такого курса в университете Корелин никогда не слушал. Это заставляло его выработать собственную программу чтений²⁷⁰.

В 1882–1883 уч. г. Корелин прочел курс истории Германии и Франции в средние века. Одновременно с курсом Корелина Павел Гаврилович Виноградов читал лекции по истории средневековой Англии, в которых подробно останавливался на средневековых политических учреждениях и феодализме. Это позволило ученому творчески подойти к содержанию курса: «Первая лекция – коронация Карла и его историческое значение. На этом факте проследил все составные элементы средневековой цивилизации. Три следующих лекции

²⁶⁹ Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2008. С. 122–133.

²⁷⁰ Письма М.С. Корелина // Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 214–215.

посвящены на изложение быта галлов и германцев до столкновения с Римом. 5 и 6 лекции – влияние языческого Рима на галлов и германцев. Затем – изменение античного мира под влиянием христианства (4! лекции)... Здесь рассмотрел состояние религии и морали – в эпоху империи, проследил отношение христианства к языческой образованности, изменение нравственных идеалов и установление аскетизма. Следующие 4 лекции – установление папства и его история до IX века, при чем рассмотрел внутреннее положение церкви за этот период, ее отношение к Византии, влияние на папство нападения варваров на Италию и распространение христианства на западе. От 15–17 установление империи и Карл Великий. В 18 лекции – образование национальных государств, 19 – характеристика феодализма, 20 и 21 – теория папской и императорской власти (Предчувствую возражения и маленький нагоняй). Изложивши первую половину курса, я убедился в невыполнимости моей программы и пришел в отчаяние. Как в сказках, мне предстояло три пути – социальная, политическая и культурная история; я чувствовал бессилие уместить все это при моих знаниях в 20 лекций и придумал следующий исход. В 11 лекциях изложил борьбу папства и империи, при чем, излагая причины успехов и поражений, отмечал важнейшие факты и культурной, и социальной истории; а для истории Франции выбрал наиболее характерные явления – развитие королевской власти и рассказал об этом в 10 лекций, закончил Людовиком XI»²⁷¹.

Заслугой корелинских курсов на ВЖК вслед за Герье следует признать умение вносить в фактическое изложение философско-исторические объяснения и общеобразовательный элемент – например, замечания о влиянии физических условий на развитие народов, о значении личности, об идеях и верованиях в истории, о значении города, о восточном влиянии на Грецию²⁷².

К составлению курсов Корелин подходил основательно и считал, что растет как ученый, готовясь к ним: «Каждый понедельник и четверг регулярно

²⁷¹ Письма М.С. Корелина С. 242–243.

²⁷² Герье В.И. Михаил Сергеевич Корелин: некролог. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1900 г. М., 1900. С. 11.

начинается погоней за фактами и фактиками и оканчивается усиленным старанием сделать все обобщения, как нужные для дела, так и случайные, но для девиц полезные. Проблемы, конечно, чувствуются здесь и там, но, в конце концов, эта фатальная необходимость еженедельно два раза обобщать целую серию исторических явлений и раз в год делать генеральное обобщение целой эпохи чрезвычайно плодотворна. Читая книгу по вопросу, о котором сам читал лекцию, чувствую себя значительно зреее, чем прежде»²⁷³.

В Московском университете М.С. Корелин приступил к преподаванию в 1888 г. по приглашению со стороны факультета. Поводом к этому послужило прекращение чтения лекций по истории искусства профессором А.Н. Шварцем. Этот предмет и поручено было читать Корелину. По мнению учителя Корелина – Герье, в этом выразилось большое доверие со стороны факультета к общему образованию магистранта по всеобщей истории.

Корелин прочел полный систематический курс от появления искусства на Востоке до эллинизма включительно. Курс был не только литографирован студентами, но снабжен для удобства читателей многочисленными изображениями художественных памятников. Закончив читать первую часть курса, Корелин записал в дневнике: «Египет изучил, студенты слушали, хотя две последние лекции составлены по одной книжке»²⁷⁴. В конце апреля следующего года он отметил: «лекции закончены с полным нравственным удовлетворением»²⁷⁵. Впрочем, развить успех Корелину не удалось. На следующий год кафедра истории искусств была занята штатным преподавателем, а Корелин начал преподавать в университете всеобщую историю.

По программам факультета этому предмету были отведены на общих курсах (I и II курсы) 8 часов: 4 часа для древней истории (два часа на греческую историю, два – на римскую) и 4 часа для Европейской истории (2 часа на средневековую историю, 2 – на Новую). Как третьему преподавателю всеобщей истории,

²⁷³ Письма М.С. Корелина С. 228.

²⁷⁴ Корелин М.С. Дневник. С. 286.

²⁷⁵ Там же. С. 290.

Корелину пришлось взять на себя дополнительные предметы на старших или специальных курсах: Историю Востока, историю Римской империи (окончание курса истории Рима), историю Империи и папства, историю XIX в. (окончание курса Новой истории). До назначения на должность экстраординарного профессора Корелин читал по одному курсу в год, с 1893 г. он преподавал по два курса и вел семинарий.

Историю Востока Корелин читал с 1889 по 1895 г.²⁷⁶ Первоначально два часа неделю в семестр, затем – 3. В историю Востока Корелин впервые в Московском университете ввел курс истории евреев, прочитав об этом три раза часовой курс.

Историю Римской империи²⁷⁷ Корелин читал между 1892 и 1898 г. шесть раз. Главный интерес в этом курсе представляла для Корелина история культуры этой эпохи, политическую историю он доводил до Марка Аврелия включительно. Он видел в истории Римской империи эпоху культурного кризиса, борьбу двух мировоззрений – язычества и христианства. Особенное внимание Корелин уделял влиянию христианства на семью.

Два раза Корелин читал курс о Папстве и об Италии в средние века.

История XIX века читалась Корелиным 4 раза²⁷⁸. Лекции продолжали общие курсы, которые студенты слушали в первых семестрах. Корелин начинал свой курс с империи Наполеона и продолжал читать историю Франции при Реставрации и при Июльской монархии. Содержание курса 1896–1897 гг. было посвящено Германии и Австрии во время их столкновения с революционной Францией, а курс следующего года, прерванный болезнью, касался истории прочих европейских государств до Люневильского мира.

Почти все курсы Корелина имели сверхзадачу – донести до слушателей представление о том, как рассматриваемая история той или другой страны или эпохи соотносится с всемирно-историческим процессом, связана с ним.

---

²⁷⁶ Корелин М.С. Лекции по истории Древнего Востока. Курс лекций 1894–1895 гг. Литография. М., 1895.

²⁷⁷ Корелин М.С. Лекции по истории Римской империи. Курс 1895–1896 гг. Литография. М., 1896.

²⁷⁸ Корелин М.С. История XIX столетия. Курс 1898–1899. Литография. [М., 1899].

Корелин утверждал, что в состав всемирной истории входит только народ, который внес свою лепту в дело создания современной цивилизации, которую он считал продуктом долгого исторического развития. В самых общих чертах преемственность культур, ведшая к современной цивилизации, виделась Корелину следующим образом: «Восток создал основные элементы цивилизации, только формы его были крайне несовершенны, а иногда и уродливы... беспредельный деспотизм мешал политическому развитию, религиозный догматизм поглотил духовную жизнь»²⁷⁹. Финикийцы «приспособили элементы Восточной культуры к особенностям Европейских народов»²⁸⁰. «Эллины – настоящие творцы всемирно-исторической цивилизации...»; Рим, «подчинив все известное тогда человечество..., научил его своему праву и греческой образованности: в этом заключается его всемирно-историческое значение»²⁸¹. Эпоха гуманизма составляет то звено, которое соединяет «наше время с античным периодом; она представляет тот момент, когда классическая цивилизация получает всемирно-исторический характер, делается достоянием новых народов: с этих пор результаты духовной жизни классического мира органически входят в состав культурного движения новой истории»²⁸².

По мнению историка, в истории побеждают не более сильные, а более культурные народы. Культура выступает не только передатчиком накопленного опыта, но и всепобеждающей силой. В случае, если находящийся на передовой прогресса народ оказывается неспособным ассимилировать высшую культуру, он должен сойти с исторической сцены. Так, по мнению Корелина, столкновение Египта с новыми культурными силами ничем не обогатило египтян. В результате вся египетская цивилизация погибла²⁸³.

На лекциях Корелин спорил с теми историками (прежде всего Г. Лампрехтом и следующим за ним в интеллектуальном плане Вишпером, однокурсником и

²⁷⁹ Герье В.И. Лекции по истории Греции за 1884/5 г. Литография. М., 1885. С. 4.

²⁸⁰ Корелин М.С. История Древнего Востока. М., 1901. С. 7.

²⁸¹ Герье В.И. Лекции по истории Греции за 1884/5 г. Литография. М., 1885. С. 5.

²⁸² Корелин М.С. Торквато Тассо и его век // Исторический вестник. 1883. № 7. С. 188.

²⁸³ Корелин М.С. Лекции по истории Древнего Востока. Курс лекций 1894–1895 гг. Литография. М., 1895. С. 45.

бывшим одно время его ближайшим другом), которые утверждали, что всемирно-исторического процесса не существуют. «В настоящее время стали раздаваться голоса против всемирно-исторической точки зрения, – рассказывал у себя на лекциях Корелин. – Обстоятельнее всего возражения против всемирной истории были сделаны немецким ученым профессором Лампрехтом. Лампрехт доказывает, что никакого всемирно-исторического процесса нет, что история отдельных народов проходит через отдельные фазисы своего развития и что именно это свойство и может сделать историю наукой, ибо путем сравнения отдельных национальностей историк может выводить законы, управляющие развитием общества»²⁸⁴. Не исключая возможность изучения истории отдельных народов, Корелин настаивал на том, что при выводе понятий о закономерности хода исторического процесса надо обязательно иметь в виду не только историю отдельных народов, но и историю человечества в целом. Ведь преемственности «в области политических, социальных и даже экономических отношений» нельзя доказать, но влияние Востока на Европу «несомненно» «в религии и культуре – именно в тех сторонах исторической жизни, которые связывают отдельные народы в одно целое, т.е. делают их объектом всемирной истории»²⁸⁵. По мнению Корелина, непреходящи в человеческой истории только духовные ценности. Ведь только они имеют тенденцию накапливаться в ходе исторического развития, в то время как политический и социальный и строй исчезают: «Промышленность и социально-политический строй повсюду являются результатом местного развития, т.е. не заимствуются»²⁸⁶.

Для Корелина категории прогресса и закономерности были ключевыми в его концепции всемирно исторического процесса. Прогрессивное развитие Корелин связывал с идеей нравственного совершенствования человека. Личность была фактором исторического развития и его целью. «Саморазвитие интеллекта индивидуума, его счастье и благо – вот альфа и омега интересов и критерий

²⁸⁴ *Корелин М.С.* История XIX столетия. Курс 1898–1899. Литография. Sine loco et anno. [М., 1899]. С. 4.

²⁸⁵ *Корелин М.С.* История Древнего Востока. М., 1901. С. 7.

²⁸⁶ *Корелин М.С.* История Древнего Востока. М., 1901. С. 7.

прогресса», – утверждал Корелин, и продолжал: «Итак, я считаю правильной ту точку зрения, которая признает отличие обеих эволюций (природной и социальной) и видит в этом действие личного фактора в истории, и считаю проявления этого фактора критерием исторической эволюции. С этой точки зрения и я буду считать прогрессивными фактами те, которые указывают на улучшение условий человеческого существования»²⁸⁷. Таким образом, Корелин отказывался от теорий безличной эволюции, навязываемой исторической науке позитивистскими теориями.

В силу такого подхода много внимания на лекциях Корелин уделял историческим личностям. Если Виноградов хотел «прочитать историю средних веков, не называя ни одного имени»²⁸⁸, то Корелин, напротив задумывал работу о личности в истории, а некоторые элементы его курсов его целиком были посвящены противостояниям сильных героев.

Как следствие, историк защищал автономию личности, выступал против общества, враждебного индивиду, вел борьбу за индивидуальность, хотя сам Корелин называет это «индивидуализмом». «Личностью может называться только человек, свободный от порабощения каким бы то ни было общественным институтом будь то нация или государство на ранних этапах истории человечества либо сословия или корпорации в средние века»²⁸⁹, – утверждал он. Свобода необходима для развития лучших свойств человеческой природы. Однако при этом «личность имеет право удовлетворять потребностям постольку, поскольку, это не вредит окружающим»²⁹⁰, – считал историк.

Впрочем, главным «персонажем» трудов Корелина часто выступает не личность как психологическое целое, а личность как часть целого – направления, эпохи, движения, мировоззрения. Значимость отдельных деятелей мировой

---

²⁸⁷ Там же. С. 371.

²⁸⁸ *Маклаков В.А.* Отрывки из воспоминаний // Московский университет: 1755–1930 г. Париж, 1930. С. 310.

²⁸⁹ *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. 1. СПб., 1914. С. 178.

²⁹⁰ *Корелин М.С.* Первая гуманистка // Корелин М.С. Очерк итальянского Возрождения. М., 1910. С. 114.

истории определяется у Корелина не столько индивидуальными качествами его героев, сколько соответствием их активной деятельности потребностям времени.

При таком подходе к личности в истории у Корелина «личные недостатки общественного деятеля сглаживаются иногда его культурными заслугами, если он стоит во главе полного жизни учреждения, и, наоборот, усугубляются, если он противостоит «прогрессу»: «Пороки Григория I, – утверждал Корелин, – например, совершенно заслоняются крупными задачами тогдашнего папства. Бонифаций VIII находился в ином положении. Иерархические идеалы в его время отживают свой век, и их противоречие с новыми прогрессивными стремлениями только подчеркивало нравственные недостатки их носителя. И Бонифаций VIII умер под гнетом всеобщей ненависти»²⁹¹.

Общие теоретические вопросы истории Корелин рассматривал и на семинарских занятиях. Как правило, предметом занятий у Корелина избирались одна, требовавшая продолжительного изучения, тема. Так, он подолгу останавливался на оценке личности и царствования императора Тиберия на основе Тацита и доступных литературных пособий, рассматривал вопрос о личности Карла V, его отношении к католицизму, внешней политике. Во многом это было связано с тем, что семинары Корелина были необязательными для слушателей, он мог их не соподчинять с общим курсом и заниматься тем, что, по его мнению, было полезно для студентов. Иногда темы для занятий формулировали сами слушатели профессора. В целом занятия проходили в свободной форме, носили неформальный характер, о чем свидетельствовали и студенты Корелина. Их впечатления от занятий были самыми положительными: «Михаил Сергеевич постоянно высказывал несочувствие всяким односторонним взглядам на историю – будь то необоснованная на фактах действительности идеалистическая система или экономический материализм. Он понимал, что объектом истории является то сложное поучительно-интересное целое, которое состоит из своеобразного сочетания материальных процессов с психическими процессами сознания, и которое называется жизнью человеческой... На тех же семинарах поднимались и

---

²⁹¹ Корелин М.С. История Древнего Востока. М., 1901. С. 134.

общие вопросы методологического характера. Подвергались обсуждению различные направления в исторической науке, например, разбирались главнейшие направления новой школы экономического материализма. Я уже говорил, что М.С. по своим убеждениям не мог сочувствовать этому новому движению и считал как бы своим долгом предостеречь от увлечения им молодые умы студентов. Он говорил, что это направление слишком суживает исторический кругозор, упускает из виду целый ряд факторов, имеющих самое существенное значение, например, в нем остаются в стороне и как бы не принимаются в расчет сознательные процессы, а эти процессы наряду с материальными приобретениями составляют неоспоримый плод культурного развития, и в известные моменты особенно явственно проявляются в исторической действительности. Очень многие явления в истории остаются необъяснимыми с точки зрения экономического материализма или, по крайней мере, не разъясненными вполне. Таково прежде всего христианство, которое М.С. называет одним из величайших и глубочайших переворотов, какие только знает всемирная история, какие только видел род человеческий. М.С. твердо держался убеждения, что далеко не одними только материальными потребностями руководится человек в своей деятельности, а также и более всего своими внутренними идеями, мыслями и желаниями, верованиями и надеждами, каковы бы они не были, и для проверки этого М.С. приглашал каждого искренне обратиться к своему внутреннему чувству... Мало того, эти духовные стремления часто даже заставляют человека действовать в ущерб его материальным интересам, развиваются в противовес материальным инстинктам. М.С. указывал на не раз встречающиеся в истории примеры благородных борцов и мучеников за идею, советовал вспомнить христианское мученичество. А раз все это так, это не может не отразиться на исторической действительности, сколько бы не умалять успехов сознательной деятельности человека. Экономические условия, которые выдвигаются на первый план экономическим материализмом далеко не всегда и везде имеют преобладающее значение в историческом движении. Лучшие исследователи первобытной культуры, например, показывают, что на ранних ступенях истории экономические элементы находятся в очень малоразвитом

состоянии, что напротив, особые религиозные, родовые понятия оказывают существенное влияние на установления своеобразных общественных организаций, на первоначальную классификацию общества, – что это же влияние отражается и на экономических отношениях»²⁹².

Своей работой в университете Корелин не был удовлетворен. Фактически у него так и не появилось учеников. Единственный студент, оставленный для подготовки к профессорскому званию по совместной рекомендации Герье и Корелина – К.Н. Успенский – после смерти Корелина далеко отошел от традиций интеллектуальной истории.

7.2. Р.Ю. Виппер как профессор Московского университета²⁹³

С одной стороны, Роберт Юрьевич Виппер достаточно хорошо исследованная фигура в современной историографии²⁹⁴. Во многом это объясняется востребованностью в советской исторической науке антиклерикальных работ Виппера²⁹⁵, его признанием в качестве академика (в 1943 г. стал академиком АН) после вхождения Латвии, в которой проживал историк в 1920–30-е гг.²⁹⁶, в состав СССР²⁹⁷. При этом годы перестройки с массовым

²⁹² *Иванцов М. М.* С. Корелин как профессор и руководитель студенческих занятий // Русская мысль. 1899. № 10. С. 137–138.

²⁹³ При подготовке данного параграфа использована следующая работа автора: *Цыганков Д.А.* Robert Wipper and the Community of the Moscow Historians in Pre-revolution Time // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2019. Vol. 64. №. С. 222–234.

²⁹⁴ См.: *Сафронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976; *Володихин Д.М.* «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера. М., 1997; *Георгиев П.В., Чиглинцев Е.А.* Российские историки в поисках политического идеала: В. П. Бузескул и Р.Ю. Виппер об афинской демократии // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 2. Омск, 2006. С. 316–325; *Голубцова Е.С.* Роберт Юрьевич Виппер // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., 2000. С. 7–15; *Перфилова Т.Б.* Образ античной истории в «кумственных разрезах» Р.Ю. Виппера. Ярославль, 2006.

²⁹⁵ Список научных трудов академика Р.Ю. Виппера по древней истории // Вестник древней истории. 1955. № 2. Одно из последних переизданий – Рим и раннее христианство // *Vipper P.* Избранные сочинения. Лекции по истории Греции. Очерки по истории Римской империи. Т. 1–2. Ростов-на-Дону, 1995.

²⁹⁶ О пребывании в Латвии см.: *Ковальчук С.В.* История и его история: Роберт Юрьевич Виппер // Русский мир и Латвия: альманах. 2011. № 25. С. 200–210.

²⁹⁷ Как у академика, у Виппера есть личный фонд: АРАН. Ф. 1562.

переизданием учебников Виппера по всем разделам всеобщей истории²⁹⁸ для средней школы²⁹⁹ вновь подняли интерес к этому неординарному русскому историку, вызвав рассмотрение его методологической концепции.

Однако при более пристальном взгляде на биографию ученого понятно, что его жизненный путь пока воссоздан явно пунктирно. Фактически ни один из учеников Виппера не написал его парадной подобной биографии, не так много портретов ученого в мемуарной литературе, что крайне затрудняет создание интеллектуальной биографии историка, особенно в послереволюционную эпоху, тем более, что существует устойчивое предание, согласно которому престарелый академик тщательно уничтожал документы о своем дореволюционном прошлом. Следовательно, практически единственный способ, позволяющий реконструировать нравственно-мировоззренческие установки Виппера, воссоздать его интеллектуальную биографию – это материалы личного происхождения его дореволюционного этапа жизни³⁰⁰, вводимые в научный оборот в том числе и автором исследования, которые и служат источникам для создания интеллектуальной биографии историка.

Роберт Юрьевич происходил из среды осевших в России иностранцев-ремесленников. Его отец – Юрий Францевич³⁰¹ – первым в своей семье получил высшее образование и выбился в люди, став гимназическим преподавателем. Для отца Виппера, который был типичным представителем 1840-х гг. были дороги имена Т.Н. Грановского, П.Г. Редкина, К.Ф. Рулье. По воспоминаниям Роберта Юрьевича, отец «должен был сразу по окончании университета обратиться к

²⁹⁸ Виппер Р.Ю., Васильев А.А. История древнего мира. История средних веков. М., 1993; Виппер Р.Ю. История Нового времени. М., 1995; Он же. История Средних веков. Курс лекций. Киев, 1996.

²⁹⁹ Интересно отметить, что учебник древней истории с 1900 по 1923 издавался 11 раз; по Средние века с 1911 по 1923 г. – 5 раз, учебник по древней истории с 1906 по 1923 г. – 6 раз. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Р.Ю. Виппер и историческое образование: Вопросы дидактики // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. С. 37.

³⁰⁰ См., например, письма Р.Ю. Виппера к его учителю В.И. Герье: Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 319–349.

³⁰¹ Мать – Шарлотта Георгиевна, урожденная Фуртвенглер.

преподаванию в средней школе и потерять связь с университетом, тогда как у него были все данные для того, чтобы стать профессором»³⁰².

Сам Роберт Юрьевич окончил курс классической гимназии при Лазаревском институте восточных языков с золотой медалью (1876 г.). Впоследствии важное значение в пробуждении интереса к истории он отдавал не только талантам педагогов школы, в которой он учился, но и влиянию популярного учебника В.Я. Шульгина, именно этим он объяснял свою тягу к написанию школьных учебников. После окончания средней школы Виппер поступил на историко-филологический факультет Московского университета³⁰³. На 1-м и 2-м курсах он получал стипендию имени Н. В. Гоголя³⁰⁴. Столь раннее признание студента вполне возможно связано с тем, что его научный руководитель – В.И. Герье – покровительствовал Випперу по просьбе его отца, которого профессор всеобщей истории очень ценил. Сам же Виппер, будучи студентом, предпочитал не общение с Герье, которого в письме к Корелину он называет «Торквемадой в форменном фраке с курсом Римской истории в руке»³⁰⁵, а общение с молодыми учеными Н.И. Кареевым, П.Г. Виноградовым и С.Ф. Фортунатовым. Весьма доверял Виппер и однокурснику – М.С. Корелину. С 5 июня по 15 августа 1879 г., то есть на летних каникулах перед четвертым курсом, Виппер побывал за границей. Он посетил Берлин, Дрезден, Лейпциг, Вену, Зальцбург; слушал лекции В. Вундта и Г. Фойгта³⁰⁶. В 1880 г. Виппер окончил университет со званием кандидата, однако оставлен для подготовки к профессорскому званию не был³⁰⁷.

После окончания университета Виппер получил место учителя в Училище живописи, ваяния и зодчества, однако надежд на научную карьеру не оставил. По

³⁰² Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976. С. 8.

³⁰³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 290. Ед. хр. 71. Студенческое дело.

³⁰⁴ Там же. Оп. 476. Д. 5. Л. 32.

³⁰⁵ См.: Иванова Т.Н. Два неизвестных письма // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2011. № 12 (74)/11. С. 282.

³⁰⁶ Ковальчук С.В. История и его история: Роберт Юрьевич Виппер // Русский мир и Латвия: альманах. 2011. № 25. С. 200–210.

³⁰⁷ О причинах см.: Иванова Т.Н. Два неизвестных письма. С. 282.

всей видимости, он решил самостоятельно готовиться для сдачи магистерских экзаменов. Так, в письме из Берлина 4/16 сентября 1885 г. он попросил у Герье совета относительно этого характера работы и одновременно проинформировал учителя о своих научных амбициях. Вполне возможно, что это письмо написано под влиянием Корелина, вместе с которым Виппер путешествовал по Европе в 1885–1887 гг. (Берлин, Вена, Мюнхен, Париж). Корелин в это время бережно опекал товарища, имевшего намерение сбежать в Россию для женитьбы. Однако выполнить эту миссию до конца другу Виппера не удалось. Избранницей Виппера стала Анастасия Васильевна Ахрамович, «случкая мешчанка»³⁰⁸, как зло характеризовал ее Корелин, рассказавший о ней в письме Герье.

Женитьба явно принесла Випперу успокоение и добавила уверенности в себе³⁰⁹, что самым прямым образом сказалось на его академической карьере. Талантливый, но неорганизованный, подражающий С.Ф. Фортунатову³¹⁰, который был блестящим лектором (его педагогическую манеру чтения лекций Виппер считал идеальной), однако так и не смог защитить магистерскую диссертацию, под влиянием жены Виппер стал чрезвычайно дисциплинированно двигаться по ступеням академической карьеры.

29 апреля 1887 г. Совет университета допустил Виппера к магистерским экзаменам, которые он сдал до конца года³¹¹. В июне 1891 г.³¹² Виппер стал приват-доцентом Московского университета (прошение о прочтении пробных лекций подано 20 февраля 1891 г.), прочтя две публичные лекции: «Государственные идеи Карла Штейна»³¹³ (лекция по выбору Виппера) и «Программа буржуазии

³⁰⁸ Письма М.С. Корелина // *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. С. 280.

³⁰⁹ *Виппер Р.Ю.* Кому и чем обязан я тем, что стал историком. Личный архив профессора М.Х. Стерпеманса (Рига). Цит. по: *Сафронов Б. Г.* Указ. соч. С. 16.

³¹⁰ *Мягков Г.П., Иванова Т.Н.* С.Ф. Фортунатов и московское научное сообщество // *Историки между очевидным и воображаемым: Проблемы визуализации в исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского.* Н. Новгород, 2011. С. 24–28.

³¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Ед. хр. 14. Л. 11.

³¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 722. Л. 47–48.

³¹³ Лекция прочтена 23 марта. *Виппер Р.Ю.* Государственные идеи Карла Штейна // *Русская мысль.* 1891. № 8.

Генеральных штатов XIV в.» (по выбору факультета)³¹⁴. На лекциях присутствовали профессора Герье и Ключевский, дававшие высшую оценку педагогическому мастерству соискателя («весьма удовлетворительно»)³¹⁵.

Рубеж 1880–1890-х гг. – очень важная веха в жизни Виппера, которая плохо поддается изучению в силу отсутствия адекватной источниковой базы. В это время, с одной стороны, Виппер восстанавливает взаимоотношения с учителем. Именно Герье подобрал Випперу тему магистерской диссертации³¹⁶, которая, скорее, указывает на сферу исторических интересов учителя, нежели на особенности исторического мышления Виппера. Неслучайно исследователи творчества историка отмечают необычность манеры фактического изложения и несоответствие темы диссертации ученого характеру его дальнейших исторических поисков. Да и сам Виппер полагал, что его магистерская диссертация, за которую он получил степень доктора, минуя степень магистра, была единственным историко-исследовательским сочинением в его карьере.

Это был весьма фундированный труд, построенный на обширных цитатах³¹⁷. На защите диссертации даже Герье, считавшей немецкую историческую науку идеалом исторического исследования, должен был признать, что документальность и серьезность работы затрудняет изложение. В рецензии на работу ученика Герье заметил, что, конечно, «по самому своему предмету нельзя требовать живого рассказа или изящного рассуждения, но желательно было бы видеть менее обрывочности в передаче отдельных эпизодов, лучшую группировку материала, больше применения образов и обобщений, которые помогли бы читателю различить в книге главное и второстепенное»³¹⁸. Впрочем, подобная критика не помешала Герье хлопотать о назначении Випперу премии С.М. Соловьева.

³¹⁴ Лекция прочтена 12 апреля.

³¹⁵ Сафронов Б.Г. Указ. соч. С. 15–16.

³¹⁶ О поисках темы см.: Письма Р.Ю. Виппера. С. 322–323. Сафронов Б.Г. Указ. соч. С. 17–18.

³¹⁷ Виппер Р.Ю. Влияния Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI в. Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма. М., 1894.

³¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 63. Ед. хр. 250.

С другой стороны, в 1890-е гг. начинают портиться отношения Виппера с друзьями по университету. Самой показательной в этом отношении была история взаимоотношений с Корелиным. Перед защитой Виппером диссертации, то есть с начала 1894 г., младшие профессора кафедры всеобщей истории – ординарный Виноградов и экстраординарный Корелин заняли диаметрально противоположные позиции относительно оценки работы коллеги. Корелина труд однокурсника разочаровал. Вместе с тем, поддержку Виппера со стороны Виноградова Корелин объяснил «в значительной степени» желанием нанести удар именно по нему – Корелину, как наиболее близкому к главе школы – Герье – ученику³¹⁹. Из замечаний Корелина очевидно, что однокурсник Виппера психологически болезненно переживал ситуацию. Он явно осознавал, что в желании не дать Випперу докторскую степень в нем говорят низменные чувства – зависть и гордость. Поэтому, всячески отстраняясь от них, Корелин проголосовал так, как хотел Герье: «Герье решил и 27 апреля факультет присудил доктора Випперу. В глубине души я был против этого, но может быть по зависти, но действовал “за” из-за солидарности и приличия»³²⁰.

Подобное поведение Корелина, безусловно, вело к размолвке друзей. У однокурсников, так же как чуть ранее у Корелина с Виноградовым, явно намечалось соперничество за ведущие позиции в Московском университете³²¹. В результате именно Корелин подсказал товарищу мысль о переезде в Одессу для получения места профессора, удалив, таким образом, конкурента из Москвы.

Посредником для устройства Виппера в Одессе стал профессор всеобщей истории этого университета Ф.И. Успенский³²², который искал коллегу в экстраординатуру. Однако для достижения цели нужно было заручиться

³¹⁹ Корелин М.С. Дневник // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. М., 2014. С. 385.

³²⁰ Корелин М.С. Дневник. С. 282.

³²¹ Подробнее см.: Цыганков Д.А. Авторитет учителя и научные конфликты в сообществе московских историков в конце XIX – начале XX вв. // Клио. 2016. № 8 (116). С. 54–61. Интересно отметить, что одним из возможных вариантов развития событий был уход Виноградова в Петербург и оставление Виппера в Москве.

³²² Чуть ранее предложивший Випперу новую должность Ф.И. Успенский звал в Одессу самого Корелина, когда у того еще не было ученой степени.

поддержкой в министерстве. Началась длительная переписка между заинтересованными сторонами. В конце июня 1894 г. Виппер сообщал Герье: «Мое дело относительно Одессы со времени Вашего отъезда из Москвы не подвинулось нисколько, хотя за это время было много всякой переписки, и я ездил в Петербург. Министр набормотал мне разных любезностей по поводу диспута и прекрасной рекомендации Вашего письма, но ограничился заявлением, что «он будет очень рад», упомянувши при этом о конкуренте в лице Афанасьева. Аничков (товарищ министра – Д.Ц.) был определеннее. Своим канцелярским слогом он отчеканил, что все эти университетские ходатайства не имеют значения, решает исключительно министр на основании мнений «ученых», каким захотят отдать вопрос на рассмотрение. Для того чтобы считаться кандидатом, я должен подать прошение с приложением ученых трудов и *curriculum vitae*³²³. Далее из слов Аничкова можно было понять, что шансы Афанасьева довольно хороши: он напирал на то, что Афанасьев уже как местный и давнишний кандидат имеет преимущество. Все это объяснение поразило меня своим контрастом с уверениями Успенского, который поездку мою в Петербург, правда, рекомендовал, но всю силу полагал в ходатайстве факультета.

Хотя я уже очевидно запоздал, тем не менее, поспешил исполнить формальность и отправил по возвращению в Москву свое прошение к министру. Я забыл прибавить Вам, что Аничков упоминал о заблаговременном посещении Афанасьевым Петербурга. И тут тоже Силоамская купель. Лето, вероятно, пройдет в полной неизвестности. Пока приходится готовить объявленный в Москве курс истории Германии в XIX веке»³²⁴.

В 20-х числах июля Виппер получил известие о благоприятном для него исходе дела с назначением на должность экстраординарного профессора: «Съездивши в Москву, я узнал, что известие это появилось в «Новостях дня» под рубрикой «Московские новости». После этого я не могу смотреть на него иначе как на результат давно распространившихся в Москве среди досужих людей

---

³²³ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1057. Л. 105–106 об., Л. 117–118 об.

³²⁴ Письма Р.Ю. Виппера // *Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики.* М., 2010. С 328.

слухов, которые газета обратила в достоверность. Впрочем, так как не было в официальных известиях также сведения о назначении Афанасьева, можно считать, что дело пока не движается. Не могу сказать, чтобы такая неизвестность положения была приятна.

...Через час после того, как написал Вам эти строки, я получил письмо от Кочубинского из Одессы, которое все разъяснило. Действительно я назначен в Одессу экстраординарным, и это назначение состоялось уже 27 июня (т.е. 4 дня спустя после присылки моего прошения в Петербург – как видите «ученые люди», о которых упоминает Аничков, как о министерских экспертах, рассуждали недолго). Кочубинский уже просит меня означить ему курсы, пособия и т.п. Кроме того, он сообщает, что Успенский уходит (куда?) и что я пока остаюсь единственным преподавателем кафедры. Не зная обычных планов преподавания в Одессе, не зная, какие мне достаются семестры, я не могу пока ничего выбрать. Затребую от него сведений и тогда отвечу. Мне бы хотелось вместе с тем подождать Вашего доброго совета о том, что и как читать. Поскольку я не буду связан существующими условиями, я бы хотел на первых порах читать Реформацию и Римскую империю.

Я желал бы посоветоваться с Вами еще об одном обстоятельстве. Возможно ли просить о «подъемных» и удобно ли это? Не знаю еще вовсе, когда придется ехать. Увидимся ли мы с Вами?»³²⁵

30 июля Виппер делится с Герье своими планами на будущее в Одессе: «Теперь, когда мое утверждение в Одессе окончательно состоялось, когда я могу целиком отдаться деятельности, о которой давно мечтал, я не могу не выразить Вам еще раз своей горячей благодарности за то решающее содействие, которое Вы мне оказали оценкой моей книги. С таким же чувством я и всегда буду о нем вспоминать: ведь Вы помогли мне сразу войти на свободную дорогу, тогда как иначе Бог весть, сколько пришлось бы пройти затруднений, чтобы можно было отдаться одной чистой науке. Из полученного мною вчера письма от Успенского я узнаю, что он уже назначен в Константинополь, и что я остаюсь единственным

---

³²⁵ Там же. С. 329.

представителем кафедры всеобщей истории в Одессе. Еще не знаю хорошенько, как наилучше распорядиться со своими занятиями, чтобы удовлетворить всем обязанностям, так неожиданно выпадающим на мою долю. Ваш совет в данном случае мне бы очень помог»³²⁶.

15 сентября в письме Герье Виппер рассказал о своем профессорском дебюте. Он писал учителю: сегодня прочел «свою вступительную лекцию. Прошла она при довольно торжественной обстановке, я остался доволен впечатлением: был весь факультет и масса студентов, человек до 300. Я выбрал общую тему: о современных задачах и приемах исторической науки, и, чтобы Вам передать сущность, – говорил против механического понимания исторического процесса со стороны социологов защитников естественноисторического метода в истории, а затем характеризовал спор «культурников» и «материалистов», настаивал на необходимости цельного изучения общественного развития во всех его проявлениях, духовных и опытных. Закончил указанием на значение исторической школы мышления в практической жизни. Приняли, или лучше сказать, проводили меня очень хорошо. Из замечаний профессоров приведу слова Кочубинского: «Люблю слушать Москву и слышать ее в каждом слове»³²⁷. Одновременно Виппер сообщал, что его преподаванием заинтересовался и попечитель: «Сольский, подробно и внимательно расспрашивал меня, чей я школы, что собираюсь читать, какие вести практические занятия; последнее очень ободрял, заметивши, что университетские преподавание обыкновенно носит слишком догматический характер. Собирается прийти на лекцию»³²⁸. Также Виппер сетовал на то, что историков на первый курс поступило всего 10 человек.

В осеннем семестре Виппер читал два общих курса (История Рима и Новая история XVI–XVII вв.) и вел практические занятия. В ходе преподавания выяснилось, что к общим курсам по московским традициям студенты не очень готовы. «Не трудно заметить преобладание какого-то практического духа, – писал

---

³²⁶ Там же. С. 329–330.

³²⁷ Там же. С. 331.

³²⁸ Там же. С. 331.

Виппер Герье, – во всяком обращении ко мне студентов речь шла не о вопросах и книгах, а о зачетах, приготовлениях к экзамену и т.п.»³²⁹. Из бесед со студентами Виппер сделал заключения, что это — во многом следствие манеры чтения Успенского: курсы «Успенского был конспектами для экзаменов и не имели воспитательного значения; его практические занятия и темы рассчитаны были на разного исследователя, и притом по большей части такого, для которого содержание вопроса безразлично, только бы исследовать по всем правилам искусства. Федор Иванович сам это сознает и горько ощущает. По-моему, он по своей сущности академик, и новая должность к нему идет. Студент здешний не то что мало развит, а он просто не знает, что делается на свете: он не подозревает часто о существовании тех книг, которые нарасхват прочитаны в Москве не только в студенческих кругах, но и последними слушательницами коллективных уроков. Хорошо то, что наших студентов здесь не много, что их всех можно узнать, позвать, основательно поговорить. На семинарии они еще робки и почти не решаются спорить между собою или задавать вопросы»³³⁰.

Виппер принялся за реформу преподавания³³¹: «Интерес к моим лекциям есть – это я слышу со всех сторон. Практические занятия я повел на московский манер, здесь они состояли раньше в чтении рефератов или комментировании источника. Беседа, дебаты, как нечто необычное, привлекают много посторонних. Очень плох состав библиотеки в отношении источников, например, эпохи Реформации. Думаю выступить с большим списком для единовременного приобретения, так как приходящих на мою кафедру ежегодно 60 р. для этого слишком мало»³³².

В весеннем семестре нагрузка увеличилась. Поскольку студенты-историки никогда не слышали лекций по Средневековью, то Виппер решил прочитать их для слушателей (позже выяснится, что администрация откажется оплатить Випперу

---

³²⁹ Там же. С. 332.

³³⁰ Там же. С. 336.

³³¹ *Виппер Р.Ю.* Профессор всеобщей истории. Записка его об изменении программы испытаний по всеобщей истории. 1894. Одесса // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1109. Л. 94–94 об.

³³² Письма Р.Ю. Виппера. С. 334.

эти часы в полном объеме³³³ – Д.Ц.). В историко-филологическом обществе, в которое Виппер вступил в октябре 1894 г., профессор прочел публичную лекцию³³⁴: «Я читал об Утопии Мора, как выражении эпохи Возрождения и как о типичном политическом романе, – написал он Герье. – Успехом я вполне доволен. Публики набралось очень много, в нашем актовом зале негде было стоять, встретили сочувственно, а провожали, особенно студенты, еще лучше. Курсы отнимают у меня очень много времени, и я доволен приобретенными навыками; общие курсы – очень хорошая школа. Прекрасный мне достался выпуск кончающих; работали они с большим усердием и интересом³³⁵.

Летом Виппер вернулся в Москву, где искал контактов с коллегами, но из этого ничего не вышло. Герье уехал в Рим, Корелин – в Прибалтику, отсутствовал Виноградов. Роберт Юрьевич приводил в порядок здоровье, расшатавшееся после усиленных одесских нагрузок. Он просил Герье в письмах совета относительно построения новых курсов, особенно по Римской истории. «Этот курс сейчас поглощает почти все мое время, – писал одесский профессор. – Я предполагаю не столько остановиться на раннем периоде и сложных controversies, которые он вызывает, сколько на эпохе всемирного Рима с его администрацией и общественным движением; не знаю, насколько это удастся. К такой постановке, кроме интереса поднимающихся вопросов, меня приводит отчасти внешнее положение дел: империя и даже республика с III в. до Р.Х. в Одессе давно, а может быть, никогда не читались. Часов отведено мало (2) и на подмогу в виде практических занятий или просто рефератов по отдельным вопросам – без чего трудно углубляться в изучение вопросов раннего Рима – рассчитывать нельзя»³³⁶.

Кроме курсов прошлого года, Виппер поставил себе общий курс «Главные проблемы исторической науки», который вызвал большой резонанс и много посторонних студентов на его лекциях³³⁷. Однако в отличие от предыдущего года,

³³³ Два неизданных письма. С. 287.

³³⁴ *Vipper P.Ю.* «Утопия» Томаса Мора: публичная лекция, читанная в Одессе в январе 1896 г. СПб., б.г. С. 1–21.

³³⁵ Письма Р.Ю. Виппера. С. 336.

³³⁶ Письма Р. Ю. Виппера. С. 341.

³³⁷ Там же. С. 338.

несмотря на моральное удовлетворение от характера подготовки лекций («самая подготовка, хоть и не дает отдышки, в сущности, очень радует; постоянно передумываешь материал в разных направлениях, прибираешь аналогии, ставишь явления в том или другом разрезе, наконец просто прочитываешь массу нового»³³⁸), Виппер был разочарован общей обстановкой интеллектуальной жизни Одессы: «кафедру обыкновенно оставляешь с тяжелым чувством, что твоя работа, твои выводы, сопоставления и т.д. все это прозвучало даром в стенах; никто даже не запишет»³³⁹. Далее в письме звучит унижительный приговор Одесскому университету и сетование на злодейку-судьбу в лице Успенского: «По моему убеждению, Одесский университет не может готовить ученых. Только упрямая фантазия туповатого Успенского, непременно желавшего, чтобы под его руководством вырастала «школа», заставляла чуть не каждый год оставлять по убогому стипендиату-историку исключительно за прилежание. Все оставшиеся, впрочем, отпали, и остался ныне один мой коллега, чех Режабек, жалкий голодающий субъект, совершенно ни к чему не способный, в том числе и к профессуре... Учить здесь почти некого. В нынешнем году поступило 3 человека. Правда, лучшие студенты идут на историческое отделение, но сделать с ними немного можно при общей их неразвитости и при том одиноком положении, в каком стоишь с московскими приемами планомерных, разработанных на основе общих мыслей курсов и практических занятий»³⁴⁰.

Желая, хоть на вакациях отдохнуть от Одессы, Виппер просит Герье назначить его выступление в Историческом обществе при Московском университете с темой «Политические идеи французских публицистов в эпоху религиозных войн XVI в.»³⁴¹ на начало января. По приезду Виппер вновь

---

³³⁸ Два неизданных письма Р.Ю. Виппера. С. 286.

³³⁹ Два неизданных письма Р.Ю. Виппера. С. 286.

³⁴⁰ Письма Р.Ю. Виппера. С. 285.

³⁴¹ *Vipper R.Ю.* Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн: реферат, прочитанный в Историческом обществе при Московском университете 2-го января 1896 г. СПб., 1896. С. 1–38. Летом статья, написанная на основе этого доклада, будет напечатана в Журнале министерства народного просвещения.

рассказывает о своих бедах в Одессе учителю. Однако в начале января 1896 года Герье помочь ему не может.

К лету 1896 года Вишпер пожелал разменять все свои неудачи в Одессе на должность ординарного профессора университета, однако и здесь в начале учебного года его обошли. В начале 1897 г. у Вишпера возник план уйти из Одессы, хотя бы переводом в Лазаревский институт в Москве: «Пути преуспевающих здесь сомнительны и в пример не годятся. Об ординатуре моей не может быть речи, пока сидит теперешний декан, а он сидит крепко и идет к ректорству. Число студентов тает, и практически мы скоро обратимся в академиков или взаимнопоучающую коллегию: это будет очень скучно, потому что все почти занимаются модной и по преимуществу благонамеренной наукой, византийской археологией. Вчера на Совете с большим шумом и фразами учредили юридический кабинет для занятий студентов с немалым окладом для заведующего. Странно это было потому, что профессора-юристы обыкновенно убегают от студенческих запросов и вдруг проявили такую ревность. Истинный комментарий заключается, как объяснил мне один коллега, в том, что надо пристроить одного приват-доцента, который женился: жена – музыкантша, а рояля у них нет...

Я очень благодарен Вам за Ваш совет на Рождество – не спешить с поездкой в министерство. Решаюсь напомнить Вам о том, как бы желательно было для меня получить хотя бы две лекции из читаемых теперь Канановым, если только Вы не имеете в виду взять всех. Тогда я говорил бы в министерстве не об отставке, что звучит все-таки нехорошо, а о переводе, вещи очень естественной в их глазах. На Востоке мне вообще судьба; в распределении лекций на будущий год в Одессе я по здешним комбинациям, как нарочно, должен поставить историю Древнего Востока. Но я слишком надеюсь, что здесь вообще читать не придется на следующий год.

Не собираетесь ли Вы напечатать что-нибудь из области римской археологии, как Вы предлагали в прошлом году. Греческие раскопки теперь поднимают больше шума, но проблема древнего Рима все-таки вызывают более

глубокий интерес, тем более что археологический путь здесь единственный, за неимением ничего похожего на Гомера.

Читая курс истории Греции, должен был углубиться в литературу об Аристотелевом трактате. Как в целом преувеличено значение этого источника! В сущности, получаем лишь ряд интересных политических суждений Аристотеля, да новую постановку проблемы, напр. о Солоновой конституции, вместо желанного их разрешения»³⁴².

20 июня 1897 г. Виппер приехал в Москву и получил аудиенцию у попечителя округа – Николая Павловича Боголепова, где поставил вопрос о новом месте работы. Попечитель заверил кандидата, что в связи с заявлением бывшего коллеги ему впервые приходится думать об освободившейся кафедре истории Востока в Лазаревском Институте. Ситуация осложнялась тем, что у заведения не было директора, на эту должность кандидатура В.Ф. Миллера лишь была намечена. Предупреждая назначение Виппера, попечитель спросил, не будет ли новый профессор держаться армянского сепаратизма в случае начала работы, чем шокировал Роберта Юрьевича³⁴³.

Не дождавсь решения дела с Лазаревским институтом, Виппер получил в Московском университете должность приват-доцента³⁴⁴. В 1899 году после смерти Корелина он стал экстраординарным профессором, а после отставки Виноградова в 1901 г. – ординарным (с 1916 г. – заслуженный)³⁴⁵.

В Московском университете Виппер читал основные курсы и курсы по выбору: История Рима, История Греции, История Востока, История этнологии, История раннего средневековья (Византия и арабский Восток), История позднего средневековья, Общественные идеи и теория истории XVIII–XIX вв.³⁴⁶ В отличие от Одессы, пользуясь своим служебным положением, профессор очень тщательно

---

³⁴²Письма Р. Ю. Виппера. С. 343–344.

³⁴³ Там же. С. 348.

³⁴⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 66. Д. 365.

³⁴⁵ Формулярный список Р.Ю. Виппера за 1916 г. см.: ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 487. Д. 63.

³⁴⁶См.: Обозрения преподавания на историко-филологическом факультете Московского университета. М., 1897–1917.

подходил к составлению лекций и читал в год лишь одну их пару, тратя свободное время на подготовку или переработку других курсов.

Свои лекции Виппер всегда читал по конспектам и никогда не импровизировал. Своим ученикам он рассказывал историю о том как, идя на публичную лекцию в Исторический музей, он забыл записи выступления. От лекции профессор отказался, сказавшись больным и не поддавшись уговорам заинтересованных лиц лекцию все-таки прочесть³⁴⁷.

Как правило, на основе прочитанных курсов Виппер готовил издание учебных пособий. Первый учебник появился у Виппера в 1900 г. – «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе»³⁴⁸. По мнению историка, процесс становления исторической науки начался в 18 в. и проходил под влиянием философии истории и века Просвещения в целом³⁴⁹. При этом сама философия истории представляла собой, по мнению Виппера, наследие религиозного мировоззрения Средневековья. Виппер считал, что в этой доктрине истории заранее предписывалась определенная цель, к которой, вытягиваясь в последовательность, подгонялись исторические факты. Смысл прошлого зависел от настоящего.

Плюсом подобного подхода была педагогическая уместность. Под влиянием философии истории наводился порядок в исторических представлениях, возникала стройная и ясная схема исторического развития, появились понятные модели объяснения различных эпох. В курсе лекций Виппер рассматривал формирование этой концепции.

В результате подобных штудий проблемы гносеологии исторического процесса становятся центральными в творчестве Виппера. Он неоднократно обращается к этой проблематике, а в 1911 г. публикует итоговый труд работы в

---

³⁴⁷ Голубцова Е.С. Роберт Юрьевич Виппер // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., 2000. С. 8.

³⁴⁸ Виппер Р.Ю. *Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе*. СПб., 1900. 3-е изд. М., 1913. Переиздание – М., 2007.

³⁴⁹ Попова Ю.В. Образ французского просвещения в работах Р.Ю. Виппера // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 2 (2). С. 115–119.

первом десятилетии XX в. – «Очерки теории исторического познания»³⁵⁰. Понятен основной посыл Виппера: тот, кто познает, не пассивен, он навязывает свои представления, судит и оценивает познаваемое в процессе исследования. Поэтому Виппер уделяет пристальное внимание личности историка, ускользавшей якобы от внимания тех, кто разделял гегельянскую или позитивистскую гносеологию. При этом акцент делается не на психологии историка, а скорее, на условиях его работы, его социальности. В рамках подобного подхода Виппер требовал ревизии языка исторической науки. Иначе, считал он, – в результате неправильного употребления – понятия и термины уже давно представляют собой предвзятые комбинации, понятийные штампы, которые отражают психические комплексы, типы наших рассуждений³⁵¹.

Не отрицал Виппер и связи языка историка с современным ему историческим моментом, который формирует взгляды историков, задает оценочную шкалу их суждений, в результате чего настоящее отмеряет смысловые границы прошедшего, фактически соединяет разные процессы в одно целое. Впрочем, подобный взгляд не означал, что язык историка нужно очищать от всех современных веяний. Ведь в своих лекциях Виппер, например, для применения объяснительных моделей явно осовременивал прошлое. Речь шла о том, что историки должны научиться правильно вычленять сходные социально-политические процессы и сравнивать их, что и приведет к формированию выверенной исторической терминологии.

В 1905 г. была напечатана первая часть випперовских «Лекций по истории Греции», которая в 1916 г. была дополнена «Историей Греции в классическую эпоху. IX–IV вв. до Р.Х.». В результате издания этих двух пособий Виппер фактически обзревал внешне и внутривнутриполитические события греческой истории от темных веков до завоевания Грецией Македонией в 322 г.

³⁵⁰ Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911.

³⁵¹ Подробнее см.: Малинов А.В. Философия и методология истории в России. М., 2015. С. 252–266.

В 1908 г. были опубликованы «Очерки истории Римской империи» профессора. Главное внимание в этом курсе автор также уделял социально-политической истории, останавливаясь на проблеме влияния внешних завоеваний на социальную структуру государства.

В 1913 г. появляется учебник Виппера «Древний Восток и эгейская культура», в котором автор обобщает различные археологические открытия, сделанные на рубеже XIX и XX вв., а также пытается проследить культурные связи внутри древнего мира, очень часто, по мнению критиков, указывая на преобладающее влияние Вавилона³⁵².

Лекции Виппера вызвали интерес молодежи. Виппер «был, бесспорно, самым выдающимся профессором историко-филологического факультета в 1911–1916 гг.: он соединял в себе обширные и разносторонние знания, способность самостоятельно и тонко мыслить; при этом у него была спокойная и в то же время увлекающая форма изложения», – вспоминал Н.М. Дружинин³⁵³. На лекции Виппера по истории Рима, которые посвящались убийству Цезаря, переделу земель по реформам Гракхов, приходило большое количество молодежи, бурно выражавшей свое отношение к происходящему криками: «Смерть тирану», «Землю крестьянам!»³⁵⁴

Однако у рецензентов учебников Виппера были вопросы к ученому. Так, В.П. Бузескулу не нравились используемые Випперами по отношению к античности термины из других исторических эпох: «сеньоры», «империализм», «революционеры»³⁵⁵. Отвечая на критику, Виппер и его ученики говорили о «свежем, здоровом реализме», например, того же учебника по истории Греции. «Сближение и аналогии древности и современности могут казаться еретическими

³⁵² Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. М., 2008. С. 246/

³⁵³ Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 610.

³⁵⁴ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 610.

³⁵⁵ Бузескул В.П. Р.Ю. Виппер. Лекции по истории Греции // ЖМНП. 1905. № 10. Отд. 2. С. 405–406. О модернизации Виппером римской истории см.: Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Модернизация древней истории в творчестве Р.Ю. Виппер и В.П. Бузескула // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 2 (56). С. 96–100.

только до тех пор, пока царили гегельянство и всемирно-историческая точка зрения, пока господствовала вера в полную изоляцию античного мира. В наши дни уже пора признать, что подобные приемы исторической характеристики, благодаря которым классические образы оживают, облекаются в плоть и кровь, становятся ближе и понятнее, а вместе с тем и поучительнее, не только приемлемы, но и необходимы», – писал эпигон Виппера – К.Н. Успенский³⁵⁶.

Интересно отметить, что в таком же ключе пробовали читать лекции и ориентированные на Виппера магистранты. Так, тот же Успенский, взошед на кафедру во время пробных лекций на факультете (о сенаторском землевладении при Юстиниане и о Демосфене), сильно «подлаживался под Виппера, и под слабые стороны: смелые, почти фантастические конструкции, чрезмерное выдвигание классовой борьбы в очень упрощенном виде»³⁵⁷.

Как научный руководитель, Виппер оставил для подготовки 12 профессорских стипендиатов (В.Н. Перцов, 1903; М.В. Бердоносков, 1904; В.Н. Дьяков, 1907; Г.М. Пригоровский, В.П. Волгин, оба – 1908; Н. М. Лукин, 1909; С. А. Лясковский, 1911; П. Кругляков, И. И. Троицкий, Г.В. Асмолов, 1913-1914; К.К. Зельин, 1916; П.Ф. Преображенский, 1917)³⁵⁸. Интересно отметить, что С.И. Архангельский безуспешно пытался получить у Виппера рекомендацию на оставление для подготовки к магистерским экзаменам³⁵⁹. При этом ответ Виппера Архангельскому в письме от 30 мая 1907 г. выглядит странным: «Не могу, к сожалению, дать Вам рекомендацию (об оставлении на кафедре для приготовления к магистерским экзаменам – Д.Ц.), потому что вообще таковых никогда не давал»³⁶⁰. Интересно отметить, что в 1942 г. Виппер, получив от Архангельского книгу Анри

³⁵⁶ Успенский К.Н. Проф. Р. Виппер. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Х. // Голос минувшего. 1917. № 11–12. С. 354.

³⁵⁷ Савин А.Н. Университетские дела. С. 241.

³⁵⁸ Подробнее см. Наумов П.Ю. Ученики Р.Ю. Виппера // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2018. № 1. С. 77–92.

³⁵⁹ Кузнецов А.А. С.И. Архангельский о своих учителях в автобиографических документах // Могущество памяти: Всемирная история и ее последователи: сб. ст. и сообщений / сост. и отв. ред. Л.П. Репина, Г.П. Мягков. Казань, 2022. С. 219–225.

³⁶⁰ Цит. по: Кузнецов А.А. С.И. Архангельский о своих учителях в автобиографических документах. С. 224.

Пиренна, вспомнил: «Наше знакомство с Вами (неправда ли в 1903–1904 гг.?) представляется мне теперь в виде чего-то молниесно мелькнувшего и исчезнувшего. Не писали ли Вы реферата о *capitalare de vilis*? Подвижный, остронаблюдательный, деятельный студент. Как жалел я потом, что Вы не остались в Москве»³⁶¹.

Ученики Виппера, как и их предшественники, продолжали оставаться всеобщими историками, хотя у них заметнее стала проглядываться специализация: Древний мир (Пригоровский, Зельин, Преображенский, Лясковский), Средневековье (Бердонос), Новое время (Волгин, Лукин). Во многом установка на воспитание всеобщего историка реализовывалась за счет чрезвычайно сложного магистерского экзамена, на котором стипендиаты должны были подготовить ответы по 18 вопросам всеобщей истории (по 6 из каждого раздела всеобщей истории). Это обуславливало широкий кругозор учеников Виппера и энциклопедичность их знаний. Из оставленных Виппером на кафедре учеников магистерские экзамены смогли сдать три человека: Г.М. Пригоровский, Н.М. Лукин и С.А. Лясковский.

Пригоровский уже с 1912 г. по просьбе Виппера как сторонний преподаватель вел семинарские занятия на факультете. В 1914 г. он, как и Лукин, прочтя пробные лекции, стал приват-доцентом университета. Ни один из учеников Виппера не смог защитить магистерскую диссертацию до революции. С одной стороны, многим могли помешать события, развернувшиеся в начале XX в. в России (массовые волнения оборачивались закрытием Московского университета, иногда на длительный срок). Но, с другой стороны, это косвенное свидетельство того, что срок обучения в университете и время для получения первой степени явно увеличился.

Как верно указывает П.Ю. Наумов, «вполне возможно, что отсутствие защит – следствие руководства Виппера. Несмотря на свою славу как преподавателя, в отношениях с учениками Виппер был мягок, что кардинальным образом отличало его от В. И. Герье, которому Виппер, возможно, пытался себя противопоставить.

---

³⁶¹ Там же.

К тому же в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, у Виппера, по словам Савина, назревал духовный и научный кризис. Все это могло вести к замкнутости Виппера, отсутствию одобряющей поддержки ученикам со стороны учителя»³⁶².

Впрочем, 9 оставленных Виппером сумели утвердиться в советской исторической науке. Как указывает Наумов, «двое из учеников Виппера – В.П. Волгин и Н.М. Лукин стали «комиссарами» советской исторической науки. Впрочем, сам Виппер, по замечанию Бахрушина, после революции «метнулся в противоположную сторону и с односторонним фанатизмом прозелита опровергал учение, адептом которого недавно был, и из материалистов резко перешел в лагерь идеалистов, говорил, что революция показала ему силу идей и пропаганды»³⁶³. Некоторые из учеников Виппера были репрессированы (Г.М. Пригоровский, Н.М. Лукин, П.Ф. Преображенский), что связано, безусловно, с их индивидуальными стратегиями поведения в условиях советской системы, показывает их нравственные ценности и ориентиры.

В целом Виппер явно благоволил студентам с левыми взглядами. Об этом косвенно свидетельствовал Дружинин: «Социологический метод и сочувствие передовым идеям приближали его в то время к учению марксизма»³⁶⁴. А С.В. Бахрушин прямо назвал Виппера марксистом, «создавшим целую школу историков-марксистов»³⁶⁵.

К началу 1910-х гг. Виппер – самая авторитетная и административно весомая фигура на кафедре всеобщей истории в Московском университете. Во многом это было связано с тем, что Виппер способствовал упрочению позиций на кафедре младших профессоров – Д.М. Петрушевского и А.Н. Савина, формально являвшихся учениками Виноградова, вместе с которыми создал кафедральное большинство, фактически устранившее от принятия важнейших решений

³⁶² Наумов П.Ю. Ученики Р. Ю. Виппера // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 80. С. 77–92.

³⁶³ Бахрушин С.В. Из воспоминаний // Проблемы социальной истории Европы: от Античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 153.

³⁶⁴ Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М., 1979. С. 22.

³⁶⁵ Бахрушин С.В. Из воспоминаний. С. 153.

бывавшего в университете наездами Виноградова и заслуженного профессора В.И. Герье.

Однако после 1911 г. даже внутри этого сплоченного коллектива единомышленников (Петрушевский ушел из университета в 1911 г.) начались разногласия. От Виппера его коллег отталкивали его эскапизм, пессимизм и какая-то черная «оригинальность». Об этом свидетельствует Савин. 12 апреля 1912 г. Виппер пригласил к себе домой ближайших коллег. После журфикса «Виппер дал нам (Савину и Петрушевскому – Д.Ц.) недавно вышедший сборник своих статей и публичных лекций. Петрушевский спрашивает моего мнения о сборнике, который я видел раньше. Я откровенно говорю ему, что сборник и весь Виппер последних лет с интеллектуальной стороны возбуждает во мне печальные, даже горькие чувства. Из человека сложного, тонкого, живого, критически настроенного, несколько загадочного он превращается (а может быть и превратился) в человека откристаллизовавшегося, нетерпимого, в некоторых отношениях прямо узкого, очень решительного и порою неглубокого в отзывах об очень сложных вещах и людях, иногда чуть не в рядового сотрудника радикальных российских журналов и притом старомодного типа. В его сборнике всего одна напечатанная статья «Две интеллигенции»; это публичная лекция. Виппер вчера сказал нам, что он недавно собирался прочесть ее в пользу женских курсов, но что градоначальник не дал разрешения. Чаплыгин ездил к градоначальнику узнавать о причине, и Адрианов сослался на вредное направление последней лекции Виппера «Сумерки людей» и, несмотря на просьбы Чаплыгина, разрешения не дал. Обе эти лекции красноречиво свидетельствуют, что Виппер даже не застыл, а прямо идет назад. Так узко, даже прямо, так фальшиво отношение к раннему христианству, к Платону, к «Вехам», к русской интеллигенции и другим предметам. Конечно, большой талант сказывается еще во многом, но признаки увядания налицо. Специальным научным исследованием Виппер не занимается вовсе; его первое и последнее исследование – его единственная и очень хорошая диссертация. Его печатные курсы лекций заключают в себе много талантливое, но и много произвольного, капризного; Ростовцев, критик очень компетентный, не без оснований назвал его главу об

Августе историческим романом. Петрушевский видит корень зла в растущей и теперь почти скитской замкнутости, в вредном влиянии жены. Мне эти объяснения кажутся недостаточными»³⁶⁶.

Подводя итоги, можно заметить, что, безусловно, Виппер относился к поколению либеральной студенческой молодежи Московского университета конца 1870-х гг., которая, ориентируясь на пристрастие собственных «родителей», стремилась улучшить, просветить, облагородить современное ему общество. При этом Виппер стремился к служению студентам в университете, делал ставку на чистую науку, к которой обращено общественное внимание. В сообществе российских всеобщих историков Виппер выделялся среди других исследователей. Он отрицал реальное существование всеобщей истории как единого однонаправленного процесса, характерного для всего человечества (всеобщую историю Виппер рассматривал как своего рода педагогическую дисциплину, которая позволяет проводить интеллектуальный эксперимент с большим объемом фактических данных, которые совсем произвольно или более или менее научно отбираются историками)³⁶⁷, последовательный антиклерикализм³⁶⁸ и все более усиливающаяся (особенно под влиянием Первой мировой войны) тяга к сильным³⁶⁹ личностям в истории.

Как администратор, Виппер не был продолжателем традиций Герье на кафедре всеобщей истории, да и ситуация в целом для кафедры в период между двух революций оказалась тяжелой. Во-первых, перестала действовать система подготовки историков, разработанная Герье, то есть в сообществе московских историков перестали появляться новые академические ученые для высшей школы. Во-вторых, у сообщества всеобщих историков не оказалось всеми признанного лидера. На кафедре всеобщей истории создалась ситуация двоевластия. С одной стороны, старейшим по службе в университете профессором этой кафедры был

³⁶⁶ Савин А.Н. Университетские дела. С. 234–235.

³⁶⁷ См., например: Володихин Д.М. Критика теории прогресса в трудах Р.Ю. Виппера // Вопросы истории. 1999. № 2.

³⁶⁸ Именно труды с критикой ранней христианства были очень востребованы в СССР.

³⁶⁹ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922.

Герье, который не участвовал в процессе преподавания в университете. С другой стороны, реальным руководителем кафедры стал Виппер. Впрочем, старшие ученики Герье вполне возможно, что и демонстративно, отказывались признавать высокий статус Виппера, который давало ему положение старшего штатного профессора Московского университета. В окружение Виппера вошли только молодые ученые – А.Н. Савин, Д.М. Петрушевский. Старшие же коллеги Виппера – Кареев и Виноградов по-прежнему относились к Герье как неформальному лидеру сообщества московских историков. При этом между Виноградовым и Виппером отношения были особенно неприязненными. Впрочем, Виппер эпохи революций постепенно отказывается от социального подхода к истории и возвращается к созданию биографий исторических деятелей, что было данью тому культурному направлению в сообществе московских историков, которое трудами Герье и Корелина прокладывало себе дорогу в исторических штудиях рубежа XIX – начала XX вв.

7.3. М.К. Любавский как профессор Московского университета

Возрождение интереса к личности М.К. Любавского напрямую связано с изменениями в исторической науке, которые стали происходить со второй половины 1980-х гг. До этого времени заниматься изучением взглядов «реакционного» ректора Московского университета, ставленника Л.А. Кассо в 1911 г., репрессированного по делу С.Ф. Платонова, хотя и реабилитированного в 1967 г., было затруднительно.

В сугубо специальных изданиях имя Любавского упоминалось и до перестройки, хотя, например, Е.С. Кулябко, специально занимавшаяся изучением празднования юбилея Ломоносова в 1911 г., в том числе и в Москве, ничего не сообщает о Матвее Кузьмиче, стоявшим в центре мемориальных торжеств в этом

городе³⁷⁰. Вполне возможно, что до реабилитации имя Любавского упоминать не рекомендовалось.

Юридическая реабилитация позволила вернуть имя Любавского в историческую науку. Так, в 1971 г. В.С. Тольц опубликовал работу «Из истории феодализма и капитализма в Башкирии», где ввел в оборот материалы, собранные Любавским во время административной ссылки в Уфу³⁷¹, которые современные башкирские историки оценивают как начало изучения национальной истории средневекового периода.

В дальнейшем центрами изучения Любавского становятся Московский историко-архивный институт и археографическая комиссия. Д.В. Карев, написавший первую диссертацию об историке³⁷², опубликовал на страницах Археографического ежегодника за 1974 г. статью, которая оказала серьезное влияние на изучение научных взглядов историка. В центре исследования Карева оказался фонд Любавского в НИОР РГБ³⁷³. Фактически эта работа, показавшая степень сохранности архивного фонда Любавского, открыла его эвристическую ценность для изучения нескольких тем, связанных с творческим наследием Любавского³⁷⁴. В целом исторические взгляды Любавского в позднесоветский период оценивались как устаревшие, возвращающие к традициям историко-юридической школы в то время как ведущей техникой исследования был социологический метод, идущий от Ключевского.

Возвращение Любавского в поле исторического исследования связано с перестроечным процессом вскрытия замалчиваемых проблем отечественной

---

³⁷⁰ Кулябко Е.С. Ломоносовский юбилей 1911 г. // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы. М., 1962. С. 312.

³⁷¹ Тольц В.С. Материалы М.К. Любавского по истории Башкирии // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии». Уфа, 1971.

³⁷² Карев Д.В. Академик М.К. Любавский как историк феодальной России: автореф. ... канд. истор. наук. М., 1983.

³⁷³ Карев Д.В. Неопубликованное творческое наследие М.К. Любавского // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975.

³⁷⁴ Карев Д.В. Участие академика М.К. Любавского в советском архивном строительстве // Советские архивы. 1978. № 2. С. 31–34; Он же. История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М.К. Любавского // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 89–90.

истории. Благодаря совместным усилиям А.Я. Дегтярева, Д.В. Карева и Ю.Ф. Иванова в издательстве МГУ публикуется итоговая работа Любавского, посвященная рассмотрению роли колонизации в истории России³⁷⁵

Существенным фактором восстановления памяти о Любавском стала деятельность его внучки – Т.Г. Ливановой, стремившейся распространить взгляд на Матвея Кузьмича, бытовавший в семье. В 2001 г. Ливанова в журнале «Исторический архив» публикует воспоминания дочери историка Веры Матвеевны Любавской, ставшей известным художником-плакатистом в СССР, об отце («Папа, несмотря на занятость, уделял мне какое-то время»: Из воспоминаний В.М. Ливановой-Любавской)³⁷⁶.

Ливанова организовала ряд научных мероприятий в Москве и Санкт-Петербурге для увековечивания памяти дедушки, пропагандировала изучение архивного фонда историка Московского университета в НИОР РГБ, стояла у истоков репринтного переиздания или научного издания лекций и научных трудов Матвея Кузьмича, став автором вступительной статьи для одного из них: «Матвей Кузьмич Любавский: хроника жизни»³⁷⁷. Отдельные издания трудов Любавского были инициированы петербургским исследователем Ю.В. Кривошеевым, автором предисловия к курсу Любавского «Историческая география России в связи с колонизацией», и издательством «Лань» (главный редактор Ю.А. Сандулов), публиковавшим эти библиографические редкости.

Итогом деятельности Ливановой, поддержанной Ю.В. Кривошеевым, стала конференция, посвященная 150-ти летнего юбилея со дня рождения Любавского

---

³⁷⁵ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996.

³⁷⁶ Ливанова Т.Г. «Папа, несмотря на занятость, уделял мне какое-то время»: Из воспоминаний В.М. Ливановой – Любавской // Исторический архив. 2000. № 4.

³⁷⁷ Ливанова Т.Г. Матвей Кузьмич Любавский: Хроника жизни // Любавский М.К. Очерк истории литовско-русского государства до люблинской унии включительно. СПб., 2004. С. 5–13.

(2010), проведенная в Санкт-Петербурге, которой был посвящен отдельный 12 том «Трудов Санкт-Петербургского университета»³⁷⁸ в 2013 г.³⁷⁹

Чуть ранее в Москве была опубликована диссертация Ю.Н. Ермолаева (защищена в 2003 г.), пересматривающая значение Любавского как крупного ученого и ректора Московского университета³⁸⁰, вводящая в научный оборот документы ЦГА г. Москвы.

В течение 2000-х гг. Каревым, Дегтяревым, Ивановым³⁸¹, Кривошеевой, Мандрик вводились в оборот историографические источники для изучения Любавского (прежде всего его университетские курсы), менялась оценка Матвея Кузьмича как историка начала XX в.

Матвей Кузьмич Любавский происходил из небогатой семьи церковнослужителя села Большие Можары Сапожковского уезда Рязанской

³⁷⁸ *Ливанова Т.Г.* Матвей Кузьмич Любавский: хроника жизни // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 11–23; *Кривошеев Ю.В.* Научное наследие М.К. Любавского и современность. С. 24–31; *Воробьева И.Г.* Ученик и учитель: М. К. Любавский и Н.А. Попов // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 32–45; *Мандрик М.В.* На службе Клио: Академики М.К. Любавский и Ю.В. Готье // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 46–65; *Кривоноженко А.Ф.* Академик М.К. Любавский по материалам «Академического дела» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 66–72; *Фешкин В.Н.* Научная деятельность М.К. Любавского в Башкирии // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 73–82; *Воробьев В.М.* Закономерности русской колонизации в оценке М. К. Любавского // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 83–88; *Горина И.В.* К вопросу о культурной географии в трудах В.О. Ключевского, М.К. Любавского и В.В. Розанова // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 89–96.

³⁷⁹ В 2005 г. юбилейная конференция, посвященная Любавскому («Матвей Кузьмич Любавский: историк и человек. К 145-летию со дня рождения»), состоялась в Уфе. Материалы изданы Башкирским университетом в 2008 г. В 2009 г. защищена диссертация: *Фешкин В.Н.* Жизнь и научная деятельность Любавского в Уфе: 1931–1936 гг. Уфа, 2009. *Дворниченко А.Ю.* Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 97–120. *Мещенина А.А.* Труды М.К. Любавского и особенности преподавания истории Юга России // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 127–135.

³⁸⁰ Академик М.К. Любавский и Московский университет. М., 2003; *Кривоноженко А.Ф.* Отзыв М.А. Дьяконова о научной деятельности профессора Московского университета историка Матвея Кузьмича Любавского // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 299–301.

³⁸¹ *Иванов Ю.Ф.* М.К. Любавский – выдающийся ученый и педагог // Вопросы истории. 2001. № 10; *Он же.* Московский университет в 1911 г. // Российские университеты в XVIII–XX вв.; Воронеж, 2002.

губернии. Практически все родственники Матвея принадлежали к духовенству и были близки друг другу. Так, воспитанием ребенка занимался родной дядя Любавского – Николай Успенский – священник соседнего села. Уже в 4 года Матвей хорошо читал часослов по-церковнославянски³⁸². Образование Любавский получил в системе начальных и средних духовных учебных заведений, но от карьеры священнослужителя должен был отказаться, поскольку потерял на охоте левый глаз от срикошетившей пули. Церковные каноны не позволяли священнослужение человеку с увечьями. Возможно, именно поэтому или в результате внутренних убеждений (в семинарии он особо отмечал курс гражданской русской истории, который читал Н.З. Зиоров, впоследствии – архиепископ Варшавский Николай), Любавский поступил в Московский университет.

Любавский учился в университете практически в одни годы с Милюковым (1878–1882), однако в отличие от более старшего товарища держался от политики далеко. У Любавского сформировалось представление о революции, как разрушительной силе, несущей хаос и смерть³⁸³. В результате студент входил в кружок тех, кого в более позднее время назовут академистами. Как вспоминал В.В. Розанов: «Какая радость, что наш выпуск в МОСКОВСКОМ университете дал трех СЫНОВ России: Любавский (М. Куз.), Зайончковский, Вознесенский и я. Патриоты и несущие факел религии»³⁸⁴. Этот же однокурсник Любавского замечал: «Я помню свою жизнь в университете, с Вознесенским и Любавским («в Скворцах», в доме, кажется, на Волхонке) как самый счастливый фазис университетской жизни. Смехи. Шутки»³⁸⁵.

Скворцы были домом на углу Моховой с Воздвиженкой. По воспоминаниям Сабашникова, в кружке собирались братья Сперанские, братья Щепкины –

³⁸² Рагозина Н.Н. Матвей Кузьмич Любавский. Жизнь и творческая деятельность // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 16. Рязань, 2008. С. 132.

³⁸³ Сидоров А.В., Старостин Е.В. М.К. Любавский // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 369.

³⁸⁴ Сидоров А.В. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Московский университет и судьбы российской интеллигенции. Материалы международной конференции. М., 2004. С. 22.

³⁸⁵ Розанов В.В. Последние листья. М., 2000. С. 105.

Николай и Евгений, братья Грузинские, В.Е. Якушкин, С.Д. Урусов: «это все были люди недюжинные, с повышенным умственными запросами, впечатлительные... Большинство избрало научную деятельность, они, сходясь вместе, всегда имели что сказать друг другу нового и занимательного. Хотя и не все принимали участие в общественной жизни, но все были прогрессивно настроены... Однако большинство членов кружка было далеко от социализма. Со времени революция внесла среди скворцов некоторые расхождения в политических взглядах»³⁸⁶.

Из преподавателей Любавский предпочитал тех, кто придерживался консервативных убеждений. Такими были декан историко-филологического факультета профессор Н.А. Попов, читавший русскую историю, и профессор В.И. Герье (история Рима, средневековая и новая история), преподававший всеобщую историю. Как и Милюков, Любавский видел преподавательский дебют Ключевского (конец 1879 г.). За годы обучения Любавский слушал лекции по истории философии и логике (М.М. Троицкий), теории и истории искусств (К.К. Герц), политэкономии (А.И. Чупров), истории русского языка и литературы (Ф.И. Буслаев и Н.С. Тихонравов), греческим и римским древностям (И.В. Цветаев), всеобщей истории литературы (Н.И. Стороженко). Кроме Герье историю Любавскому читали П.Г. Виноградов (Греция), А.М. Иванцов-Платонов (история церкви). Любавский мог посещать лекции по европейской истории 19 века Н.И. Кареева.

С первого курса Любавский участвовал в историческом семинаре Герье, где разбирал «Анналы» Тацита. На 2-м курсе в семинаре по всеобщей истории он изучал варварские правды, а в русском семинаре у Попова – анализировал источники по истории Ливонского края и Волынскую летопись. На 3-м курсе в семинаре у Герье Любавский занимался памятниками по истории Французской революции, а в семинаре у Ключевского пытался понять особенности изучения «Русской Правды» и «Псковской судной грамоты». Интересно отметить, что на четвертом курсе Любавский представил реферат М.М. Троицкому «К «Критике

---

³⁸⁶ *Сабашников М.В.* Записки Михаила Васильевича Сабашникова. М., 1995. С. 104.

чистого разума” И. Канта», за который получил премию Н.В. Исакова³⁸⁷. За Сочинение «Служилые люди Московского государства: городовые дворяне и дети боярские. Критический обзор мнений, существующих в литературе по вопросу об их происхождении и составе» Любавский был удостоен золотой медали, что дало ему право не писать кандидатское сочинение после окончания университета³⁸⁸. Работа была завершена 2 сентября 1881 г., на титульном была отметка о прочтении Поповым: «Читал и одобрил ординарный профессор Н. Попов»³⁸⁹. Работа была написана преимущественно на исследовательской литературе³⁹⁰.

Университет Любавский окончил кандидатом³⁹¹. Представление об оставлении Любавского для подготовки к профессорскому званию без содержания было подписано Поповым и Ключевским и встретило полную поддержку факультета³⁹². Став оставленным при университете, Любавский обратился к ректору с просьбой иметь возможность продолжать слушать лекции по истории и юриспруденции и пользоваться книгами библиотеки³⁹³.

Работал Любавский много. И.Г. Воробьева в архиве Попова обнаружила письма Любавского к Нилу Александровичу с просьбой о помощи книгами из личной библиотеки профессора, хорошо известной студентам, которые необходимо прочитать для изучения вопросов о литовско-русском государстве³⁹⁴. 2 мая 1883 года магистрант писал: «Покорнейше прошу Вас, Нил Александрович, снабдить меня нижеследующими книгами на лето: Полное собрание летописей, т. 3; Акты археографической комиссии, Акты юридические; Загоскин “Уставные

³⁸⁷ *Лантева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в. С. 190.

³⁸⁸ Отчет. М., 1883. С. 25.

³⁸⁹ *Иванов Ю.Ф.* М. К. Любавский – выдающийся ученый и педагог // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 151. Профессор Воробьева отметила, что в статье других авторов дано иное название кандидатского сочинения. См.: *Дегтярев А.Я., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В.* Академик М.К. Любавский и его наследие. С. 7.

³⁹⁰ *Карев Д.В.* Указ соч. С. 302.

³⁹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186. Л. 16. Впервые введено в научный оборот: *Карев Д.В.* Неопубликованное творческое наследие М.К. Любавского // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 301–302.

³⁹² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 51. Д. 388.

³⁹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 51. Д. 388. Л. 13.

³⁹⁴ *Воробьева И.Г.* Ученик и учитель: М.К. Любавский и Н.А. Попов // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Т. 12. СПб., 2013. С. 39–40.

грамоты XIV–XV в.», Андреевский “О наместниках”, Градовский “История Ляшского управления”. Кроме того, для ознакомления с общественным устройством Литовского княжества XV–XVI вв. я наметил себе для прочтения и просмотра следующие книги: Акты Западной России (они уже у меня есть); Акты, относящиеся к Южной и Западной России, т. 1, Буданов-Владимирский “Немецкое право в Литве”», исследования В. Антоновича о происхождении шляхетских родов и работы Ф. Леонтовича по литовскому праву. Если Вы сочтете выбор настоящих пособий удовлетворительным, пожалуйста, сообразуйте мне их одолжить, буде они у Вас обрящутся»³⁹⁵. В следующем письме вновь была просьба о подборе книг для экзамена и работы в архивах: «... я просил бы Вас указать мне сочинения по внешней, так скорее, истории Литвы до окончания соединения ее с Польшей. Я знаю одно из таких: «Очерк истории Литовского княжества до половины XV в.» Вл. Антоновича, которое прошу также приобщить к выше названным книгам. Не безынтересно было бы также прочесть что-нибудь о влиянии Польши на быт Литвы за этот период». Завершалось письмо словами: «Указанием всего этого и сообщением книг премного обяжете уважающего Вас покорнейшего слугу М. Любавского»³⁹⁶

Именно Попов на Совете факультета рецензировал для коллег магистерские отчеты Любавского. «Оставленный Любавский, – сообщал профессор, – проработал вопрос о присоединении Малороссии к Московскому государству, проштудировал соответствующие тома сочинений С.М. Соловьева, работы Н.И. Костомарова». На основании этих материалов Любавский написал работу «Присоединение Малороссии к Московскому государству». «Новаций в этой работе было немного, – отмечает Ю.Ф. Иванов, – исследование во многом шло по стопам Ключевского, однако в выводах были и новые мысли. Так, Любавский не согласился с Соловьевым, что присоединение было результатом только религиозной борьбы, он показал, что проблема значительно шире, в ее основе

³⁹⁵ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 12. Ед. хр. 44.

³⁹⁶ Там же.

лежат социально-экономические причины»³⁹⁷. Эту часть проделанной работы магистра курирующий профессор оценил весьма высоко. Однако с своей стороны он все-таки рекомендовал Любавскому на необходимость изучения книг польских историков. По мнению Воробьевой, это была типичная позиция Николая Александровича, бывшего крупным специалистом по историографии западных и южных славян³⁹⁸. Попов был хорошо осведомлен в новинках польской историографии, писал отзывы и рецензии на вновь выходявшие работы, да и в своей библиотеке имел книги профессоров Краковского университета»³⁹⁹. Так постепенно выявлялся интерес Любавского к истории Польши и западных славян в целом.

Несмотря на усиленные занятия для подготовки к экзамену Любавский попросил третий дополнительный год. Только в 1885 г. Матвей Кузьмич начал сдавать магистерские экзамены по русской и всеобщей истории, а также политической экономии. 3 апреля он отвечал Ключевскому по русской истории вопрос «О присоединении Украины к России». Затем он дал ответ по теме «Сословная реформа Петра Великого» и «Организация служилого класса Московского государства». 8 мая по теме «Государство Карла Великого» Любавский ответил Виноградову⁴⁰⁰. Ответы были признаны удовлетворительными, факультет ждал от Любавского диссертации.

Помощь в нахождении темы исследования для Любавского, по всей вероятности, оказал именно Попов. Именно по совету Попова Любавский обратился к изучению Литовской метрики, переданной из Петербурга в московский архив министерства юстиции 1887–1888 гг. До обращения к этому

³⁹⁷ Иванов Ю. Ф. М. К. Любавский – выдающийся ученый и педагог. С. 151.

³⁹⁸ Воробьева И. Г. Зарубежная историография славянских народов в трудах Н.А. Попова // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 34–37.

³⁹⁹ Воробьева И. Г. Ученик и учитель: М.К. Любавский и Н.А. Попов // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Т. 12. СПб., 2013.

⁴⁰⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476, Д. 225. Иванов считал, что по результатам экзамена оценка была снижена с весьма – на удовлетворительно: «Видимо кто-то из членов комиссии настоял на снижении оценки, и вполне вероятно им мог оказаться и заслушивающий ответы Любавского придирчивый профессор классической филологии А.Н. Шварц». Иванов Ю. Ф. М. К. Любавский – выдающийся ученый и педагог // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 151.

памятнику Любавский работал над родословными, продолжая тематику выпускного сочинения. Написание магистерской диссертации у Любавского ушло 12 лет.

Еще об одном влиянии Попова на Любавского следует сказать особо. Н.А. Попов, как и Любавский позднее, занимался историей Московского университета. «Имея возможность чтения документов в университетском архиве, он, в отличие от других профессоров, ею воспользовался. Попов написал более десяти работ, имевших документальную основу и представлявших собой аннотированные публикации текстов источников. Значительный материал был собран в архиве к биографии Н.И. Надеждина, О.М. Бодянского, по истории Общества древностей российских при Московском университете и др. Любавский также серьезно отнесся к архиву университета. Им написаны статьи о Московском университете в 1812 г., о М.В. Ломоносове и университете»⁴⁰¹.

После завершения экзаменов у Любавского сложилась тяжелая финансовая ситуация: «До сих пор еще не нашел и мало питаю надежды на то, что найду, – писал он однокурснику Розанову, – что буду делать, если действительно случится последнее, т.е. не найду занятий в Москве, об этом стараюсь не думать»⁴⁰². Попов предложил Любавскому кафедру русской истории в только что открывшемся Томском университете. В начале 1885 г. Попов получил письмо от профессора Казанского университета историка Д.А. Корсакова, который просил предложить московского кандидата для университета: «На днях я имел разговор с организатором Сибирского университета, нашим профессором В.М. Флоринским, который очень озабочен приисканием в оный университет преподавателя русской истории. Я не мог никого указать и обращаюсь к Вам (с согласия Флоринского) с покорнейшей просьбой указать из окончивших уже или оканчивающих курс в Московском университете»⁴⁰³. Матевей Кузьмич отказался, так как «в провинции

⁴⁰¹ Карев Д.В. Участие академика М.К. Любавского в советском архивном строительстве // Советские архивы. 1978. № 2. С. 31–34.

⁴⁰² Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет / под ред. А.Я. Дегтярева, А.Н. Сидорова. М., 2005. С.131.

⁴⁰³ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 11. Ед. хр. 5. Л. 21 об.

дальнейшие занятия русской историей немислимы»⁴⁰⁴, он только намечал полное погружение в Литовскую метрику.

В результате Любавский начинает учительскую деятельность в средних учебных заведениях Москвы, взявшись преподавать историю и географию в Частной гимназии О.А. Виноградовой, во 2-й Женской гимназии и Мариинском училище дамского попечительства о бедных. В средней школе он будет преподавать до 1917 г.

8 июля 1891 г. Любавский женился на своей бывшей ученице из гимназии О.А. Виноградовой Наталье Валерьяновне Зазыкиной. «Брак не одобрили родители невесты, поскольку семья не была состоятельной, а жених – пока просто бедный учитель низкого происхождения. Ввиду этих обстоятельств для приличного содержания семьи пришлось много работать, сочетая научную деятельность с обширной преподавательской деятельностью»⁴⁰⁵. Однако семейная жизнь оказалась счастливой. В браке родилось шесть детей: Сергей (1896–1918), Дмитрий (1899–1973), Надежда (1894–1918), Валериан (1904–1931), Александра (1903–1923) и Вера (1910–1998).

Только в 1894 году, когда Попова уже не было в живых, Любавский приступает к защите магистерской диссертации «Областное деление и местное управление Литовского-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута», которая первоначально увидела свет в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (1892 г.). Труд был посвящен учителю: «Издавая в свет свой первый научный труд, считаю нравственным долгом почтить благодарным воспоминанием человека, который так много содействовал его появлению. И в университете, и в Архиве Министерства юстиции я находил у него радушный прием, теплое участие к научным начинаниям и трудам и всегдашнюю помощь советами и книгами из его

---

⁴⁰⁴ Цит. по *Ермолаев Ю.Н.* Указ. соч. С. 132.

⁴⁰⁵ *Ливанова Т.Г.* Указ. соч. С.13.

богатой библиотеки»⁴⁰⁶. Собственно говоря, именно ОИДР, где на ведущих ролях сначала был Попов, а потом председательствовал Ключевский, позволяло Любавскому поддерживать тесные научные связи с Московским университетом и историками старшего поколения в 1880-х – 1890-х гг. С новым поколением историков Любавский общался в исторической комиссии ОРТЗ, где он был заместителем председателя исторической комиссии. Однако, как и его коллега по 2-й гимназии – М.С. Корелин, Любавский был более близок со старшими историками, чем с ровесниками.

Магистерская защита Любавского состоялась 22 мая 1894 г. В работе Любавский детально показывал историю формирования системы местного управления княжества и выявил ее роль в жизни Литовского государства. Работа была хорошо фундирована, но, как считали критики, перегружена фактами и недостаточно систематизирована. В предисловии к диссертации, которая имела подзаголовок «Исторические очерки», Любавский, размышляя об актуальности темы, отметил: «Ближайшая цель их – способствовать уяснению государственного типа Литовской Руси, как он сложился вместе с окончанием удельной эпохи и в связи с тою организацией, которую приняло тогда литовско-русское общество, при наплыве идей и форм польской гражданственности. <...> Все это ... необходимо для правильного изображения и оценки последовавшей эпохи...»⁴⁰⁷.

Ключевский в факультетском отзыве и во время защиты отметил сочетание в книге Любавского политической, нормативно-правовой и социальной проблематики, что придало особую глубину ее содержанию. «Описывая областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута, она вместе с тем изображает и *состав* общества в

---

⁴⁰⁶ Любавский М.К. Посвящается памяти Нила Александровича Попова // Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовского-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. Исторические очерки. ЧОИДР. Кн. 3. 1892. С. III.

⁴⁰⁷ Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. С. V.

областях этого государства»⁴⁰⁸, «книга Любавского представляет подробную картину Литовско-Русского областного управления и общества данной эпохи»⁴⁰⁹.

Исследование было высоко оценено современниками. Еще до диспута, который несколько раз откладывался из-за командировок Ключевского, книга была удостоена премии Г.Ф. Карпова от ОИДР, которая выдавалась ежегодно за самостоятельное, основанное на первоисточниках исследование по русской истории.

Уже после диспута Академия наук наградила Любавского Малой премией графа С.С. Уварова. По мнению А.Н. Сперанского, «научные интересы Любавского были связаны с теми темами, которые намечались на лекциях Ключевского, но не являлись ни для него, ни для его предшественников предметом специального изучения», а методы исследования Матвей Кузьмич полностью заимствовал у своего учителя⁴¹⁰. Ключевский, по всей видимости, был просто официальным представителем университета, который помогал Любавскому в организации защиты.

С 1894 г. как приват-доцент Любавский начинает в университете читать лекции по истории западной Руси («Литовско-русское государство»; по теме диссертации), а с 1896 г. дополняет их семинаром для желающих, где разрабатывает вопрос о земских привилегиях в этом государстве. С 1897 г. Любавский начинает разрабатывать курс «Историческая география России в связи с колонизацией» (первое прочтение), читает лекции по истории западных славян (с 1899 г.) для исторического отделения.

В 1901 г. Любавский защищает докторскую диссертацию «Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства». В работе исследователь утверждал, что вопрос о Литовско-русском сейме «есть вопрос о внутреннем развитии этого государства вообще, равно как и вопрос организации литовско-русского общества, на почве

---

⁴⁰⁸ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 14. Ед. хр. 27. Л. 1.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 3.

⁴¹⁰ Цит. по: Мельников А.В. Неизданная работа А.Н. Сперанского об исторической науке в Московском университете // Археографический ежегодник за 1997 г. М., 1997. С. 356.

которой складывалось и самое государственное устройство великого княжества⁴¹¹. Идея работы очень напоминает идею докторской диссертации Ключевского. Однако в отличие от работы учителя Любавский рассмотрел вполне реальный правительственный институт средневекового государства.

В 1902 г. Любавский назначается министерством на должность экстраординарного профессора⁴¹². Назначение проводилось по выбору факультета. В представлении, написанном Ключевским, профессор Московского университета утверждал, что «обязательные и необязательные курсы приват-доцента Любавского «охотно» и с «пользою» слушают студенты Московского университета», также Ключевский отмечал вклад Любавского в развитие семинаров⁴¹³.

Получив штатную должность, Любавский отвечает за семинары для историков-русистов. Сам Любавский считал, что на практических занятиях необходимо показать, как исторические истины добыты совместными усилиями ученых, объяснить инструменты такой работы и заставить студентов сделать нечто подобное из аналогичных источников⁴¹⁴. Установки Любавского явно показывают, что он хорошо усвоил традиции семинара Виноградова. Архивные материалы из фонда Любавского свидетельствуют, что, как правило, профессор предпосылал семинару одну или несколько вступительных лекций, в которых объяснял, в чем будет состоять суть обучения на занятиях. Так, перед семинаром о Начальном летописании Любавский обращал внимание студентов на вопросы, которые они должны иметь в виду при изучении источника: автор летописного текста, место его создания, источники, послужившие его составлению, связь с определенными центрами книжности⁴¹⁵. В 1904–1905 гг. Любавский вел семинар по источникам

---

⁴¹¹ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900. С. 7.

⁴¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Ед. хр. 372. Л. 328–329.

⁴¹³ Там же. Л. 330.

⁴¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 364. К. 10. Ед. хр. 1. Л. 3–3 об.

⁴¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 364. К. 10. Ед. хр. 1. Л. 12–13 об., 22–22 об.

XV и XVI вв. для студентов 3 и 4 курса (судебники Ивана III и Ивана IV, Федора Иоанновича)⁴¹⁶.

В просемианрии для младших курсов Любавский изучал сочинение Котошихина (1909–1910). Сначала рассматривалось утверждение Котошихина о какой-то реалии русского исторического процесса, а затем показания Котошихина проверялись другими источниками, на основании чего делался вывод об источниковедческой ценности котошихинских утверждений. Для сравнительной характеристики Любавский привлекал огромный пласт опубликованной литературы⁴¹⁷.

В 1903–1904 гг. Любавский читал курс по русской историографии. Из 40 часов занятий 8 отводились на вступительные лекции, 32 – на заслушивание 15 студенческих рефератов⁴¹⁸. Рассматривались как мэтры исторической науки (Карамзин, Кавелин, Чичерин, Забелин, Соловьев), так и более современные историки (Щапов, Ключевский, Дьяконов, Милюков, Платонов). Многие оценки Любавского явно восходят к лекциям по историографии Ключевского, которыми Любавский явно интересовался.

С 1904 г. Ключевский фактически перестает читать лекции в университете, сосредоточившись на подготовке печатного варианта Курса истории. Общие лекции в этот момент перешли в ведение Любавского.

В лекциях по древней руси Любавский сосредоточился на материальных факторах исторического процесса. Он указал на многоукладность экономики древнерусского государства, незавершенность распада родовых отношений у некоторых славянских племен в результате миграций VIII–IX вв., обосновывал федеративный характер русского государства IX–XI вв., настаивал на преобладании земледелия над торговлей в XII в. В отличие от Ключевского Любавский не видел разрыва между русским государством до XII в. и удельной русью. Одним из первых Любавский поддержал Павлова-Сильванского, заявив о

---

⁴¹⁶ Там же. Л. 26–34.

⁴¹⁷ Карев Д.В. Указ. соч. С. 306.

⁴¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 364. К. 10. Ед. хр. 3. Л. 8–8 об.

развитии феодализма в русских землях. Также Любавский обосновывал демографическую причину процесса возвышения Москвы.

Однако лучше взгляд на русскую историю Любавского выражен в курсе по исторической географии России, который был опубликован в 1911 г.

Всего в изданном курсе лекций 24 лекции, в которых рассмотрены такие историко-географические регионы как Вологодский и Архангельский край, Дон, Кубань, Терек, левобережная Украина, Поволжье, Сибирь, Урал, Казахстан, Дальний Восток⁴¹⁹.

В 1918 г. на основании лекции Любавский стал писать труд всей жизни – «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века». Предложение издать книгу по истории расселения русского народа сделал давний товарищ – М.В. Сабашников. К 1922 г. вариант книги был готов, у него было отличное от приведенного выше названия. Однако книга издана не была. Дошли черновые варианты книги объемом около 300 страниц⁴²⁰. Работу над рукописью Любавский продолжал до 1933 г.⁴²¹ Именно этот вариант и был опубликован в 1996 г.⁴²²

Подводя итоги обзора колонизационных процессов, Любавский утверждал, что из территории в 22, 7 тыс. кв. км, которую занимало российское государство, только 2,5 тыс. кв. км, что составило 12 % от общей площади, было завоевано пришельцами, все остальное – результат творческой деятельности русского народа – колонизации. В целом он рассматривал колонизацию как историю домостроительства русского народа, изучением вклада русского народа в формирование русской цивилизации⁴²³

⁴¹⁹ Дегтярев А.Ю., Ю.Ф. Иванов, Карев Д.В. Академик М.К. Любавский и его наследие // Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С. 40.

⁴²⁰ НИОР РГБ. Ф. 364. К. 2. Ед. хр. 1, 8, 9.

⁴²¹ Там же. Ед. хр. 3. Л. 1–774.

⁴²² Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до начала XX в. М., 1996.

⁴²³ См. об этом: Дегтярев А.Я, Иванов Ю.Ф., Карев Д.В. История дореволюционной России в историко-географических трудах М.К. Любавского // Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С. 38–63.

В 1917 г. были опубликованы лекции Любавского по истории западных славян. Исследовательница развития славяноведения в России и славистических дисциплин в Московском университете – Л.П. Лаптева считает, что курс Любавского был написан на уровне современных европейских научных знаний, поэтому неслучайно он использовался после воссоздания исторических факультетов в советское время как первый учебник по истории славян⁴²⁴.

Как администратор, Любавский оставил для подготовки к профессорскому званию 7 человек: С.В. Бахрушина (1904), В.Н. Бочкарева (1906), В.Я. Уланова (1908), Н.Г. Бережкова (1910), И.А. Голубцова (1910; представление написано совместно с М.М. Богословским), Н.П. Матвеева (1912; представление написано совместно с М.М. Богословским), В.А. Панова (1912). Не приступили к магистерским экзаменам Уланов, Бережков, Матвеев, Панов. Магистерские экзамены сдали: Бахрушин, Бочкарев (сдавал в 1909–1913, некоторые предметы пересдавал), Голубцов (1917–1918). Возможность преподавания после чтения приват-доцентских лекций получили Бахрушин⁴²⁵ и Бочкарев (возникли определенные сложности, поскольку молодой ученый был слеп).

Современники двойственно оценивали значение Любавского как преподавателя. В.И. Пичета вспоминал: «Любавский был прекрасный преподаватель и хорошо обучал методике работы над источниками. Но лектор Любавский был плохой и сухой. Это особенно чувствовалось в его лекциях по истории западных славян. Собственно, Любавский знакомил нас с внешнеполитической историей с точки зрения историко-юридической школы. Этот курс, составленный по польским и чешским пособиям, был... напечатан. И все-таки из всех курсов по истории славян это был наиболее удовлетворяющей требованиям тогдашней истории. В нем не было великорусского шовинизма. Читал Любавский

⁴²⁴ *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 135. См также: *Лаптева Л.П.* Преподавание славистических дисциплин в Московском университете в XIX – начале XX вв. // Из истории университетского славяноведения в СССР. Сб. ст. и материалов к 80-летию С.А. Никитина. М., 1983. С. 34–56., а также: *Санчук Г.Э.* Гуситское движение в советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 46–47.

⁴²⁵ *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992.

и курс исторической географии России, курс любопытный и интересный относительно государственной политики... Все курсы Любавского были очень богато насыщены конкретным материалом, а дальше описания Любавский не шел; какой бы то ни было синтез был недоступен Любавскому. Вопросы экономические, как это полагается всем представителям историко-юридической школы, блестяще им игнорировались. Курсы Любавского дали мне много фактического материала»⁴²⁶. С.В. Бахрушин утверждал, что как научный руководитель Любавский не уделял много внимания ученикам «Мои отношения к нему, – утверждал Бахрушин, ограничивались визитами по праздникам и периодическим представлением отчетов, которыми он неизменно оставался доволен»⁴²⁷. Вполне возможно, что это связано с тем, что на Любавском всегда лежали тяжелые административные обязанности, особенно после 1917 г. Можно сказать, что учеников Любавский не имел.

7.4. Д.М. Петрушевский как профессор Московского университета

Память о Д.М. Петрушевском как представителе старшего поколения историков была сохранена в основном его учениками и коллегами по Московскому университету и особенно РАНИОНу, в котором Дмитрий Моисеевич занимал позицию дуайена⁴²⁸. В науку он вошел как крупный специалист по медиевистике и методологии истории, труды которого 1920-х гг. вызвали резко негативную реакцию в становящейся марксистской науке. Однако сотрудничество Петрушевского с институтами советской науки в 1930-е гг. превратили историка в крупную фигуру отечественной науки⁴²⁹. Глубокое изучение Петрушевского, как и

⁴²⁶ Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901) // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 55.

⁴²⁷ Бахрушин С. В. Из воспоминаний. С. 145.

⁴²⁸ См., например, Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Т. 1. М., 2015. Указатель.

⁴²⁹ Памяти Петрушевского был посвящен том ежегодника Средние века. Косминский Е.А. Д.М. Петрушевский // Средние века. Вып. 2. М.;Л., 1946. С. 5–11; Неусыхин А.И. Д.М. Петрушевский: Опыт характеристики // Там же. С. 12–28; Машкин Н.А. Д.М. Петрушевский как историк Римской империи // Там же. С. 33–40; Бахрушин С.В. Д. М. Петрушевский и русские историки // Там же. С. 41–45; Лавровский В.М. Д.М. Петрушевский и его переводы поэмы Лэнгленда // Там же. С. 46–50; Стоклицкая-Терешкович В.В. Д.М. Петрушевский как историк средневекового города // Там

вообще проблематики методологии истории, связано с Б.Г. Могильницким и томской школой исследователей⁴³⁰. В знаковых работах по методологии истории после перестройки труды Петрушевского оказались в центре внимания⁴³¹. В последнее десятилетие стал более подробно изучаться жизненный путь Дмитрий Моисеевича⁴³² и его связь учениками⁴³³.

Дмитрий Моисеевич Петрушевский был выпускником Киевского университета (начал обучение в Петербургском, но вернулся в родной город), историко-филологический факультет которого он окончил в 1886 г. Для подготовки к магистерским экзаменам он был оставлен И.В. Лучицким. Отношения с учителем складывались неровно. «Чего ему от меня нужно? – писал в письмах к друзьям Петрушевский. – Поехал собирать материалы... не мог же я собрать их в две недели; что касается руководства, то ведь он «предоставил мне полную свободу» делать что угодно и как угодно; делать какие-то ни было указания по предмету моей диссертации он совершенно отказался, откровенно заявив, что английской историей он никогда по источникам не занимался... Присылать ему еженедельно свои недоумения по поводу разных встречающихся вопросов... для этого нет резона... ведь отношения наши не выходили из пределов самой

же. С. 51–58; *Семенов В.Ф.* Восстание Уота Тайлера в исторической литературе и концепция Д.М. Петрушевского // Там же. С. 222–243; *Крушинская А.А.* Дмитрий Моисеевич Петрушевский: Указатель трудов и важнейших дат его научной деятельности // Там же. С. 405–414.

⁴³⁰ В 1965 г. появились две диссертации, посвященные Петрушевскому: *Афонюшкин В.А.* Д.М. Петрушевский как историк средневековой Англии: автореф. ... канд. истор. наук. Воронеж, 1955; *Могильницкий Б.Г.* Д.М. Петрушевский как историк западноевропейского феодализма: автореф. ... канд. истор. наук. Томск, 1955. См. также: *Данилов А.И.* Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков // *Средние века*, М., 1955. Вып. 6.

⁴³¹ *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX в. Ч. 1–2. Волгоград, 1999–2000; *Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917). Гродно, 2003.

⁴³² Документы о деятельности Д.М. Петрушевского в Варшавском университете / вступ. ст. и публ. Ю.Ф. Иванова // *История и историки: Историографический ежегодник. 1981* / отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1985. С. 273–283; *Иванов Ю.Ф.* Д.М. Петрушевский и Бела Кун // *Вопросы истории. 1989. № 5*; *Он же.* Академик Д.М. Петрушевский – исследователь и педагог // *Вопросы истории. 2003. № 7. С. 150–160*; *Мандрик М.В.* Д.М. Петрушевский и его учителя: к вопросу и личных и научных взаимоотношениях // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2.*

⁴³³ *Усачев А.С.* А.Н. Насонов, Д.М. Петрушевский и отечественная медиэвистика в 20-30-е гг. XX в. // *Средние века. 2020. Вып. 81 (4). С. 56–86.*

официальной казенности. Конечно, все это я говорю не для того, что доказать, что Лучицкого мне нечего опасаться; это просто резонированье, применимо к человеку с дисциплинарным характером; а от человека минуты с не особо рафинированным душевным тоном чего только ожидать нельзя»⁴³⁴. Отдаляясь от учителя, Петрушевский боялся магистерских экзаменов, исход которого зависел от «невменяемого патрона» с «огорченным самолюбием»⁴³⁵. Отношения с Лучицким улучшились, когда Петрушевский представил ему первую статью «Рабочее законодательство Эдуарда III», которая была напечатана в Киеве, и сдал магистерские экзамены.

В 1888 г. в Москве состоялось знакомство Петрушевского с П.Г. Виноградовым. Киевлянин участвовал в работах виноградовского семинара, слушал лекции московского профессора и восторженно отзывался о них. Если Лучицкому он только сообщал о том, что им сделано, то Виноградов, по воспоминаниям Петрушевского, «принимал самое живое участие в моей работе, он глубоко заинтересован ею: ведь она будет служить непосредственным продолжением его действительно классического исследования... Хотелось бы не осрамить пера... А тема любопытная и не только любопытная, но и в высшей степени важная...»⁴³⁶. Виноградов ввел Петрушевского в круг ученых Москвы и предложил ему совместную поездку в Англию. Первоначально она планировалась на лето или осень 1888 г., но состоялась лишь в 1889 г.

Неслучайно, что после сдачи экзаменов в Киеве, Петрушевский поехал в Москву, чтобы вступить в число приват-доцентов Московского университета, а помощь в этом начинании ему оказывал Виноградов. Прошение о чтении пробных лекций Петрушевский подал 6 апреля 1894 г.⁴³⁷ Темой по собственному желанию стала «Земледелие и хозяйство у Гомера»; факультет предложил – «О великой хартии вольностей». В один день – 26 апреля – Петрушевский прочел две лекции и

⁴³⁴ Цит. по: Мандрик М.В. Д.М. Петрушевский и его учителя: К вопросу о личных и научных взаимоотношениях // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 63–64.

⁴³⁵ Мандрик М.В. Указ. соч. С. 64.

⁴³⁶ Мандрик М.В. Указ. соч. С. 65.

⁴³⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 21. Л. 11.

факультет ходатайствовал о его принятии в приват-доценты⁴³⁸. В 1897 г. Петрушевский, защитивший диссертацию в Киеве, был назначен экстраординарным профессором всеобщей истории в Варшаву⁴³⁹. В 1901 г., когда в Москве Петрушевский защищал докторскую диссертацию, отзыв на его труд был составлен Виноградовым⁴⁴⁰. Идеи отзыва были развиты в рецензии Виноградова для прсуждения Петрушевскому макариевской премии⁴⁴¹.

Новое возвращение Петрушевского в Москву было конфликтным. Решался вопрос о том, кого Московский университет желает видеть своим профессором на кафедре всеобщей истории – профессора оксфордского университета Виноградова, которому было предложено вернуться в Москву, или профессора Варшавского университета Петрушевского, на кандидатуре которого настаивал Р.Ю. Виппер. Совет факультета принял решение в пользу Петрушевского⁴⁴². Петрушевский был избран Советом. Его отношения с Виноградовым после инцидента серьезно обострились⁴⁴³. На профессорской должности Петрушевский оставался до 1911 г. года, когда покинул университет в результате событий 1911 г. Ученый вернулся в Московский университет после февральской революции 1917 г.

В свой первый приход в Московский университет в качестве профессора Петрушевский не успел наладить оставление учеников для подготовки к магистерским экзаменам. Судя по всему, он помог переводу в Москву лучших из собственных студентов по Варшавскому университету. Так, в университете оказались Б.Д. Греков и П.Д. Ерик. Греков специализировался по русской истории и не получив поддержки от Любавского, который, вероятнее всего, перепоручил руководство Грековым А.А. Кизеветтеру⁴⁴⁴, не будучи оставлен для подготовки к

⁴³⁸ Там же. Оп. 63. Д. 236.

⁴³⁹ Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1897 г. М., 1898. С.13.

⁴⁴⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 28. 1901 Л. 33.

⁴⁴¹ *Виноградов П.Г.* Рец. на: Д. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии. СПб., 1905. С. 19–20. См. также: *Мандрик М.В.* Указ. соч. С. 68.

⁴⁴² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 33. 1906 г. Л. 1–1об.

⁴⁴³ Интересно отметить, что в изданной А.В. Антощенко переписке Виноградова нет писем Петрушевского.

⁴⁴⁴ *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 24.

магистерским экзаменам в Москве, после окончания университета с дипломом первой степени (1907 г.), вынужден был вернуться в Варшаву, откуда прикомандировался в Петербург для участия в семинаре А.С. Лаппо-Данилевского. Судьба Ерика осталась для нас неизвестной. Косвенно о работе Петрушевского со студентами в этот период можно судить из письма к нему Грекова: «отношения к студентам профессоров (я имел случай заметить) (имеется в виду – в Московском университете – Д.Ц.) напоминает Ваше отношение к нам – та же простота, серьезность, участие»⁴⁴⁵. Интересно отметить, что и в дальнейшем Петрушевский оказывал покровительство не только всеобщникам, но и вообще сильным студентам, которым довелось с ним работать. Во всяком случае, такой казус вскрыт А.С. Усачевым, исследовавшим историю взаимоотношений Петрушевского с А.Н. Насоновым в 1920–1930-е гг.⁴⁴⁶ Много общался Петрушевский с С.В. Бахрушиным.

7.5. А.Н. Савин как профессор Московского университета

Личность А.Н. Савина до недавнего времени не вызывало особого внимания исследователей. Благодаря позиции однокурсников и учеников, формировавших традицию памяти об Александре Николаевича в ситуации противостояния старых и новых тенденций в исторической науке 1920-х гг., профессор во избежание недомолвок был показан кабинетным ученым, которого волновало только развитие науки. О том, что такой образ далек от действительности знали те наследники учеников Савина, кому благодаря Е.А. Косминскому дали возможность ознакомиться с дневниками историка. Для всеобщего изучения дневники были изданы современной исследовательницей А.В. Шаровой, которая сделала чрезвычайно много для того, чтобы разобраться в творческой судьбе Александра Николаевича.

⁴⁴⁵ Переписка Б.Д. Грекова с Д.М. Петрушевским // *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 97.

⁴⁴⁶ *Усачев А.С.* А.Н. Насонов, Д.М. Петрушевский и отечественная медиевистика в 20-30-е гг. XX в. // *Средние века.* 2020. Т. 81 № 4. С. 56–86.

Отец Савина работал старшим фельдшером на писчебумажной фабрике компании Говарда в селе Кондрово Медынского уезда Калужской губернии. Сам будущий ученый закончил гимназию в Калуге (учился в 1883–1891 гг., окончил с золотой медалью), в которой выделялся среди сверстников феноменальной памятью, о чем рассказывали еще много лет спустя после окончания Александром этого учебного заведения. Во всяком случае, такие рассказы слышал Д.Н. Егоров⁴⁴⁷. О Савине-студенте свидетельствовал его однокурсник – Готье: молодой калужанин «не искал популярности среди своих товарищей и едва ли интересовался их мнением о себе; он держался скорее особняком и многие его считали нелюдимым», но быстро выяснилось, что однокурсники имели дело с чутким, полным внутреннего достоинства человеком, «которого сдерживала во внешних проявлениях врожденная застенчивость и постоянное недоверие к самому себе»⁴⁴⁸. Как установила Шарова, вполне возможно во время обучения в университете Савин был активным членом калужского землячества, а его взгляды были «левыми» для монархически ориентированных студентов⁴⁴⁹.

Наибольшее влияние на Савина, по мнению его однокурсника Готье, а с ним и с С.А. Котляревским Савин во время обучения сблизился больше всего, оказал Виноградов. Сначала на первом курсе профессор увлек чтением лекций по Древней и Средневековой истории. На втором курсе интересующиеся студенты пошли к профессору на необязательный семинар по греческой истории, потом участвовали в работе семинара по средневековой истории и наконец на четвертом курсе участвовали в разборе «Политии» Аристотеля в обязательном семинаре по греческой истории⁴⁵⁰. Естественно, что занятия виноградовского кружка, объединявшего преподавателей (Виноградов, Милюков, Трубецкой) и студентов, Савин также посещал⁴⁵¹. В введении к магистерской диссертации Савин отдал дань

⁴⁴⁷ Егоров Д.Н. А.Н. Савин // *Анналы*. 1923. № 3. С. 220.

⁴⁴⁸ Готье Ю.В. Александр Николаевич Савин: Студенческие воспоминания // *Голос минувшего*. 1923. № 3. С. 183–184.

⁴⁴⁹ Шарова А.В. Александр Николаевич Савин: Неизвестная жизнь известного историка // *Одиссей*. 2012. С. 215–216.

⁴⁵⁰ Готье Ю.В. Александр Николаевич Савин. С. 184.

⁴⁵¹ Там же. С. 185.

признательности учителю: «всего более обязан своему учителю, проф. П.Г. Виноградову. Его московские семинарии, живые в памяти всех слушателей и особенно дорогие активным участникам, были моею историческою школой; его «Вилланство в Англии» остается для меня образцом точного и широкого исторического исследования; его личное внимание и содействие во многом облегчало мне первые шаги на английской почве»⁴⁵².

Под влиянием обсуждавшихся в кружке вопросов Савин писал сочинения и на философские темы (в 1898 г. он закончил труд «О законности и возможности нравственного удовлетворения»), перевел сочинение Дж. Локка «Опыт о человеческом разуме»⁴⁵³. В 1899 г. по предложению Л.М. Лопатина Савин стал членом Московского психологического общества. По свидетельству Егорова, Савин считался среди коллег специалистом по истории вообще, включая русскую, философии, социологии⁴⁵⁴.

В 1895 г. Виноградов ходатайствовал об оставлении Савина на кафедре: «Чсть имею ходатайствовать перед факультетом об оставлении при Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории окончившего курс в нынешнем году с дипломом I степени Александра Савина. Г. Савин обнаружил своими университетскими работами по истории ясный ум, добросовестное и трудолюбивое изучение источников, способность хорошо излагать свои мысли. В прошлом академическом году он был удостоен золотой медали за сочинение под заглавием «Общественный строй Иерусалимского королевства». В настоящее время я ходатайствую об оставлении г-на Савина при Университете на 2 года без стипендии, но в случае освобождения стипендии Данилова прошу назначить ее Савину, который, как калужанин имеет преимущественное право воспользоваться ей. Г. Савин хорошо знает французский, немецкий, английский и итальянский языки»⁴⁵⁵. Известно, что во время учебы

⁴⁵² Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. III–IV.

⁴⁵³ Шарова А.Н. Александр Николаевич Савин: Неизвестная жизнь известного историка. С. 220.

⁴⁵⁴ Егоров Д.Н. А.Н. Савин. С. 221.

⁴⁵⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 4. Д. 366. Как отметил А.В. Антощенко, Виноградов, в отличие от В.И. Герье, в силу ряда причин не уделял большого внимания такой форме обучения как конкурсные сочинения и, когда ему предоставляли право назначения темы для конкурсных

Савин написал 4 реферата. Кроме упомянутых в представлении – «Критику политических воззрений Платона в «Политике» Аристотеля; и «Дипломатические сношения Москвы с Литвою при Иоанне III и Василии III»⁴⁵⁶.

Савин был оставлен без министерской стипендии и испытывал финансовые затруднения. Положение осложнялось тем, что вскоре после его оставления Виноградов уехал в заграничную командировку и в письме к Савину писал, что «с моей стороны было бы бестактно вмешиваться в него (процесс получения Савиным стипендии – Д.Ц.) из Норвегии»⁴⁵⁷. Виноградов посоветовал «прямо изложить дело в письме к В.И. Герье»⁴⁵⁸. Савин последовал совету учителя и подробно изложил Герье, что он вправе претендовать на стипендию Данилова, которая назначалась калужанам по происхождению⁴⁵⁹. Благодаря ходатайству Герье и М.С. Корелина вопрос на заседании совета историко-филологического факультета был решен положительно⁴⁶⁰. Герье составил Савину и инструкцию для занятий, в которой было 18 вопросов: 1. Греческая тирания VII и VI вв.; 2. Внутренняя история Афин во время пелопонесской войны; 3. «Политика» Аристотеля; 4. Деятельность Гракхов; 5. Август и образование принципата; 6. Борьба язычества с христианством; 7. Саллическая Правда; 8. Карл Великий; 9. Внутренний строй Иерусалимского королевства; 10. Завоевание Англии Норманнами; 11. Французские генеральные штаты в средние века; 12. Фридрих II Гогенштауфен; 13. Кальвин; 14. Деятельность Ришелье; 15. Главные течения английской политической литературы XVII вв.; 16. Фридрих II Великий; 17. Внутренняя политика якобинцев в эпоху террора»; 18. Французская политическая

сочинений, все время предлагал один и тот же сюжет – Общественный строй Иерусалимского королевства. См. *Антощенко А.В.* Профессор Московского императорского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). 2015. С. 149.

⁴⁵⁶ *Лавровский В.М.* Александр Николаевич Савин. 1873–1923. Биографические данные. С. 7.

⁴⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 30. Ед. хр. 6. Л. 1 об.

⁴⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 30. Ед. хр. 6. Л. 1 об.

⁴⁵⁹ Там же. Ф. 70. К. 51. Ед. хр. 68. Л. 3-4.

⁴⁶⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 23. Л. 14.

литература времен реставрационной монархии»⁴⁶¹. Герье также привлекал Савина к заседаниям в Историческом обществе при Московском университете⁴⁶².

На исходе третьего года пребывания в числе «оставленных» Савин приступил к сдаче магистерских испытаний⁴⁶³. Экзамены он сдавал с февраля по декабрь. По всем трем периодам всеобщей истории Савин отвечал Виноградову и Герье: сначала была сдана средневековая (вопрос о Генеральных штатах, оценка «весьма удовлетворительно»⁴⁶⁴), затем за одно заседание древняя («Политическая теория Аристотеля», «весьма удовлетворительно») и новая история («О Ришелье», «удовлетворительно»)⁴⁶⁵. На экзамене по русской истории В.О. Ключевский предложил вопрос о реформах центрального управления при Петре Великом (оценка – «весьма»⁴⁶⁶). Завершились экзамены испытанием по политической экономии, где А.А. Мануйлов после ответа Савина на вопрос о заработной плате поставил высшую оценку⁴⁶⁷.

Вскоре Виноградов предложил факультету ходатайствовать о заграничной командировке для Савина, охарактеризовав его как человека «с выдающимися дарованиями для научной работы», ум которого «направлен точному и всестороннему исследованию фактов, совершенно чужд риторике, но чужд и бесцельному перерыванию материала: он всегда стремится к определенным и хорошо контролируемым выводам». Отметив быструю подготовку к сдаче магистерского экзамена и появление первых печатных работ: перевод труда Джона Локка «О разумении» и рефераты, сделанные в Историческом и Юридическом обществах о Жозефе де Местре и о последних трудах по истории Английского

---

⁴⁶¹ Лавровский В.М. Александр Николаевич Савин. 1873–1923. Биографические данные. С. 8.

⁴⁶² НИОР РГБ. Ф. 70. К. 51. Ед. хр. 68. Л. 5.

⁴⁶³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 26. Л. 3.

⁴⁶⁴ Там же. Л. 4.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 10.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 42.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 50.

права⁴⁶⁸. Прошение было удовлетворено и Савин с министерской стипендией отправился на два года за границу⁴⁶⁹.

В инструкции для занятий Савину рекомендовалось заняться печатными и рукописными материалами в Британском музее, «Record Office» и Бодлианской библиотеке в Оксфорде, обратив внимание на историю секуляризации и ее последствия, а также на эпоху, предшествующую этим событиям (конце XV века). При наличии свободного времени Савин должен был изучить социальное состояние Англии при протекторе Сомерсете⁴⁷⁰. В ходе командировки Савин должен был также познакомиться с характером преподавания исторической науки в Париже и немецких университетах.

Вместе с Савиным в очередную заграничную командировку отправился и сам Виноградов⁴⁷¹, поэтому связь с факультетом стипендиат поддерживал через Герье⁴⁷², а также выполнял для него различные поручения за границей⁴⁷³. Также с Герье он обсуждал темы и литературу для будущих пробных лекций для получения звания приват-доцента⁴⁷⁴.

25 апреля 1901 г. в Лондоне Савин обвенчался с Евгенией Фабиановной Гнесиной, преподававшей в Кружке любителей музыки и искусства, которым руководил К.С. Станиславский. В круг знакомства Савина вошли друзья жены – С.В. Рахманинов, А.Н. Скрябин, Станиславский и В.И. Качалов. Как писала сестра жены Савина – Елена Гнесина: «У нас нередко устраивались собрания, в которых принимали участие такие ученые-историки, как Покровский, Петрушевский, Виппер, знаменитый историк Ключевский и академик Виноградов. Позже в этих собраниях стали принимать участие и ученики Савина»⁴⁷⁵. Соединение людей науки и искусства у себя в доме на Собачьей площадке на Арбате – стало визитной

⁴⁶⁸ Там же. Оп. 64. Д. 366. Л. 27. См. также: *Лавровский В.М.* Александр Николаевич Савин. 1873–1923. Биографические данные. С. 8.

⁴⁶⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 27. Л. 18.

⁴⁷⁰ *Лавровский В.М.* Указ. соч. С. 8.

⁴⁷¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 27. Л. 4 об.

⁴⁷² НИОР РГБ. Ф. 70. К. 51. Ед. хр. 68. Л. 7–8.

⁴⁷³ Там же. Л. 1–2.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 8.

⁴⁷⁵ Елена Фабиановна Гнесина: Воспоминания современников. М., 2003. С. 23.

карточкой журфиксов Савина. По мнению Шаровой, Савин обладал удивительным талантом примерять людей со сложным характером: Д.М. Петрушевского, П.Г. Вииноградова, В.И. Герье, Р.Ю. Виппера. В отличие от Виппера Савин будет стремиться к контактам с молодыми учениками. В его дом будут вхожи Е.А. Косминский, В.М. Лавровский, С.Д. Сказкин, С.В. Фрязинов.

В 1903 г. после прочтения лекций «Историческая трилогия Сибома» (по собственному выбору) и «Аграрный строй Германии в XVI веке» (по предложению факультета; чтение состоялись 21 и 24 марта соответственно), которые получили оценку «весьма удовлетворительно»⁴⁷⁶, Савин стал приват-доцентом ИМУ. 18 февраля 1904 г. Савин защитил магистерскую диссертацию «Английская деревня в эпоху Тюдоров»⁴⁷⁷.

Летом 1904 г. Савин вторично отправляется в командировку в Англию, где работает над докторской диссертацией – «Английская секуляризация» – которую защищает 2 апреля 1907 г.

В мае 1907 г. историко-филологический факультет обсуждал кандидатуру Савина как третьего преподавателя на факультете. Ходатайство было составлено Виппером и Петрушевским, поддержано Ключевским, М.М. Покровским и В.К. Поржезинским. Семью голосами против одного Савин был рекомендован к занятию должности экстраординарного профессора, в которой и был утвержден в 1908 г.⁴⁷⁸, несмотря на то, что в Совете «старые» профессора попытались противопоставить кандидатуре Савина кандидатуру его учителя – Виноградова. На совете университета 18 февраля молодого историка представили коллегам. Впечатления от Совета у Савина оказались смешанные: «Мое первое впечатление было такое, что на Совете, к которому приват-доценты относятся с ироническим благоговением, ибо это святая святых, куда их в Москве никогда, даже в разгар революций, не пускали, это впечатление было неблагоприятно... Плохо слушают,

⁴⁷⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 30. Л. 22–23.

⁴⁷⁷ Там же. Д. 31. Л. 8.

⁴⁷⁸ См.: Савин А.Н. Университетские дела. С. 25–26.

разговаривают друг с другом, иногда голосуют, совершенно не зная о чем идет речь»⁴⁷⁹.

Как профессор Савин считал, что в Совете он находится в центре (к центру относил представителей своего поколения Д.Н. Егорова, С.А. Котляревского, к правым – Герье, Любавского, Грушку; к левым – Кизеветтера, Виноградова). Он считал необходимым отстаивать автономию университета и подрывать влияние политики на ход текущих занятий, однако при этом не жертвовать людьми и сохранять порядочные отношения друг с другом. При этом Виноградова, еще до 1911 года заявлявшего, что он уйдет из университета, если будет принят новый шварцевский устав, он считал слишком резонером, а кадетствующих профессоров – политиканами. «Мы, левые, - отмечал он в своем дневнике, должны показать свое умение возвыситься над партийностью правых, показать свое моральное превосходство»⁴⁸⁰.

В сентябре 1908 г. Савин вместе с большинством Совета вел борьбу с попыткам увольнения из Московского университета подписавших выборгское воззвание – С.А. Муромцева, Г.Ф. Шершеневича, С.А. Котляревского, Ф.Ф. Кокошкина, П.И. Новгородцева. В 1911 г. Савин пытался примирять уходивших в отставку с остающимися, поскольку среди ушедших были близкие к нему Петрушевский и Кизеветтер. Ситуация оказалась для него необыкновенно тяжелой: «Я вижу только один путь, самому подать прошение об отставке. Но я хорошо знаю, что этот путь, давая удовлетворение нравственному порыву, чувству товарищества, нисколько не поможет, а может быть, даже повредит университету. Пусть 30–40 штатных профессоров выйдут в отставку. На их место сейчас же либо в скором времени назначат из провинции либо из числа приват-доцентов, людей в духе «чего изволите» или прямых реакционеров и Московский университет приблизится к университету Киевскому или Одесскому. А так как профессора в духе «чего изволите» или в духе союзнических чайных обычно и по своим учено-педагогическим капиталам уступают профессорам иных направлений (есть

---

⁴⁷⁹ Там же. С. 27.

⁴⁸⁰ Там же. С. 66–67.

исключения, но в целом это неоспоримый факт), то уровень учено-педагогической жизни в Московском университете понизится. Это пустяки в сравнении с вечностью и даже с общими судьбами России. Но это очень тяжело для людей, десятки лет живущих жизнью университета, даже совершенно независимо от грубой катастрофы в личной жизни многих профессоров»⁴⁸¹.

На Совете Савин предложил уходящим на время приостановить действие своего заявления об отставке, профессор надеялся, что депутация от университета будет принята Кассо, который вернет администрации университета и уходящим профессорам их должности. Совет одобрил предложение Савина, с ним, например, согласился и уходящий Петрушевский, однако В.И. Вернадский, В.П. Сербский, В.М. Хвостов указали Совету (заседание 4 февраля) на то, что в делах совести они не могут принимать во внимание бюрократические распоряжения Совета⁴⁸². Одновременно Савин предложил всему Совету разделить ответственность за положение университета с его администрацией, однако это предложение поддержки не получило.

Не прошло и предложение просить ушедших дочитать до конца семестра свои курсы и принять экзамены. В результате на факультете, по предложению Савина, решили на следующий учебный год нагрузку ушедших оставить оставшимся и не спешить замещать их кафедры (за предложением стояли Любавский, Савин, П.И. Новгородцев)

Савин твердо решил остаться, хотя считал, что впереди университет ожидает «либо страшный разгром..., либо позорные для правительства уступки. Я считаю первый вариант более вероятным и непримиримую тактику ошибочной... Но сейчас мало верю в успех примирительной тактики. Если я скоро подам в отставку, то сделаю это исключительно из чувства товарищества, с твердым убеждением в безнадежности университетского положения, хотя конечно мое убеждение еще не достоверность»⁴⁸³. В 1911 г. у Савина сформировалось очень

⁴⁸¹ Савин А.Н. Университетские дела. С. 138.

⁴⁸² См. Шарова А.В. Указ. соч. С. 229–230.

⁴⁸³ Савин А.Н. Университетские дела. С. 144.

интересное убеждение как у ученого-академиста: «Я считаю это сплетение великим несчастьем для университета и считаю вредным заблуждением мнение некоторых подавших в отставку, что мы возвращаемся к положению 1903–1904 гг. По моему мнению, Россия еще далека от сильного революционного движения, хотя правительственная политика сильно способствует усилению и распространению политического недовольства. А сверх того, я вообще считаю вредной для университета связь между политикой и университетом. Я хорошо знаю, что эта связь неизбежна, но неизбежное зло остается злом. И, по моему мнению, долг университетского преподавателя по мере сил ослаблять эту связь»⁴⁸⁴.

Подводя итоги коллективной отставки 1911 г., Савин писал: «Февральская катастрофа провела глубочайшую борозду в истории Совета. Ушедшие в отставку совершили огромную политическую ошибку. Я не обвинял бы и не смел бы обвинить их в то, что они подали в отставку, если бы здесь у них все дело было в личном чувстве, в ощущении личной невозможности продолжать службу при данной обстановке. Но ведь к этому чувству у многих примешивался политический расчет, у некоторых этот расчет преобладал над личным чувством. Ушедшие думали, что уходом они спасут автономию. Я вовсе не хочу утверждать, что оставшись они могли спасти автономию..... и автономия и преобладание «левых» очень плохо мирится с теперешней политической и общественной обстановкой, и в руках обозлившегося правительства всегда есть средства разгромить университет. Но ушедшие облегчили правительству его задачу и помогли Любавским и Елистратовым занять председательские места, напугали профессоров профессоров, прежде всего жаждущих покоя, и отбросили их далеко направо»⁴⁸⁵.

5 марта 1917 г. на Совете Савин выступил с предложением вернуть ушедших в 1911 г. в отставку⁴⁸⁶. Фактически Савин выступил посредником между ректором Любавским и ушедшими. Все ушедшие потребовали, чтобы их вернули на

---

⁴⁸⁴ Там же. С. 151–152.

⁴⁸⁵ Савин А.Н. Университетские дела. С. 176.

⁴⁸⁶ Богословский М.М. Дневники. С. 320.

прежние места без выборов. Савину не понравилась позиция ушедших коллег. Он отметил в дневнике, что среди профессуры преобладают «мелкие счеты и расчеты в те дни, когда мы объяты вихрем красных и черных катастроф»⁴⁸⁷. В «кадетообразном» Совете Савин был назначен проректором 30 сентября 1917 г. При разрушении университета, благодаря хорошим личным отношениям с А.В. Луначарским и М.Н. Покровским, которые сформировались еще в студенческие годы, он сумел сохранить за собой в университете все позиции и даже получил возможность выехать в заграничную поездку в Лондон, в ходе которой у умер.

В университете Савин читал общий курс по истории Реформации (в официальном расписании назывался Истории Западной Европы в XVI в.: 1908–1909; 1910–1911, 1911–1912; 1914–1915), средним векам (1911–1912 – История Западной Европы в XIV и XV вв.; 1912–1913 – История западной Европы в XI–XIII вв.; 1913–1914 – История Западной Европы в эпоху Каролингов) специальные курсы по истории Англии XVII в. (1907–1908, 1909–1910, 1917–1918) и истории Англии в средние века (1915–1616), истории Германии во второй половины XIX в. (1910–1911), Истории Франции эпохи Людовика XIV (1912–1913), Французской революции (1914–1915, 1915–1916). Как вспоминал С.Д. Сказкин: «Его лекции с внешней стороны не были блестящи, и надо заметить, что для той области, в которой он работал, это скорее достоинство, чем недостаток. В погоне за изысканной формой здесь чаще, чем где либо, можно забыть истину; в блеске смелых и широких обобщений может исчезнуть капризная, сложная, подчас неуловимая историческая действительность. А в своих лекциях А.Н. всегда давал почувствовать эту сложность и трудность решения исторических вопросов. Подчеркивая всегда свое тяготение к обобщающему методу, он был очень осторожен, делая обобщения. И на кафедре он оставался прежде всего ученым, выносившим сюда все свои сомнения и искренно говорившим «не знаю» в тех случаях, когда это легко можно было обойти молчанием или удачно сказанной фразой. Сознательно воздержаться от решения вопроса при недостатке материала

---

⁴⁸⁷ Савин А.Н. Университетские дела. С. 445.

он считал большей заслугой, чем дать необоснованное решение»⁴⁸⁸. Осторожная манера чтения лекции Савиным приводила к тому, что его охотнее слушали специализирующиеся на всеобщей истории, чем начинающие. «Этими особенностями его манеры преподавания и предмета преподавания, – считал Сказкин, – объясняется также и то, что он не читал общих курсов в обыкновенном смысле этого слова. Задачей своих курсов он считал ознакомление и разбор важнейших явлений истории во всех их сложности и во всех направлениях современного научного исследования. Даже тогда, когда ему временно пришлось читать курс по средним векам, он сюда перенес свободу обычную манеру, посвящая, например, целые курсы феодализму XI–XIII в. или одной социально-экономической истории позднего средневековья»⁴⁸⁹.

С чтением специальных курсов Савин соединял семинары для старшекурсников. Иногда для того, чтобы получить доступ в семинар нужно, было отчитаться о прослушанном курсе, что студенты делать не любили. В семинарах⁴⁹⁰ Александр Николаевич был чрезвычайно строг: «У А.Н. на семинариях бывало мало участников. Студенты, желавшие поскорее получить зачет, к нему не шли потому, что «у Савина в семинарии трудно работать»: Надо было сдавать зачет по его курсам, иногда еще и специальный коллоквиум. Трудны были самые темы. Они требовали чисто исследовательской работы над новым материалом»⁴⁹¹. Студенты обычно собирались на семинар заранее и сами читали доклад до прихода Савина. Затем профессор лично подробно анализировал доклад участника семинарской работы на что уходило еще 2 часа. По мнению Сказкина, рецензия Савина была содокладом, поскольку он вместе с учеником выполнял ту же работу, погружаясь в нее досконально и правя даже ссылки работы.

---

⁴⁸⁸ Сказкин С.Д. А.Н. Савин, как учитель // Памяти Савина. М., 1923. С. 51–52.

⁴⁸⁹ Там же. С. 52.

⁴⁹⁰ 1911–1912 – просеминарий по религиозной истории Европы XVI в.; 1912–1913, 1914–1915 – семинарий по истории Французской революции; 1913–1914 – семинарий по немецкой истории XVI в.; 1917–1918 – семинарий по истории английской революции; 1917–1918 – просеминарий по истории Западной Европы в XX в.

⁴⁹¹ Сказкин С.Д. А.Н. Савин, как учитель. С. 52.

С 1915 г. Савин организовал специальный семинар для старших учеников, куда входил устойчивый круг учеников, специализировавшихся у профессора. Темами избирались русско-германские отношения (1915–1916 гг.), Великая хартий вольностей, Английская революция, Парижская коммуна. «Семинарий по русско-германским отношениям во второй половине XIX в. был исключительно интересный, – вспоминал Сказкин. – Здесь мы впервые познакомились с тем, как должен историк ставить и исследовать вопросы международных отношений, исходя из узкого круга дипломатических переговоров и документов и постепенно расширяя свое изучение до пределов общих исторических условий в жизни отдельных элементов этих отношений: обществ и государств. Нами были изучены основные этапы русско-германских отношений: крымская война на фоне реакции в Пруссии, Польское восстание 1863 г., Тревога 1875 г., Русско-турецкая война 1877 г., Берлинский конгресс 1878 г., Двойственный союз 1879 г. и наконец история русско-германских отношений при Александре III. Использовано было все, что тогда в 1915–1916 г. можно было достать: документы, мемуары, переписка, парламентские дебаты, газеты и журналы. Сам заинтересованный работой А.Н. при первой же возможности перешел к архивной работе по истории русско-пруских отношениях при Николае I. Наша совместная с А.Н. работа продолжалась и потом с небольшим перерывом в голодные 1919–20 годы, когда многих из нас не было в Москве»⁴⁹². Отметим, что книга Сказкина «Русско-австрийский союз» в целом нехарактерная для творчества историка, судя по всему обязана своим происхождением работе Сказкина в этом семинаре.

Из специального семинара Савина вышел кружок, который стал заниматься историей 1-й мировой войны. Тяготение студентов к Савину объяснялось его неавторитарным стилем руководства. Привлекал даже «принципиальный скептицизм» Савина, ориентировавшегося, по мнению учеников, на Эразма Роттердамского, которого в собственном курсе Савин охарактеризовал следующим образом: «Это был литератор и историк, привыкший схватывать

---

⁴⁹² Сказкин С.Д. А.Н. Савин, как учитель. С. 54–55.

отношения и сложность вещей, не доверяющий решительным доводам и узкому догматизму»⁴⁹³.

Сам Савин очень много внимания уделял организации семинара. Благодаря его усилиям у семинара появился организатор из младших преподавателей (Е.А. Косминский) и свое помещение. Савин явно наследовал отношение к студентам, которое он сам видел в семинарах и кружке Виноградова. Однако в сравнении с Савиным уже Виноградов казался более авторитарным преподавателем, как в более раннее эпоху Виноградов относительно Герье. Впрочем, благодаря Савину на историко-филологическом факультете явно развивался семинар как тип занятия.

Савин подписал прошение об оставлении на кафедре К.Р. Симона (1911), С.В. Фрязинова (1913), В.М. Лавровского (1914), С.Д. Сказкина (1915), Б.И. Кулакова (1916). Из всех оставленных только Лавровский и Сказкин в 1917 г. сдали магистерские экзамены. Лавровский, Сказкин и Фрязинов стали академическими учеными в СССР. Кулаков рано погиб, судьба Симона нам неизвестна.

7.6. М.М. Богословский как профессор Московского университета

Фигура Богословского оказалось очень сложной для историографического изучения. С одной стороны, сам профессор Московского университета сделал чрезвычайно много, чтобы сохранить о себе память, фактически самостоятельно создав очень удобный для изучения собственной творческой деятельности личный архивный фонд. Однако, с другой стороны, обращение к материалам этого фонда стало активным лишь с времен Перестройки⁴⁹⁴, что происходило благодаря усилиям Археографической комиссии АН под руководством С.О. Шмидта⁴⁹⁵, готовящей к изданию труд жизни Михаила Михайловича – «Петр Великий. Материалы к биографии». По инициативе Шмидта также было инициировано

---

⁴⁹³ Там же. С. 55.

⁴⁹⁴ Черная Л.А. Введение // *Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие)* / сост. Л.А. Черная; отв. ред. А.И. Калибанов. М., 1987. С. 3–12.

⁴⁹⁵ В 2000 г. проведена конференция памяти М.М. Богословского. См.: Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 247–251.

издание дневников Богословского⁴⁹⁶. В результате введения в научный оборот материалов творческого наследия Богословского стали появляться отдельные статьи, посвященные ученому (Т.И. Халина), а также кандидатские диссертации, где профессор Московского университета оказался в центре внимания (О.Г. Пивоваровой⁴⁹⁷ и А.В. Мельникова⁴⁹⁸). Таким образом, работа начатая старшими⁴⁹⁹ и младшими⁵⁰⁰ коллегами Богословского, была подытожена в самом начале XX вв. В современных исследованиях Богословский представлен как наследник традиций старшего поколения профессоров Московского университета, который бережно и аккуратно вносил частные изменения в систему преподавания истории в Московском университете.

Михаил Михайлович Богословский родился 13 марта (по старому стилю) 1867 г. О.Г. Пивоварова обратила внимание на особенности положения детей в семье родителей Богословского. Отец историка – Михаил Михайлович – и его мать – Мария Серафимовна – не могли повечаться, поскольку мать была замужем за мужчиной, с которым она вместе не жила (по свидетельству родственников, муж от нее ушел), а установить его местонахождение родители Богословского не могли. Этим объясняется тот факт, что Михаил, его брат Сергей и сестра Мария⁵⁰¹ долгое время жили отдельно от родителей и лишь позже отец официально усыновил своих детей⁵⁰². С родителями дети проводили в основном летнее время на даче – в Одинцово.

⁴⁹⁶ *Богословский М.М.* Дневники. 1913–1919. М., 2011.

⁴⁹⁷ *Пивоварова О.Г.* Русская история в трудах М.М. Богословского: дис. ... канд. истор. наук. М., 2006.

⁴⁹⁸ *Мельников А.В.* Архивное наследие академика М.М. Богословского (1867–1929 гг.): Реконструкция и научное использование: дис. ... канд. истор. наук. М., 2006.

⁴⁹⁹ *Сыромятников Б.И.* Памяти М.М. Богословского. 1867.20/IV – 1929 г. // Ученые записки Казанского университет. Казань, 1929. Кн. 2. Отд. 5. С. 394–396; *Ljubavskij M.K Michail Michajlovic Bogoslovskij // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte.* Berlin, 1931. Bd. V (Neue Folge, Bd. 1). Hf. 1. S. 161–164. О неизданных некрологах, посвященных Богословскому см.: *Мельников А.В.* С.Ф. Платонов: Неизданный некролог М.М. Богословскому // Археографический ежегодник за 1998 г. М., 1999. С. 388–392. *Мельников А.В.* М.М. Богословский в воспоминаниях современников // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 280–300.

⁵⁰⁰ *Черепнин Л.В.* Академик Михаил Михайлович Богословский // Исторические записки. М., 1974. Т. 93. С. 223–271.

⁵⁰¹ В дальнейшем выйдет замуж за историка С.К. Богоявленского.

⁵⁰² *Пивоварова О.Г.* Русская история в трудах М.М. Богословского. С. 13–14.

В 1886 г. Богословский окончил 5-ю московскую гимназию. О годах, проведенных в средней школе он вспоминал: «Гимназия не научила нас как следует ни древним языкам, на которые обращалось огромное внимание, ни тем более новым, бывшим в совершенном загоне, и это последнее зло было значительно горше первого. Вообще, знаний гимназия дала нам не очень много, но она, несомненно, выучила нас работать, приучила не бояться ответственности, закалила, за это я ей бесконечно благодарен». Благодаря самостоятельным занятиям Богословский настолько основательно проштудировал первые тома многотомного труда С.М. Соловьева, что для него «никаких затруднений не составляла генеалогия князей Рюрикова дома»⁵⁰³.

В университет Богословский поступил с интересами историка: в гимназии он считался первым учеником по истории, его наставником был И.А. Лебедев, когда-то тот самый студент, который отказался на одном из первых семинаров Герье прочесть предложенную ему книгу. Рефлексируя над полученным образованием в университете, Богословский считал, что основы профессии дали ему Герье, Виноградов и Ключевский. «Этим троим учителям, – писал Богословский – я одинаково обязан и вспоминаю их с одинаковой благодарностью». Когда один из студентов, указав на Ключевского, заявил, что «Вот единственный, из-за которого стоило поступать на исторический факультет», то Богословский особо подчеркнул, что на факультет стоило идти не из-за одного, а именно из-за троих⁵⁰⁴.

У Герье Богословский особенно выделял лекционные занятия, прежде всего курс по истории Реформации⁵⁰⁵. Профессор импонировал «широтой кругозора, умением ввести в изучаемую эпоху, ... открывал двери университетской науки,

⁵⁰³ *Богословский М.М.* В.О. Ключевский как ученый (Речь, произнесенная в торжественном заседании Исторической комиссии О[бщества] р[аспространения] т[ехнических] з[наний], посвященном памяти В.О. Ключевского 30 сентября 1911 г.) // *Историография, мемуаристика, эпистолярная*. М., 1987. С. 22.

⁵⁰⁴ *Богословский М.М.* В.О. Ключевский как ученый. С. 22.

⁵⁰⁵ *Черепнин Л.В.* Академик М.М. Богословский // *Отечественные историки XVIII–XIX вв. Сб. ст., выступлений, воспоминаний*. М., 1984. С. 94.

производил целый переворот в историческом мировоззрении вступающих в университет гимназистов»⁵⁰⁶.

У Виноградова Богословский прослушал курс греческой истории в осеннем полугодии 1886 г., средневековой истории (разрушение римской империи в весеннем полугодии 1887 г.) и участвовал в его семинарских⁵⁰⁷ и просеминарских занятиях. Студент был настолько хорошо знаком преподавателю, что тот отказался слушать его на государственных экзаменах и сразу поставил отличную оценку: «Господин Богословский, я вас спрашивать не буду, потому что хорошо вас знаю по вашим постоянным работам у меня в семинарии»⁵⁰⁸.

Ключевского Богословский впервые услышал на 3 курсе. Однако никаких личных контактов у Богословского с Ключевским до окончания курса не было. Сочинение Богословского, за которое он получил золотую медаль («Писцовые книги, их происхождение, состав и значение в ряду источников истории Московского государства XV, XVI, XVII веков»)⁵⁰⁹, дало ему право быть оставленным при университете. Нужна была рекомендация профессора. По совету ученика Виноградова – Ф.А. Смирнова, Богословский по собственной инициативе посетил Ключевского в его приемные дни и часы на дому.

Смирнов «передал мне о своем разговоре с Василием Осиповичем, в котором Василий Осипович изложил свой лестный отзыв о моем сочинении. Смирнов посоветовал мне не дожидаться шагов со стороны Василия Осиповича, так как это ожидание было бы тщетным. Я послушался доброго совета и в один из ноябрьских или декабрьских воскресений утром, когда обыкновенно принимал Василий

---

⁵⁰⁶ Там же. С. 94.

⁵⁰⁷ «С величайшей благодарностью помню о семинарах П.Г. Виноградова. Они давали для самостоятельной работы в области истории подготовку и выправку. Они приучали обращаться с источниками и пользоваться ими, они научили приемам критики и приемам конструкции на основании памятников. Эти навыки приобретались и путём упражнения при постоянной работе в семинарии, но, может быть, главным образом, здесь действовал пример учителя. Наблюдая его за той серьезной и вдумчивой работой над историческим памятником, которую он в нашем присутствии проделывал в семинарии, мы, может быть, бессознательно усваивали или старались усвоить те же методы и приемы. Павел Гаврилович был для нас высоким образцом в историческом мастерстве». АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 3. Л. 12 об.

⁵⁰⁸ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 232.

⁵⁰⁹ Написано под псевдонимом.

Осипович, отправился к нему»⁵¹⁰. «Я был принят очень любезно. Едва я только сказал, что желал бы заниматься русской историей и пришел попросить совета и указаний, как Василий Осипович ответил певуче, растягивая слова: «Что ж, отлично, вашим сочинением вы показали, что материал сырой и сухой вас не пугает. Я писал в своем отзыве, что это одно из самых лучших сочинений, которые мне приходилось читать, а ведь сколько их за свою жизнь я перечитал!»⁵¹¹.

Представление Богословского, написанное Ключевским, – это первое представление, инициированное лично Василием Осиповичем: «Честь имею предложить факультету ходатайствовать об оставлении при Университете на 2 года для приготовления к испытанию на степень магистра русской истории, окончившего курс наук по историко-филологическому факультету, в мае текущего года Богословского Михаила, который, состоя студентом, обнаружил выдающиеся способности, представил факультету состязательное сочинение о писцовых книгах, удостоенное золотой медали, и в сентябре текущего года с отличным успехом окончил экзамены в Испытательной комиссии. Богословскому Михаилу могла бы быть назначена стипендия С. М. Соловьева, которая с 1-го ноября остается свободной. К сему честь имею присовокупить, что Богословский удовлетворительно знает оба новых языка, немецкий и французский»⁵¹². Инструкция занятий Богословского, написанная Ключевским, очень подробна в отличие от более лапидарных для других оставленных: «Приняв во внимание заявление Богословского об отделах русской истории, на которых он желал бы сосредоточить особенное внимание, я признаю возможным предложить ему такой порядок занятий избранным им предметам:

1) изучение источников древней русской истории он начнет с древнейших летописных сводов и памятников русского права, при чем обратит особенное внимание на летопись по Лаврентьевскому списку, Русскую Правду и Псковскую

⁵¹⁰ *Богословский М.М.* [Ключевский – педагог]. С. 46.

⁵¹¹ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 23.

⁵¹² ЦГА. г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 16. 1889. Л. 66.

Судную Грамоту, на их состав и источники, а также на то, что дают эти памятники для изучения государственного устройства Древней Руси

2) изучая удельный период, он сосредоточит свое внимание на взаимных отношениях князей того времени, руководствуясь преимущественно духовными и договорными грамотами князей XIV и XV в.

3) при изучении внешних отношений Московского государства нахожу полезным критическое изучение изданных документов, относящихся к борьбе Московского государства и с Польско-Литовским при государях московских Иоанне III, Василии III и Алексее Михайловиче

4) Изучая документы, объясняющие устройство Московского государства, г. Богословский обратит особенное внимание на писцовые книги и в связи с ними изучит положение крестьян в Московском государстве, причем выяснит происхождение крепостного их состояния. Другим вопросом, разрешением которого он займется при изучении устройства Московского государства, послужит ему склад центрального и областного управления, причем он обратит особенное внимание на состав и значение Боярской думы

5) Соответственно программе изучения истории Московского государства XV–XVII вв. он и при изучении истории России XVIII и XIX столетия обратит особенное внимание: 1) на историю разделов Польши 2) на устройства областного управления в России при Петре I и Екатерине II 3) на устройство центрального управления в царствование Александра I

Более подробные указания на порядок занятий и на учебные пособия для изучения означенных источников и отделов русской истории будут даны г. Богословскому при установлении факультетского надзора за его занятиями, если предложение об оставлении Богословского будет принято начальством. Но само собой разумеется, что при изучении означенных специальных вопросов г. Богословский будет иметь в виду весь ход русской истории, для изучения коего я признаю лучшим средством внимательное чтение «Истории России» Соловьева»⁵¹³.

⁵¹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 16.

Будучи профессорским кандидатом и готовясь к магистерским экзаменам (1891–1894 гг.) Богословский, с одной стороны, поддерживал контакты с Виноградовым, будучи одним из членов кружка павликан, участвовал в работе археографической комиссии Московского археологического общества, то есть был втянут в научную жизнь рядом с университетом, но, с другой, после смерти отца вынужден был служить управляющим в имении графа Олсуфьева, что не давало ему возможности быстро подготовиться к сдаче экзаменов.

Магистерские экзамены Богословский сдавал в 1894–1895 гг. и сделал это успешно. 7 сентября он подал прошение с просьбой допустить его к экзаменам⁵¹⁴. 21 сентября он отвечал Ключевскому на вопросы по древней (весьма удовлетворительно)⁵¹⁵; 5 октября – по новой русской истории (весьма удовлетворительно). 15 марта Богословский сдал экзамен по всеобщей истории Виноградову; 20 сентября А.И. Чупрову – по политической экономии.

Для получения звания приват-доцента Богословский прочел 11 февраля 1898 г. по собственному выбору лекцию «Значение реформ Петра Великого в истории русского дворянства», а по назначению факультета 4 марта 1898 г. лекцию «Русская Правда как исторический источник». Читения были признаны успешными.

22 ноября 1903 г. в актовом зале Московского университета состоялась защита Богословским магистерской диссертации на тему «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг.»⁵¹⁶. Официальными оппонентами выступили М.К. Любавский и приват-доцент А.А. Кизеветтер.

С одной стороны, Богословский в своей диссертации корректировал идеи Милюкова о том, что в петровских реформах не видно личности реформатора. Богословский показывал, что при проведении реформ император сознательно брал опыт местного управления Швеции – той страны, с которой Россия боролась в течение долгих лет, что вызвало детальное изучение ее военного, промышленного

---

⁵¹⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 16. Л. 22 об.

⁵¹⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 16. Л. 25 об.

⁵¹⁶ Там же.

и административного потенциала. С другой, из лекций Ключевского Богословским был взят теоретический тезис о том, что идеи реформ корректировались жизнью.

В 1909 г. Богословский защитил докторскую диссертацию «Земское самоуправление на Русском Севере»⁵¹⁷. В исследовании освещалась структура и функции органов земского самоуправления на Русском Севере, их взаимоотношения друг с другом и с государством. Также в центре внимания Богословского находились различные группы населения, проживающие на Русском Севере, их образ жизни, рассматривались вопросы землепользования.

Как было отмечено в характеристике трудов Богословского в 1917 г., «магистерская и докторская диссертации Богословского заняли своё место среди той классической научной литературы по русской истории, которая образует циклы необходимого изучения в области этого предмета наряду с трудами Соловьёва, Кавелина, Чичерина и других»⁵¹⁸.

После защиты диссертации Богословским и неудачи в решении вопроса о возведении в профессорство А.А. Кизеветтера, с инициативой о выдвижении на должность экстраординарного профессора Богословского выступил Любавский. 15 марта 1911 г. Любавский поднял вопрос о 2-м штатном преподавателе кафедры российской истории на факультетском заседании⁵¹⁹. После положительного решения вопроса на факультете Любавский написал прошение в МНП⁵²⁰. На заседании факультета 19 апреля было зачитано согласие министра Л.А. Кассо от 5 апреля⁵²¹, в котором он предлагал назначить экстраординарного профессора МДА, приват-доцента ИМУ, доктора русской истории Богословского экстраординарным профессором. Богословский был назначен на должность 4 сентября 1911 г.⁵²² 24 сентября 1911 г. в университет было доложено о решении министра. С 1 июня 1915 г. Богословский стал ординарным профессором⁵²³.

⁵¹⁷ Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1909.

⁵¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 67. Д. 164. Л. 48–49.

⁵¹⁹ Там же. Оп. 476. Д. 38. Л. 30–31 об., 39 об., 60.

⁵²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 66. Л. 16–16 об; 18–20.

⁵²¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 67. Д. 164. Л. 33–33 об., 35, 58 об.

⁵²² ЦГА г. Москвы. Оп. 249. Д. 103. С. 149–149 об.

⁵²³ ЦГА г. Москвы. Оп. 476. Д. 38. Л. 30–31 об., 39 об, 60.

По мнению современников (С.В. Бахрушин, М.К. Любавский), педагогическая деятельность Богословского определяла его научное кредо. Так, Любавский считал, что Богословский «публиковал преимущественно лишь то новое, что получало обработку на лекциях в университете и на занятиях в семинариях по русской истории»⁵²⁴. В этом отношении Богословский, действительно, напоминал Ключевского⁵²⁵. Главное отличие заключалось в том, что Богословский считал уровень специализации в исторической науке таковым, что создание обобщающих работ в традициях Соловьева-Ключевского уже невозможно. Сам Богословский как исследователь хотел на новой источниковой базе так изучить жизнь Петра, чтобы подвести итоги дискуссиям о роли преобразователя в реформах начала XVIII в.

Преподавание в университете он начал курсами по истории реформ Петра (Реформа Петра Великого в русской историографии, 1898–1899; История реформы Петра, 1900–1901), затем стал читать лекции по истории России в XVIII веке за 1725–1762 гг. (1901–1902; 1902–1903), один раз он прочел курс по истории русского дворянства в XVIII–XIX вв. (1899–1900). Став профессором, Богословский читал курс Истории XIX в. (1911–1912), общий курс по Древней русской истории (1912–1913), общий курс по истории XVIII в. (1914–1915, 1917–1918: соединил в курсе XVIII и XIX вв.)

По воспоминаниям Н.М. Дружинина, «Михаил Михайлович читал раз в неделю в Богословской (ныне Коммунистической) аудитории Московского Университета. Его слушала полная аудитория: тут были не только первокурсники, но и студенты старших курсов, ценившие содержание и фактическое изложение любимого профессора. Лекции Михаила Михайловича отличались простотой: в отличие от некоторых профессоров, которые щеголяли эффектностью своей речи,

⁵²⁴ Цит. по Мельников А.В. Указ. соч. С. 197. *Ljubavskij M.K. Michail Michajlovic Bogoslovskij // Zeitschrift fur osteuropaische Geschichte. Berlin, 1931. Bd. V (Neue Folge, Bd. 1). Hf. 1. S. 161–164.*

⁵²⁵ Богословский читал в университете следующие курсы: Реформа Петра Великого в русской историографии (1898–1899), История реформы Петра (1900); История русского дворянства в XVIII и XIX вв. (1899–1900), История России в XVIII в. (1901–1902; 1902–1903, 1914–1915), История России в XIX в. (1911–1912); История России в XVII и XVIII в. (1917–1918), Древняя русская история (1912–1913).

он чуждался всякой аффектации, не прибегал к цветам красноречия, говорил спокойно и неторопливо. Его основной задачей было передать аудитории определённую, строго продуманную сумму фактов, которые связывались в единое целое. Курс был очень фактичным, но он никогда не был перегружен излишними деталями. Слушатели получали самое основное, самое важное... Всё было изложено очень точно и необычайно ясно... Он выступал перед нами как опытный педагог, который взвешивал реакцию аудитории и старался вложить в сознание необходимые знания по соответствующему периоду. Ни один университетский курс не укладывался в сознании так быстро и так прочно, как курс М. М. Богословского. За профессором было легко записывать его речь, и то, что записывалось, при повторном чтении и запоминании было систематическим и стройным. ... Вспоминаю, как на втором курсе я слушал и записывал его курс, посвящённый древнему периоду русской истории. Здесь было уделено место основным контroversам исторической науки, рассматривались и оценивались различные точки зрения, приводились подробные аргументы в пользу того или иного вывода. Но на первом плане были сами факты исторической жизни»⁵²⁶.

Сам Богословский лекциям предпочитал семинары. Как приват-доцент Богословский начал с практических занятий по истории Петра I (1900–1901; с 1907–1908 – семинар), которые он затем дополнил изучением его преемников (1901–1902; 1902–1903; в 1909–1910 – семинар; в 1914–1915 гг. просеминар; в 1917–1918 – просеминар). С 1904–1905 учебного года Богословский вел занятия по Русской Правде (1905–1906; 1908–1909; 1912–1913), один раз, взяв один в качестве источника для разбора на семинаре Псковскую судную грамоту (1916–1917). Один раз (1908–1909) Богословский руководил семинаром по XVI в. Будучи профессором, Богословский для семинарских занятий избирал XIX в. (отмена крепостного права– 1911–1912; эпоха Александра I – 1912–1913), один раз вел семинар по истории Русского Севера (1914–1915) и один раз – семинар по истории Новгородской земли (1917–1918).

---

⁵²⁶ АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–14.

Дружинин свидетельствовал: «Просеминарий по Русской Правде был предназначен для начинающих студентов, но в числе первокурсников были не только вчерашние гимназисты, но и более зрелые студенты, проходившие раньше курс других факультетов. И для всех одинаково просеминарий Михаила Михайловича давал необыкновенно много. Первое учебное полугодие Михаил Михайлович, сидя на кафедре, спокойно и вдумчиво, своим проникновенным голосом, читал и обстоятельно толковал каждую статью Русской Правды. Это были уроки научного анализа древнего трудного текста, требовавшие привлечения разных источников и ссылок на разнообразные монографии. Участники просеминария внимательно слушали профессора и записывали объяснение. Время от времени тот или иной студент задавали вопросы, которые сейчас же находили себе разрешение»⁵²⁷. Во 2-м семестре слушались доклады. Мемуарист отмечал, «сама внешняя обстановка такого занятия напоминала настоящий научный диспут, какие мы наблюдали в Университете во время защиты магистерских и докторских диссертаций. Докладчик сидел на кафедре, а перед кафедрой, впереди студенческих скамей, стоял стол, за которым находились официальные оппоненты. Сам руководитель занятий садился поодаль и в течение всего занятия незаметно, но умело руководил обменом мнениями, стараясь не выдвигаться и не навязывать своих взглядов. По окончании спора, в котором принимали участие и неофициальные оппоненты, из числа всех желающих, Михаил Михайлович подводил итоги и давал оценку докладу и выступлениям оппонентов. Указания и особенно заключительные резюме Михаила Михайловича давали очень много: они помогали правильно подходить к источнику, извлекать из него всё необходимое и предостерегали от поверхностных обобщений. Раскрытие конкретного явления стояло на первом плане»⁵²⁸. Богословский стремился к тому, чтобы участники в семинаре самостоятельно определяли его направление. После окончания занятий в группе Дружинина, он заметил: «Я особенно рад, что в этом году мой просеминарий оказался «оркестром без дирижёра»⁵²⁹.

⁵²⁷ Там же. Л. 7. Цит. по: *Пивоварова О.Г.* Указ. соч. С. 38.

⁵²⁸ АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 8. Л. 9. Цит. по: *Пивоварова О.Г.* Указ. соч. С. 38.

⁵²⁹ АРАН Ф. 636. Оп. 2. Д. 8. Л. 14.

Богословский много работал с учениками. Он не проводил семинаров на дому, предпочитая индивидуальные беседы со студентами и оставленными, но в 1916 году в связи с юбилеем Герье настоял на возрождении Исторического общества, которое, по его мнению, было необходимо для оставленных при университете молодых людей.

Подпись Богословского стоит на представлениях об оставлении И.А. Голубцова (1910, совместно с М.К. Любавским), Ю.С. Ильина (1912), В.С. Бартенева (совместно с Ю.В. Готье), Л.И. Львова (1915), А.А. Новосельского, И.Ф. Рыбакова (1915), А.М. Фокина (1915); И.И. Иванова-Полосина (1916; совместно с М.К. Любавским и Ю.В. Готье); В.К. Никольского (1916; совместно с М.К. Любавским и Ю.В. Готье); В.К. Яцунского (1916).

Из всех оставленных к магистерским экзаменам до середины 1917 г. приступили Новосельский и Яцунский (1917), ставшие впоследствии крупными советскими историками. Голубцов, В.К. Никольский, Иванов-Полосин (Л.В. Черепнин реальным учителем ученого называл А.И. Яковлева) также впоследствии сказали академическими учеными. Львов, подававший большие надежды, эмигрировал за границу.

7.7. И.И. Иванов как профессор Московского университета

Научная биография и научное творчество И.И. Иванова исследованы недостаточны. Из последних работ нужно отметить статью об историке Т.Н. Ивановой⁵³⁰.

После окончания гимназии в Вязьме (1882) Иванов поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Специализировался студент на историческом отделении, во время обучения в университете он много общался с Корелиным и Виппером, бывал на вечерних семинарах Герье, хотя его медальные сочинения были посвящены литературе и философии («Гамлет и его толкователи в английской и немецкой литературах», «Нравственное учение у

---

⁵³⁰ *Иванов Т.Н.* Иван Иванович Иванов в контексте исследования научной школы В.И. Герье // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 58–63.

стойков»). В 1886 г. Герье оставил Иванова на кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию⁵³¹. Герье просил для Иванова стипендию министерства народного просвещения, но после отказа из столицы Иванов был оставлен на два года без содержания⁵³².

В марте 1889 г. Иванов подал прошение о сдаче магистерских экзаменов, которые проходили у него 19 апреля (по древней истории, принимали Герье и Виноградов), 4 октября (средние века и новое время), 15 ноября (русская история у Ключевского и политическая экономия – у Чупрова)⁵³³. После сдачи экзаменов Иванов задумался над темой диссертации. Первоначально он писал работу, посвященную наказам депутатам в Генеральные штаты, однако после переговоров с Герье остановился на теме «Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века»⁵³⁴.

В 1893 г. Иванов стал приват-доцентом в Московском университете, прочтя две пробные лекции⁵³⁵. Первую лекцию – «Мильтон, как предшественник публицистов XVII века» (по собственному желанию) – Иванов прочел 3 марта. Как свидетельствовал Корелин, лекция представляла собой выборку цитат из «Мильтона и «просветителей» с целью показать, что последние не пошли дальше первого, причем были пропущены деисты и Вольтер. «Исторического смысла нет; прямые ошибки; приписал Мильтону учение о договорном происхождении государства, а также утверждение, что веротерпимость неизвестна энциклопедистам»⁵³⁶, – утверждал Корелин. Вторая лекция – «Теория прогресса в XVIII веке» (по назначению факультета), прочитанная Ивановым в апреле, понравилась Корелину больше. «Составлена очень хорошо, – писал Михаил Сергеевич. – Отрицатели прогресса Руссо и Мабли стоят в связи с террором,

⁵³¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 13. Л. 13.

⁵³² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 13. Л. 16–16 об. В 1888 г. Виноградов предложил дать Иванову стипендию С.М. Соловьева. Л. 39 об.

⁵³³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 13. Л. 12, 14, 32 об., 40–41, 48.

⁵³⁴ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 44. Ед. хр. 50. Л. 1–2. Подробнее см. *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра истор. наук. Казань, 2011. С. 555–568.

⁵³⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20.

⁵³⁶ *Корелин М.С.* Дневник. С. 335.

который магически вытекает из этого отрицания. У Иванова хорошо изложено учение, но связь только формулирована. Сторонники прогресса – Тюрго и Кондорсе»⁵³⁷.

Решение о приеме Иванова в число приват-доцентов совпало с завершением написания диссертации, поскольку в начале учебного года Иванов попросил о выделении суммы для напечатания его труда⁵³⁸. 8 марта 1895 г. Иванов получил положительный отзыв о своей работе Герье и Стороженко⁵³⁹, а 15 марта 1895 г. он защитил магистерскую диссертацию.

Диссертация вызвала вопросы. Смущало историков и то, что Иванов не работал во Франции (он не поехал в заграничную командировку) и не владел методом строгой исторической критики. Последовательным критиком Иванова был Корелин. Его смущало, что Иванов преувеличил значение театра для формирования политических взглядов современников французской революции. Еще только на этапе подготовки диссертации, когда Иванов в боборыкинском кружке у Муромцева читал главы из работы, Корелин записал для себя, что представления Иванова о том, «что театр был исключительным проводником демократических идей в массу» – это «вздор и книга выйдет, вероятно, плохая»⁵⁴⁰. В октябре 1894 г. Корелин понял, что Герье пропускает диссертацию: «Герье заметно стареет: он пропускает Иванова, сознавая невозможность его диссертации, потому что трудно и хлопотно писать отзыв для провала»⁵⁴¹. Впечатание от диспута Иванова 15 марта Корелин передал следующим образом: «15-го диспут Иванова, которого жестко разнес Герье, доказавши, что его книга произведение риторическое и заключает в себе не историю, а фантазмогорию. Все это совершенно справедливо, но не следовало давать степени»⁵⁴². Иванов хотел

⁵³⁷ Там же. С. 340.

⁵³⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 31. Позже в 1895 г. Иванов просил дополнительную сумму на допечатывание работы. См.: Там же. Д. 22. Л. 1 об.

⁵³⁹ Там же. Л. 12.

⁵⁴⁰ Корелин М.С. Дневник. С. 366.

⁵⁴¹ Там же. С. 394.

⁵⁴² Там же. С. 406. При этом вряд ли права Иванова, утверждающая, что Корелин проголосовал против. См.: Иванова Т.Н. Иван Иванович Иванов. С. 60. В дневниковой статье о впечатлениях

показать распространение идей Просвещения в массы через театр, однако его методы работы с источниками и выводы исследования показались оппонентам легковесными.

На творчестве Иванова в 1890-е гг. заметно сказалось занятие журналистикой и литературной критикой⁵⁴³. Он стал талантливым популяризатором исторического знания, что признавали его коллеги. Однако сам Иванов хотел оставаться в науке. 14 октября 1901 г. он защитил в Московском университете докторскую диссертацию «Сен-Симон и сен-симонизм», для чего восстановил плотные контакты с Герье⁵⁴⁴. Рецензию от факультета на работу написал Вишпер⁵⁴⁵, оппонентами на защите диссертации выступили Герье и Вишпер, неофициально на защите никто не выступал. Докторская степень позволила Иванову стать экстраординарным (с 1905 г.); в затем – ординарным (с 1906 г.) профессором кафедры всеобщей истории в Одессе. Назначение на должность он получил благодаря хлопотам Герье, который ходатайствовал за Иванова перед Е.Н. Щепкиным, который выполнял посреднические функции при устройстве Иванова⁵⁴⁶. В 1908 г. ученый был назначен директором Лицея князя Безбородко в Нежине.

В 1913 г. Иванов вернулся в Москву, став сверхштатным профессором кафедры всеобщей истории Московского университета (до 1917 г.) по назначению министра. В университете он читал курсы по истории XVIII и XIX вв. в бытность приват-доцентом до революции 1905 г. (культурная история XVIII в.; культурная история Франции в XIX в.; социальный вопрос в Западной Европе в XIX в.). Став профессором, Иванов читал лекции и вел семинары по философии и методологии истории (1914) и Французской революции (1915–1916). Учеников профессор не имел.

от диспута Иванова идет рассказ об обсуждении факультетского отзыва на диссертацию Миронова, против которой проголосовал Корелин.

⁵⁴³ Венгеров С.А. Иванов Иван Иванович // Энциклопедический словарь. М., 1994. Т. 5. С. 278.

⁵⁴⁴ Иванова Т.Н. Иван Иванович Иванов. С. 62.

⁵⁴⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 28. Л. 33.

⁵⁴⁶ Иванова Т.Н. Иван Иванович Иванов. С. 62–63.

7.8. Ю.В. Готье как профессор Московского университета

Начунному творчеству Готье посвящена диссертация М.В. Мандрик⁵⁴⁷. До появления этой работы различные аспекты творчества Готье изучали и археологи⁵⁴⁸, и специалисты по истории России⁵⁴⁹, однако большинство из этих статей находились на границе воспоминаний и аналитических статей, поскольку были написаны людьми, знавшими Юрия Владимировича лично. Всплеск интереса к Готье в 1990-е гг., безусловно, связан с публикацией его дневников. В последние десятилетия Готье как историк оказался в центре внимания В.В. Тихонова.

Юрий Владимирович Готье увлекся историей еще в гимназии под влиянием однокурсника Ключевского – П.П. Мельгунова, отца С.П. Мельгунова. После окончания частной гимназии Фр. Креймана в 1891 г. Готье поступил на историко-филологический факультет Московского университета. «На первом курсе я метался, искал научных интересов и только слушал лекции, – вспоминал он впоследствии. – Из лекторов, конечно, выделялся Ключевский: Казалось, что он, говоря о деталях и явлениях русской истории, рассказывает о лицах и событиях, им лично виденных»⁵⁵⁰. На втором курсе Готье уже виноградовец, семинары которого стали «отличной подготовительной школой для дальнейших самостоятельных занятий»⁵⁵¹.

Но профессиональный выбор Готье делает под влиянием занятий Милюкова. «На втором я продолжал слушать лекции, занимался в семинарии Виноградова. Час моих сознательных интересов пробил на третий год пребывания в университете, и именно благодаря семинарию Милюкова»⁵⁵².

⁵⁴⁷ Мандрик М.В. Юрий Владимирович Готье. 1873–1943. СПб., 2000.

⁵⁴⁸ Арциховский А.В. Ю.В. Готье как археолог // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 1. М., 1945.

⁵⁴⁹ Пичета В.И. Академик Ю.В. Готье // Исторические записки. АН. СССР. 1945. Т. 5; Черепнин Л.В. К 100-летию со дня рождения академика Ю.В. Готье, 1973 г. // Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. Сб. ст., выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 315–320.

⁵⁵⁰ Готье Ю.В. Университет. С. 555

⁵⁵¹ Там же. С. 561.

⁵⁵² Там же. С. 554.

Приват-доцент Милюков заменял Ключевского, уехавшего читать курс лекций великому князю Георгию в Аббас-Туман. В ходе занятий с Милюковым у Готье родилась тема «Оборона южных границ Московского государства в XVI веке». В течение двух лет занятий под руководством Милюкова Готье тему расширил, в результате она стала охватывать вопросы обороны и колонизации окраин Московского государства в XVI–XVII вв. Именно этот труд и стал выпускным сочинением Готье. Для написания исследования Готье работал в архивах, изучал разрядные книги. Много лет спустя на основе этой работы ученый дал рецензию на исследование А.И. Яковлева «Засечная черта»⁵⁵³.

Одновременно с работой в русском семинаре у Милюкова группа из 11 студентов, в которую входил Готье, обратилась к Виноградову с просьбой о продолжении семинарских занятий, ведущихся на 1, 2 и 3 курсах. Виноградов согласился вести необязательный семинар для желающих. Как свидетельствовал однокурсник Готье – С.К. Богоявленский, «эта приват-система дала нам гораздо больше, чем весь университетский курс»⁵⁵⁴. По оценке М.Г. Вандалковской, «от Виноградова, который в своих трудах давал новое толкование истории, включая в нее материальные и социальные факторы, быт, жизнь народных масс, студенты перенимали новые методы исследования – сравнительно-исторический, антропологический, статистический»⁵⁵⁵.

Готье окончил университет с дипломом 1-й степени. Однако, если однокурсник Савин был оставлен в университете Виноградовым, то Готье после окончания университета пошел исполнять воинскую обязанность, поскольку Ключевский ходатайства об оставлении Готье не написал. Закончил прохождение службы Готье подпоручиком 2-го Гренадерского Ростовского полка, 27 октября 1896 г. он был зачислен в запас.

Подготовка вне системы историко-филологического факультета к магистерским экзаменам, что, возможно было следствием смерти отца Готье в

⁵⁵³ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 а. Д. 36. Л. 34.

⁵⁵⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 а. Д. 36. Л. 29–31.

⁵⁵⁵ См. Вандалковская М.Г. О традициях дореволюционной науки // Россия в XX в. Судьбы исторической науки / под ред. А.Н. Сахарова. М., 1996. С. 97.

1896 г., когда молодому человеку стал необходим постоянный заработок, а, возможно, и повышение социального статуса, чего он добился к началу XX в. (относительно высокий классный чин, дающий право на личное дворянство) – особенная черта в академической биографии Готье, отделяющая его от других старших учеников Ключевского (Милюков, Кизеветтер)⁵⁵⁶. Опыт Готье подготовки к сдаче магистерских экзаменов чем-то схож с опытом Богословского.

Готье был предельно самостоятельным исследователем. Вполне возможно, что именно это обстоятельство привело Готье к утверждению об особых педагогических приемах Ключевского по отношению к собственным ученикам. Из системы подготовки Ключевского Готье вынес опыт, который заставлял его «не бояться черновой работы, доходить самому до первичной формы исторических известий, научиться самому ориентироваться в специальной литературе – таковы были требования, которые он предъявлял к начинающим свою ученую деятельность молодым людям»⁵⁵⁷.

В 1899 г. Готье подал на факультет прошение о допуске к сдаче магистерских экзаменов. 20 октября 1899 г. Готье ответил Ключевскому по вопросу о «Русской правде», получив оценку весьма удовлетворительно⁵⁵⁸. 17 ноября за вопрос по новой русской истории – «Реформа центрального управления при Александре I», он также получил оценку «удовлетворительно»⁵⁵⁹.

23 февраля 1900 г. Готье ответил Герье и Випперу на тему «Политический идеал Руссо»⁵⁶⁰. 22 марта А.А. Мануйлов спрашивал Готье «ученье о деньгах». По результатам экзаменов факультет признал Готье «окончившим испытание весьма удовлетворительно» и разрешил молодому человеку представить диссертацию⁵⁶¹.

⁵⁵⁶ Наиболее подробную биографию Готье см. в диссертации: *Мандрик М.В.* Юрий Владимирович Готье, 1873–1943. СПб., 2000. С. 19–185. См. также: *Тихонов В.В.* Московские историки первой половины XX в. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012.

⁵⁵⁷ *Готье Ю.В.* В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Воспоминания и характеристики. М., 1912. С. 181.

⁵⁵⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 26. Л. 46.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 50 об.

⁵⁶⁰ Там же. Д. 27. Л. 10.

⁵⁶¹ Там же. Л. 15 об.

20 января 1903 г. Готье подал прошение на факультет о зачисление его в приват-доценты. Темой по выбору Готье факультет назначил лекцию «Очередные задачи изучения писцовых книг», от факультета была предложена тема – «Земские соборы при Грозном и их происхождение»⁵⁶². 21 и 26 февраля Готье лекции прочел и заслужил высокие оценки преподавателей факультета.

В 1904 г. Готье вновь был призван в армию и отправился на театр боевых действий русско-японской войны. 24 ноября 1905 г. Готье он был уволен в запас, а 3 декабря произведен в поручики.

Через знакомых – Милюкова и Кизеветтера – Готье попытался сделать политическую карьеру. Однако опыт оказался неудачным: «никто мною не воспользовался, никто меня ни к чему не применил и не втянул, в этом «кружке добрых друзей и знакомых» мне милостиво предоставили быть темным рядовым; единственное, что я слышал – это совет П.Н. Милюкова (моего учителя) пропагандировать в войсках, чего я, по моему глубокому убеждению, не должен был делать. Ни Милюков, ни Кизеветтер, ни иные мои знакомые не нашли для меня дела в кадетской партии, а тем временем я сам в ней разочаровался и после выборгского воззвания сам вышел из партии до правительственных репрессий, и на всю жизнь стал «диким»⁵⁶³.

22 февраля 1906 г. Готье попросил факультет о допущении его к защите диссертации «Замосковский край в XVII веке. Опыт экономического исследования по истории быта Московской Руси» для получения степени магистра русской истории. Факультет поручил написать отзыв Ключевскому и Любавскому. Профессора признали возможным допустить Готье к защите работы⁵⁶⁴.

Источником для работы послужили Писцовые книги. Готье стремился выяснить, как создавались писцовые книги. Он ставил задачу «восстановить ход работы писца и переписчика от появления его на месте, до представления составленной книги в приказ, и, наконец, установить оценку, заключающуюся в

---

⁵⁶² Там же. Д. 30. Л. 6.

⁵⁶³ Готье Ю.В. Мои заметки. М. 1997. С. 17.

⁵⁶⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 33. Л. 25 об.

этих памятниках, материалах»⁵⁶⁵. Кроме того, историк желал провести сравнительно-сопоставительный анализ писцовых книг различных местностей Замосковского края в XVII в.

С точки зрения изучения государственного хозяйства Готье опирался на труды А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова. «Именно в отношениях, создавшихся после «смутного времени», – писал Готье, – следует искать тех оснований, на которых созидались порядки, развившиеся в XVIII веке». В работе есть и идеи, восходящие к докторской диссертации Ключевского. «В постоянном союзе с правительством, – писал Кизеветтер, – постепенно расширяя свой земельный капитал и подчиняя себе труд тяглого землепашца <...> дворянство заложило основание столь прочно установившегося в России бюрократического строя с сословно-дворянским оттенком, пышно расцветшего в XVIII и XIX веках»⁵⁶⁶.

В целом диссертация показывала изменение структуры землевладения и землепользования: уменьшение дворцового землевладения, увеличение поместных раздач, рост служилого землевладения, уменьшение вотчин за счет поместья. Как отдельный фактор рассматривался рост церковного землевладения.

Вывод Готье был резким: «общее экономическое состояние Замосковского края в конце XVII в. было едва ли многим выше нежели перед смутным временем. В течение исследованного периода времени страна могла справиться с экономическими последствиями смутного времени, но не с последствиями изнурительного долгого экономического кризиса XVI века»⁵⁶⁷.

Защита состоялась 3 декабря. Официальными оппонентами выступили Ключевский и Любавский, неофициальным – Богословский⁵⁶⁸. Защита была признана успешной.

⁵⁶⁵ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 426.

⁵⁶⁶ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 545.

⁵⁶⁷ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁵⁶⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 33. Л. 111.

Работа с точки зрения С.Б. Веселовского, не участвовавшего в диссертационном диспуте, была не цельной. Как указывал критик, книгу надо озаглавить: «Что могут дать писцовые книги для экономического быта московского государства». Критик также объяснял, что «труд Ю. Готье есть плод того периода русской историографии, который может быть охарактеризован как период увлечения писцовыми книгами, когда в них видели ключ чуть ли не ко всей внутренней истории Московского государства»⁵⁶⁹. Вывод Веселовского был печален для магистранта: «Общее впечатление... то, что результаты... не соответствуют массе тщательного и добросовестного труда»⁵⁷⁰.

Как приват-доцент Готье в основном вел просеминарии. В 1906–1907 – «Начальная летопись»; в 1907–1908 – «Социально-экономическая история Московского государства» (XVI–XVII; по теме магистерской диссертации); в 1909–1910 – крестьянский вопрос XVI–XIX вв.⁵⁷¹

Одновременно он готовит докторскую диссертацию «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II»⁵⁷², которую защищает в 1913 г. Официальными оппонентами выступили Любавский и Богословский. «Избранная автором тема давно являлась очередной для историков специалистов той московской школы, главой которой был покойный В.О. Ключевский», – свидетельствовал ученик М.К. Любавского В.Н. Бочкарев⁵⁷³. Заметил работу Готье и Рожков, присутствовавший на защите: «Перед нами весьма документальная, обстоятельная, основанная на свежем архивном материале работа на неинтересную и далеко не первостепенную по своему значению тему»⁵⁷⁴.

⁵⁶⁹ *Веселовский С.Б.* Рецензия на Ю.В. Готье. Замосковский край в XVII в. // ЖМНП. Новая серия. Ч. XIII. С. 414.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ См. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Московского университета.

⁵⁷² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 40.

⁵⁷³ *Бочкарев В.* Рец. на: Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М., 1913 // Голос минувшего. 1913. № 6. С. 252.

⁵⁷⁴ *Рожков Н.А.* Рец. на: Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М., 1913 // Современный мир. 1913. № 10. С. 273.

Успешная защита докторской, позволили Матвею Кузьмичу Любавскому, вышедшему за шатат в связи с 25-летним сроком службы, рекомендовать кандидатуру Готье, поддержанную всеми историками, министру для утверждения как экстраординарного профессора в университете. Юрий Владимирович стал профессором Московского университета⁵⁷⁵.

В 1910-е гг. Готье вел в университете просеминары и семинары по русской истории XV–XVI, XVI–XVII, XIX вв., истории Новгорода и Пскова. Он читал курсы по введению в историю, археологии (1914–1915 гг.), истории южных славян, историографии, новейшей русской истории.

Готье вместе с Богословским, иногда у себя на дому, собирал студентов и магистров, специально занимающихся историей, однако собственных учеников в Императорском университете до революции у него не было.

7.9. А.А. Кизеветтер: путь к профессуре в Московском университете

Традиции восприятия Кизеветтера как профессора и учителя в дореволюционном Московском университете не сложилось. Труды по истории Московского университета и воспоминания историка стали той источниковой базой, которая стала привлекать к судьбе историка современных исследователей. Много для открытия Кизеветтера сделала М.Г. Вандалковская. В 2003 г. защищена докторская диссертация М.А. Шпаковской «А.А. Кизеветтер в отечественной историографии»⁵⁷⁶. Чаще всего в литературе Кизеветтер предстает как политик и популяризатор науки, чем университетский ученый.

Александр Александрович Кизеветтер родился 10 мая 1866 г. в Петербурге, но вскоре семья его переехала в Оренбург из-за службы отца. Как выпускник Оренбургской гимназии Кизеветтер мог поехать учиться в Казанский университет, как поступило большинство его одноклассников, но Александр Александрович хотел учиться именно в Москве, которая представлялась молодому человеку

⁵⁷⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Л. 16, 18.

⁵⁷⁶ Шпаковская М.А. А.А. Кизеветтер в отечественной историографии: дис. ...д-ра истор. наук. М., 2003.

центром ученого мира, наполненного знаменитыми учеными: «Я, словно арестант в каземате, отсчитывал месяцы, недели и дни в ожидании того вождеденного момента, когда можно будет наконец выпорхнуть из оренбургского степного захолустья в эту заманчивую Москву, которая рисовалась мне в моих мечтах лучезарным центром кипучей умственной работы»⁵⁷⁷.

Будучи принятым в университет в 1884 г., Кизеветтер «вступал в университет с подлинно религиозным чувством, как в храм, исполненный святыни»⁵⁷⁸. Студенческая масса в то время, по словам Кизеветтера, подразделялась главным образом на три группы – на политиков, на будущих обывателей и на будущих ученых⁵⁷⁹. Кизеветтер «не видел в тогдашних политических движениях в студенческой среде большого толка»⁵⁸⁰. Он хотел быть ученым. «С первого же курса я ушел с головой в книги и делил все свое время между аудиторией и публичной библиотекой Румянцевского музея»⁵⁸¹. «Мой книжный запой во времена студенчества принес мне немалую пользу для моей последующей общественной деятельности»⁵⁸², – писал Кизеветтер.

Для оставления в университете Кизеветтер написал кандидатское сочинение, которое было высоко оценено Ключевским⁵⁸³. Отзыв Ключевского о работе Кизеветтера был утвержден 3 сентября, а уже 28 сентября Ключевский ходатайствовал об оставлении кандидата Кизеветтера для подготовки к профессорскому званию на 2 года с содержанием из сумм МНП: «Окончивший курс в мае текущего года кандидат Александр Кизеветтер при основательном изучении общего курса русской истории принимал постоянное прилежное и успешное участие в специальных занятиях по этому предмету, какие по указанию факультета назначались студентами, кончившим курс в текущем году. По окончании университетского курса Кизеветтер представил кандидатское

⁵⁷⁷ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 21.

⁵⁷⁸ Там же. С. 34.

⁵⁷⁹ Там же. С. 38–39.

⁵⁸⁰ Там же. С. 39.

⁵⁸¹ Там же.

⁵⁸² Там же.

⁵⁸³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 15. Л. 30.

рассуждение «Поместья и вотчины в Московском законодательстве», – труд, который по основательности изучения источников, по стройности плана и обдуманности выводов можно признать выдающимся. Считая кандидата Кизеветтера достаточно подготовленным к специальному изучению русской истории, честь имею предложить его факультету к оставлению при Университете на 2 года для приготовления к испытаниям на степень магистра русской истории с содержанием из сумм МНП»⁵⁸⁴. Факультет с позицией профессора согласился⁵⁸⁵.

10 октября Ключевский подписал Кизеветтеру инструкцию для занятий: «Приняв во внимание заявление кандидата Александра Кизеветтера об отделах русской истории, на которые при ее изучении он желал бы сосредоточить свое внимание, я признаю возможным предложить ему такой порядок занятий избранным им предметам:

1) При изучении источников древней русской истории он обратит особенное внимание на состав летописей (до XV в.) и важнейших памятников древнерусского права, преимущественно Русской Правды и Псковской Судной Грамоты, занявшись изучением и текста обоих названных памятников

2) При изучении государственного устройства Руси в древнейший период ее истории он ознакомится с ходом разработки вопроса о взаимных отношениях князей по смерти Ярослава I и проследит постепенное изменение этих отношений в удельной период (до половины XV в.), руководствуясь главным образом духовными и договорными грамотами князей этого времени

3) С целью возможно полного ознакомления с политическим устройством и состоянием Руси в удельные века он изучит устройство управления и состав общества в Новгороде Великом и Пскове до падения их самостоятельности в связи с их внешними столкновениями и торговыми сношениями

4) При изучении истории Московского государства он сосредоточит свое внимание на устройстве центрального и областного управления, а также на образовании и государственном положении общественных классов,

⁵⁸⁴ Там же. Оп. 57. Д. 412. Л. 121.

⁵⁸⁵ Там же. Оп. 476. Д. 15. Л. 32 об.–33.

преимущественно военно-служилого, при чем предметами специального изучения для него будут 1) местничество 2) законодательство о служилом землевладении

5) Из внешней истории Московского государства он обстоятельно изучит вопрос о Малороссии в XVII в. в связи с судьбой юго-западной Руси в предшествующие века

6) Соответственно программе изучения истории Московского государства XV–XVII в., он и во внутренней истории Российской империи XVIII и XIX в. обратит особенное внимание на 1) законодательство Петра Великого о сословиях и на его реформы в управлении 2) на Жалованные грамоты 1785 г. дворянству и городам в связи с губернскими учреждениями Екатерины II 3) на устройство центрального управления при Александре I

7) Соответственно той же программе из внешней истории в XVIII и XIX вв. он избрет предметом специального изучения войны с Турцией при Екатерине II и восточный вопрос при Николае I

Более подробные указания на порядок занятий и на пособия для изучения означенных отделов русской истории будут даны кандидату Кизеветтеру при установлении факультетского надзора за его занятиями, если представление об оставлении Кизеветтера при Университете будет утверждено начальством. Но само собой разумеется, что существенное условие успешного изучения указанных специальных вопросов – не выпускать из вида всего хода русской истории, для чего лучшим средством я признаю внимательное изучение «Истории России» С. М. Соловьева.»⁵⁸⁶.

25 января 1889 г. в Совете факультета было получено сообщение ректора о министерском согласии на оставление кандидата⁵⁸⁷. Самому Кизеветтеру погружение в научную работу доставляло большое удовольствие: «Я ушел целиком, с головой в эти занятия и все более убеждался в том, что научное

⁵⁸⁶ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 253. Л. 128.

⁵⁸⁷ Там же. Л. 1.

исследование в области русской истории составляет мое истинное жизненное призвание», вспоминал историк⁵⁸⁸.

29 ноября 1889 г. Ключевский представил Совету отчет Кизеветтера о занятиях первого года. «Во исполнение параграфа 8 циркуляра Г. Министра Народного Просвещения от 21 мая 1884 г. честь имею довести до сведения факультета, что кандидат Кизеветтер, оставленный при ИМУ с 1 января 1889 г. для приготовления под моим руководством к экзамену на степень магистра русской истории с содержанием из сумм, ассигнуемых к профессорскому званию, представил мне отчет о своих занятиях по означенному предмету в текущем году. В этом отчете кандидат Кизеветтер изложил результаты своих работ по решению двух задач, поставленных в данной ему факультетом инструкции: 1) о составе Начального («Сильвестровского») летописного свода; 2) о ходе разработки вопроса о взаимных отношениях князей Рюриковичей со смерти Ярослава Мудрого до смерти Рюрика Ростиславича. Рассмотрев представленный мне отчет, я нашел, что кандидат Кизеветтер ведет свои занятия согласно с указанной данной ему инструкции: в подробном и отчетливо составленном изложении своих работ по решению обоих изученных им вопросов он не только обнаружил основательное знакомство с соответствующими историческими источниками, но и представил обстоятельный критический разбор важнейших исследований по тому и другому вопросу, причем высказал и несколько собственных очень дельных соображений как в составе начального летописного свода, так и о сравнительном научном значении разобранных им исследований»⁵⁸⁹.

Факультет определил препроводить означенный отчет в Министерство⁵⁹⁰. Отчет Кизеветтера был признан образцовым в Ученом комитете МНП: «Вполне соглашаясь с отзывом профессора Ключевского, я (В.Г. Васильевский – Д.Ц.) могу только прибавить, что прочитанные мной два этюда несомненно доказывают выдающуюся из ряда вон даровитость кандидата-магистранта, заставляющую

---

⁵⁸⁸ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С. 181.

⁵⁸⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 253. Л. 2.

⁵⁹⁰ Там же. Д. 16. Л. 42.

ожидать от него весьма много, а также обличают и прекрасную школу, которую он прошел и проходит»⁵⁹¹. После обсуждения отчета Кизеветтера в Ученом комитете С.Ф. Платонов даже поинтересовался в письме к Милюкову о том, что это за молодой историк – Кизеветтер⁵⁹².

Ключевский высоко оценивал занятия Кизеветтера и во втором отчете: «Честь имею довести до сведения факультета, что оставленный при Московском университете с 1 января 1889 г. для приготовления к экзамену на степень магистра русской истории кандидат Кизеветтер представил мне отчет о своих занятиях по означенному предмету в текущем году. Из этого отчета видно, что кандидат Кизеветтер во второй год своих подготовительных занятий заканчивал изучение вопросов данному ему факультетом программы, относящихся к истории древней России, и перешел к изучению вопросов из новой русской истории. Кратко-указав отчет на ход занятий этими вопросами, он, «в виде образчика своих работ» представил более подробное рассмотрение двух вопросов: «О присоединении Малороссии к Московскому государству при Богдане Хмельницком» и «Реформы Петра Великого в областном управлении». Это изложение работ по решению обоих означенных вопросов отличается теми же качествами, какие кандидат Кизеветтер обнаружил в прошлогоднем своем отчете и которые уже обратили на него внимание МНП: основательное знакомясь с историческими источниками, относящимися к изучаемому вопросу, он внимательно читал и критически разбирал важнейшие исследования по этому вопросу, обдуманно взвешивал выводы каждого прочитанного исследования и их значение в ходе научной разработки предмета. В настоящее время кандидат Кизеветтер оканчивает свои подготовительные занятия, «чтобы в предстоящем году быть в состоянии приступить к экзамену на степень магистра русской истории»⁵⁹³.

---

⁵⁹¹ Там же. Л. 21.

⁵⁹² Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. М., 2011. Т. 2. Кн. 1. С. 16.

⁵⁹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 57. Д. 412. Л. 16.

25 февраля 1892 г. Кизеветтер попросил факультет о допуске его к сдаче магистерских экзаменов⁵⁹⁴. В конце апреля экзамены по русской и всеобщей (вопрос о «Политии» Аристотеля) Кизеветтером были сданы⁵⁹⁵.

25 февраля 1898 г. Кизеветтер попросил принять его в число приват-доцентов Московского университета. По собственному выбору он должен был прочесть лекцию «Наказы городским депутатам в Екатерининской комиссии 1796 года», от факультета ему дана была тема «Эверс как исследователь Русской Правды». Лекции он прочел 18 и 20 марта⁵⁹⁶.

Темой для диссертации Кизеветтер избрал состояние русского города в XVIII в.. от петровских преобразований до реформ Екатерины II. «Я решил вспахать огромное и никем еще до меня не тронутое поле»⁵⁹⁷. Для создания источниковой базы исследователь работал в Московском архиве Министерства юстиции. В 1903 г. диссертация была отпечатана под названием «Посадская община в России XVIII столетия».

По мнению исследователей, диссертация Кизеветтера связана с вопросами, обсуждавшимися на диспуте Милюкова. Как замечает Н.В. Гришина, «фактически Кизеветтеру удалось то, что не смог, по мнению ряда критиков, в том числе Ключевского, продемонстрировать в своей магистерской диссертации Милюков, а именно связать общество и государство, проследить влияние общественных сил на проведение реформ»⁵⁹⁸.

По воспоминаниям Кизеветтера, его работа была встречена одобрительно. Диспут состоялся в декабре 1903 г., и привлек большое внимание: «К этому времени я был уже известен публике и моими лекциями, и моими журнальными статьями... Густой толпой пришли на диспут и мои гимназические ученики, и студенты, и мои слушательницы с коллективных уроков»⁵⁹⁹. Главным для Кизеветтера было то, что его диссертацию одобрил и оценил Ключевский, который

⁵⁹⁴ Там же. Оп. 476. Д. 19. Л. 7.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 8, 15, 17.

⁵⁹⁶ Там же. Д. 25. Л. 5, 37, 48.

⁵⁹⁷ Там же.

⁵⁹⁸ Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского». С. 208.

⁵⁹⁹ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 197.

указал на крупную научную ценность работы: «Ключевский вел диспут таким тоном, который ясно давал понять всем присутствующим, что он признает в своем ученике собрата по науке»⁶⁰⁰, – пишет Кизеветтер. Высоко оценил работу Кизеветтера и М.М. Богословский⁶⁰¹.

Докторская диссертация Кизеветтера⁶⁰² была логическим продолжением его магистерской диссертации. Она была посвящена истории Городового положения Екатерины II. Работа над докторской после политических лихолетий 1905–1907 гг. казалась Кизеветтеру отдыхом «Я разрешил себе наконец ту роскошь, о которой давно мечтал. На весь 1908 г. я погрузился в работу над окончанием второй своей большой научной монографии, которая составила мою вторую диссертацию...»⁶⁰³.

Диспут состоялся весной 1909 г., оппонентами выступали М.К. Любавский и Ю.В. Готье. По словам Кизеветтера, «диспут носил характер непринужденной научной беседы»⁶⁰⁴. Ученики Кизеветтера убрали кафедру цветами, а в аудитории господствовало праздничное оживление. «У меня осталось от этого дня впечатление как от какого-то светлого момента чистой радости»⁶⁰⁵, – вспоминал историк.

Как приват-доцент Кизеветтер читал в Московском университете специальные курсы «Введение в русскую историю: обзор контроверс по основным вопросам русской истории (1898–1899)»; «Обзор внутреннего состояния России в первую половину XIX в.» (1899–1900; для желающих); «История крестьянской реформы 1861 года» (1900–1901; 1901–1902; 1930–1904); «Русский город в XVIII столетия» (1902–1903), «Обзор внутреннего состояния России в первой половине XIX в.», «История крестьянской реформы 1861 года» (1900–1901; 1901–1902, «Новейшая история России» (1908–1909; 1910–1911). До перехода на предметную систему это были курсы для желающих.

---

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ *Богословский М.М.* Разбор сочинения г. Кизеветтера: «Посадская община в России XVIII столетия». М., 1906.

⁶⁰² *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909.

⁶⁰³ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С. 320.

⁶⁰⁴ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С. 320.

⁶⁰⁵ Там же. С. 321.

С 1904–1905 уч. г. Кизеветтер стал руководить семинарскими занятиями. Это были практические занятия по истории России XVIII и начала XIX в. (1904–1905); разбор исторических памятников первой половины XVIII в. (1908–1909); разбор памятников конца XVIII столетия и первой четверти XIX столетия, преимущественно касающихся вопроса о реформе высших государственных учреждений (1908–1909); семинарий по источникам, касающимся русского города в 18 столетии (1909–1910); просеминарий по рассмотрению общих построений русской истории в ученой литературе (1910–1911)⁶⁰⁶.

10 ноября 1909 г. В.О. Ключевский и М.К. Любавский вошли в историко-филологический факультет с предложением иметь в его составе второго штатного преподавателя русской истории, для чего ходатайствовали о разрешении заместить одну из вакантных экстраординатур на факультете путем рекомендации достойного кандидата. МНП одобрило избрание путем выдвижения кандидата специалистами. На заседании факультета 9 февраля 1909 г. Ключевский и Любавский рекомендовали на должность экстраординарного профессора доктора русской истории, приват-доцента А.А. Кизеветтера: «Чсть имеем рекомендовать историко-филологическому факультету приват-доцента А.А. Кизеветтера для замещения экстраординатуры по кафедре русской истории; ...Факультет, хорошо зная Кизеветтера как прекрасного, образованного, опытного и талантливого преподавателя, в минувшем академическом году поручил ему обязательный курс по новейшей истории. Два капитальных исследования по русской истории и 21 год преподавательской деятельности, из коих 11 лет посвящены Московскому университету, смеем думать, достаточно ручаются за то, что в господине Кизеветтере факультет приобретает испытанного и вполне надежного сотрудника»⁶⁰⁷. Кизеветтеру отрадно было вспомнить, что на факультете и в Совете избрание его профессором прошло «без сучка и задоринки, без малейшего намека на осложнения и препирательства, которыми часто сопровождаются

---

⁶⁰⁶ Составлено на основе Обозрений преподавания на историко-филологическом факультете за соответствующие годы.

⁶⁰⁷ *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 457–458. Оригинал: Научный архив института Истории РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 188.

академические выборы»⁶⁰⁸. С осложнениями историк столкнулся уже в министерстве. Письмом от 25 мая за № 15164 министерство не признало возможным утвердить выбор Совет ИМУ от 20 февраля⁶⁰⁹.

В 1911 г. в связи с увольнением ректора А.А. Мануйлова Кизеветтер покинул университет, но после февральской революции был избран профессором факультета.

7.10. Д.Н. Егоров: путь к профессуре в Московском университете

У истоков изучения научного наследия Егорова, который был специалистом по истории западных славян, стояла Л.П. Лаптева⁶¹⁰.

Д.Н. Егоров родился в Ельце в семье преподавателя истории и географии, некоторое время обучался в калужской гимназии, окончил Петропавловское училище в Москве «и в 1896 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где слушал курсы и работал в семинариях профессоров В.И. Герье, В.О. Ключевского, П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера, кн. С. Н. Трубецкого и др., участвуя сверх обязательных работ и в *privatisima*. В течение факультетского курса дважды получил премию»⁶¹¹. Представление Егорова об оставлении для подготовки к магистерским экзаменам было подписано Виноградовым: «Прошу факультет ходатайствовать об оставлении при Университете по кафедре всеобщей истории окончившего в нынешнем году с дипломом первой степени Дмитрия Егорова и предоставить ему какую-нибудь из имеющихся в распоряжении факультета стипендий. Г. Егоров с выдающимся успехом занимался в моих семинариях и представил ряд работ, свидетельствовавших как об обширной начитанности и редком трудолюбии, так и о способности анализировать и комбинировать исторические данные. Прилагаются

⁶⁰⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 321.

⁶⁰⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 88. Д. 420. Л. 3012., Оп. 249. Д. 102. Л. 65 об.–66 об., 71–77, 186.

⁶¹⁰ См. например: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 140–145.

⁶¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 354. Л. 115. Curriculum vitae Д.Н. Егорова. 1907 г. См.: Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете. М., 1997. С. 225–226.

из этих работ сочинения о следах родового строя в Салической Правде, об афинских партиях V века по Аристотелевой политике и о литературе по истории Средневековых немецких городов»⁶¹². Впрочем, Виноградову с Егоровым плотно поработать не удалось, поскольку учитель после отставки в 1901 году уехал за границу.

Потратив больше положенного срока для подготовки к магистерскому экзамену, Егоров приступил к нему весной 1906 г. Все это время факультет активно помогал Егорову с материальным обеспечением, и помимо министерской стипендии поощрял ученого другими денежными выплатами⁶¹³. Егоров быстро и весьма успешно сдал три части экзамена по всеобщей истории, но затем был вынужден прервать сдачу экзаменов из-за воспаления легких, решив все вопросы к концу года.

В 1907 г. Егоров утвержден приват-доцентом по кафедре всеобщей истории⁶¹⁴. В 1908 г. он уезжает в заграничную командировку. В отличие от многих других учеников Павла Гавриловича рубежа 1890–1900-х гг. Егоров стремительно пошел к профессорству еще в дореволюционную эпоху. «С 1902 г. вел на Высших Женских Курсах в Москве семинарий по всеобщей истории и там же читал... курс по истории Реформации, – писал Егоров в автобиографии. – В 1904 и 1906/7 гг.... был привлекаем проф. Р.Ю. Виппером к ведению практических занятий со студентами историко-филологического факультета»⁶¹⁵. Карьере Виноградова помешала ситуация 1911 г., когда он решил оставить университет по политическим причинам, продолжив преподавание на ВЖК, в Московском коммерческом институте, Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского.

При этом Егоров сохранял плотные связи с историками Московского университета всех поколений, став одним из помощников Богословского при переоткрытии Исторического общества.

⁶¹² ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 372. Л. 9.

⁶¹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 35. Л. 6, Л. 11 об., Д. 36. Л. 1 об.

⁶¹⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Д. 372. Л. 31.

⁶¹⁵ Там же. Л. 9. Виппер ходатайствовал о материальной поддержке своего помощника в виде присуждения премии Грановского. См.: Там же. Оп. 476. Д. 33. Л. 48, 109 об.

Научные интересы Егорова были разнообразны, но в дореволюционную эпоху он занимался преимущественно историей западных славян. Еще в студенческие годы Егоров заинтересовался вопросами славяно-германских отношений в эпоху Средневековья, в семинаре проф. Виноградова подготовил работу «Немецкая колонизация Бранденбурга» (не сохранилась). В 1906, 1908–1909 гг. Егоров во время командировок в Германию изучал архивные материалы о полабских славянах. Свой главный труд – «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в.» (1915) Егоров издал в 2 томах, защитив первый из них («Материал и метод») как магистерскую, а второй («Процесс колонизации») как докторскую диссертацию по всеобщей истории.

После февральской революции 1917 г., когда в университет вернулись ушедшие в 1911 г. ученые, несмотря на противодействие Р.Ю. Виппера, Егоров получил должность экстраординарного профессора Московского университета.

После революции 1917 г. Егоров принял участие в создании новых высших учебных заведений, стоял у истоков реорганизации архивного и библиотечного дела в Советской России. В 1920-х гг. он участвовал в подготовке русского перевода «Записок» Г. Штадена о Москве времен Ивана IV Грозного, был одним из составителей «Хрестоматии по социально-экономической истории Западной Европы в новое и новейшее время» (1929), писал популярные брошюры, работал в первых советских энциклопедиях.

С 1919 г. Егоров заведовал отделом всеобщей истории Румянцевского музея. 14 января 1928 г. Егоров он был избран членом–корреспондентом АН СССР, при баллотировке в академики в 1929 г. был отсеян, чтобы в Академию могли быть избраны ученые коммунисты.

30 августа 1930 г. Егоров был арестован по «академическому делу», осужден и сослан в Ташкент, где начал работать в Государственной публичной библиотеке Узбекской ССР.

7.11. А.И. Яковлев: путь к профессуре в Московском университете

Традиционно память об А.И. Яковлеве сохранялась в тех научных и культурных центрах, с которыми был связан историк (Чебоксары, Москва, Саранск). В последнее время научной биографией историка занимается В.В. Тихонов и специалисты, затрагивающие вопросы о школе Ключевского⁶¹⁶.

Алексей Иванович Яковлев родился в семье известного просветителя чувашей Ивана Яковлевича Яковлева. Отец дал сыну классическое образование. Во время обучения в Симбирской гимназии Алексей отличался любовью к гуманитарным дисциплинам⁶¹⁷. В гимназии он был одним из заметных учеников⁶¹⁸.

В университет Яковлев поступил в 1896 г. Однако еще до приезда в Москву он наводил справки о Ключевском и получил восторженные отзывы знакомых о знаменитом московском профессоре. По мнению Любавского, записанного Савиным, поскольку Яковлев был самым младшим и изначально наименее самостоятельным учеником Ключевского, то он находился под влиянием Ключевского в течение продолжительного времени. Бахрушин так записал слова Яковлева, посвященные Ключевскому: «Надо либо целиком ее принимать, как она есть (схему истории Ключевского – Д.Ц.), либо строить курс по совершенно новому плану, как сделал Милюков»⁶¹⁹.

За время обучения в университете Яковлев написал две работы, которые принесли ему медали от факультета. Одна была по истории на тему «Вопрос о

⁶¹⁶ См. *Тихонов В.В.* «В истории так мало незыблемых истин...» (К 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева // *История и историки. 2008. Историографический вестник. М., 2010. С. 290. 289–317*; *Тихонов В.В.* Московские историки первой половины XX в. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012. С. 61–79; *Гришина Н. В. Алеврас Н.Н.* Алексей Иванович Яковлев и его диссертационные диспуты // *Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): сб. тр. Всероссийской научной конференции с международным участием, Чебоксары, 18 апреля 2019 г. Чебоксары, 2019. С. 44–51.*

⁶¹⁷ *Яковлев И.А.* *Моя жизнь.* М., 1997. С. 388.

⁶¹⁸ См. *Тихонов В.В.* «В истории так мало незыблемых истин...» (К 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева // *История и историки. 2008. Историографический вестник. М., 2010. С. 290.*

⁶¹⁹ *Бахрушин С.В.* Из воспоминаний / публ. А.М. Дубровского // *Проблемы социальной истории Европы: От античности до Нового времени.* Брянск, 1995. С. 158–159.

крепостных крестьянах в комиссии для соискания проекта Нового Уложения»⁶²⁰ (соперниками оказались более старшие студенты – Василий Строев и Николай Голицын, оба впоследствии были оставлены при университете, Яковлев получил серебряную медаль⁶²¹), другую – по литературе – у профессора кафедры зарубежной литературы Н.И. Стороженко («Пьер Бейль как предшественник века Просвещения»).

Яковлев мог быть исключен из университета во время студенческих волнений 1899 г. Он ударил по лицу студента Дурново, требовавшего остановить студенческую забастовку. 11 апреля 1899 г. в доме Яковлева были проведены аресты, у него были обнаружены переводы на русский язык книги В. Зомбарта «Социализм и социальное движение в XIX веке» и Т.Н. Пепина – «Страна рабочих клубов». Сам Яковлев арестован не был. Оказавшись в опасной ситуации, он уехал домой в Симбирск. В числе 150 студентов он подлежал увольнению из университета. За талантливого студента вступились И.Д. Цветаев, однокашник по семинарии друга отца Яковлева – А.И. Покровского, и В.О. Ключевский. Правда, Ключевский мог не знать о реальном участии Яковлева в студенческом движении, поскольку в письме к университетскому наставнику Алексей Иванович заявил, что в студенческом движении он участия не принимал⁶²². Ключевский просил ректора Зернова о снисхождении к студенту, сославшись на его научный потенциал: «Он написал прекрасное сочинение по русской истории для соискания медалей, когда еще состоял на 1-м курсе: редкий случай в истории русских университетов... По неоднократным беседам с ним я составил себе понятие о нем как о благовоспитанном и образованном молодом человеке, даровитом и вдумчивом, с живой научной наблюдательностью... Если Вы поможете смягчению его вины и возможному облегчению постигшей его кары, Вы, может быть, спасете прекрасного работника для русской науки и школы. Я со своей стороны готов

⁶²⁰ ЦГА г. Москвы. Оп. 476. Д. 24. 1897 г.

⁶²¹ Награду Яковлев получил не на первом курсе, как указывает Тихонов, а на 2-м курсе (указан как студент 3-го курса). Работа сохранилась – АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Хр. 1. Проанализирована Тихоновым. См.: *Тихонов В.В.* Московские историки первой половины XX в. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012. С. 64–66.

⁶²² НИОР РГБ. Ф.131. Оп. Ед. хр. 76. Л. 1.

вполне поручиться за его благонадежное поведение по возвращении в Московский университет»⁶²³.

Заступничество профессоров помогло. Яковлев окончил университет с дипломом 1-й степени и был предложен к оставлению для подготовки к магистерским экзаменам Ключевским. В прошении профессор отметил: «Честь имею предложить факультету ходатайствовать об оставлении при Университете на 2 года для подготовки и испытания на степень магистра русской истории Яковлева Алексея, который, состоя студентом историко-филологического факультета, обнаружил выдающиеся способности, представил факультету два сочтательных сочинения, удостоенные серебряных медалей, одно по русской истории, другое по истории всеобщей литературы, и в мае текущего года с отличным успехом окончил испытания в историко-филологической комиссии, обратив на себя внимание основательностью своей подготовки. Желательно было бы назначить Яковлеву какую-нибудь стипендию, если таковые имеется в распоряжении факультета или в ближайшее время окажется свободной. Яковлев знает языки немецкий, французский и английский»⁶²⁴.

В инструкции были сформулированы следующие задачи для магистранта: «Из источников русской истории он обратит особенное внимание 1) на летопись по Ипатьевскому списку; 2) на писцовые книги Московского государства. По истории внешних отношений России он изучит: 1) борьбу Московского государства с Польшей за Малороссию при царствовании Алексея Михайловича; 2) восточный вопрос в XVIII в. По внутренней истории главными предметами изучения для него будут: 1) памятники для политический строй Русской земли в XII веке; 2) история Новгорода Великого; 3) областные учреждения царя Иоанна IV и перемены в них, происшедшие в XVII веке; 4) Смутное время самозванцев; 5) поместное землевладение в XVI и XVII веке; 6) реформы Петра Великого в центральном и областном управлении; 7) Губернские учреждения 1775 года в связи с

⁶²³ Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М., 1990. Т. IX. С. 311.

⁶²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 69. Ед хр. 546. Л. 1.

Жалованными грамотами 1785 года; 8) Устройство центрального управления в царствование императора Александра I. Работа над специальными вопросами программы должны быть соединена с последовательными и по возможности всесторонним изучением всего хода русской истории, для чего основным руководством послужит «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева»⁶²⁵.

Два года после окончания университета Яковлев получал стипендию С. Соловьева. В 1902 г. он был переведен на стипендию имени Володи Павлова⁶²⁶. По ходатайству Ключевского и Любавского Яковлеву продлили оставление еще на один год, до 16 марта 1904 г.⁶²⁷

С марта 1903 г. Яковлев начал сдавать магистерские экзамены. 19 марта он отвечал Любавскому и Кизеветтеру на экзамене по древней русской истории (вопросы – «История Новгорода» и «Местные учреждения Ивана Грозного»)⁶²⁸. 26 ноября Ключевский и Любавский слушали ответы Яковлева по новой русской истории: «О Борьбе Московского государства с Польшей за Малороссию при Алексее Михайловиче» и о «Государственном Совете при Александре I⁶²⁹».

17 марта 1904 г. Яковлев сдал экзамен по политической экономии А.А. Мануйлову (вопрос о поземельной ренте)⁶³⁰, а закончил магистерские экзамены ответом по всеобщей истории о папе Григории VII В.И. Герье 28 апреля⁶³¹.

После сдачи Яковлев стал работать в Румянцевском музее старшим библиотекарем и читать как приват-доцент лекции в университете, куда он был допущен после чтения пробных лекций: «Причины Смутного времени по современным Смуте русским сказаниям» (по собственному выбору) и «План

⁶²⁵ Там же. Л. 5–5 об.

⁶²⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 29. Л. 15. По 60–65 рублей в месяц обещал высылать сыну – отец. См. *Яковлев И.А. Письма*. Чебоксары, 1985. С. 237.

⁶²⁷ Там же. Д. 29. Л. 54.

⁶²⁸ Там же. Д. 30. Л. 19

⁶²⁹ Там же. Л. 58–50 об.

⁶³⁰ Там же. Д. 31. Л. 19.

⁶³¹ Там же. Л. 26 об.

государственных преобразований Сперанского 1809 года» (по выбору факультета)⁶³².

Как преподаватель Яковлев вел просеминарии и семинарии на факультете, а также читал курсы по историографии (1909–1910) и методологии истории (1917–1918).

К 1916 г. Яковлев подготовил сразу две книги – «Засечная черта Московского государства в XVII веке»⁶³³ и «Приказ сбора ратных людей»⁶³⁴. Первую он защитил как магистерскую, за вторую, ставшую докторской, получил соловьевскую премию, хотя, «по отзыву Готье, с которым был солидарен Богословский, работа пусть выполнена очень хорошо, но тема выбрана неудачно; она очень специальна и, кроме того, материал очень разнокалиберен», – записал в дневник Савин⁶³⁵.

При этом во время защиты магистерской диссертации Яковлев оказался под огнем критики старших коллег, которые считали, что попытки Алексея Ивановича связать появление засечной черты на окраинах Московского государства с консервативной политикой московского государства, сдерживающего крестьянскую колонизацию, слишком схематичны. Рецензенты отметили, что введение и заключение, написанные в традициях социальной истории, восходящий к Ключевскому, очень далеки от проанализированных источников, в то время как в основной части работы автор выкладывает огромный материал, который критически не осмыслен⁶³⁶. Вместе с тем, поскольку и тема, характерная для московских историков (проблемы колонизации), и автор, много потрудились на благо Московского университета, то Яковлев получил положительные рецензии старших коллег и был удостоен степени магистра. Диспут состоялся 19 февраля в

⁶³² Там же. Д. 33. Л. 52 об., 55.

⁶³³ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.

⁶³⁴ Яковлев А.И. Счетное дело Приказа сбора ратных людей. М., 1916.

⁶³⁵ Савин А.Н. Университетские дела. С. 422.

⁶³⁶ Любавский отметил свойственную новому поколению «манеру пользования документов» (речь шла об обилии цитат в работе – Д.Ц.). Оппонент считал, что благодаря этому «сохраняется колоритность рассказа», но в то же время «автор часто дает совершенно сырой, без достаточной обработки материал». Сообщение о диспуте см.: Пичета В.И. Диспут А.И. Яковлева // Исторические известия. 1917. № 1. С. 210.

Московском университете и привлек историков из других университетов, в частности из Петрограда приехали С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко.

На научную работу Яковлева сильное влияние оказывал С.Б. Веселовский. Как записал Степан Борисович, в дневнике, «все прошло очень хорошо». После диспута был организован ужин, на котором Яковлев произнес тост «за дорогих учителей: Платонова, Любавского и Веселовского»⁶³⁷.

Докторский диспут Яковлева состоялся 1 мая 1917 г. Газета «Русские ведомости» сообщала: «Вчера в университете прив.-доц. А.И. Яковлев защитил диссертацию на степень доктора русской истории «Приказ сбора ратных людей». Официальными оппонентами были проф. Ю.В. Готье и прив.-доц. С.В. Бахрушин. Неофициальным оппонентом выступил проф. А.А. Кизеветтер. Оппонентами были отмечены крупные достоинства труда диссертанта: исчерпывающая полнота исследования данного сюжета, удачная постановка темы, позволившая автору сочетать микроскопический анализ материала с широким историческим обобщением, безукоризненность в способе овладения трудным архивным материалом и высокая художественность в выполнении поставленного плана. После ряда критических замечаний оппонентов историко-филологический факультет единогласно признал защиту диссертации «более чем успешной» и объявил диссертанта достойным степени доктора русской истории»⁶³⁸.

По предложению Кизеветтера, Яковлев был баллотирован в экстраординарные профессора и получил желаемую должность после 11 лет нахождения в приват-доцентах.

---

⁶³⁷ Веселовский С.Б. Дневники за 1915–1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 85.

⁶³⁸ Русские ведомости. 1917. № 97. 2 мая.

ГЛАВА 8. МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ИСТОРИКОВ В СИТУАЦИИ КРИЗИСА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: 1911–1917

8.1. Кризис Московского университета в 1911 г.⁶³⁹

Проблематика, связанная с кризисом Московского университета 1911 г., не достаточно разработана в современной историографии, что вполне объяснимо. Во всех работах советского времени⁶⁴⁰, посвященных истории Московского университета, возобладал подход к событиям 1911 г., восходящий к его оценке покинувшими университет профессорами. Согласно воззрениям либеральной профессуры, коллективная отставка 1911 г. была протестом наиболее «прогрессивной» части ученых, за которыми стояли научные школы, против «бездумного» вмешательства государства в научную жизнь, в результате которого страдали честь и достоинство университетского профессора, окончательно падал его престиж в глазах русского студенчества, чего нельзя было допустить⁶⁴¹. В результате, поддержав уволенного из университета ректора А.А. Мануйлова, его помощника М.А. Мензбира и проректора П.А. Минакова, московская профессура встала на путь открытой оппозиции политике государства в сфере народного просвещения.

Стоит отметить, что профессура, покинувшая московский университет, приняла решение не возвращаться в него поодиночке и пристально следила за

---

⁶³⁹ При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Цыганков Д.А.* М.К. Любавский и организация 200-летнего юбилея со дня рождения М.В. Ломоносова в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 5. С. 95–113; *Цыганков Д.А.* Московский университет в городском пространстве начала XX в. // Университет и город в России (начало XX в.) / Под ред. Труде Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 371–460.

⁶⁴⁰ Очерки по истории Московского университета // Ученые записки МГУ. История. Вып. 50. М., 1940; История Московского университета. Т. 1. М., 1955.

⁶⁴¹ См.: напр., *Вернадский В.И.* 1911 г. в истории русской умственной культуры // *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М., 1996. С. 186–199; *Сперанский Н.В.* Кризис русской школы: Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914.

исполнением этого обета⁶⁴². Ее возвращение в университет было подготовлено министром народного просвещения графом П.Н. Игнатьевым, проводившим политику сотрудничества с университетами для реализации собственной программы реформы высшей школы. Окончательно возвращение стало возможным после революции в 1917 г., что привело к новому внутреннему конфликту в среде московской профессуры, так как решением министра народного просвещения Временного правительства, которым стал бывший ректор Московского университета А.А. Мануйлов, все назначенцы, получившие должности в Московском университете в период с момента введения временных правил 27 августа 1905 г., должны были уйти из университета, а ректор М.К. Любавский должен был покинуть свой пост, сохранив профессорскую должность⁶⁴³.

В либеральной оценке событий 1911 г. действия правительства подвергались резкой критике как неоправданные и непродуманные, позиция «прогрессивных» профессоров объяснялась естественным желанием сохранить автономию вуза⁶⁴⁴, оставшиеся профессора Московского университета подвергались нравственному осуждению, а занявшие места ушедших профессоров провинциалы-карьеристы – остракизму. Это общее воззрение профессоров-либералов, активных деятелей университетского конфликта 1911 г., дополнялось в советской историографии общей негативной оценкой «стольпинской реакции» в области образования⁶⁴⁵. В этой системе координат события 1911 г. символизировали конфликт между реакционной высшей бюрократией и профессорами-либералами по вопросам недопустимости чрезмерного контроля университетской науки со стороны государства.

---

⁶⁴² Частично эта проблематика впервые намечена в работе: *Романов Ю.В.* Наука и власть: Наследие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-99». История. Сб. тезисов. М., 1999. С. 76–80.

⁶⁴³ *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. М., 2009. С. 164–213.

⁶⁴⁴ Из новейших исследований о проблеме автономии в университетах в начале XX в. см.: *Ростовцев Е.А.* «Борьба за автономию»: Корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography.* 2 (2009). P. 75–121.

⁶⁴⁵ *Оськина Е.Д.* Московский университет в годы стольпинской реакции и революционного подъема, 1907–1914: дис. ... канд. истор. наук. М., 1954.

Такая общая оценка событий университетской истории начала 20 века, господствовавшая в отечественной историографии, с некоторыми оговорками, принималась и в трудах крупнейших зарубежных специалистов по университетскому вопросу. Так, С. Кассоу причиной университетского кризиса 1911 г. считал общую направленность политики в области образования П.А. Столыпина, проводником которой был А.Н. Шварц. Правда, при этом исследователь отмечал, что либеральная профессура не стремилась к жесткой конфронтации с властью, а, наоборот, пыталась воспользоваться ее поддержкой в деле создания новых научных направлений и борьбе со студенчеством⁶⁴⁶. Причиной конфликта декабря 1910 – февраля 1911 г. Кассоу называет личную убежденность Столыпина в том, что позиция, занятая ректором Московского университета А.А. Мануйловым, является политической и объясняется его партийными пристрастиями⁶⁴⁷. Сходную позицию, правда, на более широком фактическом материале, отстаивает немецкая исследовательница – профессор Труде Маурер⁶⁴⁸, которая рассматривает противостояние правительства и профессуры как отражение двух разных подходов к проблеме взаимодействия государства и научного экспертного сообщества в вопросах науки и образования: более консервативного, прагматичного – государственного, и, наоборот, либерального, восходящего к ценностям исследовательского университета, профессорского.

Наконец, в последнее время, предпринималась попытка нового прочтения ситуации 1911 г. Так, в одном из докладов А.Ю. Андреева на международной конференции, посвященной истории высших учебных заведений Европы в годы 1-й мировой войны⁶⁴⁹, был поставлен вопрос о так называемом «расколотом университете» в 1911 г. Автор показал существование различных конфликтов в

---

⁶⁴⁶ *Kassow S. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley, Los Angeles, London, 1989. P. 343–370.*

⁶⁴⁷ *Kassow S. Ibid. С. 356.*

⁶⁴⁸ *Maurer Trude. Hochschullehrer im Zarenreich. Köln; Weimar; Wien, 1998.*

⁶⁴⁹ "Die gespaltene Universität". *Moskauer Gelehrten 1911–1917 // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg (hrsg. T.Maurer). Pallas Athene. Beiträge zur Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte. Bd.18. Franz Steiner Verlag Stuttgart, 2006. S. 159–176.*

профессорской среде Московского университета до 1911 г., высказав предположение, что в 1911 г. завершился некий долготекущий процесс размежевания ученых Московского университета. Не делая оценки этой позиции исследователя по существу, стоит заметить, что работа Андреева поставила вопрос об имевшихся внутри самой профессорской среды Московского университета спорах и дискуссиях по всем направлениям академической политики: о взаимоотношениях ученых и администрации в деле подготовке научной смены, о резком изменении приоритетов МНП в пользу развития точных и естественных наук. Эти же проблемы обсуждаются в настоящее время в работах, посвященных властным практикам ученых, ставших крупными администраторами и государственными деятелями⁶⁵⁰.

Какова же была ситуация в Московском университете к 1911 г.? Прежде всего, стоит отметить, что профессура Московского университета рубежа веков диагностировала затяжной кризис, переживаемый университетом⁶⁵¹. Во-первых, в то время как число студентов в университете росло (за 1900–1917 прирост составил 161,8%), профессорско-преподавательский состав университетской корпорации сократился в 1900–17 на 21,7 %. Если на 1 преподавателя в 1900 приходилось 16 студентов; то в 1917 – уже 34, началась эпоха массовизации университета⁶⁵². По разным причинам ежегодно университет покидали до тысячи студентов (позже они могли восстанавливаться). Во-вторых, чрезвычайно низок был авторитет профессора в глазах студентов университета, постоянно росло число обструкций по разным мотивам, устраиваемым профессорам в университете (фактически из-за обструкции в университете перестал преподавать Герье). В-третьих, для студенческой массы была характерна определенная мировоззренческая позиция,

⁶⁵⁰ Черказянова И.В. Академические ученые в роли государственных чиновников (на примере попечителей учебных округов) // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX вв. СПб., 2010. С.102–134. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Миф о Кассо // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 14–22.

⁶⁵¹ Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. Т. V. Кн. 10, С. 537–573; Он же. Что делается и что делать в русских университетах // Освобождение. 1902. № 2. С. 21–23; № 3. С. 39–40; Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы. М., 1901.

⁶⁵² См. Отчеты о состоянии и действиях.

согласно которой в университете студенты не только получали специальные знания по изучаемым наукам, сколько отстаивали идеалы новой жизни, которые они понималась очень широко⁶⁵³. Университет рассматривался студентами не как храм науки, где профессора его жрецы, а студенты лишь приобщающиеся тайн, на чем настаивали профессора, а как «парламент несовершеннолетних», как определил в свое время университет Б.Н. Чичерин.

Профессора вне зависимости от политических предпочтений с тревогой отмечали, что студенты в университете в основе своей – политики, затем обыватели, которые идут в университет ради возможности получить после окончания университета вместе с дипломом определенный классный чин, и совсем в малой своей части интересующиеся наукой люди. Отчетливо этот взгляд профессоров был выражен после студенческих волнений 1899–1901 года, причиной которых профессора Московского университета считали политические и обывательские настроения в студенческой среде, несамостоятельность молодого человека, поступающего в университет⁶⁵⁴. Еще более очевидно это стало после событий 1905–1907 гг. Так, М.К. Любавский негативное отношение студентов к науке видел в «необыкновенно плохой постановке нашей средней школы, выпускающей людей, способных не столько мыслить, сколько глубоко чувствовать, жадно хватающихся за все крайнее...в упадке христианской религиозности, на место которой естественно становится новая религия... социалистическое сектанство»⁶⁵⁵.

Революция 1905–1907 гг. еще более обострила внутренние отношения в университете. Описывая ситуацию в университете в начале 1906 г., Любавский замечал: «Тяжелый и затяжной кризис переживают русские университеты и другие высшие учебные заведения. После годичного, а в большинстве высших учебных заведениях и полуторогодичного перерыва занятия возобновились осенью

⁶⁵³ Кручковский В.М. Политические настроения российского студенчества: 1905–1917 гг. // Интеллигенция и российское общество в начале XX в. СПб., 1996. С. 98–113; Олесич Н.Я. Господин студент императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002.

⁶⁵⁴ О причинах студенческих волнений. М., 1901. С. 8.

⁶⁵⁵ Цит. по: Ермолаев Е.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет. М., 2005. С. 156.

истекшего года. В истекшем осеннем семестре в Московском университете занятия прерывались три раза, в последний раз за неделю до предложенного первоначально окончания семестра. В лицах, желающих учиться, нет недостатка. По общему отзыву профессоров, лекции и практические занятия посещались студентами в истекшем семестре как никогда раньше. Но наряду с этим нельзя отрицать и того, что весьма значительная часть нашей учащейся молодежи втянута в революционный водоворот. Эта часть молодежи почти во всех учебных заведениях устроила сходки, на которых вынесены были единообразные резолюции – открыть высшие учебные заведения для того, чтобы использовать их в революционных целях. Посторонние входили в состав постоянных студенческих организаций – землячеств, кружков и т.д., наконец, революционная часть студенчества организовала общестуденческое правительство. В Московском университете такое правительство создано в лице так называемого Центрального университетского органа, который был выбран социал-демократами, социал-революционерами, кадетами, трудовиками, социалистами-народниками и т.д. В лице этого центрального органа создается студенческая власть, которая имеет влияние на судьбы университета не менее, чем профессорская коллегия. Революционная часть молодежи в настоящее время буквально держит в своих руках течение учебных занятий, которым она старается не мешать только по мере возможности и каждую минуту готова нарушить их и сделать невыполнимыми. Мирная часть студенчества находится под гнетом ее, терроризирована ею и не в силах парализовать ее своеволие... В последнее время революционеры выдвигают идею о студенческой корпорации и автономии, в соответствии с которой в автономном университете должно быть и автономное студенчество наряду с автономной профессорской корпорацией. Эта академическая корпорация должна принимать равное с профессорами участие в академической жизни, отсюда требование – допустить студенческих делегатов в Совет университета с правом решающего голоса. Так обстоит дело в университете, так оно обстоит и в других высших учебных заведениях, до женских курсов включительно, где оно осложнилось тем, что значительная часть преподавателей обнаружила склонность

пойти навстречу этим притязаниям. Таким образом, в высших учебных заведениях фактически теперь два хозяина, два распорядителя, две власти: совет преподавателей и студенческое правительство. Обе эти силы постоянно сталкиваются, трутся одна об другую, как в вопросах чисто академического характера, так в особенности в главном, основном вопросе – для чего существуют высшие учебные заведения. Профессора, конечно, утверждают, что высшие учебные заведения существуют для распространения научного образования, студенчество настаивает, что эта цель должна в настоящее время отступить на задний план, перед настоятельным желанием политики. По совести нужно признать, что профессорские коллегии употребили все усилия, чтобы при данных обстоятельствах спасти хотя бы остатки высшего образования: проявили много такта и гуманности, чтобы сдерживать разбушевавшуюся молодежь, так или иначе держать ее при научных занятиях; проявили, наконец, много самоотвержения и нравственного мужества, действуя по совести и не встречая почти нигде сочувствия в одобрении своим действиям... Разбушевавшееся море политических страстей стало захлестывать своими волнами высшие школы и сносить в них все начинания профессорских коллегий. Необходимо создать прочные дамбы и оградить ими высшие школы»⁶⁵⁶.

Из выступления Любавского видно, что кризис университета проявлялся на нескольких уровнях. Во-первых, налицо был кризис управления. Первоначально он заключался в конфликте между университетским советом и МНП. Совет требовал автономии вуза, отказа от устава 1884 г. Однако формальная победа университетского Совета – введение в действие Временных правил 27 августа 1905 г. еще более запутала ситуацию. Оказались не разграничены властные полномочия между избранным ректором, Советом, попечителем и министерством. В результате для решения возникающих вопросов возникали различные комиссии, не предусмотренные законодательством. Так, сразу после закрытия университета в начале 1905 г. была создана Комиссия по вопросу выработки мероприятий для восстановления нормальной жизни университета, члены которой пришли к

---

⁶⁵⁶ Любавский М.К. К университетскому вопросу // Голос Москвы. 1906. 28 декабря.

мнению, что «нестроения академической жизни находятся в тесной зависимости от общих условий жизни нашего отечества и не могут быть искоренены никакой университетской реформой»⁶⁵⁷. После введения Временных правил 27 августа была сформирована комиссия для управления хозяйственными и учебными делами, в которую вошли В.И. Вернадский, Р.Ю. Вишпер, В.О. Ключевский, П.И. Новгородцев, К.А. Тимирязев. Наконец, после осеннего кризиса 1906 г., спровоцированного общестуденческими организациями и повлекшего новое закрытие университета, была создана Советская комиссия – антикризисный орган, перед которым была поставлена цель скорейшего открытия университета.

Кроме легальных, но внеуставных профессорских органов власти университетом пытались управлять нелегальные студенческие организации. В управление университетом вмешивались также московский генерал-губернатор и обер-полицмейстер. В университете неоднократно возникали ситуации многовластия. Наиболее ярко в 1906⁶⁵⁸ и 1911⁶⁵⁹ гг.

Вслед за управленческим кризисом в университете последовал кризис финансовый. Поскольку в 1905–1907 гг. занятий практически не проводилось, в университетском бюджете образовалась дыра, дававшая себя знать вплоть до начала военного периода. В конце 1905 г. была образована сметная комиссия во главе с Любавским, которая диагностировала дефицит бюджета порядка 100 тыс. р.⁶⁶⁰ Став ректором университета Любавский на одном из выступлений перед Советом в 1912 г. вновь констатировал бюджетный дефицит: «университет переживает критический момент в финансовом отношении. Предстоит ликвидировать много неоплаченных счетов за старые годы. Необходимо установить равновесие в бюджете. Несоответствие имеющихся у университета

---

⁶⁵⁷ Доклад комиссии см.: ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 95.

⁶⁵⁸ Русские ведомости. 1906. № 242. 3 октября; № 245. 6 октября.

⁶⁵⁹ *Иванов Ю.Ф.* Московский университет в 1911 г. // *Российские университеты в XVIII–XX вв.*; Воронеж, 2002. С. 164–177.

⁶⁶⁰ *Ермолаев Ю.Н.* Ректор Московского университета М.К. Любавский // *Академик М.К. Любавский и Московский университет.* М., 2005. С. 149.

средств росту потребностей проявляется... во всех частях университетского хозяйства»⁶⁶¹. Дефицит средств составлял около 150 тыс. р.

Финансовый кризис имел еще одну составляющую – слабое финансирование коллективных исследований науки в университете. Между тем конец XIX – начало XX в. – это эпоха научной революций, потребовавшей коренной реорганизации научных учреждений. Точные и естественные науки на рубеже веков начинают дифференцироваться, требовать все большей специализации и новых форм организации труда ученых: появляются различные лаборатории, научные институты, опытные станции, что ведет к разрастанию университета и потери им своего пространственного и организационного единства. Вместе с новыми запросами науки на место профессору-дуайену, прежде всего гуманитарно, олицетворявшему собой ту или иную отрасль знания, приходят научные коллективы.

Наконец, начавшаяся специализация внутри наук требовала изменения системы преподавания на факультетах. Профессура требовала введения в университете предметной системы преподавания, позволявшей студентам самостоятельно выбирать из программы преподавания на факультетах курсы и семинары, необходимые им для более дробной специализации⁶⁶².

Каковы были способы выхода из университетского кризиса, вызванного отсутствием консенсуса по основным вопросам университетской жизни? Административный подход к решению проблемы университетского кризиса был продемонстрирован министром народного просвещения А.Н. Шварцем (до него тем же путем шел И.И. Толстой, однако он был склонен либерализовать университетское законодательство; профессура Московского университета также возлагала надежду на устав, разработанный при участии профессорских

---

⁶⁶¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 105. Л. 121, 122.

⁶⁶² См. Труды Совещания профессоров по университетской реформе, образованной при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906. С. 79; *Князев Е.Я.* Предметная система в высшей школе России // Вестник высшей школы. 1987. № 11; *Иванов А.Е.* Университеты и власть в российской империи. Начало XX в. М., 2023. С. 292–299.

корпораций русских университетов⁶⁶³). Шварц считал законодательство по вопросам высшего образования начала 20 века ущербным, вырванным у правительства революцией, и начал его пересмотр. Министр добился отмены всех распоряжений МНП по университетскому вопросу, сделанных в период с 1905 по 1908 г. и фактически вернул университет к нормам устава 1884 г. Однако борьба с отменой вырванных революцией уступок, не составляла сути взглядов Шварца на проблему развития университета, хотя именно это ему ставилась либеральной профессурой в университете.

Шварц считал необходимым вынести за стены университета любую внеучебную и вненаучную деятельность преподавателей и студентов, подчинив их в этом отношении общему надзору Министерства внутренних дел наряду со всеми другими подданными империи. Технически эту проблему он хотел решить в новом уставе, который в мае 1910 г. он внес в Думу. Проект предусматривал широкие полномочия министерства в управлении вузами. Министр утверждал избранных ректора и проректора, а в случае двукратного неутверждения мог назначить на эти посты других лиц. Министр назначал советника по хозяйственной части, ведавшего экономическими вопросами в вузе. Надзор за университетами осуществлял подотчетный министру попечитель учебного округа, имевший право созывать собрания Совета, Правления и факультетов. Расширились права факультетских собраний и одновременно сужались права Совета. Любое избранное Советом должностное лицо должно было быть утверждено попечителем. Выход из кризиса для Шварца был связан с административной реформой, строгим распределением компетенций между различными центрами университетской власти⁶⁶⁴.

Академический вариант выхода из кризиса был характерен для Любавского. Идеологическая программа вывода университета из кризиса была намечена им в 1907 г.: «Давно уже политика стала врываться в наш храм науки, чистой и вечной

---

⁶⁶³ Иванов А.Е. Университеты и власть в российской империи. Начало XX в. М., 2023. С. 279–299.

⁶⁶⁴ Соболевский С. Александр Николаевич Шварц (Очерк) // Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 255–270.

истины. Сначала ворвалась она в форме революционной пропаганды шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годов. За нею последовало правительственное воздействие с его руководящим началом политической благонадежности, с его уставом 1884 г. Политика подорвала авторитет профессоров в глазах студенчества и общества, крепко вошла в головы мысль, что профессора не представители независимой науки, а правительственные агенты, все равно – хотя бы они излагали дифференциальные или интегральные исчисления и не занимали никаких административных должностей. Политика воспитала в учащейся молодежи чувство и сознание, что университет не храм науки, а место для ответного политического воздействия, центр для всяческих махинаций в этом направлении. Правительство задавалось целью заставить студентов только учиться и не заниматься никакой политикой. Кончилось тем, что студенты в огромном количестве перестали совсем учиться и занялись такой политикой. Студенты теперь провозгласили политической трибуной революционного народа.

Правительство увольняло неблагонадежных профессоров. Кончилось тем, что студенты стали бойкотировать и не прочь увольнять благонадежных. Правительство старалось разъединить студентов, строго запрещая и преследуя сходки и студенческие организации. Кончилось тем, что университетские помещения служат теперь преимущественно для сходок и всевозможных собраний, не имеющих ничего общего с академическими вопросами. Не достигло своей цели правительство и в своем стремлении подобрать контингент преподавателей, преданных только науке и чуждых всякой политики. Одно только осталось по старому: нет должного уважения к свободе и независимости мысли в университете, нет культа истинного и научного знания. И теперь над ним полицейский надзор, еще более тяжкий, чем прежде; и теперь производится в нем политический сыск, перед которым практиковавшейся прежде – ничто... Воздуху, воздуху, больше нашей бедной *almae matri*! Иначе в нашем храме задохнутся все, кто идет учить и учиться, и погаснет огонь на жертвеннике Аполлона, и мерзость запустения водворится в месте святом»⁶⁶⁵.

---

⁶⁶⁵ Голос Москвы. 1907. 12 января.

Своими практическими действиями на должности декана историко-филологического факультета и ректора университета Любавский сформировал и программу действий академика. Ее суть сводилась к углублению научной специализации, чему способствовала прежде всего предметная система преподавания.

В декабре 1909 г. Любавский предложил пересмотреть учебный план факультета в связи с окончанием четырехлетнего цикла действия предметной системы. В результате на историко-филологическом факультете появились вспомогательные курсы по истории политических и общественных учений и истории права, стали разрабатываться курсы социологического характера, сокращались курсы по «Истории славян» и «Истории Церкви».

Одним из элементов сплочения людей университета вокруг университетских ценностей стала организация Любавским различных праздничных мероприятий, посвященных деятелем русской науки, рубежным и знаковым событиям русской истории. В частности, Любавский выступил с инициативой проведения празднований в честь 50-летия крестьянской реформы⁶⁶⁶, двухсотлетия со дня рождения М.В. Ломоносова, 100-летия со дня рождения Т.Н. Грановского, 300-летия дома Романовых. Именно Любавский организовал проведение дней памяти Ключевского в Московском университете и ОИДР после 1911 г. Фактически Любавскому принадлежит идея объединения людей университета вокруг университетских ценностей.

8.2. Память о В.О. Ключевском в сообществе московских историков

Общий университетский кризис наложился на смерть лидера сообщества московских историков – В.О. Ключевского, умершего 12 мая 1911 г. (по старому стилю). Ученики Ключевского играли важную роль в создании, распространении и хранении памяти о своем предшественнике.

---

⁶⁶⁶ Ермолаев Ю.Н. Указ. соч. С. 177–180.

Прощальные слова на могиле историка сказали ректор М.К. Любавский, студент-историк Л.И. Львов. Речи предполагали сказать П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, И.И. Попов, но они не согласовали проспекты выступлений с полицией. Говорить на похоронах им не рекомендовалось⁶⁶⁷. Как верно заметила Т.А. Сидорякина, не сказанное на могиле нашло воплощение в газетных публикациях, освещавших кончину Ключевского⁶⁶⁸.

Так, А.А. Кизеветтер своим долгом перед памятью учителя считал скорейшую публикацию некролога. Как свидетельствовала жена историка – Е.Я. Кизеветтер – муж признался ей в «чувстве осиротелости»⁶⁶⁹. Ночью 12 мая Кизеветтер написал статью о Василии Осиповиче для «Русских ведомостей»⁶⁷⁰. Этот текст Кизеветтера создавался, скорее, не для учеников историка по университету, а для русского общества, которое уже произвело Ключевского в «классики». Кизеветтер пояснял, что в короткой газетной статье трудно дать оценку значения научных трудов Ключевского для русской науки. Но он делал такую попытку по той причине, что заметил «желание общества теперь же отдать себе отчет во всей громадности понесенной утраты с кончиной знаменитого русского ученого и профессора»⁶⁷¹. Кизеветтер описывал свои неформальные беседы с учителем, в которых, на его взгляд, В.О. Ключевский «особенно рельефно» проявлял свое истинное отношение к тому, «чем была полна его душа – к науке»⁶⁷². В целом Ключевский в этой статье Кизеветтера предстал как историк-новатор, глава российской социологической школы.

⁶⁶⁷ Похороны В.О. Ключевского // Русские ведомости. 1911. 11 мая. № 112. С. 2; Похороны В.О. Ключевского // Русское слово. 1911. 17 мая. № 112. С. 3; Похороны В.О. Ключевского // Утро России. 1911. 11 мая. № 112. С. 4.

⁶⁶⁸ Сидорякина Т.А. Жизнь после смерти: Мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX в. // Мир историка: Историографический сборник / под. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск, 2011.

⁶⁶⁹ Дневник Кизеветтер Е. Я. 1905–1922 // НИОР РГБ. Ф. 566. К. 19. Ед. хр. 1. Л. 312, 328 об. – 329.

⁶⁷⁰ Этот краткий некролог А.А. Кизеветтера был опубликован в «Русских ведомостях», вышедших утром 13 мая. Через день вышла более объемная статья в память о В.О. Ключевском. См.: В.О. Ключевский как ученый историк России // Русские ведомости. 1911. 14 мая. № 110. Дневник Кизеветтер Е. Я. 1905–1922 // НИОР РГБ. Ф. 566. К. 19. Ед. хр. 1. Л. 312, 328 об.–329.

⁶⁷¹ Кизеветтер А.А. В.О. Ключевский как ученый историк России // Русские ведомости. 1911. 14 мая. № 110.

⁶⁷² Кизеветтер А.А. Памяти В.О. Ключевского // Русская мысль. Книга VI. 1911. С. 140.

Сходные идеи без теплого личного начала содержались в письме в редакцию Р.Ю. Виппера, которое при публикации было озаглавлено «Памяти великого учителя»⁶⁷³. В письме Василий Осипович изображен главой «социально-исторического» изучения русской истории, который, как полагал автор, в своих построениях ориентировался на «Историю цивилизаций» Ф. Гизо, которую он первый интерпретировал в социальном ключе, возможно, благодаря собственному жизненному опыту, в котором огромную роль играла отмена крепостного права.

После траурных мероприятий московские историки к дням памяти о Ключевском (40 дней, полгода, год и т.д.) стали приурочивать новые мемориальные тексты о нем⁶⁷⁴. Этот процесс происходил одновременно с изучением академического наследия Ключевского. Очень часто в научные статьи проникали элегические мемуарные ноты, иногда в мемориальных текстах содержались весьма интересные научные идеи и наблюдения.

П.Н. Милюков в дни смерти Ключевского направивший от партии кадетов и от себя лично телеграммы с соболезнованиями сыну историка – Борису Васильевичу⁶⁷⁵, создал один из самых запоминающихся образов Василия Осиповича в мемуарной литературе. Прежде всего Павел Николаевич подчеркнул особое положение Ключевского среди всех историков Московского университета за все время его существования. Милюков не отрицал, что для оставшейся где-то очень далеко истории «старого» Московского университета такие историки как Каченовский и Соловьев, возможно, много значили для своих слушателей. Но, полагал Милюков, к концу 1870-х гг. русская история в университете влачила столь жалкое существование, что серьезно заниматься ей студенчество не желало. Понадобился Ключевский, чтобы переломить ситуацию.

Милюков считал, что уже к своему дебюту в университете Ключевский был сложившийся мастер своей науки. В ходе преподавания Ключевский перевел

⁶⁷³ Русские ведомости. 17 мая. 1811. № 112.

⁶⁷⁴ См., например: В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912, а также Т. 248 ЧОИДР, посвященный памяти Ключевского.

⁶⁷⁵ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 24 б. Д. 30. Л. 1. От партии – см.: К кончине В.О. Ключевского // Русские ведомости. 1911. 15 мая. № 111. С. 3.

русскую историю с «неведомого и недоступного языка документов и прагматиков»⁶⁷⁶ на язык науки. От местной истории Ключевский требовал не патриотизма и гордости, как это было до него, а научного метода, исходил из положения – «Weltgeschichte ist Weltgericht» (всемирная история есть всемирный суд), – то есть выступал за сравнительно-исторический метод для изучения особенностей русского исторического процесса. Под этот метод Ключевский подвел и новое содержание, показав, что в основе политической и культурной истории лежит экономическая подкладка. В своем понимании «экономического материализма», как отмечал Милюков, Ключевский исходил, скорее из Сорольда Роджерса, чем из Маркса, но это все равно было уже новое слово науки.

Милюков, конечно, заметил, что приобщение к новому происходило у Ключевского сложно. Умом Ключевский был западник, а по укладу жизни принадлежал к славянофилам. Выход из этого сложного положения Ключевский нашел в эпохе Великих реформ: он учился у времени и эмансипировался от всего чуждого для себя вместе с новыми веяниями. В результате главными чертами Ключевского, по Милюкову, было «лукавство и ум»: «лукавство, «подчас злое, подчас веселое, насмешливое, задорное, в глазах», «ум и талант – в неторопливом чекане строго взвешенной речи, в этих всегда неожиданных оборотах и сравнениях, сперва поражающих и приковывающих воображение, потом сердивших своей кажущейся случайностью, потом снова притягивающих меткостью и глубиной, и опять сердивших, и опять чаровавших»⁶⁷⁷.

По мнению Милюкова, Ключевский был не очень хорошим педагогом, но очень хорошим исследователем. Студенты брали метод Ключевского из его лекций (интерес к экономическому материализму). Ничего, кроме очарования, не получали на его семинарах. А учились прежде всего по работам Василия Осиповича. К концу жизни, по мнению Милюкова, Ключевский был очень

⁶⁷⁶ Милюков П.Н. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 183–217.

⁶⁷⁷ Милюков П.Н. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. С. 183–217.

современным русским гражданином, больше демократом, чем либералом, которого мало кто понимал.

В создании коммеморативных практик о Ключевском в сообществе московских историков, которые М.В. Нечкина назвала академической легендой о Ключевском, принимали участие прежде всего наследники Ключевского на кафедре – Любавский⁶⁷⁸, Кизеветтер⁶⁷⁹, Богословский. Так, Богословский, понимая слабые стороны Ключевского-педагога, связывал именно с Ключевским как с интеллектуалом типичные элементы «московской школы историков»: цельность и литературность научных текстов, опору на делопроизводственные документы при изучении России нового времени, сравнительно-исторический аспект исследований.

В текстах, созданных учениками Ключевского после смерти историка, приводилось множество частных бесед и диалогов с Василием Осиповичем, которые показывали его парадоксальность, тонкий ум, умение быстро овладеть ситуацией. Можно даже сказать, что в рамках подобных воспоминаний о Ключевском формировался особый способ представлять Ключевского как московского мудреца, немного несовременного, но много понимавшего в действительности благодаря глубокому погружению в прошлое. Понимание прошлого в воспоминаниях учеников Ключевского становилось ключом к пониманию настоящего.

В первых текстах о Ключевском Готье можно заметить полемику с теми его оппонентами (очень часто – провинциальные почитатели таланта историка и слушатели 1900-х гг.), которые считали, что Ключевский был не самым лучшим педагогом для своих учеников. Юрий Владимирович фактически за самого Ключевского сформулировал его педагогическое кредо. По мнению Готье, Ключевский предоставлял ученику полную свободу творчества, внимательно вглядывался в ученика в процессе общения и оказывал помощь, если она была,

---

⁶⁷⁸ Любавский М.К. Василий Осипович Ключевский († 12 мая 1911 г.). М., 1913.

⁶⁷⁹ Кизеветтер А.А. В.О. Ключевский как преподаватель // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. С. 164–177.

действительно, необходима. Однако Ключевский ожидал от ученика, по мнению Готье, самостоятельности, надеялся на то, что он сам без участия профессора решит все, возникшие перед ним исследовательские проблемы. Иначе не выйдет профессионала⁶⁸⁰.

Уловив наметившуюся в 1900–1910-е гг. тему обсуждения памяти Ключевского, происходившую среди учеников Ключевского, особенно в связи с вопросом о «школе Ключевского»⁶⁸¹, важное антропологическое наблюдение, сравнив Соловьева и Ключевского, сделал Герье. Старый профессор не решился озвучить его публично, но говорил о нем в своем окружении и зафиксировал в воспоминаниях: «...Не могу не сказать о характерном контрасте между учителем и учеником, контрасте, который обуславливался как различием их индивидуальности, так и различием эпох, когда они жили и духом этих эпох. Различие между Соловьевым и Ключевским не ограничивалось тем, что Соловьев искал в излагаемых их фактах присущую им неизменную разумность, тогда как Ключевский обличал проявляемую ими неразумность. Различие между историками шло еще глубже и обуславливалось эпохой их творчества и духом этих эпох. Как подметила одна из усердных слушательниц Ключевского, высоко его ценящая и с участием его навещавшая на смертном одре: «Если Соловьев был историком созидания России, то Ключевский захотел быть историком ее разложения»⁶⁸². Впрочем, судя по всему, это уже были тонкости, понятные лишь избранным интеллектуалам.

В качестве дня памяти о Ключевском в Московском университете закрепилось 12 мая – день смерти историка. В этот день на могилу Василия Осиповича на Донском кладбище отправлялись его ученики, ставшие профессорами Московского университета, со своими студентами.

⁶⁸⁰ Готье Ю.В. В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 177–182.

⁶⁸¹ В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912.

⁶⁸² Герье В.И. Юбилей С.М. Соловьева. С. 212.

8.3. Проблема лидерства в сообществе московских историков

Фактически к началу революции в 1905 г. из признанных профессоров-дуайенов 1890-х гг. продолжал активную деятельность на факультете лишь Ключевский. При этом поздний Ключевский на факультетских заседаниях пошел навстречу новому поколению профессоров (Виппер, Петрушевский, Савин) и новым тенденциям в администрировании университетом, возобладавших после введения временных правил 27 августа 1905 г. В духе времени оказалась попытка Ключевского «секуляризировать» кафедру церковной истории после смерти профессора А.П. Лебедева и отдать ее С.А. Котляревскому, у которого к этому времени было за плечами защита трех диссертаций (две по истории, одна – по юриспруденции). Попытка оставить кафедру церковной истории светскому по образованию историку не удалась, но Ключевский из-за своего ходатайства приобрел благоприятную репутацию у молодежи⁶⁸³.

Как следующий шаг на сближение с более левыми, чем октябристы историками, можно рассматривать рекомендацию Ключевского Кизеветтера на должность штатного профессора⁶⁸⁴. В ситуации, когда у Ключевского был выбор рекомендовать на кафедру Кизеветтера или Богословского, а молодежь всегда подозревала Ключевского в покровительстве своим – «поповичам», он сознательно сделал выбор не в пользу Богословского, ставшего наследником Ключевского в чтении лекции по русской истории в МДА, а в пользу Кизеветтера, у которого была активная политическая позиция. Правда, нужно отметить, что Богословский полностью поддержал дуайена. Михаил Михайлович считал, что право более ранней защиты докторской диссертации при всех прочих равных условиях, давало преимущество именно Кизеветтеру.

⁶⁸³ Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском московском университете // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1. С. 45–64.

⁶⁸⁴ Савин особо подчеркивал, что Ключевский пришел на выборы Кизеветтера в Совете университета, хотя обычно не так часто ходил на факультетские и Советские заседания. Савин А.Н. Университетские дела. С. 105.

Отказ в должности Кизеветтеру в Министерстве народного просвещения стал поводом для размышлений о кадровой политике историков в университете. К 1917 г., когда состоялись последние назначения на профессорские должности до советского декрета от отмене ученых степеней и ученых званий, корпорация историков пришла к убеждению, что кандидат на должность в Московском университете должен выбираться по взаимному согласию всего сообщества историков и по рекомендации специалиста, однако отработать этот механизм у штатных преподавателей университета не получилось.

В 1902 г., после инцидента конца 1901 г., университет покинул самый популярный среди студентов профессор университета и лидер всего сообщества московских историков, – П.Г. Виноградов. Возвращение Виноградова в университет в 1908 г. не стало триумфальным⁶⁸⁵, обнаружив глубокий разлад между Виноградовым, с одной стороны, и Виппером, Петрушевским и Савиным, с другой. Виноградов сумел установить деловые контакты с Савиным, но демонстративно негативно относился к Випперу и Петрушевскому. В целом Виноградов практически не принимал участия в факультетских и университетских делах.

В 1904 г. после адреса наоборот, прочитанного студентами Герье за его политическую позицию в Московской городской думе, на факультете перестал преподавать Герье: сначала на 2 года он уехал на лечение за границу, а затем стал членом Государственного совета по назначению и покинул Москву, хотя формально оставался старейшим членом факультета. Редко приходящий на заседания факультета и совета Герье характеризовался новым поколением историков как «мертвая душа», хотя его работоспособность удивляла молодежь. Герье, в свою очередь, состав всеобщих историков в Московском университете также не нравился. В письме Карееву он писал: «Я не могу при этом не высказать сожаления, что до этого дня не дожил любезный нам обоим Михаил Сергеевич,

---

⁶⁸⁵ Антощенко А.В. Возвращение в родной университет: Переписка и документы в связи с избранием П.Г. Виноградова сверхштатным профессором Московского университета в 1908 г. // Средние века. 2020. Т. 81. № 1. С. 127–137.

которому следовало бы жить и жить. Увы, вместо него в Московском университете три весьма разнородное, но на него не похожее»⁶⁸⁶.

После ухода Герье лидером всеобщих историков Московского университета стал Виппер. Он был старейшим по назначению ординарным профессором всеобщей истории на факультете (Герье и Ключевский в 1900-е гг. были уже заслуженными профессорами), самым популярным лектором в период между двумя революциями (особенно после прекращения чтения лекций Ключевским). При этом, как показывают коллеги Виппера по кафедре, творческая активность Виппера неуклонно снижалась. Особенно это стало заметно после 1911 года.

Московские историки «левее» октябристов ждали ухода Роберта Юрьевича из университета в ситуации господства «режима Кассо», однако Виппер сохранил свою должность, не объяснив при этом своей позиции, что стало причиной различных пересудов и, возможно, привело к постепенному охлаждению к Випперу со стороны Петрушевского, бывшего его правой рукой в университете до 1911 г. Явным свидетельством нерасположения к Випперу стала его забаллотирование на выборах на профессорскую должность на Высших женских курсах, состоявшееся благодаря позиции нового поколения историков⁶⁸⁷.

В университете позиции Виппера были прочны, без него коллеги часто отказывались обсуждать учебные вопросы, касавшиеся всеобщей истории. Однако новой тенденцией после 1911 г. стал эскапизм самого Роберта Юрьевича, который не могли не замечать коллеги. Виппер не приходил на факультетские занятия, уклонялся от обсуждения горячих вопросов. По мнению Савина, Виппер явно переживал сильный духовный кризис, ставший, по мнению коллег, особенно явным после неожиданной смерти жены профессора, когда Роберт Юрьевич сделал еще один шаг к одиночеству. По слухам среди коллег, каждый день Виппер ходил на могилу жены на Новодевичьем монастыре, где его видели знакомые.

Между тем Виппер был последним всеобщим историком Московского университета, читавшим общие курсы в традициях второй половины XIX века, в

⁶⁸⁶ НИОР РГБ. Ф.119. К. 4. Ед. хр. 21. Л. 11.

⁶⁸⁷ Савин А.Н. Университетские дела. С. 259.

традициях Грановского–Ключевского. В предшествующий 20 веку период единство всеобщих историков достигалось за счет изучения крупнейших событий всеобщей истории, широкого энциклопедизма с обязательным изучением классических текстов на греческом и латинском языках. Неслучайно Виппер был последним преподавателем всеобщей истории, настаивавшем на обязательном знании древнегреческого языка для желающих быть оставленным в университете по всеобщей истории и отказывался оставлять при университете и принимать экзамены у не знающих древнегреческого. Сохранял Виппер и ставшую чрезмерно громоздкой систему из 15 вопросов по всеобщей истории на магистерских экзаменах (пять по древней, средней и новой истории), что по-прежнему в идеале было направлено на воспитание всеобщего историка, но на практике приводило к тому, что оставленные при университете редко доходили до стадии сдачи магистерских экзаменов, так и не подготовив полученных вопросов. Во всяком случае, в положенный двух и трехгодичный срок ни у кого из учеников Виппера это не получилось. При этом и в методологическом, и философском планах последний из всеобщих историков в Московском университете отрицал единство всемирно-исторического процесса как объективную реальность⁶⁸⁸. Он склонялся мысли, что представление о всеобщей истории у специалистов – это своеобразная педагогическая доктрина, позволяющая проводить эксперименты с огромным массивом фактов, который в своей целостности не подвластен изучению.

С точки зрения Виппера, реконструируя историческую реальность, историк должен работать таким образом, чтобы его язык, исторические примеры, система доказательств, адекватно (конгениально) подходили для понимания прошлого. При этом он полагал, что интерес к прошлому все же объясняется настоящим. Поэтому оставляя учеников, Виппер, вполне возможно исходил из политических взглядов студентов. Он намеренно оставлял «левых» по политическими взглядам

---

⁶⁸⁸ *Малинов А.В.* Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX – начала XX в. СПб., 2009. С. 262–326; *Он же.* Философия и методология истории в России. СПб., 2015. С. 252–266.

кандидатов, которые должны были сформулировать язык новых левых интеллектуалов, которыми Вишпер активно интересовался.

Второй, оставшийся после 1911 г., профессор кафедры всеобщей истории, Александр Николаевич Савин – это фактический новый тип историка-всеобщника. С одной стороны, он был создан той системой подготовки всеобщих историков, которая существовала у историков в университете на рубеже веков. Кроме интереса к Англии XVII в., ставшего основой его исторических штудий, Савин интересовался крупными историческими темами (например, проблема революций эпохи нового времени). Правда, с другой стороны, во время организационных собраний по возрождению Исторического общества в конце 1915 – начале 1916 гг. именно Савин озвучил позицию, согласной которой в настоящее время практически невозможно сформулировать общие темы для всеобщих историков, которые будут вызывать универсальное внимание.

Деятельность Савина как профессора Московского университета показывает, что в науке всеобщей истории начался процесс глубокой специализации. Ученики Савина, сохраняя интерес к проблемам всеобщей истории, становятся прежде всего специалистами по различным периодам Англии, хотя в дореволюционную эпоху проявить себя они не успевают. Савин много думает над организацией семинарских занятий, фактически добившись выделения для него специального помещения и формируя библиотеку семинария.

Случайной фигурой выглядит на кафедре всеобщей истории Иван Иванович Иванов, назначенный сверхштатным профессором министром Кассо. Он не подвергался остракизму со стороны коллег, которые не жаловали министерских назначенцев, поскольку был плоть от плоти созданием московской школы, однако не рассматривался как человек, от которого зависит будущее факультета.

Ближайшим претендентом на штатную должность профессора кафедра всеобщей истории, получившим назначение по выборам корпорации в 1917 г., оказался Дмитрий Николаевич Егоров. Он ближе всего по отношению к образовательному пространству университета стоял к своим предшественникам 1890-х гг. – Герье и Виноградову (Егоров был учеником Виноградова). Это

проявлялось и в более интенсивных контактах с предшественниками и в деятельности Егорова в 1910-х гг. в научных общества рядом с университетом. Именно Егоров сыграл важную объединяющую роль в сообществе московских историков, заняв место секретаря возрожденного Исторического общества в 1916 г.

В целом «кафедра Грановского» в период между двумя революциями утратила лидерство в сообществе московских историков, сохранив высокий профессиональный уровень в подготовке историков, специализирующихся на европейской истории. При этом некоторые обязательные элементы для профессионализации всеобщих историков, распространенные в 1880–1890-х гг., были утеряны в начале века. Так, в силу политических причин прекратились стажировки за границей, среди всеобщих историков не оказалось лидера, создающего специальные научные институции для молодежи.

В 1910-е гг. профессора российской истории – Любавский, Богословский, Готье – перехватывали у всеобщников лидерство в подготовке научной смены. Ведущая роль здесь принадлежала Богословскому, ориентирующемуся в воспитании молодежи на традиции взаимоотношений с молодыми историками, характерными для Виноградова. Однако в отличие от Павла Гавриловича Богословский предпочитал индивидуальные методы наставничества и постоянного домашнего семинара для историков не создавал. Для коллективной работы молодых историков он рассматривал деятельность Исторического общества, в рамках которого он приглашал учеников брать на себя инициативу по составлению библиографических указателей по истории, приучал их к ведению дискуссий на исторические темы в кругу профессионалов. При этом к 1917 г. оставленные Богословским ученики чувствовали свое единство, что проявилось, например, в адресе, составленным ими для поддержки учителя⁶⁸⁹, когда согласно решению министра Мануйлова он должен был оставить должность профессора, как

---

⁶⁸⁹ Поддержать Богословского пришли Л.И. Львов, А.Ф. Рыбаков, А.П. Новосельский, Сергеев, В.Г. Яцунский, Лютш, Иванов-Полосин, Фокин, Никольский, Голубцов. *Богословский М.М. Дневник*. С. 334.

получивший профессорство решением министра после введения в действие временных правил 1905 г.

После назначения на штатную профессорскую должность Готье также стал помогать Богословскому в курировании молодежи. Очень часто общие собрания русских историков проходили дома у Готье. Любавский, несмотря на занятость, эти собрания также старался посещать.

Любавский был самым авторитетным профессором русской истории, решавшим организационные вопросы, связанные с текущими делами на факультете. Но в период между двумя революциями Матвей Кузьмич рассматривался прежде всего как квалифицированный эксперт по научным вопросам на факультетских заседаниях и защитах. Даже недоброжелатели Матвея Кузьмича отмечали, что погружение Любавского в научную экспертизу всегда было глубоким, но при этом весьма сочувственным для защищавшегося. Так именно позиция Любавского во время обсуждения диссертации Егорова сгладила научные расхождения между Егоровым и Савиным. Однако как педагог и учитель Любавский вряд ли был влиятельным профессором. Времени из-за административной загруженности на более детальную работу с учениками у него не хватало. Как следствие его ученики долго шли к магистерским экзаменам.

Таким образом, в изучаемый период нужно отметить усилившийся уровень сотрудничества профессоров-русистов друг с другом. В их отношениях по решению учебных и научных вопросов можно видеть прообраз кафедральной работы более поздней эпохи. Надо отметить, что это сотрудничество во многом стало возможным в связи с тем, что политические предпочтения (Готье изначально сочувствовал кадетам) не разделяли русских историков между собой, они стояли на академических позициях, согласно которым университет должен находиться вне политики. Задача сохранения русской культуры, одним из источников которой был Московский университет, для них было важнее решения вопроса о правительстве общественного доверия, будущем государственном устройстве и избирательных правах. Именно эти профессора пытались стать хранителем памяти о Ключевском как создателе школы русских историков Московского

университета. Эта идея доносилась в том числе благодаря ежегодным посещениям могилы учителя всем сообществом историков 12 мая.

Наиболее популярными профессорами после 1911 г. были Виппер и Богословский. «Историко-филологический факультет этого времени, – вспоминал Н.М. Дружинин, – был реформирован на основе предметной системы, требовавшей больше инициативы и самостоятельности от учащихся. Но здесь сильнее обнаруживалось влияние отсталых традиций, господствовавших ранее 1905 г.: в программе официальных предметов по-старому фигурировало богословие; слушание философских дисциплин фактически было обязательным (читавший их профессор Челпанов не принимал экзаменов без предварительной записки и усвоении своих курсов)..., некоторые передовые профессора, например, Д.М. Петрушевский, покинули факультет после репрессивных мероприятий министра Кассо. Однако на факультете оставалась группа видных ученых, у которых можно было с пользой заниматься, не жертвуя самостоятельными взглядами и выработанными методами. С самого начала я сосредоточил свои занятия на лекционных курсах Р.Ю. Виппера и на практических занятиях М.М. Богословского»⁶⁹⁰.

Если Виппера Дружинин считает самым сильным лектором, то новым лидером по работе со студентами, организовавшим исследовательские семинары для русских историков, стал Богословский. Однако Богословский, также как и Савин у всеобщников, в короткие сроки поставить на поток подготовку научной смены не смог.

8.4. Подготовка историков в начале XX вв.

В ситуации между двумя революциями изменились базовые условия подготовки историков. Учебный план историков на факультете колебался между предметной и курсовой системой⁶⁹¹.

⁶⁹⁰ Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 610.

⁶⁹¹ См. Жарова Е.Ю. Система обучения в университетах Российской империи: Между академической свободой и государственной регламентацией // Genesis: Исторические

Переход на предметную систему узаконили Правила испытаний в комиссиях от 12 июня 1906 г.⁶⁹² Уже при поступлении на историко-филологический факультет студент должен был определиться с специальной группой (всеобщая история, история России, история славян, история Церкви⁶⁹³), учебный план которой он будет выполнять, записываясь на предметы, рекомендуемые этой группе в течение 8 семестров обучения

Для получения выпускного свидетельства студенту нужно было «выполнить требования одного из утвержденных для факультета учебных планов и подвергнуться испытаниям (полукурсовым) по тем предметам, которые будут установлены для соответствующего факультета»⁶⁹⁴. Дисциплины в новой системе не были привязаны к курсам обучения, факультеты получили право самостоятельно вырабатывать программы курсов (утверждались первоначально только Советом, затем в годы министерства Кассо это право перешло к МНП), в том числе программы комитетских экзаменов⁶⁹⁵. На комиссионный экзамен выносились только те предметы, по которым не было экзаменов в течение обучения. Правда, используя вопрос о праве преподавания в гимназиях для окончивших университетов (1909 г.), МНП после 1911 г. вновь установило фактически обязательный перечень экзаменов на полукурсовых (циркуляр МНП от 11 августа 1911 г.) и государственных экзаменах (циркуляр министра от 23 августа 1911 г.), ограничило количество направлений подготовки по историко-филологическому факультету (пострадала философская специализация), стремилось ввести экзамен после третьего курса. Таким образом, с 1912–1913 уч. г. фактически произошел откат от предметной системы преподавания к курсовой

исследования. 2017. № 12. С. 25–34. https://e-notabene.ru/hr/article_22421.html. Дата обращения. 01.02.2023.

⁶⁹² Правила о производстве испытаний в испытательных комиссиях (12 июня 1906 г.) // ЖМНП. 1906. Новая серия. Ч. IV. Август. С. 71–76.

⁶⁹³ В 1913 г. специализация по истории Церкви отменена.

⁶⁹⁴ Правила о зачете полугодий для получения выпускного свидетельства на факультетах: историко-филологическом, физико-математическом, юридическом и восточных языков (12 июня 1906 г.) // ЖМНП. 1906. Новая серия. Ч. IV. Август. С. 71.

⁶⁹⁵ Учебные планы Историко-Филологического Факультета Императорского Московского Университета. М., 1908. 29 с.

с сохранением разного набора специализаций по истории (прежде всего по русской и всеобщей истории).

Рассмотрим учебный план условного студента (составлен на основании объявлений о преподавании за 1912–1916 гг.), поступившего в 1911 г. на русское отделение. К пропедевтическим курсам для историков-русистов относились богословие (Н.И. Боголюбский), История Церкви (А.И. Алмазов), психология (Г.И. Челпанов), философия (двухгодичный курс Г.М. Лопатина от Возрождения к философии XIX в.), русская (М.Н. Сперанский) и европейская литература (М.Н. Розанов), политическая экономия (В.Т. Тотомианц), государственное право (Н.Н. Алексеев). Обязательным было изучение классических греческих и римских авторов под руководством преподавателей (Н.И. Новосадский и М.М. Покровский), упражнения в современных языках. Среди общих курсов, которые слушали русские историки: всеобщая история (Историю Греции и Рима читал Р.Ю. Виппер; историю средних веков – А.Н. Савин, историю XVIII века – И.И. Иванов), русская история (до XVII в. – М.М. Богословский или М.К. Любавский; Россия в XVII–XVIII вв. – М.К. Любавский, Россия в XIX в. – Богословский). Одновременно со слушанием общих курсов можно было участвовать в связанных с ними просеминарах (Древняя русская история – М.М. Богословский, 1911 г.; Удельный период – С.В. Бахрушин, 1912 г.; просеминарий по XIX в. – Богословский; новейшая европейская история – А.Н. Савин, И.И. Иванов).

На 3 и 4 курс приходилось слушание вспомогательных курсов: историческая география России, история южных и западных славян (оба курса – М.К. Любавский), теория и методология истории (И.И. Иванов), Этнология и первобытная археология (Р.Ю. Виппер); Археология России (Ю.В. Готье) и др. Более серьезными становились занятия в семинарах (История Русского Севера, история XVIII в. в эпоху Петра I – М.М. Богословский; История Новгорода, История Сибири – С.В. Бахрушин), в которых нужно было писать специальные работы.

В целом в период после 1906 г. увеличилось количество письменных работ у историков, которые студенты обязаны были писать в семинарах. Так, например,

Савин настаивал на написании не менее четырех обязательных работ за время обучения. Таким образом, предполагалось, что студенты будут более мотивированы для занятий наукой. Кроме того, практически ежегодно давались темы сочинений для получения благотворительных премий (им. Володи Павлова и др.).

Количество оставленных для подготовки к профессорскому званию увеличилось. Однако защит диссертаций учеников новых лидеров сообщества не было. Во многом эта ситуация вызвана ухудшившимися условиями для исследовательской работы в университете, когда он надолго закрывался, ослабевали контакты учеников и учителей. Но надо сказать, что и педагогов уровня Герье, подстегивающего учеников к защите, или Ключевского, создающего атмосферу заинтересованности вокруг защищающихся, в этот период явно не хватало.

Потерял прежнее значение для студентов и Виноградов. После возвращения Виноградова к преподаванию в Московском университете в 1908 г. он вновь попытался оставлять на кафедре собственных учеников. Так, на кафедре оказались Александр Петрович Рудаков⁶⁹⁶ и Алексей Алексеевич Захаров. Обе фигуры вызвали неоднозначные оценки в корпорации факультета, что отчасти было обусловлено тем, что, «не имея таких тесных контактов со студентами, какие были у него в 1880-е – начале 1890-х годов», Виноградов «вынужден был ориентироваться на впечатления от довольно непродолжительных занятий и формальные показатели»⁶⁹⁷.

---

⁶⁹⁶ См. работы о А.П. Рудакове: *Заливалова Л.Н., Лебедева Г.Е.* А.П. Рудаков и его время (к изучению творческой биографии ученого) // *Византия и Крым: Проблемы городской культуры. Тезисы конференции.* Екатеринбург, 1995; *Лебедева Г.Е.* Александр Петрович Рудаков и его время (к изучению творческой биографии историка) // *Византийские очерки.* М., 1996. С. 206–216; *Она же.* Александр Петрович Рудаков и его время (к изучению творческой биографии историка) // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени.* 2000. № 2. С. 40–61; *Она же.* Ф.И. Успенский и А.П. Рудаков // *Античная древность и средние века.* 2002. № 33.

⁶⁹⁷ *Антощенко А.В.* Профессор Московского Университета Павел Гаврилович Виноградов. С. 304–305.

Рудаков родился 21 января 1886 г. в семье тульского мещанина⁶⁹⁸. После окончания местной гимназии, в 1904 г. он поступил на историко-филологический факультет. Его работа по русской истории «Боярство и самодержавие в XVI веке» была отмечена премией Н.В. Исакова⁶⁹⁹. Однако сам студент хотел заниматься всеобщей историей. В 1908 г. он получил золотую медаль за сочинение «Аграрный вопрос в политике и литературе последних десятилетий Римской республики»⁷⁰⁰. В 1909 г. по рекомендации Виноградова он был оставлен на кафедре: «Покорнейше прошу факультет ходатайствовать об оставлении при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории окончившего курс с дипломом первой степени Александра Петровича Рудакова, который занимался с успехом на семинарии в течение осеннего семестра 1908 г. и получил золотую медаль за сочинение по всеобщей истории в том же году. А.П. Рудаков обладает уже значительной начитанностью, огромным трудолюбием и жаждой знания. В своих письменных работах и при обсуждении рефератов он обнаружил незаурядную наблюдательность и способность обращаться с историческими фактам. Желательно было бы предоставить ему стипендию, так как он никаких средств не имеет. Он хорошо знает французский, немецкий и английский языки»⁷⁰¹.

После оставления Рудаков чувствовал свое слабое положение на факультете и собирался сдать первую часть магистерского экзамена раньше положенного срока, чтобы сделать это в присутствии Виноградова. Также он искал поддержки у Герье: «Я чувствую, что радикальная партия на факультете (и особенно ее вдохновитель) смотрит на оставленного ненавистным ей Павлом Гавриловичем так, что мне, при теперешнем по крайней мере университетском режиме, нельзя рассчитывать на беспристрастие... Да и сама программа моя с значительной наличностью вопросов религиозного и правового характера, избранная под

---

⁶⁹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 87. Д. 313. Л. 10.

⁶⁹⁹ Там же. Л. 90.

⁷⁰⁰ Там же. Л. 70 об.

⁷⁰¹ Там же. Л. 6.

указаниями Вашими и Павла Гавриловича, едва ли будет симпатична сторонникам марксизма»⁷⁰².

В 1911 г. отчет магистранта по отзыву Савина не был одобрен кафедрой и был возвращен на доработку, однако в итоге все же принят⁷⁰³. Поддержки в университете после ухода Виноградова у Рудакова не было, поэтому магистерские экзамены он сдал в Санкт-Петербургском университете.

В 1914 г. Рудаков стал приват-доцентом Московского университета, прочитав пробные лекции на тему «Роль восточных культов в религиозном движении II и III веков в Римской империи» (по собственному выбору) и «Кольбер и кольбертизм» (по предложению факультета)⁷⁰⁴. Помимо недовольства качеством лекций, Савин написал в дневнике, что «Рудаков соединяет отсутствие подлинного дарования с нравственной неприглядностью»⁷⁰⁵.

В письмах к Герье Рудаков создавал мрачную картину засилия «экономического материализма» в исторической науке на факультете и сожалел о том, что «не пришлось быть Вашим непосредственным учеником, что пришлось учиться в школе историков экономистов в той школе, которая принижает и обезличивает объект истории, думая, что от этого она станет более научной»⁷⁰⁶.

Диссертацию Рудаков защитить не смог, хотя после революции стал крупным архивным деятелем и историком тульского края

После создания Тульского педагогического института Александр Петрович стал первым заведующим кафедрой истории СССР этого вуза. В доме Рудаковых часто бывали студенты, с которыми он подолгу беседовал о жизни, устраивал поэтические и астрономические вечера.

Вместе с Рудаковым был оставлен Алексей Алексеевич Захаров. «Совершенно неожиданным для меня было ходатайство П.Г. Виноградова об оставлении серого А.А. Захарова. Весною я говорил с П.Г. об этом муравье, и

⁷⁰² НИОР РГБ. Ф. 70. К. 51. Ед. хр. 56. Л. 2–2 об.

⁷⁰³ Савин А.Н. Университетские дела. С. 195–196, 199.

⁷⁰⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 87. Д. 313. Л. 87.

⁷⁰⁵ Савин А.Н. Университетские дела. С. 331.

⁷⁰⁶ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 51. Ед. хр. 56. Л. 9 об.

Виноградов как будто отказался от этой мысли. А теперь присылает представление. Петрушевский предложил отложить обсуждение до следующего заседания ввиду отсутствия Вишпера»⁷⁰⁷, – писал об оставлении Савин. Однако, ссылаясь на то, что «Захаров хорошо знает древние языки, много занимался эпиграфикой и особенно хорошо подготовлен для работы по древней истории»⁷⁰⁸, – Виноградов предложил коллегам оставить ученика. Кандидатура Захарова обсуждалась в отсутствие Виноградова. «Лопатин заявляет, что надо просто оставить Захарова, что всякое обсуждение будет оскорбление Виноградову, ибо Виноградова не запрашивали о кандидатуре Попова и Косминского (ученики Вишпера, по которым согласия Виноградова не спрашивали; в случае с учениками Виноградова делалось предложение отложить вопрос до выхода на кафедру Вишпера – Д.Ц.), а теперь собираются спрашивать отсутствующего Вишпера. Петрушевский решительно указывает на неуместность разговоров об оскорблении и высоких качествах Виноградова; каждый оставляемый при университете подлежит обсуждению в факультете, и приводит из практики нашего факультета случаи, когда факультет расходился с оценкой представляющего. Фактически переходят к оценке кандидатуры. Вишпер говорит довольно резко о том, что его особенно удивляет как Виноградов мог признать Захарова особенно годным для занятий древней истории, которая находится в его, Вишпера, ведении. Я тут иду против Вишпера и указываю, что у Виноградова был свой семинарий по древней истории, на котором он мог узнать Захарова. Вишпер зовет Захарова бездарным и говорит, что ему даже не могло бы прийти в голову оставить Захарова при университете. Щепкин просит Вишпера разъяснить, что такое бездарный, и говорит что-то невразумительное о различных видах бездарности... Факультет большинством голосов решает немедленно голосовать... и оставляет Захарова»⁷⁰⁹.

Как и Рудаков, Захаров сдал магистерские экзамены в Петербургском университете, что вызвало нарекания профессоров, так как программа там, по

⁷⁰⁷ Савин А.Н. Университетские дела. С. 118.

⁷⁰⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 88. Д. 639.

⁷⁰⁹ Савин А.Н. Университетские дела. С. 119–120.

словам члена кафедры всеобщей истории И. И. Иванова, была «несравненно легче»⁷¹⁰.

В 1915 г. Захаров прочел в университете пробные лекции «Вопрос о происхождении древнейшей культуры Греции при свете новейших археологических открытий» (по собственному выбору), «Отчуждение национальных имуществ в эпоху французской революции» (от факультета)⁷¹¹. Пробные лекции вызвали ожесточенные споры на факультете. Савин написал в дневнике: «Сам или при помощи Рудакова, только он мобилизовал 78-летнего Герье, который явился защищать этого муравья от вражеских нападений»⁷¹². Герье и Соболевский признали лекцию Захарова удовлетворительной. Виппер оценил ее неудовлетворительно. Савин охарактеризовал Захарова как «бездарнейшего трудолюбца» и с оговорками признал лекцию удовлетворительной⁷¹³.

После революции Захаров был профессором кафедры археологии и музееведения (1921–1925) Факультета общественных наук МГУ. В 1925–1930 гг. Захаров он занимал должность профессора кафедры исторической археологии этнологического факультета.

До 1929 г. он трудился в историческом музее, откуда уволен в год академического дела, в 1931 г. лишен работы в РАНИОН. Несколько раз Захаров подвергался аресту и в 1935 г. был приговорен к 3-годичной ссылке. Историк был сослан в Алма-Ату (Казахстан), где не оставлял занятий археологией. 1 декабря 1937 г. Захаров был приговорен Тройкой УНКВД по Алма-Атинской области к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян (реабилитирован в 1955 г.).

Если ученики Виноградова пытались выстроить научную карьеру, то некоторые прямо-таки курьезные случаи оставления показывают, что часто магистранты серьезно о науке не задумывались. Так, например, Любавский и Богословский по ошибке оставили для подготовки не талантливого студента, не

⁷¹⁰ Там же. С. 392.

⁷¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 42. Л. 62. Савин в дневнике отметил, что тему от факультета сформулировал именно он. См.: *Савин А.В.* Университетские дела. С. 392.

⁷¹² Там же.

⁷¹³ Там же.

сдавшего государственный экзамен, а его однофамильца (Богословский назвал фамилию студента, которого он хотел видеть, и уехал принимать государственные экзамены в другой университет, а Любавский оформил документы не на того студента с той же фамилий), интересного, но не самого сильного студента, что оба профессора признали на факультете, не желая продлевать оставленному срок подготовки на третий год⁷¹⁴.

Интересен казус ученика Савина, который оказался предпринимателем, державшим ночлежный дом на Хитровке, в результате чего профессор попросил его сделать выбор между наукой и неэтичным для ученого видом предпринимательства⁷¹⁵.

Наконец, бывали случаи проваленных оставленными магистерских экзаменов и приват-доцентских лекций (случай Н.И. Радцига⁷¹⁶). В новых условиях провалившие экзамен оставленные для подготовки магистры стали апеллировать к не присутствовавшим на экзаменах профессорам, взывая об их помощи, поскольку формально экзамены должны были приниматься комиссионно.

Богословский первым из профессоров факультета осознал, что в реформе нуждается факультетская программа сдачи магистерских экзаменов. «Вечером у меня оставленные по русской истории: Рыбаков, Фокин, Голубцов, Новосельский, и пришел также Ю.В. Готье, – записал он в дневнике. – Наши теперешние магистерские программы стали непомерно велики. Например, вопрос об Екатерининской комиссии 1767 г., для которого 20 лет тому назад надо было познакомиться с 3–4 томами Сб. Р.И.О., теперь разросся так, что уже требуется уже 13 томов, и все в таком же роде. Что-нибудь надо сделать для разгрузки»⁷¹⁷.

Однако, с другой стороны, Богословский видел тенденцию к профанированию магистерских экзаменов. Носителями новых веяний он считал свободно готовившихся к магистерским экзаменам претендентов (не оставленные профессорами москвичи, представители других университетов), а также

---

⁷¹⁴ Там же. С. 369.

⁷¹⁵ Там же. С. 429

⁷¹⁶ Там же. С. 55.

⁷¹⁷ *Богословский М.М. Дневники. 1913–1919. М., 2011. С. 117.*

получивших право сдавать экзамен при университете женщин, уровень подготовки которых для сдачи магистерских экзаменов Богословский считал не подходящим, сочувствуя в целом желанию женщин заниматься наукой.

Наконец, еще одним вопросом, с которым столкнулись лидеры московских историков, стало сохранение интереса к науке на факультете со стороны молодых людей, интересующихся историческими исследованиями. По инициативе Миллюкова и Виноградова с 1890-е гг. стали возникать институции и коллективные проекты, в которых молодежь находила возможность себя проявить (книга для чтения Виноградова, создание гимназических учебников и книг для чтения). Однако, как правило, участие в таких организациях приводило молодых интеллектуалов либо в политику (смотрите деятельность Педагогического общества в 1904–1905 гг.⁷¹⁸), либо к участию в просветительском движении. Попытки ученой молодежи создать собственные научные институции, где бы разрабатывались новые методологии исследования были не очень успешны: регулярность и основательности занятиям явно не хватало. Хотя в целом «левые» по политическим взглядам историки группировались вокруг исторической секции общества имени А.И. Чупрова⁷¹⁹.

Ответом московской профессуры на нужды молодых исследователей стало воссоздание Исторического общества. Идея возникла у Богословского во время посещения Герье в связи с выражением благодарности Владимиру Ивановичу за передачу капитала на нужды ВЖК. В ходе визита было принято решение о возрождении Исторического общества, председателем которого был Герье в 1890-е гг. В январе 1916 г. состоялся ряд организационных встреч и было проведено первое заседание общества, в ходе которого были выбраны руководящие органы.

---

⁷¹⁸ *Савич А.Л.* Педагогическое общество при Московском университете // Вестник Московского университета. Серия: История. 1953. № 10; *Айзенберг А. Я.* Педагогическое общество при Московском университете в период революции 1905–1907 гг. // Советская педагогика. 1955. № 1; *Зубков И. В.* Педагогические организации // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М., 2011.

⁷¹⁹ *Савин А.Н.* Университетские дела. С. 267, 283. Среди участников: Н.М. Никольский, В.П. Волгин, Н.М. Лукин. От старшего поколения – Д.М. Петрушевский, Д.Н. Егоров, А.Н. Савин.

Характер занятий общества в 1916–1917 гг. показывает те насущные проблемы, которые находились в центре сообщества московских историков. Наиболее запоминающимися стали выступления С.Б. Веселовского и А.И. Яковлева, как раз в это время создавших свои фундаментальные труды.

С.Б. Веселовский как исследователь поставил перед московскими историками вопрос о существовании альтернативного историко-филологическому факультету центру влияния на историческую науку в Москве. Степан Борисович был выпускником юридического факультета, крупным знатоком московских архивов и документов русского средневекового делопроизводства. Он пристрастил к архивным поискам историков нового поколения (прежде всего, А.И. Яковлева и Бахрушина⁷²⁰). Кроме того, поддерживающий Веселовского профессор кафедры истории права А.Н. Филиппов хотел увенчать Веселовского докторской степенью без защиты диссертации. Это крайне взволновало, например, Богословского. Получив исследование Веселовского «Сошное письмо», Михаил Михайлович записал в дневник: «Я считаю книгу Веселовского полную недостатков и не вижу решительно причин проводить ее с отступлением от обычного порядка, т.е. диспутов. И кроме того, такое отступление было бы несправедливым по отношению к нашим. Почему же мы Д.Н. Егорова и Яковлева, представивших по две книги, подвергали и будем подвергать диспутационным мытарствам. Диспут тем хорошо – что это игра в открытую. Каждый может прийти и высказаться о достоинствах и недостатках книги. Зачем же с В. действовать втихомолку?»⁷²¹.

Богословский считал, что благодаря Веселовскому у новых историков появилась мода погружать читателя в море источников, которые связывались ничего не значащими фразами от исследователя. В многостраничном произведении авторскими выходили 20–30 страниц текста, которые вовсе не представлялись собой законченных тезисов и выводов работы. С точки зрения

⁷²⁰ Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX в. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012. С. 89–93.

⁷²¹ Богословский М.М. Дневник. С. 240–241.

Богословского, такого рода произведения не были по-настоящему историческими монографиями.

Собственно заседания исторического общества и ОИДР и стали теми площадками, где вопросы о том, что представляет собой идеальная историческая монография оказались в центре внимания. Фактически историческое общество, особенно после начала издания своего периодического издания – журнала «Исторические известия», стало новым институтом коммуникации и объединения историков. При этом объединение происходило на основании общих профессиональных интересов, а не благодаря лидеру сообщества московских историков.

Учителем для собственных учеников стремился быть Богословский. На примере рекомендации Богословским к оставлению Яцунского видно как действовал профессор. Сначала он искал среди массы студентов того, кто обнаруживал заинтересованность в занятиях историей. Особое внимание профессор обращал на конкурсное сочинение студентов или их рефераты на обязательном семинаре на старших курсах (у Яцунского было то и другое). Сильному студенту Богословский помогал на государственных экзаменах и сам делал предложение продолжить образование на факультете⁷²². В начале XX в. не было домашних семинаров профессоров, как это было ранее у Герье и Виноградова. Частичным восполнением этого пробела стало воссоздание Исторического общества при Московском университете⁷²³.

В целом система исторического образования, сложившаяся к началу века в Московском университете, после 1911 г. не пострадала. Однако из-за внешнего давления на науку она стала видоизменяться. Впрочем, в данной ситуации проявился эффект замедленного действия: оставленные профессорами начала XX в. молодые ученые университета стали крупными исследователями уже в советскую эпоху.

---

⁷²² Богословский М.М. Дневники. 1913–1919. М., 2011. С. 138, 150, 151.

⁷²³ Богословский М.М. Дневники. 1913–1919. М., 2011. С. 116, 118, 126, 129–130.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На первом этапе, охватывающим период с 1755 по 1850 г., шло институциональное оформление сообщества историков Московского университета. Уже проект об основании Московского университета содержал положение о существовании отдельной кафедры универсальной истории и геральдики на философском факультете. Однако первоначально в силу незавершенности процесса открытия университета чтение лекций по истории было поручено профессору юридического факультета – Ф.Г. Дильтею, а затем должность профессора истории получали преподаватели – Х.Г. Кёльнер, И.Г. Рейхель, Х.И. Чеботарев, И. Виганд, Н.Е. Черепанов, как правило, до назначения на должность специально историей не занимавшиеся. Полученное первыми историками Московского университета образование (европейский университет или долгое обучение в Московском университете), должно было обеспечить возможность этим назначенцам погружение в проблематику исторической науки. Как правило, всех первых историков Московского университета отличало знание иностранных языков, опыт работы в библиотеках (частных, университетских), контакты с признанными авторитетами в области истории (например, Г.Ф. Миллер и Н.М. Карамзин). Четкой процедуры замещения преподавательских должностей историков на этом этапе формирования профессионального сообщества историков не существовало. Назначение на должность происходило при поддержке кураторов или попечителей с одобрением или без него еще очень рыхлой корпорации профессоров Московского университета.

Общая ситуация с преподавателями истории в Московском университете, когда их профессиональный уровень был не очень высок, привела к тому, что при создании университетского устава 1804 г. история как предмет преподавания была совмещена с географией и статистикой. При этом по новому уставу в университете теоретически должно было появиться два профессора (профессор всемирной истории статистики и географии и профессор истории, статистики и географии российского государства), которые должны были заниматься историей. Однако на

практике до 1821 г. становление преподавания истории происходило благодаря М.Т. Каченовскому, занимавшему должность профессора кафедры теории изящных искусств и археологии. Преподавательская деятельность Каченовского сыграла важную роль в выделении истории как предмета преподавания из круга близких дисциплин. Именно Каченовский как администратор был той фигурой, которая при подготовке устава 1835 г. активно высказывался за создание двух самостоятельных кафедр истории в Московском университете, готовил себе научную смену, размышлял о возможности существования младших преподавателей по истории в Московском университете наряду с профессорами, читавшими общий курс.

Продолжателем дела Каченовского можно считать М.П. Погодина, находившегося в сложных личных отношениях со старшим коллегой, но фактически унаследовавшего мысль предшественника о том, что подготовка научной смены – предмет забот корпорации ученых Московского университета. Погодину же принадлежит один из первых планов общероссийской подготовки историков, изложенный Михаилом Петровичем в письме к министру народного просвещения – С.С. Уварову. Характерной чертой Погодина была идея воспитания историей русского гражданина, по-новому прочтенная его преемниками.

В годы попечительства в Московском университете С.Г. Строганова историческим кафедрам и преподаванию истории уделялось повышенное внимание, что позволяет нам выделить период между 1835 и 1850 гг. как заключительный этап институализации профессионального сообщества историков в Московском университете. Строганов задумался о резком омоложении всего преподавательского корпуса. В результате в университете появилось новое поколение историков. К нему следует отнести Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева на кафедре всеобщей истории и С.М. Соловьева, сменившего М.П. Погодина, на кафедре российской истории. Представители новой генерации ученых приносили в процесс обучения, который стал более упорядоченным (так называемая курсовая система), новое понимание закономерностей исторического процесса, пытались рекрутировать к новому виду деятельности молодых людей. Постепенно

профессора-историки стали подводить своих слушателей и учеников к мысли, что историческая наука должна быть автономной от других дисциплин в университете, а сами исследователи должны определять критерии вхождения в профессиональную корпорацию историков. Институционально выделению исторической науки способствовала правительственная политика после европейских революций 1848 г. В 1850 г. в Московском университете был создан историко-филологический факультет.

Второй этап формирования сообщества историков Московского университета, в ходе которого создавались базовые принципы профессионализма ученого-историка, приходится на *период между 1850 и 1884 г.* С эпохи Великих реформ, когда на историко-филологическом факультете появилось следующее поколение преподавателей – С.В. Ешевский, В.И. Герье и Н.А. Попов, – началось создание отдельных учебных планов для историков и филологов внутри историко-филологического факультета. Постепенно к началу 1880-х гг. в Московском университете сформировалась система «разделения» историко-филологического факультета на три отделения после второго курса: классической филологии, славяно-русской филологии и истории. Согласно этой системе, в течение первых двух курсов читались общефакультетские курсы, на двух последних курсах – специализирующие дисциплины отделения (первоначально специализация начиналась на последнем курсе).

На третьем этапе (1884–1917 гг.) развития сообщества московских историков постепенно начался процесс углубленной специализации исследований.

До начала XX вв. среди историков Московского университета были признанные лидеры сообщества. Их можно назвать «дуайенами». Эти дуайены воспринимались и как административные, и как научные авторитеты в сообществе профессиональных историков в Московском университете. Изначально лидер сообщества мог даже объединять русских и всеобщих историков, как это было в случае с Грановским в 1840–1850-е гг. и С.М. Соловьевым в 1860–1870-е гг. С 1880-х в сообществе московских историков проявляется многоголосие. Лидером

всеобщих историков становится Герье, лидером «русских» историков – Ключевский.

Административный и научный авторитет на факультете и в университете позволял дуайенам оставлять выбранных ими учеников для подготовки к защите диссертации, сопровождать сдачу учениками магистерских экзаменов на факультете, контролировать их научные диспуты, инициировать вопрос о назначении молодых коллег по сообществу на университетские должности.

Это привело к очень понятной и стройной системе карьерной стратегии молодого профессионального историка в Московском университете. Хорошо проявив себя в семинарах университетских преподавателей или написав сильную работу на конкурсном сочинении для получения медали, студент мог быть оставленным для приготовления к профессорскому званию. Годы подготовки молодого человека в качестве магистранта становились вхождением молодого ученого в сообщество профессиональных историков Московского университета. Первоначально это достигалось за счет поддержания связей с домашним семинаром учителя, а потом через сеть научных обществ в Москве.

Защита диссертации свидетельствовала о желании молодого ученого построить научную карьеру. Однако продвижение на научном поприще во многом определялось позицией научного руководителя, что делало первостепенным не значение научного труда нового исследователя, а его личные отношения с учителем. В связи с этим сложные личные отношения с учителем, порой, являлись серьезной преградой для дальнейшего продвижения по служебной лестнице в университете. Иной раз личные отношения приводили к серьезным конфликтам учителей с учениками, затрагивавшими большое количество членов сообщества московских историков. Так, на открытый конфликт с Ключевским решился Милюков. Формальным поводом стало недовольство Милюковым результатами собственной магистерской защиты, на которой он рассчитывал получить степень доктора минуя магистра, но не добился ожидаемого. Поскольку через три года после конфликта по политическим причинам Милюков был удален из Московского университета, то с точки научной повседневности на факультете этот

личный конфликт ничего не изменил. Дуайен Ключевский по-прежнему определял продвижение по службе историков своей кафедры, тем более, что до 1901 г. он оставался единственным профессором на ней. При этом Ключевский охотно соглашался на то, чтобы передавать приват-доцентам чтение обязательных курсов по истории на факультете. Авторитет Ключевского распространялся и на научную сферу. Фактически все темы работ магистров русской истории связаны с общим курсом Ключевского, читаемым в университете, хотя, безусловно, определенное воздействие на научную программу исследований русских историков Московского университета начала XX в. оказывала и магистерская диссертация Милюкова.

Признанным лидером и авторитетом у всеобщих историков до начала XX в. был Герье. Кардинальное отличие положения всеобщих историков от русских историков на факультете заключалась в том, что к концу 1890-х гг. на факультете было три профессора всеобщей истории – два ординарных (Герье и Виноградов) и один экстраординарный (Корелин). До смерти Корелина (1899 г.) они действовали сообща, всегда сохраняя авторитет Герье как старейшего и влиятельнейшего профессора по своей специальности. Во всех конфликтных ситуациях (защита диссертации Корелиным, защита диссертации Ивановым, защита диссертации Виппером, открытие Исторического общества при Московском университете) Виноградов и Корелин оказывали личную поддержку Герье. Однако приход Виппера на место Корелина кардинальным образом изменил расклад сил у всеобщих историков. Во время защиты магистерской диссертации Е.Н. Щепкиным, которому административно помогал Герье, Виппер попытался не допустить Щепкина до защиты в Московском университете. Это не привело к прямому разрыву с Герье, но показало новую возможность карьерной стратегии молодого профессора на факультете. Новое поколение профессоров становилось более самостоятельным по сравнению с предшественниками. После отставки Виноградова (1901 г.) и отказа от преподавания заслуженного профессора Герье (конец 1904 г.), вызванной обструкцией по политическим причинам, устроенной профессору студентами, Виппер остался на некоторое время единственным

преподавателем всеобщей истории в университете. Как следствие, Виппер попытался окружить себя младшими профессорами, которые бы поддерживали его инициативы. Таковыми стали Д.М. Петрушевский и А.Н. Савин, которым Виппер помогал в получении штатных должностей в университете.

Виппер опирался в своей деятельности на новое поколение универсантов, закончивших университет во второй половине 1890-х гг. Более зрелые представители факультета, прежде всего Любавский, а также влиятельные ученики Герье – Кареев (профессор Петербургского университета), Виноградов, вернувшийся в университет после окончания революционных потрясений, такую позицию Виппера восприняли как этически неоправданную и отказались воспринимать «старшинство» Виппера на факультете как право на авторитет в сообществе московских всеобщих историков.

Таким образом, понятно, что до начала XX в. старшинство службы очень часто воспринималось как естественное право на авторитет и лидерство в сообществе московских историков. Однако постепенно одним из оснований для предъявлений претензий на лидерство в сообществе историков становилось новаторство научных трудов исследователя.

Несмотря на внутренние дискуссии и конфликты до 1911 г. сохранялась непреложная традиция, согласно которой замещение профессорских должностей историков в Московском университете происходит только путем рекомендации ближайших специалистов, ни в коем случае не по назначению министра. Этот принцип сохранил для факультета прежде всего Герье, ведший в 1870-е гг. борьбу за автономию университета, хотя сам он получил первую должность профессора сверхштатно по назначению министра Д.А. Толстого, поскольку был забаллотирован в совете филологами, «воевавшими» в университете с Б.Н. Чичериным и ориентирующимся на него С.М. Соловьевым. После истории с отказом Л.А. Кассо утвердить кандидатуру Кизеветтера на должность экстраординарного профессора русской истории, сообщество историков на непродолжительное время утратило инициативу выбора номинанта на штатные должности. Правда, надо сказать, что это практически не повлияло на расстановку

сил на факультете. Кандидатура Иванова, переведенного в Москву из Нежина, оказалась приемлемой (ученик Герье), а Богословского и Готье (ученики Ключевского) – естественными для факультета. В целом внешнее вмешательство в формирование профессионального сообщества историков в Московском университете было минимальным.

Формирование культуры памяти об учителях создавало представление об особенностях московской школы историков. В сознании историков, сформировавшихся в Московском университете, обучение истории ассоциировалось со слушанием лекций знаковых профессоров университета – прежде всего Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Отличительной чертой общих курсов в Московском университете можно назвать их синтетичность, обобщающий характер, исследовательский дух. С деятельностью Герье и Виноградова связано в Московском университете развитие семинара как элемента профессиональной культуры историка.

Благодаря усилиям нескольких поколений историков Московского университета к концу XIX в. сформировалась не вполне устойчивая профессиональная группа – сообщество московских историков. Целью этого объединения ученых было производство и распространения нового знания об истории, построенного на архивных источниках. При этом это новое знание об истории должно было давать обнадеживающие примеры для формирования активной жизненной позиции граждан, быть экспертным заключением к различным процессам общественно-государственного сотрудничества, способствовать общественным и научным дискуссиям об истории как научной дисциплине и предмете университетского преподавания. В целом имелось в виду воспитание человека университетской культуры, призванного активно включиться в общественные преобразования. Определенное внимание при этом уделялось европейским идеям о миссии университета и культуры для гармоничного развития современного общества.

Организационной основой для формирования сообщества являлась педагогическая деятельность Герье, который творчески развивал «идею всеобщей

истории», предложенную для преподавания в университете Т.Н. Грановским. Герье начал выстраивать инфраструктуру для занятия историей в Московском университете. Он занимался соподчинением курсов, читавшихся историками, развивал сеть семинарских занятий, организовал многочисленные контакты разных поколений историков в университетском пространстве, но не обязательно в стенах университета. Герье стоит у истоков создания коммеморативных практик об историках Московского университета, создавших его научные традиции. Впрочем, некоторые вопросы в деле формирования профессионального сообщества историков в Московском университете Герье решить не удалось, поскольку он не обладал личными качествами, которые бы позволяли ему быть харизматическим лидером московских историков.

Нельзя признать безоговорчным лидером московских историков и Ключевского. Во-первых, потому, что педагогическая доктрина Ключевского не предполагала его активного участия в вопросах углубленной специализации учеников. Во-вторых, потому, что с середины 1890-х гг. большое влияние на специализирующихся по истории стал оказывать институт приват-доцентуры. Лидеры этой части преподавателей факультета – П.Н. Милюков и другие приват-доценты, стремящиеся к профессоруре (М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, Н.А. Рожков, М.М. Богословский, Ю.В. Готье и др.), находились под влиянием П.Г. Виноградова и активно использовали семинарские формы занятий для продвижения своих идей. Начался этап углубленной специализации внутри профессионального сообщества московских историков, который разрушал все еще присутствовавшее на историко-филологическом факультете чувство единства историков, истоки которого возводилось к Грановскому и Соловьеву.

Собственно говоря, создание инфраструктуры для занятий историей в Московском университете стало главным вкладом московских историков в формирование исследовательского университета и профессионализацию исторических занятий в России. Воспринятую в Германии идею служения науки и этос поведения ученого, восходящий к Грановскому, московские историки удачно адаптировали к российской действительности.

Таким образом, сообщество московских историков (московская школа историков) представляется нам в виде своеобразной системы подготовки ученых, предполагающей прохождение через базовые формы занятий на факультете (лекции, семинары, личные отношения учитель – ученик), формирующие профессиональные навыки. В результате возникала особая, не совсем устойчивая, профессиональная общность, функцией которой было распространение специальной информации и пополнение рядов ее членов.

Подобная система организации занятий отразилась на общем характере работ представителей московской школы историков. Скажем, Герье не только стоял у истоков узкой специализации, положив начало источниковедческому изучению Французской революции, остановившись на изучении такого вида источников как указы сословий депутатам, что нашло воплощение в работах его учеников – Кареева и Ардашева, отработав ту систему, которая со времен М.С. Куторги существовала в Петербургском университете, но и заложил историографическую и методологическую базу для изучения других стран и периодов всеобщей истории в стенах Московского университета. Ключевский с учениками фактически встали у истоков исследования новой истории России (преимущественно 18 века), однако кроме того, поддерживал идею написания обобщающих исследований по истории России, в центре которых должны находиться актуальные теоретические вопросы (проблемы реформ, государственное администрирование и др.).

Московская школа историков в целом была не столько источниковедческой, сколько проблемно-методологической. Герье, Виноградов, Ключевский и ученики Ключевского заставляли своих последователей разрабатывать новые виды источников и ставить новые вопросы для исследования, будучи уверены, что уровень профессиональной подготовки учеников позволяет им решать подобные задачи

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА**Архивные материалы****АРАН**

- Ф. 491 (Готье Ю.В.)
- Ф. 553 (Богоявленский С.К.)
- Ф. 620 (Веселовский С.Б.)
- Ф. 624 (Бахрушин С.В.)
- Ф. 636 (Богословский М.М.)
- Ф. 640 (Ключевский В.О.)
- Ф. 665 (Яковлев А.И.)
- Ф. 1830 (Моравский С.П.)
- Ф. 1935 (Сперанский А.Н.)

Архив института истории РАН

- Ф. 4 (Ключевский В.О.)

СПФ АРАН

- Ф. 45 (Веселовский А.Н.)
- Ф. 96 (Васильевский П.Г.)
- Ф. 284 (Лавровский П.А.)
- Ф. 764. (Бычков А.Ф.)
- Ф. 980 (Кареев Н.И.)

РГАЛИ

- Ф. 62. (Буслаев Ф.И.)
- Ф. 152 (Грановский Т.Н.)
- Ф. 373 (Погодин М.П.)
- Ф. 1094 (Кареев Н.И.)
- Ф. 1251 (Каченовский М.Т.)

РО ИРЛИ

- Ф. 23. (Безобразовы П.В. и В.П.)

Ф. 422 (Кареев Н.И.)

ЦГА г. Москвы.

Ф. 418. Императорский Московский университет.

Ф. 459. Попечитель Московского учебного округа

Ф. 2202 (Корелин М.С.)

РГИА

Ф. 84 (Георгиевский А.И. и Л.А.).

Ф. 733. Министерство народного просвещения

Ф. 889 (Ардашевы)

Ф. 1108 (Погодин М.П.)

Ф. 1120 (Соловьевы)

Ф. 1636 (Иловайский Д.И.).

НИОР РГБ

Ф. 16. (Барсков Я.Л.)

Ф. 42 (Буслаев Ф.И.)

Ф. 70. (Герье В.И.)

Ф. 83. (Готье Ю.В.)

Ф. 84 (Грановский Т.Н.)

Ф. 119 (Кареев Н.И.)

Ф. 131 (Ключевский В.О.)

Ф. 147 (Ланской С.С., Ешевский С.В.)

Ф. 231. (Погодин М.П.)

Ф. 263 (Савин А.Н.)

Ф. 285 (Соловьев С.М.)

Ф. 291 (Строев П.М.)

Ф. 364 (Любавский М.К.)

Ф. 521 (Рубинштейн Н.Л.)

Ф. 566 (Кудрявцевы А.А., В.А., О.В., Кизеветтер А.А.)

Ф. 746 (Гершензон В.О.)

ОПИ ГИМ

- Ф. 2. (Иловайский Д.И.)
- Ф. 17 (Уваровы)
- Ф. 44. (Бабст И.К.)
- Ф. 280. (Погодин М.П.)
- Ф. 312 (Ешевский С.В.)
- Ф. 345 (Грановский Т.Н.)
- Ф. 369 (Карпов Г.Ф.)
- Ф. 450. (Барсов Е.В.)
- Ф. 442 (Богословский М.М.)

ОРК НБ МГУ

- Ф. 4. (Кудрявцев П.Н.)
- Ф. 55 (Корелин М.С.)

Архив МГУ

- Ф. 213 (Виноградов П.Г.)

ГАРФ

- Ф. 102. Департамента полиции
- Ф. 579. (Милюков П.Н.)

Законодательные и нормативные акты, делопроизводственная документация

Всеподданейший отчет министра народного просвещения. 1884–1915. СПб., 1884–1916.

Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. Ч. 1–2. СПб., 1862.

К вопросу о профессорских штатах Императорских российских университетов. М., 1914.

О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения // ПСЗ. Собр. III. Т. XXV. Отд. 1. № 26692. С. 658–659.

Об уставах Московского, Харьковского и Казанского Университетов и подведомых оным учебных заведений // ПСЗ. № 21497. Т. XXVIII.

Об утверждении Московского университета и двух Гимназий // ПСЗ. № 10346. Т. XIV.

О производстве в ученые степени на основании Положения о сем // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. СПб., 1864. Стб. 1134–1145.

Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1835–1923 гг. М., 1836–1924.

Положение о производстве в ученые степени 1844 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. СПб., 1864. Стб. 357–365.

Положение об испытании на ученые степени 1837 г. // Сборник постановление по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Стб. 984–987.

Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1867. Стб. 636–642.

Правила для студентов и сторонних слушателей императорских российских университетов. СПб., 1885.

Правила императорского Московского университета. М., 1867.

Правила императорского Московского университета. М., 1870.

Правила о зачете полугодий для получения выпускного свидетельства на факультетах: историко-филологическом, физико-математическом, юридическом и восточных языков (12 июня 1906 г.) // ЖМНП. 1906. Новая серия. Ч. IV. Август.

Правила о зачете полугодий студентам Императорских российских университетов. М., 1885.

Правила о производстве испытаний в испытательных комиссиях (12 июня 1906 г.) // ЖМНП. 1906. Новая серия. Ч. IV. Август. С. 71–76.

Предварительные правила // ПСЗ. Т. 27. № 20597.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1872 г. апрель – май. М., 1873.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1872 г. июнь – декабрь. М., 1873.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1873 г. январь – декабрь. М., 1874.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1874 г. январь – июнь. М., 1874.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1874 г. сентябрь – декабрь. М., 1875.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1875 г. январь – май. М., 1875.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1875 г. сентябрь – декабрь. М., 1876.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1876 г. 1-я половина. М., 1877.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1876 г. 2-я половина. М., 1877.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1878 г. 1-я половина. М., 1879.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1878 г. 2-я половина. М., 1879.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1879 г. 1-я половина. М., 1880.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1879 г. 2-я половина. М., 1880.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1880 г. 1-я половина. М., 1882.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1880 г. 2-я половина. М., 1883.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1881 г. 1-я половина. М., 1883.

Протоколы заседаний Совета императорского Московского университета: за 1881 г. 2-я половина. М., 1884.

Российское законодательство об образовании XIX – начала XX в. Сборник документов / Редактор-составитель Э.Д. Днепров. Т. 1. М., 2017.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875–1904. Т. 1–17.

Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866–1907. Т. 1–7, 14–16.

Свод мнений по вопросам, предложенным г. министром народного просвещения относительно желательных изменений в устройстве Императорских российских университетов. СПб., 1902.

Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения // Свод законов Российской империи. Изд. 1893 г. СПб., 1893. Т. XI. Ч. 1. С. 1–218; 542–552; 578–579.

Сравнительные таблицы уставов университетов 1755, 1804, 1835, 1863 и 1884 годов. СПб., 1901.

Устав 1835 г. – Общий Устав Императорских Российских университетов // ПСЗ. Собр. II. Т. X. № 8337.

Устав 1863 г. – Общий устав Императорских Российских Университетов // ПСЗ. Собр. II. Т. XXVIII. № 39752.

Устав 1884 г. – Общий устав Императорских Российских университетов // ПСЗ. Собр. III. Т. IV. № 2404.

Уставы Московского университета 1755–2005: [сборник] / [авт.–сост. Гена Евгений Иванович]. М., 2005. – 480 с.

Учебные планы Историко-Филологического Факультета Императорского Московского Университета. М., 1908. – 29 с.

Экзаменные требования, коим должны удовлетворять испытуемые в комиссии историко-филологической. М., 1885.

Воспоминания

Афанасьев А.Н. Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях современников М., 1989. С. 249–280.

Барсков Я.Л. «Ключевский быстро покорила аудиторию». Доклад профессора Я.Л. Барскова. 1921 г. // Исторический архив. 2004. № 1. С. 56–66.

Бахрушин С.В. Из воспоминаний / публ. А.М. Дубровского // Проблемы социальной истории Европы: От античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 158–159.

Белов А.М. В.О. Ключевский как лектор (Из воспоминаний слушателя) // Исторический вестник. 1911. № 6. С. 986–990.

Бестужев-Рюмин К.Н. Степан Васильевич Ешевский // *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. М., 1997. С. 230–299.

Богословский М.М. В.О. Ключевский как ученый (Речь, произнесенная в торжественном заседании Исторической комиссии Общества распространения технических знаний, посвященном памяти В.О. Ключевского 30 сентября 1911 г.) // Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 22–36.

Богословский М.М. [Ключевский – педагог]. // Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 36–63.

Богословский М.М. [П.Г. Виноградов]. // Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1989. С. 69–93.

Богословский М.М. Из воспоминаний о В.О. Ключевском // *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 63–69.

Богоявленский С.К. Академик Ю. В. Готье // Известия АН СССР. 1944. № 3.

Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском / сост. С.О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 308–314.

Воспоминания и дневниковые записи деятелей культуры о В.О. Ключевском // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 314–319.

Бороздин И.Н. Памяти В.О. Ключевского (Умер 12 мая 1911 г.) // Современный мир. 1911. № 5. С. 309–312.

Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 129–148.
[*Виганд И.*] Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. // Русская старина. 1892. Т. 74. С. 545–568.

Воспоминания С.В. Бахрушина о Московском художественном театре / публ. А.М. Дубровского // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1999.

Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 308–314.

Галахов А.Д. Петр Николаевич Кудрявцев в 1842–1845 гг. // Русская старина. 1885. Т. XLV. № 1. С. 57–58.

Галахов А.Д. Сороковые годы // Исторический вестник. 1892. № 2.

Георгиевский А.И. Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. Т. CLXIII. № 9. С. 414–442.

Герье В.И. Детство. Учение до получения кафедры // История и историки. М., 1990 С. 419–437.

[*Герье В.И.*] Воспоминания В.И. Герье. Гл. III: «Возникновение Высших женских курсов» // Владимир Иванович Герье и Московские высшие женские курсы: Мемуары и документы / публ. Г.В. Аксенова, В.А. Волкова, П.Ю. Савельева. М., 1997. С. 12–31.

Герье В.И. Мои воспоминания // Terra Еуропа: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. / под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 179–272.

Герье В.И. О Московской городской думе // Московский архив. Вып. 2. М., 2000. С. 421–438.

Герье В.И. Михаил Сергеевич Корелин: некролог // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1900 г. М., 1900. С. 1–42.

Глаголев С.С. О В.О. Ключевском // Богословский вестник. 1916. Т. 3. № 10, 11, 12.

Готье Ю.В. Александр Николаевич Савин: (Студенческие воспоминания) // Голос минувшего. 1923. № 3. С. 183–187.

Готье Ю.В. В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 177–182.

Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.

Григорьев В.В. Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. 1856. Т. 3. С. 17–46; Т. 4. С. 1–57.

Давыдов И.И. Некрология // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета. 1842 г. М., 1842.

Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.

Дмитриев Н.М. Студенческие воспоминания о Московском университете // Отечественные записки. 1858. № 8.

Долгоруков И.М. Капище моего сердца или словари всех тех лиц, с коими я бывал в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997.

Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб., 2004.

Егоров Д.Н. А.Н. Савин // Анналы. 1923. № 3. С. 220–227.

Еленев Ф.П. Магистерский диспут Грановского. Из студенческих воспоминаний Ф.П. Еленева // Русский архив. 1889. Т. 69. Вып. 8. С. 564–568.

Ефимовский Е.А. Лекции В.О. Ключевского в жизни Московского студенчества // Известия общества славянской культуры. М., 1912. Т. 1. Кн. 1. С. 9–12.

Иванцов М. М.С. Корелин как профессор и руководитель студенческих занятий // Русская мысль. 1899. № 10. С. 137–148.

Кареев Н.И. М.С. Корелин как историк гуманизма // Русская мысль. 1900. № 5. С. 100–112.

Кареев Н.И. Памяти двух историков // Анналы. 1922. № 1. С. 155–174.

Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

Каченовский В.М. Михаил Трофимович Каченовский // Русская старина. 1890. № 6. С. 689.

Кизеветтер А.А. В.О. Ключевский как преподаватель // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 164–177.

Кизеветтер А.А. Из воспоминаний восьмидесятника // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3 (XVI). С. 123–152.

Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. М., 1997.

Ключевский В.О. М.С. Корелин // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 1 (46). С. VIII–XVIII.

Ключевский В.О. Памяти Т.Н. Грановского (умер 4 октября 1855 г.) // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. VII. Специальные курсы. С. 298–302.

Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

Ключевский В.О. С.М. Соловьев как преподаватель // *Ключевский В.О.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. VII. М., 1989.

Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х гг. // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.

Кочубинский А.А. Из моих воспоминаний. На память о Ниле Александровиче Попове (1833–1891) // Новороссийский телеграф. 1892. 3 января.

Кудрявцев П.Н. Воспоминания о Т.Н. Грановском // Сочинения П.Н. Кудрявцева. Т. 2. С. 540–550.

Ледницкий А.Р. В.О. Ключевский как историк-славянин // Известия общества славянской культуры. М., 1912. Кн. 1. С. 1–8.

- Линниченко И.А.* Из воспоминаний // *Голос минувшего*. 1916. № 10. С. 7–35.
- Любавский М.К.* С.М. Соловьев и В.О. Ключевский // *Академик М.К. Любавский и Московский университет*. М., 2005.
- Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011.
- Маклаков В.А.* Отрывки из воспоминаний // *Московский университет*. 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 298–299.
- Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003.
- Милюков П.Н.* В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 183–217.
- Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.
- Милюков П.Н.* Мои университетские годы // *Московский Университет*. 1755–1930. С. 262–274.
- Московский университет в воспоминаниях современников*. М., 1989.
- Назимов М.Л.* В провинции и Москве с 1812 по 1828 г.: Из воспоминаний старожила // *Русский вестник*. 1876. Т. 124. № 7. С. 74–161.
- Неверов Я.М.* Тимофей Николаевич Грановский // Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 464–492.
- Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. М., 2009.
- Обнинский П.Н.* Из воспоминаний юриста // *Русский архив*. 1892. Т. 77. Вып. 1. С. 100–118.
- [*Павлов Н.М.*]. Два слова ученика о наставнике, студента *** // «*Московские ведомости*». 1855. № 122. 11 октября.
- Пичета В.И.* Воспоминания о Московском университете (1897–1901) // *Славяне в эпоху феодализма*. М., 1978.
- Погодин М.П.* Год в чужих краях. (1839): Дорожный дневник. Ч. 1–4. М., 1844.
- Погодин М.П.* Школьные воспоминания // *Вестник Европы*. 1868. Кн. 8. С. 605–630.

[*Погодин М.П.*] Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях М.П. Погодина // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. В 3 т. Т. 2. М., 2012. С. 409–523.

Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.

Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. М.–Л., 1934.

Рожков Н.А. М.Н. Покровский // Россия и славянство. Париж, 1929. 18 мая.

Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.

Свербеев Д.Н. Мои воспоминания. Т. 1. М., 2014. С. 61.

Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 229–350.

Сторожев В. Памяти Нила Александровича Попова // Памяти отца наместника Леонида, А.А. Гатцука, Н.А. Попова и А.А. Котляревского. М., 1893.

Танков А.Л. С. М. Соловьев как профессор // Колосья. 1885. № 8. С. 245–272. Сокращенный вариант: Вестник Европы. 1910. № 10. С. 348–353.

Третьяков М.П. Императорский Московский университет (1799–1830) // Русская старина. 1892. Т. LXXV. № 7. С. 111–131; № 8. С. 307–345. № 9. Т. LXXVI. № 10.

Тур Е. Профессор П.Н. Кудрявцев. М., 1891.

Тургенев И.С. Два слова о Грановском // Современник. 1855. № 11.

Угримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту / сост., предисл. и коммент. Т.А. Угримовой. М., 2004.

Херасков И. Из истории студенческого движения в Московском университете (Воспоминания участника. 1897–1903) // Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 431–449.

Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. М., 1929–1934.

Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х годах // Русская старина. 1887. Т. LV. № 9. С. 641–652.

Шимко И.И., Голомбиовский А.А. Памяти Н.А. Попова // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 56–72.

Щепкин Д.М. Московский университет в половине двадцатых годов // Вестник Европы. 1903. № 7.

Щетинин Б.А. Из воспоминаний о В.О. Ключевском // Исторический вестник. 1911. № 7. С. 223–226.

Яковлев А.И. «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева к 170-летию В.О. Ключевского // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 140–141.

Яковлев А.И. В.О. Ключевский (1841–1911) // Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 6. История и археология. Саранск, 1946. С. 94–131.

NN. Памяти Н.А. Попова // Московские ведомости. 1892. 11 января.

Дневники

Бодянский О.М. Дневник, 1852–1857. М.: Русский миръ: Жизнь и мысль, 2006. – 302 с.

[*Гершензон М.О.*]. Дневниковые записи М.О. Гершензона (1894–1895, 1906/1907) / публ. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2016. № 1–2.

[*Корелин М.С.*]. Дневник М.С. Корелина // Terra Eurora: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. / под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 273–449.

Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / отв. ред. С.О. Шмидт; вступ. статья С.О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е.В. Неберкутиной и Т.В. Сафроновой. М., 2011.

Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000, № 2. С. 89–117; № 3. С. 84–111; № 6. С. 93–111; № 8. С. 86–109; № 9. С. 114–133; № 10. С. 113–140; № 11–12. С. 59–77; 2001. № 2. С. 69–83.

Веселовский С.Б. Семейная хроника. М., 2010.

Герцен А.И. Дневник. 1842–1845 // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 2. М., 1954.

Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001.

Кизеветтер Е.Я. Заметки о В.О. Ключевском. 1911 г. (Отрывки из дневника) / подготовка к публ. и коммент. Н.В. Гришиной // Клио. 2011. № 7. С. 46–48.

Кизеветтер Е.Я. Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) / подг. текста и коммент. М.Г. Вандалковский и А.Н. Шаханова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: альманах. М., 1994. Т. V. С. 338–425.

Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1850 // Русская старина. 1888. Т. LX. № 12. 395–416.

Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921) / редкол.: А.Ю. Двониченко, С.М. Ляндерс, В.М. Панеях, В.Н. Плешков, Е.А. Ростовцев (отв. ред.), П.А. Трибунский (отв. ред.), А.Н. Цамутали (рук. проекта); подгот. текста В.В. Андреевой, А.Н. Одинокова, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев, П.А. Трибунского; коммент. Т.Н. Жуковской, В.И. Мусаева, П.А. Трибунского; вступ. ст. Е.А. Ростовцева, А.Н. Цамутали. Рязань, 2020.

Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / отв. ред. А.К. Гладков; публ., вступит. ст. А.В. Шаровой. М., СПб., 2015.

Письма

Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930 / отв. ред. С.О. Шмидт; сост.: В.Г. Бухерт, при участии А.В. Мельникова. М., 2003.

Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. Кн. 1. М., 2011.

Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2004.

Боткин В.П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984.

«В промоции Вашей я всегда был уверен»: Письма П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову. 1890 г. / подг. к печати В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, А.В. Свешников; вступит. ст. В.П. Корзун // Исторический архив. 2001. № 3. С. 137–148; № 4. С. 23–41.

В. П. Бузескул – П. Г. Виноградов: Письма, воспоминания / публ. и коммент. А.В. Антощенко // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вип. 10. С. 332–353.

«Ваше питерское предложение было для меня гораздо заманчивее»: Письма П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову. 1891 г. / подг. к печати В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, А.В. Свешников; вступит. ст. В.П. Корзун, М.А. Мамонтова // Исторический архив. 2003. № 2. С. 195–217.

«Вы по-прежнему относитесь ко мне дружественно и благожелательно»: Из писем П.Г. Виноградова И.М. Гревсу и А.С. Лаппо-Данилевскому / публ. и коммент. А. В. Антощенко // Исторический архив. 2010. № 1. С. 119–127.

Гершензон М.О. Письма к брату. М., 1927.

Гершензон М.О., Гершензон М.Б. Переписка, 1895–1924 / публ., вступ. ст. А. Л. Соболева. М., 2018.

Т.Н. Грановский и его переписка: В 2 т. М., 1897.

Грановский Т.Н. Часть III. Письма // Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма / сост, автор вступит. ст. А.А. Левандовский; авторы коммент.: А.А. Левандовский, В.Л. Семигин; сост. (часть III «Письма»), автор коммент.: Д.А. Цыганков. М., 2010. С. 272–471.

Иванова Т.Н. Два неизвестных письма // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2011. № 12 (74)/11.

Из писем П.Г. Виноградова / публ. и примеч. К. А. Майковой // Средние века. Вып. 22. М., 1962. С. 267–282.

Из письма поэта А.Н. Плещеева к петрашевцу С.Ф. Дурову // Московский университет в воспоминаниях современников. 1755–1917. М., 1989. С. 281–282.

«Каждый обязан бороться на своем месте»: Письма П.Г. Виноградова П.Б. Струве. 1902–1904 гг. // Исторический архив. 2000. № 5. С. 186–201.

Копосов П.П. Письма Петра Николаевича Кудрявцева из-за границы (1845–1847 гг.) // Русская мысль. 1898. №1. С. 1–29.

Костышин Д.Н., Рычаловский Е.Е. Лейпцигские ученые в Московском университете и их письма академику Г.Ф. Миллеру // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1999. М., 2000. С. 33–54.

«Мне Венеция явилась во всех видах со всеми своими прелестями»: Письма П.Г. Виноградова к родным из Италии. 1878 г. / публ. и коммент. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2011. № 6. С. 144–149.

«Мы в созвездии политических волнений»: Письма П.Г. Виноградова В.И. Вернадскому: 1899–1904 / публ. и коммент. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2002. № 2. С. 129–141.

Переписка А.С. Лаппо-Данилевского с П.Н. Милюковым // Journal of Russian Modern History and Historiography. 2010. Т. 1 (3). С. 77–160.

Переписка В.И. Герье и М.С. Корелина // Terra Eurora: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. / под общ. ред. Д. А. Цыганкова. М., 2014. С. 449–635.

Переписка М.Т. Каченовского с В.А. Жуковским // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1979 г. Л., 1981.

Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / под ред. С.А. Левиной, Б.В. Левина; сост.: Л.Г. Дубинская и А.М. Дубровский. М., 2001.

Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / ред., предисл. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914. – 787 с.

Переписка и документы в связи с избранием П.Г. Виноградова сверхштатным профессором Московского университета в 1908 г. // Средние века. 2020. 81 (1). М., 2021. С. 138–143.

Пискорский В.К. Вибрани твори та епистолярна спадщина. Київ, 1997.

Письма академика П.Г. Виноградова И.В. Шкловскому (Дионео) / публ. и коммент. А. В. Антощенко // История и историки. М., 2001. С. 321–323.

Письма В.Г. Белинского к П.Н. Кудрявцеву // *Белинский В.Г.* Избранные письма. Т. 2. М., 1955. С. 73–74, 162–164, 279–280, 362.

Письма В.Н. Беркута – С.Ф. Платонову // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX в.: сб. ст. и материалов. Вып. 5. Брянск. С. 166–218.

Письма Е.Н. Щепкина // *Цыганков Д. А.* Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2000. С. 404–419.

Письма М.С. Корелина В.И. Герье // История и историки. 2007. Историографический вестник. М., 2009. С. 321–360.

Письма М.С. Корелина В.И. Герье /вступ. ст., подготовка публ. Д.А. Цыганкова // История и историки. Историографический вестник. 2005. М., 2006. С. 298–361.

Письма М.С. Корелина // *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2000. С. 214–318.

Письма Н.И. Кареева // Там же. С. 110–146

Письма П.Г. Виноградова // Там же. С. 150–173.

Письма П.Г. Виноградова к В.И. Герье из Германии (1875–1876 гг.) / публ. и коммент. А.В. Антощенко // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 119–151.

Письма П.Г. Виноградова ученикам / публ. и коммент. А. В. Антощенко // Мир историка. Омск, 2007. Вып. 3. С. 334–375.

Письма П.Н. Ардашева // *Цыганков Д.А.* Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2000. С. 350–383.

Письма Р.Ю. Вишпера // Там же. С. 319–349.

Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюкова) / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003. – 306 с.

Письма С.А. Котляревского // *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2000. С. 384–403.

Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову / подг. к печати В.П. Корзун, М.А. Мамонтова; вступит. ст. В.П. Корзун, М.А. Мамонтова // История и историки: Историографический вестник за 2002 г. М., 2002. С. 311–339.

Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову / подг. к печати М.А. Мамонтова; комм. В.П. Корзун, М.А. Мамонтова // Мир историка. XX век: монография / под ред. А.Н. Сахарова. М., 2002.

Письмо К.Д. Кавелина С.С. Уварову / предисл. и публ. В.М. Боковой // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 2. С. 107–112.

Соловьев С.М. Письма из Европы / предисл. и публ. В.В. Кучурина // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX вв. Брянск, 1996. С. 160–193.

Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1855.

Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. М., 1867.

Соловьев С.М. Первые научные труды. Письма / подгот. текстов, ст. и коммент. А.Н. Шаханова. М., 1996.

«Считаю своим долгом выразить Вам свою искреннюю благодарность за неизменную любезность и энергическую поддержку»: Письма П.Г. Виноградова редактору ЖМНП Л.Н. Майкову / публ. и коммент. А.В. Антощенко // Мир историка. Омск, 2011. Вып. 7. С. 461–485.

«Такова вообще английская жизнь»: Письма П.Г. Виноградова родным из Англии. 1883–1884 гг. / публ. и коммент. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2013. № 1. С. 87–106.

Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924 гг.) / [изд. подгот. А.В. Антощенко]. СПб., 2020.

Яковлев И.А. Письма. Чебоксары, 1985.

Диссертации и собрание сочинений московских историков

Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774–1789 гг.: Провинциальные интенданты. Историческое исследование по архивным данным. СПб., 1900. Т. 1. – XVI, 658 с.

Бабст И.К. Джон Ло или финансовый кризис во Франции в первые годы регентства. М., 1852. – II, 185 с.

Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере XVII в. / М. Богословский. М., 1909. – VIII, 322, 105 с.

Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 / М. Богословский. М., 1902. – XVI, 522, 44 с.

Виноградов П.Г. Исследование по социальной истории Англии в средние века / П. Виноградова. СПб., 1887. – 259 с.

Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. Соч. Павла Виноградова. СПб., 1880. – III, 338 с.

Виноградов П.Г. Россия на распутье. М., 2008.

Виппер Р.Ю. Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма: Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI в. / Р. Виппер. М., 1894. – X, 686, 54, VI с.

Виппер Р.Ю. Влияния Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI в. Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма. М., 1894.

Вызинский Г.В. Папство и Священная Римская империя в XIV и XV столетиях (до Базельского собора). М., 1857. – V, 281 с.

Георгиевский А.И. Галлы в эпоху Юлия Цезаря. М., 1865. – X. 502 с.

Герье В.И. Лейбниц и его век / соч. В. Герье. СПб., 1868. – V. 590 с.

Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 г.: Историческая диссертация по архивским источникам. М., 1862. – X. 471, 167 с.

Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в.: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси / Ю.В. Готье. М., 1906. – VIII, 602 с.

Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II / Ю. Готье. М., 1913.

Грановский Т.Н. Аббат Сугерий: Исторические исследования. М., 1849. – VIII. 139 с.

Грановский Т.Н. Иомсбург и Винета: Историческое исследование. М., 1845. – 41 с.

Грановский Т.Н. Полное собрание сочинений Т.Н. Грановского. Т. 1–2. СПб., Мертц, 1905.

Грановский Т.Н. Сочинений Т.Н. Грановского. 4-е изд. М., 1900.

Грановский Т.Н. Сочинений Т.Н. Грановского. Т. 1–2. М., 1856.

Грановский Т.Н. Сочинения Т.Н. Грановского. 3-е доп. изд. Ч. 1–2. М., 1892.

Грановский Т.Н. Сочинения Т.Н. Грановского. Изд. 2-е. К. Солдатенкова. Ч. 1–2. М., 1866.

Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханом Золотой Орды русскому духовенству: Историко-филологическое исследование. М., 1842. – 132 с.

Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Материал и метод. М., 1915. – XII. 567 с.

Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 2. Процесс колонизации. М., 1915. – XXVIII, 614 с.

Ешевский С.В. Апполинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галии в V в. М., 1855. – XVI. 345 с.

Ешевский С.В. Сочинения С.В. Ешевского. Ч. 1–3. М., Солдатенков, 1870.

Иловайский Д.И. Гродненский сейм 1793 года: Последний сейм Речи Посполитой. Соч. Д. Иловайского. М., 1870. – XXXVI, 274 с.

Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1859. – VI, 331 с.

Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории / Н. Кареев. М., 1884. Т. 1. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. – VI, 456 с. Т. 2. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. – 400 с.

Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века: Историческое исследование. М., 1879. – XXII, 492, LXXXIX.

Карнов Г.Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. Ч. 1–2. М., 1867. Ч. 1. – 140 с. Ч. 2. – 152 с.

Карнов Г.Ф. Критический обзор разработки главных русских источников до истории Малороссии относящихся, за время: 8 января 1654 до 30 мая 1872. Соч. Геннадия Карпова. М., 1870.

Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. 1785 г. / А.А. Кизеветтер. М., 1909.

Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. / А.А. Кизеветтер. М., 1903. – VI, 810 с.

Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси / В. Ключевского. М., 1882. – VI. 554 с.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Исследование В. Ключевского. М., 1871.

Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. Частное издание только для слушателей автора. М., 1899.

Ключевский В.О. Сочинения. В 8 томах. М., 1956–1959.

Ключевский В.О. Сочинения. В 9 томах. М., 1987–1990.

Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его время: Критическое исследование / Михаила Корелина. Вып. 1. – VIII, 576 с. Вып 2. – 577, 79 с.

Котляревский С.А. Сен-Симон и сенсимонизм / Ив. Иванов. М., 1901. – VIII. 731. с.

Котляревский С.А. Ламменэ и новейший католицизм / С.А. Котляревский. М., 1904. – X. 628 с.

Котляревский С.А. Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках / С.А. Котляревский. М., 1901. – 389 с.

Кудрявцев П.Н. Сочинения П.Н. Кудрявцева. Т. 1–3. М., 1887–1889.

Кудрявцев П.Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим: Обзорение остготто-лангобардского периода итальянской истории. М., 1850. – XII. 714 с.

Любавский М.К. Литовско-Русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / Матвея Любавского. М., 1900. – 850. 232. LXXII.

Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени первого Литовского статута: Исторические очерки / М. Любавского. – VIII, 884, VI с.

Медовиков П.Е. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854. – 265 с.

Медовиков П.Е. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелем греческим и туземному народонаселению вообще: Историческое исследование на степень магистра. М., 1849. – XII. 184 с.

Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Милюкова. СПб., 1892. – XVI, 756, 156 с.

Павлов П.В. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. М., 1850. – VI, 132 с.

Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв.: Очерки из истории края и ее колонизации. Исследование Г. Перетятковича. М., 1877. – 334 с.

Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII в.: Очерки из истории колонизации края / Исследование Г. Перетятковича. Одесса, 1882. – IV, 400 с.

Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии / Дмитрия Петрушевского. М., 1901. Ч. 2. – VIII, 367 с.

Пирогов В.Н. Исследование по римской истории преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878. – II, 24 с.

Погодин М.П. О Происхождении Руси. М., 1825.

Попов Н.А. В.Н.Татищев: Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861. – 804 с.

Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. Ч. 1. До устава 1839 года. – XIV, 522 с. Ч. 2. После Устава 1839 года. – X, 657 с.

Рейхель И.Г. Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств. М., 1775.

Рейхель И.Г. О наилучших способах к умножению подданных. М., 1766.

Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. / Н. Рожков. М., 1899. – IV, 511 с.

Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров / Александр Савин. М., 1903. – XIV, 485 с.

Савин А.Н. Английская секуляризация / Александр Савин. М., 1907. – 576 с.

Соловьев С.М. История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 1847.

Соловьев С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям: Историческое исследование. М., 1845. – 202 с.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1–23. М., 1993–2000.

Трачевский А.С. Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов: Историческое исследование. М., 1869. – XXXVI, 512, 114 с.

Федотов А. О главнейших трудах по части критической русской истории / Соч. А. Федотова. М., 1939. – 108 с.

Фирсов Н.Н. Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия: Очерки по истории торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений / Н.Н. Фирсов. Казань, 1896. – IV, 220 с.

Флоровский А.В. Состав законодательной комиссии 1767–1774 гг. / А.В. Флоровский. Одесса, 1915. – VIII, 610 с.

Щепкин Е.Н. Русское-австрийский союз во время Семилетней войны 1746 – 1758 гг.: Исследование по данным Венского и Копенгагенского архива / Евгений Щепкин. СПб., 1902. – X, 852 с.

Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в.: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства / А. Яковлев. М., 1916. – X, 312 с.

Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей 146–161 (1637–1653 гг.) / А. Яковлев. М., 1917. – X. 562 с.

Якушкин В.Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX вв. / Соч. В. Якушкина. М., 1890. Вып 1. XVIII век. – VIII, 240, 150 с.

Материалы педагогической деятельности

Богословский М.М. Древняя русская история. М., 1913.

Богословский М.М. История России в XVIII и XIX вв. (1762–1881). Лекции, читанные в Московском университете в 1911/1912 ак. году. Вып. 1–2. М, 1912.

Богословский М.М. Памяти В.О. Ключевского. М., 1912.

Виноградов П.Г. О прогрессе // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 42. С. 254–313.

Виноградов П.Г. Греческая история. Бм.Б.г.

Виноградов П.Г. История Греции. Лекции П.Г. Виноградова. Б.м., 1907.

Виноградов П.Г. История Греции. Лекции, читанные в 1885/1886 ак. г. [М., 1886].

Виноградов П.Г. История Греции: Лекции в 1894–1895 а.г. М., 1895.

Виноградов П.Г. История Греции: Лекции П.Г. Виноградова. М., 1891.

Виноградов П.Г. История правоведения. Лекции, читанные в императорском Московском университете в осеннем семестре 1908/9 г. М., 1908.

Виноградов П.Г. История средневековой Англии. М., 1883.

Виноградов П.Г. История средних веков. Курс лекций, читанных в 1886/7 ак. г. П.Г. Виноградовым. М., 1889.

Виноградов П.Г. История средних веков: Лекции, читанные доц. П.Г. Виноградовым в 1881/82. М., 1882.

Виноградов П.Г. Лекции по истории средних веков. Курс 1899–1900. М., 1900.

Виноградов П.Г. Лекции по истории Франции XVIII в., читанные проф. Виноградовым в 1886/7 г. М., 1887.

Виноградов П.Г. Средние века. Лекции Виноградова. М., 1903.

Виннер Р. Избранные сочинения. Лекции по истории Греции. Очерки по истории Римской империи. Т. 1–2. Ростов-на-Дону, 1995.

Виннер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Ч. 1. М., 1905. 2-е издание. М., 1906. 3-е издание. М., 1909.

Виннер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. СПб., 1900. 2-е изд. – М., 1908.

Виннер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1908.

Вступительные лекции профессоров Московского имп. Университета. М., 1908.

Герье В.И. Римская история: лекции 1899–1900 учеб. года. М., 1900.

Герье В.И. Roma: лекции. М., 1875.

Герье В.И. Введение в историографию Французской революции. М., 1873.

Герье В.И. Лекции Новой истории. 1868–69 г. [М.,]. Литография И. Волкова на Тверском. Издатель студ. Александр Кельцов.

Герье В.И. Лекции по истории Греции за 1884/5 год. Литография. М., 1885.

Герье В.И. Лекции по истории средних веков. 1885/86. М., 1886.

Герье В.И. Лекции по новой истории, читанные В.И. Герье в осеннем полугодии 1888–89 года. М., 1888.

Герье В.И. Лекции по новой истории, читанные профессором Московского университета В.И. Герье в осеннем полугодии 1888–89 года. М., 1888.

Герье В.И. Лекции по Римской истории, читанные в 1903–1904 уч. г. М., 1904.

Герье В.И. Лекции по римской истории, читанные на 1 и 2 курсах в 1895/96 акад г. [М.,]1886.

Герье В.И. Новая история. Период 1–2. М., 1886–1887.

Герье В.И. Новая история: лекции орд. проф. Моск. университета В.И. Герье 1876–77 уч. г. М., 1877.

Герье В.И. Новая история: лекции орд. проф. В.И. Герье. М., 1886.

Герье В.И. Новая история: лекции, чит. в 1885 г. Ч. 1–3. Б.м., 1885.

Герье В.И. Основы римской истории. М., 1869.

Герье В.И. Основы римской истории. М., 1900.

Герье В.И. Основы римской истории: пособие к лекциям В. Герье. 2-е издание. М., 1908.

Герье В.И. Политические теории XVIII в. с разр. проф. Герье. М., 1889.

Герье В.И. Римская империя: лекции 1875/76. Б.м., 1876.

Герье В.И. Римская история, читанная в 1893–94. М., 1894.

Герье В.И. Римская история. М., 1886.

Герье В.И. Римская история. М., 1890.

Готье Ю.В. История южных славян: По рукописи профессора. М., 1916.

Готье Ю.В. Лекции по русской истории. М., 1907.

Готье Ю.В. История русского землевладения. Лекции, читанные в 1906/7 и 1907/8 гг. Ю.В. Готье. Изложение конспективное. Б.м. Б.г.

Готье Ю.В. История южных славян. М., 1916.

Грановский Т.Н. Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. М., 1961.

Грановский Т.Н. Лекции по истории позднего средневековья. М., 1971.

Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986.

Кизеветтер А.А. История России XIX века: Курс, читанный в Моск. ун-те в 1908–1909 акад. г. Ч. 1–2. М., 1909.

Ключевский В.О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М., 2012. – 504 с.

Ключевский В.О. История сословий в России // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 225–391.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1–5. М., 1937.

Ключевский В.О. Лекции древней русской истории, читанные доц. В.О. Ключевским в 1800/81 году. Б.м. Б. г.

Ключевский В.О. Лекции по русской истории [Методология]. 1884–85 акад. г. Б.м. [1885].

Ключевский В.О. Лекции по русской истории проф. Ключевского: Лекция 1–24 [1880–1881]. Б.м., [1881].

Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве, 1872–1875. М., 1997. – 815 с.

Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Специальные курсы. Т. VII. М., 1989. С. 190–227.

Ключевский В.О. Новая русская история. Лекции 1885/86 г. Ч. 1–2. М., 1886. Ч. 1: От смутного времени до Петра III. Ч. 2. От Екатерины I до Александра II.

Ключевский В.О. Новая русская история. Период четвертый. Лекции В.О. Ключевского, читанные в 1887/8 г. Отд. 1–2. М., 1888.

Ключевский В.О. Пособие для приготовления к полукурсовому испытанию по русской истории. (Составлено по лекциям орд. Проф. В.О. Ключевского). М., 1885.

Ключевский В.О. Русская правда [Лекции]. Б.М. б.г.

Ключевский В.О. Терминология русской истории // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 94–224.

Ключевский В.О. Курс русской истории. 2-е изд. Ч. 1–4. М., 1906–1915.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1–4. М., 1904–1910.

Курс русской истории. М. –Пг., Гос. изд. 1918–1921. 2-е изд. М., 1921.

Корелин М.С. История XIX столетия. Курс 1898–1899. Литография. [М., 1899]. – 140 с.

Корелин М.С. История XIX столетия. Курс 1898–1899. Литография. Sine loco et anno. [М., 1899].

Корелин М.С. История Древнего Востока. М., 1901.

Корелин М.С. Лекции по истории Древнего Востока. Курс лекций 1894–1895 гг. Литография. М., 1895. – 371 с.

Корелин М.С. Лекции по истории Римской империи. Курс 1895–1896 гг. Литография. М., 1896. – 100 с.

Кудрявцев П.Н. Лекции, сочинения: Избранное. М., 1989.

Лавров П.А. История южных славян. Лекции, читанные в Московском университете в 1896/96 году. М., 1896.

Любавский М.К. Древняя русская история до конца XVI в. М., 1918.

Любавский М.К. Древняя русская история. Курс 1910/1911 года. Ч. 1–2. СПб., 1911.

Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. Курс, читанный в 1908–1909 г. М., 1909.

Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. Курс, читанный в Московском университете в 1908–1909 г. М., 1909.

Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. 2-е издание. СПб., 2000.

Любавский М.К. История западных славян. М., 1912.

Любавский М.К. История царствования Екатерины II. Курс, читанный в имп. Моск. ун-те. Весной 1911 г. М., 1912; 2-е издание. СПб., 2001.

Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1915, 1916, 1918; переизд. 2002.

Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1915; 2-е изд. М., 1916; 3-е изд. М., 1918; 4-е издание СПб., 2000; 5-е издание М., 2002.

Любавский М.К. Лекции по истории Чехии, читанные в Московском университете в 1911/12 уч. г. М., 1912.

Любавский М.К. Лекции по истории Чехии. М., 1907. М., 1912.

Любавский М.К. Русская история XVIII в. Ч. 1–2. М., 1913. 2-е издание – СПб., 2002.

Любавский М.К. Русская история XVII–XVIII вв. М., 2002. Переиздание.

Памятники русской истории. Вып. 1. Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных / под ред. С.В. Бахрушина. М., 1909.

Памятники русской истории. Вып. 2. Памятники истории Великого Новгорода / под ред. С.В. Бахрушина. М., 1909.

Памятники русской истории. Вып. 3. Акты, относящиеся к истории земских соборов / под ред. Ю.В. Готье / под ред. В.И. Ключевского, М.К. Любавского и др. М., 1909.

Памятники русской истории. Вып. 4. Памятники истории Смутного времени. / под ред А.И. Яковлева. М., 1909.

Памятники русской истории. Вып. 5. Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX ст. / под ред. А.А. Кизеветтера. М., 1909.

Памятники русской истории. Вып. 6. Памятники истории крестьян XIV – XIX вв. / под ред. А.Э. Вормса. М., 1910.

Памятники русской истории. Вып. 7. Памятники законодательства Петра Великого / под ред. М.М. Богословского. М., 1910.

Памятники русской истории. Вып. 8. Посошков И. Книга о скудости и богатстве и некоторые более мелкие сочинения с предисл. А.А. Кизеветтера. М., 1911.

Памятники русской истории. Вып. 9. Русская правда / под ред. А.И. Яковлева. М., 1914.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 1–7. М., 1846–1856.

Погодин М.П. Начертание русской истории для гимназий. М., 1837.

Попов Н.А. История южных славян. Лекции, читанные в 1886 г. Б.м., б.г.

Попов Н.А. Лекции по древней русской истории 1878/9 г. Б.м. Б.г.

Соловьев С.М. Лекции по русской истории 1873–74 г. // *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. XXI. Дополнительная. Работы разных лет. М., 1998.

Щепкин В.Н. История южных славян. Курс читанный в Московском университете в 1909–1910 акад. году.

Периодика

Вестник Европы

Исторический вестник

Историческое обозрение

Московские ведомости

Русская мысль

Русские ведомости

Русский архив

Русская старина

Чтения общества истории и древностей российских

Историография

Агеева Н.Н. Взгляды С. Ф. Фортунатова на Французскую революцию конца XVIII века как маркер его места в системе научных сообществ конца XIX – начала XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30 (321). С. 94–99.

Агеева Н.Н. Вклад С.Ф. Фортунатова в развитие отечественного англоведения // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI в.: материалы II Международной научно-образовательной конференции: в 2 т. Казань, 14–16 ноября 2019 г. Казань, 2020. С. 149–151.

Агеева Н.Н. Преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в Московском университете // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения): сб. ст., Чебоксары, 15–16 октября 2015 г. Чебоксары, 2015. С. 17–21.

Агеева Н.Н. Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 2015.

Агеева Н.Н. Исследования Григория Алексеевича Фортунатова по истории рода Фортунатовых // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания: материалы международной научной конференции, Чебоксары, 23–24 апреля 2021 г. Чебоксары, 2021. С. 123–127.

Агеева Н.Н. Исследования Григория Алексеевича Фортунатова по истории рода Фортунатовых // Там же. С. 123–127.

Агеева Н.Н. История Франции XIX в. в научно-публицистическом наследии С.Ф. Фортунатова // Исторический поиск. 2021. Т. 2. № 1. С. 39–46.

Агеева Н.Н. Политические взгляды С.Ф. Фортунатова // Человек труда в истории: Актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения: сб. ст. III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Чебоксары, 03 марта 2016 г. Чебоксары, 2016. С. 105–109.

Агеева Н.Н. Портрет интеллектуала: К 165-летию С.Ф. Фортунатова / Н.Н. Агеева, Т.Н. Иванова // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 287–306.

Агеева Н.Н. Преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в Московском университете // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения): сб. ст. Чебоксары, 15–16 октября 2015 г. Чебоксары, 2015. С. 17–21.

Агеева Н.Н. Преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в университете им. А.Л. Шанявского // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): сб. тр. Всероссийской научной конференции с международным участием, Чебоксары, 14–15 мая 2018 г. Чебоксары, 2018. С. 169–173.

Агеева Н.Н. Преподавательские традиции в династии Фортунатовых // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): сб. ст., Чебоксары, 15–16 октября 2014 г. Чебоксары, 2014. С. 17–22.

Агеева Н.Н. Публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 5–9.

Агеева Н.Н. С.Ф. Фортунатов о проблемах преподавания истории в гимназиях / Н. Н. Агеева // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 20 декабря 2016 г.. Чебоксары, 2017. С. 92–95.

Агеева Н.Н., Иванова Т.Н. Научно-педагогическое наследие российского историка С.Ф. Фортунатова // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 10–14.

Агейчева Т.В. В.О. Ключевский и Г.Ф. Карпов: Дружба длиною в жизнь // Ключевские чтения – 2022. Россия выбирает путь: материалы Международной научной конференции молодых ученых: сб. науч. тр. Москва, 18–19 марта 2022 г. / отв. ред. В.Е. Воронин. М., 2022. С. 16–20.

Академик М.К. Любавский и Московский университет. М, 2003.

Алеврас Н.Н. Диссертационная культура как историографический концепт / Н. Н. Алеврас // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С. 111–120.

Алеврас Н.Н. Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX в. // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 218–241.

Алеврас Н.Н. Диссертационная культура второй половины XIX – начала XX в.: речь историка на защите диссертации // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3(105). С. 276–286.

Алеврас Н.Н. Магистерская диссертация В.О. Ключевского в самооценках и оценках историков // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): сб. ст., Чебоксары, 15–16 октября 2014 г. Чебоксары, 2014. С. 12–17.

Алеврас Н.Н. Магистратура в контексте диссертационной культуры: Дореволюционный опыт историко-научного сообщества в историографическом ракурсе // 2014. № 13. С. 20–40.

Алеврас Н.Н. Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX – начала XX в. (из диссертационной практики ученых-историков). Ч. 1. Институты экспертизы диссертаций // *Magistra Vitae: Электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2017. № 2. С. 145–161.

Алеврас Н.Н. Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX – начала XX в. (из диссертационной практики ученых-историков). Ч. 2. Культура и модели оппонирования (Продолжение) // *Magistra Vitae: Электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2018. № 1. С. 186–198.

Алеврас Н.Н. Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX – начала XX в. (из диссертационной практики ученых-историков). Ч. 3. Неофициальные оппоненты // *Magistra Vitae: Электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2018. № 2. С. 160–175.

Алеврас Н.Н. Проблемы источника и метода в академических отзывах В.О. Ключевского о диссертациях петербургских историков // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2011. № 23(238). С. 9–17.

Алеврас Н.Н. Проблемы историографии на омских научных конференциях «Культура и интеллигенция России» // *Вестник Челябинского государственного университета.* 1999. № 2(10). С. 15–20.

Алеврас Н.Н. Российская диссертационная культура XIX – начала XX вв. в восприятии современников к вопросу о национальных особенностях // *Диалог со временем.* 2011. № 36. С. 221–247.

Алеврас Н.Н. С.М. Соловьев в контексте истории становления российской диссертационной культуры: Вторая половина 1840-х гг. // *Уральский исторический вестник.* 2020. № 3(68). 2020. С. 115–123.

Алеврас Н.Н. Статус диссертации и нормативные основы оппонирования в российском законодательстве XIX в. // *Вестник Пермского университета. История.* 2017. № 3(38). С. 37–47.

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Подготовка магистрантов в традициях университетской культуры России XIX – начала XX в. // Историческая наука и образование в России и на Западе: Судьбы историков и научных школ: материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 01 января – 31 декабря 2012 г. М., 2012. С. 169–172.

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта / Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 6. Омск, 2010. С. 9–21.

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Историк на перепутье: научное сообщество в «смуте» 1917 г. // Диалог со временем. 2008. № 25–1. С. 87–108.

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Выдрин О.В. Диссертационная культура российских университетов XIX – начала XX в. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2(95). С. 100–110.

Алеврас Н.Н., Нохрин И.М., Богомазова О.В. Открывая неизвестного Ключевского: Историк как творец национальной идеи // Диалог со временем. 2016. № 55. С. 41–61.

Алпатов М.А. Лекционные курсы Павла Гавриловича Виноградова по античной истории // Вестник Древней истории. 1957. № 4. С. 127–141.

Алпатов М. А. Из истории русской медиевистики // Вопросы истории. 1960. № 9. С. 53–65.

Алпатов М.А. П.Г. Виноградов как историк французской буржуазной революции // Французский ежегодник за 1958 г. М., 1959. С. 560–574.

Алпатов М.А. Виноградов как историк Французской буржуазной революции // Французский ежегодник. М., 1959. С. 560–574.

Алпатов М.А. Концепция всемирной истории Михаила Орлова // История и историки за 1974 г. М., 1976.

Алпатов М.А. Мироззрение М.С. Куторги и его концепция истории древней Греции // Вестник Древней Истории. 1955. № 3. С. 179–191.

Алпатов М.А. Политические взгляды и историческая теория А. Токвиля. // Известия Академии наук. Серия истории и философии. 1949. № 4.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973.

Алпатов М.А. Из истории русской медиевистики // Вопросы истории. 1960. № 9. С. 53–65.

Алпатов М.А. Лекционные курсы Павла Гавриловича Виноградова по античной истории // Вестник Древней истории. 1957. № 4. С. 127–141.

Андреев А.И. Работа С.М. Соловьева над «Историей России» // Труды Московского историко-архивного института. 1947. Т. 3. С. 3–16.

Андреев А.Ю. «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в. // Отечественная история. 2004. № 2. С. 37–55.

Андреев А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 48–60.

Андреев А.Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 97. С. 68–93.

Андреев А.Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 1(62). С. 62–89.

Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М., 2001.

Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.

Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М., 2005;

Андреев А.Ю. Русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. М., 2006.

Андреев А.Ю. Статистическое исследование университетской профессуры в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Том 66. Вып.1. С.19–41.

Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 4(65). С. 70–97.

Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 156–169.

Андреев А.Ю. История научной аттестации в высших школах Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. № 1. С. 293–303.

Андреев А.Ю. Корпоративное старшинство в Московском университете во второй половине XVIII – начале XIX в. как отражение адаптации профессорской должности в России // Мавродинские чтения 2018: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина, Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 г. / под редакцией А.Ю. Дворниченко. СПб., 2018. С. 508–512.

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2013.

Андреев А.Ю. Университетская идея в понимании М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 5. С. 52–68.

Антощенко А.В. Возвращение в родной университет: Переписка и документы в связи с избранием П.Г. Виноградова сверхштатным профессором Московского университета в 1908 г. // Средние века. 2020. Т. 81. № 1. С. 127–137.

Антощенко А.В. Диссертации П.Г. Виноградова // Мир историка. Вып. 6. Омск, 2010. С. 85–120.

Антощенко А.В. История одной профессорской отставки // Казус. 2002. С. 234–272.

Антощенко А.В. О научной школе источниковедения: иной взгляд // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 2. С. 69–75.

Антощенко А.В. Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10. № 1 (37). С. 61–68.

Антощенко А.В. Павел Гаврилович Виноградов: Становление преподавателем // Мир историка. Историографический сборник. Выпуск 3. Омск, 2007. С. 204–211.

Антощенко А.В. Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10. № 1 (37). С. 61–68.

Антощенко А. В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010.

Антощенко А.В. Реформы и власть в России во второй половине XIX – начале XX вв.: иллюзия и разочарование П.Г. Виноградова // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. СПб., 1997.

Антощенко А.В. Участие П.Г. Виноградова в диспутах при защите диссертаций // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 3(15). С. 337–342.

Антощенко А.В. Эмоциональный мир автобиографии С.М. Соловьева // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. Брянск, 2019. Вып. 5. С. 30–53.

Антощенко А.В. «Это был неслыханный в летописях университета скандал» (о «восстании» профессоров Московского университета в 1866 г.) // Историк и его эпоха: матер. Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. В.А. Данилова, (24–25 апр. 2007 г., Тюмень) / отв. ред. С.В. Кондратьев. Тюмень, 2007.

Антощенко А.В. Das Seminar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты

российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М., 2009.

Антощенко А.В. «Thank you very much for your kind letter and flattering invitation». Письма П.Г. Виноградова к Э. Селигману. 1907–1911 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 9. № 4 (36). С. 221–228

Антощенко А. В., Свешников А.В. Исторический семинар как место знания // Историческая культура императорской России: Формирование представлений о прошлом. М., 2012.

Архангельский С.И. Исторические взгляды С.В. Ешевского // Средние века. Вып. 6. М., 1955. С. 324–344.

Арциховский А.В. Академик Ю. В. Готье как археолог // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 1. 1945. С. 21–24.

Асиновская С.А. Архив Грановского // Записки Отдела рукописей / Гос. Библиотека им. В.И. Ленина. М., 1959. Вып. 21. С. 3–32.

Асиновская С.А. Из истории передовой мысли в русской медиевистике (Т.Н. Грановский). М., Изд-во Акад. наук СССР. 1955. – 166 с.

Асмус В.Ф. Борьба течений в Московском университете в 70-х гг. XIX в. // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 56–85.

Барг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998. – 306 с.

Базанов М.А., Богомазова О.В. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А. Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографиями о В.О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 47. № 23 (238). 2011 С. 26–37.

Беленький И.Л. К проблеме наименования школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки: Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1978. С. 64–65.

Белик К.М., Гришина Н.В. Предисловия к диссертациям по русской истории второй половины XIX – начала XX в. как форма трансляции академических конвенций и практик // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 82–97.

Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. М., 1997. – 320 с.

Боброва Л.А. Высшие женские курсы профессора Герье в Москве (1872–1888) // Труды Московского историко-архивного института. М., 1961. Т.16. С. 253–265.

Бовыкин В.И., Латышева О.И. Московский университет в революции 1905–1907 г. // Вопросы истории. 1955. № 4. С. 49–58.

Богданова Е.С. Личный фонд профессора Московского и Оксфордского университетов академика П.Г. Виноградова // Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина. М., 2009. С. 112–118.

Богомазова О.В. В.О. Ключевский: Историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX – начале XXI в.: дис. ... канд. истор. наук. Челябинск, 2013. – 263 с.

Богословский М. М. Научное значение работ С.М. Соловьева // *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987.

Бон Т.М. Русская историческая наука. Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. – 269 с.

Бороздин И.Н. К вопросу об ученых разногласиях русских медиевистов 40–50-х годов XIX в. // Средние века. Вып. 6. М., 1954. С. 345–356

Бузескул В.П. Всеобщая история в России и ее представители в XIX – начале XX в. Ч. 1–2. М.–Л., 1929–1931.

Бурганова Л.А., Мягков Г.П. К вопросу о становлении теории американской «исключительности» в национальных буржуазных историографиях // Методология исторического познания и буржуазная наука. Казань, 1977.

Бурдые П. Homo academicus. М., 2017. – 461 с.

Бутенко А.В. Наука новой истории в России // *Анналы.* № 2. 1922.

Бухерт В.Г. Основание исторического общества при Московском университете // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 195–206.

Бушуева Л.А. Из приват-доцентов в «университетские старцы»: Возраст профессоров императорского Казанского университета (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 170–175.

Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Омск, 2001. – 358 с.

Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М., 1940. – 376 с.

Вайштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории. Л., 1979. – 270 с.

Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 3–79.

Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992. – 285 с.

Вандалковская М.Г. О традициях дореволюционной науки // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под ред. А.Н. Сахарова. М., 1996. С. 95–108.

Васильева К.Н. К вопросу об изучении творческого наследия В.О. Ключевского в современной отечественной историографии / К.Н. Васильева, Н.Н. Агеева // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст., Чебоксары, 12–14 октября 2017 г. / ред.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. Чебоксары, 2017. С. 158–161.

Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974. – 336 с.

Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. – 447 с.

Веселая Г.А. Студенческие волнения в Московском университете осенью 1901 г. // Материалы по истории освободительного движения в России в период капитализма. М., 1974, С.133–146.

Вишленкова Е.В. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 г. // Отечественная история. 2002. № 4. С. 22–35.

Вишленкова Е.А. Реформа университетских архивов в России 1830-х г. / Е.А. Вишленкова, К.А. Ильина // История и историческая память. 2014. № 9. С. 40–59.

Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Архив как средство управления российскими университетами // Биографии университетских архивов / под редакцией Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М., 2017. С. 83–101.

Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4(122). С. 84–107.

Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетский архив и модернизация государственного управления в Российской империи 1820–1830-х гг. // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 86–106.

Вишленкова Е.А., Парсамов В.С. Университетские истории в России: Генезис жанров // Вестник Санкт-Петербургского Государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (20).

Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012. – 648 с.

Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. – 448 с.

Волкова И.В. «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьева (из истории общественной мысли середины XIX в): дис. ... канд. истор. наук. М., 1984.

Волкова И.В. Педагогическая деятельность историка С.М. Соловьева // Экономическая и общественная жизнь России нового времени: Первые Дружининские чтения. М., 1992. С. 215–221.

Волкова И.В. Сергей Михайлович Соловьев. Очерк жизни и творчества // С.М. Соловьев. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992. С. 23–186.

Волобуев О. В. Школьные учебники начала XX в. по русской истории: Функциональность и типология // Российская история. 2014. № 1. С. 107–108.

Володихин Д.М. «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера. М., 1997. – 98 с.

Воробьев В.М. Закономерности русской колонизации в оценке М.К. Любавского // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 83–88.

Воробьева И. Г. Ученик и учитель: М.К. Любавский и Н.А. Попов // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 32–45.

Воробьева И.Г. Н.А. Попов как профессор и организатор науки // Российские университеты в XVIII–XX в. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 115–134.

Воробьева И.Г. Нил Попов – уроженец и исследователь Бежецкого края // Гумилев и Бежецкий край. Бежецк, 1996. С. 92–97.

Воробьева И.Г. Страницы биографии Нила Попова // Бежецкий верх. Тверь, 1996. С. 79–90.

Воробьева И.Г. Переписка В.И. Григоровича и Нила Попова // Профессор Виктор Иванович Григорович: тезисы докладов областных научных чтений, посвященных 175-летию со дня рождения ученого-слависта. Одесса, 1991. С. 38–40.

Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. – 191 с.

Выдрин Р.И. Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908. – 86 с.

Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Университет vs Министерство народного просвещения: Академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 15–24.

Галямичев А.Н. Средневековая история славян в научно-педагогической деятельности Т.Н. Грановского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 3. С. 43–49.

Георгиев П.В., Чиглинцев Е.А. Российские историки в поисках политического идеала: В.П. Бузескул и Р.Ю. Виппер об афинской демократии // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 2. Омск, 2006. С. 316–325.

Георгиева Н.Г. Обзор источников по истории студенческого движения в России (1895–1904) // Труды университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Т. 79. М., 1976. С. 78–97.

Георгиева Н.Г. Советская историография студенческого движения в России на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 124–131.

Георгиева Н.Г. Студенческая печать как исторический источник (По материалам нелегальной листовочной печати Московского студенчества. 1895–1904 // Историография и источниковедение. Труды университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Т. 72. М., 1974. С. 122–144.

Гиндилис Н.Л. Становление и развитие науковедения в XX в. // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 1. С. 98–104.

Глебов А.Г. П.Г. Виноградов об университетском вопросе в России начала XX вв. // Российские университеты в XIX – нач. XX в. Воронеж, 1993. С. 128–140.

Голубцова Е.С. Роберт Юрьевич Виппер // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., 2000. С. 7–15.

Гордлевский В. В.И. Герье как историк Востока. Из истории Лазаревского института // Новый Восток. 1922. Кн. 1.

Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начала XX вв. // Отечественная культура и историческая наука XVIII – XX вв. Брянск, 1996. С. 42–51.

Горина И.В. К вопросу о культурной географии в трудах В.О. Ключевского, М.К. Любавского и В.В. Розанова // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 89–96.

Грибовский М.В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра истор. наук. Томск, 2018.

Грибовский М.В. Трудности университетской карьеры в России в конце XIX – начале XX в. // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 146–159.

Грибовский М.В. «Тягость профессорства»: Особенности педагогической деятельности университетского преподавателя в дореволюционной России // Былые годы. 2019. Т. 3. № 53. С. 1263–1271.

Грибовский М.В., Сорокин А.Н. Академические свободы и бюрократические узы преподавателя: Результаты полевого исследования в университетах Великобритании и Франции // Университетское управление: Практика и анализ. 2019. Т. 23. № 1–2. С. 60–71.

Грибовский М. В. Лекция как форма организации учебного процесса глазами университетских профессоров и студентов конца XIX – начала XX в. // Философско-педагогическое наследие С.И. Гессена и современные проблемы образования, воспитания, культуры: сб. науч. тр. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием – традиционных пятых Гессеновских чтений, посвященных 130-летию со дня рождения С.И. Гессена, Томск, 01–02 марта 2018 г. Томск, 2020. С. 52–56.

Грибовский М.В. Студенческое движение рубежа XIX–XX вв. глазами университетской профессуры // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: сб. ст. / отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб., 2019. С. 524–542.

Грибовский М.В. Трудности университетской карьеры в России в конце XIX – начале XX в. // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 146–159.

Гришина З.В. Высшее образование женщин в дореволюционной России и Московский университет // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1984. № 1. С. 52–63.

Гришина З.В. С.Н. Булгаков и Московский университет начала 90-х г. XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 2. С. 9–26.

Гришина З.В. Студенческое движение в Московском университете 80-х гг. XIX – нач. XX вв. по воспоминаниям современников. Источниковедческий обзор // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 5. 1988. С. 43–53.

Гришина Н.В. Базы данных как источник в изучении диссертационной культуры историков // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международной научно-практической конференции. в 2-х томах. Витебск, 27–29 апреля 2023 г. Т. 1. Витебск, 2023. С. 123–125.

Гришина Н.В. Диссертации представителей «школы В.О. Ключевского»: к вопросу об исследовательской программе // Мир историка и пространство истории: сб. ст. к юбилею профессора Н.Н. Алеврас / под ред. Н.В. Гришиной, Т.А. Андреевой. Челябинск, 2018. С. 193–217.

Гришина Н.В. Дневник Бориса Ключевского (к публикации фрагментов источника) // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 7. Омск, 2011. С. 434–444.

Гришина Н.В. Источники для изучения диссертационной культуры России // Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 08–09 октября 2015 г. Витебск, 2015. С. 75–76.

Гришина Н.В. «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: Мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX в. / Н. В. Гришина // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 5. Омск, С. 152–177.

Гришина Н. В. Проблема «диалога» В.О. Ключевского с русским обществом в процессе становления культурного пространства России // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2(16). С. 13–22.

Гришина Н.В. Сотворение историка: Перипетии пути в науку в начале XX в. (на примере Московского университета) // Диалог со временем. 2012. № 40. С. 283–297.

Гришина Н.В. Схоларная проблематика в коммуникативных практиках научного сообщества рубежа XIX–XX вв. (на примере школы В.О. Ключевского) // Проблемы российской истории. 2006. № 6. С. 37–56.

Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.

Гришина Н.В. Диссертации представителей «школы В.О. Ключевского»: К вопросу об исследовательской программе школы // Мир историка и пространство истории: сб. ст. к юбилею Н.Н. Алеврас. Челябинск, 2018. С. 193–217.

Гришина Н.В., Алеврас Н.Н. Алексей Иванович Яковлев и его диссертационные диспуты // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): сб. тр. Всероссийской научной конференции с международным участием, Чебоксары, 18 апреля 2019 г. Чебоксары, 2019. С. 44–51.

Гудзий Н.К. Изучение русской литературы в Московском университете, М., 1958. – 69 с.

Гудзий Н.К. Н.С. Тихонравов. М., 1956. – 83 с.

Гутнов Д.А. Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. № 3. С. 40–53.

Гутнов Д.А. Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. М., 1991.

Гутнов Д.А. Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24–26 января 1930 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2004. № 3. С. 88–101.

Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1985. – 480 с.

Далин В.М. Историки Франции XIX–XX вв. М., 1987. – 327 с.

Далин В.М. Люди и идеи: Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970. – 394 с.

Данилов А.И. Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского. Некоторые вопросы историографии средних веков // Средние века. М., 1955. Вып. 6. С. 301–307;

Дворниченко А.Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 97–120.

Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринев Д.А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. № 1. С. 24–52.

Девятайкина Н.И. М.С. Корелин: Подходы и методы изучения Ренессанса и его историография (на примере Петрарки) // Cursor mundi: человек античности, средневековья и Возрождения. 2017. № 9. С. 133–151.

Демидов И.А., Ишутин В.В. Общество истории и древностей российских // История и историки. 1975. М., 1976. С. 250–280.

Демина Л.И., Мохначева М.П. К вопросу о научно-просветительской деятельности историков Московского университета в 1906–1914 гг. // Российские университеты в XIX – нач. XX вв. Вып. 2. Воронеж, 1996. С. 69–77.

Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: Опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М., СПб., 2022. – 464 с.

Дмитриев С.С. Историческая наука в Московском университете в 60–90-годах XIX в. // Вестник Московского государственного университета. 1954. № 2.

Дмитриев С.С. Историческая наука в Московском университете за 200 лет его существования // Тезисы докладов исторического факультета. Юбилейная научная сессия. М., 1955.

Дмитриев И.С., Кузнецова Н.И. Академия благих надежд. М., 2019. – 448 с.

Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992.

Дубровский А.М. С.В. Бахрушин – преподаватель Московского университета // Археографический ежегодник за 2005 г. М., 2007. С. 314–329.

Дубровский А.М., Кучурин В.В. Лекционные курсы по истории России в научно-педагогической деятельности С.М. Соловьева второй половины 1840-х – 1850-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3 (37). С. 47–56.

Дубровский А.М., Кучурин В.В. «Феософия» С.М. Соловьева // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры: сб. науч. тр. / отв. ред. Г.А. Невелев. Брянск, 1992. С. 98–107.

Дубьева Л. «Отдаюсь науке совсем...» И.И. Лапко – профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг. // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. IX. Vilnius, 2005. С. 374–391.

Дурновцева В.И. Россия в исторической концепции П.Г. Виноградова // Историографический сборник. Вып. 6 (9). Саратов, 1981. С. 99–111.

Евдошенко Ю.В. М.Т. Каченовский в общественной жизни России первой трети XIX в.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2001.

Ефимов А.В. Соловьев как историк международных отношений // История и историки. М., 1966. С. 326–344.

Ефимов А.В. Соловьев как историк международных отношений: (К 125-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Сер. История и философия. 1945. Т. 2. № 4. С. 228–252;

Жарова Е.Ю. Контроль над занятиями студентов в университетах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический журнал: Научные исследования. 2018. № 1. С. 92–105.

Жураковский Г.Е. Из истории просвещения дореволюционной России. М., 1978. – 150 с.

Забугина Е. И. Педагогическая и общественная деятельность историка С.П. Моравского // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 23 № 1. 2017. С. 21–25.

Завгородняя О. И. Формирование правового статуса института попечителей российских университетов в первой половине XIX в.: Историко-правовое исследование. М., 2006. – 51 с.

Зайнетдинова Л.Н. Начальный период научной деятельности С.М. Соловьева (40–50-е гг. XIX): автореф. ... канд. истор. наук. М., 2006. – 23 с.

Зайцев А.Д. Петр Иванович Бартенев. М., 1989. – 170 с.

Зайцев Б. П., Посохов С. И. Попечители Харьковского учебного округа. Харьков, 2000. – 123 с.

Заливалова Л.Н, Лебедева Г.Е. А.П. Рудаков и его время (к изучению творческой биографии ученого) // Византия и Крым: Проблемы городской культуры. Тезисы конференции. Екатеринбург, 1995. С. 15–19.

Лебедева Г.Е. Александр Петрович Рудаков и его время (к изучению творческой биографии историка) // Византийские очерки. М., 1996. С. 206–216.

Лебедева Г.Е. Александр Петрович Рудаков и его время (к изучению творческой биографии историка) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2000. № 2. С. 40–61.

Лебедева Г.Е. Ф.И. Успенский и А.П. Рудаков // Античная древность и средние века. Вып. 33. Екатеринбург, 2002. С. 315–328.

Захарченко О. В. С.А. Котляревский об идеях католицизма первой половины XIX в. // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): сб. тр. Всероссийской научной конференции с международным участием, Чебоксары, 14–15 мая 2018 г. Чебоксары, 2018. С. 275–277.

Захарченко О. В. Студенческие годы С.А. Котляревского и формирование его исторического мировоззрения // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5(116). С. 66–70.

Захарченко О.В., Иванова Т.Н. Влияние В.И. Герье на формирование исторического мировоззрения С.А. Котляревского // История идей и история общества: материалы IX Всероссийской научной конференции, Нижневатовск, 14–15 мая 2011 г. / отв. ред. В.Н. Ерохин. Нижневатовск, 2011. С. 300–302.

Захарченко О.В. Научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность С.А. Котляревского (1873–1939): дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 2018. – 222 с.

Зимин А.А., Киреева Р.А. Из рукописного наследия В.О. Ключевского (Новые материалы к курсу по русской историографии) // История и историки:

Историографический ежегодник. 1972 / отв. ред. М.В.Нечкина. М., 1973. С. 307–336.

Зимин А.А. Архив В.О. Ключевского // Записки отдела рукописей / Гос. Библиотека им. В.И. Ленина. Вып. 12. М., 1951. С. 76–86.

Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е годы XIX в. // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 178–196.

Змеев В.А. Педагогический институт Императорского Московского университета // Вестник Московского государственного университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2009. № 1. С. 138–144.

Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: К истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей. Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 152–172.

Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: Содержание и эволюция. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. –155 с.

Золотарев В.П. К вопросу о отношении Кареева к марксизму // Проблемы отечественной и всеобщей истории в трудах советских исследователей. Воронеж, 1985. С. 97–110.

Золотарев В.П. О «русской школе» новой истории стран Запада // XXV съезд КПСС и задачи изучения исторической науки. Ч. 1. Калинин, 1978. С. 125–126.

Золотарев В.П. Семинарские занятия по новой истории в российских университетах 60-х годов XIX в. // Вузовская историческая наука и историческое образование. Итоги и перспективы развития. Воронеж, 1991.

Зубков И. В. Научные педагогические общества. Педагогическое общество при Московском университете // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011. С. 651–661.

Зыкова Г.В. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1991. – 121 с.

Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. – 392 с.

Иванов А.Е. Мир русского студенчества. 80-е годы XIX – начало XX в. Очерки. М., 2010. – 331 с.

Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский состав высшей школы России конца XIX – начала XX в.: Общественно-политический облик // Отечественная история. 1990. № 5. С. 60–76.

Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в. Социально-историческая судьба. М., 1999. – 414 с.

Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. – 407 с.

Иванов А.Е. Университеты и власть в российской империи. Начало XX в. М., 2023. – 320 с.

Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи XVIII – начало XX в.. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. – 648 с.

Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917. М., 1994. – 195 с.

Иванов П. Студенты в Москве. Быт нравы. Типы. (Очерки). М., 1903. – 304 с.

Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: Портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. – 381 с.

Иванова Т.Н. В.И. Герье в кругу семьи и учеников // Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837–1919). Материалы научной конференции. Москва 18–19 мая. М., 2007. С. 37–43.

Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье) // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 153–164.

Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России: дис. ... канд. истор. наук. Л., 1984.

Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России. (30-е гг. XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра истор. наук. Казань, 2011.

Иванова Т.Н. Два профессора: В.И. Герье и С.Ф. Фортунатов // Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, 23–24 октября 2014 г. Омск, 2015. С. 21–22.

Иванова Т.Н. Лаборатория историка: Ненаписанные диссертации М.С. Корелина // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / отв. ред. Л.П. Репина, Л.А. Фадеева. М., 2007. С. 110–112.

Иванов Т.Н. Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX в. как исторический источник // Сообщество историков высшей школы России: Научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 23–26.

Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в.). Чебоксары, 2010. – 381 с.

Иванова Т.Н. Научные коммуникации в российском историческом контексте // Идеи и люди: Интеллектуальная культура Европы в Новое время. М., 2014. С. 534–710.

Иванова Т.Н., Зарубин А.Н. В. И. Герье как «надежный путеводитель» в научной карьере П.Н. Ардашева: К вопросу о складывании функции научного руководителя на рубеже XIX–XX вв. // Мир историка: Историографический сборник. Выпуск 6. Омск, 2010. С. 22–42.

Иванова Т.Н., Мягков Г.П. В центре «реабилитационного внимания»: Е.Н. Щепкин и В.И. Герье // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. Вып. 3. С. 26–33.

Иванова Т.Н., Мягков Г.П. С.Ф. Фортунатов и московское научное сообщество // Историки между очевидным и воображаемым: Проблемы визуализации в исторической мысли. XVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. Н. Новгород, С. 24–27.

Иванова Т.Н., Мягков Г.П. С.Ф. Фортунатов и московское научное сообщество // Историки между очевидным и воображаемым: Проблемы визуализации в исторической мысли. XVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2011. С. 24–27.

Иванов Ю.Ф. М.К. Любавский – выдающийся ученый и педагог // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 50–61.

Иванов Ю.Ф. Московский университет в 1911 г. // Российские университеты в XVIII–XX вв. Воронеж, 2002. С. 164–177.

Иващенко В.Ю., Посохов С.И. Образы профессоров XIX в. в воспоминаниях преподавателей и воспитанников Харьковского университета // Мир историка: Историографический сборник. Омск, 2011. С. 110–139.

Ивонина И.О. Проблема направленности исторического процесса в русской христианской исторической мысли XIX — первой половины XX в.: дис. ... д-ра. истор. наук. Томск, 2001. – 365 с.

Ивонина И.О. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – сер. XX вв. Новосибирск, 2000. – 440 с.

Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 1–2. Киев, 1891–1908.

Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 9–11.

Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в. М., 1998. – 157 с.

Иллерицкий В.Е. О государственной школе в русской историографии // Вопросы истории. 1959. № 5. С. 141–159.

Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. – 192 с.

Иллерицкий В.Е. Советские историки о С.М. Соловьеве // Вопросы истории. 1981. № 11. С. 124–130.

Ильина К.А. Архивы попечителей учебных округов в Российской империи Биографии университетских архивов. М., 2017. С. 165–184.

Ильина К.А. В поисках идентичности: Университетский музей как исследовательская проблема (1960-е гг. – 2020 г.) // Вопросы музеологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 150–163.

Ильина К.А. Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX в.: дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2011. – 211 с.

Ильина К.А. За фасадом Уваровского классицизма: Карьерные стратегии филологов-классиков в университетах Российской империи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 80–92.

Ильина К.А. Защита диссертации С.П. Шевырева, или рождение «русского профессора» // Российская история. 2015. № 1. С. 74–89.

Ильина К.А. Информационные ресурсы попечителя учебного округа (первая четверть XIX в.) // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: Европейские традиции и российский контекст. СПб., 2009. С. 37–45.

Ильина К.А. Информация и профессиональная этика попечителя учебного округа (Казань, первая четверть XIX века) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. № 7(78). С. 111–117.

Ильина К.А. Как И.И. Дмитриев не стал попечителем учебного округа // Чтения Отдела русской литературы XVIII в. СПб., 2010. № 6. С. 220–224.

Ильина К.А. «Никто не может быть... профессором, не имея степени доктора»: Дискуссии о докторской диссертации Андрея Угянского // Труды Кольского научного центра РАН. 2021. Т. 12. № 4(21). С. 73–80.

Ильина К.А. Оценивание магистерских и докторских диссертаций в российских университетах первой половины XIX в. // Новое литературное обозрение. 2018. № 2(150). С. 116–128.

Ильина К.А. Практика рецензирования диссертаций по истории и филологии в университетах Российской империи первой половины XIX в. // Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX – середины XX вв.: Опыт и перспективы изучения: сб. ст. по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 г. Челябинск, 2016. С. 36–49.

Ильина К.А. Профессора и бюрократические коммуникации в Российской империи первой трети XIX в. // История и историческая память. 2011. № 4. С. 133–158.

Ильина К.А. Профессора классической филологии в Казанском университете в 1830 – 1870-е гг. // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI в.: материалы II Международной научно-образовательной конференции: в 2 т. Казань, 14–16 ноября 2019 г. Казань, 2020. С. 271–275.

Ильина К.А. Старые и новые авторитеты классической филологии в России 1830–1840-х гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2021. № 100. С. 17–31.

Ильина К.А. Траектории научной аттестации в российских университетах 1830-х годов: опыт защиты А.И. Чивилева // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 169–187.

Ильяшенко Н.А. Студенческий вопрос в Московском университете в конце XIX в. на страницах дневника М.С. Корелина // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 1 (56). С. 107–112;

Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.). Биограф. словарь / под общ. ред. А.Ю. Андреева; сост. А.М. Феофанов. М., 2011.

Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI в. // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 11–30.

Искендеров А.А. Основные черты и этапы кризиса буржуазной исторической науки // Новая и новейшая история. 1980. № 5. С. 41–59.

Историческая наука в Харьковском университете. Харьков, 1991. – 135 с.

История Московского университета. Т.1. М., 1955. – 563 с.

Итенберг Б.С. Россия и Великая французская революция. М., 1988. – 253 с.

Каганович Б.С. Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И.М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л., 1986. С. 198–216.

Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. – 135 с.

Каганович Б.С. И.М. Гревс – историк средневековой культуры // Городская культура средневековья и начала нового времени. Л., 1986. С. 216–235.

Каганович Б.С. Люди и судьбы: Д.И. Шаховской, С.Ф. Ольденбург, В.И. Вернадский, И.М. Гревс по переписке 1920–1930-х гг. // Звезда. 1992. № 5–6. С. 160–170.

Каганович Б.С. О генезисе идеологии Ольденбургского кружка и «Приютина Братства» // Русская эмиграция до 1917 г. – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 90–103.

Каганович Б.С. О.А. Добиаш-Рождественская и ее научное наследие // Французский ежегодник за 1982 г. М., 1984. С. 190–208.

Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 256–271.

Казаков А.П. Теория прогресса в русской социологии конца XIX в.: автореф. ... д-ра философ. наук. Л., 1969. – 38 с.

Каменский З.А. Московский кружок любомудров. М., 1980. – 327 с.

Камоско Л.В. Изменение сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30-80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 203–207.

Каплуновский А. «У меня в Москве есть повод быть довольным». Переписка Христина фон Шлецера с семьей. Жизненные миры университетриев, трансфер знания и культуры в России начала XIX в. / введ., коммент., общая ред. А. Каплуновского; пер. с нем. К. Левинсона. М., 2018. – 576 с.

Каратаев Н.К. Экономические науки в Московском университете (1755–1955). М., 1956. – 344 с.

Карев Д.В. История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М.К. Любавского // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 89–90.

Карев Д.В. Неопубликованное творческое наследие М.К. Любавского // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 301–314.

Карев Д.В. Участие академика М.К. Любавского в советском архивном строительстве // Советские архивы. 1978. № 2. С. 31–34.

Кареев Н.И. Историки французской революции. Т. III. Л.: Колос, 1923. – 306 с.

Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 136–154.

Кареев Н.И. Памяти двух историков // Анналы. 1922. № 1. С. 155–174.

Карсавин Л.П. Введение в историю. Теория истории. Пг., 1920.

Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966. – 232 с.

Киреева Р.А. Государственная школа: Историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004. – 506 с.

Киреева Р.А. Из истории советской исторической науки конца 1940-х гг.: Первое вето в научной жизни А.А. Зимины // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 222–228.

Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. – 264 с.

Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 г. М., 1983. – 216 с.

Киреева Р.А. О неосуществленном замысле А.А. Зимины // Труды Института российской истории РАН. 2015. № 13. С. 184–193.

Кирсанова Е.С. Историзм В.И. Герье // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1980.

Кирсанова Е.С. Историко-теоретические взгляды В.И. Герье: дис. ... канд. истор. наук. Томск, 1982. – 206 с.

Кирсанова Е.С. Критика В.И. Герье позитивизма // Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1979. С. 220–232.

Кирсанова Е.С. Консервативный либерал в русской историографии: Жизнь и историческое мировоззрение В. И. Герье. Северск, 2003. – 209 с.

Кирсанова Е.С. Образ Т.Н. Грановского в российской историографии второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 121–126.

Кирсанова Е.С. Проблема генезиса западноевропейского феодализма в лекционном курсе В.И. Герье (1870–1871) // Средние века. Вып. 45. М., 1982. С.196–210.

Киселева Ю.А., Антощенко А.В. Эмоциональный мир автобиографии С. М. Соловьева // Отечественная культура и историческая мысль. Вып. 5. / под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2019. С. 30–53.

Киселева Ю.А., Посохов С.И. Модусы вольнодумства: Заметки о развитии диссертационной культуры в Российской империи // Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сб. ст. по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 г. Челябинск, 2016. С. 49–69.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. – 440 с.

Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX вв. (итоги и задачи изучения) // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 18–35.

Ковальчук С.В. История и его история: Роберт Юрьевич Виппер // Русский мир и Латвия: альманах. 2011. № 25. С. 200–210.

Колесник И.И. И.Д. Беляев о географическом факторе в «Истории России» С.М. Соловьева // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения: сб. науч. тр. Днепропетровск, 1977. С. 92–101.

Колесник И.И. М.П. Погодин об «Истории России» С.М. Соловьева // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения: сб. науч. трудов. Днепропетровск, 1976. С. 98–103.

Колесник И.И. Poleмика вокруг «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева в русской дореволюционной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

Колесник И.И. Родовая теория С.М. Соловьева в оценке К.С. Аксакова // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения: сб. науч. тр. Днепропетровск, 1977. С. 73–82.

Колосова Э.В. К истории исторических обществ в России во второй половине XIX–XX вв. // Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. Т. 6. М., 1976. С. 166–181.

Колчинский Э.И. Наука и кризисы в XX в.: некоторые результаты сравнительного анализа // Реформы науки и техники в РФ и КНР: Итоги и перспективы: материалы Международного форума, Пекин, КНР, 17–18 октября 2005 г. СПб., 2009. С. 23–32.

Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. – 211 с.

Корзун В.П. Московская и питерская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова к С.Ф. Платонову // Отечественная история. 1999. № 2. С. 171–182.

Корзун В.П., Колеватов Д.М. Мемориальные и юбилейные события в жизни научного сообщества как культурные практики самоидентификации // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан. Материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 35-летию основания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, 20–22 октября 2009 г.). Омск, 2009. С. 197–200.

Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: Анализ отечественных историографических концепций Омск, 2000. – 226 с.

Коришанова О.Н. Страницы сотрудничества Московского и Казанского университетов в XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 2. С. 98–106.

Косминский Е.А. Изучение истории западного средневековья // Вестник Академии Наук. 1945. № 10.

Косминский Е.А. Столетие преподавания истории средних веков в Московском университете // Историк-марксист. 1940. Кн. 7.

Костина Т.В. К вопросу о численности и статусе первых академических студентов в Петербурге (1725–1732 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1(68). С. 32–44.

Костышин Д.Н., Рычаловский Е.Е. Лейпцигские ученые в Московском университете и их письма академику Г.Ф. Миллеру // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1999. М., 2000. С. 33–54.

Кошелев В.А. Парадокс «банного строения»: К литературной репутации М.Т. Каченовского // Литературный факт. 2017. № 4. С. 162–171.

Краснова Ю.В. Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX – начала XX вв.) // Мир историка. Омск, 2008. Вып. 4. С. 296–298.

Кривоноженко А.Ф. Академик М.К. Любавский по материалам «Академического дела» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 66–72.

Кривоноженко А.Ф. Отзыв М.А. Дьяконова о научной деятельности профессора Московского университета историка Матвея Кузьмича Любавского // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 299–301.

Кривошеев Ю.В. Научное наследие М.К. Любавского и современность // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 24–31.

Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994 № 3. С. 143–158.

Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–153.

Круг Е.Н. Детство и отрочество П.Г. Виноградова: Из семейной хроники / публ. и коммент. А.В. Антощенко // Мир историка. Омск, 2009. Вып. 5. С. 291–315.

Кручковский В.М. Политические настроения российского студенчества: 1905–1917 гг. // Интеллигенция и российское общество в начале XX в.. СПб., 1996. С. 98–113.

Кудрявцев И.А. «Вестник Европы» М.Т. Каченовского об «Истории Государства // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 22. М., 1965. С. 211–249.

Кузнецов А.А. К.Н. Бестужев-Рюмин, С.В. Ешевский и П.И. Мельников (Андрей Печерский) в 1840-е гг.: будущие историки и их учитель // Мир историка: Историографический сборник. Омск, 2015. С. 138–167.

Кузнецов А.А., Мельников А.В., Пудалов Б.М. Новые данные о судьбе нижегородского историка Кабанова // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. Н. Новгород, 2006. С. 160–164.

Кузнецов А.А. Очерк биографии и творчества С.В. Ешевского в связи с публикацией «Заметки о провансальской поэзии» // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени / под ред. А.Н. Маслова и А.А. Кузнецова. Н. Новгород, 2011. Вып. 2. С. 96–104.

Кузнецов А.А. С.И. Архангельский о своих учителях в автобиографических документах // Могущество памяти: Всемирная история и ее последователи: сб. ст. и сообщений / сост. и отв. ред. Л.П. Репина, Г.П. Мягков. Казань, 2022. С. 219–225.

Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М., 2006. – 336 с.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. – 288 с.

Кунц Е.В. М.Н. Муравьев – реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый хронограф, 2018. – 328 с.

Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. Дискурс, законодательство, реальность. М.: РОССПЭН, 2018. – 613 с.

Кучурин В.В. Жизнь и научное творчество С.М. Соловьева в отечественной историографии // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов / под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2019. С. 5–29.

Кучурин В.В. К характеристике научно-педагогических взглядов С.М. Соловьева // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. Брянск, 2019. С. 54–69.

Кучурин В.В. Начало формирования научно-педагогических взглядов С.М. Соловьева // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3. С. 96–100.

Кучурин В.В. С.М. Соловьев: Христианин и ученый. СПб.: ООО «Петрополис», 2001. – 116 с.

Кучурин В.В. Проблема взаимоотношения церкви и государства в трудах С.М. Соловьева // Власть. Оппозиция. Общество. СПб., 2001. С. 102–112.

Кучурин В.В. Проблемы религии и церкви в трудах С.М. Соловьева. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

Кучурин В.В. Религиозный мир С.М. Соловьева // Мир историка. Вып. 3. Омск, 2007. С. 107–136.

Кучурин В.В. [Слово о способах и путях, ведущих к просвещению] Х.А. Чеботарева: К характеристике педагогических взглядов и религиозно-просветительской деятельности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. № 3. С. 272–280.

Кучурин В.В. С.М. Соловьев: Верующий и ученый // Историческая мысль и история идей. Вып.6. Брянск, 1998. С. 172–184;

Кучурин В.В. С.М. Соловьев о свободе совести и веротерпимости // Право: история, теория, практика: сб. ст. и материалов. Вып. 2. Брянск, 1998. С. 149–152.

Кучурин В.В., Дубровский А.М. Наблюдения и размышления над программами курса лекций С.М. Соловьева в 1840-х – 1850-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 4 (38). С. 83–93.

Кучурин В.В., Дубровский А.М. Сергей Михайлович Соловьев: Научно-педагогические взгляды и преподавательская деятельность. Брянск, 2022. – 301 с.

Лазарев Я. А., Ившин В.С. Интеграция Малой России и ее статус в трудах Г.Ф. Карпова (1839–1890) // *Славяноведение*. 2021. № 2. С. 115–130.

Лайтко Г. Научная школа – теоретические и практические аспекты // *Школы в науке*. М., 1977. С. 217–247.

Лантева Л.П. История славяноведения в России в XIX в.. М.: Индрик, 2005. – 847 с.

Лантева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. – 839 с.

Лантева Л.П. Сведения по истории славистики и русско-чешских научных связей в переписке Н.А. Попова с А. Патерой // *Археографический ежегодник за 1981 г.* М., 1982. С. 290–298.

Лантева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в. М.: Изд-во Московского университета, 1997. – 292 с.

Лебедева Г.Е. А. П. Рудаков и российская медиевистика начала XX в. // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. 2000. № 2. С. 40–61.

Левандовский А.А. Герцен слушает Грановского // *Левандовский А.А.* Личный интерес. Исторические очерки. Эссе. Воспоминания. М., 2021. С. 144–151.

Левандовский А.А. Зачем нужна история, или феномен Грановского // *Левандовский А.А.* Личный интерес. Исторические очерки. Эссе. Воспоминания. М., 2021. С. 127–143;

Левандовский А.А. Либерализм как свойство личности (образ Т.Н. Грановского в пореформенной публицистике) // *Левандовский А.* Железный век. М., 2000. С. 67–73.

Левандовский А.А. Т.Н. Грановский: «...Мы стали на пороге Европы наблюдателями» // *Левандовский А.А.* Побег с вертикали. Псков, 2005. С. 359–374.

Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М.: Изд-во МГУ, 1989. – 251 с.

Левандовский А.А. Умиритель студентов // *Железный век*. М., 2000. С. 131–141.

Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М.: Мысль, 1971. – 366 с.

Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в России в 1900–1917 гг. М., Мысль, 1981. – 287 с.

Леонидова О.А., Иванова Т.Н. П.Н. Ардашев: Материалы к научной биографии // Эпоха Великой французской революции: Проблемы истории и историографии. Чебоксары, 1989. С.76–92.

Леонтьева О.Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX – XX вв. в понимании современной историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 3. С. 68–75.

Ливанов Т.Г. Матвей Кузьмич Любавский: Хроника жизни // Очерк истории литовско-русского государства до люблинской унии включительно. СПб., 2004. С. 5–13.

Лозинский З.Б. Историк великодержавной России С.М. Соловьев // Русская историческая литература в классовом освещении. Т. 1. М., 1927. С. 205–276.

Лубский А.В. Памяти Сергея Михайловича Соловьева // История СССР. 1980. № 3. С. 220.

Макушин А.В. Из истории университетской деятельности П.Н. Милюкова // Российские университеты в XIX – начале XX века. Воронеж, 1993. С. 123–139.

Макушин А.В. Участие П.Н. Милюкова в деятельности научных обществ при Московском университете // Российские университеты XVIII–XX в.: сб. науч. ст. Воронеж, 1994. Вып. 4. С. 144–148.

Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: Труды и дни. Рязань: Издатель Трибунский П.А., 2001. – 438 с.

Малинов А.В. Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX – начала XX в. СПб.: Интерсоцис, 2009. – 334 с.

Малинов А.В. Павел Гаврилович Виноградов. Социально-историческая и методологическая концепция. СПб.: СПб. Политехнич. университет, 2005. – 213 с.

Малинов А.В. Философия и методология истории в России. СПб.: Интерсоцис, 2015. – 380 с.

Малюгин О.И. Н.М. Никольский и создание первого советского учебника по древней истории для школ // Сб. науч. ст. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященный 85-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / под общ. ред. проф. Я.Г.Солодкина, Л.В. Алексеевой. Нижневартовск, 2015. С. 218–219.

Малютин О.И. Смоленский период в жизни и деятельности Н.М. Никольского (по архивным материалам и воспоминаниям современников) // Россия и Беларусь. История и культура в прошлом и настоящем. 2016. С. 112–123.

Мандрик М.В. На службе Клио: Академики М.К. Любавский и Ю.В. Готье // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013 № 12. С. 46–65.

Мандрик М.В. Д.М. Петрушевский и его учителя: К вопросу о личных и научных взаимоотношениях // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 63–64.

Маслова Н.В., Агеева И.В. Русская история в научном наследии Т.Н. Грановского // Отечественная история. 1993. № 4. С. 73–84.

Маурер Т. «Барометры» или «Маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М.: РОССПЭН, 2015. – 527 с.

Мегем М.Е., Вакар М. Дореволюционная и советская историография средневековой Литвы в трудах современных российских историков // Балтийский регион. 2014. № 4(22). С. 126–136.

Мегем М.Е. История Литвы в дореволюционной отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 68–76.

Мельгунов С. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М.: журнал «Правда», 1904. – 71 с.

Мельгунов С. Студенческие организации 80-90-х гг. в Московском университете: По архивным данным. М.: Свободная Россия, 1908. – 103 с.

Мельников А.В. М.М. Богословский в воспоминаниях современников // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 280–300.

Мельников А.В. Неизданная работа А.Н. Сперанского об исторической науке в Московском университете // Археографический ежегодник за 1997 г. М., 1998. С. 352–359.

Мельников А.В. С.Ф. Платонов: Неизданный некролог М.М. Богословскому // Археографический ежегодник за 1998 г. М., 1999. С. 388–392.

Мельников А.В. Архивное наследие академика М.М. Богословского (1867–1929 гг.): Реконструкция и научное использование: дис. ... канд. истор. наук. М., 2006. – 340 с.

Мерцалов А.Н. В поисках исторической истины: Очерк методологической критики буржуазной историографии. М.: Мысль, 1984.

Мещенина А.А. Труды М.К. Любавского и особенности преподавания истории Юга России // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 127–135.

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. – 306 с.

Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 11–28.

Михайлов Ю.А. Американская буржуазная революция XVIII в. в историографической традиции дореволюционной России // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Казань, 1974. Вып. 3. С. 125–149.

Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М.: Прометей; Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1996. – 186 с.

Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии: (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики) М.: Прометей; Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1997. – 228 с.

Могильницкий Б.Г. Е.А. Косминский как историк исторической науки // Средние века. Вып. 43. М., 1960. С. 304–319.

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли как предмет историографического исследования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 233–243.

Могильницкий Б.Г. К вопросу об идейно-методологических основах научных работ Д.М. Петрушевского // Труды Томского университета. Т. 136. Томск, 1957. С. 173–182.

Могильницкий Б.Г. К вопросу об эволюции концепции Д.М. Петрушевского о восстании Уота Тайлера // Труды Томского университета. Т. 171. Томск, 1963. С. 142–158.

Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 900-х гг. Томск: Изд-во Томского университета, 1969. – 408 с.

Могильницкий Б.Г. Изучение методологии истории и историографии всеобщей истории в Томском государственном университете (1957–1982) // Гуманитарные исследования в Сибири: Итоги и перспективы. Новосибирск, 1984. С. 63–72.

Моисеев Л.С. Архивные материалы о жизни и научном творчестве Павла Гавриловича Виноградова // Исследования по археографии и источниковедению отечественной истории XVI–XX вв. Днепрпетровск, 1990. С. 118–123.

Моисеев Л.С. Об исследовательских принципах русского медиевиста П.Г. Виноградова // История и историки: Историографический ежегодник. 1981 / отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1985. С. 294–218.

Моисеев Л.С. Патриарх российской медиевистики: Жизнь и научное творчество П. Г. Виноградова. Симферополь: Реноме, 2000. – 181 с.

Моисеев Л.С. Слово о Павле Гавриловиче Виноградове // История и историки. М., 1995. С. 213–229.

Мохначева М.П. Автографы программ публичных лекций ученых Московского университета (1840–1860-е гг.) // Археографический ежегодник за 1997 г. М., 1998. С. 128–138.

Мохначева М.П. Публичные лекции Н.П. Вагнера и Н.И. Кареева о теории исторического процесса // Археографический ежегодник за 1998 г. М., 1999. С. 126–133.

Муравьев В.А. Революция 1905–1907 г. и русские историки (к постановке проблемы) // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 68–74.

Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казанского университета, 1988. – 198 с.

Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Опыт «Русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. – 295 с.

Мягков Г.П., Иванова Т.Н. Школа В.И. Герье: Основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 165–185.

Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003.

Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. М., 1965. С. 6–28.

Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая наука в классовом освещении. Т. 2. М., 1930. С. 217–351.

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М. Наука, 1974. – 635 с.

Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, Б/и 2003. – 348 с.

Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2008. – 303 с.

Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Модернизация древней истории в творчестве Р.Ю. Виппера и В.П. Бузескула // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 2 (55). С. 96–100.

Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Особенности научного мировоззрения М.М. Хвостова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 4. С. 56–74.

Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Р.Ю. Виппер и историческое образование: Вопросы дидактики // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. С. 42–48.

Очерки по истории Московского университета // Ученые записки МГУ. Вып. 50. Т. 1–2. М., 1940.

Павленко Н.И. Историческая наука в прошлом и настоящем (Некоторые размышления вслух) // История СССР. 1991. № 4. С. 81–99.

Панеях В.М. Б.А.Романов: письма друзьям и коллегам // Отечественная история. 1993. № 3. С. 15–54.

Панеях В.М. О Петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000, № 5. С. 105–113.

Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Парсамов В.С. «История императорского Московского университета» С.П. Шевырева: Исторический нарратив в политическом контексте. препринт. М., 2013. – 34 с.

Парсамов В.С. «История Императорского Московского университета» С.П. Шевырева: от скандала к юбилею // Российская история. 2015. № 1. С. 89–112.

Пекарский П.Н. История императорской Академии наук. Т. 1–2. СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1870–1873.

Перфилова Т.Б. Образ античной истории в «умственных разрезах» Р.Ю. Виппера. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2006. – 306 с.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 г. М.: Изд-во Московского университета, 2002. – 404 с. Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. М., Изд-во Московского университета, 2002. – 815 с. ; Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 г. М.: Изд-во Московского университета, 2003. – 479 с. ; Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х г. Ч. 1. Профессура. М.: Изд-во Московского университета, 2003. – 583 с.; Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х гг. Ч. 2. Студенчество. М.: Изд-во Московского университета, 2003. – 463 с.

Петров Ф.А. Зарождение системы университетского образования в России // Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия / под ред. В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. М., 1997.

Петров Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете. М.: Христианское изд-во, 1997. – 142 с.

Петров Ф.А. Либеральная профессура Московского университета в годы второго демократического подъема // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. 1975. № 1. С. 68–81.

Петров Ф.А. М.П. Погодин и кафедра Российской истории Московского университета. М., 1995. – 157 с.

Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. – 180 с.

Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1–3. Л., 1961–1971.

Пискунов И.В. Как стать российским приват-доцентом? // Диалог со временем. 2015. № 51. С. 243–260;

Пискунов И.В. Правовое положение приват-доцентов российских университетов (1803–1884) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4(59). С. 98–116;

Пискунов И.В. Проблемы развития российской приват-доцентуры в дискуссии по университетскому вопросу 60-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2015. № 1. С. 29–41.

Погодин С.Н. Научные школы в исторических науках // Клио. 1998. № 2. С. 14–26.

Погодин С.Н. В.И. Герье в исторической литературе // Фигуры истории или «общие места» историографии. СПб.: Изд-во «Северная звезда», 2005. С. 248–302.

Покровский М.Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Вестник социалистической академии. 1923. № 2. С. 55–91.

Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923.

Покровский М.Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1. С. 40–54.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / под ред. В.А. Лекторского, В.А. Аршинова; пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М.: Прогресс, 1995. – 344 с.

Попов А.С. Школа Ключевского, синтез истории и социологии в российской историографии: дис. ... д-ра истор. наук. Пенза, 2002. – 400 с.

Посохов С.И. Организация научной работы студентов в университетах российской империи: Проблемы историографии // Российские университеты в XVIII – начале XX в.: сб. науч. ст. Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 189–198.

Посохов С.И. «Актовые речи» профессоров российских университетов второй половины XVIII – первой трети XIX в. как исторический источник и памятник // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 08–09 октября 2015 г. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2015. С. 197–200.

Посохов С.И. Диссертация = бюрократическая наука? (или заметки по поводу «вечных проблем») // Мир историка : Историографический сборник. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2010. С. 220–232.

Посохов С.И. Профессорский стиль и качество жизни в университетских городах Российской империи первой половины XIX в. // Tractus Aevorum: Эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1. № 1. С. 78–96.

Посохов С.И. Традиции проповеди в актовых речах профессоров университетов Российской империи (вторая половина XVIII – первая треть XIX века) // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 154–175.

Посохов С.И. Университетская реформа 1863 г. в ряду Великих реформ: историографический аспект // Мир историка: Историографический сборник. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2014. С. 81–102.

Посохов С.И. Университетский город в Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX вв. К вопросу о роли, степени и каналах немецкого культурного влияния // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 140–165.

Посохов С.И. Университеты Российской империи в советской историографии: системообразующие метафоры и тематические сдвиги // Мавродинские чтения 2018: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина, Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 г. / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: ООО «Нестор-История», 2018. С. 590–593.

Посохов С.И. Университеты Российской империи в советской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 4. С. 1238–1255.

Посохова Л.Ю. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М.: РОССПЭН, 2016. – 550 с.

Посохова Л.Ю., Посохов С.И. На пути к университету: Православные коллегиумы и местное общество (XVIII – начала XIX в.) // Европейские традиции в истории высшей школы в России: От доуниверситетской модели к университетам: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Салоников. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2018. С. 103–111.

Рагозина Н.Н. Матвей Кузьмич Любавский. Жизнь и творческая деятельность // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.16. Рязань, 2008. С. 132–140.

Ретина Л.П. В.И. Герье и его научная школа: Макро- и микроверсии становления науки всеобщей истории в России: Отзыв на диссертацию Т.Н. Ивановой «Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в.)», представленную на соискание ученой степени д-ра истор. наук (специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования) // Мир

историка: Историографический сборник. Вып. 11. Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2017. С. 58–69.

Ретина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI в. // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 12–22.

Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. – 559 с.

Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: URSS, 2009. – 316 с.

Ретина Л.П. Персональная история: Биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 7–13.

Ретина Л.П. Т.Н. Грановский и идея всеобщей истории в России // Историческая культура императорской России: Формирование представлений о прошлом: коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. С. 52–73.

Ретина Л.П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. 2017. № 60. С. 142–152.

Ретина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2014. № 3. С. 137–142.

Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 645 с.

Рогов К.Ю. К истории «московского романтизма»: Кружок и общество С.Е. Раича // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 523–576.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб.: Мин-во народного просвещения, 1902. – 785 с.

Романов Ю.В. Наука и власть: Наследие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-99». История. М., 1998. С. 76–80.

Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: Корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2 (2009). P. 75–121.

Ростовцев Е.А. Историки Санкт-Петербургской Духовной Академии (1869–1917 гг.): опыт коллективного портрета // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 95. С. 70–93.

Ростовцев Е.А. Историческая наука Петрограда–Ленинграда в условиях социальной трансформации (1917–1934) // *Вестник РФФИ*. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 49–60.

Ростовцев Е.А. В.О. Ключевский и петербургская историческая школа на рубеже XIX–XX вв // В. О. Ключевский: воспоминания и исследования. СПб., С. 169–218.

Ростовцев Е.А. Коммеморации столичного университета (1819 – 1919) // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2022. № 15. P. 137–158.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: Издатель Трибунский П.А., 2004. – 307 с.

Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. – 903 с.

Ростовцев Е.А. Юбилей и памятные даты А.С. Лаппо-Данилевского // *Журнал Социология науки и технологий*. 2019. № 4. С. 207–218.

Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Столичная и провинциальная профессура российских университетов: опыт просопографического исследования (1884–1917) // *Вопросы истории*. 2020. № 11 (2). С. 237–249.

Ростовцев Е.А., Потехина И.П. Школа А.С. Лаппо-Данилевского // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. Т. XXII. №5. С. 12–37.

Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Миф о Кассо // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2019. № 57. С. 14–22.

Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Младший партнёр? Юрьевский университет второй половины XIX– начала XX вв. в судьбах столичных универсантов // Клио. 2020. № 11(167). С. 94–109.

Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. – 659 с.

Рубинштейн Н.Л. С.М. Соловьев и русская историческая наука // Вопросы истории. 1945. №3/4. С. 57–71.

Рубинштейн Н.Л. Сергей Михайлович Соловьев. 1820–1879 // Историк-марксист. 1940. №3 (79). С. 92–113.

С.М. Соловьев. Персональный указатель литературы. М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 200 с.

Савич А.Л. Педагогическое общество при Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. История. 1953. № 10.

Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в работах М. С. Корелина. М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 152 с.

Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М.: Изд-во Московского университета, 1976. – 222 с.

Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М.: Изд-во Московского университета, 1995. – 271 с.

Сахаров А.М. История России в трудах С.М. Соловьева // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1971. № 3. С. 73–87.

Сватиков С.Г. Русские университеты и их историческая библиография. Пг.: типография «Научное дело», 1915. – 20 с.

Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 415 с.

Свешников А.В. Миф о Грановском. Попытка дискурсивного анализа // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / под ред. Л.П. Репиной. М. 2006. С. 69–81.

Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX в. // Расписание

перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880–х – 1930-е гг.). М., 2012. С. 849–887.

Семенников Л.И., Буданов М.П. Служение отечеству и науке (административная деятельность С.М. Соловьева в Московском университете) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2005. № 1. С. 37–52.

Сидоров А.В. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Московский университет и судьбы российской интеллигенции. Материалы международной конференции. М., 2004. С. 21–32.

Сидоров А.В., Старостин Е.В. М.К. Любавский // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 369–377.

Сидорякина Т.А. Жизнь после смерти: Мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX в. // Мир историка: Историографический сборник / под. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск, 2011. С. 95–109.

Ситник В.С. М.Н. Коваленский – историк и педагог. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1976. – 75 с.

Скворцова Т.Н. В.И. Герье и М.С. Корелин. Средневековый город: межвузовский сб. науч. тр. Вып. 17. Саратов, 2006. С. 202–209.

Скворцова Т.Н. М.С. Корелин: Путь к ренессансу // Биография как вид исторического исследования. Тверь, 1993. С. 166–172.

Слонимский А.Г. Основание исторического общества при Петербургском университете // Ученые записки исторического факультета Таджикского государственного университета. Вып. 1. Душанбе, 1982. С. 22–41.

Первухина-Камышникова Н.М. В.С. Печерин. Эмигрант на все времена. М.: Языки русской культуры, 2006. – 334 с.

Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России Л.: Наука, 1983. – 262 с.

Соловьева М.А. С.М. Соловьев как историк истории исторической мысли. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1984. – 206 с.

Сорокин В.В. История библиотеки Московского университета. М.: Изд-во Московского университета, 1980. – 254 с.

Станкевич А.В. Тимофей Николаевич Грановский (Биографический очерк). М., типография Грачева и К., 1869. – 306 с.

Старкова Н.Ю. Проблемы истории Древней Спарты в трудах казанских антиковедов рубежа XIX–XX вв. // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: сб. науч. ст. и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинцев. Казань, 2005. С. 266–273.

Степанский А.Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204–208.

Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 38–55.

Сухова Н.Ю. Диссертационные диспуты как форма научной работы в Православных Духовных Академиях России в 1869–1884 гг. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. II:3 (36). С. 21–35.

Тихомирова О.В. Михаил Сергеевич Корелин (1855–1899) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века / отв. ред. Г.Н. Севастьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М., 2004. С. 513–520.

Тихонов В.В. Московская и петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва–Петербург» (конец XIX – начало XX вв.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2013. № 2. С. 344–378.

Тихонов В.В. «В истории так мало незыблемых истин...» (К 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева // История и историки. 2008. Историографический вестник. М., 2010. С. 290. 289–317.

Тихонов В.В. «Ключевскиада» М.В. Нечкиной // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 238–248.

Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX в. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М.: Институт российской истории РАН, 2012. – 387 с.

Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в. М.: Изд-во Московского университета, 1958. – 336 с.

Тольц В.С. Материалы М.К. Любавского по истории Башкирии // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 221–232.

Томсинов В.А. Сергей Андреевич Котляревский // *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX вв.: очерки жизни и творчества. М., 2015. С. 143–192.

Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М.: Новый Хронограф, 2014. – 346 с.

Трохимовский А.Ю. Политика Министерства Народного Просвещения по подготовке молодых ученых за границей. 1856–1881 гг. // Вестник Московского Государственного университета. Серия 8. История. 2007. № 1. С. 67–76.

Умбрашко К.Б. «Нелепые толки нашего времени...»: М.П. Погодин против М.Т. Каченовского // Мир историка: Историографический сборник. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2014. С. 295–334.

Умбрашко К.Б. «Скепетическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в. Т. I–II. М., 2006.

Умбрашко К.Б. «Скепетическая школа» в русской историографии первой половины XIX в.: Оформление и персоналии // Клио. 2005. № 2(29). С. 49–59.

Умбрашко К.Б. М.Т. Каченовский: «Скептик» на фоне эпохи // Между прошлым и будущим: Вопросы истории и исторического образования: сб. науч. и публицистических трудов / под редакцией В.А. Зверева. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2000. С. 42–54.

Умбрашко К.Б. Развитие историографической мысли в XIX в. (на примере творчества М.Т. Каченовского и его учеников) // Мир историка: Историографический сборник. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2013. С. 177–208.

Умбрашко К.Б. Россия и Европа: диалог М.П. Погодина и М.Т. Каченовского // Восток – Запад: Проблемы взаимодействия. Исторический, политический, социальный и религиозный аспекты: материалы Всероссийской научно-

практической конференции, Новосибирск, 27–28 мая 2013 г. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2013. С. 92–105.

Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. / под ред. А.Ю. Андреева и С.И. Посохова. М., 2012. – 671 с.

Университет и город в России (начало XX в.): сб. / под ред. Труде Маурер и Александра Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 777 с.

Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX вв.: Антология: учеб. пособие для вузов / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. – 527 с.

Фандо Р.А. Карикатуры на ученых: проблемы источниковедческого анализа // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 43. № 3. С. 490–512.

Фандо Р.А. Князь Е.Н. Трубецкой и решение «университетского вопроса» // Вестник Томского университета. История. 2021. № 74. С. 78–86.

Фандо Р.А. «Национальные рефлексии» ученых как стимул и мотивация для проведения историко-научных исследований // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 71–89 (в соавторстве с А.Н. Родным).

Фандо Р.А. Народные университеты Российской Империи: от популяризации к организации науки. М.: Янус-К, 2020. 344 с.

Фандо Р.А. Фельетоны и карикатуры на ученых как исторические источники // Вопросы истории естествознания и техники. 2020. Т. 41. № 4. С. 717–745.

Фандо Р.А. Читательский интерес студенчества дореволюционной России // Библиотекосведение. 2020. Т. № 69. № 1. С. 43–53.

Фандо Р.А. Деятельность Петра Ивановича Макушина на поприще библиотечного дела и народного образования // Библиотекосведение. 2019. Т. № 68. № 5. С. 505–516.

Фандо Р.А. А.Л. Шанявский и его проект Московского городского народного университета // ЛОКУС. 2019. № 2. С. 42–57.

Фандо Р.А. Культурно-просветительская деятельность Московского общества народных университетов // Всеобщая история. 2019. № 2. С. 50–56. (ВАК)

Фандо Р.А. Университет имени А.Л. Шанявского в эпицентре революционного движения // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1092–1102.

Федоров М.Г. Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1972. – 162 с.

Фешкин В.Н. Научная деятельность М. К. Любавского в Башкирии // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 73–82.

Филаткина Н.А. Династия Бахрушиных: эволюция московских предпринимателей XIX – начала XX в. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2006. – 348 с.

Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.И. Герье: Опыт реконструкции межличностных коммуникаций // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 178–179.

Филимонов В.А. Н.И. Кареев и М.С. Корелин. Коммуникация в рамках греко-римского дискурса // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН (ИВИ), 2014. С. 138–62.

Филин М.Д. Дневниковые записи А.Н. Савина о В.О. Ключевском // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1979. С. 327–332.

Формозов А.А. Воспоминания И.Е. Забелина о Т.Н. Грановском // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 100–105.

Хмылев Л.Н. Становление методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – XX вв.: автореф. ... д-ра истор. наук. Томск, 1985.

Хмылев Л.Н. Проблемы методологии и истории в русской буржуазной историографии конца XIX – нач. XX вв. Томск.: Изд-во Томского университета, 1972. – 172 с.

Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. – 525 с.

Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. – 256 с.

Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии в период империализма: Исторические очерки. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. – 336 с.

Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70 гг. Л.: АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отделение, 1971. – 250 с.

Цамутали А.Н. Первый том «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева в оценке современников // История и историки: Историографический ежегодник, 1971. М., 1973. С. 274–292.

Цетлин Л.С. Из истории научной мысли в России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 277 с.

Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М.: Молодая гвардия, 1990. – 366 с.

Цыганков Д.А. Авторитет учителя и научные конфликты в сообществе московских историков в конце XIX – начале XX вв. // Клио. 2016. Т. 116. № 8. С. 54–61.

Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи. Вторая половина XIX – начало XX вв. М.: Изда-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2008. – 254 с.

Цыганков Д.А. В.И. Герье о Московской городской думе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Т. 71. № 4. С. 139–149.

Цыганков Д.А. Воспоминания профессора В.И. Герье. 1894 г. в истории Московского университета // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. 2011. № 1 (38). С.131–152.

Цыганков Д.А. Галопом по Европам // Родина. 2016. № 8. С. 102–103.

Цыганков Д.А. Исследовательские традиции московской и петербургской школ историков // История мысли. Русская мыслительная традиция. М., 2005. С. 66–77.

Цыганков Д.А. История как наука и философия истории в трудах В.И. Герье // История мысли. Историография. М., 2002. С. 81–92.

Цыганков Д.А. К вопросу о причинах частной благотворительности на нужды образования в Москве // XX Ежегодная Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2010. Т. 2. С. 86–88.

Цыганков Д.А. М.К. Любавский и организация 200-летнего юбилея со дня рождения М.В. Ломоносова в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 5. С. 95–113.

Цыганков Д.А. Московский университет в городском пространстве начала XX в. // Университет и город в России (начало XX в.): сб. / под ред. Труде Маурер и Александра Дмитриева. М., 2009. С. 371–459.

Цыганков Д.А. М.С. Корелин как преподаватель высшей школы // Клио. 2017. Т. 130. № 10. С. 167–174.

Цыганков Д.А. Мировоззренческие основы профессорского служения С.М. Соловьева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2021. № 99. С. 36–49.

Цыганков Д.А. Попечитель в России: Между ценностями европейской науки и государственной службы // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв.: сб. ст. науч. конф. (III Арсентьевские чтения). Чебоксары, 2010. С. 551–565.

Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., РОССПЭН. 2010. – 501 с.

Цыганков Д.А. Профессор всеобщей истории В.И. Герье (1837–1918) // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 219–230.

Цыганков Д.А. С.М. Соловьев в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 5. С. 24–47.

Цыганков Д.А. Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4. С. 117–132.

Цыганков Д.А. Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е – начале 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. № 1. С. 47–62.

Цыганков Д.А. Т.Н. Грановский в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 93. С. 57–76.

Цыганков Д.А. Традиции Т.Н. Грановского и формирование «московской школы историков»: Складывание профессиональной среды в Московском университете как проблема трансфера культур // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университетский Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в.: сб. ст. / отв. сост. А.Ю. Андреев; отв. ред. Серии А.В. Доронин. М., 2009. С. 222–244.

Цыганков Д.А. Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. № 3. С. 120–134.

Цыганков Д.А. Упившись винами до бесстыдства // Родина. 2014. № 9. С. 73–76.

Цыганков Д.А. Формирование профессорской субкультуры в России второй половины XIX в. и миф о Т.Н. Грановском // XXI Ежегодная Богословской конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2011. Т. 2. С. 123–125.

Цыганков Д.А. Юбилейные истории // Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Репринтное издание / под ред. И.И. Тучкова, А.Ю. Шутова; предисл. В.А. Садовниченко. М., 2017. С. V–XII.

Цыганков Д. А. Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924 гг.) // Отечественные архивы. 2022. № 2. С. 122–127.

Цыганков Д.А. Robert Wipper and the Community of the Moscow Historians in Pre-revolution Time // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2019. Vol. 64. №. С. 222–234.

Цыганков Д.А. Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. М: Политическая энциклопедия. М., 2014. – 671 с.

Цыганков Д. А., Андреев А. Ю., Наумов П. Ю. Крыловская история: формирование этики профессорского служения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Т. 94. С. 112–130.

Черепнин Л.В. Академик Михаил Михайлович Богословский // Исторические записки. Т. 93. М., 1974. С. 223–271.

Черепнин Л.В. С.М. Соловьев как историк // *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. В 15-ти кн. Кн. 1. М., 1959. С. 5–51.

Черказьянова И.В. Академические ученые в роли государственных чиновников (на примере попечителей учебных округов) // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX в. СПб., 2010. С.102–134.

Чернов С.Л. «Голый король» // Casus Владимира Печерина. СПб., 2016. С. 7–90.

Чернов С.Л. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим // Печерин В.С. Apologia pro vita mea. СПб., 2011. С. 5–40.

Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50–70-х годах XIX в. // Российские университеты в XIX – начале XX века: сб. науч. ст. Воронеж, 1993. С. 70–88.

Чесноков В.И. К вопросу о влиянии устава 1884 г. на университетское историческое образование в России // Российские университеты в XVIII–XX вв. Вып. 4. Воронеж, 1999. С. 50–70.

Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х гг. XIX в. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 207 с.

Чесноков В.И. Правительство и процесс учреждения научно-исторических обществ в России 60–70-х гг. XIX в. // Историографический сборник. Вып. 16. Саратов, 1994. С. 150–167.

Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России (по университетским уставам 1804–1869 гг.) // Российские университеты в XIX – начале XX в. Воронеж, 1993. С. 18–38.

Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX – нач. XX в. Вып. 2. Воронеж, 1996. С. 3–29.

Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России: Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 113–137.

Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 19–27.

Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX в. М.: Новое издательство, 2005. – 325 с.

Шарова А.В. Александр Николаевич Савин: Неизвестная жизнь известного историка // Одиссей. Человек в истории. 2012. С. 212–243.

Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в. Московский и Петербургский университеты. М.: Наука, 2003. – 417 с.

Шаханов А.Н. Историк С.М. Соловьев и открытие высших женских курсов в Москве // Россияне. 1995. № 1. С.135–137.

Шаханов А.Н. Архив С.М. Соловьева // Записки отдела рукописей / Гос. Библиотека им. В.И. Ленина. Вып. 45. М., 1986. С. 27–46.

Шаханов А.Н. Вопросы среднего исторического образования в творческом наследии С.М. Соловьева // Преподавание истории в школе. 1989. №4. С. 21–28.

Шаханов А.Н. Вклад С. М. Соловьева в развитие русской буржуазно-либеральной историографии: дис. ... канд. истор. наук. М., 1989.

Шаханов А.Н. Записи лекционных курсов как исторический источник // Советские архивы. 1990. № 6 С. 31–35.

Шаханов А.Н. Из прошлого преподавания истории // Преподавание истории в школе. 1988. №4.

Шаханов А.Н. С.М. Соловьев – наставник университетской молодежи // Педагогика. 1999. № 2. С. 69–76.

Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки: Историографический ежегодник. 2002 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2002. С. 96–137.

Шаханов А.Н. Становление ученого // *Соловьев С.М.* Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 137–216.

Шевцова Г.В. Общественно-педагогическая мысль в России конца XIX – начала XX вв. // Учебные записки рязанского педагогического института. Т. 29. Рязань, 1961. С.76–88.

Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855. Репринт. М., 1998.

Ширинкина Т.Г. Проблема критики провиденциализма С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским: Дис. ... канд. филос. наук. Л., 1984. – 183 с.

Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // *Шмидт С.О.* Пути историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 177–205.

Шмидт С.О. Путь историка. М.: РГГУ, 1997. – 612 с.

Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX в. М.: Памятники исторической мысли, 1999. – 522 с.

Шульгина Н.В. Историческая концепция С. В. Ешевского: дис. ... канд. истор. наук. 07.00.09. М., 1997. – 270 с.

Шульгина Н.В. С.В. Ешевский: Взаимовлияние культур как фактор исторического развития // Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1997. С. 104–126.

Щетинина Г.И. С.М. Соловьев: Факты биографии // История и историки: Историографический ежегодник, 1979. М., 1982. С. 350–365.

Щетинина Г.И. Идейная жизнь русской интеллигенции. Конец XIX – начало XX в. М.: Наука, 1995. – 235 с.

Щетинина Г.И. Университеты в России и Устав 1884 г. М.: Наука., 1976. – 231 с.

Эвенчик С.Л. Высшие женские курсы в Москве // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. М., 1972. С. 4–99.

Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX в. М.: Наука, 1993. – 270 с.

Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России: (50-60-е гг. XIX в.). М.: Ин-т российской истории РАН, 1998. – 405 с.

Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: От крепостничества к капитализму. М.: Наука, 1985. – 350 с.

Эймонтова Р.Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки. Т. 70. М., 1961. С. 163–196.

Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 45–61.

Юдина С.В. Из истории студенческого движения в Московском университете в начале 1900-х годов // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1984. № 3. С. 45–55.

Якубский В.А. «Польское бескоролье» А.С. Трачевского и его историографический контекст // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего Нового времени. СПб., 2001. № 3. С. 146–164.

Якушкин В.В. Из истории русских университетов в XIX в. // Вестник воспитания. 1901. № 7.

”Die gespaltene Universität”. Moskauer Gelehrten 1911–1917 // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg (hrsg. T.Maurer). Pallas Athene. Beiträge zur Universitäts – und Wissenschaftsgeschichte. Bd.18. Franz Steiner Verlag Stuttgart, 2006. S. 159–176.

Baumgarten M. Professoren und Universitäten im 19 Jahrhundert. Zur Sozialgeschichte deutscher Geistes- und Naturwissenschaftler. Göttingen, 1997.

Bohn T. Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905. Pave/ N. Miljukov und die Moskauer Schule. Köln. Bohlau Verlag. 1998. XVIII, 473 S.

Disputatio 1200–1800: Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur / ed. by Marion Gindhart and Ursula Kundert. Berlin, New York.

Felipe Donald. Ways of disputing and principia in XVII th century. German disputationis handbooks // Disputatio 1200–1800: Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur. P. 34–61.

Ferrarotti F. On the Autonomy of the Biographical Method // Biography and Society. The Life History Approach in the Social Sciences. Beverly Hills, 1981.

Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Rußland und Deutschland im 18. Jahrhundert. Briefwechsel A.F.Büsching – G.F.Müller. 1751 bis 1783. (hrsg. von P.Hoffmann). Berlin, 1995.

Hecker H. Russische Universalgeschichtesschreibung. «Von den Vieziger Jahren» des 19. Jahrhunderts bis zur sowjetischen «Weltgeschichte» (1955–1965). München; Wien, 1983.

Kassow S. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley, Los Angeles, London, 1989.

Kassow S. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley, Los Angeles, London, 1989.

Koch J. F. W. (Hrsg.). Die preussischen Universitäten. Eine Sammlung der Verordnungen, welche die Verfassung und Verwaltung dieser Anstalten betreffen. Bd. 1. Die Verfassung der Universitäten im Allgemeinen. Berlin, 1839.

Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg (hrsg. T.Maurer). Pallas Athene. Beiträge zur Universitäts - und Wissenschaftsgeschichte. Bd.18. Franz Steiner Verlag Stuttgart, 2006.

Kuhn T.S. The structure of Scientific Revolutions. Chicago; London; Toronto; 1962.

Lehmann U. Der Gottschedkreis und Russland. Deutsch-russische Literaturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1966.

Lehmann U. Der Gottschedkreis und Russland. Deutsch-russische Literaturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1966.

Ljubavskij M.K Michail Michajlovic Bogoslovskij // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. Berlin, 1931. Bd. V (Neue Folge, Bd. 1). Hf. 1. S. 161–164.

Marti H. Disputation und Dissertation. Kontinuität und Wandel im 18. Jahrhundert // Disputatio 1200–1800: Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur / ed. by Marion Gindhart and Ursula Kundert. Berlin, New York: pp. 64–66, 68.

Maurer Trude. Hochschullehrer im Zarenreich. Köln; Weimar; Wien, 1998.

Maurer Trude. Hochschullehrer im Zarenreich. Köln; Weimar; Wien, 1998.

Merton R. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago, 1973.

Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. / под общей редакцией Д.А. Цыганкова. М., 2014.

Tiryakian E. The Significance of Schools in the Development of Sociologiy // Contemporary Issues in theory and Research. A Metasociological Perspective. Ed. by W.E. Snizen, E.R. Fuhrman, M.K. Miller. Westport, Con, London, 1979. P. 211–233.

Weijers O. Disputations at the medieval universities // Disputatio 1200–1800: Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur / ed. by Marion Gindhart and Ursula Kundert. Berlin, New York: pp. 21–23.

Weijers O. *La disputatio à la Faculté des arts de Paris (1200–1350 environ)*. Amsterdam, 1995.

Weijers O. *La disputatio à la Faculté des arts de Paris (1200–1350 environ)*. Amsterdam, 1995.